

Министерство образования и науки РФ
ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»
Центр исследований социально-трудовой сферы
Социологического института РАН
Межрегиональная общественная организация
«Академия Гуманитарных Наук»

К 100-ЛЕТИЮ НИЖЕГОРОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ИМ. Н.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

**ПОМОГАЮЩИЕ ПРОФЕССИИ:
НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ
И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

Нижний Новгород – 2016

УДК 316
ББК 60.5
С71

Рецензенты

*Козырьков
Владимир Павлович* – д.соц.н., профессор, заведующий кафедрой социологии культуры и духовной жизни факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

*Отделкина
Надежда
Тимофеевна* – Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области

С71 Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н.Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2016. – 865 с.

ISBN 978-5-93116-183-9

В сборнике представлены материалы научных исследований, обсуждавшихся на пленарном заседании и секциях международной научно-практической конференции «Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии» (15-16 сентября 2016 г., г. Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского).

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, аспирантов и студентов, практических работников образовательных и социальных учреждений и общественных организаций.

ISBN 978-5-93116-183-9

ББК 60.5

© Изд-во НИСОЦ, 2016.

В международной научно-практической конференции «Помогающие профессии: научное обоснование и инновационные технологии» участвовали исследователи, специалисты и практики из 16 стран (Россия, Украина, Беларусь, Казахстан, Молдова, Таджикистан, Латвия, Польша, Финляндия, Швеция, Испания, Германия, Израиль, Бразилия, Руанда, Алжир), 30 городов Российской Федерации, 55 вузов, 21 исследовательского центра и учреждения социальной сферы.

ЦЕЛИ КОНФЕРЕНЦИИ: обсуждение на пленарном заседании и секциях результатов исследований становления, функционирования и совершенствования помогающих профессий: социологии, социальной работы, психологии, педагогики, юриспруденции, медицины. Помогающих и человеку, и социуму в их взаимодействии. На конференции обсуждались следующие проблемы: содержание труда специалистов помогающих профессий; ресурсность специалистов помогающих профессий; инновационные технологии в деятельности профессиональных социальных работников; традиции и инновации в профессиональной деятельности в сфере образования; технологии формирования профессионального самосознания студентов помогающих профессий; психологическая характеристика представителей помогающих профессий; тенденции развития профессиональной деятельности специалистов системы здравоохранения; национальная специфика функционирования специалистов в сфере юриспруденции; проблемы взаимодействия специалистов помогающих профессий с клиентами; семья в фокусе помогающих профессий. Проблемы рассмотрены в международном, национальном и региональном аспектах.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ КОМИТЕТ

- Чупрунов**
Евгений Владимирович – ректор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, *председатель оргкомитета*
- Саралиева**
Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, *зам. председателя оргкомитета*
- Блониин**
Владимир Александрович – декан факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Сайгин**
Вадим Викторович – первый проректор – проректор по экономическому и инновационному развитию Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Боссонг**
Хорст – декан социально-педагогического факультета университета Дуйсбург-Эссена, Германия
- Казанцев**
Виктор Борисович – проректор по научной работе Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Авралев**
Никита Владимирович – проректор по связям с общественностью Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Климова**
Светлана Гавриловна – ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, г. Москва
- Рыхтик**
Михаил Иванович – директор института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Тукумцев
Будимир Гвидонович

– научный руководитель Центра исследований социально-трудовой сферы, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН, г. Санкт-Петербург

Махлай
Светлана Николаевна

– начальник управления информатизации Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Цыганов
Виктор Иванович

– декан юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Члены редколлегии:

- Бекарев Адриан Михайлович – д. филос. н., профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Блонин Владимир Александрович – декан факультета социальных наук Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Рыхтик Михаил Иванович – директор Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Романовская Вера Борисовна – д.ю.н., профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
- Боссонг Хорст – декан социально-педагогического факультета университета Дуйсбург-Эссена, Германия

Как и в предыдущих публикациях, отбор материалов в данном издании осуществлялся редколлегией исходя из двух основных критериев: соответствия заявленной теме и содержания. Сборник открывается пленарными докладами. В начале каждого раздела даются публикации авторов, выступавших с секционными докладами.

Редакционная коллегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Блонин В.А.</i> Научное обоснование мер демографической политики: теория и практика.....	18
<i>Боссонг Х.</i> Инклюзия: возможности и границы	26
<i>Григорьева И.А.</i> Кто поможет пожилым: волонтеры, семья или социальная служба?	28
<i>Заремба А.А.</i> Структура и деятельность городского Совета отцов г. Нижнего Новгорода	32
<i>Зырянов В.В., Темнова Л.В.</i> Виды профессиональной деятельности социолога в контексте применения профессиональных стандартов.....	37
<i>Климова С.Г.</i> Предприниматели на рынке социальных услуг: условия успеха	41
<i>Козырьков В.П.</i> Социокультурный анализ как помогающая профессионализация в системе гуманитарных наук.....	45
<i>Кононенко Р.В., Ярская В.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.</i> Профессиональный проект социальной работы в эпоху постсоциализма.....	55
<i>Лымарь А.Б.</i> Культура безопасности: к определению понятия.....	60
<i>Мяжков А.Ю.</i> Социологическая диагностика электоральных фальсификаций (к вопросу о социологии как помогающей профессии)	64
<i>Тощенко Ж.Т.</i> Феномен заводской социологии: уроки и возможные перспективы	68
<i>Тукумцев Б.Г.</i> Каковы перспективы исследования трудовых отношений в России?.....	73
<i>Ушакова М.В.</i> О практике работы Уполномоченного по правам ребенка в Нижегородской области по защите прав и законных интересов несовершеннолетних	79

СЕКЦИЯ 1

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ

ДОКЛАДЫ

<i>Амбарова П.А., Зборовский Г.Е.</i> Волонтерство как объект и предмет социологической науки	85
<i>Бессчетнова О.В., Волкова О.А., Наберушкина Э.К.</i> Региональная политика детствосбережения: социологический анализ	88
<i>Иудин А.А.</i> Количественные и качественные методы в социологии: приглашение к дискуссии	93
<i>Киселев И.Ю., Смирнова А.Г.</i> Общественное мнение и власть: проблема участия социологов в принятии политических решений.....	101
<i>Козлов А.А.</i> Социология как помогающая профессия: больше проблем, нежели ясных ответов	105

<i>Широкалова Г.С.</i> Социологическое сопровождение законодательного процесса	108
<i>Ясавеев И.Г.</i> Социолог как участник: версии публичной социологии и конструкционизма	113

СООБЩЕНИЯ

<i>Гончар А.Ю.</i> Гендерное измерение социальных стандартов оказания помощи женщинам, находящимся в кризисной ситуации на примере Республики Молдова и Республики Беларусь	116
<i>Грошева И.А., Грошев И.Л.</i> Роль социологии в обществе как помогающей профессии.....	123
<i>Захарова Л.Н., Власкин В.Ю.</i> Помогаящий характер деятельности должностных лиц армейской социализации в контексте временной периодизации военной службы по призыву	127
<i>Пятышева Ю.В.</i> Социология – помогающая профессия или профанационная деятельность?.....	136
<i>Смирнова И.Н., Панкратова Е.В.</i> Профессия социолога в оценках студентов и выпускников направления «Социология» Ивановского государственного университета	140
<i>Певная М.В., Телпаева Д.Ф.</i> Управление спортивным волонтерством: значение социологических исследований	144
<i>Терентьева И.Н.</i> Социология в профессиональной подготовке инженера: гуманитарная традиция и образовательные инновации.....	148
<i>Шалютина Н.В.</i> Познавательные возможности изучения фотографии в социологии	152
<i>Шорыгин Е.А.</i> Терапевтический потенциал социологии.....	156

СЕКЦИЯ 2

СЕМЬЯ В ФОКУСЕ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

<i>Варызгина А.А., Сэтре А.-М.</i> Деятельность НКО в области социальной поддержки семей с детьми в малых городах России	161
<i>Егорова Н.Ю.</i> Проблемы выстраивания социальной помощи семье в условиях изменений семейно-брачной сферы	165
<i>Кутявина Е.Е.</i> Потребности молодой семьи в социальных услугах	171
<i>Лезова В.И.</i> Комплексная защита детей в рамках местного самоуправления ..	175
<i>Солдаткин А.Е., Яппинен М.</i> Проблемы ресурсной обеспеченности организаций социальной защиты семьи и детей	180

СООБЩЕНИЯ

<i>Антанесян К.Г.</i> Двойная занятость женщин: семейная политика Германии в области воспитания детей	183
---	-----

<i>Зимова Ю.К.</i> Общественные инициативы в сфере семейного устройства детей-сирот с инвалидностью.....	185
<i>Кузина И.Г., Лободенко А.С.</i> Инновационные технологии социального обслуживания молодой семьи: региональный аспект проблемы.....	190
<i>Кузьмина А.Е.</i> Социальные исследования в области повторных браков и семей на базе повторного брака.....	194
<i>Лучинина М.И.</i> Региональные особенности сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.....	197
<i>Петрова Т.Ю.</i> Критерии многодетности в России и за рубежом.....	200
<i>Ростовская Н.А.</i> Проблемы, встающие перед детьми из кросскультурных семей, и пути их решения.....	204
<i>Колесников С.С., Смирнова А.А.</i> Социальная реабилитация потребителей наркотиков: континуум «профессионализация – служение».....	210
<i>Янак А.Л., Кормициков Д.А.</i> Перспективы развития социальных программ в отношении отцов.....	214

СЕКЦИЯ 3

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ДОКЛАДЫ

<i>Липай Т.П., Волкова О.А., Андрианов А.В.</i> Современные процессы социальной адаптации представителей помогающих профессий (профессиональная группа учителей физической культуры).....	217
<i>Лымарь Н.А.</i> Корпоративная и образовательная культура современного польского вуза.....	221
<i>Фадеева И.М.</i> Изменение профессиональных сред российских вузов в контексте модернизации.....	227

СООБЩЕНИЯ

<i>Апарина Н.Ф.</i> Формализация внешнего оценивания деятельности преподавателей российских вузов и академические свободы.....	233
<i>Веселова В.В.</i> Практика применения инновационных технологий в системе образования США.....	238
<i>Винокурова У.А., Петрова М.П.</i> JuniorSkills и дополнительное образование детей.....	243
<i>Гладина Т.Д.</i> Технологии развития молодежных инновационных проектов в сфере социального предпринимательства.....	247
<i>Гурьянова Т.Н., Мирошниченко Ю.А.</i> Проблемы модернизации и инноваций в системе российского профессионального образования: технологии виртуальной реальности.....	251
<i>Иващенко Н.В.</i> Профессиональная идентификация современного учителя школы в России и рискогенность профессии.....	254

<i>Каржина Г.А.</i> Философская культура как необходимая составляющая помогающих профессий.....	258
<i>Катунова В.В., Маркелова Т.В., Шуткина Ж.А., Давыдов С.В.</i> Оценка профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования....	262
<i>Ковшова Е.С.</i> Профилактика асоциального поведения трудных подростков в профессиональной деятельности социального педагога	266
<i>Козлова Н.Н., Латанова М.Ю., Приползина М.А., Сметанина А.А.</i> Использование информационно-коммуникативных технологий в практике работы учителя-логопеда.....	271
<i>Колесникова Е.М., Митрохина (Полтораднева) Е.В.</i> Оценка воспитателями и учителями условий труда и организационной поддержки.....	275
<i>Коренькова М.М.</i> Клиентоориентированный подход в системе непрерывного обучения в современной высшей школе	278
<i>Красуцкая О.В.</i> Роль некоммерческих организаций в обеспечении доступности социальных услуг для инвалидов	282
<i>Лютова Л.</i> Филология как помогающая профессия: курсы латышского языка в русскоязычных школах (на примере г. Рига, Латвия)	286
<i>Мелина Е.В.</i> Помогательные профессии в инклюзивном образовании.....	288
<i>Попель А.А.</i> Развитие социальной креативности младших подростков в условиях детского оздоровительного лагеря	293
<i>Рыбаков Н.В.</i> Миссия и цели института аспирантуры как третьего уровня высшего образования	296
<i>Серафимов М.М.</i> Дистанционное обучение в Интернете: проблемы качества и ответственности.....	300
<i>Шенгалъц Е.В.</i> Социальное взаимодействие в процессе инклюзивного образования в общеобразовательных школах.....	303
<i>Шлыкова Д.В.</i> Роль учителя в адаптации детей к школе.....	307
<i>Шорошневa Н.В.</i> Профессиональное развитие управленцев в сфере образования на специализированных магистерских программах.....	310

СЕКЦИЯ 4

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

<i>Воронин Г.Л., Анисимова И.А.</i> Социологическая научно-исследовательская программа Центра карьеры Университета Лобачевского в проектировании и реализации деятельности по профессиональной ориентации, трудоустройству и профессионально-карьерной реализации студентов и выпускников	315
<i>Колосова В.В.</i> Ценностные компоненты Я-концепции студентов.....	319
<i>Матвеева Н.А., Леонов А.В.</i> Приоритетные вопросы социализации студентов медицинских вузов	323

<i>Могилевская В.Ю.</i> Отражение идей С.Л. Рубинштейна в организации практической подготовки студентов	327
<i>Ростовская Т.К.</i> Тенденции развития образовательного и профессионального потенциала сферы молодежной политики	330

СООБЩЕНИЯ

<i>Андреева Е.А., Низова Л.М.</i> Роль профконсультанта в профессиональной ориентации молодежи	334
<i>Анисимова И.А.</i> Технологии формирования профессионального самосознания студентов помогающих профессий в Университете Лобачевского ...	338
<i>Бахарев Ю.А.</i> Коммуникативная компетентность бакалавра по адаптивной физической культуре	345
<i>Волченкова Е.В.</i> Технология социального театра в профессиональной подготовке студентов помогающих профессий	349
<i>Кондратенко И.В.</i> Эмоциональное выгорание у студентов помогающих профессий	353
<i>Курамшиев А.В., Курносова Л.С.</i> Представления о будущей профессии у первого курса студентов-социологов ФСН ННГУ	357
<i>Мангутова Ю.Н.</i> Социальный предприниматель как помогающая профессия	360
<i>Михайлова В.В.</i> Условия и технологии развития профессиональной идентичности и профессионального самосознания будущих специалистов помогающих профессий	365
<i>Осокина Т.В.</i> Роль воспитательных технологий в подготовке будущего педагога	369
<i>Осянин А.Н.</i> Оценка работы федеральных и региональных программ патриотического воспитания граждан в российских центральных СМИ	373
<i>Панкратова Л.Э.</i> Подготовка профессиональных социальных работников в вузе: новые аспекты	378
<i>Петрушина М.А., Птицына Н.А.</i> Проблемы психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные задания в особых условиях	381
<i>Прошек М.М.</i> Проблемы и перспективы подготовки и обучения специалистов по социальной работе	386
<i>Рябокоть М.В.</i> Проблемы моделирования поведения абитуриентов классического университета	388
<i>Ситникова И.В.</i> Изменение социально-профессиональных установок молодежи в период радикальных реформ	392
<i>Терещенко А.Г., Васильев Н.Г.</i> Системно-синергетический подход к обучению и воспитанию студентов	395
<i>Феденок Ю.Н., Дронова Д.А.</i> Психологические особенности студентов и их готовность к работе с инвалидами (на примере г. Казань)	399
<i>Хворостьянова Н.И.</i> Полевая (производственная) практика в процессе профессиональной подготовки социальных работников в Израиле	403

СЕКЦИЯ 5

СОДЕРЖАНИЕ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

<i>Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г.</i> Рабочие промышленных предприятий о несправедливости в труде.....	408
<i>Глухова М.Ф.</i> Социальная поддержка человека в фокусе социальной работы как помогающей профессиональной деятельности	412
<i>Злотникова Л.М.</i> Гуманитарные проблемы профессионализма в условиях инновационного развития.....	416
<i>Наберушкина Э.К.</i> Инклюзивный городской дизайн в фокусе помогающих профессий.....	420
<i>Петрушина Т.О.</i> Состояние социально-трудовых отношений в сфере материального производства (по данным первого всеукраинского опроса рабочих).....	424
<i>Подгорный Б.Б.</i> Помогаящие профессии на финансовом рынке	429
<i>Сизова И.Л.</i> Помощь мигрантам в принимающем сообществе	433

СООБЩЕНИЯ

<i>Анисимова И.А., Косарева В.А., Жуйкова Е., Лаптева М.В.</i> Карта помогающих профессий Университета Лобачевского: ресурсность и траектории профессионального развития (по итогам социологического исследования)	437
<i>Арсеенко А.Г.</i> Американская модель трудовых отношений в условиях неолиберализма	443
<i>Богомяжкова Е.С.</i> Помогаящие профессии: пересмотр аналитических перспектив	447
<i>Бочаров В.Ю., Васькина Ю.В.</i> Удовлетворенность условиями труда молодых специалистов на предприятиях аэрокосмического кластера	451
<i>Былинская А.А.</i> Взаимосвязь развития помогающих профессий и экономического прогресса.....	456
<i>Воронина О.А.</i> Профессионально-личностный портрет специалиста по работе с молодежью	460
<i>Гурина Т.С., Гусенкова М.В.</i> Необходимость внедрения новых технологий в практику социального обслуживания граждан пожилого возраста.....	464
<i>Исакова И.А., Ванина К.В.</i> Подростковая Интернет-зависимость: к вопросу определения	468
<i>Исакова И.А.</i> Профессиональные риски в социальной работе.....	472
<i>Исянгулова Э.И.</i> Бизнес-климат в регионе как условие реализации трудового потенциала населения	477
<i>Козлова Т.З.</i> Инновационные технологии в деятельности профессиональных социальных работников.....	480
<i>Лакомова А.А.</i> Социальная адаптация мигрантов в Нижегородской области..	483

<i>Мигунова А.В., Чичерова О.С.</i> Содействие занятости лиц с синдромом Дауна	488
<i>Низова Л.М., Шалаева Е.А.</i> Нелегальная миграция в регионе: проблемы и пути их решения (на примере Республики Марий Эл)	492
<i>Осипова И.И.</i> Бессистемность системы защиты детей и подростков от наркотиков.....	495
<i>Осипова И.И.</i> Современные подходы к реабилитации несовершеннолетних потребителей психоактивных веществ	499
<i>Петрова И.Э.</i> Социокультурные ресурсы социальной работы религиозных организаций.....	504
<i>Придатченко М.В.</i> Технология коучинга в поддержке и развитии специалистов помогающих профессий	510
<i>Пушина В.Н., Пушина Л.Ю.</i> Социальное обслуживание граждан старшего поколения Ивановской области: тенденции и реалии.....	513
<i>Романовская Л.Р.</i> Кодекс этики социального работника как морально-нравственная основа профессиональной деятельности	517
<i>Рушева А.В.</i> Оценка ресурсности кадров социальных учреждений: управленческий аспект	521
<i>Самойлова В.А.</i> Социальная работа в условиях реформ: адаптация целей и ценностей.....	525
<i>Сикорска Д.</i> Трудности в профессиональной деятельности социальных работников	529
<i>Смельцова С.В.</i> Гендерная специфика профессиональных ролей руководителей в процессе реализации современных трудовых отношений	534
<i>Тарханова Е.С.</i> Социальные услуги безработным женщинам.....	538
<i>Тюрин А.И., Тюрин Н.И.</i> Ретроспективный анализ неформальных отношений в трудовых коллективах	543
<i>Фатенков А.Н.</i> Чему и как учит философия? Ответ с позиции силы	547
<i>Хвоин Н.Н.</i> Работники помогающих профессий в учреждениях социальной помощи лицам без определенного места жительства и занятий	551
<i>Хусьянов Т.М.</i> Этические и профессиональные принципы самозанятых в социальной сфере (на примере австралийских социальных работников).....	555
<i>Чилипенко Ю.Ю.</i> Работник и работодатель малого и среднего бизнеса как субъекты социально-трудовых отношений.....	557
<i>Шарф А.С., Полежаева К.В.</i> Представления социальных работников о сущности и специфике социальной работы как помогающей профессии.....	561
<i>Шумилин А.П.</i> Проблемы управления социальной защиты работающих	565
<i>Щанина Е.В.</i> Роль социального работника в адаптации пожилых людей к современной российской реальности	569

СЕКЦИЯ 6

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ С КЛИЕНТАМИ

ДОКЛАДЫ

<i>Кошарная Г.Б., Каримова Л.Ф.</i> Социальная поддержка населения как основное направление преодоления бедности.....	573
<i>Михайлова А.В.</i> Корреляционная взаимосвязь между уровнем реализации социальных программ и устойчивостью региона (на примере Республики Саха (Якутия)).....	577
<i>Певная М.В.</i> Профессиональное волонтерство в социальной работе: смыслы и практики	584
<i>Петрова Т.Э.</i> О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций.....	588
<i>Саралиева З.Х.</i> Субъект-субъектная парадигма в основе помогающих профессий.....	592

СООБЩЕНИЯ

<i>Ваныкина Г.В., Сундукова Т.О.</i> Профессиональные навыки ментора и коуча .	596
<i>Вараева Н.В.</i> Роль и особенности профессиональной рефлексии специалистов в сфере социальной помощи	600
<i>Вызулин Е.А.</i> Взаимодействие сотрудников учреждений социального обслуживания и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел	603
<i>Голубева И.Г.</i> Социальная работа с группой: взаимодействие с семьями сиблингов	608
<i>Зоиров Д.М., Кудратбекова Ш.М.</i> Советы женщин в социальной жизни таджикского общества	611
<i>Когаловская А.С.</i> К вопросу о традициях и инновациях в подходах к взаимодействию специалистов помогающих профессий с клиентами.....	613
<i>Ларшина Н.В.</i> Ресурсы ресоциализации профессиональных спортсменов	617
<i>Масленцева Н.Ю.</i> Группы самопомощи: недооцененный ресурс деятельности социальных служб	621
<i>Мусина Н.И.</i> К вопросу о системном взаимодействии социальных служб и органов внутренних дел РФ.....	624
<i>Плотникова Е.С.</i> Роль социального работника в конструировании социальных проблем.....	629
<i>Расходова О.А.</i> Проблемы и перспективы внедрения профессиональных стандартов для сотрудников учреждений социальной сферы.....	632
<i>Соболева А.В., Пузарова Ю.А.</i> Проблемы и риски НКО в социальном обслуживании населения на примере Нижнего Новгорода	638
<i>Хамзина А.</i> Волонтерство как фактор духовно-нравственного воспитания в Казахстане	643

<i>Шичков В.Л.</i> Особенности профессиональной деятельности бизнес-тренера/консультанта как представителя социономической (помогающей) профессии.....	648
<i>Щекотуров А.В.</i> Проблемы и перспективы коучинга в системе ресурсо-ориентированного использования социальных сетей	651

СЕКЦИЯ 7

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ДОКЛАДЫ

<i>Изуткин Д.А.</i> Врач и больной в поле медицинской профессии: этико-психологические аспекты.....	657
<i>Петрушков М.Г.</i> Сестринско-патронажная служба Республики Таджикистан: перспективы создания, функционирования и развития	661
<i>Сучков Ю.А., Судьин С.А.</i> Служба социальной работы в психиатрической больнице	667
<i>Судьин С.А., Трюбнер К.</i> Судебная медицина как помогающая профессия.....	671
<i>Штекмайер Э., Ажермачева М.Н.</i> Лица, осуществляющие уход, и профессиональные социальные работники: сравнение региональной специфики в Сибири и Баварии	676

СООБЩЕНИЯ

<i>Атмайкина О.В.</i> Роль центров здоровья в предупреждении поведенческих рисков студенческой молодежи	683
<i>Бретонес Ф.</i> Активизация на пути к здоровой организационной модели	687
<i>Галочкина Н.Е.</i> Общее, особенное и единичное в контексте взаимоотношения врачей и пациентов.....	692
<i>Зверев Ю.П., Курникова М.В.</i> Применение русской версии Педиатрической Шкалы Баланса для оценки функции равновесия и мобильности у детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.....	696
<i>Клепнина Ю.В.</i> Поддерживаемое трудоустройство как эффективная форма трудоустройства людей с ментальной инвалидностью	700
<i>Козлов А.П.</i> Клиентоориентированная профессиональная деятельность персонала скорой помощи как объект ценностной регуляции	703
<i>Курникова М.В.</i> Взаимодействие социальных партнеров для формирования навыка круглогодичной двигательной активности детей и подростков с инвалидностью	707
<i>Макиевская Н.М.</i> Основные задачи сохранения здоровья студентов и выпускников вузов	713
<i>Оринчук В.А.</i> Социальная реабилитация инвалидов в адаптивном спорте	715
<i>Судьин С.А.</i> Помогаящие непрофессионалы: общественные движения в психиатрии	719

СЕКЦИЯ 8

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

- Арпентьева М.Р., Арпентьев Ю.Е.* К проблеме социально-психологического консультирования..... 724
- Захарова Л.Н.* Организационный психолог как помогающая профессия: специфика деятельности и подготовки 729
- Малахова Н.В.* Балинтовская группа в сфере помогающих профессий. Работа с эмоциональным выгоранием..... 735
- Малахова Н.В.* Профессиональная идентичность кататимно-имагинативного психотерапевта..... 739
- Орлов А.В., Башук Е.Н.* Психологические факторы проявления клиентоориентированности работников помогающих профессий 744
- Парин С.Б., Полевая С.А., Некрасова М.М.* Развитие телеметрии и информационных технологий для персонифицированной оперативной идентификации биологических маркеров острого стресса в процессе обучения и профессиональной деятельности..... 747
- Шнейдер Л.Б.* Самоопределение и образ Я психолога-практика..... 750

СООБЩЕНИЯ

- Аргунова В.Н.* Использование технологии «моделирование справедливого государства» при подготовке социальных работников..... 755
- Арпентьева М.Р.* К проблеме эдологической (помогающей) компетентности 759
- Давыдов С.В., Маркелова Т.В., Катунцова В.В., Шуткина Ж.А.* Психологическая помощь: традиции и инновации. Российский и зарубежный опыт..... 763
- Китаева А.И.* Художественная литература как психологический ресурс: опыт мотивационного исследования специалистов по работе с зависимыми и созависимыми гражданами 768
- Лимонченко Р.А., Белобрыкина О.А.* Социальные эмоции: исторический экскурс в проблему исследования и ее значение в социально-психологической работе с подрастающим поколением..... 771
- Любаев А.В.* Работа психолога в коррекции девиантного поведения сотрудников ОВД..... 777
- Орлова О.М.* Роль профессиональной рефлексии в профилактике выгорания педагогов 781
- Самоделькин Я.А.* К вопросу о психологическом сопровождении людей третьего возраста в сельских населенных пунктах Свердловской области: из опыта работы психологической лаборатории Уральского государственного аграрного университета..... 785

<i>Цуканова А.П., Иванова К.П.</i> Эмоциональный интеллект и алексетимия у будущих специальных психологов.....	787
<i>Чемеревская В.А.</i> Психологические проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста и их связь с родительским отношением.....	791

СЕКЦИЯ 9
НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ
В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

ДОКЛАДЫ

<i>Ермилова А.В.</i> Специфика деятельности социального работника в пенитенциарной системе глазами заключенных и лиц, вышедших из мест лишения свободы	796
<i>Васкэ Е.В.</i> Прикладные аспекты профессиональной деятельности психолога в уголовном процессе	800
<i>Романовская В.Б., Горбунов М.Д.</i> Юридическая профессия как вид юридической практики и ее связь с правопониманием	807
<i>Соловьева С.В.</i> Применение медиативных технологий в образовательном пространстве: к вопросу о подготовке кадров	811
<i>Сэруа В.С.</i> Юридические общества как эффективная форма помощи населению в досоветской России.....	816
<i>Штилев Д.А.</i> Специфика деятельности системы правоохранительных органов Германии в условиях миграционного кризиса	819

СООБЩЕНИЯ

<i>Абрамова Ю.Ю.</i> Адвокаты прав женщин в Республике Молдова: достижения и перспективы	823
<i>Борковски М.</i> Правовые основы и принципы, регламентирующие деятельность сотрудника, закрепленного за людьми с ограниченными возможностями (ЛОВ) в Польше.....	830
<i>Горюнова О.И.</i> Молодежный экстремизм: особенности проявлений в современном обществе	837
<i>Ершова Е.В.</i> «Базовая позиция медиатора» как техника внутренней рефлексии при обучении специалистов помогающих профессий	841
<i>Журу К.И.</i> Институт правосудия в социальной жизни Африканского союза... 846	
<i>Лимкина Н.А.</i> Содержание и практическое применение процедуры медиации.....	849
<i>Хаддад Э.</i> Адвокатская помощь в социальной работе в Алжире.....	853

**НАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕР ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА**
**SCIENTIFIC GROUNDS FOR DEMOGRAPHIC POLICY MEASURES:
THEORY AND PRACTICE**

В.А. Блонин

*Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского*

V.A. Blonin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются проблемы научного, концептуального подхода к формированию и осуществлению демографической политики на фоне современной демографической ситуации и в контексте реализации Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г.

The article deals with scientific conceptual approach to creation and implementation of demographic policy with regards to the current demographic situation and the implementation of the Russian Federation Demographic Policy Concept until 2025.

Ключевые слова: демографическая политика, демографическая ситуация, концепция демографической политики, научный и концептуальный подходы, мониторинг демографических процессов.

Keywords: demographic policy, demographic situation, the concept of demographic policy, scientific and conceptual approaches, monitoring of demographic processes.

Если говорить о профессиях, помогающих человеку в его взаимодействии с социумом, одной из сфер такого взаимодействия можно назвать демографическое поведение людей и способы воздействия на него, которое называют демографической политикой.

Учитывая весьма сложный характер различных форм и методов того, что называется демографической политикой, необходимость тщательной научной проработки любых мер такой политики, оценки их возможной эффективности и рисков, научного мониторинга их реализации, подготовка специалистов, которые будут способны участвовать в этой жизненно важной для индивида, общества, государства сфере деятельности, требует выработки компетенций и понимания, как важно обеспечить при этом научный подход. Это важно и для социологов, и психологов, и социальных работников, и экономистов, и не только для них.

В то же время научное обеспечение демографической политики в сегодняшней социальной практике сталкивается с серьезными проблемами. Проиллюстрируем это на ряде примеров, как на российском, так и на региональном уровнях.

Актуальность обращения к этой проблематике обусловлена остротой и сложностью современной демографической ситуации. Несмотря на некоторые позитивные тенденции последнего времени в естественном движении населения, перспективы демографического развития особенно в предстоящие 20-е гг. многими специалистами оцениваются как весьма сложные. Согласно прогнозу Росстата (см. табл. 1), при любом из вариантов прогноза, с 20-х гг. предполагается естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) прежде всего из-за негативных изменений в половозрастной структуре населения России (уменьшения численности женщин в наиболее репродуктивном возрасте).

Таблица 1

Демографический прогноз до 2030 г. Росстат. Обновление 27.05.2016

Российская Федерация	2015	2020	2025	2030
Низкий вариант, численность естественный прирост	146267	146917 -340,8 тыс.	145679 -633,6 тыс.	143216 -775,3 тыс.
Средний вариант, численность естественный прирост	146267	147509 -198,1 тыс.	147715 -379,0 тыс.	147267 -450,3 тыс.
Высокий вариант, численность естественный прирост	146267	148517 94,1 тыс.	150548 -148,9 тыс.	152057 -170,6 тыс.

Источник: Росстат http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/.

Еще пессимистичней прогноз ООН (см. табл. 2):

Таблица 2

Прогноз численности населения, коррекция 2015 г.

World Population Prospects: The 2015 Revision

Российская Федерация	2015	2020	2025	2030
Низкий вариант	143457	141622	138118	133585
Средний вариант	143457	142898	141205	138652
Высокий вариант	143457	144175	144292	143720

Suggested citation: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition.

Показательно, что и в верхние эшелоны власти приходит понимание сложности этой ситуации. Пример – недавнее решение Правительства РФ от 14 апреля 2016 г. об утверждении плана мероприятий по реализации III этапа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. В официальном сообщении по этому поводу отмечается сокращение числа женщин фертильного возраста: «В России в 2014 г. отмечено снижение на 2,5 млн. человек числа женщин в возрасте 15-49 лет (на 6,6%). Сокращение численности женщин молодых возрастов (20-29 лет), на долю которых приходится примерно 60% всех рождений, составило 1,4 млн. человек» [1].

На этом фоне особенно важен научный, концептуальный подход к разработке и реализации демографической политики. Можно сослаться на опыт разработки общероссийских концепций 2001 и 2007 гг. и региональных (в частности, Нижегородской).

27 июня 2007 г. постановлением Правительства Нижегородской области была утверждена Концепция демографического развития Нижегородской области на период до 2020 г. [2]. Так получилось, что этот документ был принят в соответствии с Концепцией демографического развития Российской Федерации на период до 2015 г., которая была пересмотрена и скорректирована по содержанию и по срокам новой Концепцией до 2025 г., утвержденной в том же 2007 г. (Указом Президента РФ от 9 октября). Принятие Концепции для Нижегородской области стоит в одном ряду с аналогичными программными документами, принятыми в этот период (ранее или позднее) в других регионах Российской Федерации.

Отличительной чертой региональных программ является учет специфических особенностей демографической ситуации и демографических проблем каждого отдельного региона и определение приоритетных задач демографической политики, исходя из этих особенностей. Иными словами, региональная Концепция не может быть простым копированием (механическим переложением) федеральной Концепции на своем уровне. Вместе с тем федеральная Концепция задает ключевые принципы и подходы, на которые следует ориентироваться при разработке региональных программных документов [3]. Прежде всего, это касается постановки основных целей демографического развития. Оптимальный подход – на основе прогнозных расчетов формулирование достижимых целей и определение параметров рождаемости, смертности и миграции, при которых эти цели могут быть достигнуты.

Как показывают результаты реализации областной концепции, первоначально поставленной цели – преодоление к 2010 г. негативных показателей воспроизводственного процесса, достижение «нулевого» уровня естественной убыли населения – добиться не удалось: реальные показатели оказались

хуже не только в 2010 г., но и в последующее время. Отметим, что в основу поставленных целей был положен демографический прогноз на базе «оптимистичного варианта социально-демографического развития Нижегородской области», что не позволило реально оценить всю глубину проблем, учитывая особую «подорванность» демографического потенциала области и инерционность демографических процессов. Можно сравнить такой подход с федеральной Концепцией 2007 г., где, отталкиваясь от пессимистического варианта прогноза для Российской Федерации и тем самым подчеркивая остроту демографических проблем, были поставлены более реалистичные и выполнимые задачи первого этапа (до 2011 г.) – создание условий, позволяющих уменьшить остроту демографического кризиса, сформировать правовую, организационную и финансовую базу по поддержке позитивных тенденций, а также снизить темпы естественной убыли и обеспечить миграционный прирост [4].

Концептуальный научный подход заключается не только в принципах разработки, но и в необходимости обратной связи, в том числе и через опросы населения. Опросы показывают, что для устойчивого позитивного воздействия на демографическое, в частности, репродуктивное поведение, необходимы стабильность и долгосрочность, стратегический характер принимаемых мер. Можно сослаться на Всероссийское исследование «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе», по материалам которого отмечалось, что «для того чтобы задача долгосрочного повышения рождаемости была выполнена, крайне важно убедить население в ее устойчивом характере. Соблюдение выданных государством обещаний особенно важно в условиях финансово-экономического кризиса, который, безусловно, ухудшает материальное положение семей с детьми. Лишь в случае незыблемости государственного курса на поддержку материнства и детства и стимулирования роста рождаемости можно ожидать, что те, кто высказал намерение под воздействием мер поддержки семей с детьми родить ребенка раньше, чем планировали, впоследствии будут рожать больше» [5]. А в заключении по итогам выборочного обследования репродуктивных планов населения в 30 субъектах Российской Федерации, проведенного Росстатом в 2012 г., подчеркнуто, что, «одобряя демографическую политику государства, население все-таки больше надеется на повышение собственных заработков, которые помогли бы реализовать имеющуюся потребность в детях. Меры демографической политики пока воспринимаются населением как меры социальной политики, способствующие увеличению доходов семьи, а не как меры стимулирования рождаемости и повышения самой потребности в детях (предлагаемые новые меры оцениваются невысоко – даже региональный материнский капи-

тал, минимальный размер которого, чтобы он стал действенным, должен быть, по мнению респондентов, в несколько раз выше выплачиваемого в регионах в настоящее время)» [6].

Возвращаясь к ранее упомянутому решению Правительства от 14 апреля 2016 г. о плане мероприятий по реализации III этапа Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., отметим, что на III этапе реализации Концепции демографической политики с 2016 по 2020 г. предусмотрены меры по упреждающему реагированию на возможное ухудшение демографической ситуации в стране. В числе задач III этапа – снижение предотвратимых причин смертности, повышение эффективности медицинской помощи гражданам пожилого возраста, усиление защиты здоровья населения от последствий потребления табака и алкоголя, дополнительные механизмы экономического стимулирования рождения вторых и последующих детей, поддержка молодых женщин и молодых семей в целях увеличения числа рождений в более раннем возрасте. Продолжительность III этапа – 10 лет. Этап разделён на два периода: 2016-2020 гг. и 2021-2025 гг. Это разделение обусловлено тем, что плановый горизонт государственных программ в настоящее время ограничен 2020 г. Соответственно, план мероприятий по реализации Концепции составлен на первый период III этапа – с 2016 по 2020 гг.

Планом предусмотрена реализация 50 мероприятий, направленных на:

- снижение предотвратимых причин смертности;
- обеспечение комплексности, повышение доступности и эффективности медицинской помощи гражданам пожилого возраста, включая развитие геронтологической службы;
- обеспечение условий для защиты здоровья населения Российской Федерации от последствий потребления табака и алкоголя;
- реализацию комплекса мер по совершенствованию физкультурно-спортивной работы с населением;
- разработку и реализацию госпрограммы «Безопасный труд» на 2017–2025 гг.;
- разработку дополнительных механизмов экономического стимулирования рождения вторых и последующих детей;
- поддержку молодых женщин и молодых семей в целях увеличения числа рождений в более раннем возрасте;
- повышение доступности жилья для семей с детьми;
- регулирование миграции в соответствии с социально-экономическими потребностями Российской Федерации.

Вместе с тем несмотря на более реалистичную оценку ситуации по итогам реализации мероприятий плана к 2020 г. заложены показатели, которые скорее можно назвать нормативным, а не приближенным к реальности прогнозом: предполагается увеличение численности населения до 147,5 млн. человек; увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 74 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до уровня 1,87; обеспечение миграционного прироста на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно [7].

Нельзя не отметить и то, что характер и качество научных рекомендаций также не всегда бесспорны – отсюда их противоречивость и дискуссионность (напрашивается сравнение с экспертными мнениями в экономике).

В качестве примера можно привести недавнее предложение министра труда М. Топилина и реакцию на него. Министр труда предложил ввести систему поощрения для женщин, родивших двух детей до своего тридцатилетия. Откуда взять финансирование на очередной социальный проект, глава ведомства, правда, не уточнил. «Суммарный коэффициент рождаемости будет расти. Может вырасти с мерами дополнительной поддержки до 1,9-1,95, близкий к двум. Но для этого нам нужно будет в ближайшее время – в течение двух-трех лет сформулировать еще какие-то дополнительные меры», – сказал Топилин [8]. Но научный подход говорит, что меры стимулирования рождаемости могут иметь и иные последствия. Так, просто повышение рождаемости не всегда хорошо, и следует задаться вопросами: В каких семьях рождаются дети – благополучных или неблагополучных? Оказались эти дети желанными и долгожданными, или для родителей они стали обузой и дополнительной проблемой? и др. От ответов на эти вопросы будет зависеть и оценка казалось внешне абсолютно положительных показателей. При этом демографическая политика не может и не должна подменять собою социальную и экономическую политику. Попытки решать социально-экономические проблемы мерами воздействия на воспроизводство населения никогда не приводили к желаемым и эффективным результатам.

Как отмечает профессор НИУ-ВШЭ А. Коротаев, зав. лабораторией политической демографии, важно «сделать так, чтобы женщина могла совмещать работу и уход за ребенком. Западной Европе помогло именно это. Очень эффективный инструмент – ясли. Ведь если женщина больше года сидит с ребенком, она рискует потерять профессиональную квалификацию. Есть и другие способы поддержки – дотация на квалифицированных нянь, гибкий график работы. Скандинавам удалось добиться того, что женщины с высшим образованием рожают больше, чем женщины, не учившиеся в вузах. Их опыт основывается на совмещении успешной карьеры и материнства. Демографический вопрос там решается благодаря тридцатилетним женщинам, которые

выходят в декрет уже после некоего карьерного старта. В тех странах, где женщине предоставляют хорошие возможности совмещения, рождаемость держится на стабильном уровне» [9].

А теперь о реакции на идею министра труда председателя наблюдательного совета Института демографии, миграции и регионального развития Ю. Крупнова. Критически оценивая перспективы реализации этой идеи, тот высказывает далеко не бесспорную мысль: «Мы сами виноваты, что у нас в России демографическая катастрофа. Если будем делать ставку на миграцию и не будем организовывать демографическую революцию, то к концу столетия нас останется в лучшем случае половина» [10]. Что понимается в данном случае под «демографической революцией»? Кто при этом делает «ставку на миграцию»? Трудно обнаружить в такой реакции научный подход.

Что же можно сделать для совершенствования концептуальных подходов к определению демографической политики, учитывая имеющийся и не всегда удачный опыт?

Необходим тщательный и всесторонний анализ современной демографической ситуации; обоснование целей демографической политики, определение основных направлений стратегии демографического развития; определение задач, которые необходимо решить для достижения этих целей, выбор приоритетов; составление программ (планов) действий, мер проведения демографической политики. Важно также учитывать, что часто используемые демографические показатели-индикаторы («общий коэффициент рождаемости», «общий коэффициент смертности» и др.) не в полной мере отражают реальную демографическую ситуацию, находясь под воздействием различных конъюнктурных факторов (особенно, поло-возрастной структуры населения). Среди демографических показателей, позволяющих более точно оценить эффективность демографической политики в отношении рождаемости, специалисты выделяют:

- суммарный коэффициент рождаемости, отражающий среднее число рожденных детей одной женщины в репродуктивном возрасте;
- соотношение числа абортс с числом рождений (количество абортов на 1000 рождений);
- удельный вес многодетных семей;
- коэффициент младенческой смертности (детей, умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми);
- число родившихся детей по очередности рождения;
- средний возраст матери при рождении ребёнка [11].

Следует также особое внимание уделить механизмам и методам комплексного подхода к решению демографических проблем, мониторинга демогра-

фических процессов, а также своевременного реагирования на новые тенденции и демографическую динамику. К числу таких механизмов хотелось, прежде всего, отнести координацию действий всех вовлеченных в реализацию демографической политики структур под руководством наделенной необходимыми полномочиями межведомственного органа, а также научно-аналитическое и информационное сопровождение.

Ну а при подготовке специалистов помогающих профессий (помогающим и структурам управления понять, что они хотят и могут) важно формировать не только способности и компетенции для научного подхода в решении различных практических, управленческих и т.д. проблем, в том числе и в сфере демографической политики, но и волевые качества для того, чтобы донести все это до сознания и возможности практического применения тех и теми, кто представляет нашу систему управления на всех уровнях.

Литература

1. Об утверждении плана мероприятий по реализации III этапа Концепции демографической политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/22743/>. (Дата обращения: 06.07.2016).
2. Концепция демографического развития Нижегородской области на период до 2020 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/944930955>. (Дата обращения: 26.06.2016).
3. Рыбаковский Л.Л. Региональные концепции и программы демографического развития [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rybakovsky.ru/demografiala21.html>. (Дата обращения: 23.06.2016).
4. Концепция демографической политики России на период до 2025 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncersiya/koncersiya25.html>. (Дата обращения: 23.06.2016).
5. Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / Под науч. ред. С.В. Захарова, Т.М. Малевой, О.В. Синявской; Независимый институт социальной политики. М.: НИСИ, 2009.
6. Аналитический отчет по итогам выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 году (опубликовано 24.01.2013г.) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/free_doc/2012/demo/orp.doc. (Дата обращения: 28.08.2016).
7. Об утверждении плана мероприятий по реализации III этапа Концепции демографической политики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://government.ru/docs/22743/>. (Дата обращения: 28.08.2016).
8. Лента.ру. 8 сентября 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/09/08/demography/>. (Дата обращения: 08.09.2016).
9. Лента.ру. 8 сентября 2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/articles/2016/09/08/demography/>. (Дата обращения: 08.09.2016).
10. Лента.ру. 9 сентября 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2016/08/09/russian_demo/. (Дата обращения: 09.09.2016).
11. Маркова В.В. Демографическая политика в современной России: институциональные направления совершенствования. // *Вестник Проблемы политики и общества*. 2012. № 1. С. 80-92. DOI: 10.7256/2306-0158.2012.1.21. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_21.html. (Дата обращения: 09.09.2016).

ИНКЛЮЗИЯ: ВОЗМОЖНОСТИ И ГРАНИЦЫ INCLUSION: OPPORTUNITIES AND LIMITS

Х. Боссонг

Университет Дуйсбург-Эссен, Германия

H. Bossong

Universität Duisburg Essen

Представлена презентация доклада на тему возможностей и границ инклюзии в современном европейском обществе на примере Германии.

The report presentation on opportunities and limits of an inclusion in the European society on the example of Germany is presented.

Ключевые слова: инклюзия, эксклюзия, инвалидность, социальное законодательство.

Keywords: inclusion, exclusion, disablement, social law.

Инклюзия, эксклюзия и гиперинклюзия

▶ Понять инклюзию отдельно от эксклюзии нельзя. Верно и обратное утверждение. Эксклюзия приводит к новой (например, девиантной) инклюзии.

▶ Под инклюзией понимаются шансы человека без проблем и барьеров участвовать во всех функциональных системах общества (Н. Луман, Общество общества; 1997: 624f.).

▶ Управление инклюзией передается подсистемам, ответственным за увеличение индивидуальных шансов на нее (Луман, там же).

▶ Содействие инклюзии нацелено на формирование способности компетентно действовать в максимально возможном количестве функциональных систем.

▶ Каждый раз вместе с актом инклюзии мы создаем новые пространства эксклюзии (см. работу Rudolf Stichweh, 2007: 114) → например школьный класс

▶ Гиперинклюзия (согласно М. Гебелю и Й. Шмидту) ведет к неспособности включаться параллельно в другие системы и, следовательно, к исключению из других функциональных систем.

Международные правовые нормы.

▶ ООН (2006): „Конвенция о правах инвалидов“

▪ Основная мысль: инвалидность – это не просто индивидуальная особенность, но и выражение, и следствие процесса взаимодействия между индивидом и окружающей средой.

▪ Не вследствие своих особенностей люди являются или не являются инвалидами; инвалидами их делают барьеры, за установку которых несет ответственность общество.

Немецкое законодательство.

▪ Кодекс социального права VIII, § 22a: „Дети с инвалидностью и без таковой должны (в той мере, в какой это позволяет их потребность в уходе) обучаться вместе“.

▪ Кодекс социального права IX, § 55: «Для обеспечения участия инвалидов в жизни общества им представляются услуги, способные это обеспечить и гарантировать...»

▪ Всеобщий принцип равенства перед законом, § 2: „Любое ущемление интересов ... неприемлемо в отношении: 1.) каких-либо условий или критериев отбора для получения работы или занятия собственным бизнесом ..., равно как для карьерного роста. 2.) Условий труда и занятости, включая его оплату и условия прекращения трудового договора ... 5.) Социальной защиты, включая социальные гарантии и доступа к услугам здравоохранения ... 7.) Образования, 8.) доступа к обеспечению товарами и услугами, в том числе, жильем.

Что из этого следует?

▶ Структурный и институциональный уровень (в том числе технические приспособления)

▶ Уровень межличностного взаимодействия и коммуникации

▶ Уровень развития профессиональных компетенций.

Ограничения инклюзии:

▶ Уважать разнообразие, не стирать индивидуальных различий!

▶ Оставлять право быть разным и индивидуальным! → *Diversity Mainstreaming*.

▶ Давать право побыть одному! (Пример с глухими)

**КТО ПОМОЖЕТ ПОЖИЛЫМ: ВОЛОНТЕРЫ,
СЕМЬЯ ИЛИ СОЦИАЛЬНАЯ СЛУЖБА?
WHO CAN HELP THE ELDERLY: VOLUNTEERS,
FAMILY OR A SOCIAL SERVICE?**

И.А. Григорьева

Санкт-Петербургский государственный университет

I.A. Grigoreva

Saint Petersburg State University

Описаны результаты исследования, проведенного весной 2016 г., мнений пожилых и молодежи о формах помощи, предпочитаемых самими пожилыми и молодежью (студентами). Сделаны выводы о взаимодействии поколений.

The results of the research study conducted in 2016 are presented in this article. We compare elderly's and youth's (students) opinions about preferable forms of help and support. The conclusions regarding interactions between different generations are made in the article.

Ключевые слова: пожилые, молодежь, анкетирование, формы помощи пожилым.

Keywords: elderly people, youth, sociological polling, caring for elderly.

В современной социологии отмечается сдвиг внимания от класса к поколению, который стал возможен как благодаря успеху современного Welfare State (социального государства, или государства благосостояния), так и поворота к пожилым как главным клиентам такого государства.

В настоящее время существует множество инициатив и действий в интересах пожилых людей, которые нельзя четко отнести ни к государству, ни к системе социального страхования, ни к местному самоуправлению и гражданскому обществу. Они предлагают смешанные, гибкие способы решения социальных проблем (welfare pluralism). При этом повсеместно считается, что даже лучшие интернаты и учреждения не могут заменить семью и домашнее проживание, поэтому обслуживание, в том числе пожилых, должно носить «открытый» характер (в социологии это отразилось в форме критики «тотальных», «закрытых» институтов, или «холодной» заботы учреждений в противовес «теплой» семейно-соседской).

Можно сказать, что произошло «переоткрытие» семьи, соседства и местного сообщества как базовых институтов «органической солидарности» и носителей социальных ресурсов. И если Международная Конвенция по защите прав детей акцентировала право детей на семью, то теперь на очереди аналогичное право пожилых [1]. Смешанные структуры обеспечения социальной политики в форме, например, добровольных организаций, кооперативов или

взаимопомощи/самопомощи населения уже не являются организационными инновациями. При этом в каждой стране они опираются на собственные исторические и культурные традиции.

В России, на наш взгляд, существует «институциональный перебор», много «холодной» заботы, т.е. учреждений для пожилых, уместных, в первую очередь, для неизлечимо больных или потерявших способность к самообслуживанию в сельской местности, где большие расстояния и социальных работников мало.

Исследовательский вопрос связан с выяснением того, насколько отличаются взгляды молодых и пожилых на то, где и с кем должны жить люди в старости, насколько «вестернизированы» взгляды российских студентов в отношении условий жизни пожилых, в частности, семейного ухода.

Мы провели анкетирование 110 молодых людей (студентов факультета социологии СПбГУ) и 124 пожилых – участников форума «Старшее поколение» весной 2016 г. в Санкт-Петербурге. Выборка случайная, исследование носило пилотный характер. Результаты были обработаны с помощью программы Excel.

В таблице 1 сравниваются ответы на вопрос, «Кто должен помогать пожилым/заботиться о них? »

Варианты ответов	Ответы студентов, %	Ответы пожилых, %
семья и дети	67	48
соседи	1	-
государство в лице социальных служб	29	17
частные дома и специальные дома для пожилых	3	3
все вместе	39	32

Здесь есть значимая разница между оценками молодыми и пожилыми именно участия детей и семьи, а также государственных социальных служб. Студентам кажется, а это социогуманитарно образованные молодые люди, что семья может справиться с грузом заботы. Цену и объем такой заботы они вряд ли адекватно оценивают. Оценка пожилых более адекватна, не случайно более половины из них хотят сохранить независимость именно от выросших детей.

Обращает внимание невысокий интерес пожилых к помощи со стороны социальных служб, работающих, как считают пожилые (и это, к сожалению, подтверждается другими исследованиями), слишком формально. А молодежь эту помощь оценивает более позитивно.

К сожалению, помощь соседей совсем не входит в планы о возможной заботе ни молодежи, ни пожилых. Но такая соседская помощь, как навестить

друг друга, принести какие-то нужные продукты и заказать лекарства по телефону, в Санкт-Петербурге не редкость. Видимо, ресурс такой заботы пока недостаточно осознается как пожилыми, так и молодыми. В то же время английская исследовательница Д. Харрис отмечает развитость таких сетей в С-Петербурге [2]. А по данным одной из самых старых НКО города, «Невский ангел», волонтеры предпочитают помогать детям, а не пожилым.

В таблице 2 даны ответы на вопрос, «Где должны жить пожилые?»

Варианты ответов	Ответы студентов, %	Ответы пожилых, %
в своей квартире, наконец, распоряжаясь своим временем и жизнью	54	63
с детьми и внуками	31	14
в специальном социальном доме для них	12	3
в небольшом частном доме для них	3	3
где сами пожелают	8	10

Заметно большее число пожилых хотят жить отдельно от детей и ценят возможность самостоятельной жизни. С детьми и внуками хочет жить вдвое меньшее число пожилых, чем молодых. Получается, что сами пожилые гораздо более «вестернизированы», чем молодежь. Возможно, в России, как и на Западе, появилось первое поколение «эгоистичных» пожилых, ориентированных больше на свои интересы, чем на интересы детей/внуков [3].

Но в скудных российских условиях это не эгоизм, а скорее ростки самоуважения и осознания пожилыми собственных интересов. Ведь совсем недавно вызывало удивление, если бабушка отказывалась «сидеть с внуками» или, тем более, находила себе партнера или мужа. Регулирование обществом «подходящей» занятости и «эмоционального опыта старости» является пока мало изученной темой, поскольку она реально новая.

Появление в России специальных социальных домов для пожилых или негосударственных домов-интернатов – тоже еще до конца не осмысленная новация. Лучшие, по сравнению с государственными интернатами, условия жизни в частных домах еще не означают, что пожилой человек сам хотел бы оказаться в «золотой клетке». Все же потеря права на самостоятельность уместна только в случае болезни Альцгеймера и других проявлений старческой деменции. К сожалению, именно эту проблему частные интернаты решают лишь в том случае, когда у родственников пожилого больного есть деньги на оплату его пребывания в интернате с медицинским обслуживанием.

По данным нашего исследования, специальные социальные дома более популярны у молодежи, а частные дома престарелых одинаково мало привле-

кают и тех, и других. Однако в условиях самых крупных городов России реальный спрос на частные дома велик и пока растет. Такое расхождение реального спроса и высказанных мнений требует специального исследования, тем более, что очевидны признаки формирования «серого» рынка таких домов, где цена невелика, но пожилые размещаются по 5-6 человек в комнате. Недавно появившихся интернатов в неприспособленных, адаптированных помещениях на первых этажах многоквартирных домов немало в С-Петербурге. Такой ситуации способствует отсутствие требования лицензирования, если в доме-интернате нет медицинских услуг. Но ведь никто не проверяет, нуждаются ли пожилые, помещаемые туда, в медицинских услугах, или нет?!

Однако наши результаты показали очень терпимое и ориентированное на заботу о пожилых отношение молодежи. Согласимся с известным английским социологом К. Виктор в том, что «Необходимо уделять особое внимание общим интересам различных возрастных групп, вместо того чтобы считать пожилых принципиально отличающимися от нас. Основной задачей стареющего общества должна быть замена понятий независимости и зависимости социальной рамкой, которая уделяет особое внимание взаимозависимости поколений» [4].

Проведенное нами исследование подтверждает, что взаимодействие поколений в России возможно и осуществляется через определенные формы преемственности. Такая преемственность является базой для согласования интересов поколений и их содержательного взаимодействия [5]. А политика взаимодействия должна стать более чувствительной к разнообразию жизненных сценариев людей. Институциональная поддержка должна увеличивать возможности для баланса ролей и обязательств, которые и общество ставит перед человеком, и сам человек – перед собой.

Благодарности

Исследование выполнено в Университете ИТМО на средства гранта РФФИ (проект №14-18-03434) по теме: «Модели взаимодействия общества и пожилых людей: исследование возможностей социальной инклюзии».

Литература

1. United Nations Population Fund (UNFPA) and HelpAge International (2012). Ageing In The Twenty-First Century: A Celebration And A Challenge. // New York: United Nations Population Fund and London: HelpAge International. P. 190.
2. Григорьева И.А. Рецензия на книгу: Jappinen M., Kulmala M. and Saarinen A. eds. Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2011 // Laboratorium. Журнал социальных исследований. 2013. № 1. С. 156-159.

3. Biggs S. New ageism: age imperialism, personal experience and ageing policy // Ageing & Diversity / ed. by S.-O. Daatland and S. Biggs. Bristol: Policy, 2004. Biggs S., Naapala I., Exploring Generational Intelligence as a Model for Examining the Process of Intergenerational Relationships // Ageing & Society. 2011. N 31. P. 353-371.

4. Victor C. Ageing, health and care. Bristol : The Policy Press. 2010. P. 248-249.

5. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Кутявина Е.Е., Мигунова А.В., Петрова И.Э., Сизова И.Л., Судьин С.А. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общ. ред. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2011.

**СТРУКТУРА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОРОДСКОГО СОВЕТА ОТЦОВ
Г. НИЖНЕГО НОВГОРОДА
THE STRUCTURE AND RANGE OF ACTIVITIES
OF NIZHNI NOVGOROD FATHERS' COUNCIL**

Заремба А.А.

*Городской Совет отцов г. Нижнего Новгорода,
Президиум центрального Совета отцов России*

Zaremba A.A.

*Nizhni Novgorod fathers' council,
the Presidium of central fathers' council in Russia*

Подчеркивается важность взаимодействия школ и родителей для детского благополучия и развития, акцентируется внимание на роли мужчины и отца в семье и обществе. Рассматриваются причины создания Совета, основные направления его деятельности, описываются значимые мероприятия Городского Совета отцов г. Нижнего Новгорода.

The paper highlights the importance of interaction between schools and parents to promote well-being and human development with an emphasis on the male's and father's roles both for a family and the society. It also describes the reasons behind the creation of the Council, its main activities and most prominent events in its history.

Ключевые слова: школа, родители, отец, дети, Городской Совет отцов.

Keywords: school, parents, father, children, the fathers' city council.

Наши дети – это наша старость. Правильное воспитание – это наша счастливая старость, плохое воспитание – это наше будущее горе, это наши слезы, это наша вина перед другими людьми. Перед всей страной.

А.С. Макаренко.

Неоспоримой является роль отца в воспитании своих детей. Это роль особенная, которую не смогут заменить ни мама, ни школа, ни улица. Отец может, как никто другой, привить своим детям всё прекрасное, мудрое и доб-

рое, что впоследствии делает ребенка Гражданином своей страны. Но эта роль возможна только тогда, когда отец является для ребенка примером. А.С. Грибоедов заметил о роли отца в семейном воспитании: «Не надобно другого образца, когда в глазах пример отца». Сегодня как никогда актуальна наша общая, «общенародная» ответственность за нравственное воспитание, интеллектуальное развитие, гражданскую зрелость и служение Отечеству наших детей – важнейшая стратегическая задача семьи и образования. Одна из *важнейших задач* сегодня – убедить родителей в необходимости принять к исполнению как гражданам России Федерального закона №273 «Об образовании в РФ», определяющего родителей как самостоятельного и полноправного субъекта образования своего ребенка, имеющего преимущественное право на воспитание и обучение перед всеми другими лицами. С другой стороны, закон «Об образовании в РФ» и основные направления «Стратегии развития воспитания в РФ до 2025 года» обязывают школу оказывать родителям своевременную и посильную помощь в воспитании, охране и укреплении физического и психологического здоровья, развитию их индивидуальных особенностей. Социальное партнерство семьи и школы призвано реализовать законные права и интересы учащихся, родителей, компенсировать дефицит родительской компетентности, тем самым формируя новое качество образования. Наше правительство указывает на важность независимой общественной экспертизы качества образования, которое может быть непосредственно делегировано школьным общественным организациям, а именно нам отцам наших детей. Государство отдало детей на воспитание родителей. Позиции и тенденции образования сменились. Мы помним, как первичным являлась школа, вторичным – семья. Теперь эта тенденция диаметрально противоположная. За создание среды, в которой находятся наши дети, отвечают родители, школа же несет свою ответственность за качество образования. Только в эти 11 лет мы можем заложить в ребенка все основные ценности, а самое главное ребенок должен видеть отца в обществе и следовать его достойному примеру.

В 2008 г. в Нижнем Новгороде впервые была проведена «Конференция отцов», участниками которой стали руководители администрации города, департамента образования, районных администраций, ученые и лучшие отцы. Итогом первой конференции отцов стало решение создать Совет отцов города. В его состав вошли победители городской акции «Сын. Отец. Отечество», которых вот уже на протяжении 15-и лет награждает департамент образования.

Работа совета развивается, прошло уже 7 «Конференций отцов», темы которых затрагивают острые вопросы воспитания детей. В прошлом году впер-

вые прошел городской форум отцов «Отцы Отечества», посвященный проблемам патриотического воспитания. В форуме приняли участие почти двести человек – представители школьных советов отцов, родительских комитетов, органов законодательной и исполнительной власти. Были выпущены: научно-методический сборник «Отцы и дети», «Информационные вестники», посвященные деятельности городского Совета отцов, а также организации и координации советов отцов в школах.

Мы – первые лица, которые входят в состав городских комиссий по проведению общественных экспертиз конкурсов, смотров, премий, награждения губернатором лучших педагогов и образовательных учреждений Нижегородской области по приоритетному национальному проекту «Образование».

Городской Совет отцов взял на себя функции координатора. Благодаря широкой общественной деятельности, пропаганде, проведению семинаров по обучению отцов, круглых столов мы имеем:

1. Городской Совет Отцов – 26 человек.
2. Районные Советы Отцов – 4 из 8 районов города (организация двух районных организаций в плане 2016 г.) – 30 человек.
3. Школьные Советы Отцов – 48 из 166 школ в городе (организации 20 школьных советов в плане 2016 г.) – 1260 человек

Таким образом, наш потенциальный актив составляет более 1300 неравнодушных отцов.

4. Организованные в 2015/2016 учебном году мероприятия:
 1. 860 гражданско-патриотических (профориентационных, воспитательно-патриотических, нравственных) мероприятий.
 2. 240 спортивно-оздоровительных (спортивных, массово-оздоровительных, дней здоровья) мероприятий.
 3. Консультационная (бесплатные консультации по различным вопросам, оказание помощи отцам в поиске работы для обеспечения социальной гарантии благополучия семьи) работа является приоритетной в 2016 г.
 4. Профилактические мероприятия (родительское патрулирование, обеспечение безопасности детей, участие в школьных советах по профилактике, работа с трудными детьми и социально не защищенными семьями): 3140 выходов отцовских патрулей, 240 профилактических комитетов, более 300 выходов в семьи.
 5. Добровольческая (оказание помощи не только объективно нуждающимся детям и семьям, но и плотное сотрудничество с благотворительными организациями для реализации совместных проектов) работа, являющаяся приоритетной в 2016 г.

6. Информационная деятельность (создание сайтов Советов Отцов города, районов, школ, проведение программ на радио и телевидении программ «Родительский Час» с заострением вопроса отцовской активности в вопросах воспитания детей).

При встрече с исполнительной властью города и области нами было внесено предложение по созданию общественного органа по вопросам воспитания, куда должны входить представители городского Совета отцов, ученые города, педагоги практики, директора образовательных организаций.

Почему мы пришли к мысли о создании Совета Отцов:

1. Не все возникающие вопросы может решать педагогический коллектив школы. Высокая планка, которую задало правительство нашей страны, не может быть достигнута без нашей помощи.

2. В законе об образовании поменялись позиции, воспитание отдается родителям. Нужна общественная родительская организация для содействия исполнению закона «Об образовании», а именно наша организация Совет Отцов школы.

3. Тревожит количество отцов, уходящих из семей, наносящих непоправимую травму детям, семье, обществу.

4. Слабое участие отцов в воспитании детей, такое положение дел оставаться не может.

При непосредственном участии попечительских советов, руководства школы, лаборатории Дворца детского творчества им. В.П. Чкалова, департамента образования города мы организовали первые родительские собрания в школах силами представителей городского совета отцов. После первого родительского собрания были делегированы по одному отцу из каждого родительского комитета класса в «Общешкольный совет Отцов». Затем при проведении первого заседания на этапе предварительного знакомства с кандидатами от классов совместно со школьным родительским комитетом, при непосредственном участии попечительского совета были определены кандидаты в актив Школьного Совета отцов.

Основным документом, регламентирующим деятельность Совета отцов, является план работы, который утвержден на заседания совета отцов и согласован с руководством школы (района, города). Это, я считаю, должно быть основным условием, которое обязательно для каждого Школьного Совета отцов, чтобы выполнить не только стоящие перед школой, районом задачи, но и активно участвовать в принятии управленческих решений регионально-го правительства, местных органов власти, инициировать создание общественного совета по вопросам семьи при губернаторе Нижегородской обла-

сти, куда в обязательном порядке должны войти все руководители школьных, районных и городского советов отцов.

Значение советов отцов и родительской общественности в дошкольном и высшем образовательном учреждении.

Семья является главным компасом в жизни ребенка. Воспитанием ребенка семья начинает заниматься с момента рождения, т.е. задолго до того момента как ребенок пошел в школу. Семья задает ребенку смысл учебы, они убеждают в необходимости получения знаний, общественно-полезного труда.

Для государства всегда было важно опережающее развитие детей, вовлечение как можно большего их числа в работу творческих объединений, научно-исследовательских проектов, развитие и совершенствование творческой среды через систему конкурсов, смотров, олимпиад и т.д. И задача родительской общественности, Советов и Союзов отцов совместно с государством решить задачу воспитания, оздоровления и укрепления подрастающего поколения нашей страны. Данная задача достаточно легко решается через родителей, имеющих творческие, спортивные увлечения. Например, папа является спортсменом в отдельном виде спорта, через согласование с руководством школы он собирает активных отцов и матерей и подготавливает помещение для тренировок. Затем проводит тренировки, участвует в соревнованиях в различных регионах и страны со своими ребятами. По такому образцу действуют спортивные клубы членов городского Совета отцов К. Маркова и А. Чичарова. Отцы организуют спортивные праздники для своих детей, популяризируя различные виды спорта. Прекрасный пример подает председатель Совета отцов Приокского района М.А. Лысов. Много отцов организовали в своих школах группы творчества по моделированию, резке по дереву, прикладному труду, рисованию, вязанию, лепке. Имеются группы, где отцы рассказывают детям о правилах поведения в обществе, культуре питания, нормах приличия и правилах поведения в общественных местах – прекрасный пример члена городского Совета отцов В.Н. Зуварева. Отцы привлекают детей в военно-патриотические клубы – член городского Совета отцов Н.В. Петров. Отцы организуют туристические клубы и совершают совместные походы по историческим местам нашего региона – члены городского Совета О.Н. Денисов, Д.Н. Андрияшин. Есть также пример члена городского Совета отцов Е.Ю. Калачева, который организовал творческий театральный коллектив детей и родителей. Они выступают не только в стенах своей родной школы, но и перед детишками других общеобразовательных учреждений, в детских домах. Творческий человек, увлеченный своим делом, целиком отдается своей работе, и не важно, сколько человек находится рядом, важно понимать,

что польза отдельно взятому ребенку перерастает в большее дело формирования традиций на благо нашей Родины.

От лица городского Совета мы призываем отцов и родителей не оставаться в стороне, а активно включаться в нашу работу.

**ВИДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИОЛОГА
В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
СТАНДАРТОВ**
**SOCIOLOGIST'S PROFESSIONAL ACTIVITIES IN THE CONTEXT
OF PROFESSIONAL STANDARDS IMPLEMENTATION**

В.В. Зырянов, Л.В. Темнова
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
V.V. Zyryanov, L.V. Temnova
Lomonosov Moscow State University

Обозначаются актуальные задачи, стоящие перед профессиональным социологическим сообществом: согласование федеральных образовательных стандартов и примерных основных образовательных программ высшего образования с профессиональными стандартами; соотнесение видов профессиональной деятельности бакалавра и магистра с учетом обобщенных трудовых функций, выявление направлений деятельности в связи с выявившимися противоречиями и «несостыковками» в названных документах.

The article analyzes the urgent tasks facing professional sociological community: harmonization of federal educational standards and exemplary basic educational programs of higher education with professional standards; correlation professional activities BS and MS in view of generalized labor functions, the identification of activities due to reveal the contradictions and "inconsistencies" in the aforementioned documents.

Ключевые слова: Федеральный образовательный стандарт, профессиональный стандарт, виды профессиональной деятельности, трудовые функции, бакалавр, магистр, социолог.

Keywords: Federal educational standard, professional standards, professional activities, work functions, bachelor, master, sociologist.

Ситуация, сложившаяся в российском высшем образовании, и в том числе социологическом, требует от профессионального сообщества консолидированных конструктивных усилия для решения ряда важных задач. Обозначим наиболее острые из них.

Федеральные учебно-методические объединения (ФУМО) по поручению Минобрнауки РФ завершают согласование ФГОС 3+ и Примерных основных

образовательных программ (ПООП) высшего образования с профессиональными стандартами (ПС) [1].

Основными направлениями этих предложений должны стать уточнение областей профессиональной деятельности бакалавра и магистра, профессиональных задач, корректировка общих профессиональных компетенций (ОПК) с учетом обобщенных трудовых функций и трудовых функций ПС. Кроме того, введение единого списка универсальных компетенций для каждого уровня подготовки также требует пересмотра ОПК социолога на уровнях бакалавра и магистра.

Рассмотрим пути анализа и работы в процессе совершенствования образовательных стандартов подготовки социологов.

К настоящему времени разработаны далеко не все ПС. В частности, профессиональный стандарт «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» (ПС СОПСМИ) [2], который должен стать базовым для формирования образовательных стандартов подготовки социолога, сегодня не утвержден и существует в виде проекта.

Утверждены и вступили в действие профессиональные стандарты «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [3], «Педагог (Педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования (воспитатель, учитель))» [4], «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [5], на которые, несомненно, нужно опираться при раскрытии задач педагогической деятельности социолога.

Среди профессиональных стандартов на сегодня нет ни одного, связанного с деятельностью исследователя или научного работника, т.е. ПС «Научный работник» или его аналог не представлен даже в проекте [6], хотя такой неотъемлемый вид профессиональной деятельности социолога как научно-исследовательская деятельность должен быть соотнесен именно с этим профессиональным стандартом. Такое положение неминуемо приведёт к полной потере исследовательской компоненты в подготовке социологов (как бакалавров, так и магистров), а ведь в трудоустройстве выпускников-социологов доля тех, кто работает в науке и образовании, в последние годы устойчиво поддерживается на уровне 20% [7].

Остановимся чуть подробнее на этой проблеме. В последние 20 лет в российском обществе наблюдается как значительное снижение престижа профессии научного работника (исследователя), так и число занятых в науке. Достаточно лишь нескольких цифр: персонал, занятый исследованиями и разработками с 2000 года к 2013 сократился с 888 до 722 тыс. чел., отдельно для исследователей это снижение выглядит так: с 426 до 369 тыс. чел. [8]. В

то же время государство принимает программу «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы» [9], в которой делается акцент на привлечении молодых специалистов в науку и инновационные виды деятельности, развитии кадрового потенциала науки, расширении возможностей профессиональной самореализации талантливой молодежи в научной сфере и т.д. Цель и средства этой программы входит в противоречие с реалиями, так, в формирующейся в настоящее время Национальной системе квалификаций России область профессиональной деятельности «Наука» не выделена, в Реестре видов профессиональной деятельности, утвержденном Минтрудом России, научно-исследовательского вида деятельности нет, в Справочнике востребованных на рынке труда, новых и перспективных профессий, утвержденном приказом Минтруда от 02.11.2015 №832, профессия научного сотрудника (или научного работника, или исследователя) среди 1625 профессий, которые Минтруд рекомендует применять органам государственной власти, работодателям и иным заинтересованным организациям при формировании и реализации кадровой политики, не указывается. Налицо явный диссонанс. Цель не обеспечена средствами её достижения.

Возвращаясь к видам профессиональной деятельности социолога, сегодня можно зафиксировать следующее состояние процедуры соотнесения ФГОСЗ+ (Направление «Социология») и профессиональных стандартов.

Таблица 1

Соотнесение видов профессиональной деятельности социолога и обобщенных трудовых функций.

Вид профессиональной деятельности социолога	Профессиональный стандарт	Обобщенная трудовая функция	
		бакалавр	магистр
научно-исследовательская деятельность	Не разработан	-	-
проектная деятельность	проект СОПСМИ ПС		Подготовка проектного предложения по реализации фундаментального или прикладного социологического исследования (В); Описание, объяснение, прогнозирование социальных явлений и процессов на основе результатов фундаментального или прикладного социологического исследования (С).

производственно-прикладная деятельность	проект СОПСМИ	ПС	Организация работы по сбору данных социологического исследования (А).	
организационно-управленческая деятельность	проект СОПСМИ	ПС		
педагогическая деятельность	«Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования»			Преподавание по программам профессионального обучения, среднего профессионального образования (СПО) и дополнительным профессиональным программам (ДПП), ориентированным на соответствующий уровень квалификации (А).
	«Педагог»		Педагогическая деятельность по проектированию и реализации основных общеобразовательных программ (В).	Педагогическая деятельность по проектированию и реализации основных общеобразовательных программ (В).
	«Педагог дополнительного образования детей и взрослых»		Преподавание по дополнительным общеобразовательным программам (А).	Преподавание по дополнительным общеобразовательным программам (А).

Соотнесение видов профессиональной деятельности социолога и обобщенных трудовых функций, описанных в имеющихся ПС, выдвигает как минимум две задачи. Перед научно-педагогическим сообществом в целом: актуализировать необходимость разработки ПС «Научный работник», а перед социологическим профессиональным сообществом – обязательность инициации дополнительных ПС, раскрывающих содержание областей профессиональной деятельности, не вошедших в проект СОПСМИ, а пока – задачу самостоятельного определения (формулирования) обобщенных трудовых функций социолога (на уровне квалификации бакалавра, и магистра) для актуализации ФГОСЗ+ и Примерных основных образовательных программ.

Литература

1. Федеральный закон от 2 мая 2015 г. N 122 ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ и статьи 11 Федерального закона "Об образовании в РФ"».
2. Профессиональный стандарт «Специалист по организации и проведению социологических и маркетинговых исследований» (проект) [Электронный ресурс]. Режим досту-

па: http://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/profstandart/profstandart_25032016.pdf. (Дата обращения: 07.10.2016).

3. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.004.pdf>. (Дата обращения: 20.10.2016.).

4. Профессиональный стандарт «Педагог (Педагогическая деятельность в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования (воспитатель, учитель)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.001.pdf>. (Дата обращения: 20.10.2016).

5. Профессиональный стандарт «Педагог дополнительного образования детей и взрослых» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fgosvo.ru/uploadfiles/profstandart/01.003.pdf>. (Дата обращения: 23.10.2016).

6. <http://fgosvo.ru/docs/101/69/2>.

7. Добренков В.И., Зырянов В.В., Темнова Л.В. Вопросы качества подготовки социологов в контексте реформирования высшей школы России // Социология образования, 2010. № 9. С. 36-48.

8. Наука в учреждениях Федерального агентства научных организаций: 2014. Стат.сб. [И.В. Зиновьева, С.Н. Иноземцева, Л.Э. Миндели и др.; гл.ред. Л.Э. Миндели]. М.: Институт проблем развития науки РАН, 2015.

9. Государственная программа Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013-2020 годы (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации 15 апреля 2015 года № 301).

ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА РЫНКЕ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ: УСЛОВИЯ УСПЕХА ENTREPRENEURS IN THE MARKET OF SOCIAL SERVICES: THE CONDITIONS OF SUCCESS

С.Г. Климова

Институт социологии РАН

S.G. Klimova

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences

Излагаются некоторые результаты исследования роли социального предпринимательства в разгосударствлении социальных услуг. Анализируются условия успешности социального предпринимательства в социальной сфере. Эти условия: 1 – благоприятный или резистентный нормативный контекст. 2 – предметные особенности бизнеса. 3 – наличие сети – взаимодействующих единомышленников и сотрудников. 4 – особенности деловой стратегии предпринимателя.

We present some results of studies on the role of social entrepreneurship in the privatization of social services. We analyze the conditions of success of social entrepreneurship in the social sphere. These conditions are: 1 – favorable or resistant normative context. 2 – substantive features of the business. 3 – the presence of the network – interacting associates and employees. 4 – features business entrepreneur strategies.

Ключевые слова. социальные услуги, социальное предпринимательство; социальная сеть; нормативный контекст; конкуренция; сотрудничество; условия успеха; деловая стратегия.

Keywords: social services; social entrepreneurship; social network; regulatory context; competition; cooperation; conditions for success; business strategy.

Разгосударствление социальных услуг – это приход негосударственных структур в те виды деятельности в социальной сфере, где государство по причине негибкости или недостатка финансирования не может оказывать качественные и своевременные услуги. Тренд на разгосударствление социальных услуг, который стал особенно заметен в последнее десятилетие, существует в рамках более общего тренда – поиска государственными структурами баланса между стабильностью и развитием. Для стабильности нужна инфраструктура, обеспечивающая порядок, принуждение и защиту. Для развития – новые практики и правила, креативные граждане.

Разгосударствление социальных услуг – это масштабный проект, для успеха которого необходимо заинтересованное участие таких людей. Поэтому одной из задач исследования было выяснить, *как соотносятся представления властей и социальных предпринимателей* о том, что должны сделать все включенные в процесс акторы, чтобы процесс разгосударствления был приемлемым и для населения, и для предпринимателей, и для властей.

Эмпирическая база исследования. Исследование «Социальные предприниматели (СП) как акторы на рынке социального обслуживания» проводилось Фондом «Общественное Мнение» с 01 февраля 2016 года по 31 мая 2016 года с участием автора. Методы сбора информации: 1. Массовый опрос населения России (тема «Анализ спроса со стороны населения на социальные услуги, предоставляемые негосударственными организациями» была включена в еженедельный опрос ФОМа по технологии «Фомнибус»). 2. Глубинные интервью с руководителями социальных предприятий (20 интервью). 3. Интервью с экспертами (8 интервью).

Смысл процесса разгосударствления социальных услуг. Участники исследования полагают, что перспектива разгосударствления не обсуждается. Этот процесс будет идти.

Нам сейчас президент поставил четкую задачу – десять процентов услуг в социальной сфере должно быть передано в некоммерческий сектор. Я думаю, что и майские указы президента, и этот будут соблюдаться в полном объеме (эксперт-3).

Но различаются интерпретации смысла этого процесса. Различаются даже интерпретации стратегических целей государства. Одни считают, что государство не отказывается и не намерено отказываться от своих социальных

обязательств. Динамика расходов федерального бюджета на социальные нужды соотносится с динамикой общего благополучия, эффективностью экономики страны. Иными словами: если государство сокращает расходы на социальные нужды, это связано с трудностями в экономике, а не с политикой ухода из социальной сферы. Другие утверждают, что по факту процесс разгосударствления означает отказ государства от своих социальных обязательств. Особенно остро звучит эта тема в обсуждениях дорогостоящих видов лечения и дорогостоящих программ, непосильных для частного предпринимательства (например, медицина Севера).

Различаются интерпретации смысла конкуренции в социальной сфере между государственными и негосударственными поставщиками услуг. Именно конкуренцию некоторые эксперты считают целью и главным условием успеха разгосударствления. Они считают конкуренцию безусловным благом, утверждая, что конкуренция уже приводит к повышению качества услуг, в частности, в медицине и сфере дошкольного образования. Другие эксперты и сами социальные предприниматели не склонны интерпретировать конкуренцию как безусловное благо.

Успех для социального предприятия – это не прибыль, а *решение социальной проблемы*, удовлетворение потребностей людей. Но они – предприниматели, и потому, помимо миссии, для них цель – оптимальное состояние бизнеса, поэтому они стремятся мобилизовать все возможности для экономического успеха предприятия.

Есть социальные условия успеха социального предпринимательства, контекстные обстоятельства. Это:

- Экономический потенциал региона, определяющий платежеспособный спрос и возможность поддержки инициатив из регионального и местного бюджетов.
- Дружественное по отношению к социальному предпринимательству законодательство; отсутствие нормативных и экономических препятствий.
- Наличие инфраструктурных проектов (например, созданные на принципах кооперации экономические и юридические службы; помощь в защите авторских прав инновативных разработок).
- Популяризация идей и образцов социального предпринимательства; разработка программ информационной поддержки социальных проектов и примеров социального предпринимательства.

Политика региональных и местных властей во многом определяет перспективы и динамику развития социального предпринимательства. Но иногда вместо кропотливого «выращивания», стимулирования частной инициативы, в регионах поступают проще: переводят из государственной (муниципаль-

ной) собственности в частную социальные учреждения. Тем самым формально «контрольные цифры» разгосударствления выполняются, но не достигаются существенные цели: не возникает новых технологий, новых методов работы, а воспроизводятся прежние, унаследованные от советского прошлого образцы удовлетворения минимальных потребностей минимальными средствами.

Важны и особенности деловой стратегии социальных предпринимателей. Главные особенности:

- Способность найти новую идею, создать инновационный проект: новое предприятие, новые образцы деятельности, новые технологии, новые способы взаимодействия между людьми и интерес к новаторским идеям других.

- Осознание необходимости постоянного развития. Они понимают, что для развития недостаточно существования в какой-то предпринимательской нише, пусть и достаточно ёмкой. Недостаточно и снижать издержки; находить и использовать инновации. Поэтому в перспективе нужно менять структуру бизнеса. Именно в силу этого возникает *идея кластера как куста близких по роду деятельности предприятий*. У кого-то она реализована, кто-то только к ней примеряется, но большинство видит именно в этом условие устойчивого развития своих предприятий.

- Установка на сотрудничество, а не на конкуренцию в деловой стратегии; открытость во взаимодействии с окружающим миром. Они отмечают, что, во-первых, конкуренция часто не повышает, а снижает качество услуг, потому что предприниматели не способны конкурировать с государством, особенно в таких капиталоемких отраслях как медицина. Во-вторых, развитие негосударственного сектора идёт пока преимущественно в стратегии поиска свободных ниш – тех видов услуг и тех поселений, где государство не оказывает те или иные услуги (т.е., откуда государство уходит, или куда оно не приходит). Очевидно, что нишевая стратегия альтернативна по отношению к конкурентной.

- И важным условием успеха социального предприятия, и результатом его деятельности является *социальная сеть*. Функции сети:

1. Сеть является средством сложения усилий для решения сложных проблем, требующих кооперации. Например, при решении профессиональных проблем, при использовании дорогостоящего оборудования, при обращении к услугам редкого специалиста.

2. Сеть является каналом обмена информацией.

3. Сеть – это среда, где создаются и поддерживаются репутации.

4. Сеть может быть средой для рождения новых идей (предметных и организационных). Сеть способна генерировать, воспринимать, находить практические решения для использования инноваций.

5. Сеть становится средой, где складываются карьеры, должностные и профессиональные (например, от волонтера-помощника до специалиста высокого класса).

6. Сеть становится мощным лоббистом, формулирующим и продвигающим запросы на социальные (в том числе законодательные) изменения.

7. Сеть формирует среду, способную воспринимать и продвигать новую ценностную парадигму социального предпринимательства: сотрудничество, новаторство, благотворительность. И базовых концептов общества в целом: гуманизм, права слабых, защита от произвола.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК **SOCIOCULTURAL ANALYSIS AS HELPING THE PROFESSIONALIZATION IN THE SYSTEM OF THE HUMANITIES**

В.П. Козырьков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

V.P. Kozyrkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Развитие социологии происходит как духовное освоение форм социальной целостности в единстве с формами духовной жизни и культуры. С возникновением электронных коммуникаций появляются новые субъекты, новые социальные запросы и новые критерии в оценке достоверности и значения социального знания. Профессиональная социология активно включает свои идеи и методы в духовную жизнь общества.

Sociology develops as spiritual discovery of social integrity forms in unity to forms of spiritual life and culture. Electronic communications emergence generated new subjects, new social inquiries and new criteria in assessment of social knowledge reliability and value. Professional sociology actively includes its ideas and methods in spiritual life of society.

Ключевые слова: социокультурный анализ, социология, профессионализация, культура, общественное самосознание.

Keywords: Sociocultural analysis, sociology, professionalization, culture, public self-awareness.

Позвольте поделиться некоторыми теоретическими соображениями о новой стадии развития современной социологии. В частности, ее новом статусе,

который в определенной степени может быть назван помогающим. Выскажу ряд тезисов, в которых с разных сторон будут выделены параметры нового этапа развития социологии. Отмечу еще, что выводы носят во многом характер гипотезы.

1. Становление социокультурного статуса социологии

Сейчас социологии уже не нужно доказывать свой научный статус, создавать собственные организации и сообщества, отстаивать право на проведение собственных исследований. Социология столкнулась с ситуацией, что ей важно утвердить свой социокультурный статус, то есть социальный и культурный в их единстве, а не научный. Драматичность развития российской социологии как науки тем и вызвана, что ее статус не получил еще устойчивого закрепления в социальной сфере и в культуре, а взаимодействие с идеологией, политикой и бизнесом делало ее зависимой дисциплиной. Становление нового статуса позволит ей освободиться. Собственно говоря, в этом суть подхода в социологии, который получил название социокультурного анализа. Представляется, что социокультурная роль социологии в этом направлении становления может быть отнесена к помогающей профессионализации, так она позволит помочь обществу помочь социологии стать самостоятельной наукой и помочь становлению новых социальных институтов и новой культуре в целом, необходимой для развития гражданского общества.

С этой точки зрения, профессиональное становление социологии протекает в трех направлениях:

во-первых, происходит активное и тесное взаимодействие с другими социально-гуманитарными науками, и социология становится междисциплинарной формой социальной науки, которая имеет свои, определенные функции в их взаимодействии, содержание которых зависит от той области социальной реальности, которую изучает та или иная наука;

во-вторых, социология превращается в форму рационального общественного самосознания и в часть духовной культуры общества, в которой развивающееся социологическое знание становится основой социального мышления общества, его различных социальных групп;

в-третьих, утверждается ориентация не только на запросы политических и коммерческих структур, но и на интересы гражданского общества, которое становится первичным субъектом социологии, нуждающемся в разнообразном социальном знании для реализации своих идей и проектов в определенной социокультурной среде.

Первичным не в смысле доминирования, а в смысле положительной перспективы для развития общества и его социальной науки, но до ее гражданской ангажированности еще далеко. Мы видим, как социология, развиваясь

по своей структуре, становится особым духовным пространством, которое пронизывает общественное сознание и приобретает статус публичной социальной дисциплины.

2. Складывается новая внутренняя социокультурная среда развития социологии

Выражается это в том, что возникают новые социальные субъекты, которые становятся субъектами социологии: международные группы, исследовательские центры, сетевые сообщества, отдельные личности, представители естественных наук. Такой процесс по своему характеру заставляет нас вспомнить, как происходило становление социологии, когда она рождалась как форма общественного самосознания, как элемент и фактор развития духовной культуры, взаимодействуя с философией, естественными науками, с художественной литературой, критикой, публицистикой. В современной социологии эта проблема получила название процесса социальной и культурной идентификации и можно сказать, что ее решение вылилось в целую отдельную отрасль социологии. Возвращение к истории заставляет нас вспомнить, что процесс профессионализации социологии постепенно трансформировался в становление социологии лишь в качестве науки, испытывая при этом определенный комплекс неполноценности в силу того, что она не могла быть такой же наукой, как науки о природе. Ушла в тень идея М. Вебера о социологии как призвании, когда она становится определяющим элементом культуры поведения социолога и каждого гражданина, руководимых, по словам М. Вебера, «требованием интеллектуальной честности» [1, с. 548-549], которая невозможна вне науки как элементе духовной культуры.

Эта внутренняя противоречивость статуса социально-гуманитарной науки привела к возникновению различных социологических направлений, которые объявляли себя единственно истинными, но в реальности они в чем-то отрицали, а в чем-то дополняли друг друга, выполняя связь социологии с культурой. Представляется, что этот период профессионального развития социально-гуманитарной науки завершился к 70-м гг. XX в., когда была осознана необходимость выхода социологии из своего академического состояния и превращения ее в духовную культуру, выраженную в публичных и частных формах. Социологам стало важно научиться профессионально работать в новых социокультурных пространствах, которые с появлением Интернет и массовых общественных движений стали глобальными. В этих условиях взаимосвязь социологии с культурой и выразилась в особом подходе, который получил название социокультурного анализа. Его суть в том, что социология свою объясняющую, прогностическую и проективную функции должна проявить в системе отстаивания ценностей культуры, в развитии общественных

отношений и социальной деятельности, а не только в деятельности академических организаций социологов. Ее новый статус определяется тем, насколько она адекватно выполняет роль способа социокультурной идентификации отдельной личности, различных социальных субъектов, включая гражданское общество в целом, что получило название поисков национальной идеи. Социокультурный анализ, как реально функционирующая в обществе и культуре социология, превращается из методологической установки в нравственную, в позицию субъекта, который стремится помочь обществу осознать самого себя.

3. Внутренняя культура социологии и общая культура

В существующей литературе редко обращается внимание на то, что социология в своей способности профессионально выполнять «социальную работу» в роли общественной саморефлексии сама должна обладать соответствующей внутренней культурой и всячески способствовать развитию этой культуры. Такая культура не тождественна тому способу социального познания, который получил название «научной парадигмы» или «методологии исследования». В противоположность традиционному способу организации знания, который вырабатывается эзотерически, складывается иная методологическая культура, экзотерическая по своему характеру, выражаясь в различных формах качественных методов исследования, в идее «социологического воображения», в принципах «коммуникационной демократии», в виде дискурсивной социологии, социальной экспертизы и других, конкретных форм взаимосвязи социального знания и субкультур различных групп людей.

Таким образом, медленно и противоречиво идет процесс формирования нового типа социологии, отличие которой от старого, академического или идеологического типа состоит в том, что она существует и показывает свои возможности в социокультурном контексте. Но если «тайная комната» социологов, выраженная ее методологией, стала явной и открытой для всех, то это является показателем того, что социология отделилась от власти и вошла в пространство культуры. По сути дела этот переход привел к качественному изменению всей структуры социологического знания, к изменению ее статуса. Собственным пространством бытия социологии теперь стали не отношения с властью, а пространство культурных ценностей. На этот исторический поворот в развитии культуры социологического знания социологи реагируют различным образом.

Часть социологов придерживаются позиции, что тут ничего особенного не происходит: просто «расширяется» арсенал социологических подходов и методов. То есть замечается лишь количественный рост методов, хотя и несколько иных по характеру (качественных и др.), но все же *методов исследо-*

вания, специфика которых не увязывается с изменением характера социокультурного контекста социологии в целом. Методы исследования внутренне не связываются с технологиями применения социологического знания. Иначе говоря, социологи продолжают сохранять *методологический эзотеризм*, переходя для этого на все более специализированный профессиональный язык. Каждое из направлений в социологии имеет свою терминологию, которую можно рассматривать в виде когнитивных маркеров, показывающих принадлежность социолога к тому или иному направлению.

Распространена позиция, в которой социология использует новые методы уже в привычной, стереотипной логической схеме, когда, скажем, метафора, образ и воображение считаются лишь одним из средств познания, теряя изначальное качество быть элементом духовной культуры. Но при этом исследователи теряют возможность и способность метафоры, образа и воображения осуществлять взаимосвязь содержания социологического текста с многообразием повседневных социальных практик и культуры. От культуры просто абстрагируются, считая, что она является лишь неким общедоступным арсеналом новых приемов и средств познания, которые утрачивают свою связь с культурой, как только мы их используем в социологическом исследовании.

Существует и позиция, в которой социологи сопротивляются тому, чтобы социологическое знание выполняло какую-то иную социокультурную роль, чем та, которая связана с ней как с академической наукой. Считается, что социология должна свято сохранять статус академичности, чистоту своих категорий и методов. Подразумевается, что для этого необходимо создать закрытое и тщательно оберегаемое от публичных глаз социологическое закулисное в виде специальных методов, методик, программ, лабораторий и т. д. Все общество в этом случае видится лишь огромной социальной лабораторией, «правильный вход» в которую имеют только посвященные, то есть академически профессиональные социологи.

Однако жизнь и в этом случае берет свое: субъективно эти социологи пишут свои работы еще в обычном академическом ключе, а в обществе их прочитывают уже в новом культурном коде – как информацию, необходимую для осознания своего места в обществе. Социология начинает выполнять новые социокультурные функции независимо от желания и усилий самих социологов, а в соответствии с характером современной культуры. Качество субъекта социологии в этом случае начинает приобретать гражданское общество в целом и в лице отдельного гражданина.

4. Превращение социологии в массовую форму общественного самознания

Этот тезис наиболее гипотетичен. И все же можно предположить, что при благоприятных условиях тенденция к реальному погружению социологии в социокультурный контекст будет усиливаться. Развитие социологического образования, социальных коммуникаций и сетевых сообществ дают возможность каждому наблюдать за общественными явлениями, собирать и систематизировать социальные факты, поэтому каждый гражданин, если захочет, в определенной мере может стать социологом-любителем, так как занимает позицию, подобную позиции профессионального социолога, исследующего целостность общества в ее различных изменяющихся и противоречивых формах. Нужно сказать, что долгое время, в том числе и в советское, российская социология вербовала в свои ряды именно таким образом, а не через университеты, факультеты и кафедры социологии. Разумеется, это не означает отрицание академической социологии. Однако этот новый субъект социологии как потребитель визуальной, ауди- и прочей социальной информации, поставляемой различными видами СМИ, включая Интернет, стремится выстроить однозначную и часто субъективную картину жизни общества, так как у него нет потребности и способности к теоретической саморефлексии, которая есть у социологов, прошедших научную школу. И все же важно отметить этот факт, что из занятия энтузиастов и узких профессионалов социология превращается в массовую форму общественного самосознания. Не потому, что все становятся профессиональными социологами, а потому, что социологическое знание становится необходимым для гражданского общества и сетевых сообществ, и потому, что существуют новые социокультурные средства и технологии для выхода на этот новый уровень духовного развития. Сейчас социология широко работает в социальной маркетинге, в рекламе, в социальной работе, в политической практике, в архитектуре и строительстве, в процессе обучения и воспитания, социология частной жизни, социальной экспертизе, социология вещей, социология социального предпринимательства и др. областях, каждый раз изменяясь по своей форме. Появляются и все новые отрасли, связанные с коммуникацией, общением, искусством, моралью, религией и др. видами социальной деятельности – с культурой в целом. Подчеркну, что речь идет именно о форме социологии, которая становится отраслевой, вырабатывающей свой способ существования в соответствующей сфере общества. В этом процессе дифференциации социологии и проникновения ее в структуру социальной практики социология не может не изменяться. В частности, возникают такие вопросы: может ли какая-то из отраслей социологии выполнять функции социологии в целом? Остается ли общая социология, если она дифференцируется на отрасли? Ответы даются разные. Например, для кого-то социология культуры, например, выполняет

сейчас функции общей социологии. То же самое утверждается по отношению к роли экономической социологии. Что касается второго вопроса, то среди социологов постмодернистского направления отказ от общей социологии является чем-то естественным, так как, якобы, сейчас не существует общества как целостной системы.

Если речь идет о личности, то в этих условиях социология развивается в виде общекультурного пристрастия человека, реализации его общегражданской позиции. И чем активнее будут академические структуры замыкаться в себе, тем упорнее будет пробивать себе путь неакадемическая социология. Такая новая область профессионализации социологии позволяет ей органично включаться в духовную культуру общества, существовать в публичной или частной форме, становиться визуальной или средством социального конструирования, быть основой социальной технологии и социального управления, социальной коммуникации и проектирования. Все эти и другие, еще не выявившиеся виды духовной деятельности, основанные на социологическом знании и тесно связанные с культурой общества, превращают ее в форму помогающей социальной науки.

5. Социология как форма власти

Социологию часто рассматривают как конкурирующую институцию в борьбе за влияние над общественным сознанием. Ведь как только общество приобретает собственную форму самосознания, позволяющую понять его различные интересы и процессы в связи с общим развитием культуры и человека, так возникают идеи о способности людей к эффективному общественному самоуправлению, в котором социальная наука будет существовать не ради прибыли и не ради политической власти. Вот тогда и возникает интерес гражданского общества в социологическом знании и тогда уже гражданское общество начинает помогать социологии развивать ее социокультурный потенциал. В частности, в более активном ее погружении в осмысление проблематики, которая стала актуальной в области социальной работы, профессии, которая по своим истокам, функциям и результатам является непосредственно помогающей.

Однако достижение такого уровня развития требует от социологии новой формы профессионализации, социокультурной, а не только формирования академических теоретических школ. В то же время, развитие академической социологии в новых условиях приобрело бы устойчивый и гуманистический характер. Взаимодействие двух этих тенденций, академической и социокультурной, могло бы привести к созданию новых демократических моделей общества, к построению прогнозов его развития в интересах всех гражданских структур общества. Не в формальной институализации, а в глубокой теоре-

тичности социологии в социокультурном контексте – вот путь становления собственной профессиональной суверенности социологии, в которой она перестает зависеть от власти и бизнеса. Как только социология утрачивает способность к целостному и доступному объяснению общества, то есть теряет свою способность быть формой общественного самосознания, так падает ее авторитет в обществе, а сама она превращается в разновидность сферы информационных услуг.

6. Социология как ценность культуры

Понимание того, что речь идет именно о качественном изменении самой социологии, ее социального и культурного статуса, еще не стало всеобщим. Культурная ценность социологии как таковой остается не признанной. Самоидентификация социологии лишь в сфере «чистой» науки, идеологии или даже бизнеса не даёт возможности понять, что социология в своей исторической основе является формой общественного самосознания, социокультурной идентификации, поэтому ее становление качественно отличается от становления естественных наук, так как включено в общий процесс развития духовной культуры. Потому-то и существуют различные исторические формы становления социологии, различающиеся по способу ее бытия в культуре. Потому-то и называют в качестве родоначальников социологии самых разных мыслителей, начиная от Аристотеля и заканчивая О. Контом и М. Вебером. Она приобретала философскую, художественную, религиозную, этическую, естественнонаучную, идеологическую и другие формы. Многообразие форм и направлений является признаком существования социологии, а не ее незрелости. Тем самым она позиционирует себя в качестве новой формы духовной культуры, способной решать важные для воспроизводства и развития свойств и качеств человека вопросы путем рационального моделирования и осмысления общественных процессов. В зависимости от успешности выполнения этой роли она то возвышалась в своей культурной роли, то снижала свой культурный потенциал, никогда не утрачивая его окончательно. Косвенным образом эти взлеты и падения социологии получали свое выражение в структуре образования: долгое время отсутствовала в высшей школе, так как оценивалась то как революционная, то как буржуазная наука; становилась обязательной дисциплиной, призванной помочь каждому осознать свои взаимосвязи с обществом и выстроить новые; сокращалась до объемов, приводящих к ее профанации как социальной науки; убиралась из образовательных программ как непрофильная и вытеснялась специальными социальными дисциплинами и технологиями.

Нужно сказать, что этот процесс изменения культурной ценности социологии имеет общий характер. Так, в постмодернистской версии культуры со-

циология как наука вообще исчезает, превращаясь в индивидуализированный дискурс отдельной личности, вступающей в напряженный диалог с фрагментами социальности. Так, Ж. Бодрийяр не считал себя социологом, презрительно к ней относился [2, с. 11], но в контексте современной российской культуры его относят к социологам [3] или к «социальным теоретикам» [4, с. 60]. Это говорит о том, что читатели находят в его работах ответы, которые они не могут найти в работах российских социологов. Следовательно, социология присутствует как ценность в реалиях российского общества, но из другой культуры, а то многообразное знание, которое позиционирует себя в качестве социологии, является совокупностью знаний, которая редко входит в контекст общественных дискуссий по разрешению острейших социальных проблем, поэтому не признается ценностью культуры. Таким образом, социология, несмотря на кризисные моменты, приобретает новые формы и становится элементом духовной культуры общества. Важно разобраться, как она это делает.

Итак, социология является частью духовной культуры общества, поэтому производство и функционирование социологического знания всегда будет иметь определенную социокультурную форму, которая в настоящее время приобретает проблемный характер. С точки зрения рассматриваемой нами проблемы, эта форма вырабатывается во взаимодействии частного и публичного. Анализ показывает, что только в обществе человек может уединяться и обособляться и частная жизнь развивается тоже за счет общественных ресурсов. Дифференциация социальной реальности на частную и публичную когда-то стала одной из предпосылок формирования дистанции между человеком и обществом и, как следствие, возникновения социологии. Она родилась как рациональный способ осмысления публичного отдельным, частным человеком и одновременно как научная, философская и социально-практическая форма осознания человеком своего публичного бытия. Первичным субъектом социологии является частный индивид, стремящийся осмыслить свое публичное бытие с помощью сложившегося в культуре духовного опыта, поэтому первые формы социологии закономерно включали в себя всю совокупность духовного опыта, включая религиозный и социально-преобразовательный. И в этом проявилась не неразвитость социологии как науки, а перспективность ее развития как элемента культуры, так как таким образом она действовала в контексте всей культуры, которой живет человек, а не только в виде теоретических построений. Тем самым она и приобрела свой высокий авторитет в общественном мнении и породила приверженцев этой науки, несмотря на часто полулегальное существование. В соответствии с развитием частного и публичного, тенденциями к их обогащению или

обеднению происходит и развитие социологии как формы общественного самосознания и как ценности культуры, спорадически входя в систему образования или исключаясь из нее.

Следовательно, предметом помогающего внимания социологии должны быть, во-первых, формы частной жизни, которые способствуют становлению социологии в качестве ценности культуры, активно взаимодействующей с публичной сферой, а не частная жизнь вообще (семья, гендерные отношения, социальная работа и др.). Во-вторых, формы частной жизни, которые позволяют включать в себя социологическое знание в качестве средства социокультурной идентификации (религия, музыка, поэзия, игры, отношения родительства, любовь, домоустройство, домашние животные, запахи). В-третьих, такие формы частной жизни, которые активно взаимодействуют с публичной сферой и оказывают существенное влияние на ход развития общества как социальной системы (межличностная коммуникация, социальные сети, домашнее обучение, физическая культура на дому, самолечение). В этом активном взаимодействии частного и публичного социологические знания выполняют свою реальную интегрирующую роль, так как все фрагменты социальности, частного или публичного порядка могут взаимодействовать в механизме воспроизводства и развития культуры тогда, когда имеют осознанный характер. Например, музыкант знает, для какой аудитории он сочиняет музыку, а поэт – пишет свои стихи. В экономике для производства чего-либо детально изучается спрос. Социология тоже входит в «тело» культуры различным образом, но ее присутствие имеет фактический характер, поэтому может изучаться эмпирически.

Для развития социологии как духовной формы культуры необходимо создавать такое знание, которое было бы широкодоступным по своей форме, по характеру исследуемых проблем, по тому, насколько социологическое знание смогло стать одной из духовных основ приватной жизни людей. Если социологическое знание недоступно частной публике, то, следовательно, оно существует в чужой для них приватной форме, принадлежа тем, кто его производит, то есть социологам. Или становится сферой информационных услуг для политических или коммерческих структур. Но если это так, то социология утрачивает свой научный характер как ценность культуры, поскольку по своим корням, по способу воспроизводства и своему назначению она имеет публичный, то есть открытый для всех характер.

И все же из профессиональной академической заботы социология постепенно превращается в духовную предпосылку развития культуры и общества в целом. В этих условиях социология может противостоять сопротивлению факторов, мешающих ее профессиональному и культурному развитию тем,

что сменит свою субъектную принадлежность, переориентируясь с политических и коммерческих установок на гражданские, публичные, культурные, гуманистические цели. Представляется, что свою культурную ценность социология завоевывает путем ее профессионализация в качестве помогающей людям духовной силы. В этом и суть ее власти над людьми.

Литература

1. Вебер М. Избр. произв. – М.: Прогресс, 1990. 808 с.
2. Дьяков А.В. Жан Бодрийяр: Стратегии «радикального мышления». СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008. 357 с.
3. Зенкина С. О первой книге Жана Бодрийяра. Предисловие // Бодрийяр Ж. Система вещей. СПб.: Рудомино, 2001. С. 5-17.
4. Большой толковый социологический словарь. Т. 1. / Под ред. Дэвида Джери, Джулии Джери. М.: Вече, Аст, 1999. 544 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ЭПОХУ ПОСТСОЦИАЛИЗМА PROFESSIONAL PROJECT OF SOCIAL WORK IN THE POST-SOCIALISM

Р.В. Кононенко

*Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики,
г. Москва*

В.Н. Ярская

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

Е.Р. Ярская-Смирнова

*Национальный исследовательский университет Высшая Школа Экономики,
г. Москва*

R.V. Kononenko

National Research University Higher School of Economics, Moscow

V.N. Yarskaya

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

E.R. Iarskaya-Smirnova

National Research University Higher School of Economics, Moscow

Рассматривается роль различных акторов реализации профессионального проекта социальной работы в странах постсоциализма в духе неовеберовского подхода. Социальная работа развивается в пересечении глобальных и локальных сил, конкуренции патерналистских и либеральных ценностей. Показаны противоречия реализации профессионального проекта, формирования статуса и коллективной идентичности профессиональной группы.

The authors consider from the standpoint of neo-weberian approach the role of different actors in the implementation of the professional project of social work in

the post-socialism countries. Social work develops in the intersection of global and local forces, competition and interrelation of paternalistic and liberal value systems. The authors show the contradictions in the implementation of project, the development of the status and collective identity of this occupational group.

Ключевые слова: профессия, профессионализация, профессиональный проект, социальная работа, постсоциализм, социальная инновация.

Keywords: profession, professionalization, professional project, social work, post-socialism.

Введение. Российское правительство предпринимает усилия по развитию социальных услуг, новые акторы появляются в области социальной работы, хотя ключевые вопросы квалификации специалистов, профессиональной культуры, профессиональной идентичности всё еще не решены. Свой вклад в конституирование социальной работы в постсоветской России вносят международные, государственные и частные институции, органы законодательной и исполнительной власти, масс медиа, университетские преподаватели, учёные, практики, общественные активисты и волонтеры. Их взаимодействие приводит к эффектам глобализации в образовании и практике социальной работы [1, 2]. При этом процессы глобального и локального, вестернизации и укоренения переплетаются между собой [3], воспроизводятся в изменённом варианте, вплетаясь в систему локальных социальных, политических и культурных референций [4]. В этом процессе различные акторы конкурируют, создавая переплетение новых смыслов социальной работы, формируют законодательную, социально-экономическую и политическую среду профессии, выступая за собственные интересы и статусы.

Профессиональный проект. Идея представить профессионализацию как проект означает [5], что конкретная профессиональная группа ставит цель повысить свой статус, монополизировать определённую сферу знаний и приобрести доверие общественности. Процесс сопровождается борьбой за власть, юрисдикцию [6] и профессиональную автономию [7], этому способствуют или препятствуют социокультурные условия, особенности государственного устройства, бизнеса, социальной стратификации, организационных культур. Поэтому профессиональный проект может быть реализован по-разному [8].

Государство играет важную роль в профессионализации социальной работы, накладывая заметный отпечаток на содержание, общественное восприятие и коллективную идентичность. Процесс профессионализации проявляется в создании учебных заведений и профессиональных ассоциаций, обеспечении стандартов, определении задач и формировании кодекса этики, право-

вой поддержки территории рабочих мест [9]. Социальное образование – медиум социального государства, катализатор групповых солидарностей, сплочённости, диалога, доверия, в силу рекурсивности образования общественному устройству может оказывать разное влияние на социальные процессы. После распада Союза в новых государствах приняты меры для классификации социальной работы как профессии [10, 11], хотя маршруты проекта профессионализации не одинаковы [12, 13]. В некоторых странах идентичность и границы социальной работы совпадают с социальной педагогикой [14].

Социальная работа известна гуманистическими идеалами, однако остается вопрос готовности специалистов служить в первую очередь интересам общества [15], а не бюрократии. Доминирующее влияние капиталистических ценностей и менеджериализм в государственном секторе ставят вопросы профессиональной подотчетности, характера ролей и функций социальных работников [16].

Предыстория профессионализации. В социалистических странах государство несло ответственность за благосостояние, образование, транспорт, жильё, услуги здравоохранения и отдыха. В соответствии с идеологией реформ универсалистский тип социального обеспечения подвергнут пересмотру, акцент перенесён на принцип адресности. Логика индивидуализации и медиализация нищеты перекликалась с видением проблем как буржуазных пережитков или недостатков социальной жизни [17].

Профессиональное развитие социальной работы в России и других постсоветских странах стартовало в начале 1990-х при активном участии правительства, рынка и гражданского общества, грантов Темпус, Всемирного банка, ПРООН, ЮНЕСКО, Европейского союза. Международные проекты были направлены на развитие компетентности соцработников, структурные изменения системы, новые подходы к перевоспитанию несовершеннолетних правонарушителей [18]. Проекты инициированы на глобальном уровне, их концептуальный аппарат и практическое воплощение адаптированы к местному контексту.

Предприняты шаги по принятию правовой базы, развития социального образования, профессиональных ассоциаций. Несмотря на разные темпы, профессиональный проект социальной работы реализуется на всей территории бывшего СССР.

Дивергенция профессионального проекта: контексты. Историческое наследие, экономическое развитие, международный опыт демократии обусловили различия государств благосостояния и траекторий профессионализации [19]. На основе анализа литературы и интервью с экспертами Армении, Литвы, Беларуси, Азербайджана, Кыргызстана, Украины, Таджикистана,

Казахстана, Узбекистана [20] сделан вывод, что социальная работа в постсоветских странах воспринимается как важная профессия, но её профессиональная автономия пока не высока. Учреждение праздника «День социального работника» и Всероссийского конкурса на лучшего работника социальной службы в России служит повышению престижа профессии. В то же время система базовых компетенций пока фрагментарна, статус профессии остаётся неопределённым, профессиональная группа не обладает должным престижем. Социальные работники в странах постсоциализма находятся под строгим бюрократическим контролем, профессия регулируется не специалистами, а руководством и вышестоящими инстанциями как ресурсом коллективной идентичности. Большую роль по организации социальных услуг играют партнёрство, волонтёры, сотрудничество с общественными организациями. Это точка роста социальной сферы.

Озабоченность качеством предоставления услуг выражается в профессиональных стандартах социальной работы – Эстония, 2001 г. [21], Россия, 2013 г. Первые версии стандартов разработаны с участием представителей вузов, создание экспертного сообщества имеет тенденцию к увеличению контроля над профессией. Межсекторное сотрудничество профессиональных сообществ создаёт условия для моделей профессионализации снизу, и через правительственные постановления – сверху.

Гендерное насилие с 1990-х гг. признается в России, Казахстане, Украине и странах Балтии как социальная проблема [22]. Разработаны новые сервисы для пострадавших от насилия в семье, бывших заключённых, детей и подростков в трудной жизненной ситуации. В профессиональную практику входят понятия инклюзии, сплочённости, расширения прав и возможностей.

Не все образовательные программы фокусируют внимание на антидискриминационных принципах, учебникам не хватает критической оценки социальных проблем, выпускники чувствуют себя не подготовленными к реалиям профессиональной практики [23]. Общественное восприятие профессии связывается с помощью пожилым людям на дому, администрированием социальных благ, легитимируя низкую заработную плату.

Первую скрипку в реализации профессионального проекта в некоторых странах уверенно играют национальные ассоциации (Грузия) и ведущие образовательные программы (Россия, страны Балтии). Новые услуги создаются по инициативе соцработников, способствуя позитивным изменениям. В странах существуют разнообразные культурные традиции, связанные с религиозными и этническими различиями, неоднозначное отношение к импорту моделей социальной работы в сложных условиях глокализации [1].

Выводы. Институционализация российской социальной работы 1990-х гг. произошла в открытой для принятия мирового опыта политической среде, переориентации на прагматичное освоение национальных ресурсов. Его поддерживают административное рвение, авторитарное государство, слабое гражданское общество [24].

Новые учебные программы могут распространять профессиональные ценности и навыки среди российских практиков. Дистанционные курсы, использование интернет технологий компенсируют сокращение международных программ. Важность децентрализации понимается практиками и администраторами социальной работы, однако этот процесс невозможен без повышения профессионального статуса социальной работы в обществе. Профессиональному росту способствует расширение международного сотрудничества с университетами и социальными сервисами, а также межсекторное партнерство на местном и национальном уровнях.

Литература

1. Lyons K. (2006) Globalization and Social Work: International and Local Implications, *British Journal of Social Work* (36): 365-3.
2. Payne M. and Askeland G.A. (2008) *Globalization and International Social Work. Post-modern Change and Challenge* Ashgate.
3. Gray M. and Fook J. (2004) The Quest for a Universal Social Work: Some Issues and Implications. *Social Work Education*, 23(5). 625-644.
4. Yan Miu Chung and Kwok Wah Cheung (2006) 'The Politics of Indigenization: A Case Study of Development of Social Work in China', *Journal of Sociology and Social Welfare* 33(2): 63-83.
5. Larson M. S. (1977) *The rise of professionalism: a sociological analysis*. Berkeley: University of California Press.
6. Abbott A.D. (1988). *The System of Professions: Essay on the Division of Expert Labour*. Chicago: University of Chicago Press.
7. Freidson E. (1988). *Professional Powers. A Study of the Institutionalization of Formal Knowledge*. Chicago: University of Chicago Press.
8. Iarskaia-Smirnova E. and Abramov, R. Professions and Professionalisation in Russia, in: *The Routledge Companion to the Professions and Professionalism*. Routledge, 2016.
9. Wilensky H L. (1964) The professionalization of everyone? *American Journal of Sociology* 70, 137-58.
10. Iarskaia-Smirnova, Romanov 2002; Iarskaia-Smirnova E. and Romanov P. (2002) "A salary is not important here..." Professionalization of Social Work in Contemporary Russia, *Social Policy and Administration* 36(2), 123-141.
11. Penn 1995 Penn, J. (2007). The Development of Social Work Education in Russia since 1995, *European Journal of Social Work*, 10(4), 513-527.
12. Iarskaia-Smirnova E. (2013) Social Work in Post-Socialist Countries: Divergence and Common Ground. In: H. G. Homfeldt, Bähr Ch., Ch. Schröder, W. Schröder, C. Schweppe (eds.). *Weltatlas Soziale Arbeit* (pp. 353-378). Weinheim/München: BELTZ Juventa.
13. Iarskaia-Smirnova E., Lyons K. (2016) Social work in FSU countries: mapping the progress of 'the professional project', *European Journal of Social Work*, 2016, in print.

14. Lyons K. & Huegler N. (2012) European perspectives on education for social work and social pedagogy. In: J. Lishman, (ed) Social Work Education and Training. (pp. 35-51). London: Jessica Kingsley.
15. Saks M. (1995) Professions and the public interest Medical power, altruism and alternative medicine. London and New York: Routledge.
16. Evans T. (2010). Professional Discretion in Welfare Services: beyond street-level bureaucracy. Aldershot: Aldgate.
17. Iarskaia-Smirnova Elena. (2011) Professional Ideologies in Russian Social Work: Challenges from Inside and Outside, in: Selwyn Stanley (ed.) Social Work Education in Countries of the East: Issues and Challenges. Hauppauge, New York: Nova Science Publishers, Inc. 2011: 425-448.
18. Iarskaia-Smirnova E.R. and Romanov P.V. (2015) Social Work in Russia: between the global and the local. In: G. Palattiyil, D. Sidhva, M. Chakrabarti (Eds.) Social Work in a Global Context: Issues and Challenges. NY: Routledge, 207-223.
19. Orenstein M.A. (2008) Postcommunist Welfare States, Journal of Democracy, 19(4), 80-94. URL: http://www.pf.upol.cz/fileadmin/user_upload/PF-katedry/politologie/postcommunist_welfare_states.
20. Iarskaia-Smirnova E., Lyons K. 2016 Social work in Fsu countries: mapping the progress of 'the professional project', European Journal for Social Work, in print.
21. Kiiik R., Sirotkina R. (2005) The Development of Social Work as a Speciality and the Profession in Estonia, Social Work & Society, 3(1), <http://www.socwork.net/sws/article/viewFile/213/273>.
22. Hawkins C.A., Knox K.S. 2014 Gender violence and discrimination in Russia: Learning from an American–Russian partnership, International Social Work 57(5), 511-522.
23. USAID (2008) Social Work Education and the Practice Environment in Europe and Eurasia. Retrieved from communities.usaidallnet.gov/st/node/6.
24. Скотт Дж. Благими намерениями государства. М.: Университетская книга, 2005, 20-21.

КУЛЬТУРА БЕЗОПАСНОСТИ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ THE SAFETY CULTURE: TO DEFINING THE CONCEPT

А.Б. Лымарь

Высшая школа безопасности, Гданьск, Польша

A. Lymar

WSS Gdańsk, Poland

Дается обоснование новой интерпретации понятия культуры в контексте современных задач безопасности. Культура безопасности понимается как система взглядов и мер, направленных на формирование безопасной среды для общественного взаимодействия в условиях динамично изменяющегося мира, технологий и социально-политических процессов.

The article is an attempt to justify a new interpretation of the concept of culture in the context of contemporary security challenges. Safety culture is understood as a system of beliefs and actions aimed at creating a safe environment for social interaction in the rapidly changing world of processes, technologies and socio-political.

Ключевые слова: культура, безопасность, культура безопасности, социальные процессы, молодёжь, образование, профессия.

Keywords: culture, security, safety culture, social processes, youth, education, profession.

Вместо вступления

Понятие культуры безопасности является современным взглядом на привычные реализации потребностей человека в культуре и безопасности. Сочетание двух понятий позволяет выстроить новый характер взаимосвязей между этими понятиями и потребностями, разработать действенные механизмы в прогнозировании связанных с ними общественных процессов, сформировать модели социального взаимодействия на уровне локальных сообществ [1], а также в перспективе оказать влияние на внешние процессы, включая процессы политические, межгосударственные, межкультурные. В контексте поставленных задач, культура безопасности как система взглядов требует разработки эффективных механизмов и способов распространения, доступной интерпретации в разнообразной по уровню развития и запросов социальной среде. В современном понимании, сформировавшемся на протяжении длительного исторического периода, привычным стало обращаться к понятию культурной безопасности, которая рассматривается по аналогии с другими направлениями безопасности, например, общественной, политической, экономической, энергетической и др. Формально это сводится к охране культуры, культурных традиций, их выделению и обособлению. Культура безопасности включает в себя все существующие представления о безопасности и ее виды на уровне восприятия и развития культуры.

Культура безопасности в системе образования

Логичным полигоном для апробации моделей интерпретации и распространения культуры безопасности является институт образования. Эта логика усиливается за счет того, что получателем нового знания о культуре и безопасности здесь является молодое поколение [2]. Сразу следует оговориться, что молодёжь не может рассматриваться как однозначно определяемая возрастная группа с непременно одинаковым набором потребностей, характеристик и возможностей в освоении идей. Различия обусловлены различиями в исходных условиях обитания и развития. Речь идет об отличиях молодых людей, связанных пребыванием в разных культурных, политических, экономических и технологических измерениях, в различных условиях для формирования потребностей и возникновения интерпретаций базовых ценностей. Институт образования в каждом отдельном случае (в каждом обществе, государстве или культурной традиции) использует определенный набор ценностей, характеризующий принципы и приоритеты в восприятии и оценке

окружающей и внутренней среды, опыт в анализе и прогнозировании. Между тем, именно институт образования в первую очередь ответственен за формулировку и трансляцию ценностей и потребностей. В данном контексте становится очевидной проблема искусственных и естественных барьеров, возникающих в процессе распространения идеи культуры безопасности. Речь, прежде всего, идет о барьерах, связанных с традициями в трансляции знаний, отделяющих культуру от безопасности на уровне дисциплинарном. В традиционной образовательной практике, как упоминалось выше, сочетание культуры и безопасности чаще возможно на уровне распространения задач культурного наследования и сохранения традиций как формы обеспечения культурной или национальной идентичности, отличительной особенности, культурного суверенитета. Отсюда приверженность набору национальных культурно-исторических мемов [3], которые сами становятся объектом для охраны от внешнего посягательства, а смыслом становится обеспечение их безопасности от любой неутвержденной интерпретации, ревизии, внешней оценки. Барьером для распространения идеи культуры безопасности в системе образования может быть обусловленная традицией интерпретация понятия безопасности, рассматривающей безопасность лишь в контексте мер и запретов, профилактики и превенции угроз, что само по себе отдаляет от вопросов, связанных с культурой. Закрытые образовательные системы, ориентированные на создание всевозможных ограничений в целях обеспечения определенного и акцептированного большинством общества образа безопасности, используют охотно культурный дискурс в обосновании процесса барьеротворчества. Существенной преградой на пути распространения идеи культуры безопасности является невысокий уровень образовательной информации [4], прежде всего, часто низкий практический потенциал этой информации, слабая ориентированность на постановку конкретных задач и еще меньше – на упрощение их решения. Речь о развитии умений и компетенций по формулированию целей и задач, способных отвечать критериям культуры безопасности, пока не стоит на повестке дня.

Культура безопасности в профессиональной деятельности

Культура безопасности в сфере профессиональной деятельности призвана, прежде всего, решить проблему распространения собственных идей, которым удалось преодолеть барьеры системы образования. В этой сфере традиционно речь идет о культуре труда, культуре производственных отношений и безопасности в процессе исполнения профессиональных обязанностей. Для ряда профессий, хотя бы исторически, существует несколько этических принципов, которые отвечают требованию «не навреди!». С теми, чья профессия связана с непосредственным риском для жизни и здоровья человека, с оказа-

нием всевозможной помощи, более или менее все ясно, так как самой целью их деятельности определяется необходимость обеспокоиться безопасностью и не пренебрегать культурой в работе и взаимодействии с другими. Для многих же профессий понятия культуры и безопасности остаются актуальными лишь на уровне индивидуальных потребностей и в профессиональной деятельности могут игнорироваться вовсе. Между тем, можно отметить, что культура безопасности пока не нашла своего распространения в профессиональной сфере. Здесь встречаем все тот же дисциплинарный барьер, отделяющий профессиональную культуру и этику от профессиональной безопасности. Собственно, примером проявления культуры безопасности может являться конкретный произведенный продукт или услуга, его назначение, качество и полезность. А с этими характеристиками, как правило, возникает немало вопросов и неразрешенных проблем. Здесь, например, можно подробно рассмотреть на предмет соответствия культуре безопасности качество любых производимых товаров или социальных услуг, оказываемых населению. В конечном итоге, в качестве цели любой профессиональной деятельности можно рассматривать формирование особенной среды, некоего пространства, отражающего тот или иной тип культуры, характеризующийся достаточной степенью безопасности для производителя и потребителя. При изначально таком подходе может идти речь о любых других проявлениях культуры и безопасности, включая традиционные интерпретации этих понятий.

Вместо заключения

Культура безопасности может восприниматься как естественное развитие в разное время реализовавшихся программ и проектов в сфере общественной и международной безопасности. Здесь, например, можно упомянуть многовековое развитие и распространение разнообразия этической мысли, реализацию программ культуры мира, толерантности, диалога цивилизаций, коллективной безопасности и прочее. В определенный период истории людей и состояния культуры эта деятельность была востребована и принесла положительные плоды. Однако прежде не стояла задача создания на основе объема знаний о культуре и безопасности комплексной идеи, способной сформулировать универсальную цель и условия взаимодействия при всем многообразии представлений, культур и уровней развития. Внедрение и распространение любой общественно значимой идеи неизбежно связано с длительным периодом преодоления традиций, стереотипов и барьеров. Между тем, концепция культуры безопасности обладает достаточными возможностями для того, чтобы быть положительно воспринятой и успешно распространенной. Для решения этой задачи, в том числе, требуется обратить отдельное внимание на

систему образования и профессиональной подготовки специалистов, прежде всего, занятых в сфере работы с обществом.

Литература

1. Лымарь А.Б. Обеспечение безопасности локальных сообществ. Вопросы партнерства и профилактики // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой – Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2015. С. 139-143
2. Lymar A. Problem wiedzy i niewiedzy w kontekście bezpieczeństwa młodego pokolenia // Podmioty, środowiska i obszary edukacyjne. Wyzwania i zagrożenie xxi wieku. Edukacja połowy xxi wieku w. (t 1/33) Natalia Majchrzak, Andrzej Zduniak (redakcja naukowa). Wydawnictwo Wyższej Szkoły Bezpieczeństwa w Poznaniu, 2014. 295-301.
3. Lymar A. Bezpieczeństwo społeczne w kontekście memów destrukcyjnych Paradygmaty kultury bezpieczeństwa. Edukacja dla bezpieczeństwa. Wyd. WSB, Poznań-Gdańsk, 2016.
4. Panasyuk V.P., Lymar A. Актуальные проблемы теории качества/Actual problems of the theory of quality. Журнал «Образование и наука», 2016. № 4 (133).

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ФАЛЬСИФИКАЦИЙ (К ВОПРОСУ О СОЦИОЛОГИИ КАК ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ) SOCIOLOGICAL DIAGNOSTICS OF ELECTORAL FRAUD (ON THE QUESTION OF SOCIOLOGY AS A HELPING PROFESSION)

А.Ю. Мягков

Ивановский государственный энергетический университет

A. Yu. Myagkov

Ivanovo State Power University

Анализ проблемы фальсификаций исхода голосований в условиях высоко конкурентных выборов. Показана помогающая роль социологии в диагностике электоральных фальсификаций. Излагаются результаты специального исследования, проведенного автором в г. Иваново в целях апробации одного из методов оценки фальсификаций на региональных выборах в 2013 г.

The article analyzes the problem of falsification of voting results in a highly competitive election. The helping role of sociology in diagnostics of electoral fraud is shown. The results of a special study conducted by the author in Ivanovo city for the purpose of testing a method of evaluating fraud in the region elections in 2013 are stated.

Ключевые слова: фальсификация результатов выборов, социологическая диагностика, результаты поствыборного опроса, официальные данные облизбиркома, доверительный интервал.

Keywords: electoral fraud, sociological diagnostics, results of the post-poll survey, official data of regional election committee, confidential interval.

Начиная с 2000-х гг., в нашей стране наблюдается растущий интерес к диагностике электоральных фальсификаций на выборах разных уровней как с точки зрения выявления фактов тех или иных искажений и подтасовок, так и с точки зрения определения их масштабов. В значительной мере этот интерес был стимулирован многочисленными фактами нарушений, вскрытых в период избирательной кампании по выборам в государственную Думу России в 2011 г. и вызвавших тогда масштабную волну массовых протестов со стороны гражданской и политической оппозиции. По некоторым оценкам, приписки голосов в пользу партии власти в Москве тогда составили от 10,8% до 15,9% [1]. Согласно данным Левада-Центра, если по результатам предыдущих выборов в ГД 2007 г. «их называли честными... 60% россиян, а нечестными – 20%, то сразу после выборов 2011 г., в середине декабря, относительное большинство взрослого населения России (45 против 35%) оценили их как нечестные» [2, с. 27]. Наиболее радикальные правозащитники оценивали масштабы фальсификаций в 13 млн. голосов (17% от числа всех проголосовавших), более умеренные наблюдатели называли цифру в 7 млн. (10%). Социологи Левада-Центра полагают, что на выборах 2011 г. в масштабах всей страны были сфальсифицированы голоса 3,5-4 млн. человек (4-6% реальных избирателей) [2, с. 34; 3, с. 172]. Американские аналитики увеличивают эту цифру до 14 млн. (21,3%) [4].

Для диагностики электоральных фальсификаций используются различные методы и приемы (математические, статистические и др.) (см., например: [5; 6]), однако методики, основанные на результатах социологических опросов, сегодня, пожалуй, доминируют в исследовательской практике. Социологические исследования являются важнейшим инструментом, позволяющим контролировать возможные нарушения избирательного процесса и способствующим тем самым демократизации нашего общества [7, с. 75]. В.И. Паниотто и Н. Харченко, например, для контроля за фальсификациями предлагают использовать процедуры сопоставления результатов предвыборных опросов и экзит-поллов с официальной статистикой исхода голосований. По их мнению, величина расхождений между опросными данными и данными избиркомов «в 2-3% или даже в 4-5% вряд ли свидетельствует о значительных манипуляциях. Дело здесь не только в статистической значимости различий, но и в возможности систематических ошибок. Если же различия превышают 7-10%, то вероятность того, что это связано не с ошибками исследователей, а с манипуляциями результатами выборов, весьма высока» [8, с. 159].

Еще одним надежным и в то же время очень простым является метод, основанный на сравнении результатов поствыборных опросов с электоральной статистикой и учитывающий фактические ошибки выборки и доверительные ин-

тервалы. Он был апробирован нами в исследовании по оценке возможных фальсификаций на выборах в Ивановскую областную думу по одному из одномандатных округов в 2013 г. С этой целью через неделю после выборов мы провели выборочный постэлекторальный опрос избирателей (post-poll), участвовавших в голосованиях и отобранных на основе случайной выборки (N=1000). Респондентам среди прочих задавался закрытый вопрос о том, за кого из кандидатов на только что завершившихся выборах они голосовали.

Далее результаты опроса по каждому из кандидатов мы сопоставили с официальной статистикой числа голосов (в %), отданных за них на выборах. Кроме того, мы рассчитали значения фактических ошибок для всех опросных показателей и построили соответствующие доверительные интервалы.

Судя по данным, представленным в табл., наблюдаемые разности между опросными и официальными данными варьируют в довольно узком диапазоне от 0,82% до 3,30%. Если опираться на количественные критерии, предлагаемые В. Паниотто и Н. Харченко [8], можно сделать вывод о практически полном отсутствии манипуляций с голосами избирателей или крайне незначительном вмешательстве в народное волеизъявление. Однако проведенный анализ этих результатов с учетом величины ошибок выборки и значений доверительного интервала свидетельствует о том, что такого рода заключение было бы преждевременным, а возможно и ошибочным.

Таблица

Сравнение результатов поствыборного опроса избирателей с официальными данными облизбиркома, %

Кандидаты в депутаты ¹	Результаты поствыборного опроса	Официальные данные облизбиркома	Фактическая ошибка выборки ²	Доверительный интервал
Кандидат № 1	3,1	3,94	±1,07	2,03–4,17
Кандидат № 2	6,0	7,90	±1,47	4,53–7,47
Кандидат № 3	15,2	14,38	±2,23	12,97–17,43
Кандидат № 4	8,7	5,5	±1,75	6,95–10,45
Кандидат № 5	7,0	9,49	±1,58	5,42–8,58
Кандидат № 6	3,9	2,48	±1,20	2,70–5,10

¹ Данные по участникам выборов (кандидатам) представлены выборочно в целях иллюстрации диагностической процедуры.

² В данном случае ошибка выборки рассчитана для вероятности P=0,95.

Анализируя данные таблицы, мы исходили из следующих соображений.

Во-первых, если фактическое число голосов (%), полученных тем или иным кандидатом на выборах, превышает максимальную границу доверительного интервала, это значит, что есть основания для констатации вероят-

ности «ручного вмешательства» в итоги голосований в виде несанкционированного вброса бюллетеней в пользу данного кандидата.

Во-вторых, если фактическое число голосов меньше минимальной (нижней) границы доверительного интервала, в этом случае можно подозревать искусственное изъятие бюллетеней.

И, наконец, *в-третьих*, если официальные данные избирательной комиссии укладываются в доверительный интервал, тогда можно полагать, что результат не был сфальсифицирован.

Судя по полученным в нашем исследовании данным, можно сделать следующие выводы:

1. У кандидатов № 4 и 6 часть голосов была, по-видимому, незаконно изъята путем несанкционированных манипуляций либо на стадии подсчета числа поданных бюллетеней, либо в процессе оформления итоговых протоколов с результатами голосований («изъятие», или «кража» голосов).

2. Электоральные показатели кандидатам № 2 и 5 были искусственно завышены («вброс» голосов).

3. В электоральной статистике кандидатов № 1 и 3 явно выраженных аномалий не наблюдается, что позволяет предположить отсутствие фальсификаций в результатах выборов.

К сожалению, эти выводы не имеют юридической силы и не могут быть приняты в суде в качестве убедительных доказательств совершения электоральных фальсификаций. Однако используемые для их получения методы позволяют «диагностировать их в тех ситуациях, когда имеются иные существенные основания подозревать наличие вброса или приписок» [5].

Таким образом, социология благодаря своим аналитическим ресурсам помогает решить столь сложную и трудоемкую задачу, как диагностика электоральных фальсификаций и тем самым способствовать дальнейшему развитию демократических процессов в нашей стране.

Литература

1. Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field experiment estimate of electoral fraud in Russian parliamentary elections // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. Vol. 110. No. 2. P. 448-452.

2. Российские парламентские выборы: электоральный процесс при авторитарном режиме. М., 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.levada.ru/sites/default/files/levada-elections2011_o.pdf.

3. Шилов В.Н., Рылкина А.П. Динамика политической конкуренции в России в постперестроечный и постсоветский периоды // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 15 (158). Вып. 27. С. 164-175.

4. Американцы обнаружили фальсификации на выборах в Думу с помощью компьютеров: 14 млн. «аномальных» голосов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.newsru.com/russia/28dec2011/wsjsfraud.html>. (Дата обращения: 13.05.2016).

5. Калинин К. Электоральные фальсификации в России: механизмы, диагностика, интерпретации // Неприкосновенный запас. 2012. № 4 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/n4-2012/16051-elekto-ralnye-falsifikacii-v-rossii-mehanizmu-diagnostika-interpretacii.html>. (Дата обращения: 13.05.2016).

6. Скулкин И.А. Моделирование электоральных фальсификаций // Полития. 2012. № 2 (65). С. 138-154.

7. Паниотто В.И. Использование социологических исследований для контроля результатов выборов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2004. № 3 (71). С. 70-75.

8. Паниотто В., Харченко Н. Социологические исследования как способ контроля за результатами выборов и референдумов // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 1. С. 155-170.

**ФЕНОМЕН ЗАВОДСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
УРОКИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ**
**THE PHENOMENON OF PLANT SOCIOLOGY:
RESULTS AND POSSIBLE PERSPECTIVES**

Ж.Т. Тощенко

Российский Государственный гуманитарный университет

Zh.T. Toschenko

Russian State University for the Humanities

Анализируются возникновение и основные формы деятельности заводской социологии в реализации экономического и социального развития промышленных организаций. Рассматриваются основные позитивные результаты ее функционирования, главные достижения и ограничения в процессе применения принципиально новых методов участия социологов в управлении. Высказываются предложения по возможному использованию опыта заводской социологии в новых экономических реалиях. Оспаривается тезис, что заводские социологи – это помогающая профессия.

The paper analyses the emergence and key forms of plant sociology in its assistance to economic and social development of enterprises. It also describes its main strengths, key achievements and restrictions on implementation of innovative methods which sociologists may use in management. The author suggests ways to apply plant sociology to new economic environment. The paper argues that plant sociologists substitute a helping profession.

Ключевые слова. Социология, заводская социология, социальное развитие, социальное планирование, управленческое консультирование.

Keywords: sociology, plant sociology, social development, social planning, management consulting.

Заводская социология – уникальный феномен в истории отечественной социологии. Ее возникновение связано с новым этапом в развитии советского общества, когда стало очевидно, что организационные и технико-экономические методы исчерпывают свои возможности, и человеческий фактор становится решающим фактором в дальнейшем совершенствовании производственных отношений.

Ее основными представителями были три группы социологов: а) социологи вузов и академических институтов, которые по собственной инициативе или по заказу предприятий выполняли программы и проекты по изысканию резервов их социального развития; б) социологические службы самих предприятий, работники которых обеспечивали информацией руководство организаций по тем или иным актуальным вопросам; в) социологи-консультанты, работа которых ассоциируется с практико-управленческой работой, организационно оформленной для участия в принятии решений по изысканию и реализации социальных резервов труда, укреплению дисциплины и психологического климата, разрешению трудовых конфликтов, повышению производительности труда и др. [1]. Их деятельность лишь косвенно может быть названа помогающей, так как в большинстве случаев результаты их деятельности становились основой для принятия различных приказов, распоряжений, конкретных мер по осуществлению самых разнообразных мероприятий.

Для истории назову наиболее крупных и видных заводских социологов, работа которых стала не только заметным вкладом в развитие и совершенствование производства, где они работали, но и стала фундаментом для их вхождения в научный мир и признания их известными учеными. Это Кировский завод в Ленинграде (Б. Максимов), Камский автомобильный завод (А. Зайцев), Главмосавтотранс в г. Москва (В. Щербина), Пермский телефонный завод (В. Герчиков), Рижской ВЭФ (П. Меньшиков), Московский завод малолитражных автомобилей (В. Ермакова), ЗИЛ (В. Новиков), Татнефть (А. Тихонов), Тираспольская швейная фабрика (В. Чичилимов), Днепропетровский машиностроительный завод (В. Филатова), Ленинградское НПО «Светлана» (А. Федотова), Харьковский центр соц. исследований при Министерстве электротехнической промышленности (Ю. Неймер), Ярославский моторостроительный завод (В. Дудченко и др.), Красногорск, Центр при Мин. Оборонной промышленности (В. Калашников) [2, 3, 4].

Заводская социология начиналась с планов социального развития. Первые попытки их научной разработки и их реализации в производственных коллективах были осуществлены в начале 1960-х гг. по инициативе ленинградских ученых и творчески мыслящих руководителей производственного объединения «Светлана». Этот опыт получил одобрение со стороны самих производ-

ственных коллективов и начал стремительно распространяться. Сфера социального планирования, по существу, до середины 1980-х гг. оставалась основным объектом деятельности заводских социологов. Именно в этот период вопросы теории и методологии социального планирования разрабатывались в основном академической (вузовской) наукой – это работы Н.А. Аитова, Н.И. Лапина, В.Г. Подмаркова, В.Р. Полозова, Ж.Т. Тощенко, З.И. Файнбурга, С.Ф. Фролова и др. [4, 5, 6, 7, 8, 9, 10].

Постепенно деятельность заводской социологии усложнялась. В середине 1960-х гг. практика социального планирования и деятельность социологической службы на предприятиях сложились в самостоятельное направление. Нормой стало то, что социологические и психологические службы на предприятиях стали обеспечивать научно-методическое и профессиональное сопровождение все большего и возрастающего количества социальных процессов, характерных для конкретных производств.

В числе лидеров этого периода можно назвать службы Пермского телефонного завода, московского завода «Красный пролетарий», Рижского ПО «Коммутатор», завода ЗИЛ, Главмосавтотранса, объединения «Татнефть», Днепропетровского металлургического завода и некоторых других. [11, 12, 13, 14, 15].

В 1980-е гг., когда заводские службы получили свое наиболее полное развитие, они расширили сферу своего воздействия – стали широко использовать методы управленческого консультирования. В этот период в стране действуют сотни социологических служб, на предприятиях работают до 8 тыс. социологов. Обозначились социологическая специфика заводских служб, их место в управленческой структуре, выявились устойчивые направления прикладной социологической работы, не пересекающиеся с направлениями работы других служб. Осознана грань, отделяющая прикладную и академическую науку, и предпринята попытка создания специфических средств, адекватных управленческим задачам и принципиально отличных от исследовательских. Социологи попытались встроить свои службы в структуру управления, четко определить свою подчиненность, статус, место в сфере компетенции и ответственности за подготовку и реализацию практических рекомендаций, меру участия в процессе принятия управленческих решений [16, 17].

По данным А.А. Грачева и Н.В. Крыловой, проанализировавших по представительной выборке сведения 139 заводских служб в 1986 г., самой распространенной формой оказалась небольшая лаборатория социологических исследований (51%). Чаще всего она подчинялась либо начальнику отдела НОТ (26%), либо заместителю руководителя по кадрам (25%). Обычно службу воз-

главлял психолог или социолог, иногда – философ. Около половины (46%) служб существовало больше восьми лет. Как правило, численность типичной службы один-пять человек (60%). География заводской социологии: более всего служб на Украине (22%); в Москве, Ленинграде вместе с соответствующими областями – 17%. С точки зрения отраслевой принадлежности, основное количество служб действовало в наиболее «богатых» отраслях: машиностроении (35%), электронной промышленности и приборостроении (20%) [Подробнее см. 3].

Однако в работе заводской социологии были свои недостатки и ограничения. Дело в том, что основной функцией служб являлось производство социальной информации, которая использовалась администрацией для принятия управленческих решений. Жанр работы – исследование и подготовка отчета. Управленческие функции за службой не были закреплены, статус ее не был определен. Этапы работы заводского социолога повторяли традиционную для НИИ схему, требующую подготовки программы, разработки инструментария, проведения исследования, обработки данных. Такие формы работы были слабо связаны с оперативными задачами управления. Находясь в составе предприятия, социологические службы в то же время не были вписаны в структуру его управления: не были четко обозначены подчиненность, управленческая специфика, ответственность за реализацию собственных разработок, их место и сфера полномочий среди других служб [18, 19].

Переход России на рыночные отношения привел к ликвидации заводской социологии по нескольким причинам: а) многие успешные производства рухнули, прекратили свое существование или остались в небольшом объеме; б) для многих производств социальные затраты оказались непосильной ношей, от которой они освобождались; в) переход на рыночные отношения поставил во главу угла максимизацию прибыли, при которой все что ее не увеличивало, подлежало немедленной ликвидации. Однако после четверти века функционирования в рыночных отношениях производства, которые более или менее вписались в новые условия, стали в той или иной мере практиковать возвращение этих служб и их ориентацию на решение важных проблем производства. Первые ростки этого возрождения на ряде предприятий Урала, на Северном Кавказе показали, что в новых рыночных отношениях по-прежнему важны социальные факторы роста производительности труда, способы решения конфликтных ситуаций, создания новых способов оплаты труда, а также проблемы повышения квалификации. Появились и новые функции – отслеживание роли, места и значения производственной организации в структуре отношений с другими уровнями власти, обоснование способов защиты интересов во взаимоотношениях с другими органами и организациями. Иначе го-

вора, актуальность и значимость социальных проблем производства – пусть и на новой основе, но требует создания подразделений, которые бы на научной основе готовили предложения по решению назревших проблем организации.

Литература

1. Бритвин В.Г. Социологическая служба предприятия и проблемы повышения эффективности социологических исследований // Социологические исследования. 1984, № 4; Гайкова А.А. Пути развития служб социального развития / Социальные и социально-психологические процессы в производственном коллективе / Отв. ред. В.В.Сартаков. Красноярск, ССА, Сиб. отд-ние, 1989.
2. Тощенко Ж.Т. Социология управления. М., 2015.
3. Щербина В.В. Развитие заводской социологии: история, опыт, наследие /Вехи российской социологии. 1950-2000-е гг. / Отв. Ред. Ж.Т. Тощенко, Н.В Романовский. М., 2010.
4. Аитов Н.А. Социология труда. Алма-Ата, 1996.
5. Лапин Н.И., Корнеева З.М., Наумова Н.Ф. Теория и практика социального планирования. М., 1976.
6. Величко А.Н., Подмарков В.Г. Социолог на предприятии. М., 1976.
7. Полозов В.Р. Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л., 1987.
8. Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1980.
9. Файнбург З.И. Современный этап научно-технической революции и социальное планирование // Вопросы философии. 1971. № 10. С. 28-38.
10. Фролов С.Ф. Социальное планирование в производственном коллективе. Горький, 1969.
11. Герчиков В.И. Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: Методология с позиций практики. Новосибирск, 1984.
12. Неймер Ю.Л. Социальное планирование в отрасли. М., 1986.
13. Громов И.А., Максимов Б.И., Ющенко А.Н. Социологическая лаборатория предприятия. Л., 1972.
14. Меньшиков Л.И. Деловая оценка работников в сфере управления. М.: Экономика, 1974.
15. Тягушев А.Ф., Федотова А.П. Социологическая служба. Л., 1985.
16. Зайцев А.К. Социологическая служба производственного объединения. Опыт КА-МАЗа. М., 1982.
17. Чичилимов В.В. Заводской социолог в системе управления коллективом // Социологические исследования. 1982, № 4.
18. Щербина В.В. Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во МГУ, 1991.
19. Тихонов А. В. Социология управления. М. 2007.

**КАКОВЫ ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ?
WHAT ARE THE PERSPECTIVES FOR LABOR RELATIONS
STUDIES IN RUSSIA?**

Б.Г. Тукумцев

*Центр исследований социально-трудовой сферы Социологического
института РАН, г. Санкт-Петербург*

B.G. Tukumtsev

*Center for Sociology of Labor of the Sociological Institute of the RAS,
Saint-Petersburg*

Речь идет о выполненных в Санкт-Петербургском Социологическом институте РАН разработках методологии исследования трудовых отношений и трудовой деятельности, в основу которых положен культуральный подход. Новизна методологии обусловлена тем, что в ее основу заложен признанный мировым социологическим сообществом вывод о том, что в условиях жизни современного общества социальные изменения получают, прежде всего, культурную мотивацию.

The article states made at the St. Petersburg Academy of Sciences Sociological Institute development methodology of the study of labor relations and labor activity, which was based on the culture approach. The novelty of the methodology developed by the fact that it is based lay recognized by the international sociological community scientific conclusion that in the conditions of life of the modern civilized society, social changes are prepared primarily cultural motivation.

Ключевые слова: культура; культурная мотивация; культура деятельности; культура трудовых отношений; взаимодействие; содержание и характер труда; нормы и правила; социальные институты; ценности.

Keywords: culture, cultural motivation, culture activities, the culture of labour relations, interaction, the content and nature of the work, the rules and regulations, social institutions, values, value system.

Не является секретом, что исследовательская деятельность социологов России, анализирующих в настоящее время сферу трудовой деятельности и трудовых отношений, не располагает методологической концепцией, адаптированной к новым экономическим и политическим реалиям в стране.

Проблема эта возникла еще в начале 90-х гг. прошлого столетия. Одновременный переход к рыночным отношениям, осуществленный тогда, стал тяжелым испытанием для работающих людей, особенно для тех, кто был занят на промышленных предприятиях. Не поддерживаемое и не контролируемое со стороны государства в течение почти десяти лет становление новых трудовых отношений сопровождалось небывалым произволом со стороны новых

собственников, массовыми увольнениями, невыплатой заработной платы, конфликтами. Обстановка на предприятиях и состояние трудовых отношений между вновь прибывшими собственниками и работникам наемного труда во многом напоминали (а в чем-то напоминают и сейчас) ситуацию, характерную для промышленных производств Европы и Америки, но в конце 19 столетия [1]. Принятый Правительством России в 2001 г. новый трудовой кодекс не создал условий для придания цивилизованного характера содержанию трудовых отношений. Решив некоторые правовые вопросы, он не устранил жесткого противостояния между собственниками и работниками наемного труда, не способствовал формированию социального партнерства между ними. И, естественно, ничем не напоминал обстановку на предприятиях в советское время.

Поэтому не было ничего удивительного в том, что когда после произошедших перемен исследователи появились на предприятиях, чтобы познакомиться с их работой в новых условиях, они обнаружили там принципиально иную социальную ситуацию. А также ощутили ограниченность тех средств анализа, которыми они обладали. Располагали же они исследовательской концепцией, которая известна как концепция «Отношение к труду». Успешно используемая в советский период, в новых условиях она оказалась недостаточной. Она рассматривала возможность анализа лишь одной из характеристик труда – его «содержания». Но не была рассчитана на рассмотрении другой его характеристики – «характера труда». Она не располагала методологией анализа отношений, складывающихся между наемными работниками и работодателями.

Попытки исследователей восполнить этот пробел за счет использования методик и показателей конфликтологов, экономистов, социальных психологов и антропологов были, наверное, полезны, но проблемы в целом решить не могли.

Разумеется, ни сама концепция «Отношение к труду», ни ее авторы в сложившейся ситуации повинны не были. Тем более, что и сама концепция не потеряла своего значения и успешно применяется и в настоящее время при оценке отношения к труду и удовлетворенности им. Что же касается взаимодействия между работодателями и работниками наемного труда, то в момент написания книги «Человек и его работа» они ее авторами не рассматривались. Не было такой задачи. В те времена в СССР в соответствии с Конституцией орудия и средства труда являлись (во всяком случае – были провозглашены) собственностью тех, кто на них работал. Именно этим и объяснил возникшую ситуацию А.Г. Здравомыслов, который вместе с В.А. Ядовым создавал концепцию «Отношение к труду». «В ходе аналитической работы, –

писал он, – было предложено разделение факторов, гипотетически влияющих на отношение к труду, на факторы общесоциетальные и специфические. При этом к общим факторам мы отнесли все те обстоятельства, которые имели идеологический смысл: например, общественная собственность на средства производства. Мы заявили, что эти факторы нас в рамках данного исследования не интересуют, поскольку они касаются в равной мере всех членов общества» [2].

Между тем в условиях рыночной экономики «характер труда», состояние взаимодействия сторон трудовых отношений превращается в важнейший фактор формирования эффективной трудовой деятельности.

Владимир Александрович Ядов, будучи соавтором концепции «Отношение к труду», прекрасно понимал всю парадоксальность сложившейся ситуации и старался найти необходимое решение. Уже в конце 90-х годов им был инициирован международный исследовательский проект, в котором приняли участие канадские ученые и исследователи ряда регионов России. Анализировалось состояние новых трудовых отношений. Была предпринята попытка сопоставить ситуацию на отечественных предприятиях с ситуацией на предприятиях некоторых других государств, в частности, в ФРГ и Канаде [3]. Наряду с этим сотрудники Центра исследования трудовой деятельности ИС РАН, руководимого В.А. Ядовым, выясняли возможности методики датского исследователя Хофштедта, оценивающей влияние национальных культурных факторов на состояние трудовых отношений.

Создать методологическую и методическую основу исследования трудовых отношений на этом этапе не удалось. Но удалось существенно приблизиться к решению этой задачи. Основное внимание исследователей, которых волновала эта проблема, было направлено в этот период на изучение революционных изменений в европейской и американской теоретической социологии во второй половине 20-го в. Первым таким значимым изменением стало признание ведущими социологами Европы и Америки необходимости смены действующей социологической парадигмы. Столь радикальному шагу способствовали работы таких известных социологов, как М. Арчер, П. Бурдьё, Э. Гидденс, П. Штомпка и некоторые другие [4]. Все они пришли к общему мнению, что структурно-функциональный подход, обязанный своим созданием, прежде всего, Т. Парсонсу и Р. Мертону и обозначивший целую эпоху в развитии мировой теоретической социологии, исчерпал свои эвристические ресурсы. Его место занял более адекватный современному видению развития социума «активистский подход». «Этот подход, писал в начале нового столетия В.А. Ядов, существенно видоизменяет, иногда переворачивает представления о взаимоотношениях между подсистемами социокуль-

турного целого, между объективными условиями общественного бытия и ролью социальных агентов, своей практической деятельностью изменяющих социальные институты и себя самих» [4].

Стало совершенно очевидным, что активистский подход формирует новое представление об объекте и предмете социологического исследования. Такие категории, как общность, группа, структуры в качестве объекта исследования уже не воспринимаются. Новая парадигма предполагала и предполагает в качестве объекта социологического анализа «деятельность людей, акторов», протекающую в различных социальных и организационных образованиях. А также «*взаимодействие*» акторов (трудовые отношения, внутригрупповые отношения).

Что же в таком случае становится предметом исследования, определяющим направленность, содержание и интенсивность деятельности или взаимодействия? Несколько забегаая вперед, здесь следует дать однозначный ответ. В новых условиях им становится «*культура*» – одно из старейших понятий социологической науки.

Все более часто появляющиеся в работах социологов во второй половине 20-го столетия утверждения о включении культуры в круг механизмов, формирующих социальную деятельность, и признание за ней роли «двигателя» общественных изменений давало основание полагать, что назревает очередной существенный пересмотр функций, роли и содержания культуры как социологического феномена. Еще в 90-е гг. российский ученый Л.Г. Ионин указал на то, что в настоящее время происходит изменение роли культуры в обществе. Причем, меняется само понимание культуры, оценка ее места в деятельности людей. А происходящие «социальные изменения, – пишет он, – получают в основном культурную мотивацию. Все эти явления свидетельствуют о том, что культура прогрессирующим образом перенимает *функции мотора, двигателя общественных изменений и развития*» [5]. Подобную оценку феномена «культура» в конце 20-го столетия можно обнаружить в работах Р. Мертона [6] П. Штопки [7] и ряда других авторов. Все они приходят к убеждению, что культура в наше время оказывается впереди того, что происходит в реальности.

Итоговый революционный шаг в формировании нового видения понятия «культура» в жизни социума осуществила в 90-е годы группа социологов США во главе с Дж. Александером. Ими была обоснована новая концепция, которую они обозначили как «сильная программа» и которая предлагает совершенно иной, в отличие от традиционного, взгляд на роль культуры в развитии и изменении общества.

Противопоставляя культуру в ее новом предназначении понятию «культура», которым оперирует традиционная социология культуры, сторонники нового подхода считают необходимым подчеркнуть их принципиальное отличие. Отсюда и непривычное название, которое дал Дж. Александер своей концепции – «культуральная социология». «Социология культуры», – пишет он, – если посмотреть на нее с расстояния, представляет собой ландшафт того же рода, что и «культуральная социология». Культура в понимании традиционных социальных культурологов – это *совокупность результатов деятельности* людей, т.е. социальное наследие. Отсюда и происхождение понятия «культурного лага». В культуральной же социологии культуре отводится совершенно иное место в деятельности акторов. Она рассматривается как *генератор, формирующий и регулирующий социальную деятельность* [8]. С большой долей уверенности можно утверждать, что Дж. Александер и его коллеги раскрыли в своей концепции один из вариантов «социального механизма активистского подхода».

В.А. Ядов высоко оценил работу группы Александера. Он писал: «Дж. Александер выдвинул идею культурной социологии, а в сущности предложил рассматривать культуру в функции основного движителя социальных трансформаций на основе того, что ценности, культурные коды и дискурсы в обществе как раз и выступают главной причиной социальных изменений» [4].

Идея новой «Культуральной социологии» с момента опубликования первой работы Дж. Александера в 1996 г. получила широкую поддержку. Она стала предметом дискуссии на XVI Всемирном социологическом конгрессе в Дурбане (ЮАР) в 2006 г. [9]

Но для практического использования идей новой концепции в конкретных исследованиях трудовой деятельности и трудовых отношений необходимо было выполнить соответствующие методологические и методические разработки, накопить опыт исследований с использованием новой концепции. Подобную попытку использования культурального подхода в исследовании деятельности и трудовых отношений наша исследовательская группа СИ РАН осуществила в 2006 г. Нам не удалось попасть на промышленное предприятие. Исследование проходило в четырех исследовательских институтах и продолжалось три года [10].

В качестве *объекта анализа* в исследовании выступала научная деятельность сотрудников (1) и их взаимодействие с администрацией (2). В качестве предмета – культура исследовательской деятельности и культура взаимодействия с администрацией. Понятию «культура» была дана такая интерпретация: «Культура исследовательской деятельности сотрудников и их взаимо-

действия с администрацией – это система ценностей, социальных норм, обычаев, правил и поведенческих практик в сфере этой деятельности. Она формируется под воздействием социальных форм жизни общества, норм и институтов государственного законодательства, управленческой политики, организационных мер, неформальных практик и традиций в исследовательских организациях».

Опыт нашего первого экспериментального исследования показал, что культура в ее новой роли оказалась чрезвычайно информативным предметом исследования. Особенно в сочетании с качественными методами опроса. Мы получили впечатляющую картину недопустимо низкого уровня культуры научной работы, проливающую свет на проблемы результативности некоторых академических учреждений. Разумеется, это был пока еще первый опыт такого рода исследования. С его результатами мы, естественно, познакомили В.А. Ядова. И на Питерской конференции 2013 г. «Современное общество и труд» в своем выступлении он совершенно определенно высказался в пользу признания культуры трудовой деятельности и трудовых отношений в качестве наиболее удачного предмета социологического анализа в сфере труда.

Литература

1. Бочаров В.Ю., Тукумцев Б.Г. Социальное партнерство на промышленных предприятиях / Петербургская социология сегодня – 2013: Сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып.6. СПб.: Нестор-История, 2014. С. 10-63.
2. Здравомыслов А.Г. Социология: теория, история, практика / А.Г. Здравомыслов: отв.ред. Н.И. Лапин / Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2008.
3. Джоан Де Барделебен, С. Климова, В. Ядов. Становление трудовых отношений в постсоветской России. М.: Академический проект. 2004. 320 с.
4. Ядов В.А. Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций. Курс лекций для студентов магистратуры по социологии. Издание второе, испр. и дополн. СПб.: Интерсоцис. 2009. С. 8.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. М.: Логос. 1998.
6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура // М.: АСТ. Москва, Хранитель. 2016.
7. Штомпка П. Социология. М.: Логос, 2005.
8. Alexander J.C. The Meanings of social Life. A Cultural Sociology. Oxford: University press. 2003.
9. Тощенко Ж.Т., Романенко Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире / Социологические исследования. №6 2007. С. 3-12.
10. Тукумцев Б.Г. Анализ инновационной деятельности в научных учреждениях: культуральный подход // «Петербургская социология сегодня». Сборник научных трудов Социологического института РАН / Отв. ред. И.И. Елисеева. СПб. Нестор История. 2009. С. 310-362.

**О ПРАКТИКЕ РАБОТЫ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ
РЕБЕНКА В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ
И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
THE WORK OF COMMISSIONER FOR CHILDREN'S RIGHTS
IN NIZHNI NOVGOROD REGION TO PROTECT UNDERAGES'
RIGHTS AND LEGAL INTERESTS**

М.В. Ушакова

Уполномоченный по правам ребенка в Нижегородской области

M.V. Ushakova

Commissioner for children's rights in Nizhni Novgorod region

Рассматриваются риски и проблемы защиты детства, анализируется роль и деятельность Уполномоченного по правам ребенка Нижегородской области в предупреждении и решении данных проблем (через анализ обращений различных категорий граждан в интересах несовершеннолетних детей).

The paper reviews risks and problems in childhood protection and looks at the role and activities of commissioner for children's rights in Nizhni Novgorod region to prevent and handle such problems (by analyzing underage-related applications from different applicants' groups).

Ключевые слова: детство, детствосбережение, детская защищенность, семейное неблагополучие, образовательная организация.

Keywords: childhood, childhood protection, children's protection, family ill-being, educational institution.

Согласно статье 38 Конституции Российской Федерации, детство как важный этап жизни человека находится под защитой государства, которое создает необходимые предпосылки для нормального развития, воспитания и образования детей.

К полномочиям государственной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 24 июля 1998 года №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» относится реализация государственной политики в интересах детей, в том числе деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Уполномоченный по правам ребенка в Нижегородской области в рамках своей компетенции содействует становлению и развитию этой политики, полагая совместно с заинтересованными ведомствами и учреждениями улучшить положение детей.

Чтобы подчеркнуть значимость анализируемой проблемы, рассмотрим ряд статистических данных, полученных по линии ГУ МВД России по Нижегородской области. Так, по итогам шести месяцев текущего года на территории

области в отношении детей и подростков было совершено 625 преступлений (-3,3% к аналогичному периоду прошлого года (АППГ), 646), почти половину из них составляют побои и причинение легкого вреда ((266/ АППГ – 225) и преступления против половой неприкосновенности (49/ АППГ – 78).

В органы внутренних дел за 6 месяцев т.г. доставлен 871 безнадзорный несовершеннолетний (АППГ – 751 (+16%)), которому требовалась помощь со стороны государства. 220 родителей за рассматриваемый период были лишены родительских прав.

На этом фоне проблема неисполнения родителями или иными законными представителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетних остается одной из самых актуальных и острых наряду с другими, связанными с соблюдением и защитой прав и интересов иных жителей нашего региона.

Анализ результатов работы Уполномоченного свидетельствует о том, что такое положение дел является, как правило, следствием семейного неблагополучия и недостатков проведения индивидуальной профилактической работы специалистами органов системы профилактики.

Эр-Риядскими Руководящими принципами для предупреждения преступности несовершеннолетних, принятых Генеральной Ассамблеей ООН, определено, что следует уделять особое внимание политике предупреждения, способствующей подготовке к жизни в обществе и интеграции всех детей, особенно через семью. При этом каждое общество должно придавать первостепенное значение потребностям и благополучию семьи и всех ее членов, а государствам рекомендовано вырабатывать политику, способствующую воспитанию детей в условиях стабильной и благополучной семьи.

Представляется очевидным, что только нормальная и здоровая семья есть главный залог благоприятного (законопослушного) поведения ребенка и гарантия его безопасности (физической, психической и духовно-нравственной). Именно в условиях воспитания в семье формируются правильные культурные, этические и даже правовые основы и навыки поведения несовершеннолетнего.

На это же направлена и государственная семейная политика детствосбережения. Так, Президентом России В.В. Путиным в Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 гг. была поставлена задача *«Обеспечения для всех детей безопасного и комфортного семейного окружения, в условиях которого соблюдаются права ребенка и исключены любые формы жестокого обращения с ним»*. Кроме того, поручено обеспечивать профилактику семейного неблагополучия, основанную на раннем выявлении, индивидуальной и адекватной помощи семье, находящейся в трудной жизненной ситуации, оказываемой на межведомственной основе.

Остановлюсь на вопросах участия Уполномоченного в работе по обращениям различных категорий граждан в интересах несовершеннолетних, поступающим на рассмотрение Уполномоченному.

Проблемные детские вопросы, обозначенные в обращениях как родителей или законных представителей несовершеннолетних, так и лиц, заинтересованных в купировании негативных проявлений в семейном окружении детей, в основном касаются семейных правоотношений, алиментных обязательств, государственных мер социальной поддержки, жилищных прав, правового статуса семьи и ее членов, порядка воспитания детей, реализации их прав на образование и охрану здоровья.

В ряде случаев Уполномоченным разъяснялись требования действующего законодательства, регламентирующие порядок реализации государственных мер социальной поддержки семьи, обжалования действий (бездействия) должностных лиц, судебных решений. Заявителям предлагались правовые пути разрешения спорных ситуаций и проводилась работа по установлению статусных документов детей и их родителей.

Самой многочисленной группой явились обращения по вопросам семейного права. Третья часть данных обращений связана с определением порядка общения одного из родителей с ребенком и места его жительства.

К сожалению, из-за непримиримости родителей друг с другом заложниками их конфликтов выступают дети, поскольку в любом случае нарушается их право на гармоничное воспитание и общение с каждым из родителей.

По-прежнему трудноисполнимыми являются решения судов об определении места жительства детей, о соблюдении условий общения с ребенком другим родителем либо родственниками. Особенно остро эта тенденция проявляется в случаях вывоза либо ввоза детей в другие субъекты Российской Федерации и за ее пределы.

В качестве резонансного примера можно привести недавний случай похищения и вывоза в апреле текущего года за пределы Нижегородской области ребенка, проживавшего вместе с матерью в Кстовском районе, отцом в Республику Дагестан. В защиту права на совместное проживание ребенка с мамой выступили десятки жителей нашего региона, правозащитные организации. Уполномоченным направлялись запросы детскому правозащитнику в Республику Дагестан, но, к сожалению, до настоящего времени ребенок находится в Дагестане.

Рассматривая сферу вопросов, связанных с образовательным процессом, отмечаю, что основная часть обращений граждан о нарушении прав ребенка на образование вызвана конфликтными ситуациями в школе между учащимися, родителями и педагогами. Отсутствие взаимопонимания между участ-

никами образовательного процесса порождает их неконструктивное поведение.

При этом школьные конфликты приводят к неоправданному потоку жалоб в вышестоящие инстанции. Как правило, все обращения подобного рода рассматриваются с выездом на место и разрешаются совместными усилиями сторон. Нередко к этим процедурам подключаются территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Не переходя к детальному рассмотрению всего спектра рассматриваемых вопросов, хотелось бы акцентировать внимание на том, что перед собой мы ставим задачу реализовать идею использования института Уполномоченного как площадки, на которой происходит эффективный диалог государства с представителями гражданского общества. Это позволяет вовлечь в диалог всех, от кого может зависеть решение детских проблем.

Их анализ с выводами о мерах, которые необходимо предпринять, ежегодно представляется депутатскому корпусу областного Законодательного Собрания, руководителям органов государственной власти Нижегородской области.

Повторюсь, детской защищенности необходимы устойчивая семья как основополагающий, проверенный веками институт социализации ребенка и благоприятные условия, создаваемые государством и обществом для его жизнедеятельности. При этом практика правозащитной деятельности позволяет определить несколько системных рисков в социальной безопасности детства, которые могут спровоцировать либо стать причиной асоциального поведения несовершеннолетних.

Первый, как нам видится, – это недостаточный уровень качества и профессионализма работы с семьями, находящимися в социально опасном положении или в трудной жизненной ситуации, и с безнадзорными несовершеннолетними, который проявляется в отсутствии исполнительской инициативы, индивидуального подхода, учитывающего особенности каждой неблагополучной семьи, в неиспользовании всех имеющихся возможностей для сохранения семьи и её социального оздоровления в интересах ребёнка.

Основной причиной этого является формальный подход многих работников уполномоченных ведомств и служб к реализации своей главной функции – обеспечению условий соблюдения основного права ребёнка – права на жизнь. Это является следствием кадровых просчётов при подборе сотрудников, имеющих зачастую крайне слабую профессиональную подготовку и недостаточную личную мотивацию к работе с детьми. Особенно остро данный риск проявляется при необходимости определения и применения специалистами оперативных мер для обеспечения безопасности ребёнка, соблюдения

его прав и наилучших интересов подростковой среды. Почвой для подростковой преступности, а также для преступлений в отношении несовершеннолетних является семейное неблагополучие, нежелание родителей заниматься воспитанием своих детей, а также специфические проблемы органов системы профилактики по выстраиванию грамотной работы с семьями.

Все это отчетливо проявляется в ходе работы с обращениями, адресованными Уполномоченному по правам ребенка.

Серьёзные риски социальной безопасности детства определяются также ухудшением психологической и духовно-нравственной обстановки в общеобразовательных организациях. Обостряются конфликты не только между учениками, но и между учащимися и педагогами. При этом анализ таких происшествий свидетельствует, что корни проблем часто кроются в отсутствии профессионально выстроенной системы взаимодействия взрослых и детей. Учитель перестаёт быть для школьников и родителей референтным лицом, зачастую отсутствует эффективная воспитательная среда в школе, которую вытесняет система по «предоставлению услуг образования». Всё это накладывается на проблемы перегруженности учащихся, ухудшения их здоровья, организации качественного и здорового детского питания.

Стоит уделить особое внимание главному риску – потерять за самыми разнообразными мероприятиями, проводимыми с детьми, самого ребёнка, мнение которого сегодня, к сожалению, часто не учитывается, поскольку на практике не существует механизма учёта мнения самих детей при принятии различных управленческих решений, направленных на обеспечение их прав и законных интересов.

Значительная часть проблем подросткового возраста, в том числе вопросы предупреждения безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, имеют социальную природу. Прежде всего, это – социальные риски подросткового возраста: злоупотребление психоактивными веществами и суицидальное поведение (по данным ВОЗ, Россия сейчас занимает 1 место по суицидам детей), ксенофобия и экстремизм, девиантное и противоправное поведение, рискованное сексуальное поведение и социальная дезадаптация подростков, Интернет- и игровая зависимость и многое другое. В общественном сознании такие риски воспринимаются как утрата нравственных ориентиров современной молодежи.

Комплексный подход к созданию эффективной системы защиты семьи и детей, современного управления профилактикой детского и семейного неблагополучия невозможен без координации деятельности всех органов и учреждений, призванных в пределах своей компетенции обеспечивать защиту прав и законных интересов семьи и детей.

Региональный детский правозащитник на постоянной основе принимает активное участие в проводимой представителями всех субъектов системы профилактики Нижегородской области работе по предупреждению преступлений, совершаемых несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, в выявлении семей, находящихся в социально опасном положении, а также лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий.

Уполномоченный не только активно участвует в различных органах профилактической направленности, но и инициирует создание новых форм деятельности, в основу которых заложено межведомственное взаимодействие всех заинтересованных звеньев профилактической работы.

Внедряются такие формы работы, как детские общественные приемные; выездные консультативные пункты, работа которых направлена на выявление важных социальных проблем, оперативное реагирование на обращение с использованием возможностей всех ведомств системы профилактики.

Существуют и другие направления работы Уполномоченного: участие в мероприятиях по оказанию правовой помощи несовершеннолетним в рамках Дня правовой помощи детям, в режиме телемостов и горячих линий, совместных с Уполномоченным по правам человека приемов граждан в городах и районах Нижегородской области.

Многое делается в рамках соглашений о взаимодействии, заключенных с заинтересованными структурами органов власти и правоохранительной системой, в том числе с Главным управлением МВД России по Нижегородской области, Прокуратурой Нижегородской области, Следственным управлением Следственного комитета России по Нижегородской области и другими.

В заключение хочу отметить, что имеющийся опыт рассмотрения обращений граждан отчетливо показывает, что только при тесном взаимодействии всех субъектов системы профилактики детского неблагополучия достигается желаемый результат в виде наилучшего обеспечения интересов и прав несовершеннолетних.

Но, защищая права ребенка, мы не должны забывать еще об одном из важнейших аспектов совместной работы – *учить ребенка обязанностям* гражданина нашей страны.

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ

ДОКЛАДЫ

**ВОЛОНТЕРСТВО КАК ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ¹**

VOLUNTEERS AS A OBJECT AND SUBJECT OF SOCIOLOGY

П.А. Амбарова, Г.Е. Зборовский

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

P.A. Ambarova, G.E. Zborovsky

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,

Ekaterinburg

Раскрывается «помогающая» и «понимающая» функции социологии в исследовании такого направления социальной работы, как волонтерство. Показаны методологические и методические ресурсы социологической науки для изучения различных аспектов феномена волонтерства: отношения населения к различным его видам, значения в деятельности органов власти и различных общественных организаций для решения острых социальных проблем.

Expands to «help» and «interpretive» functions of sociology in the study of the kind social work as volunteering. Showed methodological and methodical resources of sociology to study various aspects of the phenomenon of volunteering: the relationship of the population to its various types, the values in the activities of government and various non-governmental organizations, to address the acute social problems.

Ключевые слова: предмет социологии, волонтерство, социальная работа.

Keywords: subject of sociology, volunteers, social work.

Волонтерство в общественном сознании привычно связывается с социальной работой как ее особое направление, включенное в систему социальной политики. И это правильно. Рассмотрение его как формы благотворительности, как добровольческого движения составляет, скорее всего, «сердцевину» анализа волонтерства [1, с. 49]. Не менее важно изучение этого социального феномена как вида гражданской активности, а по существу – элемента гражданского общества. Учитывая широкий интерес в социуме и науке к различ-

¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

ным аспектам волонтерства – экономическим, социальным, политическим, культурным, спортивным, военным, детским и др., мы имеем все основания рассматривать его как очень широкую, весьма значимую сферу общественной жизни. Рефлексией такого интереса стало превращение волонтерства в междисциплинарное поле научного исследования.

Свое место в этом поле находит, наряду со многими отраслями знания, и социологическая наука. Это место определяется, как минимум, двумя ипостасями социологии. Во-первых, это изучение волонтерства в качестве социального феномена, что напрямую вытекает из специфики социологии – науки, изучающей общество как социальную систему [2]. Во-вторых, это использование целого ряда стратегий и методов количественного и качественного характера для исследования социальных феноменов, в том числе и волонтерства.

Учитывая сказанное, есть основания полагать, что в отношении волонтерства социология выступает как своего рода помогающая деятельность. Когда социолог изучает волонтерство в качестве социального феномена, т.е. как объект науки, он выявляет его роль и место в жизни общества, отдельных социальных общностей, личности. Благодаря использованию ряда методов эмпирического исследования, относящихся как к количественным, так и качественным стратегиям, становится возможным выявить отношение к волонтерству в социуме.

Здесь следует иметь в виду сложную структуру добровольчества, многочисленные его виды, заинтересованное внимание к ним со стороны различных групп населения. Мимо этого обстоятельства не должны проходить органы государственной власти и государственные организации, общественные движения и объединения, проявляющие интерес к волонтерству. Этот интерес может реализоваться и материализоваться в использовании деятельности социологов-профессионалов, широкого арсенала их исследовательских возможностей.

В данном случае речь идет уже о предметной стороне социологии в ее отношении к волонтерству. Понимая в самых общих чертах под предметом социологии совокупность центральных проблем, вытекающих из ее объекта, мы считаем необходимым обратить особое внимание на актуализацию некоторых видов добровольчества в самые последние годы и изучение отношения к ним в обществе.

Так, значительный интерес вызывает волонтерство в отношении больных детей – начиная со сбора средств на лечение тяжело больных детей и ухода за многими из тех, кто лишен такой возможности со стороны родственников. На уровне исследования эта проблема даже не ставится в социологии. Между

тем в структуре социологической науки существует активно развивающаяся в последние годы отрасль – социология детства. С нашей точки зрения, было бы весьма полезно в рамках этой отрасли обратить особое внимание на исследование проблемы детского волонтерства, направленного именно на категорию тяжело больных детей.

Еще один вид добровольческой деятельности, который значительно актуализировался в последние годы вследствие вполне понятных политических процессов, происходящих на Украине, в Сирии и в иных горячих точках (их появление можно прогнозировать), – военное волонтерство. Кроме того, что нет по известным соображениям достоверной информации о количестве воюющих или находящихся в зонах военных действий российских добровольцев, общество не информировано об отношении к этому виду волонтерства со стороны населения, его различных групп и слоев.

Задача социологической науки состоит в том, чтобы выявить это отношение. При этом возникают некоторые непростые вопросы: является ли военное волонтерство элементом гражданского общества (как многие другие виды добровольчества – социальное, спортивное, экологическое и др.)? Какие структуры и слои общества заинтересованы в развитии военного волонтерства?

Конечно, для социологии крайне важно исследовать не только отношение к названному виду волонтерства, но и получить срез ориентационного сознания самих военных добровольцев, того, что лежало в основе их решения о выборе соответствующего «воюющего» поведения. Можно лишь в самых общих чертах предполагать, какова мотивация такого выбора (деньги, идейные соображения, стремление к самореализации именно таким образом, специфика поведения людей, побывавших в «горячих точках» и «заболевших» интересом к соответствующему образу жизни, связанному с использованием оружия и др.).

Сегодня социологи четко констатируют возросший интерес к спортивному волонтерству, что имеет под собой достаточно понятные и объяснимые соображения: проведение в стране в последние годы крупных международных соревнований – олимпиад, универсиад, чемпионатов мира и др. [3] Сейчас крупные города России, на стадионах которых будут проходить футбольные матчи чемпионата мира 2018 г., переживают настоящий бум волонтерского движения. Претендуют на то, чтобы стать волонтерами на этом спортивном соревновании гораздо больше людей, чем требуется. Проводятся конкурсы на основе довольно строгих критериев отбора волонтеров. Но, насколько нам известно, социологи оказались в стороне от этого волонтерского движения. А ведь здесь тоже есть проблема мотивации. Знание ее помогло бы лучше по-

нять многие аспекты волонтерского поведения, отличить подлинное волонтерство от квази-, псевдо- и полуволонтерства.

Мы рассмотрели здесь лишь некоторые аспекты волонтерства как социального феномена, требующие научного «вмешательства» социологии. Но и они говорят о том, что эта наука вполне может стать не только «понимающей», но и «помогающей». Здесь как раз тот самый случай, когда теоретические исследования способны в определенных условиях, когда в них существует социальная потребность, превратиться в прикладные разработки. Социология, в силу специфики своего объекта и предмета, вполне может участвовать в этом глубоко позитивном процессе.

Литература

1. Певная М.В. Значение волонтерства в профессионализации социальной работы в идеологии гражданского общества // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2012. № 2 (26). С. 47-51.
2. Зборовский Г.Е. Общая социология. М.: Гардарики, 2004. Глава 1. 592 с.
3. Сухарькова М.П. Волонтерские практики на Олимпийских играх: (не)альтруизм в условиях (не)коммерческого мега-проекта // XVI Апрельская международная научная конференция НИУ ВШЭ по проблемам развития общества и экономики (07–10.04.2015 г., г. Москва). М.: ВШЭ, 2015. С. 45-50.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ДЕТСТВОСБЕРЕЖЕНИЯ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ REGIONAL SOCIAL POLICY FOR FAMILIES AND CHILDREN: THE SOCIOLOGICAL ANALYSIS

О.В. Бессчетнова

*Балашовский институт (филиал) «Саратовский национальный
исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского»*

О.А. Волкова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

Э.К. Наберушкина

Саратовский государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

O.V. Besschetnova

Balashov branch of Saratov National Research State University

O.A. Volkova

Belgorod State University

E.K. Naberushkina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Представлен региональный опыт социальной политики детствосбережения на основе статистических данных за пятилетний период и материалов социоло-

логического исследования, проведенного в 2016 г. при финансовой поддержке РФНФ, в рамках научного проекта «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» № 16-03-00057.

The paper presents the experience of regional family social policies, based on five year period statistical data as well as the materials of sociological research, conducted in 2016 with the financial support of Russian Foundation for Humanities in the framework of the research project “Life trajectories of children and their biological parents, restored their parental rights”, № 16-03-00057.

Ключевые слова: семья, дети, оставшиеся без попечения родителей, сиротство, региональная семейная социальная политика.

Keywords: family, children left without parental care, orphans, regional family social policy.

Сиротство является одной из наиболее актуальных проблем современного общества. По данным Министерства образования и науки РФ, численность сирот в 2015 г., составила 481 921 человек (в 2014 г. – 493 071), из которых 83% находились на различных формах семейного воспитания [1]. Несмотря на то, что за последние пять лет количество вновь выявленных детей, оставшихся без попечения родителей, постепенно снижается, проблема сиротства продолжает оставаться угрожающей в масштабах всего российского общества.

В работах отечественных и зарубежных ученых, с одной стороны, отмечается негативное влияние асоциальной семьи на физическое и психологическое здоровье детей, которое провоцирует у них формирование девиантного поведения, приводит к нарушениям детско-родительских отношений, социальной дезадаптации. С другой стороны, изъятие детей из биологической семьи с последующим ограничением/лишением биологических родителей их прав представляют собой меры по защите детей от недобросовестного исполнения или злоупотребления родительскими правами, что, в свою очередь, требует разработки механизмов социальной политики по решению вопросов детствосбережения, снижению количества дисфункциональных семей, сокращению масштабов социального сиротства, развитию эффективной системы помощи семьям с детьми.

Для анализа причин и источников социального сиротства в РФ были взяты Белгородская (ЦФО), Саратовская (ПФО) области и Забайкальский край (СФО), выбор которых обусловлен их приграничным географическим положением, социально-экономическим уровнем развития, удаленностью от столицы.

По официальным данным, в 2015 г. на территории Саратовской области проживало 8848 детей, оставшихся без попечения родителей (в 2014 г. – 9118), из которых 7820 (88, 4%) – на семейных формах устройства [6].

На территории Забайкальского край за тот же период насчитывалось 7 692 ребенка (или 2,9% от общего количества детского населения – 264950 детей), из которых 5368 детей находились на семейных формах устройства, 94 – проживали в домах ребенка, 1747 – в различных социозащитных и коррекционных учреждениях, 75 – в социально-реабилитационных центрах, 408 детей обучались в системе учреждений начального и среднего профессионального образования [7].

В Белгородской области находился 2191 ребенок, оставшийся без попечения родителей, что на 10% меньше по сравнению с показателями предыдущего года. В области сохранилась тенденция к снижению численности вновь выявленных детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей – 296 (в 2014 г. – 329 детей), из которых 119 детей остались без попечения в результате лишения родителей родительских прав. В 2015 г. 330 (85,5%) детей переданы на семейные формы устройства, что на 1,5% больше, чем в 2014 г.; из них усыновлено – 22 ребенка, передано под опеку (попечительство) – 219, в приемную семью – 47, возвращено биологическим родителям – 42 [8]; в Саратовской 22 и 38 детей соответственно [6].

Вместе с тем, количество детей, возвращенных в кровные семьи, как по стране в целом, так и в исследуемых регионах, остается катастрофически низким. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2014 г. в РФ 14561 ребенок возвращен кровным родителям, 9392 из которых проживали на различных формах семейного устройства, 4341 – в системе интернатных учреждений. Цифры говорят об эффективности, по сравнению с интернатными учреждениями, семейных форм реабилитации детей и их биологических родителей, которые способствуют воссоединению членов кровной семьи.

Неисполнение обязанностей по содержанию и воспитанию детей, злоупотребление родительскими правами, проявление жестокого обращения являются основаниями для лишения родительских прав (таб.1).

Таблица 1

Динамика детей, родители которых лишены родительских прав
в 2011-2015 гг. (чел.)

Регион	2011	2012	2013	2014	2015
Саратовская	821	755	622	560	498
Белгородская	174	173	239	188	176
Забайкальский край	845	830	742	609	591

С 2012 г., произошло переориентирование субъектов системы профилактики сиротства с лишения на ограничение родительских прав.

Таблица 2

Динамика детей, родители которых ограничены в родительских правах
в 2011-2015 гг. (чел.)

Регион	2011	2012	2013	2014	2015
Саратовская	139	113	103	65	59
Белгородская	58	64	49	46	43
Забайкальский край	124	134	162	158	154

Анализ статистических данных показывает, что доля лиц, восстановленных в родительских правах, в несколько раз ниже числа граждан, к которым применены соответствующие санкции. Федеральная служба государственной статистики не содержит сведений о родителях, восстановленных в родительских правах; отсутствует информация о детях, возвращенных в семьи кровных родителей. Отрывочные сведения можно найти в докладах Уполномоченных по правам ребенка, на сайтах Министерств или Правительств соответствующих субъектов РФ.

Следует отметить практически полное отсутствие социальных структур, специализирующихся на оказании помощи родителям, лишенным родительских прав, по возвращению опеки над детьми. Несмотря на то, что сотрудники социозащитных учреждений уверяют о готовности оказать любую помощь данной категории родителей, первостепенным является факт личного обращения за услугами (заявление), что выступает существенным препятствием для большинства родителей, лишенных родительских прав.

Для изучения причин и социальных условий, приводящих к лишению родительских прав и, как следствию, появлению социального сиротства, в 2016 г. на территории Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края при финансовой поддержке РГНФ было проведено социологическое исследование «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах», научный проект № 16-03-00057.

По утверждению экспертов, отсутствие мотивации родителей, неверие в собственные силы, трудности изменения асоциального образа жизни, преодоление влияния криминогенного социального окружения, отсутствие поддержки расширенной семьи выступают социальными барьерами для восстановления родительских прав.

«Конечно, помощь осуществляется, но не всегда родители идут на контакт, чтобы самостоятельно добиться каких-то результатов. Это же мы помогаем, но за них мы все сделать не сможем» (Социальный педагог, жен., стаж 11 лет, Забайкальский край).

«Как правило, это большой труд, почему не каждый родитель это делает. Это нужно реально изменить ситуацию в семье» (*Социальный педагог, жен., стаж 7 лет, Белгородская область*).

«Нужно всем окружающим людям, инстанциям доказать, что ты взял себя в руки и ты способен воспитывать своего ребенка самостоятельно. Тогда инстанции, в которые он будет обращаться, пойдут ему навстречу. Потому что, какой бы лучший детский дом ни был, в семье все равно лучше» (*Зав. приемным отделением социально-реабилитационного центра, жен., стаж 15 лет, Саратовская область*).

Целесообразным представляется создание специализированных структур, в деятельность которых входит: 1) выявление, учет, комплексная подготовка лишенных прав родителей к воссоединению с родными детьми; 2) формирование позитивного отношения родителей к ребенку, выработка позитивной мотивации к изменению образа жизни; 3) повышение информационной, психолого-педагогической и правовой компетентности родителей; 4) подготовка ребенка к воссоединению с кровной семьей; 5) оказание посреднической помощи на промежуточных этапах сближения детей и родителей; 6) организация сопровождения, супервизии, наставничества, привлечения приемных родителей (опекунов/попечителей); 7) разработка специализированных социальных программ на региональном и муниципальном уровнях; 8) привлечение всех субъектов профилактики социального сиротства к решению проблем семей, находящихся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации.

Литература

1. Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/проекты/поддержка-детей-сирот>. (Дата обращения 26.09.2016).

2. Саратовская область в цифрах – 2015: Краткий статистический сборник / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Саратовской области. Саратов, 2016. 263 с.

3. Сведения о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, в разрезе по регионам [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.usynovite.ru/statistics/2014/6/>. (Дата обращения 26.09.2016).

4. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2015: Стат. сб./ Белгородстат. Белгород, 2015. 564 с.

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ И КАЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ
В СОЦИОЛОГИИ: ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ**
**QUANTITATIVE AND QUALITATIVE METHODS IN SOCIOLOGY:
AN INVITATION TO DEBATE**

А.А. Иудин

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.A. Iudin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Определяется место количественных и качественных данных в конкретном социологическом исследовании, обосновывается нецелесообразность противопоставления количественных и качественных методов социологического исследования. Рассматривается диалектическое взаимопроникновение этих методов в конкретном исследовании. Предлагается новый подход к вопросу классификации уровней и методов социологического анализа. Выявляется содержание комплексного анализа конкретной социальной ситуации, являющейся проблемным основанием начала социологического исследования. Приводится структура конкретного примера комплексного анализа, в рамках которого был уточнен международный уровень социальной проблемы, которая рассматривалась первоначально как проблема регионального уровня в рамках Российской Федерации.

The place of quantitative and qualitative data in a particular case study, grounded unreasonableness opposition of quantitative and qualitative methods of sociological research. We consider the dialectical interpenetration of these methods in a particular study. A new approach to the classification levels and methods of sociological analysis. It revealed the contents of a comprehensive analysis of a particular social situation, which is problematic basis beginning sociological research. We present a concrete example of the structure of complex analysis, in the framework of which was refined international level social problem, which was seen initially as a problem at the regional level within the framework of the Russian Federation.

Ключевые слова: аналитическая и объясняющая социология, количественные и качественные методы, комплексный анализ социальной ситуации, многомерный контент-анализ, социологическое исследование, эмпирическое и прикладное исследование.

Keywords: analytical, explanatory sociology, quantitative and quality-governmental methods, the complex social situation analysis, multi-dimensional content analysis, case study, empirical and applied research.

В отечественной научной и научно-методической литературе, особенно распространяемой в интернет, нередко можно встретить упоминание социологов-качественников и социологов-количественников. Эти упоминания свя-

зываются не просто с наличием качественных и количественных методов в социологии, но и с наличием в профессиональном социологическом сообществе неких качественников и количественников. Причина упорного употребления этих весьма странных классификаций очевидно проистекает из дискуссии, инициированной Г.С. Батыгиным, которая находила отражение на страницах авторитетных социологических журналов. Многие социологи, посетившие научные социологические собрания в столице, помнят, что Геннадий Семёнович нередко начинал свои публичные выступления (на любую тему) словами «Карфаген должен быть разрушен, качественные методы должны быть запрещены». В этой дискуссии ему противостояла В.В. Семенова, выпустившая, в частности, книгу «Качественные методы: введение в гуманистическую социологию». Само название данной работы подчеркивает гуманность именно качественных методов, хотя, на наш взгляд, эти методы не более гуманистичны, чем количественные. Более того, в данном случае заявляется о становлении новой социологии, хотя фактически социологи включают в поле своего зрения всего лишь новые объекты анализа, пытаясь осмысливать их с позиций социологической науки. Строго говоря, каждое новое исследование включает в круг своего рассмотрения новые объекты анализа, ведь всякое исследование начинается с определения объекта исследования и, если бы социологи работали с одним и тем же объектом, то данная процедура была бы бессмысленной.

Разговоры о гуманистической социологии иногда ведутся в связи с тем, что социология является как бы гуманитарной наукой и, хотя ее предметом является не человек, а общество, но общество нередко рассматривается как совокупность индивидуумов, которая и создает это общество. Однако эта точка зрения небесспорна: от Л. Фейербаха в марксистскую традицию органично вошло представление о том, что общество – это совокупность отношений (собственности, обмена, распределения, потребления), а не людей. Эти отношения выстраиваются между людьми, между группами людей, между институтами, а также между индивидуумами и группами, между группами людей и институтами. Эти связи и отношения многочисленны и многообразны, и именно в этом состоит чрезвычайная сложность социологического познания.

Высокий авторитет солидных столичных участников дискуссии по поводу количественных и качественных методов породил подражание на периферии, хотя несомненно, что любое количественное исследование начинается с качественного анализа исследуемой социальной ситуации – с теоретического анализа. Эта мысль пронизывает все работы В.А. Ядова по методологии, методике и технике социологического исследования. Об этом он говорил и в

последние годы своей жизни: «... мы с самого начала (ещё с Ленинграда и по сей день) очень тщательно отрабатываем программу исследования, от теории (детально: все индикаторы смысловые, эмпирические и т. п.) до пробы методик по всем правилам» [1, с. 13-14]. И на стадии интерпретации результатов количественное исследование завершается качественным описанием выявленных связей и закономерностей. Противопоставление количественных и качественных методов бессмысленно и бесперспективно. Очевидно, что качественный анализ первичен и, в конечном счете, следует различать количественные и качественные данные, а не методы.

В современной социологической литературе можно встретить перечисление различных уровней, ветвей и типов социологического знания, хотя многие из этих классификаций небесспорны. Так, различают два уровня всякого научного знания, в том числе и социологического – теоретический и эмпирический. И если по поводу теоретического уровня в социологии все более или менее ясно, то эмпирический уровень имеет несколько самостоятельных названий, и кроме собственно эмпирической социологии выделяют еще и конкретную социологию, и прикладную социологию. Впрочем, и в теоретической социологии нередко выделяют фундаментальный и общетеоретический уровни. Верхний этаж социологического знания нередко называют еще и социософией – философией общества. По другой классификации различают несколько типов социологических исследований: фундаментальные и прикладные, теоретические и эмпирические. Фундаментальные исследования в социологической науке обычно не разводятся с теоретическими, а прикладное и эмпирическое отличают одно от другого: прикладное направлено на получение знания для решения практических задач, а эмпирическое – в получении фактов для научного обобщения. Нередко в учебниках и методических пособиях приходится сталкиваться с указанием, что прикладное исследование – это оперативное исследование, проведенное на одном объекте. Хотя известно, что оперативное исследование характеризуется прежде всего компактностью объема замера и времени, потраченного на него, а один отдельно взятый объект может изучаться сколь угодно внимательно, долго и подробно.

Прикладное исследование ставит своей целью понимание сути протекающих в обществе процессов и прогноз возможного развития событий. Основная цель теоретических исследований – интерпретация событий, их объяснение. Недостаточность привычного подхода к описанию структуры социологии для современного уровня развития социологической практики можно проиллюстрировать на примере серии замеров по поводу образа России у иностранцев. Возможно, это были даже не эмпирические, а прикладные исследования в силу того, что исследователей интересовал сугубо практиче-

ский результат – именно образ России за рубежом и именно в данный момент. В случае практического использования российскими органами, занимающимися противодействием информационным атакам на страну, результатов данных исследований, эти исследования имели бы реальное практическое значение и практическое использование. Вместе с тем в основе такого исследования не лежит некая отработанная методика, концепцию и инструментарий во всех подробностях пришлось разрабатывать именно под данное исследование. В частности, на первом этапе работы была спроектирована ЭСИ-методика (эпистолярная социологическая интернет-методика), а для анализа очень больших массивов текстовой информации использовалась авторская программа Лекта [2, с. 16]. Таким образом, прикладное исследование является полновесным научным замером, имеющим в своей основе собственную концепцию, достаточно сложную и развернутую.

Сугубая научность и оригинальность прикладного исследования ярко проявила себя в комплексном социологическом исследовании, осуществленном летом 2011 г. с целью определения причин, истоков и характеристик отторжения идеи строительства АЭС жителями территорий, в зоне которых предполагалось строительство нижегородской АЭС. Это был именно комплексный анализ социальной ситуации, который осуществлялся с использованием нескольких социологических замеров, тесно связанных между собой. Во-первых, был осуществлен многомерный контент-анализ нескольких групп информационных источников, во-вторых, экспертный социологический анализ отношения людей к вопросам строительства АЭС. Многомерный контент-анализ включал в себя анализ 1) статей и информационных заметок местной, 2) федеральной и 3) англоязычной прессы, анализ 4) российских интернет-блогов и 5) англоязычных интернет-форумов. Следует отметить, что анализировался очень представительный массив. Так было проанализировано 414 статей в печатных СМИ Навашина и Муром (с 2007 по 2011 гг.), 1388 публикаций из 44 ведущих российских СМИ (с 1980 по 2011 гг.), 232 статьи международных англоязычных СМИ (преимущественно американских и японских – с 2006 по 2011 гг.). В анализ было включено 585 высказываний пользователей российских интернет-ресурсов и 53,5 тыс. сообщений пользователей интернет-форумов topix.com. Экспертный анализ включал в себя два социологических замера. Во-первых, была осуществлена серия глубинных экспертных интервью работников системы местного самоуправления города Навашино и Навашинского района, в рамках которого обсуждались проблемы и перспективы развития данной территории (19 интервью). Во-вторых, был осуществлен анкетный опрос экспертов, освещающий проблемы и перспективы развития данных территорий. Экспертами явились 443 представи-

теля интеллигенции и работники городского и районного звеньев самоуправления Навашина, Муром и соответствующих районов. Кроме того, был осуществлен анализ материалов в Интернет, посвященных активным деятелям атомного протеста. Краткие результаты исследования изложены в научной статье [2].

Данный комплексный замер, который был осуществлен в течение трех месяцев, позволил увидеть сложный и многоплановый характер исследуемой проблемы. Прежде всего, следует отметить, что исследуемая ситуация вокруг проекта строительства Нижегородской АЭС носит глобальный характер и, как любой глобальный проект, имеет как сторонников, так и противников. Проект Нижегородской АЭС вызвал мощный социальный протест не только в Нижегородской области, где планировалось строительство станции, и не только в некоторых районах Владимирской, граничащих с местом предполагавшегося строительства, но и на федеральном уровне. Регион, в котором планировалось строительство станции, является депрессивным регионом, не имеющим сколь-нибудь оптимистичных перспектив своего социально-экономического развития без радикальной помощи со стороны федеральных властей. Наиболее активные противники строительства Нижегородской АЭС обнаруживают себя далеко за пределами зоны строительства и основывают свою аргументацию на активном обсуждении произошедших атомных катастроф, особенно аварии в Чернобыле и Фукусиме, используя и интенсивно подпитывая атомную фобию (радиофобию) в самых разнообразных информационных источниках. Интересно, что на американских форумах доминируют сторонники атомной энергетики, которые довольно спокойно комментируют ситуацию с авариями на атомных станциях, но лишь до тех пор, пока это не касается Чернобыля. Противники атомной энергетики обнаруживают себя прежде всего в российских СМИ и в русскоязычном интернете. Среди противников строительства Нижегородской АЭС активно выступали также местные политические функционеры, использовавшие протестные настроения населения в интересах предстоявших выборов в муниципальные органы управления.

Использованный инструментарий позволил выделить четыре группы акторов с принципиально отличающимися позициями в данном конфликте. Во-первых, это люди, приехавшие на протестные акции в Муром из столицы. Фактически они являются профессиональными оппонентами любых крупных наукоемких экономических проектов России. Во-вторых, это местные политики, успешно использовавшие протестные движения в собственной избирательной кампании. В-третьих, ученые, исследовавшие проблемы карстовых территорий в течение нескольких десятилетий и возмущенные фактом игно-

рирования их научных наработок при осуществлении экспертизы. Четвертая группа – это сторонники строительства АЭС. Они считают, что такой крупный проект мог бы стать существенным толчком к экономическому и социальному развитию огромной территории, включающей несколько районов из двух регионов РФ, имеющих экономические проблемы, связанные с нехваткой энергетических мощностей.

Группы отличаются прежде всего характером аргументации и использованием разных аналитических инструментов. Первая группа (федеральные активисты-противники атомной российской энергетики) присутствует в информационном пространстве как местной, так и федеральной прессы и обнаруживает себя в одинаковом наборе сюжетных линий. Вторая и третья группы (Муромские политики и ученые) обнаруживаются только в местной прессе, и сюжеты, выстраиваемые ими, весьма специфичны. Выступления политиков эмоционально насыщены и отличаются высоким накалом тревоги в предсказаниях неизбежности грядущих катастроф. Ученые настаивают на недостоверности осуществленных замеров, говорят о некомпетентности столичных специалистов. В их сюжетах явно просматривается обида в связи с тем, что их данные были проигнорированы. Представители четвертой группы включают наиболее квалифицированных хозяйственных руководителей. Позиция противников АЭС доминантна, они ведут себя активно, эмоционально и не опасаются, что их аргументы могут быть несостоятельными. Позиция сторонников отличается не просто осторожностью, но даже известной робостью.

Интересно распределение протестных настроений по территориям, соприкасающимся с местом предполагаемого строительства. Это распределение было описано с помощью серии опросов – анкетных, глубинных интервью, экспресс-опросов. Наиболее высок уровень радиофобии – в Муроме, а в Навашине значительно ниже, хотя они расположены практически рядом – на разных берегах Оки. С районом предполагаемого строительства АЭС граничат Вачский и Кулебакский районы, причем сам райцентр Вача расположен к предполагаемому месту строительства в дер. Монаково ближе, чем Навашино и Муром. Недалеко от этих мест расположены также Выкса и Павлово. Однако ни в Ваче, ни в Кулебаках, ни в Выксе, ни в Павлове никаких сколь-нибудь заметных антиатомных движений не зафиксировано. Причина в том, что именно Муром явился центром этого по сути своей политического движения. Именно отсюда началось мощное движение, основанное на радиофобии и призванное сорвать развитие практических инженерных инновационных разработок в Нижегородской области.

Данное исследование показывает бессмысленность даже не противопоставления, а просто разделения количественных и качественных методов. Они тесно взаимосвязаны, и качественные методы отличаются только тем, что они просто не доводятся до количественных оценок.

Возвращаясь к вопросу о классификации методов конкретных социологических исследований, комплексный анализ нельзя отнести ни к фундаментальным, ни к теоретическим исследованиям. Это типичный пример т.н. прикладного анализа, однако он основан на достаточно четко проработанной системной концепции и позволил рассмотреть весьма сложные социально-политические структуры и процессы. Мы все же склонны называть такие исследования скорее не прикладными, а аналитическими: эти разработки обладают всеми признаками глубокой системной научной разработки. Цель данного исследования заключалась в понимании нюансов протекающих процессов, ибо именно в нюансах кроется суть происходящих событий. В отличие от этого так называемые теоретические исследования ставят основной своей целью интерпретацию событий, и это скорее интерпретационная, объясняющая, описывающая социология, стремящаяся не столько понять суть социальных процессов, сколько освоить собственный понятийный аппарат и терминологический словарь.

Нам представляется необходимым выделение двух основных направлений в социологии – объясняющего и аналитического [3]. Необходимость аналитической социологии формулирует еще О. Конт, создавая позитивное направление в философии и публикуя свой основной труд «Курс позитивной философии». Его воззрения, как отмечали и отмечают его критики, были во многом идеалистичны и механистичны. Тем не менее, он явился не просто родоначальником позитивизма, но создателем новой науки, призванной, по типу естественных наук, давать точное, позитивное, общезначимое знание об обществе. Формулируя необходимость позитивной социологии, он выделяет три стадии развития науки: теологическая, метафизическая и научная. В изложении сути научной стадии он приводит параграф 3: «Назначение положительных законов: рациональное предвидение» [4]. По Конту, в социальном познании мы все еще не вышли из метафизической, спекулятивной стадии. Не придерживаясь крайних позиций по вопросу о соотношении эмпирического и теоретического уровней научного познания, мы понимаем, что реальный познавательный процесс диалектически решает вопрос по поводу опасности скатывания к эмпиризму или схоластическому теоретизированию. Однако наблюдая разрыв между теоретическими построениями и реальными социальными процессами, можем констатировать, что российская социаль-

ная наука во многом находится в области преимущественно теоретизирования, может быть, и не всегда схоластического.

Многие проблемы современного состояния социологической науки заключаются в том, что она унаследовала принципы организации науки советского общества. Советская элита не была заинтересована в понимании общества, которым она управляла, хотя генсек КПСС Юрий Андропов отмечал (в 1983 г.), что мы не знаем общества, в котором живем. К моменту начала перестройки появляется некоторая озабоченность этой проблемой, и на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС было отмечено, что в советской общественной науке поощряется «всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы». Делается попытка исправить это положение, создается Всесоюзный центр общественного мнения, работающий до сих пор. На полгода раньше в Министерстве высшего и среднего специального образования СССР (впоследствии Гособразование СССР) создается Всесоюзная Программа «Общественное мнение», работавшая в форме распределенного научно-исследовательского института, включающая в себя вузовских социологов из 80 городов страны, призванная отслеживать ход и результаты реформы системы народного образования СССР. Сегодня уже нет ни ЦК, ни самой КПСС, но схоластическое теоретизирование осталось, сегодня активный социологический анализ в стране едва ли превышает то, что делалось на закате СССР.

В качестве примера использования этого метода может быть приведена серия исследований (2011/12 гг.) с целью выявления содержания образа России в массовом сознании зарубежной публики. В 2011 г. была организована интернет-переписка с людьми, проявляющими интерес к России и русскому языку. Адресаты были обнаружены в сети Facebook, и большинство из них откликнулись на просьбу ответить на вопрос о том, каким им видится образ России. Большинство включились в переписку и дали развернутую характеристику интегрального видения образа России представителями самых разных стран – от Соединенных штатов, через Тихий океан – до Великобритании [5]. Однако это многообразие культур и традиций никак не отразилось на стереотипах восприятия России. Образ нашей страны примерно одинаков на разных континентах. На втором этапе, через год, были проанализированы многочисленные высказывания посетителей англоязычных и немецкоязычных интернет-форумов, посвященных России. Были получены интересные результаты, показывающие, что активный западный обыватель, посещающий форумы Интернет, в массе своей подвержен новым мифам, в основе которых лежит массивная пропаганда образа России в западных СМИ. Исследование показало, что посетители англоязычных форумов были убеждены в

наличии в российском массовом сознании нацистских тенденций, ненависти русских ко всем иностранцам, проживающим в России, по отношению к которым, по их мнению, часто применяется физическое насилие. Особый интерес представляет сравнение оценок представителей разных стран к исследуемой проблеме. Так, жители США весьма негативно оценивали образ России и её руководства. В отличие от американцев жители Германии в тот период позитивно относились к России и особенно позитивно оценивали деятельность Президента России В.В. Путина [6]. Позднее и в Германии были обнаружены русофобские мотивы, базирующиеся на теме свободы слова в связи с делом Pussy Riot.

Литература

1. Круглый стол: «Размышления о научной школе» // Вестник Института социологии РАН, 2014, № 9, июнь. С. 11–35.
2. Иудин А.А. Проблемы внедрения наукоемких технологий в условиях информационной войны. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки, 2012, № 1 (25). С. 45–51.
3. Иудин А.А., Шпилев Д.А. Современная социология: объясняющая и аналитическая. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 2 (34). 2014. С. 54-61.
4. Конт О. Дух позитивной философии. С.-Пб., 1910.
5. Иудин А.А., Рюмин А.М. Массовое сознание зарубежья: новые мифы о России // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Вып. 12). Н.Новгород: НИСОЦ, 2010. С. 13–25.
6. Иудин А.А., Рюмин А.М., Шпилев Д.А. Информационная война: мнение западных обывателей о России: Монография. Нижний Новгород: НИСОЦ, 2011. 156 с.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ И ВЛАСТЬ: ПРОБЛЕМА УЧАСТИЯ СОЦИОЛОГОВ В ПРИНЯТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ² PUBLIC OPINION AND POWER: THE ISSUE OF SOCIOLOGISTS' PARTICIPATION IN POLITICAL DECISION-MAKING

И.Ю. Киселев, А.Г. Смирнова
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова
I.Yu. Kiselev, A.G. Smirnova
Yaroslavl State University named after P.G. Demidov

The issue of demand for sociological information by the power bodies in the process of political decision-making is under consideration. It is argued that participation of sociologists in decision-making depends on the level of development of institutional infrastructure, which creates prerequisites for the study of public opin-

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Проблема отсутствия поддержки внешнеполитического курса как фактор формирования внутривнутриполитических потерь лидера: экспериментальное исследование», проект № 15-03-00455.

ion of a wide variety of problems and presupposing power bodies's address to public in the process of decision-making.

Поднимается проблема востребованности социологической информации органами государственной власти при принятии политических решений. Обосновывается утверждение, что участие социологов в процессе принятия политических решений зависит от сформированности институциональных условий, создающих возможности для изучения общественного мнения по широкому кругу вопросов и предполагающих обращение власти к общественности в процессе принятия политических решений.

Ключевые слова: общественное мнение, принятие политических решений, социология.

Keywords: public opinion, political decision-making, sociology.

В условиях становления демократических институтов наблюдается возрастающая потребность в социологической информации, отражающей мнение разных социальных групп по ключевым проблемам, для принятия политических решений. Более того, как подчеркивают эксперты, факты игнорирования опросных данных приводили «к негативным последствиям как для политиков, так и для страны в целом» [1]. Однако остается открытым вопрос о том, востребовано ли знание социологов? Применяется ли оно в процессе принятия политических решений?

Существуют два основных типа субъектов экспертной деятельности в политической сфере, которые отличаются по ряду позиций, но, прежде всего, по выполняемым функциям: аналитические центры и центры публичной политики. По определению Н.Ю. Беляевой и Д.Г. Зайцева [2], аналитические центры осуществляют прикладные социально-политические исследования на основе междисциплинарного подхода, результаты которых характеризуются полезностью, технологичностью. Иначе говоря, их деятельность направлена на поиск разработок, технологий, которые позволили бы решить конкретную проблему, возникающую в политико-управленческой деятельности. Потребителями результатов их деятельности выступают лица, принимающие решения.

Деятельность центров публичной политики связана с пропагандой и защитой интересов, реализацией общезначимых идей. В конечном итоге результат их активности связан с изменением социально-политической реальности. Еще одним важным параметром, по которому можно провести различия между перечисленными типами субъектов, выступает их статус. Как правило, аналитические центры декларируют свою автономность, центры публичной политики демонстрируют выраженную идеологическую позицию и связь с конкретным «сектором» общества или социальной группой.

Исходя из приведенной классификации, экспертная деятельность социологов ближе к формату аналитических центров, что объясняется спецификой социологии как науки. Задача социологии – установить социальные предпосылки и последствия явлений и процессов в обществе, чтобы научиться контролировать их. При этом социолог – это тот, кто «способен не зависеть от того, что непосредственно окружает его, а смотрит на вещи шире» [3]. В связи с этим функция центров публичной политики, связанная с влиянием на политику в интересах конкретной группы или сегмента общества, не соответствует направленности деятельности социологов. Аналитическая деятельность, способствующая решению конкретных проблем, соответствует целям и задаче социологического осмысления общества и может быть востребована субъектами принятия политических решений.

Важная проблема участия социологов в процессе принятия политических решений связана с готовностью субъектов власти использовать предоставляемые социологами данные в управленческой деятельности. По нашему мнению, теоретическую основу рассмотрения этой проблемы составляет классификация режимов взаимодействия власти и общественного мнения, которую разработал Д.П. Гавра [4]. Несмотря на то, что автор не обсуждает непосредственно проблему востребованности социологического знания, он вводит следующие критерии дифференциации режимов: характер, предметный и социальный ареал включения реакций и оценок общественного мнения во властные решения; наличие свободных и множественных каналов изучения и анализа общественного мнения. Если существуют каналы изучения и анализа общественного мнения, а также – если власть принимает решения с учетом оценок общественного мнения, можно предположить, что результаты аналитической деятельности социологов окажутся востребованными.

Д.П. Гавра описывает шесть режимов, которые по отмеченным критериям характеризуются следующими особенностями. Так, режим подавления общественного мнения со стороны властных структур не предполагает существования каналов изучения общественного мнения. Кроме того, власть не обращается к общественному мнению в процессе принятия политических решений. Режим игнорирования общественного мнения предполагает возможность изучения общественного мнения, однако обращение власти к этим результатам минимальное, если вообще есть. Режим патернализма власти по отношению к общественному мнению предполагает изучение общественного мнения (в широком, но не полном объеме). Кроме того, власть использует результаты общественного мнения, однако не по всем вопросам. Режимы сотрудничества, давления общественного мнения на власть и диктатуры общественного мнения предполагают, что общественное мнение изучается. Вме-

сте с тем, востребованность результатов – разная. В условиях режима давления на власть действие общественного мнения выходит за пределы его компетенции. А в условиях режима диктатуры власти не приходится обращаться к общественному мнению, поскольку последнее само оказывает давление на власть.

На основе приведенной классификации можно предположить, что экспертная деятельность социологов наиболее полно востребована в условиях режимов патернализма и сотрудничества. При этом в условиях режима патернализма результаты изучения общественного мнения используются властью для повышения приемлемости уже принятых и одобренных решений. В условиях режима сотрудничества общественное мнение выступает полноценным актором в процессе принятия политических решений. Подавление и игнорирование общественного мнения не актуализирует у власти потребности использовать те знания, которыми обладают социологи, даже если социологи проводят изучение мнений разных социальных групп по тем или иным вопросам. Режимы давления и диктатуры общественного мнения стимулируют деятельность центров публичной политики, нежели аналитических центров.

Можем сделать вывод, что востребованность экспертного социологического знания требует специфических институциональных условий. Можно предположить, что наиболее распространенным форматом взаимодействия общественного мнения и власти, независимо от типа политического режима, выступает патернализм. К формированию подобного типа отношений предрасполагает способ получения гражданами информации о проблемах внутренней и внешней политики. Зачастую они получают ее от других субъектов, в том числе от политиков, посредством СМИ и вынуждены принимать ее на веру. Как справедливо отмечает В.В Федоров, в принятии решений «первый ход всегда остаётся за политиками, а не за гражданами» [5]. В результате в большинстве случаев именно граждане реагирует на действия власти, нежели наоборот, что создает основание для формирования патернализма власти по отношению к общественному мнению. Вместе с тем возможны и отклонения в направлении как игнорирования общественного мнения, так и сотрудничества. Например, проведению в Крыму референдума о присоединении к РФ предшествовало проведение социологического опроса, позволившего изучить настроения жителей полуострова. В данном случае общественное мнение выступает для власти в качестве условия принятия решения, а также его дальнейшей реализации. Таким образом, уровень вовлечения общественности в процесс принятия решений не остается постоянным и может меняться.

В связи с этим может менять и востребованность участия социологов в процессе принятия политических решений.

Литература

1. Федоров В.В. Общественное мнение и политические решения. Заметки на полях «Русской весны» // Мониторинг общественного мнения, 2014. № 5.
2. Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Политика, 2008. № 4(51).
3. Гидденс Э. Социология. М.: Едиториал УРСС, 2005.
4. Гавра Д.П. Общественное мнение и власть: режимы и механизмы взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии, 1998. Том 1. № 4. С. 53-77.
5. Федоров В.В. Общественное мнение и политические решения. Заметки на полях «Русской весны» // Мониторинг общественного мнения, 2014. № 5.

СОЦИОЛОГИЯ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ: БОЛЬШЕ ПРОБЛЕМ, НЕЖЕЛИ ЯСНЫХ ОТВЕТОВ SOCIOLOGY AS HELPING PROFESSION: MORE PROBLEMS THEN CLEAR ANSWERS

А.А. Козлов

Санкт-Петербургский государственный университет

A.A. Kozlov

Saint Petersburg State University

Материал посвящен проблематике социологии как помогающей профессии. Рассматриваются основные функции, препятствия а также основные требования к специалисту помогающей профессии.

The article is devoted to problems of sociology as a helping profession. The basic functions, as well as obstacles to the to basic requirements specialist yelping profession.

Ключевые слова: помогающая профессия, социология, функции, проблемы, препятствующие факторы, требования к специалисту.

Keywords: helping profession, sociology, functions, problems, impediments, requirements for specialist.

Заглядываю в словарь. Три значения слов «помогать», «помочь»: «оказать помощь (товарищу, в работе)» и «дать желаемый результат, принести пользу», наконец, «избавить кого-то от беды, избавиться от беды» [1, с. 550]. Все эти три абсолютно подходят к теме разговора. Однако, чтобы стало понятно, какие значения к чему и как прикладываются, следует обратиться к хорошо известным функциям социологии. В самом общем виде это, во-первых, научно-теоретическая, проявляющаяся через познание с целью выявления общих

законов и специфики их проявления, это объяснение и конечно прогнозирование, с чем у нас (да и везде в мире) дела обстоят, мягко говоря, неважно. Во-вторых, научно-практическая функция, включающая разработку социальных проектов и технологий по решению социальных проблем общества, рекомендации управляющим органам, и в какой-то мере влияние на ценностные ориентации и позиции людей.

Можно назвать еще одну функцию – воспитывающую. О ней мало говорят, хотя и подразумевают. А между тем, ее значение в структуре помогающей профессии весьма велико, поскольку формирует культуру и дисциплину мышления профессионала, и то, в каком направлении следует осуществлять подготовку (и переподготовку) профессионалов-социологов, главным образом потому, что ныне существующие учебные планы и программы являются малоэффективными и далеки от реальных проблем нашего общества и государства. Это зачастую вызывают критику работодателей. Следует иметь в виду и воздействие на воспитательные и развивающие программы, адресованные ко всему населению.

Говоря о помогающей профессии, нельзя обойти молчанием отношение к тому, что составляет основу исследования, а именно, получение данных и их интерпретация. Сегодня, к сожалению, эфир переполнен скепсисом и огульной критикой результатов исследований: «Знаем, мол, что это за данные», или «Я скептически отношусь к данным исследований». Достается и респондентам: «Респондент, задуренный пропагандой или запуганный, стремится ответить на вопрос правильно, то есть соответствовать тому, чего от него ждут» и т.д. Фамилий я называть не буду, просто потому, что нет смысла. Достаточно каждому посидеть у телевизора или радиоприемника, в интернет заглянуть, чтобы насытиться подобной информацией, да и фамилии зафиксировать, в основном, для того, чтобы удостовериться, что большинство «скажителей» и «трактователей» социальных феноменов просто далеки от социологии и даже не представляют ее методов и процедур. Но что интересно, есть в этой братии и социологи (умышленно не называю – «профессионалы»), поскольку профессионал никогда не позволит себе нести подобную чепуху.

Есть, конечно, в нашей профессии и случайные люди, бывают огрехи, ошибки или откровенная халтура. Но беда-то в том, что упомянутые скептики и критики сегодня допущены к микрофонам, их представляют как выдающихся или известных (что, зачастую, чистая правда) режиссеров, политиков, работников искусств, журналистов. Пользуясь своим положением, они оказывают откровенно разлагающее влияние на аудитории, где социологов очень мало. Кроме того, наносится ущерб и социологии как собственно по-

могающей профессии. Но это еще далеко не самый главный враг, хотя он часто «кроется в деталях».

Враг помогающей профессии пострашней – наша бюрократия, а если шире – бюрократическая система, подобно раковой опухоли пронизавшая весь общественный и государственный организм и серьезно затормозившая наше развитие. А ведь со времени возникновения социологии власти разных уровней были заинтересованы в получении информации от социологов. Эта тенденция сохранялась до недавнего времени, пока тихо сошла к минимуму. А вместе с этим снизились возможности социологии как помогающей профессии. Говорят, мол, денег стало не хватать. Сомневаюсь, хотя социологическое исследование не дешево. Другое дело, что наше чиновничество обзавелось учеными степенями. Даже мода появилась на ученые степени. Да и скандалов по поводу плагиата и нанятых «помощников» заметно прибавилось. Но получив, пусть даже выстраданную степень, не каждый ее обладатель приобрел навыки социального, социологического мышления. Зато появились ходячие выражения типа: «Зачем мне эти исследования, я и так сам все знаю!». Что тут скажешь?

Наконец, идеологический фактор. В условиях холодной войны мы его ощущаем достаточно сильно. И выражается он в блокировании западными изданиями статей о результатах наших исследований. Мне самому пришлось столкнуться с отказами по идеологическим причинам, когда посланные в английский и немецкий журналы статьи были завернуты, поскольку они касались отношения молодых россиян к событиям в Крыму и на Украине, патриотической проблематике. Тамошним издателям было не выгодно публиковать [2, с. 91-95]. Таковы реалии.

На этом фоне удивляет настойчивое стремление наших руководителей науки и образования заставить всех и всякого гоняться за разными «хиршами» и «скопсами» и разными количественными фишками, при этом РИНЦ – российский индекс национального цитирования – отодвинут на второй план, в то время, как должен стоять на первом месте в соответствии с двумя включенными в него словами «российский» и «национальный». Нам бы еще создать пару-другую национальных индексов. И хорошо их пролоббировать в мире. А что до иностранной научной братии, то пусть учат великий и могучий, да читают наши журналы на русском языке. Кстати, многие читать умеют. Но мне кажется, что здесь еще проявляется и недостаток патриотизма или отсутствие такового, что в чиновничьем мире, с доминантой групповой (а точнее – классовой) корпоративности, увы, не редкость. А ведь патриотизм – составная часть жизненной позиции и профессии, ибо помогать-то нужно

людям, стране, а не имитирующему бурную деятельность (что на практике – аналог бездеятельности) чиновнику.

И еще об одном. Как-то мы подзабыли о жанрах дискуссии и критики. Вместо этого толерантность, выступающая зачастую фактором разлагающим. А ведь дискуссия и критика воспитывают и усиливают позиции помогающей профессии и помогающих профессионалов, тренируют их против разного рода псевдоинноваторов или просто халтурщиков при науке.

А теперь об основных требованиях к специалисту помогающей профессии. Во-первых, широкий кругозор и уровень культуры. Во-вторых, знание смежных с социологией дисциплин (истории, философии, психологии, права, психиатрии, социальной работы, социальной медицины, основ технического мышления). В-третьих, дипломатичность и энергия в отношениях с заказчиками.

Важно помнить, что социальный заказ на данную помогающую профессию в нашей стране никуда не делся с конца 60-х гг. прошлого века. Этот заказ существует и жестоко мстит за его игнорирование или неверное понимание. Миссия профессии и профессионалов ее представляющих, остается, как и прежде, – учить, помогать, анализировать и доказывать. А если нужно и разоблачать, бороться.

Литература

1. Ожегов С.Ю. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН.; Российский фонд культуры; 3 издание, стереотипное. М.: АЗЪ. 1996.
2. См.: Молодежная Галактика. Ежегодный альманах / Под ред. А.А. Козлова. № 11. СПб, ЭлекСиС. 2014.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА SOCIOLOGICAL ACCOMPANYING OF THE LEGISLATIVE PROCESS

Г.С. Широкалова

Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия

G.S. Shirokalova

Nizhni Novgorod state agricultural academy

Раскрывается опыт работы Научно-консультативного совета при Законодательном собрании Нижегородской области на примере информационного сопровождения корректировки региональной политики по обороту алкогольной продукции. Одной из его форм на протяжении последних лет были социологические исследования отношения нижегородцев к ужесточению регламента продажи алкоголя.

The article deals with the experience of the Scientific Advisory Board at the Legislative Assembly of the Nizhni Novgorod region on the example of information support of regional policy adjustments on turnover of alcoholic products. One of its forms over the past years have been sociological studies relations nizhegorodtsev to tighten the rules, the sale of alcohol.

Ключевые слова: Законодательное собрание, Нижегородская область, закон, алкоголь, студенты, юноши, девушки.

Keywords: Legislature, Nizhegorodskaya oblast, law, alcohol, students, boys, girls.

В 2009 г. при Законодательном Собрании Нижегородской области был создан Научно-консультативный совет, в задачи которого входит экспертиза проектов законов и постановлений ЗС НО, мониторинг правоприменения, разработка предложений по их совершенствованию [1]. К некоторым законам за время работы НКС ЗС НО обращалось неоднократно как в связи с необходимостью приведения областного законодательства в соответствие с федеральным, так и в связи с заявлениями избирателей. Например, Федеральное собрание России не раз возвращалось к законодательным актам об обороте алкогольной продукции, после чего корректировались региональные законы.

Так, Распоряжением Правительства РФ от 30 декабря 2009 г. N 2128-р была утверждена Концепция реализации государственной политики по снижению масштабов злоупотребления алкогольной продукцией и профилактике алкоголизма среди населения РФ на период до 2020 года. После её принятия в мае 2010г. нами проведено исследование отношения нижегородцев к сокращению времени и мест продажи алкоголя в Нижегородской области. Проект областного закона запрещал продажу алкогольной продукции крепостью более 15 градусов в местах массового скопления граждан (в аэропортах, на вокзалах, станциях метрополитена) и ограничивал продажу «на вынос» с 22 часов до 8 часов утра, а для потребления на месте покупки (кафе, рестораны) с 22 до 10 часов утра.

Выявляя пожелания граждан по его совершенствованию, в анкете предлагались варианты, направленные как на ослабление, так и на ужесточение правил продажи. Поскольку оценки могли отличаться у жителей разных населённых пунктов и демографических групп, были опрошены жители Нижнего Новгорода, городов области и сельской местности в возрасте от 20 лет. Реклама алкоголя в то время в большей степени ориентировала на формирование алкогольной зависимости у молодежи, поэтому специально анализировалась эта группа.

Опрошенные в своём большинстве поддержали идею ограничения времени и мест продажи спиртных напитков и предложили ужесточить закон. Как и ожидалось, сторонников этих мер оказалось больше среди женщин.

В сельской местности отношение к алкоголю оказалось более лояльным. Депрессивность деревни стимулировала миграцию наиболее социально активных жителей в города и чувство бесперспективности у многих оставшихся. Четверть селян посчитала нужным разрешить продажу крепкого алкоголя раньше, чем позволяет закон, почти столько же предлагали снизить время продажи до 21 часа. Горожане предпочли, чтобы продажа начиналась позже и заканчивалась раньше. Но у тех и других доля выступающих за ужесточение правил торговли была больше тех, кто предпочитал их либерализацию.

Весной 2012 г. Губернатором области был внесен проект закона области "О регулировании отдельных правоотношений в области производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции на территории Нижегородской области", который еще в большей степени ограничивал условия продажи алкоголя любой крепости. Проект закона обсуждался в НКС. Нами было проведено анкетирование около 600 студентов НГСХА с целью выяснения отношения к дополнительному ужесточению правил продажи алкоголя.

Таблица 1 дает представление об отношении студентов к отдельным положениям проекта закона. Не по одному пункту не было поддержки большинства опрошенных. Но это не означало, что принятие поправок в закон вызовет волну протестов, поскольку ограничение касается меньшинства населения, относящегося к группам риска, не способным на организацию протестных движений.

Таблица 1

Доля студентов, согласных с ужесточением правил продажи алкоголя, %

Одобрят внесение в закон запрета продажи:	Юноши	Девушки
любых видов вина, водки с 22 часов до 8 часов утра в магазинах для потребления не на месте покупки	49,2	43,8
любых видов вина, водки с 22 часов до 10 часов утра для потребления на месте покупки (исключая рестораны, бары и кафе)	41,2	34,2
пива крепостью более 5 градусов по таким же правилам, как для вина и водки	23,8	27,2
пива любой крепости по таким же правилам, как для вина и водки	28,5	17,8
энергетических напитков по таким же правилам, как для вина и водки	34,9	10,9
любой алкогольной продукции в местах проведения публичных и культурно-массовых мероприятий на время их проведения	39,6	31,5
другое мнение	11,1	12,3

Распределение ответов свидетельствовало, что реклама алкоголя сформировала, если не устойчивую потребность в пивном алкоголизме, то лояльное отношение к нему и лишь доказывало необходимость корректировки торговли алкоголем, иллюстрируя ту истину, что закон не всегда должен опираться на общественное мнение, но всегда формирует его.

Цель любого закона – ограничение негативных явлений и стимуляция позитивных. Поддерживая ограничения, молодежь в своем большинстве в 2012 г. пессимистически оценивала его как регулятора поведения (табл. 2). Одна из студенток ответила так: «Если ты пришел первый раз – из-под прилавка не продадут. Если пятый раз – продадут». В 2016 г. прогноз стал оптимистичнее.

Ответы на вопрос, «Что изменится в вашей личной жизни в результате ужесточения закона об обороте алкогольной продукции?», проясняют причины выбора студентов. Каждый пятый заявил, что и в его личной жизни произойдут изменения к лучшему. Разумеется, это касается и обстановки в семье, и безопасности в широком смысле слова. Разъяснения своей позиции были представлены такими ответами: «на улицах станет чище и убавится преступность», «будет безопасно в ночное время», «Я-то вообще не пью. Может быть, общество станет культурнее?».

Таблица 2

Мнение студентов об эффективности закона, %

Прогноз:	2012		2016 г.	
	юноши	девушки	юноши	девушки
улучшится здоровье	33,3	21,9	34,1	38,3
сократится употребление алкоголя	15,2	17,8	46,2	38,3
снизится преступность	7,9	17,8	50,5	40,7
алкоголь стал частью повседневной жизни, поэтому ничего не изменится	22,2	20,5	16,5	13,4
увеличатся продажи из-под прилавка	46,0	46,5	57,1	40,2
чаще будут пить фальсификаты	31,7	23,2	29,7	23,4
улучшатся условия проживания граждан в многоквартирных домах. Введен в 2016 г.	-	-	34,1	27,3

Весной 2016 г. ЗС НО вернулось к этому вопросу, внося другие ограничения на продажу спиртного. Оценка этих нововведений студентами дана в табл. 3. Как и в предыдущих исследованиях, отношение к регламентации неоднозначное. На это влияет, прежде всего, собственный опыт употребления/неупотребления алкоголя: сравнительно равнодушно отнеслись студенты к ограничениям в поездах, распивочных и закусочных в жилых до-

мах, где они практически не бывают. В целом же положительно оценили закон 47,3%. Слишком строгим его назвали 6,7%.

Закон предусматривает увеличение штрафных санкций. Их эффективность была оценена следующим образом: штрафы для граждан от трех до пяти тысяч рублей одобрило 65,9% юношей, для юридических лиц – 53,8%, для должностных лиц – 49,5%, нарушения закона во время чрезвычайной ситуации для должностных лиц до 50 тыс. руб., а юридических до 300 тыс. – 35,2%. Девушки более пессимистично оценивают сдерживающую силу штрафов. Респонденты понимают, что одними запретами проблемы алкоголизации страны не решить, но из-за отсутствия социального опыта они преувеличивают роль просвещения и предлагают проводить агитационные мероприятия, беседы о вреде алкоголя в школах, запустить рекламу «Спорт – жизнь! Алкоголь – смерть» и т.п.

Таблица 3

Оценка студентами ограничений продажи алкогольной продукции, %

Одобрят внесение запрета на продажу алкогольной продукции:	юноши	девушки
с 22 часов до 9 часов утра в магазинах для потребления <i>не</i> на месте покупки	60,4	48,8
с 22 часов до 9 часов утра для потребления <i>на месте покупки</i> (за исключением ресторанов, баров и кафе).	61,5	45,5
кроме пива, пивных напитков, сидра, медовухи для потребления <i>на месте покупки в нестационарных</i> торговых объектах (кроме ресторанов, в поездах и на речных судах).	39,6	23,9
для потребления <i>на месте покупки</i> в нежилых помещениях многоквартирных домов или встроено-пристроенных помещениях к многоквартирным домам (за исключением ресторанов, баров и кафе общей площадью более 100 квадратных метров).	47,3	34,4
для потребления <i>на месте покупки</i> в нежилых помещениях многоквартирных домов или пристроенных помещениях, если вход в них со стороны подъездов.	52,7	31,1
в местах проведения <i>публичных и массовых мероприятий, которые согласованы с органами власти.</i>	68,1	63,2
слабоалкогольных тонизирующих напитков («энергетиков») в Нижегородской области.	53,8	38,3
или ограничение продажи <i>на период режима чрезвычайной ситуации</i> природного или техногенного характера	45,1	38,3

В обществе регулярно возникают предложения об ограничении продажи спиртных напитков, в том числе через повышение возраста имеющих право их покупать, например до 21 года, как в США. Был задан вопрос, выясняющий отношение к таким инициативам. В 2012 г. поддержало такую инициативу 67% девушек и 54% юношей, в 2016 г. 32,1 и 38,5%, соответственно.

Сравнение данных по этому и другим показателям свидетельствует, что алкоголь занимает важное место в жизни значительной части молодежи. Тем

не менее, большинство поддерживает ужесточение законодательства по обороту алкогольной продукции. Среди студентов не мало и тех, кто сомневается в эффективности принимаемых мер, поскольку выполнение законов не контролируется в должной степени: отсутствие государственной монополии на алкоголь позволяет найти множество путей для его обхода.

Литература

1. Постановление от 25 июня 2009 г. N 1595-IV [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zsno.ru/ru/convocation5/scientific/>. (Дата обращения: 05.07.2016).

СОЦИОЛОГ КАК УЧАСТНИК: ВЕРСИИ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ И КОНСТРУКЦИОНИЗМА SOCIOLOGIST AS A PARTICIPANT: VERSIONS OF PUBLIC SOCIOLOGY AND CONSTRUCTIONISM

И.Г. Ясавеев

*Центр молодёжных исследований НИУ «Высшая школа экономики»,
г. Санкт-Петербург*

I.G. Yasaveev

*Centre for Youth Studies, National Research University “Higher School
of Economics”, Saint-Petersburg*

Социальные проблемы традиционно определялись как «объективно существующие» вредные ситуации. Конструкционизм предлагает иной взгляд на социальные проблемы как на выдвижение требований изменить ситуацию. Конструкционисты владеют знаниями о том, каким образом возможно конструирование проблем, и могут применять их в отношении ситуаций, которые считают неприемлемыми, перемещаясь из позиции аналитика в позицию участника и обратно.

Social problems are traditionally defined as “objectively existing” harmful situations. Constructionism offers a different perspective on social problems as claims-making. Constructionists possess knowledge about how to construct the problem, and can apply it to situations that are considered unacceptable, moving from the analyst position in the participant’s position and back.

Ключевые слова: конструкционизм, социальные проблемы, выдвижение требований, проблематизация, публичная социология.

Keywords: constructionism, social problems, claims-making, public sociology.

Конструкционистский подход определяет социальные проблемы как требования изменить ситуацию. Социальные проблемы в этом смысле – процесс, борьба за определение ситуации как неприемлемой и распространение этого определения [1-3]. Отсутствие требований изменения означает отсутствие социальной проблемы. При этом конструкционизм открывает новые

возможности понимания социальных проблем как языковой игры, ставки в которой весьма велики (примером являются игры наркополицей в «контролируемое бедствие» [4]).

Социолог-конструкционист попадает в неоднозначную ситуацию, связанную с его включенностью в изучаемые сообщества. Как гражданин, она или он могут сталкиваться с бедами и страданиями людей, нарушением прав, дискриминацией и желать изменения таких ситуаций. Распространенный вариант отношения социологов к ним заключается в сохранении исключительно исследовательской позиции, стремлении изучить происходящее и представить полученные данные научному сообществу.

Однако конструкционистский подход является не только аналитическим средством, но и предоставляет знания о том, каким образом можно изменить ситуацию, выступая своего рода руководством по конструированию социальных проблем. Как отмечал Джоел Бест, конструкционизм может преподавать ценные уроки тем, кто конструирует проблему. «Они должны привлечь внимание, заручиться поддержкой и сформировать политику. Конструкционистские исследования показывают, как преодолевались эти препятствия теми, кто выдвигал требования. В известном смысле конструкционистские кейс-стади указывают, что работает, а что не работает, и при каких обстоятельствах» [5, с. 172].

Иными словами, социолог-конструкционист владеет знаниями о способах и стратегиях проблематизации и депроблематизации ситуаций и может их применить в отношении ситуаций, которые он находит неприемлемыми. Например, сталкиваясь с ситуацией, не имеющей драматичного и событийного характера, устраивающей власти и отсутствующей в публичной «повестке дня», исследователь может понимать, что необходимо производство событий и выдвижение требований и непосредственно инициировать такое производство и конструирование проблемы. Возможные действия включают в себя пресс-конференции, открытые обращения, пикеты, выставки, перформансы.

В рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам проводится строгое различие между позициями участника конструирования социальных проблем и аналитика (социолога). «Конструкционистская методологическая позиция, – пишут Питер Ибарра и Джон Китсьюз, – предполагает проведение различия между практическим проектом участника и теоретическим проектом социолога. Первый предпринимает попытки изменить или отстоять некоторые аспекты социальной жизни, привлекая при случае социологов, тогда как последний в той степени, в какой она или он трансформируют используемые участником ресурсы в темы исследования, занимается теоре-

тической реконструкцией просторечных оснований и составных частей дискурса социальных проблем» [6, с. 61-62]. Ибарра и Китсьюз неоднократно предостерегали конструкционистов от смешения позиций аналитика и участника, указывая, что к такому смешению и неявному превращению в участников конструирования проблем склонны социологи-объективисты: «Представители традиционного подхода принимают роль “экспертов”, вынося суждения о “рациональности”, “ценности”, “осмысленности” и т. д. формулировок социальных проблем участников или отсутствии таковых» [6, с. 57-58].

Сдержанный шаг в отношении большей включенности социологов-конструкционистов в происходящее делает Майкл Адорьян, выдвигающий вслед за Майклом Буравым идею рефлексивного диалога с общественностью, который будет способствовать развитию у последней конструкционистского воображения, но подчеркивающий, что конструкционистам «следует стремиться влиять на общественность, оставаясь в то же время “за боковой линией”» [7, р. 5] и что задача заключается в сохранении в качестве главного статуса позиции исследователя [7, р. 18].

Адорьян использует терминологию Буравого [8], выступая за развитие конструкционистской (органической) публичной социологии, но отмечая, что до сих пор остается неясным, каким образом можно соотнести конструкционизм с публичной социологией.

На мой взгляд, один из вариантов разрешения этого вопроса заключается в том, что конструкционисты могут инициировать публичные дискуссии и диалог, о которых пишет Буравой, проблематизируя не звучащие, не замечаемые, игнорируемые властями и частью общественности ситуации посредством известных им способов и стратегий конструирования социальных проблем [см.: 9].

Очевидно, что в случае конструирования социальных проблем конструкционистами последние переходят из позиции аналитика в позицию участника (сохраняя при этом рефлексивность аналитика). Интересующие нас вопросы состоят в том, при каких условиях такое перемещение не противоречит академической этике, с какими рисками для обеих позиций сопряжено, что оно дает конструкционисту как социологу и как участнику, каким образом рефлексивность аналитика и рефлексивность участника взаимодействуют между собой.

Литература

1. Spector M., Kitsuse J.I. Constructing social problems. Menlo Park: Cummings, 1977. Перевод на русский язык фрагмента книги доступен по адресу: <http://ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/chap42.pdf>. (Дата обращения: 21.05.2016).

2. Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. 276 с. Режим доступа: <https://goo.gl/Rntoua> (Дата обращения: 21.05.2016).
3. Полач Д. Социальные проблемы с конструкционистской точки зрения // Журнал исследований социальной политики. 2010. №1. С. 7–12. Режим доступа: https://jsps.hse.ru/data/2010/12/31/1208184559/Polach_Soc.problems.pdf. (Дата обращения: 21.05.2016).
4. Ясавеев И.Г. Риторика контролируемого бедствия: специфика конструирования ФСКН проблемы потребления наркотиков // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. с. 7-22. Режим доступа: <https://jsps.hse.ru/2016-14-1/178306096.html>. (Дата обращения: 21.05.2015).
5. Бест Дж. Конструкционистский подход к социальным проблемам // Контексты современности – II. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2001. С. 164-175. Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/599/673/1219/chap42.pdf>. (Дата обращения: 21.05.2016).
6. Ибарра П., Китсьюз Дж. Дискурс выдвижения утверждений-требований и просторечные ресурсы // Социальные проблемы: конструкционистское прочтение. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2007. С. 55-114. Режим доступа: <https://goo.gl/Rntoua>. (Дата обращения: 21.05.2016).
7. Adorjan M.C. Igniting constructionist imaginations: Social constructionism's absence and potential contribution to public sociology // *The American Sociologist*. 2013. Vol. 44. P. 1–22.
8. Буравой М. За публичную социологию // *Общественная роль социологии* / Под редакцией П.В. Романова и Е.Р. Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8-51. Режим доступа: <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/82221373>. (Дата обращения: 21.05.2016).
9. Ясавеев И.Г. “Сдвинуть глыбу”: опыт публичной социологии в рамках университетского курса // *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади* / под ред. Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романова. М.: ООО "Вариант". ЦСПГИ. 2013. С. 105-122.

СООБЩЕНИЯ

ГЕНДЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ОКАЗАНИЯ ПОМОЩИ ЖЕНЩИНАМ, НАХОДЯЩИМСЯ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ **GENDER DIMENSION FOR SOCIAL STANDARDS TO ASSIST WOMEN IN CRISIS SITUATIONS ON EXAMPLES OF THE REPUBLIC OF MOLDOVA AND BELORUS**

А.Ю. Гончар

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приднестровье, Республика Молдова

A.Y. Gonchar

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; Republic Moldova

Исследуется гендерное измерение стандартов качества оказания услуг жертвам насилия в семье в двух странах постсоветского пространства (Молдова и Беларусь). Сделан сравнительный анализ законодательства на предмет

закрепления стандартов в нормативных актах и их фактического применения. Проанализирована возможность применения феминистского подхода в работе кризисных центров помощи женщинам.

The present article presents the practice of gender dimension of quality standards for providing services to victims of domestic violence in two post-soviet countries (Moldova and Belarus). The article provide comparative analysis of legislation in terms of standards regulation in normative acts and its practical implementation. It is analyzed the possibility of introducing a feminist approach in the work of crisis centers for women.

Ключевые слова: гендерное измерение, насилие в семье, социальная услуга, стандарт качества, Беларусь, Молдова, кризисный центр, трудная жизненная ситуация, трудоустройство.

Keywords: gender dimension, domestic violence, social service, standard of quality, Belarus, Moldova, crisis center, difficult life situation, employment.

Дальнейшее становление и развитие социальной политики периода новейшей истории таких государственных образований, как Республика Беларусь и Республика Молдова, несомненно, по-прежнему находясь под влиянием советского наследия, неизбежно сталкиваются с кризисом геополитического вектора развития. И если евроинтеграционные устремления Молдовы, заявленные ещё в 2001/2002 гг., сегодня, потеряв доверие большинства граждан страны, сталкиваются с беспрецедентным кризисом [1, с. 2], то Беларусь начинает посылать всё более отчётливые сигналы об открытости к диалогу и сотрудничеству Западнему сообществу [2, с. 1].

Различные геополитические ориентиры не могли не повлиять на развитие законодательства двух государств в социальной сфере, которое, в том числе, определяет уязвимые группы населения, критерии этой уязвимости и меры государственной поддержки и реагирования на вызовы существования / появления таких групп. Этим, в частности, во многом объясняется отсутствие, например, в Республике Беларусь специального закона, регулирующего правоотношения при возникновении ситуации насилия в семье, в то время как в Молдове Закон № 45 от 01.03.2007 «О предупреждении и пресечении насилия в семье» вступил в силу и действует с 18 сентября 2008 г. [3]. И хотя дефиницию «насилие в семье» можно встретить в Законе Республики Беларусь № 122-3 от 04.01.2014 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», отсутствие специального закона серьёзно затрудняет выделение переживших либо находящихся в ситуации насилия в семье (в первую очередь женщин) в отдельную категорию уязвимых граждан.

Говоря о женщинах, находящихся в кризисной ситуации, мы, прежде всего, будем иметь в виду женщин-жертв насилия в семье, ибо данный критерий

уязвимости относительно нов, с точки зрения законодательства в первую очередь, что делает актуальным вопрос закрепления стандартов оказания социальных услуг/помощи данной категории женщин, научную дискуссию и исследования по этому поводу. Именно в разработке и утверждении стандартов оказания социальных услуг/помощи указанной уязвимой группе населения мы можем наблюдать столкновение старых методологических подходов к оказанию социальной помощи в целом с необходимостью её реформирования с целью более серьёзного «клиентоориентирования» в соответствии с новыми, ранее не выделяемыми критериями уязвимости. Можем констатировать в рассматриваемых странах относительно слабую исследовательскую базу гендерного измерения стандартов вновь разрабатываемых и применяемых социальных услуг в данной области.

Итак, согласно законодательству Республики Молдова, жертва насилия в семье – это лицо (взрослый или ребенок), подвергающееся акту насилия в семье, брачном сожителстве, а само понятие насилия в семье определяется как «любое не связанное с самозащитой или защитой других лиц намеренное физическое или словесное действие или бездействие в форме физического, сексуального, психологического, духовного или экономического воздействия либо нанесения материального или морального ущерба, допущенное одним членом семьи по отношению к другим членам семьи, в том числе детям, а также против общей или личной собственности» [3, с. 1]. В то время как Белорусское законодательство относит к насилию в семье умышленные действия физического, психологического, сексуального характера члена семьи по отношению к другому члену семьи, нарушающие его права, свободы, законные интересы и причиняющие ему физические и (или) психические страдания [4, с. 50], не определяя терминологически понятие «жертва насилия в семье» в принципе. Следует отметить гораздо более глубокую проработку вопроса в Молдове, чем в Беларуси, где, например, экономическое насилие как отдельный вид проявления насилия в семье вообще не упоминается. Стоит добавить, что за прошедшее с момента принятия закона в Молдове время в него уже дважды вносились изменения (оба раза в 2010 г.), а не так давно адвокат по правам человека в РМ призвал премьер министра страны ускорить процедуру рассмотрения и принятия новых законодательных инициатив в области борьбы и предотвращения бытового насилия и насилия в отношении женщин [5]. Однако, справедливости ради необходимо отметить, что в Приднестровье (Приднестровская Молдавская Республика – образованная ещё в составе СССР – первое название ПМССР в 1990 г., самоотделившаяся впоследствии от Республики Молдова и не признанная международным сообществом, за исключением Абхазии и Южной Осетии), население которого

составляет немногим более 15% от населения РМ, законодательные нормы, в которых было бы закреплено понятие «насилие в семье» и какие-либо вытекающие из него правовые статусы вообще отсутствуют.

Рассуждая о проблеме насилия в семье, мы понимаем, что в подавляющем большинстве случаев речь идёт о ситуациях, в которых те или иные формы насилия применяются по отношению к женщине и детям, что подтверждается как последними исследованиями в данной области³ [6, стр. 86-87], так и статистическими данными сервисных организаций⁴ [7].

Рассматривая степень институционализации социальных стандартов оказания помощи/услуг женщинам, оказавшимся в кризисной ситуации, в нашем случае – жертвам/пережившим насилие в семье, снова отметим, что ситуация в данной области в Республике Молдова значительно лучше, нежели в Беларуси. Здесь ещё 23 декабря 2010 г. было принято Постановление Правительства Республики Молдова №1200 «Об утверждении Минимальных стандартов качества социальных услуг, предоставляемых жертвам насилия в семье» [8, с. 324-341], в то время как в Беларуси на государственном уровне такие стандарты не утверждены и сегодня. Белорусское законодательство не выделяет отдельными нормативными актами стандарты качества оказания услуг, предоставляемых жертвам насилия в семье (за исключением «Примерного положения о территориальном кризисном центре помощи женщинам», утверждённым Советом Министров РБ 04.02.2000 г.). В качестве нормативного регулирования с 2012 г. в Беларуси действует Закон № 427-3 от 13 июля 2012 г. «О социальном обслуживании», частью которого является и описание системы предоставления социальных услуг различным категориям граждан и лиц. Тем не менее, ряд неправительственных социальных (НПО) организаций Республики Беларусь во главе с международным общественным объединением «Гендерные перспективы» взял на себя ответственность за разработку и внедрение подобных стандартов в практику НПО, оказывающих социальные услуги женщинам – жертвам насилия в семье [9, с. 17-28].

Молдавские «минимальные стандарты» исходят из понятия критические/кризисные ситуации [8, с. 324], трактуя их как совокупность психосоциальных и физических обстоятельств, которые представляют неизбежную угрозу для жизни и физической и психосоциальной целостности лица и требуют немедленного вмешательства, в то время как белорусские стандарты базируются на понятии трудная жизненная ситуация [9, с. 20], определяя её

³ Исследование «Мужчины и гендерное равенство в Республике Молдова» проведено исследовательским и консультационным центром «Социополис» по заказу Женского правового центра Республики Молдова в 2014 г.

⁴ По данным за последние 4 г. работы международного общественного объединения «Гендерные перспективы» (образовано и функционирует в Республике Беларусь).

как обстоятельство (совокупность обстоятельств), объективно нарушающее нормальную жизнедеятельность лица, последствия которого он не в состоянии преодолеть за счет собственных средств и имеющихся возможностей. Очевидна более обобщённая формулировка во втором случае, что естественным образом сказывается на разработанности рассматриваемых стандартов: если в случае Республики Молдова речь идёт о серьёзной детализации стандартов качества, то в Беларуси это скорее принципы или обобщённые модели оказания таких услуг при более широком спектре их бенефициаров.

Совмещая «кризисный» и более «мягкий» – «жизнезатруднительный» подходы рассмотрим две во многом базовые и определяющие социальные услуги, требующиеся женщинам – жертвам, пережившим насилие в семье. Речь идёт об услугах, предоставляемых кризисными центрами (приютами, шелтерами, убежищами) для жертв насилия в семье в ситуации как прямой угрозы жизни и безопасности бенефициаров данных услуг, так и в реабилитационный период, после нивелирования угрозы, с одной стороны, и услугами по трудовой переквалификации, трудоустройству, способствованию инициации собственного дела (бизнеса) на этапе реинтеграции жертвы – с другой.

Основная дискуссия о применении методики гендерного измерения стандартов качества в случае первой упомянутой услуги состоит в оправданности применения феминистского подхода при её предоставлении, выражающегося как в отсутствии мужчин среди сотрудников/персонала кризисных центров, так и в полном запрете посещения мужчинами данных учреждений. Совершенно естественно на таком применении данного подхода настаивают коллеги из Западной Европы – «...приюты, находящиеся в ведении феминистских НПО, отвечают требуемым стандартам: женская взаимопомощь, расширение прав и возможностей для женщин и детей, максимальная безопасность для женщин, находящихся под угрозой насилия, и отсутствие временных ограничений для пребывания в приюте»⁵ [10, с. 16], однако ни в молдавских, ни в белорусских стандартах качества об этом прямо ничего не сказано. Кроме того, признавая проблему насилия в семье одним из видов гендерного насилия вследствие гендерного неравенства, феминистский подход вообще не приемлет существования кризисных центров для мужчин – жертв насилия в семье, что прямо противоречит, например, Молдавскому типовому положению об организации и функционировании центров реабилитации жертв насилия в семье,⁶ в пункте 19 которого сказано, что такие «Центры должны специализироваться в зависимости от пола бенефициаров (Центры реабилитации

⁵ Из информационного сообщения ассоциации WAVE (Women Against Violence Europe).

⁶ Утверждено постановлением Правительства РМ №129 от 22.02.2010.

женщин – жертв семейного насилия и Центры реабилитации мужчин – жертв семейного насилия, по необходимости)». Такая ситуация вскрывает системное противоречие в методологических подходах к определению понятия «насилия в семье» в принципе, где, с феноменологической точки зрения, насилие в семье – «это повторяющийся с увеличением частоты цикл физического, сексуального, словесного, психологического и экономического оскорбления и давления по отношению к своим близким с целью обретения над ними власти и контроля» [11, с. 12], а с формально юридической точки зрения, любой семейно-бытовой конфликт может быть интерпретирован как «насилие в семье». Что, безусловно, важно, по мнению автора, это применение феминистского подхода к реализации принципа «равный – равному» в процессе реабилитации жертвы насилия в семье, выражающегося, например, в функционировании групп взаимопомощи. Ещё одной немаловажной деталью является необходимость избегать условий повторной виктимизации женщин-жертв насилия в семье, что делает резонным тезис о неучастии мужчин в качестве персонала, непосредственно занятого оказанием социальных услуг в кризисных центрах, что, однако, не исключает возможности привлечения мужчин в качестве приглашённых специалистов, менеджеров. С точки зрения гендерного измерения и мер так называемой «позитивной дискриминации», нужно иметь в виду, что зачастую даже в женских организациях женщины продолжают оставаться маргинализованной социальной группой, выполняющей большой объём неоплачиваемой работы, что обосновывает необходимость занятия ими ключевых/руководящих должностей [12, с. 34]. Обзор поставщиков услуг кризисных и реабилитационных центров в Молдове, проведённый Женским правовым центром в 2014 г., выявил, что только 5 из 12 поставщиков таких услуг придерживаются феминистского подхода при построении работы с женщинами – жертвами насилия в семье [12, с. 35]. Что касается Беларуси, то здесь можно пока только наблюдать становление данной услуги вне зависимости от используемого подхода [13, с. 1].

Гендерное измерение стандартов качества услуг по трудовой переквалификации, трудоустройству, способствованию созданию собственного дела (бизнеса) на этапе реинтеграции жертвы также может дать любопытные результаты. Анализ показывает серьёзную востребованность таких услуг со стороны бенефициаров [12, с. 37] в Молдове. Организации, предоставляющие услуги по реабилитации женщин-жертв насилия в семье, отмечают актуальность и востребованность данной услуги. Крайне затруднительно собрать объективные данные о результатах внедрения подобной услуги в рассматриваемых странах, однако можно предположить высокую степень риска поощ-

рения ситуации с сохранением и воспроизведением феминизированных отраслей экономики и народного хозяйства. Речь идёт о курсах бухгалтеров, парикмахеров, продавцов-кассиров, швей, маникюрщиц, поваров-кондитеров, если мы говорим о переквалификации труда или получении таковой; об открытии парикмахерской на дому, маленькой торговой точки или выездной единицы по производству маникюра, если мы говорим о начале своего дела.

Конечно, важно понимать, что любое трудоустройство или бизнес лучше, чем его отсутствие, в особенности, когда мы говорим о необходимости нормальной реинтеграции в общество женщины, пережившей насилие в семье, вследствие чего зачастую вынужденной приобретать рабочие навыки «с колёс». Однако здесь также важно проинформировать бенефициара услуги о полном перечне возможных курсов повышения квалификации/переквалификации (крановщиц, водителей, таможенных брокеров), стимулировать к критическому оцениванию различных бизнес-идей (даже в условиях дефицита стартовых ресурсов), выбирая не то направление, где «обычно» заняты женщины, а то, где реализация своих усилий принесёт максимальный эффект не только от функционального содержания труда, но и от вознаграждения за труд.

Такое положение вещей крайне важно и с точки зрения выравнивания размеров среднего заработка мужчин и женщин (что, безусловно, нивелируя гендерное неравенство в данной области, будет способствовать уменьшению случаев проявления насилия в семье), и с позиций разрушения гендерных стереотипов в области занятости.

Как видим, затронутые в статье проблемы требуют дополнительного, более глубокого осмысления, изучения и в плане эмпирическом, и в области теоретических обобщений. Гендерное измерение и других социальных услуг, предоставляемых женщинам-жертвам/пережившим насилие в семье, является хорошим методологическим подходом, способным повысить их эффективность и результативность.

Литература

1. Опрос ребром: граждане Молдовы хотят сменить власть, но не верят в честные выборы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newsmaker.md/rus/novosti/opros-rebrom-grazhdane-moldovy-hotyat-smenit-vlast-no-ne-veryat-v-chestnye-vybory-24689>. (Дата обращения: 28.08.2016).
2. Reuters: Кремль наказывает Лукашенко за заигрывание с Западом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://udf.by/news/sobytie/142298-reuters-kreml-nakazyvaet-lukashenko-za-zaigryvanie-s-zapadom.html>. (Дата обращения: 28.08.2016).
3. Закон Республики Молдова № 45 от 01.03.2007 «О предупреждении и пресечении насилия в семье» [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<http://lex.justice.md/viewdoc.php?action=view&view=doc&id=327246&lang=2>(Дата обращения: 28.08.2016).

4. Сборник нормативных правовых актов, регламентирующих деятельность органов внутренних дел по предупреждению насилия в семье. О.Г. Каразей. С.Н. Красуцкий. В.Г. Косик. 2014. С. 62-63.

5. Филиппа призвали ускорить принятие законов по предотвращению насилия в семье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.noi.md/ru/news_id/79183/preview/1/simple/.facebook.com/.facebook.com/circul.chisinau.md#close. (Дата обращения: 28.08.2016).

6. Men and gender equality in the Republic of Moldova. Chisinau, 2015. С. 125.

7. Инфографика Белорусской организации «Гендерные перспективы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.genderperspectives.by/mediamaterialy/infografika>. (Дата обращения: 28.08.2016).

8. Торговля людьми и равенство полов в Молдове: дополнительные нормативные акты. Кишинев, 2011.

9. Стандарты качества социальных услуг как гарантия эффективной работы неправительственных организаций. Минск, 2013.

10. Обзор международного опыта и передовой практики противодействия домашнему насилию. Джулия Джирарди. Минск, 2012.

11. Ни закона, ни справедливости: Насилие в отношении женщин в России // Под ред. Марины Писклаковой-Паркер и Андрея Синельникова. Москва, 2010.

12. Capacity gap analysis study of the service providers working with women victims of domestic violence in Moldova. Chisinau, 2014.

13. Кризис кризисных комнат. Светлана Исаенок. // Советская Белоруссия, №36 (24666), 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.sb.by/obshchestvo/article/krizis-krizisnykh-komnat.html>. (Дата обращения: 28.08.2016).

РОЛЬ СОЦИОЛОГИИ В ОБЩЕСТВЕ КАК ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ

THE ROLE OF SOCIOLOGY IN SOCIETY AS A HELPING PROFESSION

И.А. Грошева

Тюменский индустриальный университет

И.Л. Грошев

Тюменское высшее военно-инженерное командное училище

I.A. Grosheva

Tyumen industrial University

I.L. Groshev

Tyumen higher military engineering command school

Рассматривается статус социологии в современном российском обществе, отмечается, что одной из особенностей социологии как помогающей профессии выступает социальная экспертиза. На конкретном примере из социальной практики авторы уточняют понятие «помогающая профессия» и обосновывают необходимость сохранения и развития социологического образования.

In the article the authors consider the status of sociology in contemporary Russian society. They note that one of the features of sociology as a helping profession is a social examination. Using a concrete example of the social practice the authors

clarify the concept of "helping profession" and justify the need for the preservation and development of sociological education.

Ключевые слова: социология, общество, помогающая профессия, социальная помощь, взаимодействие, социальная экспертиза.

Keywords: sociology, society, helping profession, social support, interaction, social examination.

Понятие «помогающая профессия» в последнее время стало обозначать достаточно широкий круг направлений и специальностей. Среди «помогающих» оказались не только профессии, связанные с социальной работой, медициной, преподаванием, но и с юриспруденцией (адвокаты, полицейские и др.), культурой (например, экскурсоводы). Однако далеко не все профессии, выражающиеся во взаимодействии «человек-человек», можно отнести к этой категории. Условия деятельности в помогающих профессиях сопряжены с высокой моральной ответственностью.

Не вызывает возражения тезис, что помогающая профессия выступает как специфический вид деятельности и по самой сути должна отличаться от всех остальных [1]. С одной стороны, профессионалам отводится особая роль, сочетающая в себе целый комплекс моральных и этических требований к их личностным качествам. С другой стороны, это следствие особенностей результатов деятельности, связанных с просоциальным поведением, заключающемся в добровольном оказании помощи или намерении оказать помощь другим людям независимо от ее характера и мотивов [2]. Возникает закономерный вопрос, можно ли социологию сегодня отнести к категории «помогающих» профессий?

Институтом социологии РАН в 2008 г. был организован форум «Проблемы Российской социологии». Доктор философских наук, профессор О.Н. Яницкий представил для обсуждения несколько тезисов о снижении значения социологической науки в российском обществе, с которыми сложно не согласиться. Вот один из них: «Социологи теряют свой вес в обществе потому, что они предпочитают позицию стороннего аналитика в отношении происходящих в нем драматических перемен, тогда как они должны объяснять людям, что происходит сегодня и что ждет их в ближайшем будущем, выступать советником и выразителем их интересов» [3].

Если социология, как и надлежит ей по статусу, будет вскрывать «нарывы общества», она станет крайне неудобной для власти, и вряд ли кто из действующих социологов этого не понимает, вспоминая судьбу Ю. Левады и других наших выдающихся соотечественников. Однако российская социология могла бы достойно занять свое место среди помогающих профессий,

имея при этом значительный потенциальный ресурс, который на сегодня мало востребован обществом или не востребован вовсе.

В этой связи следует отметить экспертную деятельность социологов. В 2009 г. авторы статьи были приглашены в качестве экспертов по уголовному делу, возбужденному против одной из финансовых пирамид Тюменской области. Каждый клиент пирамиды был обязан внести денежные средства в размере 16900 руб. в качестве вступительного взноса в обмен на дисконтную программу. Причем люди вынуждены были брать кредит для внесения взноса, который оформлялся под видом покупки бытовой техники. Сложность ситуации заключалась в том, что доводов экономистов о финансовом ущербе, психологов о психологическом давлении и манипуляции для судей оказалось недостаточно для привлечения руководителей пирамиды к уголовной ответственности. Главный аргумент: средства люди отдали добровольно, они были информированы об услуге, следовательно, никаких претензий быть не должно. Оставался один выход: доказать невозможность реализации услуги теми категориями граждан, которым они предлагались. И здесь оказались востребованными знания социологов. В ходе анализа материалов уголовного были выявлены три категории населения, которые оказались пострадавшими:

а) молодые люди, не имевшие стабильного материального дохода, получавшие в данный момент образование и жившие за счет родителей, имевшие готовность идти на риск;

б) пенсионеры, стремившиеся улучшить своё материальное положение, ориентированные уже не на приобретение каких-либо товаров, а на создание некоторого капитала, обеспечивающего достойную старость; стремившиеся, кроме всего прочего, расширить круг общения;

в) молодые люди, получившие высшее образование, не имевшие работы, либо эта работа была малооплачиваема. В этой группе преобладали мужчины, стремившиеся улучшить свое материальное положение и повысить статус в обществе.

В первых двух группах преобладали женщины. При анализе материалов исследователи обратили внимание, что все потерпевшие имели либо среднее, либо среднеспециальное образование. Это люди в возрасте 25-29 лет, не имеющие постоянного места работы либо работающие на таких должностях, которые мало оплачиваются (например, санитары, техники, воспитатели и др.); учащиеся в возрасте 19-24 лет; пенсионеры в возрасте 55 лет и старше.

В то же время был подвергнут анализу список фирм, сотрудничавших с финансовой пирамидой, которая маскировалась под маркетинговую структуру, где по приобретенным клубным картам «партнерам» предоставлялась скидка от 8% до 20%. Потенциальным клиентам предлагались достаточно

дорогостоящие услуги и товары. Совершенно очевидно, что они были абсолютно недоступны таким категориям граждан даже со скидками. Специфика ситуации заключалась в том, что ни с позиции права, ни с позиции морали предъявить какие-либо претензии к деятельности данной организации не представлялось возможным, хотя окружающие не сомневались в факте мошенничества. Социологический блок оказал существенное влияние на положительный исход дела (организаторы пирамиды были привлечены к уголовной ответственности), оказавшись существенным аргументом к выводам эксперта-психолога и эксперта-экономиста, заключения которых имели узкую направленность. Были и неприятные моменты, связанные с подготовкой заключения – это давление со стороны тех, кто находился под следствием. Показательно, что все аргументы адвокатов, отстаивающих интересы фирмы-пирамиды, были направлены против экспертов-социологов, поскольку именно их заключение оказалось невозможным опровергнуть.

Нетрудно определить, какой ущерб от деятельности финансовых пирамид как моральный, так и материальный был нанесен и продолжает наноситься обществу по всей России. В ходе проведённой работы было выявлено, что депривация отдельных групп населения при навязываемых в обществе высоких жизненных стандартах снижает требовательность к существующим социальным институтам и порождает различные проблемы правового и неправового характера. В этой связи хотелось отметить, что социология располагает необходимыми инструментами для оказания помощи населению, однако их применение сопряжено с рядом трудностей, которые возникают из-за отсутствия понимания роли социологического знания в системе государственного и муниципального управления.

Авторы полагают справедливым уточнить понятие «помогающая профессия» – это вид профессиональной деятельности, отличающийся повышенными требованиями к личностным качествам носителей профессии, направленный на решение проблем конкретного индивида, социальных групп, испытывающих социальные и экономические трудности в процессе жизнедеятельности. Результатом такой социальной помощи должен выступать ориентир общественной пользы, обуславливающий механизм эволюционного и прогрессивного развития социума. При такой трактовке очевидны следующие основополагающие принципы деятельности:

- 1) результативность труда не определяется показателями экономической эффективности, поскольку затрагивает в большей степени нравственные основы общества;

2) ключевым элементом выступает индивид как «зеркало социальных проблем», что существенно расширяет прикладную направленность исследований;

3) в некоторые наиболее острые моменты, профессиональная деятельность представителей помогающих профессий может носить конфликтный характер, что предопределяет одну из её характеристик – инновационность;

4) требования к представителям данной профессии должны быть выше по сравнению с техническими сферами профессиональной деятельности, а это, в свою очередь, потребует существенной корректировки программ в специальной профессиональной подготовке;

5) наличие социальных программ развития, обеспечивающих взаимодействие между профессиональными группами, властью и бизнесом.

Необходимость развития социологического образования не вызывает сомнений, отличается практической целесообразностью и займет достойное место в стратегии развития государства при условии адекватной оценки профессии, соотнесения с существующей реальностью с целью улучшения качества жизни населения.

Литература

1. Колчанова Л.А. Помощь как профессиональная деятельность [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sovla.ru/article.php?id=97&mode=art>. (Дата обращения: 02.06.2016 г.).
2. Рейковский Я. Просоциальная деятельность и понятие собственного «Я» // Вестник Московского университета. Сер.14. 1981. №1. С. 14-22.
3. Яницкий О.Н. Почему социология теряет свой вес в обществе? // Институт социологии РАН. Официальный портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.isras.ru/index.php?page_id=920. (Дата обращения: 28.05.2016 г.).

ПОМОГАЮЩИЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ АРМЕЙСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕННОЙ ПЕРИОДИЗАЦИИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ ПО ПРИЗЫВУ HELPING NATURE TO THE ACTIVITIES OF THE ARMY SOCIALIZATION OFFICERS IN THE CONTEXT OF TIME PERIODIZATION OF THE COMPULSORY MILITARY SERVICE

Л.Н. Захарова, В.Ю. Власкин
*Национальный исследовательский Нижегородский
Государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
L.N. Zakharova, V.Y. Vlaskin
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В качестве исследовательской задачи авторами была намечена попытка оценки характера и качества социализационных воздействий на военную службу

жащих, проходящих службу по призыву. Основное содержание составляет анализ группового оценивания военнослужащими деятельности помогающего характера должностных лиц воинской части с позиции временной разницы службы подчиненных. Установлено, что субъекты армейской социализации имеют различный ресурс воздействия на подчиненных, соотносимый с задачами армейской социализации.

As the research task the authors attempted to assess the nature and quality of socialization effects on the compulsory military personnel. The article main content is the analysis of the group evaluation of the helping nature activity of the military unit officers by servicemen from the point of view of difference of time served by subordinates. It was found that the army socialization subjects have different effect resource on subordinates, correlating with the tasks of the army socialization.

Ключевые слова: армейская социализация, должностные лица, субъекты воздействия, помогающая деятельность.

Keywords: army socialization, officers, subjects of effect, helping activity.

Основополагающие нормативные акты, определяющие цели и задачи армейской социализации, главным посылом успешной ее реализации определяют тезис о «...единстве и согласованности действий всех субъектов воспитания» [1]. В положениях концепции воинского воспитания, призванной выработать в войсках действенную и эффективную систему воздействия на военнослужащих, отмечено, что к субъектам армейской социализации, помимо государства и семьи, выступают «...командиры и начальники всех степеней, воинские коллективы, а также органы воспитательной работы» [2]. Резюмируя вышеизложенные положения, можно отметить, что все должностные лица воинской части и подразделений в той или иной мере, прямо или опосредованно, оказывают социализационное воздействие на подчиненных. Успешность же всего процесса армейской социализации может зависеть от множества факторов, к коим необходимо отнести общее время взаимодействия, условия окружающей социальной среды, степень доверия к субъектам воздействия и многое другое. В частности, значительный интерес для исследователей представляет изучение специфики помогающей деятельности должностных лиц воинской части как субъектов социализации.

Установлено, что в своем самом общем понимании помогающее поведение человека относится к категории просоциальной активности [3]. По определению Я. Рейковского, это действия, направленные на «сохранение, защиту, облегчение функционирования или содействие развитию того или иного «социального объекта» (другого человека, группы, коллектива)» [4]. С точки зрения эффективного управления человеческими ресурсами, создание условий для раскрытия потенциала личности и группы людей и успеш-

ной реализации в профессиональной деятельности – одна из важнейших задач эффективного управления в организации [5]. В.М. Шепель вводит понятие «человековедческая компетентность» менеджера, считая это условием эффективности управленческой деятельности [6, с. 60]. Задача исследователя в этом аспекте – проанализировать степень просоциальной активности в ходе повседневной служебной деятельности должностных лиц в отношении военнослужащих, призванных для прохождения службы продолжительностью в один год.

Гипотеза: должностные лица воинской части имеют различный ресурс социализационной деятельности помогающего характера, соотнесенный с различиями в запросах военнослужащих, прослуживших разное время по призыву.

В основу эмпирической базы исследования был положен метод семантических универсалий Е.Ю. Артемьевой [7, с. 5-10]. Согласно требованиям методики, семантической универсалией в данном случае является список тех признаков (дескрипторов) оцениваемого объекта «деятельность должностного лица», которые были выбраны не менее чем 90% респондентов. Стимульный материал был предложен в виде бланка специализированного 25-шкального семантического дифференциала (СД), включающего в себя биполярные варианты различных признаков оцениваемого объекта: шкалы «квалифицированная <—> неквалифицированная, односторонняя <—> много-сторонняя, высокоответственная <—> низкоответственная» и т.д. Оценивание проводилось по семибалльной шкале в диапазоне от -3,00 до 3,00, где знак полученного значения обозначает не оценку качества, а только полюс шкалы одного из двух биполярных признаков. Выделенный респондентами какой-либо полюс шкалы, среднее значение по которому входит в один из диапазонов отступа (10%-ные значения размаха средних показателей относительно правых и левых границ максимальных значений), включается в групповую семантическую универсалию как признак шкалы выбранной респондентами характеристики оцениваемого ими объекта. Исследование было проведено в два этапа. Эмпирический результат первого этапа – групповые оценки и семантические универсалии двух категорий военнослужащих, проходящих военную службу по призыву в одной воинской части в отношении ряда должностных лиц армейской социализации: командного состава (К), заместителей командиров по работе с личным составом (ЗК), сержантов подразделений (С) и войсковых психологов (ВПС). Респонденты: 250 человек, из них 125 солдат молодого пополнения, и 125 прослуживших от 6 до 12 месяцев. Результаты группового оценивания представлены в таблице 1.

Таблица 1

Групповые оценки деятельности должностных лиц армейской социализации
(результаты даны в абсолютных числовых значениях)

№ пп	Характеристики	Молодое пополнение				Увольняемые военно- служащие			
		К	ЗК	С	ВП С	К	ЗК	С	ВП С
1	Квалифицированная	2.06	1.97	1.52	2.54	1.49	1.32	-0.02	2.22
2	Многосторонняя	0.35	0.91	0.66	1.63	0.68	0.46	-0.38	1.85
3	Высокоответственная	2.08	1.78	1.23	2.19	1.16	0.94	-0.16	1.98
4	Помогает адаптироваться при призыве	1.62	1.48	1.62	2.09	0.92	0.78	0.09	1.80
5	Востребованная командованием части	1.00	1.35	1.26	1.50	0.98	0.81	0.14	1.49
6	Помогает в прохождении службы	1.53	1.42	1.57	1.91	1.05	0.81	0.14	1.62
7	Способствует личностному развитию	0.78	0.81	1.14	1.54	0.60	0.54	-0.31	1.35
8	Спокойная	0.68	0.76	0.68	1.84	0.12	0.46	-0.14	1.62
9	Объединяет подчиненных	1.25	1.26	1.41	1.53	0.69	0.79	0.20	1.58
10	Исполняющая (-) / руководящая (+)	0.82	0.18	- 0.90	- 1.26	0.38	- 0.02	-0.37	- 0.92
11	Вызывает доверие у подчиненных	1.14	0.94	1.15	1.90	0.77	0.83	-0.02	1.77
12	Одобряемая подчиненными	1.16	1.07	1.37	1.87	0.49	0.71	-0.14	1.74
13	Нормированная временем	0.89	0.76	0.80	1.16	0.56	0.74	0.15	1.26
14	Понятная для подчиненных	1.18	1.10	1.14	1.43	0.62	0.50	0.10	1.62
15	Значимая для подчиненных	1.35	1.41	1.14	1.81	0.69	0.58	-0.10	1.58
16	Имеет выраженные цели	1.60	1.49	1.38	1.94	0.74	0.80	0.13	1.99
17	Значимая для должностного лица	1.27	1.27	1.00	1.37	0.94	0.72	0.04	1.42
18	Решает проблемы подчиненных	1.08	0.95	0.99	1.69	1.04	0.56	0.02	1.36
19	Коллективная	1.42	1.04	0.80	0.60	0.68	0.48	0.28	0.55
20	Шаблонная (-) / творческая (+)	- 0.16	0.14	0.14	1.00	- 0.26	0.17	-0.81	1.10
21	Необходимая	1.49	1.46	1.26	1.80	0.48	0.53	-0.22	1.62
22	Близкая к проблемам подчиненных	0.31	0.54	0.79	1.25	0.34	0.38	-0.27	1.22
23	Располагает к продолжению службы в ВС	0.77	0.73	0.88	1.26	0.27	0.60	-0.26	1.35
24	Развивает нужные на гражданке навыки	0.58	0.59	0.69	1.13	0.35	0.41	-0.38	1.06
25	Способствует трудоустройству вне ВС	1.08	0.95	0.85	1.13	0.54	0.38	-0.44	0.97

Согласно регламенту методики, в таблице 2 отображены признаки, составившие основы групповых семантических универсалий деятельности вышеуказанных должностных лиц – субъектов армейской социализации. Справочно: для группы молодых солдат семантическую универсалию объекта «деятельность командного состава» составили признаки, средние значения оценивания которых вошли в диапазоны отступа: слева от -2,08 до -1,75, справа – от 0,85 до 1,18 (диапазон размаха средних значений от -2,08 до 1,18 равен 3,26, 10% - ный диапазон размаха средних значений равен 0,33).

Таблица 2

Групповые семантические универсалии деятельности должностных лиц
(результаты даны в абсолютных числовых значениях)

№ пп	Характеристики	Молодое пополнение				Увольняемые военно-служащие			
		К	ЗК	С	ВП С	К	ЗК	С	ВП С
1	Квалифицированная	2.06	1.97	1.52	2.54	1.49	1.32	-	2.22
2	Многосторонняя	-	-	-	1.63	-	-	-	1.85
3	Высокоответственная	2.08	1.78	-	2.19	-	-	-	1.98
4	Помогает адаптироваться при призыве	-	-	1.62	2.09	-	-	-	-
5	Востребованная командованием части	1.00	1.35	1.26	1.50	0.98	0.81	-	1.49
6	Помогает в прохождении службы	-	-	1.57	-	-	-	-	-
7	Способствует личностному развитию	-	-	1.14	1.54	-	-	-	-
8	Объединяет подчиненных	-	-	1.41	-	-	-	-	-
9	Вызывает доверие у подчиненных	1.14	-	1.15	1.90	-	0.83	-	1.77
10	Одобряемая подчиненными	-	-	1.37	-	-	-	-	-
11	Понятная для подчиненных	1.18	1.10	1.14	-	-	-	-	1.62
12	Имеет выраженные цели	-	-	1.38	-	-	-	-	1.99
13	Решает проблемы подчиненных	1.08	-	0.99	1.69	1.04	-	-	-
14	Шаблонная (-) / творческая (+)	-	-	-	-	-	-	0.81	-
15	Способствует трудоустройству вне ВС	-	-	-	-	-	-	0.44	-

В табл. 2: - в соответствии с регламентом метода в таблицу не включены значения оценок признаков, которые не вошли в 10%-ный интервал отступа от границ диапазона, находящегося между максимальными значениями дихотомически представленной категории.

Анализ результатов. Полученные групповые оценки признаков, семантические универсалии деятельности должностных лиц показали расхождения

во взглядах респондентов в начале и второй половине их службы по призыву, статистическая значимость различий которых представлена в таблице 3 ($p \leq 0.05$).

Таблица 3

Статистическая значимость различий в оценках признаков из состава групповых семантических универсалий (Критерий Вилкоксона)

№ пп	Характеристики	Статистически значимые различия групповых оценок молодых и прослуживших солдат			
		К	ЗК	С	ВПС
1	Квалифицированная	0.001	0.001	0.000	0.010
2	Многосторонняя	-	-	0.000	-
3	Высокоответственная	0.000	0.000	0.000	-
4	Помогает адаптироваться при призыве	0.002	0.001	0.000	-
5	Востребованная командованием части	-	0.009	0.000	-
6	Помогает в прохождении службы	0.008	0.003	0.000	-
7	Способствует личностному развитию	-	-	0.000	-
8	Объединяет подчиненных	0.010	0.021	0.000	-
9	Вызывает доверие у подчиненных	-	-	0.000	-
10	Одобрямая подчиненными	0.002	-	0.000	-
11	Понятная для подчиненных	0.001	0.007	0.000	-
12	Имеет выраженные цели	0.000	0.001	0.000	-
13	Решает проблемы подчиненных	-	-	0.000	-
14	Шаблонная (-) / творческая (+)	-	-	0.000	-
15	Способствует трудоустройству вне ВС	0.016	0.009	0.000	-

В табл. 3: - - различия статистически не значимы.

В контексте заявленной к рассмотрению проблемы эмпирические данные таблиц 1-3 заслуживают детального рассмотрения. Прежде всего, необходимо отметить снижение абсолютных числовых значений групповых оценок и числа значимых характеристик из состава семантических универсалий всех должностных лиц к моменту завершения военной службы. Данное обстоятельство может объясняться двояко: снижением воздействия должностных лиц вследствие отсутствия в системе армейского воспитания задач вне адаптации солдат к военной службе либо снижением у подчиненных запросов на иные, помимо служебных, социализационные воздействия со стороны субъектов армейской социализации, т.н. «референтной самодостаточностью» солдатской социальной группы. Эмпирические данные показывают, что применительно ко всем без исключения солдат для них наиболее востребованным признаком деятельности командиров является характеристика «решает про-

блемы подчиненных». Большинство других признаков, включая сюда и стереотипные описательные характеристики деятельности вроде требований к квалификации должностного лица или уровня его ответственности в организации, оцениваются респондентами разнопланово, как правило, – при наличии статистически значимых различий (таблица 3).

Другим значимым признаком полученных результатов является оценка «помогающего» характера деятельности должностных лиц солдатами. Если, например, молодые солдаты нуждаются в помощи сержантов и войсковых психологов в ходе первичной адаптации, то прослужившие этот аспект деятельности столь значимым уже не считают. О важности помощи на первом этапе службы свидетельствует превалирование абсолютных числовых значений для молодежи при оценивании признака «помогает адаптироваться при призыве» над аналогичными оценками категории «помогает в прохождении службы». Обратное соотношение, установленное у старослужащих, за исключением оценок помощи войскового психолога, косвенно подтверждает верность посыла о социализационной самодостаточности прослуживших солдат, уже адаптированных к службе в армии, а также признания ими значимости работы специалиста-психолога, акцентированной на молодое пополнение.

К третьему, наиболее важному, аспекту сравнительного анализа можно отнести качество помогающего характера деятельности конкретных должностных лиц, т.е. персонификация их вклада и меры воздействия на военнослужащих в качестве субъектов социализации. Для решения данной задачи был разработан и проведен второй этап эмпирического исследования, панельного по типу своего проведения. В качестве респондентов были привлечены военнослужащие общевойсковой части, территориально входящей в состав гарнизона. Численность выборки составила 125 солдат, прослуживших более 6 месяцев. Результаты статистической значимости различий в оценках признаков из состава групповых семантических универсалий деятельности субъектов социализации двух различающихся по должностному предназначению войсковых частей проиллюстрированы данными таблицы 4.

Таблица 4

Статистическая значимость различий в оценках признаков из состава групповых семантических универсалий (Критерий Вилкоксона)

№ пп	Характеристики	Статистически значимые различия групповых оценок прослуживших солдат ОВЧ и ДВЧ			
		К	ЗК	С	ВПС
1	Квалифицированная	-	-	0.000	-
2	Многосторонняя	-	-	0.003	0.016
3	Высокоответственная	-	0.003	0.000	-
4	Помогает адаптироваться при при-	-	0.036	0.000	-

	зыве				
5	Востребованная командованием части	-	-	0.034	0.006
6	Помогает в прохождении службы	-	-	0.000	-
7	Объединяет подчиненных	-	0.025	0.000	-
8	Вызывает доверие у подчиненных	-	-	0.004	0.026
9	Понятная для подчиненных	-	-	-	0.039
10	Имеет выраженные цели	0.005	-	0.001	-
11	Значимая для должностного лица	-	0.002	0.000	-
12	Решает проблемы подчиненных	-	-	0.005	-
13	Шаблонная / творческая	-	-	-	0.036
14	Необходимая	0.005	0.000	0.000	-
15	Близкая к проблемам подчиненных	-	-	0.005	-
16	Способствует трудоустройству вне ВС	0.027	0.032	0.000	-

В табл. 4: - - различия статистически не значимы; $p \leq 0.05$

Как и ранее, все военнослужащие по итогам второго этапа исследования продемонстрировали единый подход в отношении оценивания командного состава по признаку «решает проблемы подчиненных»; данный принцип применим также и в отношении заместителей по работе с личным составом, войсковых психологов. Необходимо также отметить аналогичный принцип оценивания такой основополагающей категории, предполагающей наличие и качество помогающего потенциала служебной деятельности всех должностных лиц, как характеристики «вызывает доверие у подчиненных». Отсутствие статистически значимых различий по данному признаку (таблицы 3-4) в отношении командиров и их заместителей при сравнении групповых показателей для ОВЧ и ДВЧ, включение данного признака в состав групповых универсалий применительно к войсковым психологам – все это свидетельствует об определенном потенциале социализационного воздействия этих должностных лиц. Отдельные частные отклонения от данной тенденции – различия в оценивании всеми респондентами доверия к психологам (ОВЧ-ДВЧ), снижение уровня доверия к командирам и, наоборот, его увеличение к ЗК по РЛС к концу службы в ДВЧ – все это говорит об отсутствии системности в социализационном воздействии должностных лиц воинских частей на подчиненных.

В ходе анализа помогающей составляющей служебной деятельности субъектов армейской социализации особое внимание необходимо сосредоточить на оценках качества работы сержантского состава. Значимость данного аспекта обуславливается проводимой Министерством обороны целевой установкой на поэтапное кадровое замещение должностей солдат и сержантов войсковых частей военнослужащими, прибывшими в часть для прохождения

службы по контракту. Несмотря на то, что сержанты ОВЧ (контрактники и выпускники учебных частей) имеют определенный кредит доверия у подчиненных, позволяющий данному признаку деятельности входить в свою групповую семантическую универсалию, сержанты-контрактники ДВЧ за время прохождения службы свои позиции в этом аспекте значительно сдали. Данное обстоятельство позволяет сделать два предположения: о целесообразности комплектования звена младших командиров по смешанному принципу (контрактники-призывники) и о влиянии специфики должностного предназначения части на характер и качество взаимодействий в звене «начальник-подчиненный» за счет более тесных взаимодействий солдат и сержантов во время выполнения задач боевой подготовки. Косвенным доказательством данного посыла являются различия самих семантических универсалий изученных категорий военнослужащих (таблицы 3-4). Так, например, прослужившие солдаты ОВЧ включили в свою универсалию признак «необходимая», что само по себе говорит о важности повседневной служебной деятельности младших командиров; сами же характеристики непосредственно «помогающей направленности» методики также входят в состав групповой универсалии. Наличие статистически значимых различий по множеству полученных групповых сержантских результатов свидетельствует о слабоэффективной и непоследовательной работе командования части и подразделений с категорией младших командиров, вследствие чего их помогающий потенциал воздействия на подчиненных способен претерпеть значительные изменения к моменту окончания службы солдат-призывников.

Выводы:

1. Основным выводом анализа полученных результатов является подтверждение гипотезы исследования о том, что социальный аспект деятельности предложенных к рассмотрению должностных лиц имеет различный ресурс воздействия на подчиненных.

2. Содержание и направленность помогающей деятельности должностных лиц армейской социализации состоит в реализации изменяющихся в ходе службы запросов военнослужащих срочной службы.

3. Высокая эффективность всей социализационной деятельности, направленной на оказание квалифицированной помощи солдатам во время прохождения службы, достигается разработкой системы непрерывного воздействия должностных лиц, ориентированной как на выполнение задач должностного предназначения солдат во время срочной службы, так и по ее окончании – посредством расширения предметного поля социализационных мероприятий.

Литература

1. О совершенствовании воспитательной работы в вооруженных силах Российской Федерации: Приказ Министра обороны РФ № 79 от 28.02.2005 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arhiv.inpravo.ru/data/base321/text321v674i288.htm>. (Дата обращения: 08.02.2014 г).
2. Об органах воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации: Приказ Министра обороны РФ № 70 от 11.3.2004 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_103319.html (Дата обращения: 08.08.2012 г.).
3. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010. 264 с.
4. Рейковский Я. Просоциальная деятельность и понятие собственного «Я» / Я. Рейковский // Вестн. Моск. ун-та. Сер.14. 1981. №1. С. 14-22.
5. Морозова Г.Б. Психологическое сопровождение организации и персонала. СПб.: Речь, 2006. 400 с.
6. Шепель В.М. Человековедческая компетентность менеджера. Управленческая антропология. М.: Дом педагогики, 2000. 382 с.
7. Серкин В.П. Алгоритм метода семантических универсалий // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 5-29.

СОЦИОЛОГИЯ – ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ ИЛИ ПРОФАНАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ? SOCIOLOGY – A HELPING PROFESSION OR JUST A FAKE IMITATION?

Ю.В. Пятыхева
Вятский государственный университет
Y.V. Patysheva
Vyatka state University

Материал посвящен решению вопроса, является ли социолог представителем помогающей профессии. Для решения поставленной задачи проводится сравнение между понятием «понимающая профессия» и деятельностью социолога. Смысл понимающих профессий заключается, в первую очередь, в помощи решению проблем индивида или группы. На основании рассмотренных критериев мы можем считать социолога представителем помогающей профессии.

The article is devoted to the question: is a sociologist, a representative of the helping profession. To solve this problem the comparison is performed between the notion of « helping a profession» and the activities of the sociologist. The meaning of helping profession is, first, to help problem solving of an individual or group. Based on the considered criteria, we can consider as sociologist a representative of the helping profession.

Ключевые слова: помогающая профессия, социология, общественное мнение, решение проблем, система «человек-человек».

Keywords: The helping profession, sociology, public opinion, problem solving, the system "man-man".

Чтобы понять, является ли социология помогающей профессией, нужно разобраться, что же значит такое понятие, как «помогающая профессия».

Исходя из определений, данных в словарях, можно сказать, что помогающие профессии есть теории, исследования и практики, направленные на помощь другим в решении их проблем [1, 2].

А.В. Бачурина считает, что главными характеристиками социномических профессий является то, что человек с помощью своего личного опыта и познания окружающих может помочь решить проблемы другого человека, на которого направлена его деятельность. Анализ в ее статье теории К. Шнейдера описывает модель специалиста помогающей профессии, где «представляет его как наиболее компетентного, состоятельного, могущего разобраться в ситуациях невозможности, порождающих как возникновение объективных обстоятельств, нарушающих жизнедеятельность человека, группы, общества, так и появление субъективного их отражения (затруднений)» [3].

Некоторые авторы считают, что помогающие профессии – это профессии системы «человек-человек» [4-6]. Однако сегодня нет однозначного определения данного понятия, как и перечня профессий, входящих в эту категорию [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что «помогающие профессии» – это профессии системы «человек-человек», которые направлены на решение проблем отдельного индивида или группы в целом с помощью профессиональных знаний и навыков. Конечной целью помогающей деятельности является достижение определенного результата, при котором решается проблема индивида или группы с помощью установления определенного контакта с клиентом (человеком или группой, на которых направлена деятельность) и воздействия на него.

Самыми известными примерами помогающих профессий являются медицинские работники, преподаватели, психологи, психиатры, социальные работники, юристы. Но можем ли мы отнести социологов к этому списку? Для ответа на этот вопрос необходимо разобраться с сущностью и особенностями социологии.

Для начала необходимо понять, что это за наука. В общем смысле: социология – это наука об обществе. Она построена на изучении *общественного мнения* – информации об обществе как разновидности социальной реальности. Социология ставит перед собой определенные задачи, которые касаются исследуемой им группы или общества в целом. Главной задачей социолога

является исследование значимой в данное время проблемы и поиски путей ее решения. Значит, социология исследует актуальные и проблемные аспекты жизнедеятельности общества через изучение общественного мнения и предлагает варианты решения этих проблем.

Исходя из нескольких основных функций социологии, а именно: познавательной, прогностической и функции социального проектирования, можно сказать, что основной целью социологии является изучение общества, на основании которого идёт создание теоретических моделей, построение трендовых прогнозов и создание практических моделей.

Но важно не забывать, что конечной целью помогающих профессий является решение проблем отдельной личности или группы. Подходит ли социология под это описание?

Для чего важна и необходима социология, описано в статье И.А. Шмерлиной. В ее работе предложены различные значения социологии и её роль в жизни людей. Рассмотрим несколько из них.

Один из самых распространенных взглядов заключается в том, что социология помогает выяснять мнение и настроение масс, что необходимо руководящим слоям, чтобы считаться с ними. То есть социология служит медиумом между обычными людьми и правящей элитой, «который наряду с информационно-исследовательской деятельностью отчасти выполняет задачи практического участия и помощи людям в их социальных проблемах» [7].

Продолжая линию таких рассуждений, можно заметить обеспечение обратной связи, которая способствует принятию эффективных управленческих решений как на уровне государства, так и на уровне предприятий.

Изучая и решая насущные потребности людей и социальные проблемы, социология формирует гражданскую позицию человека. Но это не манипулирующее воздействие, а «общественно полезная социализирующая деятельность, дающая человеку ориентиры, помогающая разобраться в текущей ситуации и выбрать позицию, отвечающую ей, почувствовать свою принадлежность к большому социальному целому» [7]. Следовательно, социология способствует созданию общественной солидарности и гражданскому самоопределению.

Медийные функции социологии заключаются и в том, чтобы прокладывать информационные каналы между отдельной личностью и обществом как посредник между человеком и окружающим миром.

В целом, по данным опроса, проведенного И.А. Шмерлиной, 30% респондентов считают, что деятельность социологии направлена на обслуживание текущих проблем и нужд общества.

Вспомним несколько основных пунктов из определения «помогающей профессии» и сравним их с профессией социолога.

1) Профессия системы «человек-человек». Социология входит в эту систему, так как работа социолога предполагает постоянную работу с людьми.

2) Направлена на решение проблем отдельного индивида или группы. Как говорилось выше, у социологии существует несколько *целей*:

- исследование актуальных для общества проблем и поиски путей их решения;
- медиум между массами и правящей элитой, между отдельной личностью и обществом;
- формирование гражданской позиции человека, создание общественной солидарности.

Все они направлены на решение проблем общества или какой-то его подсовокупности. И на основании этого можно сделать вывод, что социология является помогающей профессией.

Литература

1. Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. [Электронный ресурс]. Доступ через: http://psychology_pedagogy.academic.ru/. (Дата обращения: 07.06.2016).

2. Толковый словарь по психологии. 2013. [Электронный ресурс]. Доступ через: http://psychology_dictionary.academic.ru/. (Дата обращения: 07.06.2016).

3. Бачурина А.В. Помогающие профессии в контексте компетентностного подхода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: философия, социология, культурология, социальная работа. 2011. №4. С. 211-217.

4. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. // Педагогическое образование в России. 2013. № 4.

5. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий. Изд-во ВолГМУ. 2010. 264 с.

6. Медведева Г.П. Профессиональная этика как фактор повышения эффективности «помогающих» профессий. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: философские науки. 2014. № 4 (12). С. 87-94.

7. Шмерлина И.А. Профессия – социолог: «ходит, пишет, изучает...» // Социальная реальность. 2008. № 8-10. С. 5-25.

**ПРОФЕССИЯ СОЦИОЛОГА В ОЦЕНКАХ СТУДЕНТОВ
И ВЫПУСКНИКОВ НАПРАВЛЕНИЯ «СОЦИОЛОГИЯ»
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
**THE PROFESSION OF SOCIOLOGIST IN ESTIMATES OF IVANOV
STATE UNIVERSITY UNDERGRADUATES AND GRADUATES OF
THE FIELD OF SOCIOLOGY**

И.Н. Смирнова, Е.В. Панкратова
Ивановский государственный университет
I.N. Smirnova, E.V. Pankratova
Ivanovo State University

Рассматриваются проблемы регионального социологического образования и профессиональной социализации социологов. Приводятся результаты исследования, посвященного отношению к профессии студентов и выпускников направления «социология» Ивановского государственного университета.

Problems of regional sociological education and professional socialization of sociologists are considered. Results of the research connected with Ivanovo State University undergraduates' and graduates' attitude to the profession of sociologist are provided.

Ключевые слова: социолог, профессия социолога, социологическое образование, Ивановский государственный университет.

Keywords: sociologist, the profession of sociologist, sociological education, Ivanovo State University.

К настоящему времени написано немало работ, посвященных проблемам социологического образования [1; 2] и профессиональной социализации социологов [3; 4; 5]. Исследователи отмечают, что сделаны важные шаги в развитии социологического образования в России: построена система подготовки дипломированных социологов, укрепляются базы изданий социологических журналов и социологической литературы, увеличивается количество профилей в рамках направления «социология», разработаны и внедряются в учебный процесс новые стандарты подготовки бакалавров и магистров, улучшена учебно-методическая база преподавания, сформировалась система послевузовской подготовки специалистов высшей квалификации [2].

Вместе с тем, мнение общественности о профессии социолога неоднозначно. Подтверждением этого выступает возросшее число негативных откликов в СМИ о деятельности социологов, появление мнения о том, что социолог – это псевдопрофессия. Четверть россиян затрудняются ответить на вопрос о том, приносит ли работа социологов пользу обществу [6]. По данным ВЦИ-

ОМ, все меньше россиян доверяет социологам, хотя интерес к опросам общественного мнения устойчив у 65% опрошенных [7].

Важно отметить, что в условиях современной нестабильности и рискогенного характера социума значимость социологической рефлексии объективно повышается. Усиливается внимание к региональным проблемам, управленческие решения все чаще опираются на общественное и экспертное мнения, в связи с чем роль социологии и социологов в российском обществе становится все более необходимой и ответственной. Обращение к теме регионального социологического образования и, в частности, к оценке профессии социолога невозможно без анализа мнений самих представителей этой профессии – тех, кто ее получает, и тех, кто ее уже получил.

С целью изучения отношения к профессии социолога весной 2016 г. было проведено исследование, в котором приняло участие 66 студентов 3-4 курса и 120 выпускников направления (специальности) «социология» ИвГУ. Ивановский государственный университет осуществляет подготовку социологов с 1997 г. Набор на данное направление подготовки ежегодно составляет не менее 20 студентов и в последние годы не снижается.

Основными индикаторами исследования выступили: источники знаний о профессии и мотивы ее выбора; удовлетворенность различными параметрами обучения; оценка различных аспектов профессиональной деятельности; уровень профессиональной идентичности; оценка престижа профессии социолога; изучение возможностей трудоустройства и перспектив работы по специальности.

Среди основных источников знаний о профессии социолога и выпускники, и студенты отметили приёмную комиссию вуза (34%) и Интернет (18%). Небольшое количество студенток узнали о данной профессии на сайте ИвГУ (17%), на Днях открытых дверей (14%), выпускники – от школьных учителей и репетиторов (22%). Отметим снижение роли таких источников информации, как друзья и знакомые, школьные учителя.

Анализируя мотивы выбора направления «социология», подчеркнем, что у студентов и у выпускников они различаются. Основными мотивами поступления на направление «социология» у студентов стали нехватка экзаменационных баллов для другого направления (39,5%) и подходящий набор экзаменов (49%). Выпускники среди основных мотивов называли поступление за компанию с друзьями (60%), возможность получить интересную профессию (40%) и свой личный интерес к профессии (20%). Такой набор мотивов свидетельствует об отсутствии целенаправленного и продуманного выбора профессии особенно среди получающих это образование.

Удовлетворённость различными параметрами обучения у выпускников оценивается на уровне между средним и высоким, а у студентов – на среднем. Большинству студентов нравится учиться на данном направлении (81%). Чаще остальных параметров студенты удовлетворены подготовкой в области теоретической и прикладной социологии, знанием SPSS, педагогической и производственной практикой. Менее удовлетворены студенты знанием иностранного языка, умением составлять рекомендации и возможностью проводить исследования. Анализируя мнения выпускников, отметим, что среди наиболее проблемных параметров обучения были названы производственная практика, подготовка в области отраслевых социологий и знание иностранного языка. Проблема недостаточной подготовки в области иностранного языка носит устойчивый характер и становится все более актуальной в связи со все возрастающими требованиями работодателя к работнику.

Оценивая параметры учебной деятельности, выпускники-социологи больше всего были удовлетворены квалификацией преподавательского состава, перечнем изучаемых дисциплин, студенческой группой, а также возможностью участвовать в конференциях. Меньше всего выпускников-социологов устраивает состояние аудиторий, а студентов – расписание занятий.

Престиж профессии социолога оценивается и студентами, и выпускниками неоднозначно. С одной стороны, все участники опроса отмечают высокий престиж профессии в мире (4 балла из 5), средний – в России (3 балла из 5). В Ивановской области престиж профессии социолога студенты и выпускники оценили ниже среднего – 1,8 балла. При этом они отмечают, что этот показатель останется без изменений.

Оценивая профессиональную идентичность студентов и выпускников направления, следует отметить, что большинство студентов знает (и треть отмечает!) профессиональный праздник – День социолога, называет современных социологов, почти все опрошенные постоянно или время от времени следят за новостями из мира социологии. Среднее количество проведённых студентами исследований возрастает с каждым курсом и составляет от 3 до 6 исследований (у выпускников – от 2 до 5). Интересуются студенты чаще социологией молодёжи, конфликтологией и девиантным поведением, прикладной социологией; выпускники – социологией города, социологией образования, экономической социологией и этносоциологией. Совпадают у выпускников и студентов интересы в области социологии религии и социологии семьи.

Говоря о недостатках социологического образования в ИвГУ, отметим, что около трети выпускников, а также большинство студентов старших курсов считают основной проблемой низкий статус профессии социолога в об-

ществе. Треть выпускников отмечают оторванность образования от требований работодателей. Также выпускниками указывалось недостаточное использование активных и интерактивных форм и методов подготовки и проведения занятий, студентами – отсутствие доступа к специализированному и лицензионному ПО для анализа данных.

Наиболее полезными дисциплинами из изученных выпускники считают методику и методологию социологического исследования, историю социологии, общую социологию, логику, педагогику и SPSS; наименее полезными – высшую математику, теорию вероятности и статистику.

По специальности в большей степени хотели бы работать юноши (26%). Однако половина студентов отмечает свое желание работать по специальности, но сомневается в реализуемости этих стремлений. Более остальных их привлекает работа социолога-аналитика, проектная и педагогическая деятельность.

Опыт работы по специальности имели около половины выпускников, из них на постоянной основе трудятся 12%. Среди главных причин нежелания работать по специальности у выпускников-социологов – сложность трудоустройства и низкая заработная плата (часто не превышающая 15 тыс. руб.). Выпускники-социологи заняты в образовательных (8%), торговых (12%), промышленных (10%), административных (20%), страховых (7%) организациях, а также в социальной (32%) и банковской сфере (9%). У тех, кто работает по специальности, благодаря профессии сформировались такие качества, как умение работать с людьми, коммуникабельность, внимательность и креативность.

Исследование показало, что несмотря на адекватные показатели профессиональной социализации, представления о выбранной профессии и у студентов, и у выпускников носят не системный, а фрагментарный характер. Отчасти это связано с противоречивыми тенденциями, происходящими в сфере институционализации социологии как профессии в России, отчасти с трудностями регионального высшего образования. Стандарт третьего поколения значительно расширил сферы деятельности социолога, что повлияло не только на подготовку социологов в вузах, но и наложило отпечаток на профессию: происходит размывание ее контуров, возникает путаница в функциях социолога, в результате чего выпускники сталкиваются с новыми барьерами при трудоустройстве. Особенно это касается региональных рынков труда. В целом обозначенные тенденции схожи с исследованиями коллег в Тверской и Нижегородской областях [8], что свидетельствует об их комплексном характере.

Литература

1. Буланова М.Б., Медведева Д.М. Социологическое образование в региональных вузах России // Социологические исследования. 2011. № 10. С. 133-138.
2. Осадчая Г.И. Заметки о социологическом образовании в России: рефлексия новых требований общества // Социологические исследования. 2009. № 2. С. 102-107.
3. Вайсбург А.В. Эффективная профессиональная социализация социологов в России: миф или реальность // European Social Science Journal. 2013. № 8-1 (35). С. 353-360.
4. Вайсбург А.В. Проблемы профессиональной социализации социологов в регионе // Регионоведение. 2009. № 1. С. 176-182.
5. Вайсбург А.В. Оптимизация вузовского этапа профессиональной социализации современных российских социологов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 1. С. 17-22.
6. Профессия – социолог. База данных ФОМ от 15.05.2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bd.fom.ru/report/map/d081925>. (Дата обращения: 10.03.2015).
7. Пресс-выпуск ВЦИОМ № 2215 от 24.01.2013. «Опросы общественного мнения: интересуемся? Ценим? Верим?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113567> (Дата обращения: 10.03.2015).
8. Вайсбург А.В. Процесс профессионального самоопределения будущих социологов // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 310-313.

УПРАВЛЕНИЕ СПОРТИВНЫМ ВОЛОНТЕРСТВОМ: ЗНАЧЕНИЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ⁷ MANAGEMENT OF SPORT VOLUNTEERING: THE VALUE OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

М.В. Певная, Д.Ф. Телепаева
*Уральский Федеральный Университет им. первого Президента России Б.Н.
Ельцина, г. Екатеринбург*
M.V. Pevnaya, D.F. Telepaeva
*Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

Рассматриваются отдельные аспекты исследования управления спортивным волонтерством, выделяются проблемные вопросы, задаются возможные векторы эмпирических исследований данного явления.

The paper discusses some aspects of the sports volunteering's management, Authors highlighted the problematic issues of work with sports volunteers, suggested some ways of sports volunteering researches in Russia and abroad.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, спортивное волонтерство, социологическое исследование.

Keywords: volunteering, sport volunteering, sociological research.

Изучение специфики проведения спортивных мероприятий мирового масштаба сегодня является очень актуальным. Ежегодно на территории той или

⁷ Подготовлено при поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

иной страны проходят мировые спортивные соревнования – Олимпийские игры или Чемпионаты по определённым видам спорта. Проведение крупномасштабных событий приносит практическую пользу странам-организаторам: развивается спортивная инфраструктура, привлекаются инвестиции в социальную сферу и культурную индустрию, повышается имидж страны-организатора, стимулируется развитие туристического интереса к определённым регионам и городам, в которых проходят соревнования.

Каждое спортивное мероприятие мирового масштаба привлекает сотни тысяч людей со всего мира. Речь здесь идёт не только о спортсменах и зрителях, но и о волонтерах из других стран, которые пополняют волонтерские сообщества стран-участников спортивных соревнований. Так, например, на Зимних Олимпийских играх в Сочи-2014 волонтерами работали около 25000 человек, треть из которых – граждане иностранных государств [1], Летние Олимпийские игры в Лондоне в 2012 г. и Рио-2016 привлекли около 70000 добровольцев, в том числе более 20000 волонтеров из других стран [2]. На Кубке Конфедераций в 2017 г. и Чемпионате мира по футболу в 2018 г. в России планируется задействовать более 20000 волонтеров [3].

Спортивное волонтерство требует к себе внимательное отношение в контексте развития управления деятельностью добровольцев. Сегодня это связано с коммерческим предназначением спортивных мероприятий, с имиджем страны-организатора, которые во многом определяются эффективностью деятельности волонтеров, вовлечённых в эти проекты. Сложность заключается в том, что спортивные мероприятия мирового масштаба – это преимущественно коммерческие проекты, нацеленные на получение прибыли. В этих условиях деятельность волонтеров является формализованной, жёстко регламентированной и подотчётной организаторам мероприятия. В то же время любое волонтерское участие должно осуществляться на принципах альтруизма и добровольности, без какого-либо внешнего ограничения и принуждения к действиям. Сосуществование в одном контексте жесткой регламентации, свободы выбора и добровольности, товарно-денежных и безвозмездных отношений – противоречие, в котором вынужденно существует сегодня институт спортивного волонтерства [4].

По нашему мнению, выше обозначенные характеристики спортивных волонтеров, противоречия в данном виде деятельности требуют особого внимания к процессу управления спортивным волонтерством. Соответственно, исследования управления спортивным волонтерством приобретают определённую значимость.

Несмотря на такой социально-экономический эффект и популярность данного вида волонтерской деятельности среди граждан разных стран, изучению

именно спортивного волонтерства посвящено достаточно ограниченное число научных работ. Как правило, интерес к исследованию проявляется периодически, то есть предшествует какому-либо определённому спортивному событию и заканчивается сразу же после проведения такового. Например, в связи с Олимпийскими играми в Сочи 2014 г. было проведено несколько эмпирических исследований такими российскими учёными, как Г.И. Горлова, Л.И. Старовойтова. Они изучали психологические и эмоциональные характеристики волонтеров [5]. В работе М.П. Сухарьковой исследовались ожидания волонтеров от Олимпийских игр перед отъездом и их субъективные оценки своей деятельности после проведения Олимпиады [4]. Тема развития спортивного волонтерства среди студенческого сообщества раскрывается в работах О.Л. Трещевой, Е.С. Семёновой и Н.М. Романенко [6; 7].

Зарубежные коллеги изучают спортивное волонтерство во многих аспектах. Например, К.А. Smith и L. Lockstone исследуют его как инструмент формирования внешнего и внутреннего имиджа территории [8]. Социологи и психологи занимаются изучением мотивации спортивных волонтеров, например, N.O. Nassar, N.M. Talaat, S. Khoo, R. Engelhorn [9; 10]. Спортивное волонтерство как механизм доверия населения к деятельности третьего сектора рассматривают С.Р. Bladen, M.G. Gallarza, F. Arteaga, I. Gil-Saura [11; 12].

Исследования управления спортивным волонтерством могут предполагать наличие разных методологических оснований, базирующихся на определении ключевых аспектов объекта исследования. В этом смысле необходима конкретизация субъекта и объекта управления, внешней и внутренней среды. По нашему мнению, наряду с использованием методических разработок российских и зарубежных коллег можно рассматривать также и другие аспекты управления спортивным волонтерством.

Например, в исследованиях объекта управления интересным видится изучение включения разных социальных групп в данный вид добровольчества. Особый интерес представляют разные возрастные группы потенциальных и реальных волонтеров. Как правило, на спортивных мероприятиях добровольцами работают студенты и молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет. Однако среди спортивных волонтеров сегодня встречаются и люди пенсионного возраста. В силу определённых характеристик, присущих спортивным волонтерам (хорошая физическая подготовка, умение пользоваться техническими средствами, владение иностранным языком и т.д.), они могут выполнять лишь ограниченные виды работ. Тем не менее, волонтеры «серебряного возраста» способны с большим эффектом, чем молодое поколение, выполнять определенные функции. В этом случае специфика и особенности деятельности разных возрастных групп требуют к себе отдельного исследовательского интереса.

Другим основанием изучения субъекта управления может быть профессиональная стратификация. Интересным и важным аспектом проблемы является участие в волонтерской деятельности людей разных профессиональных групп, специфика и характер взаимодействия организаторов с профессиональными сообществами и ассоциациями. Идеологически определено, что стать волонтером может абсолютно любой человек, соответствующий критериям отбора на конкретное мероприятие. В исследовательских проектах можно определить не только характер и особенности включения в спортивные волонтерские проекты людей разных профессий, но и объективные структурные характеристики, позволяющие в управленческих практиках находить баланс между потребностями организаторов и возможностями, предпочтениями потенциальных волонтеров.

Особый исследовательский срез касается территориального разделения. Это предполагает изучение особенностей волонтерского сообщества каждого региона, его специфики, культурных, ментальных оснований поведения жителей определённой территории, сложившихся традиций локального управления. Накопление такого эмпирического знания в региональном разрезе открывает возможности для проведения компаративных исследований, которые предполагают применение единых методических подходов. По нашему мнению, в современных условиях определяющую роль в изучении спортивного волонтерства играют именно комплексные исследования, которые учитывают многогранность субъекта управления, динамику развития объектов управления, трансформацию внутренней и внешней среды складывающейся сегодня системы управления спортивным волонтерством в локальном, национальном и глобальном измерениях.

Спортивное волонтерство – довольно популярное и перспективное во всех своих смыслах направление добровольчества во всём мире. Противоречивый характер данного вида волонтерства требует особого подхода к своему исследованию. Он определяется содержанием деятельности добровольцев, спецификой управления ими, необходимостью сохранения альтруистического начала в своем основании. В этих условиях потенциал социологических исследований в изучении спортивного волонтерства как социального феномена, нацеленного на совершенствование практик управления волонтерами, на наш взгляд, безграничен.

Литература

1. Новостной портал города Сочи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sochinews.net/obschestvo/1650-v-sochi-pribyvayut-inostrannye-volontery.html>. (Дата обращения 12.09.2016).
2. Новостной портал «Я – 2016» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ya2016.com/sport/volontery-na-olimpiadu-2016/> (Дата обращения 05.09.2016).

3. Волонтеры на Чемпионате мира по футболу – 2018 в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visasam.ru/emigration/rabota/volontery-na-chempionat-mira-2018.html>. (Дата обращения 23.06.2016).
4. Сухарькова М.П. Олимпийское волонтерское движение после игр в России. Материалы XVI апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. М.: ВШЭ, 2016.
5. Горлова Н.И., Старовойтова Л.И. Model of stress resistance formation in volunteers through participation in the «Sochi 2014» project // Indian Journal of Science and Technology. 2016. № 9(14). С. 106-112.
6. Романенко Н.М., Семенова Е.С. Спортивное волонтерство как технология вовлечения молодежи в массовый спорт // Сб. науч. статей «Молодежь и общество». Вып.6. М.: Союз. РГСУ, 2014. С. 199-203.
7. Трещева О.Л. Спортивное волонтерство как средство развития личностных качеств у студентов // Сборник региональной научно-практической конференции, посв. 90-летию физкультурного движения в РФ. 2014. С. 156-161.
8. Smith K.A., Lockstone L. Event Volunteering: International Perspectives on the Event Volunteering. London, 2014.
9. Nassar N.O., Talaat N.M. Motivations of Young Volunteers in Special Events // An International Multidisciplinary Journal of Tourism. №4 (1). P. 145-152.
10. Khoo S., Engelhorn R. Volunteer motivations at a national Special Olympics event // Tourism and Hospitality Planning and Development. 2011. №4 (3). P. 159-167.
11. Bladen C. Media representation of volunteers at the Beijing Olympic Games // Journal: Equity & Excellence in Education. 2010. № 43 (4). С. 511-526.
12. Gallarza M., Arteaga F., Gil-Saura I. The value of volunteering in special events // Paper for the 9th International Marketing Trends Conference in Venice, 2010. P. 211-215.

СОЦИОЛОГИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ ИНЖЕНЕРА: ГУМАНИТАРНАЯ ТРАДИЦИЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ

SOCIOLOGY IN ENGINEERS' PROFESSIONAL DEVELOPMENT: HUMANITARIAN TRADITION AND EDUCATIONAL INNOVATIONS

И.Н. Терентьева
*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.Е. Алексева*
I.N. Terentyeva
Nizhni Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

Раскрывается содержание компетенций, формируемых в рамках курса социологии для инженерных направлений подготовки. Выделены формальные различия и существенные связи современной практики преподавания с отечественной традицией преподавания социально-гуманитарных дисциплин в техническом вузе. Рассмотрены некоторые проблемы содержания и форм обучения в курсе социологии.

In the presented work the content of the competences formed in the course of sociology for engineers. Dedicated formal distinctions and essential connections and modern teaching practices with the national tradition of teaching social and

humanitarian disciplines in a technical University. The article discusses some problems of the content and forms of training in the course of sociology.

Ключевые слова: социология, инженерное образование, компетенции, традиция и инновации.

Keywords: sociology, engineering education, competence, tradition and innovation.

Одним из «вечных» вопросов формирования содержания обучения инженеров был и остается вопрос, можно ли перечислить и описать все функции специалиста в реальной производственной деятельности, чтобы к ним адаптировать обучение? Вероятно, да. И даже дать некоторый прогноз их видоизменения в связи научно-технических прогрессом. Однако эта «подгонка» исключительно к существующему положению дел проблематизирует развитие. С другой стороны, техника как предмет профессиональной деятельности инженера, наряду с природным и естественнонаучным измерениями, имеет и социальное измерение. Ее создание, внедрение и использование происходит в социальной ситуации, в социальном взаимодействии и социальном действии самого инженера. Понимание этого можно считать «сверхзадачей» социологической подготовки студента-инженера в профессиональном аспекте. Относительно личностного развития такая задача, на наш взгляд, связана с формированием «социологического воображения» и использованием соответствующих этой задаче инструментов и технологий [1].

Преподавание курса социологии для всех направлений инженерной подготовки в настоящее время предусматривает формирование ряда общекультурных компетенций. Так, например, в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки 15.03.02 «Технологические машины и оборудование» и на основе рабочего учебного плана, дисциплина «Социология» обеспечивает формирование части общекультурных компетенций: ОК-2, способность «анализировать основные этапы и закономерности исторического развития общества для формирования гражданской позиции» и ОК-6, способность «работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия». «Социологичность» содержания, на наш взгляд, налицо и разворачивается в движении от осознания специфичности объектов исследования, общества и общностей к разъяснению их системно-структурного характера, а также сочетания процессуальности и структурности в социальных системах.

Теперь рассмотрим связь этих компетенций с личностным и профессиональным развитием. В профессиональном плане содержание общекультурной компетенции ОК-6 связано с содержанием профессиональной компетенции ПК-17, предусматривающей способность «организовать работу ма-

лых коллективов исполнителей» (в связи с осуществлением организационно-управленческой деятельности). Само выделение таких компетенций стоит отметить как положительное и ожидаемое. Так, уже в 90-е гг. о гуманитарной составляющей инженерного образования говорили в связи противопоставлением инженера и технократа: «Инженер – это не технократ, т.е. человек, управляющий людьми как вещами, бездушными техническими объектами». Инженер, наделенный властью, «может быть технократом и часто становится им, если он не поднялся до понимания управления людьми, выходящей за пределы технической теории управления, в которой элементы системы управления – неживые технические объекты» [2, с. 18]. Так теоретический вопрос о различии технических и социальных систем приобретает прикладной характер в конкретной ситуации профессиональной деятельности.

Рассмотрим на отдельном примере связь содержания компетенции, форм учебной деятельности и предполагаемых результатов. Во-первых, отметим «сквозной» характер ее содержания, связь не с конкретной темой, а с идеей курса в целом (такой идеей для автора являются социальные аспекты создания и функционирования технических объектов, роль человека как субъекта социальной и производственной деятельности). Во-вторых, наиболее перспективной представляется групповая работа, сама по себе являющаяся учебной формой работы малого коллектива. В-третьих, наиболее важным, как и наиболее трудным, является включение исследовательских задач в изучении курса социологии. В приведенной ниже таблице содержание компетенции соотнесено с конкретными формами учебной работы и предполагаемыми результатами.

Таблица 1

«Моделирующие» формы учебной работы по курсу «Социология» в связи с формированием компетенции

Содержание компетенции	Форма учебной Работы	Базовые общие результаты	Вариативный специфический результат
Способность «работать в коллективе, толерантно воспринимая социальные, этнические, конфессиональные и культурные различия»	Аудиторная групповая работа	Практика, т.е. движение от замысла к некоторому осознанному и оцениваемому результату: - коллективного целеполагания и целеосуществления; - групповой коммуникации; - распределения работ и координации	Навыки быстрого поиска и структурирования информации
	Учебное исследовательское задание		Освоение исследовательской позиции по отношению к себе и окружению
	Устная и визуальная презентация результатов работы		Освоение ролей в контексте «социальной драматургии»

	Итоговое занятие: мини-конференция или брейн-ринг	действий; - формулировки и структурированию проблем	Понимание связи теории и технологии, социальных проблем и социальных интересов
--	---	--	--

Групповая и проектная работа – это безусловная новация в образовательном процессе. Одной из главных трудностей в ее реализации является необходимое сочетание освоения новых знаний одновременно с реализацией новых форм действий в условиях ограниченного времени на освоение дисциплины. Объектом жесткого (само)управления в этих условиях должен стать сам студент по отношению к себе самому. А это предъявляет новые требования и к мотивации, и к организации обучения (характер контрольных функций преподавателя в ходе освоения дисциплины, безусловно, изменяется, но не может быть исключен или минимизирован вплоть до фактического исключения).

Заключая наш обзор некоторых задач, а значит и перспектив, этого предмета в инженерном образовании, отметим, что предписанная ФГОС инновационная составляющая касается ориентации на предельно точные указания объектов профессиональной деятельности, с которыми связаны знания и умения, приобретаемые в ходе изучения социологии. Традиционная же гуманитарная составляющая, сохраняемая в содержании курса, выражена в ориентации на *образование*, предполагающее главной целью не только приобретение некоторого объема сведений, но прежде всего личностный рост как основу и условие формирования профессиональных качеств. «Обратное» влияние личностного развития на профессиональную деятельность связано, на наш взгляд, с мотивацией профессионального роста и социально ответственной позиции профессионала.

Литература

1. Терентьева И.Н. Социология в техническом вузе: от теоретической рефлексии к инструментам формирования социологического воображения // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. I. С. 186-188.
2. Инженер – философия – вуз. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 128 с.

**ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ФОТОГРАФИИ
В СОЦИОЛОГИИ**
**THE COGNITIVE CAPABILITIES OF PHOTOGRAPHY IN
THE STUDY OF SOCIOLOGY**

Н.В. Шалютина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

N.V. Shalyutina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается когнитивный потенциал фотографии при изучении социологии студентами – социальными работниками. В частности, описывается методика фотопроектов, иллюстрирующих социологические понятия и социальные проблемы, при подготовке к семинарским занятиям по социологии.

In article is discussed the cognitive potential of photography while studying sociology by students – social workers. In particular the paper describes the methodology of photoprojects which illustrate sociological concepts and social problems in preparation for seminars.

Ключевые слова: визуальная методология, фотопроjekt, социальная работа.

Keywords: visual methodology, photo project, social work.

Современная социология стремится выйти за привычные дисциплинарные границы, используя новые методы исследования реальности. Для расширения исследовательского инструментария можно использовать фотографию как одно из направлений визуальной социологии. Строго говоря, фотографию и визуальную методологию нельзя назвать принципиально новым инструментом изучения социологической реальности. Социология и фотография – продукты одного временного периода (в 1839 г. Конт заканчивает написание «Позитивной социальной философии», а Даггер изобретает способ фиксации изображения на пленке). Объектом внимания социологии и фотографии сразу становится человек и его деятельность, поэтому изначально казалось естественным развитие визуальной методологической традиции в социологии от фотоэтнографии к социологической фотографии [1].

Использование фотографии (наряду с другими визуальными данными, например, картами и графиками) было традиционной чертой городской социологии и социальной работы (например, исследование Джейн Адамс по описанию условий жизни бедных мигрантов в Чикаго в 1895г.) [2]. В американской социологической традиции фотография служила для иллюстрации гипотез и понятий примерно до 20-х гг. прошлого века. Затем в связи с укреплением позитивистского направления в социологии как доминирующе-

го происходит отказ от использования фото как инструмента необъективного и сложно подающегося стандартизации.

В 1970-е гг. в связи с возрождением интереса к понимающей социологии возрождается и интерес к фотографии. А к концу века интерес к визуальной составляющей усиливается благодаря развитию массовых коммуникаций и нарастанию потока визуальной информации, её дифференциацией и тенденцией к доминированию визуальных образов в современном социокультурном пространстве над письменными текстами. Появляется потребность в использовании новых (или забытых старых) способов интерпретации и отражения социальной реальности в сознании.

Использование фотографии в процессе изучения социологии социальными работниками способствует развитию социологического воображения, практических навыков анализа реальности, повышает заинтересованность студентов. Сам процесс создания фотографии – это творческий подход к решению задачи, которому сопутствует эмоциональная вовлеченность в проект, что повышает мотивированность студентов к самостоятельной работе.

Следует отметить, что фотография может быть как инструментом, так и объектом анализа, она может быть использована в качестве стимула для интервью или дискуссии. В нашем случае фотография используется для анализа и фиксации наблюдаемых социальных фактов. Каждая изучаемая на лекциях тема подкрепляется фотопроектом, который презентуется студентами на семинарском занятии. Студенты, работая в группах, ищут и фиксируют социологические сюжеты, соответствующие определенным темам, которые затем обсуждаются на семинарском занятии. Суть фотопроекта – фиксация внешних проявлений имманентных социологических процессов и объединение их с социологической теорией. Нужно оговориться, что фотопроекты направлены на те области проявления социальной жизни, которые в принципе возможно зафиксировать визуально. Иерархия тех общественных явлений и практик, которые можно анализировать с помощью фотоизображения, разработана П. Штомкой, Р. Чалфен [1; 3].

Для успешной реализации проекта необходимо освоить теоретический материал по выбранной теме; поставить цель и выявить объекты и индикаторы наблюдения; объяснить, почему выбранный сюжет наиболее полно иллюстрирует и раскрывает изучаемую тему. Сюжеты для фотопроектов в рамках изучаемых тем студенты могут выбирать сами или воспользоваться следующими вариантами:

Тема «Культура и система норм»:

- визуальное проявление социальных норм (привычек, ценностей, традиций, законов);

- городские праздники, традиции и ритуалы;
- ценности и мода (например, здоровый образ жизни и вредные привычки в молодежной среде);
- визуализация субкультурного многообразия на улицах города (например, использование гаджетов молодежью, городское граффити).

Тема: Общество и личность.

- визуализация гендера в текстах масс медиа (например, тело современной женщины и современного мужчины в рекламе);
- гендерная репрезентация в повседневной жизни (например, гендерные стереотипы поведения на улицах, в торговых центрах);
- визуализация статусов и ролей;
- визуализация взаимодействия в повседневной жизни (невербальные способы общения).

Тема «Социальные институты».

- визуализация института семьи и родительства (например, гендерные практики воспитания детей в общественных местах, образ отца и матери);
- особенности взаимодействия в рамках формальных и неформальных социальных институтов;
- материальное воплощение и символы современных институтов;
- используя архивные материалы и медиа материалы попробуйте показать динамику и особенности института образования в различных обществах.

Тема «Социальные общности и группы».

- визуализация идентичности (например, образ нижегородского студента; нижегородцы и гости города);
- особенности социального взаимодействия в разных этнических группах;
- визуализация групповых стереотипов в текстах масс медиа;
- визуализация социальных ролей в первичных группах.

Тема «Социальная дифференциация».

- визуализация неравенства в Нижнем Новгороде (социальная и пространственная дифференциация населения, бедность и богатство);
- визуализация социальных проблем (например, пьянство и бедность в городе, миграция, девиантное поведение, поведение на дороге и парковка);
- мода, престижное потребление как фактор социальной дифференциации;
- социальная дифференциация в спорте и отдыхе (по материалам медиа).

Тема «Социальные изменения».

- визуализация макросоциальных процессов и социальных изменений в городской среде: глобализация, индивидуализация; их влияние на повседневную жизнь;
- урбанизация как социальное явление; динамика социокультурных процессов в городской среде (с использованием архивных фото и карт города);
- развлекательный характер современной культуры;
- город как визуальное сообщение (технологии и транспорт; торговля и реклама; дизайн и архитектура; образ жизни и общественные традиции).

Тема «Масс медиа и современность».

- образ города через рекламные вывески и баннеры;
- стереотипы и предрассудки в рекламе (можно использовать рекламные снимки из глянцевого журналов);
- ценности, пропагандируемые рекламой на уровне товара и на уровне потребности;
- целевая аудитория и особенности потребления материалов масс медиа (в зависимости от канала коммуникации).

В процессе работы над фотопроектом студенты обучаются, с одной стороны, выделять в повседневной реальности социальные факты. С другой стороны, создавая собственные фотографии, студенты приходят к пониманию того, что визуальные образы могут являться конструктами, создаются для репрезентации какого-либо значения и подчиняются целям автора.

Необходимо отметить, что когнитивный потенциал фотографии не исчерпывается методом фотопроекта как способом иллюстрации социологических терминов и социальных проблем. Фотография может быть использована в качестве стимула для интервью (метод фотоотклика) [4], а также может быть объектом анализа (метод фотовыявления) [5]. Использование фотографии и методов визуализации способствует решению комплекса задач по подготовке социального работника: развитие социологического воображения и практических навыков анализа социальной реальности; освоение визуальной методологии и качественных методов социокультурного исследования; повышение заинтересованности студентов социологией в целом. Студенты обучаются работе в группе, творческому подходу к решению задач.

Литература

1. Штомпка П. Визуальная социология. Фотография как метод исследования. М.: Логос, 2010. 168 с.
2. Визуальная антропология: городские карты памяти. – М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. 312 с.

3. Цит. По Ball M.S., Smith G.W.H. Analyzing visual data. London: Sage, 1992. [Электронный ресурс]. Дата обращения: <https://uk.sagepub.com/en-gb/eur/analyzing-visual-data/book3148>. (Дата обращения: 14.06.16).

4. Цит. По Rose A. Visual Methodologies. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://dlx.bookzz.org/genesis/566000/1ed5aca72aa201d1b1e142557b7f1499/_as/\[Dr_Gillian_Rose\]_Visual_Methodologies_An_Introdu\(BookZZ.org\).pdf](http://dlx.bookzz.org/genesis/566000/1ed5aca72aa201d1b1e142557b7f1499/_as/[Dr_Gillian_Rose]_Visual_Methodologies_An_Introdu(BookZZ.org).pdf). (Дата обращения: 17.07.16).

5. Харпер Д. Фотовыявление: истоки, развитие, темы и формы [Электронный ресурс]. Режим доступа: [jour.isras.ru>index.php/socjour/article/download/...](http://jour.isras.ru/index.php/socjour/article/download/...) (Дата обращения: 20.07.16).

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СОЦИОЛОГИИ THE THERAPEUTIC POTENTIAL OF SOCIOLOGY

Е.А. Шорыгин

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Е.А. Shorygin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Актуализируется один из потенциалов социологии – терапевтический. Анализируется процесс так называемой социальной терапии. Приводятся примеры «лечения» социологией общественных «болезней» и описываются основные спектры терапевтической работы на микро- мезо- и макроуровнях.

Article actualizes therapeutic potential of sociology. The author analyzes the process of social therapy. The paper gives examples of «sociological treatment» of public "disease" and describes the main range of therapeutic work at the micro meso and macro levels.

Ключевые слова: социология, социальная терапия, социальная болезнь, социальная патология

Keywords: sociology, social therapy, social disease, social pathology.

Прежде чем начать описание социальной терапии и ее основных направлений, необходимо обозначить специфику *терапии как процесса*. В буквальном смысле под терапией понимается лечение, устранение патологии.

Сегодня существует множество различных определений терапии, основная часть которых относится к медицинскому блоку, включая психиатрический и психотерапевтический. Однако понятие терапия может применяться и к социальным процессам. В том или ином случае мы имеем дело с понятиями «нормы» и «девиации» (отклонения от нормы). Мишель Фуко, апеллируя к лакановской терминологии, рассматривает человека как точку схождения означающего и означаемого, первый из которых характеризуется социальными нормами, а второе управляемый телом [1]. В этом контексте «текущая современность» с характерными для нее ускоряющимися темпами социаль-

ных изменений предполагает и трансформацию нормативно-ценностной структуры социума, что, соответственно, способствует и распространению отклоняющихся от норм явлений, социальных болезней – наркомании, алкоголизма, ксенофобии и национализма, сексизма и гомофобии. Однако, как пишет Р. Уильямс: «Социальные нормы широко нарушаются в неявной форме, с молчаливого согласия и даже поддержки обществом или группой, пока такое нарушение не станет явным» [2, с. 420]. Данное положение определяет, в свою очередь, диагностическую функцию социальной терапии – социальный ученый может не только разрабатывать терапевтическую, прикладную модель для устранения проблемы, но и «ставить диагноз», конструировать и конституировать ее.

Проведенный анализ определений социальной терапии в специализированных словарях позволил найти лишь одно толкование. Социальная терапия – «деятельность социальных работников, направленная на оказание помощи людям, находящимся в стрессовой ситуации, переживающих душевный кризис, адаптирующихся к новым для себя жизненным условиям» [3, с. 146]. Данное субъектно-ориентированное определение исключает остальные социально-терапевтические потенции на мезо- и макроуровне. Таким образом, мы считаем адекватным сформулировать следующее определение *социальной терапии* – систематический процесс устранения дисфункционального и деструктивного состояния социальных институтов, общественных процессов и явлений, кризисного состояния отдельных групп и индивидов.

В качестве иллюстрации потенциальных векторов и функций социальной терапии приведем анализ, выполненный по структурно-функциональной модели AGIL Т. Парсонса [4] (таблица 1).

Таблица 1

Структурно-функциональный анализ функций социальной терапии

<p style="text-align: center;">Адаптация</p> <p>актуализация и укрепление адаптивного потенциала социальных институтов, общностей, групп и индивидов</p>	<p style="text-align: center;">Интеграция</p> <p>укрепление и улучшение качества интегративных связей и возможностей социальных акторов, действующих внутри социальной системы</p>
<p style="text-align: center;">Целеполагание</p> <p>преодоление общественных отклонений путем изменения вектора социального развития в сторону институционализации социально-приемлемых норм, ценностей и санкций</p>	<p style="text-align: center;">Латентная</p> <p>улучшение ценностно-нормативной системы и паттернов социального взаимодействия</p>

Данный анализ отражает и актуализирует широту терапевтического потенциала на всех уровнях социума. В этой связи рассмотрим возможности социальной терапии на личностном, групповом и социетальном уровнях.

На *микроуровне* возможности социальной терапии восходят к понимающей, интерпретативной социологической парадигме. Здесь «врачевание» возможно на уровне отдельной личности или малой группы. Основными объектами терапии в этом случае являются дефицитарные, кризисные состояния индивида, утрата или ослабление его социальных связей, эксклюзивное положение в системе социальных отношений, дисфункциональные и деструктивные групповые процессы. Потенциал социологии в случае личностных проблем может быть реализован посредством расширения систем релевантностей и типизаций индивида.

Феноменологическая социология постулирует, что типизацию следует воспринимать как *двусторонний процесс* в том смысле, что «когда я конструирую "другого" как частную личность, исполнителя типичных ролей и функций, во взаимодействии с которым участвую я сам, параллельно развивается процесс самотипизации» [5, с. 132].

Процесс типизации определяет *система релевантностей* индивида, которая устанавливает элементы, составляющие основу обобщающей типизации, и черты этих элементов, которые станут характерно типичными или, наоборот, уникальными и индивидуальными. Другими словами, она определяет, насколько далеко нам предстоит проникнуть в открытый горизонт типичности [5, с. 130]. Как писал И. Гофман, акторы должны «проявлять свое присутствие», в то время как пространственно-временная несогласованность характеризует сумасшествие, представляющее собой скопление «ситуативных некорректностей» [6, с. 135].

Иначе говоря, обогащая свой социологический базис посредством усвоения теории, индивид расширяет свою личностную оптику, что позволяет ему не только лучше понять самого себя, освоить саморефлексию, но и более грамотно выстраивать свои отношения с окружающими, «лечить группу». В феноменологической перспективе это будет звучать следующим образом: «Рационально постигая другого посредством сложного политегического акта интерпретации на основе собственного опыта, человек начинает лучше понимать и самого себя» [7, с. 228].

На уровне социальных систем, культуры, политики, экономики социальная терапия заключается в глобальной трансформации «патологических», кризисных процессов. В этой плоскости «лечение» осуществляется на системном, структурном уровнях. Приведем пример социальной терапии такого явления, как аномия (безнормность), возникающее, как правило, при смене социально-экономических условий, обветшании текущей «надстройки». В этом контексте социология, социальная психология способны выработать программу заполнения ценностно-нормативных дефицитов.

В частности, можно обратиться к периоду Советского Союза, когда функционировала тотальная и мощнейшая система конструирования «советского человека», светлого коммунистического будущего. Сегодняшняя Россия в этом плане также возвращается к политике идентичностей, конструируя определенный «социальный характер», в основе которого лежат православная доктрина, семейные ценности и противопоставление Западу. Интериорируя посылаемые СМИ месседжи, средний россиянин пропитывается «национальной идеей», пересматривает свою систему ценностей. «На счастье или на беду, но наша эпоха – эпоха пропаганды» [8]. Безусловно, приведенный пример не является «лечением», он лишь демонстрирует метод воздействия на «болезнь».

Рассмотрим возможности социальной терапии на мезоуровне – «лечения» общностей и групп. В нашем понимании здесь представляется важным апеллировать к теории практик, «снимающей» фундаментальную социологическую дихотомию субъективизма/объективизма. Это некий «третий путь» между социологическим реализмом и номинализмом, столпами которого являются теории структуралистского конструктивизма П. Бурдьё и структурации Э. Гидденса, этнометодология Г. Гарфинкеля.

Теория практик рассматривает социальные изменения как двунаправленный процесс влияния макросреды, с одной стороны, и деятельности социальных акторов – с другой. Рутинизированный характер практик позволяет говорить о некоем гомеостазе социального, непрерывно формирующегося через двуединое взаимодействие микро- и макроструктур. По словам Гидденса, «социальные практики, разворачивающиеся в рамках времени и пространства, считаются источником и основой образования и субъекта, и социального объекта» [6, с. 17]. Структуралистский конструктивизм особенно актуален для современной кризисной России, поскольку позволяет выявить особенности взаимодействия политических структур и агентов.

Какой же терапевтический эффект может привнести социология на этом уровне? Ответ на этот вопрос мы можем найти у представителей франкфуртской школы, прославленных своим «активизмом» и критическим подходом к социальным исследованиям. Идеи ключевых фигур школы Адорно, Хоркхаймера, Маркузе послужили в середине 20 в. становлению движения «новых левых».

Например, социальная терапия строилась вокруг исследований социальных болезней. Так, в своей фундаментальной работе «Исследование авторитарной личности» Т. Адорно, используя психоаналитический подход, исследовал «враждебные по отношению к меньшинствам предубеждения в их отношении к более глобальным идеологическим и характерологическим кон-

фигурациям» [10, с. 5]. Автор иллюстрирует психопатологический характер ксенофобии, доказывая ее деструктивность.

Таким образом, мезоуровень открывает возможности, во-первых, для самотерапии общества посредством социальных практик, во-вторых посредством специальных социологических исследований, результаты которых могут стать двигателем социальных изменений, необходимых для «выздоровления».

В заключение необходимо подчеркнуть важность восприятия социальных наук вообще и социологии, в частности, как помогающих профессий, как область знания, способствующих позитивным социальным изменениям. Однако, важно при этом не потерять научность и объективность (настолько, насколько это возможно), не раствориться в ангажированности. Наш мини-обзор показал, что не стоит упускать из внимания тот факт, что социолог может быть тем самым врачом, который ставит обществу диагноз, а затем разрабатывает и реализует терапевтическую программу по его искоренению.

Литература

1. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.
2. Williams R. M. Jr. American Society / R.M. Williams Jr. New York: Knopf, 1970.
3. Словарь-справочник по социальной геронтологии. Самара: «Самарский университет», 2003.
4. Асатрян С.С. Функции социальной терапии в современном российском обществе // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2013. №9. С. 85-88.
5. Щюц А. Структура повседневного мышления / А. Щюц // СОЦИС. – 1988. №2. С. 129-137.
6. Цит. по: Гидденс Э. Устройство общества: Очерк теории структуриации. М.: Академический Проект, 2005. 528 с.
7. Смирнова Н.М. Социальная феноменология в изучении современного общества. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. 400 с.
8. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения, повседневное использование и злоупотребление. СПб.: Прайм-еврознак, 2003. 384 с.
9. Адорно Т. Исследование авторитарной личности. М.: Астрель, 2012. 473.

СЕМЬЯ В ФОКУСЕ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НКО В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ
СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ РОССИИ**
**NGOS ACTIVITY IN THE FIELD OF SOCIAL SUPPORT AND HELP
FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN SMALL RUSSIAN TOWNS**

А.А. Варызгина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

А.-М. Сэтре

Университет Упсалы, Швеция

A. A. Varyzgina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

A.-M. Satre

University Of Uppsala, Sweden

Приводятся результаты серии исследований качества жизни, местного и регионального развития, проведенных международным научным коллективом. Деятельность общественных организаций, ориентированных на социальную поддержку семей с детьми, малоизвестна, но востребованна. НКО могут выступать инициаторами создания новых социальных сетей взаимной поддержки, что может способствовать расширению спектра доступных стратегий избегания бедности.

The paper presents results of the research on quality of life and local development. Agency of socially oriented NGOs is not yet well-known, but it is in demand. NGOs could be facilitators of new social networks of families with children, which could empower families to larger range of overcoming strategies.

Ключевые слова: семьи с детьми, НКО, социальная поддержка, социальная активность, бедность, малые города.

Keywords: Families with children, socially oriented NGOs, social support, social activity, poverty, small towns.

Для малообеспеченных семей обращение в некоммерческие организации за помощью и поддержкой является одной из попыток преодоления трудной жизненной ситуации [1]. НКО, как отмечают исследователи, были изначально созданы для решения текущих социальных, экономических проблем [2, 3,

4, 5]. Деятельность части из них в той или иной степени направлена на социальную поддержку семей с детьми.

Как показывают проведенные авторами исследования (подробнее об исследованиях см. прим.1), деятельность некоммерческих организаций в области социальной поддержки семей с детьми в малых городах малоизвестна. Семьи, находящиеся в трудной жизненной ситуации, обращаются за помощью преимущественно в государственные структуры [6] и гораздо реже в общественные организации (хотя такие примеры, безусловно, существуют). Недостаточная известность НКО связана в том числе с тем, что потенциальные клиенты узнают об НКО в основном по каналам межличностной коммуникации. Однако, такой способ достаточно ограничен, не способствует существенному повышению известности общественных организаций.

Семьи, которые имеют постоянный опыт обращения за помощью в НКО, оценивают ее достаточно высоко. Они получают от НКО разнообразную поддержку, далеко не всегда финансовую, хотя она тоже имеет место: НКО предлагают консультации специалистов, осуществляют поддержку женщин, находящихся в кризисной ситуации, проводят различные акции, праздничные мероприятия для детей, организуют распространение и обмен детскими вещами, реализуют проекты «наставничества» для молодых мам в трудной жизненной ситуации.

НКО, осуществляющие социальную поддержку семей с детьми, как правило, действуют довольно изолированно. Взаимодействие таких общественных организаций в основном ограничивается примерами разового сотрудничества. Необходимо расширение сотрудничества организаций. В нем заинтересованы и сами НКО, признавая, что совместные усилия будут более эффективны и значимы, но отмечая при этом, что нужен фасилитатор, координатор такого взаимодействия на местном уровне, на уровне малого города.

Контактирующие с НКО семьи не только являются получателями социальной поддержки; есть примеры их вовлечения в деятельность НКО, расширения активной взаимной поддержки включенных в эту социальную сеть семей. НКО в данном случае являются фасилитаторами взаимодействия, активности. Руководители НКО очень высоко ценят примеры, когда получившие их поддержку семьи начинают проявлять собственную инициативу поиска путей выхода из сложившейся сложной ситуации, а также помогать другим семьям. НКО стараются вовлекать обращающиеся к ним семьи в подобную деятельность, создавая для этого условия. Как показывают исследования, проведенные в разных регионах России, существует определенный уровень потенциальной активности семей [7, 8]. Семьи, как правило, признают, что включенность в социальные сети поддержки важна для них, но, как пра-

вило, основной проблемой при построении такой сети является отсутствие инициатора, лидера-организатора и нескольких активных участников [9, 10]. Эту функцию могут выполнять общественные организации, как формально зарегистрированные, так и неформальные волонтерские группы. Взаимодействие семей в рамках сформированной таким образом социальной сети укрепляет и расширяет социальные связи, увеличивает социальный капитал вовлеченных в нее семей и тем самым расширяет спектр имеющихся у них ресурсов и возможностей, необходимых для преодоления трудной жизненной ситуации [11]. Социальные связи играют важную роль не только как источник материальной поддержки, но и взаимной социальной, информационной поддержки, обмена опытом [12].

НКО может оказывать влияние на изменения отношения самих семей, находящиеся в трудной жизненной ситуации, к своей способности найти выход, может помочь поверить семьям в свои возможности и способности, что они способны хотя бы отчасти повлиять на жизненную ситуацию [13]. Даже небольшая социальная поддержка, оказываемая как со стороны НКО, так и других семей, вовлеченных в процесс взаимопомощи, может способствовать появлению у семьи возможности перехода от тактики выживания в трудной жизненной ситуации к стратегии выхода из нее [14].

Значимость роли НКО как источника социальной поддержки для семей с детьми как одной из наиболее уязвимых категорий населения [1], а также как инициатора создания новых социальных сетей взаимной поддержки повышается в ситуации устойчивого падения уровня жизни в результате кризисных явлений российской экономики, которые в наибольшей степени влияют на доступность применения превентивных стратегий избегания бедности семьями с детьми в малых городах России.

Примечание:

1. Статья основана на результатах исследований в рамках международных проектов: 1) «Партисипаторный подход: ситуация в малых городах России» (проф. Р. Кей (университет Глазго, Великобритания); проф. А.-М. Сэтре (университет Упсала, Швеция), коллектив ИСЭПН РАН (Москва) под руководством Н.М. Римашевской, 2011; 2) «Проблемы качества жизни: ситуация в малых городах России» (Университет Упсалы, Швеция проф. А.-М. Сэтре, проф. Л. Гранберг (Александровский институт, Финляндия); кафедра экономической социологии факультета социальных наук ННГУ под руководством проф. Н.Н. Иващенко), 2013-2014; 3) международное исследование «Взаимодействие власти, бизнеса и третьего сектора в региональном развитии» (проф. А.-М. Сэтре и проф. П.Линд (университет Упсала, Швеция), проф. Л. Гранберг (Александровский институт, Финляндия); кафедра экономической

социологии факультета социальных наук ННГУ под руководством проф. Н.Н. Ивашиненко), 2016.

Литература

1. Варызгина А.А. Стратегии преодоления бедности семьями с детьми: взаимодействие с службами социальной защиты населения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. № 2 (26) Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2012. С. 15-21.
2. Cook L. & Vinogradova, E. (2006) 'NGOs and Social Policy in Russia's Regions', *Problems of Post-Communism* 53, no. 5: 28-41. Crotty, J. (2009) 'Making a Difference? NGOs and civil Society Development in Russia', *Europe-Asia Studies* 61(1), pp. 85-108.
3. Kay R. (2000) *Russian women and their Organisations: Gender, Discrimination and Grassroots Women's Organisations, 1991-96*, Basingstoke: Macmillan.
4. Kulmala M. (2010) 'Women Rule this Country: Women's Community Organizing and Care in Rural Karelia'. *The Anthropology of East Europe Review* 28 (2): 164-184.
5. White A. (1993) "Charity, Self-Help and Politics in Russia, 1985-91", *Europe-Asia Studies* 45(5), pp. 787-810.
6. Iarskaia-Smirnova E., Romanov P. "A Salary is not Important Here": The Professionalization of Social Work in Contemporary Russia // *Social Policy And Administration* 0144-5596 Vol. 36. No. 2. April 2002. Pp. 123-141.
7. Теодорович М.Л. Бедность как социальная проблема: стратегический подход. Монография. Н.Новгород, Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2009.
8. Партиципаторный подход в повышении качества жизни населения. Монография. Под общей редакцией Н.М. Римашевской, Н.Н. Ивашиненко, Н.Новгород-Москва, Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2013.
9. Clarke S. (1999) *New Forms of Employment and Household survival Strategies in Russia*. Coventry: ISITO/CCLS.
10. Sätre A-M., Grangerg L. Agency and development in Russia // *Baltic world* №2, 2015. P. 67-75.
11. Amartya Sen (1984) *Resources, values and development* (Oxford: Basil Blackwell Publisher Ltd.
12. Ivashinenko N., Sätre A.M., Teodorovich M. New Groups of Poor and Prospects for Using a Participatory Approach as a Strategy for Poverty Reduction in Russia // *Södertörns högskola, Serie: Working Paper. №2*, 2012.
13. Sätre A-M. (2010) 'Women's Work in Transitional Russia: Women's Strategies for Entrepreneurship and Survival in Russian Regions' in Kangaspuro, M, Nikula, J & Stodolsky, I (eds) *Perestroika: Process and Consequences*, Helsinki: Finnish Literary Society. P. 330-350.
14. Sätre A-M., Grangerg L., Agency and development in Russia // *Baltic world* №2, 2015. P. 67-75.

**ПРОБЛЕМЫ ВЫСТРАИВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ СЕМЬЕ
В УСЛОВИЯХ ИЗМЕНЕНИЙ СЕМЕЙНО-БРАЧНОЙ СФЕРЫ
PROBLEMS OF FORMING OF SOCIAL ASSISTANCE WITH
THE FAMILY IN THE CONTEXT OF CHANGES IN THE SPHERE
OF FAMILY AND MARRIAGE**

Н.Ю. Егорова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

N.Y. Egorova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются новые проблемные ситуации, связанные с изменением семейно-брачных отношений и распространением альтернативных семейных (супружеских/родительских) практик.

In this article new problem situations in the family's sphere are analyzed. There are connected with the spread of alternative family (marital / parental) practices.

Ключевые слова: альтернативные семейные практики, послеразводная семья, незарегистрированная семья, повторная семья.

Keywords: alternative family's practices, family after the divorce, family without registration, remarriage family.

Трансформации, наблюдаемые в сфере семейно-брачных отношений на протяжении второй половины 20-го – начала 21-го столетий, в том числе в российском обществе, серьезно меняют облик современной семьи, преобразуя как внешние/структурные, так и внутренние/ межличностные характеристики семейного взаимодействия. Семейная группа становится меньше, ее границы оказываются нестабильными и подвижными вследствие допустимости альтернативных траекторий семейного поведения (развод, повторная семья и т.д.), ее становится все труднее рассматривать только в контексте зарегистрированного брака. Перестройка внутрисемейных отношений, двигаясь в направлении формирования эгалитарной семьи и затрагивая все семейные подсистемы, происходит сложнее и медленнее, неравномерно касаясь отдельных аспектов взаимодействия супругов, родителей, детей [1].

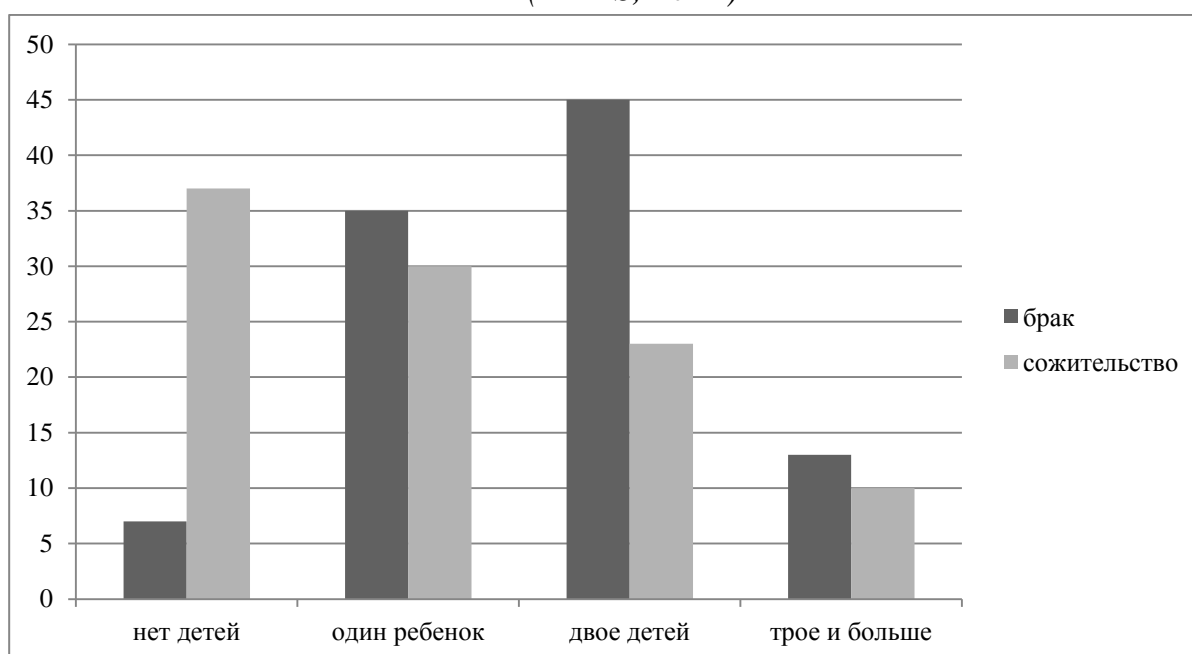
В результате, границы «нормативной» семьи расширяются, создавая возможности для формирования и распространения альтернативных семейных (супружеских, родительских) практик. В свою очередь они, с одной стороны, вызывают неоднозначную реакцию общества, с другой стороны, увеличивают конфликтность в рамках отдельной семьи, заставляя молодых в отсутствии жестких норм в спорах и ссорах вырабатывать свою стратегию поведения в семье. В конечном итоге, здесь важно видеть новые проблемные ситуации, которые уже сегодня становятся вызовом и для социальной работы, и для семейной политики.

Одной из таких ситуаций, например, является послеразводное родительство. По данным последней переписи населения 2010 г., доля семейных домохозяйств, где ребенок воспитывается только одним родителем, составила 21%, значительная их часть – результат развода [2]. В качестве основных проблем такого варианта отношений указываются [3, с. 166-167]: материальные трудности; проблемы и особенности в сфере воспитания и социализации ребенка; ограниченные возможности в осуществлении контроля за поведением детей; сложность налаживания общения с нерезидентным родителем (согласно, например, исследованиям Т.А. Гурко [4, с. 228, 235], лишь треть разведенных матерей, не состоящих в новом браке, получали алименты на детей; четверть детей-подростков не виделись с отцами после развода), выделяются и психологические особенности детей развода и т.д. В конечном итоге это определяет ситуацию ребенка как неблагополучную, но пока не имеющую четкого институционального статуса, так как семья во время развода и после него редко становится объектом специальной помощи. Возможности минимизации части указанных проблем могут лежать в разработке и внедрении программ «благополучного» развода (например, технологии медиации на этапе развода), где и мужчина, и женщина осознают последствия исключения из процесса социализации одного из взрослых, и нерезидентный родитель сохраняет связь с детьми, несмотря на прекращение супружеских отношений. Еще одним направлением может стать профилактическая работа, направленная на активное вовлечение мужчин в процесс воспитания, формирование восприятия отца как значимого участника воспитательного процесса, причем не только у мужчин, но и у женщин. Следует отметить, что есть категории женщин, которые сами отказываются получать алименты от мужа. По результатам исследования Л. Ржаницыной и В. Архангельского, в общем числе разведенных москвичек таких 9,6%, среди молодых – 12%. Скорее всего, как считают авторы, это связано с материальными возможностями женщины самостоятельно обеспечивать ребенка и нежеланием продолжать какие-либо отношения с отцом [5, с. 31].

Еще одна ситуация, требующая внимания, – распространение незарегистрированных отношений. По данным микропереписи 1994 г., доля сожительства в общем числе супружеских союзов составляла 7%. К 2002 г. она увеличилась до 10%, в 2010 г. – достигла 13% [6]. Данные выборочных исследований показывают еще больший рост неформальных союзов в нашей стране. Результаты *Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ* [7] в 1998 г. фиксируют долю мужчин/женщин, живущих без регистрации, на уровне 10%, в 2002 г. – 14%, в 2010 г. – 17%, в последнем 2014 г. также на уровне 17%.

Подобные союзы не всегда можно рассматривать лишь как «пробный брак». Довольно часто сожителства перерастают в длительные отношения, где рождаются и воспитываются дети. 30% женщин, состоящих в отношениях сожителства, воспитывают одного ребенка, 23% – двоих, 10% – троих (см. диаграмму). Безусловно, незарегистрированные союзы являются наименее детной формой в сравнении с брачными. Замужняя женщина в пять раз реже не имеет детей и почти в два раза чаще воспитывает двоих детей в отличие от женщины, живущей в сожителстве (7% против 37% и 45% против 23% соответственно). Тем не менее, 31% женщин, состоящих в отношениях сожителства, воспитывают детей до 18 лет.

*Наличие детей у женщин, состоящих в браках и сожителствах, %
(RLMS, 2014)*

Для европейских стран характерно предположение, что длительное сожителство, особенно с детьми, в основном встречается среди малообеспеченных слоев населения, доходы которых сильно зависят от различного рода пособий. Пары не регистрируют свои отношения, чтобы сохранить дотации, льготы и другие виды государственной материальной поддержки [8, с. 17]. Социологические исследования, проведенные в нашей стране, может быть, даже в большей степени демонстрируют обусловленность выбора между сожителством и браком проблемами материального характера. Отказ от регистрации отношений, по материалам исследований А.Р. Михеевой, часто объясняется экономической несостоятельностью [9, с. 51-61]. Анализ базы данных RLMS (2014 г.) также дает основания сделать вывод, что сожителство как стратегия может быть выгодно определенным социально-экономическим группам. Так, сожители имеют более низкий доход, уровень образования,

квалификацию, чаще являются безработными (см. табл.1) в сравнении с состоящими в браке, причем это касается как детных, так и бездетных респондентов. Но самые низкие социально-экономические показатели имеют сожители, воспитывающие детей. Треть из них не имеют работы, две трети – профессионального образования, из работающих 13% относятся к рабочим с низкой квалификацией.

Таблица 1

Первые браки и ранее неженатые сожители: социально-экономические характеристики, (RLMS, 2014)

наличие детей	брачный статус	социально-экономические характеристики			
		доход, руб.	нет проф. образования, %	рабочие низ. квалифик., %	нет работы, %
нет детей	брак	22710	33	3	14
	сожительство	20197	53	10	23
есть дети	брак	20603	40	6	17
	сожительство	17221	66	13	29

В данном контексте, распространение сожительства, где есть дети, означает усиленную нагрузку на бюджет государства, вынужденное содержать фактически полные семьи с помощью специальных пособий и лишать тем самым материальной поддержки другие, возможно, и брачные семьи, которые в этом нуждаются. Это ведет к распространению иждивенческих настроений, когда с помощью нерегистрации отношений существует возможность получения дополнительного дохода, и пока это никак не отслеживается. Таким образом, увеличение числа детей, рожденных и воспитываемых в незарегистрированных союзах, ведет к необходимости регуляции подобных отношений.

Следующая ситуация – повторная семья. По данным уже упоминавшегося мониторинга ВШЭ, доля повторных союзов в общем числе супружеств в 2014 г. составила 12%, а брачный статус 10% родителей, воспитывающих детей до 18 лет, был повторным (см. табл.2).

Таблица 2

Брачный статус родителей, воспитывающих детей до 18 лет, % (RLMS, 2014).

Никогда не состоял(а) в браке	4
Состою в первом браке	63
Состою в повторном браке	10
Живу с партнером(шей) без регистрации	13
Разведен(а)	8
Вдова(ец)	2
Состою в браке, но вместе с супругом(ой) не живу	-

На протяжении достаточно длительного времени считалось, что такая семья в силу схожести структуры с первобрачной семьей мало чем от нее отличается. Но сегодня можно говорить, что различия существенны. Самое основное отличие, во многом определяющее особенность социальной работы с такой семьей, – отсутствие четких границ (число лиц, включаемых в состав семьи, может быть у разных ее членов неодинаковым; также не ясно, заканчивается ли семья актуальными родственниками или границы расширены до бывшего родителя и его родственников [10]). Специфика, по результатам американских и немногочисленных отечественных исследований, фиксируется как в супружеских, так и в родительско-детских отношениях, отмечается также более высокий уровень физического и психологического насилия в сводных семьях, в частности, сексуального насилия со стороны отчимов [11]. Зарубежные исследования указывают и на сильные стороны сводных семей. Если преодолевается первичный стресс интеграции нового члена, в дальнейшем отношения могут быть вполне успешными. Дети имеют больше образцов для подражания и идентификации, дополнительных родственников, более высокий материальный уровень в сравнении с неполной и незарегистрированной семьями, счастливых родителей. Но сделать это достаточно трудно, и, естественно, семье нужна поддержка. Положение, в том числе социального работника, осложняется еще и тем, что в России отсутствуют четкие как социокультурные, так и юридические нормы в отношении повторного брака, связанные, в первую очередь, с функциями воспитательного характера. Какова роль небιологического родителя, где границы его прав и обязанностей? Ответ на этот вопрос пока остается неясным.

Также надо иметь в виду, что вариативность семейных практик не исчерпывается указанными ситуациями, что увеличивает палитру существующих и в России моделей отношений. Они вполне могут выходить и за рамки моногамии (например, конкубинат), и гетеросексуальности. В нашей стране даже самые прогрессивные исследователи не рассматривают в качестве возможного варианта семьи гомосексуальное партнерство. Исключение таких союзов из диапазона социальной политики и, как следствие, социальной работы не означает, что подобных вариантов у нас нет. Но отношение общества, государства, церкви к таким парам не позволяет им существовать легитимно.

Для российской семьи конца 20-го-начала 21-го столетий характерны серьезные преобразования, связанные с изменениями ее внешней и внутренней структур. Современная семейно-брачная система характеризуется гибкостью норм, размыванием системы представлений о содержании семейных ролей и, как следствие, многообразием форм семейно-брачного общежития, что во

многим осложняет как межинституциональное взаимодействие (например, семьи и государства), так и межгрупповые варианты коммуникации (например, семьи и социального работника), заставляя по-новому взглянуть на задачи социальной семейной политики и практику социальной работы.

Литература

1. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Курамшев А.В. Мир внутрисемейного взаимодействия // *Жизненные миры современной семьи: монография* / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. С. 20-113.
2. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. Выпуск 2(34). 2014. С. 42-46.
3. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю. Социальная работа с различными типами семей // *Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник*. Под общей ред. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2011. С. 139-184.
4. Гурко Т.А. Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. 325 с.
5. Архангельский В., Ржацына Л. 1000 москвичек – о разводе и алиментах на детей // *Человек и труд*. 2008. №6. С. 29-32.
6. Рассчитано по информации официального сайта Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>. (Дата обращения: 21.09.2016).
7. *«Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ-ВШЭ (RLMS-HSE)», проводимый Национальным исследовательским университетом – Высшей школой экономики и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии РАН. (Сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.cpc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>)»*. Рассчитано автором по результатам мониторинга 2012 года (21-ая волна, репрезентативная выборка «индивиды»).
8. McRae S. Introduction: family and household change in Britain // *Changing Britain: families and households in the 1990s.* – ed. By S. McRae. – Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 1-34.
9. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: Учеб. пособие / А.Р. Михеева. Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2001. 74 с.
10. Cobia D.C. Structure and characteristics of the stepfamily: implications for counseling / D.C. Cobia // *Family Journal*. 1996. Jan, Vol. 4, Issue 1. P. 37-43.
11. См., например, *Stepfamilies face special problems* / USA Today Magazine. 1992. Dec, Vol. 121, Issue 2571. P.4-5; Гурко Т.А. Брак и родительство в России / Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2008. С. 219-220.

ПОТРЕБНОСТИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГАХ YOUNG FAMILIES IN THE SOCIAL SERVICES

Е.Е. Кутявина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Е.Е. Kutavina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

На основании эмпирических данных, статистических исследований, анализа научных источников анализируются потребности молодой семьи в социальных услугах.

The paper studies key features of a young family and discovers its needs in the social services

Ключевые слова: молодая семья, ресурсы, социальные услуги.

Keywords: young family, resources, social services.

Термин «молодая семья» активно используется в российской социологии, социальной психологии, демографии и других науках о семье. Т.К. Ростовская предлагает обозначить этим термином семью в первые 8-10 лет после заключения брака, в которой оба супруга, имеющие детей, не достигли возраста 30-35 лет и состоят в первом браке, а также семью, в которой возраст одного из супругов не превышает 30-35 лет при условии наличия несовершеннолетнего ребенка [1, с. 84-90]. Возраст супругов сложно использовать как единственный критерий определения молодой семьи, т.к. постепенно повышается и средний возраст вступления в брак, и средний возраст родителей при рождении первенца. Термин «молодая семья» обозначает семью на этапе ее становления. Правила внутрисемейного взаимодействия в ней только формируются. Ценностные ориентации супругов никогда полностью не совпадают, каждый из них вынужден идти на компромиссы. Ресурсы молодой семьи также только формируются, накапливаются. Появление детей, с одной стороны, повышает ответственность супругов, значимость для них семейного образа жизни. С другой стороны, столь значимое изменение жизни семьи актуализирует проблемы адаптации.

Перечисленные факторы провоцируют внутрисемейные проблемы и могут обусловить потребность молодой семьи в социальных услугах.

Спецификой молодой семьи является недостаток почти всех видов ресурсов, кроме здоровья и физических сил. Материальных ресурсов, как правило, не хватает, социальные и культурные ресурсы формируются. Согласно теории обмена, это означает зависимость молодой семьи от потенциальных ис-

точников соответствующих ресурсов, подчинение им. Распространенным явлением можно назвать зависимость молодой семьи от родителей. Увеличение среднего возраста достижения социальной зрелости предельно сближает вступление в брак с достижением финансовой независимости (первое часто даже опережает последнее).

С другой стороны, количество ресурсов в молодой семье находится на подъеме. Вложенные в нее ресурсы она может вернуть позже, т.е. обменные сделки с молодой семьей могут быть эквивалентными, но растянутыми во времени. Существует Программа молодая семья [2], (официальное название – подпрограмма "Обеспечение жильем молодых семей" федеральной целевой программы "Жилище"). С помощью этой программы молодая семья может получить от государства безвозмездную субсидию на улучшение своих жилищных условий. Участником может быть молодая семья, в том числе семья, где есть дети (один или более) и один из супругов не является гражданином РФ, а также неполная молодая семья, состоящая из одного молодого родителя, являющегося гражданином РФ, и одного и более детей, соответствующая следующим условиям по возрасту, имеющимся жилищным условиям и уровню доходов. Фактически, это льготное кредитование молодых работающих родителей.

На базе кафедры общей социологии и социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского (научный руководитель исследования – проф. З.Х. Саралиева) было проведено исследование семейных отношений [3, 4, 5]. В качестве основного инструментария выступают три анкеты: базовая анкета, анкета для партнера (партнерши) и анкета для родителя – ориентированные на всесторонний анализ супружеских, родительских и межпоколенных отношений. По базовой анкете были опрошены представители трех возрастных когорт: 15-17 лет; 25-27 лет и 35-37 лет (по 200 человек из каждой возрастной группы). Часть опрошенных не имеют своей семьи (первая возрастная когорта и часть более старших). Семьи остальных респондентов соответствуют приведенному выше определению молодой семьи. Кроме того, были опрошены их партнеры и родители одной шестой части основных респондентов, что позволяет получить объективную и полную информацию о различных аспектах семейной жизни. Всего было опрошено 2000 человек.

Примерно половина этой группы живет в небольших домохозяйствах, включающих супружескую пару и детей. В остальных домохозяйствах есть еще 1-3 человека. Чаще всего это родители одного из супругов, реже – братья или сестры, бабушки. Средний размер домохозяйства несколько больше, чем в среднем по выборке. При этом жилищные условия этой группы хуже, чем в среднем по выборке: две трети живет в однокомнатных и двухкомнатных квартирах. Это

семьи, живущие в тесноте, что чревато высокой конфликтностью семейных отношений. Две трети этой группы имеют оплачиваемую работу на полный рабочий день. Учитывая, что представители младшей возрастной когорты – учащиеся, это соответствует средним показателям. 70% этой группы имеют личный доход больше 9000 руб., почти половина – больше 15000 руб., что выше прожиточного минимума, но ниже средней заработной платы по ПФО [6].

Все поколения настроены на семейную взаимопомощь. Старшее поколение считает оказание помощи другим членам семьи обязательным. Наибольшее единодушие они проявляют в отношении следующих видов помощи: «Бабушки и дедушки должны помогать родителям присматривать за детьми, пока те еще маленькие», «Дети должны взять к себе родителей, если они сами больше не могут о себе заботиться», «В случае необходимости взрослые дети должны иметь возможность жить у своих родителей». Несколько умереннее они поддерживают утверждения «Дети должны так организовывать свою работу, чтобы они могли ухаживать за своими больными родителями» и «Родители должны финансово поддерживать своих взрослых детей, если они в этом нуждаются». Относительно обязательности материальной поддержки внуков мнения разошлись (см. таблицу 1). Старшее поколение считает, что члены семьи должны помогать друг другу, при этом скорее взрослые дети должны помогать родителям, помощь родителей может быть скорее нематериальной (например, присмотр за внуками).

Таблица 1

Установки на семейную взаимопомощь, родители, %

	Полностью не согласен 1	2	3	4	Полностью согласен 5
Дети должны взять к себе родителей, если они сами больше не могут о себе заботиться	0.9	7.1	7.1	20.4	64.6
Дети должны так организовывать свою работу, чтобы они могли ухаживать за своими больными родителями	1.8	10.6	15.9	37.2	34.5
В случае необходимости взрослые дети должны иметь возможность жить у своих родителей	0.9	7.1	13.3	31.9	46.9
Бабушки и дедушки должны участвовать в финансовой поддержке и помощи детям и внукам.	7.1	19.5	31	19.5	23
Родители должны финансово поддерживать своих взрослых детей, если они в этом нуждаются	0.9	11.5	27.4	24.8	35
Бабушки и дедушки должны помогать родителям присматривать за детьми, пока те еще маленькие	0.9	1.8	16.8	28.3	52.2

Эти установки не вполне соответствуют описаниям реально сложившихся отношений с детьми: родители действительно чаще помогают детям советом, оказывают помощь по хозяйству, присматривают за внуками, чем дают им деньги. Но ответная помощь заметно меньше. За внуками присматривает около 40% родителей («часто» и «очень часто»), советы давали больше 40% родителей (также «часто» и «очень часто», далее – аналогично), больше трети помогали ухаживать за другими членами семьи, треть – помогала по хозяйству дома или в саду. Ценные подарки (дороже 5000 руб.) детям делали около 13%. Финансовую поддержку родители тоже регулярно оказывают, но в этом вопросе чаще выбирают позиции «иногда» и «часто», чем «очень часто».

По оценкам родителей, почти все виды помощи, оказываемой им *детьми*, менее регулярны. «Часто» и «очень часто» помогают присматривать за кем-либо из членов семьи четверть детей, помогают по хозяйству – треть, дают советы по личным проблемам 20%, делают крупные подарки 12%, оказывают финансовую поддержку 11%. Заметно реже встречается вариант «очень часто». Единственный вид помощи, который дети оказывают чаще, чем родители, – помощь в заполнении документов (12% и 6% соответственно), но такая помощь нужна не каждый день. Таким образом, обмен ресурсами между молодой семьей и родительской семьей неэквивалентный, родители больше отдают, молодая семья больше получает.

В целом отношения с детьми родители описывают как близкие, доверительные и теплые. Большинство встречается с детьми ежедневно или почти ежедневно (91%), почти 80% родителей уверены, что ребенок окажет им помощь, если она потребуется. Родители и дети не только помогают друг другу, но вместе проводят досуг: едят, делают покупки, гуляют, посещают культурные мероприятия.

Можно констатировать высокую значимость качества межпоколенных отношений в российских семьях, а также зависимость молодой семьи от родительских семей, неэквивалентный обмен ресурсами.

На основе исследования можно сделать следующие выводы.

1. Самой острой и сложно разрешимой проблемой молодой семьи является жилищная проблема. Многие семьи не могут решить ее самостоятельно без обращения к социальным службам. Необходим более широкий спектр социальных услуг по решению жилищных проблем. Это может быть не только льготное кредитование, но консультационные услуги.

2. И молодая семья, и родительская семья настроены на взаимопомощь; и те, и другие готовы оказывать помощь и считают нормальным ее принимать. Молодые семьи, как правило, получают ресурсов от родительской семьи

больше, чем отдают. Преобладают неденежные ресурсы: помощь по хозяйству, присмотр за детьми. Это может быть обусловлено либо высокой потребностью именно в такой помощи, либо недостатком денежных ресурсов у старшего поколения.

3. Особенно высока потребность в социальных услугах у молодых семей, которые по каким-либо причинам не могут опереться на помощь родственников (семья сирот, семья, переехавшая в другой город или регион).

4. Молодыми семьями будет востребована неденежная помощь (помощь по хозяйству, присмотр за детьми и другими нетрудоспособными членами семьи).

Литература

1. Ростовская Т.К. Процессы институализации молодой семьи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2013. № 2 (26). С. 84-90.

2. <http://www.programma-molodaya-semya.ru>. (Дата обращения 15.02.2015).

3. Саралиева З.Х., Егорова Н.Ю., Судьин С.А. Насилие в школе: позиции школы и родителей // Актуальные проблемы родительства в России / Отв. ред. Т.А. Гурко. М.: Институт социологии РАН, 2013. С. 119-138. 1 CD-ROM (1,99 МБ).

4. Жизненные миры современной семьи: монография / З.Х. Саралиева, В.А. Блонин, Н.Ю. Егорова [и др.]. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. 264 с.

5. Saralievа Z.Kh., Egorova N.Yu., Petrova I.E. Parenthood and Parenting in modern Russia // Asian Social Science ISSN 1911-2017 E-ISSN 1911-2025 Published by Canadian Center of Science and Education. V. 11. № 3. 2015. P. 255-261.

6. Данные Росстата [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b12_14p/IssWWW.exe/Stg/d01/05-02.htm. (Дата обращения: 12.09.2013), http://www.pfrf.ru/socdoplata_doprojmin/23065.html. (Дата обращения: 12.09.2013).

КОМПЛЕКСНАЯ ЗАЩИТА ДЕТЕЙ В РАМКАХ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ FULL CHILDREN'S PROTECTION AND LOCAL GOVERNMENT AUTHORITIES

В.И. Лезова

Администрация Арзамасского района Нижегородской области

V.I. Lezova

Arzamas local government, Nizhni Novgorod region

Опыт проведения ежегодного мониторинга проблем семьи и детей показывает, что для выявления индивидуальных и социальных проблем необходима комплексная диагностика благополучия по различным показателям. Автор описывает механизмы профилактической работы и терапевтической поддержки нуждающихся категорий семей и детей в Арзамасском районе.

The annual monitoring of family's and children's problems has revealed the need for multi-criteria well-being assessment to identify individual and social

problems. The paper describes ways of preventative work and therapeutical support for families- and children-in-need in Arzamas region.

Ключевые слова: семья, детство, местное самоуправление, профилактика семейного неблагополучия.

Keywords: family, childhood, local government, family ill-being prevention.

I. Организационно-управленческий аспект.

Анализ ситуации.

Практический опыт показывает: без глубоко продуманного анализа состояния дел, сложившейся ситуации по любому вопросу, невозможно добиться положительного результата.

В Арзамасском районе в отношении детей, семьи такой мониторинг ведётся на протяжении 15-20 лет. В основные показатели включаются: общие демографические, материальное благополучие, миграционные характеристики, социальный микроклимат, развитие производственной и социальной инфраструктур, а также ключевые факторы негативного влияния на детей.

Наличие субъектов, воздействующих на положительные изменения положения семьи и детей:

- производственная сфера, сельские домохозяйства, формы малого и среднего предпринимательства.

- Упрочение социальной инфраструктуры: сохранение имеющихся и введение новых учреждений образования, здравоохранения, сети Домов культуры, сельских клубов, библиотечной системы, спортивно-оздоровительных объектов, учреждений социальной защиты.

- Введение в штатное расписание структур непосредственно в поселениях:
 - спорторганизаторов;
 - специалистов по социальной работе.

В каждом поселении активно работают общественные организации: женские комиссии, советы ветеранов, депутатский корпус, участковый уполномоченный, молодежный лидер.

- Создание системы межведомственного взаимодействия и социального партнерства как важнейшего фактора комплексного подхода в социальной реабилитации семей, детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

В этих целях действует координационный совет при администрации района, объединяющий усилия всех структур.

Разрабатываются единые целевые программы:

- «Профилактика правонарушений и преступлений среди несовершеннолетних»;

- «План организационных антинаркотических мероприятий»;

- «Организация летнего отдыха и полезной занятости детей»;
- «Профилактика семейного неблагополучия»;
- «Комплексная безопасность детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации»;
- «Единый план совместных действий в отношении несовершеннолетних и семей, нуждающихся в профилактическом контроле и социальной защите».

Схема: «Реабилитационное пространство и комплексная безопасность детей»

Механизм совместной работы в поселениях.

- При главе администрации поселения работает общественный совет по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Утверждаются наставники. В школах – родительский комитет, совет общественности, наставники.

В учреждениях культуры – ответственные за работу с проблемными детьми.

- По предложению структур – наставники из поселений приглашаются на заседание КДН для методических и организационных консультаций, каждому вручается удостоверение.

- Между педагогическими коллективами школ Арзамасского района и учебными заведениями г. Арзамаса заключаются соглашения о совместном учебно-воспитательном сопровождении «проблемных» детей, поступивших на обучение по окончании 9 класса. Под контролем комиссии по делам несовершеннолетних.

- Подростково-молодежная «биржа труда» при районном Управлении по делам молодежи совместно с администрацией поселения, школой и службой занятости организует в летний период трудовой отряд несовершеннолетних на общественно-полезных объектах.

- Развивается практика межпоселенческих массовых мероприятий (культурно-просветительских, спортивной направленности, конкурсы, олимпиады).

- На итоговом совещании по летнему отдыху детей традиционно сельским администрациям, школам вручается вымпел и приз «Территория без правонарушений», памятный знак «Лучшая трудовая бригада».

В районе на протяжении многих лет сохраняется стабильная ситуация в правовом поле в отношении несовершеннолетних отсутствие преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних в летний период.

Семья. Центр притяжения – дети.

Адресная помощь.

Ежегодный демографический мониторинг фиксирует: увеличение в сельской местности семей с детьми, многодетных семей, увеличение семей, пере-

селившихся из городов в результате приобретения жилья на материнский капитал. Отмечается возросшая многонациональность в связи с миграционными процессами.

Из 46 тыс. населения района – 9 тыс. детей (230 детей – инвалиды, 1449 детей – в неполных семьях).

Социальным патронажем охвачено 240 семей.

51 семья в числе неблагополучных, в них 102 несовершеннолетних детей.

В районе в течение нескольких лет при администрации района работает координационный совет по профилактике семейного неблагополучия. Основные причины: употребление алкоголя, безработица, тяжелое материальное положение, ненадлежащее содержание детей, неисполнение родительских обязанностей (преимущественно семьи, вновь прибывшие в район, в том числе цыганские семьи).

- Межведомственный подход по выведению данных семей из неблагополучия позволяет улучшить положение детей.

Квалифицированную помощь оказывают специалисты из «Социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних», успешно работающего в районе с 1998 г., «Социально-реабилитационный центр санаторного типа для детей с ограниченными возможностями» «Золотой колос».

В поселениях с 1994 г. работают специалисты социальной защиты населения, женские комиссии по вопросам материнства и детства совместно с другими структурами. Координационный совет при администрации района оказывает необходимую конкретную помощь через структурные подразделения. Ежемесячно анализируется ситуация по каждой семье.

Выездная комплексная бригада специалистов вместе с администрацией поселения определяет пошаговые дальнейшие действия.

В 2015 г. – 19 неблагополучных семей сняты с учета, выведены из тяжелой трудной ситуации.

- Существенная материальная помощь семьям оказывается в результате проведения ежегодных благотворительных акций:

- 1 июня «Добро и милосердие»;

- в марте – большой Благотворительный концерт в ДК «Ритм» на 700 мест в помощь больным детям;

- 5 акций милосердия с участием Нижегородского отделения Всероссийского общества «Красный крест».

За счет акций за год собирается до 1,5 млн. рублей. Значительная поддержка семей оказывается в форме обеспечения одеждой, обувью, продуктами питания, лекарственными средствами, бытовым оборудованием.

Управленческий аспект.

Предусмотрен в постоянном режиме график организации плановых мероприятий, определение ответственных за выполнение. В системном режиме (еженедельно, ежемесячно, по итогам года и т.д.) подведение итогов работы. Введены поощрительные меры для наиболее успешных и эффективных форм работы.

- Система работает, если не допускается сбой. В этом случае ведущая роль повышенной ответственности принадлежит «руководству» налаженной системы.

Например: координационный совет по организации летнего отдыха и занятости детей традиционно в полном составе в мае совершает выезд в поселения (их 13) на встречу с активом (местным координационным советом по летнему отдыху детей), который традиционно возглавляет глава сельской администрации.

Ознакомление с конкретным планом организации отдыха и занятости детей на местах даёт возможность правильно распределить денежные средства, учесть имеющиеся проблемы, в районной программе, своевременно оказать помощь отдельным категориям детей.

В конце апреля – стартовое совещание по организации летнего отдыха детей.

Правилком является ежемесячный выезд координационного совета на места (июнь, июль, август).

Традиционно в октябре итоговое совещание «фестиваль» детского отдыха. Награждения победителей конкурсов по 19 номинациям.

В течение 15 лет в районе данный режим работы не нарушался.

В итоге удерживается устойчивая ситуация по отсутствию каких-либо несчастных случаев.

- Есть и другие примеры слаженной межведомственной работы в отношении детей-сирот

В результате активной работы с семьями общественной организации «Ассоциация женщин», Управления социальной защиты, при активной поддержке других структур, администрации района все дети из детского дома в течение 5 лет были переданы в семьи. Сначала – семьи патронатные, затем были оформлены в «приемные семьи».

Эта кропотливая работа проводилась по плану (встречи, семинары, кратковременное пребывание в семьях и др. мероприятия). Движение называлось «Добрые сердца». Задействована была местная пресса и поощрительная система из местного бюджета.

Традиционно (уже в 15-ый раз) в районе проводится в апреле молодежный антинаркотический фестиваль «За здоровый образ жизни». Участниками этого фестиваля являются до 18 команд со всей Нижегородской области, желающих участвовать – до 30 команд.

Данное мероприятие получило статус областного и таковым является на протяжении 10 лет. С каждым годом обновляются команды, содержание выступлений вызывает восторг жюри и молодежной публики.

Главная цель – сформировать у подрастающего поколения устойчивое неприятие пагубных привычек на первичном уровне.

За многие годы работа молодежного волонтерского отряда «Контраст» в союзе с районной киносетью, с медицинскими учреждениями позволяет в районе иметь благополучную ситуацию среди молодежи.

Волонтерский отряд «Контраст» при подростковом клубе «Чкаловец» имеет «спутники» в поселениях. Работа строится на «живом диалоге» с детьми. Формы работы: встречи, тематические выступления, КВН, демонстрация фильмов, видеороликов, сценические конкурсы, турпоходы, палаточный сбор, и, конечно, личный пример волонтеров.

В качестве заключения: многое преодолимо, если хорошо продумано, грамотно организовано, с душой реализовано.

**ПРОБЛЕМЫ РЕСУРСНОЙ ОБЕСПЕЧЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИЙ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СЕМЬИ И ДЕТЕЙ
RESOURCE PROBLEMS OF ACTORS OF CHILDREN
AND FAMILY SOCIAL CARE**

А.Е. Солдаткин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

М. Яппинен

Александровский институт Хельсинского Университета, Финляндия

A.E. Soldatkin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

M. Jäppinen

Aleksanteri Institute, University of Helsinki, Finland

Рассматривается ресурсный аспект функционирования институтов, вовлеченных в социальную защиту детей, оставшихся без попечения родителей, в условиях реформы системы социальной защиты детей, направленной на де-институционализацию и семейное устройство детей, оставшихся без попечения родителей.

The paper discusses the resource aspects of functioning of institutions involved in social care of orphaned children (biological and social orphans) under the condi-

tions of reform of those institutions aimed at de-institutionalization and promotion of foster families.

Ключевые слова: сироты, социальные сироты, НКО, семейное устройство, опека, детские дома, ресурсы.

Keywords: families with children, socially oriented NGOs, social support, social activity, poverty, small towns.

Реформирование системы социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, стартовавшее в России с принятием Национальной стратегии действий в интересах детей и федеральной программы «Россия без сирот», привело к значительным изменениям в деятельности разнообразных социальных акторов, включая как государственные и муниципальные органы, так и некоммерческие организации. Реформа преобразует среду, в которой они действуют, и ставит перед ними вопрос соответствия ресурсов, которыми они располагают, и новых задач.

Задачей в данной работе было выявление основных ресурсных проблем и дефицитов различных акторов, вовлеченных в социальную защиту детей-сирот в условиях продолжающейся реформы. Эмпирической базой для нашего анализа послужили 22 полуструктурированных интервью с представителями организаций, вовлеченных в социальную защиту и семейное устройство детей-сирот в Нижегородской области в 2015 г.

К основным ресурсным проблемам организаций (региональных, муниципальных и негосударственных) опеки и социальной защиты детей относятся:

Уровень материальной обеспеченности. С одной стороны, реализация нескольких государственных программ в области социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей, позволила перенастроить ресурсные потоки таким образом, что успешно реализуются действия по семейному устройству таких детей и сопровождающая их инфраструктура (например, школы приемных родителей). С другой стороны, органы опеки, особенно в сельской местности, испытывают недостаток ресурсов, необходимых для обслуживания больших территорий, в частности, транспорта. Недостатки материально-технического обеспечения в некоторой степени компенсируются за счет спонсорской помощи, сложилась практика долгосрочного взаимодействия органов социальной защиты детей с организациями-спонсорами.

Состояние кадров. Работа в данной сфере предъявляет особые требования к мотивации и психологическому состоянию сотрудников, поэтому в ряде случаев складываются стабильные коллективы высокомотивированных сотрудников с относительно низкой текучестью кадров, однако испытываю-

щие трудности с пополнением молодыми специалистами; в других случаях организации испытывают высокую текучесть кадров. Карьеры в этой сфере либо длинные, либо очень короткие.

Уровень и критерии профессионализма. Как правило, сотрудники органов социальной защиты детей-сирот имеют юридическое, психологическое или педагогическое образование, что не соответствует в полной мере стоящим перед ними задачам. Повышение профессионального уровня сотрудников осуществляется через курсы переподготовки и повышения квалификации. Основным критерием профессионализма во многих случаях считается приверженность интересам детей, самоотдача. С одной стороны, это обеспечивает высокий уровень мотивированности и стрессоустойчивости сотрудников, однако зачастую напряженная работа специалистов приводит к их профессиональному выгоранию. Собственная же психологическая культура работников, противостояние выгоранию в числе критериев профессионализма не упоминается. Таким образом, специалисты системы социальной защиты подвергаются риску выгорания и утраты качеств личности, необходимых для успешной работы.

Недостаточность координации между различными институтами, общественными организациями и приемными семьями. Формализованный характер государственных и муниципальных институтов предопределяет их следование не только законам, но и ведомственным инструкциям. При этом, как свидетельствуют данные исследования, профессионалы различных организаций могут не знать, что делают специалисты других органов. В отдельных случаях специалисты муниципальных органов отмечали отсутствие интереса к проблемам защиты детей со стороны муниципального руководства.

Недостаток кооперации тесно связан с отмечаемым во многих случаях *недостатком доверия* между всеми сторонами процесса социальной помощи детям-сиротам. Так, в некоторых случаях отмечается недостаток доверия со стороны линейных сотрудников органов социальной защиты детей к способности высшего руководства материально и организационно обеспечить достижение целей реформы. При этом следует отметить, что большинство сотрудников органов опеки, детских домов и т.п. демонстрирует приверженность целям реформы и удовлетворенность достигнутыми результатами.

Основаниями затруднений в отношениях между приемными семьями и органами опеки могут стать, с одной стороны, недоверие приемных семей к уровню компетентности и мотивам специалистов (отсюда – стремление скрыть проблемы, а не обращаться за их решением); с другой стороны, недоверие к мотивам приемных родителей со стороны специалистов государственных и муниципальных институтов.

Наконец, недоверие к себе, к мотивам своей деятельности могут испытывать некоммерческие организации. Стоит отметить, что это недоверие имеет тенденцию к уменьшению с ростом опыта взаимодействия. Рядовые специалисты органов опеки, детских учреждений в целом положительно отзываются об опыте работы с волонтерами и НКО.

Нам представляется, что решение некоторых из обозначенных проблем может лежать в направлении активизации взаимодействия органов социальной защиты детей и социально ориентированных некоммерческих организаций. В частности, НКО, обладая квалифицированными кадрами, имеющими опыт работы в условиях стресса, могли бы оказывать помощь специалистам государственных и муниципальных структур в повышении психологической защищенности сотрудников, обучению их приемам противодействия профессиональному выгоранию. НКО, обладая большей организационной гибкостью, могли бы способствовать лучшей координации усилий между различными институтами социальной защиты детей, оставшихся без попечения родителей. Практика такого взаимодействия имеется, она нуждается в дальнейшем исследовании и совершенствовании.

СООБЩЕНИЯ

ДВОЙНАЯ ЗАНЯТОСТЬ ЖЕНЩИН: СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В ОБЛАСТИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ DOUBLE OCCUPATION OF WOMEN: THE FAMILY POLICY IN GERMANY IN THE FIELD OF CHILD-REARING

К.Г. Антанесян
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*
K.G. Antanesyan
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Дан обзор литературы, посвященной проблеме «двойной занятости» женщин и связанной с этим семейной политики Германии.

In the article there is a review of literature, devoted to the “double occupation” of women problem and the family policy in Germany which is also connected with it.

Ключевые слова: социология семьи, «двойная занятость» женщины, семейная политика Германии.

Keywords: family sociology, “women double occupation”, family policy in Germany.

Проблема трудовой нагрузки женщин имеет длительную историю, связанную с процессом индустриализации, развития производства и т.д. В книге «Брак и семья в СССР» А.Г. Харчев описывает изменения в правах и положении женщин, происходящих с начала XX в.: преодоление противоречий между общественно-политическим и экономическим положением, создание предпосылок для подъема общественно-политической активности, вовлечение в процесс общественного производства и изменение характера женского труда. Будущее семьи А.Г. Харчев видел в её эгалитаризации с равномерным распределением труда между мужчиной и женщиной [1, с. 141].

Изменение положения женщины в обществе, реализация права на образование, трудоустройство со временем приводят к тому, что у женщины появляются определенные амбиции, связанные с работой и карьерой. Женщина стремится к построению успешной карьеры, не забывая при этом о создании семьи, воспитании детей, ведении домашнего хозяйства, выполняя традиционно «женские» обязанности по дому. Вопросы, связанные с занятостью женщин, являются актуальными и находят отражение в социологической литературе. Например, в статье Е.Б. Груздаевой «Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей» приводятся статистические данные относительно рабочего времени женщины, неравного распределения времени мужчины и женщины, затрачиваемого на выполнение домашних обязанностей [2].

«Двойная занятость» означает, что женщина продолжает «работать» дома, возвращаясь со своего основного рабочего места. Что касается помощи работающей и ведущей домашнее хозяйство женщине, её она может получить, воспользовавшись услугами домашнего персонала, но не каждая семья может себе это позволить. Сравнивая ситуацию в России и Германии, можно отметить, что семейная политика в Германии направлена на создание более комфортных и благоприятных условий для совмещения работы и, воспитания детей. Сокращенный рабочий день женщины при неплохой зарплате, к чему готовы и работодатели, позволяет уделять семье достаточно времени.

Вопросам семейной политики в современной Германии уделяется внимание в следующих работах: «Современная немецкая социология (обзор). Исследования проблем семьи» [3], «Системная трансформация в интерпретации политического руководства Германии» [4].

В первой работе проводится анализ публикаций немецких социологов, посвященных проблемам функционирования и развития современной семьи в Германии, причем семейная проблематика подвергается комплексному анализу. Интенсивно исследуются последствия политических и социальных ре-

шений, способных повлиять на процессы функционирования семьи, взаимоотношения родителей и детей.

Правительство современной Германии уделяет значительное внимание семейной политике, направленной на поддержку семьи и увеличение рождаемости. Разрабатываются и применяются меры, направленные на создание возможности гармоничного соединения профессиональной и семейной сфер, а также полноценного воспитания детей работающими родителями [3, с. 41]. Несмотря на равные права мужчин и женщин в профессиональной сфере, жизнь мужчин и женщин продолжает отличаться друг от друга: мужчины ежедневно проводят на работе в два раза больше времени, чем женщины. Фактически, это две трети того объема времени, которые женщины тратят на работу по дому и уходу за детьми [3, с. 38-39]. Естественно, что при этом большинство немецких женщин выступают за сокращенный рабочий день.

«Двойная занятость» ставит вопрос, что для женщины в итоге станет важнее, что выйдет на первый план, будет это построение карьеры или, всё-таки, женщина захочет посвящать себя семье, занимаясь сохранением домашнего очага и воспитанием детей.

Литература

1. Харчев А.Г. Брак и семья в СССР / А.Г. Харчев. М., Изд-во «Мысль», 1979. 367 с.
2. Груздаева Е.Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей / Е.Б. Груздаева // Интеграция женщин в процесс общественного развития. Ч.2. М., Луч, 1994. С. 321-356.
3. Егорова, Н.Ю. Современная немецкая социология (обзор). Исследования проблем семьи / Н.Ю. Егорова, А.А. Иудин, Д.А. Шпилев. Нижний Новгород.: Изд. «НИСОЦ», 2011. 90 с.
4. Шпилев Д.А. Системная трансформация в интерпретации политического руководства Германии / Д.А. Шпилев. Нижний Новгород: Изд. «НИСОЦ», 2012. 130 с.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ СЕМЕЙНОГО УСТРОЙСТВА ДЕТЕЙ-СИРОТ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ SOCIAL PRACTICES IN FAMILY PLACEMENT OF DISABLED ORPHANS

Ю.К. Зимова

Московский городской университет управления Правительства Москвы

Yu. K. Zimova

Moscow Metropolitan Governance University

Общественные практики получают широкое развитие в связи с их эффективностью при решении социальных проблем; семейное устройство детей-сирот с ограниченными возможностями здоровья становится областью при-

менения различных инноваций в рамках взаимодействия общественных организаций и государственных структур.

Social practices are widely developed in relation to their efficiency in solving social problems; family placement of orphans with disabilities becomes an application area of various innovations in cooperation between public organizations and state structures

Ключевые слова: общественные инициативы, дети-сироты, семейное устройство.

Keywords: social initiatives, orphans, family placement.

В условиях актуализации значительного числа социальных проблем в жизни отдельных категорий населения появляется необходимость привлечения общества к их решению или смягчению в рамках практик взаимодействия с государственными структурами. «Общественник» – этот термин распространяется на общественных деятелей, членов общественных организаций, волонтеров, экспертов в социальной сфере. Но является ли это профессией? Институт Общественной палаты России существует уже более 10 лет, при этом работа в общественной организации благодаря поддержке государства, бизнеса и частных жертвователей становится уже профессией. Сложились определенные компетенции, опыт и знания, которыми должен обладать представитель формирующейся профессии «общественный деятель» или «специалист общественной организации».

Деятельность общественных организаций характеризуется тем, что они могут создавать и апробировать инновационные технологии и для того, чтобы в дальнейшем при успешных результатах внедрить данные практики в работу тех или иных государственных органов и учреждений. При этом есть даже виды работ и услуг, которые полностью «закрывают» общественные организации и благотворительные фонды, в связи с чем государство на себя данные обязанности не берет.

Для того чтобы участник общественной организации, занимающийся инновациями в своей сфере, был успешным, нужно не только иметь практический опыт общения или работы с категорией потребителей услуг (возможно в качестве добровольца). Важнейшей частью социальной деятельности становится постоянный мониторинг обновлений нормативной правовой базы в соответствующей сфере, взаимодействие с ведущими экспертами по актуальной проблематике в рамках круглых столов и дискуссий (возможно на площадках общественных палат или экспертных групп). Обязательным аспектом достижения компетентности в определенной области социальной проблематики является самостоятельный научно-исследовательский поиск –

анализ научных обзоров, статей, результатов эмпирических данных перспективных социальных исследований по интересующей проблематике.

В условиях современного состояния семейного и детского неблагополучия не теряет своей остроты вопрос о том, как с помощью социальных инициатив формируется и совершенствуется система семейного устройства детей-сирот с особыми потребностями.

Безусловно, российское государство в целом, государственные структуры на региональном уровне успешно реализуют различные меры в виде программ, проектов, обеспечивающих реализацию главного права для ребенка-сироты – права жить и воспитываться в семье. Однако, каждый «ребенок без семьи» имеет не только свою неповторимую историю жизни, комплекс проблем и особенностей, которые требуют многочисленных усилий различных заинтересованных лиц в нормализации условий его жизнедеятельности. Ребенок-сирота с особыми потребностями нуждается в ещё большем внимании специалистов государственных структур, а также общественных инициатив для скорейшего создания условий семейной социализации, включая социальную, эмоциональную, физическую реабилитацию.

Одним из интересных примеров являются общественные инициативы по работе с потенциальными приемными родителями. Сложился интересный проект «Ванечка.рф», обладающий значительным опытом семейного устройства детей в рамках работы с Базой потенциальных приемных родителей в режиме онлайн технологий. Бесспорным достоинством данной социальной технологии является то, что база граждан была создана на сайте некоммерческой организации. Как следствие, складывается возможность работы с гражданами, которые в том числе еще не собрали нужные документы для принятия на воспитание в семью ребенка, а также возможность их фильтра в соответствии с пожеланиями к будущему ребенку.

Отличительной особенностью от баз, которые формируются региональными операторами данных, специалист общественной организации владеет опцией под названием «веерная рассылка». Данное направление деятельности позволяет ту или иную информацию о каком-либо ребенке направлять сразу всем потенциальным приемным родителям, отобранным по определенным критериям (в государственной системе информация направляется одному кандидату, от него приходит ответ и только после этого информация направляется другому гражданину).

В настоящее время в сфере работы с детьми-сиротами имеются некоторые особенности. Во-первых, существует так называемая «очередь» на семейное устройство маленьких детей. Во-вторых, при этом имеется значительное число детей с особыми потребностями или подростков, которых необходимо

устраивать в семьи. Все это позволяет сделать вывод о том, что необходимо в корне пересматривать работу с кандидатами в усыновители и опекуны, в том числе формирование и порядок работы такой базы на уровне каждого субъекта и страны в целом.

Одно из интересных и актуальных предложений со стороны общественных организаций – это соединение списков граждан, ожидающих появления ребенка, соответствующего их пожеланиям, в различных органах опеки, в один общий список, в одну общую «очередь». В данной связи решается вопрос об установлении определенного порядка работы с упорядоченным числом заинтересованных граждан, а также возможность отбора списка граждан по определенным критериям (от географического признака до пожеланий к будущему ребенку) и рассылка информации о мероприятиях в субъекте и иногда о детях, нуждающихся в семейном устройстве.

Назрела необходимость добавить в анкету ребенка в государственном банке данных отдельным пунктом видеоанкету или видеointервью, или видеопаспорт о нем, а также любые ссылки на анкету этого ребенка, которые есть на сайтах НКО или организаций для детей-сирот. В рамках решения вопроса общественная организация направила свои предложения по данным инновациям в Минобрнауки России, и скорее всего при обсуждении их внедрения с общественниками будет задействована площадка Общественной палаты России.

Опыт волонтеров и экспертов общественных организаций, опробовавших на практике идею семейных групп в домах ребенка и детских домах [1; 2] и описавших этот опыт в научных публикациях [3], помог в создании, принятии и реализации в стране такого документа, как Постановление Правительства РФ от 24 мая 2014 г. N 481 "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей" [4]. Как результат такого общественного участия после принятия указанного нормативно-правового акта семейное устройство ребенка становится приоритетом, а социализация, реабилитация ребенка и открытость организации – одними из основных инструментов в семейном устройстве детей-сирот с особыми потребностями.

Еще несколько лет назад общественный контроль в детских домах представлялся практически невозможным. Представители общественных структур неоднократно делали представления о необходимости подобного контроля в организациях для детей-сирот на законных основаниях. Как ответ на общественные запросы был подготовлен соответствующий законопроект № 3138-6 «Об общественном контроле за обеспечением прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», разработанный при участии ши-

рокого круга экспертов. Вместе с тем, только сейчас после принятия Федерального закона от 21 июля 2014 года N 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5] стало возможным принятие единых критериев соответствия требованиям 481 Постановления Правительства Российской Федерации и проведение общественного мониторинга в организациях для детей-сирот с участием групп экспертов [6]. Важно, что эти группы формируются на базе общественных палат субъектов. Это поможет подготовить экспертов в едином формате, а также сосредоточить опыт и практики такого контроля в дальнейшем в одном месте для анализа и тиражирования. Информация по итогам будет предоставлена в Минобрнауки России [7].

Департамент труда и социальной защиты Москвы несколько лет назад заказал разработку специального модуля о воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья или инвалидностью для школ приемных родителей. Пособие было написано на основе опыта общественной организации «Промама» и в настоящее время активно используется при подготовке замещающих родителей в Москве.

Результаты реализации общественных инициатив показывают реальную эффективность в решении ими значительного числа социально острых проблем современного российского общества. В то же время данный институт находится на этапе зарождения и становления. Вместе с тем представители профильных министерств, ведомств и организаций, принимающие социально ответственные решения, проявляют готовность к апробации и внедрению технологий адресной индивидуальной помощи, которые предлагаются со стороны различных общественных структур.

Литература

1. «Семейные группы в домах ребенка дают результат!» // БФ «Дети наши», 03.02.2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://detinashi.ru/?news/130220152046>. (Дата обращения: 02.06.2016).
2. Семейные группы в Ригодищенской школе-интернат // БФ «Детский дом» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.detskiydom.ru/project/29>. (Дата обращения: 02.06.2016).
3. Пальмов Олег Игоревич – Всероссийская научно-практическая конференция по модернизации домов ребенка Российской Федерации «Дом для ребенка – забота о будущем» при поддержке Министерства здравоохранения РФ, Санкт-Петербург, 20-22 ноября 2013 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://дом-для-ребенка.рф/spikery/395-palmov-oleg-igorevich.html>. (Дата обращения: 02.06.2016).
4. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 г. N 481 г. Москва "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/05/27/detdom-site-dok.html>. (Дата обращения: 02.06.2016).
5. Федеральный закон от 21.07.2014 г. N 212-ФЗ "Об основах общественного контроля в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2014/07/23/zakon-dok.html>. (Дата обращения: 02.06.2016).

6. Общественные палаты регионов проведут проверку детдомов по всей России // Сайт Общественной палаты России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oprfr.ru/press/news/2016/newsitem/34217>. (Дата обращения: 02.06.2016).

7. В общественных палатах регионов формируются экспертные советы для проведения проверок детдомов по всей России // Сайт Общественной палаты России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://oprfr.ru/press/news/2016/newsitem/34612>. (Дата обращения: 02.06.2016).

**ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО
ОБСЛУЖИВАНИЯ МОЛОДОЙ СЕМЬИ:
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ**
**INNOVATIVE TECHNOLOGIES OF SOCIAL SERVICES YOUNG
FAMILY: THE REGIONAL ASPECT OF THE PROBLEM**

И.Г. Кузина, А.С. Лободенко
Дальневосточный федеральный университет
I.G. Kuzina, A.S. Lobodenko
Far Eastern Federal University

На данном этапе развития общества при работе с молодой семьей необходимо применять современные инновационные социальные технологии. В Приморском крае такие технологии внедряются, в частности, в деятельность центров социального обслуживания, оказывающих помощь семье и детям. К сожалению, сегодня не все учреждения применяют современные социальные технологии, что негативно сказывается на решении проблем молодой семьи.

At this stage of development of society while working with a young family it is necessary to use modern innovative social technologies. In Primorye, such technologies are introduced, in particular in the activities of social service centers that provide assistance to families and children. Unfortunately, to date, not all agencies apply modern social technology, which has a negative impact on solving the problems of young families.

Ключевые слова: молодая семья, социальные технологии, социальное обслуживание, инновационные формы, социально-реабилитационный центр.

Keywords: young family, social technology, social services, innovative forms of social and rehabilitation center.

Современная социальная работа включает в себя многообразие субъект-объектных и субъект-субъектных отношений, связывающих макро- и микроуровни реальности. Этот профессиональный конструкт находится в тесном взаимодействии с системой социальной защиты населения, важным элементом которого выступает социальное обслуживание различных его категорий и групп. Социальное обслуживание такой значимой для общества социальной группы, как молодая семья, в различных субъектах Российской Федера-

ции имеет свою специфику, основанную, прежде всего, на социально-экономических особенностях данной территории.

Приморье входит в категорию регионов со сложной социальной ситуацией. Это выражается в таких показателях, как высокий уровень безработицы, слабая покупательная способность населения, большое количество граждан с низкими доходами, рост убыли населения в другие регионы и др.

Так, на январь 2015 г. численность зарегистрированных безработных от общего числа экономически активного населения составила 64700 человек, в январе 2016 г. этот показатель составил 66500 безработных [1].

Кроме того, на территории Приморского края продолжает расти численность населения с доходами ниже величины прожиточного минимума. За 2014 год этот показатель составил 285 тыс. человек (14,7%), за 2015 г. – 286,1 тыс. человек (14,8%) [2].

Такие проблемы, как увеличение распространения социальных заболеваний, недостаточный уровень медицинской помощи, низкий охват населения жилищными субсидиями при высокой стоимости жилищно-коммунальных услуг и пр. приводят к тому, что в Приморье особо нуждающимися в поддержке государства становятся социально уязвимые категории населения – инвалиды, пожилые люди, молодые семьи.

Необходимо отметить, что каждый год в бюджете Приморского края растет доля финансирования социальной сферы. Так, расходы на меры социальной поддержки в 2014 г. составили 5,3 млрд. руб., что составляет около 130% к уровню 2012 г. [3].

Для семей, находящихся в затруднительном положении, действует сеть учреждений социального обслуживания. Всего на территории Приморского края функционирует 12 государственных учреждений социального обслуживания семьи и детей (при наличии в крае 12 городских округов и 22 муниципальных районов, на территории которых располагаются 20 городских и 116 сельских поселений). Однако не во всех этих службах молодая семья может получить помощь на современном технологическом уровне. Наиболее широко инновационные практики представлены в Артемовском, Арсеньевском, Лесозаводском, Спасском учреждениях социального обслуживания и Краевом государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Парус надежды».

В Краевом государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Артемовский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» особое внимание уделяется технологиям социальной работы с семьей несовершеннолетнего: реализуется социальное консультирование ро-

дителей по вопросам воспитания и развития ребенка, проводятся индивидуальные и групповые занятия и лекции, организуются досуговые мероприятия, осуществляется технология социального сопровождения родителей и др. [4]

Краевое государственное автономное учреждение социального обслуживания «Арсеньевский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Ласточка» имеет в своем составе отделение помощи семье и детям, где оказывается разнообразная поддержка, осуществляется технология социальной адаптации семьи к меняющимся условиям социума. Семье предоставляются услуги при возникновении трудностей и проблем; особенно развиты социально-психологические, социально-педагогические и социально-экономические технологии социального обслуживания. Так, при установлении гармоничных семейных отношений и социальном обслуживании семьи применяется технология социального патронажа, при реализации прав семьи – технология социального сопровождения [5].

В Краевом государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Лесозаводский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Жемчужинка» действует отделение сопровождения семьи и оказания нестационарных услуг. Специалисты данного учреждения отслеживают уровень социально-экономического благосостояния, проводят учет семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; осуществляют социальный патронаж семей и детей, которым необходима социальная помощь, реабилитация и поддержка; оказывают помощь членам семьи, перенесшим психофизическое насилие [6].

Краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания «Спасский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних», опираясь на сотрудников социальной и психологической служб, проводит работу с семьями, выявляя и устраняя проблемы на начальной стадии семейного неблагополучия, с целью сохранения ребенка в родной семье [7]. В учреждении функционирует детско-родительский клуб, в котором, в рамках реализации профилактических, коррекционных и консультативных технологий, организуются информационные встречи родителей со специалистами центра, проводятся тематические занятия и лекции, реализуются тренинги. Для детей и родителей издается информационный материал по вопросам воспитания и межличностных взаимоотношений.

В Краевом государственном бюджетном учреждении социального обслуживания «Социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Парус надежды» функционирует отделение помощи семье и детям «Семья», деятельность которого направлена на предоставление нестационарных услуг детям и их семьям, несовершеннолетним, оказавшимся в тяжелой си-

туации. Деятельность специалистов сосредоточена на сохранении психического здоровья подростков и их родителей, нацелена на семью как единое целое. Она базируется на основе применения современных действенных форм и методов работы: декоративно-прикладного творчества, кабинета канистерапии и др. В отделении сформированы условия, содействующие социальной реабилитации детей и родителей – это комнаты отдыха, кабинеты игровой терапии и семейного консультирования, творческие студии, комната психологической разгрузки, кабинет «Лекотека» и др. [8]

На территории Приморского края эффективно используются такие инновационные формы социального обслуживания, как служба экстренной социально-психологической помощи «Социальный патруль» во Владивостоке, Арсеньеве, Лесозаводске, Спасске-Дальнем и Уссурийске. Социальный «Телефон доверия» работает на базе «Приморского центра социального обслуживания населения». Социальная поддержка молодой семье на территории края также оказывается мобильными бригадами «Друг, помощник, консультант» учреждений социального обслуживания семьи и детей.

В то же время в краевых государственных бюджетных учреждениях Кавалеровский СРЦН «Детство», Находкинский СРЦН «Альбатрос», Партизанский СРЦН «Дружба» отсутствуют специализированные отделения помощи семье. Работа с семьей и детьми здесь ведется в основном по традиционным технологиям: семейная реабилитация, адаптация и т.д.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что деятельность современных учреждений социального обслуживания направлена на предоставление многообразных видов помощи семье и детям, включая и молодую семью. Положительными моментами в работе учреждений является реализация основных социальных технологий по работе с семьей, таких как диагностика, профилактика, коррекция, консультирование, контроль и т.д., на новом уровне, с применением современных форм и методов. Однако в Приморье функционирует недостаточное количество учреждений помощи семье, а специализированные учреждения помощи и поддержки молодой семьи практически отсутствуют. В отдаленных районах края молодым семьям не к кому обратиться за квалифицированной помощью из-за отсутствия уполномоченного лица или органа. Таким образом, для результативного оказания помощи молодым семьям в Приморском крае необходимо активно развивать такие инновационные технологии, как выездные консультации специалистов по семейным вопросам, технологии раннего выявления семей, нуждающихся в социальной защите и помощи, а также создавать новые специализированные центры социальной помощи семье и детям.

Литература

1. Занятость и безработица / Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/b9a36d804625844a971fff843e8e3539/Занятость+и+безработица.htm/. (Дата обращения: 12.07.2016).
2. Основные показатели уровня жизни населения / Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://primstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/primstat/resources/0.htm. (Дата обращения: 12.07.2016).
3. Постановление Администрации Приморского края от 07.12.2012 №393-па «Об утверждении государственной программы Приморского края «Социальная поддержка населения Приморского края на 2013-2017 годы» / Справочно-правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/30164815/>. (Дата обращения: 12.07.2016).
4. Перечень основных видов государственных услуг, предоставляемых несовершеннолетним КГБУСО «Артемовский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» / Официальный сайт КГБУСО «Артемовский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.artem-sgc.ru/>. (Дата обращения: 12.07.2016).
5. Отделение помощи семье и детям / Официальный сайт КГАУСО Арсеньевский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Ласточка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://arslastochka.ucoz.ru/>. (Дата обращения: 12.07.2016).
6. О нашем центре / Официальный сайт КГБУСО «Лесозаводский СРЦН «Жемчужинка» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zhemchuzhinka.ucoz.ru/>. (Дата обращения: 12.07.2016).
7. История учреждения / Официальный сайт КГБУСО «Спасский социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://спасск-срцн.рф/uchrezhdenie/ob-uchrezhdenii/>. (Дата обращения: 12.07.2016).
8. Отделение помощи семье и детям «Семь-Я» / Официальный сайт КГБУСО социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних «Парус надежды» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.parus-nad.ru/o-centre/ob-otdeleniyax/otdelenie-pomoshhi-seme-i-detyam-sem-ya/>. (Дата обращения: 12.07.2016).

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПОВТОРНЫХ БРАКОВ И СЕМЕЙ НА БАЗЕ ПОВТОРНОГО БРАКА SOCIAL RESEARCH IN THE FIELD OF RE-MARRIAGES AND FAMILIES RE-MARRIAGE

А.Е. Кузьмина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

А.Е. Kuzmina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В современном обществе индустриализация и глобализация оказали сильное воздействие на сферу семьи и семейных отношений. Межпоколенные связи заметно уменьшились; внутрисемейных связей стало меньше, в связи с уменьшением членов одной (родительской) семьи. В статье приводятся ре-

зультаты исследования по проблеме повторных браков и семей на базе повторного брака в современном российском обществе.

In modern society, industrialization and globalization have had a strong impact in the field of family and relationships. Intergenerational communication has declined; intra-family relations became less due to the decrease in members of the same (parent) family. The article presents the results of a study on the problem of re-marriages and families re-marriage in contemporary Russian society.

Ключевые слова: семья, брачность, незарегистрированные браки, повторный брак, семья повторного брака, семейные проблемы.

Keywords: family, family creating, nuptiality, remarriage, family remarriage, family issue.

В современном обществе индустриализация и глобализация оказали сильное воздействие на сферу семьи и семейных отношений. Межпоколенные связи заметно уменьшились, внутрисемейных связей также стало меньше из-за сокращения членов одной (родительской) семьи. Процесс социализации и воспитания детей вышли за рамки семьи, появились новые структуры, осуществляющие данные процессы. Соответственно, исследования, проводимые в области брачно-семейных отношений, помогают выявить новые тенденции, обратить внимание на изменение структур этой сферы, а также, переходя непосредственно к профессиям, скорректировать виды деятельности, занимающиеся непосредственно узконаправленной проблематикой в сферах семьи и брака. Это такие профессии, как социальный работник, социальный педагог.

В рамках этой проблемы, в 2016 г. с 1 февраля по 1 марта в г. Н. Новгороде было проведено учебное исследование, посвященное проблеме повторных браков и изучению семей на базе повторного брака. Объем выборки составил 16 человек (квотная, половозрастная).

Таблица 1

Квоты по полу и возрасту в эмпирическом исследовании по проблеме повторных браков, чел

Возраст	20-25	26-30	31-35	36-40	41-45	46-50	51-55	56-60
Пол								
Мужской	1	1	1	1	1	1	1	1
Женский	1	1	1	1	1	1	1	1

Исследование проводилось методом серии глубинных интервью в связи со спецификой изучаемого объекта достаточно интимного характера. Непосредственный контакт исследователя и респондента более располагает к направленному диалогу, повышает достоверность собираемой информации (так как

исследователь может отследить реакцию респондента). Источником информации является самосознание респондента, элементы его поведения, наблюдаемые в процессе вербальной коммуникации. Все 16 проведенных интервью были индивидуальными и проводились однократно.

Исходя из результатов исследования были сделаны следующие выводы:

1. В целом, отношение к повторным бракам положительное, поскольку, несмотря на неудачный первый брак, у людей остается надежда на то, что в будущем обязательно все стабилизируется.

2. Кризисная ситуация в семье может возникнуть и под влиянием каких-либо внешних факторов, обуславливающих бытовое и экономическое положение супружеской пары. Присутствие этих факторов ускоряет создание кризисной ситуации и усугубляет ее, если кризис при заключении повторного брака уже имеет место быть.

3. Наиболее распространенными факторами, предопределяющими успех или неудачу в супружестве, являются личные качества супругов и их умение решать проблемы, находя компромиссы.

Проведенное исследование показало, что повторная регистрация брака позволяет решить многие как психологические проблемы, связанные с неудачным первым браком, так и проблемы материального благополучия, проблемы, возникшие в результате разводов. Несмотря на все сложности заключения повторного брака, респонденты уверены в своем мнении, что повторные браки более стабильны.

Решение всех сложностей, возникающих в различных видах повторных браков, целиком и полностью зависит от осознания этих трудностей супругами и обоюдного их желания создать благоприятную атмосферу в семье. В этом и кроется основная причина положительного отношения к повторным бракам или нейтрального, поскольку те респонденты, которые состоят в повторном браке, либо перешли этот этап, и все сложилось успешно в их семье, либо до этого этапа не дошли, решив все проблемы заранее.

Семья в жизни каждого человека играет большую роль. Семья, по мнению респондентов, это поддержка, место, где тебя любят, ждут и всегда понимают. Нередко повторные браки заключаются, чтобы поддержать семью, созданную в первом браке, чтобы вырастить детей. Исходя из этого, можно говорить о наличии положительного отношения к повторному браку жителей Нижнего Новгорода.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОПРОВОЖДЕНИЯ
ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ
РОДИТЕЛЕЙ**
**REGIONAL FEATURES OF THE MAINTENANCE OF ORPHANS
AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE**

М.И. Лучинина
Вятский государственный университет
M.I. Luchinina
Vyatka State University

Представлен анализ регионального опыта сопровождения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

The article presents an analysis of regional experience in support of orphans and children left without parental care.

Ключевые слова: дети-сироты, сопровождение, формы и методы сопровождения, региональные особенности сопровождения.

Keywords: orphans, tracking forms and tracking methods.

Одной из актуальных социальных проблем РФ в настоящее время остается наличие большого количества детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [1]. Государством определены основные подходы к решению данной проблемы: сохранение кровной семьи ребёнка, предотвращение ситуации отказа родителей от детей, и устройство детей, оставшихся без родительского попечения, в приемные семьи. Однако, значительное количество детей, оставшихся без попечения родителей, оказывается в условиях интернатного учреждения.

С целью минимизации негативного социального опыта данной категории детей в государственных учреждениях применяются различные формы сопровождения: консультирование, консультативная переписка, телефонные звонки и беседы, системный мониторинг ситуации, конференции, реализация плана индивидуального сопровождения и развития личности ребенка, а также психологическая диагностика, групповая работа и др. Особую значимость сопровождение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, приобретает в постинтернатный период, поскольку их вхождение в самостоятельную жизнь сопряжено с большими сложностями и не всегда проходит успешно. Постинтернатный патронат (постинтернатное сопровождение) устанавливается в отношении выпускников учреждений для детей-сирот и предусматривает различные формы оказания помощи в социальной адаптации, подготовке их к самостоятельной жизни, меры по защите их прав. Выбор форм и методов сопровождения зависит от личностных характеристик

сопровождаемого ребенка, его индивидуальных и социально-психологических особенностей [2; 3].

Различные региональные модели постинтернатного сопровождения субъектов Российской Федерации ещё только складываются и нуждаются как в теоретическом осмыслении, так и в разработке организационных механизмов функционирования. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение, анализ и обобщение опыта регионов по сопровождению детей-сирот – воспитанников интернатных учреждений.

Так, в Кировской области создан АНО «Центр постинтернатного сопровождения выпускников муниципального казенного образовательного учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «Специальная (коррекционная) общеобразовательная школа-интернат VII вида для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, №1 города Кирова». Центр является автономной некоммерческой организацией, учрежденной в целях воспитания и оказания социальной помощи и поддержки воспитанников школы-интерната. Данная служба преследует цели защиты прав и интересов детей, оказания им содействия в получении образования, трудоустройстве, приобретении навыков адаптации в обществе, организации досуга, в защите личных и имущественных прав, в обеспечении преемственности реабилитационной работы в постинтернатный период, а также повышения социального статуса выпускников. Центр осуществляет просветительскую, диагностическую, коррекционную и аналитическую деятельность [4].

В Архангельской области, в свою очередь, создана аналогичная «Служба постинтернатного сопровождения выпускников государственного бюджетного образовательного учреждения Архангельской области для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, «Детский дом №1». Предметом деятельности Службы является предоставление государственных услуг по социальной адаптации и постинтернатному сопровождению. Социальные работники в целях успешной социальной адаптации детей осуществляют разностороннюю связь с учреждениями, находящимися в ближайшем окружении: дополнительного образования, культуры, с общественными и спортивными организациями.

Данные центры (службы) постинтернатного сопровождения являются эффективным инструментом решения проблем постинтернатного сопровождения в регионах, так как обеспечивают конкретизацию государственно-общественного заказа по удовлетворению потребностей детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, позволяют создать единую систему постинтернатного сопровождения в регионах.

Следует отметить, что специалисты учреждений интернатного типа используют не только традиционные, но и инновационные формы и методы сопровождения детей. Так, в Архангельской области на нескольких ресурсных площадках активно ведется работа по внедрению методов программы сотрудничества, принятой Объединенной Рабочей группой по вопросам здравоохранения и связанных с ними социальным вопросам (ОРГЗС) Совета Баренц-Евроарктического региона “Дети и Молодежь Групп Риска в Баренцевом регионе” (ДМГР 2008-2016 гг.). Программа ставит целью улучшение жизненных условий детей и молодежи посредством совместных действий в общем (создание структуры для обмена информацией и опытом) и деятельности по проектам, в частности (установление партнерских отношений между общественными учреждениями всех уровней и неправительственными организациями в Баренцевом регионе, ответственных за благополучие детей и молодежи). Основная цель проекта – распространение научно-обоснованных методов/программ: «Невероятные Годы», «Семейные групповые конференции (СГК)», «От Насилия к Заботе», «Восстановительное правосудие – ювенальная медиация», «Тренировка замещения агрессии – АРТ и АРТ в семье».

В Кировской области нашла отражение одна из эффективных технологий сопровождения детей – технология наставничества [5]. Так, НОУ «Центром социально-психологической помощи детям, подросткам и молодежи» г. Кирова с 2012 по 2016 гг. были реализованы проекты: «Маршрут Социального успеха: социальная компетентность воспитанниц интернатных учреждений» и «Старший друг: социально-педагогическое сопровождение воспитанников интернатных учреждений в форме наставничества». Участниками проектов стали воспитанницы и воспитанники интернатных учреждений г. Кирова и Кировской области. В рамках реализации данных проектов воспитанники и выпускники интернатных учреждений получили знания и навыки в социальной, рекреационной, семейной, образовательной сферах.

С целью изучения потребности воспитанников в старшем друге, а также отношения воспитанников и наставников к технологии наставничества был проведен опрос. Актуальность данной технологии подтверждается его результатами: 71% воспитанников интернатных учреждений г. Кирова и 65% воспитанников Котласского детского дома испытывают потребность в старшем друге. Причем, наставник для детей – это «более опытный человек», «старший друг», «человек, которому можно рассказать о своих проблемах и получить совет», «тот, кто придет на помощь», и его хотели бы иметь как девушки, так и юноши. Больше половины опрошенных (65% респондентов) ответили, что возраст не имеет значения, наставником может быть как молодой человек, так и человек зрелого возраста. Мотивы наставников детей оказа-

лись разнообразны: для 44% наставников – это «желание помочь» ребенку, для 32% – «желание приобрести опыт взаимодействия», 16% – «приобрести новые знания о данной категории детей», 8% – «расширить свои социальные связи».

Результаты свидетельствуют о том, что опыт регионов и конкретных учреждений по сопровождению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, требует научного осмысления. Обмен опытом с учетом территориальной характеристики может дать новый импульс решению проблемы социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Литература

1. Семья Г.В. Проблема сиротства в России: экономический и социальный аспекты [Текст] // Информационно-методический журнал. Приемная семья. 2013. № 2. С. 9-14.
2. Мардахаев Л.В. Социально-педагогическое сопровождение и поддержка человека в жизненной ситуации [Текст] // Педагогическое образование и наука. 2010. № 6. С. 4-11.
3. Ершова Н.Н. Сопровождение социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: региональный аспект: монография [Текст] / Н.Н. Ершова, Г.И. Симонова, М.И. Лучинина, Е.В. Волченкова, О.А. Воронина. Под общ. ред. Г.И. Симоновой. Киров, 2015. 185 с.
4. Устав АНО "ЦПСВ школы-интерната №1 г. Кирова" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nov-internat1.ru/o-shkole/ano-tspsv-shkoly-internata-1-g-kirova/>. (Дата обращения: 28.07.2016).
5. Социальное сиротство: стратегии и перспективы социальной инклюзии [Текст] / [Монография] / [Астоянц М.С. и др.]; Под ред. М.С. Астоянц; Южный федеральный ун-т, Пед. ин-т. – Ростов н/Д.: Пед. ин-т ЮФУ. 2010. 223 с.

КРИТЕРИИ МНОГОДЕТНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ **CRITERIA OF MULTYCHILD FAMILY IN RUSSIA AND ABROAD**

Т.Ю. Петрова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

T.Yu. Petrova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются критерии определения многодетных семей в разных странах и меры по поддержке многодетных семей.

The paper deals with multichildren family criteria in different countries.

Ключевые слова: многодетная семья, семейная политика, государственная поддержка.

Keywords: multichildren family, having many children, family policy, state aid.

Во всем мире уже полвека наблюдается непрерывное снижение темпов демографического воспроизводства, рождаемость снижается катастрофи-

ческими темпами во всех возрастных группах как в развитых странах, так и в развивающихся. С 1970 по 2010 гг. число детей на одну женщину снизилось с 4,7 до 2,5, а число стран с уровнем рождаемости, недостаточным для воспроизводства населения, выросло с 13 в 1970 г. до 76 в настоящее время [См. подр.: 1]. По существующим прогнозам, рождаемость продолжит снижаться, а вместе с ней и численность населения во многих странах. Получается, что долгое время боялись перенаселения, а вместо него сейчас возникает угроза депопуляции. В этой ситуации проблема повышения рождаемости выходит на первый план для многих стран мира.

Многодетная семья – это ресурс для воспроизводства населения, но и повышенная нагрузка, как материальная, так и моральная, для родителей по сравнению с семьей малодетной или вообще бездетной. В этой связи следует рассмотреть критерии определения многодетности в разных странах и меры социальной поддержки таких семей.

Поиск информации не дал результатов, найденные данные противоречивы и устарели. В итоге было решено использовать современные системы коммуникации и на специализированной площадке, созданной для общения многодетных женщин, проживающих за границей, был задан вопрос о том, есть ли на языке той страны такое понятие, как многодетность, есть ли льготы, обусловленные исключительно числом детей в семье. Такой выбор был задан тем предположением, что женщины, вышедшие замуж за границу и имеющие нескольких детей, обладают доступом к информации о социальной поддержке. Предположение оправдалось, была получена информация о 20 странах.

В процессе анализа были выделены группы стран.

1. Нет понятия многодетные, нет льгот, привязанных к количеству детей. Пособия (помощь) семьям зависит не от количества детей, а от дохода семьи. Это *США, Англия* (тут даже обратная ситуация – детское пособие уменьшается: на первого ребёнка – 80 фунтов в месяц, на второго и далее – по 54), *Австралия, Теркс и Кайкос, Канада, Иордания, Египет, Аргентина* (В Аргентине есть специфическая «льгота»: президент страны не может отказаться быть крестным для седьмого ребенка).

2. Есть понятие многодетные, льготы минимальны или отсутствуют.

Латвия (многодетная семья – daudzbernugimene). 3 и более ребенка в семье. Льготы: 50% налога на недвижимость.

Узбекистан в разных законах трактуется по-разному, от 5 или от 7 детей, дети до 14 (16) лет. Льгот нет.

Казахстан (4 ребенка). Есть небольшие субсидии, при наличии 5 и более детей пенсионный возраст матери снижается до 53 лет.

Италия (фамилья нумероза – многочисленная семья) В налоговом законодательстве нумероза считается семья, имеющая минимум четверых несовершеннолетних. Льготы по оплате газа и электричества, складывается фиксированная сумма за каждого ребенка, чем больше детей, тем больше получается льгота, деньги возвращаются по итогам года. Муниципальные учебные заведения учитывают количество детей из одной семьи и делают процентную скидку при оплате обучения (за второго ребенка платят 30%, за третьего 50%).

Португалия (3 и более ребенка). Льготы рассчитываются по доходу семьи.

3. Есть понятие многодетная семья, есть льготы.

Израиль (мишпах а брукхат йеладим – семья, благословенная детьми), 5 и более детей. В 2003-2005 гг. были существенно уменьшены пособия на детей, хотя к прежнему уровню не вернулись, их сумма примерно равна прожиточному минимуму.

Германия (mehrkindfamilie – многодетная семья). Федеральное пособие увеличивается (на первого и второго ребёнка – по 190 евро, на третьего – 196, с четвертого и далее – 221 евро в месяц, платится на всех детей от рождения и до 18-ти лет, если ребёнок учится, то до 25-ти лет). В зависимости от числа иждивенцев в семье рассчитывается подоходный налог, чем больше неработающих в семье, тем он меньше. В каждой федеральной земле льготы – свои, могут сильно отличаться.

Франция (famille nombreuse – многочисленная семья). Государственная программа «Большая семья», которая адресована многодетным семьям. Эта программа существует с 1921 г. и в рамках общей государственной политики по стимулированию рождаемости предлагает многодетным семьям субсидирование и льготы. Многодетным семьям предоставляются налоговые льготы. Каждый следующий ребенок уменьшает налогооблагаемую базу, так что семьи с четырьмя детьми практически вообще не платят налогов. Распространяется льгота на всех граждан вне зависимости от достатка, даже на миллионеров. Кроме налоговых льгот рассчитывается доход на каждого члена семьи, т.о. чем больше детей, тем больше помощь. Независимо от дохода, выдается на питание около 110 евро на каждого ребенка, если ребенок старше 11 лет + 35 евро, если старше 16 + 65 евро. Начиная с 3-го ребенка можно попросить декретный отпуск на 3 года, который не оплачивается, просто гарантируется место. До 3-го ребенка – максимум 6 месяцев, тоже не оплачиваемых, + 3 оплачиваемых, итого – 9 месяцев. Также с 3-го ребенка можно выбрать декретный отпуск, оплачиваемый, но только в течение года – 600-800 евро (минимальная з/п 1450 евро) в месяц.

Испания (familia numerosa – многочисленная семья). Программа поддержки многодетных семей действует в Испании с 1941 г. Многодетные семьи бывают двух видов:

Familia numerosa general – обычная, 3-4 ребенка.

Familia numerosa special – специальная, 5 и более детей.

Семье оформляется Titulo de familia numerosa. Право на Titulo de familia numerosa есть до тех пор, пока в семье есть нужное количество детей нужного возраста (до 21 года, если ребенок работает, и до 25 лет, если он учится). Список льгот отличается в разных автономиях. Листок со списком выдается вместе с сертификатом многодетной семьи. Чаще всего, это скидки на транспорт (включая авиа, морской и ж/д), снижение НДС на 250 евро для обычных и 400 для специальных, с 8 до 5% снизится налог на покупку жилья для личного пользования, снизится налог на покупку большого автомобиля, дешевле станет вода и электричество на 50%. 20% скидка на муниципальный детский сад для ребенка до 3 лет, дешевле образование (от оплаты курсов до учебников) для детей и родителей. В некоторых магазинах будут скидки (надо искать список по месту жительства), в некоторых государственных музеях.

Финляндия (suurperhe или iso perhe – как большая семья). 3 ребенка и более. Увеличивается пособие на ребенка (на первого 95,75 евро в месяц, на второго 105,80 евро, на третьего 135,01 евро, на четвертого 154,64 и на пятого и последующих 174,27 евро). Льготы на оплату детсадов.

Бельгия (grande famille – большая семья). От 3 детей. Детское пособие, независимо от дохода (на первого – 92 евро, на второго 170, начиная с третьего по 254 евро). Единовременное пособие при рождении каждого ребенка, примерно 1000 евро. В зависимости от числа иждивенцев в семье рассчитывается подоходный налог, чем больше неработающих в семье, тем он меньше. Остальное зависит от дохода семьи.

Южная Корея (таджанёк кажон – многодетная семья). 3 и более детей. Скидки различаются по провинциям: на оплату электричества, возмещение расходов на съем жилья, снижение процента по ипотеке, повышенная пенсия, уменьшение налоговых выплат.

Напомним, что в России определения многодетной семьи нет ни в СК РФ, ни в социальном законодательстве. В наличии имеется только регуляторный акт от 05.05.92 г. под № 431 («О мерах социальной поддержки многодетных семей»). Сегодня этот статус предоставляется всем парам или родителям-одиночкам, на воспитании которых имеется трое и больше детей, дополнительно может быть предоставлен тем парам, где один родитель является гражданином РФ. Льготы определяются местными нормативными актами.

Литература

1. 2010 World Population Data Sheet Population Reference Bureau [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.prb.org/Publications/Datasheets/2010/2010wpds.aspx>. (Дата обращения. 10.09.2016).

ПРОБЛЕМЫ, ВСТАЮЩИЕ ПЕРЕД ДЕТЬМИ ИЗ КРОССКУЛЬТУРНЫХ СЕМЕЙ, И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ THE CHALLENGES FACING CHILDREN FROM CROSS-CULTURAL FAMILIES AND THEIR SOLUTIONS

Н.А. Ростовская
ГБОУ СОШ № 121, г. Москва
N.A. Rostovskaya
School №121, Moscow

Рассматриваются проблемы жизнедеятельности детей из кросскультурных семей, проживающих на территории Российской Федерации, и предлагаются пути их решения.

This article discusses the issues of ability to live of children from cross-cultural families living on the territory of the Russian Federation, and suggests their solutions.

Ключевые слова: кросскультурная семья, ребенок, самоидентификация, подросток, национальная идентификация, социализация, языковая компетенция.

Keywords: cross-cultural family, child, teenager, self-identification, national identification, socialisation, language competence.

В настоящее время в России актуальна тема этнического (национального) самосознания, которая отразилась и на институте семьи. Причиной этого стали различные этнополитические процессы, которые значительным образом повлияли на динамику кросскультурных браков: с начала 90-х гг. XX в. их количество резко уменьшилось.

Через институт семьи можно решать самые различные проблемы, в том числе налаживания диалога культур и толерантности, так как в процессе взаимодействия представителей различных этносов формируется культура кросскультурного общения. Для грамотного прогнозирования событий и урегулирования тех или иных ситуаций кросскультурного взаимодействия необходимо не только рассматривать общие вопросы, а углубляться в самое ядро, каковым и является, в данном случае, кросскультурная семья. Российская Федерация как полиэтническое государство, заинтересовано в формировании государственной поддержки и стабильности кросскультурных семей.

Несмотря на количественный спад кросскультурных браков, процент таких семей остается довольно большим, соответственно и проблемы данного типа семей проходят через нашу повседневную жизнь.

Затронем не столько вопросы кросскультурных семей в целом, сколько акцентируем внимание на проблемах детей из кросскультурных семей.

Именно на семью, как на сложный социальный институт, в котором сходятся воедино личностные, социальные, групповые и национальные интересы, ложится роль трансформатора социально-исторического опыта, общечеловеческих норм нравственности, моральных принципов и ценностей, которые напрямую зависят и от национального аспекта.

Что же такое кросскультурная семья, и с чем, в первую очередь, сталкиваются дети, рожденные в данных семьях? Под кросскультурными мы понимаем те браки, когда в семейные отношения вступают молодые люди, относящиеся к различным социокультурным слоям общества, имеющим свои особенности культуры и системы ценностей [1]. Благодаря кросскультурному взаимодействию всех членов семьи в кросскультурных семьях самым гармоничным образом вырабатываются чувства толерантности, интернационализма, что положительно отражается на состоянии этих взаимоотношений и способствует формированию здорового гражданского общества.

Супруги, состоящих в кросскультурном браке, могут гармонично адаптироваться к культурно-социальным различиям друг друга, однако, с рождением детей ситуация может дестабилизироваться. Возникает ряд вполне логичных вопросов: кто и как должен воспитывать ребенка, как должны распределяться роли в семье, как должны выстраиваться взаимоотношения ребенка и родителей, какие учебные заведения должен посещать ребенок и многие другие.

Поскольку кросскультурная семья предполагает различную национальную принадлежность родителей, ребенок оказывается невольным участником кросскультурного взаимодействия. Его окружает множество социокультурных артефактов, присущих культурным моделям родителей, из которых ребенку предстоит сделать выбор своей личной социокультурной модели, а приоритеты в отношениях с родителями во многом определяют этот выбор.

Приблизительно в трех-четырёхлетнем возрасте дети из кросскультурных семей, проживающие на территории Российской Федерации, могут начать испытывать комплекс неполноценности, так как похожих на себя детей значительно меньше или и вовсе нет. Куклы в магазине, герои сказок и мультфильмов в основном изображаются как представители европеоидной расы. Ребенок остро ощущает свою непохожесть на остальных и порой даже начинает считать себя уродом, замыкается и абстрагируется от внешнего мира.

Без своевременного квалифицированного вмешательства подобные ситуации могут привести к плачевным последствиям: начиная от общего недоразвития ребенка, кончая суицидом.

Кульминация самоидентификации ребенка приходится на подростковый период. Школа, как никакая другая организация, оказывает существенное влияние на становление личности человека, воспитание в нем ценностей, общечеловеческих норм нравственности.

Ребенок взрослеет, и с наступлением подросткового возраста меняется не только его физическое состояние (период активного роста и полового созревания), но и психологическое. Изменение претерпевает и внимание, которое становится более избирательным и целенаправленным. Подростковый возраст характеризуется критичностью мышления и бурным проявлением эмоций, упрямством, эгоизмом, остротой переживаний, уходом в себя, конфликтами с окружающими.

На фоне нестабильного психофизического состояния происходит нравственное и социальное формирование личности ребенка, моральных убеждений, которые зачастую имеют крайне неустойчивый и противоречивый характер.

Несмотря на то, что в России большинство детей из кросскультурных семей являются гражданами Российской Федерации и обладают всеми соответствующими правами, нередко они становятся объектами для травли со стороны одноклассников, сверстников, да и просто окружающих их людей.

Наиболее острой проблемой является вопрос национальной идентификации. Прежде всего дети обращают внимание на физиологические различия одноклассников: цвет волос, кожи, глаз, расовые особенности лица. Неподобность ребенка из кросскультурной семьи на окружающих его детей становится причиной ложной национальной идентификации. Одноклассники, не обладая достаточным багажом знаний, в том числе культурологических, стремятся отнести ребенка из кросскультурной семьи к какой-то этнической группе, которая, как правило, менее уважаема. И это часто вопреки тому, что сам ребенок из кросскультурной семьи уже мог определиться с выбором национальности. Бывают случаи, когда ребенка из кросскультурной семьи не принимает ни одна из сторон. Такие дети становятся этническими изгоями. Результатом такого отношения и невмешательства квалифицированных взрослых является расизм и ксенофобия. Дети из кросскультурных семей подвергаются оскорбительным нападениям, замечаниям и обвинениям. Зачастую им приходится сталкиваться с неприязнью, излишней подозрительностью, грубостью и даже брезгливостью. Способные, талантливые, одаренные дети в школе считаются самыми слабыми учениками или могут таковыми

стать, так как стесняются, или даже боятся лишней раз высказывать свое мнение, и это несмотря на то, что дети в кросскультурных семьях легче и чаще идут на контакт с представителями других этносов, чем дети из мононациональных семей, так как этнические границы не являются для них столь четкими и однозначными.

Какова же будет социализация ребенка, пережившего столь негативные моменты в адаптационный период в школе? Ответ очевиден: замкнутость, озлобленность, недоверие, агрессия, расизм. Это именно те качества, с которыми ему удобнее сосуществовать с окружающим миром.

Решению данной проблемы следует уделить пристальное внимание. Одним из вариантов ее решения является анкетирование не только детей, но и родителей при поступлении ребенка в учебные заведения. Подобного рода анкетирование позволит педагогическому составу учебных заведений на начальном этапе выявлять детей из кросскультурных семей и проводить с ними соответствующую психолого-педагогическую работу. Предупрежден – значит вооружен!

Следует выделить и закрепить в школах такую должность как классный руководитель. В настоящее время согласно Приказу Министерства образования и науки РФ от 03.02.2006 г. № 21 «Об утверждении методических рекомендаций об осуществлении функций классного руководителя педагогическими работниками государственных общеобразовательных учреждений субъектов Российской Федерации и муниципальных общеобразовательных учреждений» в соответствии с п. 66 Типового положения об общеобразовательном учреждении, утвержденного постановлением Правительства РФ от 19 марта 2001 г. N 196 (Собрание законодательства РФ, 2001, N 13, ст. 1252), на педагогического работника общеобразовательного учреждения с его согласия приказом общеобразовательного учреждения могут возлагаться функции классного руководителя по организации и координации воспитательной работы с обучающимися в классе. То есть классный руководитель – это учитель предметник, который, по просьбе или настоянию администрации школы, взял на себя дополнительную нагрузку в виде классного руководства. Как показывает практика, зачастую учителя-предметники сверх меры перегружены работой по предмету, а времени и сил для выполнения функций классного руководителя остается совсем мало. К тому же некоторые учителя воспринимают возложенные на них функции классного руководителя как дополнительные к своим основным функциям учителя-предметника, что совершенно недопустимо. Не все становятся великими математиками, физиками, биологами, химиками, историками или переводчиками, а вот стать достойным гражданином общества обязан каждый! В этом и заключается роль

классного руководителя – вырастить достойных, грамотных, культурных, толерантных представителей общества.

Еще один очень важный пункт, которому, на мой взгляд, уделяют недостаточное внимание в общеобразовательных заведениях – это культура. Безусловно, в школе учащиеся знакомятся с литературой, музыкой, живописью и т.д. Относительно недавно появился и такой важный предмет, как обществознание, охватывающий основы практически всех гуманитарных наук. Но, к сожалению, многие учащиеся воспринимают данные учебные дисциплины как второстепенные.

Качественным отличием кросскультурных семей от монокультурных является образование в их быту новых черт. Прежде всего это касается функционирования каждого из языков супругов как средства межкультурной коммуникации. Выбор языка для осуществления кросскультурной коммуникации каждая семья делает по собственному усмотрению, и таких вариантов, как правило, три: для осуществления коммуникации выбирается язык одного из партнеров, язык второго партнера при этом исчезает; общение проходит на языках обоих партнеров в равной или почти равной степени; общение осуществляется при помощи третьего языка, известного обоим партнерам. Таким образом, ребенок из кросскультурной семьи становится невольным приемником языкового выбора родителей.

В соответствии со статьей 68 Конституции (принята референдумом 12.12.93), государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Самым удачным вариантом выбора языка в кросскультурных семьях, является русский язык, но так бывает далеко не всегда. Зачастую дети из кросскультурных семей являются билингвами или даже полилингвами, нередки случаи, когда дети не владеют русским языком. И тут возникает вторая, очень серьезная проблема: языковой барьер.

Попадая в школу, где преподавание ведется на русском языке, дети из кросскультурных семей, слабо или почти не владеющие русским языком, сталкиваются с проблемой языковой компетенции, нарушаются процессы коммуникации, что влечет за собой осложнение адаптации ребенка. Сложности при этом испытывают не только дети, но и педагоги, которые проводят занятия в классах, укомплектованных учащимися с разным уровнем языко-

вой подготовки, а также имеющими культурные различия. (Доля учащихся, для которых русский язык не является родным, составляет сегодня, в некоторых округах Москвы, до 25%).

Обозначенный выше ряд проблем, с которым приходится сталкиваться детям из кросскультурных семей, требует выделения и работы с такими детьми.

По всей России активно создаются специализированные курсы русского языка для слабо владеющих им учащихся, где русский язык преподают как иностранный, с целью содействия полноценному включению таких детей в процесс обучения в школе. Создается специализированная учебно-методическая литература для школьников и разговорники для родителей учеников, которые почти не владеют русским языком. Созданы школы с этнокультурным компонентом, с углублённым изучением одной или нескольких национальных культур и интенсивной подготовкой по русскому языку для слабо владеющих или вообще не владеющих им детей. С 2000 г. в Москве проходит подготовка (в форме курсов повышения квалификации) для учителей средних школ по специальности “Русский язык как иностранный”, целью.

К сожалению, подготовительных курсов и школ русского языка, а также преподавателей русского как иностранного, не хватает. В результате большинство детей, плохо владеющих русским языком, приступают к занятиям в общеобразовательной школе. В связи с этим принятие стандартов, которые бы определяли минимально необходимый уровень владения русским языком для обучения в том или ином классе школы, просто необходимо.

Литература

1. Мельниченко И.И., Плотников А.Д., Ростовская Т.К. Создание моделей деятельности и организации работы по формированию у подростков и молодежи правильного репродуктивного поведения и установок на образование семьи как основы возрождения традиционных моральных ценностей. Монография. М.: Государственное учреждение «Российский центр молодежной семейной политики, 2005. 169 с.
2. Всемирная Организация Здравоохранения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs345/ru/>. (Дата обращения: 23.09.2016).
3. Департамент образования города Москвы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dogm.mos.ru/>. (Дата обращения: 23.09.2016).
4. Министерство образования и науки РФ. Федеральные государственные образовательные стандарты общего образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://минобрнауки.рф/documents/543>. (Дата обращения: 23.09.2016).
5. Конституция РФ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zakonbase.ru/konstitucija-rg>. (Дата обращения: 23.09.2016).
6. Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания. Учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2001. 320 с.
7. Выготский Л.С. Собрание сочинений в 6 томах. М., 1984. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии. 488 с.

**СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
НАРКОТИКОВ: КОНТИНУУМ «ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ –
СЛУЖЕНИЕ»**

**SOCIAL REHABILITATION OF DRUG USERS:
CONTINUUM "PROFESSIONALIZATION – SERVICE"**

С.С. Колесников

Социологический институт РАН, г. Санкт-Петербург

А.А. Смирнова

«Городского информационно-методического центра «Семья»,

г. Санкт-Петербург

S.S. Kolesnikov

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

A.A. Smirnova

«City information and methodological center «Semya», Saint-Petersburg

Раскрывается тема социальной реабилитации наркопотребителей и приводится типология программ социальной реабилитации с учетом их положения в континууме «профессионализация – служение».

The article deals with the topic of social rehabilitation of drug users and provides a typology of social rehabilitation programs based on their position in the continuum of "professionalization – service".

Ключевые слова: социальная реабилитация, реабилитационная программа, реабилитационный центр, социальное служение.

Keywords: social rehabilitation, rehabilitation program, rehabilitation center, social service.

Тема социальной реабилитации наркопотребителей относительно новая для современной отечественной науки. При упоминании о реабилитации обыватели и специалисты чаще всего представляют себе лечение зависимости, медицинскую реабилитацию и наркологию. Позиции же социальной реабилитации до конца не окрепли. Что это такое? О чём это? А главное, в чем отличие социальной реабилитации от лечения, и есть ли это отличие? Способна ли немедицинская помощь вернуть человека в общество и вернуть его трезвым?

Основная претензия к таким реабилитационным центрам, наиболее часто встречающаяся в СМИ и официальных публикациях, заключается в том, что они «не медицинские», что там «не лечат». Но, в большинстве своём, такие центры еще и не являются профессиональными. Многие центры социальной реабилитации потребителей наркотиков не имеют штатного психолога, медицинского работника, и единственным профессионалом с профильным образованием в таких организациях оказывается бухгалтер.

Проводя анализ сложившейся в Санкт-Петербурге и Ленинградской области системы реабилитационных центров [1], можно отметить, что отдельные организации, реализуют свои собственные программы социальной реабилитации, исходя из определенного представления о доступных им профессиональных ресурсах. Именно так и сформировалось представление о неких крайних позициях по вопросу включения профильных специалистов в реабилитационный процесс. Один полюс континуума – это профессиональные центры; другой – религиозные общины, оформившиеся в организации благодаря служению «бывших» реабилитантов.

Очевидно, что подобная типология грешит упрощением, тем не менее, полное отсутствие представлений о возможном спектре видов реабилитационных программ значительно усложняет жизнь как сотрудникам государственных учреждений и администраций (в процессе сертификации деятельности, проверки качества и пр.), так и самим организациям, к которым, зачастую, предъявляются требования, несоизмеримые и неприменимые к их скромному служению.

Зачастую типовые программы центров социальной реабилитации, особенно это касается центров, функционирующих при некоммерческих негосударственных организациях, представляют собой не столько программу, сколько логику действий. Их ключевыми позициями будут представления о цели, этапах работы, сроках и ресурсах. Мы остановимся на 2-х из перечисленных выше элементах: цели и ресурсах. Итак, следуя логике континуума «профессионализация – служение», можно выделить следующие типы реабилитационных программ.

1. Религиозные реабилитационные программы. Конфессионально ориентированные программы, целью которых является не столько избавление от зависимости путем приобщения к учению, сколько миссионерская деятельность и, как следствие обращения, трезвость. Существуют реабилитационные программы, признающие значимость и использующие собственные элементы техники психологического консультирования, групповой работы, тренингов и прочие профессиональные методы и подходы, требующие определенной подготовки. Впрочем, в отличие от следующего типа, независимо от наличия таких элементов в программе, они продолжают оставаться в рамках религиозного дискурса с доминированием логики миссионерства. Профессионализм в таких центрах «теряется» за служением.

2. Духовно ориентированные реабилитационные программы. Наиболее яркими представителями этого типа программ являются классические реабилитационные сообщества, основанные по миннесотской модели или использующие элементы идеологии Анонимных Наркоманов / Анонимных Алкоголи-

ков (АА / АН). Сама по себе духовная составляющая не является в таких программах самоцелью, а используется для достижения определенного эффекта: будь то реабилитация или «эксплуатация» клиентов. Отличительной особенностью этого типа реабилитационных программ является некая дистанцированность от религиозных институтов, а вопросы индивидуальной веры относятся к сфере личного.

Как правило, такие программы предусматривают возможность применения определенного круга «профессиональных» методик, и организации, реализующие подобные программы, располагают подготовленными специалистами, способными грамотно эти методики использовать. Зачастую такими специалистами выступают люди, которые тоже были «в проблеме» – бывшие потребители наркотиков, их родственники и близкие люди; те, кто по себе знают, чего стоит процесс трезвения.

Наличие духовного элемента в таких программах обеспечивает возможность абсолютной легитимации (в социально-конструктивистском понимании) содержательных аспектов программы, с тем лишь отличием от первого типа, что он выступает в качестве средства, но не цели.

3. Личностно ориентированные программы. Если программы первого типа (используя религиозную составляющую) помещают в фокус внимания душу человека, а вторые мощный компенсаторный ресурс религиозной традиции (2-й и 3-й шаги АА и АН [2]), то программы третьего типа обращают внимание на человека как на самостоятельную личность и включают в программу религиозные элементы исходя из потребности в них каждого отдельного клиента. Степень профессионализации в таких центрах достигает максимума, а элементы религиозной или «духовной» практики служат либо вспомогательным терапевтическим, либо конъюнктурным целям. Так как этот тип программ требует привлечения профессионалов, участие в таких реабилитационных программах, как правило, платное. Профессиональные психологи, терапевты, медицинские специалисты имеют обыкновение требовать заработную плату за свои услуги в отличие от «волонтеров», «равных консультантов» и «служителей».

Приведенная типология оставила в стороне учреждения медицинской реабилитации, обострив тем самым контраст континуума «профессионализация – служение». Очевидно, что говорить о типах программ *in crudo* невозможно. Значительная часть реабилитационных программ выходит за рамки своего типа. Приведем несколько примеров.

Реабилитационная программа для алкоголезависимых «Дом надежды на Горе» [3]. Реабилитационные программы этой организации относятся к последнему типу – они профессионализированы, однако в них активно исполь-

зуется концепт «духовности» и реализуются они, преимущественно, бесплатно.

Программа социальной реабилитации лиц, зависимых от наркотических и психоактивных веществ, «Метанойя» Благотворительного фонда содействия межцерковной христианской диаконии [4]. Это программа первого типа, разработанная общими усилиями некоммерческой организации и представителями Санкт-Петербургской епархии РПЦ МП. Религиозный дискурс абсолютно доминирует в программе, значимое место предусмотрено для психологических и педагогических методик, что говорит о некоторой степени профессионализации программы. Услуги по реабилитации в рамках этой программ оказываются бесплатно, однако, присутствует высокий порог доступа.

К этому же, первому типу, относится программа реабилитации «Добрый самарянин» [5], в рамках которой было «легализовано» трудовое служение реабилитантов: им оформляются трудовые книжки и производятся все необходимые отчисления. Наряду с этим определяющая роль в реабилитационной программе отводится религиозному компоненту.

К чисто религиозным программам (имеется в виду 1-го типа) можно отнести большинство протестантских программ, которые, как правило, показывают высокие показатели ремиссии. Несмотря на попытки самоанализа, в том числе сертификацию на соответствие профильному ГОСТ Р 54990-2012 [6], и включение профессиональных компонентов в деятельность организации, такие центры, как «Новая жизнь» [7], «Бетель» [8], «Свобода» [9], пока что идут по эффективному пути религиозных общин.

Таким образом, соотнесение с континуумом «профессионализация – служение» представляет собой один из ключевых элементов оценки деятельности конкретной организации и программы. Абсолютно не корректно применять формальные требования, базирующиеся на показателях деятельности медицинских или профессионализированных центров, к религиозным общинам, равно как применять сомнительное лекало «секты» к профессиональным реабилитационным центрам. Хотя и то, и другое имеет место в условиях развивающегося рынка социально-реабилитационных услуг.

Литература

1. Система комплексной реабилитации наркозависимых в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.srnzspb.ru/map>. (Дата обращения: 28.06.2016).

2. 12 Шагов. Анонимные наркоманы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.na-msk.ru/uchasniky/12-steps.php>. (Дата обращения: 28.06.2016).

3. Реабилитационные программы «Дом надежды на Горе» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://houseofhope.ru/menu/как-попасть-на-реабилитацию/реабилитационные-программы.html>. (Дата обращения: 28.06.2016).
4. Метанойя: Программа социальной реабилитации лиц, зависимых от наркотических и психоактивных веществ [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://diaconiafond.ru/wp-content/uploads/2014/11/Метанойя-07.07.2015-1.pdf>. (Дата обращения: 28.06.2016).
5. Сайт «Добрый самарянин» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.narcostop.org>. (Дата обращения: 28.06.2016).
6. ГОСТ Р 54990-2012 «Социальное обслуживание населения. Реабилитационные услуги лицам, зависимым от наркотических средств, психотропных веществ и алкоголя. Основные виды социальных услуг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://homekid.ru/content/docs/УМО/norm-prav_dok/gost_r_54990-2012.pdf. (Дата обращения: 28.06.2016).
7. Сайт «Новая жизнь» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://newliferus.ru>. (Дата обращения: 28.06.2016).
8. Сайт «Бетель-Россия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.betelrussia.org>. (Дата обращения: 28.06.2016).
9. Сайт «Свобода» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.svoboda-vbg.ru>. (Дата обращения: 28.06.2016).

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В ОТНОШЕНИИ ОТЦОВ

PERSPECTIVES OF SOCIAL PROGRAMS FOR FATHERS

А.Л. Янак
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*
Д.А. Кормщикова
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*
A.L. Ianak
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod
D.A. Kormshchikov
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Современные тенденции в родительской сфере обусловлены трансформацией материнской и отцовской ролей, в частности появлением и распространением новых социальных практик отцовства и материнства, снижением уровня родительской биполярности вследствие роста отцовских воспитательной активности и доступности. На фоне недостаточного внимания к положению отцов в рамках государственной семейной политики, наблюдается рост их гражданской субъектности, направленной на решение семейных и индивидуальных проблем.

Trends in the parent sphere due to transformation of the maternal and paternal roles, in particular the spread of new social practices of fatherhood and motherhood, decrease levels of parental bipolar through to the increased of his father's educational activity and availability. Against insufficient attention to the situation of

fathers in the framework of state family policy, the rise of the civil subjectivity to address family and individual problems.

Ключевые слова: отец, отцовство, семейная политика, отцовские объединения.

Ключевые слова: father, fatherhood, family policy, father's associations.

В результате активного вовлечения женщин в производственные отношения, мобилизации мужской профессиональной занятости формировался «новый» советский гендер, а государство фактически монополизировало или даже узурпировало реализацию социализирующей, экономической, посреднической, контролирующей и некоторых других семейных и родительских функций, провозгласив себя «основным ответственным за воспитание детей», «универсальным патриархом» [1].

С распадом Советского союза и переходом страны к рыночным отношениям, повышением открытости и восприимчивости к мировым тенденциям, в том числе в сфере семьи и брака, произошло углубление трансформации гендерных ролей, которое обусловило снижение доли присутствия матерей дома и начинающийся обратный процесс «возвращения» отцов «в семью», распространение новых альтернативных практик отцовства, повышается их родительская активность и ответственность, включенность в решение возникающих трудностей, распространяются практики самостоятельного отцовства (отцовского монородительства) [2]. Либерализация семейной политики в отношении отцов, рост внимания государства и общественного интереса к их потребностям и проблемам, осознание ценности отцовства зачастую противоречивы и соседствуют с аргументацией кризиса отцовства, по-прежнему отсутствуют целевые социальные проекты и программы в отношении отцов, не считая отдельных мероприятий (например, уточнение формулировки «материнский капитал» словом «семейный»; расширение льгот для отцов с семейными обязанностями в трудовой сфере; закрепление праздника Дня Отца; поддержка региональных и всероссийских конкурсов «Папа года»).

Данные противоречия находят свое отражение в развитии гражданских отцовских инициатив, чаще действующих по принципу самопомощи. Поначалу распространение отцовских сообществ в виде небольших клубов, советов, Интернет-чатов и даже ассоциаций (справедливости ради отметим, что ассоциация «Отцы и дети» и «Мапулечки Москвы стали одними из первых родительских объединений) можно было назвать стихийным, но локализованным. Однако сегодня оно становится все более перспективным, структурированным и наполненным смыслом. В частности мае 2016 г. состоялся первый съезд Президиума Центрального совета Межрегиональной общественной ор-

ганизации «Союза отцов», призванной объединить региональные специализированные отцовские организации. В Президиум вошел А.А. Заремба, председатель городского Совета отцов г. Нижнего Новгорода, реализующего различные направления деятельности: работа со школами и через школы; патриотическое воспитание; поддержка неблагополучных семей; организация спортивно-оздоровительных мероприятий; создание и координирование кружков для детей и их родителей; просветительская и информационная деятельность по увеличению родительского авторитета отцов, ценности института отцовства, ответственности родителей перед своими детьми.

Распространение отцовских объединений указывает на их востребованность и значимость, а широкое поле деятельности многих из них – как минимум, на желание самореализации в качестве родителя и гражданина, приоритет в пользу самостоятельного поиска средств решения проблем за счет личного и/или семейного потенциала.

Литература

1. Замараева З.П., Новоселов В.М. Особенности трансформации института отцовства в советский период // Теория и практика общественного развития. Пермский государственный национальный исследовательский университет. 2012. С. 53-56.
2. Егорова Н.Ю., Янак А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. № 2 (34). С. 42-46.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ДОКЛАДЫ

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОЦЕССЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ
(ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ГРУППА УЧИТЕЛЕЙ
ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ)**
**MODERN PROCESSES OF SOCIAL ADAPTATION
OF REPRESENTATIVES OF HELPING PROFESSIONS
(PROFESSIONAL GROUP OF PHYSICAL CULTURE TEACHERS)**

Т.П. Липай

*Минский городской институт развития образования,
Республика Беларусь*

О.А. Волкова

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

А.В. Андрианов

Военно-воздушная академия ВВС, г. Москва

T.P. Lipai

Minsk City Institute for Education Development, Republic of Belarus

O.A. Volkova

Belgorod State National Research University

A.V. Andrianov

Air Force Academy Air Force, Moscow

Современные процессы социальной адаптации представителей различных профессиональных групп обусловлены новыми социальными, культурными и экономическими изменениями в социуме. В данной статье рассматриваются отношения специфики идентификации представителей профессиональной группы, а также используемых ими стратегии социальной адаптации.

Modern processes of social adaptation and the identification of representatives of various professional groups are due to the new political, economic, demographic, social and cultural conditions prevailing as a result of reforms in the society. This article deals with the relationship specificity for identification of helping teachers of professions as well as their use of social adaptation strategies.

Ключевые слова: социальная адаптация, профессиональная идентичность, институционализация, профессиональная группа.

Keywords: social adaptation, professional identity, institutionalization, professional group.

Social adaptation and professional identification of able-bodied citizens are influenced by unstable social situation, low life expectancy, high morbidity, poor quality of life. In modern conditions significantly reduced the government's ability to build and finance industry "helping professions" physical culture, tracking feedback organized by physical activities and their results.

Modern society is characterized by professional industry dynamics of the employed population. Developing labor markets and employment both in the global and local scales to impose on members of the professional group of teachers of physical culture specific requirements due to the influence of factors. This led to the deformation of professional identity, violations of social adaptation, but at the same time opened up the possibility for teachers to search for new identity and reason for the formation of non-stereotyped adaptation strategies in both the public and commercial sectors.

However, modern science is insufficiently studied specificity of the identification of representatives of the professional group of teachers of physical culture, as well as their use of social adaptation strategies. Some aspects of the problem are being developed in the context of different scientific disciplines: philosophy, history, political science, biology, demography, medicine, psychology, pedagogy, cultural studies. Questions of social adaptation and professional identity of teachers of physical culture should be viewed as an interdisciplinary problem. The main focus is the development of a comprehensive study of the sociological concept. Modern sociology with the existing specific tools she is able to integrate the knowledge accumulated in various branches of science.

These processes, on the one hand, historically and statistically due to the impact of political, economic, demographic, social and cultural conditions, and on the other – are capable of in the future have an impact on indicators of average life expectancy of the population [1].

There are researches in which the institutional approach to the sociological analysis of physical culture. Referring to the interpretation of the concepts "social institution" and "institutionalized" by sociologists. David Émile Durkheim writes that social institutions – is "settled everything, typical attitudes in society" [2, p. 123]. According to T. Parsons, social institutions – is "rooted in regulatory expectation culture", defining the appropriate means of social behavior [3, p. 234-245]. "Social Institute – a hierarchical heterogeneous, distributed social subsystem, created by people to meet the general requirements, which operates on the basis of the princi-

ples and laws with the help of sociological algorithms" – a definition gives sociologist A.A. Davydov [4, p. 72-73].

In our opinion, the institute of physical culture – a social subsystem, is acting in the direction of meeting public demand for the physical development of the population and functioning on the basis of the above in formalized social norms, rules, statuses, roles.

According to A.M. Ashkhotov, physical education is currently undergoing quantitative, structural and qualitative transformation [5, p. 55-59]. Institutionalization – "formation of stable social interaction patterns based on formalized rules, laws, customs and rituals"[6]. In our view, the institutionalization of physical culture – is the process of formation of social subsystems, artificially created by humans to meet the public demand for the physical development of the population. In our view, the institutionalization of physical culture – is the process of formation of social subsystems, artificially created by humans to meet the public demand for the physical development of the population.

So, institutionalization of physical culture, we consider as a social process. Sources of the social process are divided into two categories [7]: internal, which operate within the social system of physical culture; external, based on the interaction of the social system with other systems (education, health, sports, and others.). The first group of factors includes the cohesion of a professional group of physical culture teachers, the second – a social policy in the relevant area, the level of wages.

The process of institutionalization [7] physical culture assumes that a person engaged in physical education, a tendency to transform, change, self-organization and self-realization in society. This is due to the activity in various spheres of public life, as well as in the sphere of production, for use during exercise or to demonstrate a person's lifestyle, associated with physical training. In the context of the institutionalization by Piotr Sztompka gradually transformed this activity. And a new cycle of social change begins as a result of the structural social organization, development [7].

Institute of physical culture of the population is interconnected with a number of other social institutions: education; army; a family; health care; sport; policy; the media and others. These institutions are involved in the development of physical culture, have their own structure, characterized by coupling of the corresponding elements. Social order for the development of physical culture necessitates the integration of major social institutions involved in the reproduction of physical culture.

Modern scientists have developed conceptual bases of use of social technologies in the formation of physical training [8]. Social technologies in the sphere of phys-

ical culture developed: at the micro level, enclosed in dealing with the individual and its immediate environment (class in the school, family, student group, working group); at the macro level, suggesting deliberate physical development of all members of society [9, p. 36-41]. The level of physical culture of the population is a factor influencing the scientific and technical progress, if required by the nature of the production, domestic activities of people [10]. Scientific and technological progress also brings about changes in the implementation of sports activity, providing appropriate staffing and logistics.

Comprehensive review of physical training in the various theories of social development shows that physical education contributes to the intellectual, social, psychological, motor development – at the level of the individual; the development of social institutions and social relations – at the level of society.

References

1. Паначев В.Д. Спорт в системе физической культуры общества: институциональный подход: дисс. ... докт. социол. наук. Екатеринбург, 2008. 341 с.
2. Durkheim E. 1991, On the division of social labor. The method of sociology, Moscow, 572 p.
3. Parsons T. Structure and process in modern societies, 1960.
4. Давыдов А.А. Системная социология. М.: ЛКИ, 2008.
5. Ашхотов А.М. Методические подходы к оценке уровня развития рынка услуг физической культуры и спорта // Региональная экономика: теория и практика. 2010. №47.
6. Big monolingual sociological dictionary (Collins) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://mirslivarej.com/content_soc/institucionalizacija-1002.html. (Дата обращения: 26.06.2016).
7. Sztompka P. The Sociology of Social Change. – Oxford and Cambridge 1993.
8. Аганов С.С. Технология развития физической культуры сотрудников ГПС МЧС России. М.: ИП МЧС России, 2006. 105 с.
9. Воронцова Е.А. Социология социализации: проблемы и перспективы развития науки в современной России // Журнал Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2011. №12 (70).
10. Агеевец В.У. Научно-технический прогресс и физическая культура. Л.: Знание, 1989. 31 с.
11. Андрианов А.В. Социальная адаптация и профессиональная идентификация преподавателей физической культуры: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04., Белгородский гос. нац. исслед. ун-т. Белгород, 2014. 163 с.
12. Lipai T. Theoretical and practical principles of value approach of modern education / T. Lipai // Rocznik Polsko-Ukraiński, t. XVI. Prace Naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie 2014. Pp. 17-25.

**КОРПОРАТИВНАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
СОВРЕМЕННОГО ПОЛЬСКОГО ВУЗА**
**CORPORATE AND EDUCATIONAL CULTURE IN CONTEMPORARY
POLISH HIGHER EDUCATION**

Н.А. Лымарь

Высшая школа безопасности, Гданьск, Польша

N. Lymar

WSS Gdańsk, Poland

Рассматривается феномен корпоративной культуры в системе высшего образования Польши в контексте перемен последнего десятилетия.

The article deals with the phenomenon of corporate culture in the higher education system in Poland in the context of the changes of the last decade.

Ключевые слова: высшее образование, корпоративная этика, кодекс работника образования, правовая норма.

Keywords: higher education, corporate ethics, a code of the employee education, the legal norm.

Корпоративная культура как явление

В последние годы наблюдается научный и практический интерес к феномену корпоративной культуры. Обращение к этому явлению отражает стремление руководителей образования использовать в своей деятельности потенциал корпоративной культуры с целью создания эффективного учебного заведения, которое бы так же, как и в экономике, отражало уровень «производства, повышения производительности труда и гармонизации социально-трудовых отношений» [1, с. 3]. В действительности направленным воздействием, формированием культуры вуза занимаются еще не во всех учебных заведениях, либо полагаясь на ее стихийное формирование, либо не считая ее важной для учебного заведения. Как пишет в своей работе А. Франц: «Культура организации научной и образовательной работы университетов воспринимается всеми его участниками чаще всего как чувственно-эмоциональная данность, то есть не всегда ими осознается. Это существенно затрудняет ее изучение, поэтому культура профессиональной деятельности университетов оценивается достаточно приблизительно: высокая – низкая, хорошая – плохая, достойная – недостойная. Но до тех пор пока не выявлена специфика корпоративной культуры университетов, невозможно сформулировать объективные критерии ее оценки, анализировать ее состояние и проектировать направления ее совершенствования» [2]. Нужно отметить, что организационная и образовательная культура становятся отправной точкой последующих трансформаций культурного пространства нового качества постиндустриаль-

ной цивилизации. Коллективное сознание накладывает отпечаток на процессы мышления сотрудников образования и по сути дела является сознанием корпоративным, поскольку формируется под влиянием корпоративной культуры образовательного учреждения.

Организационная культура определяет желательные и ограничивает нежелательные модели трудовых действий в организации. Они определяются формальными нормами, уставом, должностными обязанностями, правилами поведения. Корпоративная культура определяет «духовную жизнь» организации и понимается как совокупность событий, процессов, знаний, навыков, верований, определяющих нормы, ценности, убеждения, ожидания, образцы поведения и экзистенциальные переживания, разделяемые членами организации посредством ритуалов и мифов [3]. В научной и учебной литературе понятие «корпоративная культура» употребляется наряду с понятиями «организационная культура», «управленческая культура», «профессиональная культура». Порой понятие «корпоративной культуры» рассматривается как корпоративная этика, т.е. этические принципы, которых должны придерживаться руководители и сотрудники организации (в данном случае – образовательной) во взаимодействии между собой, а также с клиентами, партнерами. Так термин «корпоративная культура» из деловой сферы вошел и начал употребляться и в образовании по отношению к высшему учебному заведению как глобальной корпорации с разветвленной сетью структурных подразделений. В этом случае уже можно говорить о формировании такого особого явления как «картина мира представителя корпоративной культуры высшего учебного заведения» со своей структурой и спецификой содержательного наполнения. Таким образом, корпоративная культура, выступая в роли контекста, формирует некую когнитивную базу – определенным образом структурированную совокупность знаний и представлений, которыми обладают все представители образовательного сообщества.

Корпоративная культура в системе образования

Образование является одним из институтов демократического государства. Корпоративная культура данного сообщества вырабатывает не только нормы и директивы, но в первую очередь охраняет и поддерживает традиционные ценности этого государства: создает условия для использования законных и ответственных моральных суждений в ситуациях, с которыми сталкиваются в своей профессиональной практике члены педагогического и научного сообществ. Корпоративная культура образовательного учреждения в Польше в целом нацелена на индивидуализацию. Индивидуальные цели выше коллективных. Несмотря на стремление к индивидуализации, наблюдается большой разрыв между руководителями вузов и подчиненными, в свя-

зи с чем в структуре образовательного учреждения четко прослеживается жесткая иерархия. Организационные традиции очень важны. При этом есть ощущение, что действия ограничены социальными нормами и потворство себе неприемлемо, присутствует эмоциональная потребность в правилах, представление о том, что время – деньги, безопасность – важный элемент трудовой культуры. Самый важный практический вопрос профессиональной этики связан с тем, как формировать компетентность «ответственного суждения» у преподавателей (учителей). Учитель (преподаватель) берет на себя ответственность в двойном размере. С одной стороны, учитель отвечает за студента в процессе обучения и воспитания, в процессе реализации психологических потребностей молодых людей с учетом их всестороннего развития. С другой стороны, он несет ответственность перед директором (управленцем), родителями. Он также отвечает за себя перед своей совестью. В этом случае речь идет об «этической компетентности работников образования».

Как известно, в этом контексте Всемирная федерация профсоюзов учителей (EI – Education International) приняла в 2001 г. Декларацию об этике профессии учителя, которая представляет собой документ, отражающий «индивидуальную и коллективную профессиональную ответственность учителей и других работников в области профессиональной подготовки и образования по отношению к учащимся, обществу и представителям различных групп интересов» [4]. Известна также позиция ЮНЕСКО, которая отстаивала убеждение, что работники сферы образования играют в обществ чрезвычайную роль, следовательно, как никакая другая среда, должны заботиться о создании соответствующих этических стандартов в своей профессии. Документ стал поводом для создания кодексов этики национальных профсоюзов учителей, в настоящий момент подобные этические кодексы существуют в 50 странах. В разных странах есть разные модели кодексов: есть документы-рекомендации (советы), есть документы, описывающие принципы и процедур поведения, которых не одобряет общество, государство.

Корпоративная этика в системе польского образования

Получение высшего образования в Польше осуществляется в колледжах, высших профессиональных школах, академиях, школах высшего образования и в университетах. В мае 2004 г. Польша присоединилась к Европейскому Союзу, в связи с этим образование в Польше получило множество дополнительных преимуществ. Дипломы польских вузов стали автоматически признаваться во всех странах Европы, в США, Канаде и многих других государствах. При этом дополнительное подтверждение не требуется, а сама система образования в стране функционирует по общеевропейской схеме. Образование в Польше соответствует Международным нормам классификации обра-

зования (ISCED). Польша в 1999 г. под-писала Болонскую Декларацию, тем самым внедрив Болонский процесс в систему высшего образования страны. Согласно статистике за 2014 г., в Польше функционируют 95 государственных и 320 частных высших учебных заведений.

Корпоративная и образовательная культура современного польского вуза тесно связана с нормативными актами и регулируется соответствующим законодательством. Следует заметить, что Польша – страна с т.н. нормативным мышлением. Познание истины является путем к личной стабильности, а правда зависит от ситуации, контекста и времени [3]. Основными нормативными документами, отражающими и регулирующими основные положения современной образовательной политики в Польше, можно назвать Ustawy z dnia 27 lipca 2005 r. – Prawo o szkolnictwie wyższym [5] (Закон о высшем образовании от 27 июля 2005 г., в различных редакциях, последняя из них вносит изменения 23 июня 2016 г.), Kodeks etyki pracownika naukowego z dnia 13 grudnia 2012 r. Uchwała nr10/2012 Zgromadzenie Ogólne Polskiej Akademii Nauk (Кодекс этики научного работника от 13.12.2012, утвержден Общим Собранием Польской Академии Наук), а также Deklaracja w sprawie etyki zawodu nauczyciela (Декларацию профессиональной деятельности работников образования), принятой в 2001 г. Всемирной федерацией профсоюзов учителей (EI – Education International).

На территории Польши Всемирная федерация профсоюзов учителей представлена двумя крупнейшими сообществами: Союз польских работников образования (Związek Nauczycielstwa Polskiego – ZNP) и Национальный отдел Образования и воспитания Союза «Солидарность» (Sekcja Krajowa Oświaty i Wychowania NSZZ Solidarność (SKOiW)). На съезде работников образования в ноябре 2006 г. федеральные власти взяли на себя обязательство разработать концепцию того, чтобы скорректировать указанную декларацию к потребностям и условиям Польши.

Специфика профессиональной этики работников образования в Польше отражена в «Декларации профессиональной этики работников образования» («Deklaracja w sprawie etyki zawodu nauczyciela»), которая была утверждена Ассоциацией польских учителей и работников высшего образования (Związek Nauczycielstwa Polskiego). Разработан этот документ, как было сказано выше, на основе документов Международного образовательного сообщества, где отражены универсальные положения этики учителя и преподавателя. Польская «Декларация профессиональной этики работников образования» представляет собой индивидуальное и профессиональное обязательство учителей (и других работников в области обучения и воспитания) по отношению к обществу. Гуманизм данного документа выражен в позиции: учите-

лем может быть человек, который уважает основные моральные принципы. Согласно вышеуказанной декларации, профессиональная этика работников сферы образования отражает следующие положения:

- профессионализм каждого работника, который предусматривает необходимость предоставить студентам адекватное качество образовательного предложения, связанного с современными потребностями общества и соответствующие его текущему состоянию, а также будет способствовать тому, чтобы система образования была основана на принципах демократии, прав человека и что эти принципы были предметом образования и образование;

- обязанность по отношению к обучающимся (студентам) – соблюдать принципы, изложенные в Конвенции о правах ребенка, последовательно их реализовывать в профессиональном плане при отношении с обучающимися (студентами), формирование у студентов системы ценностей в соответствии с правами человека, использовать свой авторитет, руководствуясь справедливостью и сопереживанием;

- сотрудничество в образовательной сфере (коллеги) – поощрять взаимное сотрудничество, защищать друзей/коллег перед отчуждением и издевательствами, оказать им поддержку в осуществлении и эксплуатации профессиональных процедур;

- управление – знать свои права и обязанности, уважать результаты коллективных соглашений и договоренностей, отвечающих разумным рекомендациям управления;

- уважать право родителей на информацию о благосостоянии и развитии своих детей, поощрять и поддерживать право родителей принимать активное участие в процессе обучения и воспитания своих детей, помогать формулировать профессиональные суждения о ребенке, которые лучше всего служат его интересам.

Нормативный акт Prawo o szkolnictwie wyższym (в различных редакциях, последняя из них вносит изменения 23 июня 2016 г.) [6] в каждом высшем учебном заведении на территории Польши предусматривает создание дисциплинарной комиссии, которая рассматривает вопросы нарушения этики со стороны преподавательского состава. Согласно ст. 139-150 данного закона, преподаватель подлежит наказанию, если его поведение не соответствует требованиям, предъявляемым к ученым, педагогам или работникам педагогической профессии.

Этические нормы и корпоративная культура работников образования польского вуза отражены в Кодексе этики научного работника (Kodeks etyki pracownika naukowego z dnia 13 grudnia 2012 r.), который был утвержден 13 декабря 2012 г. Начало разработки Кодекса относится к 2010 г., когда была

во время реформы создана Комиссия по делам этики в науке. Кодекс адресован всем исследователям. "Основные универсальные принципы и этические ценности, которые лежат в основе целостности и доверия к науке, относятся к представителям всех без исключения дисциплин», – говорится в документе. Кодекс этики научного работника охватывает различные параметры исследовательской деятельности, описывает правила саморегуляции научного сообщества, где основной обязанностью научного сообщества является соблюдение принятых правил и добросовестность в исследованиях. Кодекс охватывает все научные работы вне зависимости от области науки. «Наука имеет сильную взаимообязывающую (взаимопроникающую) связь с внешним миром. Не только общественные и политические силы влияют на необходимость научных исследований, наука сама по себе имеет огромное влияние на развитие цивилизации... Несмотря на различные обстоятельства, обязанностью ученых становится создание условий, чтобы научные открытия служили на благо общества и человечества». Документ выражает свое отношение к небрежностям в проведении исследований, к фабрикации и фальсификации результатов испытаний, к правонарушениям, связанным с присвоением чужих идей, результатов исследований или слов. Авторы Кодекса определяют плагиат как неприемлемую форму неправомерных действий в отношении других исследователей. Ученый должен заботиться о том, чтобы его исследования служили обществу. Ученые должны быть также открыты в дискуссиях на тему собственных исследований. Каждая дискуссия должна отражать следующие черты: ответственность по отношению к среде или культурным ценностям общества; добросовестность, которая проявляется в том числе в соответствующей подаче источников; решительность при отстаивании научных интересов.

Вышеупомянутые принципы становятся предостережением ученых и учреждений, которые ведут исследования, а также финансирующие исследования и занимающиеся организацией научной деятельности. К универсальным принципам, описанным в Кодексе, относятся: добросовестность в демонстрации целей и намерения осуществляемых исследований; критическое отношение к результатам собственных исследований; выводы, интерпретации предложения должны опираться исключительно на факты; беспристрастность в подходе к исследуемой проблеме, независимость от внешних влияний на ведение исследований.

Различные формы рейтинга высших учебных заведений на территории Польши позволяют сделать вывод: корпоративная идентичность является современным инструментом повышения конкурентоспособности вуза, способствующим созданию на территории его представительств благоприятной ин-

формационной и социально-экономической среды, обеспечивающей выполнение стратегии министерства науки и высшего образования по эффективному набору и качественному обучению.

Литература

1. Селютин А.А. Корпоративная культура вуза как совокупность текстов: лингвокультурологический анализ [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.dslib.net/jazykoznanie/korporativnaja-kultura-vuza-kak-sovokupnost-tekstov-lingvo kulturologicheskij.html](http://www.dslib.net/jazykoznanie/korporativnaja-kultura-vuza-kak-sovokupnost-tekstov-lingvo-kulturologicheskij.html). (Дата обращения: 23.05.16).
2. Франц А.С. Корпоративная культура университета (этико-аксиологический аспект) // Университетское управление. 2006. № 2(42). С. 26-30. Режим доступа: <http://imek.org/?q=node/1968>. (Дата обращения: 01.04.2016).
3. Калашников А.И. Этнические особенности корпоративной культуры в контексте организационной лояльности сотрудников. Педагогическое образование в России, 2014. №5, С. 202-208.
4. Deklaracja w sprawie etyki zawodu nauczyciela (2001), na stronie: http://arch.znp.edu.pl/files/zjazd_39/uchwaly/deklaracja_etyka.doc, wej.cie: 12.02.2013/
5. <http://www.bip.nauka.gov.pl/ustawy-akty-sw/ustawa-z-dnia-23-czerwca-2016-r-o-zmianie-ustawy-prawo-o-szkolnictwie-wyzszym-oraz-niektorych-innych-ustaw.html>.
6. <http://pg.edu.pl/dzial-ksztalcenia/ustawa-prawo-o-szkolnictwie-wyzszym>.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СРЕД РОССИЙСКИХ ВУЗОВ В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ CHANGING OF PROFESSIONAL ENVIRONMENT OF RUSSIAN UNIVERSITIES WITHIN THE CONTEXT OF MODERNIZATION

И.М. Фадеева

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва*

I.M. Fadeeva

National Research Ogarev Mordovia State University

Рассматривается институциональный контекст модернизации высшей школы и изменение профессиональных сред. Социальное неравенство как средство существования иерархических структур вузов и социальная депривация части преподавателей, наблюдаемая в провинциальных вузах, выявляет неэффективность системы управления, снижение устойчивости социального пространства вуза и исчерпание потенциала для роста ядра среднего класса из числа преподавателей.

The article considers the modernization of Russian higher education and changing of professional environment in the institutional context. Social inequality as a way of existence of universities hierarchical structures and teacher's social deprivation observed in provincial universities reveals the ineffectiveness of the management system, the reduction of stability of the institution's social space, the deterioration of teacher's psychological well-being, the running out of the potential for the middle class development.

Ключевые слова: реформы, дисфункция высшей школы, социально-экономическая поляризация кадровой структуры вузов, профессиональная среда, преподаватель, вузовская бюрократия, интеграция, дезинтеграция.

Keywords: reform, dysfunction of higher school, socio-economic polarization of universities staff structure, professional environment, lecturer, university bureaucracy, integration, disintegration.

Высшая школа призвана быть основополагающим институтом в развитии современного общества. Вузы, особенно университеты, становясь массовыми поставщиками выпускников с высшим образованием, оказывают существенное влияние на социальную и профессиональную структуру общества, инновационные процессы, на развитие науки и экономики в целом. В современной ситуации возрастает интерес не только к результатам реформирования вузовской системы, ее социально-экономической деятельности, ресурсному обеспечению, но и к функционированию, социальному статусу субъектов образования, эффектам модернизации. При этом источником эффективности является, прежде всего, профессиональное сообщество – преподаватели, исследователи, организаторы, их человеческий и мотивационный потенциалы, обеспечивающие воспроизводство определенных типов культуры, систем ценностей, норм и способов деятельности, определяющих процессы передачи знаний и трансфер инноваций. Образование преобразует профессиональный опыт в конструктивные формы, благодаря которым происходит его систематизация, структурирование и трансляция.

15 лет реформ российской высшей школы неоднозначно отразились на самочувствии и функционировании профессионального сообщества преподавателей. Научная рефлексия высвечивает каждый раз новые грани проблемы институциональных изменений в вузах. Они касаются как фундаментальных основ самой профессии, так и тенденций вокруг нее. Так, академическая профессия стала носить все более гибридный характер, включать не только преподавание и создание научно-методической литературы, но и исследовательскую составляющую, экспертную и организационно-техническую деятельность (содержать часть работы техников); в условиях преобразований вузов, сокращения ставок, слияния кафедр, факультетов и вузов профессия преподавателя теряет прежнюю привлекательность, становится «чуждой» для молодежи. При всей сложности академического труда условия найма преподавателей не предусматривают такую структуру карьеры, которая способствовала бы привлечению лучших, стимулировала бы их к максимально эффективному труду и удерживала в профессии. Исходя из функций, которые выполняют преподаватели, для них крайне важны не только процесс

обучения, но и формирование и трансляция системы ценностей цивилизованного общества, где образование в большей степени является фактором, влияющим на представителей интеллектуальных профессий, объективно диктующим темпы развития страны. Возникает парадокс: старшее поколение уже не может соответствовать запросу на перемены, а молодежь не готова включиться в структуры высшей школы, которые не всегда соответствуют духу времени.

В развитых странах мира преподаватели вузов как представители четвертичного сектора экономики, куда входят такие отрасли, как наука, научно-исследовательский и опытно-конструкторский сектор, образование, культура, финансовая деятельность, консалтинг и др., имеют достаточно высокий социальный статус и являются ядром среднего класса (оно на 90% состоит из профессионалов). По мнению социологов, профессионалы, занятые в бюджетных отраслях четвертичного сектора экономики, являются «лицом» ядра российского среднего класса [1, с. 36].

В менеджменте принято создавать у среднего класса заинтересованность в работе не только и не столько материальными стимулами, сколько чувством сопричастности и ощущением своей «миссии» [1, с. 47]. Преподаватели высшей школы по роду своей деятельности также выполняют свою миссию в обществе – участвуют в воспроизводстве знаний и общественного интеллекта. К сожалению, в период реформ они оказались в группе отчужденных от труда, происходящих вузовских реформ, с ощущением невозможности влиять на происходящее. Следствием этого отчуждения неизбежно является рост значимости материальных мотиваций в ущерб содержательным мотивациям труда. Эти изменения имеют свои социально-экономические последствия, поскольку качество работы профессионалов сильно влияет на конкурентоспособность страны и жизнь каждого человека, создавая то информационное поле, в котором живет общество [1, с. 48].

В условиях рыночной экономики, когда высшая школа все больше приобретает черты субъекта рынка, преподаватель вуза оказывается не включенным в данные отношения. Например, заработки «рядовых» представителей академического сектора, не являющихся высокопоставленными административными работниками, как правило, заметно ниже их рыночной величины. Несмотря на то, что кадровая структура вузов достаточно устойчива и массового оттока из сферы науки и образования в целом не наблюдается благодаря приверженности преподавателей своей профессии, высокой репутации академического труда в обществе, чувству внутреннего удовлетворения от творчества, на практике она оказалась применима исключительно в отношении очень узкого числа преподавателей престижных вузов (в основном столично-

го региона), которые находятся под влиянием академической традиции и имеют выбор на рынке академического труда.

Для большинства вузов провинции действуют совершенно другие механизмы, где уровень оплаты труда определяет статусность должности, профессии и вуза. Для региональных рынков труда и для большинства провинциальных вузов характерна неадекватная трудовым затратам заработная плата, обнаруживается ограниченность предложения на рынке высокопрофессионального труда и высокая зависимость профессорско-преподавательского состава от вузовской бюрократии. Все эти факторы в совокупности могут служить основанием для нестабильности положения, неудовлетворенности трудом, что ведет к дисфункции института, оттоку конкурентоспособных преподавателей провинциальных вузов в вузы столицы или мегаполисов, в другие сектора экономики.

В настоящее время существует социально-экономическая поляризация, при которой менеджмент вуза представляет закрытую группу, а «рядовое» профессорско-преподавательское ядро – низкоресурсных. По нашим оценкам, самая высококвалифицированная группа преподавателей (доктора наук) по уровню дохода едва дотягивает до срединного слоя среднего класса, а значительная часть по среднедушевому доходу в семье стабильно находится в категории низкоресурсных (малообеспеченных). Маргинализованный слой – преподаватели без ученой степени, к ним примыкают кандидаты наук среднего возраста, семейные (когда оба супруга работают в бюджетной сфере), разведенные, матери-одиночки, имеющие несовершеннолетних детей. Мы не раз отмечали, что складывающаяся ситуация глубокой социальной депривации в высшей школе, утрата прежних стабильных социальных позиций преподавателя, его невысокий (а порой и низкий) уровень жизни оцениваются многими экспертами как фатальное разрушение институциональных основ вузовской системы, приводящее к статусной рассогласованности, снижению творческой активности, разрушению связей и мотиваций для взаимодействия внутри социально-профессиональной общности [2, с. 31]. Это порождает так называемый эффект «культурного отставания», о котором писал еще в середине XX в. У. Огборн. Игнорирование роли системы взаимодействия и абсолютизация технической оснащенности приводит к ухудшению профессиональных сред и, как следствие, качества образования.

Структура взаимодействия в вузах, как правило, ограничивается существующей системой дифференциации, которая постоянно растет. К традиционным дифференцирующим признакам преподавательских сообществ (с учетом специализации знаний, учебного материала по отраслям наук; по формам деятельности – преподавание и исследование; по разделению управленческих

функций от управления группой до управления вузом) стали добавляться факторы, порожденные процессами либерализации и экономизации высшей школы последних десятилетий. Так, усиление экономических механизмов стимулирования деятельности преподавателей (внедрение эффективного контракта) при недостаточной базовой ставке усиливает социальное расслоение. Дифференцированное стимулирование в зависимости от престижности профиля подготовки или факультета также создает социальную поляризацию преподавателей внутри вуза.

По оценке специалистов, процессы интеграции повсеместно сопровождаются процессами дезинтеграции, конфликтности и даже деградации вузовских систем [3]. Причинами данной оценки является ускоренный темп реформ в высшей школе, сопряженный с масштабным снижением социального статуса, эффектом «падающих школ», постепенным отказом вузов от выполнения ими своих базовых функций (социализации, социальной селекции, формирования профессиональной структуры общества и др.). По оценке Т.Л. Клячко, более четверти российских университетов в условиях трансформации высшего образования следовали стратегии стагнации [4]. Данные процессы усиливались административным давлением, клановым принципом расстановки административных кадров, неэффективным расходованием бюджетного финансирования, активизацией теневых форм экономической деятельности.

Внутренняя конкуренция в сложившихся условиях формирует недоверие среди преподавателей к администрации и обратно. Кафедра, находящаяся в постоянной динамике (практически ни один российский вуз в процессе реорганизации не избежал слияния кафедр), перестает выступать стабильной единицей факультета, а факультет – стабильной структурой вуза. Внешние факторы влияния на профессиональные сообщества в условиях экономического кризиса стали усиливаться внутренними – активизацией действий бюрократии против преподавательских коллективов. Так, в вузах институциональная бюрократия стала расширять собственную свободу действий по подобию государственной бюрократии, которая заботится прежде всего о своих благах и привилегиях. Как указывает Б. Кларк, корпоративная идентичность ослабевает на одном уровне, когда происходит укрепление авторитета на других уровнях [5, с. 169]. Нередко институциональная бюрократия, играя значительную роль в контроле над учебным заведением, способствовала раскалыванию отдельных коллективов, делая их центрами влияния и личных привилегий.

Реформирование как важнейшая форма изменений в институте высшей школы приобретает смысл, когда она отвечает долгосрочным задачам, целям

развития общества и интересам основных субъектов образования – преподавателей и студентов. В противном случае, реформы становятся антагонистами развития, дорогостоящим мероприятием, исключающим долгосрочный социальный эффект. Отсутствие стабильности становится ограничением, тормозящим развитие вузов как социальных институтов, расшатывающим «зрелую» организацию. Постоянное создание новых структур формирует их зависимость от бюрократического аппарата, снижает доверие к традиционным структурам, увеличивает напряжение и дистанцию между ними.

Современный этап развития отечественной высшей школы ставит ряд задач, среди которых санация профессиональных сред, формирование экосистемы вузовских организаций. Вопрос санации связан с необходимостью улучшения социального статуса, удовлетворенности преподавателей своей работой и их самочувствия, вовлечение в принятие решений. От состояния профессиональных сред зависит вопрос конкурентоспособности отечественных вузов в международном образовательном пространстве.

Литература

1. Средний класс в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад / под ред. М.К. Горшкова. М.: Ин-т социологии РАН, 2014. 220 с.
2. Дадаева Т.М., Фадеева И.М. Реформа высшей школы: парадоксы и тупики институциональных изменений // Университетское управление: практика и анализ. 2014. №4-5. С. 28-35.
3. Лисюткин М.А., Фрумин И.Д. Как деградируют университеты? К постановке проблемы // Университетское управление: практика и анализ. 2014. №4-5. С. 12-20.
4. Стратегии адаптации высших учебных заведений : экономический и социологический аспекты / Под. ред. Т.Л. Клячко. М.: ГУ ВШЭ, 2002. 324 с.
5. Кларк Р.Б. Система высшего образования: академическая организация в кросс-национальной перспективе / Пер. с англ. А. Смирнова; М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2011. 360 с.

СООБЩЕНИЯ

ФОРМАЛИЗАЦИЯ ВНЕШНЕГО ОЦЕНИВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ И АКАДЕМИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ¹ **THE FORMALIZATION OF EXTERNAL ASSESSMENT OF ACTIVITIES OF RUSSIAN UNIVERSITIES' LECTURERS AND ACADEMIC FREEDOMS**

Н.Ф. Апарина

Кемеровский государственный университет

N.F. Aparina

Kemerovo State University

Рассмотрены отдельные последствия введения системы внешнего оценивания деятельности преподавателей российских вузов, к которым относятся замена действующих в вузовской среде академических стандартов, выполняющих функцию контроля академической деятельности формальными показателями оценивания, а также ухудшение ситуации с соблюдением академических прав и свобод преподавателей. Материал подготовлен по итогам проведенного социологического опроса преподавателей российских вузов.

The article reviews several consequences of introduction of system of external assessment of the Russian universities' lecturers' activities, which include replacement of the academic standards effective in the university environment, performing function of control of the academic activity by formal indicators of assessment and also worsening of the situation with observance of the academic rights and freedoms of lecturers. Article is prepared following the results of the conducted sociological interrogation of lecturers of the Russian universities.

Ключевые слова: управление вузами, формализация трудовых отношений, внешний контроль, академические стандарты, академические свободы.

Keywords: university management, formalization of labor relations, external control, academic standards, academic freedoms.

Концептуальной основой модернизации системы высшего профессионального образования являются подходы нового государственного менеджмента, в соответствии с которыми государственные образовательные учреждения рассматриваются как производители государственных услуг, а управление вузом осуществляется по тем же принципам, что и управление фирмой – с

¹ Выполнено при поддержке РФФИ, проект № 14-06-00251.

характерными для него договорами найма, ориентацией на показатели результативности и прочими рыночными отношениями.

Современная реформа высшей школы имеет целью повышение эффективности образования и науки с точки зрения ориентации на работодателя. Формальным ориентиром реформирования российских вузов является Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. и «дорожная карта» – план мероприятий «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки», принятый Распоряжением Правительства РФ от 30 апреля 2014 года N 722-р, ожидаемым результатом реализации которых является формирование сбалансированной сети образовательных учреждений высшего образования, ориентированной на удовлетворение потребности работодателей в высококвалифицированных кадрах. Кроме этого, целями реформы является рост конкурентоспособности российских вузов, а также повышение уровня мотивации научных и научно-педагогических кадров вузов в рамках перехода к эффективному контракту, ориентированному на достижение показателей результативности [1].

В соответствии с целями реформирования системы ВПО образовательные учреждения как производители государственных услуг активно внедряют в научно-исследовательский и образовательный процессы формальные критерии оценивания учебной и научной деятельности преподавателей, которые во многом ориентированы на внешнее оценивание самих вузов [2].

Новая дорожная карта (2014 г.) предполагает использование в качестве инструмента оценки качества и образовательной политики в сфере высшего образования проведение мероприятий по аттестации научно-педагогических работников учреждений высшего образования, добиваясь, тем самым, повышения уровня мотивации научных и научно-педагогических работников на достижение показателей внешнего оценивания. Этим целям также способствует «Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы», в качестве инструментов реализации мероприятий которой предполагается создание сквозных отраслевых систем показателей оценки эффективности деятельности учреждений при оказании государственных (муниципальных) услуг (выполнении работ), от федерального уровня до конкретного вуза и работника [3].

Таким образом, на смену существующим академическим стандартам поведения на основе общепризнанных основополагающих принципов и правил работы в данной сфере приходят формальные показатели оценивания деятельности преподавателей.

Вместе с тем, специфика академической деятельности заключается в ее творческом, креативном характере. Как отмечают Я. Кузьминов и М. Юджевич, академическая деятельность предполагает наличие академической свободы: свободу выбора преподавателем направления и содержания своей деятельности, а также мягкость форм контроля [4].

Наличие академических свобод в вузах является гарантией возможностей для людей творческого труда выбирать методы преподавания, сферу исследований, свободно обсуждать идеи с коллегами и студентами, а также наделяет их определенной степенью ответственности за результаты научной и преподавательской деятельности.

Академические свободы закреплены законодательно. Статья 47 ФЗ N 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 03.07.2016) «Об образовании в Российской Федерации» определяет правовой статус педагогических работников, их права и свободы, гарантии их реализации [5].

К основным академическим свободам, в соответствии с законом, относятся: свобода преподавания, в том числе право на творческую инициативу; свобода выбора и использования форм, средств, методов обучения; свобода от вмешательства в профессиональную деятельность, в том числе право на осуществление научно-исследовательской, творческой деятельности.

Академические свободы в вузовской среде предполагают также наличие связанной с ними ответственности как со стороны вуза, администрации, ППС, так и студентов за качество обучения, учения (учебы), научно-исследовательской работы [6]. Таким образом, академическая свобода формирует академические стандарты, принимаемые профессиональными сообществами, обеспечивая, тем самым, определенный мониторинг академической деятельности [4, с. 86]. В академической среде контроль осуществляется профессионалами и носит во многом неформальный характер, опираясь на репутацию, механизмы корпоративной культуры.

Право на контроль в его «мягкой» форме также определено законом «Об образовании в Российской Федерации», который закрепляет за преподавателем право на свободное выражение своего мнения, в том числе право на участие в управлении образовательной организацией (в коллегиальных органах управления, в обсуждении вопросов, относящихся к деятельности образовательной организации).

На наш взгляд, модернизация образования, ориентируя ППС вузов на достижение показателей внешнего оценивания, подрывает академические свободы, снижая степень самостоятельности и креативности преподавателей в учебной и научной деятельности. Контроль со стороны профессионального сообщества вытесняется контролем со стороны администрации вузов.

Безусловно, внедрение модели обучения, ориентированной на формирование и развитие профессиональных компетенций студентов, а также стимулирование научной деятельности через систему госзаказов, поддержку различными фондами, имея целевой характер, ориентирует ППС на обеспечение потребности в квалифицированных специалистах, обладающих профессиональными компетенциями, умеющих профессионально использовать современные технологии, технику. Но, с другой стороны, ставит ППС в позицию, когда от него требуется не творчество и креативность, а соответствие профессиональной деятельности целевым показателям и формальным требованиям научной и образовательной деятельности, что зачастую не совпадает с научными интересами, направлениями университета.

Последствия модернизации высшей школы еще предстоит оценить. Но уже сейчас можно делать определенные выводы о влиянии системы внешнего оценивания на академические свободы преподавателей. Исследование подобного влияния осуществлялось в рамках инициативного проекта «Оценка последствий введения системы внешнего оценивания деятельности преподавателей российских вузов», одной из целей которого является оценка последствий происходящих в российской системе высшего профессионального образования изменений в социально-экономическом положении преподавателей вузов и замены механизмов академических стандартов и профессиональной репутации на систему внешнего формализованного оценивания их деятельности.

В рамках исследования был проведен анкетный опрос 367 преподавателей из 40 российских вузов гг. Кемерово, Новосибирск, Саранск, Екатеринбург, Нижний Новгород, Омск, Барнаул, Томск, Красноярск, Хабаровск, Кострома, Казань, Самара, Саратов, Бийск, Иваново, Уфа, Рязань, Владимир, Ростов-на-Дону, Ярославль и др.

Респондентам, в частности, предлагалось оценить последствия формализации оценивания их деятельности и его влияния на академические свободы.

Опрос показал, что преподаватели замечают рост уровня формализованных требований к работе (на это указывают 82,8% респондентов) и рост уровня контроля/давления на них в интересах достижения формализованных требований (84,1%). В то же время 52,7% респондентов считают, что доля творческих, креативных видов деятельности (подготовка лекций, учебных пособий, публикаций) по сравнению с рутинными (заполнение отчетов, корректировка рабочих программ) уменьшилась за последние несколько лет.

Судя по данным опроса, в вузах наблюдается ситуация снижения «уровня» академических прав и свобод. На вопрос, «Насколько за последние 3-4 года изменилась ситуация с соблюдением академических прав и свобод препода-

вателя?» большинство респондентов выбрали ответы об ухудшении: свободы преподавания (67,2%); свободы выбора и использования форм, средств, методов обучения (75,7%); свободы от вмешательства в профессиональную деятельность (65,0%). 43,3% респондентов отмечают также ухудшение ситуации со свободным выражением своего мнения, участия в самоуправлении вузом.

Автономия высшей школы, как и академическое самоуправление традиционно рассматриваются в качестве институциональных гарантий свободы научных исследований и обучения студентов. 87,7% наших респондентов согласны с тем, что академические свободы и вузовская демократия являются необходимыми условиями успешного функционирования и развития вуза.

В этой связи необходима широкая публичная дискуссия об определении оценки качества образования на основе экспертных оценок широкого круга заинтересованных участников – вузовского сообщества, бизнеса, общества, об определении степени автономии высшей школы, ее независимости от излишнего вмешательства со стороны государства, соблюдения академических прав и свобод.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 30.04.2014 N 722-р «Об утверждении плана мероприятий ("дорожной карты") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки"» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162797/. (Дата обращения: 21.08.2016).
2. Курбатова М.В., Апарина Н.Ф., Донова И.В., Каган Е.С. Формализация деятельности преподавателя и эффективность деятельности вузов // Terra economicus. 2014. Т. 12. № 4.
3. Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы» (утверждена распоряжением Правительства РФ от 26 ноября 2012 г. № 2190-р) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138313>. (Дата обращения: 21.08.2016).
4. Кузьминов Я., Юдкевич М. Академическая свобода и стандарты поведения // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 80-93.
5. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016) "Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_140174/. (Дата обращения: 21.08.2016).
6. Гоптарева И.Б. Академические свободы и современный университет [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://conference.osu.ru/assets/files/conf_reports/conf11/284.doc. (Дата обращения: 21.08.2016).

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМЕ ОБРАЗОВАНИЯ США¹ TECHNOLOGY EDUCATION IN THE AMERICAN SCHOOL

В.В. Веселова
Московский психолого-социальный университет
V.V. Veselova
Moscow Psychology-Social University

Образование в современном мире требует постоянного обновления. Наступление цифрового столетия делает необходимым пересмотр парадигмы образования, смену установок, целей, методов обучения, воспитания, социализации молодежи. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) занимают ведущие позиции во всех указанных процессах. Их активное применение позволяет овладевать новыми компетенциями, которые способствуют дальнейшему развитию общества и социальному прогрессу.

New paradigm of education requires transformation of concepts, simulations, some new kinds of literacy. School admits the power of digital, social and emotional skills in driving children's life success. Innovative technology helps to enhance skills for social progress.

Ключевые слова: социальный прогресс, вызовы цифровой реальности, ИКТ в образовании, новые виды грамотности, цифровые, социальные, эмоциональные навыки.

Keywords: digital reality, social progress, technology in education, new literacy, digital, social, emotional, self-regulation skills.

Система образования США постоянно подвергается критике не в меньшей степени, чем отечественная, и основная причина недовольства та же – школа не отвечает современным требованиям подготовки молодежи к жизни. В глобализированном обществе «растет спрос на работников, обладающих максимальной гибкостью и высокой креативностью, готовых к самостоятельным действиям и работе в команде, способных работать в разных культурах и различных технологических условиях» [1]. Для успешной жизни в XXI в. человеку необходим целый комплекс когнитивных, социальных и эмоциональных знаний, умений и качеств. Они нужны в любой сфере жизни – в образовании и на рынке труда, они способствуют улучшению здоровья и семейной жизни, развивают гражданскую активность и помогают ощутить полноту жизни. Этому надо учить еще до школы, начиная с навыков саморегуляции.

Готовность к школе – это не только знание алфавита и умение правильно держать ручку. Детям необходима специальная подготовка в области само-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-06-10102а.

дисциплины, владения эмоциями, взаимодействия с окружающими, умения дружить, сочувствовать, мирно разрешать ссоры и конфликты. Около половины американских детей при поступлении в школу не имеют подобных навыков, поэтому многие школы ввели обязательные программы «Навыки саморегуляции для детей дошкольного и среднего школьного возраста» и «Социальные и эмоциональные навыки» [2]. Данные программы дополнили «Проект 2061» – план, разработанный на перспективу еще в 1989 г., согласно которому все жители страны должны были приобрести познания в естественных науках, математике и технологиях. Были разработаны стандарты соответствующих компетенций с учетом возрастных особенностей детей, начиная с дошкольного возраста и кончая учащимися средних классов [3]. Каждое из направлений сопровождалось пакетом информационно-коммуникационных технологий.

В США с 1990-х гг. развивается рынок ИКТ-услуг, оборот средств на котором в 2012-2013 учебном году достигал 8,38 млрд долларов; в 2015 г. сферу образования называли индустрией, на которую тратятся 1,5 триллионов долларов [4].

В июне 2013 г. Президент Обама выступил с инициативой «Соединенное образование» (игра слов: ConnectED), предложив в течение пяти лет обеспечить 99% американских учащихся высокоскоростным беспроводным Интернетом. Президент призвал бизнес, штаты, округа, школы и общины поддерживать свой амбициозный проект ради будущих поколений: в цифровом столетии американские дети должны получать непрерывное интерактивное, индивидуализированное образование с помощью новых технологий. Конкурентоспособность страны была связана им с обязанностью дать выпускникам навыки, отвечающие требованиям экономики [5]. Призыв Президента был услышан, большой бизнес активно включился в кампанию. Всемирно известный «Apple» вложил 100 млн. долларов, чтобы в 114 школах, над которыми компания взяла шефство, каждому ученику был выдан планшетник, а каждому учителю – планшетник и ноутбук, каждый класс был подключен к телесети компании. В дополнение к оснащению было организовано системное обучение педагогов компьютерной грамотности. Команда специалистов компании постоянно находится онлайн для мгновенных консультаций и мониторинга процесса использования ИКТ. Каковы промежуточные итоги акции? В школах улучшилась посещаемость и сократился отсев учащихся. Дети научились создавать трехмерные модели самых различных объектов (включая класс, школу, городскую среду), придумывать видеоигры, снимать клипы и фильмы. Были созданы небывалые возможности для индивидуализированного обучения и контроля за развитием учащихся [6].

Второй цифровой гигант, Google, оснастил ряд школ ноутбуками собственного производства и выпустил приложение для совместной работы педагогов и учеников «Класс». В числе многих приложений данной платформы – «Telestory», с помощью которой можно самостоятельно создавать телешоу; игра «Noontastic», в которой можно организовать собственный цифровой кукольный театр, снять мультфильм и т.д. В сети YouTube можно найти тысячи сюжетов с учебно-воспитательным контентом [7].

IT-бизнес в США активно поддерживает многие проекты в образовании к обоюдной пользе. Одна из успешных и крупнейших в мире технологических компаний, «Веризон» («Verizon»), представлена в 150 странах. По итогам 2013-2014 учебного года, 98% педагогов, использовавших технологии данной компании, отметили позитивные перемены в учебе, познавательной активности и заинтересованности детей в учебе. У 37% школьников повысилась успеваемость, 60% улучшили цифровые навыки. Применение технологий помогло 60% учителей перейти на индивидуализированный подход к обучению, а 47% стали реже использовать привычный монологический стиль ведения занятий.

Исследовательский центр компании представил аналитический доклад «Десять преимуществ цифрового обучения», в котором убедительно обоснована педагогическая эффективность инновационных технологий:

1) Индивидуализированный подход – ключевое звено обучения. Цифровой контент подбирается индивидуально с учетом возможностей ученика; прогресс, трудности, результаты видны мгновенно.

2) Мобильная среда обучения: урок можно проводить в любом месте, где есть безопасный Wi-Fi – в автобусе, музее, лесу, на пляже. Работоспособность учащихся повышается, проблем с дисциплиной не бывает.

3) Стирание «цифрового барьера». Если у каждого ребенка есть устройство, с помощью которого он в любую минуту может включиться в учебный процесс, переписать контрольную работу, например, или исправить ошибку, он не только охотнее учится, получает знания, но и повышает самооценку. Данное обстоятельство особенно существенно для детей с особенностями психофизического развития, особыми образовательными потребностями и для учащихся, живущих в отдаленных труднодоступных местностях.

4) Учет разнообразных граней и особенностей личности учеников. Все дети обучаются в соответствии с индивидуальными темпоритами, стимулами, личными аудио- либо визуальными способностями. Сотни всевозможных программ, курсов, презентаций, лекций и вебинаров доступны для всех.

5) Возможность участия широкого круга лиц. Цифровые технологии повышают учебную мотивацию, в том числе и тем, что к выполнению задания, к участию в проекте можно привлечь и товарищей, и педагогов, и родителей.

6) Решение дисциплинарных проблем. Когда дети постоянно заняты, более того, увлечены полезной деятельностью, им не до баловства.

7) Повышение успеваемости. Эффективность учебного процесса оценивается по итогам тестирования. Как показывает практика, применение ИКЕ приводит к повышению результатов.

8) Обучение происходит в «школе без границ» – технологии помогают перенестись в любую точку земного шара, в любую историческую эпоху, реконструировать самую невероятную ситуацию в трехмерном формате.

9) Современные дети – «цифровые Маугли». Они мгновенно осваивают новые гаджеты, стремительно поглощают огромные объемы цифрового контента, более того, именно в виртуальном мире они чувствуют себя комфортнее всего.

10) Повышение технологического уровня, что совершенно необходимо в наше время. Цифровая среда помогает учащимся в использовании технологий, укрепляет учебные навыки и навыки решения проблем, готовит к успешной трудовой деятельности в будущем [8].

Нередко родители и педагоги недовольны увлечением молодежи компьютерными играми. К 12 годам обычный американский ребенок проводит за этим занятием 10 тыс. часов (столько же, сколько в сумме займут уроки в средних и старших классах). Считается, что за такое время можно обучиться какому-то ремеслу или стать экспертом в своей области. Что же приобретет играющий ученик? Руководитель отдела по изучению игрового развития в Институте будущего, автор многих интерактивных игр Джейн МакГонигал, подчеркивает положительные характеристики онлайн-игр [9]. Большинство игр для детей до 18 лет составлены для игры с партнерами, это не конкурентные игры, где все соперничают друг с другом, а кооперативные, основанные на сотрудничестве и объединяющие игроков. Они пробуждают самые сильные позитивные эмоции, помогают установить замечательные социальные взаимоотношения. Игры вызывают позитивный стресс, стремление добиться цели. Новейшие исследования выявили четыре типа положительного влияния видеоигр на детей: когнитивный, мотивационный, эмоциональный и социальный. Игры приносят удовлетворение социальных потребностей в принятии и признании, безопасности и защищенности. Они развивают необходимые в современной жизни когнитивные качества – сосредоточенность и переключаемость, мультирежимный подход к усвоению информации. Они усиливают нейропластичность мозга, который приобретает новую для себя способность осваивать цифровую, виртуальную реальность. Наиболее полезны

интерактивные игры, дополненные реальными действиями. Так, например, игроки отправляются в путешествие по следам Одиссея, повторяя его подвиги, разыскивая артефакты, сочиняя сценарии и реконструируя события. Существует немало игр, которые учат, как открыть свой бизнес или социальное предприятие, разработать реальный бизнес-план, который позже найдет воплощение в жизни. В американской школе применяются программы, которые помогают детям самим изготовить книгу; добавить свои рисунки, тексты, видео в уже существующие произведения; позволяют пятилетним малышам создавать и озвучивать собственные видеоклипы. Любопытна программа под названием «Что здесь было раньше?». Вы загружаете фотографию какой-то улицы в незнакомом городе, гаджет находит в архиве ее историю и проводит для вас экскурсию. Инновационные технологии легко устанавливают межпредметные связи, расширяя границы познания с использованием всех органов чувств.

Добавим несколько примеров педагогически ориентированного использования социальных сетей. Общение молодежи в сетях совсем нетрудно перевести в созидательное русло помогающей деятельности, как это сделано в крупнейшей глобальной молодежной сети «Действуй!» («Do something!»). Сеть охватывает 5,3 млн. человек в 130 странах, которые стремятся сделать мир лучше посредством реальных «малых дел». В США до 45% мальчиков и до 38% девочек подвергаются «буллингу» (унижениям и оскорблениям в Интернете). Молодежь организует кампании в защиту пострадавших, создает в школах особые пространства, где человек получает право на защиту и безопасность. Волонтеры создают поздравительные открытки для одиноких и бездомных людей; придумывают новые посильные игры для тех, кто не дружит с физкультурой или стесняется своей полноты; проявляя заботу о родителях, рисуют на компьютере красочные буклеты, призывая маму сходить на маммографию, а папу – пройти ЭКГ; выпускают яркую стенгазету, где рядом с фотографиями одноклассников – рассказы об их добрых делах и прекрасных качествах.

Возможности применения ИКТ в системе образования поистине неисчерпаемы. Но для полного использования их преимуществ необходимы специалисты новых профессий – тьюторы, составители индивидуальных планов-траекторий личностного развития учащихся, кураторы онлайн-платформ, инструкторы по Интернет-серфингу. Со временем они заменят собой преподавателей с традиционной педагогической подготовкой. Внимание, которое уделяют внедрению и распространению ИКТ правительство США, крупный бизнес, научное и педагогическое сообщества, внушительное финансирование данной сферы позволяют предположить, что и в будущем эта страна сохранит статус сверхдержавы.

Литература

1. Будущее образования: глобальная повестка [Электронный ресурс]. Режим доступа: mar.edu2035.org/attachments//7/80225036-db4c-4a39-9372-55c0a87999ba.pdf. (Дата обращения: 19.07.2016).
2. Self-Regulation Skills. Second Step Program, 2011 [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.cfchildren.org/Portals/01_SS_EL/EL_DOC/EL_SeH-Regulation SS. Pdf](http://www.cfchildren.org/Portals/01_SS_EL/EL_DOC/EL_SeH-Regulation_SS.Pdf). (Дата обращения: 19.07.2016).
3. Science for All Americans.Oct., 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.aaas.org/report/science-all-americans. (Дата обращения: 19.07.2016).
4. Watters A. Ed-Tech and the Commercialization of School // Hack Education.14 June 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: hackeducation.com/2016/06/14. (Дата обращения: 19.07.2016).
5. President Obama Unveils ConnectED Initiative to Bring America's Students into Digital Age. June 06. 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2013/06/06/president-obama-unveils-connected-initiative-bring-america-s-students-di>. (Дата обращения: 19.07.2016).
6. Apple Education [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.apple.com/education/connectED. (Дата обращения: 19.07.2016).
7. Толкачева Е. Google продолжает движение навстречу детям // Newtonew. 23 марта 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа :<https://newtonew.com/news/google-for-kids.23/03/2015>. (Дата обращения: 19.07.2016).
8. Ten ways a digital learning environment can help improve student achievement // Veizon. Solutions lab. 2014 [Электронный ресурс]. Режим доступа :<https://solutionslab.vzw.com/inforgraphic/digital-learning-from-verizon>. (Дата обращения: 19.07.2016).
9. Could Gaming Be Good For You? [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.npr.org/2011/02/18/133870801/could-gaming-be-good-for-you. (Дата обращения: 19.07.2016).
10. Do something! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dosomething.org/us/about/who-we-are>. (Дата обращения: 19.07.2016).

JUNIORSKILLS И ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТЕЙ JUNIORSKILLS AND ADDITIONAL EDUCATION OF CHILDREN

У.А. Винокурова
Северо-Восточный федеральный университет, г. Якутск
М.П. Петрова
*Республиканский центр дополнительного образования детей
Республики Саха (Якутия), г. Якутск*
U.A. Vinokurova
North-Eastern Federal University, Yakutsk
M.P. Petrova
*Republican Center of additional children's education of
Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk*

Раскрываются организационный процесс внедрения JuniorSkills в системе дополнительного образования детей в Республике Саха (Якутия) и особенности формирования компетенций по этнокультурным особенностям JuniorSkills в контексте этнопедагогических ценностей.

The article describes the process of implementing JuniorSkills in the system of additional education for children in the Republic of Sakha (Yakutia) and the features of formation of the ethno-cultural competences of JuniorSkills in ethnopedagogical values.

Ключевые слова: JuniorSkills, WorldSkills, дополнительное образование детей, Республика Саха (Якутия), этнопедagogические ценности, профессиональные компетенции, помогающие профессии.

Keywords: JuniorSkills, WorldSkills, additional children's education, the Republic of Sakha (Yakutia), ethnopedagogical values, professional competence, helping profession.

JuniorSkills является международной инициативой России. Она представляет собой программу ранней профориентации и основ профессиональной подготовки школьников. JuniorSkills была инициирована в 2014 г. Фондом Олега Дерипаски «Вольное Дело» в партнерстве с WorldSkills Россия при поддержке Агентства стратегических инициатив, Министерства промышленности и торговли РФ, Министерства образования и науки РФ. В ноябре 2014 г. JuniorSkills официально становится частью движения WorldSkills Россия в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи WorldSkills Россия. 3 декабря 2015 г. Владимир Путин в послании Федеральному Собранию отметил JuniorSkills как одну из важнейших программ по подготовке профессиональных кадров.

21 сентября 2015 г. поручением Президента РФ программа JuniorSkills включается в новую модель системы дополнительного образования детей в России.

На круглом столе «Развитие JuniorSkills: навстречу Казани-2019», который проходил 1 ноября 2015 г. в рамках Чемпионата WorldSkills Hi-Tech, помощник Президента РФ А.Р. Белоусов акцентировал внимание на трех задачах, стоящих перед программой JuniorSkills на новом этапе:

- Создание региональной инфраструктуры программы;
- Превращение программы в массовое движение;
- Формирование программы как широкого и гибкого движения, не ограниченного рамками системы образования, с активной ролью бизнеса.

Таким образом, педагоги системы дополнительного образования получили новую форму в реализации своей миссии как помогающей профессии – в самореализации ребенка как будущего специалиста, труженика. «Труд как выражение жизни и труд как утверждение жизни» (К. Маркс) раскрывается в JuniorSkills в современных увлекательных формах трудового воспитания, ранней профессионализации с учетом региональной и этнокультурной направленности трудовой занятости. В 2016 г. в Якутии стартовала програм-

ма для средних профессиональных образовательных организаций [1]. Республиканский центр развития дополнительного образования и детского движения стал координатором Junior Skills и 20 февраля 2016 г. провел городской чемпионат JuniorSkills. Всего приняли участие 154 участника из 15 школ, а также учреждений дополнительного образования детей г. Якутска и пригорода. Школьники демонстрировали мастерство по следующим профессиональным компетенциям: мобильная робототехника, 3D прототипирование, аэрокосмическая инженерия, сетевое и системное администрирование, инженерная графика, поварское дело, изделия из конского волоса, швейное дело, столярное дело, ювелирное дело, гончарное дело, токарные работы на станках с ЧПУ, фрезерные работы на станках с ЧПУ.

Все задания были разработаны специалистами-экспертами по требованиям российского чемпионата JuniorSkills. Городской чемпионат JuniorSkills показал реальность профессиональной помощи раннему профессиональному обучению школьников высокотехнологичным профессиям, перспективность и востребованность программы JuniorSkills. Следующий этап – республиканский чемпионат – утвердил JuniorSkills в трудовом воспитании детей. 25 апреля триумфом завершилось участие школьной сборной Якутии в полуфинале Национального чемпионата JuniorSkills Russia в Хабаровске.

Внедрение JuniorSkills в Якутии имеет свои сложившиеся трудовые технологии, организационный опыт. Основы ранней профессионализации и трудового обучения и воспитания были разработаны посредством так называемых продуктивных технологий «Сатабыл» педагогом-методистом, кандидатом педагогических наук П.П. Кондратьевым. Начиная с 2000 г. они внедрены в 80 школах, где действуют уроки технологии «Сатабыл». Курсами по обучению продуктивным технологиям «Сатабыл» за это время охвачено более 5 тыс. работников образования.

JuniorSkills на этнокультурной основе региональной системы дополнительного образования приобретает новое направление JuniorSkills – «О о сатабыла», в котором основы JuniorSkills обогатились этнопедагогикой трудового воспитания умениям традиционных видов производственной деятельности. JuniorSkills становится механизмом смещения образовательной парадигмы получения информации к воспитательной парадигме приобретения опыта в реальной среде, ценностей культурной идентичности, сохранения местного культурного разнообразия.

С целью развития этнокультурной компетенции детей посредством взаимодействия партнеров кластерной системы «родитель – дети – социум» 9 апреля 2016 г. проведен улусный чемпионат «JuniorSkills – О о сатабыла» в Таттинском улусе Республики Саха (Якутия) под девизом «труд – выражение

жизни и утверждение жизни”. Умение-процесс «JuniorSkills – О о сатабыла” развивает культуру сотрудничества, локализуется на культурной идентичности конкретного сообщества на определенной местности, стимулирует процесс овладения трудовыми действиями, движениями, операциями, ощущениями, правильного обращения с орудиями труда, пользования технической документацией, правильного распределения времени при выполнении действий, отдельных операций, планирование, контролирование своей деятельности и ее результатов. В каждой компетенции четко рассматривается пример родителя как носителя компетентностей, оказывающий помощь в языковой и практической форме действия, которые формируют комплекты компетентностей.

Были разработаны компетенции по следующим видам трудовых умений: “Традиционные промыслы – изготовление орудий охоты” (ребенок с отцом); «Журналистика – владение родным языком» (ребенок с матерью); «Столярное дело» (ребенок с отцом); «Плетение изделий из ивовых прутьев» (ребенок с бабушкой); «Механика» (ребенок с отцом); «Прикладная эстетика – якутские сувениры (ребенок с матерью); «Технология художественно-оформительских работ – якутские орнаменты»(ребенок с сестрой или братом); «Швейное дело – лоскутное шитье» (ребенок с бабушкой); «Легомоделирование» (ребенок с воспитателем); «Поварское дело – якутские блюда»(ребенок с матерью).

Чемпионат объединил 84 семей с 16 наслегов улуса. Ответственными в организации и проведении чемпионата, экспертами в каждой компетенции работали участники культурно-образовательного кластера. Семьи с интересом восприняли новую форму трудового воспитания. Социологический опрос показал, что особенностью «JuniorSkills – О о сатабыла” является создание условий для позитивной семейной памяти трудового взаимодействия, утверждение семейных ценностей общения в процессе трудового воспитания детей, передача семейных профессиональных предпочтений, развитие коммуникативных навыков трудового взаимодействия в ближайшем социальном окружении ребенка, развитие компетенций по традиционным видам трудовой занятости в условиях холода и вечной мерзлоты [2]. На основе данного успешного опыта летом 2016 г. во время работы Сельской педагогической ярмарки был проведен республиканский чемпионат «JuniorSkills – О о сатабыла”. Новая форма трудового воспитания с энтузиазом была воспринята педагогической и родительской общественностью, оценившей возможности формирования новых смыслов и символов на основе собственной культуры. Благодаря JuniorSkills с якутской спецификой осу-

ществляется социальное конструирование чувства сопричастности к духовному наследию поколений.

В настоящее время ведется разработка республиканской Дорожной карты по Junior Skills, в которой предусматривается его внедрение на местном уровне путем создания технопарков, центров компетенций JuniorSkills на базе учреждений дополнительного образования детей, политехнических школ и агрошкол. JuniorSkills потребует целенаправленного повышения квалификации учителей технологии, информатики, физики, педагогов дополнительного образования по техническому творчеству, обновить материальную базу путем приобретения классов робототехники, 3д-принтеров, станков с ЧПУ.

Таким образом, стараниями педагогического и экспертного сообщества республики JuniorSkills включился в новую модель системы дополнительного образования детей в Якутии.

Литература

1. <http://www.sakhaedu.ru/juniorskills/> (Дата обращения 07.09.2016 г.)
2. Олох сатабылларыгар уһуйуу / Помощь в усвоении трудовых компетенций в условиях Севера. Таатта, 2016. 106 с.
3. Габышева Ф.В. 2016 г. объявлен в системе образования, культуры и спорта Республики Саха (Якутия) Годом дополнительного образования детей // Дополнительное образование Якутии. 2016. № 1.

ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ МОЛОДЕЖНЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА DEVELOPMENT TECHNOLOGY OF YOUTH INNOVATION PROJECTS IN THE FIELD OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP

Т.Д. Гладина
ООО «ВН-консалтинг»
T.D. Gladina
«BN-consulting»

Технологии развития молодежных инновационных проектов в сфере социального предпринимательства являются эффективными инструментами развития профессиональных и личностных компетенций, которые повышают интерес молодежи к предпринимательству, в том числе и к разработке ими проектов для специалистов помогающих профессий.

Technology development of youth innovation projects in the field of social entrepreneurship, disclosed by the author in the article, are effective tools for developing professional and personal competencies that increase interest in entrepreneurship among young people, including to develop their project for professionals employed in helping professions.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, помогающие профессии, нестандартные формы развития молодежи, трендовые бренды, социальная инноватика.

Keywords: social entrepreneurship, helping profession, non-standard forms of youth development, trend brands, social innovation.

Переход к рыночной экономике в России дал толчок к развитию нестандартного образования, основы которого заложены в Национальной доктрине образования РФ до 2025 г. Современный этап развития российского образования характеризуется ростом интереса к инновационному предпринимательству в различных сферах, в том числе в социальном направлении. В образовании стали появляться такие тенденции, как постоянство и непрерывность образования, ориентация на запросы общества, рынка, раскрытие талантов и способностей личности, гражданской и созидательной позиции молодых людей, претворение полученных знаний в творческий адаптационный процесс, а также преобразование знаний в продукты или услуги, которые могут быть востребованы в обществе.

Одним из главных принципов, заложенных в современное образование, является развитие логического, системного мышления молодежи для реализации их идей в проектной деятельности. Чаще всего создаются виртуальные (учебные) или реальные проекты.

Сегодня каждое учебное заведение среднего или высшего образования имеет различные структуры повышения квалификации, тренинговые развивающие программы, семинары и курсы, молодежные бизнес-инкубаторы и мастер-классы как для профессорско-преподавательского состава, так и для студенческой и научной молодежи. Самые «продвинутые» учебные заведения создают «Центры менеджмента научно-исследовательской работы и коммерческой деятельности», в которых работают школы перспективных молодых ученых, развития профессиональной карьеры, проектной деятельности студентов, тренинги для будущих тренеров. Такие программы ориентированы не просто на получение новых знаний, но и на формирование активной жизненной позиции, предоставляют возможность проявлять инициативу, искать нестандартные подходы к решению различных профессиональных задач.

Игровое моделирование, дискуссии, коллективное обсуждение, совместная выработка и принятие решений часто дают удивительные творческие плоды вплоть до создания инновационных технологий, товаров и услуг.

Анализ профессиональной деятельности автора как коуча и консультанта-эксперта в вопросах проектной деятельности показал, что в современном бизнесе важное значение имеет изучение вопросов стратегического планиро-

вания, лидерских и командных основ развития бизнеса, методов и стилей управления персоналом.

В курсах по управлению проектами востребованными являются знания и умения в области организационного проектирования, управления изменениями, создания трендовых брендов и продвижения их на рынке, финансового планирования, создания эффективной работоспособной команды, правильного распределения ролей между профессионалами, а также искусства презентации идей, проектов, товаров и услуг потенциальным клиентам или потребителям. Полученные в учебном заведении базовые рыночные знания впоследствии могут «тюнинговаться» и совершенствоваться в рамках дополнительных программ обучения и повышения квалификации.

Одним из таких проектов является Федеральная программа «Ты – предприниматель», которая реализуется в Нижегородской области через бизнес-движение «Колесо» и региональный Конкурс молодежных инновационных команд РОСТ (Россия, Ответственность, Стратегии, Технологии) [1]. Ежегодно в Программе принимают участие более 4000 молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет. Для вовлечения молодежи в реальную проектную деятельность и развития их предпринимательской креативности применяются такие нестандартные формы обучения, как школы молодых предпринимателей, тренинговые бизнес-модули, мастер-классы, управленческие поединки, бизнес-посиделки, молодежные бизнес-слэмы, битвы бизнес-проектов и т.д. Итоговым мероприятием Программы «Ты – предприниматель» является Форум «Поволжье», который работает как площадка для встреч молодых предпринимателей и молодых ученых с представителями местной и региональной власти, представителями бизнеса и экспертами. В Конкурсе РОСТ ежегодно проходят защиты молодежные проекты по нескольким номинациям. В 2015 г. их было 9: 1. IT-технологии; 2. Машиностроение, электротехника, транспорт; 3. Медицина и здравоохранение; 4. Химия, нефтехимия и новые материалы; 5. Энергетика, ресурсосбережение, экология и природопользование; 6. Строительство; 7. Сельское хозяйство; 8. Торговля, услуги, туризм, гостиничный бизнес; 9. Социальная инноватика и образование.

В разделе «Социальная инноватика и образование» было представлено 18 проектов, среди которых отдельно отметим:

– «Спортивные танцы для детей-колясочников». Проект предназначен для организации работы с детьми с ограниченными возможностями, для раскрытия личности ребенка и оказания ему помощи в реализации потенциала в физическом и эмоциональном аспекте.

– Общеразвивающие мультфильмы для детей дошкольного возраста «УМтик».

– Культурно досуговый центр для детей с ограниченными возможностями занятости «Изумрудное сердце».

– Бурлун Медиа. Создание интернет сервиса в сфере волонтерства и многие другие проекты [2].

Всего в 2015 г. на конкурс РОСТ было подано 185 заявок из 47 районов Нижегородской области, 54 профессиональных образовательных учреждений, 16 вузов и 14 филиалов вузов и т.д. Прошли обучение более 2000 чел. По итогам защиты проектов открыто 43 компании малого бизнеса, создано 24 рабочих места [3].

Региональный Конкурс РОСТ является эффективным инструментом активизации проектно-инновационной деятельности, технологией развития профессиональных и личностных компетенций, повышения интереса молодежи к предпринимательству, в том числе в социальной сфере.

Целью помогающих профессий является принесение пользы обществу или его конкретным представителям, согласно классификации, предложенной Е.А. Климовым [4] профессий, предполагающих постоянную работу с людьми и регулярное общение в ходе их профессиональной деятельности, которые относятся к системе «человек-человек», то есть к группе профессий социального типа, таких как учитель, воспитатель, тренер, врач, медсестра, юрист, инспектор, продавец, психолог, логопед, волонтер, социальный работник, гувернер и многие другие.

Развитие молодежных инновационных проектов в сфере социального предпринимательства особенно ценны, так как они направлены на совершенствование деятельности работников помогающих профессий.

Литература

1. Сайт Нижегородского научно-информационного центра [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.nnisc.nnov.ru Раздел РОСТ. (Дата обращения: 26.09.2016).
2. Каталог областного конкурса молодежных инновационных команд РОСТ-2015, Нижний Новгород ННИЦ. 2015. 181 с.
3. Милакова В.В. Психологические особенности будущих специалистов помогающих профессий: автореферат: дисс. канд. психол. наук. Астрахань, 2007.
4. Климов Е.А. Психология профессионала. М. Изд-во: «Институт практической психологии», Воронеж НПО «МОДЭК». 1998. 400 с.

**ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И ИННОВАЦИЙ В СИСТЕМЕ
РОССИЙСКОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ТЕХНОЛОГИИ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ**
**PROBLEMS OF MODERNIZATION AND INNOVATION IN
THE SYSTEM OF RUSSIAN PROFESSIONAL EDUCATION:
VIRTUAL REALITY TECHNOLOGIES**

Т.Н. Гурьянова, Ю.А. Мирошниченко
*Казанский национальный исследовательский технологический
университет*

T.N. Guryanova, J.A. Miroshnichenko
Kazanskiy national exploratory technological university

В настоящее время в России активно осуществляется попытка качественной модернизации системы высшего профессионального образования. Как показывает мировой опыт, вывести образование на качественно новый уровень возможно, опираясь на передовые достижения науки и техники, активно используя в образовательном процессе современные инновационные технологии, в частности, технологии виртуальной реальности.

The modern system of trade education in Russia needs high-quality modernisation, to improve quality education and take the deserving place in the world market of educational services. To that end in the process of educating of students it is needed to draw on the most front-rank scientific and technical accomplishments, for example are technologies of virtual reality.

Ключевые слова: традиции российского образования, модернизация образования, инновации в сфере образования, технологии виртуальной реальности.

Keywords: modernization of the formation, traditions of the russian formation, innovation in sphere of the formation, technologies to virtual reality.

Образование – важнейшее, определяющее условие успешного развития общества, залог его экономического процветания и политической стабильности. Эта истина становится особенно очевидной в условиях XXI в., основанного на знаниях и инновациях.

В России образование всегда осознавалось как дело государственной важности, первые университеты учреждались специальными императорскими указами, и сегодня роль государства является определяющей для перспектив отечественного образования, вопросы его развития обсуждаются на заседаниях Госсовета и Правительства РФ, Совета по науке, технологиям и образованию при Президенте России. Не случайно реформирование системы образования стало частью государственной политики, в которой образование является одним из национальных приоритетов. Однако, к большому сожалению

нию, результаты непрекращающихся реформ последних десятилетий привели к ряду серьезных проблем, мешающих отечественной системе образования эффективно функционировать и быть конкурентоспособной. Речь идет, прежде всего, о катастрофическом падении качества российского образования. Этот процесс, по мнению ряда авторитетных ученых (В.А. Садовничий, Ж.И. Алферов), особенно ускорился после присоединения России в 2003 г. к Болонскому процессу и переходом на двухуровневую систему подготовки – бакалавриат и магистратуру [1]. В связи с вхождением в Болонский процесс российское образование столкнулось с ранее не существующими препятствиями и нестыковками, такими, как: отличие образовательных систем, многообразие теоретических подходов к обучению, несоответствие между российской и европейской терминологией, своеобразие традиций. Как результат включения России в «единое образовательное пространство», продолжается и даже активизируется въезд интеллектуальной элиты из страны (так называемая «утечка мозгов»), что значительно снижает в будущем ее инновационный потенциал [2].

Безусловно, как вполне справедливо заметил ректор МГУ В.А. Садовничий, мы должны сотрудничать с ведущими университетами мира, «впитывать и использовать все то, что есть у них полезного, нового, но не копировать это» [1]. Очень важно, развиваясь в рамках европейского и глобального образовательного процесса, сохранить традиции российской системы образования, несомненными достоинствами которой всегда считались доступность, высокое качество, индивидуальность, фундаментальность и системность обучения. Фундаментальность образования особенно важна в современных социально-экономических условиях, поскольку в масштабах страны именно такое образование может обеспечить насущные потребности инновационного развития российской экономики. Именно фундаментальные научные исследования ориентированы на проблемы будущего, обеспечивают прорыв к принципиально новым знаниям и определяют, в конечном счете, стратегию развития общества [3].

Вместе с тем, трудно не согласиться со словами Президента В.В. Путина о том, что система образования в России «нуждается в обновлении и в реализации новых подходов и идей» [4]. В соответствии с этим в настоящее время в России активно осуществляется попытка качественной модернизации сектора науки и образования, идет поиск новой институциональной формы организации научной и образовательной деятельности, призванной взять на себя основную нагрузку в кадровом и научном обеспечении запросов высокотехнологичного сектора российской экономики. Как показывает мировой опыт, вывести образование на качественно новый уровень возможно, опира-

ясь, прежде всего, на передовые достижения науки и техники, используя современные инновационные технологии. Например, как одно из наиболее перспективных направлений информационных технологий в сфере образования – технология виртуальной реальности.

Под виртуальной технологией понимают новую концепцию использования компьютеров и человеко-машинного интерфейса с целью получения эффекта трехмерного окружения. В таком окружении у пользователя появляется возможность в интерактивном режиме взаимодействовать с виртуальными объектами, благодаря чему создается ощущение трехмерного присутствия. При этом эффект присутствия достигается путем взаимодействия с объектами, а не с изображениями этих объектов [5]. Говоря, о преимуществах использования виртуальной реальности в образовании, следует особо отметить, что она оказывает более мотивирующее воздействие на учащихся, чем традиционная система обучения. Поскольку воздействие происходит в режиме реального времени, виртуальные системы позволяют исследовать такую реальность, которая в иных условиях (т.е. в реальной действительности), в силу ее несопоставимости во времени, пространстве или по причине безопасности, не может быть исследована. Так, например, учащиеся могут «руками переставлять» атомы, электроны или в процессе обучения «перемещаться» из одной галактики в другую. Виртуальная реальность дает возможность в процессе обучения сделать доступной для ощущения такую «реальность», которая обычно (т.е. в реальной действительности) сенсорно не воспринимается. В виртуальной реальности также можно смоделировать и распределение интенсивности теплового излучения в случае пожара или разлива нефтепродуктов, смертельной и пороговой токсодозы в случае угрозы токсического поражения и многое др. [6]. Все это в комплексе, несомненно, предоставляет богатый материал для использования в высшей школе, где студентам в процессе обучения часто приходится оперировать абстрактными понятиями, не имеющими объективной репрезентации. Тем более, что согласно результатам последних научных исследований памяти человека, именно зрительная информация является самым мощным источником запоминания; совмещение зрительных сигналов с другими видами активности значительно усиливают эффективность усвоения. Для этих целей в процессе обучения достаточно часто используется иммерсивная виртуальная реальность (когда пользователь имеет возможность полностью погрузиться в виртуальное пространство), способная менять размеры любых изучаемых объектов, что дает возможность наблюдать даже самые микроскопические элементы – атомы или молекулы. Более того, технологии виртуальной реальности даже могут создавать объекты, не имеющие формы в реальном мире, осуществляя, таким образом,

визуализацию абстрактной модели, что, по мнению специалистов, оказывает самое положительное влияние на сам процесс обучения [7]. Исходя из многочисленных научных исследований по данной тематике, можно смело утверждать, что использование в процессе обучения инновационных технологий, в частности, технологии виртуальной реальности, предоставляет сегодня уникальные возможности для развития отечественной системы образования, способной составить достойную конкуренцию другим странам.

Литература

1. Садовничий В.А. Россия не должна копировать Болонскую систему // Новости ВУЗов в рамках НЦ «Образование», 2008 [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://amedpharm.ru/files/47.pdf>. (Дата обращения: 23.07.2016).
2. Куприянов Р.В. Болонский процесс и его воздействие на систему профессионального образования в России // Система профессионального образования социальных работников: историко-педагогический анализ и перспективы развития. Казань: Изд-во КНИТУ, 2014. С. 54-78.
3. Садовничий В.А. Доступность, фундаментальность, качество. Консенсус Президиума РАН и представителей ВШ // Экономика и образование сегодня, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.edu.ru/opinions/ol5-ll.html>. (Дата обращения: 23.07.2016).
4. Путин В.В. Важнейшие темы, касающиеся развития российской науки // Заседание президентского Совета по науке, технологиям и образованию, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.1tv.ru/news/crime/286498>. (Дата обращения: 23.07.2016).
5. Подкосова Я.Г. Анализ перспектив использования технологий виртуальной реальности в дистанционном обучении // Вопросы современной науки и практики. 2011. №2(33). С. 104-111.
6. Купцов А.И. Разработка и использование технологий виртуальной реальности в процессах обучения / А.И. Купцов, С.А. Купцов, Р.З. Хайруллин, В.В. Богач // Вестник Казанского технологического университета. 2016. Т.19. №4. С. 100-101.
7. Зинченко Ю.П. Технологии виртуальной реальности: методологические аспекты, достижения и перспективы / Г.Я. Меньшикова, Ю.М. Баяковский, А.М. Черноризов // Национальный психологический журнал. 2010. Т.2. №4. С. 67-71.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО УЧИТЕЛЯ ШКОЛЫ В РОССИИ И РИСКОВЕННОСТЬ ПРОФЕССИИ PROFESSIONAL IDENTIFICATION OF CONTEMPORARY HIGH SCHOOL TEACHER IN RUSSIA AND RISKY CHARACTER OF PROFESSION

Н.В. Ивашенкова
Институт социологии РАН
N.V. Ivashenkova
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences

Анализируется структура личностной и профессиональной идентификации педагога в контексте помогающей деятельности. Описываются стадии про-

фессионализации учителя средней школы. Автором дается характеристика рисков, связанных с педагогической деятельностью, в том числе синдрома выгорания, приводятся способы управления этими рисками на микро- и макроуровнях социальной системы.

The article analyzes structure of personal and professional identification of teacher within the context of helping activity. Stages of high school teacher professionalization are described. The author defines risks connected with pedagogical activity, including emotional burnout syndrome, and gives the methods of risk management at both micro- and macro-levels of social system.

Ключевые слова: рискогенность профессии учителя, эмоциональное выгорание, личностная и профессиональная идентификация, самоактуализация, управление рисками в педагогической деятельности.

Keywords: risky character of pedagogical professions, emotional burnout, personal and professional identification, self-actualization, risk management in pedagogical activity.

Педагогическая деятельность принадлежит к числу помогающих видов деятельности, обладая повышенным уровнем личностной и эмоциональной вовлеченности и связанными с этим многообразными рисками. Рискогенность педагогического труда, наряду с медицинскими и психологическими специальностями, обладает рядом специфических черт, проявляющихся прежде всего в системе отношений «учитель–ученик», в отношении к труду и во взаимоотношениях внутри педагогического коллектива. Немаловажны также риски, проявляющиеся во внутриспсихологической плоскости и связанные с личностью самого педагога, его структурой ценностей и эмоциональным самочувствием. Характеристики педагога средней школы рассматриваются нами в контексте рисков, связанных с профессиональной деятельностью и, прежде всего, с ее субъективно-личностным измерением.

В деятельности учителя особое место занимают отношения, которые К. Роджерс назвал «помогающими» [1]. Подобно психологу, педагог в процессе коммуникации с учеником способствует личностному развитию последнего, обретению им опыта и социальной зрелости, встраиванию личности обучаемого в социальную систему. При этом сам педагог нередко является фокусом, в котором социальная система предстает перед учащимися в многообразии ее институтов, норм и регулятивных механизмов.

Постмодернистские мыслители, вместе с критикой современной системы образования, тем не менее, продолжают традицию осмысления фигуры школьного учителя не только как опекуна и моралиста, но и как социального терапевта [2]. Специфика педагогической деятельности как «помогающей» состоит в том, что ее «инструментом» выступает сам педагог [3].

В структуре профессиональной готовности педагога исследователи выделяют следующие подструктуры: специально-предметную, методическую, социально-психологическую, дифференциально-психологическую и аутопсихологическую [4]. Большое количество подструктур психологического характера, сравнительно с собственно педагогическими (специально-предметной и методической), поддерживает тезис о том, что в процессе педагогической помогающей деятельности осуществляется помощь, сравнимая с помощью психотерапевта. Подобно психотерапевту, учитель выстраивает и налаживает сложные системы взаимоотношений между личностными подструктурами учащегося и социальным окружением, взаимоадаптируя их.

Структура личностно профессиональной идентификации учителя включает в себя следующие компоненты: индивидуальные качества (темперамент), личностные качества, коммуникативные качества, статусные качества, деятельностные качества (предметно-методические, связанные с профессиональной сферой), внешнеповеденческие качества [5].

Личность учителя в процессе его профессиональной жизни проходит своеобразную динамику, состоящую из последовательности следующих стадий [6, с. 108]:

- Профессиональная социализация (до 3 лет работы). На этом этапе молодой учитель адаптируется к профессиональному окружению, в его характере отмечаются энергичность, смелость, энтузиазм, которые компенсируют недостаток самостоятельности, а также зависимость от опыта коллег и наставников;
- Формирование профессиональной идентичности педагога (от 6 до 10 лет работы). Этот этап характеризуется повышением ответственности и эго-напряжения, наряду с этим растет фрустрированность и снижается аутосимпатия и креативность. В системе отношений «учитель – социальное окружение» увеличивается значение психологических защит;
- Накопление профессионального стресса и личностная деформация (более 25 лет профессиональной деятельности) отличается возрастанием роли социальных правил и стандартов в деятельности учителя, снижением креативности, нередко отказом от индивидуальности и творческой составляющей педагогического процесса, уменьшением значимости личностного развития и ростом эго-напряжения и социального напряжения.

Специфика профессиональной деятельности педагога неизбежно подразумевает максимальную личностную вовлеченность в процесс труда, что приводит к рискам, свойственным помогающим профессиям. К их числу прежде всего относят синдром эмоционального «выгорания» как проявление хронического перенапряжения, сопровождающегося снижением работоспособно-

сти и развитием негативных установок по отношению к себе и социальному окружению [7].

Структурно синдром выгорания состоит из несколько взаимосвязанных компонентов, проявление которых в деятельности происходит последовательно – эмоциональная истощенность (усталость от профессиональной деятельности), деперсонализация (механизм психологической защиты личности, состоящий в эмоциональном «отстранении» от труда) и редукция профессиональных достижений (утрата профессионального мастерства) [8, с. 93].

Плодотворным, с точки зрения социологии личности и социальной психологии, является рассмотрение синдрома выгорания как своеобразной «антисистемы», которая выполняет функции, противоположные по вектору традиционным функциям подструктур личности (антимотивационная, антикогнитивная, дерегуляторная). Личностными характеристиками, которые в максимальной степени тормозят функционирование этой «антисистемы», являются оптимизм, интернальная Я-концепция, увлеченность и целеустремленность [8].

Являясь одним из экзистенциальных кризисов, синдром выгорания свойствен в большей степени педагогам с небольшим профессиональным опытом. Повышение профессионального мастерства, а также способности принятия на себя ответственности в эмоционально значимых ситуациях подразумевает значительно меньшее количество личностных кризисов. При этом самоактуализация педагога за счет интенсивного эмоционального вовлечения, являясь основной характеристикой профессиональной деятельности учителя, также представляет собой главный метод «риск-менеджмента» и противодействия личностно-эмоциональной деформации, поскольку причиной последней чаще являются нереализованные ожидания и фрустрация, чем нарушения социальной коммуникации в системе «учитель–ученик» [9].

Управление рисками, связанными с профессионализацией педагога, в макроконтексте может быть направлено в русло постмодернистского призыва к реализации творческого характера образования в противовес усвоению готовых правил и рецептов [10]. В рамках философии образования противопоставляют два способа получения знания – teaching (активная роль учителя и пассивно-воспринимающая роль ученика) и learning (самостоятельность ученика и поисковый характер обучения) [11]. Углубление автономизации индивида в современном обществе, начавшееся во второй половине XX в., применительно к педагогической деятельности означает развитие самостоятельно усвоения учеником теоретических принципов и прикладных навыков при контролирующей и корректирующей роли преподавателя.

Данный процесс автономизации, не снимая риски предыдущих этапов развития педагогики и педагогической психологии, ставит современного учителя перед рядом новых вызовов и сопряженных с ними рисков. В этой связи выработка и систематизация социально-психологических механизмов защиты от увеличивающейся рискогенности педагогической деятельности становится все более приоритетной.

Литература

1. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: «Прогресс», 1994.
2. Illich I. Deschooling Society. 1971 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://www.preservenet.com/theory/Illich/Deschooling/intro.html>>. (Дата обращения: 03.09.2016).
3. Бьюдженталь Дж. Наука быть живым. Диалоги между терапевтом и пациентом в гуманистической терапии. М.: «Класс», 1998.
4. Глуханюк Н.С. Психология профессионализации педагога. Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2005.
5. Собкин В.С., Писарский П.С., Коломиец Ю.О. Учительство как социально-профессиональная группа. М.: ЦСО РАО, 1996.
6. Кораблина Е.П. Теоретические и прикладные аспекты помогающей деятельности // Известия Российского государственного педагогического университета им.А.И. Герцена. 2003.№3 (6). С. 104-114.
7. Бойко В.В. Диагностика эмоционального выгорания личности // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002.
8. Райкова Е.Ю. Терапия и профилактика профессионального выгорания у представителей помогающих профессий // Молодой ученый. 2011. № 5 (28). С. 92-96.
9. Гришина Н.В. Помогаящие отношения, профессиональные и экзистенциальные проблемы самореализации личности // Психологические проблемы самореализации личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 143-156.
10. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений // Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-31.
11. Illich I. Op. cit.

ФИЛОСОФСКАЯ КУЛЬТУРА КАК НЕОБХОДИМАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ PHILOSOPHICAL CULTURE AS THE NECESSARY COMPONENT OF THE HELPING PROFESSIONS

Г.А. Каржина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

G.A Karzhina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обобщаются особенности развития философской культуры гуманизма как составляющей помогающих профессий.

In this article is analyzed some features of development of philosophical culture of humanity as a component of the helping professions.

Ключевые слова: философская культура, гуманизм, помогающие профессии.

Keywords: the philosophical culture, humanity helping a profession.

В условиях глобального информационного общества: «джунглей мегаполиса», шума толпы, мельканья лиц, очередей в кабинеты чиновников, рекламы, острого желания быть богатым во что бы то ни стало, привычных сообщений о катастрофах, стихийных бедствиях, обычности чужой смерти и страха перед собственной, человек все чаще лишается «роскоши реального, а не виртуального общения», остается одиноким. Одиночество приобретает метафизический статус, как писал великий русский философ: «Смерть и время царят на земле...» [1].

Искусство постмодерна преодолевает одиночество человека и его оглушенность информационным потоком шоком впечатлений и концептуальным глумлением, но для представителей помогающих профессий, как и для МЧС, появляется всё больше и больше работы. В то же время, помогающие профессии не могут выйти за пределы своих эффективных в конкретных ситуациях методик и технологий. Одиночество может усугубляться возрастом и болезнью, непониманием в семье, в школе, на работе, многими другими причинами, которые проявляются на фоне утраты общего философского потенциала, растренированностью ума постигать первопричины и сверхидеи. Здесь как хорошее дополнение будет уместна «хорошая» философия, то есть философия, которая может прививать вкус к размышлениям, лечить от скуки и догматизма вживанием в тексты прошлого и настоящего, умением зацепляться умом за словосочетание, идею, понятие, умозаключение. Человек очень любознателен от рождения, и если ему хотя бы не мешать...

Представляется целесообразным обратить внимание на принципы философского гуманизма, адекватные реалиям сегодняшнего общества.

В античной философии существовали учения о человеке (Сократ, софисты), выделяющие его из общего космического миропорядка, объявляющие человека мерой всех вещей. В эпоху Возрождения античные тексты явились новой составляющей в возвышении человека, стали основой гуманитарного типа знаний. Однако прежде чем это произошло, сформировалась христианская культура, которая выделила человека из мира, поставив его перед Богом. Концепция предстояния человека перед лично оформленным Абсолютом стала основой оформления статуса личности человеческой. Христианская

цивилизация, ограничив индивидуальный выбор, провозгласила единство людей, единое Богочеловечество.

Ф. Петрарка, считая себя преемником античных поэтов и мудрецов, пишет и о земной красоте и любви, и преодолении искушений. Великий поэт и философ размышляет об «испорченности природы Адама», но противопоставляет ей разум и мудрость. Его идеал можно интерпретировать как симбиоз христианских добродетелей и классической культуры. Эта формула гуманизма не устарела и в наше время. Приходилось замечать, как студенты на занятиях по философии и культурологии, интересуясь произведениями Петрарки, особо подчеркивают его удивительную притягательную силу. Они объясняют, что тексты Петрарки олицетворяют чистоту и доброту, как глоток настоящей родниковой воды для испытывающего жажду. Если бы школьный психолог или социальный работник, или врач могли инициировать личное философствование пациента соответствующей беседой или репликой, то такая беседа или реплика составила бы гармоничное дополнение профессиональным усилиям.

Новый этап в развитии традиций личного философствования был связан с эпохой книгопечатанья, которая и прививает европейцам вкус к размышлениям. Оставшийся наедине с текстом человек может внутренне соглашаться и не соглашаться с написанным, «чтение про себя и размышление в одиночестве помогали индивидууму освободиться от традиционных способов мышления и от коллективного надзора над мышлением: ведь отныне каждый читатель получал доступ к множеству различных точек зрения и форм опыта» [2].

В качестве ещё одной ключевой фигуры, приближающей к нам идеи прошлых веков, хотелось бы выделить удивительного ученого, невольно ассоциирующегося со словами Еклизиаста о mnogой мудрости и mnogой печали – Блеза Паскаля. Можно также констатировать популярность его образа мыслей и его сочинений в наши дни.

Понимая мир, космос, философ открывает человека, затерявшегося в бесконечной Вселенной. Несовершенство людей, с его точки зрения, проявляется в суете и практицизме. «Но пусть человек удалит хоть на мгновение взор от низких вещей, окружающих его, и посмотрит на природу во всем ее величии...» [3, с. 283]. Бесконечность Вселенной является отрезвляющим лекарством для возгордившегося человека, приравнявшего себя к Богу и уверовавшего в собственную непогрешимость. Философия Паскаля обретает новый смысл в эпоху освоения космического пространства. Космос не пугает просвещенного человека, а притягивает. Развитие науки совершенствует человека, если лекарство Паскаля от гордыни ума не забыто и выступает обяза-

тельной компонентой гуманизма. Образ «мыслящего тростника» диалектичен. С одной стороны, он содержит в себе идею преодоления трагичности человеческого бытия через мышление, с другой – осуждение «гордыни ума». Возгордившийся ум, забывший о своей «тростниковости», и Землю из космоса видит маленькой, и реки готов повернуть вспять, и земные недра безжалостно опустошать, и людей клонировать, и ценности воспринимает только материальные.

Интересные аспекты философского гуманизма развиваются в критической философии И. Канта. Его понимание человека связано с определением места и роли философии, которое он сформулировал следующими вопросами: «Что я могу знать? Что я должен делать? На что я смею надеяться? Что такое человек?» Исследуя границы человеческих достоинств и возможностей, И. Кант констатирует двойственную природу человека как существа думающего и чувствующего, его принадлежность к царству свободы и подчиненность законам необходимости. И все-таки, именно разум человека остается той силой, с помощью которой воля к добру побеждает зло. Кантовский гуманизм, как и гуманизм Паскаля, опирается на веру и разум, понимание многослойности духовной деятельности (философия, наука, искусство, мораль, религия) и не допускает автономию морали по отношению к религии.

Дальнейшее развитие европейской культуры проходило под сильным влиянием идей Ф. Ницше и З. Фрейда. Сверхчеловек, вставший по ту сторону добра и зла, не считался с представлениями о человеколюбии, достоинстве и морали. З. Фрейд направил острие рациональности в область бессознательного, обнаружив, что за всеми человеческими поступками стоит сексуальное влечение.

Иная антропологическая традиция прослеживается в русской философии. Её фундаментальная идея состоит в определении человека как носителя Абсолюта. Глубинные проявления человеческой души, ее противоречивые устремления составили смысл творчества Ф.М. Достоевского. Именно он подвёл убедительную черту под всеми попытками атеистического и нормативно-правового объяснения сущности человека: «Бога нет – все позволено! ...Без Бога нет человека!»

Философ, как никто другой, имеет возможность осознать и прочувствовать утрату целостности культурной, исторической, образовательной. Хочется согласиться с блестящим афоризмом философа В.А. Кутырева: «Предмет философии не мир в целом, а целостно о мире. Философия тоталитарна. Как всякая любовь» [4].

Островками стабильности в меняющемся мире остаются гуманистические традиции: добросердечность, человеколюбие и наша разумность, как бы мы

ее ни критиковали и ни ограничивали. Философская составляющая в помогающих профессиях должна быть доступна через беседу, обсуждение прочитанного, чтобы направлять энергию наших соотечественников в противоположную сторону от наркотиков, тоталитарных сект и одиночества.

Каким же должно быть использование философской культуры в соответствии с провозглашенными стратегическими целями?

Оно должно быть интересным. Интересное противоположно скуке, а скука – сродни смерти, нечто мертвящее [5]. Философия в помогающих профессиях должна составить конкуренцию почти утвердившимся новым формам борьбы со скукой: весельем юмористов или авторов ужастиков.

Декларирование идеи и способность путем размышлений сформулировать собственную точку зрения – вот два смысловых полюса в философии. Через размышление и общение она поможет снять острые противоречия между идеальным и вещественным, должным и существующим, прошлым и будущим.

Литература

1. Соловьев В.С. Стихи // Антология русской поэзии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stihi-rus.ru/1/Solovev/>. (Дата обращения: 11.09.2016).
2. Тарнас Р. История западного мышления. М. КРОН-ПРЕСС. 1995. 355 с.
3. Кляус Е.М. Блез Паскаль // У истоков классической науки. М. Наука. 1968. 298 с.
4. Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
5. Кутырев В.А. Разум против человека. М. 1999. М: «ЧеРо», 1999. 199 с.

ОЦЕНКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПЕДАГОГОВ ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ASSESSMENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF PRESCHOOL TEACHERS

*В.В. Катунова, Т.В. Маркелова, Ж.А. Шуткина, С.В. Давыдов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского
V.V.Katunova, T.V.Markelova, Zh.A.Shutkina, S.V.Davydov
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*

Рассматривается общая схема структуры профессионально-личностной компетентности педагога дошкольного образовательного учреждения. Анализируется ее специфичность на базе взаимосвязи компонентов компетентности и направленности профессиональной деятельности таких специалистов. Приводятся результаты.

The general scheme of structure of professional and personal competence of the teacher of preschool educational institution is considered. Its specificity on the ba-

sis of interrelation of components of competence and an orientation of professional activity of such experts is analyzed. Results are given.

Ключевые слова: профессиональная компетентность, структура компетентности, профессиональная компетенция, педагог, педагог дошкольного образования, воспитатель.

Keywords: professional competence, structure of competence, professional competence, teacher, preschool teacher, tutor.

Для дошкольных учреждений система оценки персонала является важным направлением работы с кадрами, но требует совершенствования данного процесса. Оценка дает возможность решать кадровые задачи: оценивать потенциал сотрудника для продвижения и снижения риска выдвижения некомпетентных сотрудников; поддерживать у сотрудников чувство справедливости и повышать трудовую мотивацию. Оценка персонала – это процедура по определению пригодности и потенциальной эффективности деятельности сотрудника, которая проводится по заданным критериям в соответствии со стандартами выполнения обязанностей на данном рабочем месте за определенный период [1]. Профессиональная компетентность в науке понимается как сфера профессиональной деятельности, постоянно расширяющаяся система знаний, позволяющая выполнять профессиональную деятельность с высокой продуктивностью [2].

Педагог-профессионал как субъект педагогической деятельности представляет собой совокупность, сплав индивидуальных, личностных, собственно субъектных качеств, адекватность которых требованиям профессии обеспечивает эффективность его труда.

Обобщая результаты изучения литературы по вопросу психологической компетентности, можно прийти к выводу, что в исследованиях часто анализируется психологическая компетентность учителя, при этом фактически не рассматривается психологическая компетентность педагогов дошкольных образовательных учреждений. Слабо изучены вопросы структуры психологической компетентности воспитателя дошкольного образовательного учреждения, параметры и методы ее развития. При этом достаточно четко определено, что личность воспитателя формируется, проявляется и изменяется в процессе его профессиональной педагогической деятельности.

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволяет выделить основные компоненты в структуре психологической компетентности воспитателя дошкольной образовательной организации: 1) психологические знания; 2) психолого-педагогические умения; 3) профессионально важные психологические качества. Личность воспитателя дошкольного образова-

тельного учреждения формируется, проявляется и изменяется в процессе его профессиональной деятельности. Личностно-профессиональный потенциал педагогических кадров рассматривается как самоуправляемая система внутренних возобновляемых ресурсов личности, которые проявляются в ее деятельности, направленной на получение социально значимых результатов [3].

Проведенный анализ психолого-педагогической литературы позволяет выделить основные компоненты в структуре психологической компетентности воспитателя дошкольной образовательной организации: 1) психологические знания – знания психических особенностей детей разных возрастов, закономерности психического развития ребенка и детской группы; 2) психолого-педагогические умения – гностические, конструктивные, организаторские, коммуникативные умения; 3) профессионально важные психологические качества – любовь к детям, эмпатия, наблюдательность, склонность к процессу и результату воспитательного воздействия, творческие способности, социально-психологическая готовность к совместной деятельности, тактичность и др.

На основе данных теоретического анализа мы установили, что для сотрудника дошкольного воспитательного учреждения наибольшее значение имеют отдельные личностно-психологические параметры. По этим данным нами был составлен список основных психологических компетенций сотрудника педагога дошкольного образовательного учреждения, который включает: интеллектуальный потенциал, коммуникативный потенциал, организаторский потенциал, лидерский потенциал, волевой потенциал, социальную ориентацию.

Для оценки социально-личностных и профессиональных компетенций воспитателей было проведено исследование с привлечением методики экспертной оценки. Были разработаны анкеты, отражающие основные личностно-профессиональные компетенции педагогических сотрудников дошкольного учреждения. В качестве экспертов к эксперименту были привлечены руководители ДООУ. Параллельно была проведена оценка профессиональных компетенций данных сотрудников с задачами: 1) сопоставления уровней важности выделенных компетенций по данным руководителей; 2) выделения основных компетенций, относящихся к должностям сотрудников педагогического состава дошкольного учреждения и соответствующих возможностям их оценки. Оценка проводилась также экспертным методом руководством организации на основе организаторских и дидактических показателей сотрудников.

Оценка кадровой перспективности сотрудников ДООУ г. Нижнего Новгорода с расчетом общей оценки компетентности сотрудников позволила провести

ранговое деление сотрудников. Как очень высоко перспективные оценены 26% сотрудников, они могут являться кандидатами на должность старшего воспитателя и заведующего ДОО. Как высоко перспективные оценены 35% сотрудников, они нуждаются в поощрении дальнейшего развития. Как средне перспективные оценены 26% сотрудников, для них необходимо развитие личностных и профессиональных характеристик, повышение квалификации. Как низко перспективные оценены 13% сотрудников, они могут быть кандидатами на увольнение при сокращении кадров; нуждаются в личностном развитии и профессиональном обучении.

Далее всех сотрудников по полученным ими оценкам и выявленным проблемам разделили на несколько категорий – тех, кому необходимо совершенствование профессиональных компетенций, развитие социально-личностных компетенций и организаторских компетенций. Для сотрудников, входящих в эти группы, разработаны и предложены меры повышения компонентов педагогической компетентности.

Необходимо отметить, что регулярная и систематическая оценка персонала положительно сказывается на мотивации сотрудников, их профессиональном развитии и росте. Одновременно результаты оценки являются важным элементом управления человеческими ресурсами, поскольку предоставляют возможность принимать обоснованные решения в отношении человеческого ресурса, который и является тем самым орудием, которое в умелых руках всегда принесет пользу своей организации.

Литература

1. Анцупов А.Я., Ковалев В.В. Социально-психологическая оценка персонала. М.: Юнити-Дана, 2012. 395 с.
2. Овчарова Р.В. Психологическая экспертиза профессиональной компетентности учителя // Образование и наука. 2001. № 1 (7). С. 83-87.
3. Серебровская Н.Е., Катунова В.В. Социально-психологическая оценка конкурентной позиции сотрудника // Современная конкуренция. М., 2014. № 2 (44). С. 113-120.

**ПРОФИЛАКТИКА АСОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ТРУДНЫХ
ПОДРОСТКОВ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
СОЦИАЛЬНОГО ПЕДАГОГА**
**PREVENTION OF DELINQUENT TEENAGERS' ANTISOCIAL
BEHAVIOR IN SOCIAL WORKER'S PROFESSIONAL ACTIVITY**

Е.С. Ковшова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

E.S. Kovshova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрены причины асоциального поведения, особенности отношений в семьях с трудными подростками, проблемы их воспитания. Представлены приемы и методы работы специалистов школы по коррекции асоциального поведения подростков, разрешения проблем их развития и поведения.

The article describes the causes of anti-social behavior, especially family relationships in families with difficult teenagers, the problem of their education. There are techniques and methods of work of school for the correction of experts on adjustment antisocial behavior of adolescents, solving their development and behavior problems.

Ключевые слова: трудные подростки, дети группы риска, семейные отношения, социальный педагог, воспитательная система школы.

Keywords: difficult teenagers, risk children, family relationships, social worker, school educational system.

В современном обществе сохраняется комплекс проблем, связанных с наличием в школе т.н. детей группы риска, трудных подростков. Психолого-педагогическая интерпретация понятия трудный подросток означает невосприимчивость и сопротивляемость воспитуемого педагогическому воздействию. Обусловлено это обычно отставанием личности в положительном развитии, отсюда – проявления недостатков развития, неправильных установок в поведении, отрицательных качеств характера, нездоровых потребностей. В социологическом плане эти проблемы связаны с трудной социализацией детей, которая впоследствии усугубляется проблемами социализации взрослых, обладающих устойчивыми негативными качествами характера и отклонениями в поведении [1].

Проблема трудностей социализации связана, прежде всего, с возрастными особенностями подростка, которому присущ целый комплекс противоречий. С одной стороны, он старается казаться взрослым, а с другой, – сохраняет детские черты, не умеет совершать самостоятельные действия и принимать решения, предъявляет завышенные требования к учителям и родителям, кри-

тичен по отношению к ним, а сам не умеет владеть собой. Второй момент формирования трудного подростка связан с трудной семьей. Причин формирования таких семей множество, но важно, что в результате на развитие ребенка оказывают негативное влияние неблагоприятные отношения в семье, отсутствие контроля поведения детей, безнадзорность, невнимание к детям; чрезмерное попустительство или жестокость наказания за совершенные проступки; сверхзанятость родителей в сфере общественного производства и частного предпринимательства; потеря эмоциональных контактов, доверительных отношений между родителями и детьми. Для того чтобы найти верный подход к таким учащимся, педагогу приходится выстраивать адекватную систему профилактической работы. Коррекцию воспитания подростка необходимо начинать с коррекции отношений внутри семьи. Именно классный руководитель и социальный педагог должны найти индивидуальные подходы и слова для каждой семьи с целью усиления ее позитивного потенциала. Это позволяет классному руководителю более адресно и точно предупреждать и корректировать негативные последствия семейного воспитания. Социальный педагог, совместно с педагогическим коллективом школы в процессе систематической работы с проблемными детьми и семьями выделяет пять типов семей:

1. Семьи, в которых родители не могут справиться с различными проблемами (трудные родители). Например, это одинокая мать, которая уделяет ребенку большую часть своего свободного времени и вследствие этого не может общаться с друзьями, знакомиться с людьми. В итоге она не может повторно выйти замуж, устроить личную жизнь. В такой семье могут складываться негативные отношения с отсутствием эмоционального контакта между мамой и ребенком. Оказывая помощь семье и ребенку, педагогу нужно расположить маму к себе, формировать с ней доверительные отношения, и если она отнесется к этому настороженно, не проявлять негативных эмоций. Попробовать посмотреть на себя глазами матери. Педагог сможет лучше понять мать и контролировать свое отношение к ней в том случае, если попробует поставить себя на ее место, проанализировать причины ее поступков. Педагогу необходимо деликатно, тактично затронуть тему естественного желания матери устроить свою личную жизнь; пробудить потребность в душевных контактах с ребенком, совместном решении повседневных жизненных проблем, чувство ответственности за будущее ребенка.

2. Семьи, в которых господствует безнадзорность. В таких семьях родители, как правило, употребляют алкоголь. Для родителей характерны культурная ограниченность, бедность чувств, отсутствие духовных связей с детьми. При общении с родителями из такой семьи педагог должен терпеливо до-

казывать родителям пагубное влияние на подростка того образа жизни, который они ведут, обращать внимание на испытываемые подростком переживания, боль, стыд, обиду за отца и мать. Для повышения эффективности психологической помощи ребенку из такой семьи педагогу необходимо выяснить, кто из родителей пользуется большим авторитетом в семье, кто может стать опорой в изменении условий жизни и включить подростка в более широкое общение с окружающими людьми, морально поддержать, установить контроль.

3. Семьи, характеризующиеся педагогической неграмотностью родителей. Родители не понимают детей, обнаруживают полное незнание методов педагогического воздействия, недооценивают значение семейного воспитания, подрывают авторитет школы и учителей. При общении с родителями из такой семьи педагогу нужно сформировать у родителей потребность в педагогических знаниях через проведение с ними консультаций, включение их в систематическую работу школы с родителями, пробудить у них интерес к самообразованию, внушить мысль о том, что все дети нуждаются в образованных родителях.

4. Семьи, в которых приоритет отдается материальному благополучию. Дети в таких семьях растут эгоистами, излишне практичными потребителями, и родители эти качества поощряют. Социальному педагогу необходимо попробовать изменить жизненную ориентацию родителей, заинтересовать подростка развитием внутреннего духовного мира. При встречах с родителями дома и в школе нужно опираться на духовные, моральные ценности.

5. Семьи, в которых родители предъявляют к детям завышенные требования, часто граничащие с жестокостью. Детей часто наказывают физически, в результате чего они растут озлобленными и жестокими. Педагоги должны попробовать доказать родителям, что с ребенком надо обращаться как с равным, отказаться от действий с позиции силы, понимать, что терпение и снисходительность к ребенку – главное средство в воспитании. В школе и семье к ребенку нужно относиться как к человеку, который имеет равные права на самостоятельность и уважение.

Проблемы воспитания трудных и педагогически запущенных детей могут быть обусловлены недостаточным уровнем владения педагогами новыми воспитательными технологиями; недостаточной индивидуальной работой классных руководителей с воспитанниками данной категории и их родителями; низкой эффективностью воспитывающего потенциала детских общественных организаций; недоработками классных руководителей и педагога-организатора по вовлечению педагогически запущенных детей в кружки,

секции школы и микрорайона, в подготовку и участие во внеклассных мероприятиях.

Чтобы вывести систему воспитания трудных подростков на качественно новый уровень, необходимо повышение профессиональной компетентности классных руководителей, педагога-организатора, педагога-психолога, социального педагога; освоение новых технологий как в воспитательном пространстве, так и в управлении им; объединение усилий всех отраслей социокультурной сферы (медицины, культуры, УВД, соцзащиты), формирующих культурное пространство города; привлечение к решению проблем воспитания родительской общественности, отдела по делам несовершеннолетних [2].

В работе с трудными детьми педагогам не обойтись без знаний возрастной педагогики и психологии. В младшем школьном возрасте (7-11 лет) проявляются последствия неправильного семейного и детсадовского воспитания. Дети не умеют играть со сверстниками, общаться с ними, управлять собой, трудиться сообща, старательно выполнять работу. Очень важно на данном этапе выявить детей с трудным характером, слабо подготовленных к школе, и обратить внимание на сложность усвоения нового режима жизни и деятельности, специфику взаимоотношений с учителями, изменение отношений с семьей, затруднения в учебной деятельности и выполнении домашних заданий. На данном этапе необходимо научить детей самостоятельно готовить уроки, преодолевать трудности; вовлекать ребенка в интересующую его деятельность (игру, труд, учебу, досуг); обучать правильно относиться к неудачам, исправлять ошибки; учить уважать товарищей и взрослых; развивать умение прощать друг другу слабости и недостатки.

В среднем школьном возрасте (11-15 лет) трудновоспитуемость стимулируется еще и недостаточным жизненным опытом. Подростки копируют поведение взрослых, несамостоятельны, преждевременно взрослеют. К недостаткам поведения относятся: грубость, невыдержанность, драчливость, заносчивость, негативное отношение к учебе, конфликты с окружающими. На данном этапе необходимо подчеркивать взрослость подростка, его ответственность за себя и за свою деятельность; учить различать истинную и ложную красоту человека; воспитывать невосприимчивость к отрицательному поступку; формировать чувство коллективизма и предупреждать эгоистичность, вырабатывая адекватную самооценку; правильно подобрать поручение в классе с учетом интересов ребенка и сообщества сверстников; создавать ситуации успеха в учебном процессе; организовать оценочную деятельность, предупреждение невротических расстройств и патологических влечений.

Старшие подростки (15-18 лет), взрослея, тянутся к самостоятельности. Но социального опыта, многих практических умений, необходимых сил и спо-

собностей у них еще нет. Назревает конфликт между пониманием норм поведения и их выполнением, чувствами и разумом, планами и возможностями. На данном этапе необходимо общение в микрогруппах ближайшего окружения, деятельность, направленная на самопознание и самоопределение учащихся, формирование потребности в постоянном самовоспитании, активное приобщение к труду для личных и общественных целей [3].

На всех возрастных этапах социальному педагогу и психологу необходимо проводить беседы, консультации с учащимися и их родителями, своевременно выявлять проблемы и трудности.

Для организации педагогической помощи трудным подросткам педагогическому коллективу школы необходимо создавать благоприятные условия для развития личности учащихся, отслеживать пробелы в знаниях, умениях и навыках учащихся, проводить дополнительные занятия, консультации, организовывать помощь учащимся в выполнении общественных поручений, формировать положительную Я-концепцию, при необходимости оказывать медицинскую помощь родителям трудных детей.

Очень важным направлением социального педагога при работе с трудными детьми является развитие в детях понимания значимости здорового образа жизни. Для реализации этой задачи организуются тренинговые занятия, классные часы с целью профилактики наркомании, алкоголизма, семинары с участием врачей-психотерапевтов, наркологов.

Существенной проблемой является контроль учеников за пределами учебного процесса и особенно сложно его осуществить в отношении «трудных» подростков. Эта проблема требует много сил, нервной энергии учителей, хотя решить ее чаще всего не удается [4].

Целенаправленная, систематическая организация свободного времени учащихся также поможет сформировать у подростка мотивацию к конструктивной деятельности, что противоречит вредным привычкам, асоциальному поведению. Для реализации этой задачи социальному педагогу и психологу необходимо изучать интересы и способности учащихся, привлекать детей к участию в занятиях кружков, секций, детских общественных организаций. Очень полезным будет организация посещения библиотеки, общение со школьным библиотекарем, посещение лагерей летнего отдыха, участие в досуговых, внеклассных мероприятиях. При грамотной организации воспитательной работы в школе проблемы детей группы риска могут быть разрешены успешно и эффективно.

Согласно вышеизложенным принципам, подходам, приемам и методам организована работа воспитательной системы МБОУ Школы № 17 города Са-

рова под руководством заместителя директора по воспитательной работе С.В. Рычковой и директора А.А. Гуркиной.

Литература

1. Рожков М.И. Воспитание трудного ребенка, М.: Владос, 2001. 239 с.
2. Степанов В.Г. Психология трудных школьников: Учебное пособие для учителей и родителей, М.: Академия, 1997. 320 с.
3. Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского. М., Просвещение, 1979. 288 с.
4. Иудин А.А, Ковшова Е.С. Реформы и социальное самочувствие российского учителя // Социальные преобразования и социальные проблемы. Сборник научных трудов (Выпуск 15). Нижний Новгород: изд. НИСОЦ, 2015. С. 77-109.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКЕ РАБОТЫ УЧИТЕЛЯ–ЛОГОПЕДА **THE USE OF INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE PRACTICE OF THE TEACHER – SPEECH THERAPIST**

Н.Н. Козлова, М.Ю. Латанова, М.А. Приползина, А.А. Сметанина
МБДОУ №452, г.Н. Новгород
N.N. Kozlova, M.Yu. Latanova, M.A. Pripolsina, A.A. Smetanina
MBDOU №452, N. Novgorod

Представлен практический опыт использования информационно-коммуникативных технологий в логопедической работе с детьми с задержкой психического развития. Коллективом авторов разработана система электронных пособий «Грамотейка» с целью преодоления лексико-грамматических нарушений у воспитанников старшего дошкольного возраста.

The article presents the experience of use of information and communication technology in speech therapy work with children with mental retardation. The authors developed a system of electronic manuals "Gramatica" to overcome the lexico-grammatical disorders in students of preschool age.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, дети с задержкой психического развития, информационно-образовательная среда, электронные образовательные ресурсы, система электронных пособий.

Keywords: Information and communication technology, children with mental retardation, information and educational environment, electronic educational resources, a system of electronic aids.

Одной из актуальных проблем логопедии являются нарушения лексико-грамматического строя и его коррекции у дошкольников с задержкой психического развития (далее ЗПР), что обусловлено значительной частотой этой формы психического дизонтогенеза.

Трудности построения коррекционно-педагогической работы по преодолению нарушений лексико-грамматического строя речи обусловлены многообразием проявлений ЗПР, сочетанием незрелости эмоционально-волевой сферы и несформированностью познавательной деятельности. В логопедической работе с детьми с ЗПР выделяется проблема низкой мотивации деятельности и познавательной активности. Важно отметить, что коррекционную работу затрудняют нарушение внимания, слабая память, низкий уровень развития восприятия, своеобразии мыслительной деятельности [1].

В настоящее время разработано достаточно методов и приемов, направленных на решение задач образовательной области «Коммуникация». Однако практическая и теоретическая коррекционная педагогика находится в постоянном поиске новых путей преодоления лексико-грамматических нарушений. На современном этапе в процесс коррекции речевых нарушений активно внедряются информационно-коммуникативные технологии (далее ИКТ). В работах В.П. Беспалько [2], О.И. Кукушкиной [3], Е.И. Машбиц [4], отражены преимущества применения ИКТ, в том числе и в работе с детьми с ЗПР. Важным для нас является возможность построения коррекционной работы с использованием ИКТ.

ИКТ предоставляют возможность максимально использовать наглядный материал, представленный более реалистично, ярко, анимировано, с использованием звука и видео. Это позволяет оптимизировать коррекционно-образовательную работу учителя-логопеда: способствует привлечению внимания детей, повышению их познавательной активности, что является необходимым условием для организации логопедической работы с детьми с ЗПР.

Большое количество разработанных компьютерных игр и мультимедийных пособий логопедического содержания для дошкольников не позволяют в полной мере решить задачи коррекции лексико-грамматического строя речи дошкольников с ЗПР [5].

В муниципальном бюджетном дошкольном образовательном учреждении «Детский сад комбинированного вида №452 «Родничок» г. Нижнего Новгорода осуществляется работа по внедрению ИКТ в рамках инновационной деятельности.

Для реализации деятельности по преодолению нарушений лексико-грамматического строя речи у детей с ЗПР нами были поставлены следующие задачи:

- разработать и апробировать систему по преодолению лексико-грамматических нарушений с включением ИКТ в традиционную практику организации коррекционного воздействия;

– подобрать электронные образовательные ресурсы, разработать интерактивные компьютерные игры и упражнения по развитию и формированию грамматических навыков словоизменения и словообразования у детей с ЗПР в соответствии с программными требованиями;

– разработать и апробировать универсальные электронные пособия, содержащие интерактивные компьютерные игры и упражнения, а также электронные образовательные ресурсы по развитию лексического запаса.

Решению поставленных задач способствовала оптимальная информационно-образовательная среда: оборудован кабинет ИКТ, логопедический кабинет оснащен ноутбуками для детей старшего дошкольного возраста и учителя-логопеда, в группе имеется жидкокристаллический телевизор, ноутбук, интерактивная доска.

Для создания электронных пособий и игр мы использовали офисный пакет Microsoft Office 2010. Яркие иллюстрации по лексическим темам, которые служат основой для создания интерактивных игр и упражнений, создавались в графическом редакторе PowerPoint. Это приложение позволяет редактировать изображения, записывать звук, накладывать звуковые эффекты на анимированные объекты, вставлять видеофайлы. Возможности использования анимации, триггеров и гиперссылок позволяют создать в программе PowerPoint простые в управлении интерактивные игры нелинейного содержания.

Организация коррекционной работы с детьми с ЗПР требует особого подхода, который предусматривает постоянную эмоциональную поддержку дошкольников в рамках организации непосредственно образовательной деятельности. При разработке интерактивных игр и упражнений мы решали не только задачи, направленные на усвоение лексико-грамматических категорий, но и задачи на развитие психических процессов: внимания, памяти, мышления. Кроме того в интерактивные игры и упражнения включались задания на развитие зрительно-моторной координации и активизацию познавательных интересов.

Созданные игры и упражнения обобщены в систему электронных пособий «Грамотейка». Каждое электронное пособие содержит сюжетную линию, которая объединена одним персонажем. Система разработана нами в соответствии с комплексно-тематическим планированием. В каждом пособии содержится наглядно-речевой материал по определенным лексическим темам. Пособия объединены общей концепцией, управлением, дизайном.

Структура электронного пособия состоит из двух частей: основной и вариативной. Основная часть содержит только те дидактические упражнения, которые педагог планирует использовать при организации занятия. Например, при отработке лексико-грамматических конструкций по теме «Дары осени» учитель логопед может выбрать упражнения «Помоги животным собрать

урожай», «Что растет в огороде», «Один – много», «Приготовим фруктовые и овощные соки» и др. Они организованы в простую структуру, каждое упражнение начинается сразу, с момента его запуска. С сюжетной линией педагог знакомит ребенка в предварительной работе.

Вариативная часть содержит дидактические ресурсы – интерактивные познавательно-речевые игры, упражнения, видеоролики по изучаемым лексическим темам, презентации «Путешествуем круглый год», «В саду и огороде», «У бабушки в деревне» и др. В зависимости от поставленных задач, педагогу предоставляется возможность набирать в структуру основной части необходимые упражнения из вариативной части пособия.

Разработанные дидактические игры и упражнения, входящие в структуру каждого электронного пособия, являются важным средством формирования грамматически правильной речи, так как благодаря динамичности, эмоциональному проведению и заинтересованности детей они дают возможность многократно упражнять ребенка в повторении нужных словоформ. Например, в электронное пособие по теме «Зима» включены такие игры и упражнения: «Поймай и сосчитай снежинки», «Кого и чего не стало», «Один – много» и др. Главным героем Грамотейка предлагает детям в игровой форме различные задания на согласование числительных с существительными, прилагательных с существительными в роде, числе и падеже, употреблении существительных в родительном падеже. Ребенку в процессе выполнения предоставляется возможность услышать правильный речевой образец от персонажа или педагога.

Ценность электронного пособия в том, что оно может быть использовано в ходе организации непосредственно образовательной деятельности как полностью, так и частично, в зависимости от задач, которые решает педагог (презентация, глазная гимнастика по теме, видеоролик, отдельные игры и упражнения). Это облегчает и построение индивидуальной работы. Определив трудности ребенка, учитель – логопед выбирает необходимое упражнение и отрабатывает его при помощи компьютера. Таким образом, используя электронные пособия, педагог имеет возможность составлять индивидуальный маршрут – комплектовать игры и упражнения строго индивидуально для каждого ребёнка в соответствии с принципами систематичности и последовательности обучения.

У всех упражнений продуман финал, все игры имеют логическое завершение и поощрительную анимацию в конце. Ребенок знает результат, получая одобрение или предложение подумать еще. При необходимости имеется возможность повторения игрового упражнения. Упражнения не перегружены зрительной и звуковой информацией, чтобы не отвлекать ребенка. Созданные игры и упражнения приспособлены для интерактивной доски.

Каждое электронное пособие просто в управлении: имеет достаточно простой интерфейс со всплывающими подсказками и полностью озвученными элементами навигации, с четким, но ненавязчивым откликом на действия ребенка. Управление осуществляется при компьютерной «мышь» (если работа проводится на ноутбуке), либо при помощи руки (если работа осуществляется на интерактивной доске).

В результате проводимой работы по преодолению лексико-грамматических нарушений у дошкольников с ЗПР с использованием интерактивных игр, упражнений и традиционных методов отмечается положительная динамика по всем параметрам лексического запаса и грамматических категорий; повышение познавательной активности, качественное улучшение внимания и памяти. У наших воспитанников повысился положительный эмоциональный настрой при выполнении упражнений с речевым содержанием.

Литература

1. Ульенкова У.В. Дети с задержкой психического развития. Н. Новгород: НГПУ, 1994. 229 с.
2. Беспалько В.П. Образование и обучение с участием компьютеров. (Педагогика третьего тысячелетия): Учеб.-метод. пос. / Ред. Д.И. Фельдштейн. Воронеж: НПО «МОДЭК», 2002. 352 с.
3. Кукушкина О.И. Использование информационных технологий в различных областях специального образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.03 / Кукушкина Ольга Ильинична. М., 2005. 58 с.
4. Машбиц Е.И. Психолого-педагогические проблемы компьютеризации обучения. М.: Педагогика, 1988. 193 с.
5. Компьютерные игры в обучении детей 4-7 лет: программа, развернутое планирование, модели занятий / Авт.-сост. Л.К. Балабанова. Волгоград: Учитель, 2012. С. 7-10.

ОЦЕНКА ВОСПИТАТЕЛЯМИ И УЧИТЕЛЯМИ УСЛОВИЙ ТРУДА И ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПОДДЕРЖКИ EVALUATION OF WORKING CONDITIONS AND ORGANIZATIONAL SUPPORT BY PRESCHOOL-TEACHERS AND SCHOOL-TEACHERS

Е.М. Колесникова
Институт социологии РАН, г. Москва
Е.В. Митрохина (Полтораднева)
Центр развития образования городского округа Самары
Е.М. Kolesnikova
Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow
Е. V. Mitrokhina (Poltoradneva)
Centre for education development in Samara city county

Анализируются основные показатели статуса группы педагогов дошкольного образования в условиях реформирования отрасли, развития ее частного

сектора. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберианской концепции.

The study was conducted as a part of the project aimed to analyze social status and future prospects of pre-school teachers in Russia.

Ключевые слова: социология профессий, социология образования, воспитатели, дошкольное образование

Keywords: sociology of professions, sociology of education, preschool teachers, preschool education

В ситуации длительного реформирования дошкольного и школьного образования в России и сложной экономической ситуации, особенно актуальным становится вопрос самочувствия профессиональной группы педагогов. Начиная с 2012 г., институт образования вступил в период преобразований, связанных с изменением администрирования, финансирования, стимулированием развития частного сектора, конкретными мерами по повышению заработной платы педагогов, а также введением стандартов. Учителя школ и воспитатели детских садов не только являются объектом, на который направлены преобразования, но и одновременно непосредственным актором, воплощающим в жизнь многие перемены. Зачастую именно они испытывают на себе давление возникающих проблем и вызовов, поэтому принципиально важно сохранить их профессиональную лояльность, мотивацию, уверенность в собственных силах и результативность.

Исследование проводилось как часть проекта по изучению актуального положения, а также перспектив и стратегий повышения социального статуса педагогических работников дошкольного образования в России. Профессиональная группа рассматривается в рамках неовеберианской концепции как корпоративный актор, а ее профессионализация – как процесс увеличения властного, экономического и культурного ресурсов с целью улучшения положения на рынке труда.

Включение учреждений дошкольного образования в образовательные холдинги актуально ставит вопросы взаимоотношения учителей и воспитателей. Этому способствуют различия в количественной выраженности групп, уровнях образования и доходов. Присоединение к группе учителей может быть потенциальной возможностью как повышения, так и снижения статусных показателей воспитателей. Помимо этого, сфера дошкольного образования относится к категории профессий, в которых проблематика социального неравенства присутствует и как отражении профессиональной принадлежности к педагогическому сообществу в целом. Представляет интерес сопоставление мнений учителей и воспитателей, с точки зрения единства и разницы в оцен-

ке ситуации в их уровнях системы образования. Значимо понять оценку педагогами некоторых аспектов условий труда, трудностей, сопряженных с ними и актуально переживаемых, а также проанализировать, необходимы ли дополнительные усилия по их организационной поддержке.

Исследование проводилось в Самарской области с учетом соблюдения квот выборки по значимому статистическому показателю группы (возраст). Сбор данных осуществлялся посредством самозаполнения анкет с их квотным отбором в соответствии со структурой выборки. Опрос был проведен в период между январем и маем 2016 г. Для анализа было отобрано 276 анкет воспитателей и 362 анкеты учителей.

В целом, учительство относится к категории профессий, сопряженных с постоянными сложными ситуациями [1]. Проблемы повседневной неопределенности и многозадачности, работы с проблемными учениками, нагрузки, взаимоотношений с родителями учеников, профессиональных полномочий, мотивации и дисциплины учащихся, отсутствия признания и поддержки со стороны администрации [2] относятся к разряду констант профессии. Такие условия труда могут стимулировать развитие психологического дискомфорта, раздражения и деморализации учителей.

В то же время существует ряд исследований значения роли организационной поддержки в образовании. Множество исследований подтверждают, что организационная поддержка учителей способствует росту профессиональной лояльности, которая, в свою очередь, часто трактуется как один из самых значимых факторов успеха организации [3; 4; 5]. Ruhland [6] показал, что основными условиями, стимулирующими профессиональную лояльность учителя, являются позитивный опыт и внутренняя удовлетворенность от работы, управленческая поддержка, наличие достаточного времени для выполнения своих непосредственных обязанностей, а также стабильность занятости.

Предварительные результаты исследования позволяют утверждать, что воспитатели и учителя имеют как сходства, так и различия в оценках условий труда и той поддержки, которая им необходима. Педагоги единогласны в оценке загруженности работой, но при этом воспитатели более недовольны переполненностью групп дошкольниками, чем учителя классов школьниками; а учителя более загружены «бумажной работой». Несмотря на то, что педагоги в целом не довольны оплатой труда, все же воспитатели выражали большее недовольство, нежели учителя. Учителя чаще, чем воспитатели высказывали озабоченность состоянием собственного здоровья и «невозможностью» полноценного отдыха. В качестве основных мер поддержки педагоги предпочли специальные выплаты, связанные с особенностями педагогического труда (компенсации, надбавки за различные виды работ, премии), хотя

и воспитатели гораздо чаще, чем учителя (в то время как обеспечение возможностей дополнительного заработка в рамках своей профессии чаще выбирали учителя).

Литература

1. Borg, Riding & Falzon. (1991). Stress in teaching: A study of occupational stress and its determinants, job satisfaction and career commitment among primary schoolteachers. *Educational Psychology*, 11(1), 59-75.
2. Darling-Hammond. (1997). *Doing what matters most: Investing in quality teaching*. New York: National Commission on Teaching and America's Future.
3. Riehl C. & Sipple J.W. (1996). Making the most of time and talent: Secondary school organizational climates, teaching task environments, and teacher commitment. *American Educational Research Journal*, 33 (4), 873-901.
4. Rosenholtz & Simpson. (1990). Workplace conditions and the rise and fall of teachers' commitment. *Sociology of education*, 241-257.
5. Firestone W. & Rosenblum S. (1988). Building commitment in urban high schools. *Educational Evaluation & Policy Analysis*, 10, 285-99.
6. Ruhland (2001). Teacher shortage: An analysis of factors impacting the turnover and retention of secondary career and technical education teachers. *Journal of Career and Technical Education*, 17(2), 36-47.

КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В СИСТЕМЕ НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

CLIENT-CENTERED APPROACH IN THE SYSTEM OF CONTINUOUS LEARNING IN MODERN HIGHER SCHOOL

М.М. Коренькова

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа
экономики», г. Нижний Новгород*

M.M. Korenkova

*National Research University «Higher School of Economics»,
Nizhni Novgorod*

В недавнее время появился такой субъект образования, как слушатели, уже окончившие среднее и высшее учебное заведение. Им требуются дополнительные знания в рамках профессии в связи с изменившимися параметрами, или освоение новой специальности. Возрастающий интерес к непрерывному образованию ставит проблемы взаимодействия специалистов в области образования с взрослым потребителем образовательных услуг.

In recent time there appeared a special type of learner who already has a diploma of higher education. They need additional knowledge due to changes in their career or they want to try a new career. They pose a challenge to specialists who provide additional education to adult learners.

Ключевые слова: дополнительное образование, профессиональное развитие, взрослый слушатель, мотивация.

Keywords: continuous education, professional development, adult learner, motivation.

Проблема эффективного преподавания взрослым учащимся на базе современных университетов и институтов привлекает внимание многих специалистов, поскольку бурно развиваются практические программы длительной подготовки и переподготовки слушателей, которые должны привить специалисту обновленные знания и умения, необходимые в его работе. В многочисленных исследованиях, посвященных поиску парадигм, форм и методов непрерывного обучения [1-3], субъект образовательной программы – слушатель, который, как правило, уже имеет диплом об окончании среднего специального или высшего учебного заведения, но возвращается за парту для продолжения своего образования. Эти люди хотят получить обновленные знания в рамках своей профессии в связи с изменившимся контекстом их сферы деятельности или желают освоить новую (дополнительную) специальность. У высшей школы возникает новый (непривычный) потребитель образовательных услуг, а сами университеты и вузы должны сформировать рациональную политику по привлечению и обучению взрослых, разработать критерии и принципы предоставления качественных образовательных услуг для них, особенно в выстраивании новых основ взаимодействия между «наставниками» и «студентами».

В нижегородском кампусе НИУ «Высшая школа экономики» было проведено социологическое исследование. Оно осуществлялось на основе материалов, полученных в ходе анкетирования и прямого опроса слушателей программ профессиональной переподготовки в 2012 г., в результате которого был выявлен социальный портрет нового потребителя образовательных программ [4]. Целевая аудитория обучающихся представлена женщинами, как правило, моложе 35 лет. Основной мотивацией слушательниц в получении образования в университете в большинстве случаев служит желание продолжить карьерный рост на своем рабочем месте. Часть из них хотели бы получить новые знания, чтобы увереннее себя чувствовать на занимаемой должности, или, чтобы иметь шанс сменить место работы или сферу деятельности. При выборе вуза, который предлагает подобные программы, слушатели учитывают, прежде всего, удобный график обучения, место расположения учебного заведения, стоимость образовательных услуг, престиж вуза и рекомендации друзей и знакомых. Еще, как свидетельствуют результаты иных исследований, особенностью образовательного запроса взрослых учащихся является необходимость получения системных знаний, готовых методик и алго-

ритмов решения практических задач в их сфере трудовой деятельности [5]. Выбор учебного заведения у учащихся также обусловлен во многом их «зависимостью» от рабочего места и организации, в которой они трудятся, устойчивой семейной жизнью. Многие из них не стремятся получить новое образование далеко от дома (например, в зарубежных вузах). Для самозанятых или владеющих собственным бизнесом зарубежные знания также непривлекательны, поскольку они в большей степени заинтересованы в образовании, учитывающем «местную» специфику жизни. Слушатели считают, что знания, приобретенные за рубежом, могут представлять определенный интерес, но не практическую пользу.

Если учитывать специфику обучения взрослых – профессионалов в соответствующих областях, для них наиболее привлекательными являются программы, построенные на основе подхода быстрого нарастания компетенций, что невозможно реализовать без современных образовательных технологий. М.В. Кларин пишет: «...думая о взрослых учащихся, как о школьниках или студентах, мы невольно переносим в наши действия стереотипы, привычные для обстановки школы или вуза, для педагогики, имеющей дело с детьми, подростками, но не со взрослыми...» [6]. Необходимо принимать во внимание, что взрослому человеку сложно вновь оказаться за партой, подчиняясь инструкциям и подвергаясь оценке преподавателей. Сама «аудитория» учащихся может быть сложной, например, иногда в одной группе собираются руководители и их подчинённые. Перед преподавателем стоит непростая задача помочь слушателям преодолеть психологические барьеры и сформировать уверенность в своих способностях к обучению. Как считают специалисты [7], одним из лучших способов поддерживать мотивацию к продолжению обучения являются даже не столько интересные и разнообразные задания, сколько чувство личного прогресса.

Из всех возможных компетенций, которыми овладевают взрослые учащиеся, важнейшей является навык эффективного применения полученных знаний. Большое преимущество – умение систематизировать и применять полученную информацию, в отличие от учеников среднего звена и студентов вузов, которые зачастую еще задаются вопросом: «Есть ли жизнь после учебы?», не целостно представляя себе картину приложения полученных знаний. У взрослых учащихся уже существуют жизненный и профессиональный опыт, привносимый в занятия, сформировавшееся мировоззрение, богатый внутренний мир, умение оценивать факты и события, что делает каждое занятие практическим по отношению к текущим реалиям жизни. Задания, ориентированные на их личный опыт, способны повышать мотивацию слушате-

лей. Релятивизм теоретического материала и практических потребностей высоко оцениваются слушателями [8].

Мотивация к учебе взрослых обучающихся повышается и в том случае, если слушатели уверены в компетентности преподавателя, в отсутствии какого-либо рода конкуренции, насмешек, критики со стороны преподавателя. Авторитарная модель «преподаватель – студент» вряд ли эффективна при работе с взрослой аудиторией. Преподаватель, скорее, несёт функцию менеджера, взявшего на себя ответственность организовать работу данного коллектива: подбор и подготовка материалов, распределение заданий, выстраивание их последовательности. Выбор тем для изучения может корректироваться в рамках программы после взаимного обсуждения или осуществляться совместно с обучающимися на основе индивидуальных целей или потребностей группы. Активное вовлечение каждого в процесс обучения ведёт к снятию барьеров и нарастанию внутренней уверенности в своих успехах [9]. Как показывают результаты опроса слушателей в ВШЭ, накопленный ресурс ответственного поведения в трудовой деятельности и жизни прямо влияет на потребность контролировать и процесс собственного обучения. Преподаватель должен соответствовать этим желаниям и обеспечить студентов возможностью регулярно обращаться к самооценке, взаимному оцениванию, а также критически осмысливать сообщаемую в рамках занятий информацию и тренируемые навыки.

Поскольку основная масса слушателей является уже профессиональной аудиторией в фазе активного развития, не исключается в разной степени приобретенная ригидность восприятия в учебном процессе, что в подавляющем большинстве случаев является врагом приобретения знаний. Преподавателю, который ориентирован на подобного слушателя, необходимо каждый раз объяснять, почему материал важен, в чем его актуальность и зачем студенту необходимо погрузиться в его изучение. Важное значение в процессе обучения имеет также возможность дать слушателям шанс продемонстрировать свои знания и поделиться опытом. Этому способствует проведение групповых дискуссий на заданную тему, модератором которой является преподаватель, что помимо профессиональных знаний предполагает обладание другим набором навыков.

Клиентоориентированный подход к разным категориям студентов в современной высшей школе вновь поднимает планку способностей и вводит новые требования к преподавателям. Здесь важно знать и понимать особенности каждой социальной группы, их способности к обучению и действительные потребности.

Литература

1. Boyde E. (2013). "Opportunities multiply for Russia's entrepreneurs", Business Education, November 17, 2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ft.com/cms/s/2/949c0aa2-4886-11e3-8237-00144feabdc0.html#axzz2vXHvnFNF>. (Дата обращения: 03.06.2016).
2. Swain H. (2013). «What next for postgraduate students?» theguardian.com, Tuesday 7 May 2013. 08.30 BST.
3. Михайлева Е.Г., Топчий Т.В. (2014). Потенциал непрерывного образования и вызовы современности. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Народное образование. Педагогика. Выпуск № 1, том 12, 2014.
4. Абросимова Е.Б., Чернова С.С. (2012). Модель оценки компетенции выпускников образовательных программ. Проблемы и перспективы развития в России: Сборник материалов XIV Международной научно-практической конференции. Новосибирск: Издательство НХТУ. С. 180-183.
5. Абросимова Е.Б. Портрет потребителя программ профессиональной переподготовки в сфере экономики и управления. / Е.Б. Абросимова, М.Е. Исакова, С.Ю. Полякова // Сборник трудов по проблемам дополнительного профессионального образования. Вып.15. М.: МАПДО, ИПКгосслужбы. 2009. С. 97-103.
6. Кларин М.В. (2004). Андрагогика: наука обучения взрослых людей. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.elitarium.ru/andragogika_nauka_obuchenija_vzroslykh/. (Дата обращения: 03.06.2016).
7. Медведева С.А. (2015). Мотивация учебно-профессиональной деятельности взрослых. Образование через всю жизнь: непрерывное образование в интересах устойчивого развития. Народное образование. Педагогика. Выпуск № 13, том 2, 2015.
8. Fleming C.T., Garner J.B. (2009). Brief guide for teaching adult learners. Marion, IN: Triangle Publishing.
9. Коренькова М.М. 2012. «Английский для взрослых. Без барьера» Сборник материалов научно-методической конференции Нижегородского государственного технического университета им Р.Е. Алексеева «Актуальные проблемы социальной коммуникации» 25.05. 2012. Нижний Новгород.

РОЛЬ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДОСТУПНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛУГ ДЛЯ ИНВАЛИДОВ ROLE OF NONPROFIT ORGANISATION IN THE PROVIDING ACCESSIBILITY SOCIAL SERVICES FOR DISABLED PEOPLE

О.В. Красуцкая

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

O.V. Krasutskaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются механизмы поддержки некоммерческих организаций, а также анализируются проекты по оказанию социальных услуг инвалидам, реализуемые некоммерческими организациями.

The mechanisms of nonprofit organisation support and projects of providing social services for disabled people implementing by nonprofit organisations are analyzed in this article.

Ключевые слова: некоммерческая организация, доступность социальных услуг, реабилитация инвалидов.

Ke words: nonprofit organisation, accessibility of social services, rehabilitation of disabled people.

Ресурс некоммерческих организаций традиционно используется в целях изменения ценностных установок в социуме, оказания индивидуальной персонализированной помощи гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, а также расширения спектра социальных услуг.

Изменения, произошедшие в законодательстве в последние годы, предоставили новые возможности для участия некоммерческих организаций в предоставлении социальных услуг.

Согласно федеральному законодательству, возможность получения экономической, финансовой, имущественной и информационной поддержки социально ориентированными некоммерческими организациями существовала и до принятия новых нормативно-правовых актов [1]. На региональном уровне данная правовая норма представлена в законе Нижегородской области от 07.05.2009 №52-З «О государственной поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций», а также постановлении Правительства Нижегородской области от 21.01.2010 №20 «О финансовой поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций в Нижегородской области», в соответствии с которыми некоммерческим организациям предоставляются гранты в форме субсидий на реализацию общественно полезных проектов.

В связи с принятием федерального закона от 28.12.2013 №442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» некоммерческие организации как элемент системы социального обслуживания приобретают статус поставщиков социальных услуг. Органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации формируется реестр поставщиков социальных услуг [2]. В случае если организация включена в данный реестр, ей предоставляется субсидия на возмещение расходов, связанных с оказанием социальных услуг.

По состоянию на сентябрь 2016 г. в реестр поставщиков социальных услуг включены 2 некоммерческие организации, что может свидетельствовать как о низком уровне информированности некоммерческих организаций об относительно новой форме государственной поддержки, так и о том, что не многие некоммерческие организации соответствуют требованиям, предъявляемым к поставщикам социальных услуг, включенным в реестр.

Анализируя информацию, размещенную на сайте министерства внутренней региональной и муниципальной политики Нижегородской области, сле-

дует отметить, что некоммерческие организации в большей степени ориентированы на получение грантовой поддержки. В 2015 г. финансирование из областного бюджета получили 29 общественно значимых проектов, реализуемых некоммерческими организациями, из которых 7 проектов направлены на оказание помощи индивидам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, в том числе инвалидам [3].

В 2012 г. по настоящее время Нижегородским региональным отделением общероссийской общественной организации инвалидов «Всероссийское общество глухих» реализуется проект, в рамках которого функционирует Нижегородская региональная телефонная диспетчерская служба для инвалидов по слуху. Основная задача службы – обеспечение взаимодействия клиента, имеющего нарушения слуха, и специалиста учреждения. Данная служба функционирует для обеспечения человеку с нарушением слуха возможности получать услуги социальных и других государственных служб.

Для предоставления услуг в телефонной диспетчерской службе работают два диспетчера-переводчика русского жестового языка. Контакт с диспетчером-переводчиком люди с нарушением слуха могут осуществлять двумя способами: при помощи переписки (факс, sms-сообщения, электронная почта) и с использованием жестового языка (web-камера и видеотелефонная связь).

Для организации видеотелефонной связи в управлениях социальной защиты населения г. Арзамаса, г. Дзержинска, г. Кстово, г. Бор, г. Богородска, г. Выксы, г. Павлова, а также управлениях социальной защиты Автозаводского, Сормовского и Приокского районов г. Нижнего Новгорода установлены видеофоны.

Гражданину необходимо отправить текстовое сообщение или жестовым языком сообщить диспетчеру свое имя и фамилию, а также содержание сообщения. Ответ заявителю осуществляется по тому же каналу связи, по которому он обратился. В случае взаимодействия посредством web-камеры оператор-переводчик жестового языка будет передавать сообщение клиента слышащему абоненту и обратно в режиме реального времени.

Данная служба позволяет решать социально-бытовые проблемы лиц с ограниченными возможностями, способствует их интеграции в социум.

Другой проект, направленный на поддержку инвалидов, реализуется Общероссийской общественной организацией инвалидов «Всероссийское орден Трудового Красного Знамени общество слепых». Основной задачей проекта является организация мероприятий в сфере социокультурной, социально-бытовой, спортивной и профессиональной реабилитации для инвалидов по зрению, а также повышение квалификации специалистов, занимающихся

работой по социальной адаптации и комплексной реабилитации инвалидов по зрению.

В целях социальной реабилитации детей-инвалидов по зрению Нижегородской региональной организацией родителей детей-инвалидов по зрению «Перспектива» реализуется проект «Направляем к лучшему». Проектом предусмотрено проведение индивидуальных развивающих занятий с незрячими детьми, организация групп краткосрочного пребывания, проведение обучающих родительских тренингов, а также психолого-педагогического консультирования.

Следует отметить, что, с одной стороны, некоммерческие организации позволяют лицам с ограниченными возможностями получать социальные услуги, которые не предоставляются государственными учреждениями системы социальной защиты, а, с другой стороны, дублируют социальные услуги, оказываемые государственными учреждениями. Однако, несмотря на то, что государственными и некоммерческими организациями предоставляются одинаковые виды социальных услуг, нельзя говорить об их конкуренции на рынке социальных услуг. Некоммерческие организации, предоставляющие социальные услуги инвалидам, усиливают сложившуюся систему социальной поддержки данной категории граждан, поскольку позволяют увеличить количество предоставляемых социальных услуг, а значит и их доступность.

Деятельность некоммерческих организаций по предоставлению социальных услуг лицам с ограниченными возможностями приобретает особое значение в контексте реализации индивидуальной программы реабилитации и абилитации инвалида (далее – ИПРА), разрабатываемой федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы.

Реабилитационные мероприятия, указанные в ИПРА, предоставляются инвалиду как на платной, так и бесплатной основе. Следует отметить, что инвалид освобождается от оплаты только тех реабилитационных мероприятий, указанных в ИПРА, которые регламентированы Федеральным перечнем реабилитационных мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, предоставляемых инвалиду, утвержденным распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.12.2005 №2347-р.

Таким образом, предоставление социальных услуг инвалидам государственными социальными службами более регламентировано законодательно по сравнению с некоммерческими организациями, что, с одной стороны, свидетельствует о наличии развитой государственной системы предоставления помощи, а с другой – об отсутствии гибкости, возможности быстро перестроиться в зависимости от потребностей потребителя социальных услуг. В

отличие от государственного сектора деятельность некоммерческих организаций в сфере предоставления социальных услуг менее регламентированна, а, значит, данные организации имеют возможность быстрее реагировать на социальные изменения.

В связи с реализацией комплекса мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению на 2016-2020 гг., следует прогнозировать введение новых нормативных актов, регулирующих деятельность третьего сектора, и, следовательно, большую подотчетность органам государственной власти.

Литература

1. Федеральный закон от 12.01.1996 №7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (ред. от 03.07.2016 N372-ФЗ) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/. (Дата обращения: 08.08.2016).
2. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ (с изменениями на 21.07.2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru /document/cons_doc_LAW_166044/. (Дата обращения: 08.08.2016).
3. Итоговые содержательные отчеты о реализации общественно полезных проектов (программ), получивших финансирование из средств областного бюджета в 2015 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<http://mvp.government-nnov.ru/?id=60735>>. (Дата обращения: 08.08.2016).

ФИЛОЛОГИЯ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ: КУРСЫ ЛАТЫШСКОГО ЯЗЫКА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ШКОЛАХ (НА ПРИМЕРЕ Г. РИГА, ЛАТВИЯ) PHILOLOGY AS A HELPING PROFESSION: THE LATVIAN COURSES AT RUSSIAN-LANGUAGE SCHOOLS

Л. Лютова
г. Рига, Латвия
L. Lutova
Riga, Latvia

Исследуются помогающие аспекты филологии на примере преподавания дополнительных курсов латышского языка в русскоязычных школах Латвии. Отмечается адаптивная роль этих курсов и особенности мотивации учеников на их посещение.

The helping aspects of philology by the example of Latvian additional courses teaching at Russian-language schools in Latvia are investigated. The adaptive role of these courses and features of pupils' motivation to visit them is noted.

Ключевые слова: этническая структура, социальная адаптация, социальная сегрегация, социальная эксклюзия.

Keywords: ethnic structure, social adaptation, social segregation, social exclusion.

С момента обретения Латвией независимости латышский язык является ее единственным государственным языком. Являясь ядром национальной и культурной идентичности латышей, чья общая численность в мире не превышает двух миллионов человек, латышский язык приобретает в общественном сознании чрезвычайно высокую ценность не только как культурный феномен, но и как важнейший фактор интеграции народа. Историческое развитие Латвии, в особенности в XX в., сделало современную языковую политику одним из основных инструментов возрождения латышской государственности, во многом основанной на противопоставлении культурным и политическим образцам советского прошлого.

Их непосредственными носителями являются русскоязычные жители Латвии, составляющие чуть более четверти от общей численности населения страны, проживающие не только в условиях культивирования исторической вины, но и в чуждой языковой среде. С конца 90-х гг. XX в. положение русскоязычного меньшинства значительно ухудшилось в связи с ужесточением языковой политики государства, не соответствующей мультикультурному характеру латвийского общества.

Являясь одним из европейских языков, латышский язык имеет схожую с другими лексику, синтаксис и морфологию, а, следовательно, такую же сложность в изучении. Если для коренного населения, социализирующегося в родной языковой среде, это не является большой проблемой, то для русскоязычного населения, зачастую проживавшего компактно и не заботившегося о его освоении, это представляет немалую сложность. Помимо коммуникативных проблем, незнание государственного языка является непреодолимым барьером на пути профессионального роста, при взаимодействии с органами государственной власти, защите собственных прав, поэтому потребность в дополнительных занятиях по латышскому языку в русскоязычных школах остается высокой.

При этом, как показывает наш опыт, эта потребность не так однозначна, как может показаться на первый взгляд. Необходимо отметить, что мотивация на изучение латышского языка носит инструментальный характер, то есть направлена на решение достаточно утилитарной, хотя и важной, задачи получения европейского среднего образования в стране проживания без намерений оставаться в ней надолго. Подрастающие поколения русскоязычного населения в силу своего почти маргинального статуса в большинстве своем не рассматривают Латвию как место постоянного проживания в буду-

щем; кризисные явления в экономике, усугубляемые развалом собственной промышленности и безработицей, делают одинаково привлекательными для молодежи как западное, так и восточное направление эмиграции. Латвийский аттестат о школьном образовании открывает двери практически любого европейского вуза, а знание русского языка снимает главный барьер для учебы и работы в России.

Как следствие, в такой ситуации латышский язык для русскоговорящих жителей начинает выполнять не столько интегративную, сколько адаптивную функцию, обеспечивая возможность лишь минимального участия в социальной жизни. Изучение латышского языка приобретает вынужденный характер вследствие понимания молодежью ограниченности своих жизненных перспектив. В то же время владение латышским языком не рассматривается как стратегический личностный ресурс, а затрачиваемые на него интеллектуальные усилия изначально не предполагают какой-либо компенсации.

Жесткая языковая политика является одним из факторов усугубления демографических проблем, характерных для Латвии и Прибалтики в целом, заключающихся в массовой эмиграции населения в экономически более благополучные страны Евросоюза. Выполнение суровых требований к уровню освоения латышского языка является необходимым, но далеко не достаточным условием для получения работы, что в условиях несформированной лояльности и недостатка солидарности с легкостью порождает эскапистские настроения.

В такой ситуации открывается помогающий аспект филологической науки; специалисты со знанием латышского языка как иностранного становятся востребованными, помогая адаптироваться русскоязычному меньшинству к государственным требованиям, что может содействовать преодолению имеющейся социальной сегрегации и эксклюзии русскоязычного населения, более активному его участию в социальной и культурной жизни латвийского общества.

ПОМОГАЮЩИЕ ПРОФЕССИИ В ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ NURTURANT PROFESSIONS IN INCLUSIVE EDUCATION

Е.В. Мелина
ОУМЦ по обучению инвалидов ПФО Университета управления «ТИСБИ»
E.V. Melina
*District Training center for people with disabilities within the University of
management "TISBI"*

В данной статье представлена роль специалистов помогающих профессий в инклюзивной практике системы образования всех уровней.

The article depicts the role of nurturant and caring professions in inclusive education for all levels.

Ключевые слова: помогающие профессии, инклюзивное образование, междисциплинарный подход, компетенция, научно-образовательный кластер, система сопровождения.

Keywords: nurturant professions, caring professions, inclusive education, multidisciplinary approach, competency, academic cluster compound, case management.

Конвенция о правах инвалидов [1], ратифицированная Россией, открыла новые горизонты для безбарьерного доступного образования, гарантии равных прав на образование для лиц с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов.

С первого сентября 2016 г. в России поэтапно внедряется стандарт инклюзивного образования. Инклюзивное образование – это образование доступное для всех, в том числе для детей с ограниченными физическими и интеллектуальными способностями. Детям с особенностями развития сегодня вовсе не обязательно обучаться в специальных (коррекционных) учреждениях, напротив, получить более качественное образование и лучше адаптироваться к жизни некоторые из них смогут в обычной школе. Учащиеся с ограниченными возможностями здоровья могут учиться вместе со всеми остальными детьми [2; 3; 4].

Система сопровождения в инклюзивном образовании является очень важным фактором в развитии детей с особыми образовательными потребностями, в усвоении ими материала [5].

Сопровождение детей-инвалидов осуществляют в основном специалисты помогающих профессий – врачи, педагоги, психологи, социальные работники. В практике инклюзивного образования с учетом особенностей его субъектов мы добавляем: тьютора, педагога-психолога, социального педагога, логопеда, сурдопереводчика, сурдопедагога, тифлопереводчика, тифлосурдопереводчика, дефектолога.

Основными целями сопровождения в инклюзивном образовании являются создание условий для социальной адаптации ребенка-инвалида в образовательном учреждении и оказание помощи в освоении основной образовательной программы.

Специалисты помогающих профессий решают следующие задачи в сопровождении детей-инвалидов:

1. Оказывают помощь в преодолении социально-эмоциональных проблем, в формировании и развитии социальных и коммуникативных навыков. Эту

задачу осуществляют психологи, социальные педагоги, специалисты по социальной работе и т.д.

2. Коррекционно-развивающую работу с ребенком-инвалидом организуют и осуществляют педагоги дефектологи, логопеды, сурдопедагоги.

3. Прогнозируют трудности в обучении ребенка и проводят профилактические мероприятия в этом направлении тьюторы.

4. Мониторингом мероприятий развития ребенка, согласно индивидуальной траектории, занимаются все специалисты.

5. Специалисты разрабатывают образовательный маршрут профессионального самоопределения ребенка с учетом его особенностей, возможностей и потребностей.

Работа в системе инклюзивного образования строится по следующим направлениям: организационно-методическое, консультативное, диагностическое, информационно-просветительское, коррекционно-развивающее.

Специалисты помогающих профессий используют различные формы и методы: психологическая реабилитация (беседы, консультации, ролевые игры, тренинги, группы взаимопомощи), работа с родителями (тренинги, собрания, семинары, беседы, консультации, выход в семью).

Комплексная система сопровождения включает в себя следующие направления: медицинское, психологическое, социальное, педагогическое и досугово-реабилитационное.

Одним из основных условий инклюзивного образования является профессиональная компетентность педагогов, обеспечивающих обучение, воспитание и развитие детей с ограниченными возможностями здоровья.

Если архитектурную доступность можно создать, переоборудовав входную группу, гигиенические комнаты, обеспечить информационную и навигационную доступность, то сформировать толерантное отношение к лицам с особыми потребностями как у педагогов, так и у социума намного сложнее [4].

Подготовке педагогов к взаимодействию с учащимися с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования должно уделяться особое внимание.

Специфика организации образовательной и коррекционной работы с детьми, имеющими нарушения развития, обуславливает необходимость специальной подготовки педагогического коллектива общеобразовательного учреждения, обеспечивающего интегрированное образование. Педагогические работники должны знать основы коррекционной педагогики и специальной психологии, иметь четкое представление об особенностях психофизического развития детей с ограниченными возможностями здоровья, о методиках и технологиях организации образовательного и реабилитационного процесса

таких детей. Успешно работать с детьми, имеющими нарушения развития, не могут люди, не получившие специальное дефектологическое образование.

К их профессионализации относится целостный непрерывный процесс становления личности специалиста инклюзивной практики, который начинается с момента выбора и принятия будущей профессии (если профессия уже выбрана и специалист входит в процесс инклюзивного образования), и заканчивается, когда человек прекращает активную трудовую деятельность. Наиболее интенсивным периодом профессионализации считается обучение в вузе, поэтому важной задачей университетского образования, помимо передачи знаний и умений, должно стать формирование личности профессионала, содействие развитию зрелого профессионального самосознания. Особую важность эта задача приобретает для подготовки специалистов так называемых помогающих профессий.

В любой социальной сфере в работе помогающих специалистов используется междисциплинарный подход, т.е. объединение специалистов различных профессии для оказания комплексной помощи субъекту.

Выделяя основные аспекты междисциплинарного подхода, хочется обратить внимание на создание единой инклюзивной образовательной траектории – от детского сада до школы, от школы до профобразования.

Такие проекты по объединению детского сада со школой в так называемые кластеры начали осуществлять в Москве и, возможно в других регионах. Но объединение не должно проходить по территориальному признаку. У каждой школы есть свои технологии работы, направления, и это необходимо учитывать при создании кластера или объединения, иначе это повлечет за собой дополнительные проблемы.

Создание кластеров школа-колледж-вуз не первый год занимает лидирующие позиции в системе непрерывного образования. Это относится и к выбору профессии инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья. Специалисты инклюзивной практики, работающие в системе кластера, должны обладать междисциплинарными компетенциями для выполнения поставленных им целей в развитии инклюзивного образования.

Каждый специалист инклюзивной практики должен сочетать в себе компетенции различных специальностей (направлений, профессий). Например, тьютор должен обязательно иметь педагогическое образование, но его работа требует и достаточно хороших знаний психологии для использования подхода к особому клиенту. Необходимо и знание дефектологии, т.к. это связано с особенными образовательными потребностями субъекта инклюзивного образования, имеющего заболевание.

Необходимо выделить и личностные характеристики специалистов помогающих профессии в инклюзивном образовании. Вряд ли они должны кардинально отличаться от характеристик любого другого специалиста, помогающего людям.

К личностным характеристикам педагога, позволяющим успешно решать педагогические задачи в условиях инклюзивного образования, относятся хорошая саморегуляция и самодисциплина, настойчивость, способность разрешать трудные ситуации, гуманистичность, этичность, ответственность, моральность, гибкость внимания; полнота, точность представлений, критичность мышления, настроенность на других и понимание других, тактичность, оптимистичность, эмоциональная теплота, жизнерадостность, дружелюбность, эмпатия (понимание ребенка, сочувствие ему, умение увидеть ситуацию его глазами, встать на его точку зрения), толерантность, педагогический оптимизм [6].

Сформированность данных качеств может стать основой для решения педагогических задач, когда образовательная среда учебного заведения стала доступной и безбарьерной для ребенка с особыми потребностями.

Литература

1. Конвенция о правах инвалидов, принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13 декабря 2006 г.
2. ФЗ Российской Федерации «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24 ноября 1995 №181-ФЗ.
3. ФЗ Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 №273-ФЗ.
4. Государственная программа Российской Федерации «Доступная среда» на 2011-2015 гг. от 17 марта 2011 г. №172.
5. Мелина Е.В., Барышова Н.А., Деятельность специалистов социально-психолого-педагогического сопровождения по реализации индивидуальной программы развития студента с ОВЗ в вузе // Человеческий капитал / Елена Валериевна Мелина. М: Объединенная редакция, №9, 2015. С. 17-20.
6. Эннс Е.А. Психологическая характеристика помогающих профессий [Текст] // Современная психология: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012. С. 92-93.

**РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ КРЕАТИВНОСТИ МЛАДШИХ
ПОДРОСТКОВ В УСЛОВИЯХ ДЕТСКОГО
ОЗДОРОВИТЕЛЬНОГО ЛАГЕРЯ**
**DEVELOPMENT OF SOCIAL CREATIVITY AMONG JUNIOR
TEENAGERS LIVING IN A RECREATIONAL CAMP**

А.А. Попель

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.A. Popel

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются общие социально-психологические проблемы младших подростков в условиях проживания в детском оздоровительном лагере, в качестве основной выделена слабая социальная креативность. Описывается авторская программа развития социальной креативности подростков, рассматривается ее структура и компоненты.

The paper reveals the most typical socio-psychological problems among junior teenagers living in recreational camps where weak social creativity is seen as the main challenge. A special program to develop this ability among junior teenagers was suggested, the paper discusses its structure and components.

Ключевые слова: социальная креативность, младшие подростки, детский оздоровительный лагерь, социальная апатия.

Keywords: social creativity, junior teenagers, recreational camp, social apathy.

В силу сложившихся политико-экономических реалий детские оздоровительные лагеря как и несколько десятилетий назад вновь стали рассматриваться в качестве одной из наиболее доступных и востребованных форм отдыха и оздоровления детей и подростков. Каждый год многочисленные лагеря и здравницы по всей стране радушно распахивают двери перед десятками тысяч юных воспитанников, предлагая им самые разнообразные образовательные, медицинские и досуговые программы. Неформальное общение детей и подростков, их проживание в коллективе в отрыве от семьи, а также вовлеченность в совместную деятельность по подготовке и проведению различных мероприятий по праву дают основания ряду авторов считать оздоровительный лагерь одним из институтов социализации подрастающего поколения, наряду с дошкольными и школьными учреждениями [1; 2].

Вместе с тем, многолетний опыт педагогической работы автора сначала в должности вожатого, а затем и воспитателя позволил выявить ряд негативных тенденций, с каждым годом все более отчетливо проявляющихся среди младших подростков.

Наибольшую опасность, на наш взгляд, таит в себе так называемая «социальная апатия», для которой характерны замещение живого общения со сверстниками интернет опосредованным (чаты, социальные сети и пр.), что приводит к катастрофическому падению культуры устной и, что особенно заметно, письменной речи; весьма слабая для данного возраста мотивация участвовать в совместных видах деятельности (отрядные или общелагерные мероприятия); существенные затруднения или полный отказ от взаимодействия с подростками, представляющих иные субкультуры, религии, социальные классы и, что особенно страшно, гиперинфантильность, бесконечный поиск некоего внешнего «другого», кто мог бы принять социально значимые решения.

Описанные факты дают нам основания считать, что современные подростки испытывают существенные затруднения, прежде всего, в области социальной креативности как способности человека оперативно находить и эффективно применять нестандартные, оригинальные творческие решения ситуаций межличностного взаимодействия.

Для решения данной проблемы нами была разработана и экспериментально апробирована лично ориентированная программа развития социальной креативности, которая получила название "Тренажер социальной креативности". Она представляет собой комплекс из профессионально обусловленных деловых игр и психодиагностических тренингов.

В процессе использования тренажера мы стремились актуализировать и развить у них творческие способности к самостоятельному осмыслению проблем определенной предметной области (социальное взаимодействие), к выработке нестандартных путей их решения в процессе коллективного и индивидуального познавательного поиска.

Тренажер может быть условно разделен на несколько сегментов, каждый из которых включает в себя ряд определенных социально-психологических тренингов, деловую игру и блок анализа и планирования. Элементы, входящие в состав отдельного сегмента тренажера, выполняют определенные задачи и находятся в тесном диалектическом взаимодействии друг с другом.

Начальным этапом работы тренажера является проведение социально-психологических тренингов, которые обеспечивают высокую познавательную активность подростков в овладении необходимыми практическими, социально-психологическими знаниями и коммуникативными умениями. Целью социально-психологического тренинга является развитие социально-психологической компетентности личности, активной социально-психологической позиции участника тренинга, а также повышение психоло-

гической культуры как существенного аспекта всестороннего развития личности [3; 4].

В ходе применения тренажера можно варьировать как количество проводимых тренингов, так и отрабатываемые в их рамках задачи в зависимости от поставленных целей и доступного временного ресурса. В нашей работе мы использовали три вида тренинга: тренинг партнерского общения, тренинг сензитивности и тренинг креативности, подробное описание которых приводится в работе "Психогимнастика в тренинге" [5].

Следующим этапом работы тренажера социальной креативности является проведение деловых игр. Использование деловых игр в данной программе позволяет обеспечить комплексную активизацию и интеграцию описанных компетенций в профессионально ориентированный контекст.

Мы считаем, что включение деловых игр в процесс специальной психологической подготовки позволяет решать две наиболее актуальные проблемы.

Во-первых, активное использование деловых игр позволяет более активно развивать творческий потенциал подростков; во-вторых, деловые игры являются оптимальным средством моделирования и детального анализа тех проблем социального взаимодействия, с которыми они сталкиваются (или в скором времени столкнутся) [6].

Следующим элементом тренажера являются блоки входного и выходного контроля и планирования. В работе этих блоков, построенной по принципу обратной связи, мы выделяем три основных этапа: оценка эффективности проведенных тренингов и деловых игр, анализ проблемных мест и выработка рекомендаций, а также планирование следующего этапа с учетом возможных корректив.

Практическое применение тренажера социальной креативности в ряде оздоровительных лагерей доказало его эффективность и высокую практическую значимость.

Литература

1. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Н.Ф. Голованова. СПб.: Речь, 2004. 272 с.
2. Мудрик А.В. Социальная педагогика: Учебник для студентов пед. вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 200 с.
3. Макшанов С.И. Психология тренинга. СПб., 1997. 250 с.
4. Пугачев В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом. М.: Аспект Пресс, 2003. 285 с.
5. Психогимнастика в тренинге / Под ред. Н.Ю. Хрящевой. СПб.: Речь, Институт тренинга, 2000. 256 с.
6. Вербицкий А.А. Психолого-педагогические особенности деловой игры как формы знаково-контекстного обучения / Хрестоматия по педагогической психологии. М.: Международная педагогическая академия, 1995. 416 с.

**МИССИЯ И ЦЕЛИ ИНСТИТУТА АСПИРАНТУРЫ КАК ТРЕТЬЕГО
УРОВНЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**
**MISSION AND OBJECTIVES OF THE POSTGRADUATE SCHOOL
AS THE THIRD LEVEL OF HIGHER EDUCATION**

Н.В. Рыбаков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

N.V. Rybakov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается дисфункциональность современной российской аспирантуры, связанная с изменением ее институционального статуса. Формулируются основные сложившиеся проблемные поля в исследовании российской аспирантуры на современном этапе. Особое внимание уделяется миссии и общественному назначению института аспирантуры.

This article discusses the dysfunctional Russian postgraduate institute. It is associated with a change in its institutional status. Article formulates the basic problems in the study of the Russian post-graduate at the present stage. Particular attention is paid to the mission and public purpose postgraduate institute.

Ключевые слова: аспирантура, социальный институт, дисфункциональность, проблемное поле, миссия аспирантуры, цели аспирантуры.

Keywords: postgraduate institute, a social institution, dysfunctional, problem field, postgraduate mission, postgraduate goals.

До 2014 г. российская аспирантура являлась «основной формой подготовки научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования, предоставляющая гражданам РФ возможность повышения уровня образования, научной и педагогической квалификации» [1]. С 2014 г. аспирантура стала третьей ступенью высшего образования. Если раньше целью аспирантуры была подготовка «кандидатов наук», то после реформы – подготовка специалистов с квалификацией «Исследователь. Преподаватель-исследователь». В результате проведенной реформы аспирантура приобрела статус социального субинститута системы высшего образования (для удобства рассмотрения и обозначения в этой работе к аспирантуре будет применяться термин «социальный институт»).

Реформирование российской аспирантуры в её институциональном основании приводит к необходимости пересмотра и переконструирования основных ее элементов: миссии, цели, идеологии и функций, регулирующих норм, правил и ценностей. Такого рода шаги назрели давно, например, миссия аспирантуры не пересматривалась с советских времен, в то время как социаль-

но-экономическая ситуация в стране изменилась кардинальным образом. Социальная среда значительно преобразовалась: сформировался свободный рынок труда, усложнилась профессиональная структура общества, социальные группы и акторы стали более дифференцированы и обрели значительную независимость в своих мотивах и социальных действиях, а также предпочтениях в отношении профессионально-трудовой деятельности. Например, можно выделить следующие значимые социальные группы, оказывающие влияние на российскую аспирантуру: аспиранты, работодатели, научно-педагогическое сообщество, научно-исследовательские коллективы, научные руководители и консультанты, научно-образовательная бюрократия, экспертное сообщество.

Несмотря на проводимые реформы, приобретающие перманентный характер, современная российская аспирантура имеет признаки институциональной дисфункциональности и аномии. Это проявляется в следующих социальных фактах:

- снижение конкурса в аспирантуру в большинстве российских вузов и научных организаций;
- снижение количества защит диссертаций выпускниками аспирантур,
- снижение качества диссертационных исследований;
- старение научно-педагогических кадров российской науки;
- дисбаланс между рынком труда научно-педагогических работников и количеством людей с учеными степенями [2].

Кроме того, признаками дисфункциональности в системе подготовки и аттестации научно-педагогических кадров являются нарушения установленных правил и норм в системе присуждения учёных степеней¹.

Анализируя дискуссию научного сообщества о судьбе российской аспирантуры [см., например, 2, 4-9], можно обозначить основные проблемные поля в рамках исследования института аспирантуры:

- Миссия, идеология, цели, задачи, назначение и функции аспирантуры в российском обществе.
- Глобальные вызовы институтов науки и образования и их влияние на развитие аспирантуры.
- Привлечение талантливой молодежи в аспирантуру.
- Социальные проблемы аспирантов в процессе обучения.
- Содержательно-педагогический аспект аспирантской подготовки и структура учебного процесса в современной российской аспирантуре. Науч-

¹ Например, такого рода нарушения зачастую проявляются в неправомерных заимствованиях в текстах диссертационных работ [3].

но-исследовательская работа аспирантов и подготовка диссертационной работы.

- Выпускники аспирантуры на рынке труда.
- Финансирование и эффективность аспирантуры.

Особый исследовательский интерес представляет проблемное поле, связанное с рассмотрением назначения и функций аспирантуры. Любое целенаправленное изменение и реформирование социального института начинается с переосмысления его социальной роли в обществе, миссии и целей существования. Вопросы институционального развития аспирантуры постоянно находятся в поле зрения исследователей многих стран мира. Так, например, Академия высшего образования Великобритании организовала общенациональную дискуссию по вопросам назначения, характера и содержания аспирантуры [10]. При этом были сформулированы важные для определения трендов современного развития аспирантуры вопросы: что является назначением аспирантуры: научный труд (диссертация) или процесс (личностное развитие аспиранта)? Аспирантура – это образование или повышение квалификации? Как интерпретировать уровень отсева в аспирантуре?

В последние годы дискуссии о судьбе аспирантуры и ее реформировании развернулись и в России. При этом некоторые исследователи подчеркивают концептуальную незавершенность модели «новой» аспирантуры, в том числе в связи с вынесением за пределы аспирантской программы защиты кандидатской диссертации [7, 9]. Зачастую высказываются предложения вернуться к традиционному целевому функционалу российской аспирантуры – подготовке научных кадров высшей квалификации со степенью кандидата наук с перспективой нострификации этой степени на уровень степени PhD и с перспективой «разгрузить» образовательные программы аспирантуры за счет программ магистратуры и специалитета [8].

Научная дискуссия в России о целях и функциях аспирантуры ведется с позиции «диссертационного», «образовательного» и «квалификационного» подходов [11, 12]. Сторонники «диссертационного» подхода полагают, что целью аспирантуры является научная работа и защита кандидатской диссертации, а введенная государственным стандартом образовательная программа отвлекает аспирантов от подготовки диссертации. Так называемый «образовательный» подход противоположен «диссертационному» и заключается в следующей формуле: аспирантура – образовательная программа третьего уровня, защита кандидатской диссертации не включена во ФГОС и не является целью аспирантуры. Компромиссным вариантом является «квалификационный» подход: в аспирантуре необходимо обеспечить отлаженный образовательный процесс, в котором подготовка диссертации является важной, но

не единственной задачей. Сторонники «квалификационного» подхода подчеркивают, что работодателям нужны не диссертации, а высококвалифицированные специалисты, обладающие уникальным набором навыков.

Описанная дискуссия о целях аспирантуры проводится с позиции системно-педагогической методологии [13]. Однако заметим, что при исследовании целевого компонента аспирантуры могут быть применены и иные методологические подходы (например, методологический институционализм [14], структурно-функциональный подход [15], компетентностный подход [16]).

Выводы

1. Современная российская аспирантура имеет признаки дисфункциональности.

2. Дисфункциональность в определенной степени связана с институциональными трансформациями аспирантуры и ее включением в систему высшего образования в качестве третьей ступени.

3. Миссия, цели российской аспирантуры перестали быть адекватными сложившимся социально-экономическим условиям и не в полной мере соответствуют интересам всех заинтересованных социальных групп.

4. Конструирование миссии и целей института аспирантуры должно быть основано на социологических исследованиях целей, ценностей, интересов и мотивов различных социальных групп в отношении аспирантуры.

Литература

1. Приказ Министерства общего и профессионального образования РФ от 27.03.1998 г. № 814 «Об утверждении положения о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в российской федерации».

2. Бедный Б.И., Чупрунов Е.В. О некоторых направлениях развития системы подготовки научных кадров в высшей школе // Высшее образование в России. 2012. №11. С. 3-15.

3. Плагиат в науке (Круглый стол в РГГУ, 11 июня 2014 г.) // Социологическое обозрение. 2014. Т. 13. № 3. С. 193-218.

4. Сенашенко В.С. О некоторых проблемах подготовки кадров высшей квалификации // Высшее образование в России. 2013. №4. С. 54-58.

5. Вершинин И.В. Развитие аспирантуры в России: решения в области повышения адресности отбора поступающих по программам подготовки кадров высшей квалификации // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 18. С. 61-72.

6. Бедный Б.И., Миронос А.А., Остапенко Л.А. Профессиональная занятость выпускников аспирантуры и направления совершенствования аспирантских программ // Высшее образование в России. 2015. №3. С. 5-16.

7. Шестак В.П., Шестак Н.В. Аспирантура как третий уровень высшего образования: дискурсивное поле // Высшее образование в России. 2015. №12. С. 22-33.

8. Маркин В.В., Воронов В.В. Подготовка кадров высшей квалификации в дискурсе Болонского процесса: магистраль versus обочина // Интеграция образования. Т. 20, № 2. 2016. С. 164-175.

9. Миронос А.А., Бедный Б.И. К вопросу о государственной итоговой аттестации в аспирантуре нового типа // Университетское управление: практика и анализ. 2016. №3. С. 118-128.
10. Вершинин И.В. Дискуссия об аспирантуре за рубежом // Наука. Инновации. Образование. 2016. № 2. С. 133-155.
11. Бедный Б.И. К вопросу о цели аспирантской подготовки (диссертация vs квалификация) // Высшее образование в России. 2016. № 3. С. 44-52.
12. Райчук Д.Ю., Минина Н.В. О позиционировании аспирантуры в структуре высшего образования // Высшее образование в России. 2016. № 4 (200). С. 33-41.
13. Зборовский Г.Е. Общая социология. – М.: Гардарики, 2004. 592 с.
14. Кирдина С.Г. Методологический институционализм и мезоуровень социального анализа // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 51-59.
15. Парсонс Т. О структуре социального действия. [Электронный ресурс] // Т. Парсонс. Режим доступа: <http://socioline.ru/pages/talkott-parsons-o-strukture-sotsialnogo-dejstviya>. (Дата обращения: 02.09.2016).
16. Зимняя И.А., Земцова Е.В. Интегративный подход к оценке единой социально-профессиональной компетентности выпускников ВУЗов // Высшее образование сегодня. 2008. № 5. С. 14-19.

ДИСТАНЦИОННОЕ ОБУЧЕНИЕ В ИНТЕРНЕТЕ: ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА И ОТВЕТСТВЕННОСТИ E-LEARNING: PROBLEMS OF QUALITY AND RESPONSIBILITY

М.М. Серафимов

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

M.M. Serafimov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Излагается взгляд автора на уровень развития социологии Интернета, особенно на дистанционную форму образования и обучения. Оставляя за полями использование дистанционного обучения в высшей профессиональной школе, особое внимание обратим на образовательные услуги для населения. На примере одного из курсов показано, что основной проблемой в этой сфере является ответственность за результат и качество обучения.

The paper presents the author's views on the level of web sociology development, mainly on e-learning. Omitting the use of e-learning with reference to higher learning system, the paper focuses on educational services for the general public. On the example of a course the paper proves the key problem here is responsibility for the outcome and quality of education.

Ключевые слова: социология Интернета, дистанционное образование и обучение, образовательные услуги, качество образования, ответственность за результат.

Keywords: Web sociology, e-learning, educational services, quality of education, responsibility for the outcome.

Бурное развитие интернета, повышение его роли в развитии системы образования неизбежно определило появление социологической науки среднего уровня – «социологии интернета». Однако, в настоящее время идет только становление этой науки. И хотя уже появилась учебная дисциплина «социология интернета», опубликовано много солидных работ и учебных пособий [1; 2; 3], нет конкретных исследований по дистанционному образованию. Статьи и научные поиски в основном занимаются дистанционным обучением в системе профессионального образования, в большей степени в высшей школе. Практически нет серьезных и глубоких исследований, которые изучили бы рынок образовательных услуг, предложенных для всего населения, а не только студентов.

С одной стороны, в условиях глобализации и развития Интернета появляются беспрецедентные возможности для непрерывного образования и самообразования. С другой стороны, как всякое новое направление образования дистанционное обучение сталкивается с рядом проблем и трудностями, которыми пользуются не всегда добросовестные, а нередко и жуликоватые организации и личности, пользуясь несовершенным законодательством в этой сфере.

Одной из проблем, отнюдь не главной, является функциональная безграмотность пользователей системы дистанционного обучения. Однако, она легко решаема при наличии соответствующей мотивации пользователей. Как говорится: «Кто ищет, тот всегда найдет». Для этого существует специальный бесплатный образовательный университет – ИНТУИТ. К тому же, большинство образовательных программ составлены с учетом низкого уровня информационной грамотности пользователей, т.е. для «чайников».

На наш взгляд, основными в дистанционном обучении являются проблемы качества и ответственности за результат. Насколько изучены эти проблемы социологическим сообществом, мы решили поискать материалы социологических исследований на эту тему в информационных сетях. Следует констатировать, что данный вопрос мало изучен, и почти нет материалов по этим проблемам. Кое-что обнаружить удалось. Например, материалы: «10 причин, по которым дистанционные курсы (моос) – зло», «Онлайн образование или оффлайн: кто кого?»

Мы не будем касаться проблем дистанционного обучения в высшей школе, поскольку большинство присутствующих с этим знакомы в своей практической деятельности. Кстати говоря, по проблемам дистанционного обучения есть достаточно глубокие аналитические статьи [4; 5].

В нашем случае мы предлагаем обсудить проблемы дистанционного обучения, который предлагает нам свободный рынок этих услуг в интернете для любого гражданина, а не только студентов.

Там предлагается два блока: бесплатное и платное обучение. Мы понимаем, что бесплатное обучение – это для потребителя, организаторы этого обучения, как правило, имеют свою выгоду через заключения разного рода услуг (например, на рекламу) и других заказчиков (в том числе и иностранных агентов). Но, независимо от формы оплаты курсов, проблемы для них общие – качество и ответственность за результат.

Следует отметить, что есть очень качественный продукт на этом рынке, за который не жалко заплатить. Например, программа В.В. Шахиджаняна «Со-ло на клавиатуре». Сам прошел эти курсы. Или обучающиеся бесплатные программы, которые изучил самостоятельно сын-студент: фотошоп, черчение в 3D и др.

В то же время продукт не всегда предлагается качественный. Почему? Потому что нет системы контроля за выдачей лицензий, проверки качества программ. Сами же продавцы ответственности за качество и результат не несут. Так, например, большое количество услуг предлагается по обучению охране труда с выдачей удостоверений. В связи с повышением требований к организациям, предприятиям и работникам по охране труда возникла необходимость обязательного обучения. Как правило, за обучение платят либо организации, либо сами работники. Эта услуга сразу же была представлена учреждениями дополнительного и профессионального образования. Но в интернете подобного рода обучение предлагается за меньшую оплату, практически в течение суток без отрыва от работы с гарантированной выдачей удостоверения. Многие организации и отдельные граждане, которым требуется удостоверение, идут по этому пути.

Чтобы не быть голословным, мы решили провести эксперимент и записаться на подобные курсы. В результате устной заявки по телефону менеджер выслал счет на оплату и пакет документов, подлинность которых проверить сложно, но внешне все выглядит солидно. Нам было предложено выбрать из семи программ тематику курса. Мы выбрали – педагоги. Далее был прислан материал для изучения. Качество этого материала сомнительно. Это была примитивная программ, напоминающая содержание учебника по охране труда. Был предложен примитивный тест из 10 вопросов на общие темы по охране труда. Ни в программе, ни в тестах ни одного вопроса, связанного с профессиональной педагогической деятельностью. Зачем тогда предлагался набор тем по обучению? Тест мог заполнить любой человек. После оплаты в течение суток вышлют удостоверение. Были высланы сомни-

тельные отзывы о данных курсах. На мой вопрос менеджеру, как чему-то научиться, а не только получить удостоверение, он искренне ответил: «Это тогда Вам нужно на очные курсы, но это будет дороже». После такого эксперимента стало ясно, что ни за качество, ни за результат организаторы обучения ответственности не несут. Никакого контроля за подобного рода деятельностью дополнительного образования не осуществляется. Да и правовая база для контроля отсутствует, чем успешно пользуются разного рода мошенники от образования, дискредитируя дистанционное обучение. Если так будет продолжаться, то скоро можно ожидать заочную сдачу норм ГТО.

Литература

1. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. – СПб.: Издательство давы В.А., 2002 г. 461 с.
2. Чугунов А.В. Социальная информатика: Учебное пособие. СПб.: НИУ ИТМО, 2012 г. 223 с.
3. Урсул А.Д. Становление информационного общества и модель опережающего образования. // НТИ. Сер.1. Орг. и методика информ. работы. 1997. №2. С. 1-11.
4. Шилова Л.Н. Дистанционное обучение – проблемы и перспективы развития в системе дополнительного профессионального образования Нижегородский институт развития образования.
5. Шитова В.А. Проблемы внедрения дистанционных образовательных технологий в образовательный процесс высшей школы // Электронный журнал «Вестник Московского государственного областного университета». Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru, 2011.

СОЦИАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПРОЦЕССЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ШКОЛАХ

SOCIAL INTERACTION IN THE PROCESS OF INCLUSIVE EDUCATION AT COMPREHENSIVE SCHOOLS

Е.В. Шенгалыц

Омский государственный технический университет

E.V. Shengalts

Omsk State Technical University

Рассмотрено социальное взаимодействие детей с ограниченными возможностями здоровья и здоровых школьников в процессе инклюзивного образования, а также показано положительное влияние данной формы образования на формирование личности каждого ребенка.

The purpose of this paper is to consider the social interaction of children with disabilities and healthy students in the inclusive education process and also to show what a positive influence this form of education can have on the formation of the personality for each child.

Ключевые слова: инклюзивное образование, дети с ограниченными возможностями здоровья, дети с инвалидностью, взаимодействие

Keywords: inclusive education, disabled kids, children with disabilities, cooperation.

Образование – составляющая часть жизни любого человека, поскольку играет определяющую роль в его становлении как личности, позволяет выстраивать здание своего будущего. Образование выступает фактором, определяющим дальнейшую жизнь человека как здорового, так и имеющего инвалидность. Особенно актуален вопрос, связанный с получением образования детьми-инвалидами, так как наблюдается увеличение их количества, что подтверждается статистическими данными (на 1 января каждого года): 2011 г. – 541 тыс. человек; 2012 г. – 560 тыс. человек; 2013 г. – 568 тыс. человек; 2014 г. – 580 тыс. человек; 2015 г. – 605 тыс. человек; 2016 г. – 617 тыс. человек [1]. В этом контексте В.И. Добреньков и В.Я. Нечаев отмечают эгалитарную функцию системы образования, состоящую в поддержании определенного состояния однородности общества, т.е. выравнивания условий социального продвижения различных социальных слоев, выравнивания условий развития социальных групп, индивидов. Основа реализации эгалитарной функции системы образования заключается в обеспечении равных прав и возможностей каждого человека на получение образования [2, с. 123-135]. Это подтверждают и международные нормативно-правовые документы: «Всеобщая декларация прав человека» от 10 декабря 1948 г.; «Конвенция о правах ребенка» от 20 ноября 1989 г.; «Конвенция о правах инвалидов» от 13 декабря 2006 г. и др. В указанных выше международных нормативно-правовых актах отмечается, что каждый человек имеет право на образование независимо от каких-либо обстоятельств.

Для того чтобы дети, имеющие инвалидность и дети с ограниченными возможностями здоровья (далее с ОВЗ), могли ощущать себя полноправными членами общества, были включены в систему образования, чтобы они успешно прошли социализацию, существуют несколько способов получения образования. С этой целью на современном этапе развития науки и системы образования учеными ведется поиск новых форм, технологий оказания помощи ребенку с ОВЗ. Одна из таких форм – инклюзивное образование, безусловным достоинством которого является создание условий для комфортного существования каждого ребенка, адаптация их к возможностям, потребностям таких детей, исключение архитектурных трудностей посредством перепланировки и ремонта образовательных учреждений.

Необходимо отметить, что в рамках инклюзивного образования здоровые дети и дети с ОВЗ не только совместно обучаются, но и могут общаться,

налаживать дружеские отношения, что является положительным фактором, влияющим на формирование личности каждого ребенка. Детям с ОВЗ инклюзивное образование помогает успешно проходить процесс социализации, получать качественное образование, повышать мотивацию к успешной жизнедеятельности. Для сверстников без инвалидности инклюзивное образование также является не менее важным фактором, поскольку воспитывает положительные качества: доброту, отзывчивость, толерантность; возможность увидеть инвалидность через призму ее социальной модели; научиться взаимодействовать и общаться со сверстниками с различными заболеваниями; возможность осознавать, что все дети равны вне зависимости от наличия либо отсутствия заболевания. Таким образом, инклюзивное образование предполагает социальное взаимодействие здоровых детей и детей с ОВЗ. По мнению Г.В. Осипова, социальное взаимодействие – это любое поведение индивида или группы индивидов, имеющих значение для других индивидов и групп индивидов или общества в данный момент и в будущем. Независимо от того, в какой сфере жизнедеятельности общества имеет место взаимодействие, оно всегда социально по своему характеру [3, с. 128]. В связи с вышеизложенным, социальное взаимодействие здоровых детей и детей с ОВЗ в общеобразовательных школах в рамках инклюзивного образования – важный феномен, возникающий в условиях современного общества, под влиянием изменений, происходящих в сфере образования. Для того, чтобы в процессе инклюзивного образования обе категории детей могли успешно взаимодействовать, необходимо создать условия. Так, Л.А. Казакова выделяет условия, способствующие достижению высокого результата в процессе обучения, взаимодействию детей с ОВЗ и здоровых детей: готовность коллектива школы к принятию человека с ОВЗ должна соответствовать готовности этого человека к вхождению в него; готовность коллектива должна рассматриваться как интегративный показатель (психологическая готовность коллектива, материально-техническая и организационная готовность школы); жизнедеятельность школы должна строиться с учётом возможностей и способностей всех участников образовательного процесса [4, с. 2461]. Стоит указать, что Л.А. Казакова на базе образовательных организаций и учреждений социальной защиты населения г. Ульяновска в 2014 г. апробировали программу «Мы – разные, но мы вместе! Навыки эффективного общения», в которой приняли участие дети с ОВЗ и здоровые дети (150 человек, из них: 90 детей с ОВЗ, 60 детей без инвалидности). В ходе эксперимента было установлено, что скорость формирования навыков взаимодействия быстрее у детей с ОВЗ, занимающихся в инклюзивной группе, чем у детей с ОВЗ, посещающих дифференцированную группу. Важно сказать, что у детей с ОВЗ, занимающихся в

инклюзивной группе, навыки взаимодействия с людьми с такими же нарушениями здоровья формируются быстрее, чем со здоровыми сверстниками [4, с. 2460, 2462]. Таким образом, результаты эксперимента показывают, что в процессе инклюзивного образования быстрее происходит обучение детей с ОВЗ навыкам взаимодействия, что говорит о положительном влиянии инклюзивного образования на развитие личности ребенка с ОВЗ.

Рассматривая социальное взаимодействие в процессе инклюзивного образования, Н.В. Калинина отмечает, что для успешного социального взаимодействия между здоровыми детьми и детьми с ОВЗ необходимо преодоление трудностей адаптации к школьной среде. Ученый исследует особенности адаптации у участников (детей с ОВЗ, их сверстников без инвалидности, педагогов и родителей учеников) социального взаимодействия в рамках инклюзивного образования в г. Ульяновске и Ульяновской области. Так, большинство респондентов к трудностям адаптации к школьной среде в рамках инклюзивного образования относят учебную деятельность: 52% взрослых и более 80% учеников. Среди трудностей в общении и взаимодействии здоровые дети отмечают необходимость уступать свои позиции, а дети с ОВЗ и их родители – выразили жалобы на неуступчивость одноклассников. Стоит отметить, что дети указывают и факторы, которые позволят преодолеть трудности адаптации: 72% опрошенных считают, что в этом вопросе помогут родители и учителя; 25% – дружба и взаимопомощь; 16% – терпение, сочувствие, жалость; 7% – сила воли и личные качества. А родители отмечают такие факторы преодоления трудностей адаптации, как изменение отношения учителей к детям, снижение требований, совместное выполнение заданий с детьми, понимание их проблем – 47%; дополнительные занятия – 37%; помощь классного руководителя в учебе и в общении со сверстниками – 26% [5, с. 356]. Следовательно, в процессе адаптации школьников к инклюзивной образовательной среде возникают определенные трудности, которые связаны с учебной деятельностью и со взаимодействием здоровых детей и детей с ОВЗ.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что инклюзивное образование следует рассматривать не только как организацию процесса обучения, предполагающую включение в общую систему образования всех детей, независимо от особенностей развития, но и как процесс социализации и адаптации не только к системе образования, но и друг к другу, а для детей с ОВЗ – это еще является и процессом интеграции в новую для них образовательную среду. Соответственно возникает необходимость в формировании у обеих групп детей готовности, являющейся социальной установкой на взаимодействие. У здоровых детей необходимо формировать социальную установку на взаимодействие в рамках инклюзивного образования в общеобразо-

вательных школах на общение, а у детей с ОВЗ еще и социальную установку на обучение.

Литература

1. Общая численность инвалидов по группам инвалидности // Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/invalid/1-1.doc. (Дата обращения: 10.06.2016).
2. Добреньков В.И., Нечаев В.Я. Общество и образование. М.: ИНФРА-М, 2003. 381 с.
3. Социология. Основы общей теории / Отв. ред. Осипов Г.В, Москвичев Л.Н. Учебник. 2003. 912 с.
4. Казакова Л.А. Обучение взаимодействию детей с ограниченными возможностями здоровья в инклюзивном образовании // Фундаментальные исследования. 2015. 2-11. С. 2459-2463.
5. Калинина Н.В. Социально – психологические трудности адаптации школьников в инклюзивной образовательной среде // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2014. № 4. Том 3. С. 355-358.

РОЛЬ УЧИТЕЛЯ В АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ К ШКОЛЕ **THE ROLE OF THE TEACHER IN THE ADAPTATION** **OF CHILDREN TO SCHOOL**

Д.В. Шлыкова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

D.V. Shlykova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается роль профессии «учитель» в адаптации школьников. Учитель является владельцем набора знаний, навыков и умений, которые он передает ученику в процессе обучения в школе. Без правильного формирования процесса адаптации в стенах школы ученик не сможет полностью пройти социализацию и адаптацию в обществе.

The article discusses the role of the profession «teacher» in the adaptation of students. The teacher is the owner of a set of knowledge, skills and abilities that he gives to the student in the learning process in school. Without proper formation of the process of adaptation in school, the student will not be able to complete socialization and adaptation in society.

Ключевые слова: социализация, адаптация, школа, школьник, учитель.

Keywords: socialization, adaptation, school, student, teacher.

Основным механизмом решения многих социальных проблем в обществе, утверждения новых социальных связей, новых взаимоотношений, новых ролей является вопрос социализации и адаптации молодого поколения к обуче-

нию в школе и принятие им специфических установок. Большая роль в развитии общества отводится системе образования. Образование является частью процесса социализации, и весь процесс обучения направлен на социализацию людей [1, с. 427].

Взгляды учителей на процесс адаптации детей к школе оказываются полными противоречий. С одной стороны, они обладают системностью и упорядоченностью, в них присутствует логика и здравый смысл. С другой – часто мы сталкиваемся с избытком информации, размытостью и необоснованностью фактов, отсутствием прямых доказательств и сбивчивым порядком действий. В большинстве своем для среды взаимодействия учителей с учениками характерно взвешенное и толерантное отношение к проблеме школьного обучения. Ученики с трудом переживают трудности и не готовы бороться за свои права внутри коллектива. Взгляды школьных педагогов на проблему адаптации учеников складываются под влиянием демократических и образовательных реформ, национальных ценностей и традиций.

Школа является важным институтом социализации и социальной адаптации ребенка, в котором наряду с усвоением знаний, формированием умений и навыков, стимулирующих интеллектуальное развитие, происходит усвоение социальных установок общества [2, с. 22]. В связи с этим требования, предъявляемые к ребенку, отличаются значительно большей сложностью и постоянством, чем в предшествующие этапы адаптации к окружающей среде. Адаптация к школе способствует усложнению адаптивных форм поведения, совершенствованию его произвольных форм, поведения, а также может порождать состояния длительной социально-психологической дезадаптации.

Адаптация и социализация ребенка заключается в становлении субъекта учебной деятельности, активном овладении способами и средствами ее реализации [3, с. 114]. Одной из важнейших основ социализации школьников выступают взгляды учителей на проблему дифференциации полов, которые проявляются в процессе обучения. Ущемление проявляется в раздельном преподавании отдельных предметов, различном ориентировании мальчиков и девочек на социализацию в стенах школы, которое в будущем может стать причиной выбора ими ВУЗа и профессии, а также своих жизненных ценностей и ориентиров. Большая часть учителей делают акцент на том, что школа с детства должна ставить перед мальчиками и девочками и различные цели и задачи, выполняя которые они смогут сформироваться как личность. Данные ориентиры обязательно должны подразделяться на «мужские» и «женские», в противном случае, смысл школьной социализации и адаптации будет потерян. От грамотности и профессионализма учителя на этапе взаимодействия со школьниками во многом зависит, как будет формироваться внутреннее со-

стояние ребенка, определяющие в значительной степени психологическую адаптацию ребенка в школе.

Для того, чтобы адаптация школьника была успешной и правильной, педагог должен помогать развитию у ребенка эмоционально положительного отношения к совместной деятельности на уроке, желанию участвовать в жизни коллектива, умению предложить свою помощь товарищу, а также ответственности принимать помощь от другого и потребности формировать деловые отношения в коллективе. В современной системе образования учитель большое внимания должен уделять развитию личности ребенка, его моральному и психическому благополучию, влияющему на подготовку к школьному обучению и адаптации в школе.

Положительные эмоции, которые ребенок будет испытывать при общении с классным руководителем или педагогом-предметником в школе, во многом формируют его поведение и облегчают процесс адаптации. Школьный учитель – это особая категория взрослых, им необходимо стать для ребенка не просто профессионалом, «врачом» в своем деле, но и самым близким человеком и другом. Учитель всегда может подать правильный пример для взаимодействия ребенка со сверстниками, его грамотного поведения на уроках.

Период адаптации играет очень важную роль для будущего становления и развития личности ребенка, его самореализации в жизни. От успешности прохождения периода адаптации и становления ребенка как личности зависит его дальнейшее обучение в школе и возможность социализации в будущем.

Для школьного учителя очень важно найти индивидуальный подход к каждому ребенку, помочь школьнику принять позицию ученика и помочь в развитии навыков общения и взаимодействия в условиях новой среды. Чтобы помогать детям в адаптации к школе, педагог должен быть достаточно компетентен, уверен в себе, в своих силах, своих возможностях и способностях, иметь высокий уровень профессиональной подготовки. Правильный подход к каждому из детей даст ему возможность улучшить общую атмосферу и обстановку в классе, чтобы у каждого ребенка была мотивация к собственной самореализации и развитию. Навыки общения и взаимодействия позволят школьнику адекватно действовать в условиях коллективной учебной деятельности.

Учитель заслуженно является одним из важнейших агентов социализации ребенка, он выступает как профессионал, который организует систему отношений между школой и ребенком через разнообразные виды воспитывающей и познавательной деятельности, вовлеченности в классный коллектив, создает условия для индивидуального самовыражения каждого ученика и осу-

ществляет свою деятельность в единой системе учебно-воспитательной работы школы.

Литература

1. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. М.: Феникс, 1994.
2. Социальная адаптация, реабилитация и профессиональная ориентация лиц с ограниченными возможностями здоровья: учебник для студ. учреждений высш. образования / Т.Г. Богданова, Н.А. Степанова, К.Б. Вовненко, Т.М. Попова. М.: Издательский центр «Академия», 2014. 240 с.
3. Собкин В.С. Социология дошкольного детства. Труды по социологии образования / В.С. Собкин, К.Н. Скобельцина, А.И. Иванова, Е.С. Верясова // Т. XVII. Вып. XXIX. М.: Институт социологии образования РАО, 2013.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ УПРАВЛЕНЦЕВ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММАХ

PROFESSIONAL MANAGERS TRAINING WITHIN THE SPHERE OF HIGHER EDUCATION AT THE SPECIALIZED MASTER PROGRAMS

Н.В. Шорошнева
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*
N.V. Shoroshneva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрен опыт профессионального развития менеджеров в сфере образования. Анализируется возможность формирования и развития профессиональных качеств менеджеров через обучение на специализированных магистерских программах.

The article is concerned with the practices of professional managers training within the sphere of higher education. The author analyzes the possibility of managers' professional development at the specialized master programs.

Ключевые слова: профессиональное развитие, магистратура, дистанционное обучение, педагогический работник.

Keywords: professional development, master's degree, e-learning, educator.

Глобализация, ускорение научно-технического прогресса, быстрое изменение многих сторон общественной жизни изменяют требования, предъявляемые к работникам. Возникла потребность в компетентных руководителях и управленческих командах, профессиональном развитии.

На основании анализа опубликованных работ по указанной проблематике можно дать следующее определение термина «профессиональное развитие» [1; 2; 3; 4; 5]; направленный, волевой процесс качественного совершенство-

вания знаний, умений, навыков индивида, обеспечивающих эффективность в профессиональном сообществе.

Профессиональное развитие индивида возможно при соблюдении ряда условий.

1. *Содержательное условие.* Источник изменений – сам индивид. В сознании индивида формируется волевое желание, стремление к профессионализации. Далее следует переоценка потенциала индивида: определение личностных и значимых для профессионального роста характеристик, их сопоставление, выявление сильных и слабых сторон личности. Завершающим этапом становится выстраивание личностной траектории развития с учетом проведенного анализа.

2. *Динамическое условие.* Развитие индивида как профессионала происходит пропорционально затрачиваемому на развитие времени и накапливаемому опыту. Изменения не происходят моментально. Достижению определенного уровня профессионализации предшествует последовательное прохождение индивидом ряда этапов (подготовка, старт, кульминация, финиш).

3. *Институциональное условие.* Понятие профессиональное развитие неотделимо от социума, происходит в процессе интеграции в социальный контекст: через участие в профессиональных сообществах и решение социально значимых задач при наличии профессиональной коммуникации. Свидетельством профессиональных достижений индивида выступают роли, статусы, признаваемые и присваиваемые социумом.

Современные нормативные документы в сфере образования выделяют проблему профессионального развития педагогических работников [5; 6; 7]. От степени профессионализации педагогов напрямую зависит успешность обучающихся, что является главной целью системы образования.

В настоящее время на рынке образовательных услуг города Нижнего Новгорода заметен рост числа узкоспециализированных программ, направленных на повышение квалификации педагогических кадров. В большей своей массе данные программы краткосрочны (рассчитаны на 72-144 часа), ориентированы на рассмотрение 1-2 практических вопросов, не имеют исследовательской, аналитической компоненты, играют формальную роль (для получения сертификата для прохождения процедуры аттестации).

В 2012 г. на базе НИУ ВШЭ – Нижний Новгород была открыта постиплотная магистерская программа «Управление образованием», целью которой стала подготовка профессиональных менеджеров в сфере образования, способных решать разнообразные управленческие задачи и обладающих широким кругом компетенций.

Целевая аудитория программы – работники государственных и муниципальных образовательных организаций города и области, работники органов управления образованием.

Развитие профессиональных навыков у магистрантов достигается, во-первых, за счет изучения специально подобранных дисциплин. Таким образом, чтобы обеспечить рациональное соотношение фундаментальной и специальной подготовки, сформировать широкий спектр компетенций в области менеджмента, экономики, права и психологии.

Учебная деятельность тесно переплетается с проектно-исследовательской работой. Магистранты программы «в поле» анализируют опыт работы лучших образовательных учреждений города, участвуют в совместных дискуссиях, совещаниях, открытых уроках, обсуждениях, проектах наравне с руководителями данных организаций. В течение второго и третьего годов обучения студенты имеют возможность совместно с научными руководителями и сокурсниками внедрить аналогичные проекты, опыт в свои образовательные организации, что является неотъемлемым условием при написании выпускных квалификационных работ.

Во-вторых, в течение всего периода обучения магистранты получают актуальные, разнонаправленные знания от экспертов в области менеджмента и управления образованием. Ядром преподавательского состава являются специалисты факультета менеджмента НИУ ВШЭ – Нижний Новгород. Для участия в программе приглашаются известные преподаватели других ВУЗов города, практики в области управления образованием, государственной политики. В рамках курсов для чтения отдельных тем, обсуждения актуальных проблем системы образования предусматривается участие специалистов ИРО НИУ ВШЭ, Департамента образования администрации города Нижнего Новгорода. Все преподаватели программы «открыты» для студентов, готовы к реализации совместных проектов, консультациям, профессиональному диалогу.

В-третьих, на программе практикуется гибкий подход к обучению, что позволяет студентам выполнять непосредственные производственные функции. 70% образовательного процесса реализуется в дистанционном формате. Учебный процесс персонализирован, студент сам выбирает удобный темп, время и последовательность освоения учебного материала. Доступ к образовательным материалам открыт 24 часа в сутки.

В помощь студентам менеджер программы составляет рекомендуемый график освоения учебных дисциплин, но ответственность за его выполнение несет студент. Мотивационный аспект так же «ложится на плечи» магистранта.

Дистанционное обучение реализуется с использованием электронной образовательной среды LMS, что позволяет сделать учебный процесс мультимедийным, добавить в него аудио-, видеоматериалы, графические изображения, что в свою очередь повышает заинтересованность студентов в образовательном процессе и эффективность усвоения учебного материала. Система предоставляет широкий набор простых в использовании и интуитивно понятных инструментов для организации и реализации обучения студентов. Благодаря LMS студенты могут постоянно поддерживать контакты друг с другом и с преподавателями, организовывать совместные чаты и тематические форумы.

В-четвертых, нельзя не отметить инфраструктурное и методическое обеспечение учебного процесса. На протяжении всего периода обучения, студенты имеют доступ к электронным библиотечным ресурсам НИУ ВШЭ, где содержится актуальная специализированные отечественные и зарубежные книги, периодика, диссертации с полными текстами и т.д.

В-пятых, руководство программы «Управление образованием» ежегодно совершенствует программу согласно требованиям образовательных стандартов, руководствуясь происходящими в системе образования изменениями и пожеланиями магистрантов. По окончании каждого семестра проводится анкетный опрос для оценки работы преподавательского состава и администрации программы, функциональных возможностей работы с/через LMS. Студентам предлагается поразмышлять и обозначить положительные моменты и сложности обучения в дистанционном формате, высказать пожелания по совершенствованию следующих дистанционных сессий.

Из интересного можно отметить, что оценки, полученные от магистрантов второго года обучения, всегда на порядок выше оценок студентов первого курса. Возможно, это связано с неоконченным периодом адаптации к обучению в дистанционном формате и образовательной среде LMS.

Наиболее часто магистранты выделяют следующие положительные моменты дистанционного обучения: гибкость и мобильность, экономия времени на переезды, комфортные условия для самовыражения, современная форма образовательного общения, возможность совмещать образовательный процесс с профессиональной деятельностью.

Среди недостатков магистранты выделяют: сложности с самодисциплиной; зависания, технические работы LMS; длительный период адаптации к дистанционному формату обучения.

Вышеперечисленные особенности организации образовательного процесса на магистерской программе «Управление образованием» способствуют совершенствованию профессиональных качеств магистрантов программы, о

чем свидетельствует факт, что 80% выпускников программы получили желаемые первоначально полномочия, должности.

Литература

1. Лебедева Н.В. Профессиональное становление социального работника в контексте развития личности // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2016. №2. С. 125-135.
2. Дружилов С.А. Профессионализм как реализация ресурса индивидуального развития человека // Ползуновский вестник. 2004. №3. С. 200-207.
3. Дружилов С.А. Становление профессионализма как процесс профессионального развития человека и личностное здоровье как его ресурс // Психологические науки. 2013. №10. С. 118-120.
4. Зеер Э.Ф. Концепция профессионального развития человека в системе непрерывного образования // Профессиональное образование. 2012. С. 122-127.
5. Столярова Е.Л. Становление профессиональной личности студента ВУЗа в контексте профессиональной самоактуализации // Вестник Федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский государственный агроинженерный университет им. В.П. Горячкина». 2014. № 4. С. 65-66.
6. Национальная доктрина образования в Российской Федерации.
7. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг.
8. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г.

ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

**СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ
ПРОГРАММА ЦЕНТРА КАРЬЕРЫ УНИВЕРСИТЕТА
ЛОБАЧЕВСКОГО В ПРОЕКТИРОВАНИИ И РЕАЛИЗАЦИИ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ,
ТРУДОУСТРОЙСТВУ И ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КАРЬЕРНОЙ
РЕАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ**
**SOCIOLOGICAL SCIENTIFIC RESEARCH PROGRAM DEVELOPED
BY THE CAREER CENTER AT LOBACHEVSKY UNIVERSITY
TO FACILITATE CAREER COUNSELING, EMPLOYMENT AND
CAREER DEVELOPMENT OF STUDENTS AND GRADUATES**

Г.Л. Воронин, И.А. Анисимова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

G.L. Voronin, I.A. Anisimova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Продемонстрирована роль современной прикладной социологии в решении сложнейших проблем социально-экономических проблем (перехода к инновационной экономике и формирование кадрового потенциала общества в соответствии с экономическими требованиями) на примере Нижегородского региона, Университета Лобачевского и принятой к реализации научно-исследовательской программы.

The article demonstrated the role of modern applied sociology in addressing the complex problems of socio-economic problems (transition to an innovation economy and the formation of personnel potential of the company in accordance with the economic requirements) as an example of the Nizhni Novgorod region, Lobachevsky University and adopted for implementation of the research program.

Ключевые слова: кадровый потенциал инновационной экономики, профессиональные компетенции, профессиональная ориентация, содействие трудоустройству, профессионально-карьерная реализация студентов.

Keywords: personnel potential of the innovation economy, professional competence, vocational guidance, employment promotion, vocational and career realization of students.

Переход России к инновационной экономике должен быть основан на наращивании кадрового потенциала, способного реализовать новые подходы к организации социально-экономического пространства.

Эти подходы связаны со следующими компетенциями: умение гибко и нестандартно мыслить, творчески подходить к решению поставленных задач; умение междисциплинарно, комплексно и системно решать поставленную задачу; инструментально владеть широким спектром программно-технического обеспечения; умело владеть техниками и технологиями коммуникации.

Данные компетенции, которые востребованы работодателями, находящимися на инновационном уровне развития, должны быть сформированы у выпускников высших профессиональных учебных заведений, как конкурентоспособных на рынке образовательных услуг и рынке труда, так и решающих ключевые государственные и макроэкономические задачи – переход к инновационной экономике.

Кроме компетентностного профиля (способностей осуществлять профессиональную деятельность на определенном уровне, качестве и подходах) важнейшую роль играет мотивация будущей трудовой деятельности молодого специалиста, которая включает в себя целевые и ценностные профессиональные установки.

Лидирующие позиции высшего учебного заведения на рынке труда и рынке образовательных услуг во многом зависят от того, насколько компетентностный профиль и мотивационные установки личности могут решать задачи инновационной экономики. В связи с этим на первый план выдвигается аспект целенаправленного и результативного управления процессами профессиональной ориентации и развития профессиональных компетенций и профессионально-карьерных ожиданий и мотивации студентов. Основой грамотного управления столь сложными социальными процессами, особенно, в крупных высших учебных заведениях должны стать регулярные исследования и мониторинги.

Научно-исследовательская программа Центра карьеры Университета Лобачевского «Траектории профессионального развития» разработана с целью изучения стратегий поведения учащихся на ступенях среднего общего, среднего и высшего профессионального образования, а также социальных групп, оказывающих влияние на их выбор и путь (родителей, преподавателей и работодателей). Авторами программы являются профессор, д.соц.н., Г.Л. Воронин и начальник информационно-аналитического отдела Центра карьеры ННГУ, к.соц.н. И.А. Анисимова Программа реализуется при участии Методического и Студенческого советов Центра карьеры.

Исследовательская программа включает 10 крупных социологических и социально-психологических исследований, объединенных изучением двух взаимовлияющих друг на друга социальных процессов – выбор направлений профессионального развития социальных групп, проходящих разные стадии профессионального самоопределения и подготовки, и влияние на осуществление выбора со стороны наиболее серьезных референтных групп. Окончательно завершенная картина такого социального взаимодействия может быть только при наличии положительной оценки конечного потребителя всех усилий образовательных организаций, т.е. работодателя.

Особое внимание в исследовательском проекте уделено социально незащищенной категории – молодежи из числа людей с ограниченными возможностями здоровья (инвалидов): именно эта социально незащищенная категория должна быть максимально охвачена поддержкой по профессиональному самоопределению и встраиванию в постоянно меняющуюся конъюнктуру рынка труда для того, чтобы снижать социальное и экономическое напряжение в обществе.

Исследовательский проект базируется на социологии социальных групп, институтов и процессов (институт образования, институт семьи, процессы взаимодействия различных социальных групп учащейся молодежи с референтными группами, процессы профессионального самоопределения, становления личности, профессионала, профессиональной идентичности, социальной и профессионально-карьерной мобильности и др.), экономической социологии (маркетинг образования, экономические основы осуществления выбора и поведения), социологии культуры (труд, профессионализм, карьера в структуре нравственных ценностей молодежи, родителей и педагогов профессионального образования), социологии труда (структура профессиональных предпочтений молодежи, профессиональное становление личности, система образование-профессия-профессионализм, спрос и предложение на рынке труда, возможности и границы профессионально-карьерного развития молодого специалиста на предприятиях и в организациях), психологии личности, психологии профессиональной ориентации.

Цель исследования – построение моделей карьерно-профессиональных ориентаций, ожиданий и мотивов взаимодействия школьников, их родителей, студентов, сотрудников учебных заведений и работодателей на рынке образовательных услуг и рынке труда Нижегородского региона.

Практическая значимость результатов исследования:

1. Осуществление всестороннего маркетингового, социологического и социально-психологического анализа образовательной услуги в системе СПО и ВПО;

2. Определение приоритетных задач в развитии деятельности Центра карьеры ННГУ им. Н.И. Лобачевского;

3. Использование в работе по профессиональной подготовке, развитию профессиональных компетенций и содействию трудоустройству студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского;

4. Использование материалов исследования в разработке проектов и программ, направленных на расширение возможностей студентов ННГУ в трудоустройстве по специальности.

5. Разработка методических и практических рекомендаций по преодолению тенденций снижения показателей трудоустройства;

6. Составление социально-экономического прогноза тенденций развития кадрового потенциала, рынка высшего и среднего профессионального образования и рынка труда Нижегородского региона в течение ближайших 10 лет;

7. Создание постоянно действующей площадки по подготовке квалифицированных кадров в области планирования, организации и реализации социологических и социально-психологических исследований за счет сотрудничества опытных социологов и ученых и молодых, начинающих исследователей.

В течение 2013-2016 гг. были реализованы 5 исследований:

1) «Компетенции студентов на нижегородском рынке труда»: декабрь 2013г., анкетирование, 121 студент ННГУ, 15 работодателей;

2) Профессионально-карьерные ожидания студентов ННГУ – 2 исследования:

– февраль 2015г., анкетирование студентов ННГУ, 900 человек,

– февраль 2016г., анкетирование студентов ННГУ, 900 человек;

3) Высшее классическое (университетское) образование: мотивация получения и применения на рынке труда: март 2016 г., анкетирование студентов ННГУ, 1600 человек; планируется опрос работодателей;

4) Влияние внеучебной деятельности студентов на успех на рынке труда: март 2016 г., анкетирование студентов ННГУ, 933 человека, планируется опрос выпускников.

На основе каждого из них разработаны методические рекомендации, а также комплекс мероприятий со студентами (Дни карьеры по типам университетской подготовки; школа карьерного роста «Маркетинг профессионального развития»; серия деловых игр; профориентационная деловая игра «Траектория» и другие), которые были успешно апробированы, получили высокую оценку студентов и работодателей, поскольку призваны формировать кадровый потенциал инновационной экономики.

ЦЕННОСТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ Я-КОНЦЕПЦИИ СТУДЕНТОВ VALUE COMPONENTS OF SELF-CONCEPTION OF STUDENTS

В.В. Колосова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

V.V. Kolosova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Представлены эмпирические результаты исследования ценностных ориентаций (ЦО) и структурные компоненты Я-концепции студентов-психологов первого курса. Полученные результаты отражают предпочитаемые, индифферентные и отвергаемые терминальные и инструментальные ценности студентов в образах Я-реальное и Я-идеальное. Установленная иерархия ЦО студентов определяет возможность построения прогноза эффективной деятельности выпускников.

The article presents the empirical results of a study of value orientations (VO) and the structural components of self-concept of students-psychologists are first rate. The results reflect preferred, indifferent and unwelcome terminal and instrumental values students in the images I'm real and I'm perfect. Established students VO hierarchy determines the possibility to construct the prediction of effective activity of the graduates.

Ключевые слова: ценностные ориентации, терминальные ценности, инструментальные ценности, Я-концепция, Я-реальное, Я-идеальное.

Keywords: value orientations, terminal values, instrumental values, self-concept, I am real, I am perfect.

Переплетение сложнейших проблем нашего времени формирует новую для психологической науки реальность, которая характеризуется изменениями условий формирования профессионального самосознания и моделей поведения специалистов помогающих профессий социономического типа. Осознание и конструктивное разрешение проблем современного общества предъявляет особые требования к результатам освоения основных образовательных программ подготовки психологов. Изучение иерархии, структуры и функций ценностных ориентаций (ЦО) студентов продиктовано востребованностью российским обществом специалистов-психологов, готовых и способных к профессиональной деятельности в различных видах социальной практики. В период обучения особенно интенсивно формируется мировоззрение, самосознание, система ЦО личности, совокупность представлений о себе реальном и идеальном. Это делает проблему научного понимания, объективного анализа, развития и формирования системы ЦО современной молодёжи особен-

но актуальной [1]. Теоретико-методологическую основу исследования составили работы психологов и социологов К.А. Абульхановой-Славской, Л.И. Божович, И.В. Дубровиной, А.Л. Журавлёва, И.С. Кона, Д.А. Леонтьева, М.С. Яницкого, в которых анализируется ценностная сфера личности, механизмы её формирования и возрастные особенности. Система представлений индивида о самом себе, образ собственного «Я», структурные компоненты «Я» отражены в исследованиях Я-концепции личности. Взаимосвязи содержания образов Я-реальное и Я-идеальное анализируются в работах Е.П. Белинской, Р. Бернса, А.А. Реана, Х. Ремшмидта, А.М. Рикель, О.А. Тихомандрицкой. Образ Я-реального содержит установки, связанные с актуальными способностями, ролями и статусами, образ Я-идеального содержит установки, связанные с представлениями индивида о том, каким бы он хотел стать.

Цель нашего исследования состояла в выявлении специфики иерархии ЦО студентов-психологов, исходя из их представления о двух формах Я-концепции – реальной и идеальной. В исследовании приняли участие в общей сложности 78 студентов 1, 2 и 5 курсов [2]. Представляем результаты, полученные на выборке студентов-психологов 1 курса. Для определения иерархии ценностей студентов использована получившая признание методика М. Рокича в модификации Д.А. Леонтьева [3]. Статистическая обработка данных проводилась с помощью пакета апробированных прикладных компьютерных программ. Решая поставленные задачи, для каждой ценности были подсчитаны средние ранги, полученные результаты разделены на три группы: предпочитаемые, индифферентные и отвергаемые ценности. На этапе исследования образа Я-реальное в иерархии терминальных ценностей приоритетными выборами стали следующие ценности: «любовь», «счастливая семейная жизнь», «здоровье», «наличие хороших и верных друзей», «развитие», «уверенность в себе». Среди незначимых ценностей – «материально обеспеченная жизнь», «счастье других», «общественное признание», «развлечения», «красота природы и искусства» и на последнем месте – «творчество». Приоритетными инструментальными ценностями были выбраны: «жизнерадостность», «ответственность», «воспитанность», «честность», «независимость» и «образованность». К группе отвергаемых ЦО отнесены: «рационализм», «эффективность в делах», «аккуратность, умение содержать в порядке вещи, порядок в делах», «исполнительность», «высокие запросы», «непримиримость к недостаткам в себе и других».

На этапе исследования образа Я-идеальное к группе приоритетных ценностей испытуемые отнесли ценность заинтересованного отношения к жизни, т.е. ценность «активной деятельной жизни», которая вытеснила ценность «уверенной в себе личности». Однако, по-прежнему в группе индифферент-

ных терминальных целей «интересная работа» и среди незначимых ценностей – «творчество». На наш взгляд, важное позитивное переосмысление ЦО в образе Я-идеальное появляется в иерархии инструментальных ценностей. Возрастает и оказывается на первом ранговом месте ценность «самоконтроля (сдержанности, самодисциплины)» как показатель сознательной регуляции собственного поведения и деятельности и как способность человека к социальноприемлемым эмоциональным реакциям. Важно пополнение этой группы такими ценностями, как «терпимость (к взглядам и мнениям других, умение прощать другим их ошибки и заблуждения)» и «чуткость (заботливость)», которые, вероятно, рассматриваются респондентами в качестве необходимых компонентов личностного и профессионального самоопределения. При этом наиболее существенное негативное изменение в иерархии связано с ценностью «воспитанность», которая переместилась с 3 ранговой позиции вниз, на 14 ранговую позицию. Видимо, в будущем эта ценность не воспринимается первокурсниками как значимая: тактичность, умение вести себя, соблюдая правила поведения в обществе, проявляя такт в отношениях с другими людьми, выглядит архаично, и даже разумные запреты и ограничения вызывают сопротивление будущей интеллигенции.

Полезным для дальнейших исследований личности и проектирования образовательного процесса является обнаружение значимых взаимосвязей ЦО «продуктивная жизнь» и «воспитанность» ($-0,58, p \leq 0,001$), а также ценностей «творчество» и «воспитанность» ($-0,54, p \leq 0,01$).

Для целей нашего исследования важно было выявить характер и степень связи между представлениями студентов в образе Я-реальное и Я-идеальное. В процессе корреляционного анализа была выявлена сильная положительная связь высокой степени значимости (коэффициент корреляции Спирмена) между терминальными ценностями в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» ($r=0.927, p<0.001$) и умеренная достоверная положительная связь между инструментальными ценностями в образах «Я-реальное» и «Я-идеальное» ($r=0.634, p<0.05$). Совпадение, связанность образов-представлений отражает недостаточную сформированность и дифференцированность представлений испытуемых, отсутствие у них содержательного, осознанного размышления (в прошлом и в настоящем) о своём ближайшем и далёком будущем, в том числе о нормах жизнедеятельности и профессиональном взрослении.

Обратим внимание на ряд ценностей, характеризующих сферу профессиональной самореализации: «интересная работа», «познание», «творчество». И в образе Я-реальное, и в идеальном образе эти ценности находятся в середине и второй половине иерархии, т.е. в списке индифферентных и отвергаемых ценностей. Сравнение полученных нами данных совпадает с аналогич-

ными результатами других авторов относительно ценности «творчество». Как отмечает Е.П. Ермолаева, происходит сдвиг ценностей и профессиональной этики от общественного к личному благу и снижение порога моральных запретов в сферах профессионального труда, подвергшихся коммерциализации. И из всех мотивов выбора и пребывания в профессии реально действенным оказывается материальный мотив выбора, а не моральный, не интерес, не творчество [4].

Сравнение иерархии терминальных ценностей по двум инструкциям показывает: среднегрупповые показатели значимости терминальных ценностей выше по второй инструкции (в образе Я-идеальное), чем по первой.

В процессе исследования ЦО студентов-психологов первого курса нами получены эмпирические результаты, описывающие иерархии ЦО студентов, в том числе группы (типологии) предпочитаемых, индифферентных и отвергаемых ценностей в образах Я-реальное и Я-идеальное. Однако следует признать, что в условиях глобальной модернизации всех сторон социальной реальности стремление к получению нового, более совершенного результата деятельности, ценность творчества не воспринимаются первокурсниками как значимый регулятор социального поведения, полезным оказывается стандарт, заданный образец, шаблон поведения и деятельности.

Установленная иерархия ЦО студентов определяет возможность построения прогноза эффективной деятельности специалистов. При этом следует подчеркнуть, что в силу особенностей юношеского возраста в образах-представлениях испытуемых присутствует неопределённость выборов в сфере профессиональной самореализации, что требует дополнительной проверки и новых направлений исследований.

Литература

1. Колосова В.В. Парадигма профессионально-личностного развития и задачи модернизации образовательных программ // *Науковедение*. 2013. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/84pvn413.pdf>. (Дата обращения: 20.06.2016).
2. Колосова В.В. Ценностные ориентации как психологические механизмы развития профессиональной компетентности выпускника // *Нижегородский психологический альманах*. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psykaf417.esrae.ru/6-54>. (Дата обращения: 20.06.2016).
3. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М: «СМЫСЛ», 1992. 17 с.
4. Ермолаева Е.П. Современные тенденции маргинализации личности профессионала в общественном сознании // *Личность профессионала в современном мире* / Отв. ред. Л.Г. Дикая, А.Л. Журавлев. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 942 с. (Труды Института психологии РАН). С. 761-775.

**ПРИОРИТЕТНЫЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ
МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ**
**PRIMARY QUESTIONS OF THE MEDICAL STUDENTS
SOCIALIZATION OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION**

Н.А. Матвеева, А.В. Леонов

Нижегородская государственная медицинская академия

N.A. Matveeva, A.V. Leonov

Nizhni Novgorod State Medical Academy

Социализация личности – многофакторный процесс в конкретной среде обитания и профессиональной деятельности. Специфические контингенты социализации в медицинском ВУЗе: школьники, абитуриенты, русские и иностранные студенты. Охрана здоровья студентов, трудоустройство молодых специалистов – задачи медицинского ВУЗа.

Socialization of a personality is a known to be multilateral process in your particular environment and professional activities. Specific contingents of socialization in a medical school are schoolchildren, entrants, russian and foreign students. To provide the health protection of students and the professional employment of young specialists are the aim of a medical school.

Ключевые слова: социализация, студенты, абитуриенты, иностранные студенты, охрана здоровья, профессиональное трудоустройство.

Keywords: socialization, specific contingents, health protection, professional employment.

Социализация – это всестороннее развитие человека на протяжении всей жизни на основе взаимодействия с окружающим миром, усвоения и воспроизводства социальных норм и культурных ценностей, а также саморазвитие работников в том обществе, к которому он принадлежит.

Одной из актуальных задач в этой области является решение проблем социализации медицинских работников. Профессия медицинского работника требует наличия комплекса специфических качеств: широкого кругозора и не только в своей области знаний, определенного психологического склада, глубоких знаний своей профессии, готовности в трудных условиях к оказанию помощи больным, следуя главному предназначению врача. Не случайно, выпускники медицинских вузов принимают Присягу врача России (ранее клятву Гиппократу).

Процесс социализации активно происходит в медицинском вузе, где условно можно выделить несколько организационных этапов.

Показателен процесс поступления абитуриентов в Нижегородскую государственную медицинскую академию. На этом этапе абитуриентов можно

разделить на три группы по уровню их подготовки и степени социализации. Первая самая большая группа – это выпускники общеобразовательных организаций. Выбор профессии обусловлен рядом факторов – от престижности медицинской профессии до желания родителей, не всегда совпадающий с желанием самих абитуриентов. В случае поступления последняя группа сталкивается с наибольшими трудностями в процессе обучения с высоким процентом отсева из академии.

Вторая группа – выпускники медицинских лицеев. Нижегородская медицинская академия создала в городе пять медицинских лицеев: медико-экологический лицей № 28, соответствующий профиль подготовки в Центре одаренных детей, два лицея в регионах (г. Семенов Нижегородской области и лицей-интернат в поселке Моргауши Марийской Республики). Обучение в этих учреждениях ведется на повышенном уровне трудности. Анализ показывает высокую успеваемость выпускников данной категории учащихся, выраженную мотивацию к сохранению профессионального выбора, начиная со школьной скамьи, раннее начало научных исследований в рамках научного студенческого общества. Переход на безальтернативную форму контроля знаний выпускников образовательных организаций – тестирование в ходе ЕГЭ серьезно осложнил деятельность таких учреждений, но не смог закрыть это рациональное направление не только образования, но и социализации учащихся.

Третья группа – выпускники медицинских училищ и колледжей. Не вызывает сомнения их стойкая положительная мотивация к продолжению образования и получению профессии врача. Однако специфика среднего специального образования создает определенные трудности при обучении на первых трех курсах медицинской академии. Несмотря на это, одержимые своей мечтой стать врачами, обладая уже выраженной социализацией, они успешно заканчивают вуз.

Специфическая группа студентов. С начала 21-го столетия Ректорат и преподаватели НижГМА реализуют и совершенствуют систему профессионального обучения и социализации иностранных студентов с активным использованием английского языка. Обучение ведется по программам на двух факультетах (лечебное дело и стоматология), которое координирует деканат ФОИС. Помимо общих проблем по освоению профессии врача иностранные студенты еще акклиматизируются к специфическим природно-климатическим и социальным условиям.

Студенты проживают в отдельном благоустроенном общежитии на территории студенческого городка, активно совершенствуют русский язык, для занятий формируют группы из иностранных студентов. Многолетний опыт ра-

боты с данным контингентом подтверждает целесообразность и эффективность обучения иностранных студентов, большинство которых по окончании академии успешно работают в своих странах.

Второй этап социализации – трудовая занятость студентов медицинской академии в процессе обучения. По окончании третьего курса студенты получают право работать средними медицинскими работниками. Однако, кроме обычных экзаменов, они должны написать заявление и сдать дополнительный междисциплинарный экзамен, чтобы подтвердить это право. Безусловным положительным моментом является то, что ежегодно поступает более 400 заявлений от желающих подтвердить это право. Учитывая, что в средствах массовой информации, в сети «Интернет студентам предлагают более высоко оплачиваемую работу, комфортные условия труда с гибким графиком. Тем важнее, что студенты-медики выбирают будущую профессиональную деятельность, связанную с ночными дежурствами, уходом за пациентами, частыми стрессовыми ситуациями. Это свидетельствует о высоком уровне формирующейся социализации и четком осознании студентами приоритетов профессии.

Третий этап – головная боль большинства вузов – это трудоустройство выпускников по специальности. Работа, проводимая подразделениями академии, позволяет обеспечить более 120% вакантных рабочих мест от числа выпускников. Однако низкая оплата труда, необъяснимая ни с точки зрения здравого смысла, ни в сравнении с международными стандартами ставит молодого врача в трудные условия. К этому времени создается семья – социальная ячейка общества. Как быть молодому семейному отцу со стартовым месячным окладом на прожиточном уровне жизни? Часть проблем помогает решить целевой прием, часть региональные и губернаторские программы, но не решение проблемы в целом, поскольку это государственная задача.

Социализация является многофакторным процессом, в том числе, состояние здоровья. В условиях длительно протекающих социально-экономических преобразований в стране накопились проблемы по охране здоровья студенческой молодежи. Студенчество – это специфический контингент населения, когда завершаются активные процессы роста и развития, в частности формирование репродуктивной функции и резистентности организма. Однако частая смена образовательных программ, формы и условия получения высшего образования, специфический режим дня, отличный от школьного образования, создают предпосылки к появлению негативных тенденций в здоровье студентов. В Государственном докладе о состоянии здоровья населения РФ особо отмечено, что из всех групп населения динамика наиболее неблагоприятна

гоприятна в популяции подростков (15-17 лет) – основной резерв абитуриентов высших учебных заведений [1].

За период обучения в вузе увеличивается количество студентов с функциональными нарушениями в здоровье и хроническими заболеваниями. По результатам специального исследования [2], установлено, что на первом курсе 47,6% студентов были здоровы, около четверти имели функциональные отклонения (23,6%), а 28,8% студентов – хронические заболевания. Ко 2-му курсу уменьшается число лиц первой группы здоровья, причем почти все они переходят сразу в третью группу здоровья, и эта доля студентов с хроническими заболеваниями к окончанию 2-го курса достигает 40,6% и увеличивается до конца процесса обучения.

Авторы отмечают более высокие показатели заболеваемости студенток по сравнению со студентами мужского пола [3]. Уже на первом курсе у девушек выявляют в 2,6 раза больше хронических заболеваний и функциональных отклонений по сравнению с юношами. У девушек значительно чаще диагностировали болезни органов пищеварения, эндокринной и мочеполовой систем, а также неврологические нарушения.

Приведенные факты свидетельствуют о необходимости создания комплексной системы охраны здоровья студентов – интеллектуальной элиты любого общества. Однако хронические экономические катаклизмы в стране позволяют придерживаться негативного прогноза. В крупнейшем образовательном центре – Нижнем Новгороде уже много лет закрыта студенческая поликлиника. Это учреждение централизованно оказывало медицинскую помощь этому контингенту и вносило серьезный положительный вклад в охрану здоровья студентов. Закрыв это специализированное медицинское учреждение, региональные власти не предложили разумной позитивной альтернативы.

Социализация студенческой молодежи, которая является приоритетным профессиональным и репродуктивным потенциалом страны – это многоуровневая государственная задача, которую необходимо решать с учетом профиля вузовской подготовки.

Литература

1. Кучма В.Р., Рапопорт И.К. Научно-методические основы охраны и укрепления здоровья подростков России. Гигиена и санитария. 2011; 4:53-7.
2. Общественное здоровье и здравоохранение. Избранные лекции / И.А. Камаев. Н. Новгород: Издательство НижГМА, 2010. 272 с.
3. Студенчество: проблемы здорового образа жизни / В.В. Ахметова, М.С. Гурьянов, Д.В. Зернов и др. Н. Новгород: НИСОЦ, 2009. 184 с.

**ОТРАЖЕНИЕ ИДЕЙ С.Л. РУБИНШТЕЙНА В ОРГАНИЗАЦИИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ**
**THE REFLECTION OF S.L.RUBINSTEIN'S IDEAS WITH
REFERENCE TO STUDENTS' PRACTICAL WORK**

В.Ю. Могилевская
*Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь, Республика Молдова*
V.Yu. Mogilevskaya
Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Republic Moldova

Рассматриваются идеи С.Л. Рубинштейна как фундамент высшего профессионального образования. Анализируется их отражение в организации практической подготовки студентов.

The article discusses the ideas of S. L. Rubinstein as the foundation of higher education. Analyzes their reflection in the organization of practical training of students.

Ключевые слова: С.Л. Рубинштейн, практическая подготовка, студенты.
Keywords: S.L. Rubinstein, practical training, students.

Происходящие перемены в системе высшего профессионального образования показывают необходимость их всестороннего обсуждения и поддержки. Между тем, наибольшие перемены касаются организации практической подготовки студентов. Следует понимать, что любые изменения основываются на фундаменте, подготовленном задолго до возникновения самих перемен. Такой теоретической базой, безусловно, являются идеи С.Л. Рубинштейна. В настоящее время концепция, предложенная великим психологом, переосмысливается по-новому и открывает научные горизонты для решения проблем практической подготовки студентов.

В монографии «Принципы и пути развития психологии» автор отмечал, что в самых основах теории должна быть заложена связь психологической науки с практикой, и правильно поставленное познание исходит из жизни и ее запросов и ставит себе целью решение жизненных проблем [1]. В 1945 г. ученый обратил внимание на то, что связь между психологической наукой и педагогической практикой не может быть односторонней, предполагающей применение добытых, без учета запросов практики психологических знаний о природе ребенка к делу воспитания и обучения, и делает вывод, что она двусторонняя и взаимная. Автор формулирует принцип единства воспитания – обучения и психологического познания детей. Он подчеркивал, что необходимо изучать детей, воспитывая и обучая их, чтобы воспитывать и обучать, изучая их [2].

М.А. Степанова указывает, что ученый не противопоставляет практику педагогической психологии теории и подчеркивает, что умственное развитие необходимо изучать в условиях определенным образом организованного педагогического процесса. Кроме того, М.А. Степанова отмечает, что в работах Сергея Леонидовича показана необходимость исследований, проводимых в рамках педагогической психологии, диктуемых задачами образования, теоретические задачи психологического познания и практические задачи тесно смыкаются друг с другом, то есть, проверяет и питает теорию. Таким образом, образовательная практика, обнаруживает слабые стороны психологии и поставяет факты, нуждающиеся в научном объяснении. По существу, такое понимание обостряет противоречия и проблемы, лежащие в основе практической подготовки студентов сегодня.

Согласно С.Л. Рубинштейну, тесная связь психологии с педагогикой предъявляет к психологии высокие требования, связанные с тем, что психологические данные должны не только применяться в практике, но и выдерживать испытания ею. Особое внимание ученым уделяется вопросу содержания психологических исследований, имеющих практическую направленность, то есть, научное исследование первоначально должно быть организовано с учетом возможности его приложения к педагогической практике с учетом ее актуальных задач и потребностей. Но при этом не должно быть сведено к уровню педагогической рецептуры, а разрабатывать проблемы, теоретически и практически значимые [3]. Это отражается как востребованность практикоориентированных, способных ориентироваться в проблемах образования студентов.

Сергей Леонидович доказывает, что для того, что бы связь психологии с жизнью была эффективной, необходимо внутри самой теории создать внутренние предпосылки для реальности и действенности этой связи [2]. По существу, этими идеями ученый описал предпосылки возникновения компетентностного подхода в отечественном образовании. И как главное условие этого, для С.Л. Рубинштейна, выступает вопрос о детерминации человеческой деятельности. Так, согласно общему методологическому положению, внешние воздействия действуют посредством внутренних и образуют с ними единое целое, что означает возможность освоения человеком заданных извне знаний, благодаря не только непосредственной организации процесса обучения, но и наличию внутренних условий для их освоения. Для Сергея Леонидовича недостаточно было давать учащимся готовые схемы действий, а думать о создании внутренних условий для их продуктивного использования или самостоятельной возможности находить новые обобщения, новые приемы, новые способы действия [2].

По нашему мнению, содержащиеся в работах ученого указания в настоящее время получают продолжение в разработке вопроса о сущности практической подготовки студентов. Сергей Леонидович писал, что освоение содержания культуры происходит в процессе обучения, в то время как освоение системы межличудских отношений того коллектива, к которому принадлежит индивид, – в процессе воспитания, который неразрывно связан с обучением. Автор подчеркивал, что решение вопроса о соотношении развития и обучения, развития и воспитания приведет к верному ответу на вопрос о соотношении педагогики и психологии. С.Л. Рубинштейн решает этот вопрос посредством признания единства развития и воспитания, развития и обучения [1].

По мнению автора, воспитание и обучение включаются в процесс развития, а не надстраиваются над ним, то есть развитие не предопределено наследственными задатками или внешней средой. Задача воспитания и обучения состоит не в приспособлении педагогического процесса к процессам созревания, а в том, чтобы формировать развитие. Другим немаловажным для организации практической подготовки студентов выводом С.Л. Рубинштейна является тезис о том, что личностные свойства и познавательные процессы не только проявляются, но и формируются в ходе собственной деятельности человека. В своих работах автор обозначил основной путь становления личности и роль психологии и педагогики в этом процессе [3]. С нашей точки зрения, в вопросах организации практической подготовки студентов эти идеи позволяют прицельно формировать программы практики, ориентируясь, прежде всего не на знаниевый, а на личностный аспект.

Положение о единстве развития и обучения дает возможность широкого понимания учения и практической подготовки, в частности, как деятельности, которая своим результатом имеет научение. Ей принадлежит ведущая роль в овладении системой знаний и умений, при этом обучение в целом происходит в ходе выполнения деятельности, которая выходит за пределы собственно учения. Развитие строится в ходе деятельности многообразных форм, поскольку в ней возможно научение, посредством которого формируется личность, что расширяет сферу возможного педагогического воздействия, распространяясь на всю деятельность студента. С.Л. Рубинштейн теоретически обосновал положение, имеющее выдающийся смысл прошлого и современной практической подготовки, указав на это [2].

Ученый научно обосновал и доказал тесную связь психологической науки и педагогической практики, вскрыл механизм соотношения обучения и умственного развития, которые получили дальнейшее развитие и широкое практическое воплощение в исследованиях Л.С. Выготского, П.Я. Гальпер-

на, Д.Б. Эльконина и В.В. Давыдова. Эти идеи в настоящее время по-новому отражают и раскрывают сущность организации практической подготовки студентов.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. Изд. 2-е. Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976.
2. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды // Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997.
3. Степанова М.А. Психологические аспекты педагогической практики в свете научных воззрений С.Л. Рубинштейна / Психология человека в современном мире. Т. 3. Материалы Всероссийской юбилейной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15-16 октября 2009 г. М.: Институт психологии РАН, 2009.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА СФЕРЫ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL POTENTIAL OF YOUTH POLICY

Т.К. Ростовская
Московский педагогический государственный университет
Т.К. Rostovskaya
Moscow state humanitarian university by M.A. Sholohov

Автор, отмечая развитие системы подготовки профессиональных кадров в сфере государственной молодежной политики, обращает особое внимание на необходимость решения актуальных проблем, связанных с трудоустройством выпускников образовательных организаций по направлению подготовки организация работы с молодежью, утверждением профессионального стандарта специалиста по работе с молодежью.

The author, noting the development of the system of professional training in the sphere of state youth policy emphasizes the need for solving actual problems related to employment of graduates of educational institutions in the direction of training organization of youth work, the approval of the professional standard of a specialist in working with young people.

Ключевые слова: молодежь, образовательный потенциал специалиста, кадровый потенциал молодежной политики, профессиональный стандарт.

Keywords: youth, educational potential of the expert, workforce capacity of youth policy, professional standard.

Эффективность реализации государственной молодежной политики в современной России зависит от совершенствования институциональной составляющей образовательного и профессионального потенциала специалиста

по работе с молодежью-работника федерального, регионального или муниципального органа исполнительной власти, органа местного самоуправления, а также организации любой формы собственности, который имеет соответствующую профессиональную квалификацию и осуществляет работу с молодежью [1]. Работа с молодежью в соответствии с Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Основы ГМП на период до 2025 г.) определена как профессиональная деятельность, направленная на решение комплексных задач по реализации молодежной политики в различных сферах жизни общества, взаимодействия с государственными организациями и общественными институтами, молодежными и детскими общественными объединениями, а также с работодателями. Важнейшим элементом институциональной составляющей молодежной политики является её кадровое обеспечение [2].

Основопологающим принципом, определяющим концептуальные основы развития кадрового потенциала молодежной политики в Российской Федерации, является признание молодежи как социально-демографической группы, имеющей стратегическое значение для будущего общества. Используя наиболее распространенный научный конструкционистский подход к определению молодежи, под термином «молодежь» мы понимаем социальный статус, определяемый возрастом [3, с. 91-96].

Повышение эффективности и качества образовательного потенциала специалиста сферы молодежной политики, уровень его профессиональной компетентности, личностные качества и ценностные основания являются важнейшим условием реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 гг. [4]

Подготовка профессиональных кадров в сфере молодежной политики имеет эволюционное развитие. В этой связи интересен опыт реализации в российском обществе трехэтапной модели подготовки кадров в сфере молодежной политики.

Импульсом к созданию российской модели специалиста по работе с молодежью стал приказ Минобразования от 12 августа 2003 г. № 3310 «Об эксперименте по созданию специальности «Организация работы с молодежью». В 2005 г. был разработан Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования второго поколения по специальности 040104 «Организация работы с молодежью». Таким образом, *первый этап* (2003-2008 гг.) характеризуется началом формирования системы подготовки кадров сферы молодежной политики.

Второй этап (2009-2014 гг.) отмечен развитием эффективной системы кадрового потенциала сферы молодежной политики. В связи с переходом на

двухуровневую систему образования в Российской Федерации в 2009-2010 гг. были утверждены федеральные государственные образовательные стандарты ВПО третьего поколения уровней бакалавриата и магистратуры по направлению подготовки 040700 организации работы с молодежью.

С введением в действие новых федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования по направлению подготовки 39.03.03 и 39.03.04 Организация работы с молодежью уровней бакалавриата и магистратуры (3+) начался *третий этап, связанный с модернизацией основных образовательных программ подготовки профессиональных кадров в сфере молодежной политике.*

Безусловно, особый интерес представляет подготовка магистров по направлению подготовки «Организации работы с молодежью», так как область их профессиональной деятельности включает решение комплексных задач по реализации молодежной политики в социокультурной сфере. Объектами профессиональной деятельности магистров являются социокультурные процессы в молодежной среде, свойства и состояния молодежи, их проявления в различных областях социальной деятельности и взаимодействия на уровне индивида, группы, сообщества, а также способы и формы воздействия на молодежь, различные аспекты ее развития. К основным видам профессиональной деятельности выпускников-магистров относятся: научно-исследовательская; социально-диагностическая; проектная; организационно-управленческая; экспертно-консультационная; педагогическая.

В процессе сравнительного анализа ФГОС третьего поколения и три плюс выявлено, что в новом стандарте: отсутствуют следующие виды профессиональной деятельности выпускников-магистров: организационно-массовая, производственная и социально-технологическая; появился новый арсенал общепрофессиональных компетенций, направленных на готовность выпускников-магистров к коммуникации и руководству коллективом в сфере молодежной политики.

Как результат, у образовательной организации высшего образования появилась возможность самой определять конкретные виды профессиональной деятельности, к которым в основном готовится магистр.

Развитие компетенций специалистов по работе с молодежью является ключевой задачей реализации государственной молодежной политики. В этой связи развитие системы кадрового обеспечения молодёжной политики должно сопровождаться пересмотром сложившихся требований и параметров к кадровому потенциалу с точки зрения компетентностного подхода и новых условий оплаты труда для приведения в соответствие профессионального образования выпускников вузов с потребностями рынка труда [5, с. 495-500].

Отмечая развитие системы подготовки профессиональных кадров в сфере государственной молодежной политики в современном российском обществе, необходимо обозначить следующие проблемы:

1. Более 70% выпускников образовательных организаций высшего образования по направлению подготовки Организация работы с молодежью не идут работать по специальности. Необходимо в первую очередь разработать механизм целевого набора для подготовки специалистов сферы молодежной политики в соответствии с потребностями отрасли.

2. В Российской Федерации до настоящего времени не утвержден профессиональный стандарт специалиста по работе с молодежью. Считаю необходимым утвердить в кратчайшие сроки разработанный рабочей группой Росмолодежи проект профессионального стандарта «Специалист по работе с молодежью», который позволит обозначить основную цель вида профессиональной деятельности специалиста по работе с молодежью; разработать функциональную карту вида профессиональной деятельности, включающую описание трудовых функций специалиста по работе с молодежью, входящих в профессиональный стандарт; повысить эффективность и качество услуг, предоставляемых учреждениями органов по делам молодежи субъектов Российской Федерации, что, безусловно будет способствовать повышению эффективности человеческого капитала, воспитанию конкурентоспособного и подготовленного к жизни в глобальном мире молодого поколения россиян [6, с. 226-229].

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 г. N 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Собрание законодательства РФ, 15.12.2014, N 50, ст. 7185.

2. Ростовская Т.К. Три кита управления государственной молодежной политикой в современной России: монография в трёх томах. Т. 1. Нормативно-правовое обеспечение государственной молодёжной политики в современной России. М.: ЦОЗ, 2014. 192 с.

3. Ростовская Т.К. Социальное конструирование правового статуса молодежи и молодой семьи // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 91-95.

4. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. N 295 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы» «Собрание законодательства РФ», 28.04.2014, N 17, ст. 2058.

5. Ростовская Т.К. Специфика подготовки профессиональных кадров сферы молодежной политики: компетентный подход // Материалы международной конференции Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2015.

6. Ростовская Т.К. Повышение эффективности и качества образовательного и профессионального потенциала специалиста по работе с молодежью. Вопросы управления. 2015. № 6 (18). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vestnik.uapa.ru/ru/issue/2015/06/27/>. (Дата обращения: 04.09.2016).

СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ ПРОФКОНСУЛЬТАНТА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ THE ROLE OF PROFESSIONAL CONSULTANT IN THE YOUTH CAREER ORIENTATION

Е.А. Андреева, Л.М. Низова
Поволжский государственный технологический университет
Е.А. Andreeva, L.M. Nizova
Volga State University of Technology

Раскрывается значимость профконсультанта в ориентации молодежи на приобретение специальности, подбор рабочего места и определение жизненного пути. Сделан акцент на требованиях к личности консультанта в зависимости от сферы его деятельности.

Expands the importance of a professional consultant in the youth focus on the acquisition of a degree, the selection of the workplace and the definition of life. Emphasis is placed on to the individual requirements of a consultant, depending on the scope of its activities.

Ключевые слова: профконсультант, профуслуга, профконсультирование, профинформирование, профориентация.

Keywords: professional consultant, professional service, professional counseling, vocational information, career guidance.

Профессиональный консультант – это специалист, оказывающий профориентационные услуги [1]. Сфера его деятельности многогранна и многообразна: образовательные учреждения (средние, специальные и высшие), органы службы занятости, органы социальной защиты. Направлениями деятельности являются: помощь в выборе будущей профессии, информирование о состоянии рынка труда и занятости населения, работа с социальными партнерами в целях их привлечения к решению острых социальных проблем слаботзащищенных категорий граждан. При этом он использует такие методы, как беседы с использованием различных информационных материалов, применяет методы психодиагностики, организует групповое обсуждение проблем, деловые игры, психологический тренинг.

Особенностью данного специалиста является умение тонко, индивидуально и адресно оказать услугу с учетом интересов клиента, его возможностей, состояния здоровья, а также ситуации на рынке труда. Следовательно, ос-

новой задачей профконсультанта является определение профессии, соответствующей интересам, потребностям и возможностям клиента.

Профориентационное консультирование связано с решением следующих основных вопросов:

- выбор профессии (просветительская профориентационная психологическая работа, проводимая консультантом);
- смена профессии (или смена места работы, или изменение рабочих обязанностей);
- совершенствование и развитие профессиональных способностей, умений и навыков (психологическая профессиональная помощь и поддержка психолога-консультанта);
- помощь в самоорганизации труда, повышение (укрепление) работоспособности, работа, направленная на развитие возможностей социальной адаптации человека (помощь психолога-консультанта в планировании времени, отводимого на профессиональные занятия, формирование и развитие оптимального индивидуального стиля деятельности, раскрытие приспособительных и совладающих способностей человека) [2].

Профконсультант помогает клиенту снять тревожное состояние; определить проблему, если она не ясна; выявить круг его склонностей и подобрать соответствующую группу профессий; получить информацию о возможностях переобучения.

Важно отметить, что профконсультант должен соблюдать следующие этические принципы профессиональной деятельности:

1) Ответственность. Консультант несет персональную ответственность за адекватность используемых методов, правильность проведения диагностических мероприятий, обоснованность выводов и рекомендаций.

2) Компетентность. Профконсультант должен иметь необходимую специальную теоретическую и практическую подготовку, использовать приемы и методы, соответствующие его квалификации и личным возможностям, постоянно повышать свою квалификацию, знакомиться с новыми разработками в области своей профессиональной деятельности, изучать новые методы конкретной сферы консультирования. К специалистам профориентации, кроме квалификационных предъявляются следующие требования: высшее образование, предпочтительно психологическое, педагогическое, социологическое, медицинское, умение работать с людьми, а также желание учиться и не бояться трудностей.

3) Добровольность. Клиент участвует в профконсультации по собственному желанию и имеет право отказаться от какого-либо вида работы с консультантом (тестирования, анкетирования и т.п.) без объяснения причин.

4) Конфиденциальность. Информация, полученная профконсультантом в процессе работы с клиентом, не подвергается разглашению (сознательному или случайному) другим лицам.

5) Активность. Консультируемый самостоятельно принимает решение по проблеме, с которой обратился клиент к профконсультанту. Профконсультант оказывает информационную и психологическую помощь в ответ на запрос клиента, создает условия для самостоятельности консультируемого в решении им собственных проблем. Оценки профконсультанта в процессе работы с клиентом не должны ограничивать свободу последнего в принятии им решения.

6) Позитивный эффект. Профконсультант интерпретирует полученные результаты с позиции соответствия индивидуально-психологических особенностей клиента требованиям конкретной профессии с учетом ее перспектив и возможностей компенсации. Он акцентирует на возможностях консультируемого, поддерживает и стимулирует его поисковую активность.

7) Лояльность. Профконсультант уважает клиента и его право на свободу в профессиональном самоопределении. В общении с любым контингентом клиентов профконсультант должен проявлять доброжелательность, тактичность независимо от своего эмоционального и физического состояния и субъективного отношения к нему [3].

Аргументом повышения роли профконсультанта является введение ставок этих должностей в каждом центре занятости населения, создание центров карьеры во всех вузах Республики Марий Эл. Так, Центр карьеры при Поволжском государственном технологическом университете осуществляет координацию работы Университета по содействию занятости студентов и трудоустройству молодых специалистов, предоставление информации и аналитических отчетов по проблемам труда и занятости, взаимодействие с организациями и учреждениями, оказывающими влияние на рынок труда молодых специалистов с высшим образованием. Кроме этого, Центр осуществляет маркетинговые исследования рынков труда и образовательных услуг; работы со студентами Университета в целях повышения их конкурентоспособности на рынке труда посредством их профориентации, информирования о тенденциях спроса на специалистов с высшим образованием; взаимодействие со студенческими и молодежными организациями по вопросам трудоустройства молодых специалистов; консультирование и предоставление информации по проблемам занятости молодых специалистов заинтересованным организациям посредством деловых консультаций по конкретным проблемам, организации семинаров, конференций, ярмарок-вакансий и публикаций аналитических отчетов.

Эффективность деятельности специалистов Центра карьеры аргументируется динамикой трудоустройства выпускников вуза (рис.1) [4].

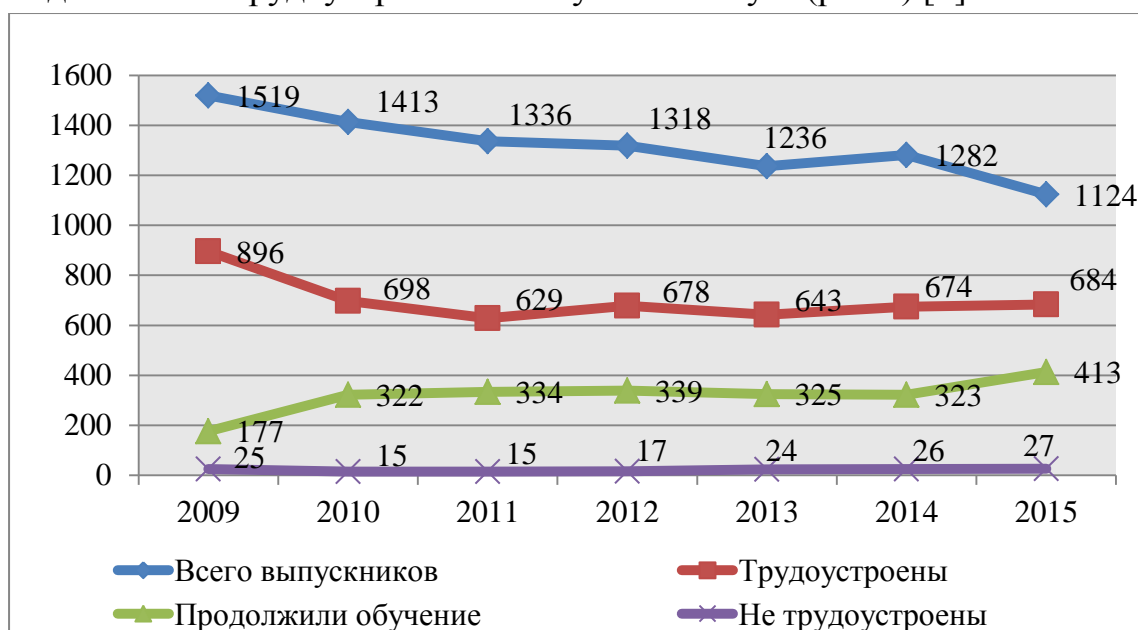

Рис.1 Динамика трудоустройства выпускников ПГТУ

Важно отметить, что в результате совместной работы профконсультанта с клиентом расширяется его информированность о содержании различных профессий, согласуются самооценка, уровень профпритязаний и его возможности, вносятся коррективы в профессиональные планы и намерения клиента.

Важно подчеркнуть, что необходимым компонентом в системе профориентационной работы является психологическая поддержка профессиональных консультантов, так как люди данной профессии, как и во всех профессиях, связанных с взаимодействием с людьми, подвержены синдрому эмоционального выгорания.

Результатом работы профессионального консультанта в системе профессиональной ориентации является профессиональная направленность гражданина и его способность к осознанному профессиональному самоопределению на основе сопоставления представлений о самом себе и требований, которые предъявляют к человеку профессии и специальности.

Литература

1. Мухарлямова А.Ю. Основы профориентологии. Казань: Казанский Федеральный Университет, 2014. 248 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 240 с.
3. Основы психологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psaaffect.ru/fspls-510-1.html>. (Дата обращения: 06.06.2016).

**ТЕХНОЛОГИИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ СТУДЕНТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ
В УНИВЕРСИТЕТЕ ЛОБАЧЕВСКОГО**
**TECHNOLOGIES OF FORMATION OF PROFESSIONAL
CONSCIOUSNESS OF STUDENTS OF HELPING PROFESSIONS
IN THE LOBACHEVSKY UNIVERSITY**

И.А. Анисимова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

I.A. Anisimova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Осмысливается категория «помогающие профессии» в аспекте кадрового потенциала региона, определены показатели высокой квалификации специалистов этой направленности. Обозначены основные проблемы профессиональной реализации студентов «помогающих профессий» и описаны технологии формирования профессионального самосознания студентов.

The paper considers the category of «helping profession» in the aspect of human resource capacity in the region, identify indicators of highly qualified specialists in this direction. Outlined the main problems of professional realization of students' helping professions and described the technology of formation of professional consciousness of students.

Ключевые слова: профессиональное самосознание, профессиональная идентичность, высококвалифицированные кадры в сфере «помогающих профессий», самореализация, профессиональные компетенции, профессиональные цели и ценности.

Keywords: professional identity, highly qualified in the field of «helping professions», self-realization, professional competence and professional goals and values.

Помогающие профессии – направления образовательной подготовки, которые позволяют специалисту осуществлять трудовую деятельность, направленную на решение социальных проблем и преодоление личностных и жизненных трудностей других людей. Помогающие профессии представлены в высших учебных заведениях социологами, психологами, социальными работниками, юристами, врачами, педагогами-дефектологами и др. Университет Лобачевского как классический вуз осуществляет подготовку по большинству помогающих профессий за исключением коррекционной педагогики.

Многолетние исследовательские наблюдения Центра карьеры Университета Лобачевского за студентами и работодателями, а также конъюнктурой рынка труда и образования в Нижегородском регионе в сегменте социального содействия показывают, что необходимо глубокое изучение, осмысление и внедрение специальных программ подготовки *высококвалифицированных кадров* этого направления.

Эффективная подготовка высококвалифицированных кадров в сфере помогающих профессий заключается в формуле, которая состоит из пяти слагаемых: профессионализм; профессиональные компетенции; профессиональная идентичность личности; профессиональные потребности и ценности; знание конъюнктуры рынка труда; богатый внутренний мир, общая культура.

Работа, профессионально-карьерное развитие, самореализация в сфере помогающих профессий возможна при успешном обладании всеми пятью компонентами высококвалифицированного специалиста:

1. профессионализм как глубокое владение знаниями и умениями по профессии.

2. Профессиональные компетенции, позволяющие осуществлять работу профессионала в конкретном сегменте рынка труда и на конкретном предприятии (организации). Для помогающих профессий приоритетными становятся компетенции сервисности, клиентоориентированности, коммуникабельности, работы в стрессовой ситуации.

3. Профессиональная идентичность личности как самоосознание стремления и возможностей (профессионализм и профессиональные компетенции) выпускника трудиться в выбранном русле профессиональной деятельности;

4. Профессиональные потребности и ценности, задающие вектор конкретным профессионально-карьерным ожиданиям. Успешно справляться с будущими профессиональными обязанностями помогают качества уважения к людям, ценность общения, взаимопомощи и взаимоподдержки, семьи, друзей, детей; стремление приносить пользу окружающим и обществу в целом, которые составляют социально ориентированный тип личности;

5. Конъюнктура рынка труда и специфика развития отдельного его сегмента в действующих социально-экономических условиях, которую можно охарактеризовать в категориях низкого спроса на специалистов в области помогающих профессий, крайне низкой заработной платы и рискованных условий труда (контакты с больными тяжелыми инфекционными заболеваниями; с людьми, имеющими психические и психиатрические расстройства и т.д.), узкий спектр открытых для трудоустройства направлений в области помогающих профессий, слабо освоенные ниши данного сегмента рынка труда.

Решающая роль в этом комплексе за личностными факторам, управление которыми и опора на которые весьма сложны по причине их динамичности и изменчивости.

Именно *работа с профессиональными компетенциями, профессиональной идентичностью и профессиональным потенциалом личности должны стать основой всех направлений деятельности, касающихся вопросов трудоустройства и профессионально-карьерного развития*, поскольку они чувствительны к грамотному менеджменту воспитательной, информационно-просветительской и профориентационной работы.

Центр карьеры Университета Лобачевского в рамках научно-исследовательской программы «Траектории профессионального развития» по изучению вопросов профессионально-карьерного развития, профессиональной реализации и трудоустройства выделил основные проблемные точки, над которыми необходима спланированная целенаправленная работа по организации подготовки высококвалифицированных профессионалов в области помогающих профессий:

1. Низкий уровень профессиональной идентичности, который выражается, главным образом, в нежелании работать по получаемой в Университете «помогающей профессии». По данным социологического исследования «Профессионально-карьерные ожидания студентов ННГУ» (анкетирование, февраль 2015 г.), наиболее выражен интерес к работе по профессии у юристов – 84% студентов 1 курса, в то время как у психологов, социологов и социальных работников – 47%.

2. Незначительная выраженность требующихся профессиональных компетенций. По данным социологического исследования «Компетенции студентов ННГУ на нижегородском рынке труда» (анкетирование, декабрь 2013 г.), студенты ожидают более высоких, чем они есть на самом деле, требований работодателей по компетенциям системное и стратегическое мышление и управление изменениями и инновационность. В значительной степени занижены представления студентов о требованиях работодателей по компетенциям – ориентация на результат, эффективная коммуникация, инициативность и клиентоориентированность, которые отмечают работодателями в числе ведущих.

3. Несоответствие профессионального типа личности студента функциям помогающих профессий.

Ключевым звеном всех перечисленных проблем является слабое профессиональное самосознание студентов помогающих профессий, неготовность воспринимать себя как профессионала-социолога, профессионала-психолога,

профессионала-специалиста в области социальной работы, профессионала-реабилитолога и т.п.

На основе выявленных проблем Центром карьеры ННГУ разработана программа «Призвание помогать», посвященная развитию профессионального самосознания студентов помогающих профессий. Цель программы – формирование высококвалифицированных специалистов в области помогающих профессий.

Программа адресована школьникам старшего звена, студентам помогающих профессий, их родителям; работодателям в сегменте помогающих профессии.

Основной алгоритм программы:

I. Выявление талантливых, социально ориентированных школьников и формирование мотивации поступления на профильные факультеты ННГУ.

II. Диагностика и развитие ключевых профессиональных компетенций помогающих профессий.

III. Повышение имиджа помогающих профессий.

IV. Актуализация и закрепление ключевых профессиональных ценностей.

V. Формирование рынка труда в сегменте помогающих профессий.

Первый (профориентационный) этап – выявление талантливых, социально ориентированных школьников и формирование мотивации поступления на факультеты ННГУ, осуществляющие подготовку специалистов в области помогающих профессий, осуществляется в рамках профориентационной деловой игры «Траектория», которая охватывает школы Университетского образовательного кластера и призвана погрузить учащихся с помощью представителей факультетов ННГУ и работодателей в увлекательный мир своей будущей профессии. Предварительные отборочные процедуры возможно организовать с помощью конкурсной и проектной работы учащихся старших классов школ региона. Первый этап предполагает ряд профессионально-презентационных, образовательных мероприятий для родителей школьников, которые призваны расширить их профессиональный и жизненно-карьерный кругозор.

Второй этап – диагностика и развитие ключевых профессиональных компетенций помогающих профессий осуществляется в рамках образовательно-просветительской программы Школа карьерного роста «Маркетинг профессионального развития» (работает в ННГУ с 2015 г.), адресованной будущим специалистам этого сегмента рынка труда. Программа составлена по принципу развития одной из 10 профессиональных компетенций в течение 3-4 недель и рассчитана на обучение в течение всего учебного года. Основой программы является карьерное проектирование. В целях подготовки высоко-

квалифицированных кадров Школа может быть развернута на профильных факультетах с углубленным формированием компетенций сервисности, клиентоориентированности, коммуникабельности, гибкости и стрессоустойчивости.

Третий этап – повышение имиджа помогающих профессий за счет активной, регулярной, спланированной подготовки и запуска всестороннего информационного контента, который утверждает важность и востребованность таких профессий, как социолог, психолог, социальный работник, юрист и другие. В организационном плане такую информационно-имиджевую работу осуществляют карьерные офисы профильных факультетов с помощью собственных групп в социальных сетях, профессионально-просветительского элемента Дней карьеры гуманитарных факультетов. Крупнейшими имиджевыми мероприятиями, повышающими статус профессиональной области и закрепляющие связь с факультетом подготовки, являются действующие с 2004 г. программы Центра карьеры ННГУ «Выпускники Университета. Ступени карьеры» и «Выпускники Университета. Истоки карьеры». Новым инструментом развития имиджа является Интернет-журнал «Лестница» по профориентации, трудоустройству и популяризации науки в ННГУ. Сайт Центра карьеры ННГУ является высоко посещаемым студентами (около 10000 посещений в месяц) и может быть площадкой для развития профессионального имиджа.

Четвертый этап – актуализация и закрепление ключевых профессиональных ценностей предполагает погружение в профессию с помощью деловых игр, которые воспроизводят модель трудоустройства, работы по получаемой специальности. Центром карьеры реализованы деловые игры в содружестве с ведущими работодателями региона «Карьера.Старт», «Engine 1:0» и «Траектория успеха». Знакомство и погружение в многообразие видов занятости, которые требуют высококвалифицированных специалистов помогающих профессий. Это возможно реализовать двумя способами. Первый – цикл мастер-классов от высококлассных и интересных с личностной и профессионально-карьерной точек зрения специалистов в области помогающих профессий, которые могут быть, с одной стороны, яркими спикерами, а с другой – поделиться секретами профессионального мастерства. Удобной как для студентов, так и с позиции организации учебного процесса площадкой являются Дни карьеры по группам факультетов. Второй способ – Ярмарки вакансий в гостях у работодателя, которые позволяют заглянуть в интересующую студентов компанию и в неформальной обстановке познакомиться с основным процессом компании, принципами его организации, сотрудниками и корпоративной культурой, условиями труда и трудоустройства.

Пятый этап – формирование рынка труда в сегменте помогающих профессий. В связи с низким спросом рынка труда на специалистов помогающих профессий необходимо повышать инновационную и предпринимательскую активность студентов помогающих профессий. Развитие данных компетенций предусмотрено в Школе карьерного роста «Маркетинг профессионального развития». Для мотивации такого рода активности необходима организованная проектоориентированная работа и площадки для реализации студенческих проектов. В ННГУ для студентов помогающих профессий могут быть организованы следующие виды проекто-ориентированной работы:

1. Научно-исследовательский проект. Наука как сфера деятельности является одной из трех самых привлекательных для будущей работы студентов ННГУ (15% студентов ННГУ, по данным исследования «Профессионально-карьерные ожидания студентов ННГУ», февраль 2015 г., стремятся к трудоустройству в научных объединениях). Для группы студентов, которая нацелена на исследовательскую деятельность, необходимо разработать особый вид практики, связанный с научным поиском. Практика должна быть результативна и завершена университетской студенческой научно-практической конференцией, где все студенты, охваченные данным видом практики, могли бы представить результаты своих собственных исследований и опубликовать в электронном формате их результаты.

2. Социальный проект нацелен на реализацию распространенных среди студентов ценностей самореализации, самоутверждения, самостоятельности и независимости. Подготовка и реализация проекта осуществляется командой студентов в установленные сроки. Это необходимо для знакомства и восприятия трудовой дисциплины, отработки навыков работы в команде, деловой коммуникации. Эта форма прохождения практики моделирует трудовые взаимоотношения и способствует реализации инициативности и нестандартных подходов к решению стандартных и нестандартных производственных задач. Социальный проект возможно адресовать различным нуждающимся группам населения, а также создавать новые формы работы в компаниях (например, проекты социальной ответственности бизнеса), реализовывать новые государственные задачи в образовательных учреждениях (например, развертывание института тьюторства в реализации карьерного проектирования в системе среднего профессионального образования или формирование и развитие инструментов медиации в средних общеобразовательных учреждениях).

3. Учебные производства, малые инновационные производства. Это могут быть небольшие исследовательские коллективы студентов, выполняющих

заказы сторонних организаций по исследованию социальных проблемы; это могут быть НКО и др.

4. Бизнес-проекты, нацеленные на открытие новых ниш в решении социальных проблем, которые могут финансироваться организациями, частными клиентами, государственными органами (проекты электронного учета, электронного менеджмента, сайты социальных услуг для нуждающихся категорий населения, образовательные проекты для различных групп нуждающихся, организация различных видов ухода и помощи и т.п.).

Площадками для реализации проектно-ориентированной работы могут быть:

1. Работодатели-партнеры ННГУ. Для обеспечения сотрудничества по практике во всех формах (в том числе и проектно-ориентированной) необходимо предусмотреть такую возможность на стадии переговорного процесса и заключения договора.

2. Центр карьеры ННГУ может выступить площадкой для реализации всех предложенных форм практики. В Центре успешно развивается студенческий совет «Потенциал», в котором представлены как структуры по факультетам, так и межфакультетские студенческие сообщества, объединенные по принципам профессионального интереса и приложения своих знаний и умений в практической области профориентации и профессионального развития студентов (например, уже более 10 лет работают секторы «Эксперт», «Психологический консультант», «Юридический консультант». Появляются новые направления, реализующие свои проекты – «Грани больших возможностей» – программа по содействию трудоустройству ребят с инвалидностью).

3. Другие подразделения ННГУ.

Программа «Призвание помогать» охватывает все составляющие развития профессионального самосознания студентов помогающих профессий в Университете Лобачевского, основана на традициях и опыте Центра карьеры, исследованиях рынка труда и профессиональных ориентаций студенчества и показывает свою эффективность при комплексном ее внедрении.

**КОММУНИКАТИВНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ БАКАЛАВРА
ПО АДАПТИВНОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ**
**COMMUNICATIVE COMPETENCE OF THE BACHELOR IN ADAP-
TIVE PHYSICAL CULTURE**

Ю.А. Бахарев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный уни-
верситет им. Н.И. Лобачевского*

Yu.A. Bakharev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Речь идёт о формировании коммуникативной компетентности будущих бакалавров по адаптивной физической культуре в процессе обучения в вузе. Представлены коммуникативные умения бакалавра по адаптивной физической культуре, необходимые в профессиональной деятельности.

Article is devoted to forming of communicative competence at future bachelors on adaptive physical culture in training process in higher education institution. Communicative abilities of the bachelor on adaptive physical culture, necessary in professional activity are provided.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, профессиональная подготовка, бакалавр по адаптивной физической культуре, коммуникативная компетентность.

Keywords: adaptive physical culture, vocational training, the bachelor in adaptive physical culture, communicative competence.

Необходимыми компонентами общей культуры специалистов любого профиля, в значительной степени определяющими успех в профессиональной деятельности, является свободное владение основами делового общения, умения использовать его как инструмент эффективной профессиональной коммуникации [1].

Формирование у студентов культуры коммуникации, навыков делового общения приобретает в современных условиях все большее значение и является составной частью профессиональной подготовки бакалавров по адаптивной физической культуре.

Требования к профессиональной подготовленности специалиста в любой области всегда обусловлены спецификой профессиональной деятельности. В области адаптивной физической культуры основная особенность заключается в том, что объектом познания и преобразования, предметом профессиональной деятельности специалиста являются не здоровые, а больные люди, в том числе и инвалиды.

В структуре деятельности бакалавра по адаптивной физической культуре особую роль играет коммуникативный компонент: преимущество речевого (вербального) общения над невербальным при взаимодействии с людьми с депривацией зрения, необходимость владения языком жестов при работе с людьми с депривацией слуха, а также гностический (познавательный) компонент в связи с обязательным контролем изменений в состоянии здоровья занимающихся [2].

Общение – это сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [1].

Общение рассматривается как один из компонентов специального образования, непреходящий элемент всестороннего развития, компенсации нарушенных функций лиц с ограниченными возможностями. В зависимости от характера и степени нарушений используются те или иные способы общения [3].

Эффективность практической деятельности бакалавра по адаптивной физической культуре во многом зависит от того, насколько профессионально он организует взаимодействие с лицами, имеющими отклонения в состоянии здоровья, в процессе учебных и внеучебных занятий, их родственниками, ближайшим окружением, с коллегами.

Установление прямых и косвенных коммуникативных связей педагога по адаптивной физической культуре с учащимися в первую очередь зависит от самого педагога, от его профессионализма (знаний, умений, навыков по легкому установлению контактов и связей с учениками). Подлинно хорошие взаимоотношения строятся на основе достаточно высокой требовательности в сочетании с гуманным отношением к личности ученика.

К основным коммуникативным умениям бакалавра по адаптивной физической культуры относятся:

1) умение легко и быстро устанавливать деловой контакт с отдельными учащимися, с классом, с группами учащихся, занимающихся адаптивным спортом, физической реабилитацией, креативными телесно-ориентированными практиками адаптивной физической культуры или экстремальными видами двигательной активности;

2) умение устанавливать деловые контакты с административными работниками, с учителями, с медицинскими работниками и обслуживающим персоналом учебного заведения;

3) умение устанавливать деловые контакты с родителями детей-инвалидов или учащихся специальных медицинских групп массовых школ;

4) умение устанавливать деловые контакты с учителями районного (городского, областного) методического объединения;

5) соблюдая правила общественного поведения, быть требовательным, чутким, вежливым, тактичным, приветливым, собранным, принципиальным, энергичным и человечным при решении любых педагогических вопросов [4].

Понятие коммуникативной компетентности включает в себя владение определенными нормами общения, поведения как результат усвоения различных этнических и социально-психологических эталонов, поведенческих стереотипов, стандартов.

Выделяют когнитивную, ценностно-мотивационную и практическую характеристики коммуникативной компетентности.

Когнитивный компонент характеризует деятельность по обеспечению обучаемых лиц системой профессиональных коммуникативных знаний. Он реализуется через насыщение образовательного процесса коммуникативным содержанием; через целенаправленную организацию внеаудиторной учебной деятельности, ориентированной на самостоятельное получение и углубление коммуникативных знаний на основе самообразования.

Практический компонент отражает деятельность по развитию профессиональных коммуникативных умений и основывается на обеспечении студентов коммуникативным опытом, организации различной по видам, формам и содержанию целенаправленной самостоятельной деятельности.

Ценностно-мотивационный компонент характеризует деятельность по формированию ценностного отношения к будущему профессиональному функционированию, установки на развитие профессиональной коммуникативной компетентности и участие в профессиональном общении [5].

Доверие к педагогу является обязательным компонентом коррекционно-компенсаторного процесса. Предпосылками возникновения положительных отношений и доверия между бакалавром по адаптивной физической культуре и людьми с отклонениями в состоянии здоровья являются квалификация и личностные качества педагога.

Сотрудничество бакалавра по адаптивной физической культуре и лиц, имеющих отклонения в состоянии здоровья, строится на следующих компонентах: понимание, сочувствие, уважение, поддержка.

Тон и интонация бакалавра по адаптивной физической культуре способны демонстрировать понимание и интерес к личности, имеющей отклонения в состоянии здоровья. Сочувствие означает умение поставить себя на место человека с ограниченными возможностями, быть внимательным к нему. Уважение подразумевает признание ценности человека с отклонениями в состоянии здоровья как личности. Поддержка – одно из важнейших условий

установления правильных взаимоотношений, педагог должен стремиться быть полезным инвалиду [6].

Одна из основных задач педагогического состава вузов, осуществляющих подготовку специалистов данного направления, – развитие способностей профессионального общения будущего бакалавра по адаптивной физической культуре. Такие дисциплины, как специальная психология и специальная педагогика, психология болезни и инвалидности, частные методики адаптивной физической культуры закладывают фундамент профессиональной коммуникации бакалавров по адаптивной физической культуре. Для достижения указанных целей используются следующие педагогические средства: различные тренинги личностного и профессионального развития, организация ролевых и деловых игр, участники которых, имитируя реальные условия будущей деятельности, моделируют свое поведение с последующим критическим анализом совершенных действий.

Коммуникативная компетентность – одна из основных составляющих профессиональной подготовки бакалавра по адаптивной физической культуре. Ее формирование составляет одну из важнейших задач, служит залогом дальнейшего личностного и профессионального развития.

Литература

1. Ракей И.Р. Основы делового общения: учеб.-метод. комплекс для студентов специальности 1-08 01 01 «Профессиональное обучение» / И.Р. Ракей. – Мн.: МГВРК, 2007. 176 с.
2. Евсеев С.П. Теория и организация адаптивной физической культуры: учеб.: В 2 т. – Т.1. Введение в специальность. История и общая характеристика адаптивной физической культуры / С.П. Евсеев. М.: Советский спорт, 2003. 448 с.
3. Шапкова Л.В. Частные методики адаптивной физической культуры: Учебное пособие / Л.В. Шапкова. М.: Советский спорт, 2004. 464 с.
4. Самыличев А.С. Профессионально-педагогическая подготовка будущих учителей адаптивной физической культуры // Адаптивная физическая культура. 2009. №1. С.19-28.
5. Горшунова Н.К. Формирование коммуникативной компетентности современного врача / Н.К. Горшунова, Н.В. Медведев // Успехи современного естествознания. 2010. №3. С. 36-37.
6. Балашова В.Ф. Научно-теоретические основы формирования компетентности специалиста по адаптивной физической культуре: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.08 / В.Ф. Балашова. М., 2009. 53 с.

**ТЕХНОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ТЕАТРА
В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКЕ СТУДЕНТОВ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**
**TECHNOLOGY OF SOCIAL THEATRE TRAINING STUDENTS
OF THE HELPING PROFESSIONS**

Е.В. Волченкова
Вятский государственный университет
E.V. Volchenkova
Vyatka State University

Раскрывается сущность технологии социального театра, охарактеризованы его разновидности, этапы подготовки социального спектакля. Показаны возможности использования социального театра в профессиональной подготовке студентов помогающих профессий.

The article reveals the essence of technology of social theatre, characterized by its varieties, the stages of training social performance. The possibilities of using social theatre in professional training of students of the helping professions are demonstrated.

Ключевые слова: социальный театр, импровизация, фасилитация, студенты помогающих профессий, профессиональная подготовка.

Keywords: social theatre, improvisation, facilitation, students of the helping professions, training.

Среди инновационных технологий, которые могут эффективно использоваться в профессиональной подготовке помогающих профессий, отдельного внимания заслуживает социальный театр.

Социальный театр – это театр, в драматургической основе которого заложена острая социальная проблема, донесённая до публики актёрами (часто непрофессиональными) посредством различных выразительных средств и сценических приемов и воспринятая зрителями в процессе просмотра и последующего обсуждения спектакля. В социальном театре отсутствует классическая драматическая форма.

Особенностями социального театра, которые делают его сильным средством воздействия на эмоциональную и интеллектуальную стороны жизни человека, являются [1]:

- вторичность по отношению к драматургии (даёт практически безграничные возможности в подборе или создании драматургического материала);
- коллективная природа (позволяет развивать коммуникативные навыки);
- синтетический характер (использует и развивает общие и специальные способности личности);

- связь творца и материала (позволяет в работе над характером роли воспитывать исполнителя роли);
- следование принципу «здесь и сейчас» (создание образа происходит на глазах у зрителя);
- действенная основа (идея спектакля раскрывается в живом, наглядном действии);
- невозможность фиксации (каждый показ спектакля – отдельное произведение искусства).

Существует ряд разновидностей социального театра, наиболее популярны театр-форум, театр «равный – равному», театр «плейбек».

Методика форум-театра заключается в том, что специально подготовленный модератор вместе с группой непрофессиональных актеров, используя различные техники, готовит короткое представление об определенной проблеме. Среди героев есть агрессор, жертва и несколько «нейтральных» персонажей. В кульминационный момент спектакль останавливается. После первого просмотра зрительская аудитория участвует в обсуждении увиденного, предлагая варианты решения. Затем устраивается еще несколько просмотров, во время которых зрители имеют возможность в любой момент сказать «стоп» и самостоятельно заменить кого-то из играющих на сцене.

Театр «равный – равному» обычно используется при работе с молодежью (школьниками, студентами). Участники готовят небольшие театрализованные постановки о различных общественных проблемах. Представленные истории могут быть как реальными, так и сконструированными из нескольких сюжетов. После просмотра представления зрители задают вопросы актерам, которые отвечают на них, не выходя из роли, что позволяет гораздо лучше понять мотивацию и внутренний мир персонажа.

Особенность театра «плейбек» (PlayBack) состоит в том, что на сцене играют профессиональные актеры, а сценарии приносят зрители. Именно они рассказывают свои истории, которые актеры тут же, спонтанно, отображают на сцене. Идея в том, что, увидев «свою» ситуацию со стороны, человек может найти из нее выход и принять ранее не приходившие в голову решения.

С точки зрения использования технологии социального театра в работе со студентами помогающих профессий наиболее подходит театр «равный – равному», когда и актеры, и зрители относятся примерно к одному возрасту. В практике нашей деятельности в реализации данной технологии приняли участие студенты направлений подготовки «Социальная работа» и «Организация работы с молодежью».

Работа над социальным спектаклем начинается с определения острой социальной проблемы и той целевой аудитории, кого она касается в первую

очередь. Соответственно студенты должны хорошо ориентироваться в сложившейся социальной ситуации как в стране, так и отдельно взятом регионе, для того чтобы проблема не была надуманна, и спектакль представлял интерес для потенциальной целевой аудитории.

Далее может быть выбран один из следующих вариантов организации деятельности. Возможен поиск готового сценария, исходя из заданной проблематики. В этом случае последующие шаги принципиально не отличаются от того, как строится работа в классическом театре. «Социальность» здесь выражается в первую очередь в содержании спектакля. После выбора и обсуждения сценария поэтапно осуществляются следующие действия: распределение ролей; репетиции эпизодов; подбор музыки, видеоряда, светового решения; прогонные репетиции; редактирование текста и структуры картин; генеральная репетиция; показ спектакля (премьеры); обсуждение со зрителями.

Следующий вариант организации социального театра основан на технике импровизации. Начальным этапом здесь выступают тренинги на знакомство, развитие актерских способностей, сплочение театрального коллектива. После серии тренингов участники определяют социальную проблему, общую концепцию и тему спектакля, конкретизируют и описывают задачи, позволяющие решить поставленную проблему. Очень важным является определение путей ее решений, стратегий выхода из сложившейся ситуации. Относительно студентов направления подготовки «Социальная работа» речь может идти о часто встречающихся трудных жизненных ситуациях, в которые попадают молодые люди. Следовательно, студент использует имеющиеся знания, полученные при изучении разных дисциплин, о путях, методах, средствах, технологиях преодоления трудных жизненных ситуаций применительно к данному случаю. Общие теоретические знания преломляются через конкретные, часто реальные (максимально приближенные к реальности) обстоятельства, демонстрируемые в спектакле.

Далее производится работа по созданию отдельных сцен и организуются репетиции. При этом в сцене должна быть понятна проблема, присутствовать юмор, положительный выход из ситуации или хотя бы намек на него. От студентов на данном этапе требуются такие качества, как дисциплинированность, ответственность, трудолюбие, умение планировать время, адекватно воспринимать критику в свой адрес. Следует отметить, что количество ролей в спектакле объективно ограничено, однако между остальными студентами распределяются обязанности по световому, звуковому сопровождению спектакля, подбору костюмов, созданию декораций, разработке афиши и программки спектакля. В современных постановках социального театра часто используется мультимедиа, элементы танца, а также других видов искусства.

Технология социального театра привлекательна тем, что каждый студент может выбрать занятие по душе и попробовать себя в разных амплуа.

Очевидно, что подготовка спектакля представляет собой командную работу, эффективность которой напрямую зависит от слаженности действий участников. Кроме того, есть главный организатор, координирующий совместную деятельность, что способствует развитию управленческих качеств студентов.

Несомненным преимуществом технологии социального театра на основе импровизации является то, что временные рамки от формирования театрального коллектива до премьеры спектакля очень подвижны. Например, при условии непрерывной работы в течение двух с половиной дней реально продемонстрировать зрителю короткую постановку, обладающую, тем не менее, всеми чертами, присущими театральному искусству.

Особенностью технологии социального театра является управляемая ведущим (как правило, режиссером) дискуссия, которая проходит после просмотра спектакля. Данный этап в технологии социального театра называют фасилитацией. Ведущий дискуссии выдвигает проблемы, задаёт вопросы, направляет разговор в русло, позволяющее зрителям почувствовать, понять атмосферу спектакля, показать свое отношение к словам и поступкам героев, поделиться впечатлениями, дать советы персонажам, которым не удалось решить свои трудности на сцене [1].

Очевидно, для эффективного обсуждения спектакля студенты должны обладать навыками конструктивного общения, быть высококомпетентными в обсуждаемой проблеме, знать особенности целевой аудитории. Зачастую реакция зрителя может быть непредсказуемой, поэтому актеры должны быть готовы к любым форс-мажорным ситуациям. От студентов требуется умение ориентироваться в обстановке, выбрать правильную тактику поведения, поскольку обсуждение спектакля в технологии социального театра равнозначно по влиянию на зрителя с непосредственным просмотром постановки.

Студенты, ставшие участниками социального театра, в перспективе могут реализовывать данную технологию уже самостоятельно, тем самым развивая собственную профессиональную компетентность. В качестве целевых аудиторий могут выступать дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, подростки девиантного поведения и др.

Литература

1. Социальный театр – новая технология профилактики: методические рекомендации по технологии социального театра для специалистов системы профилактики, преподавателей вуза и студентов гуманитарных специальностей / Сост.: М.Н. Бородатая, В.Ф. Чу-

**ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У СТУДЕНТОВ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**
EMOTIONAL BURNOUT STUDENTS HELPING PROFESSIONS

И.В. Кондратенко
*Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко,
Тирасполь Республика Молдова*
I.V. Kondratenko
Shevchenko Transnistria State University (Moldavian Republic, Tiraspol)

Дается теоретический анализ проблемы эмоционального выгорания у студентов помогающих профессий, описываются основы профилактики эмоционального выгорания у студентов, приводятся результаты обобщения опыта работы автора в этом направлении.

The theoretical analysis of problem of the emotional burning down is given for the students of helping professions, directions of prophylaxis of the emotional burning down are described for students, results over of generalization of experience of author are brought in this direction.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, профессиональное обучение, профилактика.

Keywords: emotional burning down, vocational training, prophylaxis.

Традиционно проблема эмоционального выгорания относится к сфере трудовой деятельности, но не меньшее значение указанный феномен имеет в процессе обучения, в частности, профессионального. Так, по данным С.Р. Джекобса и Д. Додда, 40% студентов колледжей имеют ту или иную степень выраженности эмоционального выгорания [1]. Профессиональное обучение юношей содержит в себе факторы, потенциально способные привести к возникновению феномена эмоционального выгорания.

История изучения феномена эмоционального выгорания ведет отсчет с 1974 г., когда Г. Фрейденберг впервые описал содержание состояния эмоционального выгорания у работников психиатрических учреждений. В настоящее время выделяют более 100 симптомов, непосредственно связанных с синдромом эмоционального выгорания.

Эмоциональное выгорание понимается как характеристика здоровых людей, находящихся в интенсивном общении, и описывается как синдром, включающий в себя симптомы общего физического утомления, разочарованности в выполняемой деятельности [2]. Указанный феномен особое значение приобретает при описании профессий системы «человек – человек», предпо-

лагающих активное взаимодействие с человеком, зачастую находящимся в трудной жизненной ситуации, а также осознание и принятие профессиональной и личной ответственности специалиста за судьбу другого.

Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова подчеркивают, что выгорание специалиста в результате рабочих стрессов неизбежно приводит к снижению конкурентоспособности и потери мобильности работника [3]. К. Маслач и М. Лейтер утверждают, что выгорание – это проблема не столько самого человека, сколько всего социального окружения [4].

Теоретический анализ проблемы отражен в работах как отечественных, так и западных исследователей (В.А. Бойко, Т.И. Рогинская, Б. Бунк, И.П. Фридман, Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова, Х.Дж. Фрейденберг, А. Пайнс, Э. Аронсон, М. Лейтер, Д. Дирендонк, В. Шауфели, Х. Сиксма, О. Джексон, Б. Перлман, Е. Хартман и др.).

Принято выделять пять ключевых симптомов синдрома эмоционального выгорания: *физические симптомы* (усталость, утомление, изменение веса, бессонница, общая слабость, отдышка, тошнота, головокружение, чрезмерная потливость, дрожь, кожные заболевания и пр.); *эмоциональные симптомы* (черствость, пессимизм, цинизм, безразличие, ощущение безнадежности и беспомощности, одиночество раздражительность, агрессивность, депрессия, чувство вины, потеря идеалов и надежд, и пр.); *поведенческие симптомы* (усталость в процессе выполнения обычных действий, безразличие к еде, употребление алкоголя, лекарств, снижение общей физической нагрузки, несчастные случаи и пр.); *интеллектуальное состояние* (снижение интереса к новому, скука, апатия, падение интереса к жизни, шаблонность и формализм действий и пр.); *социальные симптомы* (низкая социальная активность, ограничение социальных контактов, ощущение изоляции, снижение интереса к досугу, увлечениям).

В профилактике эмоционального выгорания большое значение имеет степень осознанности своего состояния. Чем лучше человек знает и понимает себя, тем более чутко реагирует на возникающие проблемы. Возникновение первых признаков эмоционального выгорания – это знак того, что нужно остановиться, пересмотреть свою жизнь, цели и ценности, изменить представления о самом себе и о других, о событиях, происходящих в жизни.

Выделяют качества личности, препятствующие возникновению симптомов эмоционального выгорания: хорошее здоровье и стремление к его поддержанию (занятия спортом, здоровый образ жизни и пр.), высокая самооценка и самоуважение, высокая мобильность и гибкость, открытость, общительность, самостоятельность и независимость.

По мнению Н.В. Водопьяновой и Е.С. Старченковой, в литературе имеется достаточно много разработок специальных мер, направленных на профилактику эмоционального выгорания, но прежде всего в профессиональной сфере. Относительно профессионального обучения проблема мало изучена, хотя актуальность проблемы очевидна.

Учебно-профессиональная деятельность – чрезвычайно сложный вид человеческой деятельности, требующий владения методами решения множества привычных и новых задач. Далеко не каждый студент владеет продуктивными методами решения этих задач. Комплекс трудностей в учебной деятельности, имея устойчивый характер, дестабилизирует личность и ее внутренний мир, вызывает внутриличностные противоречия между желаниями и возможностями, требованиями общества и собственными желаниями, вызывает напряжение и дискомфорт. Все это составляет основу возникновения симптомокомплекса эмоционального выгорания.

Синдром эмоционального выгорания представляет собой сложное образование, формирующееся уже на этапе обучения будущего специалиста в профессиональном учебном заведении. Данный феномен представляет собой, с одной стороны результат негативного воздействия профессионального и учебного стресса на личность студента, с другой – форму психологической защиты от профессиональной деформации.

Выгорание у студентов представляет собой комплекс психофизиологических реакций организма, возникающих в ответ на условия профессионального обучения и способствующие негативным изменениям в здоровье, общении и самоощущении личности.

Профилактика выгорания должна состоять из действий, направленных на снижение стресса, снятие напряжения, выравнивание баланса между усилиями и получаемым вознаграждением. Если последнее зависит больше от окружения, чем от самого человека, то освоить навыки саморегуляции способен каждый. Способы саморегуляции достаточно просты и доступны каждому. Это смех, улыбка, мысли о хорошем, физические нагрузки, спорт, чтение стихов, прогулки на свежем воздухе, самоодобрение, похвала, позитивное общение, медитация, молитва и пр.

Несмотря на разнообразие форм и методов профилактики эмоционального выгорания, создание специальных программ, как правило, подчинено общему принципу комплексности психодиагностики, профилактики и интерпретации.

Большую популярность в профилактике эмоционального выгорания имеют тренинговые методы, техники релаксации, тайм-менеджмент, изменение

установок, обучение эффективным моделям совладающего поведения в трудных ситуациях.

Конкретные рекомендации по профилактике выгорания даны такими авторами, как Г. Селье, Б. Швальбе, Х. Швальбе, А.Б. Леонова, А.С. Кузнецова.

Практический опыт работы со студентами позволил прийти к выводу, что в работе по профилактике эмоционального выгорания у студентов помогающих профессий основной акцент должен быть смещен в сторону мероприятий, направленных на формирование устойчивости к синдрому эмоционального выгорания, прежде всего через формирование у студентов реалистического образа будущей профессии, а также передачи соответственных психологических знаний, определяющих эффективную самоорганизацию и предотвращение эмоционального выгорания. В частности, осознанное отношении к своей жизни и здоровью, разумное чередование напряжения и расслабления, эффективное планирование и организация как отдельного дня, так и всего жизненного пути в целом, и, наконец, определение базовых жизненных приоритетов, составляющих экзистенциальную сущность жизни как в настоящем, так и будущем.

Организованная таким образом работа со студентами разных специальностей, но прежде всего профессий типа «человек – человек» на протяжении всего профессионального обучения может быть эффективным средством профилактики эмоционального выгорания как на этапе обучения, так и в дальнейшей профессиональной деятельности.

Литература

1. Jacobs S.R., Dodd D.K. Student Burnout as a Function of Personality, Social Support, and Workload // Journal of College Student Development. 2003. № 2. P. 23-28.
2. Младинова В.В., Кондратенко И.В. Эмоциональное выгорание. Студенческий научный журнал (2)2013. С. 31-34.
3. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2008.
4. Maslach C. and Leiter M.P. The truth about: How organization cause personal stress and what to do about it. San Francisco, CA: Jossey-Bass publishers, 1997.

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕЙ ПРОФЕССИИ У ПЕРВОГО КУРСА СТУДЕНТОВ-СОЦИОЛОГОВ ФСН ННГУ

VISION OF THE FUTURE PROFESSIONS FROM THE FIRST COURSE SOCIOLOGY STUDENTS OF FSS LOBACHEVSKY UNIVERSITY

А.В. Курамшев, Л.С. Курносова
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Kuramshev, L.S. Kurnosova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

На материалах мониторинга студентов-социологов первого курса факультета социальных наук анализируются их представления о будущей профессиональной деятельности.

On materials of monitoring first-year sociology students of FSS Lobachevsky University analyzes their ideas about the future professional activity.

Ключевые слова: социология как профессия, студенты.

Keywords: sociology as profession, students.

Много лет в ходе преподавания предметов «Введение в профессию» и «Человек и общество» в целях знакомства с новым первым курсом будущих социологов преподаватели ФСН предлагают студентам написать эссе. В нем первокурсников просят объяснить, почему они выбрали свою специальность, как ее собственно представляют и обрисовать свои перспективы на будущую профессиональную деятельность, исходя из того, как она им видится на момент начала обучения.

Кроме того очевидного факта, что одинаковых наборов студентов не бывает, необходимость подобного знакомства обуславливается множеством других обстоятельств. Демографическая ситуация в стране привела к тому, что поступающих в вузы практически столько же, сколько эти вузы могут позволить себе набрать. Потребность в деньгах при ограниченном центральном финансировании диктует вузам желание не ограничивать наборы. В условиях, когда получение высшего образования рассматривается как обязательный жизненный стандарт, получать высшее образование приходят молодые люди, которые прежде шли работать или получали специальность в средних профессиональных заведениях.

Реформа средней школы привела скорее к обострению проблем качества современного образования. Поступление же по результатам ЕГЭ меняет мотивацию при выборе профессии, вуза и факультета. Перевод образования в сферу услуг предлагает учитывать и потребности нового «клиента», хотя не

совсем ясной остается фигура этого клиента: сам ли это студент/абитуриент или его родители, особенно в тех случаях, когда они оплачивают получение образования. Таким образом, знакомство с новым набором из желательного становится необходимым для работы с новыми студентами, для понимания их мотивации и выстраивания стратегии введения их в профессию социолог.

Мониторинг первого курса направления «социология», проводившийся с помощью эссе в 2014-2016 гг., был дополнен сплошным анкетным опросом по стандартизированному опроснику. Опросник содержал только открытые вопросы. Были опрошены 100 студентов, что составило 94% от совокупности трех наборов. Соотношение студентов, обучающихся на бюджетной и платной основах, приблизительно как 3 к 2.

Образование родителей: почти половина с высшим и чуть более половины со средним специальным и средним. Высшее образование среди бабушек и дедушек встречается редко и обычно только у кого-то одного из них, но и в старшем поколении многие имеют среднее специальное образование. Таким образом, наши студенты не являются потомственными интеллигентами, но в их семьях уже от бабушек-дедушек просматривается образовательная восходящая мобильность.

Получать высшее образование большинство решает в 8-9 классах. Очень редко встречается ответ «всегда знал, что буду получать высшее». Выбор вуза, специальности и факультета осуществляется позднее. При этом учебное заведение может быть выбрано на год-два раньше факультета и специальности, но большинство выбирают в 11 классе и после сдачи ЕГЭ. Выбор ННГУ им. Н.И. Лобачевского почти единодушно объясняется его престижностью. Иногда к этому добавляют, что в этом университете дают качественное образование.

Давление ЕГЭ меняет формирование мотивации к тем или иным видам профессиональной деятельности. Если раньше можно было получить ответы, что выбор шел через интерес к определенным школьным предметам и формировался постепенно, то в настоящее время складывается впечатление, что молодые люди не задумываются о своих склонностях и интересах, а ориентируются на свои шансы получения высоких баллов при прохождении ЕГЭ. То есть, сначала выбирается предмет для сдачи ЕГЭ, а уже потом рассматриваются специальности, на которые при поступлении он будет учитываться, выбирается сама специальность. Поэтому выбор факультета и специальности осуществляется в 11 классе и очень часто уже после получения результатов ЕГЭ и даже в ходе подачи документов при поступлении в вуз. Возможность подать копии документов в несколько вузов на несколько факультетов и специальностей делает выбор еще более случайным. Человек, предпочитающий

«судебную экспертизу», «маркетинг», «связи с общественностью», «менеджмент» или другое, в итоге оказывается на «социологии», и такие случаи довольно распространены. Таким образом, абсолютное большинство поступивших на специальность «социология» в школьные годы ею не интересовались, а порой и узнали о такой профессии только в приемной комиссии при подаче документов. Однако стоит отметить, что набор 2016 г. дает небольшое отклонение от этого тренда. Среди них больше молодых людей, выбравших специальность социология в 10-м и начале 11-го класса, и меньше тех, кто выбирал специальность после сдачи ЕГЭ.

Многие студенты отмечают, что значимую роль при выборе специальности оказали на них родители и учителя старших классов, но не меньшую роль играли и друзья. При этом более информированными о профессии социолога оказываются студенты, на выбор которых повлияли именно друзья, особенно, если они сами получают или получили социологическое образование.

Такая случайность выбора, тем не менее, не имеет следствием полное нежелание работать в будущем по специальности «социология». Почти половина набора 2014 г., $\frac{3}{4}$ набора 2015 г. и чуть более половины набора 2016 г. выразили желание работать социологами по окончании обучения, а категорически против высказались лишь единицы. Остальные признались, что не определились со своей будущей профессиональной деятельностью, и среди них много тех, кто предполагает получение второго высшего. Случайность выбора ими факультета и специальности не дает основания считать «желающих» высокомотивированными. Скорее можно говорить о готовности утвердиться в своем, пусть и случайном, выборе. Эту готовность можно связать со слабыми представлениями первокурсников о рынке труда вообще и реальном содержании многих видов деятельности. В том числе и социологии.

На вопрос: «Какой они видят свою будущую работу?» безотносительно к специальности, которую они выбрали, описания студентов довольно скупы. Почти все упоминают, что работа должна быть интересной, связанной с людьми, высокооплачиваемой и с карьерным ростом, очень немногие хотят видеть ее полезной для людей и общества. Но в ответах на этот вопрос отсутствуют описания видов деятельности, которыми они предполагают заниматься. Понятно, что на такие представления может «лечь» не одна профессия, и это подтверждает вывод об отсутствии реальных знаний о специальности, по которой они будут обучаться.

Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению социология в качестве видов профессиональной деятельности, к которым готовятся выпускники, освоившие программу бакалавриата, называет 5 видов деятельности: научно-исследовательскую, про-

ектную, организационно-управленческую, педагогическую и производственно-прикладную. Большинство студентов при описании своей будущей профессиональной деятельности видят себя в сфере проектной или производственно-прикладной. Но большое затруднение вызывает вопрос об организациях, в которых они могли бы работать по этим направлениям. Лаконичность ответов не свидетельствует о таланте отвечающих, а лишь об их слабой осведомленности.

Стоит также отметить, что научно-исследовательскую деятельность в качестве своей основной профессии видят единицы, но именно они в наибольшей степени информированы и мотивированы на получение социологического образования, что подтверждается и их более высокими показателями по текущей успеваемости во время дальнейшего получения образования.

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ **SOCIAL ENTREPRENEUR AS A HELPING PROFESSION**

Ю.Н. Мангутова

*Национальный исследовательский Мордовский государственный
университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск*

Yu. Mangutova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk

Рассматриваются институциональные элементы социального предпринимательства как помогающей профессии. Изучены функции и мотивы деятельности социального предпринимателя через призму исторической трансформации российского общества. Отражены социальные эффекты развития сферы социального предпринимательства в России.

The article examines the institutional elements of the social entrepreneur as a helping profession. Studied the functions and motives of a social entrepreneur through the lens in the historical transformation of the Russian society. Reflected the social effect of the sphere of social entrepreneurship in Russia.

Ключевые слова: социальный предприниматель, социальное предпринимательство, институционализация, социальная полезность, инновационная деятельность, новатор.

Keywords: social entrepreneur, social entrepreneurship, institutionalization, social usefulness, innovation, innovator.

В последнее десятилетие феномен социального предпринимательства всё чаще становится обсуждаемой темой среди управленцев, однако он еще не стал предметом широкого изучения научного сообщества, прежде всего, социологов, экономистов и исследователей в области предпринимательства.

Для разностороннего изучения данного социального явления пока нет достаточной научно-методологической и нормативно-правовой базы, способной предлагать инструменты решения социальных проблем, повышения качества жизни населения. Но уже чётко очерчивается модель поведения современного социального предпринимателя, базирующаяся на принципах новаторства, ответственности и повышения роли субъекта в общественном прогрессе.

Прообраз профессии социального предпринимателя появился на рубеже XIX-XX вв. Формирование сферы трудовой деятельности социального предпринимателя происходило в условиях классовой борьбы за равенство и свободу. В связи с этим в основе деятельности первых социальных предпринимателей чётко прослеживалась рефлексия социальных проблем общества через призму его ценностного существования. Первые социальные предприниматели были выходцами из социальнообеспеченных слоёв населения, интеллигенции, духовенства. Именно реализуемая ими деятельность выступала в качестве способа улучшения положения и в некоторых случаях каналов социальной мобильности для бедных слоёв населения. Наличие образования, опора на религиозные устои и духовные ценности определяли поведение социальных предпринимателей и виды их деятельности конца XIX-начала XX в. Основными направлениями социального предпринимательства того времени были обучение грамоте, трудоустройство малоимущих, организация социальных торговых предприятий и производственно-потребительских кооперативов. Их деятельность носила гуманистический характер, главная цель которой – развитие человеческого капитала. Приоритет был отдан социальной функции предпринимательства, основанной на деятельностном подходе. Так, И. Кронштадтский в 1882 г. организовал «Дом трудолюбия», где одновременно занимался благотворительностью, трудоустройством и учебно-воспитательной деятельностью. Подобные дома к концу XIX в. превратились в институты по борьбе с бедностью и бродяжничеством. В 1909 г. А.Е. Антонов, инициатор создания первых кооперативов, открыл первую в России потребительскую лавку (с. Старая Барда, Алтайская губерния). Лавка закупала самые необходимые товары для деревни: одежду, обувь, бакалею, железные изделия. Одновременно он организовал библиотечный кружок, где читал произведения русских классиков малограмотному населению.

Советский период на время приостановил развитие данного вида деятельности. Социально-экономические трансформации конца XX-начала XXI вв. определили необходимость институционализации сферы деятельности и профессии социального предпринимателя, в настоящее время государство возлагает большие надежды на развитие данного вида предпринимательства как инструмента решения, прежде всего, социальных проблем. Если в Европе

данная сфера профессиональной деятельности существует около 30 лет, то в современной России всего около 10 лет.

Многие учёные определяют социальное предпринимательство как инновационную деятельность, направленную на улучшение жизни всего общества. Г. Диз, основатель и директор Центра развития социального предпринимательства (CASE) Университета Дьюка, выделил пять факторов, определяющих модель поведения социального предпринимателя в современном обществе: 1) принимает на себя миссию по созданию и поддержке социальной ценности (а не только индивидуальной ценности); 2) находится в непрекращающемся поиске и реализации новых возможностей для достижения этой миссии; 3) вовлечен в непрерывные процессы инноваций, адаптации и обучения; 4) действует решительно, не ограничивая себя только теми ресурсами, что есть в данный момент; 5) демонстрирует высочайшую ответственность по отношению к своим клиентам и за результат своей деятельности [3].

Д. Борстайн, автор книги «Как изменить мир: социальное предпринимательство и сила новых идей», утверждает, что в основе деятельности социальных предпринимателей должен лежать этический мотив, который в большей степени ориентирован на счастье, положительные эмоции и уважение. Важными качествами социального предпринимателя являются сочувствие и сопереживание. Успех измеряется положительными изменениями в обществе, а не накопленным богатством. Д. Борстайн приходит к выводу, что на современном этапе социальным предпринимательством занимаются успешные предприниматели, добившиеся высоких результатов в бизнесе [5].

В современных условиях можно выделить несколько важных функций института социального предпринимательства. Первая функция – творческая, связана с реализацией оригинальных взглядов и подходов по принимаемым решениям, технологиям, инновациям, что в свою очередь, определяет роль социального предпринимателя как новатора. Вторая функция социального предпринимательства – ресурсная, она заключается в эффективной комбинации факторов производства в условиях ограниченности ресурсов. Новаторство, сознательный риск и ответственность за принимаемые решения и проекты, на которые идет социальный предприниматель, предполагает рациональное использование воспроизводимых и невозпроизводимых ресурсов. Всё это утверждает статус социального предпринимателя как помощника государства в решении социальных проблем общества.

Социологический опрос, методом интервью проведенный нами среди предпринимателей (N=40, 2016 г.) г.о. Саранск Республики Мордовия, выявил следующие тенденции.

Во-первых, своё предназначение в обществе социальные предприниматели видят в создании дополнительных рабочих мест, оказании значимых социальных услуг, разработке и реализации новых социально значимых продуктов. Функциональный состав деятельности расширяет сферы социального предпринимательства. Так, данные предприниматели находят своё применение не только в системе образования, здравоохранения, но и строительной отрасли, сфере IT–технологий, социальном обслуживании населения, транспортной сфере, организации культурного досуга для населения. Ниже приведем примеры развития социальных услуг в данной сфере.

Учебно-развивающий центр «Детская парковка», созданный по инициативе индивидуального предпринимателя Сыщиковой Екатерины Константиновны, ориентирован на оказание качественных и профессиональных услуг в сфере воспитания, образования и развития детей от 0 до 16 лет. В его задачи также входит вовлечение детей с ограниченными возможностями здоровья, проживающих в новых жилых микрорайонах г.о. Саранск, в систему инклюзивного образования.

Социальное такси «Ритм», которое функционирует с 2015 г., занимается решением важной для людей с ограниченными физическими возможностями задачей – созданием доступного и максимально комфортного транспорта, специально приспособленного для передвижения людей в инвалидном кресле. Автомобили службы такси «Ритм» оборудованы специальными устройствами для въезда инвалидных колясок, осуществляют перевозку больных в медицинские учреждения и реабилитационные центры в г.о. Саранск. В услуги социального такси входят встречи (проводы) в аэропорту или на ж/д вокзале и благотворительные перевозки малообеспеченных инвалидов 1,2 группы.

Мини-гостиницы «Yo!Hostel» ориентированы на предоставление гостиничных услуг студентам и спортсменам, прибывающим в г. Саранск на различные мероприятия. Одним из направлений деятельности данной гостиницы является оказание срочной социальной помощи, связанной с временным размещением и организацией проживания на безвозмездной основе лицам, относящимся к социальнонезащищенным группам населения [6].

Во-вторых, согласно нашим исследованиям, мотивами профессиональной деятельности социальных предпринимателей является способность приносить пользу обществу и проявлять интерес к своей профессиональной деятельности. Важно отметить, что в настоящее время у социальных предпринимателей преобладающими качествами являются милосердие и социальное участие.

Новый класс социальных предпринимателей в российском обществе формируется в сложных и противоречивых условиях. Нескончаемая борьба за власть и управление финансовыми потоками, бюджетные ограничения привели к обострению многих социальных проблем. Рост безработицы, социальное расслоение, снижение благосостояния, проблемы в здравоохранении и образовании, низкое качество жизни социально незащищённых слоёв населения, проблемы неустойчивого экономического развития отражаются на функционировании предпринимательства. Социально-экономический кризис, отсутствие гибкой налоговой политики, издержки кредитной системы страны не позволяют предпринимателям наращивать объёмы производства социально необходимых товаров и услуг. Несовершенство нормативно-правовой базы сокращает горизонты возможностей предпринимательской деятельности в регионе и стране в целом. Недостаточная ее проработка не только снижает эффективность деятельности в сфере социального предпринимательства, но и не позволяет широко транслировать данный опыт на различные сферы общества и готовить профессиональные кадры.

Развитие социального предпринимательства и его институционализация являются первоочередной задачей общества и государства. Использование потенциала социальных предпринимателей, основанного на таких ценностях, как полезность трудовой деятельности, взаимопомощь, порядочность, честность и ответственность, позволит заложить социальный фундамент, ведущий к духовной эволюции общества. Развитие организационно-хозяйственного новаторства и экономической свободы как факторов социального предпринимательства позволит сократить уровень остро выраженных социальных проблем и увеличить уровень общественного благосостояния. Закрепление статуса социального предпринимателя как помощника государства в решении социальных проблем требует от органов государственной власти, с одной стороны, детальной проработки институционального сопровождения данной сферы, с другой – решения задач построения надёжной системы социальной защиты населения с опорой на ресурсы предпринимательства.

Литература

1. Бычкова М.Н., Окушова Г.А Интернет как среда реализации общественных инициатив российской молодёжи [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scjournal.ru/articles/issn>. (Дата обращения: 07.08.2016).
2. Верхошенских Е.Б. Проблемы и факторы, влияющие на предпринимательскую среду [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.econ.asu.ru/pdf/confYprConsult2/verchoshenskih.pdf>. (Дата обращения: 07.08.2016).

3. Диз Грегори Смысл социального предпринимательства [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/smysl_sotsialnogo_predprinimatelstva_34670. (Дата обращения: 07.08.2016).

4. Крайнов М. Почему социальное предпринимательство спасёт мир? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.chaskor.ru/article/pochemu_sotsialnoe_predprinimatelstvo_spaset_mir_34061. (Дата обращения: 07.08.2016).

5. Курило А.Е., Немкович Е.Г. Зарождение СП в республике Карелия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/zarozhdenie-sotsialnogo-predprinimatelstva-v-respublike-kareliya>. (Дата обращения: 07.08.2016).

6. Центр инноваций социальной сферы Республики Мордовия (официальный сайт) Истории успеха 2016 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cissrm.ru/>. (Дата обращения: 07.08.2016).

**УСЛОВИЯ И ТЕХНОЛОГИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ИДЕНТИЧНОСТИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ
БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ
TERMS AND TECHNOLOGY DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL
IDENTITY AND IDENTITY OF PROFESSIONAL FUTURE SPECIALISTS
HELPING PROFESSIONS**

В.В. Михайлова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

V.V. Mihaylova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Представлен анализ актуальной необходимости развития профессионального самосознания студентов, а также специфики требований к развитию профессионального самосознания и профессиональной идентичности будущих специалистов помогающих профессий.

The article presents an analysis of the actual need for the development of professional consciousness of students, as well as the specifics of the requirements for the development of professional identity of future specialists of helping professions.

Ключевые слова: профессиональная идентичность и профессиональное самосознание студентов, будущие специалисты помогающих профессий.

Keywords: professional identity of students, future specialists of helping professions.

Вопрос развития профессионального самосознания будущих специалистов помогающих профессий актуален в связи с изменением условий современного рынка труда и спецификой функционала помогающих профессий.

1. Общие условия современного рынка труда.

Современные предприятия, как правило, не располагают финансовыми и временными ресурсами для реализации долгосрочного процесса адаптации

вчерашнего выпускника в профессиональный социум. В связи с этим рынок труда более открыт для тех, кто вместе с дипломом о высшем профессиональном образовании обладает практическим опытом работы. В то же время не всегда студенты располагают возможностями совмещать занятость, связанную с будущей профессией, с обучением в ВУЗе. Таким образом, меры, направленные на формирование профессиональной идентичности и профессионального самосознания будущих специалистов, связаны с выполнением особого запроса на подготовку со стороны работодателей и позволяют активировать первый этап профессиональной социализации студента. Представители современных компаний признаются, что более охотно рассматривают соискателей только через год после окончания ими ВУЗа, поскольку за это время формируются скорее социальные, а не профессиональные качества работника – адекватность профессиональной самооценки, профессиональное самосознание, способность брать ответственность за свои решения и действия и т.д. Работодатели готовы обучать, но не готовы «воспитывать» молодых специалистов.

2. Специфичность функционала помогающих профессий.

В отечественной и зарубежной научной литературе создана значительная теоретическая база изучения профессионального самосознания. Различия в представлениях о сущности, структуре профессионального самосознания и взаимосвязи его с самосознанием личности явились источником особенностей в подходах к изучению профессионального самосознания. Все существующие подходы выделяют различные аспекты и составляющие элементы профессионального самосознания. Анализ существующих теорий позволяет нам выделить две группы факторов формирования профессионального самосознания:

1. Когнитивно-эмоциональные – субъективная оценка специалистом своих действий и результатов профессиональной деятельности, познание и оценка профессиональных качеств и отношение к ним (В.Д. Брагина, [1]), осознание себя как субъекта профессиональной деятельности (П.А. Шавир, [2]).

2. Социальные – осознание принадлежности к профессиональной группе, самосознание, формирующееся под воздействием профессиональной среды и активного участия субъекта в профессиональной деятельности (Т.Л. Мирнова, Б.Д. Парыгин [3]).

По мнению, Е.А. Эннс [4], становление целостного профессионального самосознания будущего специалиста особенно важно для профессий, так называемого, помогающего типа, где инструментом осуществления профессиональных функций является личность субъекта труда. В.В. Милакова [5] в

своем анализе психологического содержания помогающих профессий показала, что данная группа профессий обладает следующими особенностями: в профессиональной деятельности преобладают субъект-субъектные взаимодействия, процессы преобразования мира человеческих отношений, в связи с чем она становится максимально личностной; предметом деятельности является группа или отдельный человек; средством – сам человек, его психические или личностные свойства; условия профессиональной деятельности связаны с повышенной моральной ответственностью.

В связи со всем вышесказанным можно выделить третью группу факторов, определяющих формирование профессионального самосознания и специфичных только для помогающих профессий:

3. Оценка собственной значимости и уровня развития в профессии *через оценку вклада в развитие клиента*. А.И. Шутенко на примере изучения профессионального самосознания педагогов, отмечает, что профессиональное самосознание – сущностное образование личности педагога, выражающее его мотивационное отношение к собственному опыту педагогической деятельности с точки зрения личного вклада в развитие и становление личности ученика [6].

В связи с этим особую важность приобретают описанные К. Шнейдером [7] условия формирования профессионального самосознания и качества квалифицированной работы в помогающих профессиях:

- Личная зрелость специалиста.
- Социальная зрелость специалиста.

Условия и технологии развития профессиональной идентичности и профессионального самосознания будущих специалистов помогающих профессий неразрывно связаны с развитием студента в обозначенных направлениях.

Во-первых, технологии развития профессионального самосознания у будущих специалистов помогающих профессий должны быть направлены на развитие личной зрелости и личностной адаптивности. Личность специалиста в помогающих профессиях является инструментом, который профессионал использует так же, как, например, хирург использует скальпель. В процессе обучения в ВУЗе необходимо ознакомить студентов с наиболее эффективными и безопасными правилами и техниками использования данного инструмента. Такую задачу поможет решить создание в процессе обучения личностноориентированной образовательной среды, то есть предоставление студентам возможности получить знания и, что не менее важно, субъективный опыт работы над собой, саморефлексия, развитие эмоционального интеллекта, эмпатия.

Вторым условием, необходимым для развития профессионального самосознания специалистов помогающих профессий, являются методики, позволяющие формировать социальную зрелость. Это второе направление развития профессионального самосознания, где происходит совершенствование, «профессионализация» психических процессов, состояний и субъективного опыта. Мы считаем, что включение в образовательный процесс интерактивных методов способствует максимальному погружению обучающихся в профессиональную реальность, а также помогает оценке студентами своих профессиональных возможностей и осознанию себя в профессии. Это связано с тем, что интерактивные методы различного вида помогают участникам не только «проговаривать», «продумывать», но и «проживать» ситуации, находясь при этом под влиянием многих социальных факторов, существующих в реальном мире (конкуренция, успех/неудача в решении задачи, необходимость принимать сложные решения и т.д.), и испытывать связанные с этим эмоции. Использование данных методов в преподавании позволяет сформировать у обучаемых социальный и профессиональный опыт, который образуется не только на основании «правильных» образцов (предлагаемых в теоретических моделях), но и на основе опыта с отрицательным значением, то есть ошибочных действий, не ведущих к нужным результатам. Интерактивные методы позволяют студентам наблюдать, использовать и оценивать различные стратегии достижения желаемой цели и выбирать наиболее эффективные из них.

Литература

1. Брагина В.Д. Представления о профессии и самооценка профессионально-важных качеств учащейся молодежи // Вопросы психологии. 1996. № 2. С. 146-155.
2. Шавир П.А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. М.: Педагогика, 1981. 96 с.
3. Барсукова А.Д. Особенности формирования профессионального самосознания студенчества. Монография. М.: Издательство АСВ, 2009. 168 с.
4. Эннс Е.А. Профессиональное самосознание и профессиональная идентичность как системообразующий фактор развития интегральной индивидуальности студентов помогающих профессий // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». Выпуск 4. 2012. С. 169-174.
5. Милакова В.В. Психологические особенности профессионального самоопределения будущих специалистов помогающих профессий социномического типа: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. психол. наук (19.00.13). Астрахань, 2007. 35 с.
6. Шутенко А.И. Строение и развитие профессионального самосознания учителя: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. пед. наук (13.00.08). Москва, 1994. 16 с.
7. Швецова В.А. Особенности профессионального самосознания современных студентов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 194-199.

**РОЛЬ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ
БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА**
**THE ROLE OF EDUCATIONAL TECHNOLOGY IN THE
PREPARATION OF THE FUTURE TEACHER**

Т.В. Осокина
*Чувашский государственный педагогический университет
им. И.Я. Яковлева, г. Чебоксары*
T.V. Osokina
Chuvash State Pedagogical University I.Y. Yakovlev, Cheboksary

Рассматривается организация творческих мастерских в учебных заведениях.
The article deals with the organization of creative workshops in schools.

Ключевые слова: технология, французская творческая мастерская, формы работы.

Keywords: technology, the French creative workshop, forms of work.

Понятие «технология» является одной из новых для педагогики. Развитие педагогической науки показывает, что переход данного термина из сферы информационных технологий не случаен и имеет под собой серьезную основу.

Если обратиться к самому определению термина технология, к его изначальному значению (техно – мастерство, искусство; логос – наука), то мы придём к выводу, что цель технологии заключается в том, чтобы разложить на составляющие элементы процесс достижения какого-либо результата. Технология применима повсюду, где имеется достижение, стремление к результату. Педагогическую технологию представляют как систему способов, приемов, шагов, последовательность выполнения которых обеспечивает решение задач воспитания, обучения и развития личности воспитанника. Деятельность педагога направлена на достижение гарантированного результата. [1, с. 350]

Воспитательная технология, по определению П.И. Пидкасистого, предполагает совместную деятельность воспитателя и воспитанника, содержащую систему научно обоснованных приемов и методик, при которых оптимально достигаются запланированные воспитательные результаты [2. 540].

Одной из технологий, которая активно применяется в педагогической практике, является французская творческая мастерская. Разработана она французскими учеными практиками из группы «новое образование» (Groupe Francais d'Education Nouvelle). В России с ней впервые познакомились в 1990 г. на семинаре в Санкт-Петербурге.

Педагогическая мастерская возникла не на пустом месте. Идеи свободного воспитания Ж.-Ж. Руссо, Л.Н. Толстого, практическая деятельность С.А. Рачинского, В.Н. Сорока Росинского, С.Т. Шацкого, А.С. Макаренко, психологические исследования Л.С. Выготского – стали основой практического моделирования сначала французских, а затем петербургских педагогических мастерских. Можно с уверенностью сказать, что мастерская представляет собой интеграцию зарубежного и российского педагогического опыта.

Мастерская может быть формой проведения как учебного, так и внеурочного занятия. Она состоит из последовательных, взаимосвязанных этапов: «индукция», («наведение»), «самоинструкция», «социоконструкция», «социализация», «афиширование», «разрыв», «рефлексия». На каждом из них определяющим является соответствующее задание, которое направляет познавательную деятельность учащихся и вместе с тем предоставляет им возможность выбора пути исследования, средств достижения цели, темпа работы.

В качестве примера хотелось бы остановиться на мастерской, проведенной для студентов в рамках «Недели педагогики». В качестве рабочего названия была выбрана тема «День матери». Материнство, семья, дети – это понятия из категории общечеловеческих ценностей, а, значит, тема всегда актуальна. К тому же мастерская была запланирована на ноябрь, а в ноябре в нашей стране традиционно отмечается День Матери.

Индуктор задумывался как «Камера хранения забытых вещей». Предметами для индуктора послужили: свадебная фотография в рамке, очки в немодной оправе, вязанье – клубок шерстяных ниток, начатый носок, спицы, бирочка из роддома, которую надевают на ручку новорожденному, фильмоскоп, аптечная упаковка листьев мать-и-мачехи, детский чепчик.

Всем участникам мастерской, пока они собирались, было предложено познакомиться с содержимым *необычной Камеры хранения*. Каждому предлагалось задать себе вопрос: а что лично для меня значит каждый из этих предметов? А те ассоциации, которые он вызывает, записать на листочке: один предмет – одно слово, на всё – 5 минут.

Пока все работали, помощники организатора в вазочки отсчитали нужное количество конфет разного цвета и «угостили» присутствующих. Поскольку в каждой вазочке была смесь, никто подвоха не заподозрил.

А «подвох» состоял в том, что следующим шагом стало разделение на случайные группы: по цветам фантиков конфет. Это действие вызвало оживление и разные эмоции.

Следующим тактом стала работа в группах нового состава: обсуждение личных записей и достижение договоренности о том, какие *пять слов* выбо-

рет каждая группа для озвучивания. Список получился такой: семья, дети, история, домашний очаг, ностальгия, любовь, радость материнства, детство, бабушка, память, семья, архив, рождение, пополнение, забота, семья, воспоминание, ребенок, теплота, нежность, свадьба, роддом, малыш, бабушка, бабушка, ребенок, семья, дом, счастье, память.

Повторяющиеся слова были обведены на доске мелом, (практически никто не вышел на слово «мать», а рабочее название мастерской было «День матери», и все раздаточные материалы связаны с этим названием).

Под предлогом совместного конструирования темы мастерской участникам были заданы вопросы более глубокого содержания: «Дом, семья, рождение, ребенок: что может быть объединяющим началом всех этих смыслов?». Путем всеобщего голосования была выбрана тема мастерской «*Мама и все*».

Пройдя за рабочие столы, группа должна была поработать со «*Словарем чувств, эмоций, настроений*». («Словарь» представлял собой лист бумаги с напечатанными разным шрифтом и размером словами, например, такими: надежда, печаль, презрение, интерес, любовь, любопытство, недовольство, нежность, ненависть, уныние, неуверенность, отчаяние, подозрение, позор, привязанность и т.д.).

Обсудив в группе индивидуальные варианты и договорившись о том, какие 5 слов станут окончательным результатом, участники приступили к созданию коллажа. По окончании работы каждая группа вывешивала свое произведение на доске в кабинете.

Кульминацией стала презентация группами своих произведений. Содержательно все плакаты были близки друг другу: на них образ «Мама и все» отражался через такие понятия, как любовь, надежда, беспокойство, благодарность, счастье, гордость, уважение, доверие, восторг.

Готовясь к мастерской, был найден наиболее полный и при этом достаточно лаконичный источник, описывающий семейные взаимоотношения. Выбор пал на пословицы и поговорки: что может быть достовернее многовековых наблюдений, отраженных в фольклоре?

Каждый из участников получал листок с таблицей: в одной графе – начало пословицы, а в другой – пустая строка для записи ее продолжения. Когда группы написали маркерами свои пословицы (опять же, единых требований к оформлению результатов не было, и это дало дополнительные возможности для творчества: некоторые надписи стали тем «цементом», который скрепил образ «Мама и все»).

Далее происходило афиширование произведений и участников, и мастера. Готовясь к мастерской, была подготовлена красочная презентация с названием «Народная мудрость о матери и детях». На экране появлялся слайд с

началом пословицы, представители групп зачитывали свои варианты, а потом открывался слайд с оригиналом. Работа прошла очень оживленно, быстро.

Для рефлексивного отзыва были приготовлены небольшие листочки с таблицей из трех строк и четырех граф. Участники мастерской вписывали по 3 слова в каждую строку:

«Мои чувства, мысли, эмоции

- по отношению к своей маме: ..., ...,

- по отношению к своей команде: ..., ...,

- по отношению к мастерской: ..., ...,

Отзывы были разные: например, чувства к маме – это «любовь, радость, доверие, благодарность, уважение, нежность». Слова о команде: «восторг, интерес и надежда, воодушевление, симпатия, признательность, гордость», но были и «неуверенность, сомнение». Было приятно и то, что состоявшееся действие вызвало «энтузиазм, любопытство, интерес, вдохновение, восхищение, бодрость» у всех участников.

Завершилась мастерская стихами Агнии Барто:

Было утро в тихом доме,
Я писала на ладони
Имя мамино.
Не в тетрадке, на листке,
Не на стенке каменной,
Я писала на руке
Имя мамино.
Было утром тихо в доме,
Стало шумно среди дня
- Что ты спрятала в ладони? -
Стали спрашивать меня.
Я ладонь разжала:
Счастье я держала.

Литература

1. Коджаспирова Г.М. Словарь по педагогике (междисциплинарный): предназначен для учащихся, студентов, аспирантов, учителей и преподавателей вузов / Г.М. Коджаспирова, А.Ю. Коджаспиров. Москва; Ростов н/Д: МарТ, 2005. 447 с. (Педагогическое образование).

2. Пидкасистый П.И. Педагогика: учеб. [для вузов по направлению 050100 «Пед. образование» (квалификация «бакалавр»)] / П.И. Пидкасистый; под ред. П.И. Пидкасистого. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Академия, 2014. 620 с. (Высшее профессиональное образование. Педагогическое образование. Бакалавриат).

**ОЦЕНКА РАБОТЫ ФЕДЕРАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ
ПРОГРАММ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН
В РОССИЙСКИХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ СМИ
EVALUATION OF THE FEDERAL AND REGIONAL PROGRAMS
OF PATRIOTIC EDUCATION OF CITIZENS IN THE RUSSIAN
CENTRAL MEDIA**

А.Н. Осянин

Нижегородская академия МВД России

A.N. Osyanin

*Nizhni Novgorod Academy of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation*

Отражены результаты анализа публикаций центральных российских СМИ, отражающих процесс функционирования федеральных и региональных программ патриотического воспитания граждан.

В феврале 2013 г. был собран корпус текстов за период с 2003 г. по 2013 г., представляющий собой массив публикаций центральных российских СМИ по проблемам феномена патриотизма. Общее количество публикаций собранного корпуса текстов составило 1000 статей. В качестве инструмента обработки полученных данных использовался лексико-семантический текстовый анализатор «Лекта», в основу которого положен метод многомерного контент-анализа.

The article presents the results of analysis of publications of the central Russian mass media, reflecting the process of functioning of the federal and regional programs of patriotic fostering of citizens.

To this end, in February 2013 corpus was collected for the period from 2003 to 2013., is an array of publications of the central Russian mass media on the issues of patriotism phenomenon. The total number of publications of collected corpus totaled 1,000 articles. As the data processing tool used by the lexical-semantic text analyzer «Lecta», which is based on multi-dimensional content analysis method.

Ключевые слова: контент-анализ, федеральные и региональные программы патриотического воспитания, центральные российские СМИ.

Keywords: content analysis, federal and regional programs of patriotic education, the central Russian media.

Рассмотрим сегмент информационного пространства федеральных и региональных СМИ, посвященного проблемам становления и развития патриотизма граждан Российской Федерации, в контексте федеральных и региональных программ.

Большинство публикаций (табл. 1), отражающих рассматриваемую проблематику, приходится на 2003-2007 гг.

Таблица 1

Структура российских центральных СМИ в рассматриваемом факторе*

Год издания	Количество публикаций	% от количества статей в факторе
2003	37	16
2004	36	16
2005	51	23
2006	43	19
2007	44	19
2008	15	7

*Представлены статьи, релевантные теме рассматриваемого фактора

В структуру публикаций, которая отражает заявленную тему, вошло 36 центральных российских изданий (табл. 2). Совокупный процент первых 12 изданий составляет две трети (69%) от общего количества, вошедших в перечень источников. Такие издания, как Коммерсант, Красная звезда, Новые известия, Российская газета входят в структуру большинства факторов, полученной факторной модели.

В целом содержание рассматриваемого тематического блока достаточно нейтрально, неэмоционально и малокритично. Почти не звучат какие-либо оценки работы федеральных структур, занятых пропагандой и воспитанием патриотизма. В большинстве публикаций только констатация фактов, заявление о конкретных действиях по организации патриотических программ.

Таблица 2

Структура публикаций центральных российских СМИ в факторе*, %

Издание	Число публикаций
1. Красная звезда	15
2. Коммерсант	8
3. Советская Россия	6
4. Газета	5
5. Новые известия	5
6. Правда	5
7. Российская газета	5
8. Время новостей	4
9. Известия	4
10. Московская правда	4
11. Московский комсомолец	4
12. Санкт-петербургские ведомости	4

* Издания, которые дают в выборочной совокупности менее 4%, не вошли в данную таблицу.

Говоря о программах развития патриотизма, СМИ, прежде всего, акцентируют внимание на том, что подобные документы подразумевают многоуровневую воспитательную работу, начиная с семьи и заканчивая деятельностью

высших государственных органов. При этом подчёркивается, что ведущее место в системе патриотического воспитания занимает семья, что программы патриотического воспитания включают широкий спектр мероприятий: «издание пособий, организационных и методических рекомендаций по использованию государственных символов России и символов субъектов Российской Федерации в патриотическом воспитании; создание условий для расширения выпуска полиграфической продукции с изображением государственных символов России, обеспечение этой продукцией образовательных учреждений ...; организация изучения в образовательных учреждениях государственной символики России...; информационное обеспечение и подготовка организаторов патриотического воспитания по вопросам использования государственной символики России в воспитательной работе» [1].

В СМИ фигурируют сообщения о необходимости проведения экспертизы реализуемых программ для выявления особенностей формирования патриотических чувств и сознания у детей, юношества, граждан страны с помощью данных программ.

Журналисты отмечают роль сотрудничества государственных органов власти с частными предпринимателями в рамках программ патриотического воспитания граждан. В частности, речь идет о программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2006-2010 годы». Предпринимателям отводилась роль субъектов воспитания патриотизма, а также спонсоров этого процесса.

СМИ утверждают, что молодёжь не может получать патриотическое воспитание лишь в военно-спортивных лагерях. Воздействие на неё должно быть более разносторонним и исходить от разных людей и организаций. В статьях уделено внимание системности, целенаправленности и постоянству работы в осуществлении патриотического воспитания. Недопустимо проводить ее хаотично, резкими и короткими по времени рывками [2, с. 3].

Достаточно часто СМИ освещают вопрос финансовых затрат на организацию работы по патриотическому воспитанию. Отмечается динамика роста затраченных средств. С одной стороны, это говорит об акцентировании внимания на проблеме, с другой – об опасениях относительно корыстных интересов людей, которые причастны к организации использования выделенных сумм: «...правительство ... приняло программу «Патриотическое воспитание граждан в 2006-2010 годах» и предусмотрело ее финансирование из федерального бюджета в размере 378 млн. руб. В 2002-2004 гг. на аналогичную программу было потрачено 115 млн. руб. За эти деньги написали концепцию патриотического воспитания, открыли центры, клубы и кружки патриотов, наладили систему подготовки кадров – специалистов по патриотическому воспитанию граждан» [3; 4, с. 15-16].

Средства направлялись на такие задачи и проекты как: методические материалы по формированию у молодых людей корректного репродуктивного поведения, разработки специальных патриотических компьютерных игр.

В СМИ транслируются сообщения о том, что в любом государстве основной спланирующей нацию идеей служит именно патриотическое воспитание. Таким образом государственные программы воспринимаются как важный элемент в формировании патриотизма как основы народного единства.

Информационное обеспечение программ патриотического воспитания включает в себя значительное число направлений работы: «... создание условий для более широкого участия средств массовой информации в пропаганде патриотизма, формирование государственного заказа на производство продукции патриотической направленности организациями культуры, искусства и средствами массовой информации; противодействие попыткам дискредитации, девальвации патриотической идеи в средствах массовой информации ...» [1].

Центральные российские СМИ делают вывод о том, что патриотическое воспитание имеет сегодня актуальное, обязательное и критично важное значение: «их не устраивает п. 1 ст. 14, в котором говорится, что все органы власти страны, начиная с федерального правительства, обязаны «систематически проводить работу по военно-патриотическому воспитанию граждан». Этот пункт, по мнению единокороссов, должен звучать иначе: «Военно-патриотическое воспитание граждан ...представляет собой обязательную, систематическую и целенаправленную деятельность...» [5, с. 3].

Для стимулирования лиц и организаций, которые оказывают помощь в деле воспитания патриотизма граждан, государство предусматривает систему поощрений: «Отметим, что ряду региональных организаций Общественного общества и их сотрудникам за вклад в совершенствование системы и выполнение программ патриотического воспитания граждан были вручены награды» [6].

Как уже отмечено, в СМИ звучали и критические мысли относительно федеральной программы патриотического воспитания (разработанной на 2006-2010 гг.). В частности, критика касалась неисполнения предыдущей программы патриотического воспитания до момента вступления в силу новой. За громкими лозунгами, солидно и продуманно выглядящими программами патриотического воспитания кроется проблема их неисполнения. Без самой работы, выполненной в полном объеме, такие программы в значительной мере теряют свою актуальность: «... начальник Главного управления воспитательной работы Вооруженных сил РФ генерал-полковник Николай Резник сообщил собравшимся на конференции, что разработана новая государствен-

ная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 годы». Кажется, никто из участников слушаний не решился напомнить генерал-полковнику, что еще не выполнена предыдущая программа по патриотизму, запланированная до 2005 года. А зря» [7].

Звучали критические замечания и в отношении качества самой программы, что говорит о необходимости более полного информирования о достигнутых результатах, так как критика в СМИ нередко эмоциональна, а верифицировать доводы не представляется возможным – они не представлены в свободном доступе: «Пока «Наши» на Селигере заслушивали политинформацию, правительство России утвердило программу патриотического воспитания граждан РФ на 2006-2010 годы. По уровню скудоумия она мало отличается от действующей» [8, с. 20].

Высказывались и упрёки власти в отношении неоднозначности своей позиции относительно феномена патриотизма и способа его воспитания, неопределённости политики в отношении формирования патриотического духа и национального самосознания: «После откровенных гонений на патриотов и патриотизм, который был назван «последним прибежищем негодяев», власть вдруг объявила себя патриотической» [9].

Примечательно, что звучали и противоположные мысли о том, что программа патриотического воспитания, проводимая по 2005 г., была в целом успешна, эффективна, завершена. О том, что государственная программа патриотического воспитания является фактором, который ведёт к социально-экономическому, духовному и культурному подъему государства, укреплению его обороноспособности: «Кстати, программа патриотического воспитания граждан России на период до 2005 г. признана успешной – как было отмечено, «система патриотического воспитания в своей основе в России сложилась» [10].

Таким образом, в целом в СМИ программа патриотического воспитания оценивалась скорее нейтрально, звучало мало критики, в основном только констатировались факты запуска программы и обрисовывались ключевые её составляющие. Критика в основном касалась некачественной реализации программ патриотического воспитания и опасений относительно корректности затрат денежных средств на реализацию программы.

Литература

1. Павлюткина И. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2006-2010 ГОДЫ»// Красная звезда. 31.08.2005 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2005/08/31_08/2_01.html. (Дата обращения: 20.01.2014).

2. Татонова И. Путь к осознанному патриотизму // Московская правда. 2007. №178. 16 августа.
3. Короп Е. Любите Родину, мать вашу! // Профиль. 2005. №28 (442) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.profile.ru/archive/item/47456> (Дата обращения: 20.01.2014).
4. Воронов В. Активное мероприятие. Удвоение патриотизма // Новое время. 2005. №30. С. 15-16.
5. Хамраев В. Безалкогольный патриотизм // Коммерсант. Daily. 2008. №169.
6. Худолеев В. Награды патриотам // Красная звезда. 18.06.2008. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2008/06/18_06/3_03.html#top. (Дата обращения: 14.07.2016).
7. Светова З. Патриотизм – последнее прибежище для государства // Русский курьер. 27.10.2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ebiblioteka.ru/>. (Дата обращения: 20.01.2016).
8. Гулько Н. Сбылась мечта патриота // Коммерсант. Власть. 2005. № 29.
9. Стрелкова И. Лукавство казенного патриотизма // Правда. 2005. №132 (28893) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kprf.ru/pravda/issues/2005/132/article-9934/>. (Дата обращения: 20.01.2014).
10. Денисов В. Ты патриотом быть обязан // Красная звезда. 20.07.2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://old.redstar.ru/2005/07/20_07/1_07.html. (Дата обращения: 14.07.2016).

**ПОДГОТОВКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ
РАБОТНИКОВ В ВУЗЕ: НОВЫЕ АСПЕКТЫ**
**TRAINING OF PROFESSIONAL SOCIAL WORKERS
IN THE UNIVERSITY: NEW ASPECTS**

Л.Э. Панкратова

*Российский государственный профессионально-педагогический
университет, Екатеринбург*

L.E. Pankratova

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

Рассматриваются основные проблемы подготовки социальных работников в вузе. Указывается на необходимость обучения студентов технологиям электронно-сетевой социальной работы, формирования имиджа, методикам инклюзивного обучения, методам управления профессиональных деформаций.

The article considers the basic problems of social workers ' training University. Indicates the need for student learning technologies web-based social work, technology of image formation, methods of inclusive education, management of professional deformation.

Ключевые слова: социальный работник, электронно-сетевая социальная работа, имидж социального работника, подготовка социальных работников, профессиональные деформации социальных работников.

Keywords: social worker, web-based social work, the image of social worker training social workers, professional deformation of the social workers.

Подготовка профессиональных социальных работников в России имеет уже некую историю со своими традициями. Более четверти века российские вузы выпускают специалистов социальной работы. За это время сменилось несколько Государственных образовательных стандартов. Все общемировые проблемы и тенденции высшего образования также коснулись и подготовки социальных работников. Одной из наиболее серьезных проблем является разрыв между теоретической подготовкой студентов в вузе и требованиями, предъявляемыми к специалистам на практике. Введением двухуровневой системы подготовки специалистов – бакалавриата и магистратуры, предполагалось, хотя бы частично, решить данную проблему. Новые проблемы социальной жизни формируют новые вызовы для социальной работы, а соответственно, и новые аспекты подготовки социальных работников.

Одной из тенденций современного социума является все углубляющаяся информатизация и возрастание роли интернета в жизни человека. Сетевой способ существования является одной из характеристик жизнедеятельности современного человека. Применительно к социальной работе употребляется термин «электронно-сетевая социальная работа». Этой темой занимаются такие авторы, как В.В. Лычагина, В.В. Соломатова, В.А. Фокин, И.В. Фокин. Сегодня каждое государственное социальное учреждение имеет собственный сайт, и работа на нем является необходимой обязанностью руководства и сотрудников учреждения. К сожалению, многие сайты социальных учреждений не выполняют возложенных на них функций и не реализуют открывающиеся возможности, хотя, с точки зрения В.В. Лычагиной, «работа в электронно-сетевой социальной работе представляет возможность так называемого массового индивидуализированного общения, где клиент может находиться в удобном для него месте, в удобное время, в удобном темпе» [1, с. 179]. Специалист социальной сферы должен обладать необходимыми компетенциями, позволяющими эффективно работать в социальных сетях. Особенно перспективным направлением является информационная и консультативная работа через сети с подростками и молодежью. У сетевого виртуального общения есть свои психологические особенности и нюансы, которые должен знать специалист. Возникает потребность в разработке новой учебной дисциплины «Психологические особенности взаимодействия в социальных сетях».

В условиях формирования рынка социальных услуг возникает потребность в целенаправленной деятельности по разработке корпоративного имиджа социального учреждения. Специалист социальной работы должен знать основные этапы, функции и методы формирования как корпоративного, так и индивидуального имиджа. Внешний вид, культура поведения социального работника являются важнейшей частью его профессионализма. Позитивный

имидж входит составной частью в оценку качества деятельности социального учреждения. При подготовке будущих социальных работников в современных условиях необходимо большее внимание уделять вопросам формирования имиджа, благо учебный план позволяет вузам вводить новые, востребованные дисциплины. Кроме того, важны аспекты, связанные с умениями взаимодействовать со СМИ, знание технологий PR-деятельности, технологий фандрайзинга.

Изменения в обществе, в том числе и нормативно-правовые, коснулись сегодня и отношения к людям и детям с ограниченными возможностями здоровья. Знание основ коррекционной педагогики и психологии, а также вопросов, связанных с теорией и методикой инклюзивного образования, являются в этом социальном контексте довольно востребованными. Инклюзия не только в образовании, но и в спорте, в культуре сегодня является насущной темой дня.

Другая тенденция, востребованная социальными работниками, – овладение конкретными методиками по управлению рисками профессиональной деформации и эмоционального выгорания. Исследование, проведенное в 2013 г. со студентами Российского государственного профессионально-педагогического университета (г. Екатеринбург), обучающимися по специальности социальная работа, по выявлению основных симптомов эмоционального выгорания показало, «что у 79% сформировалась одна из трех стадий эмоционального выгорания, следовательно, процесс профессиональной деформации личности начинается еще на стадии ее становления, в период обучения основам профессии специалиста по социальной работе. Так, большинство находится уже на второй стадии синдрома, когда происходит неадекватное ограничение диапазона эмоций, появляется ощущение перенасыщения контактами с людьми и появляются попытки облегчить или сократить свои обязанности» [2, с. 51]. Студенты не просто должны владеть знаниями об угрозах профессиональных деформаций, но уже в вузе уметь их преодолевать.

Это не полный перечень новых тенденций, которые затрагивают подготовку социальных работников. По существу не решенной оказывается проблема разрыва теоретической и практической подготовки студентов. Руководители и сотрудники социальных учреждений, принимающие на работу студентов, обучающихся по направлению «социальная работа», указывают на нехватку юридических, психологических и медицинских знаний. Многие вузы решают эти проблемы увеличением часов практики и введением прикладного бакалавриата.

Сегодня социальная работа приобретает все более междисциплинарный и многоаспектный характер. Масштаб социальных проблем требует от социальных работников гибкости, постоянной готовности к инновациям, мобильности. Все это предполагает и изменение содержания и форм подготовки социальных работников.

Литература

1. Лычагина В.В. Применение информационных технологий в деятельности специалиста по социальной работе: теоретический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. Выпуск № 3. С. 177-182.
2. Заглодина Т.А. Копинг-стратегии как методы профилактики синдрома эмоционального выгорания у молодых специалистов по социальной работе // В мире научных открытий. 2013. № 11.6 (47). С. 48-54.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, ВЫПОЛНЯЮЩИХ СЛУЖЕБНЫЕ ЗАДАНИЯ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ PSYCHOLOGICAL PREPARATION PROBLEMS OF INTERNAL AFFAIRS OFFICIALS PERFORMS A JOB ASSIGNMENTS UNDER SPECIAL CONDITIONS

М.А. Петрушина, Н.А. Птицына
Ивановский государственный университет
M.A. Petrushina, N.A. Ptirsina
Ivanovo State University

Рассматриваются актуальные проблемы психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к службе в особых условиях, уделяется внимание роли психолога в формировании психологической устойчивости у полицейских к действиям в экстремальных ситуациях.

We consider actual problems of psychological training of police officers who will serve in special conditions, the attention is paid to the role of the psychologist in the formation of psychological stability of the police officers who work in extreme situations.

Ключевые слова: сотрудники правоохранительных органов, профессиональная деятельность, особые условия службы, психологическая подготовка

Keywords: law enforcement officers, professional activity, special conditions of service, psychological preparation.

Ухудшение криминогенной обстановки в современной России (рост количества тяжких и особо тяжких преступлений, увеличение масштабов организованной преступности, усиление опасности террористических угроз и др.)

обуславливают необходимость усиления охраны общественного порядка и защиты основ государственного конституционного строя, особенно на отдельных территориях Российской Федерации, где предполагается наличие экстремистки настроенных сообществ. Деятельность правоохранительных органов осуществляется в неблагоприятных условиях, поскольку сотрудники взаимодействуют с наиболее сложными и опасными категориями населения.

В специальной научной литературе используются различные термины для определения ситуаций, предъявляющих к людям требования, превышающие их обычный адаптивный потенциал (критические ситуации, стрессовые жизненные события, травматические события, нежелательные события, жизненные кризисы, катастрофы, необычные условия, экстремальные условия и др.).

В практике деятельности правоохранительных органов применяется определение «особо сложные условия» или «особые условия», когда существует реальная угроза человеческой жизни или наступление существенно опасных последствий. Выполнение сотрудниками полиции служебных задач в особых условиях сопровождается значительными психоэмоциональными нагрузками, оказывает сверхэкстремальное воздействие на психику, что подчас затрудняет решение служебных задач и оказывает влияние на успешность профессиональных действий. За последние годы присутствие представителей правоохранительных органов на территории Северо-Кавказского региона на постоянной основе значительно возросло. В связи с этим возникает необходимость психологической подготовки полицейских к службе в повседневных и особых условиях.

Структура психологической подготовки сотрудников, выполняющих служебные задачи в экстремальных ситуациях, включает три обязательных этапа: 1) подготовительный, 2) этап непосредственных действий в ситуации, 3) заключительный [1]. Сочетание теоретической подготовки (предполагающей обучение личного состава психологическим знаниям) и практической (включающей освоение умений и навыков посредством моделирования условий различного вида экстремальных ситуаций, максимально приближенных к реальным) позволяет сотруднику четко управлять своими действиями, эффективно осуществлять профессиональную деятельность.

Эмпирической базой анализа проблем психологической подготовки полицейских к службе в особых условиях послужили материалы социологического исследования (Московская область, июнь 2016), объектом которого выступили сотрудники Главного управления МВД России по Московской области, выполняющие служебные задачи повышенной сложности вне мест постоянной дислокации (на территории Северо-Кавказского региона). Изучаемая группа

составила 94 человека – сотрудники, служащие в различных подразделениях органов внутренних дел (50% из них – сотрудники специализированных отрядов полиции особого назначения (ОМОН)). Рассмотрим полученные результаты.

Среди опрошенных – 100% составили лица мужского пола, проходящие службу в особых условиях. Причем, преобладают мужчины, входящие в две возрастные группы: от 20 до 30 лет – 33,6% и от 30 до 40 лет – 59,1%. Стаж службы сотрудников варьируется от 5 до более 20 лет, почти треть опрошенных (29,8%) имеют стаж службы в правоохранительных органах от 10 до 15 лет. Основную часть опрошенных составили представители младшего (39,4%) и среднего начальствующего состава (25,5%).

Согласно полученным данным, опытом служебных командировок в особых условиях располагают большинство опрошенных (71,3%), не имеют такого опыта 28,7%. Большинство сотрудников, проходивших службу в особых условиях, понимают необходимость овладения широким диапазоном специальных психологических знаний, умений и навыков. В ходе проведения исследования зафиксировано, что часть респондентов (в том числе впервые отправляющихся в служебную командировку на территорию Северо-Кавказского региона), не в полной мере осознают значимость специальной психологической подготовки. На основании данных, полученных в ходе бесед с сотрудниками – «новичками», можно заключить, что многие из них, не имея реального представления об условиях предстоящей службы, переоценивают свои возможности. В то же время часть наиболее опытных сотрудников, несколько раз побывавших в служебных командировках, склонны уменьшать роль психологической подготовки, считая, что накопили достаточный багаж знаний, умений и навыков и практически готовы преодолевать опасности. Вместе с тем, наличие устойчивых навыков у сотрудников имеет как положительные, так и отрицательные стороны, поскольку они могут затруднить восприятие новой информации и принятие объективного решения. Соответственно, этой группе сотрудников необходимо уделить особое внимание в ходе проведения занятий (как групповых, так и индивидуальных), направленных на развитие ведущих свойств психики – оперативности мышления и предвосхищения.

По мнению опрошенных, сотрудникам, выполняющим служебные задачи повышенной опасности вне мест постоянной дислокации, необходимы такие навыки, как «принятие решений в условиях временного дефицита» (73,40%), «предупреждение (профилактика) конфликтов» (69,15%), «установление психологического контакта с лицами, нерасположенными к общению» (56,38%), «саморегуляция с целью снятия психологического напряжения»

(51,06%). Как выяснилось, сотрудники без опыта службы в особых условиях, наибольшее значение придают формированию навыков принятия решений при дефиците времени, а те, кто уже побывал в служебных командировках, отдают предпочтение навыкам, позволяющим предотвращать конфликтные ситуации и преодолевать сенсорную депривацию. Следует учитывать и то обстоятельство, что длительный период пребывания большого числа сотрудников на небольшой по размеру территории (в границах пункта временной дислокации, без возможности или ограничения передвижения), взаимодействие с трудным в психологическом смысле, потенциально опасным контингентом, обуславливает повышение вероятности возникновения конфликтных ситуаций в служебном коллективе. В связи с этим сотрудникам полиции, выполняющим служебные задачи в особых условиях, необходимо освоить психологические методы и техники, обеспечивающие личную психогигиену, способствующие повышению эффективности выполнения боевых задач.

Каковы же ожидания сотрудников перед отправлением в служебную командировку? Для большинства опрошенных (87,2%) – это «новизна ситуации и смена обстановки»; 68,1% предполагают, что им предстоит «повышенная интенсивность служебной деятельности, высокие служебные нагрузки», 39,36% – ощущают «опасность для жизни и здоровья», 24,5% – «ограничения в передвижении». Почти пятая часть опрошенных (18,1%) отметили, что выполнение служебных задач особой сложности может потребовать «применения оружия и участия в вооруженном конфликте». Предполагая выполнение профессиональной деятельности в экстремальных условиях, часть опрошенных (12,7%) отмечают возможное «накопление психологического напряжения». 8,5% респондентов ожидают улучшения финансового положения («экономия средств», возможность получения льгот, предусмотренных для участников боевых действий», «повышение денежного довольствия»), а 4,1% – «приобретение опыта службы в особых условиях». Как видим, несмотря на то, что большинство сотрудников уже побывали в служебных командировках на территории Северного Кавказа, только более трети опрошенных склонны предполагать вероятность витальной угрозы в экстремальных условиях. Следовательно, в рамках программы психологической подготовки следует уделить особое внимание формированию умения объективно оценивать степень сложности и рисков прохождения службы вне мест постоянной дислокации.

Успешность прохождения службы в экстремальных условиях во многом зависит от психологического состояния и физического самочувствия сотрудников. Как выяснилось, подавляющее большинство опрошенных (82,9%) отметили, что у них преобладают «спокойное настроение и положительные эмоции». Более половины респондентов (61,7%) считают, что «абсолютно

здоровы», почти четвертая часть опрошенных (24,47%) «практически здоровы», у 13,83% – «существуют некоторые проблемы со здоровьем». Причем, на наличие тревожности и эмоциональной неустойчивости указали сотрудники с продолжительным стажем службы, имеющие опыт выполнения служебных задач в особых условиях.

В ходе проведения исследования мы выяснили, к кому готовы обратиться сотрудники при возникновении внештатных ситуаций. Как оказалось, более трети опрошенных (37,23%) предпочли бы обратиться к сослуживцам, 28,72% готовы к взаимодействию с командиром отряда, 18,09% – «не обратились бы ни к кому», 15,95% – к психологу. Можно предположить, что у сотрудников существуют различные стратегии поведения в условиях экстремальных ситуаций, в том числе стратегия самопомощи. Выявлено, что доверие опрошенных к психологу обусловлено наличием у него личного опыта службы в особых условиях. Профессиональные знания в сочетании с практическим опытом (базирующемся на высокой степени осознания важности поставленных задач, соотнесения их с вероятными профессиональными рисками и прогнозирование последствий психологического состояния при выполнении служебных задач в экстремальных условиях) позволяет психологу применять комплекс мероприятий, направленных на формирование у сотрудников психологической устойчивости к воздействию факторов экстремальной деятельности, готовности и способности выполнять служебные задачи повышенной сложности.

Изучение проблем психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные задачи в особых условиях, позволило откорректировать программу, а также определить перспективы дальнейшей разработки темы.

Литература

1. Томилова А.Е. Психологическая подготовка и боевая готовность сотрудников ОВД к действиям в экстремальных ситуациях // Психопедагогика в правоохранительных органах, 1998, №1 (7) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-podgotovka-i-boevaya-gotovnost-sotrudnikov-ovd-k-deystviyam-v-ekstremalnyh-situatsiyah>. (Дата обращения: 02.09.2016).

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОДГОТОВКИ И ОБУЧЕНИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ
PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE TRAINING
OF PROFESSIONALS IN SOCIAL WORK**

М.М. Прошек

Ивановский государственный университет

М.М. Proshchek

Ivanovo State University

Рассматриваются проблемы подготовки и обучения специалистов по социальной работе. Данная профессия получает все большее распространение и является социально значимой в современных условиях. В то же время существует проблема недостаточной подготовленности специалистов данной сферы.

In clause problems of preparation and training of experts on social work are considered. The given trade receives the increasing distribution and is socially significant in modern conditions. At the same time there is a problem of insufficient readiness of experts of the given sphere.

Ключевые слова: социальная работа, социализация в профессии, практическая подготовка, проблемы соотношения теории и практики.

Keywords: social work, socialization in the profession, practical training, the problem of the relation between theory and practice.

В настоящее время особенно остро ощущается отсутствие единой концепции обучения и повышения квалификации специалистов, работающих с людьми. Разработка новых образовательных стратегий затруднена из-за неопределенности государственных приоритетов в отношении образовательной подготовки специалистов для социальной сферы страны и отсутствию общей концепции социальной работы с населением.

Профессиональная социализация студентов, получающих специальность «социальная работа», представляет собой двусторонний процесс: (1) обретение каждым студентом профессионально важных личностных качеств и профессиональных компетенций для их успешной реализации в социальной работе, предполагающей оказание помощи индивидам и группам людей по усилению или возрождению их способности к социальному функционированию и созданию благоприятных условий для достижения этих целей; (2) профессиональная подготовка студентов в вузе в соответствии с действующим Государственным образовательным стандартом по специальности «социальная работа» с учетом возможностей и опыта вуза по обеспечению высшего профессионального образования, созданию благоприятной образовательной и воспитательной среды (Воробьева И.В., 2007).

Для понимания процесса профессионального становления специалиста необходимо, прежде всего, изучить ценностно-мотивационную сферу студентов как центральный системообразующий элемент. Система ценностей и мотивов личности находится в состоянии постоянного развития и изменения. То одни, то другие ценности и мотивы способны выходить на передний план и определять поведение, решение человека в различных ситуациях жизнедеятельности. Есть ценности и мотивы достаточно устойчивые. Но есть и такие, которые в значительной мере являются ситуативными. Эти ситуативные факторы и будут определять специфику ценностно-мотивационной сферы личности на разных этапах её профессионализации.

Работа в социальной сфере требует наличия определенных профессиональных качеств. Необходима поддержка таких ценностей, как гуманность, справедливость, конфиденциальность, дифференцированное применение навыков общения, настрой на работу в трудных условиях, навыки анализа конкретной ситуации. Для достижения общезначимых целей специалисты, как правило, слишком ограничены в средствах, не всегда имеют поддержку общественности и законодательства. Таким образом, «помогающая профессия» представляет собой нечто гораздо большее, чем работу, так как специалисты должны проявлять инициативу и готовность работать в таких неблагоприятных условиях. Одним из важнейших качеств, которыми, по мнению студентов, должен обладать работник социальной сферы, является уравновешенность, на втором месте – общительность, человечность, отзывчивость, далее бескорыстность и доброта, честность.

Наиболее важными дисциплинами студенты считают теорию и технологию социальной работы, психологию, конфликтологию и психодиагностику, социологию. Можно предположить, что студенты уделяют достаточно серьезное внимание дисциплинам, имеющим большое практическое значение для будущей деятельности.

Существует определенная взаимосвязь между мотивацией и удовлетворенностью учебной деятельностью. Ценности переходят по цепочке мотивация – удовлетворенность – мотивация и т.д. На поддержание мотивации получения специальности, а также последующее самосовершенствование влияет множество факторов, но основными из них на этапе вузовского обучения являются удовлетворенность теоретическими и практическими курсами обучения.

В целях дальнейшего совершенствования подготовки специалистов социальной сферы, создания условий для их личностного развития необходимо четко обозначить, какую предварительную подготовку необходимо пройти абитуриентам, разработать процедуру отбора студентов, выделить соответ-

ствующие критерии, увеличить количество часов, проводимых студентами на практике, проанализировать статистику трудоустройства, разработать кадровую политику.

Имеется необходимость разработки модели, уточняющей наличие психологических качеств современного специалиста социальной сферы, включающей в себя определенный набор соответствующих характеристик и позволяющей более рационально проводить отбор абитуриентов и последующее их обучение с учетом современных требований. Важным фактором профессионального становления специалиста является поддержание и развитие соответствующей мотивации студентов путем совместной реализации преподавателем и студентом поставленных целей и решением необходимых задач.

За подготовку специалистов данного профиля в России, прежде всего, ответственны факультеты, осуществляющие обучение по соответствующим специальностям, и преподаватели. Можно предположить, что при активной позиции в этих вопросах преподаватели смогут эффективно осуществлять отбор, обучение и социализацию студентов.

ПРОБЛЕМЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ АБИТУРИЕНТОВ КЛАССИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

THE PROBLEMS OF MODELING THE APPLICANT'S BEHAVIOR IN A CLASSICAL UNIVERSITY

М.В. Рябоконт

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

M.V. Ryabokon

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрены перспективы моделирования поведения абитуриентов классического университета путём повышения эффективности профориентационной работы и информационной политики с учетом анализа мотивов выбора направления подготовки и образовательной организации высшего образования.

The prospects of behavior modeling of entrants of classical university by increase in efficiency of professional orientation work and information policy taking into account the analysis of motives of the choice of specialty and the University are considered.

Ключевые слова: абитуриент, поведение, моделирование поведения, классический университет.

Keywords: applicant, behavior, modeling the behavior, classical university.

Одна из ключевых задач классического университета – привлечение талантливых студентов. Условием её успешного решения является не только оценка рынка высшего образования, но и анализ контингента абитуриентов, их поведения и мотивов выбора вуза и направления подготовки. Понимание процесса принятия решения о поступлении в конкретную организацию высшего образования позволяет формировать грамотную профориентационную и информационную политику классического университета и посредством этого воздействовать на поведение абитуриентов.

Проблемы моделирования поведения абитуриентов рассматривались в работе В.Д. Балданова и Е.Б. Дондовой «Модели рациональности поведения индивидов и выбор направлений обучения в вузе» [1] с позиций применения к анализу поведения поступающих положений неоклассической теории рационального поведения экономических агентов. Предпринимаются и попытки построения математических моделей, описывающих процесс выбора абитуриентами направления подготовки и образовательной организации высшего образования [2]. В маркетинговых моделях под моделью поведения потребителя понимается описание взаимосвязанности мотивов поведения с внешними проявлениями деятельности потребителя с учетом свойств его личности [3].

Предлагается различать построение объяснительных моделей поведения социальных субъектов и моделирование социального поведения как процесс воздействия на поведение определенной социальной группы. Под моделированием поведения абитуриентов будем понимать воздействие на их поведение посредством действующих каналов коммуникации университета и абитуриентов по вопросам приёма, а также различных способов профориентационной работы, влекущее за собой качественное изменение процесса принятия решения в ситуации выбора направления подготовки и университета.

На основе эмпирических данных нами были построены три основные модели поведения абитуриентов классического университета [4]:

- 1) *модель целенаправленного выбора*, для которой характерна ориентация на конкретное направление подготовки в заранее выбранной организации высшего образования, успешное поступление в соответствии с заранее спланированным выбором, высокая степень удовлетворённости результатами принятого решения;
- 2) *модель осторожного поведения*, для которой характерно поступление не на приоритетное направление подготовки с учётом рисков. Решение о поступлении чаще всего принимается по результатам общения с представите-

лями приемной комиссии и основывается на их оценке вероятности поступления как достаточно высокой;

3) *модель случайного выбора*, характеризующаяся безразличным отношением к выбору конкретных направления подготовки и вуза, когда основной целью является получение высшего образования, но практически отсутствует интерес к конкретной профессии. Абитуриентам с данной моделью поведения свойственно использование максимально доступного количества заявлений о поступлении в разные вузы и принятие решения о поступлении в конкретный вуз в последний момент. При этом чаще всего абитуриенты из данной группы имеют достаточные результаты ЕГЭ для поступления на приоритетное направление подготовки.

Основываясь на предложенной типологии, можно сформулировать задачи профориентационной работы классического университета с целью переориентации абитуриентов второй группы на модель целенаправленного выбора и уменьшения доли поступающих, характеризующихся случайным выбором в принятии решения.

Основными доступными для классического университета способами формирования определённой модели поведения абитуриентов являются профориентационная работа и совершенствование способов информирования и коммуникации университета и абитуриентов.

Взаимодействие университета с абитуриентами осуществляется на различных уровнях, оценка эффективности каждого из которых позволяет сформировать комплексный интегрированный подход к разработке профориентационной и коммуникативной политики университета [5].

В 2016 г. нами было проведено исследование мотивов выбора вуза абитуриентами классического университета на примере ФГАОУ ВО «Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского» (анкетный опрос, N = 577). Были установлены основные факторы, определяющие окончательное решение о выборе вуза: советы родителей – 53%, рейтинги вузов в СМИ и Интернете – 39%, советы друзей и товарищей по учёбе – 26%, посещение дней открытых дверей в университете – 24%, советы учителей – 20%, общение с сотрудниками приемной комиссии – 18%. Можно выделить основных субъектов влияния (родители, друзья, школьные учителя) и источники информации (рейтинги, презентационные мероприятия вуза, информация приемной комиссии). В формировании системы профориентационной работы необходимо ориентироваться на определённые целевые группы. При этом сложность вызывает исследование механизмов влияния указанных субъектов на процесс принятия решения.

Неоднозначны и процедуры оценки эффективности различных профориентационных мероприятий. Существует несколько способов: при помощи показателей количества поступивших в университет из числа участников мероприятия, рефлексивная оценка самих абитуриентов и студентов опыта участия в мероприятии, экспертные оценки.

Примером повышения эффективности воздействия способа коммуникации с абитуриентом на процесс принятия решения может служить изменение формы подачи информации о приёме на официальном сайте университета. В период подготовки к приёмной кампании 2016 г. информация о приёме была полностью перенесена со старой версии сайта университета и размещена с учётом анализа поисковой логики абитуриента. В результате наряду с улучшениями показателей среднего времени, проводимого абитуриентами на сайте университета, изменилась и оценка доступности получения информации абитуриентами. Так, чуть более половины абитуриентов 2015 г. отмечали, что у ННГУ понятный сайт и эффективные каналы обратной связи – 56%. В 2016 г. было проведено исследование оценки абитуриентами качества работы приёмной комиссии ННГУ (анкетный опрос, N = 989). В сравнении с абитуриентами 2015 г. поступающие в 2016 г. дали более высокую оценку сайта университета: страница приёмной комиссии простая и понятная, лучше, чем в других вузах – 66,2%, сайт ННГУ был самым полезным источником информации при поступлении – 57,4%.

Исследование мотивов поведения абитуриентов и субъектов влияния в ситуации выбора направления подготовки и образовательной организации высшего образования позволяет оптимизировать процессы информирования и повышать эффективность профориентационной работы университета.

Литература

1. Балданов В.Д., Дондокова Е.Б. Модели рациональности поведения индивидов и выбор направлений обучения в вузе // Вестник Бурятского государственного университета, 2015, № S2. С. 3-8.
2. Насадкин М.Ю., Питухин Е.А., Астафьева М.П. Агентное моделирование поведения абитуриентов при выборе вуза в России // Фундаментальные исследования, 2015, № 8-2. С. 307-311.
3. Земскова А.В., Бугорский В.Н. Моделирование поведения потребителей услуг // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент, 2014, №3. С. 183-191.
4. Рябоконт М.В. Модели поведения абитуриентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса, М.: РОС, 2012. С. 2063-2065.
5. Рябоконт М.В. Уровни взаимодействия классического университета с рынком абитуриентов // ОГАРЁВ-ONLINE, 2016, № 2.

**ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
УСТАНОВОК МОЛОДЕЖИ В ПЕРИОД РАДИКАЛЬНЫХ РЕФОРМ
CHANGING SOCIO-PROFESSIONAL YOUTH FACILITIES
IN A PERIOD OF RADICAL REFORM**

И.В. Ситникова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

I.V. Sitnikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируются изменения в основных жизненных установках и профессиональных ориентациях двух поколений студентов Нижегородского университета в период последних двадцати лет – с 1995 по 2015 гг. Выявлены существенные изменения в мотивациях получения высшего образования, предпочтительных сферах будущей профессиональной деятельности, изменениях ценностных ориентиров.

Analysis of changes in the basic attitudes and professional orientations of the two generations of students of the University of Nizhni Novgorod during the last twenty years – from 1995 to 2015. A significant change in the motivation of higher education, the preferred areas of future professional activity, changes of values.

Ключевые слова: молодежь, жизненные ценности, социально-профессиональные установки

Keywords: youth, life values, social and professional installation

Изменения в политическом строе и в социально-экономическом устройстве страны, и в нравственных установках людей, произошедшие за четвертьвековую историю новой России, оказали существенное влияние на профессиональные и ценностные ориентации российской молодежи. Новые поколения русских людей выросли в условиях становления рыночных отношений. Изучение этих изменений было осуществлено в 1995, 2006 и 2015 гг. в рамках серий идентичных исследований абитуриентов [1; 2] и студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского¹. В этих исследованиях изучалась мотивация получения высшего образования, предпочтительные сферы будущей профессиональной деятельности, изменения ценностных ориентиров, что позволило выявить наиболее важные изменения в системе жизненных ценностей и установок у абитуриентов 1995 и 2006 гг. поступления и студентов в 2015 г.

¹ В статье использованы данные исследования 2015 г. основных жизненных ориентаций студентов ННГУ им.Н.И. Лобачевского. Опрошено 838 студентов, научный руководитель проекта доц. Зернов Д.В.

В ценностных ориентациях абитуриентов 1995 г. на первом месте оказываются здоровье, хорошая семья. Получив образование, они хотят иметь хорошую работу, быть профессионалами, обладать высоким интеллектом, общаться с интересными людьми. Абитуриент 1995 г. нацелен на семью, на творчество, самореализацию и на то, чтобы быть полезным людям.

Спустя 11 лет в 2006 г. наблюдается существенный рост значимости факторов материального благополучия. Так, ориентация на карьеру выросла почти в два раза, при этом ценность интересной работы упала, профессионализм и глубокие знания тоже потеряли свою значимую роль. Ценность семьи и здоровья снизилась практически на треть, их значимость уходит на второй план. На первый план выходят материально-экономические ценностные ориентации, нарастает прагматизм и нацеленность на обладание собственностью. Власть, слава, высокое положение в обществе также становятся значимыми ценностями. Существенно изменились духовно-гуманитарные ценностные ориентации. Практически в два раза снизилась ориентация на честность и порядочность, на треть снизилось влияние милосердия, желание быть полезным людям. Абитуриент 2006 г. нацелен на индивидуальный успех.

У студента 2015 г. интерес к собственному здоровью поднимается в число более значимых факторов, оно становится важным для получения интересной работы и самореализации. При этом сохраняется тенденция роста ценности обладания собственностью, авторитета. Растут установки на значение силы, комфорта и возможности развлечений. Молодежь все больше волнует мнение окружающих – по сравнению с 2006 г. эта ценность вырастает в три раза, а ориентация на славу – в два раза, причем духовное развитие, творчество, интеллект и профессионализм в последний период не являются существенными целями и ориентирами. По-прежнему малозначимыми остаются честность и порядочность, творчество, вера и религия.

В период с 2006 по 2015 гг. происходит выраженное усиление ориентации современной молодежи на материальное благополучие, прагматизм, нацеленность на карьеру, обладание собственностью, властью, славой. В то же время менее значимыми становятся духовные ценности – честность и порядочность, интеллигентность. Современная молодежь в изменяющихся социально-экономических условиях все больше направлена на индивидуальный успех.

Существенно отличается мотивация абитуриентов на получение высшего образования 1995 и 2006 гг. Для абитуриентов 1995 г. характерны установки на профессиональное продвижение. Для них имеют большое значение такие мотивы, как приобрести профессию, которую считают своим призванием, углубиться в интересующую их область знаний, реализовать свои способно-

сти. Для них очень важно быть образованным человеком и иметь диплом о высшем образовании.

Для абитуриентов 2006 г. большую важность имеет возможность получить такую профессию, которая поможет найти подходящее место работы, где будет возможность хорошо зарабатывать и сделать карьеру. Они стремятся получить образование, открывающее возможности для выбора места работы, чтобы полученная специальность пользовалась спросом и хорошо оплачивалась. Более значимым стало желание абитуриентов пожить студенческой жизнью.

За прошедшие годы произошли существенные изменения в социально-профессиональных ориентациях абитуриентов. Так, большую важность приобрел фактор возможности больше зарабатывать с высшим образованием – его значение возросло практически в два раза. Также возросло и желание быть образованным человеком. По мнению большинства абитуриентов, высшее образование помогает сделать карьеру. Фактор возможности избежать службы в армии для юношей по-прежнему важен.

В то же время снижается ориентация на то, что высшее образование позволяет реализовать способности, заниматься сложной и интересной работой, углубиться в интересующую отрасль знаний. Профессиональное функционирование теряет свою привлекательность.

Серьезные изменения произошли и в установках абитуриентов на различные сферы деятельности после окончания вуза. В 1995 г. абитуриенты часто говорят о том, что они пока вообще не думают о работе, не знают, в какой сфере хотели бы работать. У них весьма расплывчатые и неопределенные профессиональные ориентации. В 2006 г. таких становится почти в два раза меньше. Это подтверждает их направленность на прагматичность. Спустя 11 лет среди молодых людей все больше желающих заняться собственным бизнесом и политической деятельностью. Однако привлекательность научной и педагогической деятельности существенно падает. Заметно также и снижение значимости деятельности в сфере государственного управления.

Изучив мотивацию получения высшего образования, предпочтительные сферы будущей профессиональной деятельности, изменения ценностных ориентиров, можно сказать, что в периоды радикальных перемен существенно меняются все стороны жизни молодых людей. Наиболее серьезные изменения произошли за период с 1995 по 2006 гг. и менее выраженные за период с 2006 по 2015 гг.

Абитуриент 1995 г. нацелен и на семью, и на творчество, самореализацию, и на то, чтобы быть полезным людям. Для абитуриентов 1995 г. характерны

установки на профессиональное развитие, получение профессии по призванию.

В 2000-х гг. происходит усиление ориентации молодых людей на материальное благополучие, нацеленность на карьеру, обладание собственностью, властью, славой. Современная молодежь все больше направлена на индивидуальный успех, на прагматизм. Сохраняется тенденция на получение профессии, которая поможет найти подходящее место работы, где будет возможность хорошо зарабатывать и сделать карьеру. Собственно профессиональное функционирование и профессиональное развитие их не интересует.

У абитуриентов 1995 г. весьма расплывчатые и неопределенные профессиональные ориентации – они пока вообще не думают о работе, не знают, в какой сфере хотели бы работать. В 2006 г. таких становится почти в два раза меньше, появляется все больше желающих заняться собственным бизнесом. Однако, установки на сферу деятельности после окончания вуза абитуриентов 2000-х гг. подтверждают их направленность на прагматизм.

Литература

1. Балабанова Т.Н., Иудин А.А., Стрелков Д.Г. Нижегородский университет: абитуриент'95 / Т.Н. Балабанова, А.А. Иудин, Д.Г. Стрелков. Н. Новгород: ННГУ, 1995. 59 с.
2. Максимова М.Л. Абитуриент ННГУ 2006 года: ценностные установки и профессиональные ориентации. Н.Новгород: НИСОЦ, 2008. 51 с.

СИСТЕМНО-СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ И ВОСПИТАНИЮ СТУДЕНТОВ

EDUCATIONAL ENVIRONMENT SAFETY AS AN EFFECTIVE CONDITION OF TEACHING AND EDUCATIONAL PROCESS IN INSTITUTES OF HIGHER LEARNING

А.Г. Терещенко, Н.Г. Васильев
Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России)
A.G. Tereshchenko, N.G. Vasilyev
Irkutsk Institute, Russian State University of Justice Branch

Синергетический подход в обучении и воспитании студентов, который опирается на парадигму самоорганизации в учебной деятельности, позволяет по-новому взглянуть на суть обучения и воспитания, на структуру построения новых учебных курсов.

The article deals with the problems of educational process psychological safety, as it is the most essential part of student full development according to the humanistic approach context. The text gives valuable information on criteria, diagnostic data and conditions, which provide positive personal development of all partici-

pants in the educational sphere. The authors present the experience of solving this problem.

Ключевые слова: синергетика, парадигма самоорганизации, бифуркация, гуманистический, антропологический, герменевтический принципы.

Keywords: educational environment, educational environment safety, psychological immunity, mental health, humanization of education, psychological threat, risks.

С точки зрения синергетики, образование состоит в самоорганизации сложных систем, пребывающих в неравновесном состоянии. Синергетика позволяет по-новому взглянуть на суть обучения и воспитания, на структуру построения новых учебных курсов. Исследования в этом направлении проводят В.И. Андреев (педагогика творческого саморазвития), Н.М. Таланчук (системно-синергетическая концепция учебно-воспитательного процесса), С.С. Шевелева (синергетическая модель образования), А.Д. Суханов и В.Г. Буданов (модели междисциплинарного синтеза естественнонаучных и гуманитарных компонентов), В.Г. Виненко, использующий системно-синергетический подход в организации непрерывного образования педагогов, Т.А. Каплунович, который опирается на парадигму самоорганизации в деятельности системы повышения квалификации педагогов.

Синергетика позволяет вооружиться методологией познания хаотических процессов, происходящих в мире, показать их зависимость от случайностей, дает знания о том, как эффективно управлять педагогическим процессом, а главное – как воздействовать на процесс обучения и воспитания студентов.

Для педагогических систем синергетизм – процесс взаимодействия двух взаимосвязанных систем (преподавания и учения, воспитания и самовоспитания), приводящий к новообразованиям, повышению энергетического и творческого потенциала саморазвивающихся систем, обеспечивающий их переход от развития к саморазвитию.

Синергетика как наука о системах интегрирует такие основные философско-педагогические принципы, как аксиологический, гуманистический, антропологический, герменевтический. Законы синергетики содержат в своей основе существование нелинейности в самодвижении развивающихся систем и рассматривают точки бифуркации, в которых определяющее значение начинают играть статические законы, а не законы социума. Так как поведение системы за точкой бифуркации в принципе предсказать невозможно, в педагогической системе вырабатывается новая стратегия относительно безболезненного перехода в новое, востребованное новыми социальными отно-

шениями качество, причем с учетом права на существование альтернативных педагогических систем и форм обучения.

Анализ современной системы вузовского образования позволяет сделать вывод, что образование должно пониматься как основополагающая система, создающая у обучаемых образ окружающего мира, научную картину мира. Данная система может строиться на теоретических основах синергетики, предлагающей методологию изучения поведения универсальных моделей (моделей самоорганизующихся систем), которая с успехом может быть использована в педагогическом процессе вуза. Понимание этих моделей даст возможность студентам овладеть способами поведения в информационном обществе на протяжении жизни. Главный принцип заключается в открытости системы, предполагающий перенос акцентов с усвоения знаний на их производство и генерирование. В этом случае говорят о новом способе теоретического мышления – нелинейном мышлении.

Синергетика позволяет выделить составляющие моделирования и проектирования процессов обучения, воспитания с позиций саморазвития ценностно-мотивационной сферы и структуры личностного знания. Среди них наиболее значимы: поиск противоречий, накопленных в системе; выделение актуальных точек и условий разрешения сложившихся противоречий; создание эффективной модели совершенствования учебной и воспитательной деятельности; реализация перспективных направлений дальнейшей деятельности студентов.

Что касается области инновационных процессов в фундаментальных и прикладных исследованиях, то здесь необходимо переосмысление традиционных объектов и процессов педагогической теории и практики, обращение к индивидуализации личности учащихся, личностно-ориентированный подход к их развитию и саморазвитию в процессе обучения и воспитания. В связи с этим в развитии образования наметились современные тенденции. Основной упор сегодня делается на развитие личности студента, его становление и совершенствование, на формирование инновационной потребности «жить в условиях постоянных перемен», жить по принципу: «здесь и теперь», не причиняя неудобства другим. Целью обучения становится саморазвитие и самосовершенствование. В обучении преобладают ориентации на структуру материала, на логическое осмысление конкретных ситуаций, на открытие новых знаний и способов продуктивной деятельности, на решение конкретных проблем, стоящих перед обществом. Сегодня каждое учебное заведение уникально, ставит свои собственные цели и выбирает способы их достижения, использует гибкость программ, возможность выбора студентами преподавателя.

Опираясь на идеи и закономерности синергетики, в процессе организации педагогической деятельности следует руководствоваться следующими принципами: периодической децентрализации в управлении педагогическими системами и перехода к самоуправлению; открытости педагогических систем; принципом самоопределения педагогических приоритетов, основанном на закономерности повышения эффективности самоуправления и саморазвития педагогических систем; психолого-педагогического резонанса (взаимоусиления, взаимодополнения, взаимосовпадения); диверсификации (изменения, разнообразия, расширения поля деятельности) и интеграции.

Сущность обучения и воспитания как синергетических процессов составляет взаимодействие элементов педагогической системы, направленных на формирование у субъектов готовности к самосовершенствованию, самостоятельности, самореализации на базе автономных, самоуправляющихся механизмов личности и экзистенциальных характеристик.

Главная цель внедрения синергетики в педагогическую теорию – необходимость комплексного истолкования педагогических знаний и возможность изменения системных свойств личностной сферы обучения с целью повышения ее восприимчивости к новациям, предоставление возможности активно, целенаправленно и свободно использовать информацию, добиваться актуализации внутренних сил и мотивов, влиять на свое собственное развитие. Это нелинейная ситуация открытого диалога, прямой и обратной связи, ситуация пробуждения собственных сил и способностей обучающегося, инициирование его на один из собственных путей развития. Таким образом, важнейшим направлением концептуально-теоретического аспекта исследований является обращение к индивидуальности личности как таковой и личностноориентированном подходе к ее развитию и саморазвитию при воспитании и обучении студентов.

Анализ содержания концептуальных идей, накопленных в сфере образования, учет специфики структуры и динамики развития научного знания, необходимость разрешения злободневных проблем приводят к актуализации задачи, связанной с реализацией синергетического подхода к образовательному процессу – поиску и конкретизации обоснованной технологии образования, создающей все условия для развития творческой личности, в том числе посредством гуманизации обучения в общеобразовательных учреждениях.

Литература

1. Ельчанинов М.С. Методологические проблемы социосинергетики / Деп. Рукопись. Тольятти, 2000. 21 с.
2. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории (Синергетика-психология-прогнозирование). М.: Мир, 2004. 366 с.

3. Шалаев В.П. Социосинергетика: истоки, теория и практика в современном мире. Йошкар-Ола: МГТУ, 1999. 269 с.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ
И ИХ ГОТОВНОСТЬ К РАБОТЕ С ИНВАЛИДАМИ
(НА ПРИМЕРЕ Г. КАЗАНЬ)⁸**
**STUDENTS' PSYCHOLOGICAL SPECIFICS AND THEIR READINESS
TO DEAL WITH THE DISABLED (ON THE EXAMPLE OF KAZAN)**

Ю.Н. Феденок, Д.А. Дронова
Институт этнологии и антропологии РАН
Yu.N.Fedenok, D.A.Dronova
Institute of ethnology and anthropology, Russian Academy of Sciences

Проведенное в г. Казань исследование психологических особенностей студентов показало их влияние на готовность молодых людей работать в будущем в организациях, оказывающих помощь инвалидам. Данная методика может быть использована для профессионального отбора студентов факультетов социальной работы и работников таких организаций.

In Kazan, we studied the psychological characteristics of students, which showed their influence on the willingness of young people to work in the future with organizations that provide assistance to persons with disabilities. This technique can be used for professional selection of students from the faculties of social work and employees of such organizations.

Ключевые слова: работа с инвалидами, психологические особенности студентов, профессиональная ориентация студентов, Казань.

Keywords: work with people with disabilities, psychological peculiarities of students, professional orientation of students, Kazan.

В большинстве современных стран в среднем 1 человек из 10 имеет физические, умственные или сенсорные дефекты и, по меньшей мере, 25% любой группы населения ощущают на себе неблагоприятные последствия этой проблемы – препятствия физического, культурного и социального характера, которые мешают их жизни даже при предоставлении им помощи в восстановлении трудоспособности [1].

Внешние параметры человеческого тела оказывают существенное влияние на наше восприятие окружающих. При этом формирование этого мнения настолько быстро и сильно, что человек не может повлиять на него [2]. В современном обществе наблюдается рост числа случаев отстранения инвалидов

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №15-06-05583 А «Естественно-научные методы в изучении инвалидности (эмпатия и человек с ограниченными возможностями)».

от участия в жизни общества, который вызван навязыванием клейма ущербности, дискриминации и неправильным представлением об инвалидности [2]. Дискриминация является особо негативным последствием стигмы и предрассудков. Стигматизация проявляется в отношении общества к лицам, страдающим каким-либо расстройством, в отношении врачей к своим пациентам, а также в так называемой самостигматизации самих пациентов. Исследователи проблемы отмечают и существование «стигматизация вежливости», которая исходит от посторонних людей, испытывающих чувство жалости к индивиду [3].

В то же время в человеческом обществе нередко проявляется защита более слабых членов группы от травли, что приводит к повышению выживаемости больных, калек, стариков и детей [4]. Альтруизм тесно связан с сопереживанием, эмпатией – процессом понимания и отклика на переживание другого, основанном на сопереживании и ориентированный относительно внутренней феноменологической перспективы другого [5].

Эмпатия является одной из профессионально значимых компетенций, необходимых в таких сферах, как медицина, психотерапия, педагогика, социальная работа и многие другие. Ряд исследований показал, что у студентов старших курсов, обучающихся на высших курсах медицинских сестер, уровень эмпатии значительно выше, чем у студентов младших курсов [6, 7].

В 2015-2016 гг. мы провели среди казанских студентов исследование с целью выявить социальные стереотипы и измерить социально-психологическую дистанцию по отношению к людям, имеющим инвалидность. В Казанском (Приволжский) федеральном университете и в Казанском национальном исследовательском технологическом университете был проведен опрос студентов (250 человек в возрасте от 17 до 22 лет, из них 134 юношей и 116 девушек). По этнической принадлежности респонденты распределились следующим образом – 64% татар, 23% русских, остальные 13% приходятся на представителей этносов, как башкиры, чуваша, марийцы, удмурты, армяне, лезгины, узбеки, киргизы, украинцы, евреи (каждые не больше 2% от всей выборки). У 20% респондентов имеются хронические заболевания, у 2% – инвалидность. Среди родственников респондентов инвалиды есть у 23% респондентов, среди знакомых – 28%, среди друзей – у 9%. Среди коллег таких людей отметили только у 2% девушек, а среди сокурсников у 7%.

В качестве инструментария мы использовали три опросника: адаптированный для России международный опросник агрессивного поведения Басса и Перри [8], тест «Шкала тревоги Спилбергера» [9] и тест «Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко» [10]. Нами был задан

специальный вопрос в анкете, «Стали бы Вы работать в организации сотрудником, оказывающим помощь инвалидам (например, благотворительная организация, социальные службы, педагоги)», с двумя закрытыми ответами (да или нет). Все заполненные опросники были внесены в базу данных в программе SPSS-20 for Windows и статистически обработаны с контролем по этничности.

Результаты исследования выявили, что работать сотрудником в организациях, оказывающим помощь инвалидам, например, в благотворительной организации, социальных службах или образовательных учреждениях, готовы 64% юношей и 83% девушек. Студентки достоверно чаще отвечают, что могли бы работать в таких организациях, по сравнению со студентами ($F=62,507$; $df=241$; $p=,000$). Вероятнее всего это связано с тем, что они более эмпатичны. Так, у девушек, по сравнению с юношами, достоверно выше баллы по шкалам таких каналов эмпатии, как эмоциональный – способность сопереживать и соучаствовать ($F=,495$; $df=245$; $p=,000$); интуитивный – способность видеть поведение другого человека ($F=,968$; $df=247$; $p=,000$); установки, способствующие эмпатии, направленность на установление личных контактов с окружающими ($F=11,236$; $df=236$; $p=,009$); а также у девушек значительно выше общий уровень эмпатии ($F=1,424$; $df=227$; $p=,000$). В то же время у юношей достоверно выше баллы по самооценке агрессивного поведения, в том числе физической агрессии ($F=1,072$; $df=302$; $p=,000$), вербальной агрессии ($F=,155$; $df=247$; $p=,005$) и общий уровень агрессии ($F=,870$; $df=247$; $p=,000$).

Наличие людей с инвалидностью в ближайшем их социальном окружении (родственники, друзья, знакомые, сокурсники) не влияет на готовность работать в организациях, помогающих инвалидам, ни у юношей, ни у девушек. Однако интересно, что юноши, сами имеющие какие-либо хронические заболевания, чаще дают положительный ответ ($r=198$; $df=131$; $p=,024$). А у девушек, имеющих какие-либо хронические заболевания, достоверно выше уровень таких каналов эмпатии, как эмоциональный ($F=,008$; $df=112$; $p=,021$), интуитивный ($F=,001$; $df=111$; $p=,016$), идентификация в эмпатии ($F=1,081$; $df=112$; $p=,020$), а также общий уровень эмпатии ($F=,084$; $df=104$; $p=,001$).

При анализе самооценок уровня агрессивного поведения было выявлено, что юноши с высоким уровнем физической агрессии ($r=-192$; $df=122$; $p=,033$) и имеющие высокие самооценки по шкале враждебности ($F=2,151$; $N=40$; $p=,044$) не готовы работать в организациях, помогающих инвалидам. У девушек, как и у юношей, согласие работать в учреждениях, оказывающих помощь людям с ограниченными возможностями, связано с таким параметром,

как физическая агрессия – чем выше самооценки, тем меньше студентки готовы работать в подобных организациях ($F=1,726$; $N=109$; $p=,052$).

У юношей готовность работать в организациях, помогающих инвалидам, связана с проникающей способностью к эмпатии – способностью создавать атмосферу открытости, доверительности и задушевности ($r=-,178$; $N=130$; $p=,042$) и общим уровнем эмпатии ($r=-,178$; $N=120$; $p=,052$), а у девушек – с проникающей способностью к эмпатии ($r=-,209$; $N=109$; $p=,029$).

Интересен тот факт, что готовность работать с инвалидами у студентов обоего пола не зависит от уровня личностного стресса.

Нами выявлено, что ряд психологических параметров достоверно влияют на готовность студентов в будущем работать с инвалидами, а данные психологические методики (исследование уровня агрессивного поведения и эмпатии) могут быть использованы при профессиональном отборе на факультеты социальной работы и при приеме на работу в организации, занимающиеся поддержкой инвалидов.

Литература

1. Всемирная программа действий в отношении инвалидов Всемирной организации здравоохранения, принятая резолюцией 37/52 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1982 года [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prog2.shtml. (Дата обращения: 30.06.2016).
2. Asch S.E. On Expressive Language. Worcester. 1955.
3. Byrne P. Stigma of mental illness and ways of diminishing it // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2000. Vol. 6. P. 65-72.
4. Бутовская М.Л. Перспективы использования этологических материалов и методов в антропологии и этнографии // *Советская этнография*. 1988. №5. С. 26-37.
5. Карягина Т.Д. Эволюция понятия «эмпатия» в психологии: дисс. ... канд. психол. наук. М. 2013. 175 с.
6. Vincent-Onabajo GO, Malgwi WS Attitude of physiotherapy students in Nigeria toward persons with disability // *Disability and Health Journal*. 2015. Vol. 8(1). P. 102-108.
7. Рудыкина А.А., Остапенко Г.С., Остапенко Р.И. Экспериментальное исследование эмпатических способностей студентов медицинского колледжа – будущих медицинских сестер // *Современные научные исследования и инновации*. 2014. № 8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2014/08/36872>. (Дата обращения: 24.05.2016).
8. Buss A.H., Perry M. The Aggression Questionnaire // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1992. Vol. 63. P. 452-459.
9. Батаршев А.В. Базовые психологические свойства и самоопределение личности: Практическое руководство по психологической диагностике. СПб.: Речь, 2005. С. 44-49.
10. Диагностики эмоционально-нравственного развития / Ред. и сост. И.Б. Дерманова. СПб.: Издательство «Речь», 2002. С. 114-118.

**ПОЛЕВАЯ (ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ) ПРАКТИКА В ПРОЦЕССЕ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОЦИАЛЬНЫХ
РАБОТНИКОВ В ИЗРАИЛЕ**
**FIELD (PRODUCTION) PRACTICE IN SOCIAL WORKERS
TRAINING OF IN ISRAEL**

Н.И. Хворостьянова

Университет им. Бен-Гуриона в Негеве, Израиль

N. Khvorostianova

Ben-Gurion University of the Negev, Israel

Исследуется проблема интеграции теоретической, методологической и практической подготовки специалиста по социальной работе в условиях вуза. На основе анализа опыта израильской школы социальной работы рассматриваются структура и содержание полевой практики, ее интеграция с аудиторными занятиями, опыт супервизии в процессе обучения и в рамках постдипломного профессионального развития.

The article focuses on the integration of theoretical, methodological and practical aspects of social worker's training in Israeli university. The basic elements of the social worker training (structure and content of field practice, its integration with class lessons, supervision during and after training) are discussed.

Ключевые слова: высшее образование, Израиль, производственная практика, социальная работа, супервизия

Keywords: higher education, Israel, field practice, social work, supervision

Эффективность израильской модели подготовки социальных работников доказана на практике. Несмотря на тяжелый климат и перманентные проблемы с безопасностью средняя продолжительность жизни в этой стране превышает 83 года, рождается более 3 детей на одну женщину [1]. В стране не существует детских домов, так как все дети воспитываются в семьях (своих или приемных). Кроме того, уровень алкоголизма, убийств и самоубийств в Израиле в 2-2.5 раза ниже, чем в США, и в 5 раз ниже, чем в России [2]. На наш взгляд, некоторые аспекты израильской школы социальной работы могут быть востребованы российской системой профессиональной подготовки специалистов.

Социальная работа в Израиле базируется на *медицинской* модели¹, согласно которой задача социального работника – помочь клиенту лучше адаптироваться к существующим социальным условиям. Эта задача достигается по-

¹ «Медицинская» модель социальной работы противостоит модели «социальной», где в качестве цели социальной работы заложено исправление общественных отношений и достижение социальной справедливости.

средством применения методов индивидуальной и групповой терапии. В этой связи предполагается, что дипломированный специалист обладает не только теоретическими знаниями, но и всеми необходимыми для работы умениями и навыками и не требует *доучивания* по месту работы. Каким образом бакалавр социальной работы после шести семестров обучения в вузе оказывается готовым к выполнению практической работы? Анализ учебного процесса показывает, что израильской социальной работе не приходится преодолевать разрыва между теорией и практикой, так как этот разрыв не создается: *полевая практика* является важнейшей интегральной частью высшего социального образования. Наша цель – рассказать о том, как именно теория, методика и практика социальной работы интегрированы в образовательном процессе. Рассматривая эту проблему, я остановлюсь на таких моментах, как содержательная интеграция полевой практики и учебного процесса, опыт супервизии в отношениях с руководителем практики, структура и содержание полевой практики, пост-дипломное продолжение образования.

Полевая практика и учебный процесс. В израильской школе социальной работы практика не отделена от учебного процесса, а напротив, включена в него. Практике посвящаются два полных учебных дня (16 часов) в неделю на протяжении 6 семестров обучения на степень бакалавра. Тот факт, что практика не следует за аудиторным обучением, а происходит одновременно с ним, позволяет достичь интеграции теоретического материала с практическим опытом. С одной стороны, студенты мотивированы к тому, чтобы приносить дилеммы из полевой работы для обсуждения в аудитории. Таким образом обогащается изучение теории *дыханием жизни*. С другой стороны, весь изучаемый материал сразу же *заземляется*. Например, если на лекциях студенты изучали терапевтический смысл *переноса* [3], на практических занятиях они тренировались замечать и анализировать явления *переноса* в упражнениях и симуляциях, то в ходе практики ее руководитель предложит студенту обратить внимание на *опыт переноса*, переживаемый им самим в ходе встреч с клиентами.

Наставничество (супервизия). Неверно понимать практику как предоставляемую студентам возможность «попрактиковаться на живых людях». На самом деле в фокусе практики находятся не отношения студента с клиентами, а его отношения с руководителем практики (наставником) по поводу их совместной помощи клиентам. Иначе говоря, суть практики – не в одинокой попытке самостоятельной работы, а в *обучающем общении* [4]. Этим «полевая практика» напоминает обучение искусству, когда мастерство передается от мастера к ученику через совместный опыт, руководство и наставничество.

Специальное отделение университета не только отбирает будущих наставников (супервизоров) из числа практических социальных работников, но и обучает их, инструктирует и контролирует. Чтобы стать наставником, социальный работник должен иметь продолжительный стаж работы на данном рабочем месте, получить разрешение своего непосредственного начальства привести студентов на работу, а также окончить курсы наставников, организуемые университетом.

Стать наставником – важный этап в профессиональном пути социального работника. С одной стороны, это признание профессиональных заслуг, уважение руководства и коллег, возвращение в *alma mater* в новом статусе. В то же время это большая ответственность, так как наставник вынужден балансировать между интересами своих студентов и своих же клиентов. На протяжении учебного года супервизоры регулярно встречаются в университете и под руководством преподавателей обсуждают возникающие проблемы.

Структура и содержание полевой практики. По мере того, как студенты овладевают теорией, меняются задачи и содержание их «полевой» практики. Задачей практики первого курса является знакомство с учреждениями и службами социальной работы. Первокурсники приходят на практику небольшой группой (2-6 человек), наставник знакомит их с работой своего учреждения и организует знакомство с другими службами. В ходе практики студенты ведут дневник, где анализируют свои мысли и чувства, возникшие в ходе практики. Их поощряют задавать вопросы и обсуждать с супервизором этические, терапевтические и организационные дилеммы.

Практика второго года, на первый взгляд, очень похожа на обычную работу волонтеров. Студенты работают со штатными социальными работниками, участвуют в совещаниях, принимают клиентов и ведут записи в их личных делах. В то же время нагрузка студентов минимальна, и за порученных им 3-4 клиентов, в конечном итоге, ответственность несет их наставник. Задача наставника не только передать студенту свое мастерство, но и помочь ему лучше понять себя и свои границы, свои сильные и слабые стороны, а также научиться отделять свои чувства и потребности от чувств и потребностей клиента.

В период практики второго года обучения важную роль продолжает играть самоанализ студентов. Например, им предлагается по памяти (или используя диктофон) максимально подробно (желательно дословно) записывать беседу с клиентом с тем, чтобы позднее под руководством наставника анализировать свои и клиента высказывания, улавливая и осознавая стоящие за ними невыраженные импульсы и мотивы. Таким образом студенты учатся общаться, не осуждая, не критикуя, не перетягивая на себя одеяло, а проявляя уча-

стие и уважение. Учась внимательно слушать клиента, тренируясь верно и своевременно задавать вопросы и предоставлять комментарии, студенты осваивают практические навыки психодинамической терапии.

В ходе практики на третьем курсе обучения студенты встречаются со случаями, требующими взаимодействия с другими службами, а также пробуют себя в работе с группой, семьей, общиной. Обычно речь идет о разработке и реализации небольших проектов общинной работы, проведение ограниченных по времени мероприятий (6-10 встреч), о серии сеансов семейной терапии. Опыт групповой или общинной работы в сопровождении наставника или вместе с ним (co-therapy) дает уверенность, которую невозможно приобрести в университетской аудитории.

Практика каждого года завершается процедурой аттестации. Наставник и студент независимо друг от друга заполняют бланк, в котором отмечают достижения студента в умении устанавливать контакт, организовывать рамки терапии, планировать работу и т.д. Кроме того, в бланке отмечаются сильные стороны студента, а также моменты, над которыми ему рекомендуется работать. После этого студент и супервизор *сверяют* и обсуждают написанное. Например, студенту бывает полезно узнать, что записанная им в *сильные стороны* склонность принимать проблемы клиентов близко к сердцу была замечена супервизором, однако расценена как *момент, требующий работы*. Профессионализм состоит не в том, чтобы плакать и переживать за клиента, а в том, чтобы, проявляя эмпатию, оставаться способным рационально клиенту помочь.

После получения диплома. Супервизия и аудиторные занятия продолжают-ся и по окончании вуза. Они только переносятся из стен университета в ту организацию, где работают выпускники. Получение супервизии – право и обязанность каждого израильского социального работника. Супервизорами социальных работников выступают их более опытные коллеги. У тех, в свою очередь, есть свои наставники. Даже частнопрактикующие социальные работники нанимают супервизоров, так как заинтересованы в профессиональном развитии и в профилактике эмоционального выгорания.

Теоретическое (аудиторное) образование тоже имеет продолжение, во всех социальных службах регулярно проводятся *обучающие совещания*, на которые приглашаются владеющие новыми методами работы специалисты из других организаций. На таких встречах обсуждаются последние научные исследования в социальной работе, обобщается опыт коллег. Многие социальные работники на протяжении своей карьеры несколько раз *возвращаются за парту* для того, чтобы повысить квалификацию, приобрести новую специа-

лизацию, получить степень магистра или доктора социальной работы, продолжить обучение в университетской школе психотерапевтов.

Таким образом, характерной особенностью подготовки израильских социальных работников является ее непрерывность, у профессионалов всегда есть возможность и обязанность учиться. Подчеркнем, что профессиональное совершенствование социального работника не отделимо от его личностного роста, от внутренне противоречивого процесса постижения себя, людей и жизни. Непрерывное образование, супервизия и ставший привычным самоанализ делают невозможным *почивание на профессиональных лаврах* и превращают социальную работу в постоянный труд ума и души. На наш взгляд, именно возможность развития позволяет многим израильским социальным работникам избегать профессиональных деформаций, гордиться своей профессией, справляться с тяжелой и порой неблагодарной работой.

Литература

1. Israel Central Bureau of Statistics. Statistical Abstract of Israel 2013. № 64. State of Israel: Jerusalem. 2014.
2. Global status report on alcohol and health. World Health Organization: Luxembourg. 2014.
3. Lazar A., Mousek A. The influence of field instructor – student relationship of evaluation of student's practice // The Clinical supervisor. 1993. № 11(1). P. 111-120.
4. Shefler G., Tishby O., Wiseman H. The Psychotherapeutic Professions in Israel [Electronic resource] // Reports on the Psychotherapeutic Professions. 2014. URL: <http://www.psychotherapyresearch.org>. (Reference date 12.07.2016).

СОДЕРЖАНИЕ ТРУДА СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

**РАБОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
О НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДЕ**
**THE WORKERS OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISES
OF INJUSTICE AT WORK**

Г.П. Бессокирная, Г.Г. Татарова

Институт социологии РАН

G.P. Bessokirnaya, G.G. Tatarova

Institute of Sociolog, Russian Academy of Sciences

Предложены показатели для измерения справедливости / несправедливости в труде. Основанием являются результаты, полученные в процессе разработки технологии типологического анализа по выявлению социальных типов рабочих как объектов функционального управления. Обосновывается целесообразность использования одного из показателей – *социальная справедливость в трудовом коллективе* – как базового для мониторинга состояния и динамики трудовых отношений на промышленном предприятии.

Indices for measuring justice / injustice in labour are proposed. The ground are the results received during elaborating a technology of typological analysis for detection of social types of workers as objects of functional management. Expediency of using one of the input indices (social justice in labour collective) as the basic one for monitoring status and dynamics of labour relations in an industrial enterprise is grounded.

Ключевые слова: справедливость в труде, рабочие, технология типологического анализа, идентификация с предприятием.

Keywords: justice in labour, workers, technology of typological analysis, identification with enterprise.

В последние годы социальная справедливость стала весьма популярной междисциплинарной темой. Рассматривалась эволюция в концептуальных представлениях о категории «социальная справедливость» в русской общественной мысли [1], осуществлен обзор теоретических исследований по проблематике социальной справедливости, проводившихся в России в постсоветский период в различных дисциплинах [2]. Что касается эмпирической социологии, «социальная справедливость» весьма редко становится предметом исследований [3]. Практически она не рассматривается в преломлении к

разным сферам жизнедеятельности, включая и сферу труда. В качестве исключения можно назвать единичные исследования справедливости в оплате труда [4; 5]. В этой связи мы попытались кратко обобщить собственный опыт изучения справедливости в труде на конкретных промышленных предприятиях в современной России. С этой целью привлечены данные опроса рабочих на машиностроительных заводах в трех областных центрах России (Пскове, Кирове и Брянске) в период стабильного роста экономики (2007 г.) и на двух частных промышленных предприятиях в Омске в 2013 г., т.е. до начала кризиса 2014-2015 гг.

Наиболее вопиющей несправедливостью в труде для рабочих, безусловно, является несправедливость в оплате труда. Считали, что их труд оплачивается справедливо 7% рабочих в 2007 г. и 8% рабочих в 2013 г. Большинство рабочих полагают, что их среднемесячный заработок меньше заслуженного (63% в 2007 г. и 55% в 2013 г.). Разумеется, эти показатели дифференцированы на предприятиях в обоих исследованиях.

В первом исследовании только 15% рабочих ответили, что нарушений социальной справедливости в трудовом коллективе практически не бывает: в Пскове 22%, в Кирове – 16%, в Брянске – 6%. Чуть больше рабочих, которые затруднились ответить на этот вопрос, в Пскове – 25%, в Кирове – 18%, в Брянске – 10% (18% в целом). Большинство рабочих во всех трех областных центрах ответили, что случаи нарушения социальной справедливости в трудовом коллективе встречаются иногда (50%) или довольно часто (18%). В сумме: в Брянске – 84%, в Кирове – 66% и в Пскове – 53%. Оценки рабочих различались на трех машиностроительных заводах (коэффициент Крамера 0,25***). Полагали, что не бывает нарушений в трудовом коллективе в оплате труда 13%; при обсуждении, выработке и принятии решений по наиболее важным вопросам жизни трудового коллектива – 23%; в предоставлении дополнительных социальных льгот (путевки для отдыха, оплата лечения и др.) – 24%; при устройстве на работу – 26%; при увольнении с работы – 26%; при повышении квалификационного разряда – 35% и даже при предоставлении обязательных социальных гарантий (оплата очередных отпусков, больничных листов, оплата отпуска по беременности) только 51% рабочих. Все семь групповых оценок различных сторон справедливости в труде статистически значимо различались на трех машиностроительных заводах.

На вопрос: «*Изменилась ли ситуация за последние годы?*» рабочие наиболее часто отвечали «Затрудняюсь ответить» (46%) или «Не изменилась» (39%). И эта оценка также различалась на конкретных промышленных предприятиях.

Оценки рабочих справедливости в труде в 2007 г. сравнивались с аналогичными оценками рабочих в 1989 г. Как выяснилось, сложившаяся в годы стабильного роста экономики ситуация в трудовых коллективах во многом напоминала ситуацию 1989 г. Главная сфера нарушений социальной справедливости в труде – это, по-прежнему, оплата труда. Отметим, что, по данным 2007 г. было выявлено, что тех, кто считает оплату своего труда справедливой, стало вдвое меньше, а тех, кто получает, по их мнению, меньше заслуженного, больше [6, с. 103].

На первом этапе разработки технологии проведения типологического анализа с целью реконструкции социальных типов рабочих удалось установить, что характер идентификации рабочих с предприятием связан с их оценками: справедливости в оплате труда в трудовом коллективе, соответствия заработка величине личного трудового вклада и зависимости размера заработка от взаимоотношений с руководством [7, с. 12-13]. На втором этапе нашего поискового исследования, опираясь на результаты факторизации различных оценок справедливости в труде [8], предложено использовать для измерения справедливости в труде *четыре индекса*: социальная справедливость в трудовом коллективе, справедливость в оплате труда, зависимость размера зарплаты от квалификации и личного трудового вклада, зависимость размера зарплаты от конечных результатов работы участка, цеха и предприятия, а также оценку зависимости размера зарплаты от взаимоотношений с руководством [9]. Оказалось, что социальная справедливость в трудовом коллективе является, наряду с содержанием труда и возможностями для реализации способностей, одним из трех наиболее информативных факторов из всей совокупности факторов, которые были использованы нами для выявления социальных типов рабочих [10].

Установлено, что показатель социальной справедливости в трудовом коллективе тесно связан не только с характером идентификации с предприятием (коэффициент Крамера 0,24***), но и с преданностью предприятию и вовлеченностью в деятельность предприятия рабочих (симметричные коэффициенты Сомерса 0,17** и 0,11, значим на уровне 7%).

При этом не только оценки социальной справедливости в трудовом коллективе, но и оценки зависимости размера зарплаты от конечных результатов работы участка, цеха и предприятия, зависимости размера зарплаты от взаимоотношений с руководством, а также характер идентификации с предприятием, преданность предприятию и вовлеченность в деятельность предприятия рабочих статистически значимо различались на двух частных промышленных предприятиях.

Данные 2013 г., подтверждают ранее сделанный вывод, что оценка *социальной справедливости в трудовом коллективе* может выступать в качестве самостоятельного показателя социального самочувствия рабочих. Она свидетельствует о степени социальной солидарности работодателя и наемных работников [6, с. 104].

Справедливость в труде должна стать одной из приоритетных характеристик в мониторинге состояния и динамики трудовых отношений на конкретных промышленных предприятиях. В качестве базового показателя целесообразно использование оценки социальной справедливости в трудовом коллективе – эта та оценка, которая не только тесно связана с характером идентификации рабочих с предприятием, но и с их преданностью предприятию и включенностью в деятельность предприятия.

Литература

1. Социальная справедливость в русской общественной мысли / Отв. ред. Ю.Б. Епихина. М.: Институт социологии РАН, 2016. 219 с.
2. Попова И.П. Социальная справедливость в научных дискуссиях 1990-2010-х годов // Мир России. 2016. №3. С. 56-75.
3. Черныш М.Ф. Социальные институты, мобильность и социальная справедливость: опыт одного исследования // Мир России. 2015. №4. С. 7-28.
4. Темницкий А.Л. Справедливость в оплате труда как ценностная ориентация и фактор трудовой мотивации // Социологические исследования. 2005. №5. С. 81-88.
5. Черныш М.Ф. Справедливость зарплаты в российском контексте // Социологические исследования. 2014. № 8. С. 78-89.
6. Попова И.М., Бессокирная Г.П. Социальная справедливость: представления и оценки рабочих // Социологический журнал. 2008. № 3. С. 85-105.
7. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Типологический анализ для реконструкции социальных типов работников (концептуальное и эмпирическое обоснование) // Социологические исследования. 2011. №7. С. 3-15.
8. Бессокирная Г.П., Татарова Г.Г. Справедливость в труде как управляемый фактор трудовой деятельности: проблемы измерения // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: издательство НИСОЦ, 2014. С. 75-80.
9. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Идентификация с предприятием: индексы для типологического анализа работников // Спутник ежегодника «Россия реформирующаяся» Выпуск 2014. / ИС РАН. М.: ИС РАН. 2014. 1 CD ROM.
10. Татарова Г.Г., Бессокирная Г.П. Идентификация с предприятием: классификация работников и выявление управляемых факторов трудовой деятельности // Официальный сайт ИС РАН 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3335>. (Дата обращения 10.07.2016 г.).

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ЧЕЛОВЕКА В ФОКУСЕ
СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК ПОМОГАЮЩЕЙ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**
**SOCIAL SUPPORT FOR A HUMAN AT THE CORE OF SOCIAL
WORK AS A HELPING PROFESSIONAL ACTIVITY**

М.Ф. Глухова

Московский городской университет управления Правительства Москвы

M.F. Glukhova

Moscow Metropolitan Governance University

Практики социальной работы представлены в основных сегментах социальной поддержки, оптимизация которой требует структурных изменений и становления субъектности человека, нуждающегося в помощи.

Practicians of social work are presented in the main segments of social support which optimization demands structural changes and formation of subjectivity of the person needing the help.

Ключевые слова: социальная защита, социальная поддержка, социальная работа, социальная организация, социальная услуга.

Keywords: social protection, social support, social work, social organization, social service.

Социальная поддержка становится областью, которая отражает специфику взаимодействия государства, общества и человека в системе социальной защиты населения по ряду позиций. Анализ современного состояния социальной защиты и ее составляющих показывает наличие значительного числа противоречий, проявления которых не только снижают эффективность государственного участия в помощи нуждающемуся человеку, но и существенно влияют на уровень и качество его жизни. В этой связи требуется смена парадигм в деятельности сегментов сферы социальной защиты населения как специфической социальной системы, которые приведут к развитию упорядоченной, реальной и справедливой социальной поддержки конкретного человека, испытывающего трудности в связи с объективно складывающимися обстоятельствами жизнедеятельности. Актуальное значение приобретает активная деятельная индивидуальная социальная поддержка человека, которая, по своей сути, позволит решить комплекс задач по ее функционированию на основе принципов партнерства, справедливости и, одновременно, доступности и адресности государственных мер для конкретного социального субъекта или социальной группы.

В настоящее время в российском обществе ведется немало дискуссий по вопросам, связанным как с оптимизацией социальной поддержки в ракурсе

субъектной роли государства, так и в связи с негативными тенденциями, которые проявляются в виде безответственности, маргинальности, иждивенчества, бездеятельности, а также других социально опасных стратегий поведения отдельных категорий и групп населения.

С другой стороны, очевидно, что в условиях усиления социальной неопределенности, роста числа негативных последствий кризисных явлений, получивших яркое проявление в современном обществе, требуется усиленное внимание государства к сфере социальной защиты населения. Такие факторы жизни человека, как отсутствие постоянной и/или достойно оплачиваемой работы, семейный доход ниже прожиточного минимума на каждого члена и/или значительное (частичное) отсутствие возможностей для удовлетворения необходимых и жизненно важных потребностей зачастую имеют объективный характер. Вместе с тем, имеют место и субъективные признаки подобного состояния аспектов жизнедеятельности человека или семьи, что обусловлено рядом обстоятельств. Без сомнения, девальвация общечеловеческих ценностей, утрата жизненно важных ориентиров по отношению к себе и ближайшему окружению, снижение порога «социальной чувствительности» – все это требует выстраивания совершенно новой траектории развития социальной поддержки, внедрения принципиально обновленных стратегий взаимодействия в системе «государство – человек – общество». В этой связи актуализируется особая роль социальной работы как деятельности, ориентированной не только на помощь нуждающемуся человеку, но и на формирование условий его жизнедеятельности, основанных на гармонии отношений с самим собой и с социальным окружением микро- и макроуровней.

Социальная работа как область профессиональной деятельности наиболее активно реализуется в рамках функционирования двух сегментов социальной поддержки населения.

Во-первых, при оказании государственных услуг в соответствии с федеральным и региональным законодательством, регламентирующим реализацию соответствующих мер социальной поддержки для различных категорий граждан. Среди них выделяются денежные выплаты (единовременные, ежемесячные и ежегодные), оказание натуральной помощи, включая предоставление льгот и др. В этом случае под социальной поддержкой понимаются государственные меры, обеспечивающие нормальное функционирование человека, социальной группы и способствующие удовлетворению их базовых потребностей. Основанием является важность поддержания определенного уровня жизни клиента социальной практики в рамках социальных стандартов (обеспечение прожиточного уровня человека, относящегося к определенной социально-демографической группе).

Во-вторых, оказание социальных услуг в сети учреждений социального обслуживания населения по определенным государственным стандартам (социально-медицинских, социально-бытовых, социально-правовых, социально-психологических, социально-досуговых и др.). Сущность социального обслуживания выражается в виде деятельности комплексных или профильных социальных организаций по оказанию социальных услуг и материальной помощи, проведению социальной адаптации и реабилитации различных категорий граждан, испытывающих трудности жизнедеятельности.

Анализ ситуации в целом, а также специфика ряда проблем, связанных с функционированием социальной поддержки, позволяют сделать вывод о необходимости пересмотра как параметров деятельности различных социальных структур, так и коррекции аспектов поведения населения в связи с потреблением социальных услуг. Важно также детализировать аспекты, изменение которых происходит при непосредственном участии социальной работы как практики работы с человеком и ситуацией его жизнедеятельности.

В первую очередь важно говорить об оптимизации самой системы социальной поддержки человека, изменение структуры и элементов которой могло бы привести к достижению социально значимых эффектов для человека, его окружения и общества.

Первостепенным становится не только открытие новых социальных учреждений, но и, в первую очередь, улучшение ресурсного обеспечения уже существующих организаций в целях создания адаптивных и комфортных условий для работы с населением. Не менее важным является необходимость скорейшего внедрения различных форм социального сервиса. Подчеркивая значимость сохранения системы бесплатных услуг социального обслуживания для отдельных категорий граждан на основе адресного подхода, необходимо акцентировать внимание на услугах, оказываемых населению за плату. Тем более, что современные социально-демографические тенденции свидетельствуют о том, что в ближайшее время потребности в социальных услугах со стороны различных категорий граждан (в том числе не являющихся объектами государственной социальной поддержки) будут только повышаться. Оказание широкого спектра услуг социального обслуживания на основе анализа востребованности платных форм позволит не только адекватно реагировать на потребности населения, но и сформировать их оптимальную систему, активно продвигая наиболее востребованные социальные продукты, а также направления и виды сервисной работы с различными категориями граждан.

Не менее актуальным видится необходимость пересмотра и обновления подходов, связанных с организацией системы социального обеспечения населения (например, это касается видов и размеров пособий), внедрение

стандартизации норм, закрепляющих права граждан на различные поддерживающие меры в случае развития сложной жизненной ситуации (например, право на социальную интеграцию для инвалидов). Вместе с тем, изменения не должны затрагивать прав на социальную поддержку аргументированно нуждающегося в помощи человека, а обеспечить в своем развитом виде государственные гарантии на достойный уровень и качество жизни человека в современном обществе. Основанием для этого является организация поддерживающей деятельности в рамках международных актов относительно сферы социального обеспечения, которые исходят от Совета Европы и Международной организации труда [1, с. 7]. Не менее важно, что реализуемые меры государственной поддержки (в виде социальных доплат, пособий, компенсаций) должны быть функциональными в следующем аспекте: «исправить жизненное положение человека, не допустить, чтобы его материальное положение осталось на показаниях ниже прожиточного минимума, установленного в регионе» [2, с. 761].

Вместе с тем, обострение противоречия между социальными гарантиями человеку со стороны государства и игнорирование значимости социально ответственного поведения в обществе отдельных категорий граждан не обеспечивает формирования условий для социально безопасной жизнедеятельности как всего общества, так и личности [3, с. 227]. В указанном аспекте наиболее востребованным становится индивидуальная социальная работа с человеком, ориентирование его на самообеспечение и обучение навыкам самостоятельного преодоления жизненных трудностей через использование как государственных (например, социальный контракт), так и общественных инструментов (например, инициативные социальные группы). Основанием же для социальной работы, действующей в социальной поддержке, становится принцип адресности в целях обязательной активизации собственных ресурсов человека и недопущения с его стороны иждивенческой позиции.

Литература

1. Золотарева А.Б. Состояние и перспективы развития системы социальной защиты в России. М.: Ин-т Гайдара, 2011. 268 с.
2. Глухова М.Ф. Профессиональная социальная работа в условиях модернизации социальной сферы российского региона // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: издательство НИСОЦ, 2014. С. 759-763.
3. Глухова М.Ф. Управление изменениями в системе социальных услуг // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 225-228.

**ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ
HUMANITARIAN PROBLEMS OF PROFESSIONALISM
IN INNOVATIVE DEVELOPMENT**

Л.М. Злотникова

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, г. Гомель, Республика Беларусь

L.M. Zlotnikova

Belarusian trade and economic university consumer cooperation, Gomel, Republic of Belarus

Предпринята попытка сформулировать гуманитарные проблемы профессионализма, дана характеристика их содержания. Проведен анализ основных источников возникновения противоречий между ролью материальной и гуманитарной составляющей. По мнению автора, в настоящее время гуманитарная компонента составляет основу развития. Инновационная экономика возможна на основе радикальных изменений структуры факторов производства, формирования реальной ценности гуманитарного профессионализма.

In article an attempt to formulate humanitarian problems of professionalism is made, the characteristic of their content is this. The analysis of the main sources of emergence of contradictions between a role of a material and humanitarian component is carried out. According to the author now humanitarian a component constitutes a development basis. The innovative economy is possible on the basis of radical changes of structure of production factors, forming of actual value of humanitarian professionalism.

Ключевые слова: инновация, гуманитарная компонента, противоречия, профессионализм, ценности, человеческий капитал.

Keywords: innovation, humanitarian component, contradictions, professionalism, values, human capital.

Инновация, инновационное развитие, инновационные технологии – эти и многие другие понятия можно назвать своеобразной визитной карточкой современного этапа развития. Необходимо быть корректным и отметить, что впервые к проблемам инновационного развития экономики и требованиям к человеку, способному разрабатывать и внедрять новшества в экономику, обратился известный экономист Й. Шумпетер. В начале XX века в работе «Теория экономического развития» (издание 1926 г.) использовал понятие «инновация». Характеризуя основные источники экономического роста, отметил, что «экономический рост был порожден потоком изобретений, революционизирующий производственный аппарат» [1, с. 157]. Побудительным мотивом инновационного развития материального производства является получение прибыли. Ее

основным источником Й. Шумпетер считал «привычку к тем формам умственной деятельности, которые ведут к открытиям» [1, с. 157].

В связи с этим возникают вопросы о связи профессиональной деятельности и гуманитарно-поведенческих характеристик. Очевидно, что человек, способный создать и внедрять в практику новое должен обладать некими особыми свойствами. Людвиг Мизес обозначил принципиальные социальные различия между людьми: «Новые идеи и новшества всегда являются достижениями незаурядных людей» [2, с. 810]. Проблема инновационного развития не так проста, как может показаться на первый взгляд. Определение особых способностей, их формирование, развитие и эффективное использование – это синергетически сложная система открытых и латентных отношений в обществе. История развития переполнена примерами негативных оценок учеников, которые впоследствии стали великими учеными. До настоящего времени комплекс гуманитарных наук не дал ответа на вопрос о причинах несоответствия между оценками в системе образования и достижениями «неспособных к обучению». Гипотетически можно предположить, что именно личностные характеристики человека, т.е. стремление к познанию нового, самоорганизация, высокая отдача, одержимость и т.д. лежат в основе творчества.

Приходится констатировать, что средне нормативное отношение в сфере образования, производства, подкрепленное поклонением материально-вещественным факторам производства, лежит в основе противоречий между отношением к социализации человека и программами инновационного развития. Средний человек, выражающий взгляды большинства, формирует общественное мнение и, по меткому выражению Л. Мизеса, часто оказывает решающее воздействие на конечный результат. Соотношение массы и талантливых одиночек невозможно назвать равновесным. «Массы лишь делают выбор между идеологиями, разработанными интеллектуальными лидерами человечества. Но их выбор окончателен и определяет ход событий. Если они предпочитают плохие доктрины, ничто не в силах предотвратить катастрофу» [2, с. 811]. Современное состояние гуманитарной науки, образования, культуры все больше демонстрирует наличие огромной пропасти между вербальными оценками роли инноваторов и их реальной ценностью. В экономической теории редкость означает высокую цену. Общественное мнение в отношении людей-инноваторов не всегда благосклонно. В трактовке Й. Шумпетера, «инноватор – это человек, способный создавать новые комбинации факторов производства, которые не возникают из старых, непосредственно не занимают их места, а появляются рядом и конкурируют с ними» [1].

Профессиональная инновационность достижима только в условиях получения ответов на следующие вопросы. Во-первых, кто должен подготовить

специалиста с инновационным потенциалом? Можно ли его развивать и совершенствовать в любой профессии на протяжении всей жизни? В какой степени профессиональная инновационность зависит от возраста? Ответ на последний вопрос приобретает особую актуальность, так как в общественном мнении и соответственно государственной социальной политике господствует негативное отношение к специалистам пенсионного возраста. При отсутствии научных доказательств их профессиональной непригодности в Республике Беларусь в последние годы все настойчивее проводится политика так называемого «омоложения кадров».

На наш взгляд, это свидетельствует об отсутствии не только базовых экономических знаний, но и игнорировании роли общей культуры человека. Один из основных постулатов экономической науки указывает на наличие устойчивых связей между накоплением капитала и уровнем экономического развития. В течение длительного времени основное внимание уделялось материальному накоплению. В середине XX в. стало очевидно, что человеческий капитал важнее материального. В 1961 г. Т. Шульц впервые использовал понятие «человеческий капитал», а его последователь Гэри Беккер в 1965 г. получил Нобелевскую премию по экономике за анализ человеческого поведения. Спустя почти полвека приходится констатировать, что экономическая наука, социология не продвинулись в эмпирическом определении человеческого капитала. Написано много монографий, статей, постоянно проводятся научно-практические конференции, но по-прежнему профессиональные качества человека напрямую связываются с возрастом.

На наш взгляд, методология инновационного развития, игнорирующая влияние общей и профессиональной культуры, служит основой противоречий инновационного развития. Культура в широком смысле этого слова охватывает все сферы жизнедеятельности человека и теоретически и практически не может ограничиваться только отраслью эстетического и эмоционального развития. Исследователи гуманитарной сферы крайне редко занимаются проблемами влияния культуры на инновационное развитие. Как отмечалось, инновация подвластна только особому типу людей, которые в значительной степени отличаются от окружающих, т.е. постоянно находятся в определенном противостоянии большинству. Насколько общество готово в реальности принять, поддержать идеи, требующие дополнительных морально-нравственных, материальных и временных затрат? Признание важной роли инноваторского видения мира должно сопровождаться наличием действенной системы единомышленников.

Опыт признанных мировым научным сообществом открытий наглядно демонстрирует важность не только самого открытия, но и практического приме-

нения. В связи с этим необходимо признать сложность определения понятий «инновация», «инновационное развитие» и роли культуры. В сознание людей в годы либеральных реформ достаточно прочно внедряется идеология вещного потребления. Образование, наука, культура оказались в статусе обсуживаемых субъектов. Социология, подражая естественнонаучным знаниям, увлекаясь количественными измерениями, широкой математизацией исследований, все меньше времени уделяет изучению человеческих качеств. Аурелио Печчеи в работе «Человеческие качества», называя себя «социальным футурологом», написал: «Уникальность человека как вида по сравнению со всеми другими живыми существами в том, что он приспособляется к изменяющейся среде обитания и внешним условиям скорее за счет культурных, чем генетических механизмов ... применить свое собственное могущество, научившись предвидеть и предупреждать любые нежелательные последствия своей деятельности, предотвращать вольное или невольное злоупотребление достигнутым, человек может только благодаря соответствующей культурной эволюции» [3, с. 3]. Человек, овладев многими знаниями физического мира, по нашему глубокому убеждению, остается невеждой по отношению себя.

Экономическая теория несколько десятилетий тому назад предлагала цивилизации методологию устойчивого развития на основе трех факторов производства. В интерпретации П. Сорокина, развитие человека осуществлялось на основе трех взаимосвязанных элементов «Человек. Цивилизация. Общество». П. Сорокин неоднократно подчеркивал, «...что социология, в противоположность специальным общественно-психологическим наукам, изучает не те или иные отдельные, специальные стороны или ряды общественных явлений, а изучает наиболее общие, родовые их свойства, как таковые не изучаемые ни одной из них» [4, с. 31].

Инновационное развитие как новая система организации жизнедеятельности, отличаясь высокими рисками, расширения материального потребления, оказалось вне интереса социологов. По завещанию П. Сорокина «социология должна стать фундаментом для специальных общественных наук» [4, с. 32]. Без максимально точного и объективного анализа гуманитарных проблем инновационного развития сложно определить структуру, стратегии и механизмы его реализации.

Литература

1. Шумпетер Й «Теория экономического развития» М.: Прогресс, 1982. 205 с.
2. Мизес Л. Человеческая деятельность. М.: ОАО «НПО «Экономика», 2000. 878 с.
3. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1980. 302 с.
4. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат. 1992 543 с.

ИНКЛЮЗИВНЫЙ ГОРОДСКОЙ ДИЗАЙН В ФОКУСЕ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ INCLUSIVE URBAN DESIGN IN THE FOCUS OF HELPING PROFESSIONS

Э.К. Наберушкина

*Саратовский государственный технический
университет им. Гагарина Ю.А.*

E.K. Naberushkina

Yuri Gagarin State Technical University of Saratov

Рассматривается проблематика социальной инклюзии, создание условий социальной сплоченности через реализацию принципов и методологических подходов инклюзивного дизайна. С критических позиций рассмотрена практика создания доступной среды, проводится сопоставление принципов и результатов создания безбарьерности в противовес логике инклюзивного дизайна.

The article deals with the problems of social inclusion, creation of conditions for social cohesion through the implementation of principles and methodological approaches of inclusive design. Critically examined the practice of creating an accessible environment, a comparison of the principles and the results create a barrier-free, as opposed to the logic of inclusive design.

Ключевые слова: инклюзивный дизайн, социальная ответственность, жизненное пространство, урбанизм.

Keywords: inclusive design, social responsibility, living space, urban space.

Рассмотрим вопросы, которые сегодня формируют новую область деятельности для специалистов помогающих профессий. Проблематика развития наших городов, урбанизированного пространства, городского дизайна – та сфера, где необходимо производить социально ответственные преобразования для решения комплекса задач социальной защиты и профилактики социальных рисков. Понимание явных и латентных функций дизайна интересует сегодня в равной степени как социологов (социология города, социология архитектуры, социология техники), так и социально ответственных архитекторов и дизайнеров. Финский архитектор Алвар Аалто однажды сказал, что ответственность дизайнеров предполагает не нанести вреда пользователям непригодной для их использования архитектурной средой. В социологическом рассмотрении дизайн оперирует не только отдельными сооружениями, технологиями, материалами, конструкциями, но полностью формирует жизненное и коммуникативное пространство. Льюис Мамфорд в своих трудах по архитектуре и городскому проектированию анализировал воздействие технологии и урбанизации на человеческое общество на протяжении истории и призывал поместить в центр идей архитектуры более широкое, целостное

понимание людей и природы или, как он высказался: «мы должны искать более тонкие отношения между образами дизайна и всем набором биологических, психологических, социологических знаний» [1].

Набирающие сегодня популярность идеи движения социального проектирования вполне созвучны социологическим концепциям, в том числе и основным положениям теории символического интеракционизма, однако движение сторонников «социального проектирования», в рамках которого архитекторы, социологи и социальные работники объединили свои усилия по решению стоящих перед проектировщиками прикладных задач, возникло еще в 1960-х гг. Роберт Гутман (Robert Gutman, 1985), считает, что для решения человеческих проблем архитекторам следует выйти за рамки сугубо дизайнерских вопросов и сосредоточиться на активном вмешательстве в некоторые аспекты социальной политики. Роберт Соммер (Robert Sommer, 1969) на практических примерах продемонстрировал, как можно использовать символическую значимость архитектурных объектов для улучшения качества жизни людей. Джон Зайзель (John Zeisel, 1975) также отмечал несомненные преимущества применения социологического подхода и использования способности архитектуры нести в себе глубокое символическое содержание для решения разнообразных человеческих проблем: от строительства школ и домов престарелых до создания подразделений по уходу за страдающими болезнью Альцгеймера и проектирования жилья для малоимущих граждан. По мнению сторонников символического интеракционизма, архитектура предлагает богатый выбор разнообразных возможностей, облегчает обмен информацией и создает определенное представление о приемлемых для общества видах деятельности, типах взаимоотношений, поведенческих нормах и системе ценностей. Ч. Кули, Г. Блумер, Дж.Г. Мид, Э. Гофман развивают в своих теориях мысль о том, что в процессе самопознания и взаимодействия с различными объектами и другими людьми человек постоянно формирует новые смысловые категории и пересматривает уже сложившуюся систему «личностных смыслов».

Затронем лишь некоторые вопросы урбанизма и городского развития: насколько безопасны наши города (для детей, пожилых, людей с инвалидностью); какое качество жизни формирует городской дизайн; какие настроения и социокультурные коды коммуникации способен программировать городской дизайн (здесь уместна логика пространственной семиотики); способствует ли городской дизайн объединению людей или, напротив, разъединяет, делает агрессивными, настраивает друг против друга; воспитывает ли городская улица чувство солидарности, сплоченности в горожанах, или, напротив, формирует отстраненность, дистанцию от чужих проблем и безразличие; способствует ли городской дизайн инклюзии (градус инклюзии городов). В этой связи и возни-

кает вопрос, каким же должен быть городской дизайн для того, чтобы ответы на поставленные вопросы нас радовали, а не разочаровывали.

Инклюзивный дизайн. Сложно сказать, кто именно придумал понятие «inclusive design», но первыми его ввели в оборот исследователи Кембриджского университета, разработавшие масштабную программу Inclusive design toolkit. Идеи инклюзивного дизайна стали популярны в США (1980-1987) и положили начало множеству крупных исследовательских и прикладных программ. В широком плане, инклюзивный дизайн – это социальное движение, в первую очередь связанное с созданием товаров, окружающей среды и коммуникационных систем, максимально доступных для как можно более широкого спектра пользователей. Как полагает Р. Имри, инклюзивный дизайн приведет к необходимым изменениям в социальных отношениях и процессах [2]. Терминологическая и методологическая разница между понятиями безбарьерная среда и инклюзивный дизайн определяется рядом причин: 1. Безбарьерная среда предполагает движение "от", уход от барьеров, борьба с барьерами, а инклюзивный дизайн, напротив, движение "к" объединению, принятию, это включающий дизайн. 2. К сожалению, сегодня материализация идеи безбарьерной среды привела к негативной коннотации самого понятия и способов построения безбарьерной среды, что порой не объединяет, а увеличивает нетерпимость и агрессию между инвалидами и не инвалидами. Безбарьерный дизайн стал добавочным. Добавочный дизайн рассматривается как унижительное и поверхностное отношение к человеческой инвалидности с вероятностью дальнейшей стигматизации и социальной эксклюзии. Инвалидность часто противопоставляется способности, то есть аномальные тела противопоставляются нормальным. Эти бинарные подразделения закрепляют представления о людях с инвалидностью, как жертвах, нуждающихся в помощи. Такие представления конструируют социокультурные коды, восприятие инвалидов как нуждающихся в специальной помощи, зависимых, беспомощных, пассивных и жалких. 3. Как отмечает Матрикс, «все слои населения, а не только инвалиды, хотят, чтобы окружающая среда была удобная для них».

Таблица 1

Инклюзивный и не инклюзивный дизайн: сравнение

Инклюзивный дизайн	Не инклюзивный дизайн
Вопрос функциональности и безопасности при использовании	Вопрос стиля и орнамента
Соучастие (переосмыслено отношение архитекторов с теми, для кого они работают)	Без участия
Ориентированный на человека (на ребенка, который восторгается движущимися элементами, в равной степени, как и на инвалидов)	Ориентированный на организации, учреждения, институты

Клиентом становится пользователь	Владелец – эксклюзивный клиент
Проектирование «снизу»	Проектирование «сверху – вниз»
Демократичный	Авторитарный
Стремится изменить традиции дизайна и социального взаимодействия между горожанами	Принимает господствующие правила дизайна и устоявшиеся типы стратификации
Гетерогенность. Доступность – вопрос, связанный традициями, языковой культурой управлением окружающей средой.	Гомогенность Доступность – вопрос, связанный с физиологией

Р. Имри указывает, что те, кто относится к инвалидам с предубеждением, порой почерпнули эти предубеждения и стереотипы в архитектурном дискурсе. В тех проектах, в которые специалисты (архитекторы или интерьер-дизайнеры) включают потребности людей с ограниченными возможностями, видна тенденция сужения понимания инвалидности до простой формы мобильной несамостоятельности, а именно, использование инвалидного кресла. Так и практика создания безбарьерной среды, как правило, сопряжена со стереотипами о людях с ограниченными возможностями как ограниченными физически. Этот же стереотип обычно переводится в политическую практику, которая вращается вокруг создания доступного пространства в первую очередь для инвалидов-колясочников. Это не верно, потому что не учитывает разнообразия возрастных, социокультурных, психических вариаций.

Инклюзивный дизайн – это процесс развития некоторой чувствительности к гетерогенной природе людей (и создание соответствующего дизайна). В частности, этому может способствовать образование и обучение. Специалисты по недвижимости, архитектуре, управлению экономикой, городским хозяйством, земельными ресурсами, социальные работники, специалисты сферы социальной защиты должны быть информированы по вопросам инклюзивного дизайна. Такие курсы должны быть более чем техническими по содержанию, поднимать моральные и этические вопросы и, тем самым, стремиться связать дебаты о доступе с более широкими вопросами, касающимися качества жизни, межличностной коммуникации, социального и культурного взаимодействия в обществе, социальной стратификации, социальной безопасности и сплоченности.

Сегодня наша страна вошла в зону турбулентности, на ходу пытаюсь найти способы адаптации к новым временам, но экономические трудности не отменяют модернизационного вызова, стоящего и перед Россией вообще, и перед ее городами, в частности. Давление капитала, заинтересованного в извлечении быстрой прибыли с городских территорий, ослабевает. Возникает шанс на развитие с особым вниманием к соображениям общественного блага. Па-

радоксальным образом во время кризиса появляется время на поиск сбалансированных подходов, учитывающих интересы основных агентов развития: власти, бизнеса и, конечно, горожан. Кризис не означает, что единственной стратегией города должно стать выживание. Напротив, это время новых идей, поиска новой парадигмы развития. Инклюзивный дизайн – наиболее удачная и благополучная парадигма развития урбанизма и всей общественной жизни, а специалисты помогающих профессий способны активизировать новые эффективные направления для решения социальных задач.

Литература

1. Mumford L. The City in History [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slideshare.net/solipsist/lewis-mumford-the-city-in-history>. (Дата обращения: 03.03.2016).
2. Imrie R., Hall P. Inclusive Design // Design and development accessible environments. L.: Spon Press, 2001.

СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА (ПО ДАННЫМ ПЕРВОГО ВСЕУКРАИНСКОГО ОПРОСА РАБОЧИХ)

THE STATE OF LABOR RELATIONS IN PRODUCTION OF GOODS (BASED ON THE FIRST ALL-UKRANIAN WORKFORCE SURVEY)

Т.О. Петрушина

Институт социологии НАН Украины

T.O. Petrushina

Institute of sociology, NAS of Ukraine

Представлены результаты первого Всеукраинского опроса рабочего класса. Проанализировано состояние условий и оплаты труда рабочих, их удовлетворенность работой, отношения между рабочими и администрацией. Рассмотрены вопросы юнионизации рабочих и действенности коллективно-договорного регулирования трудовых отношений.

This study represents results of the first survey of Ukrainian working class. Following has been analyzed: working conditions, remuneration system, workers' job satisfaction, relationship between management and workers along with problems of unionization of workers and effectiveness of collective bargaining regulation of labor relations.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, опрос рабочих, профсоюзы, коллективные договора, Украина.

Keywords: labor relations, working class survey, trade unions, collective agreements, Ukraine.

Раскрыть сегодняшнее состояние социально-трудовых отношений во всем их многообразии, учитывая как отношения между самими работниками, так и между работниками и руководителями предприятий, невозможно без проведения социологических исследований. Поскольку благосостояние общества начинается с реальной экономики, исследование трудовых отношений в сфере материального производства имеет особое значение.

В Украине проведение неолиберальных реформ привело к деиндустриализации и примитивизации производства, снижению благосостояния и качества жизни рабочих, изменениям в системе трудовых отношений. Наиболее ощутимо структурные изменения в экономике отразились на занятых в промышленности, строительстве, транспорте, торговле, сельском хозяйстве. Существенно пострадал индустриальный отряд украинских рабочих, занятых в машиностроении и других наукоемких отраслях промышленности. Однако, несмотря на более чем двукратное снижение за годы независимости численности рабочего класса, он остается наиболее представленным среди экономически активного населения Украины.

Для получения достоверной информации о состоянии трудовых отношений в сфере материального производства и положении рабочих в современной Украине отдел экономической социологии Института социологии НАН Украины провел совместно с Центром социальных и маркетинговых исследований SOCIS в сентябре-октябре 2013 г. первый Всеукраинский опрос рабочих (N=1800). Для максимального приближения к репрезентативности (официальная статистика в Украине отказалась от использования самой категории «рабочие») исследователи при составлении выборки отталкивались от имеющейся статистической информации: 1) данных обследования домохозяйств о распределении наемных работников по видам экономической деятельности с учетом их пола, возраста и региона проживания, 2) данных министерства экономического развития и торговли Украины о промышленных предприятиях.

Теоретическое обоснование выборки обусловлено концептуальным пониманием рабочего класса и фактологическим знанием структуры наемных работников в сфере материального производства, преобладающую долю которых составляют рабочие. К рабочему классу мы относим наемных работников, занятых в материальном производстве преимущественно физическим трудом (квалифицированным и неквалифицированным), не имеющих собственности на средства производства, живущих на заработную плату и не выполняющих ни управленческих, ни контролирующих функций. Поскольку ядром рабочего класса является промышленный рабочий класс, мы считали целесообразным сосредоточиться на изучении, прежде всего, городского от-

ряда рабочих, занятых в промышленности (в связи с чем увеличили на 10% его долю в выборочной совокупности по сравнению с данными статистики о доле работников промышленности среди всех занятых в сфере материального производства – примерно с 50 до 60%), строительстве (10%), сфере транспорта и связи (15%), а также сфере торговли и услуг (15%).

Тип выборки: многоступенчатая, с использованием направленного отбора и квотного скрининга на последней ступени. При опросе респондентов выдержаны квоты по трем параметрам: отрасли, в которой работает респондент, полу и возрасту (по аналогии с распределением наемных работников по четырем указанным видам экономической деятельности).

На каких же условиях работают украинские рабочие? Восемь из десяти имеют официальный трудовой договор (81%). Почти пятая часть (17%) работает по устной договоренности, без записи в трудовой книжке. Официально заработную плату получают 80% опрошенных рабочих, полностью или частично неофициально – 19% (в том числе 12% – полностью «в конверте»). Среди тех, кто работает по официальному договору, почти все (92%) официально получают и заработную плату (неофициально – 7%, в том числе полностью неофициально – 1%). Среди работающих по устной договоренности только 23% респондентов получают заработную плату официально, большинство – неофициально (в том числе 62% – полностью неофициально, 12% – частично официально, частично неофициально).

Материальное положение рабочих подтверждает широко распространенный в украинском обществе феномен «работающих бедных». Средний размер месячной заработной платы почти у половины рабочих (48%) не превышает 2294 грн – двух прожиточных минимумов (или двух минимальных зарплат) на момент опроса, треть рабочих (33%) получает до трех минимальных зарплат, 8% – от трех до четырех. Существующая заработная плата не устраивает большинство респондентов (63%). Менее трети (30%) ответили, что она их устраивает.

Сравнение благ, которых хватает и не хватает рабочим, свидетельствует о наличии множественной депривации. Только каждому десятому (9%) одновременно хватает таких жизненно важных благ, как необходимая одежда, качественное питание, медицинская помощь и полноценный досуг. Каждому третьему (35%) одновременно хватает и необходимой одежды, и полноценного питания, каждому шестому (16%) – одежды, питания и необходимой медицинской помощи.

В условиях нестабильности и высокого уровня безработицы (каждый четвертый (24%) имел в течение последних 10 лет опыт вынужденной безработицы) рабочие часто вынуждены соглашаться на любую, даже непривлека-

тельную и малооплачиваемую работу. Не случайно, каждый четвертый рабочий (25%) сказал, что ни работа, ни зарплата его не устраивают, но ничего другого он не может найти. Среди высококвалифицированных рабочих так ответил каждый пятый (20%), среди разнорабочих – каждый второй (53%).

Удовлетворены своей работой менее половины респондентов (39%), почти столько же (36%) – своим положением в обществе, жизнью в целом – 44%. И работой, и положением в обществе, и жизнью в целом одновременно удовлетворен только каждый четвертый (24%).

Наиболее важным вопросом на работе для рабочих является гарантия занятости (56%), на втором месте по значимости находятся хорошие взаимоотношения с товарищами по работе (40%), на третьем – высокий заработок и интересное содержание работы (по 30%).

Чего боятся сегодня рабочие? Каждый второй рабочий боится, что в ближайшем будущем его премии и социальный пакет могут урезать (53%), зарплату уменьшить (65%), а его самого уволить или перевести на неполный рабочий день (59% и 57%, соответственно). Подчеркнем, что опрос рабочих проводился до событий 2014 г., приведших к резкому ухудшению экономической ситуации в Украине, физическому уничтожению и закрытию значительной доли производственных мощностей страны.

Интересен психологический срез отношений между самими рабочими. Из восьми предложенных характеристик (четырёх позитивных и четырёх негативных) респонденты при ответе на вопрос о характере отношений между рабочими на их предприятии отдавали предпочтение позитивным оценкам (последних в два-три раза больше, чем негативных). Для удобства визуального восприятия мы сгруппировали полученные ответы попарно: сотрудничество – безразличие (52% – 17%), взаимопомощь – конкуренция (40% – 13%), дружба – вражда (31% – 3%), солидарность – разобщенность (19% – 10%). Среди позитивных характеристик рабочие чаще всего называли сотрудничество (каждый второй), реже всего – солидарность (каждый пятый). Среди негативных характеристик преобладает безразличие, реже всего встречается вражда.

Большинство опрошенных (59%) указали, что на предприятиях, где они работают, за последние три года трудовых конфликтов между рабочими и администрацией не было. Каждый пятый респондент (19%) отметил их наличие. Причем только в одном случае из десяти они закончились удовлетворением требований рабочих (12%). В основном они заканчивались в пользу администрации (33%) или компромиссом между администрацией и рабочими (27%), безрезультатно – в 23% случаев. Решение трудовых конфликтов, как и нарушение трудовых прав работников, зависит от целого ряда институцио-

нальных факторов: характера трудового договора рабочих с работодателем, наличия профсоюзов и коллективных договоров.

Наиболее эффективной формой коллективных действий для защиты своих трудовых прав рабочие считают переговоры с администрацией (51%). Это подтверждает значимость коллективного договора (колдоговора) как института регулирования социально-трудовых отношений в условиях капиталистической организации общественного производства.

Колдоговор должен заключаться на всех предприятиях, которые используют наемный труд. Однако, по данным нашего опроса, только каждый второй респондент (51%) указал, что на предприятии, где он работает, заключен договор между администрацией и рабочими. Более того, рабочие лучше осведомлены о наличии на своих предприятиях профсоюзов, чем о заключении колдоговоров. Если о наличии колдоговора не знает 25% рабочих, то о наличии профсоюза – только 5%. Существует тесная связь между наличием на предприятии профсоюза и колдоговора. Там, где есть профсоюзы, только 6% рабочих отметили отсутствие колдоговора, там, где их нет, 64% респондентов указали и на отсутствие колдоговора.

Степень юнионизации рабочих и охват предприятий колдоговорами имеет четко выраженную отраслевую специфику. Самая высокая степень юнионизации зафиксирована в промышленности (94%), самая низкая – в строительстве и торговле (12%). Аналогичная ситуация и с колдоговорами. Масштабы юнионизации и заключения колдоговоров зависят также от формы собственности и размера предприятий.

Несмотря на достаточно высокий уровень юнионизации рабочих (78% являются членами профсоюзов), эффективность этого членства, как и эффективность работы профсоюзов, низкая. Однако, даже при этих обстоятельствах на предприятиях, где есть профсоюз и заключен колдоговор, рабочие получают гораздо больше различных благ за счет предприятия. Так, на предприятиях, имеющих профсоюзную организацию, 93% рабочих отметили наличие оплачиваемого больничного, 91% – оплачиваемого отпуска, 43% – обеспечение отдыха работников, 34% – предоставление медицинской страховки (для сравнения: на предприятиях, не имеющих профсоюзов, наличие этих благ отметили только 32%, 35%, 3% и 6% рабочих). На предприятиях, где данных институтов регулирования социально-трудовых отношений нет, каждый второй респондент (49%) указал на отсутствие всех перечисленных социальных благ.

Отличаются на этих предприятиях и другие показатели состояния трудовых отношений. Там, где имеется коллективный договор, трудовые конфликты завершаются удовлетворением требований рабочих в четыре раза чаще,

чем в коллективах, где такого договора нет. Там, где нет колдоговоров и профсоюзов, каждый второй рабочий (48% и 49%) был занят на основной работе 46 часов и более на протяжении недели перед опросом. На предприятиях, имеющих колдоговора и профсоюзы, в таком режиме работал каждый десятый (13% и 11%).

Видимо, коллективный договор сегодня является более действенным инструментом регулирования социально-трудовых отношений, чем наличие профсоюза (однако, это требует дальнейшего изучения).

ПОМОГАЮЩИЕ ПРОФЕССИИ НА ФИНАНСОВОМ РЫНКЕ¹ **HELPING PROFESSIONS IN FINANCIAL MARKET**

Б.Б. Подгорный

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

B.B.Podgorny

Southwest State University, Kursk

Показано, что к категории «помогающие профессии» следует отнести значительную часть специалистов финансового рынка. Представлены количественные характеристики российского финансового рынка на 1 июня 2016 г. Описана деятельность специалистов фронт-офисов финансовых компаний, страховых агентов, финансовых консультантов.

It is shown that "helping professions" category should include a significant part of the financial market experts. The quantitative characteristics of the Russian financial market on June 1, 2016 have presented. The activities of financial companies front offices specialists, insurance agents, financial advisors has described.

Ключевые слова: помогающие профессии, финансовый рынок, фронт-офис, страховые агенты, финансовые консультанты.

Keywords: helping profession, the financial market, the front office, the insurance agents, the financial advisors.

Понятие «помогающие профессии» вошло в обиход относительно недавно, но уже завоевало свое место в лексиконе – на эту тему проведены и проводятся как теоретические, так и эмпирические зарубежные и российские научные изыскания. Так, один из патриархов психологической науки 20-го столетия К. Роджерс помогающими называет такие отношения, в которых «...по крайней мере одна из сторон намеревается способствовать другой стороне в личностном росте, развитии, лучшей жизнедеятельности, в умении ладить с другими» [1]. Известный американский ученый Лоренс Браммер [2] выделяет

¹ Публикация подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект No16-13-46001).

структурированную помогающую деятельность², которая разделена им на помогающую деятельность как профессию и волонтерскую работу.

Согласно классификации, предложенной известным российским психологом Е. Климовым [3], все профессии можно объединить в пять типов:

- Технономические профессии – «Человек – Техника»
- Биономические профессии – «Человек – Природа»
- Сигнономические профессии – «Человек – Знаковая система»
- Артономические профессии – «Человек – Художественный образ»
- Социономические (*помогающие профессии* – курсив наш) – «Человек – Человек»

В электронной психологической энциклопедии [4] приводится следующее определение помогающей профессии: все те профессии, теории, исследования и практика которых сосредоточиваются на помощи другим, выявлении и решении их проблем и расширении знания относительно дальнейших человеческих возможностей в этом отношении; к этому классу относятся медицина (в широком смысле), психиатрия, клиническая психология и различные специализированные области, такие как образовательная и школьная психология, социальная работа, исследования речи и слуха и т.д.

С.Н. Сорокоумова дает такое определение исследуемому нами понятию: социономические или помогающие профессии (от лат. – общество) – это профессии, предполагающие в процессе деятельности общение типа «человек – человек». Деятельность специалиста социономической профессии направлена на достижение таких общественных идеалов, как благополучие, здоровье, высокое качество жизни, развитие личности, получение образования и т.д. [5]

Таким образом, самый общий признак помогающей деятельности (необходимое, но недостаточное условие) – взаимодействие с другим человеком. Особенно в российских работах прослеживается определенная закономерность, согласно которой помогающие профессии – это профессии, предполагающие не слишком высокий уровень оплаты труда, альтруизм, постоянное эмоциональное напряжение, психологическое самосгорание и т.д. Правда, в некоторых случаях помогающие профессии уже не рассматриваются как «жертвенные», и в качестве примеров помогающих профессий приводят менеджеров, юристов, участковых инспекторов и т.д. [6]

Мы считаем, что к категории «помогающие профессии» следует отнести значительную часть специалистов финансового рынка. Сфера российского

² Примечание автора

финансового рынка на 1 июня 2016 г. характеризуется следующими показателями:

- 1000 банков и небанковских кредитных организаций, которые имеют 1255 филиалов и около 30 тыс. дополнительных и операционных офисов и касс;
- 96 негосударственных пенсионных фондов;
- 438 субъектов страхового дела, в том числе 300 страховых компаний;
- 364 управляющие компании;
- 577 брокеров;
- 3700 микрокредитных организаций;
- 3300 кредитных потребительских кооператива [7].

По оценкам официальной статистики [8], общее количество специалистов, работающих в области финансового рынка, составляет около 1300 тыс. человек. Эти данные очень приблизительные, так как официальной статистики по финансовым консультантам пока не ведется. В Европе и США эта профессия существует уже давно, их услугами активно пользуется население. В России профессия финансового консультанта появилась относительно недавно – в 90-х гг. прошлого века. И хотя рядовые граждане пока предпочитают самостоятельно распоряжаться своими деньгами [9], мы считаем, что эта профессия имеет будущее.

По нашим оценкам, сегодня в финансовом секторе экономики 350-400 тыс. человек можно отнести к категории «помогающие профессии». При этом значительная часть клиентов помогающих профессий финансового рынка – успешные состоятельные люди, от них самих ожидают (и очень часто получают) помощь, поддержку, ресурсы.

В целом помогающие профессии на финансовом рынке можно структурировать следующим образом:

- Специалисты фронт-офисов. Этим термином называют группу подразделений в банках, управляющих компаниях, инвестиционных компаниях, брокерских организациях, отвечающих за работу с заказчиками или клиентами. Специалисты фронт-офисов находятся на передовой, это лицо компании. От их профессионализма, компетентности, приветливости зависит успех всего учреждения. Такие работники консультируют по вопросам инвестиций в инструменты организованного фондового рынка, занимаются обработкой заявок на открытие депозита или получение кредита, распространяют банковские продукты и т.д.

- Страховые агенты – физические лица или индивидуальные предприниматели, осуществляющие от имени страховой организации посредническую

деятельность по страхованию на основании трудового договора (контракта) либо гражданско-правового договора по различным видам страхования.

– Финансовые консультанты – специалисты по инвестированию, которые знают, как сохранить и приумножить денежные средства. Они оценивает финансовое состояние и ресурсы своего клиента, разрабатывают для него инвестиционную политику, схему работы с банками, брокерскими и страховыми компаниями, помогает ему принимать финансовые решения и управлять бюджетом.

Перечисленные нами профессии финансового рынка можно отнести к помогающим профессиям. При этом крайне важно поднять квалификационные и профессиональные требования к этому виду деятельности на финансовом рынке, так как сегодня для получения квалификационного аттестата специалиста финансового рынка не обязательно иметь высшее образование (чтобы стать страховым агентом, образование может быть не выше среднего; деятельность финансовых консультантов в России пока никак не регулируется).

Литература

1. Роджерс К.Р. Взгляд на психотерапию. Становление человека. Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. Исениной. М.: Издательская группа «Прогресс». 1994.
2. Lawrence M. Brammer, Ginger MacDonald. The Helping Relationship: Process and Skills. Prentice-Hall, 1985.
3. Климов Е.А. Развивающийся человек в мире профессий. Обнинск: изд-во «Принтер», 1993.
4. Психологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://enc-dic.com/word/p/Pomogayuschie-professii-117367.html>. (Дата обращения: 12.05.2016).
5. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. №4.
6. Эннс Е.А. Психологическая характеристика помогающих профессий [Текст] // Современная психология: материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, июнь 2012 г.). Пермь: Меркурий, 2012.
7. Статистический бюллетень Банка России. №5. 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=bank_system/inform_16.htm&pid=lic&sid=itm_43766. (Дата обращения: 12.05.2016).
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. Раздел труд и занятость [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_36/Main.htm. (Дата обращения: 12.05.2016).
9. Podgorny Boris B. Habitus in relation to the stock market: national features. The Economic Annals-XXI №157 (3-4(1)). 2016. Pp. 68-71.

ПОМОЩЬ МИГРАНТАМ В ПРИНИМАЮЩЕМ СООБЩЕСТВЕ ASSISTANCE TO MIGRANTS IN THE HOST COMMUNITY

И.Л. Сизова

*Национальный Исследовательский Университет
Высшая Школа Экономики, Нижний Новгород*

I.L. Sizova

National Research University Higher School of Economics, Nizhni Novgorod

Представленные основные направления помощи мигрантам, являются результатом анализа данных анкетного опроса мигрантов, проведенного в Нижегородской области НИУ ВШЭ (Нижний Новгород) по заказу Межрегиональной благотворительной общественной организации «Приволжский миграционный центр» в рамках федерального гранта поддержки некоммерческих организаций.

The main areas of assistance to migrants represented in the article are the result of data analysis of questionnaire survey of migrants conducted in the Nizhni Novgorod region HSE (Nizhni Novgorod) by order of the Interregional charitable public organization "Volga migration center" in the framework of Federal grant support for nonprofit organizations.

Ключевые слова: Мигранты, интеграция, адаптация, жилье, здоровье, принимающее сообщество, доходы.

Keywords: Migrants, integration, adaptation, housing, health, host community, income.

Оценка текущего положения в России показывает, что происходит увеличение иноэтничных мигрантов, часто миграция носит незаконный характер, у мигрантов идентифицируется низкий «социальный капитал». Со стороны принимающего сообщества заметными являются такие процессы, как рост ксенофобских настроений и мигрантофобии, криминализация миграционного трафика и нарушения трудового законодательства в отношении работающих мигрантов. Накопление подобных явлений негативно сказывается на ситуации в стране и является препятствием для реализации эффективной миграционной политики.

Однако главным стал процесс, который может быть назван как «оседание» мигрантов в России, особенно проявившийся в последние предкризисные годы. На основании многочисленных предыдущих исследований, наблюдений, интервью и экспертных оценок можно заключить, что мигранты стали задерживаться в России, привозить сюда свои семьи или вступать в брак с местными жителями. Еще подразумевается, что мигрант желает дать образование своим детям в стране пребывания, обрести здесь работу, контакты и

т.д. С учетом таких тенденций, под интеграцией понимается адаптация и приживаемость мигрантов в принимающем сообществе, которые ведут к долгосрочному и успешному их обустройству в российском сообществе, способствуют развитию планов по постоянному проживанию в России. Интеграция усиливается при решении насущных проблем: правовой легализации, включения в рынок труда и решения жилищных проблем. В России это, в целом, распространенные проблемы, но мигранты в этом отношении наиболее незащищенная группа.

Одновременно интеграция должна пониматься как двусторонний процесс, который предполагает также учет желаний, способности и возможности мигрантов включиться в местное сообщество. Под готовностью самих мигрантов к интеграции понимается система действий и убеждений, ресурсы, с одной стороны, а также структурные и социокультурные условия приема и проживания мигрантов в принимающем сообществе – с другой, что в совокупности создает те или иные возможности для успешной интеграции в социум.

В анкетном опросе приняло участие 300 мигрантов, проживающих в г. Нижний Новгород и области, в возрасте от 18 до 53 лет, из них 67% мужчин и 33% женщин. Выборка нерепрезентативная, она наполнялась методом снежного кома в местах массового скопления мигрантов. Тем не менее, с точки зрения социодемографических характеристик опрошенная совокупность хорошо отражает специфику основных потоков мигрантов в Нижегородской области. Это взрослые трудоспособные люди, как правило, семейные и состоящие в официальных браках. Третья часть их проживают раздельно со своими семьями. В семьях мигрантов часто есть дети, три четверти мигрантов являются мусульманами, выходцами из среднеазиатских стран. В большей степени это трудовые мигранты, приехавшие на заработки, не слишком давно проживающие в России (не обязательно в Нижегородской области), сохраняющие тесные связи со страной исхода. У молодых мигрантов уровень образования оказался выше, чем в других возрастных группах. Более трети молодежи имеют профессиональное образование и более 70% опрошенных имеют документы об образовании. Доходы мигрантов в момент опроса (2015 г.) были сравнимы со средней номинальной начисленной заработной платой в ПФО: она составляла 24,4 тыс. руб. Средние заработки мигрантов также составили от 20 до 25 тыс. руб. Существенное количество опрошенных мигрантов (45%) указали примерный ежемесячный доход даже свыше 25 тыс. руб. Только 6% опрошенных получают доход ниже 15 тыс. руб., что сравнимо с состоянием нуждаемости в материальных средствах. Таким образом, в Нижегородской области работающие мигранты не сильно от-

личаются от местных жителей в тех реальных денежных средствах, которые они способны себе обеспечивать. Модальные доходы в наибольшей степени присутствуют у средней возрастной группы, что вполне объяснимо с точки зрения востребованности работников в возрасте 30-45 лет вообще на современном рынке труда.

Отрицательным фактором для интеграции является плохое знание русского языка, огромное количество вредных привычек у мигрантов, приводящих к ухудшению здоровья. Правда их жизнь в России не способствует поддержанию здоровья. Для подавляющего числа опрошенных мигрантов имеет значение знание русского языка. Однако владение им оставляет желать лучшего. Большая часть опрошенных владеет языком «плохо» или «удовлетворительно» (67%). Правда, мигранты способны осваивать язык «на практике». Для анализа было сформировано пять групп по времени проживания в России. Плохое и очень плохое знание русского языка в большей степени характерно для недавно приехавших в Россию (до 7 лет проживания), чем для длительно проживающих лиц.

84% опрошенных считают себя полностью здоровыми людьми. Самое большее число больных людей оказалось в старшей (пожилой) возрастной группе; самое меньшее число – в группе молодых мигрантов до 30 лет. Самое главное, что число больных мигрантов увеличивается пропорционально времени проживания в России, также в обратном порядке убывает число здоровых людей. Вредные привычки имеют 26% опрошенных. Многие из них курят (18%), употребляют в больших количествах алкоголь (7%). 51% указали, что используют психотропные и наркотические вещества. Многие из них имеют не одну, а несколько таких привычек. При этом 100% курящих и многие увлекающиеся алкоголем относят себя к здоровым людям. Чаще используют профессиональную медицинскую помощь мигранты, не имеющие вредных привычек, и, наоборот, много больше людей, занимающихся самолечением среди тех, кто признался в наличие таких привычек.

Многие мигранты с трудом определяют свое правовое положение. Определение своего места в правовом пространстве оказалось сложнее женщинам, чем мужчинам в выборке. Молодые мигранты чаще других причисляли себя к иностранным студентам, а мигранты из средней и старшей возрастных групп – к иностранным работникам, беженцам, гражданам из стран СНГ и родственникам россиян. Более четко определяют статус лучше образованные мигранты. Разъяснить особенности ведения жизни иностранцами в России, права и обязанности, связанные с определенным статусом, пока особо никому. Центров адаптации, обучения мигрантов, интеграционных курсов очень мало, качество их деятельности также пока оставляет желать лучшего. Мож-

но считать, что в будущем, если миграционная политика усилится, эта сфера будет стремительно развиваться.

Чем дольше времени мигранты проводят в России, тем больше у них становится проблем, затрагивающих практически все важнейшие сферы жизнедеятельности. Если вначале главной проблемой является русский язык, эмоциональные проблемы, то со временем добавляются проблемы со здоровьем, жильем, работой, гонения со стороны полиции и стычки с криминальными элементами или местными жителями, то есть эмоциональное и психическое приспособление заменяется вполне реальными жизненными трудностями. По сути дела, все указанное означает, что интеграции в принимающую среду не происходит.

Одним из основных препятствий на пути к интеграции мигрантов в России является неудовлетворительная жилищная ситуация. Жилье в собственности имеют только 17% опрошенных. Основная масса мигрантов проживают в съемном жилье, за которое платят: квартиры, общежития (79%). Дороговизна покупки жилых помещений, высокая стоимость аренды, сдерживают интеграционные процессы в России. Даже неплохие с точки зрения среднестатистических зарплат доходы мигрантов не способны компенсировать затраты на жилье. Так, средняя стоимость аренды квартиры в Нижнем Новгороде составляет от 15 до 20 тыс. руб., а комнаты – от 5 до 10 тыс. руб. Если люди снимают жилье совместно (23%), это приводит к значительным неудобствам и исключает возможность, например, привезти в Россию и разместить здесь свою семью или жениться. В результате, потенциально сокращается готовность мигрантов к интеграции. Маятниковая миграция в России, в том числе обусловлена высокой стоимостью аренды жилья в местах, где находится работа для мигрантов.

В рейтинге потребностей в помощи преобладают помощь в трудоустройстве, профессиональное медицинское обслуживание, организация обучения и проведение консультаций. Особыми потребностями выступают обеспечение физической безопасности, помощь в налаживании контактов с представителями власти и местного сообщества. Кроме семьи и других близких мигрантам людей, которые в большей степени составляют круг их общения и способны оказать срочную помощь, достаточно легко определяются местные помогающие субъекты. Это, прежде всего, ФМС и организация, в которой трудоустроен мигрант, в отдельных случаях – полиция. Все остальные государственные, национальные, правозащитные, некоммерческие инстанции, а также местные жители не играют существенной роли в жизни современного мигранта в ПФО.

В заключение отметим, что мигранты неплохо в целом оценивают свою жизнь в России, однако не идентифицируют ее как «свой дом», место, которое они любят и ценят. Чем дольше мигранты проживают в России, тем в меньшей степени они удовлетворены жизнью здесь: с одной стороны, появляется «привычка» к жизни в определенных условиях, с другой – происходит накопление проблем, разрешить которые самостоятельно подчас становится весьма трудно. Сейчас способность к интеграции в российском обществе скорее зависит от каждого конкретного мигранта, его биологических, личностных характеристик, накопленных социальных и иных ресурсов. Объективные условия для интеграции мигрантов в России – видимо дело далекого будущего.

СООБЩЕНИЯ

**КАРТА ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ УНИВЕРСИТЕТА
ЛОБАЧЕВСКОГО: РЕСУРСНОСТЬ И ТРАЕКТОРИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
(ПО ИТОГАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)
MAP HELPING PROFESSIONS OF LOBACHEVSKY UNIVERSITY:
RESOURCE AND PROFESSIONAL DEVELOPMENT PATH
(ACCORDING TO THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

И.А. Анисимова, В.А. Косарева, Е. Жуйкова, М.В. Лаптева
*Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского*

I.A. Anisimova, V.A. Kosareva, E. Zhuikova, M.V. Lapteva
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Проведен обзор помогающих профессий, по которым осуществляет подготовку Университет Лобачевского, с точки зрения жизненных ценностей, профессионально-карьерных ожиданий, ресурсности на рынке труда и траекторий профессионального развития. Материалом послужили итоги социологического исследования «Высшее классическое (университетское) образование: мотивы получения и применения на рынке труда».

The article provides an overview of helping professions, which prepares Lobachevsky University, in terms of values in life, professional career expectations, the resource in the labor market and professional development paths. Article submissions served as the results of sociological research "Higher classical (university) education: the motives of making and using the labor market".

Ключевые слова: профессиональная ресурсность, профессионально-карьерные ценности, траектории профессионального развития, компетентностный профиль, профессиональные компетенции.

Keywords: professional resources, vocational and career values, the trajectories of professional development, competence profile, professional competence.

Университет Лобачевского как классическое высшее учебное заведение осуществляет профессиональную подготовку по техническим, естественно-научным, гуманитарным и социально-экономическим направлениям. Особенностью классического образования является фундаментальность, теоретическая глубина освоения профессионального предмета, системность и ориентация на развитие научных знаний по направлению получаемого образования.

Модернизация системы образования в нашей стране определяет задачу высшего образования с точки зрения подготовки кадров, а основные инструменты контроля со стороны Министерства образования и науки РФ, Пенсионного фонда РФ оценивают параметры выполнения государственного заказа в индикаторах количества трудоустроенных по специальности и длительности работы выпускника на одном рабочем месте. Кроме того, аккредитация каждой образовательной специальности включает в себя показатели трудоустройства по специальности.

В связи с этим особого рассмотрения требуют те виды профессиональной подготовки, на которые спрос на рынке труда формируется в первую очередь не по объему полученных в высшем учебном заведении знаний, а по компетентностному профилю. Необходимо детальное изучение компетенций и мотивации к будущей профессиональной деятельности для проектирования комплекса мер по повышению конкурентоспособности выпускника на рынке труда.

Социологическое исследование «Компетенции студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского на нижегородском рынке труда» показало крайне низкий уровень выраженности компетенции «сервисность», «клиентоориентированность». Актуальным становится рассмотрение системы мотивации к профессиональной реализации и трудовой деятельности тех направлений профессиональной подготовки, ядром которых должны стать высокоразвитые компетенции сервисности, клиентоориентированности, коммуникабельности.

Центр карьеры Университета Лобачевского и сектор «Эксперт» студенческого совета «Потенциал» (В. Косарева, Е. Жуйкова, М. Лаптева, А. Морозов, Р. Соколов, Е. Кирьяйнен, М. Иванова, С. Орлова, М. Парфенова) в 2016 г. провел социологическое исследование «Высшее классическое (университетское) образование: мотивация получения и применения на рынке труда»

методом анкетирования 1600 студентов 2, 3, 4, 5 курсов (выборка квотная по факультетам, курсам, специальностям) под руководством д.с.н., профессора Г.Л. Воронина и к.с.н. И.А. Анисимовой.

Юриспруденция. Распространенное общественное мнение, клише СМИ о том, что в России существует переизбыток специалистов в области права, все чаще находит отражение в рекомендациях экспертов разного уровня и профиля о необходимости существенного сокращения объемов подготовки профессиональных кадров по этому направлению и усиления за счет этого других профессиональных областей. Исследования Центра карьеры показывают, что студенты-юристы ННГУ обладают самым высоким, среди всех специальностей, уровнем профессиональной ориентации, которое выражается в стремлении работать по специальности (более 80%) и статистикой трудоустройства выпускников, подтверждающей данный показатель. Будущих юристов можно отнести к профессионально-карьерному типу личности. Они стремятся к высокому социальному и карьерному положению при помощи наращивания профессионального потенциала личности (образование, знания, компетенции, опыт, связи). Юристы не ориентируются на внешнюю оболочку карьеры, а стремятся к максимальному раскрытию внутренних ресурсов ради достижения карьерной цели.

Глубокая ориентация юристов на получаемую профессию является типичной и связанной с ценностями личности. Как и всем студентам Университета, юристам присущи доминирующие ценности – хорошая семья; интересная работа; интеллект, умственные способности; деньги, материальный достаток и интересная жизнь. В значительно большей степени, чем в среднем это свойственно университетскому студенчеству, будущие юристы ценят хорошее образование, профессионализм и карьеру, социальные связи. В меньшей степени выражены ориентации на взаимопомощь и социально-значимые элементы взаимодействия (милосердие; порядочность, честность).

Ключевые аспекты социального взаимодействия юристов могут быть выражены в пословицах – «Незаменимых людей нет» и «Просите, и дано будет вам, ищите и найдете, стучите и отворят», которые говорят об ориентации на конструктивное и результативное общение с людьми; настойчивости; прагматичном подходе к общению, коллективу, команде. Во многом данные ориентации на социальное взаимодействие показывают готовность бесконфликтно, конструктивно решать проблемы людей в области закона и являются стержнем для помогающей профессии юриста.

Компетентностный анализ позволил отнести будущих юристов к категории высококачественных специалистов. Именно представители этой помогающей профессии обладают всеми необходимыми профессиональными компе-

тенциями для качественного труда в области юриспруденции: целеполагание, системное и стратегическое мышление, скорость обработки информации, логическое мышление.

Более половины будущих юристов считают показателем успешной карьеры профессионализм и компетентность в своей области, немаловажным работу по профессии и трудолюбие, работоспособность, то есть стремятся стать высококвалифицированным специалистом в юриспруденции и готовы прилагать для этого усилия.

В качестве места своей будущей работы 59,8% студентов юридического факультета хотели бы видеть правоохранительные органы, ФСБ, МЧС и Вооруженные силы, деятельность которых направлена на обеспечение обороны и безопасности, а также является профильной. Второй по популярности оказалась государственная и муниципальная служба, в данной области хотело бы работать чуть менее 15% будущих юристов. Это может быть связано с тем, что подобная работа (в министерствах, ведомствах, различных федеральных и региональных службах и агентствах, органах администрации) отличается широкими возможностями применения юридических знаний.

Социальная работа – направление подготовки специалистов, готовых к организации и оказанию помощи различным социальным категориям, находящимся в группах риска и в трудных жизненных ситуациях. Ценностный тип личности специалистов в области социальной работы достаточно сложен и нецелен. Можно сказать, что он являет собой максимально выраженный (в сравнении со средними показателями по всем специальностям) портрет общеуниверситетских, общестуденческих ориентаций на хорошую семью, хороших друзей, интересную работу; деньги, материальный достаток и интересную жизнь. Более, чем студенты ННГУ в целом, социальные работники ценят честность и порядочность, полное удовлетворение потребностей, стабильность, стремятся приносить пользу людям.

Ориентации на социальное взаимодействие являются стержневыми для помогающей профессии социального работника – «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и «Худо тому, кто добра не делает никому». Стремление делать добро и толерантное отношение к окружающим – важнейшие составляющие профессионализма социального работника.

Однако, лишь 45% студентов, получающих профильное образование, планируют трудоустройство по специальности с оговоркой, «если будет возможность». Нижегородский рынок труда сегодня не может предоставить широких возможностей трудоустройства для специалистов в области социальной работы. Но возможен поиск новых ниш для приложения компетенций социальных работников в развитие социальных отношений в Нижегородской

области. Одной из перспективных является развитие предпринимательских инициатив в области социального проектирования.

Выпускники Университета по специальности социальная работа отличаются высокой степенью развития компетенции «коммуникация». При этом коньком коммуникации социальных работников является не столько достижение целей в общении, сколько налаживание взаимоотношений, зачастую в ущерб собственным интересам.

Студенты – социальные работники отмечают низкий уровень инициативности, организованности и планирования времени. Это является важнейшим компетентностным набором по этой специальности и требует формирования и развития.

Более половины (56,8%) студентов, обучающихся социальной работе, считают показателем успешной карьеры такие индикаторы, как профессионализм, компетентность, также по сравнению с остальными специальностями, для них более важна личная мотивация в профессии (40,5%). Трудолюбие, высокий пост и уверенность в себе они также считают немаловажным показателем успешной карьеры, но они понимают, что для этого необходимо усердно работать и обладать рядом определенных качеств.

Социальные работники хотели бы приложить свое образование и компетенции в сферах государственной и муниципальной службы (27%) и образования (18,9%). Востребована у будущих социальных работников работа в правоохранительных органах, ФСБ, МЧС, в сфере культуры и искусства, а также они интересуются развитием собственного бизнеса, каждую из этих областей выбрало 13,5 % студентов.

Социология – одна из фундаментальных специальностей классического Университета Лобачевского; прикладная наука с богатым арсеналом инструментов моделирования, прогнозирования социальных процессов. Основой профессионализма социолога являются развитые аналитические способности и широкий кругозор. Студентам-социологам свойственна в некоторой степени авантюристическая черта личности, которая находит отражение в признании ценностью (в значительно большей степени, чем в целом по ННГУ) переживание острых впечатлений, индивидуальность и неповторимость, смелость, решительность.

Уровень профессиональной ориентации невысок – 40% студентов планирует работать по специальности.

Вполне вероятно, что основным направлением повышения конкурентоспособности выпускников-социологов на рынке труда с невысоким уровнем спроса на социологов может стать формирование предпринимательской

культуры в профильной получаемому образованию деятельности (социальное проектирование, социологические и маркетинговые исследования и др.).

В значительно большей степени, чем это свойственно всему студенчеству, социологи ценят и стремятся к хорошей семье (86%).

По мнению половины социологов (51,2%), профессионализм и компетентность как нельзя лучше показывают, что карьера того или иного человека действительно успешна, ведь имеющий необходимые знания и навыки специалист, как правило, высоко ценится работодателями. Для студентов данной специальности весьма важен интерес к работе и вовлеченность в процесс, судя по всему, по их мнению, успеха можно достичь лишь в той области, которой ты полностью посвящаешь себя, а это практически невозможно без любви к своему делу.

Наиболее предпочтительным местом работы в будущем для студентов-социологов является реклама, маркетинг и PR, данными областями интересуются более трети (37%), но представителям данной профессии непросто найти работу по специальности. Повышенный интерес социологов к рекламе маркетингу и PR можно объяснить тем, что спрос в этом сегменте выше. В подобных компаниях всегда есть спрос на компетентных социологов, которые смогут грамотно подобрать нужный инструментарий для решения каких-либо проблем у заказчика, провести исследование и дать рекомендации по улучшению внутренних и внешних коммуникаций организации. Будущие социологи интересуются такой сферой, как красота и здоровье, эту область выбрало 14% как запасной вариант трудоустройства.

Психология как помогающая профессия, ориентированная на решение личностных проблем, проблем взаимодействия с другими людьми, широко представлена в Университете Лобачевского. Студенты-психологи обладают высокой степенью профессиональной ориентации (76% студентов планируют работать по получаемой специальности). Ценности студентов психологов показывают, что к жизни и профессии они относятся через призму творчества, здоровья, пользы людям, общения, семьи и индивидуальности, неповторимости. В совокупности с установками на социальное взаимодействие – «возлюби ближнего как самого себя» и «худо тому, кто добра не делает никому» можно говорить о сложившемся личностном профиле психолога.

Психологи обладают богатым компетентностным ресурсом, главный элемент которого – умение работать в команде, грамотная, целеустремленная коммуникация.

Психологи наиболее важным показателем успешной карьеры тоже считают профессионализм и компетентность, но у них этот процент несколько ниже – 47,3%. Немаловажным для них оказались практические навыки и опыт,

интерес к работе, уверенность в себе, личная мотивация в профессии, стремление к саморазвитию, коммуникабельность. Именно так они видят показатели успешной карьеры и навыки, необходимые для ее построения.

Более трети студентов-психологов (37%), в основном в качестве места своей будущей работы выбирают государственную и муниципальную службу, которая открывает для них возможности управленческой деятельности. Небольшой интерес проявляют студенты-психологи к работе в сфере образования (10,7%), однако данную сферу они рассматривают второй по значимости.

Проведенное исследование показывает, что помогающие профессии как источники социальной стабильности и проводники спокойных социальных изменений при одинаковом запросе рынка труда – «клиентоориентированность», «сервисность», профессионализм – являют собой разнообразную картину профессий с точки зрения их ресурсности и траекторий будущего профессионального развития.

АМЕРИКАНСКАЯ МОДЕЛЬ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА THE AMERICAN MODEL OF LABOR RELATIONS IN NEOLIBERAL ENVIRONMENT

А.Г. Арсеенко
Институт социологии НАН Украины
A.G. Arseenko
Institute of Sociology, NAS of Ukraine

Анализируется влияние неолиберализма на профсоюзное движение и трудовые отношения, ухудшение положения рабочего класса и расширение неравенства в США.

Author analyses impact of neoliberalism on trade union movement, labour relations, worsening of working class state and expansion of inequality in the USA.

Ключевые слова: трудовые отношения, коллективно-договорное регулирование, зарплата, условия труда, профсоюзы, неолиберализм, неравенство, богатство, бедность.

Keywords: labour relations, collective bargaining regulation, wages, conditions of work, trade unions, neoliberalism, inequality, wealth, poverty.

Борьба за коллективно-договорное регулирование трудовых отношений заняла главное место в деятельности профсоюзов США на исходе XIX в. В связи с этим президент Союза горнорабочих САСШ Дж. Митчель на пороге XX в. писал: «Право рабочего на свободный договор остается на бумаге до тех пор, пока он не может осуществлять его в виде коллективного договора.

Благосостояние рабочего класса и, вместе с тем, всего общества связано с признанием этого права, следовательно, с признанием профессиональных союзов» [1, с. 18]. Принятый в 1935 г. Национальный закон о регулировании трудовых отношений дал право рабочим на объединение в профсоюзы и заключение колдоговоров по вопросам зарплаты и других условий труда.

Имплементация этого акта сыграла важную роль в росте тред-юнионов. Доля организованного труда достигла апогея в США в 1945 г. и составила 33,4% рабочей силы. К тому времени Национальное управление по трудовым отношениям осуществило контроль за заключением 24 тыс. колдоговоров, затрагивающих интересы 6 млн. чел., восстановило на работе 300 тыс. уволенных рабочих с выплатой им компенсации 9 млн. долл. В годы «Нового курса» НУТО выступало на стороне рабочих и пресекало «нечестную трудовую практику». Это позволило к 1945 г. создать профсоюзы в большинстве корпораций с поточным производством [2, с. 328].

Несмотря на постоянное снижение плотности профсоюзов после 1945 г. Американская федерация труда и Конгресс производственных профсоюзов (с 1956 г. АФТ-КПП) добились весомых уступок со стороны капитала в пользу труда в «славное послевоенное тридцатилетие» (1945-1975 гг.). Это существенно улучшило положение трудящихся в «золотой век капитализма». Принимая во внимание достижения АФТ-КПП в этом отношении, англосаксонская модель трудовых отношений стала образцом для подражания для многих профсоюзов на постсоветском пространстве после распада СССР.

Однако им не удалось повторить американский опыт в деле защиты интересов трудящихся, а стагнация профдвижения в США в результате перевода ее экономики на неолиберальные рельсы на изломе 1970-1980-х гг. была расплатой труда за проведение профбюрократией соглашательской политики с капиталом и должна стать уроком сегодня для мирового рабочего движения. По словам американского социолога К. Хоув, «результатом этого классового компромисса стало участие труда в холодной войне против иностранных профсоюзов с целью предотвращения восприимчивости ими и доминирования в них антикапиталистических фракций и идеологий» [3, с. 1].

Услуги лидеров АФТ-КПП капиталу оплачивались его уступками труду. Однако, как отмечает К. Хоув: «В 1980-е гг. кризис империализма лишил американский капитал способности поддерживать экономические выгоды для обеспечения классового компромисса» [3, с. 1]. В этих условиях для «усмирения» воинственных профсоюзов использовались две стратегии: 1) инкорпорирование организованного труда в структуры бизнеса; 2) прямые атаки на профсоюзы и все формы корпоративного посредничества. Развал мировой социалистической системы повлек за собой отказ капитала от анти-

коммунистических услуг АФТ-КПП и обусловил социальный реванш и наступление буржуазии на уровень жизни и права профсоюзов в США.

Жестокое подавление забастовки авиадиспетчеров Р.Рейганом в 1981 г. стало сигналом к ограничению использования «коллективного изъятия труда на работодателя группой работников данного работодателя» [4, р. 4] в коллективно-договорном процессе и разгрому тред-юнионов. В результате ежегодное количество стачек в США, которое в «золотой век капитализма» выражалось трехзначными цифрами, в последние годы не достигает и десяти забастовок в год, а охват рабочих профсоюзами снизился в три раза – с 33,4% в 1945 г. до 11,1% в 2014 г. [5]. Падение плотности профсоюзов привело к стагнации зарплаты, ухудшению условий занятости и росту колоссального неравенства в самой богатой стране капиталистического мира.

Как известно, возможность экономического давления профсоюзов на «капитанов индустрии» с помощью стачки выполняет двойную функцию: достижения поставленных целей в борьбе с капиталом и обуздания «жажды наживы» капиталистов. С ограничением права на забастовку и сокращением юнионизации рабочих профсоюзы почти утратили влияние на распределение национального дохода, что привело к баснословному обогащению магнатов большого бизнеса и росту беспрецедентного неравенства в США.

Зарплата членов профсоюзов обычно на 15% выше по сравнению с неюнионизированными рабочими в США. В других развитых странах она на 5-10% выше [6, р. 7]. Как правило, повышение зарплаты членам профсоюзов служит «ориентиром» для других работодателей в увеличении зарплаты неюнионизированным рабочим с целью предотвращения создания ими профорганизаций. Практика трудовых отношений в США убедительно свидетельствует о том, что чем ниже плотность профсоюзов, тем выше социально-экономическое неравенство и пропасть в доходах между «клубом избранных» и остальным населением страны. Эта зависимость хорошо видна на примере распределения доходов в США в послевоенные десятилетия.

В результате сокращения членства в американских профсоюзах в послевоенные годы до 11,1% в 2014 г. доля доходов верхних 10% населения США достигла 47,2%. Для сравнения отметим, что когда членская база тред-юнионов США достигла апогея в 1945 г. (33,4%), доля доходов 10% американцев, находящихся на вершине социальной пирамиды США, составляла 32,6% [5]. Данные о расширении неравенства в связи с засильем неолиберализма говорят о том, что «гипотеза о просачивании богатства сверху вниз» основывается не на различии равенства возможностей и равенства результатов, а на их абсолютном противопоставлении [7, с. 200].

Сегодня 20 сверхбогатых американцев обладают большим богатством, чем нижние 50% населения США – 152 млн. чел. в 57 млн. домохозяйств [8]. Жадность двух десятков миллиардеров – одна из главных причин нынешнего кризиса в американском обществе, в результате которого каждые 38 секунд один гражданин умирает от бедности и социальных условий, связанных с бедностью. Концентрация большей части богатства в США в руках 400 сверхбогачей, – отмечает исследовательница Р. Сан, – является «отвратительным результатом сотен лет эксплуатации, завоеваний, колонизаций, рабства, подневольного наемного труда, обусловленных договорами порабощения, неволи, войн, милитаризма, кланового капитализма, потогонных цехов, низких зарплат, уничтожения земли, геноцида коренных народов, расизма, сексизма и тирании» [9]. Обогащение одних и обнищание других также происходит в результате насаждения «нищенских зарплат» в США.

Минимальная зарплата в США равняется 7,25 долл. в час, что не обеспечивает величину прожиточного уровня. Одной из причин стагнации заработков рабочих с 1970-х гг. стал отказ от фордизма, который связывал рост зарплаты с повышением производительности. «Если бы минимальный размер оплаты труда в США соответствовал среднему росту производительности, то сегодня он должен был составлять \$ 17 в час. Однако результаты такого роста, которые в большинстве своем сказываются на прибыли компании, оседают в карманах акционеров и директоров, но обходят стороной рабочих» [10, с. 84].

В результате сегодня 26 млн. американцев, имеющих от 2 до 4 детей, трудятся на 2-3 работах, зарабатывая около 27 тыс. долл. в год [11]. Но этим не исчерпываются все пороки американского образа жизни. К ним следует добавить, что из стран «золотого миллиарда» самая большая продолжительность рабочего времени в США, они являются единственной страной в развитом мире, в которой компании не обязаны оплачивать отпуск или праздники сотрудникам. Все это разрушает иллюзии об американской «индустриальной демократии» в среде тех, кто не так давно мечтал «жить, как в Америке». С каждым днем американская модель трудовых отношений теряет свою привлекательность в качестве «липкой» силы вместе с верой в целесообразность повторения «американской мечты» в других странах.

Литература

1. Митчель Дж. Организованный труд. М. (Б. г.). 68 с.
2. Словарь американской истории / Под ред. Т. Первиса; Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 2007. 655 с.
3. Howe C. The Politics of Class Compromise in an International Context: Consideration for a New Strategy for Labor / Carolyn Howe // Review of Radical Political Economy. Fall 1986. Pp. 1-22.

4. Walder A.G. After State Socialism: The Political Origins of Transitional Recessions – Andrew G. Walder, Andrew Isaacson, Qunglian Lu // American Sociological Review. 2015, April. Pp. 444-468.

5. Mishel L. As union membership has fallen, the top 10 percent have been getting a larger share of income / Lawrence Mishel, Jessica Schieder [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www.epi.org/publication/as-union-membership-has-fallen-the-top-10-percent-have-been-getting-a-larger-share-of-income>. (Дата обращения: 16.06.2016).

6. Aidt T. Unions and Collective Bargaining: Economic Effects in a Global Environment. / Toke Aidt, Zafiris Tzannatos. Washington (D.C): THE WORLD BANK. 2002. 168 p.

7. Куиггин Дж. Зомби-экономика: Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас [Текст] / Дж.Куиггин / пер. с англ. А.Гусева; под науч. ред. А.Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 272 с.

8. Collins C. Billionaire Bonanza: The Forbes 400 and the Rest of Us. Wealthiest 20 people own more wealth than half the American population [Electronic resource] / Chuck Collins, Josh Hoxie. Режим доступа: <http://www.ips-dc.org/billionaire-bonanza/>. (Дата обращения: 16.06.2016).

9. Sun R. Sipping Champagne on the Titanic: Twenty Billionaires Own More Than the Bottom Half of Americans [Electronic resource] / Rivera Sun. Режим доступа: <http://www.alternet.org/economy/sipping-champagne-titanic-twenty-billionaires-own-more-bottom-half-americans>. (Дата обращения: 16.06.2016).

10. Котлер Ф. Конец капитализма? 14 антидотов от болезней рыночной экономики / Котлер Филипп; [Пер. с англ. К. Шашаковой]. М.: Эксмо, 2016. 288 с.

11. Durden T. 26 Million Americans Are Now "Too Poor To Shop" Study Finds [Electronic resource] / Tyler Durden. Режим доступа: <http://www.zerohedge.com/news/2016-07-08/26-million-americans-are-now-too-poor-shop-study-finds>. (Дата обращения: 16.06.2016).

**ПОМОГАЮЩИЕ ПРОФЕССИИ:
ПЕРЕСМОТР АНАЛИТИЧЕСКИХ ПЕРСПЕКТИВ
HELPING PROFESSIONS: REVIEW
OF ANALYTICAL PERSPECTIVES**

Е.С. Богомякова

Санкт-Петербургский государственный университет

E.S. Bogomiagkova

Saint Petersburg State University

Обсуждаются основания распространенного и часто не рефлексированного социологического взгляда на работу с группами риска. Критически рассмотрены концепция власти-знания М. Фуко и публичная социология М. Буравого. Предлагается пересмотреть указанные перспективы и анализировать специалистов «помогающих профессий» как сообщество со своими ценностями, потребностями и интересами.

The article discusses the foundation of the common and often not consciousness sociological approach to working with risk groups. The concept of power-knowledge by M. Foucault and ideas of public sociology by M. Burawoy were critically examined. It is proposed to review these perspectives and to consider professionals as a community with its own values, needs and interests.

Ключевые слова: помогающие профессии, власть-знание, М. Фуко, М. Буравой, публичная социология, профессиональные сообщества.

Keywords: «helping professions», the power of knowledge, M. Foucault, M. Burawoy, public sociology, professional community.

Профессии типа «человек – человек» традиционно привлекают внимание современных социологов и социальных антропологов. В специальной литературе и публичном дискурсе используется термин «помогающие профессии», подчеркивающий, что основной задачей данной деятельности является выявление и решение проблем других людей, оказание комплексной помощи. Чаще всего к данному классу специальностей относят медицину, социальную работу, психиатрию, психологию, образование (дошкольное, школьное и даже вузовское) и т.д.

Группу «помогающих профессий» отличает тесное повседневное межличностное взаимодействие лицом к лицу с потребителями услуг, клиентами. Постоянная необходимость общения с людьми, находящимися в сложной жизненной ситуации, риск чрезмерного погружения в проблемы клиента оказывают постепенное, но, тем не менее, сильное влияние на способность специалиста выполнять свои функции и способствуют появлению синдрома эмоционального выгорания (burnout). Особую группу в рамках «помогающих профессий» составляют специалисты, работающие с так называемыми группами риска – представителями населения, наиболее уязвимыми к определённым медицинским, социальным обстоятельствам или воздействию окружающей среды. Мы остановимся на рассмотрении профессионалов – врачей-инфекционистов, врачей-наркологов, психологов, социальных работников, оказывающих помощь ВИЧ-инфицированным наркозависимым пациентам. В фокусе нашего внимания оказываются трудности и противоречия социологической интерпретации, объяснения и анализа указанных профессиональных групп, а также возможные перспективы пересмотра аналитических социологических перспектив.

Существует значительное количество подходов к профессиям и профессиональным сообществам – функционалистский, атрибутивный, критический, интерпретативный [1]. Мы не будем здесь касаться их напрямую, а скорее рассмотрим основания традиционного, часто не рефлексированного социологического взгляда на работу с группами риска (наркозависимыми, ВИЧ-инфицированными и т.д.). Анализ современных социологических публикаций демонстрирует однозначную интерпретацию оказания помощи группам риска как дискриминирующей, стигматизирующей, исключаяющей, ущемляющей права и интересы клиентов деятельности. Мы попытаемся обозначить основания подобных точек зрения.

Во-первых, речь идет о концепции власти-знания М. Фуко. Медики позиционируются как группа, обладающая властью классификаций индивидов и групп, основанной на специфическом знании о человеческом теле, здоровье и болезни, жизни и смерти. Медицинское знание понимается как поле власти, как определенная идеология, которая «воспроизводит неравное распределение власти между социальными классами» [1, с. 112]. В этом смысле, «изучение взаимоотношений врачей с пациентами в социальных науках все больше фокусируется на понимании способов, с помощью которых медицинское экспертное знание практикует и легитимирует свою власть» [1, с. 25]. Подобная логика относится и к интерпретации других профессий.

Во-вторых, можно отметить получающие все большее распространение идеи публичной социологии М. Буравого, когда социолог должен работать «в тесной связи с видимым, насыщенным, активным, местным и зачастую протестным сообществом, контр-публикой» [4]. Призыв Буравого к социологическому сообществу стать выразителем интересов исключаемых групп с энтузиазмом был воспринят, и в результате мы можем наблюдать значительное число исследований, посвященных социальным проблемам, жизненным траекториям дискриминируемых групп – ВИЧ-инфицированных, наркопотребителей, бездомных, людей, вышедших из мест лишения свободы, и т.д., а основной категорией анализа становится категория «исключения». При этом, службы оказания помощи однозначно рассматриваются как те, кто доминирующие и угнетающие.

Эти две тенденции сейчас фактически объединились. Предлагая дать голос представителям уязвимых групп, исследователи забывают дать голос специалистам «помогающих профессий». Наиболее распространенным выводом становится вывод о дискриминации и стигматизации клиентов медиками и сотрудниками социальных служб. Социологи попадают в своеобразную ловушку – они изначально стремятся найти и находят примеры подобной дискриминации, подтверждая собственные послышки, реализуют социологическую власть-знание.

Перемещая фокус внимания с «тех, кого клеймят, на тех, кто клеймит», исследователи изначально маркируют службы помощи как основное препятствие на пути реализации интересов и удовлетворения потребностей уязвимых групп. Переворачивая одну асимметрию во взаимодействии специалистов и клиентов, социологи создают другую. Теперь в уязвимой позиции оказывается сообщество специалистов. Эти выводы позволяет сделать, в том числе, многолетний опыт работы и исследования специалистов, работающих с ВИЧ-инфицированными наркозависимыми пациентами.

Однако, М. Буравой недаром задает вопрос, «публичная социология для кого?». В этой перспективе, «помогающие профессии» также могут быть рассмотрены как специфическое сообщество, как группа, обладающая собственными ценностями, интересами и потребностями. Социологам оказывается трудно увидеть в этих специалистах еще одно сообщество, которое в условиях распространения ВИЧ-инфекции и наркомании и сопутствующих социальных проблем, отсутствия адекватных систем и способов оказания помощи также оказывается страдающей стороной.

ВИЧ-инфицированные наркозависимые – это группа, обладающая специфическими поведенческими, психологическими, социальными и даже духовными характеристиками. Речь не идет о правовой стороне вопроса. Однако, упускается из вида тот факт, что наркозависимый – это пациент, требующий определенных технологий работы. Вопросы взаимодействия специалистов и клиентов остаются за рамками внимания социологов, а технологический, организационный компонент в работе специалистов, в отличие от нормативного, часто упускается из вида.

Необходимо учитывать российский контекст оказания помощи ВИЧ-инфицированным наркозависимым – образование и формирование компетенций специалистов, организационные характеристики, включающие временные, интеллектуальные, эмоциональные затраты, требования соблюдения протоколов работы с пациентами, отсутствие системы психологической помощи и профилактики эмоционального выгорания, трудности взаимодействия и координации деятельности между разными службами и специалистами. Социологи могут стать выразителями интересов сообщества «помогающих профессий», а решение и учет их внутренних проблем в итоге позволяют более эффективно оказывать помощь представителями уязвимых групп. Сообщество пациентов и сообщество специалистов оказываются связанными, а сложившиеся системы неравенства позиций должны быть пересмотрены. Требуется трансформация социологического видения процесса оказания помощи группам риска в направлении рассмотрения специалистов как сообщества со своими потребностями и интересами, а не только как профессионалов, выполняющих конкретные функции.

Литература

1. Романов П., Ярская-Смирнова Е. Социология профессий: аналитические перспективы и методология исследований. (Библиотека Журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», 2015. 234 с.
2. Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ: теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный центр, 2008.
3. Ривкин-Фиш М., Самохвалов В. Сексуальное образование и развитие личности: переосмысление профессиональной власти // Здоровье и доверие: гендерный подход к ре-

продуктивной медицине: Сб. ст. / Под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. СПб.: Изд-во Европ ун-та в С.-Петербурге, 2009.

4. Буравой М. За публичную социологию // Общественная роль социологии / Под ред. П. Романова и Е. Ярской-Смирновой (Из библиотеки журнала исследований социальной политики). М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2008. С. 8-52.

**УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬ УСЛОВИЯМИ ТРУДА МОЛОДЫХ
СПЕЦИАЛИСТОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО КЛАСТЕРА**
**THE SATISFACTION OF WORKING CONDITIONS AMONG YOUNG
PROFESSIONALS OF AEROSPACE CLUSTER ENTERPRISES**

В.Ю. Бочаров, Ю.В. Васькина
Самарский национальный исследовательский университет
V.Y. Bocharov, J.V. Vaskina
Samara National Research University

Рассматривается уровень удовлетворенности условиями труда молодых специалистов предприятий аэрокосмического кластера. Приведены основные причины неудовлетворенности условиями труда и показано влияние уровня удовлетворенности условиями труда на потенциальную текучесть персонала. Продемонстрирована связь между восприятием студентами условий труда и мотивацией трудоустройства на предприятие. Анализ сделан на основе данных исследования, проведенного по программе мониторинга социально-трудовой сферы обрабатывающих производств в одном из регионов Поволжья осенью 2014 г.

This article deals with the point: how young professionals of aerospace cluster enterprises are satisfied with the working conditions. Here we are presenting the main reasons of dissatisfaction with working conditions and showing the influence of the level of satisfaction with the working conditions at the potential staff turnover. We are also demonstrating the relation between the students' perception of working conditions and motivation to find a job on the enterprise. The analysis is done on the base of study conducted in accordance with the monitoring program of social and labor sphere of the manufacturing industries in one of the Volga regions in the autumn of 2014.

Ключевые слова: мониторинг социально-трудовой сферы, условия труда, молодые специалисты, мотивация трудоустройства.

Keywords: monitoring research of social and labour sphere, working conditions, young professionals, motivation for employment.

Исследователи НИИ социальных технологий Самарского госуниверситета 20 лет осуществляют систематический анализ состояния социально-трудовой сферы промышленных предприятий. Заказчиком исследований является областное Правительство. Научное руководство проектом осуществляет Н.В.

Авдошина – директор НИИ социальных технологий Самарского университета. Авторы статьи являются сотрудниками этого НИИ и участвуют в исследованиях с 2000 г. Мониторинговые исследования промышленных предприятий и методология исследований в режиме мониторинга изложены в следующих публикациях: [1, с. 144-156; 2, с. 41-50; 3, с. 415-423]

Приведем данные массового опроса молодых специалистов (до 30 лет) предприятий аэрокосмического кластера одного из регионов Поволжья (N=120) осени 2014 г. Некоторые результаты, полученные в ходе анализа состояния других аспектов социально-трудовой сферы предприятий аэрокосмического кластера, изложены в следующих статьях: [4, с. 13-17; 5, с. 28-35; 6, с. 14-19; 7, с. 7-12; 8, с. 236-265].

Благоприятные условия труда, современная культура содержания производственных помещений и снижение утомляемости людей, а также охрана их здоровья в современном промышленном мире уже давно стали не подвергающейся сомнению нормой, подтверждающей состоятельность производственной организации. Для современного работника, а, тем более, молодого, впервые приходящего на предприятие, состояние условий труда, помещений, в которых работают люди, становятся немаловажным аргументом в пользу выбора места своей будущей работы и специальности. Для уже работающих на предприятии степень удовлетворенности условиями труда становится важной составляющей их отношения к работе и вносит свой вклад в формирование стабильности или текучести кадров. Результаты опроса показали, что три четверти опрошенных молодых специалистов удовлетворены условиями своего труда (таблица 1).

Таблица 1

Удовлетворенность респондентов условиями труда (в процентах)

Категории молодых специалистов	Удовлетворены в той или иной мере	Не удовлетворены в той или иной мере	Затруднились ответить	Итого
Рабочие	71,4	20,4	8,2	100,0
ИТР	81,7	15,5	2,8	100,0
<i>В среднем по массиву</i>	<i>77,5</i>	<i>17,5</i>	<i>5,0</i>	<i>100,0</i>

Доля работников, не удовлетворенных условиями труда, в 5 раз меньше, чем удовлетворенных, но даже такая доля неудовлетворенных не может оставаться за пределами внимания администрации предприятий. Ведь это говорит о том, что практически каждый пятый работающий молодой специалист не рассматривает условия своего труда как нормальные. Удовлетворен-

ность условиями труда у рабочих ниже, чем у ИТР, и среди них уже почти каждый третий не дает положительной оценки условиям, в которых он трудится. Это видно и по величине индекса удовлетворенности:

<i>Категории работников</i>	<i>Индекс удовлетворенности</i>
<i>условиями труда</i>	
Рабочие	0,47
ИТР	0,57
<i>В среднем по массиву</i>	<i>0,53</i>

Различия индексов связаны с различиями в условиях, в которых трудятся рабочие и инженерно-технические работники. Последняя группа работников чаще размещается не в цехах, а в отделах, где менее шумно, иной температурный режим и т.д. Молодые специалисты-рабочие трудятся в разных подразделениях и далеко не в одинаковых условиях. Цеха отличаются друг от друга по состоянию оборудования, санитарно-гигиеническим условиям труда и состоянию производственных помещений. Вот цитата из интервью с одним из молодых специалистов: *«Вы знаете, я работаю в показательном цехе, там очень чисто, туда постоянно приглашают разных зарубежных гостей, разных важных персон. В моём цехе молодым специалистам нравится работать»*. В ряде других интервью респонденты отмечали, что на производстве идет улучшение бытовых условий, выполняется ремонт производственных помещений, устанавливаются системы вентиляции. Несмотря на то, что ремонт причиняет определенные неудобства, молодые работники отмечали, что ожидают улучшения условий труда. Однако такие позитивные перемены происходят далеко не на всех производствах и не во всех подразделениях. В этой связи на одном и том же предприятии специалисты одной и той же профессии могут работать в разных условиях.

В настоящее время на предприятиях установлено оборудование разных лет производства. Часть этого оборудования вполне современная. Операторы на нем работают «в пиджаках», не соприкасаясь с изготавливаемыми деталями, смазочными материалами и т.п.: они задают программу и контролируют её исполнение. Такие работники в большей мере удовлетворены условиями труда. Те же, кто работают на оборудовании старых образцов, сталкиваются с такими аспектами, как необходимость постоянного подъёма тяжестей, работа в неопрятных условиях, с устранением постоянных поломок и аварийных ситуаций, и они вполне естественно имеют прямо противоположное мнение по поводу условий труда. Их удовлетворенность условиями труда ниже. К неудовлетворительным условиям работники относят и несоблюдение теплового режима, наличие сквозняков и тесноту в рабочих помещениях.

Необходимо признать, что условия труда – это более объёмная категория, чем состояние непосредственно рабочего места. И молодые специалисты высказали в ходе опроса значительное число замечаний по этому поводу.

Причины неудовлетворенности условиями труда разных групп работников приведены в таблице 2. На вопрос о причинах неудовлетворенности отвечали только те, кто на вопрос о степени удовлетворенности ответили, что не удовлетворены условиями труда.

Таблица 2

Причины неудовлетворенности условиями труда (в процентах*, ранжировано по мере частоты упоминания в среднем по массиву опрошенных)

Варианты ответов	Рабочие	ИТР	В среднем
Сквозняки, несоблюдение температурного режима	68,8	23,1	48,3
Плохое обеспечение рабочим инструментом, дефицит запчастей	62,5	23,1	44,4
Плохая организация рабочего места	31,3	46,2	37,9
Плохое состояние и содержание производственного помещения	6,3	53,8	27,6
Плохие санитарно-гигиенические условия (отсутствие вентиляции, отопления, плохое состояние душа и туалета, грязь в помещении, плохое освещение и т.д.)	37,5	15,4	27,6
Физически тяжелый ручной труд	12,5	7,7	10,3

**Примечание: Сумма ответов больше 100%, так как респонденты могли выбрать более 1 варианта ответов.*

Наиболее распространенные причины неудовлетворённости условиями труда – сквозняки и несоблюдение температурного режима, а также плохое обеспечение рабочим инструментом и дефицит запчастей, – их называют около 2/3 рабочих и почти 1/4 ИТР. Плохая организация рабочего места занимает третье место в списке причин неудовлетворенности, но она в большей мере беспокоит инженерно-технических работников. Около 1/4 опрошенных отметили плохие санитарно-гигиенические условия (более актуальные для рабочих) и плохое состояние и содержание производственных помещений. Последняя проблема затрагивает половину ИТР и только некоторых рабочих.

Известно, что неудовлетворенность условиями труда в значительной степени влияет на общее состояние удовлетворенности работой на предприятии и формирует отношение работника к смене места работы. Ниже приведены размеры потенциальной текучести (доля желающих сменить место работы) в зависимости от удовлетворенности условиями труда.

<i>Степень удовлетворенности условиями труда</i>	<i>Доля желающих сменить работу</i>
Вполне удовлетворены	8,6%
Скорее удовлетворены	8,1%
Скорее не удовлетворены	44,4%
Совершенно не удовлетворены	50,0%.

Условия труда на производстве являются одним из тех элементов, которые формируют мотивацию студентов, пришедших на практику, пойти работать на данное промышленное предприятие. Так, по результатам анкетного опроса, 48,9% студентов учебных заведений, прошедших производственную практику, ответили, что им не понравились условия труда. В ходе интервью обучающиеся неоднократно упоминали «грязь» как неотъемлемую характеристику работы на производстве. Среди студентов есть те, кто готов принять подобные условия труда, «потерпеть» некоторое время после приема на работу, и если получится, начать карьерный рост, в результате которого перейти в лучшие условия труда. Но в случае, если их ожидания не оправдаются, они намереваются уйти из производства.

Ниже приведены данные, иллюстрирующие зависимость желания студентов пойти работать на промышленное предприятие от того впечатления, которое на них произвели условия труда во время прохождения практики.

<i>Впечатление от предприятия</i>	<i>Доля собирающихся трудоустроиться в промышленность</i>
Интересно, все понравилось	89,3%
Работа интересная, условия труда не понравились	62,5%
Условия труда хорошие, работа не понравилась	40,0%
Не понравились ни работа, ни и условия	15,4%.

Таким образом, состояние условий и безопасности работы имеют большое значение для принятия студентами решения о том, стоит ли трудоустроиться в производственные организации. Следовательно, создание хороших условий труда важно не только для повышения удовлетворенности работой уже занятых на производстве, но и для привлечения новых кадров.

Литература

1. Авдошина Н.В. Социально-трудовая сфера как объект социологического анализа // Проблемы труда, трудовых отношений и качества жизни: сб. науч. материалов Всероссийской научно-практической конференции, Самара, 11-12 октября 2007 г. Самара: Изд-во «Универс групп». 2007. С. 144-156.
2. Тукумцев Б.Г. Самарский мониторинг социально-трудовой сферы // Социологические исследования. 2001. №7. С. 41-50.
3. Тукумцев Б.Г. Из истории Самарского мониторинга социально-трудовой сферы Юбилейный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и магистрантов социо-

логического факультета Самарского государственного университета. Самара: Изд-во «Самарский университет». 2014. С. 415-423.

4. Авдошина Н.В. Молодые специалисты на современном производстве: проблемы адаптации // Экономика и социология. 2015. № 25. С. 13-17.

5. Бочаров В.Ю. Уровень мотивации молодых специалистов промышленных предприятий к труду / Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Т.1. Пермь: ПНИПУ. 2015. С. 28-35.

6. Бочаров В.Ю. Состояние коллективно-договорной практики на отечественных предприятиях аэрокосмического кластера // Экономика и социология. 2014. №24. С. 14-19.

7. Васькина Ю.В. Взаимодействие образовательных и производственных организаций в сфере подготовки молодых кадров для промышленности // Экономика и социология. 2014. № 21. С. 7-12.

8. Васькина Ю.В. Заработная плата и уровень жизни работников промышленности Поволжья // Петербургская социология сегодня – 2015: сборник научных трудов Социологического института РАН. Вып. 6. СПб.: «Нестор-История». 2015. С. 236-265.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РАЗВИТИЯ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОГРЕССА

RELATIONSHIPS BETWEEN HELPING PROFESSIONS AND ECONOMIC PROGRESS IN THEIR DEVELOPMENT

А.А. Былинская
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.A. Bylinskaya
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются экономические предпосылки формирования помогающих профессий как следствия повышения производительности труда и увеличения свободного времени.

Economic prerequisites of the helping professions as the result of the labor productivity improvement and free time increase are considered.

Ключевые слова: экономические основы помогающих профессий, свободное время, общественные потребности.

Keywords: economic basis of helping professions, free time, social needs.

Основой социально-экономического развития является экономический прогресс. Под экономическим прогрессом мы понимаем поступательное развитие экономической системы, основу которого формирует прогресс в развитии науки, техники и технологий, обеспечивающий всестороннее развитие всех элементов общественных производительных сил, формирующий основу воспроизводства общества и человека.

Экономический прогресс имеет ряд составляющих, на основе которых возможны межстрановые сопоставления экономического развития, позволяющие отнести те или иные страны к категории развитых или развивающихся.

В итоге именно экономический прогресс обеспечивает рост общественной производительности труда, повышая эффективность производства, и давая возможность для высвобождения части производительных работников из сферы материального производства в непроизводственную сферу, давая возможность для развития непроизводственной деятельности.

Прогресс экономического развития может оцениваться на основе анализа долгосрочных тенденций динамики рабочего и свободного времени общества. Оценка времени – это, пожалуй, единственный достоверный способ выявить не только затраты труда и его результаты, но и долгосрочные тенденции общественно-экономического развития, обосновать проявление основных экономических законов, таких как закон общественного разделения труда, закон перемены труда и закон обобществления труда. Распределение времени по дням, часам и минутам – хороший способ для расчетов и анализа результатов.

В структуру свободного времени и времени непроизводительной деятельности среднестатистического американца в 2014 г., включались:

- забота о себе;
- питание;
- время на приобретение товаров и услуг;
- забота и помощь членам домашнего хозяйства;
- забота и помощь не членам семьи;
- образование;
- организационная, гражданская и религиозная деятельность;
- досуг и спорт;
- телефонные разговоры, переписка и электронная почта;
- иные, неучтенные виды деятельности.

На основе имеющихся данных можно увидеть и структуру производительного труда, включающую:

- работу и связанные с ней виды деятельности;
- домашние занятия

На основе данных таблицы 1 можно провести расчеты индивидуальной дневной нормы свободного времени по формуле:

$$N = \frac{T_{но} + T_{ни}}{T_{ро} + T_{ри}}, \text{ где}$$

$T_{но}$ – дневное количество часов непроизводительного труда, удовлетворяющего общественные потребности в расчете на одного человека;

$T_{ни}$ – дневное количество часов свободной деятельности, непосредственно удовлетворяющей индивидуальные (семейные) потребности в расчете на одного человека;

T_{po} – дневное количество часов общественно-производительного труда в расчете на одного человека;

$T_{ри}$ – дневное количество часов труда в домашнем хозяйстве в расчете на одного человека.

Индивидуальная дневная норма свободного времени американца в 2014 году составила 3,52, причем для мужчин она составила 3,23, а для женщин 3,73, тем самым на один час производительного труда в современной американской экономике приходится примерно 3,5 часа сэкономленного непроизводительного труда для осуществления свободной деятельности.

Что касается стран Западной Европы, то имеющаяся статистика также позволяет рассчитать данный показатель (табл. 1, 2):

Таблица 1

Дневная норма свободного времени в 2014 году в европейских странах для населения в возрасте от 20 до 74 лет (женщины)

Страна	Свободное время	Приготовление пищи и забота о себе	Сон	Путешествия	Труд в домашнем хозяйстве	Оплачиваемый труд и обучение	Дневная норма свободного времени
Бельгия	4:50	2:43	8:29	1:19	4:32	2:07	2,568
Дания	5:24	2:43	8:19	1:18	4:11	2:05	2,766
Франция	4:08	3:02	8:55	0:54	4:30	2:31	2,449
Венгрия	4:38	2:19	8:42	0:51	4:57	2:32	2,249
Словения	4:29	2:08	8:24	1:02	4:57	2:59	2,183
Швеция	5:03	2:28	8:11	1:23	3:42	4:15	2,392
Финляндия	5:29	2:06	8:32	1:07	3:56	2:49	2,767
Великобритания	5:05	2:16	8:27	1:25	4:15	2:33	2,582
Норвегия	5:52	1:58	8:10	1:11	3:47	3:03	2,509

Рассчитано на основе данных [1]

Таблица 2

Дневная норма свободного времени в 2014 году в европейских странах для населения в возрасте от 20 до 74 лет (мужчины)

Страна	Свободное время	Приготовление пищи и забота о себе	Сон	Путешествия	Труд в домашнем хозяйстве	Оплачиваемый труд и обучение	Дневная норма свободного времени
Бельгия	5:22	2:40	8:15	1:35	2:38	3:30	3,014
Дания	5:53	2:33	8:12	1:27	2:21	3:35	2,869
Франция	4:46	3:01	8:45	1:03	2:22	4:03	2,712
Венгрия	5:29	2:31	8:31	1:03	2:39	3:46	2,896
Словения	5:34	2:13	8:17	1:09	2:39	4:07	2,590

Швеция	5:24	2:11	8:01	1:30	2:29	4:25	2,547
Финляндия	6:08	2:01	8:22	1:12	2:16	4:01	2,825
Великобритания	5:30	2:04	8:18	1:30	2:18	4:18	2,644
Норвегия	6:03	1:47	7:57	1:20	2:22	4:31	2,308

Рассчитано на основе данных [1]

Приведенные данные характеризуют статическое состояние, не отражая динамики, но на основе данных за различные периоды для ряда стран могут быть проанализированы происходящие изменения, сделаны межстрановые сопоставления, выявлены изменения и тенденции. Таким образом, все больше национальных экономик на современном этапе реализуют на практике закон экономии рабочего времени [2], что «позволяет высвободить время для непроизводительной деятельности, удовлетворяющей интеллектуальные, эстетические и иные потребности общества» [3], другими словами, постоянно увеличивать общественную и индивидуальную нормы свободного времени. Как следствие, действия фундаментального экономического закона – «закона возвышения потребностей», потребности человека и общества возрастают, круг видов деятельности, не связанных с оплачиваемым трудом, расширяется, следовательно, требуется высвобождение времени для неоплачиваемого труда и иных видов неоплачиваемой деятельности, включая благотворительность и т.п. Одновременно с этим развитие производства и внедрение в него результатов науки, техники и новых технологий обеспечивает возможность для высвобождения времени из производственной сферы в сферы непроизводительного труда, что также создает предпосылки для развития помогающих профессий.

В основе помогающих профессий лежат социально-экономические отношения как субъектно-объектные, так и субъектно-субъектные, включающие социально-трудовые. Тем самым предпосылкой становления и развития помогающих профессий как профессиональной деятельности является высвобождение времени из непосредственно производительной сферы. Как отмечалось ранее, «Среди экономических мотивов для любого работника, бесспорно, основным является заработная плата. В работе социального работника ключевым словом является «помощь» [4].

Способствуя высвобождению времени, его перераспределению из одних сфер в другие, экономический прогресс обеспечивает прогресс в развитии социально-трудовых отношений, способствуя появлению и развитию помогающей деятельности как профессиональной деятельности, имеющей как социальные, так и экономические основы.

Литература

1. Quality report of the European Union Labour Force Survey – 2014, 2015 edition. Eurostat Statistical working papers [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ec.europa.eu/eurostat/documents/3888793/7018>. (Дата обращения: 11.12.2015).
2. Полушкина И.Н., Бузмакова М.В. Противоречия развития производства и потребления на современном этапе развития экономики // Экономика и предпринимательство. 2016. № 6 (71). С. 695-701.
3. Золотов А.В. Развитие производительных сил и закон экономии свободного времени // Экономист. 2012. С. 50-59.
4. Былинская А.А. Экономические аспекты мотивации социальных работников // В книге: «Специфика профессиональной деятельности социальных работников» К 100-летию Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. С. 613-617.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОРТРЕТ СПЕЦИАЛИСТА ПО РАБОТЕ С МОЛОДЕЖЬЮ PROFESSIONAL AND PERSONAL PORTRAIT OF THE PROFESSIONAL WORKING WITH YOUTH PEOPLE

О.А. Воронина

Вятский государственный университет

О.А. Voronina

Vyatka state University

Дана характеристика профессионального портрета «помогающей профессии» – специалиста по работе с молодежью по следующим параметрам: группа профессий, предмет деятельности, цель, средства, условия труда. Представлены личностные качества специалиста: психофизиологические, ценностно-мотивационные, психологические и социальные.

In the article the characteristic of a professional portrait of «the helping profession» – the professional working with young people in the following parameters is given: group of professions, object of activity, purpose, means, working conditions. Personal qualities are presented: psychophysiological, valuable and motivational, psychological and social.

Ключевые слова: специалист по работе с молодежью, профессионально важные качества, помогающая профессия.

Keywords: professional working with young people, professionally important qualities, the helping profession.

Исследование профессионально-личностного портрета специалиста по работе с молодежью является актуальным, поскольку именно личностные качества человека во многом определяют эффективность и успешность подготовки студентов к их будущей профессиональной деятельности. Высшее про-

фессиональное образование должно быть ориентировано, прежде всего, на личность специалиста. Значимое количество исследований последних лет показывает, что молодые специалисты различаются не только запасом знаний и умений, но и сформированностью профессионально значимых качеств, что определяет сущность их деятельности.

Понятие «профессионально важные качества» впервые появилось в работах родоначальника профориентации в США Ф. Парсонса. Согласно предложенному им подходу, каждой профессии соответствует набор физических и психологических качеств индивида, а успешность профессиональной деятельности и удовлетворенность профессией находятся в прямой зависимости от степени соответствия индивидуальных качеств и требований к профессии. Ф. Парсонс также признавал изначальную профессиональность человека, его предрасположенность к определённому труду с рождения и поэтому считал, что для выбора профессии достаточно изучить его личностные особенности, поэтому актуальным становится вопрос конкретизации профессионально-личностного портрета представителей разных профессий.

Эта проблема особенно актуальна для такого нового для России вида профессиональной деятельности, как организация работы с молодежью. Вопрос определения портрета специалиста по работе с молодежью затрудняется тем, что существует тесная взаимосвязь данного вида деятельности с другими сферами: социальная работа, образование, социология, психология, государственное и муниципальное управление и др.

Представим характеристику профессионального портрета специалиста по работе с молодежью по следующим параметрам: группа профессий, предмет деятельности, цель, средства, условия труда.

Специалист по работе с молодежью относится к роду «помогающих профессий», предполагающих работу и общение с людьми (система «человек-человек», по Е.А. Климову), то есть к группе профессий социономического типа [1]. Базовой характеристикой помогающих профессий является просоциальная активность личности: достижение таких гуманистических и общественных идеалов, как благополучие, здоровье, высокое качество жизни, развитие индивидов и групп [2].

В этой связи следует подчеркнуть, что предметом деятельности организатора работы с молодежью являются возможности и качество жизнедеятельности как отдельного молодого человека, так и общества, интенсивность и эффективность этих процессов, а также способы и приемы решения проблем удовлетворения потребностей человека в социальных услугах, способствующих преодолению трудной жизненной ситуации. Организатор работы с молодежью координирует деятельность детских и молодежных объединений;

анализирует состояние и разрабатывает меры по организации досуга воспитанников; ведет работу с деструктивными детскими и молодежными неформальными объединениями; прогнозирует и планирует работу с молодежью на курируемой территории; осуществляет работу по защите прав подростков, молодежи, молодых семей; участвует в работе по формированию молодежной политики, развитию сети культурно-просветительских учреждений; способствует формированию общей культуры личности [3].

Профессиональная деятельность может быть классифицирована в зависимости от цели, которую ставит субъект на гностическую (познавательную), преобразующую (изменение и развитие социальной действительности) и изыскательскую, направленную на нахождение новых способов решения задач. Профессиональная деятельность специалиста по работе с молодежью прежде всего предполагает умение ставить и решать задачи преобразования и изыскания новых средств и способов решения этих задач.

Средства труда – это то, чем человек воздействует на предмет труда. К средствам труда относятся транспорт; хозяйственный инвентарь; функциональные характеристики (интеллект, язык, жесты, мимика, зрение, слух); техника (компьютер, робототехнические комплексы) и др. Средства деятельности в помогающих профессиях имеют преимущественно внутренний, функциональный характер, т.е. личностные свойства и способности человека. Следовательно, первостепенная задача специалиста по работе с молодежью состоит в овладении собой, развитии собственных качеств, их эффективного и целесообразного использования. Как правило, в профессиональной деятельности внешние средства носят подчиненный характер.

В анализе профессиональной деятельности Е.А. Климов определяет следующие условия труда: 1) микроклимат, близкий к бытовому, «комнатному»; 2) пребывание на открытом воздухе в любую погоду; 3) работа в необычных производственных условиях на высоте, под водой, под землей, при повышенных и пониженных температурах и т.п. 4) повышенная моральная ответственность за жизнь и здоровье людей [1]. Отметим, что условия труда специалиста по работе с молодежью весьма многообразны: они могут быть как бытовыми, так и связанными с организацией досуга на открытом воздухе вплоть до экстремальных условий (триал, сноубординг, парашютизм, скалолазание, спелеология и др.) Преобладающие условия деятельности специалиста связаны с повышенной моральной ответственностью, включающей в себя этические и моральные требования к личностным особенностям профессионала. Остановимся более подробно на характеристике личностного портрета специалиста по работе с молодежью по следующим параметрам: психофизиологические, ценностно-мотивационные, психологические и социальные.

К психофизиологическим профессионально значимым качествам относятся индивидуальные особенности человека, которые определяют потенциальные или реализуемые способности к эффективному профессиональному обучению и дальнейшей деятельности. Указанные качества формируются на основе генетических, медико-биологических, социальных и психологических факторов. Психофизиологические качества отражают психические процессы (внимание, восприятие, память, мышление, воображение), состояния (усталость, стрессоустойчивость, апатия, депрессия, тревожность), эмоционально-волевые проявления (настойчивость, сдержанность, индифферентность, импульсивность). Деятельность специалиста по работе с молодежью характеризуется рядом специфических особенностей: повышенная ответственность, необходимость постоянно предвосхищать ситуации и принимать согласованные решения, эмоциональное напряжение, обусловленное, например, взаимодействием с «трудными» подростками. Для работы с молодежью необходимо обладать следующими психомоторными качествами: терпеливостью, уравновешенностью и гибкостью.

Можно определить две группы мотивов, актуализирующих профессиональную деятельность специалиста по работе с молодежью: 1) внутренние (стремление к самоутверждению, к саморазвитию, удовлетворение от самого процесса и результата труда, стремление влиять на других людей), 2) внешние (долг и ответственность перед обществом и другими людьми, стремление получить одобрение других людей, желание добиться общественного признания, стремление получить высокий социальный статус и др.). Отметим, что в случае действия внешних мотивов привлекательна не деятельность сама по себе, а только то, что связано с ней (например, престиж, слава, материальное благополучие), чего часто недостаточно для побуждения к деятельности. Важными условиями успешности профессиональной деятельности специалиста помогающей профессии являются такие психологические качества, как ответственность, целеустремленность, увлеченность, заинтересованность, трудолюбие.

Противопоказаниями к осуществлению профессий данного рода являются дефекты речи, невыразительность речи, замкнутость, погруженность в себя, выраженные физические недостатки, излишняя медлительность, равнодушие к людям, отсутствие бескорыстного интереса к человеку.

К социальным качествам можно отнести коммуникабельность, эмпатию, аутентичность, открытость, гуманизм в отношении к окружающим, самокритичность, социальную ответственность за результаты своего труда, привлекательность, красноречие, наблюдательность, доброжелательность и деликат-

ность. Специально необходимо акцентировать внимание на развитии ораторских, организаторских способностей и артистичности.

В завершение необходимо отметить, что в деятельности специалиста по работе с молодежью недостаточно просто обладать набором определенных качеств, важно проявлять творчество, индивидуальность и новаторство в применении различных социальных технологий, что в конечном итоге формирует индивидуальный «почерк» деятельности. Реализация индивидуально-го стиля позволяет достичь наиболее высоких результатов.

Литература

1. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / Е.А. Климов. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 304 с.
2. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010. 264 с.
3. Об утверждении единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих. Раздел «Квалификационные характеристики должностей работников учреждений органов по делам молодежи»: приказ Минздравсоцразвития РФ от 28.11.2008 № 678 // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. 2009. № 2.

НЕОБХОДИМОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАКТИКУ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ГРАЖДАН ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА REQUIREMENT FOR INNOVATION TECHNOLOGIES IMPLEMENTATION IN PRACTICE OF SOCIAL SERVICE OF SENIOR CITIZENS

*Т.С. Гурина, М.В. Гусенкова
Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов
городского округа Сызрань
T.S. Gurina, M.V. Gusenkova
Syzran city district social service center for senior citizens and physically
challenged people*

Рассмотрены инновационные технологии нестационарного социального обслуживания в контексте стратегии социальной модернизации. Описывается внедрение инновационных социальных услуг посредством использования новых коммуникативных и информационных технологий. Дается анализ востребованности социальных услуг для дальнейшего развития нестационарных социальных услуг.

Article is devoted to innovation technologies of non-stationary social service in the context of social modernization. The implementation of innovative social services by means of new communicative and information technologies is described.

The demand analysis of social services for further development of non-stationary social services is given in the article.

Ключевые слова: инновация, нестационарное социальное обслуживание, срочное социальное обслуживание, компьютерная грамотность на дому, добровольчество, школа ухода.

Keywords: innovation, non-stationary social service, time urgent social service, computer literacy at home, volunteering, nursing care education.

В XXI в. наша страна вступила демократическим государством с рыночной экономикой. Определены приоритетные цели социальной политики, которые предусматривают рост инвестиций в человеческий капитал, повышение образовательного и культурного потенциала российского общества, структурные преобразования в социальной сфере.

Основным подходом к реформированию отрасли социального обслуживания стало полное обновление правовой базы, регулирующей социальное обслуживание. С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1].

В современной России у граждан пожилого возраста происходит постепенная переориентация от простого доживания к активному включению в общественную жизнь. Пожилые люди отдают предпочтение формам социального обслуживания, позволяющим развивать физическое здоровье, интеллектуальные способности, поддерживать психо-эмоциональное и духовное состояние в равновесии. В этих условиях традиционные методы обслуживания пожилых людей становятся недостаточными, поэтому не прекращается поиск новых подходов к обеспечению высокого качества социального обслуживания, новых методов предоставления услуг, организации деятельности учреждений социального обслуживания [2].

Однако инновации не могут быть точечными, все принципиальные изменения должны носить комплексный характер. Для этого технологическая задача социальной работы с пожилыми людьми заключается, прежде всего, в выявлении социальной проблемы, от характера которой и будет зависеть определение содержания, инструментарий, формы и методы социальной работы. Внедрение инноваций оправдывается, если служит достижению конкретных приоритетных целей [3].

Сегодня важной задачей социальных работников, специалистов по социальной работе является внедрение в свою практическую деятельность как хорошо зарекомендовавших себя традиционных форм и методов, так и инновационных технологических процедур. Неотъемлемым элементом инновацион-

ных технологий социальной работы должна стать их ориентация на овладение получателем социальных услуг способностей социального самообеспечения, социальной самозащиты.

Основным видом деятельности «Центра социального обслуживания граждан пожилого возраста и инвалидов г.о. Сызрань» (далее Центр) является предоставление нестационарного и срочного социального обслуживания гражданам пожилого возраста и инвалидам, отдельным лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Срочная социальная помощь является наиболее массовой формой социальной поддержки населения. В 2015 г. получателями срочной социальной помощи были 16,5 тыс. чел., более 80% из них – граждане пожилого возраста и инвалиды, 236 чел. получили материальную помощь в виде денежных средств (общий размер помощи составил 666 тыс. руб.).

Отделения социальной обслуживания на дому (21 отделение) занимают особое место в структуре центра социального обслуживания населения. Отход от традиционных стационарных форм и развитие надомного обслуживания пожилых людей является свидетельством меняющихся приоритетов в сфере социального обслуживания и определяет актуальность инновационных форм и методов работы.

Технология надомного социального обслуживания граждан пожилого возраста определяется как одна из приоритетных, обеспечивая одну из главных задач социальных служб – максимальное приближение социальных услуг к месту проживания получателя услуг, реализацию принципа адресности и доступности услуг для маломобильных граждан города.

Ежегодно в отделениях получают социальные услуги более 3,5 тыс. человек, в том числе одиноких и одиноко проживающих – 2,8 тыс. человек, предоставляется более 1 млн. услуг. Охват надомным обслуживанием от общего количества пенсионеров города составляет 5,7%.

В настоящее время Центром внедрены и активно применяются такие технологии социального обслуживания, как мобильные бригады (2011), приемная семья (2011), пункт проката компьютерной техники (2012), Школы реабилитации и ухода за маломобильными гражданами (2011), Социальное такси (2012), обучение компьютерной грамотности на дому (2013), академия безопасности пожилых людей (2014).

В последнее время приобретают популярность и востребованность *информационно-коммуникативные технологии* работы с пожилыми гражданами, которые являются важным средством роста адаптированности и социализированности граждан старшего поколения. С января 2012 г. компьютерные курсы, организованные при Центре на бесплатной основе, окончили 439 чел.

Чтобы удовлетворить просьбу всех желающих, занятия были организованы в две смены.

В 2014 г. впервые начал реализовываться проект «*Ветераны (маломобильные граждане) Самарской области на пути к электронному будущему*», цель которого решить главную проблему – существование в ограниченном пространстве посредством обучения компьютерное грамотности на дому. Первыми участниками стали получатели социальных услуг из надомного обслуживания. С ними широко изучалась методика ведения онлайн-общения посредством программы Skype, что особенно важно для этих граждан. Это позволяет проводить индивидуальные консультации, информировать клиентов.

Для учреждения инновационным является и подключение к надомному обслуживанию добровольцев.

Добровольчество – малозатратная часть социального обслуживания. Так, в Центре к оказанию социальной помощи на дому пожилым людям и инвалидам на добровольной основе привлекаются подростки из числа воспитанников социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Островок», студентов Губернского колледжа отделения «Социальная работа» и волонтеров из числа обучающихся в воскресной школе. Привлечение волонтеров к посильному труду способствует улучшению качества жизни получателей услуг путем расширения перечня предоставляемых услуг, удовлетворения их насущных потребностей и повышения жизненного потенциала [4].

По инициативе ГБУ СО «ЦСО г.о. Сызрань» развивается молодёжное волонтерское движение «Милосердие», организовано шефство школьников и студентов колледжа над престарелыми гражданами и инвалидами, семьями, воспитывающими детей-инвалидов. Активно участвуя в благотворительных акциях «Здесь живет ветеран», «Дом, в котором продолжается жизнь», «Маршрут памяти», «Помоги другу», школьники и студенты под руководством социальных работников оказывают ветеранам и семьям посильную помощь в уборке помещений, подготовке их к зиме, помогают обрабатывать приусадебные участки, заготавливают дрова и т.п. Данную помощь в течение 2015 г. получили 105 чел.

В рамках реализации областной целевой программы «Старшее поколение» и в целях сохранения, укрепления здоровья граждан пожилого возраста и инвалидов на базе отделения социальной реабилитации создана *Школа обучения навыкам общего ухода*.

В «Школе ухода» обучаются социальные работники, пенсионеры, люди с ограниченными возможностями здоровья, их родственники, просто добровольцы. Здесь каждый берет что-то необходимое, конкретно для своей ситуации: навыки медицинских манипуляций, общего ухода, методы самообслуживания.

живания. Обучение включает в себя и освоение теории, и применение ее на практике. Работниками учреждения разработано методическое пособие для специалистов центров социального обслуживания по основам ухода за мало-мобильными пожилыми гражданами и получило широкое распространение среди учреждений нестационарного социального обслуживания Самарской области. В 2015 г. прошли обучение – 128 чел.

Инновационные технологии социальной работы с пожилыми людьми находятся в постоянном развитии. С каждым годом все совершеннее становится законодательно-правовая база, следовательно, повышается качество жизни населения в целом и пожилых людей, в частности. Активное использование инновационных технологий, направленных на когнитивную сферу и восстановление здоровья пожилого человека, требует более глубокого изучения и разработки практических предложений по совершенствованию технологий.

Литература

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>. (Дата обращения: 16.05.2016).
2. Холостова Е.И., Кононова Л.И. Технология социальной работы. М.: "Дашков и К". 2013. 477 с.
3. Гершман М.А. Инновационный менеджмент. М.: Маркет ДС. 2008. 200 с.
4. Ершова Н.Н. Модель привлечения волонтеров к социально-профессиональной работе в подростковой и молодежной среде // Беспризорник. 2007. №2. С. 20-23.

ПОДРОСТКОВАЯ ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ: К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ TEENAGER INTERNET ADDICT: WHAT IS IT

И.А. Исакова, К.В. Ванина

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.A. Isakova, K.V. Vanina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрена проблема выявления и оценки Интернет-зависимости у подростков, приведены авторские данные анализа степени вовлеченности чувашских подростков в глобальную сеть Интернет.

The article is devoted

Ключевые слова: подросток, школа, Интернет, зависимость, фактор

Keywords: teen, school, Internet, addiction, factor

В XXI веке в России феномен Интернет все чаще становится объектом исследований в различных областях научного знания. Большинство сфер жизнедеятельности человека сталкивается с необходимостью использования этой глобальной сети, потому что столько информации нет больше нигде. Но при этом необходимо отметить, что глобальная сеть Интернет имеет как положительные стороны, так и отрицательные, одной из которых является возможность возникновения зависимости от неё.

Сегодня Интернет-зависимость является одной из распространенных проблем, которая влечет отрицательные последствия как для каждого отдельного человека, так и для общества в целом. Зависимость интенсивности использования Интернета от возраста респондентов отмечается во многих исследованиях: чем ниже возраст опрошенных, тем сильнее они вовлечены в Интернет-коммуникацию. По данным ВЦИОМ на март 2014 г., среди ежедневно выходящих в сеть 78% – 18-24-летних и 73% – 25-35-летних россиян [1].

Исследование научно-исследовательского института психического здоровья показало, что один из четырех подростков (24,3%), по крайней мере, три часа в день проводит за компьютером в Интернете, при этом в выходные дни этот процент практически удваивается и достигает 41%. С 2007 г. по 2011 г. число подростков, проводящих за компьютером не менее трех часов каждый день, увеличилось в 4 раза (с 5,7% до 21,7%) [2]. Тенденция показывает резкий рост числа и степени вовлеченности подростков в Интернет. Но свидетельствует ли это о росте угрозы Интернет-зависимости или один из феноменов современной жизни?

Ученые отмечают, что на фоне увеличения времени, проводимого за компьютером, 84% подростков старшего школьного возраста испытывают проблемы в сфере реального общения [3]. Живое общение сводится до минимума, а предпочтение отдается социальным сетям или форумам, на которых подросток проводит своё время.

Интернет-зависимость тормозит вхождение подростка во взрослую жизнь, так как навыки и умения, которыми он должен обзавестись для такой жизни, не приобрести в сети Интернет, а только лишь в жизненной практике, на опыте других людей и своих родителей. Из-за долгого времяпрепровождения в сети подросток может потерять ориентиры в реальном мире, полностью уйдя в мир, созданный Интернетом.

В общем виде Интернет-зависимость определяется как нехимическая зависимость от пользования Интернетом. Во многих определениях присутствует такой компонент, как эмоциональная привязанность к сети, которая проявляется в различных формах: нежелание отвлекаться в комплексе с желанием подключения, нервное состояние при отсутствии возможности пребывания в сети и

др. [4] Немаловажной составляющей в определениях является социальный компонент, который проявляется в уходе от реальной жизни в мир Интернета, в подрыве социальных связей, контактов, в ограничении общений с людьми. Интернет-зависимость может выражаться в различных формах: зависимость от общением в социальных сетях, от поиска информации, геймомания.

Е.Г. Гайнцева предлагает следующую классификацию признаков Интернет-зависимости [5]:

- неконтролируемое время, проводимое в сети;
- увеличение времени в Интернете;
- потеря интереса к другим видам досуга;
- невозможность прекратить использовать Интернет;
- ощущение радости перед каждым сеансом в Интернете;
- отстранение от друзей и близких, потеря контактов с людьми в «оффлайне»;
- постоянное обновление страниц в социальных сетях, частая проверка e-mail, аккаунтов на различных форумах и блогах и т.д.;
- во время интернет-серфинга забываются служебные обязанности, учеба, домашние дела, встречи и договоренности;
- бесцельное блуждание по веб-сайтам;
- покупка новых устройств и программного обеспечения, покупка различных премиум аккаунтов в Интернете и т.д.

Если у человека более трех выраженных признаков, можно считать его Интернет-зависимым.

Проведенное нами исследование охватило учащихся 9-11 классов одной школы Батыревского района Чувашской Республики. В выборку попали 100 подростков, среди которых 45% мальчиков и 55% девочек. Метод исследования – анкетирование, включающее в себя 21 вопрос закрытого и открытого типа. Цель – оценить степень вовлеченности чувашских подростков в глобальную сеть Интернет.

В ходе проведенного анкетирования было выявлено, что опрошенные нами учащиеся имеют возможность использования от 2 до 5 устройств, при помощи которых они могут осуществить выход в Интернет. Из этого можно сделать вывод, что каждый подросток имеет личный компьютер или телефон, через который возможно выйти в сеть. При этом самым популярным устройством для выхода в Интернет у опрошенных является телефон (43%) и только потом компьютер (21%). Во многом данная тенденция определяется тем, что телефон постоянно находится при подростках, даже когда они вне дома.

На вопрос, «Сколько времени вы проводите в Интернете», большинство опрошенных отметило, что более 2-х часов в день (39%) и более 5-и часов в

день (38%), в среднем количество проведенного времени в Интернете равно 5,30 часам в сутки (около 330 мин.). При этом 75% подростков отмечают, что они не ощущают потребности в увеличении времени, проводимого в сети, но в то же время 89% замечают за собой, что проводят намного больше времени в Интернете, чем предполагали. Данное различие мнений может быть связано с тем, что именно из-за постоянного превышения лимита времени, которое закладывается в сознании подростка при заходе в Интернет, они не осознают того, что сами же автоматически увеличивают возможность пребывания в сети, считают, что контролируют себя и ситуацию и не нуждаются в постоянном контроле. В итоге, на подсознательном уровне подростки не видят необходимости в увеличении времени, хотя глубоко внутри осознают, что каждый раз при использовании Интернета не замечают, как быстро летит время.

При ответе на вопрос, «Ждете ли вы с нетерпением следующего вашего выхода в Интернет?» положительный ответ дали в 2 раза больше подростков, чем отрицательный. Выяснилось, что 44% опрошенных подростков (44%) испытывают постоянное желание воспользоваться Интернетом, у 36% данное желание возникает периодически и только 20% относятся равнодушно к нему. Связано это с тем, что сеть Интернет сегодня является одним из самых популярных методов времяпрепровождения. Даже при наличии свободного времени не каждый нынешний подросток станет задумываться над тем, как его провести – выйти прогуляться на улице или посидеть за компьютером – он, скорее всего, предпочтет последнее.

Суммируя вышесказанное, мы могли бы сделать вывод, что большинство опрошенных нами учащихся имеют Интернет-зависимость, так как обладают несколькими признаками зависимости, но это не так. Возможно, подростки находятся в «группе риска», но все не могут являться зависимыми. Наше исследование подтверждает необходимость совершенствования методик выявления и оценки Интернет-зависимости. Данная ситуация ставит общую задачу перед представителями помогающих профессий – психологами, юристами, педагогами, социологами, социальными работниками – категоризации, выявления признаков, факторов возникновения и способов преодоления Интернет-зависимости, что поможет специалистам по социальной работе оказывать своевременную помощь, прогнозировать или осуществлять меры профилактики.

Литература

1. Королева Д.Е., Новичихина Е.В. Интернет-зависимость, компьютерная игромания – глобальная причина развития гиподинамии молодежи XXI века / Д.Е. Королева, Д.Е. Новичихина. – Барнаул: Изд-во: ФГБОУ ВПО «АлтГУ», 2015.

2. Православный апологет [Электронный ресурс]: Интернет-зависимость подростков. Статистические данные: интернет-содружество преподавателей и студентов православных духовных учебных заведений. Режим доступа: <http://apologet.spb.ru/1455.html>. (Дата обращения: 12.04.2016 г.).

3. Якушева В.С. Причины и последствия возникновения интернет-зависимости в старшем подростковом возрасте / В.С. Якушева // Информация и образование: границы коммуникаций. 2014. №6 (14). С. 224-227.

4. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 1. С. 90-100; Янг К. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24-29; Варламова С. Интернет-зависимость молодежи мегаполисов: критерии и типология / С. Варламова, Е. Гончарова, И. Соколова // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 168; Плешаков В.А. Теория киберсоциализации человека / В.А. Плешаков. М.: Изд-во МПГУ, «НомoCyberus», 2011; Богданова О.А. Интернет-зависимость у детей и подростков / О.А. Богданова // Вестник МГПУ. 2014. №1(27).

5. Гайнцев Е.Г. Анализ Интернет-зависимости и механизм её формирования // Российский электронный научный журнал. 2014. №5. С. 58-59.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РИСКИ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ **SOCIAL WORK PROFESSIONAL RISKS**

И.А. Исакова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

I.A. Isakova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается соотношение понятий «профессиональный риск», «синдром эмоционального выгорания», «профессиональная деформация».

The article is related to ratio of the concepts of «professional risk», «emotional burning syndrome», «professional deformation».

Ключевые слова: профессиональный риск, синдром эмоционального выгорания, профессиональная деформация, социальная работа.

Keywords: professional risk, emotional burning syndrome, professional deformation, social work.

Особенностями социальной работы на современном этапе является изменение спектра оказываемых населению мер социальной поддержки, внедрение инновационных технологий, таких как социальные сети или медиация, переход от терапевтических моделей, предполагающих помощь в преодолении трудной жизненной ситуации, к превентивным и развивающим. Эти задачи существенно меняют и деятельность специалистов по социальной работе, и социальных работников: сотрудникам приходится действовать в ситуации неопределенности, предлагать собственные идеи по организации помощи или, наоборот, приостанавливать деятельность в ожидании инструкций,

постоянно профессионально совершенствоваться. Внедрение новых алгоритмов требует изменения подходов к осуществляемой деятельности, введение которых может сопровождаться рядом профессиональных рисков.

Понятие «профессиональный риск» появилось в Российской Федерации в 1998 г. с принятием федерального закона об организации обязательного социального страхования от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний [1]. Действующее определение профессионального риска представлено в статье 209 раздела X «Охрана труда» главы 33 «Общие положения» Трудового кодекса РФ (от 30.12.2001 № 197-3, ред. от 03.07.2016, с изм. с 03.10.2016 г.): профессиональный риск – вероятность причинения вреда здоровью в результате воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов при исполнении работником обязанностей по трудовому договору или в иных случаях, установленных настоящим Кодексом, другими федеральными законами. Порядок оценки уровня профессионального риска устанавливается федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере труда с учетом мнения Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений [2].

Категория риска часто рассматривается как синоним таких терминов, как «синдром эмоционального выгорания», «профессиональная деформация» и другие [3, 4, 5, 6]. С нашей точки зрения, подобная ситуация объясняется недостаточной определенностью категории «профессиональный риск в социальной работе», и требует конкретизации.

Риск рассматривается под разными углами зрения, как:

- возможность наступления событий с отрицательными последствиями;
- вероятность возникновения ущерба или вреда.

Таким образом, риск – это определение потенциальной опасности.

Существуют различные определения «выгорания»: как долговременная стрессовая реакция или синдром, возникающий вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности; или как состояние эмоционального, умственного истощения, физического утомления, возникающее в результате хронического стресса на работе. В.В. Бойко [7], один из ведущих российских исследователей данного феномена и автор собственной методики «Диагностика эмоционального выгорания», определяет его как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций (понижения их энергетики) в ответ на психотравмирующие воздействия; это приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения, отчасти функциональ-

ный стереотип, позволяющий человеку дозировать и экономно расходовать энергетические ресурсы.

Деформация – это проявления в личности под влиянием некоторых особенностей профессиональной деятельности психологических изменений, которые начинают негативно влиять на осуществление этой деятельности и на психологическую структуру самой личности [8].

С нашей точки зрения, отождествлять понятия «синдром эмоционального выгорания» и «профессиональная деформация» также не следует, поскольку изменения могут носить не острый характер, как при профессиональных кризисах, и не хронический, как при синдроме эмоционального выгорания. Например, врачи в процессе деятельности становятся циничными, но это не значит, что им все равно, кого и как лечить, это своего рода защитный механизм. Циничность станет проблемой, когда она приведет к отстранению от клиента и редукации собственных профессиональных обязанностей. Таким образом, «синдром эмоционального выгорания», «профессиональная деформация» и «профессиональный кризис» отличаются характером проявления.

В литературе синдром эмоционального выгорания иногда называют одним из профессиональных рисков социальной работы, что, с нашей точки зрения, неправильно, и синдром эмоционального выгорания, и профессиональная деформация – это результат реализации риска, когда вероятность оправдалась, а в личности произошли изменения.

Е.И. Антипова определяет психофизиологический риск как вероятность возникновения у работника негативных психофизиологических состояний, которые появляются вследствие воздействия на него факторов профессиональной деятельности и влияют на его работоспособность и производительность труда.

Таким образом, профессиональный риск является вероятностью утраты специалистом по социальной работе и социальным работником профессиональной трудоспособности из-за воздействия вредных и опасных производственных факторов. Здесь следует оговориться, что деятельность специалиста по социальной работе по предполагаемым профессиональным рискам может *значительно* отличаться от деятельности социального работника, поскольку существенно отличаются условиями труда. Например, социальный работник испытывает больше физических рисков, связанных с выходом на дом клиента без сопровождения команды или оказанием сложных бытовых услуг – принести воды, наколоть дрова и др. Специалист, осуществляющий прием клиентов в учреждении, например, в Пенсионном Фонде, испытывает меньшую вероятность подвергнуться физической опасности, поскольку отде-

лен от получателя услуг стеклом, но в значительно большей степени подвержен психологическим рискам – крикам, угрозам, оскорблениям.

Авторский коллектив под руководством А.Я. Кибанова выделяет три группы рисков: связанные с особенностями выполняемой работы, организационные и личностные [9]. Имеются в виду риски, определяемые спецификой самой социальной работы, места работы и занимаемой должности, а также собственного характера специалиста.

Под спецификой социальной работы в целом мы подразумеваем:

- высокую интенсивность общения с людьми;
 - общение с людьми, находящимися в проблемной ситуации, и как следствие, негативно настроенными;
 - необходимость быстрой адаптации в условиях непрерывного изменения социального законодательства. Социальная работа все ещё является для России новым видом профессиональной деятельности, поскольку толчок к развитию получила спустя три четверти века после ее становления в странах Европы и Америки, и до сих пор не до конца сформированы российские методики деятельности;
 - ответственность за жизнь другого человека;
 - низкий уровень оплаты труда;
 - зависимость результата деятельности в равной степени от клиента и от специалиста;
 - нематериальный результат труда в условиях отсутствия позитивной обратной связи;
 - многообразие видов деятельности, высокие рабочие нагрузки;
 - монотонность при заполнении однотипных документов.
- Эти особенности обуславливают появление следующих:
- риск эмоциональных, умственных и физических перегрузок;
 - риск личностной отстраненности и безразличия в любом общении (даже со своей семьей);
 - риск ценностной дезориентации и потери нравственных ориентиров в труде;
 - риск появления раздражительности и агрессивности;
 - риск «бегства из профессии» или постоянное желание сменить работу;
 - риск утраты ощущения собственной эффективности;
 - риск прекращения профессионального развития;
 - риск смены приоритетов с результатов деятельности на процесс, то есть с оказания помощи на бюрократизм.

Данный список не является исчерпывающим.

Реализация данных рисков может привести к. разного рода последствиям: физическим – болезни, психическим – от отстранённости и истощения, пессимизма и циничности до сильной депрессии, социальным – разводам, социальному отчуждению и другое. Неблагополучное психоэмоциональное, стрессовое состояние специалистов по социальной работе может выступать фактором риска ухудшения состояния здоровья клиентов и отразиться на качестве предоставления им социальных услуг. Качественная система управления профессиональными рисками, основанная на выверенных их классификациях, позволит повысить качество работы специалистов социальной сферы, воздействовать на показатели удовлетворенности собственным трудом и продлить профессиональную карьеру, предотвратив уход из профессии.

Литература

1. Федеральный закон «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» от 24.07.1998 № 125-ФЗ [Электронный ресурс] // Правовой портал «Консультант Плюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19559/. (Дата обращения 09.09.2016 г.)

2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) [Электронный ресурс] // Правовой портал «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=200979#0>. (Дата обращения 09.09.2016 г.)

3. Базарова Т.С. Синдром «эмоционального сгорания» как фактор профессионального риска в социальной работе / Т.С. Базарова // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 5. С. 114-117.

4. Васильченко Э.А. Профессиональные риски в социальной работе: синдром выгорания // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 1. С. 131-135.

5. Антипова Е.И., Нагаева И.А. Эмоциональное выгорание как разновидность профессиональных рисков в области социальной работы / Е.И. Антипова, И.А. Нагаева // Научные преобразования в эпоху глобализации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Курган, Издательство ООО «Аэтерна», 2016. С. 165-167.

6. Иванова А.А. Профессиональные риски в социальной работе / А.А. Иванова // Социокультурная среда и ее развитие в условиях глобализации современного общества: материалы V Международных социально-педагогических чтений им. Б.И. Лившица. Екатеринбург, Изд-во Урал. гос. пед. ун-т., 2013. С. 289-293.

7. Бойко В.В. Психоэнергетика. СПб.: Питер, 2008. 416 с. ISBN 978-5-91180-760-3

8. Глава 5. Профессиональная деформация специалистов социальной сферы. § 5.1. Сущность и содержание профессиональной деформации // Инновационные методы практики социальной работы; Учебное пособие для магистров / Г.Х. Мусина-Мазнова, И.А. Потапова, О.М. Коробкова и др. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. – 320 с. – С. 212-213.

9. Управление персоналом в России: история и современность: Монография / Под ред. А.Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2013. 240 с. (Научная мысль).

**БИЗНЕС-КЛИМАТ В РЕГИОНЕ КАК УСЛОВИЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА НАСЕЛЕНИЯ**
**THE BUSINESS CLIMATE IN THE REGION AS A CONDITION
OF REALIZATION OF LABOUR POTENTIAL OF THE POPULATION**

Э.И. Исянгулова

Институт стратегических исследований Республики Башкортостан

E.I. Isyangulova

Researcher of the Institute for strategic studies of the Republic of Bashkortostan

Проанализирован бизнес-климат Республики Башкортостан. По результатам опроса экспертов дана оценка различных аспектов предпринимательского климата в регионе.

The article analyzes the business climate of the Republic of Bashkortostan. According to the results of a survey of experts assessed various aspects of the business climate in the region.

Ключевые слова: бизнес-климат, предпринимательство, трудовой потенциал, регион.

Keywords: business climate, entrepreneurship, labor potential, region.

Одним из основных факторов обеспечения конкурентоспособности страны, региона в глобализирующемся мире является эффективное использование трудового потенциала населения, ключевым условием для которого становится развитие малого и среднего предпринимательства (МСП).

Коллективом ИСППИ РБ¹ в 2015 г. был проведен экспертный опрос «Оценка бизнес-климата в Республике Башкортостан». Объем выборочной совокупности составил 142 респондентов. Экспертами выступали предприниматели. Исследование выполнено ГБНУ «ИСППИ РБ» совместно с Аппаратом Уполномоченного по защите прав предпринимателей РБ. Руководитель: к.с.н. Валиахметов Р.М. Результаты опроса позволили определить основные проблемные стороны предпринимательской деятельности, причины возникновения, их последствия и возможные решения.

По мнению значительной части респондентов-предпринимателей, для эффективного функционирования МСП необходимо создать благоприятный бизнес-климат, опосредованный действенными механизмами управления и поддержки.

В целом, предпринимательский климат можно оценить через развитость таких сфер, как транспортно-логистическая; аренды помещений, земли и не-

¹ Институт социально-политических и правовых исследований Республики Башкортостан (реорганизован в Институт стратегических исследований РБ).

движимости; рынка труда; образования; безопасности и административной инфраструктуры; финансового сектора; сети поставщиков.

Результаты исследования показали неоднородность различных аспектов предпринимательского климата. Экспертам было предложено оценить уровень развития каждого параметра предпринимательского климата по 10-балльной шкале. 1 – минимальная оценка. 10 – максимальная оценка.

- *Транспортно-логистическая инфраструктура.* В современных условиях ведения бизнеса актуализируются вопросы развития транспортно-логистической инфраструктуры. Поскольку именно эта сфера является звеном, связывающим конечного потребителя и производителя, первостепенное значение для реализации ее потенциала становится создание современной инфраструктуры, отвечающей мировым стандартам. Пока, транспортно-логистическая инфраструктура мало соответствует потребностям малого и среднего бизнеса. В ходе исследования респонденты отметили плохо развитую систему автомобильных дорог внутри региона, оценив ее в среднем в 3,6 балла. В большей степени предпринимательское сообщество удовлетворено сетью наземного общественного транспорта. Средняя оценка этого аспекта равна 6,0 балла.

- *Земля и недвижимость.* Одним из наиболее значимых факторов, способствующих созданию благоприятного климата для развития бизнеса, является доступность земельных участков, промышленных и складских помещений. От правильной их оценки, эффективного использования и налогообложения земельных участков напрямую зависит развитие малого и среднего предпринимательства. Однако, ситуация с землей и недвижимостью для субъектов СМП выглядит недостаточно привлекательно. В настоящее время существуют проблемы приобретения, аренды земельных участков и производственных помещений. В меньшей степени осложнена доступность складских и офисных помещений. Эти данные коррелируют с результатами опроса экспертов. Респонденты оценили возможности использования земли и недвижимости как низкие (3,9 балла), тогда как возможность использования офисных помещений оценена ими гораздо выше (5,4 балла).

- *Рынок труда.* Наличие и доступность кадровых ресурсов является тем фактором, который оказывает наибольшее влияние на развитие предпринимательской деятельности как на этапе создания, так и в ходе дальнейшего развития. Нерациональная государственная политика на этапе подготовки молодых специалистов привела к тому, что на рынке труда наблюдается профессионально-квалификационное несоответствие между спросом и предложением, недостаточное насыщение квалифицированными специалистами, с навыками, соответствующими требованиям предприятий.

Результаты опроса экспертов показал слабо развитый рынок квалифицированных рабочих (4,4 балла). В то же время наличие инженеров (технических специалистов) и специалистов для непроизводственных подразделений на рынке труда оценено более высоко, средний показатель равен 5,0 баллам.

- *Образование.* Современная система образования формирует интеллектуальный капитал страны и становится гарантом возможности прожить качественную и достойную жизнь. При этом наблюдаемая картина на рынке труда, на фоне нехватки квалифицированных кадров, вынуждает более требовательно оценивать качество образования и повышение квалификации сотрудников. В то же время предприниматели не очень заинтересованы в финансировании квалификационного развития персонала, поскольку эффект повышения квалификации персонала проявляется постепенно. В то же время существует проблема низкой правовой грамотности самих предпринимателей и непонимание механизма поддержки бизнеса. В сфере образования и сотрудничества с образовательными учреждениями эксперты отметили слабо развитую систему сотрудничества с образовательными учреждениями в области подготовки специалистов (4,5 балла), в то время как уровень подготовки в сфере общего среднего образования (школы) – наивысший среди представленных аспектов по параметру «Образование» (5,5 балла).

- *Финансовый сектор.* Наиболее низко оцененный экспертами аспект предпринимательского климата в регионе является финансовый сектор. В первую очередь – это сложности в получении кредитных денежных средств и инвестиций, связанных с высокими требованиями к финансовому состоянию организаций, высокими процентными ставками, залоговой системой обеспечения. Ограниченная доступность финансовых ресурсов является основной проблемой СМП не только в Башкортостане, но и в России в целом. Данная тенденция сохраняется в течение длительного времени, несмотря на все призывы правительства сделать финансы более доступными для бизнеса [1].

Результаты опроса предпринимателей показал, что доступность банковского кредита без залога под бизнес-план минимален из всех представленных позиций (2,8 балла). В то же время выбор финансовых услуг для бизнеса вполне удовлетворяет предпринимательское сообщество, средний показатель – 3,7 балла.

- *Безопасность и административная инфраструктура.* Для стабильного функционирования и развития сферы бизнеса необходимо наличие определенных условий, обеспечивающих эти процессы. Одним из базовых условий выступает безопасность предпринимательства, которая оценивается системой критериев, вырабатывающих устойчивость к угрозам безопасности (и включающих в себя, организационные, правовые, информационные и эконо-

мические стороны). Несмотря на предпринимаемые в последние годы меры по устранению административных барьеров, необходимо отметить, что уровень их распространенности остается на довольно высоком уровне.

Чрезмерное административное давление, деятельность проверяющих инстанций, коррупция и бюрократия блокируют и тормозят развитие СМП. Согласно данным, полученным в ходе опроса экспертов, уровень коррупции по-прежнему остается на высоком уровне (6,9 баллов).

- *Поставщики.* Стоит отметить, что все аспекты работы с местными поставщиками респондентами были оценены достаточно однородно. Позиция «Уровень конкуренции услуг местных поставщиков для вашего бизнеса» оценена в 5,2 балла; «уровень качества услуг местных поставщиков» – 5,4 балла; «уровень доступности поставщиков бизнес-услуг» – 5,7 баллов; «уровень качества бизнес-услуг» – 5,7.

В последние годы в республике уделяется повышенное внимание различным аспектам предпринимательской деятельности, однако, по мнению экспертов, за последние три года в республике наряду с улучшением отдельных аспектов бизнес-климата, наблюдаются и факторы ухудшения. Так, по мнению респондентов, это проявилось в таких аспектах предпринимательства, как финансирование бизнеса, рынок труда и возможности использования земли и недвижимости. Именно эти сферы наиболее чувствительны и требуют более пристального внимания.

Литература

1. Предпринимательский климат в России: Индекс опоры–2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slideshare.net/valeryaalekseev/index-2012>. (Дата обращения 16.05.2016).

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ **INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN SOCIAL WORKERS' PROFESSIONAL ACTIVITIES**

Т.З. Козлова

Институт социологии РАН, г. Москва

T.Z. Kozlova

Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow

Представлены различные инновационные технологии социальной работы в регионах России

The presentation of various innovative technologies of social work used in the Russian regions.

Ключевые слова: инновация, технология, социальная работа, регионы
Keywords: innovation, technology, social work, regions

Наиболее ёмкое определение понятия «социальная работа» дано у известного учёного проф. Е.И. Холостовой: «Социальная работа – это профессиональное содействие людям в успешном разрешении их жизненных проблем посредством развития собственных ресурсов человека и его социального окружения [1, с. 144].

Учёными в области социальной работы и самими социальными работниками разработано множество социальных технологий социальной работы.

В своих тезисах мы остановимся на нескольких инновационных социальных технологиях работы с пожилыми людьми и инвалидами, применяемых в практике разных регионах страны.

В столице РФ Москве специалистами в области социальной работы разработано и применяется более двадцати пяти технологий социальной работы [2]. Можно перечислить и описать некоторые из них:

1. ”Школа психологической устойчивости для пожилых людей”. Основная задача этой школы – повысить самореализацию пожилых людей, посещающих эту школу, вселить уверенность в себя. Участники этой школы изучают психологические особенности различного возраста, учатся преодолевать стрессовые ситуации.

2. Клуб путешественников “Старость меня дома не застанет”. Этот клуб стремится объединить одиноких пожилых людей. Занятия проводятся по совместным интересам. Кроме того организуются пешеходные прогулки по историческим местам Москвы. Этот клуб сближает людей, раскрывает их творческие способности.

3. ”Университет третьего возраста”. В университете с пожилыми людьми занятия ведут специалисты центра социального обслуживания – музыкальные работники, флористы, юристы и др., имеющие дополнительное образование. Задача «Университета третьего возраста» не только пополнить знания пожилых людей, но и улучшить их настроение.

4. «Проводники времени». Цель данной технологии социальной работы в этой школе – помочь комплексной реабилитации инвалидов трудоспособного возраста. С инвалидами по разным направлениям работают все специалисты школы, однако, контролирует достижения инвалидов прикрепленные к каждому из них «проводник времени».

5. Московский зоопарк–инвалидам. С инвалидами работники зоопарка проводят просветительскую работу. Кроме лекций для инвалидов, проводятся экскурсии по территории зоопарка с учётом возможностей инвалидов. На

основе занятий с животными разработана методика зоотерапии. Животных выбирают таких, которые вызывают только положительные эмоции как у взрослых, так и детей.

6. «Школа жизни с инвалидностью» В структуре отделения реабилитации имеется кабинет социально-бытовой адаптации, представляющий собой жилой модуль, оснащённый комплексом кухонной мебели и санитарно-гигиеническим блоком. Цель оборудования кабинета – создание тренировочно-обучающей базы для клиентов с различной патологией в процессе реабилитации. Занятия в жилом модуле способствуют формированию у инвалидов знаний, умений, навыков самообслуживания.

В регионах России разработаны различные инновационные технологии социальной работы [2]. Остановимся на некоторых из них.

1. Приёмные семьи для пожилых людей. Проект «Приёмная семья» разработан и внедряется в Астраханской области. Содержание проекта заключается в том, что любая семья может принять для проживания пожилого гражданина или инвалида, который частично или полностью утратил способность для самообслуживания. Наибольшее число претендентов взять на обслуживание в свою семью инвалида или пенсионера в сельской местности.

2. Мобильное социальное обслуживание как форма оперативной социальной помощи. В 2000 г. в Пензенской области было организовано мобильное социальное обслуживание граждан, которые нуждались в быстрой помощи специалистов разного профиля. Были организованы комплексные выездные бригады в отдалённые сельские районы. Эти бригады выполняют различные функции, обеспечивая население отдалённых районов как бытовыми, так и медицинскими услугами. Такие бригады созданы в каждом сельском районе.

3. Микрорайон жилых домов для ветеранов войны и труда создан в Саратовской области. В этом микрорайоне построено 26 жилых домов с отдельными квартирами. Жильё оборудовано с учётом жизни в нём инвалидов-колясочников. Квартиры обустроены всей необходимой бытовой техникой для комфортной жизни. Для обслуживания жителей этого района привлекаются различные специалисты, прежде всего медицинского профиля. Ветераны войны и труда не только обеспечены всем необходимым для полноценной жизни, им предлагаются разные виды культурного проведения досуга.

4. Проект «Услуга сиделки». Эта социальная услуга практикуется в Омской области. В более двадцати социальных учреждениях были открыты отделения, которые предоставляли такую услугу. Услуга сиделки – платная, но для участников Великой Отечественной войны, ветеранов труда предусмотрена скидка 50%. Сиделка готовит пищу, убирает квартиру, следит за самочувствием человека, которому оказывается услуга.

5. Школа активного долголетия создана в Тюмени. Эта школа предусматривает несколько этапов работы с инвалидами и людьми старшего возраста. Вначале составляются списки клиентов. Затем клиенты проходят обследование у врачей. На втором этапе клиентам предлагается санаторно-курортное лечение. После лечения клиенты направляются в специальную школу, где проводятся занятия на тему «Здоровый образ жизни».

В заключение пожилым людям выдаётся «Паспорт здоровья», в котором даны рекомендации здорового образа жизни.

6. «Мобильная социальная служба» работает в Челябинской области. Это – срочная помощь пожилым людям, работу по обследованию состояния пожилых людей с целью постановки на учёт и оказания социально-бытовых услуг на дому.

Выше приведены примеры инновационных технологий социальной работы в различных регионах. Надо заметить, что почти каждый регион стремится внести что-то новое в разработку социальной технологии.

Литература

1. Вдовина М.В. Социальная работа: сущность, виды, технологии в организациях социального обслуживания // Настольная книга социального работника: учебно-методическое пособие / Под ред. Е.И. Холостовой, Л.И. Кононовой. М.:ИДПО ДСЗН. 2015. С. 144.

2. Энциклопедия социальных практик / Под редакцией Е.И. Холостовой, Г.И. Климантовой. 2-е изд. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К». 2013.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ МИГРАНТОВ В НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ SOCIAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN NIZHNI NOVGOROD REGION

А.А. Лакомова

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

A.A. Lakomova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Приводятся результаты исследования проблем социальной адаптации мигрантов, проживающих в Нижегородской области. Исследование проведено на базе Межрегиональной благотворительной общественной организации «Приволжский миграционный центр». Даются рекомендации для создания комплексной программы по интеграции и адаптации мигрантов в нижегородское сообщество.

The author gives in this article the results of study on the problems of social adaptation of migrants living in the Nizhni Novgorod region. The study was conducted on the basis of the Interregional charitable public organization "Volga migration

center." The article also includes recommendations for the creation of a comprehensive program for the integration and adaptation of migrants in the Nizhni Novgorod society.

Ключевые слова: миграция, социальная адаптация, проблемы, Нижегородская область, социальная помощь.

Keywords: migration, social adaptation, problems, Nizhni Novgorod region, social assistance.

Миграция в современном мире – явление распространенное. Как в зарубежных странах, так и в России государство стремиться к урегулированию численности мигрантов и к созданию программ по социальной адаптации и интеграции приезжих лиц. Стоит отметить, что только за 2015 г. в Российскую Федерацию въехало 17 083 849 мигрантов из разных стран [1].

Нижегородская область является привлекательным регионом для потока мигрантов. Приезжают к нам в основном с целью трудоустройства и обучения. В 2015 г. в Нижегородскую область прибыло 33 225 мигрантов, выбыло 32 523 человека миграционный прирост составил 702 человека [2]. Приезжие могут столкнуться с различными проблемами, барьерами в процессе их социальной адаптации. Учитывая это, Межрегиональная благотворительная общественная организация «Приволжский миграционный центр» (МБОО «Приволжский миграционный центр») предоставляет необходимые для них услуги различного характера [3]. Данная благотворительная организация намерена создать в 2016 г. комплексную программу по социальной адаптации и интеграции мигрантов в нижегородское сообщество, исходя из текущих проблем иммигрантов.

На базе МБОО «Приволжский миграционный центр» с ноября 2015 г. по март 2016 г. было проведено исследование «Современные проблемы социальной адаптации мигрантов в Нижегородской области». Опрошено 85 мигрантов в возрасте от 18 до 45 лет методом индивидуального анкетирования. Среди них 51 мужчина и 34 женщины. Из 85 мигрантов 22 человека прибыли из Таджикистана, 13 – из Азербайджана, 13 – из Узбекистана, 12 – из Армении, 9 – с Украины, 8 – из Молдовы, 6 – из Киргизии, 2 – из Казахстана.

Цель исследования – выявление проблем социальной адаптации мигрантов в Нижегородской области.

Объект исследования – социальная адаптация мигрантов, проживающих на территории Нижегородской области.

Предмет исследования – проблемы социальной адаптации мигрантов в Нижегородской области.

Можно начать с того, что среднемесячный заработок опрашиваемых мигрантов составляет примерно 24 тыс. рублей. В целом, это хороший уровень дохода на одного человека в месяц в Нижегородской области.

Согласно результатам исследования, 61,2% мигрантов отметили, что одной из главных проблем при приезде в Россию оказалась проблема поиска жилья. Если мигранты пребывают с целью трудоустройства, то не во всех случаях работодатель предоставляет им жилье. Иностранному рабочему приходится самостоятельно искать жилье, часто средств на оплату аренды жилья недостаточно, поэтому им приходится размещаться вместе с земляками в маленьких квартирах или комнатах по несколько человек.

В добавлении к этому 60% мигрантов утверждают, что испытывали трудности материального характера. В связи с низкооплачиваемой работой и доходами ниже величины прожиточного минимума, установленного в регионе, или большими расходами на оплату жилья могут возникать проблемы материального характера. Часто такого рода проблемы являются ключевыми барьерами в социальной адаптации мигрантов. Они могут испытывать нехватку продуктов питания и товаров первой необходимости, одежды, сезонной обуви, средств на оплату аренды жилья, медицинских услуг и лекарственных препаратов.

36,5% респондентов отметили, что имеют проблему в поиске работы. Не все мигранты, приезжая в Россию, имеют договоренность о трудоустройстве на работу. Часть трудовых мигрантов устраивается на работу самостоятельно, попадая к недобросовестному работодателю, который не оформляет трудоустройство мигрантов по трудовому договору, не отчисляет взносы в государственные внебюджетные фонды Российской Федерации. Другая часть мигрантов соглашается на временную низкооплачиваемую и неквалифицированную работу, впоследствии ищет новую работу.

Плохое знание русского языка является одной из проблем в социальной адаптации и интеграции мигрантов. Данную проблему отметили 34,1% мигрантов. Это можно было заметить и по заполненным анкетам мигрантов. Многие респонденты, отвечая на открытые вопросы, делали большое количество грамматических ошибок, а также неправильно строили предложения, вследствие чего было достаточно трудно понять смысл полученных ответов.

По результатам исследования, 16,5% мигрантов признались в плохих знаниях о культуре (традициях, обычаях, праздниках) российского общества. Желание приезжих изучать культуру коренного населения могло бы привести к культурному обмену и духовному обогащению, что положительно скажется на межнациональном взаимодействии.

Некоторые из опрашиваемых мигрантов (16,5%) отметили, что чувствуют себя чужими. Это фактически маргиналы, которых нижегородское сообщество не хочет принимать и социально исключает. Это выражается в пренебрежительном или неодобрительном отношении со стороны местного населения, в дискриминации на работе, общественных местах, в низком уровне общения с коренными жителями или лицами других национальностей, плохом знании культуры, правил поведения и традиций.

В дополнении к этому 11,8% мигрантов скучают по родине, семье и родственникам, что тоже препятствует социальной адаптации и интеграции мигрантов. С одной стороны, им нужно приспособливаться к условиям проживания, культуре и правилам пребывания в новой для них стране, с другой стороны, желание увидеть родных и близких может вызвать состояние фрустрации и нарушить начавшийся процесс социальной адаптации.

Согласно данным исследования, мигранты выделяют проблемы не только социально-экономического и социокультурного характера. Преследование правоохранительных органов (полиции, ФМС) является для 9,4% мигрантов одной из главных проблем, с которой они сталкивались при приезде в Россию, в том числе и в Нижегородскую область. Многие мигранты не знают своих прав и могут стать жертвами недобросовестных работников правоохранительных органов, под угрозой депортации мигранты могут быть задействованы в коррупционных схемах. Но некоторые из приезжих несвоевременно оформляют документы, подтверждающие легальное нахождение на территории России, тем самым создавая для себя ситуацию постоянного беспокойства при проверке полиции или ФМС в общественных местах и на работе.

Небольшая часть мигрантов (8,2%) высказывают мнение, что им для успешной социальной адаптации мешают проблемы со здоровьем. В связи с внесением изменений в законодательство Российской Федерации в сфере социальной защиты иностранных граждан и введением патентной системы для привлечения иностранных рабочих в различные регионы страны мигранты обязаны проходить медицинскую комиссию, а также оформить полис добровольного медицинского страхования (ДМС). По этому полису мигранту положены некоторые услуги экстренного стационара, амбулаторной помощи, стоматологии, при беременности и родах в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 06.03.2013 г. №186 «Об утверждении Правил оказания медицинской помощи иностранным гражданам на территории Российской Федерации».

Мигрант вправе обратиться за медицинской помощью, согласно законодательству РФ, но стоит задаться вопросами: «Все ли мигранты оформляют по-

лис добровольного медицинского страхования? Все ли работодатели платят в Федеральный фонд обязательного медицинского страхования за своего иностранного работника?». Возникают проблемы с предоставлением медицинской помощи, оформлением больничных листов, и зачастую мигрант оказывается практически бесправным.

4,7% респондентов отметили, что работодатели относятся к ним несправедливо, что выражается в нежелании работодателей оформлять профессиональную деятельность мигрантов по трудовому договору, оплачивать периоды их временной нетрудоспособности, предоставлять положенный отпуск, в несвоевременной выплате заработной платы, заниженных тарифах на оплату труда, привлечении к сверхурочным работам и пр.

4,7% мигрантов вступали в конфликты и споры с местными жителями. В последнее время заметны проявления ксенофобии у принимающего общества по отношению к приезжим лицам. Но существует и противоположная ситуация, когда мигранты своим ненадлежащим поведением провоцируют конфликты с местными жителями.

Необходимо подчеркнуть, что конфликты происходят не только между мигрантами и местными жителями, но и между мигрантами разных национальностей. 2,4% мигрантов подверглись нападению и избиению со стороны других мигрантов. Причиной этого могут являться языковой и культурный барьеры, сложившиеся предрассудки по национальному или религиозному признаку, споры по поводу трудоустройства на распространяемые и предпочитаемые должности к одному и тому же работодателю.

Таким образом, основными в социальной адаптации мигрантов, проживающих в Нижегородской области, являются проблемы поиска жилья, работы, трудности материального характера, сложность освоения русского языка и изучения культуры местного населения, социальное исключение мигранта.

Подводя итог, стоит отметить, что деятельность Приволжского миграционного центра в Нижегородской области является успешной, многие мигранты своевременно получают необходимую помощь. Данная организация стремится к совершенствованию своей деятельности, к улучшению жизненной ситуации мигрантов в данном регионе, учитывая их текущие проблемы, выявляемые в ходе подобных социологических исследований.

Литература

1. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной миграционной службы России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.fms.gov.ru/about/activity/stats/Statistics/Statisticheskie_svedeniya_po_migracionno. (Дата обращения: 25.04.2016).

2. Миграция населения за 2015 год // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики Нижегородской области [Электронный

ресурс]. Режим доступа: http://nizhstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/nizhstat/resources/4e2c08804d1c3616aa6dbbc5b34c73c1/%D0%94%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%84%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F+%D1%81%D0%B8%D1%82%D1%83%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F+%D0%B2+%D1%8F%D0%BD%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B5+2016.htm. (Дата обращения: 20.05.2016 г.).

3. Структура организации // Официальный сайт МБОО «Приволжский миграционный центр [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.migrant-nnov.ru/records.html> (Дата обращения: 28.04.2016 г.).

СОДЕЙСТВИЕ ЗАНЯТОСТИ ЛИЦ С СИНДРОМОМ ДАУНА PROMOTION OF EMPLOYMENT TO INDIVIDUALS WITH DOWN SYNDROME

А.В. Мигунова, О.С. Чичерова
*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*
A.V. Migunova, O.S. Chicherova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Изучаются зарубежные и отечественные практики содействия занятости людей с синдромом Дауна. В качестве возможных форм их занятости рассматриваются непосредственно трудоустройство, терапия занятостью и включение в волонтерскую деятельность.

The paper studies some foreign and native practices of employment promotion to individuals with Down syndrome. Employment, work therapy and volunteering are considered as possible variants of such activity.

Ключевые слова: синдром Дауна, трудовая занятость, терапия занятостью, волонтерство.

Keywords: Down syndrome, employment, work therapy, volunteering.

Одной из ключевых сфер жизни взрослого человека является трудовая деятельность. Однако при наличии инвалидности трудовая занятость не всегда имеет место быть. Опыт трудоустройства людей с синдромом Дауна в России мал. Если такие примеры существуют, то, скорее всего, в виде исключения, нежели правила. Тем не менее, есть зарубежные и отечественные практики содействия занятости людей с синдромом Дауна. Нужно сказать, что в качестве возможных форм занятости людей с синдромом Дауна, помимо непосредственно трудоустройства, предлагаются терапия занятостью и включение в волонтерскую деятельность. Рассмотрим каждый из указанных вариантов.

В США для трудоустройства лиц с синдромом Дауна предусмотрена специальная система, включающая в себя и реализующая три основных направления.

Первое направление условно можно назвать «соревновательным». Это наиболее трудный для людей с синдромом Дауна вид трудоустройства, так как он предусматривает ограниченную поддержку. В данном случае человек с синдромом Дауна может рассчитывать на минимальную помощь в работе, которая будет оказываться только в начальный период трудоустройства. Здесь используется такой метод, как «постепенное исчезновение», то есть, помощь в работе оказывается, но постепенно её объем снижается, и в результате она перестает осуществляться совсем. Название этого вида поддержки обусловлено наличием нескольких требований по отношению к будущим работникам. Стать участником такого рода программы есть возможность только у тех людей, которые обладают определенными навыками для будущей профессии, имеют опыт такой работы в прошлом.

Второе направление называется «поддерживающим». Здесь помощь работнику с синдромом Дауна может оказываться в любое время, когда она ему понадобится. Хотя, стоит отметить, что реализовать это право в полной мере очень часто становится затруднительно, так как многие компании стараются, по возможности, ограничивать время помощи, так как постоянная помощь предполагает большие материальные затраты.

И третье направление – «защищенная занятость» (более мягкий термин в сравнении с «мастерскими для инвалидов»). Речь идет об учреждениях, которые люди с инвалидностью посещают ежедневно и имеют возможность выполнять там оплачиваемую работу на основе субподряда (например, обработка почтовых отправлений, упаковка товаров, сборка).

Помимо трех возможных видов трудовой занятости, доступных для людей с синдромом Дауна в США, нужно еще назвать волонтерство. При этом человек не может быть волонтером там, где другие получают за выполнение той же работы деньги. Волонтерство может использоваться часто для того, чтобы получить опыт работы [1].

Еще один пример – это программа «WorkFit», официально запущенная в 2012 г. в Великобритании, предназначенная для поддержки работодателей в создании рабочих мест для людей с синдромом Дауна, а также обеспечения конкретной поддержки как организации, так и потенциальному ищущему работу.

Создан специальный сайт, который выступает в качестве центрального узла, соединяющего работодателей и ищущих работу людей с синдромом Дауна. Через веб-сайт работодатели могут запросить профили возможных кандидатов. На сайте можно найти видео-ролики, в которых демонстрируются возможности ищущих работу. Кандидаты на рабочие места, в свою очередь, имеют непосредственный доступ к информации о работодателях [2].

В Великобритании большие возможности для людей с синдромом Дауна предлагает также волонтерская деятельность.

В содействии трудоустройству людей с синдромом Дауна значимую роль играют их родители. Ресторан «Locanda dei Sunflowers» в Риме (Италия) был проектом группы родителей больных с синдромом Дауна. «Официально заведение является кооперативом с частичным муниципальным финансированием. ...Сейчас в ресторане занято семеро сотрудников с тяжелым диагнозом. Они не только обслуживают клиентов, являясь официантами во всех залах, но и заведуют кухней» [3].

В России все большее внимание уделяется комплексной реабилитации, в системе которой находят свое место и меры профессионально-трудовой реабилитации инвалида. Однако трудно говорить о трудоустройстве взрослых инвалидов, у кого есть интеллектуальные нарушения, и в том числе – синдром Дауна, поскольку существует проблема перехода подростков с особыми потребностями ко взрослой жизни.

Благотворительный фонд «Даунсайд Ап» (г. Москва) в марте 2016 г. объявил в прессе о создании нового направления их работы – профориентация и трудоустройство молодых людей с синдромом Дауна. По словам директора по развитию фонда Ирины Меньшиной, в данный момент ведутся переговоры с тремя потенциальными площадками, которые помогут наладить процесс подготовки ребят к разным профессиональным сферам. Это работа в офисе, в сфере общественного питания и в магазине [4].

В Псковской области действуют «Производственно-интеграционные мастерские для инвалидов имени Вернера Петера Шмитца» [5; 490-499]. Основной целью их деятельности является профессиональная и социальная реабилитация людей с ограниченными умственными и (или) физическими возможностями. Мастерские помогают освоить разные виды профессиональной деятельности, обеспечивают инвалидов трудовой занятостью.

В мастерские принимаются молодые люди с умственными и физическим нарушениями развития, I, II, III групп инвалидности, достигшие возраста 18 лет. Занятость инвалидов осуществляется на добровольной основе (при приеме в мастерские с опекуном или самим инвалидом заключается договор). В мастерских используется слово «занятые». Один раз в месяц каждому выплачивается пособие за труд – социальное пособие, порядок определения размера которого и выплаты регламентирован в организации.

В структуре Производственно-интеграционным мастерских есть тренировочное отделение, куда поступают все вновь принятые молодые люди (исключая ребят с очень тяжелой степенью инвалидности). Отделение создано с целью трудовой подготовки молодых людей с ограниченными возможностя-

ми и включения в деятельность производственных отделений мастерских. Подбор адекватного вида деятельности (например, деревообработка, швейное отделение, прачечное отделение, картонажное отделение) для каждого инвалида – главная задача тренировочного отделения.

Люди с тяжелыми и множественными нарушениями развития посещают отделение развития и ухода, где ведутся занятия по социально-трудоустройственной адаптации.

Нужно сказать, что терапия занятостью широко распространена и имеет большой охват сфер деятельности и возможностей реализации. В настоящее время в России существует немало видов подобной занятости, в том числе для людей с синдромом Дауна.

Волонтерство же людей с синдромом Дауна рассматривается как вид занятости в приведенных примерах лишь за рубежом.

На основе представленных примеров существующего опыта содействия занятости людей с синдромом Дауна можно говорить о ряде субъектов и их различных ролях в этом процессе. В частности, это государство (например, программы субсидирования занятости и программы сопровождения); работодатели (например, создание специальных вакансий); родители детей с синдромом Дауна (например, создание родительского бизнеса); гражданское общество (например, развитие некоммерческими организациями мастерских для инвалидов).

Литература

1. Employment & Volunteer Work [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ndss.org/Resources/Transition-and-Beyond/Employment-Volunteer-Work/>. (Дата обращения: 01.06.2016).

2. WorkFit: Growth Leads to More Opportunities for People with Down's syndrome [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.downs-syndrome.org.uk/news/workfit-growth-leads-to-more-opportunities-for-people-with-downs-syndrome/>. (Дата обращения: 01.06.2016).

3. В Риме заработала пиццерия для трудоустройства людей с синдромом Дауна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://media.downsideup.wiki/ru/post/v_rime_zarabotala_piccerija_dlja_trudoustrojstva_ljudej_s_sindromom_dauna. (Дата обращения: 01.06.2016).

4. В России начнется работа по трудоустройству молодых людей с синдромом Дауна [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/social/news/2016/03/21/n_8397047.shtml (Газета.ру). (Дата обращения: 01.06.2016).

5. Производственно-интеграционные мастерские для инвалидов (Псковская область) // Энциклопедия социальных практик поддержки инвалидов в Российской Федерации / Под ред. проф. Е.И. Холостовой, проф. Г.И. Климантовой. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2015. С.490-499.

**НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ
ИХ РЕШЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ)**
**ILLEGAL MIGRATION IN THE REGION: PROBLEMS
AND SOLUTIONS (THE REPUBLIC OF MARI EL)**

Л.М. Низова, Е.А. Шалаева

*Поволжский государственный технологический университет,
г. Йошкар-Ола*

L.M. Nizova, E.A. Shalaeva

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola

Дается оценка состояния нелегальной миграции в Республике Марий Эл и роли специалистов миграционной службы по сокращению ее объемов, повышению эффективности трудовой миграции и снижению влиянию мигрантов на криминальные структуры. На основе мониторинга выявленных проблем внесены пути их преодоления.

The estimation of illegal migration in the Republic of Mari El and the role of professionals Migration Service to reduce its volume, increasing the efficiency of labor migration and reduce the impact of migrants on the criminal structures. On the basis of the monitoring problems identified included ways to overcome them.

Ключевые слова: мигранты, нелегальная миграция, криминальные структуры, «группа риска», патенты.

Keywords: migrants, illegal migration, criminal structures, "risk group" patents.

Нелегальная миграция – проблема, которая распространена во многих странах мира, включая Россию. Это объяснить можно тем, что мигранты стремятся в более развитые страны для получения хорошей заработной платы и места проживания. Но, к сожалению, не каждый человек пересекает территорию другого государства законно. К нелегальным мигрантам можно отнести лиц, которые нарушили правила въезда на территорию чужой страны либо правила пребывания на ее территории.

Экономические проблемы, вызванные нелегальной миграцией, состоят в том, что иностранцы не платят налоги государству; вместо того, чтобы создавать высокооплачиваемые рабочие места для граждан своей страны, работодатели предпочитают дешевый труд мигрантов, тем самым тормозят развитие производства, создавая безработицу среди коренных жителей [1].

По данным Автоматизированной системы аналитической отчетности, почти 25% мигрантов превысили срок своего нахождения и составляют так называемую «группу риска». В них лидирующие позиции занимают граждане: Украины 303 человека, или 38,2% от общего количества входящих в «группу риска»; Узбекистана 113 человек, или 14,2%; Азербайджана 107 че-

ловек, или 13,5%. По возрастному распределению «группы риска»: в возрасте 18-29 лет составляют 38,7%, 30-39 лет – 22,9%, 40-49 лет – 13,0%, старше 49 лет – 38,4% [2].

Нередко нелегальные мигранты вступают в криминальные структуры. Так, в 2015 г. на территории республики зафиксировано 43 преступления, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, что составило около 0,9% от всех расследованных преступлений, по которым лица установлены. Преступления совершены гражданами Украины (22 факта), Азербайджана (5 фактов), Узбекистана (4 факта). Основные составы преступлений, совершенных иностранными гражданами, – незаконное хранение или распространение наркотических средств – 14 преступлений, использование заведомо подложного документа – 10 преступлений, кража – 4 преступления.

Безусловно, в «группе риска» абсолютный показатель больше у иммигрантов, которых в целом больше в республике. Но это не всегда означает, что они самые законопослушные. Если же рассчитывать соотношение «группы риска» к общему числу находящихся по каждой группе мигрантов (по стране), то может оказаться, что малочисленно представленные мигранты из определенной страны имеют наивысший удельный вес «незаконности». Например, долгое время лидером как по находящимся в республике, так и «группе риска» в абсолютных цифрах были граждане Узбекистана, но соотношение «группы риска» граждан Узбекистана к общему числу находящихся граждан Узбекистана в 2015 г. только 20,0%, тогда как у граждан Азербайджана такое соотношение составляет 34,3%.

В 2015 г. депортировано 11 иностранных граждан, направлено 210 представлений о закрытии въезда, вынесено 95 решений о сокращении срока временного пребывания.

В ходе рассмотрения фактов нарушения миграционного законодательства в 2015 г. выявлено 967 иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации с нарушениями режима пребывания (проживания) и/или осуществления трудовой деятельности [2].

В целях сокращения нелегальной миграции Президент РФ в своем послании Федеральному Собранию обратил внимание на оформление патентов: «Нужно упорядочить приём на работу иностранных граждан, прибывающих в Россию в безвизовом порядке, усилить ответственность работодателей за использование труда иностранных работников» [3]. Раньше патенты выдавали только тем работникам, которые устраивались на работу к частным лицам. Получить такой документ было просто, и стоил он недорого. Тысячи «домашних работников» трудоустроивались в крупных городах, фактически нарушая законодательство, и работали, где придется. Теперь порядок полу-

чения такого патента изменился. Чтобы его получить, нужно сдать тесты на знание языка, культуры и законов РФ, приобрести полис медицинского страхования. Все эти процедуры платные, поэтому количество желающих уменьшается. Если через месяц мигрант не получил патент, он обязан вернуться на родину [4].

Из ограничительных мер, принятых к началу 2016 г., можно назвать повышение стоимости оформления документов и увеличение срока, в течение которого разоблаченным и депортированным нелегалам запрещено пересекать российскую границу.

С целью фиксации (выявления) адресов «резиновых» квартир, в которых поставлено на регистрационный учет по месту жительства и по месту пребывания большое количество иностранных граждан, используются выгрузки из прикладного программного обеспечения «Территория». В настоящее время «резиновых» адресов на территории республики (где зарегистрировано более 10 иностранных граждан) нет [2].

Для сокращения объема нелегальной миграции и устранения выявленных проблем считаем целесообразным принять следующие меры:

- ✓ ужесточить контроль за реализацией Федерального закона №115 от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»;
- ✓ создавать достойные условия проживания, возможность для трудоустройства, повышения образовательного уровня мигрантов;
- ✓ поднимать роль и ответственность специалистов подразделения МВД по вопросам миграции;
- ✓ развивать социальное партнерство, заинтересованных органов и организаций.

Литература

1. Причины и способы решения нелегальной миграции в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.zagrandok.ru/>. (Дата обращения: 16.07.2016).
2. Управление по вопросам миграции МВД по Республике Марий Эл [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.12.fms.gov.ru/>. (Дата обращения: 16.07.2016).
3. Послание Президента Российской Федерации от 12 декабря 2013 г [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>. (Дата обращения: 16.07.2016)
4. Низова Л.М. Миграция: особенности, проблемы и пути решения (на примере Республики Марий Эл) / Л.М. Низова, Е.А. Шалаева // Кадровик. 2016. №7.

**БЕССИСТЕМНОСТЬ СИСТЕМЫ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ
И ПОДРОСТКОВ ОТ НАРКОТИКОВ**
**SYSTEMLESS CHARACTER OF CHILDREN'S AND TEENAGERS'
DRUG PROTECTION SYSTEM**

И.И. Осипова

Национальная Ассоциация Реабилитационных Центров, г. Москва

I.I. Osipova

National Association of rehabilitation center, Moscow

Тезисы посвящены проблеме отсутствия законодательных актов, единых подходов к проблеме защиты детей, подростков и молодежи от вовлечения в наркопотребление, видам профилактики данного явления и особенностям проведения профилактической деятельности.

The paper reveals absence of legal acts and agreed approaches to the problem of children's, teenagers' and youth's drug use, types and specifics of its prevention.

Ключевые слова: синтетические наркотики, несовершеннолетние потребители, виды профилактики, тестирование на наркотики, учителя, родители.

Keywords: synthetic drugs, underage drug users, types of prevention, testing for drugs, teachers, parents.

Ежегодно от передозировок и соматических заболеваний, связанных с потреблением наркотических средств и психотропных веществ, несчастных случаев и самоубийств, совершенных в состоянии наркотического опьянения, погибает до 70 тысяч человек, подавляющее большинство из которых – молодые люди в возрасте от 15 до 35 лет.

На конец 2014 г. специализированными наркологическими медицинскими организациями страны зарегистрировано 547 – 215 потребителей наркотиков (374,1 на 100 тыс. населения), из которых 321 796 – больные наркоманией, 225 419 – пациенты с диагнозом «пагубное (с вредными последствиями) употребление наркотиков». Наряду с ростом первичной заболеваемости наркоманией в 2014 г. на 9,5 % выросла обращаемость за медицинской помощью в наркологические медицинские организации по поводу пагубного употребления наркотиков.

За 2014 г. было выявлено на 25% больше преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершенных несовершеннолетними (3142; в 2013 г. – 2516). Наибольшую долю составляют преступления, совершенные несовершеннолетними, предусмотренные ст. 228 УК РФ – 83,5% (в 2013 г. – 79,2%) (приобретение, хранение, изготовление).

Среди подростков и молодежи сохраняется негативная тенденция: рост первичной заболеваемости наркоманией, обусловленной распространением

новых психоактивных веществ – синтетических каннобиноидов и психостимуляторов (так называемые «спайсы», «соли» и т.д.).

С предложением попробовать наркотики сталкивается каждый четвертый опрошенный гражданин. Если в начале 2000-х гг. средний возраст первой пробы наркотика составлял 9-13 лет, то в 2014 г. средний возраст начала употребления наркотиков составляет 15-20 лет.

В последние годы руководством страны приняты ряд документов: Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г.», которая предусматривает системные изменения по сокращению спроса на наркотики путем совершенствования системы профилактической, лечебной и реабилитационной работы. Создан принципиально новый для Российской Федерации институт правового побуждения потребителей наркотиков к прохождению лечения, реабилитации и ресоциализации в рамках как уголовного, так и административного судопроизводства. В целях создания системы альтернативного уголовному наказанию механизма освобождения от наркозависимости Уголовный кодекс РФ (далее – УК России) дополнен статьей 82.1, установившей, что лицам, впервые осужденным за совершение преступлений, предусмотренных частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 223 УК России, и изъявившим желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию, может быть отсрочено реальное отбывание наказания. Введен законодательный запрет на оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ.

По ряду причин проблема наркотизации несовершеннолетних вышла на первый план и является сверхактуальной:

1. Не разработана система профилактики наркопотребления среди населения, многие попытки профилактических бесед учителей с детьми в образовательных учреждениях приводят к обратному эффекту. Учителя не знают, как правильно вести эту работу, не владеют методикой и необходимыми материалами.

2. Родители не считают нужным разговаривать с детьми на эту тему, считая, что эта беда их никогда не коснется. И это при том, что сегодня в группе риска все дети, и дети из благополучных семей наиболее уязвимы во всех отношениях.

3. Система медицинского тестирования на наркотики, введенная в ряде регионов в образовательных учреждениях, неэффективна, так как не определяет дизайнерские наркотики, которые из-за доступности наиболее часто потребляют подростки.

4. Медицинское тестирование является добровольным и анонимным, что практически полностью исключает выявление подростков-потребителей психоактивных веществ.

5. Отсутствует система консультирования родителей, самих подростков специалистами по проблеме зависимости. Если у родителей возникают какие-либо подозрения, обратиться с этим некуда без риска огласки.

6. В России всего 3 государственных специализированных реабилитационных центра для несовершеннолетних потребителей: центр «Возрождение» (Москва), центр «Ариадна» (Московская область) и центр «Герда» (Татарстан).

7. Отсутствие программ реабилитации несовершеннолетних, стандартов оказания помощи и нормативной базы для выявления и реабилитации несовершеннолетних потребителей делает практически невозможным процесс реабилитации.

Может быть, с профилактикой все более понятно и перспективно?

Первичная профилактика – это информационно-методическая работа с учителями, преподавателями, предоставление им апробированных, адаптированных и безопасных для работы с детьми материалов. Этим должны заниматься ресурсные центры, которые бы аккумулировали весь эффективный опыт работы с детьми и подростками с различными формами аддиктивного поведения и зависимостями и обучали специалистов, работающих с детьми, правилам и нормам предоставления материалов детям в рамках учебной и внеурочной деятельности. Таковых нет.

Вторичная профилактика – это работа по раннему выявлению подростков и молодежи в образовательных учреждениях и социуме, имеющих первичный опыт потребления. Задача этапа – противодействие систематическому потреблению, вовлечению других и оказание помощи потребителю. В Московской области силами специалистов образовательного учреждения для зависимых подростков «Ариадна» проводится психолого-педагогическое тестирование учащихся школ области от 14 до 17 лет, согласно которому определяется некая группа риска и основные факторы, толкающие ребят к употреблению, как правило, детско-родительские отношения, недостаточность коммуникативных навыков и другие общеизвестные подростковые проблемы. Набор методик тестирования определен Министерством образования и науки РФ. Центр «Ариадна» разработал программу обработки данных тестирования, которая позволяет корректировать образовательные и психолого-педагогические программы образовательных учреждений. Дело за малым, чтобы психологи в образовательных учреждениях работали по скорректиро-

ванным программам с детьми и родителями, подготовленные учителя вели занятия с детьми по адаптированным программам.

Третичная профилактика – это профессиональная работа с подростками и молодежью, прошедшими реабилитацию и возвращающимися в привычный социум по противодействию срывам (рецидивам). Сошлемся снова на опыт «Ариадны». При учреждении построен «Дом на полпути», позволяющий реабилитантам жить уже не на территории центра под жестким контролем и в условиях изоляции от внешнего мира, а рядом, в другом здании, но с возможностью продолжать обучение, искать работу, общаться с родственниками и посещать занятия со специалистами центра, оказывающим им психологическую поддержку. Они пока не вернулись домой, в свой город, школу, училище, они учатся жить без наркотиков как средства решения всех проблем. Психолого-педагогическая и социальная реабилитация – очень длительный процесс, занимающий несколько лет, а противостоять искушению принять наркотик им придется всю жизнь.

Все государственные лечебно-диагностические организации работают по факту, т.е. по обращению либо определению наркозависимого на лечение, прекратить которое он может в любой момент. Наркозависимые соглашаются на лечение из-за страха, вынуждены идти на этот шаг из-за конфликтов с законом или родителями, в связи с серьезными проблемами со здоровьем. Но в результате, до конца курса лечения «доходят» единицы. Программы детоксикации (медицинской реабилитации) занимают от 5 до 21 дня, наркоманам помогают физически освободиться от наркотика, что позволяет им снизить дозу, но снять психологическую зависимость (тягу) за этот период невозможно. Сегодня появились организации, пытающиеся совмещать медицинскую и социальную реабилитации, что, на мой взгляд, не совсем правильно, ибо одни должны лечить, а другие учить, иначе все будет как всегда: сапоги шьет пирожник, а пироги печет сапожник...

Литература

1. Государственный доклад «О ходе реализации государственной антинаркотической политики», Государственный совет РФ, 2015.
2. Комплексная реабилитация и ресоциализация наркозависимых лиц. Сборник методических материалов, Москва, 2015, 176 с.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К РЕАБИЛИТАЦИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ
ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ**
**CONTEMPORARY APPROACHES TO UNDERAGE DRUG ADDICTS'
REHABILITATION**

И.И. Осипова

Национальная Ассоциация Реабилитационных Центров, г. Москва

I.I. Osipova

National Association of rehabilitation center, Moscow

Рассматривается проблема подростковой наркотизации, распространенные причины вовлечения несовершеннолетних в зависимость, особенности и отличия детской реабилитации от взрослой. Даны основные отличия в подходах к реабилитации несовершеннолетних от зависимости в существующих реабилитационных центрах.

The paper focuses on the problem of teenage drug addiction together with the most common reasons why underages get addicted, it also reveals differences between adult and child rehabilitation. The paper also describes key differences in approaches to rehabilitate underage drug users in available centers.

Ключевые слова: подростковая наркотизация, спайсы, мотивирование, реабилитанты, терапевтическая среда, изоляция, ресоциализация.

Keywords: teenage drug addiction, spices, motivation, rehabilitants, therapeutic environment, isolation, resocialization.

По данным ликвидированного в 2016 г. ФСКН, в России более 8млн. человек имеют опыт потребления наркотиков. Учитывая, что в России всего 150 млн. жителей, включая младенцев и стариков, это значит, что каждый пятый житель нашей страны в возрасте от 14-40 лет пробовал или употребляет наркотики.

С 2004 г. в России на смену "традиционным наркотикам" пришли синтетические наркотики и прежде всего это Spice (курительная смесь). Употребление данного наркотика часто вызывает паранойю, галлюцинации, раздвоение личности. Иногда однократного употребления достаточно, чтобы человек в измененном сознании покончил жизнь самоубийством или совершил тяжкое преступление. Но самое удивительное, что это вещество не является наркотиком, а по стоимости – 300 руб. за дозу доступно каждому.

Из истории психоактивного вещества известно, что впервые на рынке он появился в 2000 г. С 2004 г. о нем уже стали говорить в прессе и профессиональных кругах психиатров-наркологов. Этот наркотик называли "Spice" ("Спайс"), что в переводе с английского означает «приправа», «специя» –

один из брендов синтетических курительных смесей, поставляемых в продажу в виде травы с нанесённым химическим веществом. Обладает психоактивным действием, аналогичным действию марихуаны. Избавление от зависимости – трудоемкий процесс.

В подходах к реабилитации несовершеннолетних выявлен ряд существенных отличий от реабилитации взрослых и принадлежности центра к тому или иному ведомству.

Отличия реабилитации взрослой от реабилитации подростков:

- ❖ Расстройство поведения на базе гедонистических ощущений.
- ❖ Отсутствие опыта потери, утраты, психологической травмы у подростков, которые зачастую попадают на реабилитацию по настоянию родителей (родственников), правоохранительных органов, т.е. не собственное решение, потреблять вещества им нравится, зависимости не признают, уверены, что потреблять это круто, весело.
- ❖ Расстройство внимания (грубо конкретное мышление, отсутствие образности).
- ❖ Причина наркотизации – душевные дефициты, дефицит внимания, понимания процессов становления личности подростков.
- ❖ Стремление к подражанию, необходимость формирования среды, которая отвечает на глубокие потребности личности (принятие, уважение, самоценность и др.).
- ❖ Для подростков важно понимать иерархию в отношениях взрослых – подросток, поэтому очень важна личность взрослого, образца для подражания.

Каким образом на реабилитацию влияет ведомственная принадлежность центра? В ведомстве образования во главу угла реабилитации несовершеннолетних зависимых поставлены педагогические технологии, например, в Центре «Ариадна» Московской области; социальные технологии в учреждениях социальной защиты населения (Центр «Возрождение», Москва; центр «Герда», Татарстан); медико-психологический подход в учреждениях здравоохранения (наркологические центры Москвы, Кирова и др.). Из 50 учреждений, которые были организованы в регионах 20 лет назад, направленных на реабилитацию и профилактику наркотизации несовершеннолетних, в настоящее время остались лишь учреждения наркологической направленности (здравоохранение), 3 специализированных учреждения для реабилитации наркозависимых подростков на всю Россию: «Ариадна» (Московская область), «Возрождение» (г. Москва) и «Герда» (Татарстан).

Отличительной особенностью реабилитации несовершеннолетних является необходимость создания общеобразовательного сегмента при учреждении

реабилитации, так как, как правило, подростки являются учащимися школы, и период реабилитации (до 2 лет) не позволяет прервать образовательный процесс, в то же время диктует необходимость изоляции реабилитанта от социума.

Второй особенностью в организации реабилитационного процесса является особенность внутреннего режима пребывания несовершеннолетних:

✓ В «Ариадне» есть убеждение, что реабилитационный процесс должен строиться на воспитательных мерах, способствующих развитию ребенка, самосознанию, развитию когнитивных и сенсорных, эмоциональных, тактильных составляющих, погружению подростков в терапевтическую мягкую среду, ибо подростки, прошедшие через зависимость, имеют опыт выживания в нечеловеческих условиях, в отсутствие ухода, медицинской помощи, питания и т.д.

✓ В «Возрождении» весь процесс построен на жесткой дисциплине, основа – формирование контроля, самоконтроля, ответственности, коллективных форм ответственности.

✓ В «Герде» процесс направлен на служение, помощь нуждающимся, осознание ими своих сил и возможностей для оказания помощи более слабым.

Обязательные условия медико-психолого-педагогической реабилитации несовершеннолетних:

1. Концепция реабилитации (болезнь – выздоровление).
2. Терапевтическая среда (отсутствие насилия, психологическая поддержка, социальное служение, воспитание высших чувств, духовное развитие).
3. Система поддержки специалистов реабилитационных центров (подготовка-обучение, профессиональные супервизии, консилиумы, программы профилактики профессионального выгорания).
4. Коллегиальность (единство понятий, понимание зон компетентности и универсальность понимания целей).
5. Подлинность (отношений, чувств, целей).
6. Мотивирование и стимулирование реабилитантов и созависимых взрослых.
7. Объект лечения: семья.
- 3 Контента: подростки; семья; специалисты.
8. Образовательный процесс в рамках реабилитации.
9. Социальная адаптация (театры, музеи).

Технология мотивирования:

Мотивация – это помощь подростку в осознании противоречий между его жизненными потребностями и теми результатами, которых он достигает в связи с реализацией своего зависимого поведения. Мотивация на изменение проблемного поведения должна быть сформулирована во внутреннем мире подростка и не может быть привнесена извне.

Правила организации профилактики наркопотребления среди подростков и молодежи:

1. Работа в школах, колледжах с преподавателями, родителями (просветительская деятельность по признакам наркотического потребления, особенностям поведения, лечения в форме лекций, родительских собраний, родительских комитетов).
2. Воспитание вместо запугивания.
3. Возрастная дифференциация.
4. Работа с учителями (беседы, тренинги, консультации, раздаточный материал).
5. Горячая телефонная линия для родителей.
6. Консультационные центры, кабинеты для родителей.
7. Организация работы на конструктивной основе.
8. Опора на возрастную психологию.
9. Регулярность и систематичность.
10. Компетентность, подготовка специалистов, ведущих профилактику.
11. Профилактика должна быть направлена на повышение компетентности педагогов, родителей и подростков.

Причинами зависимости часто являются: подавленные комплексы человека; неумение решать проблемы; ставить перед собой цели и получать желаемое; низкая или, наоборот, завышенная самооценка; неумение справляться со своими чувствами; нехватка или даже отсутствие веры в себя и Бога; душевная пустота; отсутствие ценностей; потеря смысла жизни; подражание; коммуникативный допинг; выражение сопротивления или протеста, привлечение внимания учителей, родителей, окружающих к своей персоне; желание по-

чувствовать себя старше своих сверстников; снятие эмоционального напряжения и чувства неудовлетворённости; неосознанное стремление избавиться от плохого настроения; способ «уйти» от проблем; желание испытать неизведанное наслаждение, «кайф»; мода на употребление; несовершенство действующего законодательства, а также отсутствие надлежащего таможенного и пограничного контроля.

Психотерапевтическая версия причинно-следственных связей в формировании зависимости (Р.К. Назыров):

- 1) У подростка имеется исходная недостаточность волевых качеств.
 - 2) Психотравмирующее воспитание в детстве: сочетание эмоционального отвержения со стороны родителей с гиперопекой (постоянным диктатом как надо поступать/с кем общаться/чем заниматься).
 - 3) Подросток научается постоянно ориентироваться на значимые/авторитетные фигуры, ищет сильного друга/партнера.
 - 4) Самооценка определяется только внешними факторами (поддержали – «Я – гений», подвергли критике – «Я – ничтожество») – формируется поляризованная самооценка.
 - 5) У подростка формируется психологическая особенность – недостаточная эмоциональность, неспособность различать и выражать чувства.
 - 6) Обыденная жизнь оказывает фрустрирующее воздействие (постоянно преследует скука – от жизни под чужую диктовку, жизнь «серая» и похожа на бег по кругу – одни и те же дела, одни и те же лица).
 - 7) Внутриличностный конфликт «всемогущества – малоценности» воспроизводится в реальности: подросток сначала идеализирует значимых людей «Вы гений», затем обесценивает, разочаровывается. Его «преследуют» трудности в контактах с людьми.
 - 8) Опыт соприкосновения с алкоголем, ПАВ или другим аддиктивным стимулом, так как подросток не способен радоваться обыденной жизни, эйфория, полученная «химическим путем», сверхценна.
 - 9) Затем ПАВ начинает применяться как костыль/обезболивающее при трудностях жизни.
 - 11) Подросток вовлекается в среду зависимых, теряет прежние социальные связи.
 - 12) Постепенно социальные связи заменяются объектом зависимости.
- Существует несколько видов зависимостей: игровая, компьютерная, пищевая, алкогольная, табачная, наркотическая, и все они формируются по одному принципу, ото всех видов очень тяжело избавиться. А начинается все в раннем детстве, когда родителям не хватает времени на воспитание собственных детей.

Литература

1. Назыров Р.К. автореферат докторской диссертации «Научный анализ состояния психотерапии в России и теоретико-методологическое обоснование её дальнейшего развития, СПб, 2012 г.
2. Иманбаев Э.М. Психотерапия аддиктивного поведения у подростков на примере гашишизма. Автореф. дисс. на соиск. научн. степ. канд. мед. наук. Алматы, 1997.
3. Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/sootnoshenie-meditsinskoi-pravovoi-i-sotsialno-psikhologicheskoi-modelei-profilaktiki-molode#ixzz4MD1qE1sk>. (Дата обращения: 12.07.2016).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ РЕСУРСЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ SOCIAL AND CULTURAL RESOURCES OF SOCIAL WORK OF RELIGIOUS ORGANIZATIONS

И.Э. Петрова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

I.E. Petrova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Социокультурные аспекты социальной работы изучаются многими российскими и зарубежными исследователями. В российской науке это направление в последнее десятилетие можно разделить на два значимых течения. Одно из них традиционно представлено научными трудами о ценностной системе социальной работы, которую описывают в идеализированном ключе, вне зависимости от существующих экономико-политических режимов. Вторая группа исследователей работает в разных творческих коллективах с Е.Р. Ярской-Смирновой. Социокультурные ресурсы социальной работы увязываются с политическими и экономическими режимами, процессом профессионализации и развитием культуры современного общества.

Social and cultural aspects of social work are studied by many Russian and foreign researchers. In this direction the Russian science in the last decade can be divided into two major currents. One of them has traditionally presented a treatise on the value system of social work, which is described in an idealized way, regardless of the current economic and political regimes. A second group of researchers are working in different creative groups with E. Yarskaya-Smirnova. Social and cultural resources of social work are linked with the political and economic regimes, the process of professionalization and development of the culture of modern society.

Ключевые слова: социальная работа, религиозные организации, социокультурные аспекты, ценности, ресурсы.

Keywords: social work. Religious organizations, socio-cultural aspects, values, resources.

Социокультурные ресурсы представляются весьма важной темой для изучения социальной работы религиозных организаций.

А.К. Сельченков в диссертационном исследовании формулирует понятие ресурсов профессионализации социальной работы как «возможности и условия повышения мастерства и статуса, которые в случае их актуализации превращаются в активы и могут становиться капиталом профессии». По мнению автора, ресурсы профессионализации социальной работы аккумулируются на макроуровне (государство, рынок), мезоуровне (организации) и микроуровне (специалисты).

Основное внимание исследователь уделяет социокультурным ресурсам профессионализации социальной работы и включает в этот список условия формирования групповой идентичности, культурные ценности, установки и способы повышения престижа, в том числе признание роли квалификации, профессиональных объединений, этического кодекса [1, с. 13,14].

А.К. Сельчёнок в рамках диссертационного исследования анализирует категорию социального закрытия профессии. Как показывает автор, социальное закрытие социальной работы в России «основано не на формальных креденциях, а на консенсусе в отношении ценностного ядра в рамках практического опыта в учреждении, причем именно опыт работы выступает определяющим ключом доступа в профессию» [1, с. 15,16]. По результатам исследования, к параметрам социального закрытия исследователь относит личностные качества, соответствующее образование и опыт профессионала.

Исследование темы социальной работы религиозных организаций невозможно без анализа экспертного мнения. Вход в неизвестное, неструктурированное поле подразумевает начальный опрос значимых акторов этой деятельности.

В период с 2010 по 2013 гг. автором были собраны интервью и материалы опубликованных интервью священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций, общим количеством 59. Интервью в среднем длилось около 1 часа. Преобладают интервью представителей христианства и РПЦ, в частности. Помимо интервью в анализ были включены материалы дискуссий и конференций. Для обработки полученных данных применен метод контент-анализа с использованием специализированного пакета Лекта. Базовый словарь составил более 38000 слов. Объем словаря для изучения интересующей проблемы 145 семантических цепочек. В результате было получено 18 факторов, объясняющая способность модели 25%.

Одной из значимых тем обсуждения по результатам контент-анализа стали социокультурные особенности социальной работы религиозных организаций.

Фактор включает в себе такие лексемы, которые определяют социокультурную специфику социальной работы религиозных организаций: автор и авторитет; система воззрений и традиции; проблемы и чувства; а также весьма объемный блок о мусульманских организациях (мусульмане, радикалы, молодежь) и деструктивных течениях, что позволяет провести сравнительный анализ ценностей социальной работы разных конфессий.

Тематика *культурных особенностей* в рамках фактора очень насыщена, вбирает в себя такие подтемы, как влияние национальных культур и культурных традиций на социальную работу, а также духовность в социальной работе.

Вместе с тем, очевидно самой яркой подтемой в рамках этого фактора является проявление *любви* в служении людям. *Любовь*, внимание, личное отношение, самопожертвование – эти категории используются в большинстве интервью для того, чтобы подчеркнуть специфику социальной работы именно религиозных организаций. Практически постулируется, что любовь – главное в отношении к служению, социальной работе, людям и клиентам, в частности.

Следующей по значимости подтемой следует назвать *духовность*. Так или иначе конструкты со словом дух, духовный, духовность используются более чем в половине цитат из представленного фактора. Как правило, респонденты подразумевают духовность в религиозном понимании этого слова, как соотнесение с Богом, но иногда возникает и внерелигиозное употребление этих понятий.

Любовь к своему служению, любовь к людям всем, любовь к клиентам и сотрудникам – это двигательная сила всей социальной работы религиозных организаций.

Можно говорить, что особое внимание именно любви к делу – это признак недостающего профессионализма, как это и было в период становления светской социальной работы. С другой стороны, богословские основания социальной работы религиозных организаций включают в себя Любовь Бога к людям и, значит, воплощение этой любви в деле помощи Его последователей нуждающимся. Разобраться в этом помогут дальнейшее исследование, но уже сейчас следует обратить особое внимание на значимость любви в мнении экспертов.

Больше всего о любви говорят представители Русской Православной Церкви – и это тем более показательно, что и наибольший объем социальной работы проводят сейчас, на мой взгляд, организации РПЦ.

Отношение к работе часто в интервью описывается в терминах призвания к служению. Это можно объяснить двояко – самым ранним началом профес-

сионализации социальной работы религиозных организаций, но и ее духовными аспектами, духовными основаниями участия человека в социальной работе.

Религиозные основания социальной работы в мире забыты в процессе секуляризации, оторваны от светской социальной работы, но они живы и действенны в работе религиозных организаций. Сотрудники религиозных организаций говорят о благословении Божьем и стремлении угодить Богу в своей работе.

Духовная сторона социальной работы религиозных организаций также является предметом особого внимания экспертов. Практически половина цитат этого фактора использует понятия, связанные со словом дух и однокоренными ему. Это становится важным показателем того, чем существенно отличается светская социальная работа и конфессионально окрашенная – в понимании сути проблем и отношений человека. Богословские основания социальной работы религиозных организаций на первое место возводят духовную сущность человека, проблем и цели самой социальной работы.

Прежде всего, многие эксперты говорят о кризисе духовности и духовном вакууме в современном мире и в России, в частности.

В качестве цели и основы для всякого социального служения респонденты указывают на необходимость духовного возрождения России. Об этом говорят представители всех конфессий без исключения.

В ответах экспертов представлены духовно-нравственные принципы социальной деятельности, духовные традиции, а также традиционная духовность.

Очень важным для анализа социальной работы религиозных организаций становится освещение таких тем, как духовные основы проблем и духовные запросы клиентов. По мнению экспертов, необходимо духовное просвещение, реализация веры в делах и проведение духовной реабилитации нуждающихся.

Очень интересным представляется подтема предоставления социальных услуг новыми религиозными движениями и деструктивными культами. Представители этих течений также используют конструкты духовного ценностей социального служения.

В качестве базы социальных проблем религиозные организации определяют безбожие и неверие, называют это главной причиной индивидуальных и общественных трудностей.

Социокультурные особенности социальной работы религиозных организаций отмечают эксперты разных конфессий. Прежде всего, речь идет о церковной культуре и воцерквлении студентов направления социальная работа в период обучения. При этом конструкт «культурная традиция» используется

как в позитивном, так и в негативном значении. В положительном – когда речь идет о приобщении человека к религии, и в отрицательном, когда совершается подмена понятий – вместо общения с Богом внимание переключается на формальное исполнение обрядов.

В качестве одной из важных особенностей социальной работы религиозных организаций западных стран называется длительный срок сохранения и передачи культурных традиций такой деятельности.

Часто эксперты говорят о духовных ценностях, напоминая, что социальная работа религиозных организаций базируется на них.

Респонденты указывают на моральные требования, которым соответствует социальная работа религиозных организаций. Эти требования применяются к поведению клиента, что воздвигает некоторые барьеры – клиент должен будет принимать моральное решение о выборе дальнейшей работы.

Очень интересным является анализ специфики языка экспертов социальной работы религиозных организаций, используемых категорий и транслируемых культурных кодов.

Так, социальный работник одного из приходов РПЦ в Москве рассказывает, что в храме и служении с бездомными сотрудники прихода договорились не употреблять слово «бомж» как унижительную стигму, понимая, что это усугубляет положение и ощущения клиентов.

Это была пора, когда бездомных штурмовали в прессе, хотели на них свалить все неурядицы. Вы, наверное, помните эту пору 93-го года. Как раз в это время вошло это слово, так вот укоренилась чиновничья аббревиатура, но она уже стала не аббревиатурой, а именем собственным, как что-то такое безобразное, такое отвратительное (РПЦ, мужчина, социальный работник прихода, Москва, 2011).

Очевидны вкрапления религиозных терминов, а также примеры обыденной лексики религиозных общин.

Эксперты считают, что социальный работник в религиозной организации должен быть в правильном положении перед Богом, чтобы действовать правильно, и к этому нужно прилагать усилия.

Как, например, прежде чем научиться красиво и быстро писать, нужно научиться писать палочки, затем буквы. Конечно, это самое важное – предстояние Богу, но чтобы этому научиться, необходимы определенные каждодневные упражнения (РПЦ, мужчина, служитель, Москва, 2011, интервью в интернете).

Нуждающийся человек должен получить не просто необходимую помощь, но и почувствовать отношение, «правильное» с точки зрения религиозного учения.

Одним из важных черт этого фактора – этнокультурная специфика. Как никакой другой, именно этот фактор насыщен цитатами из интервью деятелей социального служения в российском Исламе (почти половина, 156 цитат из 310). Очень много внимания респонденты уделяют аспекту благословения Бога в таком служении и проявлении любви к страдающим.

В целом можно выделить наиболее значимые конструкторы темы социокультурных особенностей социальной работы религиозных организаций – любовь, отношение к служению, духовность, традиции, авторитет, которые формируют общее пространство культуры социальной работы религиозных организаций.

Профессиональное самоопределение социальных работников религиозных организаций во многом определяется идеологией служения, традициями и социокультурными особенностями как на уровне всероссийского религиозного объединения (Русская Православная Церковь, Духовное управление мусульман России, Российский Объединенный Союз Христиан Веры Евангельской и других), так и условиями конкретной религиозной организации, которая и проводит социальную работу [2, с. 809].

Европейские религиозные организации, насчитывающие и до ста лет формального признания осуществления религиозной социальной работы, придерживаются общего внутреннего понимания отношения персонала к своей работе как к служению Богу и людям и необходимости поддержания единого социокультурного пространства религиозной социальной работы в пределах конфессии. Например, в учреждениях, поддерживаемых евангелико-лютеранской церковью Германии, невозможно продлить контракт с сотрудником, если он в пределах предыдущего срока нарушил церковные предписания (развелся с супругой и др.) [3, с. 497].

Социальная работа является значимым фактором маркировки социального пространства и некоторого отделения «своих» и «чужих», как это бывает в рамках любого социального института. В религиозной социальной работе добавляется понимание того, что клиент при обращении в такие организации может столкнуться с необходимостью сделать выбор в социокультурной сфере, в том числе, морального характера (относительно биоэтики, понимания семейного устройства и так далее) [4, С. 96]. Трансляция норм и ценностей религиозного института вполне осуществляется силами религиозной социальной работы, и это новое явление в пространстве социальной работы в России должно быть еще осмыслено.

Социокультурные ресурсы религиозной социальной работы составили важную часть рассуждений экспертов о ее развитии. Реальность социальной работы религиозных организаций подтверждает значимость этой сферы в

ежедневных практиках их сотрудников. Скорее всего, в России невозможно представить средневропейского понимания полной нейтральности религиозных социальных работников, если они исполняют социальную работу в рамках государственного задания за государственные деньги. Социокультурные особенности российской религиозной социальной работы пока, на мой взгляд, зачастую по значимости сравнимы с профессиональными качествами ее оказания.

Литература

1. Сельчёнок А.К. Социокультурные ресурсы профессионализации социальной работы в современной России / Дисс. канд. социол.н., 22.00.06, Саратов, 2015, 181 с.
2. Петрова И.Э. Социальные работники религиозных организаций: перспективы профессионального самоопределения / Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке. ННГУ, под общей ред. З.Х. Саралиевой, 2014. С. 808-814.
3. Петрова И.Э. Социальная работа религиозных организаций в России и Европе / Гуманитарии в XXI веке. МОН РФ, ННГУ, под общей ред. З.Х. Саралиевой, 2013. С. 492-498.
4. Петрова И.Э. Функциональный анализ религиозного института // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2014. № 1(33). С. 91-98.

ТЕХНОЛОГИЯ КОУЧИНГА В ПОДДЕРЖКЕ И РАЗВИТИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ COACHING TECHNOLOGY IN SUPPORT AND DEVELOPMENT OF HELPING PROFESSIONS SPECIALISTS

М.В. Придатченко

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

M.V. Pridatchenko

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается инновационная технология развития стратегического мышления, осознанности и ответственности деятельности, экологичного взаимодействия специалиста помогающей профессии и его клиентов.

Innovative technology of coaching is considered in the article. It helps in development of strategic thinking, activity's consciousness and responsibility, professional environmentally friendly interaction.

Ключевые слова: коучинг, осознанность, стратегическое мышление, целеполагание, экологичность.

Keywords: coaching, consciousness, strategic thinking, goal setting, environmentally friendly.

Профессиональная деятельность в социальной межличностной сфере является одной из самых ресурсозатратных и напряженных. Она требует от специалиста постоянной включенности, активности, адаптации к нуждам и индивидуальным особенностям клиента. Высокая степень психологического напряжения и лабильности становятся источниками усталости, депрессии, профессионального выгорания. Динамично изменяющаяся социокультурная сфера предъявляет к специалистам помогающих профессий высокие требования: расширение знаний, формирование и развитие новых компетенций, умений и навыков.

Коучинг – одно из направлений в ряду множества помогающих профессий. Коучинг представляет собой серию бесед-сессий длительностью от 30 до 60 минут, в процессе которых коуч задает клиенту открытые вопросы. Целью коучинга является развитие, продвижение клиента в определенной сфере. Это может быть профессиональная деятельность, обучение, личная жизнь, бизнес. Каждая сессия заканчивается планом действий клиента по достижению поставленной цели и определением срока выполнения первого шага.

Работа с человеком – это творчество. Все разнообразие форм человеческого взаимодействия невозможно зафиксировать в процедурах и проконтролировать точность их выполнения. Уникальность креативного действия складывается из контекста ситуации, знаний и компетенций специалиста, индивидуальных особенностей клиента. Зависимость от контекста, творческое содержание и игровой, ограниченный во времени и пространстве характер, насыщают взаимодействие духовно, повышают его эффективность, но делают менее уловимым для фиксации и оценки. Динамика процесса оказания помощи, автоматизм профессиональных практик лишают специалиста помогающих профессий ресурса осознанности своей роли в конкретном пространстве, могут способствовать профессиональной стагнации. Сложность оценки эффективности услуг часто приводит к обесцениванию работы специалиста помогающих профессий, – следовательно, к снижению самооценки сотрудника и его вовлеченности в рабочий процесс.

Привычные бизнесу инструменты целеполагания и планирования помогают структурировать содержание социальных практик, определить направление и показатели процесса развития. Цифровые методики коучинга позволяют специалисту обнаружить свое место в социокультурном пространстве, количественно описать свои компетенции, увидеть свои достижения в профессии. Эти инструменты расширяют осознанность профессионала относительно самого себя, своей деятельности и формата взаимодействия с клиентами. Они призваны прервать текущую повседневность, внести ясность и определенность в описание собственной роли, способностей и функций. Это

способствует формированию адекватной профессиональной самооценки, постановке достижимых и мотивирующих целей.

Обыденность человеческого взаимодействия, типичность ситуаций клиентов могут, наоборот, лишить процесс оказания помощи ценностного, гуманистического, творческого содержания. Сложности общения с клиентами, расхождения с ними в убеждениях, непринятие объекта помощи ведет к депрессии и профессиональному выгоранию. В данной ситуации наиболее актуальными и эффективными оказываются образные, творческие инструменты коучинга. Они позволяют выйти за пределы контекста и роли, по-новому взглянуть на ситуацию, увидеть или сконструировать новые возможности. Ассоциативные методы коучинга расширяют творческий потенциал субъекта, формируют более легкое и деятельное отношение к профессии и жизни в целом.

Важным инструментом, углубляющим осознанность и мотивацию в профессии, являются методы, направленные на выявление ценностей. Они позволяют понять себя и определить ведущие мотивы своей деятельности, что расширяет социальную практику субъекта и потенциал его развития. Взаимодействие на уровне ценностей с ближайшим окружением, коллегами, клиентами позволяет преодолеть границы убеждений и стереотипов и сделать его конструктивным и духовно содержательным.

Существенным элементом технологии коучинга является разделение ответственности коуча и коучи (клиента коучинга). Коуч несет ответственность за организацию и процедуру коучинга. Его клиент несет ответственность за содержание и выполнение намеченных шагов. Этот подход является принципом оказания любой помощи взрослому здоровому человеку. Неуспех клиента по причине его незаинтересованности и немотивированности не является провалом специалиста помогающей профессии. Инструменты, направленные на развитие и управление ответственностью клиента, структурируют отношения человека с окружающим миром. Они формируют понимание собственной ответственности и ограниченности ответственности за другого, даже собственного ребенка.

Коучинговая поддержка специалистов помогающих профессий позволит повысить качество оказываемых услуг, сделать подход к клиентам более индивидуальным, творческим и содержательным. В то же время это повышение производительности и эффективности труда будет экологичным и позитивным для самих профессионалов, потому что оно будет естественно основываться на их личностном развитии и ценностях.

**СОЦИАЛЬНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ГРАЖДАН
СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ ИВАНОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ТЕНДЕНЦИИ И РЕАЛИИ**
**SOCIAL SERVICES FOR SENIOR CITIZENS' GENERATION
AT IVANOV REGION: TRENDS AND REALITIES**

В.Н. Пушина

Ивановский государственный университет

Л.Ю. Пушина

Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России

V.N. Pushina

Ivanovo State University

L.Y. Pushina

Ivanovo Fire Rescue Academy of SFS of Ministry of Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

В статье рассматривается соответствие положений правительственной «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ» реалиям жизнеобеспечения пенсионеров.

The article examines compliance with the provisions of the Government's Strategy for senior citizens in the Russian Federation to realities of retiree life-support.

Ключевые слова: доходы и занятость, доступность торговой инфраструктуры, транспортного, медицинского и социального обслуживания.

Keywords: income and employment, availability of trade infrastructure, transport, medical and social services.

В феврале 2016 г. Правительством РФ была утверждена «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года», целью которой является повышение продолжительности, уровня и качества жизни людей старшего поколения.

Летом текущего года по заказу Департамента социальной защиты населения Ивановской области нами было проведено исследование, посвященное выявлению соответствия положений Стратегии реалиям жизни пенсионеров области. Объем выборки составил 980 человек, представляющих лиц пожилого возраста областного центра, районных городов и сельской местности (они составили треть от выборки).

Один из основных разделов Стратегии посвящен *доходам и занятости граждан старшего поколения*, где отмечается, что «будет продолжена работа по осуществлению мер, направленных на повышение реального уровня пенсионного обеспечения, ... обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсией по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате...».

На момент исследования средний размер пенсии респондентов составил 12131 руб.; при этом абсолютное большинство пенсионеров получает пенсии в пределах 9000-13000 руб. (42,1%); получателей пенсий свыше 15000 руб. в составе выборки 20,6%. И хотя в сравнении с данными предыдущего исследования 2013 г. отмечается повышение среднего размера пенсии на 2314, 2 руб., возросшие за это время цены на товары и различного рода услуги, а также лекарственные препараты не позволяют говорить и о возросшей покупательной способности пенсии.

Стратегия декларирует: «Стимулирование занятости граждан пожилого возраста является одним из важнейших направлений государственной политики РФ и имеет большое значение как с позиции обеспечения доходов пожилых людей, использования имеющегося у них образовательного и трудового потенциала в интересах экономики страны, так и с точки зрения социализации пожилых людей, их интеграции в жизни общества».

Результаты исследования показывают, что трудовая занятость пенсионеров Ивановской области последовательно снижается: в 2011 г. – 23,6%, в 2013 г. – 13,6%, в 2016 г. – 9,%; при этом занятость их ограничивается преимущественно возрастом 55-65 лет. Снижение занятости зачастую объясняется исполнением работодателями требования «Дорожной карты» в части повышения зарплаты трудящимся за счет экономии средств при увольнении пенсионеров, что на данный момент вступает в противоречие со Стратегией.

Ключевым приоритетом Стратегии в *части обеспечения здоровья граждан старшего поколения* является «развитие гериатрической службы как комплексной межведомственной системы предоставления индивидуальных медико-социальных услуг лицам старшего поколения на основе оценки потребностей и нуждаемости».

В Ивановской области гериатрическая помощь представлена на базе гериатрического отделения, созданного при городской больнице им. Куваева. Говоря о медицинском обслуживании, следует отметить, что сошла на нет бытующая в «дополисные» времена практика приглашения пенсионеров в поликлиники для прохождения плановой диспансеризации. Оценивая работу медицинских учреждений, только 33,6% пенсионеров высказывают удовлетворенность ею. Недовольство работой поликлиник связано со следующими причинами: сложно попасть к врачу-специалисту – 34,0%, отсутствие диагностического оборудования – 19,2%, узкий спектр предлагаемых бесплатных медицинских услуг – 18,1% и др.

В более сложном положении оказываются сельские пенсионеры, 36,6% из которых не имеют возможностей в получении медицинских услуг в месте своего проживания из-за отсутствия медицинского (фельдшерского) пункта и

вынуждены обращаться за помощью в поликлинику районного центра – 60,9%, в областную поликлинику – 7,2%, в ближайший населенный пункт, где есть медицинское учреждение – 31,9%.

Однако необходимость обращения в медицинское учреждение связано с транспортным обеспечением, которое является проблематичным. На вопрос о том, как жители села добираются до районного центра или другого населенного пункта, где есть медицинское учреждение или магазин, получены следующие ответы: регулярно ездит рейсовый автобус/ маршрутка (не менее двух раз в день - туда и обратно) – 43,0%; рейсовый автобус ходит лишь раз в сутки – 7,4%; регулярного транспорта нет, приходится добираться на попутных машинах – 13,6%; транспорта нет, приходится просить подвезти соседей, родственников – 24,4%; пользуются услугами социального такси – 3,1%; другое – 8,5%. Таким образом, *обеспечение транспортной доступности для граждан старшего поколения*, о чем говорится в Стратегии, для пенсионеров села оказывается чрезвычайно актуальным.

В связи с этим нельзя не остановиться на вопросах *потребительского рынка для граждан старшего поколения*, рассмотренных в Стратегии, где говорится: «...инфраструктура розничной торговли должна обеспечить физическую и экономическую доступность, а также комфорт повседневных покупок продуктов питания, что является неотъемлемым критерием в обеспечении жизнедеятельности граждан старшего поколения».

Большинство сельских респондентов указало на наличие в их населенных пунктах магазинов (80,1%), однако, половина респондентов (50,6%) высказала неудовлетворенность ассортиментом товаров, представленных в них. В случае же, когда магазина нет, сельские пенсионеры приобретают продукты питания следующим образом: приезжает автолавка – 8,7%; привозят родственники, соседи – 13,0%; ездят туда, где есть магазин – 13,0%; продуктами обеспечивает социальный работник – 65,2%. Как свидетельствуют данные, основная помощь в приобретении продуктов питания возлагается на социальных работников и при наличии магазина в сельской местности, и при его отсутствии. Покупка одежды, обуви и других товаров бытового назначения для жителей сельской местности становится еще более проблематичной: ездят за покупками в районный центр – 25,9%; заказывают покупки родственникам – 37,7%; стараются обходиться тем, что есть – 36,4%. Таким образом, только четверть респондентов умеет воспользоваться возможностью поехать за покупками, для остальных же это связано как с возрастными особенностями, так и с транспортной необеспеченностью, о чем говорилось выше.

Одним из приоритетов Стратегии является «выстраивание эффективной системы предоставления социальных услуг в зависимости от индивидуальной нуждаемости граждан...».

Исследование показало высокую степень удовлетворенности пенсионеров в области организацией работы органов социальной защиты населения при обращении граждан для оформления льгот и субсидий, для получения социальной карты, для оформления документов по социальному обслуживанию и др. Респонденты отмечают отсутствие очередей в организациях социальной защиты – 40,8%, получение от сотрудников полных, доходчивых консультаций – 51,7%.

Надо отметить, что 84,6% пенсионеров области нуждаются в специализированной помощи: 75,2% – в социальном обслуживании на дому, 9,4% – в медицинском обслуживании на дому. При этом пользуются услугами социального работника при покупке продуктов питания, оплате коммунальных услуг 73,7% пенсионеров, по уборке квартиры, дома – 10,5%. Получатели социальных услуг указали на практически полную удовлетворенность оказываемыми услугами 97,0%.

Нельзя не отметить и того факта, что на помощь сельским жителям приходят получившие развитие в Ивановской области мобильные бригады, укомплектованные различными специалистами, помогающими решить разнообразные проблемы сельских пенсионеров.

Таким образом, можно отметить эффективно организованную систему предоставления социальных услуг гражданам пожилого возраста.

«Большое значение для самореализации и социальной активности граждан старшего поколения имеет формирование условий для *организации досуга и отдыха* этих граждан, их вовлечение в различные виды деятельности... Одной из задач Стратегии должно стать развитие социального туризма для граждан старшего поколения (лечебно-оздоровительного, культурно-познавательного, экологического, религиозного, круизного и др.)».

Исследование показало, что большая работа по развитию активного долголетия пожилых людей проводится сотрудниками системы социальной защиты населения Ивановской области. Респонденты в ходе опроса перечислили названия известных им клубов, образованных преимущественно при комплексных центрах социального обслуживания населения: «Активное долголетие», «Вдохновение», «Ветеран», «Жизнелюбы», «Золотая осень», «Библиотека на дому», всевозможные клубы по рукоделию (бисероплетение, лозоплетение, вышивка, флористика и др.), компьютерные курсы и классы, группы здоровья и фитнеса, «Школа безопасности», «Школа выживания», «Школа почтенного возраста» и многие другие.

Однако участие в работе клубов ограничивается возрастными особенностями респондентов: с повышением возраста снижается доля участвующих в деятельности клубов. Кроме того, клубная работа охватывает пенсионеров, проживающих в областном центре и районных городах, жители же сельской местности оказываются выключенными из активной жизни, хотя среди них выявляется высокая потребность в культурно-досуговых мероприятиях.

Что касается отдыха пенсионеров, то 55,2% из них отдыхают и получают лечение в санаториях, 23,0% – посещают отделения дневного пребывания в центрах социальной защиты населения, и лишь 5,7% пожилых людей имеют возможность совершать туристические поездки за границей и 5,7% – по России.

Следовательно, организация досуга и отдыха пенсионеров также оказывается прерогативой органов социальной защиты населения.

В целом исследование показало, что пожилые люди Ивановской области далеко отстают от «образа благополучного старения в России», формирование которого включает в себя одно из направлений Стратегии.

Очевидно, что реализация Стратегии возможна лишь при эффективном межведомственном взаимодействии по обеспечению прав граждан старшего поколения и четком определении механизмов реализации для каждого из ведомств.

**КОДЕКС ЭТИКИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА
КАК МОРАЛЬНО-ПРАВСТВЕННАЯ ОСНОВА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
CODE OF ETHICS OF SOCIAL WORKER AS A MORAL
AND ETHICAL BASIS OF PROFESSIONAL ACTIVITY**

Л.Р. Романовская
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
L.R. Romanovskaya
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Дается анализ понятия профессиональная этика, определяется сущность и значение Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания.

The article analyzes the concept of professional ethics, defines the essence and significance the Code of Ethics and Official Conduct of social worker.

Ключевые слова: профессиональная этика, служебное поведение, кодекс этики социального работника, право и мораль.

Keywords: professional ethics, official conduct, code of ethics of social worker, law and morality.

Деятельность социальных работников регулируется нормативно-правовыми актами, такими как Конституция РФ, Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» [1], Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [2] и другими законами и подзаконными актами федерального и регионального уровней.

Особое место среди подзаконных актов, создающих нормативную основу социальной работы, занимает Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2013 г. № 792, которым был утвержден Кодекс этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания [3].

Этика социальной работы является одним из видов профессиональной этики (наряду с врачебной, журналистской, юридической и др.). А.С. Кобликов дает удачное, на наш взгляд, определение профессиональной этики – «это совокупность правил поведения определенной социальной группы, обеспечивающая нравственный характер взаимоотношений, обусловленных или сопряженных с профессиональной деятельностью, а также отрасль науки, изучающая специфику проявлений морали в различных видах деятельности» [4].

Данное определение охватывает несколько смыслов, в которых используется термин «профессиональная этика». Во-первых, это совокупность правил, принципов, требований, ценностей, идей морально-нравственного характера, которые предъявляются к определенному виду профессиональной деятельности, служат ее фундаментальной основой. Во-вторых, это соответствующая отрасль знаний, наука. В-третьих, как верно отмечал Е.Н. Федоренко, профессиональная этика является еще и «нравственным самосознанием профессиональной группы, ее психологией и идеологией» [5].

Все эти смыслы мы можем распространить на этику социальной работы – это и морально-нравственные требования, предъявляемые к профессиональной деятельности социального работника, и наука о них, и профессиональное нравственное сознание (включающее идеологию и психологию).

Еще один смысл термина «профессиональная этика» предлагает В.А. Цвык, он пишет: «часто выражение «профессиональная этика» означает не специальную науку о нравственных требованиях в той или иной профессии, а скорее профессиональные моральные кодексы» [6]. Мы не вполне согласны с такой трактовкой, на наш взгляд, профессиональная этика (в смысле совокупности норм, правил и принципов) и этические Кодексы соотносятся как

содержание и форма. То есть Кодексы являются средством внешнего закрепления морально-нравственных норм. Путем такого закрепления нормы формализуются, приобретают обязательный (а не рекомендательный) характер. За нарушение таких норм могут последовать четко определенные санкции вплоть до исключения из профессионального сообщества.

Интересным является вопрос определения «юридического статуса» Кодексов профессиональной этики. Являются ли они нормативно-правовыми актами? А.А. Малиновский в своей статье, посвященной определению понятия и юридического значения кодексов профессиональной этики, считает, что нет. Автор пишет: «по своей юридической сути этические кодексы являются нормативными, но не правовыми актами, поскольку принимаются органами профессиональных сообществ, а не государственными законодательными органами» [7]. Позволим себе не согласиться. Многие Кодексы профессиональной этики приняты (утверждены) государственными органами, обладающими правотворческой компетенцией, – например, Кодекс этики прокурорского работника РФ утверждён Приказом Генпрокуратуры РФ от 17 марта 2010 года, Кодекс профессиональной этики сотрудника органов внутренних дел РФ утвержден Министерством Внутренних дел РФ, предмет исследования настоящей статьи – Кодекс этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания, утвержденный Министерством труда и социальной защиты РФ.

Таким образом, на наш взгляд, Кодексы профессиональной этики могут быть отнесены к корпоративным актам или к подзаконным нормативно-правовым актам в зависимости от субъекта, принявшего данный акт.

Кодекс этики социального работника базируется на целом ряде источников. Во-первых, это международные акты: положения Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 19-10 от 26 марта 2002 г.), Международная декларация этических принципов социальной работы (принята Международной федерацией социальных работников 8 июля 1994 г.), Международные этические стандарты социальной работы (приняты Международной федерацией социальных работников 8 июля 1994 г.). Во-вторых, это российское законодательство (законы и подзаконные акты). В-третьих, это рекомендации Международной федерации социальных работников. В-четвертых, общепризнанные нравственные принципы и нормы российского общества и государства.

Анализ содержания Кодекса позволяет утверждать, что при его подготовке основой послужил Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих от

23.12.2010 г. [8] Многие положения типового кодекса повторены дословно. Но имеется и некоторая специфика, связанная непосредственно с особенностями социальной работы. Например, п. 9 Кодекса содержит требования: соблюдать социальную справедливость и равноправно распределять социальные ресурсы с целью расширения возможностей их предоставления нуждающимся в поддержке клиентам, в первую очередь несовершеннолетним, а также другим лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации; обеспечивать безопасность оказываемых социальных услуг для жизни и здоровья клиентов; защищать и поддерживать человеческое достоинство клиентов социальных служб, учитывать их индивидуальность, интересы и социальные потребности на основе построения толерантных отношений с ними; уважать права клиентов социальных служб, гарантировать им непосредственное участие в процессе принятия решений на основе предоставления полной информации, касающейся конкретного клиента в конкретной ситуации; соблюдать конфиденциальность информации о клиенте социальной службы, касающейся условий его жизнедеятельности, личных качеств и проблем, принимать меры для обеспечения нераспространения полученных сведений доверительного характера; стимулировать участие добровольцев, прежде всего из числа молодежи, в деятельности учреждений социального обслуживания по предоставлению клиентам необходимых социальных услуг.

Кодекс определяет, что социальные работники должны быть вежливыми, доброжелательными, корректными, внимательными и проявлять толерантность в общении с гражданами и коллегами. Установлены и требования к внешнему виду социального работника: он должен соответствовать деловому стилю, для которого свойственна официальность, сдержанность, традиционность, аккуратность, и в целом способствовать уважению граждан к учреждениям социального обслуживания.

Кодекс закрепляет обязанность каждого гражданина РФ, поступающего на работу в орган управления социальной защиты населения или в учреждение социального обслуживания, ознакомиться с положениями Кодекса и соблюдать их в процессе своей трудовой деятельности. Знание и соблюдение социальным работником положений Кодекса является одним из приоритетных критериев оценки качества его профессиональной деятельности и служебного поведения. Так, например, это учитывается при проведении аттестаций, формирования кадрового резерва.

Соблюдение социальными работниками норм, установленных этическим кодексом, должно способствовать повышению эффективности осуществления ими своей профессиональной деятельности, более ответственному вы-

полнению своих служебных обязанностей, пониманию служебного долга, формированию этического сознания.

Социальная работа по своей сути является этичной, в ней проявляется гуманизм и общественная нравственность, ведь основная цель этой работы – помощь нуждающимся.

Литература

1. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (в ред. от 21.07.2014 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70552648/>. (Дата обращения: 18.08.2016 г.).
2. Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (в ред. от 29.12.2015 г.). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/10164504/>. (Дата обращения: 18.08.2016 г.).
3. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 декабря 2013 г. № 792 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения работников органов управления социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70458556/>. (Дата обращения: 18.08.2016 г.).
4. Кобликов А.С. Юридическая этика. Учебник для вузов. М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА – ИНФРА М), 2000.
5. Федоренко Е.Н. Профессиональная этика. Киев, 1983.
6. Цвык В.А. Профессиональная этика: основы общей теории. Учеб. пособие. М.: РУДН, 2010.
7. Малиновский А.А. Кодекс профессиональной этики: понятие и юридическое значение // Журнал российского права. 2008. №4. С. 39-44.
8. Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих (одобрен решением президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23 декабря 2010 г.) (протокол N 21) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/55171108/>. (Дата обращения: 18.08.2016 г.).

ОЦЕНКА РЕСУРСНОСТИ КАДРОВ СОЦИАЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ

ASSESSMENT OF RESOURCE PERSONNEL SOCIAL AGENCIES: MANAGEMENT ASPECT

А.В. Рушева

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Rusheva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Представленный материал посвящён вопросу необходимости оценки ресурсности работников социальных учреждений. Своевременное и объективное определение потенциала персонала позволяет решить множество важных задач, в том числе и стратегического характера. В тексте формулированы ключевые факторы формирования ресурсности, выделены критерии её оцен-

ки, сделаны некоторые выводы с учётом особенностей деятельности специалистов по социальной работе.

The provided material is devoted to a question of need of assessment of a resource potential of employees of social organizations. Timely and objective determination of potential of personnel allows to solve a set of important problems including strategic nature. In the text are formulated key factors of forming of a resource potential and criteria of its assessment. Also there are made some conclusions taking into account features of activities of specialists in social work.

Ключевые слова: ресурсность, персонал, оценка, социальная работа, потенциал, личность, условия труда, руководитель.

Keywords: resourcest, personnel, assessment, social work, potential, personality, working conditions, manager.

Формирующийся в настоящее время в России рынок социальных услуг, производители и потребители услуг, конкуренция и рыночная инфраструктура ориентируют руководителей отечественных социальных служб и учреждений на реализацию конкурентоспособной кадровой политики. Реализация главной цели социального менеджмента – организация эффективной деятельности по удовлетворению потребностей клиентов может быть достигнута, если в его подчинении работают профессиональные и мотивированные кадры. Именно должные качественные характеристики персонала, его ресурсность позволяют руководителям успешно решать поставленные задачи и обеспечивать лидерство в конкурентной борьбе.

Современными исследователями даётся множество определений ресурсности персонала, в том числе она рассматривается и как эффективность его профессиональной деятельности. Кроме того, под ресурсностью следует понимать:

- меру перспективности реализации возможностей субъекта [1];
- потенциальную возможность быть более результативным;
- показатели здоровья, профессиональную и эмоциональную компетентность, способности, талант, гениальность [2];
- не только заложенное природой и приобретённое личностью, но и использование человеком имеющихся ресурсов, понимание своих сильных сторон.

Опираясь на распространяющуюся в российском менеджменте концепцию «управления человеческими ресурсами», сделаем акцент на стратегических аспектах кадровых решений, принятие которых выстраивается на результатах оценки ресурсности персонала организации. Предполагается, что выявленный человеческий потенциал обусловлен факторами, стимулирующими интеллектуальное или физическое развитие сотрудников и имеет выражение в:

- сформированной лояльности сотрудников к организации и их мотивации на высоко результативную деятельность;
- в наличии способных людей, но готовых и дальше в значительной степени преумножать свой потенциал.

Оценивая уровень ресурсности кадров социальных учреждений, следует учесть особенности деятельности по оказанию социальных услуг. Социальная работа остаётся одной из самых трудных в физическом и психологическом отношении. Здесь сталкиваются с самыми печальными сторонами человеческой жизни – старостью, инвалидностью, одиночеством, сиротством, немощностью, беззащитностью, болезнями, причудами, жестокостью. Такой характер работы усиливает внимание к здоровью специалиста, обуславливает проведение диагностических и профилактических мероприятий с целью оценки его психологического и физического состояния, информирования работников о методах восстановления здоровья, обеспечении им профессиональной психологической помощи и поддержки.

Специфика деятельности по оказанию социальных услуг населению выражается и в её акторах, которыми, как правило, являются женщины, обладающие более высокой степенью восприимчивости, сопереживания, эмоциональности по сравнению с мужчинами, зачастую сочетающие одновременно ещё несколько социальных ролей (матери, жены, хозяйки). Оценивая ресурсность персонала социальных учреждений, необходимо учитывать его психологические характеристики, стрессоустойчивость. Ресурсная концепция психологического стресса, предложенная С. Хобфоллом, связывает адаптационные возможности человека с наличием личностных ресурсов. Автор теории считает ресурсами то, что является значимым для человека и помогает ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях:

- 1) материальные объекты (доход, дом, транспорт, одежда, объектные фетиши) и нематериальные (желания, цели);

- 2) внешние (социальная поддержка, семья, друзья, работа, социальный статус) и внутренние интраперсональные переменные (самоуважение, профессиональные умения, оптимизм, самоконтроль, жизненные ценности, система верований);

- 3) психические и физические состояния;

- 4) волевые, эмоциональные и энергетические характеристики, которые необходимы (прямо или косвенно) для выживания или сохранения здоровья в трудных жизненных ситуациях либо служат средствами достижения значимых для личности целей [3].

Применяя нормативный подход к оценке ресурсности, целесообразно обратиться к официальным документам, например, к Национальному стандарту по социальному обслуживанию населения. В положениях одного из ГОСТов

содержатся требования к персоналу социальных учреждений [4]. Нас будут интересовать те, выполнение которых направлено на профессиональное развитие работников. Анализ требований показал, что они обеспечивают, главным образом, поддержание работниками необходимого профессионального уровня. Так, руководящему звену необходимо грамотно выполнять кадровую работу, внедрять и распространять супервизию, повышая профессиональное мастерство и квалификацию сотрудников, осуществляя профилактику профессионального выгорания.

К сожалению, в указанном документе не учитываются другие важные элементы трудового потенциала личности социального работника, составляющие его ресурсность, а именно:

- организаторско-коммуникативные способности (общительность, инициативность, умение управлять людьми, влиять на их позиции и убеждения, умение вызывать к себе доверие и поддержать человека в трудную минуту);
- нервно-психическая выносливость (работоспособность, энергичность, настойчивость в достижении цели и готовность испытывать психологический дискомфорт, если он случается);
- доброжелательное отношение к людям, к их проблемам (желание помочь, чуткость, чувство сострадания и милосердия, эмпатия и альтруизм);
- морально-этические качества (бескорыстность, честность, порядочность, ответственность, высокая нравственность) [5].

Ещё один важный вопрос в рассматриваемой теме – это критерии оценки, применяемые как к потенциалу социального работника, так и к результатам его профессиональной деятельности. Анализ некоторых нормативных документов, которые регламентируют порядок и содержание деятельности специалистов (например, положения национальных стандартов, федеральных законов, должностных инструкций) позволяет сделать вывод о наличии лишь формальных, обобщённых показателей качества социальных услуг, не отражающих всей специфики данной деятельности. Объективно оценить потенциал и, тем более, ресурсность персонала на основе данных документов не представляется возможным. Изложенные требования-описания могут служить лишь некоторым ориентиром в оценке.

На основе вышеизложенного заключим:

- разработка и внедрение современных методик оценки персонала позволяют выявить ценные профессиональные качества, определить уровень мотивации, перспективы работы в социальной сфере;
- в целях повышения потенциала работников социальных учреждений следует объективно оценивать их условия труда, в том числе уровень зара-

ботной платы, компенсации и льготы, иные меры материальной, социальной и психологической поддержки;

- для укрепления психологического здоровья специалистов по социальной работе необходимо использовать индивидуальные, групповые, коллективные системы поддержки. Например, обучение психологическим приёмам самозащиты в ситуациях «негативного общения»; использование методик релаксации, психологической разгрузки; применение индивидуальной и групповой психотерапии; организация медицинских осмотров и оказание врачебной помощи; предоставление путёвок по льготным ценам в санатории, дома отдыха, пансионаты и др.

Литература

1. Митягина Е.В. Ресурсность российских рабочих в условиях «двойной» модернизации /Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук. Нижний Новгород. 2014. Режим доступа: <https://diss.unn.ru/files/2014/373/autoref-373.pdf>. (Дата обращения 02.10.2016).

2. Морозюк Ю.В., Морозюк С.Н. Саногенное мышление как фактор повышение ресурсности организации // Вестник Финансового университета. 2009. № 3.

3. Водопьянова Н.Е., Наследов А.Д. Стандартизированный опросник «Потери и приобретения ресурсов» для специалистов социологических профессий // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2013. Вып. 4. Режим доступа: <http://eprints.tversu.ru>. (Дата обращения 09.10.2016).

4. Национальный стандарт РФ. ГОСТ Р 52888-2007. Социальное обслуживание населения. Требования к персоналу учреждений социального обслуживания. Москва, Стандартинформ, 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.infosait.ru/norma_doc/52/52871/index.htm. (Дата обращения 04.10.2016)

5. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://konspekts.ru/tehnologiya-socialnoj-raboty/professionalno-vazhnye-kachestva-socialnyx-rabotnikov-v-usloviyax- stanovleniya-rupnochnoj-ekonomiki/>. (Дата обращения 09.10.2016).

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В УСЛОВИЯХ РЕФОРМ: АДАПТАЦИЯ ЦЕЛЕЙ И ЦЕННОСТЕЙ SOCIAL WORK IN THE CONDITIONS OF REFORMS: ADAPTATION OF GOALS AND VALUES

В.А. Самойлова

Санкт-Петербургский государственный университет

V.A. Samoylova

Saint Petersburg State University

Социальные работники, выступая посредниками между государством и гражданами, испытывают на себе динамику происходящих изменений во всех значимых сферах жизни, а также влияние неолиберальной идеологии на организацию работы социальных служб. Обсуждается вопрос соответствия целей и ценностей социальных работников новым вызовам.

Social services, acting as intermediaries between the state and citizens are experiencing the dynamics of change in all important areas of life. Social workers are also under pressure of neoliberal ideology. The article discusses the question of compliance with the goals and values of social work to new challenges.

Ключевые слова: социальная работа, неолиберальная политика, ресурсы, эмпауэрмент, цели, ценности социальной работ.

Keywords: social work, neoliberal policies, resources, empowerment, goals, social work values.

Усиление рациональных, экономически обоснованных отношений между государством и гражданами, отвечающее стратегическому неолиберальному курсу социальной политики, становится доминантой функционирования социальной сферы (образования, здравоохранения, социальной защиты и др.). Реализация гражданами своих социальных прав (на труд, охрану здоровья, образование) требует от них активного личного участия, проявления социальной компетентности при решении различных жизненных проблем. В этих условиях помогающая функция социальной работы должна состоять не только в оперативной поддержке нуждающегося в ней человека, но и в том, чтобы максимально укрепить его адаптационный потенциал, способность к самостоятельной и независимой жизни в будущем.

Социальные службы могут сыграть значимую роль в усилении активизирующих процессов на индивидуальном и групповом уровнях, развивая идеи подхода «эмпауэрмент» (расширение возможностей, наделение полномочиями, усиление влияния на принятие решений, активизация ресурсов), широко известного в помогающей практике в мире. В то же время следует признать, что его практическая реализация сопряжена с необходимостью пересмотра привычных патерналистских установок при взаимодействии с клиентами, поиском и внедрением новых, активизирующих методов работы, развитием новых организационных подходов к деятельности социальных служб.

Социальные службы, выступая посредниками между государством и гражданами, изначально находятся в непростой позиции, требующей от них согласования государственных и личных интересов [1]. Одновременно у их работников есть и «собственные интересы», в основе которых лежат потребности в сфере труда – в стабильном рабочем месте, приемлемом заработке, сохранении здоровья, комфортных рабочих условиях, достойном статусе, признании своей значимости, самореализации. Эти потребности не всегда согласуются как с ожиданиями клиентов, так и с требованиями, которые определяет государство в нормативных актах, стандартах, госзаказе. Высокие нормативы по количеству обслуживаемых, необходимость заполнять «кипы бумаг»

и вести электронную документацию приводят к перегрузкам, профессиональному стрессу. В свою очередь, высокая рабочая нагрузка, ведущая к эмоциональному истощению и формированию коммуникативных барьеров, противоречит потребностям клиентов в неформальном участии, в результате страдает процесс общения, а, значит, и воспринимаемое клиентами качество обслуживания. Работники социальных служб испытывают давление новой идеологии [2], что порождает необходимость адаптивных перестроек на уровне менеджмента и на уровне индивидуального профессионального сознания. Соответствуют ли профессиональные установки социальных работников новым вызовам – от этого во многом зависит эффективность их работы.

В исследовании *«Работа с семьями в оценках специалистов: потребности и ресурсы активизации»*, проведенном в центрах социальной помощи семье и детям и социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов в Санкт-Петербурге и Ленинградской области в 2012 г., были получены данные о видении специалистами актуальных целей, направлений, методов работы с семьями, структуры ресурсов эффективности, своих профессиональных перспектив. Методом полустандартизированного интервью был опрошен 61 чел., дополнительно проводилась групповая дискуссия⁹.

Полученные данные показали, что специалисты принимают на себя более активную роль в преодолении трудной жизненной ситуации клиентов, чем того требуют отношения партнерства, декларируемые как профессиональная и организационная норма. В ответах на открытый вопрос о целях работы треть специалистов определила их как *«выведение семьи из кризиса»*, *«реабилитация»*, *«улучшение качества жизни семьи»*, *«помощь в устройстве ребенка в детский сад»*, при этом роль самих клиентов никак не оговаривалась. Более половины специалистов учитывают участие клиента, но скорее воспринимают его как пассивное, а самого клиента – как объект воздействия (*«информирование об услугах»*, *«проведение тренинга»*, *«психологическое сопровождение»*, *«добиться, чтобы родители перестали пить»* и др.), и только в ответах одного из восьми специалистов была подчеркнута значимость личного участия клиента (*«обратная связь от клиента»*, *«доверие, совместная работа»*, *«желание родителей изменить семейную ситуацию»*) [3]. Обобщая полученные результаты, можно сделать вывод, что отношение к клиентам как к пассивным объектам заботы, помощи, реабилитации заметно выражено у специалистов социальных служб. Особенно «легко» такое отношение может складываться при работе с семьями, имеющими детей с тяже-

⁹ В проведении исследования кроме автора участвовали О.И. Бородкина, В.В. Романенко, Ю.А. Фионик.

лыми нарушениями здоровья, которые составляют клиентскую группу Центров социальной реабилитации инвалидов и детей-инвалидов. Напротив, восприятие клиентов как обладающих собственными ресурсами и активная опора на них в процессе работы в момент исследования вербализована четко лишь небольшой частью специалистов, и есть основания полагать, что эти профессиональные установки они целенаправленно реализуют в своей работе.

Патерналистское отношение к клиентам базируется на восприятии их как беспомощных, пассивных, преодолеваемых социальными страхами, негативный оттенок образу добавляет приписываемое им потребительское отношение к жизни. Эти причины, по мнению 65,6% специалистов, мешают семьям становиться более активными и независимыми, около половины специалистов называют также правовую неграмотность семей. Отвечая на вопрос о ресурсах семьи, которые необходимо развивать, чтобы достичь стойкого улучшения жизненной ситуации, 80% участников исследования назвали психологические ресурсы (мотивацию семьи на позитивные изменения, целеустремленность, самостоятельность, активность, веру в себя, сплочение семьи, внимание друг к другу, семейные ценности, осознание проблем), каждый пятый отметил грамотность, компетентность, информированность. Состояние внутренних ресурсов клиентов специалистами оценивается и как значимая причина жизненных трудностей семей и как фактор, от которого зависит их преодоление. Таким образом, сложившееся у специалистов представление о том, на что должны быть направлены усилия в работе с клиентами, соответствует задачам повышения адаптационных возможностей последних, но процесс непосредственной работы часто идет по привычным образцам иерархических отношений и директивных методов. В то же время нельзя не отметить высокий уровень запроса специалистов на овладение активизирующими, не директивными, мотивационными техниками и методами.

В своей работе специалисты опираются на различные виды ресурсов, каждый третий отметил свои собственные ресурсы (желание работать с детьми, любовь к работе, желание помогать людям, умение устанавливать эмоциональный контакт, уверенность, доброжелательность, веру в людей, умение убеждать, направлять, отзывчивость, терпение и др.). Социальная работа привлекает к себе людей с общей «помогающей» направленностью, в то же время влияние неолиберальных тенденций в социальном обслуживании может быть весьма противоречивым, поэтому вопрос ценностных основ социальной работы, их динамики представляет актуальный научный и практический интерес.

По данным анкетного опроса 129 специалистов социальных служб, проведенного в 2014 г. под нашим руководством, можно предполагать, что складываются межпоколенческие различия, затрагивающие мотивационно-ценностные основы социальной работы. Выделены различающиеся типы рабочей мотивации, в большей степени присущие молодым и зрелым специалистам. Симптоматично, что наименьший балл ценности альтруизма, готовности помогать, не жалея себя, и корреляции с возрастом показывают ослабление альтруизма у более молодых специалистов. Означает ли это утрату базовой ценности социальной работы или является отражением процессов ее профессионализации (или действия каких-то иных причин)? Полученные данные позволяют обсуждать вопросы актуальной повестки, связанной с целями социальной работы и организацией деятельности социальных служб в современных российских условиях.

Литература

1. Мельников Д.А. Система профессиональных ценностей социального работника // Глобальный научный потенциал № 1(22), 2013.С. 18-20.
2. Романов П.В., Смирнова Е.Р., Ярская В.Н. Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики // Мир России. 2008. №.С. 109-131.
3. Самойлова В.А. «Эмпауэрмент» в деятельности социальных служб: потребности, ограничения, перспективы развития. В кн. «Активизирующие подходы в практике социальной работы с семьей» под ред. В.А. Самойловой. СПб: Скифия-принт, 2014, С. 10-22.

ТРУДНОСТИ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ DIFFICULTIES AT WORK IN SOCIAL WORKERS

Д. Сикорска
Университет социальных наук, Лодзь, Польша
Daria Sikorska
University of Social Sciences in Lodz, Poland

In many workplaces occur a number of various factors which bring about difficulties at work and stress. One may be exposed to simultaneous influence of both physical and mental stressors. Among many jobs, that of a social worker is particularly stressful. The functioning of a social worker is stressful and mentally straining. This is because of constant contact with the disabled, mentally challenged, alcoholics, helpless people as well as those from pathological environments.

The aim of this study is to present some of the difficulties occurring in the work of a social worker.

В профессиональной деятельности социальных работников существует множество различных факторов, вызывающих стресс и трудности в работе. Сотрудник может одновременно подвергаться воздействию как физических, так и психологических стрессоров. Среди прочих рабочих мест, профессио-

нальная деятельность социального работника одна из самых энергозатратных. Функционирование социального работника является напряженным из-за эмоционального напряжения, поскольку работа связана с постоянным контактом с лицами с ограниченными физическими возможностями, с умственно отсталыми, алкоголиками, беспомощными людьми, а также с теми, кто страдает патологическими заболеваниями. Целью данного исследования является представление некоторых трудностей, возникающих в работе социального работника.

Keywords: social work, social worker, difficulties at work, stress.

Ключевые слова: социальная работа, социальный работник, трудности в работе, стресс.

Introduction

Social work is associated with professional activity, which emphasizes the role of a social worker entering relations between an individual and their environment by reducing or solving problems. Social work is to correct problems which have arisen in dysfunctional individual-unit relations or interactions; to prevent dangers resulting from the dysfunctional individual-unit relations; to support and activate the human potential so that the individual's life is possibly creative, active and satisfactory in their environment; it is also to improve the conditions of life or help to improve the relations of the individuals with their environment [1, 2]. Social work brings about many difficult situations.

By difficult situations, we generally mean such situations in which there is a discrepancy between the person's needs or tasks and their possibility to satisfy those needs or execute those tasks [3]. Tomaszewski attributes the status of the notion of *psychological stress* to a situation thus understood, both in the subjective and objective dimension. The subjective difficulties occur when the violation of the balance between the components of the structure of the action results from the qualities of the subject, that is, when a person cannot reach a particular target mainly due to the condition of their bodies (e.g. illness, tiredness) [4].

The number of types of the situations varies, depending on different psychological studies. Here are five of those types: danger situations, overload situations, disturbance situations, deprivation situations, conflict situations [5].

The danger situations occur when there is a violation of a value important for an individual. The types of those values include physical or social danger. An endangered physical value may be life or health whereas an endangered social value may be own dignity, good name, contact with a close person [6].

The overload situations occur when an individual takes specific actions on the edge of their own physical and mental capabilities. These actions require too much effort. Life with a disease that debilitates general efficiency may sometimes cause

the overload situations. Occasionally repeated overloads triggers a feeling of tiredness and disheartenment whereas permanent overload triggers the state of chronic emotional tension which manifests itself by a lack of emotional balance [6].

The essence of the deprivation situations is to deny a person something that is needed in a given moment. The deprivation situation is isolation from external stimuli from the environment.

The conflict situation is usually related to taking a decision; however, taking a decision does not always resolve the conflict as, in certain situations, the attractiveness of the selected target decreases, and that of the rejected target increases, which often leads to changing the decision. This obviously does not resolve the conflict which lengthens even more. Sometimes, the individual facing the inability to take a decision will attempt to accomplish substitute targets, which does not resolve the conflict but enhances the emotional tension and disturbs the behaviour [6].

Research results

Survey research included social workers employed in the City Social Welfare Centre and the Borough Social Welfare Centre. The survey questionnaire was completed by 25 social workers. The surveyed population included 24 women (96%) and 1 man (4%). It is understood that the occupation of a social worker is highly feminized. The surveyed workers are over 25 years old. 28% of the surveyed were between 26 and 35 years old. The most – 40% – were between 36 and 45 years old. The remaining 32% were persons of between 46 and 55 years old. The surveyed mostly had social work oriented high school education. There were 52% of such cases in the surveyed group. Another 28% had bachelor level college education and 20% had master degrees. Since the research was conducted both in the city and the borough welfare centres, the area of the surveyed social workers' work varied. 68% of the surveyed work in the city and the remaining 32% in the rural areas of the borough. Another examined aspect was the length of work in the occupation of the social worker. The surveyed social workers have large experience in their profession. As many as 88% have been working in this occupation for more than 10 years.

In the surveyed workers' opinions, a social worker should most of all have appropriate knowledge and competence. This was pointed out by 100% of the surveyed. A social worker should also be well-mannered (80%), systematic (72%) and operative (68%). The surveyed also consider reliability and patience to be important in the job. Among their own qualities, the surveyed mentioned mostly operability, competence, the ability to make contact, conscientiousness and patience.

Among the surveyed population, 3 people (12%) claimed that the welfare system is compatible with the practice. The most people pointed out that the system is

little compatible with the practice (68%) and another 20% claimed that the welfare system is not at all compatible with the practice.

The social workers show satisfaction from their work (80% of the surveyed). 96% are happy about their choice of careers. They justify their answers as follows: “working with people gives satisfaction; contacts with people and their problems allow me to constantly develop myself; I like helping others; the direct contact with the Centre’s wards and helping them to resolve their problems gives a lot of satisfaction; I like to support people in difficulty; I generally like helping, and this job gives me an opportunity to do so; supporting the family, making contacts and striving for material welfare and self-reliance of these families – all that gives satisfaction and a will to help others. Only one person thought negative of the profession and justified it by the fact that the profession is largely underestimated: “you are a jack-of-all-trades in this job”.

Another question was whether the surveyed is fit for the work of a social worker. 96% of the surveyed answered yes. One person omitted the question.

Every line of work brings about some problems. The surveyed were asked what the biggest problems in the job were. The following answers were given: “no support from appropriate services; frequent changes in the law; bureaucracy; too much bureaucracy – cases take too much time in institutions (governments, probation officers); no cooperation from the wards, social workers, probation officers; too many duties; constant changes in the laws, no clear rules for social welfare; suspicion towards clients, I think that the Welfare Act is badly constructed as it makes the clients accustomed to easy money; lack of time; no support in other laws concerning the Welfare Act; too many social groups which actively seek help; lack of time for field work (work with the clients); work with demanding persons who consider welfare as a source of income rather than a form of help.

The surveyed were asked what stressed them most in their job. It turned out that it is the bureaucracy, no support in their efforts, a lot of work, a surplus of clients. The clients themselves also turned out to be stressful – especially those demanding and aggressive. They think that they should get everything and demand that from the social workers.

An important problem in the work of the social workers is the fact that certain activities are very much time-consuming. This includes keeping the documentation (all the surveyed) and the wards’ visits (20 people). The next important issue was running errands related to social welfare and recognizing the clients’ needs. Examining the efficiency of various forms of welfare takes the surveyed the least time. When in need of assistance, the social workers mainly address their colleagues, superiors and workers of other institutions who cooperate with them on a daily basis. They also use hints and advice from websites and specialized press.

In order that the work of a social worker is more satisfying, the surveyed suggest the following changes: more power for the social worker, better remuneration of social workers, change of the status of the profession of a social worker to a job of particularly arduous working conditions, minimizing the bureaucracy.

According to the surveyed, raising the prestige of the profession of a social worker is equal to the introduction of the working standards similar to those in the western European countries and a pay rise, by passing an act about the social worker's occupation.

In order that the work of a social worker is more satisfying, it is necessary to introduce knowledge of assertiveness, legal regulations, psychological training, constant improvement in qualification and competence. The surveyed claimed that the basic factor affecting the efficiency of the profession is the ability to cooperate with various institutions, especially mental health centres, the police, law courts, etc. The basic factor that renders the job difficult is, according to the surveyed, too great a number of different environments per one social worker.

Conclusion

The research showed that the difficulties which social workers encounter are objective and subjective. The objective difficulties include: unsatisfactory housing conditions of the welfare institutions, an excess of tasks resulting from the Welfare Act, an excess of clients per one social worker, excessive bureaucracy in the state sector of social help, lack of consulting resources within the welfare institution, no possibility of promotion, work in stressful conditions, necessity to be promoted, necessity to make moral choices as well as bad remuneration.

The subjective difficulties include: necessity to make decisions contrary to own conscience, lack of full satisfaction from social work, low effectiveness of helping actions, a feeling of incapability of resolving the clients' problems, helplessness towards particularly difficult situations of the clients, necessity to limit social work to basic interventions and counselling, a feeling of overload with work, superficiality in recognizing problems, necessity for constant professional training, haste in contacts with the welfare clients, a decrease in psychophysical condition and a feeling of loneliness in resolving clients' difficulties.

A particularly burdening factor for social workers is the fact that their clients have too big demands. These demands require not only financial help or advice and mental support, but also taking responsibility for their lives.

In conclusion, it must be noted that the occupation of a social worker is a difficult one, one that is underpaid and very exhausting. Daily encounters with poverty, unemployment, alcoholism, homelessness and other problems in the clients' lives causes the social workers to burn out. In addition, there are heaps of documents for

the social worker to keep. The social worker, in result, does not have much time to help the clients.

References

1. Olubiński A., Praca socjalna. Aspekty humanistyczne i pedagogiczne. Teoria i praktyka, Toruń, 2004.
2. Mikulski J., Zawód – pracownik socjalny, Biuletyn MpiP, Warszawa, 2004.
3. Terelak J. F., Psychologia stresu, Oficyna Wydawnicza Branta, Bydgoszcz, 2001.
4. Ajjan D. A., Stres, lęk, depresja, Wydawnictwo Amber, Warszawa, 1996.
5. Migdał K., Psychologia w praktyce społecznej, Wyższa Szkoła Ekonomiczna, Warszawa, 2001.
6. Formański J., Psychologia, Wydawnictwo Lekarskie PZWZ, Warszawa, 1998.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ РОЛЕЙ РУКОВОДИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

GENDER SPECIFICITY OF PROFESSIONAL ROLES OF MANAGERS IN THE IMPLEMENTATION OF MODERN LABOR RELATIONS

С.В. Смельцова

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

S.V. Smeltsova

National Research University The Higher School of Economics

На основе эмпирического исследования выявлены гендерные особенности в процессе реализации профессиональных управленческих ролей в современных организациях.

Based on empirical research the author gives the gender-sensitive factors and differences in the realisation process of professional management roles in modern organisations.

Ключевые слова: управленческая роль, организационно-управленческий процесс, гендерные особенности реализации процесса управления.

Keywords: managerial role, organizational process of management, social management performance, gender-sensitive implementation of the management process.

Как правило, основные исследования в области руководства были ориентированы на руководителей-мужчин, это было стандартом, так как ранее среди руководителей преобладали именно мужчины как на государственной службе, так и в бизнесе. Однако за последнее десятилетие особое внимание стало уделяться исследованию влияния гендерных различий на трудовую деятельность, так как все больше женщин появляется на разных уровнях управления. Стоит отметить и тот факт, что на такую специальность, как «мене-

джер», в российских ВУЗах за последние годы поступает больше представителей именно женского пола.

Такое понятие, как «гендер», используется в социологии для идентификации социокультурного аспекта половой принадлежности человека.

Гендер – культурная и социальная конструкция, основанная на выделении маскулинной (мужской) и фемининной (женской) сообщностей, именуемых гендерами. Гендерная дифференциация является в большей мере социальной, чем биологической, половой, но в то же время между ними существует тесная связь, взаимообусловленность.

В современной экономике руководитель должен обладать разнообразными профессиональными качествами, например, готовностью выполнять ту или иную функцию управления, умением грамотно выбирать и использовать инструменты воздействия, быть ответственным не только за свои действия, но и за действия своих подчиненных. Все эти требования образуют основное содержание и качество искусства управления. Таким образом, исследование профессиональных ролей руководителей и стилей управления чрезвычайно важно и злободневно, поскольку современная организация способна достичь высоких результатов деятельности за счет поддержания «человеческих ресурсов», не прибегая к излишним финансовым расходам.

Ряд проведенных исследований показали, что гипотезы о различиях в умственных возможностях, способностях к обучению, качествах характера и темперамента у представителей обоих полов не подтверждаются. Однако, налицо существенные различия в методах и способах управления, принятии решений. Женщины-руководители чаще принимают осторожные, уравновешенные решения, опираются на ситуативное управление, мужчины же последовательны и настойчивы в достижении целей, склонны к самоанализу и независимости.

Очевидно, что существуют гендерные особенности распределения ролей руководителей и их организационно управленческие последствия, под которыми понимаются принципы и способы постановки целей в компании/отделе, структурированность бизнес-процессов различных видов деятельности, разработка системы мотивации сотрудников, характер взаимоотношений в коллективе, четкость и оперативность выполнения заданий, прозрачность системы контроля.

Профессиональные роли руководителей как субъектов управления и управленческой деятельности являются предметом изучения как общей социологии, так и специальных теорий в области управленческого труда. Понятие «социальная роль» изучалось многими авторитетными социологами, особенно В. Алленом [1], Дж. Г. Мидом [2], Н. Смелзером [3], Ч. Кули [4], Дж.

Морено [5], Р. Линтоном [6]. Результаты этих и других авторов нашли отражение в структуралистской и интеракционистской теориях. Заметное влияние на развитие концепции социальных ролей оказали идеи социально-драматургического подхода Э. Гоффмана [7].

При изучении специфики управленческого труда особое внимание уделяется построению ролевых моделей управления (И. Адизеса [8], Г. Минцберга [9], П. Херси и К. Бланшара [10], Р.М. Белбина [11]).

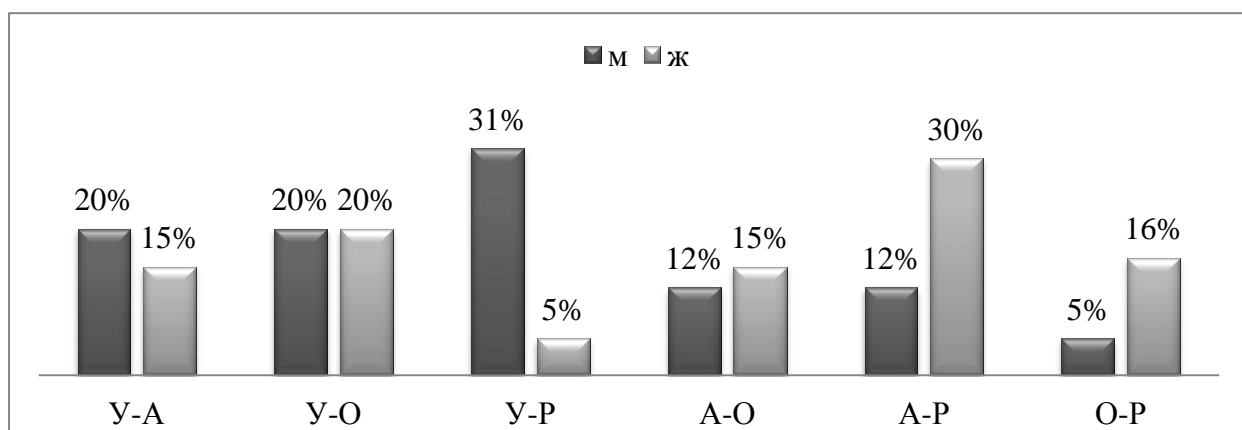
Для выявления основных гендерных особенностей ролевого распределения было проведено онлайн-анкетирование руководителей современных организаций (n=348). В целевую выборку включены руководители высшего и среднего звена российских компаний различных размеров, форм собственности и сфер деятельности.

В изученной выборке нижегородских руководителей присутствовали все управленческие роли: руководитель (31%), управленец (28%), организатор (23%) и администратор (17%). У 79% из них оказалось сложным выявить одну ярко выраженную роль, что позволяет сделать вывод, что у современных руководителей в большинстве случаев преобладает не одна, а несколько ролей.

Согласно данным проведенного эмпирического исследования, процент женщин, не имеющих одной ярко выраженной роли, значительно выше (90% от общего числа женщин, принявших участие в опросе), чем мужчин (62%). Данный факт можно объяснить тем, что у женщин стиль руководства зачастую мягче, чем мужчин (Диаграмма 1).

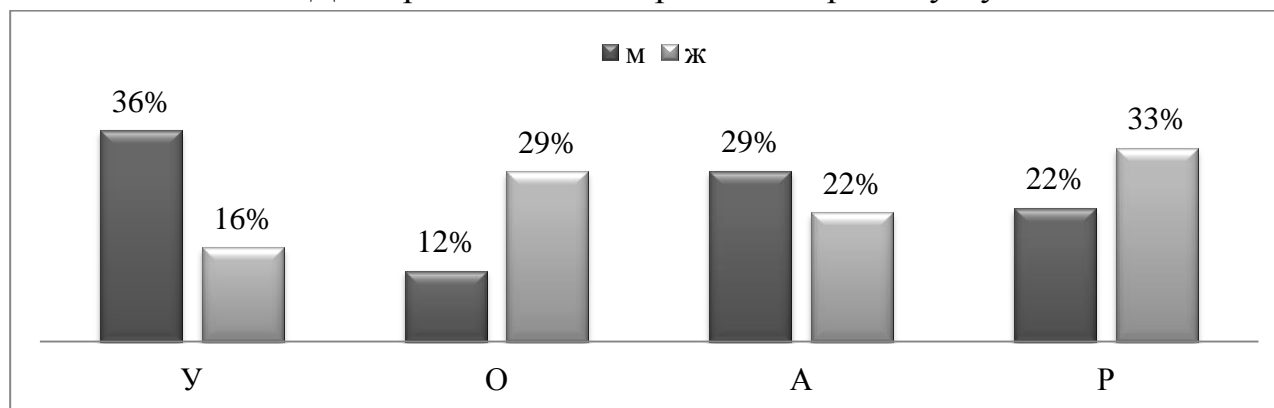
У мужчин-руководителей доминируют сочетания с ролью «Управленец»: «Управленец-Администратор» (20%), «Управленец-организатор» (20%) и «Управленец-Руководитель» (31%). Среди руководителей-женщин больше всего сочетаний «Администратор-Руководитель» (30%) и «Управленец-Организатор» (20%).

Диаграмма 1. Распределение сочетания ролей у мужчин и женщин

Анализируя доминантные роли (без сочетаний), можно сделать вывод о том, что роли руководителей-мужчин (Управленец, 36%) редко встречаются у руководителей-женщин (Управленец, 16%), и, наоборот, роли женщин-руководителей (Руководитель, 33%; Организатор, 29%) не распространены у мужчин (Руководитель 23% , Организатор 12%) (Диаграмма 2).

Диаграмма 2. Распределение ролей у мужчин и женщин

Соответственно, управленческая команда будет являться оптимальной и эффективной, если в нее будут включаться представители как мужского, так и женского пола.

Анализ зависимости между формой собственности и размером компаний и ролевой принадлежностью руководителей показал, что в частных компаниях преобладают руководители с ролевыми сочетаниями, в корпоративных компаниях сочетание ролей руководителей менее выражено, а в государственных компаниях сочетаний меньше всего. Распределение ролей между руководителями напрямую связано и с иерархией управления. Чем выше занимаемый руководителями пост, тем реже встречаются среди них обладатели одной ярко выраженной роли. Ролевое распределение коррелирует со сферами, в которых действуют организации. Ролевые сочетания преобладают в отраслях, практикующих клиентоориентированный подход. Существуют устойчивые взаимосвязи между ролевым поведением и родом деятельности руководителей.

Поводя итог, стоит отметить, что как мужчины, так и женщины-руководители, несмотря на различия в стилях поведения и способах мышления, имеют качества, необходимые для принятия эффективных управленческих решений и могут достигать одинаково эффективного результата, но только разными способами, в большинстве случаев успешно друг друга дополняют.

Литература

1. Sarbin T., Allen V. Role theory // The hand-book of social psychology. N.Y., 1968.
2. Мид Дж. Аз и я /Американская социологическая мысль. М. Изд-во МГУ, 1994. 494 с.
3. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.

4. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллектуальной книги, 2001. 544 с.
5. Морено Дж. Социометрия и другие социальные науки / Американская социологическая мысль. М., 1994. 494 с.
6. Линтон Р. Личность, культура и общество // Личность. Культура. Общество. 2001. Т.3. Вып. 1.
7. Гоффман Э. Представление себя другим в повседневной жизни / Э. Гоффман. М. 2000.
8. Адизес И.К. Идеальный руководитель. Почему им нельзя стать и что из этого следует. М., Альпина Бизнес Букс, 2008. 262 с.
9. Минцберг Г., Куинн Дж.Б., Гошал С. Стратегический процесс / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2001. 688 с.
10. Hersey P., Blanchard K.H. So you want to know your leadership style. // Training and Development No.2. (1974): 1-15.
11. Белбин Р.М. Команды менеджеров. «Манн, Иванов и Фербер», 2009. 238 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ УСЛУГИ БЕЗРАБОТНЫМ ЖЕНЩИНАМ **SOCIAL SERVICES FOR UNEMPLOYED WOMEN**

Е.С. Тарханова
Пензенский государственный университет
E.S.Tarkhanova
Penza State University

Отмечается важная роль службы занятости в содействии трудоустройству безработных женщин. Перечисляются социальные услуги, перспективные направления и программы социальной поддержки безработных женщин на региональном рынке труда.

The article notes the important role of employment services in promoting employment of unemployed women. Lists social services, promising directions and programs of social support of unemployed women on the regional labour market.

Ключевые слова: безработные, женщины, служба занятости, социальные услуги.

Keywords: unemployed, women, employment service, social services.

Безработица среди женщин стала объективным фактором социально-экономической реальности, оказывая существенное влияние на социально-экономическую ситуацию как в стране в целом, так и в отдельно взятом регионе.

Именно женщины в нестабильных социально-экономических условиях оказались наиболее уязвимыми на рынке труда. По мнению многих специалистов, в так называемую группу риска попадают, прежде всего, слаботзащищённые группы женщин: одинокие матери, многодетные женщины, воспитывающие детей дошкольного возраста и детей-инвалидов.

Однако, следует учитывать, что женщины – это особая социально-демографическая группа в структуре современного общества, которая выполняет несколько общественно важных функций (репродуктивную, трудовую, воспитательную, хозяйственно-бытовую), а также обладает определёнными профессионально-трудовыми характеристиками, мотивацией к трудовой деятельности и обучению. Поэтому важным является вопрос о социально-трудовой ориентации и поддержке безработных женщин, особенно имеющих детей, и роли институтов рынка труда в решении проблем их трудоустройства.

Важную роль в регулировании и решении проблемы безработицы играет служба занятости, которая является главным государственным органом, оказывающим ряд услуг и обеспечивающим поиск вакансий и трудоустройство безработных граждан, оказывающим регулирующее воздействие на рынок труда. Эффективность деятельности службы занятости подтверждается многолетним опытом работы и достаточно высокой степенью доверия населения.

Получателями государственных услуг являются граждане, признанные в установленном порядке безработными в соответствии с законодательством Российской Федерации о занятости населения.

Некоторые государственные услуги предоставляются с учетом особенностей различных категорий безработных граждан в виде проведения занятий с одним безработным гражданином (по индивидуальной форме проведения) и (или) с группой безработных граждан (по групповой форме проведения).

В настоящее время одним из важных направлений деятельности служб занятости является содействие трудоустройству, социально-трудовая адаптация и социально-психологическая поддержка безработных граждан, испытывающих особые объективные проблемы с трудоустройством.

По мнению некоторых специалистов, к услугам службы занятости прибегают менее активные и наиболее уязвимые трудоспособные граждане, каковыми являются перечисленные категории женщин. Например, анализируя структуру безработных по способам поиска работы, можно отметить, что женщины чаще обращаются в государственную службу занятости: в 2010 г. – 35,7% мужчин и 41,3 % женщин, в 2011 г. – 31,4 % мужчин и 38,6 % женщин, в 2012 – 27,2 % мужчин и 33,6 % женщин, в 2013 – 27,1 % мужчин и 32,4 % женщин и в 2014 – 25,2% мужчин и 31,3 % женщин [2, с. 85]. На наш взгляд, именно службам занятости отводится важная роль в социально-трудовой поддержке и ориентации безработных женщин.

Среди безработных, зарегистрированных в центрах занятости Пензенской области, по данным Управления государственной службы занятости населения Пензенской области, количество женщин в общей структуре безработных оста-

ется стабильным. Среди них более 20 % имеют несовершеннолетних детей. Проведенное исследование в Пензенской области выявило высокую степень доверия безработных женщин службе занятости.

Управление государственной службы занятости населения Пензенской области со всеми заинтересованными структурами реализует комплекс услуг, направленных на повышение конкурентоспособности безработных женщин, в том числе и женщин, имеющих несовершеннолетних детей. Основными услугами, прежде всего, являются:

- оказание содействия трудоустройству и профориентационные услуги;
- проведение специализированных ярмарок вакансий для женщин;
- профессиональное обучение безработных граждан и женщин в период отпуска по уходу за ребенком по достижении им возраста трёх лет;
- опережающее обучение;
- создание дополнительных рабочих мест для женщин;
- содействие развитию предпринимательства среди женщин;
- расширение профессионально-технической подготовки женских кадров, в том числе для сельской местности [1, с. 33].

Оказываются услуги по социальной адаптации и психологической поддержке безработных женщин. Социально-психологические и адаптационные программы направлены на улучшение психологического самочувствия и развития у безработных женщин навыков саморазвития, самостоятельного использования необходимой информации, коммуникативной культуры, овладение конкретными приемами поиска работы. Например, используется программа групповых занятий по социальной адаптации безработных женщин из числа одиноких и многодетных родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов.

Для женщин, имеющих проблемы с трудоустройством, организуются общественные, временные работы с целью материальной поддержки в виде временного заработка. Можно назвать такие виды деятельности, как социальное обслуживание на дому одиноких инвалидов, пенсионеров, уход за больными в учреждениях здравоохранения, озеленение и благоустройство территорий, работа в военкоматах в период призыва молодежи, сезонные работы в сельском хозяйстве, детских лагерях.

В условиях растущей конкуренции одной из перспективных услуг является содействие развитию предпринимательской инициативы и ориентирование на самозанятость: консультирование по вопросам открытия собственного дела для выработки у женщин активной стратегии поведения на рынке труда (обучение навыкам самопрезентации, планирования своего трудоустройства путем расстановки приоритетности целей на всех этапах поиска работы, составление резюме,

бизнес-плана, обучение правилам делового общения). Для всех безработных, пожелавших организовать собственное дело, специалистами службы занятости разъясняется порядок оказания финансовой помощи на создание собственного дела, оказывается помощь в составлении и оценке бизнес-плана, а также выделяются субсидии на развитие малого предпринимательства.

По мнению экспертов, это направление является наиболее перспективным в преодолении безработицы среди женщин, которые, имея достаточно высокие профессионально-трудовые характеристики, опыт работы и мотивацию, могут открыть собственное дело или организовать работу на дому. Например, это может быть небольшой частный детский сад, агентство по оказанию разного вида услуг (организация праздников), швейный цех (пошив какой-либо одежды), кондитерская (кулинария, домашняя выпечка, домашние обеды), презентации на дому (реклама продукции, техники, косметики). В разных районах Пензенской области уже имеется опыт создания малого бизнеса по разведению пчел, производству меда, ведению сельскохозяйственной деятельности, пошиву швейных изделий, выпечке хлебобулочных и кондитерских изделий.

Важным этапом в преодолении женской безработицы стала разработанная Федеральной службой по труду и занятости РФ программа переобучения женщин, имеющих малолетних детей, которая прошла апробацию и успешно реализуется в ряде регионов. Программа призвана помочь молодым мамам преодолеть трудности при выходе на работу, при новом трудоустройстве и найти себя в профессиональной сфере. Финансирование программ осуществляется из федерального бюджета (в форме субвенций) и средств бюджетов субъектов РФ. Обучение бесплатное. Этот проект хорошо ориентирован на женщин из небольших городов, где существуют определенные трудности с поиском работы, а уровень жизни не позволяет найти средства на получение новой профессии.

В Пензенской области в 2013 г. на профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование направлены 461 женщина, находящиеся в отпуске по уходу за ребёнком, по профессиям бухгалтер, кадровое делопроизводство, повар, компьютерная графика, портной, швея, кассир торгового зала, медсестра, экономист, маникюрша, разрисовщик по стеклу. Это сотрудницы более 200 предприятий и организаций Пензенской области. В их числе: крупные предприятия города Пензы и Пензенской области, государственные бюджетные учреждения, детские сады. Возобновили трудовую деятельность на прежнем месте работы 108 женщин, в 2014 г. – 224 женщины [3].

В 2014 г. профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование безработных, женщин, находящихся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, службой занятости осуществляется в соответствии с Федеральным законом РФ «О контрактной системе в

сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ. [3, 4]

Для трудоустройства женщин на предприятиях области зарезервированы рабочие места, а также обсуждается предоставление рабочих мест, позволяющее женщинам совмещать трудовую деятельность и воспитание детей: неполный рабочий день, гибкий график работы и неполная рабочая неделя. Однако, как отмечают специалисты, информации о таких рабочих местах в органах службы занятости ещё недостаточно.

Весь комплекс услуг реализуемых службой занятости по содействию в трудоустройстве женщин позволяет ежегодно снижать уровень регистрируемой безработицы женщин в Пензенской области приблизительно на 0,8%.

В ряде регионов также реализуются специальные услуги, мероприятия и подпрограммы по содействию занятости женщин, специализированные ярмарки вакансий для женщин.

Рассмотренные услуги, формы и методы поддержки безработных женщин способствуют восстановлению утраченных и получению новых навыков профессиональной деятельности у безработных женщин, улучшению их психологического состояния и трудовой мотивации. Они направлены на повышение их конкурентоспособности на рынке труда и снижение показателей женской безработицы в целом.

Реализация и совершенствование социальных услуг для безработных женщин имеют важное практическое значение для преодоления негативных последствий безработицы на региональном рынке труда.

Литература

1. Голосова Е.С. Эффективность службы занятости в решении проблемы женской безработицы // Качество жизни населения в транзитивном российском обществе: правовые, социокультурные и социально-экономические аспекты: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции. Пенза: ПДЗ, 2012. С. 32-36.
2. Труд и занятость в России. 2015: Стат.сб./Росстат. Т. 78. М., 2015. □274 с.
3. Организация профессионального обучения безработных граждан и женщин в период отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trud.pnzreg.ru/znp/porkg/porkg01>. (Дата обращения: 19.06.2016).
4. Федеральный закон РФ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 г. № 44-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ, 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ НЕФОРМАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ**
**RETROSPECTIVE ANALYSIS INTO STAFF INFORMAL
RELATIONSHIPS**

А.И. Тюрин

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Нижний Новгород

Н.И. Тюрин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.I. Tyurin

*National Research University Higher School of Economics,
Nizhni Novgorod*

N.I. Tyurina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Актуальность выбранной темы обуславливается тем, что неформальные отношения в современных организациях нуждаются в детальном изучении и исследовании.

Проведен ретроспективный анализ неформальных отношений в трудовых коллективах, представлены их классификация, существующие в отечественной науке точки зрения о времени возникновения неформальных отношений в российской производственной сфере.

The relevance of the topic chosen is because the informal relationships in modern organizations require detailed study and research. In the article we decide the retrospective analysis of informality in the workforce? A classification of informal relations. Also we represented in the existing domestic science point of view, the time of occurrence of informal relations in the Russian industrial sector.

Ключевые слова: неформальные отношения, анализ неформальных взаимодействий, неформальные структуры в современных организациях.

Keywords: informal relationships, analysis of informal interactions, informal structures in modern organizations.

В современных компаниях все существующие отношения можно разделить на две группы: *санкционированные*, рациональные, порожденные четкими предписаниями, и *спонтанные*, возникающие на основе чувственно-эмоциональных связей, то есть формальные и неформальные отношения. Интересующая нас вторая категория характеризуется как реализующая индивидуальные или групповые цели трудового коллектива, создающая морально-психологический климат в компании.

Неоспоримым является тот факт, что значительная часть неформальных отношений возникает в сфере общественного производства, то есть в произ-

водстве товаров и услуг, там, где есть потребность в принятии грамотного управленческого решения. Производственные организации выступают субъектами социума, где зарождаются и получают развитие неформальные отношения.

По признанию ученых, российская действительность отличается активно развитой системой неформальных отношений на рабочих местах. Так, работник предпочтет решить задачу с помощью полезных знакомств, нежели самому потратить усилия для достижения желаемого результата; найдет любой способ, чтобы не подчиняться жестким правилам компаний и даже поддастся чувствам и эмоциям, выполняя обязательные предписания руководства [1].

В отечественной практике мы наблюдаем, как общественное мнение и современные реалии фактически санкционируют неформальные отношения, неофициальные деловые контакты и связи, вытесняя на второй план официальные взаимосвязи коллег. Мы имеем дело с целой многоуровневой системой неформальных отношений между субъектами производства.

Неоспорим и тот факт, что неформальные межличностные отношения на предприятиях играют определяющую роль в развитии процесса руководства этой организацией, а в работе главы компании им отводится до трех четвертей времени [2]. В этой связи мы проводим четкое разграничение между коммуникативным процессом и общением внутри компаний. Понимая под первым термином лишь способ передачи той или иной информации [3], а под вторым – передачу информации, сопровождающуюся духовно-личностным общением оппонентов, духовным контактом между ними [4]. Так, основатель «SonyCorporation» Акио Морита считал залогом успеха знание своих подчиненных, участие во всех внутренних мероприятиях компании с целью знакомства и поддержания общения с работниками. Даже несмотря на стремительный рост компании, он все равно старался не отступать от этого правила и призывал всех управляющих следовать его примеру [5].

Неформальные структуры нельзя назвать неизведанным и новым явлением (хотя существует и такое научное мнение), они – своеобразные спутники и союзники управленческих взаимосвязей в компаниях. Отечественные исследования сходятся на том, что рассматриваемый феномен имеет огромное значение для функционирования социальных процессов в масштабах всей страны, однако их точки зрения разнятся относительно вопроса генезиса неформальных отношений в России – они возникли в период распада Советского Союза или же возникли в самом СССР.

Г.А. Явлинский по этому поводу пишет: «залуждения и недоразумения по поводу российской экономической системы и экономики связаны с недооценкой в экономике страны различного рода неформальных отношений, ко-

торые не устанавливаются формально действующими в стране законами и отличаются от описываемых ими. Эти правила и нормы сформировались как стихийная реакция на разрушение хозяйственного механизма, действовавшего в 1980-е гг., сопровождавшееся принятием совершенно неадекватной правовой базы, которая не признавалась и отвергалась подавляющей частью экономических субъектов» [6].

Противоположную приведенному мнению точку зрения в своих трудах высказывали Л.Я. Косалс, Р.В. Рывкина, Ю. Латов. Последний видит причину неоправдавшихся надежд на быстроту и безболезненность рыночных реформ в плохом понимании особенностей неформальных взаимоотношений в советской теневой экономике [7].

Мы придерживаемся и в определенной степени развиваем вторую точку зрения, однако соглашаясь с Г.А. Явлинским, что неадекватная правовая база, возникшая после распада Советского Союза, стала толчком и мотивацией для формирования и возникновения неписанных законов в организациях, предприятиях и др.

Стоит отметить, что неформальные отношения пронизывают все сферы общественной жизни, присутствуют в политике, экономике, науке, культуре, образовании, государственном и местном управлении. Говоря о России, можно выделить следующую особенность – система неформальных взаимодействий в компаниях широко распространена. Исторически сложившаяся в России категория решения трудовых задач «по знакомству» продолжает развиваться и в наше время, уживаясь вместе с таким феноменом, как неформальные «рынки» услуг и товаров, на которых «продавцом» выступает должностное лицо, имеющее в силу занимаемой должности доступ к тем или иным благам [8].

В процессе изучения имеющихся определений рассматриваемого понятия неформальных отношений в организациях *мы предлагаем свою классификацию неформальных отношений в современных компаниях, основанную на выделении четырех основных критериев* – по влиянию, оказываемому на достижение целей компании, мотивы сотрудников для вступления в неформальные группы, по их идейной и социально-нравственной направленности, по наличию социального ориентира.

Учитывая широкомасштабность и разнородность неформальных отношений в современных фирмах, их необходимо классифицировать относительно связей с действующим законодательством. *Выделим следующие основные структуры неформальные взаимодействия на предприятиях:*

- непротиворечащие закону неформальные связи;
- незаконные неформальные связи;

- противозаконные неформальные отношения.

Ретроспективный анализ развития понятия неформальные отношения в организациях показывает, как менялось отношение к указанному феномену: от резкого отрицания до благоприятного отношения со стороны как практиков, так и теоретиков и зарубежных, и отечественных. Исследования начала XX столетия не отводили места для неформальных отношений в структурах производств, всячески создавая условия, в которых они попросту не могли зародиться, видя именно в них произвол и помеху для рабочего процесса. С течением времени общество пришло к выводу, что грамотно выстроенные неформальные взаимодействия внутри трудового коллектива способны повысить производительность, привлечь доверие и уважение работников в фирме.

Резюмируя специфику неформальных отношений в российской действительности, необходимо подчеркнуть, что в настоящее время на современных предприятиях мы сталкиваемся с довольно обширной системой рабочих неформальных взаимодействий: светское «воровство по чину»; повсеместно распространенный блат; некоторые экономические особенности.

Неоспорим факт, что неформальные структуры современных компаний находятся под сильным влиянием внешних воздействий экономики, политики, социума и этики.

Литература

1. Соколинский В.М., Фаризов И.О. Контрасты менталитета, или готовы ли россияне к рынку? // Вестник финансовой академии. 2012, № 2.
2. Руткевич М.Н. О предмете социологической науки: три методологических вопроса // Социологические исследования, № 7. 1991. С. 25-37.
3. Кунц Г., Одоннел С. Управление. Системный и ситуационный анализ. М.: Прогресс, 1981.
4. Радугин А.А., Радугин К.А. Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
5. Морита А. Сделано в Японии. М., 1993. 296 с.
6. Явлинский Г. Периферийный капитализм. М., 2003.
7. Латов Ю. Длинные тени общества «светлого будущего» // Вопросы экономики, № 8, 2000. С. 45-62.
8. Фомичев И.Ю. Социальные детерминанты управленческих взаимоотношений // История управленческой мысли и бизнеса. Научные концепции и реальный менеджмент. М., 2005.

ЧЕМУ И КАК УЧИТ ФИЛОСОФИЯ? ОТВЕТ С ПОЗИЦИИ СИЛЫ WHAT AND HOW TEACHES PHILOSOPHY? A RESPONSE FROM A POSITION OF STRENGTH

А.Н. Фатенков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.N. Fatenkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В соотнесении с современной образовательной ситуацией автор тезисно обращается к ценностным и стилистическим особенностям философии как социально-культурного феномена и как университетской дисциплины.

In correlation with the modern educational situation the author briefly addresses evaluative and stylistic peculiarities of philosophy as a socio-cultural phenomenon and as a subject.

Ключевые слова: человек, образование, культура, философия, позиция силы.

Keywords: human, education, culture, philosophy, a position of strength.

Философия – и как социально-культурный феномен, и как университетская дисциплина переживает сегодня трудные времена. Внимание к ней и со стороны общества, и со стороны власти незначительно, доброжелательности нет вовсе. Это, конечно, не единственный и, наверное, не ключевой, но один из зримых симптомов кризиса. Спору нет, философия тут во многом виновата сама. Дистанцируясь от постановки, обсуждения и решения жизненно насущных экзистенциальных и социальных проблем, ограничиваясь сухо академичными или эпатажно тусовочными реконструкциями своей собственной, персонально выстроенной истории, интерпретационным пересказом того, кто что-то когда-то сказал или мог сказать, нередко и вовсе склоняясь к пустопорожней языковой игре, жонглированию вычурными терминами, она загоняет себя в тупик. Внутренние неурядицы, которые и устраняются, естественно, только своими силами, дополняются и стимулируются ещё, однако, целенаправленным внешним прессингом правящей технократии и аморфным цинизмом капиталистической повседневности. Для того чтобы дела у философии пошли на поправку, а вместе с ней и у тех, кому она что-то толковое пытается сказать, необходимо вскрыть и назвать причины всегдашнего недовольства ею, выказываемого явно и неявно властями предержавными и конкурентами из сопредельных сегментов культурной деятельности. Дать вразумительный ответ здесь невозможно без указания на ценности, ко-

торые, обнаружив, отстаивает в человеческом мире философская теория и практика.

Философия, и только она одна, учит самостоятельно и ответственно мыслить, действовать, жить. Правильные суждения – по классу логики. Убеждающие речи – по части риторики. Те и другие, впрочем, склоняют нас к конформизму, к зависимости от будто бы объективных интеллигибельных структур, либо – напротив, или же в сопряжении, к ряду – от тотального якобы лукавства человеческой природы.

Философия – не наука: ей нет нужды ни играть в объективизм, ни подменять его паллиативом интересубъективной общезначимости. Отвлечённые смыслы никчемны: без экзистенциальной подпитки им грош цена. В объективируемых (кем-то) смыслах угроз для индивидуума не меньше, чем вспоможения. Наука выдаёт на-гора истинное знание, но, в отличие от философии, не смеет даже подумать, что сама истина есть, быть может, всего лишь вид заблуждения, без которого люди не в состоянии жить. И нечего удивляться, что обладание доказательным, рационально проверяемым знанием никак не гарантирует достойного поведения, праведности поступков. Этическая проблематика всегда внешняя для сциентистского взгляда на мир. Для философской теории и практики она неизменно внутренняя. Здесь важно не только то, что утверждается, но и кто утверждает, заслуживает ли доверия этот человек. Истина, высказанная подлецом, перестаёт быть таковой в философии, но остаётся таковой в науке. Через свои технологические приложения наука с гораздо большим принуждением и меньшим разбором детерминирует образ жизни людей; философия влияет на него избирательно, случается, и вовсе никак.

Философия – не религия. В религиозных пределах человек, если не падший, то ведомый; если ответственный, то по вине, в силу априорного изъяна, «первородного греха». Философия не идеализирует человека, но отмечает его сущностную греховность; учит об ответственности без вины и без должествования. А ещё о том, что любой ответ всегда, в общем, трагически запаздывает, всякая реакция тлетворна: жизнь есть спонтанная активность. Сопротивляться смерти – значит играть на опережение. Хотя бы иногда. Ведь сама по себе непрерывная спешка, упакованная в мишуру «прогресса», весьма сомнительна. Философия не против веры как состояния души – но первоначально утверждает веру в себя, не в другого. Тому, кто поодаль, она доверяет или не доверяет. Философия защищает любовь как явленное миру чудо – явленное не повсеместно, на особицу, в сопряжении то с совестью, то с удачей – любовь земную, человеческую. Без экивоков на трансцендентность – с прикосновениями, разными: строгими, бережными, переполненными жела-

нием. Отвергая циничную прозрачность панлогизма и юродство безумия, философия оберегает здравую иррациональность: небессловесную и небестелесную. Прежде всего – безразличное отношение к жизни, людям, к кому-то из них, хотя бы единственному; отношение без указчиков и посредников. Попутно крепится уверенность в том, что умом, лишь им только, реальность не понять. Интеллигибельные схематизмы, как и стерильные «духовные практики», оставляют нас на стадии внешней примерки, опознавания, сравнения фактически данного с мыслительным слепком прежней фактичности. В итоге имеем – скольжение по поверхности, не более.

Человек самостоятельный, властвующий над собой – угроза всякой внешней власти: он вживую свидетельствует о том, что люди могут-таки обойтись без верховно-стороннего господина. Именно отсюда извечная неприязнь светской и церковной номенклатуры к философии.

Антипатия (чаще всего взаимная, надо признать) усиливается, когда выясняется: философия – и не идеология; скорее – напротив – её критика, выставленная на посмешище, всеобщее или кулуарное, перлы ложного сознания и подстраивающейся под него общественной практики. Скажем, философская оптика позволяет отличить истинный, порой неброский патриотизм от пропагандистски шумливого «последнего прибежища негодяев». Идеологическое враньё и полуправда – эпифеномены лукавого опрощения, вульгаризации идей (иногда и философских), обращённых к толпе (со всеми неприглядными характеристиками оной). Идеологически подкованный персонаж может и из «Мойдодыра» вывести – и расовую теорию, и её опровержение: чего изволите? От философского взгляда не укроется: либерализм, манерно осуждаемый у нас сейчас официозными СМИ, интенсивно закачивается в сферу образования. Привычным стал ажиотаж вокруг дистантного, с экраном-контрацептивом, обучения и сугубо формальных, с «хиршами» и «кредитами», оценок труда преподавателя и студента.

Философия не охотится за аудиторией-массой, хотя широкой аудитории – живой, не экранной – по обыкновению не чурается. Но и в ней она обращается не к безликой толпе, а, если и не к каждому, то к некоторым – особо, конкретно, индивидуально. Бывает – к одному-единственному. И того достаточно, чтобы почувствовать живой отклик, в коем нуждается всякий человек, чем бы он ни занимался. Если душевной взаимности не встречаешь, надо уходить, что-то менять...

О философии, даже люди её круга, часто говорят как о заповеднике для одиноких волков. В этом есть доля правды. С эпохи Платона и Аристотеля известно: лучший ученик – всегда предатель. И, в отличие от науки, отсутствие школы не ставит на философии крест. Самый интересный собеседник

для философа, конечно же, он сам. Не возражающий, однако, наоборот, приветствующий распространение данного правила на максимально широкий круг людей и профессий.

Но здесь надо быть реалистом: возможности такой экстраполяции достаточно ограничены. Только спекулировать на этом не надо! А то ведь ушлые менеджеры по продажам «образовательных услуг» сразу подхватят и вывернут наизнанку, на свою: дескать, вот мы и сокращаем аудиторные часы на философию, рекомендуем сделать её факультативным предметом. Положение и без «инноваторов» серьёзное. Увы, далеко не многие по-настоящему ценят самостоятельность, и ещё меньшим числом люди готовы бороться за неё. Никаких эгалитаристских, демократических иллюзий! И в первую очередь, касательно цеховых критериев. Философ-демократ – это клоун. В современных реалиях – уж точно. Карикатура на человеческое достоинство и его охранение. Философский акт совершается в уединении или в эксклюзивной передаче от лица к лицу. Он авторский. Его субъект – автократ, т.е. властвующий над собой. В определённой мере – в той, в какой вольно или невольно властвует над другими, – он авторитарная личность: допускающая в качестве нормы открытое встречное сопротивление, отмечая тем самым все либеральные стенания и наветы по адресу авторитаризма, который исключительно и способен сегодня внятно противостоять тоталитарным угрозам.

А они уже при нынешнем уровне технического оснащения (читай: уровне контроля) отнюдь не эфемерны. Запад, Россия, Восток тут мало отличаются друг от друга: непонятно, где антропологическая ситуация хуже. До поры до времени человека с претензией на суверенность терпели. Пока за ним числилась сущность, не сводимая к имиджу, пока его окультуренной природы хватало для преобразования-покорения окружающей природной среды. Но теперь человек оказался в мире, в котором искусственного не меньше, чем естественного, и дальнейший прогрессистский, инновационный зуд требует технического вмешательства в человеческую натуру. Беспардонная объективность на руку корыстной и завистливой бездарности. Та, оккупируя властные институты, ставит целью инкорпорировать все внешние рычаги воздействия на индивида в его внутреннюю структуру. Под благовидным предлогом заботы о здоровье, безопасности и комфорте людей цинично выхолащивается их самоопределение, собственно человечность. Она, не мыслимая некогда без сокровенных пластов, намеренно опошляется ныне императивом перманентных презентаций, редукцией сущности к видимости. Философия учила и учит: *казаться – ещё не быть!* Для человеческого мира, во всяком случае. Недруги философии, клоны Большого Брата унижающе льстят объектам контроля: вне кажимости, мол, ничего нет...

Самостоятельность проистекает из укоренённости, не обходится без пограничных состояний, отторгая поверхностное, легковесное ячество. Твои соображения по-настоящему чего-то стоят, они действительно твои, если обстоятельно соотнесены с мировой и отечественной культурной традицией. Такова философская установка.

В завершение – без обиняков, от чего не отвертеться:

– третирующее-игнорирующее философию под аккомпанемент разговоров о духовности человека, его правах и свободах – верх цинизма;

– урезание философии в учебно-образовательных стандартах и планах – неамнистируемый демарш технократов и гегемонов-посредников, шаг на пути к тотальному конформизму и легитимной бесчеловечности;

– сдача человеком философского цеха арьергардных рубежей (других не осталось), согбенная поза с протянутой рукой – предательство профессии, самого себя и того, единственного, быть может, кто нуждается в твоей поддержке.

**РАБОТНИКИ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ В УЧРЕЖДЕНИЯХ
СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО МЕСТА
ЖИТЕЛЬСТВА И ЗАНЯТИЙ**
**WORKERS HELP THE PROFESSION IN A SOCIAL SHELTER
FOR HOMELESS**

Н.Н. Хвоин

Комитет по труду и занятости населения Санкт-Петербурга

N.N. Khvoin

Committee on Labor and Employment St. Petersburg

Рассматривается деятельность работников помогающих профессий в учреждениях социальной помощи бездомным. Приведен анализ штатной численности основного персонала. Представлены мероприятия, направленные на повышение эффективности и качества предоставления услуг.

We consider the activities of workers helping professions in social care institutions for homeless people. The regular number of key personnel was accounted. Their activities aimed at improving the efficiency and quality of services.

Ключевые слова: социальный работник, клиент, бездомные, взаимодействие с клиентом, эффективный контракт.

Keywords: social worker, client, homeless, customer interaction, effective contract.

В современном российском обществе актуализировано обсуждение проблем социальной работы и социального обслуживания с точки зрения их эф-

фективности. По мнению И.А. Григорьевой, это связано с тем, что, «во-первых, давно и основательно обсуждается кризис идей и практик современных социальных государств и через механизмы социальной политики ищутся выходы из кризиса. Во-вторых, в развитых социальных государствах происходит стабилизация экономического роста, однако нет ни одной страны, где бы проблемы чрезмерной дифференциации уровня жизни, а иногда и бедности перестали существовать» [1, с. 36].

В последние десятилетия возникла новая практика, связанная с определенными успехами политики помощи бедным в развитых странах. Оказалось, что кроме бедности, в разных социальных обличиях выступает проблема социального исключения, которая не всегда связана с низким уровнем жизни, но обязательно влечет за собой ограниченные жизненные перспективы и возможности многих групп населения.

Термин «социальное исключение» был введен Р. Ленуаром для обозначения ситуации, в которой находятся социально незащищенные группы населения, такие как дети-сироты, инвалиды, умственно или физически отсталые, безработные, бомжи и прочие «человеческие отбросы» (термин З. Баумана – *wasted people*) [См.: 2, с. 99].

Исторически одной из наиболее уязвимых и социально незащищенных групп населения, исключенных из социальной среды, являлись бродяги и нищие. В России с началом либерализации экономики, завершением периода всеобщей занятости и обязательной прописки, принятых ранее в СССР, в социальной структуре общества отчетливо проявилась группа лиц без определенного места жительства и занятий. Государство прекратило их административно преследовать и кодифицировало как «нуждающихся в поддержке».

Постепенно была создана сеть учреждений социального обслуживания лиц без определенного места жительства и занятий (далее лиц БОМЖ), основной задачей которых является их адаптация и возвращение к жизни в обществе [3]. В данных учреждениях сосредоточены работники помогающих профессий – специалисты по социальной работе, социальные и медицинские работники, психологи и другие специалисты, освоившие новый, более гуманный, подход к бездомным.

Система отношений «социальный работник – клиент» и «социальный работник – окружение клиента» играет в социальной работе важнейшую, но довольно сложную роль. Так, «социальный работник помогает клиенту и одновременно выполняет общественную задачу сохранения равновесия в обществе, в то же время он работает в тех рамках, которые ему задает государство» [4, с. 363]. Например, помощь, направленная на адаптацию бездомных,

как правило, не может быть краткосрочной, но государство прежде всего заинтересовано в выполнении стандартов и экономии средств.

Учет деятельности учреждений социальной помощи бездомным гражданам осуществляется с 1997 г. в соответствии с формой федерального статистического наблюдения 4-собес (сводная) «Сведения об учреждениях социальной помощи для лиц без определенного места жительства и занятий». Данные сведения предоставляются органами исполнительной власти субъектов РФ, осуществляющими функции социального обслуживания населения, в Минтруд России [5].

Данная форма учитывает только учреждения (отделения) социального обслуживания при временном размещении (полустационарное социальное обслуживание), без учета специальных домов-интернатов для престарелых и инвалидов, освобожденных из мест лишения свободы, предоставляющих социальные услуги при постоянном проживании (стационарное социальное обслуживание).

В Санкт-Петербурге действует двухуровневая система учреждений социального обслуживания населения городского и районного подчинения, оказывающих услуги бездомным. Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга осуществляет межведомственное взаимодействие и координацию деятельности по социальной адаптации бездомных граждан [6].

По состоянию на 01.01.2016 г., в 18 районах Санкт-Петербурга действовало 16 учреждений, которые учтены в форме 4-собес (сводная). В 2015 г. в данных учреждениях фактически развернуто 417 коек и обслужено 1605 бездомных граждан, из них лиц, освободившихся из мест лишения свободы, – 267 чел. (16,6%). По количеству обратившихся преобладают мужчины 1316 чел. (82%), количество обратившихся женщин составило 289 чел. (18%). В 2015 г. трудоустроено 383 чел. (24%), направлено в дома-интернаты 46 чел. (2,8%).

По состоянию на 01.01.2016 г., количество штатных должностей в городских и районных учреждениях для лиц БОМЖ составило 274,25 штатных единиц, из них занятых – 250,25, укомплектованы учреждения на 91,2%.

В форме 4-собес учитываются общая штатная численность и должности, относящиеся к основному персоналу: средний и младший медицинский персонал, специалисты по социальной работе и социальные работники. Численность основного персонала, которая учтена в форме 4-собес, составляет 114,75 штатные единицы, или 41,8% от общей штатной численности. Если учесть, что в отчетный период специалистами по социальной работе (социальными работниками) при занятых 54,5 штатных единицах обслужено 1605 бездомных граждан, то в среднем нагрузка на 1 специалиста составила 29,4 чел/год. Данные расчеты являются примерными, поскольку нагрузка на специалистов зависит от мощности учреждения (количества койко-мест), коли-

чества специалистов, предоставляющие услуги, а также оперативности (своевременности) взаимодействия со сторонними организациями.

Обеспечение доступности, существенное повышение эффективности и качества предоставления населению Санкт-Петербурга социальных услуг, а также внедрение современных форм и технологий работы в деятельность социальных учреждений является основной целью Плана мероприятий («дорожной карте») «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения в Санкт-Петербурге на 2013-2018 гг.» [6]. Этот документ разработан в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 07.05.2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 26.11.2012 г. № 2190-р.

Программой предусмотрен переход к 2018 г. работников и руководителей государственных (муниципальных) учреждений на эффективный контракт (трудовой договор), в котором будут конкретизированы должностные обязанности, условия оплаты труда, показатели и критерии оценки эффективности деятельности для назначения стимулирующих выплат в зависимости от результатов труда и качества оказываемых государственных (муниципальных) услуг, а также меры социальной поддержки.

Мы видим, что эти мероприятия, а именно: переход на эффективный контракт, внедрение новой системы оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений, повышение оплаты труда работникам – могут способствовать более качественному и эффективному оказанию услуг нуждающимся и заметно меняют профиль «помогающих профессий».

Литература

1. Григорьева И.А. Социальная политика: основные понятия // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т.1. №1. С. 29-44.
2. Дмитриева А.В. Социальное включение/исключение как принцип структурирования современного общества // Социологический журнал. 2012. №2. С. 98-114.
3. Социальное обслуживание населения. «Типы учреждений социального обслуживания и социальные услуги лицам без определенного места жительства и занятий. ГОСТ Р 53064-2008» (утв. Приказом Ростехрегулирования от 18.12.2008 № 441-ст). Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Послед. обновление 20.05.2016.
4. Халилова Р.Р. Роль личности социального работника в эффективном взаимодействии с клиентом // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. Сб. труд. конференции. Н. Новгород, 2015. С. 362-366.
5. Об утверждении статистического инструментария для организации Минздравсоцразвития России федерального статистического наблюдения за деятельностью учреждений социальной защиты населения (приказ Росстата от 11.09.2009 № 196). Спра-

вочно-правовая система «Консультант Плюс»: [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс».

6. Социальная помощь лицам без определенного места жительства // Официальный сайт Администрации Санкт-Петербурга [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gov.spb.ru/helper/social/bomz/>. (Дата обращения 15.04.2016).

**ЭТИЧЕСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
САМОЗАНЯТЫХ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ
(НА ПРИМЕРЕ АВСТРАЛИЙСКИХ СОЦИАЛЬНЫХ
РАБОТНИКОВ)
THE ETHICAL AND PROFESSIONAL PRINCIPLES
OF SELF-EMPLOYED IN THE SOCIAL SECTOR (FOR EXAMPLE,
THE AUSTRALIAN SOCIAL WORKERS)**

Т.М. Хусяинов

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Т.М. Khusyainov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются этические и профессиональные принципы деятельности у социальных работников, которые ведут частную практику, как представителей самозанятых в социальной сфере.

In this paper, the author examines the ethical and professional principles of social workers who are in private practice, as the representatives of the self-employed in the social sphere.

Ключевые слова: Социальная работа, социальный работник, самозанятый, независимый профессионал, частная практика, этические принципы, профессионализм.

Keywords: social work, social worker, self-employed, an independent professional, private practice, ethics and professionalism.

Современный рынок труда в условиях глобальных изменений в политике, экономике, культуре претерпевает существенные изменения. Стандартные формы и виды занятости уступают место атипичным [1], а общество стремится к экономической свободе, эффективности и обеспеченности [2]. В условиях становления постиндустриального общества и формирования новой социальной трудовой структуры резко возрос интерес к самостоятельной занятости работников самых разных сфер и в наибольшей степени в сфере услуг. Подобная ситуация во многом связана с тем, что для производства чего-либо по-прежнему требуются дорогостоящее оборудование и персонал, наличие которого подразумевает уже не самозанятость и независимую трудовую деятельность, а предпринимательство в полном смысле этого слова.

Происходящие в трудовой жизни общества процессы затронули и работников социальной сферы, среди которых мы выделим социальных работников.

Новые условия, автономия и независимость от начальства ставит перед профессиональным сообществом задачи по формированию принципов, которые позволят, не ограничивая свободу социального работника, сделать его деятельность успешной и эффективной, а услуги, оказываемые клиентам, качественными.

Всё большее число социальных работников в Австралии избирают путь самостоятельной занятости. Для реализации подобной деятельности, независимо от профессионала необходимо пройти аккредитацию в Австралийской ассоциации социальных работников (Australian Association of Social Workers). При этом, исходя из различий групп клиентов социальной работы, для большей эффективности были выработаны различные системы аккредитации, например, для клинических социальных работников создана AMHSWs (Accredited Mental Health Social Workers). Прохождение подобной аккредитации позволяет оказывать частные услуги клиентам в рамках нескольких финансируемых правительством программ.

При реализации самостоятельной профессиональной деятельности социальный работник сталкивается с вопросами правового и экономического, этического и профессионального характера. Основные пути решения данных вопросов изложены в рекомендациях Австралийской ассоциации социальных работников [3].

Решение вопросов правового и экономического характера связано с подачей заявления на включение в реестр коммерческих структур; созданием структуры бизнеса, выборами своей ниши и консультаций с бухгалтером; обеспечением себя необходимым помещением; определением платы за услуги.

Вся деятельность независимого социального работника должна быть основана на принципах, изложенных в Кодексе этики (2010).

Наиболее значимыми при этом являются следующие аспекты: обеспечивать беспристрастность и точность в работе и ведении записей; разрабатывать и внедрять политику регистрации клиента; обеспечивать учёт и хранение необходимой документации (на электронном или бумажном носителях), обеспечивая безопасность картотеки.

Еще до начала работы с клиентом социальный работник должен уведомить его об особенностях и процедуре работы.

В качестве профессиональных требований к независимым социальным работникам определяются: профессиональная и гражданская ответственность в рамках своей деятельности; соблюдение государственных стандартов учёта и хранения личных дел клиентов (в отсутствие прямого законодательного

предписания – не менее 7 лет); обеспечение должного уровня предоставляемых услуг.

Как и в случае государственной системы социальной работы, социальный работник должен обеспечивать конфиденциальность информации своих клиентов, сохранение границ между социальным работником и клиентом, обеспечивать достойный уровень профессиональной деятельности. Однако, в отличие от государственной системы, независимый профессионал обеспечивает всё это не в соответствии с конкретными и подробными инструкциями внутреннего распорядка учреждения, не встраивается в уже существующую структуру, а соблюдая необходимые принципы, разрабатывает эти инструкции самостоятельно, обеспечивая себя помещением, а свою работу необходимой инфраструктурой. Другим важным отличием является привлечение клиентов для оказания частных услуг или усилия для включения в государственную программу. Выполнение ещё и административных функций, которые возникают в ситуации самозанятости, накладывает дополнительную нагрузку на независимого профессионала.

Литература

1. Сизова И.Л. Ищущие работу женщины на российском рынке труда // Женщина в российском обществе. 2013. № 2. С. 41-48.
2. Боссонг Х. От социальной бюрократии к социальному предпринимательству: размышления о возможных тенденциях в профессиональной социальной работе // Социальные инновации в развитии трудовых отношений и занятости в XXI веке / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: издательство НИСОЦ, 2014. С. 38-41.
3. Ethics and Practice Guideline – Self Employment / Private Practice. 2013. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aasw.asn.au/document/item/4573>. (Дата обращения: 17.05.2015).

РАБОТНИК И РАБОТОДАТЕЛЬ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА КАК СУБЪЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ THE EMPLOYEE AND THE EMPLOYER SME AS SUBJECTS OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS

Ю.Ю. Чилипенюк
*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Нижний Новгород*
Yu.Yu. Chilipenok
*National Research University Higher School of Economics,
Nizhni Novgorod*

Целью исследования стало изучение соответствия классической индустриальной модели социально-трудовых отношений современной конфигурации этим отношениям в малом и среднем бизнесе. На основании анализа эмпири-

ческих данных были получены результаты, характеризующие существенную специфику последней.

The aim of this study was to investigate the conformity of the classical industrial model of social and labor relations current configuration of these relations in the small and medium business. Results were based on an analysis of empirical data characterizing significant specificity of the last model.

Ключевые слова: работник, работодатель, социально-трудовые отношения, малый и средний бизнес, профсоюзы, объединения работодателей.

Keywords: employee, employer, social and labor relations, small and medium-sized businesses, trade unions, employers' associations.

Введение

В классической индустриальной модели социально-трудовых отношений определяются следующие ее основные субъекты:

- работодатели и их представители (объединения, союзы и ассоциации);
- наемные работники и их представители (профсоюзы);
- государство в лице его уполномоченных органов и представителей.

Эта модель предполагает соответствующую традиционную схему взаимодействий между субъектами, известную под названием трипартизма, которая реализуется в работе Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений. Однако сегодня мы наблюдаем ситуацию, при которой далеко не все участники российского рынка труда оказываются охваченными действием этой системы. Яркое подтверждение этого – малый и средний бизнес.

Методы исследования:

1. Анкетирование сотрудников предприятий малого и среднего бизнеса (n=502, г. Нижний Новгород);
2. Полуструктурированные интервью с собственниками предприятий малого и среднего бизнеса (n=68, г. Нижний Новгород);
3. Экспертные интервью с представителями профсоюзов и объединений работодателей (г. Нижний Новгород).

Результаты:

1. Взаимоотношения с профсоюзами.

Мнение работодателей:

В категории «*отношение с профсоюзами*» все высказывания работодателей объединились под кодом «*мои сотрудники не являются членами профсоюза*». Среди отмеченных причин: «они (профсоюзы) не имеют смысла», «это актуально только для крупного бизнеса», «им нет доверия». Однако есть и единичные мнения, касающиеся потенциальной положительной роли профсоюзов: «хорошо бы вернуться к советским традициям», «хорошо бы,

если б были», «профсоюзы – это было хорошо», «это может быть выгодно». Отмечено и еще одно показательное высказывание о том, что «профсоюзы должны быть подконтрольны руководству предприятия».

Мнения другого характера, которые были объединены под одним кодом «я и есть профсоюз», возвращают нас к патерналистской системе отношений «работник – работодатель»: *«теперь я их профсоюз», «раньше заботилось государство, а теперь наша организация», «я их профсоюз и соцзащита».*

Мнение работников:

Более 90% респондентов ответили, что не являются членами профсоюза, остальные затруднились ответить. При ответе на вопрос: *«Хотели бы Вы стать членом профсоюза?»* ответивших «да» оказалось 5%, «нет» – 70%, «не знаю» – 25%.

Интересными оказались и ответы на вопросы о привлекательности членства в профсоюзных организациях и причинах нежелания быть участниками таких организаций. Привлекают работников в идее профсоюза: возможные льготы (40%), помощь в решении различных проблем (28%), возможность отстаивать свои интересы перед работодателем (25%) и перед государством (19%), участие в совместных мероприятиях (19%). В то же время 50% работников не хотят уделять время профсоюзной деятельности, еще по 28% привыкли самостоятельно решать возникающие проблемы и не хотят платить взносы, 14% отмечают, что они защищены работодателем, а 8% ощущают себя защищенными государством.

Таким образом, очевидно, что малый и средний бизнес сегодня остается в стороне от профсоюзного движения. Вот как комментирует наш эксперт – представитель крупной нижегородской профсоюзной организации эту ситуацию:

«Я задаю вопрос предпринимателям самого незначительного малого бизнеса: «Есть ли у вас профсоюзные организации?» 90% отвечают, что нет. Я спрашиваю: «Почему?» и даю варианты ответа: «1) Потому что они мешают финансово-экономической деятельности, 2) потому что я сам создаю работникам все необходимые условия, 3) потому что я скоро создам профсоюз или 4) потому что работники сами не хотят». Максимальное количество ответов набирает последний пункт. Сами работники ничего не делают для того, чтобы создавался профсоюз. А то, что работодатель саботирует, – это не так, я в этом убедился. Главное – что против сами работники. Почему? Они не верят в профсоюзы? Я допускаю. Но в большей степени это происходит потому, что «позвоночное право», которое обеспечивают органы контроля и надзора и которым пользуются работодатели, делает работников униженно-оскорбительными рабами. Большая часть молодых

людей вообще не верит в стабильность пенсионного обеспечения, они живут сегодняшним днем и, в отличие от своих бабушек, дедушек, отцов и матерей, не сильно доверяют этой системе. Но можно попытаться побороться за свои элементарные права?»

2. Взаимоотношения с объединениями работодателей

Мнение работодателей

При анализе транскриптов интервью не оказалось ни одного высказывания, свидетельствующего о членстве респондентов в подобных объединениях, не все даже слышали о них. По поводу причин отсутствия этого взаимодействия нашлось всего три высказывания: «наш бизнес слишком мелкий для членства», «не вижу необходимости», «нет доверия».

Дальнейший анализ показал наличие у ряда работодателей потенциального желания вступить в подобные организации и мнений о возможных выгодах от членства в них: «хотели бы, но ничего о них не знаем», «хотели бы, но позже», «там можно приобрести нужные связи», «думаю, это полезно».

Таким образом, взаимодействие работодателей с их объединениями отсутствует в малом и среднем бизнесе. Наш эксперт – представитель Ассоциации промышленников и предпринимателей по поводу данной ситуации высказывает следующее мнение:

«В цивилизованных странах практически все организации состоят в ассоциациях. У нас с этим сложнее. Чаще всего это обусловлено тем, что экономика у нас достаточно нецивилизованная, мягко говоря, поэтому многие предприятия просто не хотят «светиться», потому что работают, прижились к налоговой, к пожарникам, ко всем, и живут так. Выплачивают потихонечку, живут сами по себе. На западе прозрачный бизнес, поэтому там предприятие всегда ищет способы, чтобы сплотиться, и, прозрачно работая, оно может отстаивать свои интересы, и ему помогает в этом Ассоциация.»

Сейчас есть такое выражение: «Нужно, чтобы малый бизнес ощутил пользу сотрудничества с Ассоциацией». Я думаю, что только на примере конкретных дел. Любой предприниматель, даже самого маленького бизнеса, может к нам обратиться и выразить желание вступить в ряды Ассоциации. Такие прецеденты есть, но их немного.»

Основной вывод:

Данные эмпирического исследования свидетельствуют о том, что взаимодействия «работник – профсоюзы» и «работодатель – объединения работодателей» практически исключены из общей схемы социально-трудовых отношений в современном российском малом и среднем бизнесе. Несмотря на некоторый интерес, высказанный респондентами к членству в этих организаци-

ях, очевидна неподготовленность обеих сторон к подобному взаимодействию. В ситуации слабой информированности о деятельности профсоюзов и объединений работодателей прослеживается недоверие к ним, непонимание принципов их работы, возможных выгод от членства в них. С другой стороны, для самих объединений, которые убеждены в том, что работники и работодатели сами являются главными виновниками отсутствия таких отношений, сектор малого и среднего бизнеса является наименее привлекательным по сравнению с крупным бизнесом. В результате формируется современная конфигурация социально-трудовых отношений в малом и среднем бизнесе, существенным образом отличная от классической индустриальной схемы, где отсутствие коллективных представителей работников и работодателей формирует уязвимость этой конструкции, и, в первую очередь, ее участников, лишая тем самым весь малый и средний бизнес возможности существенным образом влиять на улучшение социальной ситуации в стране в целом. Говорить о действенности системы социального партнерства в российском малом и среднем бизнесе сегодня не приходится, в связи с чем необходим скорейший «разворот» трудового законодательства в сторону этого сектора экономики.

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ О СУЩНОСТИ
И СПЕЦИФИКЕ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ КАК
ПОМОГАЮЩЕЙ ПРОФЕССИИ**
**HOW SOCIAL WORKERS PERCEIVE THE ESSENCE
AND SPECIFICS OF SOCIAL WORK AS A HELPING PROFESSION**

А.С. Шарф, К.В. Полежаева
*Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург*
A.S.Sharf, K.B.Polezhaeva
*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

На материалах эмпирических исследований рассматриваются представления специалистов по социальной работе о своей профессии. Проанализированы различные подходы к понятию «помощь».

Based on the results of empirical research the article describes social workers perceptions of their profession. The article analyses different approaches to the concept of "help".

Ключевые слова: специалист по социальной работе, социальная работа, профессия, помогающая профессия.

Keywords: social worker, social work, profession, helping profession.

Социальная работа традиционно относится авторами к числу помогающих профессий [1; 2]. Однако среди отечественных исследователей преобладает социально-психологический подход к изучению данного феномена, что выражается в осмыслении, прежде всего? профессиональных рисков для самого работника, а также личностных структур, позволяющих противостоять этим рискам [3; 4]. Таким образом, остается практически без внимания сам процесс конструирования статуса помогающей профессии, характеризующий профессию как элемент социально-профессиональной структуры, подчеркивающий взаимосвязь профессии как социального явления с социальным контекстом.

Процесс становления и развития социальной работы определяется, в том числе, характером и спецификой данной профессии. Помогаящий характер может быть определен как ее сущностный признак. Центральной категорией для конструирования понятия помогающей профессии является категория помощи. Толковый словарь определяет помощь как «содействие кому-нибудь в чем-нибудь», участие в чем-либо, что приносит облегчение» [5]. Значение данного термина проясняется с использованием однокоренных слов «мощь», «мочь».

Р.В. Васюков рассмотрел помощь как социальный феномен, опираясь на принципы аксиологического, деятельностного и поведенческого подходов [6]. Аксиологический подход рассматривает помощь как важнейшую ценность. Применительно к «помогающим» профессиям помощь также является ключевым элементом, который передает всю сущность данного типа профессий и проявляется в процессе взаимодействия специалиста и клиента.

С точки зрения деятельностного подхода, помощь «осознается и обнаруживается именно как деятельностное участие, приносящее большее благо, чем могло бы принести естественное состояние вещей или стечение событий» [6]. То есть, помощь можно рассматривать как деятельностное «вмешательство» специалиста в проблему клиента, в ходе которого он выполняет свои обязанности и должностные функции и при этом способствует изменению (или решению) данной проблемы.

И, наконец, поведенческий подход позволяет определить помощь как тип социального поведения, который представляет собой совокупность поведенческих процессов, связанных с содействием удовлетворению физических, социальных потребностей. В этом случае важной категорией является категория помогающего поведения, которое может быть как индивидуальным, так и групповым [7].

В своем самом общем понимании помогающее поведение человека относится к категории просоциальной активности. Под просоциальным поведением понимаются любые действия, совершенные с целью принести пользу другому существу [8, с. 88-89].

Таким образом, центральным элементом в профессиях данного типа является помощь, субъект, оказывающий помощь, начинает осознанно и целенаправленно применять свои знания и навыки, и помогающая деятельность становится профессиональной.

Рассматривая социальную работу как профессию, важно особое внимание уделить тому, как конструируется статус помогающей профессии. Состоявшиеся профессии, как правило, характеризуются развитым уровнем профессионального самосознания своих представителей [9]. Следовательно, для понимания природы и закономерностей развития профессии социального работника важно выделить, каким образом сами социальные работники определяют статус своей профессии, ее помогающий характер.

В январе 2016 г. посредством метода неоконченных предложений нами проводилось исследование. Объектом исследования стали специалисты по социальной работе, ведущие деятельность в социальных службах Екатеринбурга, Уфы и Новосибирска. В исследовании приняли участие 24 специалиста. Исследование было направлено на изучение представлений специалистов по социальной работе о своей профессии.

В результате анализа данных мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, специалисты по социальной работе, говоря о своей профессии, склонны, прежде всего, оценивать ее в таких категориях, как «предназначение», «служение». Многие отождествляют социальную работу с «милосердием», «благотворительностью». Таким образом, помощь выступает ценностной категорией наряду с такими, как «гуманизм», «милосердие».

Во-вторых, социальная работа, по мнению самих социальных работников, несомненно, относится к категории помогающих профессий, о чем свидетельствует высокая частота упоминания «помощи» как ключевого атрибута профессии. Помощь интерпретируется ими как содействие преодолению трудной жизненной ситуации через «предотвращение жизненных трудностей», «развитие как можно больше ресурсов для помощи населению», «помощь людям», «помощь в решении проблем», «обеспечение достойной жизни», «решение проблемы». Мы можем наблюдать, насколько различны представления социальных работников как профессионалов о помощи. Кто-то определяет помощь в узком смысле, например, в решении проблем клиента, в социально-педагогической коррекции несовершеннолетних, помощи при адаптации жизни наркозависимого человека. Но есть и те, кто отождествляет

профессиональную помощь с деятельностью, способной улучшать качество жизни, совершенствовать социальную жизнь общества. («Помогать человеку в ТЖС» (жен., 37 лет, КЦСОН, Екатеринбург), «Реабилитация, обучение», «Научить человека решать свои проблемы» (жен., 39 лет, ЦПСИД, Уфа), «Оказание необходимых услуг (жен., 50 лет, ГКУ РЦСПН, Екатеринбург)), а также («Повышение уровня общественного развития» (жен., 21 год, КЦСОН, Уфа), «Эффективное решение социальных задач», «Делать мир лучше» (жен., 41 год, УСЗН, Екатеринбург)).

И, в-третьих, специалисты по социальной работе также подчеркивают значимость умений взаимодействовать с клиентами, коллегами и наличие личностных качеств (эмпатия, ответственность, гуманизм, эмоциональная уравновешенность). Большинство респондентов отметили, что личностные качества доминируют над такими факторами, как образование и профессиональные навыки. («Действует не в своих целях, а в целях того, кому пытается помочь» (жен., 29 лет, КЦСОН, Новосибирск), «Не ориентирован на материальные ценности» (жен., 19 лет, ГБУЗСО «СОКПБ», Екатеринбург), «Действует из доброты» (жен., 44 года, КЦСОН, Новосибирск)).

Таким образом, основообразующим понятием для помогающих профессий является «помощь». Помощь можно рассматривать как ценность, как деятельностное участие специалиста в решении проблем клиента, а также как тип социального поведения. С развитием общества, усложнением социальных отношений помощь перешла от архаических форм помогающей деятельности к разряду профессиональной. Социальная работа как помогающая профессия развивается и обретает свою идентичность, формирование которой связано с такой особенностью, как сочетание деятельности, направленной на оказание услуг, социальное обслуживание, с одной стороны, и безусловного морального должествования, высокого уровня ответственности – с другой.

Литература

1. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: монография. Волгоград, 2010.
2. Мельников Д.А. Становление профессии социальной работы // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. №1. 2013. С. 49-52.
3. Бачурина А.В. Помогательные профессии в контексте компетентного подхода // Учёные записки ЗабГГПУ. 2011 г. С. 211-217.
4. Чиркина Е.А. Психологическая безопасность личности – приоритет профессиональной деятельности специалистов сферы помогающих профессий // Вектор науки ТГУ. № 4 (11). 2012г. С. 321-323.
5. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.slovopedia.com/4/207/664954.html>. (Дата обращения: 17.07.2016).

6. Васюков Р.В. Помощь как социальный феномен: автореф. ...канд. филос. н. Москва, 2013г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://doc2all.ru/article/15112013_145571_vasjukov. (Дата обращения: 17.07.2016).

7. Гулевич О.А., Агадуллина Е.Р. «Мы» и «они»: помощь в межгрупповых отношениях // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psystudy.ru>. (Дата обращения: 17.07.2016).

8. Бехтер А.А. Особенности личности специалиста помогающей профессии: эмпирическое исследование // Актуальные научные исследования: материалы XXIX Международной научно-практической конференции по философским, филологическим, юридическим, педагогическим, экономическим, психологическим, социологическим и политическим наукам (Украина, г. Горловка, 24-25 января 2013 г.). Горловка: ФЛП Пантюх Ю.Ф., 2013. С. 88-93.

9. Ангеловский А.А. Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т.12. №5(2), 2010. С. 306-314.

**ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РАБОТАЮЩИХ
PROBLEMS OF EMPLOYEES' SOCIAL PROTECTION
MANAGEMENT**

А.П. Шумилин

Пензенский государственный университет

А.Р. Shumilin

Penza State University

Рассматриваются проблемы управления социальной защиты работающих, обращается внимание на необходимость поддержания стабильности экономики, от которой находится в прямой зависимости социальная защита населения Российской Федерации, в том числе и работающего населения.

Отмечается недостаточность исследований по вопросу социальной защиты работающего населения. Ставится вопрос о введении в штатное расписание подразделений по управлению персоналом специалистов по социальной работе.

The article deals with the problem of social protection management work, drawing attention to the need to maintain the stability of the economy, from which is directly dependent on the social protection of population of the Russian Federation, including the working population. Attention is drawn to the lack of studies on the social protection of the working population. The question about the introduction of staffing table management personnel of social work professionals.

Ключевые слова: социальная политика, защита, Европейская хартия, технологии защиты, качество трудовой жизни.

Keywords: social policy, defense, the European Charter, the protection of technology, quality of working life.

Стабильность и развитие государственной социальной политики во многом зависит от тех мер, которые реализуются как государством, работодателями, так и гражданами по освоению новых технологий социальной защиты населения, в том числе работающего.

Качественные и количественные характеристики их деятельности свидетельствуют о социальном, экономическом, правовом и культурном уровне общества. Надежность и эффективность функционирования систем социальной защиты поддерживает социально-экономическую стабильность, степень гражданского согласия, устойчивость и динамику их развития.

Рыночная перестройка российской экономики повлекла необходимость формирования новых социально-институциональных отношений, отвечающих потребностям и интересам всего российского общества.

Мы считаем, что в науке уделяется недостаточное внимание очень важной составляющей системы социальной защиты – социальной защите работающего населения, работников предприятий и членов их семей.

Говоря о системе социальной защиты населения, мы должны отметить, что, несмотря на новые подходы к формированию многоуровневой социальной политики, успехи, достигнутые в стране по формированию институциональной системы социальной защиты населения, в 90-е гг. прошлого века стали нейтрализовываться структурной перестройкой системы управления, свертыванием отдельных социальных программ, передачей социальной инфраструктуры предприятий муниципальным образованиям, сменой ряда социальных ориентиров, снижением эффективности финансирования пенсионного фонда, фонда социального страхования и др., этому также, по нашему мнению, способствовал и кризис. Из-за кризисных явлений многие работодатели частично свернули программы социального обслуживания. Вновь стала задерживаться выплата заработной платы, стало уделяться меньше внимания такой важной составляющей социальной защиты работающих, как улучшение условий труда. Особенно это сказалось на рабочих местах с тяжелыми и вредными условиями труда. Задерживается аттестация рабочих мест и, следовательно, рабочие не могут получить причитающиеся им молоко, соки и др. Порой не всегда предоставляются дополнительные отпуска за выполнение вредных и опасных работ, хотя это требование четко прописано в Трудовом кодексе РФ.

Российская Федерация подписала 14 сентября 2000 г. Европейскую социальную хартию. 3 июня 2009 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный Закон № 101 «О ратификации Европейской социальной хартии (пересмотренной) от 3 мая 1996 г.».

Европейская социальная хартия защищает социальные и экономические права граждан, устанавливает контрольный механизм, призванный гарантировать их соблюдение государствами-участниками, является обязывающим инструментом, регулирующим широкий круг экономических и социальных прав в области занятости населения и социальной сплоченности [1].

Хартия предлагает защиту прав в трех основных областях: защита прав человека на рабочем месте и трудовых прав; специальная защита социально уязвимых групп за пределами работы; всеобщая социальная защита населения.

Нет никакого сомнения в том, что Российская Федерация в конечном итоге выполнит принятые на себя обязательства.

Мы должны отметить, что требует серьезной доработки Российское законодательство в сфере трудовых отношений.

Система социальной защиты выстраивается в соответствии с социальной политикой государства, региона, муниципального образования и предприятия или учреждения. Стабильность и развитие государственной социальной политики во многом зависит от тех мер, которые реализуются как государством, организациями, так и гражданами по освоению новых технологий социальной защиты населения.

Социальная защита работников включает в себя следующие направления:

– создание условий для занятости населения трудовой деятельностью, позволяющей работникам зарабатывать средства для жизни в объемах, достаточных для достойного существования;

– обеспечение безопасных условий труда для работников и доступа граждан к национальным системам здравоохранения, реабилитации и профессионального образования;

– обеспечение работников и членов их семей прожиточным минимумом материальных средств в случаях безработицы, потери или резкого сокращения дохода из-за болезни, рождения ребенка, несчастного случая в быту, производственной травмы или профессионального заболевания, инвалидности, старости, смерти кормильца.

Обеспечение предприятием данных условий является мощным стимулом для эффективной работы персонала, поскольку удовлетворяет не только первичные потребности работников (физиологические), но и вторичные (экзистенциальные и социальные).

В основе социальной защиты работников находится социальное страхование. Не принижая роль социального страхования в социальной защите работников, мы, тем не менее, считаем, что в новых условиях ответственность организаций и, следовательно, их руководителей и социальных служб повыша-

ется. Решение вопроса социальной защиты работников по нашему мнению, лежит в плоскости социального развития организации.

Непременный объект управления персоналом – развитие социальной среды организации, которую образует сам персонал с его различиями по демографическим и профессионально-квалификационным признакам, социальная инфраструктура организации и все то, что так или иначе определяет качество трудовой жизни работников, т.е. степень удовлетворения их личных потребностей через труд в данной организации [2]. Естественно утверждать, что качество трудовой жизни напрямую зависит от качества социальной защиты работников предприятия, от уровня постановки социальной работы на предприятии.

В условиях формирования рыночных отношений и их развития произошла децентрализация управления предприятиями и их самостоятельное развитие. Это потребовало от руководителей предприятий самостоятельных решений в условиях острой конкурентной борьбы на рынке товаров и услуг. Для достижения конкурентных преимуществ необходимо рассматривать человека – работника какого-либо предприятия в качестве важнейшего фактора производства и ресурса, который обуславливает рост требований к квалификации, мотивации, а также организации труда. При таких условиях управление персоналом становится одним из главных звеньев в системе управления предприятием [3, с. 3].

Вне всякого сомнения, успех деятельности организации зависит от социальной структуры персонала, определяемой как совокупности социальных групп, классифицированных по полу, возрасту, национальному, социальному и семейному состоянию, уровню образования. Классификация персонала по различным признакам позволяет иметь реальную картину, отражающую всю многогранность индивидуальных качеств людей, занятых в организации, помогает определить внутренние, субъективные условия – качества личного состава предприятия и его руководителя, зрелость социальных отношений.

Мы считаем, что в настоящее время назрела крайняя необходимость введения в штат подразделений по управлению персоналом организаций специалистов по социальному управлению – социальных работников, которые владеют технологиями социального управления.

Литература

1. Пашин Н., «Основа для дальнейших действий» // Охрана труда и социальное страхование. 2009г. № 10.
2. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический Проект. 2006.

3. Управление персоналом: Учебное пособие / Под ред. В.П. Бычкова. М.: ИНФРА-М, 2012. 217 с.

РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В АДАПТАЦИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ К СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ
THE ROLE OF THE SOCIAL WORKER IN THE ADAPTATION OF THE ELDERLY TO THE MODERN RUSSIAN REALITY

Е.В. Щанина
Пензенский государственный университет
E.V. Shchanina
Penza State University

Социальный работник занимается оказанием помощи и поддержки определенным незащищенным и слабозащищенным слоям населения, среди них и люди пожилого возраста. Роль социального работника заключается в том, чтобы улучшить материально-бытовые условия жизни вверенных ему граждан, обеспечить их социально-правовую защиту, следовательно, содействовать их успешной адаптации к современным российским условиям.

The social worker is engaged in the provision of assistance and support specific disadvantaged and vulnerable groups, among them the elderly. The role of the social worker is to improve the material conditions of life entrusted to him by the citizens, to ensure their social and legal protection, hence to facilitate their successful adaptation to the modern Russian conditions.

Ключевые слова: пожилые люди, социальный работник, адаптация, социальное обслуживание, социальная политика.

Keywords: older people, social worker, adaptation, social services, social policy.

Люди начали помогать друг другу с древних времен, способность испытывать сочувствие другому заложена в человеческой природе. Помогать – значит поддерживать на эмоциональном, материальном и социальном уровне. Со временем выявились группы людей, которые нуждаются в помощи больше, чем другие. Человек может попасть в такую группу с рождения (врожденная инвалидность) или оказаться в ней неожиданно (выживший после катастрофы).

Пожилых людей следует рассматривать как особую социально-демографическую группу по критериям возраста, социального положения, социального статуса, наличия схожих социальных проблем, например, неуверенность в завтрашнем дне, что влечет за собой необходимость их социальной поддержки государством и обществом, часть которой может обеспечить система социального обслуживания.

Деятельность системы социального обслуживания, реализуемая через центры социального обслуживания, в основном, сводится к предоставлению социальных услуг, в меньшей степени, к решению задачи по привлечению и активизации усилий самих пожилых людей, общественных организаций.

Так как уход за пожилыми или немощными людьми – тяжелый труд, профессия социального работника требует от человека много знаний, умений и определенных качеств: умения искренне сочувствовать другим людям, веры в социальную справедливость, желания влиять на жизнь своей страны, умения работать в команде, интереса к личностным и социальным процессам, умения работать в кризисной ситуации, умения эффективно пользоваться критикой, веры в то, что словами можно изменить очень многое. В настоящее время в обязанности социального работника, осуществляющего уход за пожилыми людьми, как правило, входит посещение прикрепленного к нему клиента, приобретение продуктов питания, приготовление пищи, уборка дома, стирка белья, вызов врача, сопровождение клиента при посещении поликлиники.

Довольный жизнью пожилой человек, живущий в дружной семье, или одинокий, но еще полный сил, вряд ли обратятся за помощью в социальную службу. Основной контингент органов соцзащиты состоит из одиноких и не очень счастливых пожилых людей. Это достаточно сложная группа населения, и для позитивного общения и сотрудничества социальный работник должен обладать определенными качествами.

В 2014 г. нами было проведено социологическое исследование уровня и качества жизни пожилых людей в Пензенской области. Было опрошено 294 человека, достигших пенсионного возраста (женщины 55 лет и старше, мужчины 60 лет и старше). Структура выборки по полу отражает общую ситуацию в стране – соотношение пожилых мужчин и женщин составило 1 к 2,5; образовательный уровень: 34% респондентов имеют высшее и незаконченное высшее образование, 58% получили среднее и среднее специальное и 8% не окончили средней школы; профессиональный статус: 14% опрошенных до ухода на пенсию занимали руководящую должность, 27% были по роду деятельности специалистами, 28% – служащими и 31% – рабочими. С точки зрения занятости, характеристика выборочной совокупности такова: 31% респондентов в настоящее время продолжают постоянно работать, небольшая часть (9,5%) довольствуется различного рода подработками, 59,5% респондентов находится на заслуженном отдыхе. Основным исследовательским методом являлся анкетный опрос.

Результаты исследования показали, что каждый второй респондент пожилого возраста когда-нибудь обращался за помощью к социальным работни-

кам. Из них 5,8% респондентов постоянно пользуются услугами учреждений социального обслуживания, 26,5% респондентов с определенной периодичностью обращаются за помощью и 18,2% респондента отмечают, что довольно редко прибегают к подобного рода услугам.

В этой связи становится актуальным вопрос, насколько система социального обслуживания создает благоприятные возможности (условия) для оптимизации предоставления социальных услуг как в количественном, так и в качественном отношении, а также и для активизации социального поведения пожилых людей, при этом стимулируя и мотивируя в них большую степень самостоятельности, ответственности за решение социальных проблем, развивая в них чувство уверенности в себе, в завтрашнем дне. Что в свою очередь способствует быстрой и успешной адаптации к постоянно меняющейся социальной реальности.

Самыми востребованными социальными услугами для людей пожилого возраста являются: организация хозяйственных работ (ремонт жилья и бытовых приборов); общение и консультирование; уборка жилых помещений; услуги транспорта (если в силу определенных причин нет возможности пользоваться общественным или индивидуальным транспортом).

Следует отметить, что в настоящее время самыми востребованными учреждениями социального обслуживания у пожилых людей являются: социальные аптеки, стационарные учреждения социального обслуживания (Дома ветеранов и др.), социальные столовые, социальные магазины.

Следовательно, пожилые люди и работники системы социального обслуживания образуют постоянный круг субъектов, участвующих в таких отношениях, которые определяют их социальные роли и, соответственно, статусы. Взаимоотношения пожилых людей с системой социального обслуживания происходят по поводу получения социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-экономических и социально-правовых услуг [1]. Эти взаимодействия происходят в достаточно формализованной организации – центрах социального обслуживания населения, и существуют социальные нормы и предписания в виде законов (федеральных, региональных), постановлений, инструкций, регулирующих поведение социальных работников и пожилых людей при их обращениях в ЦСО [2, 3]. На наш взгляд, одним из факторов эффективного взаимодействия пожилых людей и социальных работников является взаимное уважение, которое в свою очередь формирует доверие, сказывается на удовлетворенности от полученных услуг. Так, в ходе исследования были получены данные о том, что каждый второй респондент пожилого возраста (53,5%) ощущают уважительного отношении к себе со стороны со-

циальных работников, 22,2% респондентов испытывают неуважение, а 24,3% респондента так и не смогли определиться с ответом на данный вопрос.

В заключение следует сделать вывод: обращаясь в систему социального обслуживания, пожилые люди стремятся разрешить свои проблемы, активизировать свой образ жизни и действий. Взаимодействие пожилых людей с системой социального обслуживания, которая способна изменить их социальное поведение, повысить уверенность в завтрашнем дне и способствовать формированию благоприятного общественного мнения, невозможно без социальных работников.

Литература

1. Постановление Госстандарта РФ от 24 ноября 2003 г. № 326-ст., № 327-ст. «О принятии и введении в действие национального стандарта» / ИПК Издательство стандартов. 2003.
2. Постановление Правительства Пензенской области «О совершенствовании системы социального обслуживания» от 15 мая 2000 г. № 265-пП // Пензенские губернские ведомости, спецпроект «Нормативно-правовые акты исполнительного органа государственной власти Пензенской области за 1994-2001 годы (доп. Выпуск). 2001. Ст. 146.
3. Постановление Правительства Пензенской области «О мерах по реализации постановления Правительства РФ от 17 апреля 2002 г. № 244 «О плате за стационарное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов» от 21 октября 2002 г. № 478-пП // Пензенские губернские ведомости. 2002. № 14.

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ С КЛИЕНТАМИ

ДОКЛАДЫ

**СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА НАСЕЛЕНИЯ КАК ОСНОВНОЕ
НАПРАВЛЕНИЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ¹**
**SOCIAL SUPPORT FOR POPULATION AS THE KEY DIRECTION
TO HANDLE POVERTY**

Г.Б. Кошарная, Л.Ф. Каримова
Пензенский государственный университет
G.B. Kosharnaya, L.F. Karimova
Penza State University

Рассматриваются основные социальные группы бедных и причины их попадания в затруднительное материальное положение. Подробно описаны основные направления социальной поддержки и социальной работы с бедными слоями населения Пензенской области.

In article, the main social groups of the poor and the reason of their hit in difficult financial position are considered. The main directions of social support and social work with poor segments of the population of the Penza region are in detail described.

Ключевые слова: бедность, бедные слои населения, социальная защита, социальная поддержка, социальная помощь.

Keywords: poverty, poor segments of the population, social protection, social support, social help.

В современном российском обществе бедность характеризуется как массовое явление, не заметить которое просто невозможно. Для определения социальных границ бедности в современном российском обществе выделяют следующие социальные группы бедных людей: имеющие небольшой доход (лица с низкой квалификацией, безработные); вытесненные с рынка труда и потерявшие источник постоянного дохода в силу различных обстоятельств (малограмотность, недостаточная квалификация и др.); живущие в семьях с вы-

¹ Подготовлен при финансовой поддержке РГНФ в рамках гранта РГНФ «Консолидация различных социальных слоев и групп полиэтнических регионов Поволжья на основе общекультурных норм и единых ценностных приоритетов в условиях современной России», проект № 15-03-00382 а.

сокой иждивенческой нагрузкой (многодетные семьи, семьи инвалидов и престарелых) или родители-одиночки; материальные проблемы связаны с их субъективными ценностями, предпочтениями и образом жизни (люди, не желающие работать, бомжи и т.п.); пострадавшие от природных и социальных катастроф (беженцы, жертвы стихийных бедствий и террористических актов).

К основным принципам социальной поддержки бедных относятся:

Принцип конкретности и адресности оказания социальной помощи, т.е., помощь со стороны власти должна оказываться, прежде всего, тем людям, кто по объективным показателям не в состоянии решить свои материальные проблемы самостоятельно.

Опора на собственные силы, создание условий, при которых бедное население сможет самостоятельно обеспечить себе желаемый уровень материального благополучия.

Принцип равенства интересов всех групп населения. Оказание социальной поддержки и помощи одним социальным группам не должно ущемлять интересы других групп. Так, экономические льготы, пособия и выплаты, направленные на определённые категории населения, не должны осуществляться за счёт сокращения или задержки соответствующих выплат другим (зарплат, пенсий, премий и др.) [1, с. 56-58].

Реализация вышеперечисленных принципов позволит сформировать определённую систему социальной защиты бедных слоев населения, которая должна включать различные виды, формы и направления деятельности социальной работы.

К основным направлениям социальной работы с бедными слоями населения относятся социальная поддержка и социальная помощь. Социальная поддержка представляет собой деятельность, направленную на активизацию собственных сил и возможностей человека или группы по изменению своего материального и имущественного положения. Это направление работы предполагает, что основные усилия для решения экономических проблем конкретного социального субъекта принимаются им самостоятельно, а социальные работники или другие специалисты оказывают ему в этом необходимую помощь: консультируют, предлагают определённые ресурсы и возможности.

Социальная помощь направлена на то, чтобы полностью или частично решить материальные проблемы субъекта через деятельность соответствующих учреждений и организаций. Как правило, объектами социальной помощи становятся личности и социальные группы, возможности которых самостоятельно решить свои материальные проблемы по тем или иным причинам ограничены [2].

В Пензенской области Управление социальной защиты населения при решении вопроса социальной защиты особое внимание уделяет поддержке бедных слоев населения. Основными видами социальной работы с бедными слоями населения Пензенской области являются: материально-экономическая помощь (пособия, разовые выплаты); социально-бытовая помощь (льготы и компенсации в оплате коммунальных услуг); коммуникативно-психологическая помощь (психологическое консультирование); профессионально-трудовая помощь (профессиональная переподготовка и ориентация, трудоустройство) [3].

Осуществление данных видов деятельности позволяет использовать различные приёмы и формы её реализации. В условиях современного российского общества к основным формам социальной работы с бедными можно отнести:

- институциональные формы, связанные с деятельностью различных социальных и государственных институтов, например, поддержка пожилых и нетрудоспособных членов общества через институты социального обеспечения и социального страхования;
- неинституциональные формы, предполагающие опору на общественную и личную инициативу граждан в деле оказания социальной поддержки и помощи (взаимопомощь, пожертвования, благотворительность);
- экстренная помощь, предполагающая разовое оказание конкретного вида помощи определённому человеку или группе людей (разовая выплата необходимой денежной суммы и консультация психолога);
- систематическая помощь, т.е., оказание конкретного вида социальной помощи на постоянной основе до тех пор, пока это необходимо или возможно (выплата пособия по безработице, пенсии по потере кормильца) [4].

Необходимо отметить, что бедное население Пензенской области испытывает значительные трудности, связанные с отсутствием информации, сбором необходимых документов и неоднократным посещением Социального управления. В результате у бедных семей пропадает желание оформить социальные пособия.

К сожалению, многие бедные даже не знают о существовании программ поддержки бедных, хотя имеется муниципальная программа г. Пензы «Социальная поддержка и социальное обслуживание граждан в г. Пензе на 2015–2020 годы», утвержденная постановлением администрации г. Пензы от 29.09.2014 № 1131. Муниципальная программа включает в себя 5 подпрограмм:

1. «Предоставление мер социальной поддержки отдельным категориям граждан».

2. «Социальная поддержка граждан пожилого возраста и инвалидов, семей с детьми города Пензы».

3. «Социальная поддержка отдельных категорий граждан в жилищной сфере в городе Пензе».

4. «Обеспечение реализации на территории г. Пензы единой политики в сфере социальной поддержки населения».

5. «Организация обеспечения детским лечебным питанием и диетическими пищевыми продуктами» [5].

В настоящее время в г. Пензе активно функционирует фонд социальной поддержки населения «Святое дело», который поддерживает людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, предоставляя при этом как разовую помощь небольшими средствами, так и сопровождение дорогостоящих операций и лечения, в том числе детей в зарубежных клиниках [6].

На региональном уровне важную роль играет социальный проект «Чтобы жить», направленный на решение проблем малообеспеченных слоев населения. Цель проекта – дать возможность одиноким пожилым людям сэкономить пенсионные деньги на еде и направить их на другие нужды, например, покупку одежды и лекарств. Проект заключается в том, что в Пензе и в других городах области организованы сети бесплатного питания для пенсионеров. Причем, кто-то может приходить в пункты питания сам, другим обеды и ужины доставляются на дом.

В заключение следует подчеркнуть, что организация деятельности по оказанию необходимой социальной помощи бедным слоям населения позволяет сформировать и поддерживать в обществе атмосферу взаимного доверия между властью и бедным населением, способствует консолидации российского общества.

Литература

1. Занина О.В. Современные принципы социальной защиты населения // Научный результат. Серия «Экономические исследования». 2015. №2.

2. Научная библиотека КиберЛенинка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-printsipy-sotsialnoy-zaschity-naseleniya#ixzz4CtKOHkpA>. (Дата обращения: 06.05.2016).

3. Многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.socuprpenza.ru/index.php?id=24>. (Дата обращения: 24.06.2016).

4. Кузнецова Л.П. Основные технологии социальной работы, 2002.

5. Муниципальная программа города Пензы «Социальная поддержка и социальное обслуживание граждан в городе Пензе на 2015–2020 годы» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://socuprpenza.ru/index.php?id=1481>. (Дата обращения: 12.02.2016).

6. Белотелов И. «Помогать людям жить, а не выживать». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/Povoljie/exclusives.asp?id=198516>. (Дата обращения: 24.06.2016).

**КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ УРОВНЕМ
РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ И УСТОЙЧИВОСТЬЮ
РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))**
**CORRELATION INTERRELATION BETWEEN THE LEVEL
OF IMPLEMENTATION OF SOCIAL PROGRAMS AND STABILITY
OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC
OF SAKHA (YAKUTIA))**

А.В. Михайлова

*Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
. Якутск*

A.V. Mikhailova

North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, Yakutsk

Анализируется взаимосвязь между реализацией социальных программ и устойчивостью региона на примере Республики Саха (Якутия) самого крупного субъекта Российской Федерации. Республика Саха (Якутия) имеет все необходимое для построения благополучной жизни – богатейшие природные ресурсы, долгосрочные стратегические планы развития, стабильную социальную ситуацию, положительную динамику естественного прироста, высокий образовательный уровень населения и сравнительно молодые экономически активные трудовые ресурсы. Реализуется государственная программа «Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы», проанализированы ее основные параметры. Предложены рекомендации по повышению эффективности региона, используя социальные программы в качестве инструмента.

Article to an interrelation posvyashchena analiz between implementation of social programs and stability of the region on the example of the Republic of Sakha (Yakutia). The Republic of Sakha (Yakutia) is the largest subject of the Russian Federation. The Republic of Sakha (Yakutia) has all necessary for creation of safe life – the richest natural resources, long-term strategic development plans, a stable social situation, positive dynamics of a natural increase, high educational level of the population and relatively young economically active manpower. The state program of the Republic of Sakha (Yakutia) "Social support of citizens in the Republic of Sakha (Yakutia) for 2012-2019" is realized, its key parameters are analysed. Recommendations about increase of efficiency of the region are offered, using social programs as the tool.

Ключевые слова: устойчивое развитие регионов, социальные программы, развитие территорий.

Keywords: sustainable development of regions, social programs, development of territories.

В настоящее время наиболее актуальными в России являются социальные проблемы – расширение социальной поляризации, необходимость социаль-

ной защиты малообеспеченных категорий граждан. Перед всеми субъектами РФ стоит задача разработки комплексного подхода и выработки стратегических направлений эффективной социальной политики. Формой ее реализации выступает фактический образ действий государства, воплощенный в социальную политику, которая охватывает все сферы экономических отношений в стране.

Цель статьи проанализировать реализацию государственной программы социальной поддержки граждан на примере Республики Саха (Якутия) и предложить рекомендации по повышению устойчивости региона.

Мы согласны с мнением исследователей (А.И. Войтенко, Т.Н. Мартынова, Н.И. Морозова, В.К. Сыч, Г.Г. Супрыгина, Н.С. Кипинган, что социальная защита населения является важнейшим и приоритетным направлением социальной политики Российской Федерации. Социальная защита населения регионов направлена на повышение качества жизни как инструмента социального благополучия региона и снижения социальных и кадровых рисков [1, 2, 3].

Многие авторы (А.Н. Карпов, В.И. Бережной, С.Г. Косенко, П.Д. Чернюк, В.М. Оссинцева) отмечают, что программа социальной защиты включает систему принципов, методов, законодательно установленных государством социальных гарантий, мероприятий и учреждений, обеспечивающих предоставление оптимальных условий жизни для удовлетворения потребностей граждан регионов [4, 5, 6].

Мы согласны с мнением А.Н. Карпова, что «социальная защита – это комплекс организационно-правовых и экономических мер, направленных на обеспечение жизни, благосостояния и здоровья населения в определённых социально-экономических условиях. Понятие социальной защиты населения включает такие категории, как «социальное обеспечение», «социальное страхование» и «социальные гарантии» [7]. Мы думаем, что в 2016 г. социальная защита населения должна играть не только роль социальной компенсации бедным, но и служить определенным противовесом быстро растущему имущественному неравенству, а, с другой стороны, одним из индикаторов социального проектирования.

По данным Всероссийской переписи 2002 г., общая численность населения Республики Саха (Якутия) составила 949 тыс. человек. Удельный вес городского населения – 64,2%, сельского – 35,8%. В республике проживают представители более 120 национальностей, удельный вес якутов в национальном составе населения – 45,5%, русских – 41,2%, украинцев – 3,6%, эвенков – 1,9%, эвенов – 1,2% [8].

Обширная территория Якутии последнее столетие характеризуется слабой заселенностью: средняя плотность населения в десятки раз ниже, чем в европейских регионах России. Демографическая ситуация отмечена стабильным ежегодным превышением рождаемости над смертностью. Одной из особенностей Республики Саха (Якутия) является исторически сложившийся большой удельный вес сельского населения, представленного преимущественно коренным населением – якуты, русские старожилы и ведущие традиционный образ жизни коренные малочисленные народы Севера. В Якутии развиты не только характерные для Севера подотрасли аграрного производства – оленеводство, охотничий и пушной промыслы, рыболовство, но и самые северные в мире земледелие и разведение молочно-мясного крупного рогатого скота. Аграрный сектор в целом имеет значительный удельный вес в формировании ВРП и численности занятых в республике. На характер расселения заметное воздействие оказывают природно-климатические и экономические факторы. Наибольшей плотностью населения отличаются улусы с относительно благоприятными условиями для ведения сельскохозяйственного производства: Мегино-Кангаласский, Намский, Чурапчинский, Хангаласский и Усть-Алданский, а также города Якутск и Нерюнгри с развитой промышленностью и транспортной схемой. Наименьшая плотность населения в улусах с экстремальными природно-климатическими условиями, неблагоприятными для жизни и хозяйственной деятельности: Оленекский, Аллаиховский, Жиганский, Булунский, Момский, Эвено-Бытантайский, Анабарский, Абыйский и Среднеколымский.

Республика Саха (Якутия) имеет все необходимое для построения благополучной жизни – богатейшие природные ресурсы, долгосрочные стратегические планы развития, стабильную социальную ситуацию, положительную динамику естественного прироста, высокий образовательный уровень населения и сравнительно молодые экономически активные трудовые ресурсы.

Мы проанализировали реализацию государственной программы социальной поддержки граждан. На фоне неблагоприятных внешнеэкономических условий и снижения темпов экономического роста в стране в целом, в Республике Саха (Якутия) сохраняются положительная динамика основных макроэкономических показателей и стабильная социальная ситуация. В Республике Саха (Якутия) наблюдается рост следующих показателей (в Российской Федерации – отрицательная динамика): валового регионального продукта (103,1% – РС(Я), 96,6% – РФ); индекса промышленного производства (107,2% – РС(Я), 96,8% – РФ); сравнительно низкий темп инфляции к декабрю 2014 г. (107,3% – РС(Я), 109,8% – РФ); оборота розничной торговли

(101,9% – РС(Я), 91,8% – РФ); положительная динамика реальных денежных доходов населения (100,4% – РС(Я), 96,9% – РФ) [9].

В Республике координацией реализации социальных программ занимается Министерства труда и социального развития. В сеть учреждений социального обслуживания входит 107 учреждений, из них:

- 35 ГКУ РС(Я) Управлений социальной защиты населения и ГКУ РС(Я) «Центр социальных выплат»;
- 22 дома-интерната для престарелых и инвалидов, в том числе 5 психоневрологических интернатов, 1 специальный дом-интернат, 1 детский дом-интернат для умственноотсталых детей;
- 19 социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних;
- 12 центров социальной помощи семье и детям;
- 8 реабилитационных центров для инвалидов и детей-инвалидов;
- 5 комплексных центров социального обслуживания населения;
- ГБОУ РС(Я) «Республиканский техникум-интернат профессиональной и медико-социальной реабилитации инвалидов»;
- ГБУ «Победа в ВОВ 1941-1945 гг.»;
- ГКУ РС(Я) «Специальное учреждение содержания иностранных граждан, подлежащих депортации или административному выдворению за пределы Российской Федерации»;
- ГБУ РС(Я) «Специальный дом системы социального обслуживания населения в г. Якутске»;
- ГКУ РС(Я) «Республиканский информационно-аналитический центр мониторинга условий труда – Исследовательская лаборатория экспертизы условий труда».

Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 гг.» утверждена Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 г. № 976 [10], с 2014 г. объединена с государственной программой Республики Саха (Якутия) «Безбарьерная среда на 2012-2016 гг.», которая реализуется в рамках государственной программы как подпрограмма «Доступная среда».

В 2015 г. государственная программа «Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 гг.» приведена в соответствие с утвержденными параметрами консолидированного бюджета Республики Саха (Якутия).

В рамках подпрограммы «Доступная среда» появилось новое – софинансирование муниципальных программ, направленных на создание доступной среды жизнедеятельности для инвалидов и других маломобильных групп населения, утверждены условия предоставления и методика расчета

субсидий. Уровень софинансирования за счет средств государственного бюджета расходного обязательства муниципальных районов составляет не более 80% от общего объема средств, предусмотренных на реализацию мероприятий по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг. Распределение средств субсидии определяется с учетом численности инвалидов, проживающих на территории муниципального образования.

В соответствии с пунктом 9.13 постановления Правительства Республики Саха (Якутия) от 14 марта 2015 г. № 53 «Об итогах социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) за 2014 год и основных задачах на 2015 год» [11] в подпрограмму «Охрана труда» включены меры по улучшению условий и охраны труда учреждений социального обслуживания, подведомственных Министерству труда и социального развития Республики Саха (Якутия), определена группа целевых индикаторов и показателей.

Реализация государственной программы Республики Саха (Якутия) «Социальная поддержка граждан на 2012-2019 годы» в 2013-2015 гг. осуществлялась по 7 стратегическим направлениям:

Таблица 1

Государственная программа «Социальная поддержка граждан на 2012-2019 годы» за 2013-2015 гг. (в млн. руб.)

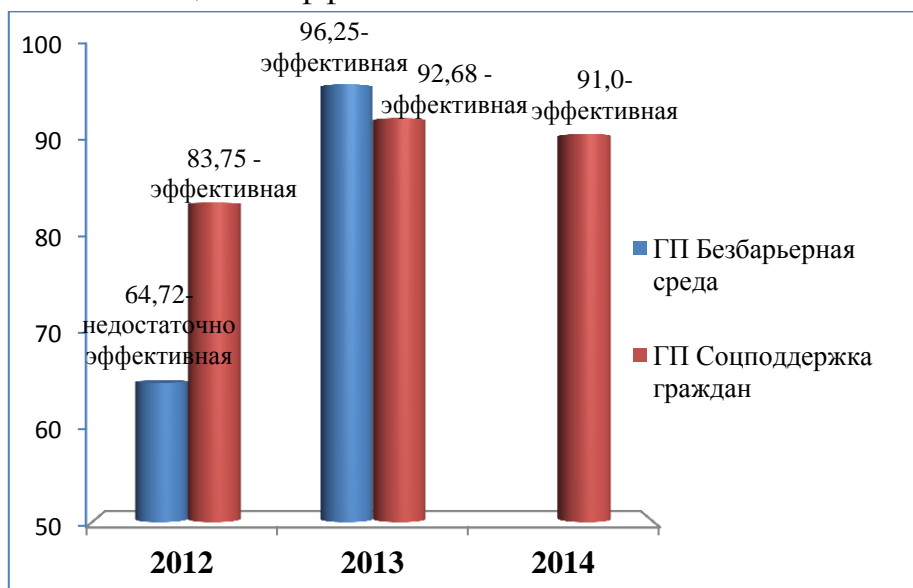
	Наименование мероприятия	Кассовое исполнение		
		2013	2014	2015
	ВСЕГО по государственной программе Республики Саха (Якутия) «Социальная поддержка граждан в Республики Саха (Якутия) на 2012-2016 годы»:	12 346	13 357,1	14 041,1
	Подпрограмма «Управление программой»	204	212,4	215,7
	Подпрограмма «Забота о гражданах пожилого возраста»	25	30,1	25,7
	Подпрограмма «Семейная политика»	2 652	2 258,2	2 418,3
	Подпрограмма «Социальная поддержка и повышение качества жизни малоимущих граждан»	2 079	2 159,1	2 348,3
	Подпрограмма «Меры социальной поддержки отдельных категорий граждан»	7 005	8 309,6	8 707,7
	Подпрограмма «Охрана труда»	37	40,4	47,0
	Подпрограмма «Обеспечение пожарной безопасности объектов социального обслуживания населения»	343	208,6	194,9
	Подпрограмма «Доступная среда»	-	138,7	83,4

Источник: <http://mintrud.sakha.gov.ru/otchet-ob-ispolnenii-za-2015-god> (дата обращения 05.04.2016).

На наш взгляд, данная государственная программа является эффективной.

Таблица 2

Оценка эффективности за 2012-2014 гг.

Источник: <http://mintrud.sakha.gov.ru/otchet-ob-ispolnenii-za-2015-god> (дата обращения 05.04.2016).

Мы проанализировали реализацию этой программы:

1. предусмотрено финансирование – 13 086,2 млн. руб.;
2. по государственной программе Республики «Обеспечение качественными жилищно-коммунальными услугами и развитие электроэнергетики на 2012-2019 годы» – 121,4 млн. руб.;
3. по государственной программе Республики «Профилактика правонарушений, обеспечение общественного порядка и противодействие преступности в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы» – 0,48 млн. руб.;
4. по государственной программе Республики «Комплексные меры по реализации государственной антинаркотической политики в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы» – 0,45 млн. руб.

По итогам оценки эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации за 2014 г. Республика Саха (Якутия) заняла 7-е место (за 2013 г. – 17-е место). По версии делового еженедельника «Профиль», Республика Саха (Якутия) в 2015 г. возглавила рейтинг субъектов РФ по уровню экономической динамики [12].

Предлагаем следующие рекомендации по повышению устойчивости региона в условиях социально-экономического кризиса, опираясь на социальные программы:

1. регулярный мониторинг социальных индикаторов, направленных на повышение уровня и качества жизни населения, включая оценку демографических факторов и потенциала трудовых ресурсов;
2. определение приоритетов адресной социальной политики в регионе с целью повышению благосостояния населения;
3. комбинирование различных вариантов финансирования социальных программ, включая некоммерческие кредитные организации, программы грантов и программы развития.

Таким образом, мы приходим к выводу, что существует тесная корреляционная взаимосвязь между устойчивостью региона, качеством жизни населения региона и реализацией социальной политики.

Литература

1. Мартынова Т.Н., Морозова Н.И. Социальное проектирование в сфере социальной защиты населения. Кемерово: Издательство КемГУ (Кемеровский государственный университет), 2009.
2. Супрыгина Г.Г. Обзор немецкого «социального» государства и его трансформаций // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 140-146.
3. Кипинган Н.С. Понятие и сущность социальной защиты населения в современном государстве // Вестник Кемеровского государственного университета. 2010. № 1. С. 142-147.
4. Бережной В.И., Косенко С.Г. Направления совершенствования социальной защиты населения на территории муниципального образования // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2016. № 1. С. 89-95.
5. Оссинцева В.М. К вопросу о влиянии социальной защиты населения на развитие демографических процессов // Экономика и предпринимательство. 2015. № 6-3 (59-3). С. 1110-1114.
6. Чернюк П.Д. Социальная защита населения – важный фактор реализации принципов социальной справедливости, обеспечивающих жизнедеятельность населения Пензенского региона // В сборнике: Университетское Образование сборник статей XVI Международной научно-методической конференции. Посвящается 150-летию со дня рождения П.А. Столыпина. Под ред. В.И. Волчихина, Р.М. Печерской. Пенза. 2012. С. 278-279.
7. Карпов А.Н. Совершенствование организации социальной защиты населения в муниципальном образовании (на материалах управления социальной защиты населения г. Краснодар) // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. 2014. № 13 (18). С. 11-14.
8. Республика Саха (Якутия) // www.egorborisov.ru/republic-sakha (дата обращения 15.04.2016).
9. Прогноз социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) на 2016-2018 гг., утвержденный Постановлением Правительства РС (Я) № 345 от 29 сентября 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/26757845/>. (Дата обращения: 12.04.2016).
10. Государственная программа Республики Саха (Якутия) «Социальная поддержка граждан в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы» утверждена Указом Президента Республики Саха (Якутия) от 12 октября 2011 года № 976 [Электронный ресурс]. Режим доступа: docs.cntd.ru/document/422451267. (Дата обращения: 10.04.2016).
11. Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 14 марта 2015 года № 53 «Об итогах социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) за 2014 год

и основных задачах на 2015 год» [Электронный ресурс]. Режим доступа: base.garant.ru/26754388/. (Дата обращения 08.04.2016).

12. Отчет исполнительных органов государственной власти Республики Саха (Якутия) об итогах деятельности за 2015 год, одобрен распоряжением Правительства Республики Саха (Якутия) от 27 января 2016 г. № 57-р [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.sakha.gov.ru/node/297431>. (Дата обращения 05.04.2016).

13. Материалы Министерства труда и социального развития Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mintrud.sakha.gov.ru/Plani-i-pokazateli>. (Дата обращения 15.04.2016).

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВОЛОНТЕРСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ: СМЫСЛЫ И ПРАКТИКИ¹ PROFESSIONAL VOLUNTEERING IN SOCIAL WORK: MEANING AND PRACTICES

М.В. Певная

*Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина*

M.V. Pevnaya

*Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Ekaterinburg*

На основе анализа экспертных интервью со специалистами сферы социальной работы, чиновниками социальной защиты и сотрудниками социально-ориентированных НКО даются определения профессионального волонтерства (№=28, 2016). Смысл определений анализируется с позиции субъективного восприятия акторов социальной работы, раскрывается значение каждой трактовки в логике перспектив развития сферы социальной работы.

The article analyses interviews with the experts of the social work sphere, the social protection officials and the employees of NGO (№=28, 2016). The definitions of professional volunteering given are analysed as an apperception of the social work actors. The meaning of each definition is determined by the value of each interpretation in the logic of the social work sphere development.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, профессиональное волонтерство, социальная работа.

Keywords: volunteering, professional volunteering, social work.

Система социальной защиты населения в современной России находится в состоянии постоянных изменений, связанных с проблемами социально-экономической дестабилизации в стране, оптимизацией сферы государственного управления, трансформацией идеологических установок в отношении

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № № 16-03-00016 «Динамика российского волонтерства: перспективные практики, проблемы и возможности управления».

оказания социальной помощи нуждающимся. Расширяется значимость общественных и благотворительных организаций, которые постепенно заходят на «рынок социальных услуг». В решении социальных проблем растет роль добровольцев и волонтерских сообществ. Добровольное участие граждан в общественной жизни страны декларируется как один из важнейших показателей развития гражданского общества [1].

Наряду с растущим запросом системы социальной защиты в добровольных помощниках все больше россиян готовы оказывать всяческую поддержку нуждающимся в помощи соотечественникам. В 2015 г. 27% опрошенных ФОМ помогали конкретными делами детям, больным взрослым и пожилым людям. 84% респондентов допускали, что будут помогать нуждающимся в помощи людям и в будущем [2].

По мнению российских исследователей, становление российской государственной системы «общественного призрения» всегда было связано с развитием благотворительности, филантроп, добровольческого участия российского населения, что обусловило определенный *национальный бэкграунд добровольчества*. Социальная работа вписывается в систему культуры благодаря единым духовным установкам милосердия, благотворительности, меценатства и волонтерства как форм социальной деятельности [3, с. 83]. Добровольчество и социальная работа имеют общие ценностно-смысловые и функциональные основы, принципы деятельности и взаимодействия [4, с. 490].

Волонтерство в его историческом и современном значении можно рассматривать как один из системообразующих компонентов системы социальной работы [5, с. 97]. Развитие социальной работы и волонтерства в России тесно сопряжены. В добровольческой деятельности очевидны изменения не только в ее содержании, но и в характеристиках волонтеров, а также тех, кто организует их труд в социальной сфере. По нашему мнению, происходит накопление профессионализма в ареале социальной работы. В этом смысле профессиональная волонтерская деятельность начинает противостоять любительству, с точки зрения характеристик ее исполнения и организации. У добровольцев как акторов формируется определенный запас знаний, умений и навыков, а также конкретных профессиональных качеств.

Анализ данных различных эмпирических исследований показывает, что разная степень интеграции видов волонтерской, профессиональной и досуговой деятельности в жизни отдельных россиян формирует у них как у акторов разный ролевой набор. Отражение этой интеграции можно увидеть в нескольких трактовках понятия *профессиональный волонтер*, обуславливающих не только разные позиции акторов в сфере социальной работы, но и

определяющих ряд проблем развития системы, профессии и профессиональной группы специалистов по социальной работе.

Процесс накопления волонтерами признаков профессионализма крайне важен для развития социальной работы по целому ряду аспектов, которые можно обозначить благодаря выделению профессионального волонтерства в реальных жизненных практиках. Обратимся к анализу его трактовок, выявленных в результате экспертных интервью со специалистами сферы социальной работы, чиновниками социальной защиты и сотрудниками социально-ориентированных НКО Свердловской области (№ = 28, 2016).

В своем первом значении *профессиональный волонтер* – это хорошо обученный конкретному виду деятельности добровольный помощник, ответственный исполнитель ряда функций в организации. В контексте отдельно взятой ситуации он профессионально выполняет любые виды работ на добровольных началах, потому что хорошо знаком с ними. Именно опыт и продолжительность волонтерского труда вместо основной занятости либо в свободное от работы время определяют у ряда добровольцев характеристики их профессионализма. По мнению А.А. Клепиковой, которая проанализировала деятельность таких добровольцев, работавших в российских специализированных социальных учреждениях по инициативе и при поддержке зарубежной НКО, отдельный тип волонтерства подпадает под трактовку профессии [6, с. 408].

Профессиональное волонтерство данного типа соответствует общемировой практике, отражает реальное функционирование третьего сектора и позволяет с наибольшей эффективностью и минимальными затратами реализовывать отдельные направления социальной работы. В то же время оно требует внимания к формированию культуры добровольчества среди разных групп населения, профессионально организованного и постоянного взаимодействия субъектов социальной работы с образовательными учреждениями и СМИ. В некоторых случаях такой тип способствует осознанному профессиональному выбору будущих социальных работников, социальных педагогов, дефектологов, реабилитологов, может служить *коридором*, пройдя который доброволец получит доступ в профессиональное сообщество.

Вторая трактовка понятия *профессиональный волонтер* связана с так называемым *pro bono*. Помощь благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, которые не могут оплатить подобные услуги, оказывают квалифицированные специалисты (юристы, аудиторы, бухгалтеры, программисты и т.п.). В этом значении *профессиональный волонтер* – это человек, обладающий высоким уровнем профессионализма в какой-либо сфере и реализующий свой профессиональный

потенциал как доброволец. Главный принцип деятельности таких волонтеров: «оказание безвозмездных услуг должно быть на столь же высоком уровне, на каком оказываются платные услуги» [7].

Для сферы социальной работы такой тип оказывается крайне важным ввиду того, что в развитии социальноориентированных НКО, а также при внедрении новых технологий, форм и методов социальной работы в российских социальных службах не хватает профессиональных кадров. В этом случае ряд ресурсных затрат на решение организационных, управленческих и технологических проблем в практической сфере можно возложить на коммерческий сектор и профессиональные ассоциации. Кроме того, в условиях ресурсных ограничений большинства россиян (временных, материальных) практики социального партнёрства, особенно корпоративное волонтерство и *pro bono* оказываются системными и соответственно наиболее результативными при поддержке и стимулировании сотрудников со стороны их работодателя.

Третье смысловое значение понятия *профессиональный волонтер*, на наш взгляд, больше всего отражает именно российскую специфику развития волонтерства в стране. В этой трактовке профессиональные волонтеры – люди, имеющие отношение к сфере социальной работы по роду деятельности и в свое свободное от основной работы время работающие добровольцами. Они обладают определенным уровнем профессионализма, имеют схожий круг интересов, стиль и образ жизни. Как правило, в их случае волонтерская деятельность остается *призванием*, становится тесно сопряженной с основной сферой их занятости. Обычно у таких людей социальная роль профессионала тесно сопрягается с социальной ролью добровольца, а рабочее время *пересекается и смешивается* с их свободным временем. Безусловно, очень сложно объективно разграничивать профессиональное призвание и добровольчество. Однако в тех частых случаях, когда специалистам по социальной работе приходится не только самим выступать в роли добровольцев, но и организовывать труд других добровольных помощников, основной проблемой опять же остается нехватка ресурсов. По-прежнему требует решения проблема частичной разобщенности образования и реального поля профессиональной деятельности.

Выделенные характеристики разных типов профессиональных волонтеров как акторов демонстрируют различную степень сближения волонтерской деятельности с профессиональной в жизни российских добровольцев. Реальная практика показывает, что волонтеры сегодня могут реализовывать любые виды деятельности – от высокопрофессионального до низкоквалифицированного труда. Одна из основных проблем в России – это уровень организации

этой деятельности, ориентация менеджмента социальной сферы на создание условий для развития разных типов профессионального волонтерства. В социальной работе профессиональное волонтерство, безусловно, способствует развитию сообщества профессионалов, улучшению качественных характеристик их деятельности, повышению престижа профессии в обществе.

Литература

1. Петренко Е.С., Богомолова Е.В. Действующие лица гражданского общества: идентификация в массовых опросах [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fom.ru/uploads/files/Doklad_Dejstvujushhie_lica_grazhdanskogo_obshhestva.pdf. (Дата обращения 12.07.2016).
2. О готовности помогать взрослым людям («ТелеФОМ» – телефонный опрос граждан РФ 18 лет и старше по случайной выборке номеров мобильных и стационарных телефонов. 2015. №=533. Статистическая погрешность не превышает 5,5%) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://fom.ru/TSennosti/12759>. (Дата обращения 12.07.2016).
3. Козырьков В.П. Социальная работа как источник социальной культуры и новой духовной мотивации // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2015.
4. Бородатая М.Н. Возможности добровольческой деятельности в подготовке бакалавров и магистров по социальной работе // Специфика профессиональной деятельности социальных работников / Под общ. ред. проф. З.Х. Саралиевой. Н. Новгород: изд-во НИСОЦ, 2015.
5. Саралиева З.Х. Система социальной работы: структура, принципы функционирования // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2001. №1. Сер. Социальные науки.
6. Клепикова А.А. Добровольцы благотворительной организации в государственном учреждении для людей с тяжёлой инвалидностью: конструкты волонтерства и профессионализма // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 3. С. 391-417.
7. Самигуллин Д.Д. Pro bono в России: правовые и налоговые аспекты оказания бесплатных юридических услуг // Региональный специализированный портал «Самарский бухгалтер. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sambukh.ru/articles/pro-bono-v-rossii-pravovye-i-nalogovye-aspekty-okazaniya-besplatnykh-yuridicheskix-uslug/>. (Дата обращения 23.10.2015).

О ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКЕ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ THE STATE SUPPORT FOR SOCIALLY ORIENTED NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Т.Э. Петрова

Московский авиационный институт (НИУ)

T. Petrova

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Социально ориентированные некоммерческие организации в настоящее время оказались в центре внимания как государственных структур, так и научной общественности. Особенности функционирования СОНО в рамках современного законодательства является предметом статьи.

Socially oriented non-profit organizations are currently in the spotlight as the government agencies and the scientific community. Features of SONO functioning in the framework of the modern legislation is the subject of the article.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации; финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка.

Keywords: socially oriented non-profit organizations; financial, property, information and consulting support.

Федеральным законом от 5 апреля 2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» введено понятие социально ориентированных некоммерческих организаций (осуществляющих деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации, содействие благотворительности и добровольчеству) (далее – СОНО), которым органами государственной власти может оказываться финансовая, имущественная, информационная, консультационная поддержка [1, с. 35].

Согласно подпункту «л» пункта 1 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики», Правительству РФ было поручено предусмотреть, начиная с 2013 г. меры, направленные на увеличение поддержки СОНО [2].

Правительством Российской Федерации 10 апреля 2013 г. утвержден Комплекс мер, направленных на увеличение поддержки СОНО на период до 2018 года (№ 1938п-П44) (далее – комплекс мер) [3].

Пунктами 1 и 2 комплекса мер предусмотрено предоставление на конкурсной основе субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ поддержки СОНО и непосредственно СОНО для осуществления мероприятий, направленных на оказание информационной, консультационной, методической поддержки деятельности других СОНО (правила предоставления субсидий утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 23 августа 2011 г. № 713 «О предоставлении поддержки СОНО») [4].

В 2013 г. Минэкономразвития России предоставило субсидии из федерального бюджета бюджетам 49-и субъектов РФ на сумму 630 млн. руб. и 42-ум СОНО на сумму 266,5 млн. руб., в 2014 г. – бюджетам 45-и субъектов РФ на сумму 660 млн. руб. и 49-и СОНО на сумму 266 млн. руб.

Пунктом 3 комплекса мер предусмотрена государственная поддержка проектов, направленных на популяризацию деятельности СОНО, развитие соци-

альной рекламы. Роспечатью осуществляется оказание государственной поддержки некоммерческим организациям (далее – НКО), осуществляющим производство, распространение и (или) тиражирование социально значимых проектов в области электронных и печатных средств массовой информации (далее – СМИ), в форме субсидий из федерального бюджета. На реализацию социально значимых проектов в сфере электронных СМИ в 2013 г. 48-и НКО выделено 82,5 млн. руб., в 2014 г. 29-и НКО выделено 72,1 млн. руб. В области печатных СМИ субсидии получили в 2013 г. 36 НКО на сумму 9,7 млн. руб., в 2014 г. – 44 НКО на сумму 10,9 млн. руб.

Пунктами 5-7 комплекса мер предусмотрено совершенствование законодательства, регулирующего деятельность СОНО.

В соответствии с Федеральным законом от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», начиная с 2014 г. при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд СОНО предоставляются преимущества наравне с субъектами малого предпринимательства.

В 2013 г. в Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» внесены ряд изменений, уравнивающих субъекты малого предпринимательства и СОНО в правах на упрощенные способы ведения бухгалтерского учета, включая упрощенную бухгалтерскую (финансовую) отчетность (Федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 292-ФЗ), а также позволивших принять ведение бухгалтерского учета на себя руководителю НКО, имеющей право применять упрощенные способы ведения бухгалтерского учета (Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 425-ФЗ).

В соответствии с Федеральным законом от 2 декабря 2013 г. № 333-ФЗ «О внесении изменений в статьи 58 и 58.2 Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд РФ, Фонд социального страхования РФ, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования» до 2018 г. включительно продлено действие льготных тарифов страховых взносов для НКО (за исключением государственных (муниципальных) учреждений), применяющих упрощенную систему налогообложения и осуществляющих в соответствии с учредительными документами деятельность в области социального обслуживания населения, научных исследований и разработок, образования, здравоохранения, культуры и искусства (деятельность театров, библиотек, музеев и архивов) и массового спорта (за исключением профессионального).

Статья 31.1 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ дополнена следующими видами деятельности, осуществляемыми СОНО: развитие международного сотрудничества, сохранение и защита самобытности, культу-

ры, языков и традиций народов РФ, деятельность в сфере патриотического, в том числе военно-патриотического воспитания граждан РФ (Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 325-ФЗ); формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 172-ФЗ); проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и непогребенных останков защитников Отечества, установление имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества (Федеральный закон от 14 октября 2014 г. № 303-ФЗ); участие в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ (Федеральный закон от 4 ноября 2014 г. № 329-ФЗ); социальная и культурная адаптация и интеграция мигрантов (Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 440-ФЗ); мероприятия по медицинской реабилитации и социальной реабилитации, социальной и трудовой реинтеграции лиц, осуществляющих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ (Федеральный закон от 22 декабря 2014 г. № 440-ФЗ).

С 1 января 2015 г. вступил в силу Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 464-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», предусматривающий возможность применения налоговой ставки ноль процентов по налогу на прибыль для организаций, осуществляющих социальное обслуживание граждан.

Приказом Минэкономразвития России от 18 февраля 2015 г. № 70 утвержден комплекс мер по поддержке и развитию СОНО в Крымском федеральном округе.

Финансовая поддержка СОНО осуществляется также по следующим основным направлениям: предоставление субсидий из федерального бюджета НКО, участвующим в развитии институтов гражданского общества (2013 г. – 2,4 млрд. руб., 2014 г. – 2,698 млрд. руб., 2015 г. – 4,698 млрд. руб.); предоставление субсидий из федерального бюджета общественным организациям инвалидов, творческим союзам и иным СОНО, осуществляющим социальную поддержку и защиту граждан (2013 г. – 4 млрд. руб., 2014 г. – 3,740 млрд. руб., 2015 г. – 3,167 млрд. руб.); предоставление субсидий из федерального бюджета Фонду поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации (в 2013 г. – 1 млрд. руб., в 2014 г. – 950 млн. руб., в 2015 г. – 950 млн. руб.).

В 2016 г. начали действовать Комплексы мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа СОНО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016-2020 гг. (утвержден Заместителем Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец 23 мая 2016 г. № 3468п-П44) и план меро-

приятый («дорожная карта») «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере» (утвержден распоряжением Правительства РФ от 8 июня 2016 г. № 1144-р) [5].

Поэтапное увеличение доступа социально ориентированных некоммерческих организаций к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, позволит обеспечить достижение следующих результатов: увеличение доступности и качества услуг в социальной сфере, предоставляемых населению; расширение возможностей для потребителей выбора поставщика услуг в социальной сфере, а также их вариативности; повышение эффективности использования бюджетных средств, выделяемых на предоставление гражданам услуг в социальной сфере; повышение прозрачности системы предоставления населению услуг в социальной сфере.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ «О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства». М., 2015.
2. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
3. Комплекс мер, направленных на увеличение поддержки СОНО, на период до 2018 года (№ 1938п-П44 от 10 апреля 2013 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 23 августа 2011 г. № 713 «О предоставлении поддержки СОНО».
5. Комплекс мер, направленных на обеспечение поэтапного доступа СОНО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление социальных услуг населению, на 2016-2020 гг. (№ 3468п-П44 от 23 мая 2016 г.). Распоряжение Правительства РФ от 8 июня 2016 г. № 1144-р. // Правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199767. (Дата обращения: 26.08.2016).

СУБЪЕКТ-СУБЪЕКТНАЯ ПАРАДИГМА В ОСНОВЕ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ SUBJECT-TO-SUBJECT PARADIGM AT THE CORE OF HELPING PROFESSIONS

З.Х. Саралиева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Z.H. Saralievа

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Помогающие профессии и человеку, и социуму в их взаимодействии, к которым мы относим социологию, социальную работу, психологию, педагогику, юриспруденцию, медицину, менеджмент в социальной сфере, в своей основе имеют / должны иметь субъект-субъектную парадигму. Этот теоретический и практикоориентированный фундамент проявляется в содержании тру-

да, инновационных технологиях, ресурсности, профессиональном самосознании и рефлексии, проблемах взаимодействия, имеющих как общечеловеческое измерение, так и национальные и региональные аспекты.

Helping professions both for a person and a society in their interplay to which we refer sociology, social work, psychology, pedagogics, law, medicine, social management have/must have at their core a subject-to-subject paradigm. This theoretical and practice-focused foundation reveals itself in labor contents, innovative technologies, resources, professional self-consciousness and reflection, interaction problems including both human dimension and national and regional aspects.

Ключевые слова: помогающие профессии; субъект-субъектная парадигма; международный, национальный, региональный аспекты.

Keywords: helping professions, subject-to-subject paradigm, international, national, regional aspects.

Рассмотрим, в чем принципиально схожи и что отличает помогающие профессии.

Сближает:

= совпадение «объекта» – той или иной социальной проблемы в различных сферах жизнедеятельности общества;

= «предмета» – люди: гражданин, малая социальная группа, конфессиональная или этническая, территориальная общность, объединения, организации;

= «цели» – профилактика/ предотвращение/ минимизация/ устранение причин асоциальных и антисоциальных проявлений в действиях «предмета», торможение/ пресечение девиантных социальных процессов;

= «принципы» – гуманизма, социальной ответственности, конструирование социальной значимости профессии, динамическое развитие, междисциплинарность.

Междисциплинарность понимается не как механическое соединение, а как органическая солидарность нескольких помогающих профессий, например, социологии, психологии и социальной работы.

«Метапринцип» – субъект-субъектная парадигма в фундаменте деятельности профессионалов помогающих профессий, то есть по обе стороны взаимодействия – люди-акторы, обладающие большим или меньшим потенциалом социальной субъектности. Помогаящие профессии – не замещающие, а вовлекающие непрофессионалов в процессы обучения, медико-социальной реабилитации, личностного и социального роста, медиации, самоуправления, в изменение взглядов на свою жизнь и социальные отношения, в выявление скрытых до поры способностей, в мотивацию на самореализацию в преодолении социальных трудностей.

Формирование и возрастание значимости субъект-субъектной парадигмы требует наращивания социальной ресурсности непрофессионалов и постоянного совершенствования компетентности, практикоориентированности профессионалов. Искажение парадигмы опасно, как минимум, двумя социальными последствиями: профессионального выгорания и диктата социального иждивенчества, труднопреодолимого в социальных настроениях и поведении россиян.

Легче всего проиллюстрировать утверждение субъект-субъектной парадигмы на теоретических и практических основаниях социальной работы. Больше ста лет идет противостояние этой парадигмы с «субъект-объектной», в рамках которой действуют «социальный работник» – субъект и его «клиент» – объект.

Отголоски субъект-объектного подхода слышатся даже и в новейших правовых документах, на которые опирается практика социальной работы. Несмотря на призывы к выработке у людей со сложными жизненными обстоятельствами способности к самостоятельному их преодолению, формального ухода от термина «клиент», предлагаемое новое понятие в статье 3 п. 3 Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (2013 г.) «получатель социальных услуг» сущности подхода не меняет. Трактовка этого «получателя» как гражданина, «который признан нуждающимся в социальном обслуживании и которому предоставляются социальные услуги» [1], не меняет сути взаимодействия в сфере социальной работы. Очевидно, государству проще контролировать так называемую адресную помощь и ее материальные затраты, главным образом. Экономический детерминизм не уступает место социальной терапии. Не хватает воли перейти от экономических параметров помощи к систематическому обучению человека в его социальной среде для понимания природы социальных трудностей и средств решения проблем. Напомню, что к этому призывала социальных работников и государство Мэри Ричмонд еще в 1917 г. [2]

Рассмотрим несколько проблем в системе социальной работы, сдерживающих утверждение субъект-субъектной парадигмы.

I. Прежде всего взаимодействие социального работника и клиента. Оговоримся, что речь идет о детях до 10-12 лет, людях с деменцией, психическими заболеваниями, тяжелой инвалидностью, которая делает их зависимыми и ограниченными в самостоятельном обслуживании.

Взаимодействие социальный работник <—> клиент имеет три основания.

1. Законодательную основу. Сама категория «обслуживание» имеет коннотацию «клиент всегда прав», в нашем случае – всегда имеет право рассчитывать на оказание услуги без приложения даже минимальных усилий к само-

стоятельному преодолению проблемы. Эту «социальную лазейку» используют нередко и люди трудоспособного возраста, имеющие достаточный уровень образования, неплохое здоровье.

2. Образовательные стандарты по направлению социальная работа и сложившиеся стереотипы преподавания в большей степени ориентированы на обучение помогающим, а не активизирующим клиента технологиям. Отсюда распространенные позиции социальных работников – легче самому «завязать шнурки», чем этому научить клиента, да еще сопротивляющегося обучению.

3. Интенции клиента – с чем и зачем пришел, на что рассчитывает, как понимает проблему и свое место в ее разрешении. Ресурсность клиента – объективные показатели и самооценка, только в этом случае можно ее наращивать до социальной субъектности личности. Но нельзя искусственно форсировать процесс, тогда это уже не субъект-субъектное взаимодействие, не осознаваемое и ответственное соучастие клиента, а давление, диктат социального работника, соблазн скорого окончания, а не логично завершающейся работы.

II. Принцип субъект-субъектного взаимодействия в системе социальной работы представителей других профессий и организаций: медико-социального обслуживания, прикладной психологии, ювенальных судов, центров медиации, вторичных социальных агентств – школы, потенциальные учреждения, армейские части. Каждая профессия приходит в систему социальной работы со своим багажом теоретических, правовых, технологических методов и методик. Главное – в сходном ключе должны трактоваться объект и предмет совместных усилий.

III. При объединении усилий государства – НКО – социального предпринимательства субъект-субъектная парадигма отражается в социальном партнерстве представителей 3-х секторов. При этом они должны подчиняться главному требованию – в центре внимания человек и его трудности в сложных жизненных ситуациях.

IV. Еще один аспект субъект-субъектной парадигмы – использование в социальной работе научных и практикоориентированных исследований представителей различных социальных и гуманитарных помогающих наук и профессий: социологии, психологии, педагогики, демографии, статистики, этнологии, религиоведения, правоведения, этики, антропологии, коммуникативистики, экономических наук. В совокупности они помогают человеку и обществу познавать и совершенствовать себя.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Правовой портал «Консультант плюс»

[Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/. (Дата обращения: 08.11.2016).

2. Социальные науки: Реферативный сборник: Mary Ellen Richmond. Social diagnosis. Перевод с англ. Сухова Е.Н. / Составитель и научный редактор З.Х. Саралиева. Вып. 7. Н. Новгород: Изд-во НИСОЦ, 2012. 495 с.

СООБЩЕНИЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ НАВЫКИ МЕНТОРА И КОУЧА PROFESSIONAL SKILLS OF MENTOR AND COACH

Г.В. Ваныкина, Т.О. Сундукова

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

G.V. Vanykina, T.O. Sundukova

Tolstoy State Pedagogical University of Tula

Особенности профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий формируют особый подход к развитию совокупности знаний, умений, навыков и способностей управления собственным эмоциональным состоянием для создания благоприятной эмоциональной атмосферы в процессе коммуникации. Сочетание профессиональных качеств ментора и коуча, знания особенностей инноваций в технологиях коучинга и менторинга способствует активному формированию личности обучающегося.

The professional activity peculiarities of specialists helping professions form a special approach to the development of a body of knowledge, skills and abilities of managing their own emotional state to create a favorable emotional atmosphere in the communication process. The combination of professional qualities of a mentor and coach, knowledge of the innovation features in coaching and mentoring technologies contribute to the active formation of the student's personality.

Ключевые слова: помогающие профессии, профессиональные навыки, менторинг, коучинг, ментор, коуч.

Keywords: helping professions, professional skills, mentoring, coaching, mentor, coach.

Современное общество характеризуется глобальными изменениями в экономической, политической, социальной, информационной сферах. Одной из наиболее чувствительных к таким процессам является система образования, которая призвана готовить конкурентоспособных специалистов, адаптированных к требованиям рынка труда. Приоритетными направлениями развития образовательной области являются гуманизация и информатизация, что способствует возрастанию значимости помогающих профессий социоэкономического типа (профессии системы «человек-человек»), представителями ко-

торой являются врачи, психологи, педагоги, специалисты социальной работы.

Центральным звеном образовательного процесса выступает сама личность преподавателя, поэтому особую значимость приобретают вопросы мотивации, личностно-профессионального самоопределения, профессиональных качеств педагога-специалиста. В.В. Болучевская выделяет следующие психологические средства труда: элементарные (базовые) операции и действия, которые трансформируются в умения и навыки; техники, состоящие из совокупности приемов коммуникаций; технологии, заключающиеся в планировании психологической стороны производственного процесса и подчинение поставленным системам целей его содержания и методов, контроле за достижением поставленных целей [1].

В основе труда педагога лежат его профессиональные и личностные качества, отвечающие требованиям данной профессиональной деятельности и являющиеся условием ее успешного выполнения. Профессиональные качества – это психологические свойства личности в сочетании с уровнем подготовки в конкретной предметной области. Особенности специалистов помогающих профессий можно считать вербальные способности (умение грамотно и доступно излагать свои мысли); умение слушать и слышать человека, понимать его и уметь сопереживать; широкий кругозор в области гуманитарного и специального знания. Опытный педагог должен владеть и уметь грамотно выбирать технологии, наиболее полно соответствующие целеполаганию, мотивации, целевой аудитории, предметной области.

Активное использование инноваций в современном образовании происходит в тесном взаимодействии с традиционными педагогическими технологиями, что позволяет сохранить положительные тенденции и способствовать развитию альтернативных подходов. Технологии коучинга и менторинга имеют давнюю историю, становление, особенности использования и области применения, то есть могут быть отнесены к традиционным педагогическим технологиям. Многие начинающие, а также опытные преподаватели испытывают трудности при определении различий между этими технологиями обучения. Данные понятия легко спутать между собой, так как в процессе обучения опытный преподаватель использует комбинации разных технологий таким образом, что со стороны весь процесс выглядит как непрерывная коммуникация [2]. Рассмотрим особенности каждой технологии и рекомендации по использованию в учебном процессе.

Объектом технологий коучинга и менторинга является процесс обучения. Выбор между этими технологиями зависит от ряда факторов, начиная от степени организованности и структурированности процесса, временного факто-

ра, нацеленности на результат до характера и особенностей целевой аудитории. Педагог, реализующий такие технологии, должен четко знать их общие и специфические черты, а также сам должен обладать определенными профессиональными и личностными навыками [3]. Остановимся на них подробнее.

Навыки ментора:

- используют собственный практический опыт профессиональной деятельности;
- предоставляют обучающимся широкие возможности использования положительно зарекомендовавших себя готовых решений;
- контролируют и корректируют освоение практического опыта обучающимися;
- обсуждают возникающие вопросы, чтобы совместно разработать планы, понять и проанализировать последствия решения;
- в отдельных ситуациях для достижения большего понимания ведут общение «на языке обучающегося»;
- проводят целенаправленный и непрерывный процесс оценивания результатов с точки зрения профессиональной деятельности.

Навыки коуча:

- не предлагают готовых решений, но способствуют выработке стратегии обучающимися через систему наводящих вопросов и обсуждение предложений;
- работают в профессиональной сфере над решением поставленной в конкретный момент задачей;
- способствуют росту независимости и самостоятельности обучающихся с самого начала;
- обсуждают возникающие вопросы, чтобы стимулировать обучающихся принимать собственные решения, понимать их последствия и чувствовать за это ответственность;
- максимизируют общение «на языке обучающихся» для создания ощущения единой команды;
- способствуют созданию буферных зон между коучингом и другими формальными отношениями.

Общие навыки ментора и коуча:

- относятся к обучающимся чутко, работают через согласованные процессы для укрепления доверия и уверенности (конфиденциальности);
- моделируют знания и опыт на практике или через беседу;

- наблюдают, анализируют и размышляют о профессиональной практике и делают это явно и четко;
- предоставляют необходимую информацию и поддерживают обратную связь, что дает возможность сделать выводы из успехов и неудач;
- используют открытое обсуждение возникших вопросов, чтобы повысить уровень двусторонней осведомленности и понять возможные причины ошибок;
- внимательно слушают обучающихся, всегда дают высказать собственное мнение (даже если оно ошибочно);
- способствуют поддержанию психологически комфортной обстановки;
- выделяют самое главное, ядро, сущность сказанного в процессе обсуждения и концентрируют на этом внимание;
- используют подтверждающий язык жестов.

Основной характеристикой помогающих профессий является социальная активность личности, базирующаяся на жизненном опыте и трансформирующаяся через комплекс мотивов в профессиональную сферу. Деятельность специалиста помогающей профессии направлена на достижение гуманистических и общественных глобальных целей, решение проблем социализации личности и повышение ее конкурентоспособности.

Практическая значимость использования технологий коучинга и менторинга в образовании заключается в разработке моделей формирования ядра профессиональных компетенций с учетом потребностей рынка труда и квалификационных требований ФГОС. Такие модели и методики их внедрения в образовательное пространство позволят достигать планируемого уровня профессиональных компетенций обучающихся и могут быть использованы для интенсификации и повышения качества образовательного процесса [4]. Применение инновационных технологий в образовательной и профессиональной деятельности требует от педагога знаний особенностей и условий их эффективного использования.

Литература

1. Болучевская В.В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий: Монография. Волгоград: Изд-во ВолГМУ, 2010. 264 с.
2. Ваныкина Г.В., Сундукова Т.О. Коучинг в обучении будущих ИТ-специалистов // Современные информационные технологии и ИТ-образование. / Научный журнал, Т.1 (№11). Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015. С. 550-556.
3. Ваныкина Г.В., Сундукова Т.О. Тренинг, фасилитация, коучинг и менторинг в непрерывном образовании // Электронное обучение в непрерывном образовании 2016. III Международная научно-практическая конференция: сборник научных трудов. Ульяновск: УлГТУ, 2016. С. 648-655.
4. Sundukova T., Vanykina G. Training, mentoring or advising – what to choose? // Recent Achievements and Prospects of Innovations and Technologies: Материалы V Всероссийской

**РОЛЬ И ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ
СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ**
**THE ROLE AND CHARACTERISTICS OF PROFESSIONAL
REFLECTION IN THE SOCIAL ASSISTANCE**

Н.В. Вараева

Нижегородский филиал Гуманитарного института, г. Москва

N.V. Varaeva

The Nizhni Novgorod branch of Humanitarian Institute, Moscow

Профессиональная рефлексия является условием успешного внедрения современных технологий в социальной работе. Приводятся результаты исследования некоторых аспектов отношения специалистов социальной сферы к своей работе. Обоснована необходимость введения обучения рефлексии в программы повышения квалификации работников социальной сферы.

The professional reflection is a condition for the successful introduction of modern technology in social work. The article presents the results of a study of some aspects of the attitude social workers to their work. The necessity to introduce the teaching of reflection in the training programmes of social workers is shown.

Ключевые слова: социальная работа, профессиональная рефлексия.

Keywords: the social work, the professional reflection.

Изменение потребностей и стандартов современного общества в социальной работе влечет за собой изменение требований к деятельности специалистов в сфере социального обслуживания. В соответствии с трехуровневой моделью существования специалиста в профессии О.А. Корнилова выделяет уровни существования специалиста социальной работы в профессии [1, с. 113]. Третий, самый высокий, уровень этой модели как раз соответствует современным требованиям к специалисту социальной сферы. На этом уровне деятельность специалиста социальной работы предполагает проектирование, моделирование и системное представление о своей деятельности. От специалистов социальной сферы требуется разработка индивидуальных программ помощи нуждающимся, с учетом всей совокупности психосоциальных особенностей клиента. Такая форма работы предполагает не только прогнозирование результатов реабилитационной работы, но и пошаговое отслеживание происходящих изменений. В результате меняются и форма отчетности и сущность взаимоотношений специалиста и клиента. Из роли все знающего контролера специалист социальной защиты превращается в партнера.

Разные категории специалистов по-разному реагируют на эти изменения: кто-то формально перестраивается на новые модели помощи, сохраняя прежнюю психологию и отношение к клиентам, у некоторых специалистов новые формы вызывают непонимание и протест. Это делает остро актуальной проблему профессиональной рефлексии. Новые технологии не дают желаемого эффекта, если специалист сохраняет прежнее отношение к профессии, клиентам и самим методам работы. Собственно рефлексия своей деятельности лежит в основе многих новых технологий. От чуткости специалиста к изменениям в жизненной ситуации и личности клиента может зависеть успех всей реабилитационной программы. Рефлексия своей деятельности выделяется некоторыми авторами как ведущий показатель профессионального развития социального работника [2, с. 25].

Мы рассматриваем профессиональную рефлексия не только как оценку своей профессиональной деятельности на соответствие нормам и стандартам. В социальной работе очень важна рефлексия своего эмоционального состояния и отношений, складывающихся между специалистом и клиентом. Анализ ответов специалистов 12 пилотных учреждений, работающих с кризисными семьями, и специалистов социальной защиты, ведущих прием граждан, показывает, что положительных (стимулирующих) факторов специалисты видят в своей работе существенно меньше, чем фрустрирующих [3].

Мы провели исследование восприятия педагогами центров социальной реабилитации несовершеннолетних образа родителей воспитанников этих центров. В своем исследовании мы опирались на работы В.Л. Ситникова [4], предложившего авторскую методику выявления структуры и содержания «Ты-образов» в сознании человека «СОЧ(И)». Нами было выявлено, что образ взрослого в сознании педагогов неоднозначен и при вербализации может по-разному трансформироваться в зависимости от ситуации.

В образе родителя ребенка из социально-реабилитационного центра 85,7% педагогов центра выделили характеристику «пьющий», «алкоголик». Это же определение 70% педагогов использовали для описания плохого взрослого. На втором месте по частоте использования стоит характеристика «безработный» (47,6% испытуемых). Родитель ребенка, находящегося в центре социальной реабилитации, по мнению испытуемых: безответственный (33,3% ответов), аморальный (33,3%), малообеспеченный (28,6%), больной (28,6%), грубый (23,8%), безразличный (23,8%), не работает, (23,8%), обманщик (19,1%). Сравнительный анализ показал, что образ родителя ребенка, проживающего в социально-реабилитационном центре, в сознании педагогов имеет больше дословных совпадений с образом плохого взрослого: безответственный (23,8% ответов), грубый (19%), пьющий (19%), алкоголик (9,5%), лен-

тяй, (9,5%), наркоман, (9,5%), хулиган (9,5%). Также имеют место следующие дословные совпадения: агрессивный, аморальный образ жизни, асоциальное поведение, безработный, безразличный, вор, врун, жалеет себя, жестокий, имеющий вредные привычки, матерится, невоспитанный, неопрятный, неряшливый вид, не работает, ругается матом, скандальный, эгоист. Дословные совпадения образа родителя ребенка из социально-реабилитационного центра с образом хорошего взрослого присутствуют в ответе одного испытуемого: влюбленный, красивый.

Большое количество педагогов (76,2%) включили в описание родителя его отношение к детям. Общее количество характеристик родителя, выражающих отношение к своим детям, составляет 15,4% всех характеристик родителя. Эти характеристики представляют собой распространенные словосочетания или предложения и наиболее разнородны как по содержанию, так и по формулировке. Среди характеристик родителя, выражающих его отношение к своему ребенку, наиболее часто встречаются следующие группы: не любит ребенка (37,5% испытуемых), уклоняется от воспитания ребенка (31,3%), не хочет заботиться о ребенке (18,8%).

На основании анализа характеристик образа родителя ребенка из социально-реабилитационного центра в сознании педагогов, работающих в этом центре, мы выделили пять типов отношения к этому образу: осуждение (вор, врун, ведет аморальный образ жизни и т.п.); жалость (одиноким, бездомным, больной и т.п.); осуждение и жалость; дистанцирование (любящий шумные компании, замкнутый на своем круге общения, имеющий судимость и т.п.); сочувствие (желающий помочь своему ребенку, многодетный). Большинство ответов испытуемых распределяются между первыми тремя типами: осуждение – 28,6%, жалость – 23,8%, осуждение и жалость – 33,3%, дистанцирование – 9,5%, сочувствие – 4,8%.

Таким образом, образ родителя ребенка из социально-реабилитационного центра в сознании педагогов этого центра имеет больше совпадений с образом плохого взрослого, то есть, окрашен негативно. При этом характеристики родителя выражают осуждение его педагогами и в то же время чувство жалости. Этот факт представляется нам тревожным, так как этот образ неизбежно транслируется ребенку, что может, в свою очередь, вызвать закрепление негативного образа родителя в сознании ребенка или формирование негативного образа педагога.

Все это показывает, что наравне с обучением новым технологиям необходимо обучать специалистов профессиональной рефлексии, и не только на этапе подготовки кадров, но на уровне курсов дополнительного послевузовского образования. Наиболее существенными аспектами профессиональной

рефлексии в социальной работе будут: рефлексия собственного состояния в процессе работы, рефлексия отношений с клиентом, рефлексия изменений в работе в связи с внедрением и использованием новых технологий и стандартов. Рефлексивный подход к работе позволит сделать выбор специалиста более осознанным, что может служить профилактикой негативных оценок клиентов и эмоционального выгорания.

Литература

1. Корнилова О.А Роль профессиональной рефлексии в деятельности специалиста социальной работы // Альманах современной науки и образования. 2007. № 5. С. 112-114.
2. Шмидт В.В Международный анализ институционализации образования по психосоциальной работе // Журнал исследований социальной политики. 2007. Том 5. № 1. С. 25-42.
3. Вараева Н.В. Программа профилактики эмоционального выгорания специалистов «Работа в радость». М.: Флинта, 2013. 53 с.
4. Ситников В.Л. Образ ребенка (в сознании детей и взрослых) / В.Л. Ситников. СПб: Химиздат, 2001. 228 с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ
СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
COOPERATION OF EMPLOYEES OF SOCIAL SERVICE
INSTITUTIONS AND JUVENILE DIVISIONS OF INTERNAL
AFFAIRS AGENCIES**

Е.А. Вызулин

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина (Мининский университет)*

E.A. Vyzulin

*Nizhni Novgorod state pedagogical University named after Kozma Minin
(Minin University)*

Рассматриваются вопросы взаимодействия сотрудников социальной службы и сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних МВД России как субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Формулируются приоритетные направления совместной работы.

The article is devoted to the interaction between the social workers and staff divisions on Affairs of minors of Ministry of internal Affairs of Russia as subjects of prevention of child neglect and juvenile delinquency. Formulates the priority directions of joint work.

Ключевые слова: социальная работа, социальная служба, система профилактики, отклоняющееся поведение, подразделения по делам несовершеннолетних, приоритет.

Keywords: social work, social service, prevention, deviant behavior, division on Affairs of minors, a priority.

Социальная работа, решение социальных проблем отдельных, прежде всего, социально уязвимых личностей и общественных групп [1] в современном обществе становится все более востребованной. Социальная работа общего профиля охватывает три широкие области общественной жизни:

– социальная работа на семейном, индивидуальном, личностном уровнях в целях социальной адаптации и реабилитации субъекта и разрешения конфликтных ситуаций в окружающей его обстановке;

– социальная работа с группой. Социальным служащим приходится работать с группами асоциального, порой криминального характера (молодежные группы асоциальной направленности, бродяжничество, проституция, наркомания, преступность несовершеннолетних);

– социальная работа по месту жительства. Она ориентирована на социальные услуги, укрепление общественных связей, создание благоприятного социально-психологического климата в местах компактного проживания людей.

В вопросах взаимодействия социальной службы с органами внутренних дел нас более всего интересует вторая сфера общественной жизни. Актуально изучение отклоняющегося поведения несовершеннолетних и профилактическое воздействие на него.

Исследования, касающиеся профилактики отклоняющегося поведения, велись по следующим проблемам:

= предупреждение и преодоление отклоняющегося поведения (Я.И. Гилинский; В.Н. Кудрявцев; С.И. Плаксий; В.А. Попов);

= выявление факторов, которые обуславливают отклоняющееся поведение (М.А. и Ю.Н. Галагузовы; Б.П. Дьяконов; Е.Я. Тищенко; М.Н. Цыганкова; Г.Н. Штинова);

= причины, вызывающие отклонения в поведении (А.С. Белкин; Я.И. Гилинский; Э.Г. Костяшкин; Р.В. Овчарова; З.Д. Раевская);

= содержание отклоняющегося поведения (М.А. Алемаскин; Б.Н. Алмазов; С.А. Беличева; Г.Г. Бочкарёва; Л.М. Зюбин; Т.Д. Молодцова; И.А. Невский; Р.В. Овчарова).

В соответствии с федеральным законодательством основными направлениями деятельности органов и учреждений системы профилактики безнад-

зорности и правонарушений несовершеннолетних [2], в аспекте рассматриваемой темы, следующие:

<p><i>Учреждения социального обслуживания, к которым относятся территориальные центры социальной помощи семье и детям, центры психолого-педагогической помощи населению, центры экстренной психологической помощи и иные учреждения социального обслуживания [2]</i></p>	<p><i>Подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел[2]</i></p>
<p>предоставление социальной услуги несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении или иной трудной жизненной ситуации.</p>	<p>проведение индивидуальной профилактической работы.</p>
<p>выявление несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; семей, несовершеннолетние члены которых нуждаются в социальных услугах. Осуществление социальной реабилитации этих лиц. Оказание им необходимой помощи по индивидуальным программам социальной реабилитации.</p>	<p>выявление лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений, антиобщественных действий или совершающих в отношении несовершеннолетних противоправные деяния; родителей, законных представителей и должностных лиц, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих свои обязанности по воспитанию, обучению, содержанию несовершеннолетних</p>
<p>участие в индивидуальной профилактической работе с безнадзорными несовершеннолетними, путем организации их досуга, развития творческих способностей несовершеннолетних в кружках, клубах по интересам, созданных в учреждениях социального обслуживания. Оказание содействия в организации оздоровления и отдыха несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства.</p>	<p>выявление несовершеннолетних, объявленных в розыск; несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства. Направление таких лиц в органы или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних либо в другие учреждения.</p>
<p>.</p>	<p>рассмотрение заявлений и сообщений об административных правонарушениях несовершеннолетних, общественно опасных деяниях несовершеннолетних, о неисполнении или ненадлежащем исполнении их родителями, законными представителями, должностными лицами обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию несовершеннолетних.</p>
<p>.</p>	<p>участие в подготовке материалов для помещения в центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей.</p>
<p>.</p>	<p>участие в подготовке материалов, необходимых для внесения в суд предложений о применении к несовершенно-</p>

		летним, их родителям, законным представителям меры воздействия
.		предлагают уголовно-исполнительным инспекциям применению к несовершеннолетним меры воздействия, контроль за поведением которых осуществляют указанные учреждения.
.		информирование государственных органов и учреждений о безнадзорности, правонарушениях и антиобщественных действиях несовершеннолетних, о причинах и условиях, которые этому способствуют.
.		участвуют в уведомлении родителей, законных представителей несовершеннолетних о доставлении несовершеннолетних в подразделения органов внутренних дел в связи с их безнадзорностью, беспризорностью, совершением ими правонарушения или антиобщественных действий

Анализ полномочий показывает большой объем возлагаемых на учреждения социального обслуживания и подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел задач по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и определяет области взаимной работы по этому направлению деятельности в широком смысле, особенно при предупредительном воздействии на девиации несовершеннолетних [3].

Приоритетами совместной работы сотрудников учреждений социального обслуживания и подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел в связи с этим являются:

- Охрана и защита прав несовершеннолетних.
- Раннее выявление несовершеннолетних, нуждающихся в индивидуально-личностном психологическом, социально-педагогическом сопровождении.
- Создание психологически безопасной среды в образовательной организации, гуманное отношение к несовершеннолетним, находящимся в сложной жизненной ситуации.
- Взаимодействие с другими органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, которые будут помогать в решении проблем детей, нуждающихся в психолого – педагогической помощи.
- Работа общественных организаций по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

– Работа по профессиональной ориентации и помощь в трудоустройстве несовершеннолетними.

– Социально-правовое просвещение педагогов, несовершеннолетних и их родителей, предупреждение конфликтов, правонарушений, наркотизма.

– Систематическое совместное проведение мониторинга эффективности профилактической и коррекционно-развивающей работы.

Общественная жизнь современной России способствует увеличению отклоняющегося поведения в среде несовершеннолетних, при чем, не только отрицательного (рост преступности, наркомании, подростковой алкоголизации и распространения экстремистских молодежных субкультур), но и, по мнению Я.И. Гилинского [4], положительного (*творчество, политическая активность, предприимчивость – автор*). Плохо, что выделяемое положительное часто относится к отклоняющемуся поведению. По нашему мнению, это должно быть нормой. В таких условиях очень высок спрос на социальную поддержку, профессиональную помощь социальных служащих, которая основывалась бы на постоянном, тесном, а не эпизодическом, взаимодействии с органами внутренних дел, непосредственно с подразделениями по делам несовершеннолетних, на реализации приоритетных государственных и общественных программ в социальной сфере.

Литература

1. Словарь терминов по общей и социальной педагогике. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ. А.С. Воронин. 2006.

2. ФЗ №120-ФЗ от 24.06.1999 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.pravo.gov.ru. (Дата обращения: 19.02.2016 г.).

3. Вызулин Е.А. Актуальные проблемы противодействия девиантному поведению несовершеннолетних / Е.А. Вызулин, Р.Н. Самойлюк // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2015. № 3. Режим доступа: www.es.rae.ru/bulletinpp/212-1003 (дата обращения: 19.02.2016).

4. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.

**СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА С ГРУППОЙ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ С СЕМЬЯМИ СИБЛИНГОВ**
**SOCIAL WORK WITH GROUP:
INTERACTION WITH FAMILY OF SIBLING**

И.Г. Голубева

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

I.G. Golubeva

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Выделены ключевые моменты в работе с семьями сиблингов, рассмотрены проблемы взаимодействия между членами семьи.

The article focuses on considerable moments of work with sibling's family, considered problems of interrelation inter family's members.

Ключевые слова: сиблинги, социальная работа с группой, родительско-детские отношения, сиблинговое взаимодействие.

Keywords: siblings, social work with group, interrelation inter parents and children, interaction of siblings.

Социальная групповая работа – это метод интерперсональной помощи при работе в малых группах, где используется групповой контекст для достижения индивидуальных и групповых целей. Социальная групповая работа включает различные виды деятельности [1, с. 353]:

1. Развитие целой группы и отдельного члена группы.
2. Развитие взаимной помощи и поддержки среди членов группы.
3. Использование группового процесса для жизнедеятельности группы.
4. Развитие автономности в группе.

Семья как малая группа включает в себя не только своих членов, но и характер взаимоотношений и поведение как отражение этих отношений. Для социальной работы представляет интерес и то, в каком контексте формировались способы общения конкретной семьи.

В работе с группой социальный работник принимает роль стороннего наблюдателя, медиатора, направляя эту группу в правильном направлении (при конфликте – осознание столкновения интересов, принятие мнения другого, помощь в разрешении, поиск эффективных способов). При работе с семьей чаще всего интерес специалиста направлен на родительско-детские отношения, а методы работы предполагают консультирование родителей, занятия с детьми в форме игр. Сиблинговым отношениям также уделяется внимание в случае, если один из детей имеет инвалидность. Так, в Республике

Беларусь [2, с. 20-21] наряду с родительско-детскими отводится немаловажная роль сиблинговому взаимодействию. Если у взрослого сиблинга есть брат/ сестра с инвалидностью, с ним ведется работа по принятию его/ее для осознания своей роли в воспитании младшего ребенка в семье, имеющего стойкие нарушения здоровья. В Республике Татарстан [3] технологии социальной работы с семьей, в частности при домашнем визитировании, вовлекают всех членов семьи, сиблинги не составляют исключения.

В групповой социальной работе с семьей не стоит забывать о характеристиках каждого члена: пол, возраст, тип личности, основные моменты семейной биографии. К данной работе стоит прикрепить два кейса, как пример того, что родители имеют различные установки в отношении детей в зависимости от половозрастных характеристик детей.

Первое наблюдение касается матери и двух детей (в возрасте 6-8 лет). Дети играли в ожидании транспорта на остановке, зачастую переходили рамки игры. Девочка начинала кричать, мать говорила сыну, чтобы он не подходил к сестре. Но дети начинали «играть» снова. Мама не выдержала, отстранила сына и ударила его в живот пластиковой бутылкой: «Я же сказала не подходи к ней! Ей больно». Мальчик, взглянув на сестру с ненавистью, после посмотрел на мать со страхом и ответил ей: «Мне вообще-то тоже больно, бутылкой в живот». Мать воспитывает детей, руководствуясь общепринятым стереотипом, что к дочери следует относиться не так строго, как к сыну, но мальчик хочет, чтобы и его чувства принимали во внимание. Дети борются за любовь родителей и явные различия в воспитании усугубляют сиблиновые взаимоотношения.

От психологического благополучия матерей зависит уровень требовательности в воспитании детей, а также развитие сотрудничества и проявления эмпатии между сиблингами. Одним из существенных источников проблемных взаимоотношений между сиблингами служит дисгармоничное воспитание матерей с низкими показателями психологического благополучия [4, с. 284].

Второй случай касается позиции отца в отношении к своим детям. Семья возвращалась домой после похода (ехали в электропоезде). Мама сидела отдельно, отец сидел с детьми. Две дочери (13-15 лет) решили переместиться к матери. Сын (11-12 лет) через некоторое время присоединился к ним, его внимание было обращено на сестру, ее молодой человек был объектом шуток брата. Они начали шуметь, мама говорила, чтобы они ушли к отцу. Отец сказал мальчику, чтобы тот пересел, когда тот встал, взял его за капюшон и посадил на место. К дочерям более снисходительное отношение, чем сыну, возможно, это можно объяснить тем, что отцы перенимают опыт своих роди-

телей в воспитании мальчиков, в котором не берется в расчет, что сыновья тоже нуждаются в поддержке и уважении, более внимательном отношении к их личности.

Старшие дети чаще стараются вести себя независимо от младших, а те стремятся заручиться поддержкой старшего брата / старшей сестры. Тенденция к избеганию младших сиблингов наиболее сильно проявляется в 13-14 лет под влиянием процессов подростковой автономизации [4, с. 285]. Родителям стоит обратить внимание на ситуации, когда ожидания младших детей в отношении старшего сиблинга не оправдываются.

Социальный работник при работе с семьей должен исходить из принципа, что семья – это не только родители, дети, но и связи между ними, необходимо принимать во внимание специфику отношений, стиль общения, язык, который может отражать характер супружеской, межпоколенной и сиблинговой связей. Каждый случай индивидуален в силу половозрастных и средовых условий жизни семьи.

В процессе работы с семьей, где существуют проблемы в системе детских отношений, стоит учитывать факторы, формирующие зависимость сиблингов друг от друга. Специалисту необходимо понять, в какой помощи нуждается семья, готовы ли они принять мнения друг друга, способны ли изменить отношение к себе, своим родным.

Литература

1. Фирсов М.В., Студенова Е.Г. Теория социальной работы: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛА ДОС, 2001. 432 с.
2. Взгляд со стороны / Ред. кол.: Герберт Вольхюттер и [др.], под общ. ред. Е.Г. Титовой. Минск: А.Н. Вараксин, 2012. 32 с.
3. Достижения Государственного автономного учреждения социального обслуживания [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 06.04.2016).
4. Бурменская Г.В. Родительское принятие-отвержение и формирование взаимоотношений между сиблингами // Психологические проблемы современной семьи (сборник тезисов VI-ой Международной научной конференции, Москва – Звенигород – Екатеринбург, 30 сентября – 04 октября 2015 г.).

**СОВЕТЫ ЖЕНЩИН В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
ТАДЖИКСКОГО ОБЩЕСТВА
WOMEN'S COUNCILS IN THE SOCIAL LIFE
OF THE TAJIK SOCIETY**

Д.М. Зоиров
*Председатель Комитета по правопорядку, обороне и безопасности
Парламента Республики Таджикистан*

Ш.М. Кудратбекова
*Таджикский национальный университет, г. Душанбе,
Республика Таджикиста*

D.M. Zoirov
Head of defense and security board with the Parliament of Tajikistan

Sh. M. Kudratbekova
The Tajik national university, Dushanbe City, Tajikistan

Освещается деятельность женских советов, являющихся важным элементом структуры гражданского общества Таджикистана, показывают их роль в регулировании социальной жизни и решении социальных проблем на местном уровне.

The authors highlight the activities of women's councils, which is an important element of the structure of civil society in Tajikistan, show their role in the regulation of social life and solving social problems at the local level.

Ключевые слова: социальная жизнь Таджикистана, гражданское общество Таджикистана, женские советы, махалля.

Keywords: social life of Tajikistan, the civil society of Tajikistan, women's councils, mahalla.

Социальная проблематика является очень востребованной на любом уровне научной или политической дискуссии. Сегодня популярной стала тема гражданского общества, которая по сути своей раскрывает именно социальную жизнь того или иного государства. Как власть взаимодействует с обществом, как государство влияет на народ, как граждане страны влияют на государство, в какой степени государство должно вмешиваться в повседневную жизнь народа? Все эти вопросы являются актуальными для Таджикистана.

Чтобы совокупность людей, проживающих на одной территории, стала гражданским обществом, необходимо много предпосылок, политических, экономических, правовых, психологических. И конечно, нужно, чтоб у народа был исторический опыт, навык самоорганизации своей жизни без обращения к власти.

В современном Таджикистане сложились определенные предпосылки для движения в этом направлении. Можно констатировать, что формирование гражданского общества уже началось.

Важнейшей социально-исторической предпосылкой является народный опыт, который не потерялся за годы советской власти, а сохранился и продолжает развиваться на всей территории Таджикистана.

Речь идет о таком институте гражданского общества, который, безусловно, играет важную роль в жизни таджикского народа, как Совет женщин. Являясь национальным традиционным институтом, он решает ежедневные, насущные проблемы той или иной социальной группы. Таджикскому обществу присуще создание женских Советов в основном на уровне махаллей (кварталов), где все вопросы, касающиеся дел женщин квартала, находятся в центре внимания этого Совета. Если в махалле состоится свадьба, то женский Совет участвует во время привоза приданного невесты и становится свидетелем появления общей собственности новобрачных. На практике, в махаллях женский Совет играет большую роль в упорядочении ритуалов по осуществлению традиционных мероприятий. Роль такого Совета становится вдвойне актуальной, особенно после принятия Закона РТ «Об упорядочении традиций, торжеств и обрядов в Республике Таджикистан»¹. Настоящий Закон упорядочивает традиции, торжества и обряды с учётом потребностей развития общества и направлен на защиту истинных ценностей национальной культуры и уважения к народным обычаям Республики Таджикистан. Женский Совет в махаллях может выступить общественным органом контроля по соблюдению и реализации положений этого закона.

Неоценима роль женских Советов в решении бытовых конфликтов в махаллях в целях урегулирования споров, чтобы исключить всякое вмешательство государственных органов или обращение в суд. Заметим, что часто эти Советы являются более эффективными в решении бытовых конфликтов, нежели обращение в государственные органы или разрешение дел в судебном порядке. В силу национального менталитета, особенности культуры общежития, роль женских Советов в жизни махалли является чрезвычайно важной и на локально-бытовом уровне их деятельность является эффективным механизмом разрешения социально значимых проблем.

Таким образом, Совет женщин, являясь одним из институтов гражданского общества, выступает как форма общественной власти и инструмент общественного воздействия на местном уровне. Свою деятельность они

¹ Закон Республики Таджикистан об упорядочении торжеств и обрядов в Республике Таджикистан от 8 июня 2007 г. №272. Душанбе.

направляют, главным образом, на решение местных задач. Основной целью этих организаций является сохранение местных обычаев и традиций, а также соблюдение правил общежития на местном уровне. Их задачей также является общественное участие в обеспечении законности и правопорядка в махалле.

**К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ И ИННОВАЦИЯХ В ПОДХОДАХ К
ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ
ПРОФЕССИЙ С КЛИЕНТАМИ**
**TRADITIONS AND INNOVATIONS IN APPROACHES TO
INTERACTION OF SPECIALISTS OF THE HELPING PROFESSIONS
WITH CLIENTS**

А.С. Когаловская
Ивановский государственный университет
A.S. Kogalovskaya
Ivanovo state University

Обосновывается необходимость инновационных подходов в социальной работе и рассматриваются условия их реализации.

The needs for innovative approaches in social work grounded in this article. Conditions under which their implementation becomes possible considered by the author.

Ключевые слова: инновации, среда, ценности, потребности.
Keywords: innovation, environment, values, needs.

Инновационный путь развития общества делает необходимым инновационный путь развития социальной сферы.

Потребность инноваций в социальной работе обусловлена, в частности, следующими факторами:

1. изменение социокультурной и социотехнической среды жизнедеятельности, при котором развитие коммуникаций играет особую роль.

Действительно, любое изменение в общественной жизни, связанное с улучшением или ухудшением ее условий, требует изменения подходов в работе с клиентами.

Среда, в которой протекает жизнедеятельность современного человека, претерпевает серьезные изменения. С одной стороны, достижения науки и техники все больше облегчают наш быт и коммуникации, а с другой – отдаляют от естественных условий бытия, в которых современный человек ощущает все большую нехватку.

Компьютеры, планшеты, сотовые телефоны становятся естественной средой даже для трехлетнего ребенка, который может смотреть с их помощью мультфильмы, играть в разнообразные игры и т. д. В этих условиях становится не просто естественным, но необходимым исследование не только вопроса о пагубном влиянии разнообразных технических и электронных устройств на детскую и взрослую психику, но и о возможности использования их как средств развития. Сегодня создаются качественные онлайн-игры и пособия, позволяющие увлечь современных детей и подростков и вместе с тем помогающие решать серьезные задачи развития, в том числе и тех, у кого существуют заметные в этом трудности.

Сегодня трудно представить наш быт без ряда устройств, о которых и не помышляли наши недавние предки. Автоматические стиральные и посудомоечные машины, домашний электронный измеритель давления, уровня сахара в крови, электронный градусник и др. – все это не только облегчает быт современного человека, но и жизненно необходимо для людей с различными заболеваниями, так как содействует их социально-бытовой адаптации, позволяет сделать их жизнь более независимой и самостоятельной. В результате у них и у их окружения высвобождаются время и силы на выполнение других, лично и жизненно значимых задач.

Вместе с тем развитие техники, электроники, обустройство быта, городской образ жизни с его избыточными нагрузками, не столько физическими, сколько психическими, отдаляет нас от природного естества. Обостряется потребность в гармонии с природой. Природная среда становится значимым фактором, условием и средством восстановления физических и психических сил, реабилитации.

Для жителей больших городов характерны такие специфические недуги, как хроническая усталость, гиподинамия у взрослых и гипердинамический синдром у детей, фобии, нарушения сна и др. Эти особенности учитывает экологический центр «Лесная Сказка» (Ленинградская область) в своей деятельности, являющейся значимым примером инноваций в социокультурной сфере. Одно из основных направлений работы центра – проблемы соматического и психологического плана, возникающие у жителей мегаполиса. Клиентами центра являются жители больших городов, не имеющие пока серьезных проблем со здоровьем, но ощущающие, что ритм жизни, экологическая обстановка в городе и признаки психологического и физического дискомфорта ведут к износу организма, к психическому истощению. Даже относительно кратковременное пребывание в лесной зоне, участие в познавательных и спортивных программах оказывает на горожан оздоравливающее воздей-

ствие, стимулируя физические нагрузки на природе, общение с животными, творческую активность и смену рода деятельности.

Еще одним значимым примером в сфере инноваций является деятельность московской компании «Коллекция приключений», специализирующейся на детском и корпоративном отдыхе. В частности, это реализация для подростков возможности оторваться от компьютера и телевидения, расширить свой социальный опыт посредством участия в живом равноправном доброжелательном общении, «встраивания» себя в систему полноценных межличностных отношений, анализа своих и чужих действий и развития способности к такому анализу, к преодолению физических и психологических препятствий.

2. Изменение качественного состояния потребителей социальных услуг, прежде всего, изменением их образа жизни, культурного уровня, потребностей.

Развитие средств коммуникации открывает возможность появления новых форм оказания социальных услуг. Так, были созданы и получили распространение «телефоны доверия», с помощью которых оказывается анонимная психологическая помощь людям в стрессовых ситуациях, появилось онлайн-консультирование, консультирование по скайпу.

3. Изменение идеологии социальной работы.

Возникают социальные проблемы, которые невозможно решить с помощью традиционных методов. Так, в свое время в нашем обществе появились такие проблемы, как наркомания, СПИД и др.

Социальные трансформации неизбежно порождают у многих людей переживания, связанные с неопределенностью, страх перед будущим, ностальгию по привычному прошлому, и это усугубляется социальными коллизиями, присущими радикальным изменениям в обществе (рост безработицы, преступности и др.). Важной задачей становится выявление разных групп населения, потенциально нуждающихся в средствах социально-психологической поддержки.

Растущий уровень культуры населения порождает иной тип клиентов. Наряду с обездоленными и малообразованными необходимо быть готовыми к работе с клиентами совершенно иного типа, с людьми образованными, компетентными, инициативными, знающими свои права и умеющими их отстаивать. Им порою необходимы информационные услуги, помощь в организации сообществ самопомощи, в реализации инициатив, идущих снизу.

Усиление социальной направленности в государственной политике многих стран обуславливает необходимость изменения идеологии социальной работы.

Наблюдается постепенное движение от медицинской модели инвалидности, для которой характерно рассмотрение людей с ограниченными возможностями как некомпетентных, неспособных отвечать за себя и трудиться, нуждающихся в присмотре и, возможно, даже опасных для общества, к моделям независимой жизни, предполагающей развитие самопомощи, включение в инфраструктуру общества системы социальных служб, что позволило бы сделать людей с ограниченными возможностями полноправными членами общества, самостоятельно принимающими решения и обладающими ответственностью за свои поступки. Это требует и изменения общественного сознания, создания в нем позитивного образа инвалидности. Предполагается активное участие людей с ограниченными возможностями здоровья в культурной жизни страны, заявление и продвижение их собственных целей и интересов. Ставится вопрос о необходимости формирования в общественном сознании позитивного образа инвалидности.

Сохраняй, изменяя. Изменяй, сохраняя – таким должен быть принцип здорового развития. Жизнеспособным и далеко идущим является то новое, которое не вырубает своих корней, а произрастает из них и несет дальнейшее развитие. Таким образом, социализация в изменяющемся обществе не сводится лишь к быстрому и поверхностному восприятию нового, ибо само новое становится более устойчивым и жизнеспособным, когда оно вырастает на прочном, испытанном временем ценностном фундаменте. Это становится одним из важных направлений деятельности в социальной работе.

Требование от специалистов социальной сферы инноваций в их деятельности является вызовом времени. Вместе с тем создание инноваций и их реализация – процесс творческий, возможный далеко не в любых условиях. Трудно вести речь о настоящих инновациях в условиях реальной деятельности специалистов социальной сферы в регионах, где они нередко «варятся в собственном соку», не имея возможности обмениваться опытом, обучаться у ведущих специалистов и видеть работу своих коллег из других регионов. Трудно вести речь об инновациях, когда специалист испытывает на себе давление целой пирамиды вышестоящих структур и к тому же не знает, как свести концы с концами, чтобы дожить до зарплаты. В итоге, требуя от специалистов инноваций и не заботясь о создании для этого необходимых условий, мы зачастую под видом инновации получаем старый продукт, завернутый в новый фантик.

Преобразование деятельности работников социальной сферы, отвечающее требованиям времени, становится возможным только при системной работе, обеспечивающей достойный уровень их жизни, возможность обучения и об-

мена опытом, а также должную степень самостоятельности в рамках их деятельности.

РЕСУРСЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СПОРТСМЕНОВ RESOURCES OF RESOCIALIZATION PROFESSIONAL ATHLETES

Н.В. Ларшина

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

N.V. Larshina

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Постановка вопроса о возможности институционализации новых профессий в сфере спорта, способствующих ресоциализации профессиональных спортсменов.

The aim of submitted abstracts is a statement of the question of the possibility of institutionalizing the new professions in the field of sport that promote resocialization of professional athletes.

Ключевые слова: профессиональный спорт, ресоциализация, институционализация профессии.

Keywords: professional sport, resocialization, the institutionalization of the profession.

Научное сознание отличается от обыденного в первую очередь тем, что оно оперирует категориальным аппаратом. В рамках изложения данных тезисов под термином «профессиональный спортсмен» будет подразумеваться категория людей, для которых занятия спортом являются основным видом трудовой деятельности, т.е. *профессией*.

Стандарт профессии «спортсмен», принятый в нашей стране в 2014 г., не предъявляет к спортсмену требований наличия у него высшего образования [1]. С одной стороны, не всем спортсменам удаётся получить высшее образование, и, с другой стороны, не у всех спортсменов есть мотивация к получению высшего образования, поскольку оно не является необходимым, обязательным условием для самореализации человека в профессии «спортсмен». Одним из достаточных условий соответствия стандарту профессии «спортсмен» является получение человеком среднего образования. Специфика профессии «спортсмен» такова, что вне зависимости от того, имеет человек высшее образование или нет, примерно к 30-35 годам физиологические ресурсы организма настолько исчерпываются, что спортсмен уже не в состоянии продолжать выполнять квалификационные требования. Несмотря на то,

что по возрастным критериям спортсмен является молодым человеком, тем не менее, его профессиональная карьера приходит к логическому завершению, и в 30-35 лет профессиональный спортсмен приобретает статус «ветерана спорта». В результате потери своего основного статуса и, соответственно, профессиональной идентификации, экс-спортсмен оказывается перед выбором своего дальнейшего жизненного пути.

Специально для изучения вопроса ресоциализации профессиональных спортсменов автором было проведено социологическое исследование методом полуструктурированного интервью. Респондентами являлись нижегородские спортсмены. Среди опрашиваемых (38 человек) были действующие и бывшие спортсмены: участники и призеры Олимпийских игр, мастера спорта международного класса, заслуженные мастера спорта, кандидаты в мастера спорта и 1 человек без вышеперечисленных званий, но участвовавший в соревнованиях областного масштаба. Практически все спортсмены (кроме 2-х человек) описали своё состояние момента ухода из спорта одним словом – «вдруг». Для них эмоциональное состояние, выраженное словом «вдруг» означало, что всё в их жизни закончилось в один миг. И это эмоциональное потрясение – осознание, образно говоря, «конца света»: конца своей карьеры и жизни – погружало их в состояние шока, растерянности. Слово «вдруг» звучало из уст спортсменов как зловещее заклинание, от которого нет спасения. Завершение своей карьеры в спорте экс-спортсмены выражали следующим ассоциативным рядом (из текста интервью): *“харакири”, “жизнь у разбитого корыта”, “никчёмность”, “ты плавал в ванне, а тебя выкинули в море”, “мы как наркоманы, уже не можем жить без спорта”, “не знали забот”, “дело жизни”, “снилось”, “был лидером в стране, в мире и вдруг идти улицу подметать? Я со стыда умру”*.

Безусловно, были те спортсмены, которые говорили: «Как хорошо, что всё это закончилось». Но даже из числа тех, кто выражал явную радость по поводу завершения своей карьеры, тем не менее, они с теплотой и добрыми воспоминаниями отзывались о своих годах, проведённых в спорте. Некоторые спортсмены, уходя из спорта, впоследствии становились успешными бизнесменами, но при этом они охотно возвращались в спорт, пусть и косвенным образом: они бесплатно продолжали работать детскими тренерами. Некоторые продлевают свою жизнь в спорте, участвуя в соревнованиях среди ветеранов спорта. Другие активно ведут общественную работу, выступая в массовых спортивных мероприятиях с целью привлечения детей к занятиям физкультурой.

Отметим, что наиболее трудным, проблематичным переходом из мира спорта в иные сферы трудовой жизни оказывается для тех спортсменов, ко-

торые достигают наиболее высоких вершин в своей профессиональной карьере, в связи с тем, что они полностью и без остатка поглощены своей профессией: тренировочные сборы по 10 месяцев в году, круглогодичный напряженный график соревнований, спортсмен живёт одной целью – достичь результата, попасть в сборную страны и т.д. Соответственно, выдающимся спортсменам сложнее всего выйти из сферы спорта, причём не только ментально, но и физически, поскольку на их организм прекращается воздействие жёстко регламентированного распорядка дня, прекращаются напряжённые физические нагрузки, длящиеся десятилетиями и, в итоге, происходит перестройка организма. Спортсмены в результате воздействия комплекса новых перемен, физиологически почувствовав себя «не в своей тарелке», ментально стремятся вернуться в родную для них стихию спорта. Спортсмены долгие годы жили в состоянии полной самоотдачи в довольно специфическом мире – в мире игрового пространства. Вероятно, в связи с вышеуказанными обстоятельствами оказывается не случайным тот факт, что некоторые из ряда выдающихся спортсменов, среди которых Е. Гамова, Е. Исинбаева, М. Шумахер, несмотря на их публичные заявления об уходе из спорта, через некоторое время снова возвращались в мир спорта.

Безусловно, ресурсами ресоциализации профессиональных спортсменов являются образование, всероссийская или всемирная известность, государственные награды. В дополнение к сказанному хотелось бы предложить ещё один возможный ресурс ресоциализации профессиональных спортсменов, который мог бы позволить «смягчить удар» от пребывания спортсмена в стрессовой ситуации и вывести человека из состояния статусной неопределённости. Предлагаемый ресурс ресоциализации мог бы стать средством пребывания бывших спортсменов в привычном для них пространстве – в пространстве профессионального спорта. И здесь сам собой напрашивается вопрос: какой статус будет занимать спортсмен в мире профессионального спорта, если он уже ушёл из своей профессии? Возможно, ресурсом ресоциализации бывших спортсменов для наиболее плавного перехода из пространства профессионального спорта и до момента нахождения экс-спортсменом себя в новой профессии, могло бы стать приобретение им статуса *паратренера, парамедика* и т.п. Греческая приставка «*пара-*» означает «возле», «в некоторых выражениях означает приближение к какому-либо качеству или состоянию» [2, с. 932-933]. Например, нам знакомы такие выражения как паранормальные явления, параолимпийские игры. Соответственно, смысл явлений или событий с приставкой «*пара-*» означает, что они близки по своему содержанию к корневому выражению, но таковыми не являются. Подобную аналогию предлагается спроецировать на мир профессий. В данном конкрет-

ном случае речь идёт о мире профессий в спорте. Профессиональные спортсмены прекрасно знают все нюансы, тонкости проведения соревнований, они досконально знают всю «кухню» происходящего на спортивной площадке, с какими трудностями приходится сталкиваться участникам соревнований. И до тех пор, пока профессиональный спортсмен не определится с выбором своей дальнейшей профессии или пока у него нет образования, то он мог бы благодаря новым статусам в значении «*пара-*» пребывать в пространстве профессионального спорта, тем самым нивелируя тот резкий переход потери статуса «спортсмен» и то стрессовое состояние, которые сами спортсмены обозначили словом «*вдруг*». В том случае, если у спортсмена есть образование, то он мог бы начать реализовать его на практике и понять, сможет ли он состояться в новой профессии после завершения своей спортивной карьеры.

В результате реализации теоретически предлагаемого автором ресурса ресоциализации профессиональных спортсменов могут оказаться востребованными социальная значимость спортсменов, их профессиональный опыт и, следовательно, человек не окажется в обществе один на один с вновь возникшими перед ним трудностями. В своей работе «О разделении общественного труда» Э. Дюркгейм подчёркивает важность значения социальных связей и роли профессиональных групп [3]. Пребывание бывшего спортсмена в родном для него пространстве профессионального спорта обеспечит ему наличие социальных связей, что, в свою очередь, не позволит спортсмену «выпасть» из мира «органической солидарности», применяя терминологию великого французского социолога.

Безусловно, в постановке вопроса об институционализации новых профессий в сфере спорта возникают вопросы юридического характера в плане оформления и закрепления новых профессий в сфере спорта с приставкой «*пара-*». Но сама жизнь, проблематика ситуации диктует объективную необходимость задуматься о встраивании бывших спортсменов в социальную структуру общества.

Процесс становления и юридического закрепления новых профессий может проходить десятилетиями. Например, в нашей стране до 1991 г. не существовало профессии «социальный работник». Но само время продиктовало востребованность данной профессии, и она была введена на основании Решения № 92 Государственного комитета по труду и социальным вопросам от 23 апреля 1991 г. [4]. Таким образом, социальная потребность привела к юридическому установлению профессии «социальный работник» в Российской Федерации. Институционализация новых профессий может быть длительным, сложным законодательным процессом. Но, как известно, задачи

науки заключаются не в непосредственном решении проблем, а в постановке проблем, актуальных вопросов.

Изучая тему ресоциализации профессиональных спортсменов на базе научных публикаций, кандидатских и докторских диссертаций, мнений самих спортсменов (на основании лично проведенных интервью), автор посчитал возможным вынести на обсуждение научного сообщества данный проект об институционализации новых профессий в сфере спорта, которые могли бы сыграть позитивную роль в качестве одного из ресурсов ресоциализации профессиональных спортсменов.

Литература

1. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 7 апреля 2014 г. N 186н «Об утверждении профессионального стандарта «спортсмен» (Зарегистрировано в Минюсте России 22 мая 2014 г. N 32397) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <www.consultant.ru>. (Дата обращения: 21.07.2014).
2. Вейсман, А.Д. Греческо-русский словарь / А.Д. Вейсман. Репринт пятого издания 1899. М., 1991. 1370 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Пер. с фр. А.Б. Гофмана / Э. Дюркгейм. М.: Канон, 1996. 432 с.
4. Решение № 92 Государственного комитета по труду и социальным вопросам от 23.04.1991 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <<https://ria.ru/spravka/20140608/1010945867.html>>. (Дата обращения: 08. 09.2016).

ГРУППЫ САМОПОМОЩИ: НЕДООЦЕНЕННЫЙ РЕСУРС ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ SOCIAL SUPPORT NETWORKS: THE UNDERESTIMATED RESOURCE OF PUBLIC ASSISTANCE

Н.Ю. Масленцева
*Российский государственный
профессионально-педагогический университет*
N.Yu. Maslentseva
Russian state professional and pedagogical university

Исследована история появления групп самопомощи. Опыт США, Японии и Европейских стран доказывает эффективность данной социальной технологии. Показаны основные принципы идеологии данной формы социальной помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Experience of the USA, Japan and the European countries proves this social technology efficiency. The basic principles of ideology of public assistance to the people who appeared in a difficult life situation are shown.

Ключевые слова: группы интересов, социальные сети поддержки, идеология группы, семьи инвалидов, самопомощь, социальная помощь

Keywords: interest group, social support networks, the ideology of the group, families of persons with disabilities, self help, social assistance.

Опыт социальной работы разных стран свидетельствует о значимой роли групп самопомощи, которые могут иметь различные названия: «группы интересов», «группы взаимопомощи», «социальные сети поддержки», «добровольческая организация», «группы самозащиты». Группой самопомощи является добровольное объединение непрофессионалов, имеющих общие потребности и проблемы, встречающихся время от времени с целью оказания поддержки и обмена информацией. В группах участники обмениваются историями личной жизни, делятся жизненным опытом, стараются понять друг друга, тем самым помогая себе справиться с трудностями и решить конкретные проблемы.

Первые общественные группы самопомощи появляются в США и ряде западноевропейских стран в 40-50-е гг. XX в. В основе идеологии технологии групповой работы лежат принципы участия и социальной активности индивида, мобилизации собственных жизненных ресурсов, а не традиционное ожидание решения от той или иной социальной службы, перекладывание ответственности на государство. В числе первых в Штатах были группы взаимопомощи и поддержки семей больных шизофренией и другими психическими заболеваниями. Члены семьи пациентов, имеющих нарушения психики, оказались наиболее активными в силу разных обстоятельств, но ведущим стало влияние психологии и психиатрии, использовавших в психотерапии практику групповой работы с клиентами (пациентами). Психологи и психиатры были первыми, кто обосновал данную методику содействия решению проблем клиентов и членов их семей [1].

В середине 1940-х гг. в Канаде, Англии, Франции, Скандинавии, Австралии и Новой Зеландии родители детей с ограничением в умственных способностях, психическими заболеваниями и пороками развития изменили своё представление о будущем своих детей и решили обеспечить им иной образ жизни, иное будущее. Но поскольку семьи были изолированы, им было сложно найти друг друга, узнать, кто испытывает аналогичные чувства и потребности. Некоторые семьи размещали объявления в газетах, но СМИ того времени придерживались мнения, что неприлично рекламировать детскую инвалидность и размещать подобную информацию в публичном пространстве. Тем не менее, находящиеся на большом расстоянии друг от друга родители постепенно объединились в первые «родительские движения». Объединившись, они стали поддерживать друг друга и создавать программы для увеличения возможностей своих детей. В конечном итоге они сформировали

Ассоциацию семейного движения, включавшую сотни семей. Усилия родителей-активистов не прошли мимо и для социального законодательства, разработка и принятие Декларации о правах инвалидов – результат активности сообществ инвалидов и членов их семей.

Постепенно организации групп самопомощи стали развиваться во многих странах: в Англии – «Британская ассоциация глухих», "Друзья больных шизофренией Канады" (CFS), «Ирландская ассоциация инвалидного кресла». Каждая из них насчитывает десятки филиалов в разных регионах ЕС. Подобные организации создаются также в Австрии, Франции, Германии, Израиле, Нидерландах, Швеции, Индии, Чили, Южной Африке, Японии и др.

В 1980-е гг. в США, Канаде и Германии по решению правительств создаются информационно-справочные службы с целью содействия группам самопомощи в поиске информации и координации взаимодействия с различными государственными структурами и общественными фондами [2].

Еще одной тенденцией 1980-х стало международное сотрудничество – создание межнациональных социальных сетей, международных сетей групп самопомощи, которое к началу 2000-х обрело транснациональный масштаб, что было отмечено в сводном докладе на проводимых под эгидой ВОЗ конференциях, посвященных теории и практике групповой социальной работе. Опыт семей из Восточной Европы, Японии, Израиля, Гонконга, Великобритании, Германии Новой Зеландии, представленный на научно-практических конференциях, подтвердил роль личного и группового опыта в создании сетей-сообществ обмена опытом и поддержки [3]. Колоссальным ресурсом по распространению доступности сетей для людей с особыми нуждами и их близких стал Интернет, позволяющий расширить возможности коммуникаций и организации подобных сообществ. В Японии с 1990-х гг. неуклонно растет число агентств самопомощи, многие из них называются «центры самостоятельной жизни» для людей с ограниченными возможностями здоровья, с участием специалистов социальной работы (агентов социальных услуг, супервайзеров) помогающих адаптироваться к жизни вне стен интернатных учреждений [4].

В России организации само- и взаимопомощи стали появляться значительно позже. До 1990-х гг. подобную инициативу не одобряли, деятельность организаций инвалидов была строго регламентирована. В 1990-е гг. усилиями родителей-активистов совместно с педагогами, психологами, социальными работниками создали первые группы самопомощи, работающие в области социальной адаптации и реабилитации детей с ограниченными возможностями развития. Именно стремление родителей добиться равных прав для себя и своих детей, получить возможность поддержки сделало первоначально

немногочисленные группы самопомощи важным ресурсом семьи и социальной политики.

Ресурс групп пока не в полной мере используется в нашей стране. Причин много: стереотипы, традиции, пассивность, инертность населения, некомпетентность и проч. Учитывая динамику роста «проблемных групп» и количество специалистов социальной работы, способных помочь человеку, данная технология имеет бесспорный потенциал для реализации по разным основаниям для организации и способна выступить в роли достойного ресурса социальной помощи.

Литература

1. Oka T., Borkman Th. The History, Concepts and Theories of Self-Help Groups: From an International Perspective [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://pweb.sophia.ac.jp/oka/papers/2000/jjot.html>. (Дата обращения: 06.06.2016)

2. Matzat J. & Estorff A. On Support for Self Help Groups at the Local Level. In S. Humble & J. Unell (Eds.), *Self Help in Health and Social Welfare: England and West Germany* (pp. 93-98). London: Routledge, 1989, Селигман М., Дарлинг Р. Обычные семьи, особые дети. Системный подход к помощи детям с нарушениями развития. М.: Теревинф, 2016.

3. Madara E. & White, B. J. On-Line Mutual Support; The Experience of a Self-Help Clearinghouse. *Information & Referral*, 1997. 19, P. 91-108.

4. Riessman F. The "Helper" Therapy Principle. *Social Work* 10, 1965. P. 27-32.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМНОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ И ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ TO THE QUESTION OF SYSTEMIC INTERACTION OF SOCIAL SERVICES AND BODIES OF INTERNAL AFFAIRS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Н.И. Мусина

Нижегородской академии МВД России

N.I. Musina

Nizhni Novgorod Academy of the MIA of Russia

Рассматривается вопрос системного взаимодействия ОВД РФ и социальных служб, затрагивается основа партнерских отношений указанных служб, причины и условия, приоритеты взаимодействия в сфере безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних.

This article addresses the question of systemic interaction of the Russian Federation of police and social services, addressed the essence of the partnership specified services, causes and conditions, the priorities of cooperation in the field of child neglect and homelessness of minors.

Ключевые слова: межведомственное взаимодействие, основы процесса деятельности, нормативно-правовая база, формы взаимодействия, профилактика безнадзорности и беспризорности.

Keywords: interagency cooperation, the basics of process activities, legal framework, forms of interaction, prevention of neglect and homelessness.

В настоящее время актуальным остается вопрос о межведомственном взаимодействии ОВД РФ и социальных служб. Каковы причины и условия установления полноценных партнерских отношений между органами власти и социальными службами?

Проведенный анализ взаимоотношений указанных структур говорит о проблемах создания эффективной системы социального взаимодействия государства и общества. Объективные условия взаимодействия социальных служб с органами внутренних дел заложены в общности целей. Важно отметить, что полиция предназначена для «защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан» [1], незамедлительно приходит на помощь каждому, кто нуждается в ее защите от преступных и иных противоправных посягательств, а также в пределах своих полномочий оказывает содействие организациям независимо от форм собственности в защите их прав [1].

В настоящее время повышенное внимание уделяется профилактике правонарушений и преступлений несовершеннолетних, в частности, вопросам безнадзорности и беспризорности. Что составляет предмет партнерского взаимодействия ОВД и социальных служб в данной сфере деятельности? Базовую идею взаимодействия составляет процесс выявления причин и условий, способствующих возникновению социальных проблем, их анализ, поиск путей решения, выработка конкретных рекомендаций для реализации в практической деятельности каждого объекта указанного процесса, а также непрерывный обмен имеющейся информацией.

Принимая во внимание объективные закономерности развития общества и первые шаги социальной направленности деятельности российской полиции по преобразованию правоохранительного органа в направлении социального обслуживания населения, мы полагаем, что в деятельности российской полиции постепенно будет утверждаться гуманистический вариант ее развития [2]. Среди должностных лиц ОВД РФ распространено мнение, что социальные службы – это организации, предоставляющие населению лишь специфические виды услуг, хотя деятельность социальных служб необходимо рассматривать намного шире. Реализация программы по оказанию поддержки детям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, предполагает сосредоточить усилия на следующих приоритетных направлениях: совершенствование нормативно-правовых актов Российской Федерации по вопросам госу-

дарственной поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации; профилактика семейного неблагополучия, социального сиротства; развитие различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей; социальная интеграция детей, находящихся в трудной жизненной ситуации; защита прав и законных интересов детей; организация отдыха и оздоровления детей; информационное и научно-методическое обеспечение мероприятий по государственной поддержке детей; мониторинг положения детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Правовую основу деятельности по профилактике беспризорности, безнадзорности составляет ряд законодательных актов Российской Федерации, в том числе Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 24.07.1998 N 124-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации", Федеральный закон от 21.12.1996 N 159-ФЗ (ред. от 28.11.2015) "О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», Кодекс РФ об административных правонарушениях и ряд других.

Чтобы взаимодействие не воспринималось участниками как нечто усложняющее работу, а также в целях исключения дублирования функций или перекладывания их на других, необходимо оптимизировать правовые механизмы взаимодействия за счет четкого разграничения прав, обязанностей и ответственности сторон. Важно определить степень участия каждой структуры в решении проблем безнадзорности и беспризорности. Практика показывает, что участники взаимодействия в той или иной ситуации, с субъективной точки зрения, работали хорошо, но за конкретные результаты, имеющие негативные социальные и правовые последствия, отвечать некому. В случае совместной деятельности необходимо наделить структуры соответствующими функциями, полномочиями и средствами, в административном порядке закрепить ответственное лицо, непосредственно ведущее данное направление и несущее персональную ответственность. Немаловажную роль играет обеспеченность участников взаимодействия трудовыми и материальными ресурсами. Должны быть определены финансовые отношения и экономические возможности друг друга. С практической точки зрения, деятельность, направленная на партнерское взаимодействие, должна закрепляться соответствующими законодательными актами, административно-процессуальными документами, договорами о сотрудничестве. Стоит упомянуть, что во многом положительный эффект процесса взаимодействия зависит от личного отношения руководителей, их желаний, возможностей и умения сотрудничать, от го-

товности к изменению привычного алгоритма поведения в профессиональной деятельности. Отсутствие понимания приоритета совместной работы, преследование исключительно собственных потребностей и предпочтений служат одними из основных препятствий в межведомственном взаимодействии.

Норма эффективного взаимодействия должна быть установлена через организацию своевременного обмена информацией о целях и задачах функционирования, планируемой деятельности, принимаемых решениях, ресурсном обеспечении каждой из сторон. Необходимо выработать единый понятийный аппарат, оперировать тождественными категориями, классификациями, типологиями, организовывать работу на согласованных принципах. Все указанное поможет создать единое информационное поле. Установлению взаимопонимания служит совместное проведение совещаний, рабочих встреч, семинаров, круглых столов, конференций с участием в них представителей заинтересованных общественных организаций, средств массовой информации, граждан. Взаимодействие со СМИ должно быть направлено на формирование позитивного имиджа учреждений социальной сферы и служб ОВД РФ, на информирование общественности об основных результатах их совместной деятельности. Обеспечение принципа «обратной связи» с обществом позволяет своевременно корректировать действия и анализировать эффективность их реализации.

Контроль реализации межведомственных программ должны осуществлять координационные советы по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, по работе с семьей. Важно определить взаимодействие на различных уровнях с целью обеспечения комплексного межведомственного подхода и привлечения общественности к решению проблем безнадзорности и беспризорности: областном, городском, районном и т.д. Этот межведомственный консультативно-совещательный орган, состав которого должен формироваться из представителей органов исполнительной власти, педагогов, психологов, общественных организаций, которые принимают участие в решении проблем семей и подростков на официальных или добровольных началах. Для улучшения сложившейся ситуации, для повышения эффективности процесса социальной адаптации безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних, на наш взгляд, необходимо более тесное межведомственное взаимодействие, координация и сотрудничество социальных учреждений, организаций и служб ОВД РФ.

Стоит упомянуть, что элемент информированности для ведения успешной деятельности любых служб крайне актуален, в связи с этим важно выполнить следующее: создать единый банк (базу) данных о несовершеннолетних. В нее

целесообразно включить несовершеннолетних, которые не посещают, систематически пропускают без уважительных причин занятия или не приступивших к занятиям в образовательных учреждениях; о семьях несовершеннолетних, находящихся в социально опасном положении; о беспризорных и безнадзорных, помещенных в детские учреждения всех видов и находящихся в розыске, а также обращать внимание на характер медицинских диагнозов, в частности, психофизиологического типа, имеющих как у несовершеннолетних, так и у родителей (законных представителей). Обязательным для каждой из сторон межведомственного взаимодействия должен стать принцип своевременного (незамедлительного) информирования в случаях изменения или создания новой информации. Необходимо проводить «точечные» рейды по компьютерным и ночным клубам, торговым центрам, местам возможного пребывания несовершеннолетних, особенно, в ночное время. Нельзя подходить к осуществлению намеченных мероприятий с формальной точки зрения. Особое внимание обязательно должно уделяться несовершеннолетним с проявлением различного рода девиаций, с целью выявления подростков, употребляющих спиртные напитки, психоактивные и наркотические вещества.

В заключение подчеркнем, что главной целью межведомственного взаимодействия ОВД РФ и социальных служб должна стать четкая организация совместной деятельности различных специалистов по оказанию социальной, правовой, психолого-педагогической поддержки несовершеннолетних, партнерская форма взаимодействия широкого круга специалистов. Только сообща и при использовании системного подхода можно решать вопросы безнадзорности и беспризорности, оперативной комплексной помощи нуждающимся в поддержке семьям.

Литература

1. ФЗ от 07.02.2011 N 3-ФЗ "О полиции" (ред. от 15.09.2015) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc. (Дата обращения: 04.06.2016).
2. Янбухтин Р.М. Перспективы социальной направленности деятельности российской полиции образованию // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2013. № 11. Ч. 1. С. 208-212.
3. Ульяновченко И.И. Педагогические аспекты социальной реабилитации безнадзорных и беспризорных детей и подростков (На примере работы учреждений социального обслуживания населения): дис. ... канд. пед. наук Ставрополь, 2005, 203 с.

**РОЛЬ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В КОНСТРУИРОВАНИИ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ**
**ROLE OF THE SOCIAL WORKER IN DESIGNING
OF SOCIAL PROBLEMS**

Е.С. Плотникова

Нижегородский институт развития образования

E.S. Plotnikova

Nizhni Novgorod Institute of the Education Development

Рассматривается вопрос конструирования социальных проблем в практической деятельности социального работника. Анализируется роль социального работника в работе с дискриминируемыми группами.

The question of designing of social problems in practical activities of the social worker is considered. The role of the social worker in work with discriminated groups is analyzed.

Ключевые слова: социальный работник, проблематизация, социальная проблема, клиент.

Keywords: social worker, problematization, social problem, client.

Клиентом социальной работы принято считать человека или группу лиц, которые попали в трудную жизненную ситуацию. Данная категория неоднократно анализировалась в отечественной науке. Было проведено большое количество исследований по выявлению проблем «неудобных» клиентов и «барьеров» на их пути к получению услуг социальной работы. Но противоречие между долгом социального работника помочь каждому нуждающемуся и невозможностью реализовать это требование на практике из-за жестких рамок отчетности и ограниченности социальных ресурсов в практической социальной работе существует и в настоящее время.

Во-первых, учреждения социальной защиты принимают позицию властных структур, государства, что иногда противоречит интересам клиентов.

Во-вторых, в случае с данными клиентами социальная работа направлена на поддержание минимального уровня жизни, что ограничивает развитие клиента. В данном случае специалисту важнее правильно и в соответствии со всеми инструкциями написать отчет о том, что были предприняты все необходимые меры и клиент получил все полагающиеся ему пособия.

По новому федеральному закону № 442-ФЗ, 2013 г., гражданин признается нуждающимся в социальном обслуживании в случае, если существуют обстоятельства, которые ухудшают или могут ухудшить условия его жизнедеятельности, и социальное обслуживание основывается на заявительном принципе [1]. Другими словами, в современном российском обществе законода-

тельно закреплена узкая группа клиентов социальных служб (нуждающихся). Как правило, клиентами социальных служб становятся люди с ограниченными возможностями здоровья, престарелые, дети-сироты, асоциальные семьи и т.д. Но такие категории, как несовершеннолетние матери, лица без определенного места жительства, бывшие заключенные не рассматриваются в качестве нуждающихся в социальной помощи. Однако в сложной социально-экономической ситуации особенно важно, чтобы в правоприменительной практике не было различий, а статус у таких клиентов был законодательно закреплён.

Очевидно, что социальные работники в тандеме с учеными играют главную роль в конструировании социальных проблем.

Социальная работа и ее задачи могут представляться как часть социальной политики, поэтому от «мнения» социальных работников зависит уровень оказания помощи дискриминируемым группам, в том числе будет ли продолжаться материальная депривация государством данных клиентов.

Проблематизация – процесс конструирования (создания) социальных проблем, присутствие их на сцене публичных дебатов и выдвижение «утверждений-требований» заинтересованными лицами (агентами, носителями проблемы) к обществу с указанием на негативные социальные условия, требующие их устранения или изменения.

Основоположники конструктивистского подхода М. Спектор и Дж. Китсьюз полагают, что социальные проблемы – это конструкции, создаваемые индивидами или группами посредством выдвижения утверждений-требований (claims-making): члены общества указывают, что существуют негативные социальные условия, и требуют их устранения или изменения [2, с. 537]. Социальная проблема актуализируется через «деятельность индивидов или групп, выражающих недовольство и выдвигающих утверждения требовательного характера относительно некоторых предполагаемых условий» [3, с. 161].

Социальные проблемы конструируются индивидами или группами, привлекающими внимание общественности к тем или иным условиям и выступающими с требованием их изменения.

Т.М. Симонова предлагает выделять две основные группы субъектов: причастных к проблеме и вовлеченных в проблему. Причастные к проблеме – «жертвы» и «носители» [4, с. 68]. К «вовлеченным» относятся индивиды, вынужденные заниматься сложившейся социальной проблемой либо в силу профессиональных обязанностей, либо добровольно, в силу своих интересов. К «профессионалам» относятся администраторы (обязанные принимать решения относительно возникшей социальной проблемы), представители по-

могающих профессий (врачи, социальные работники, юристы, педагоги, психологи и т.д.).

Представители «помогающих» профессий в данном случае могут выступать как в роли «независимых экспертов» по проблеме, так и в роли «заинтересованных агентов», старающихся повлиять на решение проблемы и соотнести его со сферой своих профессиональных интересов.

Найгел Партон (Nigel Parton) анализирует социальную работу с точки зрения конструктивистского подхода, где главную роль играет «интеракция», взаимодействие социального работника и клиента в решении его проблем [5].

Диагностика в конструктивистской социальной работе строится на основе «слушания» и анализа историй клиентов. Конструктивистская социальная работа направлена на поиск позитивных моментов в жизни и опыте клиента. Часто социальные работники отождествляют «клиента» с проблемой: человек – проблема, или в проблеме виноват человек, считают, что эти люди подавлены, безответственны, и им нужно помогать. Напротив, в конструктивной социальной работе есть проблема, а не человек. Проблема определяется вне клиента либо является небольшой частью в его жизни, чаще всего внешней, а большая часть жизни человека в порядке.

Таким образом, социальная работа – «моральная» деятельность, и основные идеи конструктивистской концепции могут послужить для практической деятельности социального работника.

Конструктивисты не утверждают, что смогут решить все проблемы клиентов, но они знают, каким могло бы быть лучшее решение. Внедрение их подходов предполагает, что социальные работники поставят перед своей деятельностью четкие цели, которые являются подходящими для клиента службы.

Н. Партон утверждает, что требования клиентов являются центральными в определении социальных вопросов. Стратегическое использование риторики, например, определение проблемы как «опасной» может послужить принятию решений и необходимых законов.

Специалисты по социальной работе могут выступить с «утверждениями-требованиями» на публичных аренах, привлечь внимание общественности к проблемам клиентов [5].

В настоящее время для данных клиентов и их семей обращение за помощью к специалисту по социальной работе равнозначно признанию своей семьи неблагополучной. Такой стереотип во многом зависит и от имиджа специалиста. Специалисты по социальной работе не заинтересованы в придании им статуса клиента, так как это повлечет за собой дополнительные траты и расходы, что противоречит существующей системе.

В профессии социального работника особенно важно уважение человеческого достоинства, независимо от расы, вероисповедания, гендерной принадлежности, возраста. Специалист по социальной работе обязан оказывать помощь маргинализированным группам с позиции профессионала. Специалисту необходимо повышать свою квалификацию, привлекать новые технологии в работе с разными категориями, быть альтруистом.

Литература

1. Федеральный закон от 28.12.2013 N 442-ФЗ (ред. от 21.07.2014) "Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации" [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения 20.08.2016).
2. Ясавеев И.Г. Конструирование социальных проблем средствами массовой коммуникацией. Казань: Изд-во Казанск. Ун-та, 2004. 200 с.
3. Спектор М., Китсьюз Дж. Конструирование социальных проблем // Контексты современности-II. Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2001. 188 с.
4. Симонова Т.М. Теоретические аспекты изучения социальных проблем // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 65-69.
5. Петрова И.Э. Конструктивистский подход в социальной работе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Вып. 1 (6). 2007. С. 95-103.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ СТАНДАРТОВ ДЛЯ СОТРУДНИКОВ УЧРЕЖДЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ **PROBLEMS AND PROSPECTIVES OF SOCIAL STANDARDS' IMPLEMENTATION INTO SOCIAL WORK INSTITUTIONS**

О.А. Расходова

*Центр социального обслуживания граждан пожилого возраста
и инвалидов городского округа Сызрань*

O.A.Raskhodova

The social service center for the elderly and disabled in Syzran city county

Рассматриваются подходы эффективности деятельности учреждения социального обслуживания при апробации профессиональных стандартов в социальной сфере во взаимосвязи с профессиональной компетентностью специалистов учреждения, их умений, опыта и личностных особенностей.

The paper describes approaches to effective performance of social work institutions following the implementation of professional social standards in their interplay with their staff competences, skills, experience and personal specifics.

Ключевые слова: компетенции, уровень профессионализма, профессиональный стандарт, социальная работа, качество предоставляемых услуг.

Keywords: competences, level of professionalism, professional standards, social work, the quality of provided services.

В настоящее время социально-экономическая ситуация становится все динамичнее. Кардинально изменился рынок труда. Появился новый вид социально ориентированного бизнеса, направленный на поиск и отбор высококвалифицированных специалистов. Интенсивное развитие экономики обусловило необходимость профессиональной мобильности и конкурентоспособности работников. Происходящие изменения в последние десятилетия в социальной жизни выдвигают в число приоритетных проблем оказание помощи, защиты и содействия человеку в его жизненной стратегии со стороны общества. Это обуславливает важность повышения эффективности труда сотрудников социальных учреждений.

Государственная политика в области стратегического развития Российской Федерации основана на инновационном пути развития, а также использовании концепции импортозамещения. Для этого необходимо наличие квалифицированных кадров, отвечающих текущим и стратегическим потребностям национальной экономики.

В нашей стране на протяжении нескольких лет ведется большая работа по созданию эффективной национальной системы квалификаций, отвечающей не только потребностям сегодняшнего дня, но и учитывающей те изменения, контуры которых можно увидеть уже сейчас. Создана и продолжает совершенствоваться нормативно-правовая база, сделаны существенные практические шаги в этом направлении на основе интеграции усилий органов государственной власти, работодателей, профсоюзов и системы образования.

И вот, обсуждавшийся в конце 2014 г. закон принят – 2 мая 2015 г. Президент РФ подписал Федеральный Закон № 122 «О внесении изменений в Трудовой Кодекс Российской Федерации» и статьи 11 и 73 «Федерального Закона «Об образовании в Российской Федерации» [2]. Теперь в первой части 195 статьи Трудового Кодекса РФ говорится о том, что «если настоящим Кодексом, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации установлены требования к квалификации, необходимой работнику для выполнения определенной трудовой функции, профессиональные стандарты в части указанных требований обязательны для применения работодателями». Далее в этой же статье говорится о том, что «характеристики квалификации, которые содержатся в профессиональном стандарте и обязательность применения которых не установлена в соответствии с частью первой настоящей статьи, применяются работодателями в качестве основы для определения требований к квалификации работников с учетом особенностей выполняемых работниками трудовых функций, обусловленных применяемыми технологиями и принятой организацией производства и труда».

Исследование существующей системы оценки квалификаций позволяет сделать вывод, что такая система уже создана в нашей стране, но организована она не по отраслевому, а по региональному принципу – создается региональный центр сертификаций, который на основании ранее принятых отраслевых стандартов или собственных разработок, проводит такую оценку квалификаций.

Отраслевые советы по профессиональным квалификациям, объединения работодателей и крупные работодатели по отдельным отраслям уже многое сделали в этом направлении – от разработки профессиональных стандартов до формирования сети центров оценки квалификаций по всей стране.

Можно сделать вывод, что по инициативе Президента РФ уже построена вертикаль управления кадровым потенциалом страны параллельно органам исполнительной власти. Это свершено новаторский подход к демократизации России.

На данном этапе развития России существует множество социальных проблем, в том числе, касающихся рынка труда. Прежде всего, к ним относят невозможность многих граждан реализовать свои профессиональные знания, найти такую работу, которая позволяла бы иметь достойную заработную плату, развиваться, строить карьеру. Помимо этого, необходимость изучения профессиональных стандартов по социальной работе обусловлена несколькими причинами: во-первых, отсутствием единого стандарта образования, из-за чего обладатели дипломов разных заведений имеют совершенно разный багаж опыта и знаний; во-вторых, возрастанием потребности в высококвалифицированных специалистах по социальной работе, поскольку возрастает спрос населения на получение квалифицированной социальной помощи.

Профессиональный стандарт – нормативный документ, предназначенный для определения должностных обязанностей работников, планирования их профессионального роста, организации профессиональной подготовки и повышения квалификации соответственно развитию требований к качеству и продуктивности услуг, подбору, расстановке и использованию кадров, а также обоснованию принимаемых решений при проведении аттестации руководителей и специалистов [3].

Работодателю профессиональный стандарт является основой для: выбора качественного персонала на рынке труда, поскольку он служит основой для определения критериев оценки при подборе и отборе персонала; обеспечения качества труда персонала; обеспечения профессионального роста персонала; поддержания и улучшения стандартов качества в организации через контроль и повышение профессионализма своих работников; повышения мотивации персонала в своей организации; повышения эффективности, обеспечения

стабильности и качества труда, а, следовательно, высоких экономических результатов.

Профессиональный стандарт необходим и работникам социальных служб, поскольку для них он является основой для: определения собственного профессионального уровня и направлений профессионального обучения и совершенствования; эффективного функционирования в учреждении; обеспечения собственной востребованности на рынке труда, сокращения сроков поиска подходящей работы; карьерного роста и увеличения доходов.

Профессиональные стандарты необходимы и для сферы образования в качестве основы для формирования федеральных образовательных стандартов и образовательных программ всех уровней профессионального образования, разработки методических материалов и выборе форм и методов обучения в системе профессионального образования и внутрифирменного обучения персонала. Без профессиональных стандартов не может быть эффективных образовательных стандартов, в случае отсутствия профессиональных стандартов работодатели не могут реально содействовать разработке эффективных и ориентированных на перспективу образовательных стандартов. Для органов управления образованием профессиональные стандарты создают возможность: сформулировать реальные и измеряемые результаты обучения в системе профессионального образования, планировать объемы и профили обучения, определять траектории обучения в течение всей жизни [2].

Все те проблемы, которые были упомянуты выше, поставили остро вопрос введения профессиональных стандартов, особенно в сфере социального обслуживания населения. С учетом уже имеющегося зарубежного и некоторого российского опыта, в целях решения проблем обеспечения качества рабочей силы и гарантий работникам социальных служб постепенно начинают вводиться профессиональные стандарты, которые представляют собой, по существу, описание квалификационных характеристик для конкретных профессий. В настоящее время Министерство труда и социальной защиты России активно взаимодействует с бизнесом.

В социальной сфере инициативу по разработке и реализации профессиональных стандартов взяла на себя Ассоциация работников социальных служб. Разработка и введение профессиональных стандартов по социальной работе в России поможет решить важные вопросы в сфере управления человеческими ресурсами: стандартизация требований к работникам; достижение высоких результатов социальной деятельности; выбор критериев для подбора персонала; унификация требований к профессиональной деятельности социальных работников (в различных регионах, отделениях); развитие мотивации работников к самосовершенствованию; разработка обучающих программ с

учетом требований рынка труда; оценка качества обучения в соответствии с требованиями работодателей (на основе профстандартов); эффективное управление государственным заказом для системы профессионального образования (определение целей, планирование объемов и профилей обучения).

Другими словами, профессиональные стандарты приобретают ключевое значение, т.к. работодатели должны применять их во всех аспектах своей работы с персоналом.

В соответствии с поручением заместителя Председателя Правительства РФ О.Ю. Голодец в 2013 г. был сформирован перечень специальностей в социальной сфере и разработаны соответствующие профессиональные стандарты работников социальной сферы:

«Психолог в социальной сфере», «Специалист по работе с семьей», «Специалист по реабилитационной работе в социальной сфере», «Социальный работник», «Специалист по социальной работе», «Руководитель организации социального обслуживания», «Специалист органа опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних» и др. А также ряд межотраслевых профессиональных стандартов, применимых к организациям любой формы собственности: «Специалист в области охраны труда», «Специалист по управлению персоналом», «Бухгалтер» и др.

В связи с введением в действие стандартов социального обслуживания населения повышаются требования к деятельности социальных служб, специалистов этих учреждений.

Плюсы применения профессиональных стандартов:

1. Детализированно описывается деятельность специалиста, связывая с ее содержанием требования тех или иных знаний и умений.

2. При введении профессиональных стандартов льготы будут зависеть не от названия должности, а от функционала сотрудника, его профессионализма.

3. Произойдет соотнесение российских специальностей и международных требований.

4. Исключается дублирование трудовых функций по должностям.

5. Работодатели получают качественные критерии для оценки персонала, с помощью которых они смогут контролировать профессионализм работников, повышать качество их работы, ее эффективность и безопасность.

6. Профессиональные стандарты помогут решить проблему кадрового дефицита, «настроить» систему образования на требования рынка труда.

7. Профессиональные стандарты унифицируют трудовые функции – работник будет лучше знать круг своих задач и обязанностей.

Профессиональные стандарты призваны заменить Квалификационные справочники (Тарифно-квалификационные справочники работ и рабочих

профессий (ЕКАТЭС) и Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих. В справочниках описано свыше 7,5 тысяч профессий и должностей, при введении профессиональных стандартов их останется чуть более 2000 (план). Профстандарты включают более укрупненные характеристики квалификационных требований по сравнению с теми, что используются в справочниках, поэтому более универсальны.

Данные изменения затронут каждый элемент организационной архитектуры и регулирования социально-трудовых отношений организации и рабочего места и изменят рынок труда и образование институционально.

Профессиональные стандарты станут одним из элементов системы контроля за качеством рабочей силы. Внедрение их создаст необходимые условия для совершенствования системы как аттестации персонала организаций (контроле со стороны государства), так и формирования системы независимой сертификации (контроля со стороны бизнес-сообщества). Предлагаемый механизм взаимосвязи рынка труда и образования позволит проводить подготовку квалифицированной рабочей силы, соответствующей новым экономическим условиям.

При едином подходе к применению профессиональных стандартов в государственных учреждениях и СО НКО работодатели смогут оценить и повысить профессионализм своих работников, активизировать их мотивацию, добиться повышения эффективности и качества труда, а образовательные организации профессионального образования скорректировать федеральные образовательные стандарты и образовательные программы всех уровней профессионального образования, разработку методических материалов и выбор форм и методов обучения в системе профессионального образования и внутрифирменного обучения персонала.

Литература

1. Федеральный закон № 122 от 02.05.2015 г. «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации и статьи 11 и 73 Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации"».
2. Указ Президента Российской Федерации № 597 от 07.05.2012 г. «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».
3. Указ Президента Российской Федерации от 16.04.2014 г. №249 «Положение о Национальном совете при Президенте Российской Федерации по профессиональным квалификациям».
4. Постановление Правительства РФ от 22 января 2013 г. № 23 «О Правилах разработки, утверждения и применения профессиональных стандартов».
5. Блинов В.И., Батрова О.Ф., Есенина Е.Ю., Факторович А.А. Профессиональные стандарты: от разработки к применению // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 5-13.
6. Холостова Е.И. Профессионализм в социальной работе: Учебное пособие. 2-е изд. М., 2007.

**ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ НКО В СОЦИАЛЬНОМ ОБСЛУЖИВАНИИ
НАСЕЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО НОВГОРОДА**
**PROBLEMS AND RISKS OF NONPROFIT ORGANISATIONS
IN SOCIAL SERVICE ON THE EXAMPLE OF NIZHNI NOVGOROD**

А.В. Соболева, Ю.А. Пузарова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Soboleva, Y.A. Puzarova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Приводятся основные результаты исследования проблем и рисков социально ориентированных некоммерческих организаций в социальном обслуживании населения. Предлагаются рекомендации для привлечения некоммерческих организаций на рынок социальных услуг.

In this article the authors present the results of a study on the problems and risks of socially oriented non-profit organizations in social services the population. Also, the researchers suggest recommendations for attracting non-profit organizations in the market of social services.

Ключевые слова: социально ориентированные некоммерческие организации, социальное обслуживание, разгосударствление социальной сферы.

Keywords: socially oriented non-profit organization, social services, denationalization of social sphere.

До недавних пор конкуренция в области оказания социальных услуг была развита крайне слабо. Некоммерческие организации способны конкурировать с государственными учреждениями чаще всего в крупных городах. На сельских территориях конкуренция в области предоставления социальных услуг практически отсутствует в связи с тем, что там крайне мало альтернативных поставщиков социальных услуг. Необходимо отметить, что наиболее успешно конкуренция развивается в тех сферах, где существует платежеспособный спрос населения. В тех отраслях социальной сферы, где получатели услуг неплатежеспособны, конкуренция между поставщиками услуг находится на низком уровне. Данная ситуация требует привлечения новых организаций на рынок социальных услуг.

В настоящее время происходит разгосударствление социальной сферы и передача функций по предоставлению социальных услуг некоммерческим организациям. В соответствии с новым ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» негосударственные некоммерческие организации входят в систему социального обслуживания населения [1].

Предыдущим законом определялось, что социальные услуги должны предоставляться государственными и муниципальными органами. Однако с 2015 г. оказание социальных услуг может осуществляться социально ориентированными некоммерческими организациями. Данный процесс позволяет увеличить ассортимент услуг, повысить доступность и качество социального обслуживания населения. Функционирование негосударственных организаций будет способствовать реализации конституционного права граждан на пользование социальными услугами так же свободно, как, например, медицинскими, образовательными, независимо от места проживания – в городе или на селе [2].

Реформа социальной сферы направлена на развитие конкурентной среды между НКО и государственными учреждениями. Однако поднимается вопрос готовности НКО к расширению деятельности на рынке социальных услуг. Участники процесса разгосударствления социальной сферы сталкиваются с различными проблемами, которые препятствуют выходу НКО Нижнего Новгорода на рынок социальных услуг.

С октября 2015 по май 2016 гг. было проведено авторское социологическое исследование «Проблемы и риски НКО в социальном обслуживании населения на примере Нижнего Новгорода». В ходе исследования было проведено полуформализованное интервью 14 специалистов нижегородских некоммерческих организаций.

Гайд интервью содержал три блока: оценка собственной роли в социальном обслуживании населения: отличие деятельности некоммерческих организаций от деятельности государственных учреждений; отношение представителей некоммерческих организаций к процессу разгосударствления; основные риски и барьеры некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг.

Можно начать с того, большинство представителей некоммерческих организаций отмечают большой потенциал НКО в социальном обслуживании населения. Респонденты утверждают, что НКО имеют более гибкий персонализированный подход к клиенту. Для государственных учреждений характерен более формальный подход к клиенту. Кроме того, клиенты некоммерческих организаций не должны подходить под государственный перечень, что позволяет адаптировать услугу в зависимости от предпочтений клиента и изменения его жизненных обстоятельств. Некоммерческие организации обладают свободой в выборе услуг и определении объема этих услуг. *«Расскажу такой пример: человек приехал из Украины. У него нет ни статуса беженца, ни документов по инвалидности, оформленных для нашей страны. У него есть только нелегитимные документы. ...государственное учреждение либо*

не может взять клиента, либо может взять только на платной основе. НКО может подойти к этому индивидуально. У НКО это проектные деньги и нам все равно, какой потребитель к нам придет»(Ж,41). Государственные учреждения имеют типовой набор услуг, Некоммерческие организации не имеют жесткого регламента обладают свободой в выборе услуг и определении объема этих услуг. *«..приходит ребенок и 30 минут капризничает. Ребенок включается в работу только через 30 минут. В этом случае мы имеем возможность со следующим клиентом поговорить и сдвинуть занятие. Понятно, что и в хороших государственных учреждениях так делают, но они все равно зажаты в эти рамки»(Ж,50).*

Анализ собранных интервью показал, что некоммерческие организации закрывают тот пласт услуг, которые государство не оказывает или не справляется с ним. *«Есть редкие детские заболевания, с которыми рождаются. Например, это может быть муковисцидоз. Создаются НКО, которые решают такие проблемы и восполняют этот пробел» (Ж, 39).* Основной проблемой, которая мешает реализации деятельности некоммерческих организаций, является недостаточность финансовых средств. Недостаточность финансовых ресурсов сказывается на возможности оказывать качественные социальные услуги: *«Нет финансовой стабильности, поэтому если у нас есть деньги, то мы поставяем услугу, а если нет денег, то нам приходится туго»(Ж, 51).*

Большинство экспертов положительно относятся к процессу разгосударствления социальной сферы. Респонденты считают, что привлечение некоммерческих организаций к предоставлению социальных услуг позволит им получить финансовую стабильность и устойчивость организации. *«Поставка социальных услуг для нас – это независимость от субсидий, грантовых средств и пожертвований. Это очень важная реформа, так как некоммерческие организации получают перспективы для долгосрочного развития»(Ж, 51).*

Однако осведомленность НКО о процессе разгосударствления достаточно низкая. Некоммерческие организации обладают невысокой активностью по продвижению себя в качестве поставщиков социальных услуг. Многие некоммерческие организации занимают выжидательную позицию. *«Если честно, то мы не очень готовы. Мы не пытались попасть в реестр поставщиков социальных услуг, потому что мы хотели бы посмотреть на более опытных коллег». «Если рассматривать НКО как поставщиков социальных услуг на бюджетные деньги, то тут все еще сложнее, потому что не все НКО готовы это делать. К этому сейчас готова, может быть, 1/10 доля всех НКО» (Ж, 39).*

Социально ориентированные некоммерческие организации сталкиваются с различными проблемами при выходе на рынок социальных услуг. Одной из главных преград на пути к успешному предоставлению услуг в рыночных реалиях является законодательное обеспечение процесса. Существуют некоммерческие организации, оказывающие редкие услуги, которые законодательно не закреплены и для которых не предусмотрено федеральное и муниципальное финансирование. *«Мы оказываем услуги по сопровождаемому проживанию, но в перечне услуг такого вида услуги нет. Мы не знаем, как перейти от той услуги, которая у нас есть, к той, которая требуется»*(Ж, 52). Кроме того, некоммерческие организации могут оказывать стационарные услуги, полустационарные услуги или услуги на дому. Однако, заявляясь на определенный пакет услуг, организация не может выполнять их избирательно. Таким образом, государство готово работать с НКО в качестве поставщиков услуг, если последние предоставляют весь комплекс услуг по определенной проблеме, как и государственные учреждения. *«Я считаю, что НКО никогда не будет работать так, как работают государственные муниципальные учреждения социальной сферы. Мы должны видеть в НКО альтернативного поставщика социальных услуг и давать им возможность не так комплексно предоставлять социальную помощь и не закрывать им дорогу, если они не могут предоставить весь комплекс»* (Ж, 52).

Представители некоммерческих организаций не уверены, что они смогут работать в новых условиях. Эта неуверенность объясняется рядом причин. Представителей некоммерческих организаций волнует вопрос возмещения стоимости оказанных услуг. *«НКО не торопятся включаться в реестр, потому что не знают, сумеют ли по тем тарифам, которые рассчитываются на оказание услуг, обеспечить качество этих услуг»*(Ж, 52). *«Я слышала, что оценка стоимости услуг НКО очень маленькая, поэтому наше участие зависит от того, каково будет возмещение стоимости социальных услуг»*(Ж, 46).

Еще один значимый аспект заключается в том, что оказание социальных услуг требует от некоммерческих организаций более высокого уровня развития. Привлечению некоммерческих организаций к социальному обслуживанию мешает инфраструктурная обеспеченность. *«Есть инфраструктурные недостатки, нехватка специалистов. Когда у нас было обсуждение расширения клиентской базы НКО, многие представители НКО говорят: «Дай Бог нам обработать запросы своей клиентской базы». Нам мешает недостаточная инфраструктурная обеспеченность»*(Ж, 35).

Следующий аспект заключается в недостаточной идентификации деятельности некоммерческих организаций с социальными услугами, так как многие

организации привыкли заниматься проектной работой. *«До этого НКО занимались только проектной деятельностью, которая ограничена по времени. Реализация проекта – это все-таки не оказание услуг. Это организация деятельности на определенный период» (Ж, 35).* *«Наша организация – одна из старейших организаций, но только сейчас мы перестали работать интуитивно, по наитию, а стали отрабатывать свои методики работы. То есть опыт, который нами был наработан, стал переходить на новый качественный уровень. Мы сами стали понимать, что наша деятельность – это социальные услуги, а не просто какое-то времяпрепровождение» (Ж, 50).*

Следующим опасением некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг является усиление бюрократических процедур, потери творческой свободы и гибкости. *«Соблюдение отчетностей, все эти бумаги – это ужасно. Все государственные структуры погрязли в этой отчетности, каких-то безумных показателях. Мы являемся творческими людьми, которые ушли из системы. Многие из нас не могут работать в этих строгих рамках» (Ж, 49).*

Исходя из результатов исследования, можно сделать вывод, что на данном этапе социально ориентированным некоммерческим организациям необходима информационная поддержка со стороны ресурсных центров. Отсутствие системы обучения и поддержки, недостаточная информированность, низкий уровень взаимодействия с региональными органами власти являются барьером для некоммерческих организаций при выходе на рынок социальных услуг. Ресурсным центрам необходимо информировать социально ориентированные некоммерческие организации о требованиях, которые предъявляются к поставщикам социальных услуг, о действиях для успешного выхода некоммерческих организаций на рынок социальных услуг. Кроме того, необходимо развитие социально ориентированных некоммерческих организаций, в частности повышение профессионального уровня, развитие кадрового потенциала, имущественная поддержка. Важно отметить, что требуется создавать условия для упрощенного доступа некоммерческих организаций к предоставлению услуг в социальной сфере.

Литература

1. Федеральный закон РФ № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Правовой портал «Консультант Плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru. (Дата обращения: 09.07.2016).
2. Воловая Е.В. Развитие конкуренции на рынке социальных услуг / Е.В. Воловая, О.В. Асмус // Вестник Чувашского университета. 2012. №2.

**ВОЛОНТЁРСТВО КАК ФАКТОР ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННОГО
ВОСПИТАНИЯ В КАЗАХСТАНЕ**
**VOLUNTEERSHIP AS A FACTOR FOR SPIRITUAL DEVELOPMENT
IN KAZAKHSTAN**

А. Хамзина

Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова

А. Hamzina

Sh. Ualikhanov Kokshetau State University

Рассматривается волонтерство как образовательный ресурс, фактор формирования и передачи социального, духовно-нравственного опыта и ценностей.

The paper describes volunteership as an educational resource, a factor of creation and transmission of social, spiritual experience and values.

Ключевые слова: волонтерство, образование, духовно-нравственное воспитание, ценности.

Keywords: volunteership, education, spiritual upbringing, values.

Пока не обретишь идею, ничего не обретишь.

Н.А. Назарбаев

В современных условиях в образовательной системе Казахстана возрастает необходимость интеграции в учебно-воспитательный процесс разнообразных инновационных форм работы с учащейся молодежью, направленных на развитие ценностных мировоззренческих установок и формирование активных, ответственных и компетентных граждан Казахстана. Одним из наиболее эффективных и целесообразных средств формирования у учащихся социального опыта и воспитания гуманности, морально-нравственных ценностей является волонтерство как инновационный воспитательный подход [1]. Главной стратегической целью развития волонтерского движения в учреждениях образования является объединение усилий учащейся молодежи и общественности в решении проблем гуманизации молодежной среды и оказании всесторонней социально-психологической помощи и поддержки нуждающихся категорий граждан. Волонтерство как идея социального служения почти столь же древняя? как и понятие «социум». История человечества не помнит такого общества, которому были бы чужды идеи добровольной и бескорыстной помощи.

Под термином «волонтерство» понимается неоплачиваемая, сознательная, добровольная деятельность, направленная на достижение социально значимых целей, решение проблем сообщества. Волонтером может быть любой

человек, желающий посвятить свое свободное время добровольному труду, а также обладающий таким качеством, как ответственность. Институт волонтерства распространен во многих странах, становясь все более значимым педагогическим ресурсом развития общества [2].

В советский период благотворительность и добровольчество в Казахстане, как и во всех входящих в состав СССР республиках, инициировались директивами, исходящими из Центра. Негосударственные формы активности населения не приветствовались, хотя в каждой советской республике помощь обездоленным имела свои особенности. Благотворительность из общественно не регламентируемого явления превращается в государственное. Основным видом социальной поддержки в СССР становится помощь в форме социального обеспечения и социального страхования. В советское время наиболее известными видами добровольной помощи были ее коллективные формы.

К числу коллективных форм благотворительности относятся инициативы, исходившие не только от взрослого населения, но также и школьников, рабочих и студенческой молодежи. Индивидуальные, частные проявления благотворительности были менее выражены, хотя и не исключались.

Социологическое исследование, проводимое в Пензе на тему: «Отношение к добровольческой деятельности студенческой молодежи города Пенза», ещё раз подтвердило, что и по сей день волонтерская деятельность вне зависимости от места нахождения является основой духовно-нравственного воспитания человека. В опросе приняли участие студенты 4-5 курсов специальностей «Социальная работа» и «Психология» факультета ФППиСН ППИ им. В.Г. Белинского. Вопросы анкеты были посвящены отношению и заинтересованности студентов в добровольческой деятельности, участия в ней, а также информированности молодых людей об организациях, способствующих развитию добровольческой деятельности. Выборка состояла из 28 студентов в возрасте от 21 до 23 лет, из которых 13 молодых людей и 15 девушек.

На первый вопрос о безвозмездном оказании помощи другим людям положительный ответ дали (74%) респондентов. Основными видами оказываемой помощи: «Помощь советом, поддерживать морально, психологически» (56%), «Помощь в домашних делах» – 20%. Приятно, что 68% учащихся уже принимали активное участие в волонтерской деятельности г. Пензы. Молодые люди в процессе учебы постоянно взаимодействуют с волонтерскими организациями и сами принимают участие в добровольческих акциях, поэтому назвать самую известную некоммерческую организацию города Пензы их не затруднило. По мнению 55% студентов это Благотворительный фонд «Покров», следом, по мнению 34% «Молодежный многофункциональный

центр», затем уже Региональный Фонд «Милосердие» он знаком 10% респондентам.

Интересно было узнать мнение студентов о причинах медленного развития волонтерского движения в России. Почти половина (43%) респондентов хотели бы принимать активное участие в волонтерской деятельности, но из-за отсутствия необходимой информации и без поддержки со стороны государства это не совсем возможно. Анализируя заключительный блок вопросов анкеты, можно сделать следующий вывод: 63% осуществляли волонтерскую деятельность, будучи участниками спортивных, культурно-массовых мероприятий, 24% при прохождении практики в ВУЗе, 13% являются постоянными участниками волонтерских отрядов. В основном помощь оказывалась 45% – «Родственникам», 27% – «Друзьям», 13% опрошенных помогали коллегам и однокурсникам. Данные результаты позволяют говорить о том, что безвозмездная помощь оказывается в основном в ближайшем социальном окружении студента и редко бывает направлена на незнакомых людей. Почти все население г. Пензы информированы о деятельности волонтеров. На вопрос: «О каких добровольческих акциях, проводившихся на территории города Пензы в 2014-2015 гг., Вы знаете?» Ответ респондентов показал, что самой известной акцией города стала «Весенняя неделя добра» (51%). Акция «Ветеран живёт рядом» знакома лишь (40%) студентам.

Волонтерство как социально-педагогический феномен зародилось в США, где уже в 19 в. волонтеры обеспечивали функционирование различных некоммерческих организаций. В 1920 г. во Франции, под Страсбургом, был осуществлен первый волонтерский проект с участием немецкой и французской молодежи, в рамках которого волонтеры восстанавливали разрушенные 1-й Мировой войной фермы в районе мест наиболее ожесточенных боев между немецкими и французскими войсками. С тех пор волонтерство успело набрать силу и приобрести популярность во всем мире. Динамика развития волонтерства стала наиболее заметна в конце XX в.

Волонтерство рассматривается как форма гражданского участия в общественно полезных делах, способ коллективного взаимодействия и эффективный механизм решения актуальных социально-педагогических проблем. На 11-м конгрессе Международной ассоциации волонтеров в Париже 14 сентября 1990 г. была принята Всеобщая декларация волонтеров, в которой определены смысл, цели и основные принципы движения волонтеров в мире. Декларация написана в соответствии с Всеобщей Декларацией Прав Человека 1948 г. и Международной Конвенцией о Правах Ребенка 1989 г. и исходит из принципа, что «любое лицо имеет право свободного объединения в мирные ассоциации». Волонтеры рассматривают свою деятельность как инструмент

социального, культурного, экономического и экологического развития [3, с. 9].

Благотворительность, милосердие, добровольчество являются фундаментальными историческими традициями, свойственными народу Казахстана. Их проявление встречались еще в древности, а с приходом в среду кочевников мусульманства стали систематическими. Как отмечает К.В. Ерофеева в своем исследовании «Традиции волонтерства в кочевом обществе казахов (XVI-начало XX вв.)», распространенной являлась всемерная поддержка сородичей и соплеменников скотом, продуктами и бытовыми предметами, необходимыми для их жизнеобеспечения, в случаях стихийных бедствий и других чрезвычайных происшествий. Совершались добровольные пожертвования в пользу родственников при потере ими кормильца и в других неблагоприятных ситуациях, тенденции волонтерства возрастали в военной сфере и социально-политической жизни кочевников. «Защита, покровительство, помощь своим сородичам, отмечал известный востоковед Б.Я. Владимирцов, были основными обязанностями рода».

«Асар» обычно объявлялся как для оказания помощи в сфере производства, так и для создания предметов домашнего быта и материальной культуры, при строительстве зимовок, осуществлении разного рода церемоний и ритуалов. С просьбой о помощи главным образом обращались те казахские семьи, которые нуждались в дополнительной рабочей силе. Под воздействием различных политических и культурно-исторических факторов во второй половине XIX в. благотворительность в Казахстане получает свое бурное развитие.

По мере развития в Казахстане капиталистической системы хозяйствования на первое место среди благотворителей и меценатов выходят представители торгово-промышленных кругов, которые активно поддерживали образование, науку, просвещение, искусство [3, с. 10]. Наряду со всеми этими организациями, в конце XIX в. в Казахстане начали возникать общества, главной задачей которых было оказание помощи своим членам. Можно констатировать, что волонтерская традиция имеет в казахском обществе глубокие исторические корни. Основу их составляли различные формы групповой помощи и, прежде всего «асар», т.е. инициированная снизу организация материальной поддержки и трудового содействия своим сородичам, складывавшиеся в недрах традиционной социальной организации кочевников. Под воздействием тенденций модернизации экономической и социально-культурной жизни казахского общества волонтерство заметно эволюционировало со временем [4, с. 7].

За годы независимости Казахстана волонтерство получило качественно новое развитие. Характерно, что волонтерская деятельность инициировалась общественными объединениями без участия государственных органов управления. В начале 90-х гг. наиболее массовым стало антиядерное движение «Невада-Семей», в котором приняли участие сотни волонтеров. Появились добровольные объединения воинов-афганцев, чернобыльцев, матерей-одиночек и других, которые активно оказывали благотворительную помощь своим членам, а также проводили обучение волонтеров в оказании помощи нуждающимся.

Второй этап развития волонтерства в Казахстане, начавшийся с середины 90-х гг., связан с появлением в крупных городах Казахстана международных фондов, которые осуществляли грантовую помощь неправительственным организациям, в составе которых работали и волонтеры – это Каунтерпарт Консорциум, Фонд Евразия, Фонд Фридриха Эберта, Европейский Союз и многие другие. В РК появились международные волонтерские организации, привлекающие волонтеров из-за границы. Например, Программа Корпуса Мира стала осуществляться в Казахстане с 1993 г. В это же время начинает действовать Программа Добровольцев ООН. С 1999 г. начала свою работу Волонтерская Служба за Границей (VSO) [5, с. 7].

В г. Кокшетау при Кокшетауском Государственном Университете имени Ш. Уалиханова на кафедре психологии, педагогики и социальной работы функционирует волонтерское движение «Доброе сердце». Оно является добровольным молодежным объединением студентов и магистрантов специальностей «Социальная работа» и «Психология». Данное направление развивает у молодых специалистов профессиональные компетенции и нравственные качества. За год своего существования волонтерское движение провело три сезонных акции: «Подготовка к Зиме», «Утепляем окна» и «Подготовка к Весне». В ноябре 2014 г. волонтерское движение «Доброе сердце» заняло 1-ое место в области за лучший реализованный волонтерский проект. «Доброе сердце» планирует развивать своё движение не только на городском уровне, но и региональном и государственном.

Таким образом, хочется ещё раз подчеркнуть значимость и роль всей волонтерской деятельности в любой стране и отметить, что каждый человек должен вносить свою лепту в развитие родного города, страны, и волонтеры в этом случае не исключение.

Литература

1. Лыгина М.А. Методологические основы реализации воспитательной функции социальной работы // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009. № 16. С. 10-17.

2. Левдер И.А. Добровольческое движение как одна из форм социального обслуживания // Социальная работа. 2006. № 2. С. 35-38.
3. Великанова Е.В., Григорьев И.Н. Волонтерское движение как основа формирования здорового образа жизни современной молодежи // Библиотеки и информационные ресурсы в современном мире науки, культуры, образования и бизнеса: 11-я Междунар. конф. "Крым 2004": Тр. конф. М., 2004. [Электронный ресурс]. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Лыгина М.А. Волонтерское движение – новое направление первичной профилактики наркомании / М.А Лыгина // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2008. № 11. С. 15-18.
5. Аргынов А.Х., Жумаканова Р.А. Пособие по развитию волонтерской деятельности учащихся организаций образования / А.Х. Арганов, Р.А. Жумаканова. Алматы: Научно-информационный центр гражданского образования, 2009. 190 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БИЗНЕС-ТРЕНЕРА/КОНСУЛЬТАНТА КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЯ
СОЦИОНОМИЧЕСКОЙ (ПОМОГАЮЩЕЙ) ПРОФЕССИИ
PROFESSIONAL CARICATURISTS OF BUSINESS
COACH / CONSULTANT AS A REPRESENTATIVE
OF A SOCIONOMY (HELPING) PROFESSION**

В.Л. Шичков

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

V.L. Shichkov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются основные черты профессии бизнес-тренера/консультанта как представителя помогающей профессии. Автор раскрывает проблему формирования новой профессии, относящейся к социономическому типу, в современных экономических условиях России. В частности, выделяются основные профессиональные качества и мотивы бизнес-тренера/консультанта.

This paper describes the basic caricaturists of business coach/consultant as a representative of a helping profession. The author reveals the problem of forming a new socionomy profession in the modern economic conditions in Russia. In particular, the author allocates the main business coach/consultant competences and motivations.

Ключевые слова: социономическая (помогающая) профессия, просоциальная активность, бизнес-тренер/консультант, эмпатия.

Keywords: socionomy (helping) profession, pro-social activity, business coach/consultant, empathy.

С распадом Советского Союза и сменой политико-экономического строя в 1991 г. России необходимы были качественная переоценка недавних ценностей и утверждение новых принципов функционирования в стремительно меняющихся экономических условиях.

Стал зарождаться российский бизнес, имевший «догоняющий» и «копирующий» характер развития. На отечественный рынок пришли западные компании, принеся с собой отработанные десятилетиями технологии ведения бизнеса в условиях капиталистической системы. Это, в свою очередь, начало менять рынок рабочей силы, на котором стали появляться такие профессии, как менеджер, супервайзер, мерчендайзер, торговый представитель, маркетолог, IT-специалист и т.д.

Изменения коснулись и профессий социономического (помогающего) типа, в которых процесс деятельности основывается на общении типа «человек – человек» [1]. Деятельность в профессиях социономического типа ориентирована на других людей (или их группы), которые обладают собственной активностью, оценивают, содействуют (или противодействуют) действиям субъекта труда.

В результате наряду с традиционными помогающими профессиями, такими как врач, психолог, педагог, социальный работник, в начале 1990-х гг. в России стали появляться и активно развиваться профессии бизнес-тренера, тренера личностного роста, коуча, специалиста по обучению и развитию персонала, консультанта по развитию и внедрению организационной культуры предприятия и т.п.

Отнести эти профессии к группе социономических позволяют следующие критерии: цель деятельности (например, обучение, управление, контроль, оценивание); средства деятельности (невербальные и вербальные формы, непосредственные и опосредованные контакты); условия труда (социально-психологические), а также функции, осуществляемые работником [2].

К тому же сущность вышеназванных профессий соответствует особому типу взаимодействия – «помогающему поведению». По мнению К. Роджерса, помогающими следует называть отношения, в которых одна из сторон намеревается оказывать помощь другой стороне в развитии, личностном росте, умении ладить с другими людьми и лучшей жизнедеятельности [3].

Рассмотрим содержание деятельности бизнес-тренеров/консультантов, объектом усилий которых так же, как и врача или психолога, является человек, обратившийся за помощью.

В современном российском обществе бизнесмена не привыкли воспринимать в качестве человека, которому требуется помощь. Такие люди считаются успешными, и, скорее, от них ожидают поддержки и ресурсов.

Однако это поверхностный взгляд. Человек, владеющий или управляющий бизнесом, несет на себе груз огромной психологической и материальной ответственности. Он возглавляет общность людей, и от того, насколько хорошо будут организованы межличностные связи сотрудников, будет ли отлажен

рабочий процесс, выстроена понятная система обучения и соподчинения, создан комфортный микроклимат внутри компании, зависят психологическое состояние всех работников и, как следствие, производительность компании и устойчивость ее на рынке.

Этот неполный круг задач и призван решать бизнес-тренер/консультант. Социономические профессии характеризуются отсутствием единых и жестких требований к самому процессу и продукту труда, соответственно, успешность деятельности бизнес-тренера/консультанта во многом определяется психическими особенностями его личности.

К профессиональным качествам можно отнести: эмоциональную устойчивость, эмпатию, рефлексивность, наблюдательность, внимательность, быстроту принятия решения, организаторские и коммуникативные способности [4, с. 188].

В.В. Милакова отмечает, что «базовой» характеристикой, «фундаментом» помогающей профессии является просоциальная активность личности, берущая начало в обыденной, повседневной жизни, однако успешно преобразовавшаяся через комплекс мотивов в профессиональную деятельность» [5].

Однако у некоторых исследователей есть опасения, что современные экономические условия в России могут привести к ухудшению работы специалистов социономических профессий. Так, Н.В. Кочетков обращает внимание, что деятельность настоящего профессионала обязательно включает в себя «компоненты научной компетентности и добродетели», при этом стремление увеличить число клиентов для получения наибольшей материальной выгоды будет приводить к снижению качества оказываемых услуг [6].

Безусловно, основным мотивом специалиста помогающей профессии, в том числе бизнес-тренера/консультанта, является внутреннее побуждение, основанное на стремлении помочь другому человеку и сделать этот мир «светлее и чище». И, на наш взгляд, данное утверждение не вступает в противоречие с размером внешней, материальной мотивации специалиста помогающей профессии.

В этом случае при становлении капиталистической системы хозяйствования в России деньги могут служить мерой компетентности профессионала. Насколько хорошо бизнес-тренер/консультант сможет установить психологический контакт с клиентом (прежде всего руководителем компании), понять круг тревожащих его проблем, проникнуться его стремлениями и мыслями, настолько эффективна будет его помощь и соразмерна плата за труд.

Список социономических профессий на современном рынке труда в России расширяется. Рыночный механизм работы и регуляции сферы помогающих профессий предъявляет новые требования к специалистам, в ней заня-

тым, и предполагает изменение их сознания и основ жизненного уклада. Однако в основе труда этих профессионалов по-прежнему должна быть нацеленность на достижение общественных идеалов: высокое качество жизни, благополучие, здоровье, получение образования, развитие личности и т.д. Специалист, не соблюдающий данный мотивационный посыл, перестает быть представителем помогающей профессии и дискредитирует ее.

Литература

1. Климов Е.А. Некоторые психологические проблемы подготовки молодежи к труду и выбору профессии // Вопросы психологии. 1985. №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.voppsy.ru/issues/1985/854/854005.htm#_ftn1. (Дата обращения: 28.03.2016).
2. Андреева О.В. Особенности профессиональной деятельности и психологического состояния представителей соционимических профессий // Оренбургский государственный университет, 2015. [Электронный ресурс]: <http://elib.osu.ru/handle/123456789/983>. (Дата обращения: 28.03.2016).
3. Соционимические профессии («Человек – Человек») [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rabotaenisey.ru/atlas/human-human>. (Дата обращения: 28.03.2016).
4. Сорокоумова С.Н., Исаев В.П. Специфика профессиональной деятельности специалистов помогающих профессий // Педагогическое образование в России. 2013. №4. С. 186-190.
5. Милакова В.В. Психологические особенности профессионального самоопределения будущих специалистов помогающих профессий соционимического типа: автореферат. дисс. на соискание уч. степ. канд. психол. наук: 19.00.13 Волгоград, 2007. 30 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/pomer19.php/. (Дата обращения: 28.03.2016).
6. Кочетков Н.В. Помогаящие профессии в новых экономических условиях / Н.В. Кочетков // Скепсис. 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_3322.html. (Дата обращения: 28.03.2016).

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КОУЧИНГА В СИСТЕМЕ РЕСУРСО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ PROBLEMS AND PERSPECTIVES OF COACHING IN THE SYSTEM OF RESOURCE-ORIENTED USAGE OF SOCIAL NETWORKING SITES

А.В. Щекотуров

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.V. Shchekoturov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются проблемы и перспективы коучинга, направленного на обучение ресурсоориентированному использованию социальных сетей, таких как «ВКонтакте» или «Фейсбук». Исследование проведено на основе анализа

мнений родителей несовершеннолетних детей о преимуществах и недостатках социальных медиа.

The article is about problems and perspectives of a coaching aimed at teaching resource-oriented usage of such social media as “VKontakte” or “Facebook”. The study is based on analysis of opinions of parents of underage children about advantages and disadvantages of social media.

Ключевые слова: социальные сети, «VKontakte», коучинг, онлайн риски, ресурсы социальных медиа.

Keywords: social networks, “VKontakte”, coaching, online risks, resources of social media usage.

По данным Следственного комитета РФ по Омской области, в группах социальной сети «VKontakte», подталкивающих несовершеннолетних к совершению суицидов, администратором, скрывающимся под псевдонимом Ева Рейх, является 13-летняя школьница из Омска [1].

Пожалуй, это самое острое свидетельство того, что подросток, оставленный на просторах Интернета без должного внимания, контроля и досмотра со стороны родителей, способен как организовывать деструктивные группы, так и оказываться под влиянием различных делинквентных объединений.

До сих пор в отечественной общественной науке и практике многие вопросы о взаимоотношениях родителей и детей по поводу современных технологий остаются нерешенными. Например, что делать, если дети с раннего возраста могут пользоваться социальными сетями и иметь безграничный доступ в Интернет; как выстраивать воспитание в семье, где цифровые технологии составляют жесткую конкуренцию родителям.

Реальность такова, что дети знают о социальных медиа больше, чем большинство современных родителей. Недостаток знаний порождает страх и неуверенность в разговорах с детьми. В настоящее время назрела необходимость в проведении мероприятий, направленных на повышение цифровой грамотности родителей и их подготовленности к актуальным и конструктивным воспитательным действиям в отношении собственных детей, активно пользующихся Интернетом и электронными гаджетами [2].

С 2015 г. автором проводятся серии тренингов для родителей несовершеннолетних детей. С 2016 г. организована открытая группа «Smart-родитель: воспитываем детей в цифровую эру» в социальных сетях «VKontakte»¹ и «Фейсбук»² с целью обогащения знаниями по ресурсо-ориентированному ис-

¹ https://vk.com/smart_roditel

² <https://www.facebook.com/groups/286035471766305>

пользованию социальных сетей, гармонизации внутрисемейных отношений и сохранению семьи в кибербезопасности.

Задачи данной статьи – провести анализ вопросов, которые волнуют современных родителей, сформулировать проблемы и обозначить перспективы коучинга (от англ. *coaching* – метод тренинга, в процессе которого человек, называющийся «коуч», помогает обучающемуся достичь неких конкретных целей) по безопасному и эффективному использованию социальных сетей.

В качестве источников информации были использованы:

1) статья «Новой Газеты» под названием «Группы смерти» [3] и первые 168 комментариев 70 пользователей к ней [4];

2) рефлексия непосредственных участников тренингов 2015 г.

Статья «Новой Газеты» и комментарии её читателей были выбраны для анализа, так как, во-первых, была затронута одна из самых острых проблем использования подростками социальных сетей, во-вторых, развернувшаяся дискуссия не оставила равнодушным не одно поколение родителей о пользе и вреде Интернета и социальных сетей в контексте социализации подростков. Мнение родителей, непосредственных участников тренинга, позволило увидеть и оценить реальные проблемы, с которыми может столкнуться коуч.

В результате анализа данных были определены причины, проблемы и различные пути их решения, которые были предложены читателями «Новой Газеты», большинство из которых обозначили себя родителями несовершеннолетних детей:

Таблица 1

Причины и проблемы онлайн рисков с вариантами решения

Причины	Проблемы	Стратегии	Альтернативные решения
Отсутствие внимания со стороны государства	Насилие и жестокость в компьютерных и онлайн играх	1. Приобщение к религии; 2. Замалчивать тему вреда Интернета, дабы не получить еще больше негативных последствий	1. Активно обсуждать и изучать данную проблему
1. Отсутствие надежды на будущее в стране с плохой экономикой; 2. Отсутствие внимания со стороны государства; 3. Неразвитость доступной досуговой инфраструктуры для несовершеннолетних детей	1. Пропаганда суицида; 2. Пропаганда порнографии	1. Усилить надзор за подростком и его времяпрепровождением в Интернете; * 2. Заблокировать доступ к Интернету и социальным сетям; ** 3. Присутствие оплачиваемых государством специалистов в подростковых группах социальной сети «ВКонтакте»; 4. Пересмотреть следственную практику и ужесточить наказание в УК РФ по статье «Доведение до суицида»;	1. Не придерживаться тотального контроля над поведением подростка в социальных сетях; * 2. Не блокировать Интернет и социальные сети, а участвовать в жизни ребенка **

		5. Замалчивать тему суицида и вреда соц. сетей, дабы не получить еще больше негативных последствий	
Непонимание многих мотивов поведения подростка	Непоследовательное воспитание	Воспитание, основанное на жалости к родителям. Например, говорить детям, что у родителей слабое здоровье ***	Не манипулировать сочувствием ребенка ***

Данная таблица показывает, что читатели «Новой Газеты» видят небольшое количество проблем в использовании социальных медиа и Интернета. Их тревоги сконцентрированы в основном в области пропаганды девиантного поведения в Интернете и неспособности выстроить актуальную стратегию воспитания. Среди причин обозначенных проблем преобладает бездействие государства. Самыми дискуссионными вариантами решения проблемы стали: контролировать детей в Интернете или нет, запрещать или разрешать им пользоваться социальными сетями и как стоит выстраивать воспитание в цифровую эпоху. Удивительно, но среди современного поколения родителей не поднимается вопрос ни о роли общественных организаций, ни о роли школы и прочих учреждений в социализации несовершеннолетних детей.

В связи с тем, что дискуссии, обозначенные звездочкой, возникают и в ходе живого тренинга с родителями, имеет смысл проиллюстрировать популярные мнения цитатами из комментариев к статье:

«Где меньше надзора – там больше бардака» (Ольга П.) [4]*

«Тщательный надзор может быть над ребенком, пока он ходит в детский сад. А потом он постепенно ослабевает и становится просто невозможен, а в лучшем случае – не нужен. Тотальный, неослабевающий контроль растит человека слабого, безынициативного, подверженного всевозможным влияниям, неспособного на сопротивление» (Валентина С.) [4]*

«Статья для родителей – чтобы заблокировали детям контакт и все. И вообще этот помоечный контакт надо закрыть – то порнография там, то суицид» (Ирина В.) [4] **

«Тупо блокировать социальные сети, совершенно не нужно. Это всё равно, что сказать – не надо выходить на улицу, там одни маньяки и извращенцы. Невозможно изолировать человека от мира, но лучше просто его подготовить к нему» (Максим Ф.) [4] **

«Подросток может очень искренне притворяться... Конечно, нужно проверять группы в соц. сетях, следить, с кем дружит, любить и уделять внимание, но этого мало. Кроме этого, говорите ребенку, что у вас слабое здоровье или больное сердце. Дети ведь думают, что взрослые сильнее их, отсюда и их эгоизм... Только из этого рождается забота и ответственность... Сделайте,

чтобы ребенок почувствовал ответственность за слабое здоровье мамы, это чувство сможет конкурировать в нем с посторонними квестами и заданиями» (София П.) [4] ***

«Мерзкая манипуляция. Когда ребенок поймет, что мама – артистка, доверять ей перестанет совсем» (пользователь по имени Сова) [4] ***

Мы видим, что мнения участников обсуждения во многом расходятся, каждый комментирующий приводит свои аргументы, ссылаясь на собственный повседневный опыт. Эти и многие другие противоречия приходится решать тренеру на групповых занятиях. К дополнительным проблемам можно отнести:

– незнание родителями как основ настроек веб браузера и безопасного использования Интернета, так и разновидностей рисков и угроз глобальной паутины;

– нежелание решать проблемы системно. Например, ограничение времяпрепровождения подростка за компьютером, игнорируя тот факт, что он продолжает неразлучно и бесконтрольно жить с телефоном (многие модели целиком заменяют компьютер);

– пропасть между родительскими представлениями о молодежной культуре и тем, что она на самом деле из себя представляет. Как, например, в статье «НГ» описывается, что разрисованные шрамы на руках погибшей дочери мама посчитала за молодежную моду, не придав этому должного значения [3];

– отсутствие последовательного и современного подхода к воспитанию;

– ориентация на решение вопроса здесь и сейчас, словно по мановению «волшебной палочки»;

– преимущественно радикальнонегативное отношение к социальным сетям в комплексе с нежеланием учиться извлекать из них пользу, чтобы помочь своим детям использовать Интернет в конструктивных целях.

Несмотря на все сложности в работе коуча, у тренингов есть ряд существенных преимуществ и перспектив:

1. Только активно вовлекаясь в решение проблем друг друга и выполняя задания ведущего тренинга, участники приобретают уверенность в том, что подростковый возраст – это не столько период естественной потери близкой связи с ребенком, сколько этап формирования взрослых, партнерских и не менее доверительных межпоколенных отношений в семье.

2. Работа в группе решает и такую распространённую проблему, как акцентирование на следствии, а не на причине конфликта.

3. Благодаря работе коуча, построенной на принципах фасилитации (от англ. facilitate – облегчать, способствовать) и эмпаурмента (от англ. empower-

erment – придание внутренней силы), каждый участник выстраивает собственную цифровую стратегию воспитания с учетом семейных интересов, ценностей и традиций, возраста детей, а также возможностей, которые предоставляют современные цифровые технологии.

В заключение подчеркнем, что коучинг по ресурсоориентированному использованию социальных сетей показывает, что в настоящее время наблюдается полярное отношение родителей к социальным медиа и цифровым технологиям, что в итоге воплощается во фрагментарном и непоследовательном воспитании детей. Родители осознают свою беспомощность в силу своей цифровой неграмотности, усиления роли Интернета и повышения компьютерной компетенции своих детей. В связи с этим основные функции по безопасной социализации ребенка в сети Интернет они готовы возложить на государство. Перспектива коучинга в том, что он позволяет родителям взять ситуацию в свои руки, заслужить авторитет и доверие детей и, как следствие, сохранить эмоциональную связь в семье и обеспечить ей кибербезопасность.

Литература

1. В Омске в ходе доследственной проверки по сообщению из СМИ установлена личность пользователя сети Интернет под ником Ева Рейх [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://omsk.sledcom.ru/news/item/1041873/>. (Дата обращения: 18.08. 2016).
2. Щекотуров А.В. Социальная сеть «ВКонтакте»: риски виртуальной социализации подростков // Социокультурные корни насилия в современном обществе. Н. Новгород: Издательство НИСОЦ, 2013. С. 211-216.
3. Мурсалиева Г. Группы смерти // Новая Газета, 2016. Вып. 51 от 16.05. 2016.
4. Мурсалиева Г. Группы смерти [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.novayagazeta.ru/society/73089.html>. (Дата обращения: 18.08. 2016).

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТОВ
СИСТЕМЫ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ДОКЛАДЫ

**ВРАЧ И БОЛЬНОЙ В ПОЛЕ МЕДИЦИНСКОЙ ПРОФЕССИИ:
ЭТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**
**THE PHYSICIAN AND THE SICK IN THE FIELD OF MEDICAL
PROFESSION: ETHICAL-PSYCHOLOGICAL ASPECTS**

Д.А. Изуткин

Нижегородская государственная медицинская академия

D.A. Izutkin

Nizhni Novgorod State Medical Academy

Рассматриваются вопросы специфики взаимоотношений врача и больного с точки зрения «образов» больных, которые врач «создает» в процессе данного общения. Выделяются такие «образы», как «Чужой», «Другой», «Коллега», «Друг». Дается характеристика каждому из указанных «образов» и указываются особенности рефлексий врача и больного в этих ситуациях. Подчеркивается необходимость комплексной оценки врачом каждого конкретного больного как индивида.

Questions of specifics of the relationship between the physician and the sick from the point of “images” which the physician “creates” in the process of this communication are regarded in the article. Such “images” as “Strange”, “Another”, “College”, “Friend” are highlighted. Characteristic of each of the “images” mentioned and peculiarities of reflexes of the physician and the sick in these situations are provided. The necessity of complex assessment by the physician of every concrete sick as an individual is undermined.

Ключевые слова: врач, больной, образ, «Чужой», «Другой», «Коллега», «Друг», индивид.

Keywords: physician, sick, image, “Strange”, “Another”, “College”, “Friend”, individual.

Проблемное поле медицинской профессии как помогающей, включает специфические и разнообразные субъект-объектные отношения. В этом плане взаимоотношение врача и больного является особой сферой межличностных коммуникаций, где роль и функции врача не ограничиваются исключительно рамками оказания медицинской помощи. Традиционные и кате-

горичные представления о враче как субъекте и пациенте как объекте в настоящее время требуют своего переосмысления и, в определенной степени, переоценки. Динамичное развитие и роль медицины как «социального института», с одной стороны, и как сферы человеческой деятельности – с другой, ставят под сомнение многие устоявшиеся стереотипы, в частности, о функциональных обязанностях врача по отношению к пациенту. Например, принцип «Уважение к автономной личности пациента» ставит врача в некую двусмысленную ситуацию, т.к. это связано с определенным ограничением «поля» его профессиональной деятельности и ответственности за принятие тех или иных решений. Аналогичным образом обстоит дело с такими принципами, как «не навреди» и «делай благо». В частности, что такое «благо», с точки зрения врача и больного? Насколько сходно и различно врач и пациент воспринимают возникшую медицинскую ситуацию, исходя из поставленных целей и задач?

В этой связи установление диалога, основанного на определенных этических принципах, адекватной психологической связи между врачом и больным, акцентируют внимание не только на гуманных ценностях медицины, они должны оцениваться в единой системе характеристик врача и больного, в которой такие дефиниции, как «врач понимающий» и «врач чувствующий» не менее важны, чем «врач знающий» и «врач мыслящий». Когда пациент говорит, что «мой врач *хороший*», он, помимо прочего, неизбежно вкладывает в это понятие и *морально-нравственное* содержание. С другой стороны, в данной системе существенное значение имеют и характеристики пациента, совокупность которых формирует в сознании врача определенный *социально-психологический образ* конкретного больного. Раскроем эти образы (и ожидаемые рефлексии врача относительно каждого образа) на примере четырех типов больных: больной как «Чужой», «Другой», «Коллега» и «Друг».

С идеальной точки зрения, изначальные элементы этико-психологического характера в общении врача и больного должны предшествовать проведению конкретных медицинских вмешательств. Отсюда, именно первый контакт с больным часто имеет первостепенное значение.

Интерпретация врачом личности пациента как «Чужого» более основана на социально-культурных критериях и ставит последнего в позицию «незнакомца», от которого можно ожидать «все, что угодно». «Чужой» в восприятии врача – это не просто пациент с оригинальной системой норм, ценностей и принципов. Это человек, мировоззрение которого и установки по отношению к собственной болезни непонятны для врача, т.к. не вписываются не только в его медицинские знания и представления, но и социально-культурное пространство. Между врачом и пациентом наблюдается т.н. социально-

культурная асимметрия. Это «непонятное» может породить целую гамму рефлексий врача, начиная с ментального отторжения и кончая банальным страхом перед подобным больным. Отсюда, оценка врачом данной ситуации часто переносится из сферы рациональных медицинских суждений в область психоэмоциональных переживаний. В свою очередь, больной, исходя из иерархии ценностей и менталитета, присущих его субкультуре, также может не принимать позицию врача. В итоге, это может формировать не только психологическое, но и социальное дистанцирование между врачом и больным. Таким образом, психологическая «неприемлемость» врачом «Чужого» и проблемы, которые здесь могут возникать, часто выходят за рамки чисто медицинского «поля» и проецируются более в сферу их социальных отношений. Поведение «Чужого» как автономного пациента может быть непонятно для врача, но оно имеет вполне определенное объяснение. Для «Чужого» согласие или несогласие с врачом, чаще всего, не является серьезной проблемой. Он принимает или не принимает рекомендации врача, как правило, не вступая при этом в длительный диалог или обмен мнениями.

Больной как «Другой» для врача есть человек инакомыслящий. Ментальность данного больного как в целом, так и в рамках сложившейся медицинской ситуации, как правило, отличается от суждений и представлений врача. Даже их принадлежность к единому социально-культурному пространству, зачастую, не позволяет найти консенсус по тем или иным вопросам. Однако, в отличие от ситуации с больным как «Чужим» в данном случае на первый план выступает различие интеллектуального характера, что заставляет обе стороны проявлять определенную интеллектуальную терпимость по отношению друг к другу в попытке выработать взаимопонимание. «Необъяснимое» в поведении больного как «Другого» заставляет врача быть психологически мобильным, а выбор им путей к достижению взаимопонимания должен отличаться значительной вариабельностью. В целом, взаимоотношения врача и больного как «Другого» носят достаточно сложный и, иногда, противоречивый характер. Возможно, главной проблемой для врача здесь является вопрос о том, как в общении с этим больным достичь некоего баланса в соотношении чувственного и рационального, интеллектуального и повседневного. Автономное поведение пациента как «Другого», скорее всего, также будет отличаться пестрой гаммой рефлексий по поводу своей болезни и данных рекомендаций и, возможно, требовать длительного и обстоятельного диалога с врачом.

Общение врача и больного как «Коллеги» предполагает максимальную «открытость» во взаимном обмене информацией, т.к. предполагается, что обе стороны «сотрудничают» в достижении общей цели, которой может быть вы-

здоровление, ослабление физического страдания, восстановление профессиональных навыков и др. Эта модель взаимоотношений обязывает врача и больного выработать определенные «правила» сотрудничества, основанные, в частности, на доверии друг к другу и правдивости сообщаемой информации. На первый взгляд, данный «формат» наиболее полно соответствует принципам гуманности и уважения прав пациента, а также снижает психоэмоциональную напряженность между врачом и больным. Но подобный «паритет» ставит под сомнение 1. статус врача в обществе; 2. статус врача по отношению к больному. Вопрос о том, кто в данном общении играет ведущую роль, остается открытым, ибо абсолютное равенство сторон в процессе медицинского вмешательства абсурдно в своей основе, а, следовательно, в реальности недостижимо. Помимо этого, как правило, в общении между врачом и больным существуют ряд объективных «барьеров», препятствующих достижению «коллегиальности» (религиозные, этнические, субкультурные, психологические, финансовые и др.). В конечном счете, готовность пациента следовать врачебным рекомендациям (т.н. compliance) основывается не только на максимальном доверии больного врачу, а включает целый спектр рефлексий и оценочных суждений. «Коллегиальность» также противоречит принципу «автономии пациента», т.к. в данном случае последний в той или иной степени теряет свои права на самоопределение и самоограничение.

Больной как «Друг» – наиболее редкий случай позиционирования больного врачом. Если даже допустить возможность «дружбы» в общении врача и больного, это неизбежно поставит целый ряд проблем: 1. статуса врача в обществе; 2. статуса врача среди своих коллег; 3. медико-психологической самооценки врача как представителя своей профессии; 4. самоограничения врача в его уважении к самости больного. В целом, восприятие врачом больного как «Друга» в значительной степени снижает независимость и критичность его клинического мышления, что, в итоге, может привести к абсурдным, а, подчас, и ошибочным решениям. Принцип «автономии пациента» в данном случае также во многом теряет свой смысл.

Врач в общении с пациентом как представитель одной из помогающих профессий формирует определенный образ последнего, который может не всегда совпадать с «Я образом» самого больного. И здесь на первый план выступает не только прагматизм знаний и рационализм суждений врача. Существенное значение приобретают умение и способность врача к абстрактному и конкретному мышлению, видению больного как индивида, как неповторимой личности, основанные на его эмпирическом и этическом опыте.

**СЕСТРИНСКО-ПАТРОНАЖНАЯ СЛУЖБА РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН: ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ,
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ**
**NURSE CARE SYSTEM IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN:
PROSPECTIVES OF CREATION, FUNCTIONING
AND DEVELOPMENT**

М.Г. Петрушков

*Поволжский государственный технологический университета,
г. Йошкар-Ола*

M.G. Petrushkov

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola

Рассматривается история и основы сестринской патронажной службы, современное состояние ее развития в России и условия ее развития в Республике Таджикистан.

The paper looks into the history and basics of nurse care system, its contemporary state in Russia and the conditions needed for its development in the republic of Tajikistan

Ключевые слова: сестринская патронажная служба, церковь, милосердие, благотворительная лечебная помощь.

Keywords: nurse care system, church, mercy, charitable medical help.

История сестринской патронажной службы уходит корнями в далекое прошлое и связана с ранними этапами развития человека и человеческого общества. Судя по исследованиям антропологов и историков, в эпоху матриархата именно женщина как глава рода заботилась не только о питании, поддержании очага, но также о благополучии и здоровье своих сородичей. Не изменяется эта гендерная роль и при переходе от матриархата к патриархату. В древнейших памятниках письменности сохранились имена женщин-врачевательниц.

Именно поэтому, большую популярность, особенно в профессиональных кругах, получило высказывание о сестринском деле, утверждающее, что это самая юная наука и самое древнее искусство.

Расцвет сестринско-патронажного дела связан с возникновением и развитием христианства, изменившем характер гендерных отношений и ролей в обществе, и определившим новые ориентиры социального служения как такового: помощь больным, прокаженным, отверженным, страждущим становится священным долгом каждого добропорядочного христианина.

Более того, церковь проповедует, что спасение в загробной жизни будет зависеть от хорошего обращения друг с другом в этой жизни. По мере утвер-

ждения христианства как государственной религии в Европе именно христианская церковь берет на себя заботу о немощных и больных. Основными «лекарями» становятся священники и монахи, которым помогают дьякониссы (женщины, часто из знатных фамилий и даже особы царского рода), а основными «лечебными учреждениями» – храмы.

В византийских христианских монастырях в обязательном порядке создаются богадельни и убежища-кельи для больных, которые с XI в. стали называться больницами, а в странах Европы госпиталями. В XI в. во многих городах Германии и Нидерландов были созданы общины женщин и девиц, называвших себя бегинами. Они также занимались уходом за больными. Такие общины сохранялись до XX в.

Справедливости ради нужно сказать, что за больными и умирающими ухаживали не только женщины. Во времена Крестовых походов (XII в.) появились военизированные медицинские ордена, например, тевтонских рыцарей. Члены ордена святого Лазаря в Иерусалиме посвящали себя уходу за прокаженными. Получил большую известность основанный крестоносцами в Палестине духовно-рыцарский орден госпитальеров, с XII в. появляются духовные попечительства о больных – госпитальные братья и сестры. Орден «Братьев милосердия» был основан в 1540 году в Испании. Община св. Елизаветы («Елизаветинки») существовала с XIII в. в Германии.

Благотворительная лечебная помощь на Руси появилась в XI в., с созданием богаделен и убежищ-келий при монастырях. В 1070 г. в Киево-Печерском монастыре была открыта богадельня-убежище-дом во имя св. Стефана для проживания нищих, слабых, хромых, слепых и прокаженных. Такое же заведение было открыто в 1091 г. Переславским епископом Ефимом. Осуществляли уход за калеками и больными монахи. После принятия христианства при монастырях стали создаваться «больничные палаты». Некоторые так и назывались – больничными, например, монастырь Федора Студита в Москве. Николай Святоша в 1142 г. построил в Киеве монастырь, именуемый в летописях «больничным».

Со времен княжения Константина Всеволодовича Мудрого (1216-1218) представители княжеского рода стали посещать больных. В 1551 г. на Стоглавом соборе было решено устроить богадельни для прокаженных. Больные должны были призреваться за счет вкладов царя, митрополита и монастырей. В 1715 г. по указу Петра I были созданы воспитательные дома, в которых должны были служить женщины, а в 1803 г. была выдвинута идея о создании службы «сердобольных вдов», которая и явилась прообразом патронажной службы.

Предыстория развития сестринского дела как науки и искусства ухода за больными в Европе самым тесным образом связана с христианской религией.

Термин "сестра милосердия" был предложен французским священником Викентием Полем, который в 1617 г. организовал первую общину сестер милосердия. Спустя 24 года в рамках общины была создана специальная школа по обучению сестер. В развитии сестринского дела в странах Европы в XIX веке большую роль сыграла деятельность выдающейся личности, англичанки Флоренс Найтингейл (1820-1910), автора работ «Заметки о госпиталях», «Заметки о сестринском деле», «Как надо ухаживать за больными» и многих других (медалью с изображением Флоренс Найтингейл награждают за особые заслуги отличившихся медицинских сестер во всем мире).

Наибольших успехов в развитии сестринского дела в XIX-XX вв. добились США, где впервые была создана Американская Медицинская Ассоциация. (АМА). В 1873 г. в США открываются первые три сестринские школы по модели школ Ф. Найтингейл в Лондоне, а с 1877 г. начата подготовка патронажных сестер по уходу за больными на дому.

В настоящее время сестринско-патронажная служба существует в преобладающем количестве стран мира и является очень весомым подспорьем для системы здравоохранения и социальной поддержки населения.

Трудно переоценить значение для обеспечения достойного ухода за хроническими больными, инвалидами, недееспособными, больными онкологическими заболеваниями в терминальной стадии и т.п. сестринско-патронажной службы в странах, испытывающих дефицит специализированных заведений, типа хосписов, и профессионального среднего медицинского персонала.

Подобная ситуация, к сожалению, характерна для большинства стран постсоветского пространства, в частности для России и Таджикистана.

На протяжении последних десяти лет обеспеченность населения России средним медперсоналом неуклонно снижается. Согласно данным Министерства Здравоохранения РФ, обеспеченность населения России средним медперсоналом в 2008 г. составила 94,2 на 10 тыс. человек; в 2010 г. – 93,6 на 10 тыс. человек; в 2011 г. – 92,6 на 10 тыс. человек. И, увы, имеет дальнейшую тенденцию снижения.

Ситуация в Республике Таджикистан катастрофичнее: на 8,5 миллионов жителей чуть более 43 тыс. профессиональных средних медицинских кадров, следовательно, обеспеченность населения Таджикистана средним медперсоналом в среднем 52 медсестры на 10 тыс. человек. Для сравнения, в Великобритании на 10 тысяч населения приходится 128 медсестер, в Канаде – 101 медсестра, в США – 94 медсестры.

Необходимо отметить, что количество инвалидов в Республике Таджикистан составляет более 146 тыс. человек, и имеется четко выраженная тенденция увеличения количества инвалидов, ВИЧ-инфицированных, онкологических больных, больных активными формами туберкулеза, немощных стариков и больных с хроническими заболеваниями.

Ситуацию в Республике Таджикистан усугубляет ряд проблем, существующих как в сфере здравоохранения, так и в общем в стране. Среди ведущих: тяжелое экономическое состояние страны, недофинансирование существующих программ здравоохранения и социальной защиты населения и отсутствие средств для внедрения новых программ, связанных со стратегическим поворотом здравоохранения Таджикистана к интегрированной модели первичной медико-санитарной помощи, основанной на семейной медицине.

Несмотря на помощь доноров и усилия Правительства Республики Таджикистан, финансирование сектора здравоохранения составляет 1,9% от ВВП, что значительно меньше, чем в 1991 г. (4,5%). Сложившийся уровень финансирования не в состоянии снять груз проблем, накопившихся за последние два десятилетия.

По оценкам, свыше 70% общего объема финансирования приходится на выплаты из личных средств населения, лишь 16% на бюджетные ассигнования и примерно 14% взносы доноров. По данным органов статистики, в структуре затрат населения доля трат на лекарства и медобслуживание составила 10,3%, что более, чем в 3 раза, превышает затраты на образование.

Платежи населения носят в основном неформальный характер и, в силу этого тяжело контролируемы. Малообеспеченные граждане Таджикистана не защищены от непосильных финансовых тягот в случае серьезного недуга. Уровень платности слабо связан с качеством оказываемой помощи. Приходится констатировать очень тревожную тенденцию: вклад домохозяйств (населения) в финансирование сектора здравоохранения в неформальном порядке (в виде платежей напрямую работникам сектора здравоохранения) как оплата за полученную услугу или предоставление лекарственного препарата стремительно увеличивается с каждым годом.

Непростую ситуацию усугубляет дефицит медико-социальных учреждений, способствующих уменьшению затрат населения на лечение, потока больных для госпитализации, сокращению койко-дней, таких как дневные стационары, стационары «одного» дня, хосписы, центры амбулаторной хирургии, дома сестринского ухода, службы патронажной помощи и др.

Реабилитация и адаптация больных-хроников и инвалидов, паллиативная помощь тяжелобольным и неизлечимым пациентам в терминальной стадии, будучи неотъемлемыми атрибутами социально ориентированного государ-

ства, важнейшими факторами облегчения мук и страданий пациентов, скорейшего возвращения их в строй, создания условий для полноценной жизни, увы, пока не стала реальностью в Республике Таджикистан.

Не меньшую тревогу вызывает ситуация с обеспечением лечебных и лечебно-профилактических учреждений республики средними медицинскими кадрами. Несмотря на то, что подготовка средних медицинских и фармацевтических кадров осуществляется в 4 медицинских колледжах и 10 медицинских школах страны (18514 студентов, выпускников – 3632), количество ежегодно выпускаемых средних медицинских кадров с учётом имеющегося дефицита кадров, особенно в сельской местности, высокого уровня трудовой миграции, реформы сектора здравоохранения и прироста населения не может покрыть потребности страны и требует увеличения ежегодного плана приёма абитуриентов в средние медицинские учебные заведения.

Даже поверхностный анализ состояния кадрового потенциала здравоохранения Республики Таджикистан выявляет ряд недостатков в планировании, подготовке и управлении кадровыми ресурсами: диспропорция в распределении медицинских кадров, отсутствие методов планирования согласно потребностям, несовершенная система медицинского образования, низкий уровень заработной платы и мотивации для повышения качества работы, низкие показатели доезда специалистов до мест назначения, отсутствие чётко спланированного штатного расписания в учреждениях, невысокие управленческие навыки руководителей медицинских учреждений, отсутствие данных о масштабах миграции медицинских работников за рубеж и т.д.

В настоящее время Таджикистан делает очень нужные и важные шаги на пути преодоления этих проблем, идут системные преобразования и внедряются многообразные инновации в объединённом секторе здравоохранения и социальной защиты населения, в финансировании которых принимают участие 24 донорских международных организаций, реализующих более 31 проекта.

Основной упор пока при этом делается на поддержке инфраструктуры учреждений здравоохранения и закупке медицинского оборудования, профилактике и борьбе со СПИДом, туберкулёзом, улучшении репродуктивного здоровья, здоровья матери и ребёнка, предотвращении инфекционных заболеваний. Усиление человеческого потенциала, внедрение сестринско-патронажной службы, хосписов, программ реабилитации финансируются, увы, по остаточному принципу.

Хотя, в соответствии с реформой здравоохранения в Республике Таджикистан приоритетными задачами являются: дальнейшее развитие системы «семейной медицины», укомплектование сельских «домов здоровья» практику-

ющим средним медицинским персоналом (в отсутствие врача), увеличение роли и функциональной значимости среднего медицинского персонала в выхаживании и реабилитации больных в стационарах, и, *самое главное*, на наш взгляд, *развитие новых социально-медицинских служб, в частности домов (сестринского) ухода за престарелыми и служб социально-медицинского патронажа инвалидов и больных в терминальной стадии.*

Несмотря на то, что парламентарии, эксперты и специалисты здравоохранения и социальной защиты населения ставку делают на развитие института «семейной медицины», приходит понимание, что именно длительная мотивационная поддержка должна стать главным направлением лечебно-профилактической помощи, осуществляемой под руководством врача семейной медицины, но с обязательной опорой на семейно-бытовую среду и местное социальное окружение пациентов-хроников.

Главенствующую роль в этом должны сыграть советы общинного здоровья при джамоатах, коллективная самоорганизация людей с родственными проблемами и интересами (астма-школы, клубы больных диабетом и гипертонией, клубы здорового образа жизни в школах, клубы самореабилитации лиц с алкогольной и наркозависимостью, клубы пенсионеров), хосписы, дома (сестринского) ухода за престарелыми и сестринско-патронажная служба Республики Таджикистан, которая должна быть создана в ближайшие годы.

Литература

1. Ахмедов А. «О концепции реформы медицинского и фармацевтического образования в Республике Таджикистан».
2. Назаров Дж., Ахмедов А., Махкамов К.К. «Некоторые аспекты подготовки среднего медицинского персонала». 2014.
3. Егорова О.Ю. Организация служб паллиативной помощи. М., 2007.
4. Здоровье 2020. Основы европейской политики и стратегия для 21 века. ВОЗ. 2013.
5. Концепция реформы Республики Таджикистан. Людские ресурсы здравоохранения. 2002.
6. Медпортал. Обеспеченность мед. сестрами в России.
7. Мезенцева Е. Гендерное равенство в сфере укрепления здоровья и доступа к медицинским услугам.
8. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 28.06.2001 г. №320 «О внесении изменений и дополнений в Концепцию реформы медицинского и фармацевтического образования в Республике Таджикистан».
9. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 01.11.2004 г. №423 «О Концепции реформы медицинского и фармацевтического образования в Республике Таджикистан».
10. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 31.08.2008 г. №512 «Об утверждении Концепции реформы медицинского и фармацевтического образования в Республике Таджикистан».
11. Постановление Правительства Республики Таджикистан от 02.08.2010 г. №368 «Об утверждении Национальной стратегия здоровья населения Республики Таджикистан на период 2010-2020 гг.

12. Рахимова Н.Х. Состояние и перспективы развития сестринского дела в Таджикистане. Д., 2005.
13. Республиканский центр медицинской статистики и информации при Министерстве здравоохранения и социального развития Республики Таджикистан. Здоровье населения и здравоохранение в Республике Таджикистан.
14. The Euro B sub-region comporsises 16 countries of Europe and Central Asia with the total population of 160 million people. Most of the countries, included in this statistical aggregate, are ahead of Tajikistan by their levels of economic development.
15. Health Services Delivery for Maternal, Newborn, and Child Health and Nutrition in Tajikistan, September 2009.
16. The Living Standards Measurement Survey, 2007: Indicators at a Glance. 2009.
17. The Treatment of Diarrhea: a Manual for Physicians and Other Senior Health Workers.- 4th rev. WHO: Geneva, 2006: 54 pp (in Russian) Положение в мире с вакцинами и иммунизацией 3-е изд. Краткое изложение. Женева: ВОЗ/ЮНИСЕФ/Всемирный Банк: 2009 г.
18. The 2007 Living Standards Measurement Survey, the Republic of Tajikistan: Indicators at a Glance, 2009.
19. www.demoskop.ru.
20. www.stat.tj.

**СЛУЖБА СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ
В ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ БОЛЬНИЦЕ
SOCIAL WORK SERVICE IN THE MENTAL HOSPITAL**

Ю.А. Сучков
Клиническая психиатрическая больница № 1 г. Нижнего Новгорода
С.А. Судьин
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Yu.A. Suchkov
Clinical Psychiatric Hospital №1, City of Nizhni Novgorod
S.A. Sudjin
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

На примере клинической психиатрической больницы №1 г. Н. Новгорода рассматривается деятельность внутрибольничной службы социальной работы. Анализируется процесс ее развития и функции в контексте реформирования системы психиатрического обслуживания.

On example of the Clinical Psychiatric Hospital №1, city of Nizhni Novgorod is considered the activity of intra-hospital social work service. Process of its development and its functions in the context of reforming of psychiatric service system are analyzed.

Ключевые слова: социальная работа в психиатрии, психосоциальная работа, социология психического здоровья.

Keywords: social work in psychiatry, psychosocial work, sociology of mental health.

Реформирование системы психиатрического обслуживания, имеющее место в настоящее время, актуализирует потребность в развитии системы социальной поддержки пациентов как на этапе стационарного лечения и подготовки к выписке, так и на стадии послебольничной реабилитации. Помогающий характер психиатрии формируется не только из медицинской, но и из социальной составляющей, роль которой в последнее десятилетие чрезвычайно возросла. Социальный компонент в психиатрии реализуется через деятельность внутрибольничной социальной службы, интегрирующей усилия врачей, больного и его окружения в решении вопросов, не имеющих прямого отношения к терапевтическому процессу: восстановление социальных связей, трудовых и коммуникативных навыков, подготовке к самостоятельному проживанию.

Становление социальной службы в Клинической психиатрической больнице №1 г.Н. Новгорода как направления профессиональной деятельности проходило постепенно с 2008 г. и началось с появлением в штате специалиста по социальной работе. Стратегическая задача с самого начала состояла в том, чтобы организовать работу социальных специалистов в соответствии с современной концепцией оказания психиатрической помощи в рамках полипрофессионального бригадного подхода.

В настоящее время численность социальных работников в системе психиатрического обслуживания регламентируется Приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации (Минздравсоцразвития России) от 17 мая 2012 г. N 566н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи при психических расстройствах и расстройствах поведения». По состоянию на 2015 г., на территории, обслуживаемой КПБ №1, проживает 372 тысячи человек (три района Н.Новгорода), из которых под наблюдением состоят 6050 пациентов. Количество коек в круглосуточных стационарах и мест в дневных отделениях составляет по 5,5 на 10 тысяч населения (в РФ обеспеченность койками стационара – 10,0, местами дневных стационаров – 1,2 на 10 тыс.). Согласно нормативам рекомендуемой численности персонала, общее количество социальных работников, занятых в больницах, должно быть не менее 15 человек. Факт, что многие положения Приказа 566н носят декларативный характер, нами уже отмечался [1], поэтому важно проанализировать связь между нормативными показателями и реальной практикой.

С 2012 г. в штат социальной службы ГБУЗ НО «КПБ №1» входят уже три специалиста по социальной работе. В связи с увеличением количества сотрудников социальной службы удалось увеличить и количество ставок соци-

альных специалистов в учреждении. Сегодня в КПБ №1 есть 5 ставок специалиста по социальной работе и 2 ставки социального работника.

Профессиональные группы	2010 г.	2012 г.	2015 г.
Специалисты по социальной работе	2	4	5
Социальные работники	1	2	3

Увеличение количества специалистов способствует тому, что социальная помощь становится доступна всё большему числу пациентов, кроме того она становится всё более разнообразной по формам и методам работы.

	2010 г.	2012 г.	2015 г.
Число пациентов, которым оказана социальная помощь	99	489	727

В настоящее время специалисты по социальной работе решают следующие задачи:

- совместно с другими специалистами полипрофессиональной бригады (врачом, психотерапевтом, психологом, трудовым инструктором) создают терапевтическую среду в учреждении, терапевтические сообщества пациентов, группы по интересам;
- занимаются решением вопросов социальной защиты и поддержки лиц, страдающих психическими расстройствами, восстановления их социальных связей, повышения уровня их социальной адаптации;
- проводят социальное обследование пациентов (семейные отношения, бытовые и производственные условия, характер труда и т.п.);
- составляют социальную характеристику пациента и разрабатывают индивидуальный план его социальной реабилитации;
- способствуют восстановлению функционирования пациента в различных социальных группах, оказывают помощь в налаживании семейных отношений, взаимодействии с ближайшим окружением, неформальными группами (в т.ч. с группами по интересам), рабочим коллективом и т.п.;
- проводят работу по восстановлению трудовых навыков пациента, вовлечению его в трудовую деятельность, оказывают ему помощь в рациональном трудоустройстве;
- осуществляют мероприятия, направленные на восстановление у пациента навыков общения, межличностных отношений (специалист по социальной работе участвует в организации и проведении различных психо-

социальных групп, с 2015 г. групповые формы работы осуществляются в круглосуточном стационаре);

- проводят клубную работу;
- оказывают помощь в решении бытовых вопросов, включая рациональное распределение бюджета, питание, соблюдение гигиенических и санитарных правил, доставку продуктов питания, лекарств, уборку помещения и др.;
- способствуют восстановлению социального положения пациента, получению льгот, социально-правовой защите (восстановление на работе, оформление пенсии, получение необходимых документов, оформление опеки, помещение в интернат и т.д.);
- участвуют в подготовке выписываемого из стационара пациента к жизни в обычных социальных условиях;
- осуществляют взаимодействие с организациями, оказывающими социальную помощь;
- организуют взаимодействие учреждения со средствами массовой информации и населением с целью формирования адекватного отношения к лицам, страдающим психическими расстройствами.

Таким образом, деятельность социальной службы учреждения приобретает постепенно системный характер, развиваются новые виды, формы, направления работы. Социальная работа в учреждении представлена четырьмя основными направлениями: *социотерапевтическим, информационно-образовательным, профилактическим и направлением социально-правового обслуживания*. Социальная помощь оказывается на всех этапах психиатрической помощи – стационарном, амбулаторном, этапе дневных отделений и проводится как индивидуально, так и в формате психосоциальных групп.

Отличительной чертой последнего времени стало сотрудничество с общественными организациями, работающими в сфере психиатрии. Наиболее активно в процесс взаимодействия вовлечено Нижегородское региональное отделение ОООИ «Новые возможности», объединяющее родственников психически больных. Члены организации являются не только потребителями, но и носителями важной информации, касающейся способов преодоления социально-бытовых и медицинских проблем, возникающих у человека с психической патологией и его окружения. Обмен информацией происходит в формате групп самопомощи, организуемых на территории больницы. Данный формат работы ориентирует участников на занятие активной жизненной позиции, расширение сети контактов, что препятствует застреванию в социальной роли больного, фиксации на негативных сторонах жизни. Большая роль во взаимодействии с общественными организациями принадлежит именно службе социальной работы больницы.

За прошедшие годы служба социальной работы в КПБ №1 г. Н. Новгорода превратилась в развитую структуру, способную решать важные задачи, касающиеся не только самого больного, но и его окружения, что полностью отвечает вызовам времени и тенденциям развития психиатрической помощи в России.

Литература

1. Судьин С.А., Сучков Ю.А. Институционализация социальной работы в российской психиатрии на примере КПБ №1 в г. Нижнем Новгороде // Специфика профессиональной деятельности социальных работников. Н.Новгород: НИСОЦ, 2015. С. 700-705.

СУДЕБНАЯ МЕДИЦИНА КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ FORENSIC MEDICINE AS A HELPING PROFESSION

С.А. Судьин

*Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского*

К. Трюбнер

*Институт судебной медицины университетской клиники,
г. Эссен, Германия*

S.A. Sudjin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

K. Trubner

Institute of forensic medicine with Essen university clinic, German

Рассматривается вклад судебной медицины в процесс выявления и предотвращения жестокого обращения с детьми в Германии. Анализируются признаки жестокого обращения, а также социальные, психологические и медицинские факторы явления, характеристики семьи и стратегии поведения врачей в случае выявления проблемы.

The contribution of forensic medicine in the process of child abuse identification and prevention in Germany is considered. The signs of child abuse and also social, psychological and medical factors of the phenomenon, the characteristics of families and behavioral strategies of doctors in case of problem identification are analyzed.

Ключевые слова: судебная медицина, жестокое обращение с детьми, дисфункциональная семья, семейное насилие.

Keywords: forensic medicine, child abuse, dysfunctional family, family violence.

В 2000 г. в Германии была официально отменена 1631 статья Гражданского кодекса, дававшая родителям право на телесные наказания своих детей. Это стало последним шагом в процессе утверждения права детей на нена-

сильственное воспитание и распространение на них положений Статьи 1 Основного закона ФРГ, декларирующей неприкосновенность человеческого достоинства. Это дало толчок формированию комплексной политики, включающей в себя создание защиты детей на местном уровне, расширение сети учреждений для развития воспитательных навыков у родителей, улучшение взаимодействия организаций, работающих в сфере защиты детей и молодежи, а также регулирование полномочий субъектов врачебной и иной профессиональной тайны в сфере детства и молодежи.

Пристальное внимание к правам детей формирует потребность в более точных методах диагностики различных форм насильственных действий по отношению к ним, а также пренебрежения их нуждами. Роль судебной медицины в этом нередко оказывается ключевой, поскольку основная масса подобных преступлений совершается в семье, подлинная ситуация в которой скрыта от глаз внешнего окружения. По статистике, в Германии ежегодно регистрируется примерно 157000 случаев жестокого обращения с детьми, при этом из числа оказавшихся в стационаре детей умирают 12-15%, каждую неделю вследствие истязаний умирают двое детей. Отметим, что дети в возрасте до года рискуют стать жертвами истязаний в три раза чаще, чем дети в возрасте от года до четырех лет. Серьезную обеспокоенность вызывает факт, что реальные масштабы проблемы в 10 раз превышают данные официальной статистики, а пренебрежение нуждами ребенка встречается в 10 раз чаще, чем случаи истязания.

Основными причинами плохой регистрируемости являются внутрисемейный характер преступлений и отсутствие независимых свидетелей, недостаточное внимание со стороны внешнего окружения и лечащих врачей, неправильно интерпретирующих травмы и повреждения, зависимость детей от родителей и малый возраст жертв, неспособных выразить словами все, что с ними происходит.

При подозрении на жестокое обращение требуется его дифференциальная диагностика с целью определения не только имеющихся повреждений, но и реконструкции обстоятельств их появления. При наличии повреждений необходимо проводить полное телесное обследование, в результатах которого необходимо отразить:

- состояние ребенка с точки зрения ухоженности;
- размеры тела, объем головы и вес;
- соответствие уровня развития возрасту ребенка;
- точное описание повреждений, возможно, с фотодокументированием их локализации, формы, окраски, размера и т.д.

К очевидным признакам насилия относятся:

- разноцветные синяки, свидетельствующие о неоднократных избиениях;
- многочисленные локализованные гематомы;
- параллельные участки покраснения (от ударов палками);
- повреждения губ, уздечек губы;
- различные застарелые переломы (нарушения элементов костного скелета, наличие костных мозолей и т.п.);
- укусы.

Помимо явных признаков о насилии в отношении ребенка могут свидетельствовать и косвенные индикаторы, не связанные напрямую с имеющимися медицинскими данными. Подозрение на жестокое обращение должны вызывать следующие обстоятельства:

- Отказ родителей или опекунов от обращения к врачу вопреки очевидной тяжести имеющихся у ребенка травм;
- «Перескакивание» от доктора к доктору;
- Противоречивые или неточные данные об обстоятельствах получения травмы;
- Несоответствие травм уровню развития ребенка;
- Травмы списываются либо на другого ребенка или на случайность;
- Наличие множественных нарушений, которые не могли бы возникнуть в результате единичного несчастного случая.

Судебная медицина располагает широким арсеналом диагностических средств из различных областей медицинского знания, позволяющих отличить результаты физического насилия от последствий случайных травм, за которые оно выдается. К таковым относятся особенности ожогов, переломов, наличие характерных повреждений и травм, присутствие специфических клеток, биоматериала, инфекций, отклонения от нормальных показателей и т.д. Обобщенные результаты хирургических, дерматологических, микробиологических, гинекологических и радиологических обследований способны дать точную и целостную картину произошедшего и помочь определить адекватные ситуации меры.

Медицинские аспекты насилия над детьми являются конечным звеном в цепи социальных факторов, формирующих патологические картины внутрисемейного взаимодействия. Данные полицейской уголовной статистики за 2012 г. свидетельствуют, что в 3455 случаях ребенок становился жертвой близкого родственника, в 410 случаях – знакомого и лишь в 48 – жертвой чужого человека. Семья не всегда оказывается протективной средой для своего ребенка, а значит необходимо выделить факторы, способствующие формированию жестокого обращения с ним. К таковым относятся:

- социокультурные: установка родителей относительно преступлений и насилия;
- социоэкономические: бедность как стрессор;
- безработица: социальный фактор, связанный с бедностью;
- разрушение семьи: развод, потеря семейной поддержки;
- здоровье: низкий порог толерантности, чаще всего, вследствие психического заболевания, алкогольной, наркотической или медикаментозной зависимости, главным образом, у матери;
 - инвалидность ребенка;
 - образование: низкий уровень интеллектуального развития;
 - «плохие родители»: наличия детского опыта насилия в семейном анамнезе;
- факторы окружающей среды: стесненные условия проживания, отсутствие пространства.

Помимо социальных факторов необходимо отметить и причины медицинского характера, генерирующие жестокое обращение с детьми. В качестве примера приведем симулятивное расстройство, или «синдром Мюнхгаузена», заключающийся в нахождении, преувеличении болезненных симптомов или фактическом совершении действий, приводящих к болезням или вызывающих их симптомы у третьих лиц, чаще всего, у детей. Например, мать может душить ребенка, давать ему средства, снижающие свертываемость крови и, как следствие, вызывающие у него кровотечения, недокармливать или морить голодом. Мотивом подобного и на первый взгляд жестокого и нелогичного поведения являются повторные обращения к врачам, в ходе которых мать получает опосредованное внимание и к себе. Внешняя слабость подобной мотивации на фоне распространенности явления актуализирует потребность в выявлении характеристик таких матерей. Как правило, они:

- ведут себя открыто и сверхзаботливо;
- фальсифицируют анамнез, описывают несуществующие симптомы;
- все, что происходит с ребенком, наблюдает лишь она, других свидетелей нет;
 - часто меняют врачей;
 - требуют использовать инвазивные и болезненные методы диагностики;
 - ищут контакты с медицинским персоналом;
 - зачастую имеют медицинские знания;
 - имеют жертвы в личном анамнезе.

При работе с такими случаями необходимо обращать внимание на следующие обстоятельства:

- расхождение между данными обследования и лабораторными анализами;
- несоответствие данных, предоставленных матерью, результатам клинических исследований;
- наличие возвратной симптоматики без внятного объяснения причин;
- отсутствие улучшений состояния несмотря на лечение;
- появлений осложнений;
- затухание симптомов при раздельном проживании с выявленным виновником их возникновения;
- невозможность вписать симптомы в картину какой-либо болезни.

Вне зависимости от причин и результатов жестокого обращения с детьми эти факты должны повлечь за собой соответствующую реакцию. В качестве рекомендаций можно отметить беседы с родителями, заявление в ведомство по делам молодежи даже в «легких случаях», готовность родителей к сотрудничеству, тщательный медицинский контроль и привлечение к проблеме родных братьев и сестер. Наконец, не будет лишним и уведомление полиции и/или прокуратуры.

Однако, даже эти очевидные меры далеко не однозначны. Во-первых, всегда существует риск диагностических ошибок, особенно в случаях наличия какого-то одного признака, лишь косвенно свидетельствующего о жестоком обращении. Во-вторых, параграф 203 уголовного кодекса обязывает врача хранить профессиональную тайну. Наконец, в-третьих, врач рискует потерять клиентов, если те узнают, что ему пришлось из лучших побуждений сообщить в полицию о своих подозрениях.

Так или иначе, судебная медицина оказывается самым надежным инструментом диагностики жестокого обращения с детьми, выявляя и доказывая наличие скрытых форм данного явления, запуская интегрированный механизм помощи семье и ребенку с участием полиции, ведомства по делам молодежи, социальных работников и психологов.

**ЛИЦА, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ УХОД
И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ РАБОТНИКИ:
СРАВНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ
В СИБИРИ И БАВАРИИ
CAREGIVERS AND SOCIAL WORKERS IN RUSSIA
AND GERMANY:
A COMPARISON BETWEEN REGIONS
IN SIBERIA AND BAVARIA**

Э. Штекмайер
IHM Consulting
М.Н. Ажермачева
Сибирский государственный медицинский университет, г. Томск
E. Stegmeier
IHM Consulting
M. Azhermacheva
Siberian State Medical University, Tomsk, Russia

Томская область и Северная Бавария имеют аналогичную базовую ситуацию в области лечения инсульта; несмотря на то, что система здравоохранения и функции лиц, осуществляющих уход или лечение, отличаются в некоторых аспектах. Для сравнения подходов к уходу или лечению пациентов в двух географических областях мы разделили должностные обязанности специалистов по уходу за больными в соответствии с выполняемыми ими рабочими навыками.

The area of Tomsk in Siberia and the area in Northern Bavaria have a similar basic situation in the area of stroke treatment; although health systems and functions of the caregivers differ at some points. As a basic for an approach to compare the treatment in these two areas, the jobs of caregivers must be subdivided into skills.

Ключевые слова: специалисты по уходу и лечению больных, здравоохранение, Томская область, Северная Бавария.

Keywords: caregivers, healthcare, Tomsk area, Northern Bavaria.

1. Introduction

Healthcare is a multi-complex system and influenced by many factors and many perspectives could be taken into account. Beside medical studies, many methodologies exist to assess medical treatments, processes and products for example. Quality and costs are the overall key performance indicators in healthcare systems worldwide. At the end of processes the performance of quality is done by a human being. These persons, caregivers and social workers, are in the center of the process and of the treatment as they are working directly, face-to-face, hand-to-hand with the patient.

In our case the focus will be on performance and skills of caregivers in two areas in Siberia und Bavaria that have a similar structure and developed concepts on stroke treatment. For that, the focus will be on stroke.

2. Siberian and Bavarian regions

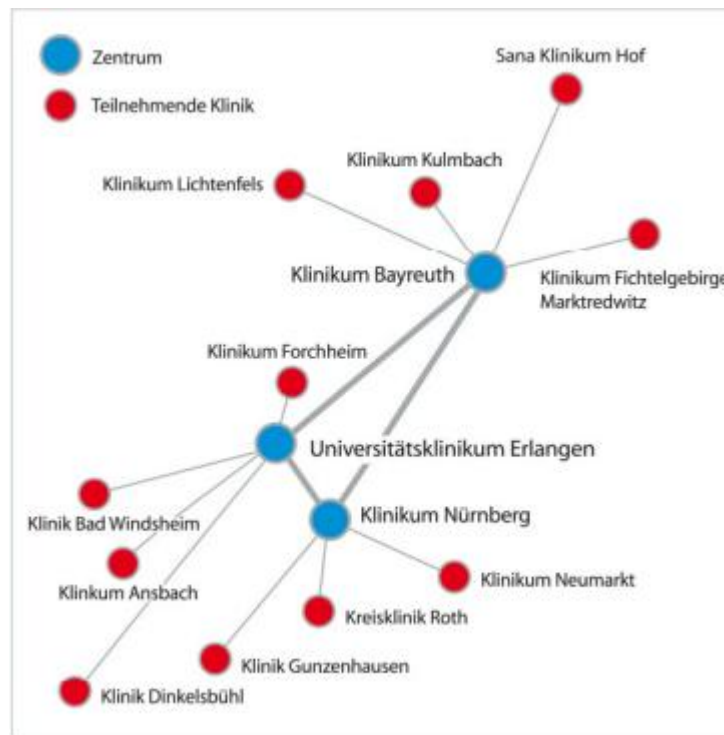
If we look to areas of Siberia and Bavaria, we can find a geographical structure with capital cities with medical universities and hospitals on a high quality level, as well as smaller hospitals and less after care opportunities in the countryside with typical challenges of distance to and between caregivers and service providers [5].

The area Tomskaya oblast covers 317 000 km² with a population of 1,043,759 people. The area has 16 countryside regions, six towns and one urban-type settlement. Medical treatment is provided by 55 hospitals, 5 health centers, 11 ambulant polyclinics, 11 polyclinics for special purposes, 269 paramedic and obstetric clinics, 4 precinct hospitals and 99 general practices.

Treatment of cardiovascular diseases provides by the Tomsk regional vascular center (Stroke Center and Research Institute Cardiology) and by three PSO (first-aid vascular centers) in countryside regions. 92.5% of the adult population with cardiovascular diseases can be reached by the healthcare system (7.5% cannot be reached due to geographically reasons): 71.5% are treated in the Tomsk regional vascular center and the others in the PSO's (Acino 7.3%, Kolpashevo 7.7%, Stregevoj 6%) [1].

Northern Bavaria covers around 32,800 km² with a population of around 4,900,000 people. It consists of four regions with four regional capital towns and the metropole region "Nürnberg / Erlangen" in the geographical center.

In Northern Bavaria it exists a tele-medical stroke network, called STENO (German abbreviation for „Schlaganfall-Netzwerk mit Telemedizin in Nordbayern“) [4]. Three supra-regional stroke centers advise 11 regional hospitals in three of four areas in Northern Bavaria. These three stroke centers are based in the hospitals of the biggest cities (Nürnberg, Erlangen – University hospital, Bayreuth).

- Stroke centers
- Regional hospitals in the network

Fig. 2: Stroke centers and regional hospitals in the STENO network [4].

3. Role of different caregiver and social workers

Profession	Bavaria	Siberia
Medical doctor (MD) in hospital	<p>Medical doctor University education and specialization, e.g. in Neurology; Providing of neurological diagnostics, examinations and treatments;</p> <p>The amount of patients to be treated by a MD differs from the type of ward he works in: e.g. unit for internal medicine, neurological unit or stroke unit.</p>	<p>Doctor University education and specialization, e.g. in Neurology; Neurologist is providing neurological examination, making diagnosis and prescription of medicaments and medical examinations, writing history of disease.</p> <p>MD in stroke hospital treats from 10 to 15 stationary patients.</p>
Nurses	<p>1. Ward nurse (General Nurse) 3 years education;</p> <p>Preparation of treatments, controlling of the patient's status and documentation, measuring blood pressure, giving remedies, taking blood, positioning</p>	<p>Nurse is person, who finished medical college (3-4 years education).</p> <p>1. Ward nurse This is a person, who finished medical college (3-4 years education). Nurse is making observation for condition of patients and</p>

	<p>of the patients, taking temperature, organizing the ward (capacity of beds, meetings), coordination of diagnostic treatments and communication with other wards.</p> <p>2. Specialized nurse 3 years education, advanced education and experience as ward nurse;</p> <p>ICU nurse, Midwife.</p>	<p>reporting to medical doctor. Nurse is controlling for execution of medical prescriptions. Ward nurse is giving remedies to patients, measuring blood pressure, pulse, temperature of patients two times per day. Nurse is organizing in time diagnostic tests and examinations from different doctors. Nurse is providing sanitary service for disabled or week patients. Nurse is making documentation: temperature list, blood pressure list and other.</p> <p>Nurses desk with two nurses is taking care about 15 patients in stroke department.</p> <p>2. Treatment nurse This is a person, who finished medical college and special education.</p> <p>Treatment nurse is providing intravenous and intramuscular injections, assisting in treatment manipulations. Treatment nurse is providing venipuncture and taking blood samples for diagnostic tests. Treatment nurse is accounting work of treatment room, making documentation.</p> <p>One treatment nurse is working for 30 patients.</p> <p>3. Specialized nurse - stomatology nurse, laboratory nurse, midwife</p>
Nurse helper	<p>Nurse helper 2 years education; Nurse helpers are cleaning patients, preparing beds, helping the nurses in positioning the patients, transportation of patients within the hospital; Nurse helpers are not allowed to give injections</p>	<p>Sanitar Guiding patients to medical examinations and treating procedures a the direction of ward nurse Cleaning a hospital rooms according to hygienic normative.</p> <p>General secondary education or trade education.</p>

Social workers	<p>Social worker Helping patients due to individual psycho-sociological and economic issues; Taking care and organizing of the rehabilitation process after the stay in hospital;</p> <p>Education or University degree.</p>	<p>Social worker Providing social patronage for old and disabled persons at home, e.g. bringing food, remedies, helping with cleaning the house; Social worker is providing information about social support. General secondary education, trade education or university degree.</p>
MD as Family practitioner (General practitioner)	<p>Family practitioner Degree as MD and specialization as family practitioner; Diagnostics on a low device level: e.g. blood pressure, ultrasound, blood and urine tests; Prescription of remedies, therapeutically treatments and for transfer to specialized medical doctors; The family practitioner is seen as the gate keeper and doctor with the long term personal relationship to the patient in the German system.</p>	<p>Family doctor Degree as MD and specialization as family practitioner; It is multidisciplinary specialist who providing medical help for all category of patients from pediatric to geriatric medicine. He must have knowledge about therapy and also about specialized disease. He is providing ECG, blood and urine tests, oto-rinoscopie. Family doctor is giving prescriptions for specialized medical doctors or hospital treatment. General practitioner is visiting patients at home when they are not able to visit a doctor.</p>
MD as specialized practitioner (e.g. Neurologist)	<p>Neurologist as practitioner Degree as MD and specialization as Neurologist; More knowledge and more diagnostically devices, e.g. CT, MRT. This MD is located outside the hospital, mainly in the big cities.</p>	<p>Neurologist in outpatient department Degree as MD and specialization as Neurologist; Specialized doctor has a more knowledge about rare diseases, special indications and contraindications for remedies, has a special skills in CT, MRT, X-ray and etc. Specialized doctor is working in outpatient department and has usually 20 patients per day.</p>
Nurse at practitioners	<p>Nurse at practitioners Assisting the doctor in simple things, like preparation of devices; Organization of the practice, e.g. coordination of the patients' dates, coordination of reimbursement process;</p>	<p>Policlinic nurse Assisting the doctor in simple things, like coordination of the patients' time schedule, database, and drug prescriptions.</p> <p>Education - medical college (3-4 years).</p>

	3 years education.	
Physiotherapist	<p>Physiotherapist Treatment of the muscoskeletal system based on different existing treatment and exercise methodologies due to the patient's needs.</p> <p>Physiotherapists work in hospitals, in stationary and ambulant rehabilitation.</p> <p>Prescription for treatment must be done by a medical doctor.</p> <p>3 years education.</p>	<p>Physiotherapist Physiotherapist is medical doctor with specialization «physiotherapy» He is working in hospital or outpatients departments and providing prescriptions for treating patients with electro-, light-, balneo-therapie. He is also has a knowledge in rehabilitation and gymnastic. Prescriptions of physiotherapist is providing by nurse.</p>
Logoped	<p>Logoped Treatment of disruptions of speech, voice, swallowing and hearing by doing exercises.</p> <p>Logopeds work in hospitals, in stationary and ambulant rehabilitation.</p> <p>Prescription for treatment must be done by a medical doctor.</p> <p>3 years education.</p>	<p>Logoped, aphasiolog Logoped-aphasiolog is working in stoke hospital as part of multidisciplinary team. He is making diagnostic test to verification type of aphasia or disartria. He is providing treatment or patients with speech dysfunctions. This specialist is also working in rehabilitation hospitals, and rarely – in aftercare. Education: university degree and specialization in aphasiology for working with stroke patients.</p>
Ergotherapsit	<p>Ergotherapsit Improvement, rebuilding and compensation of skills for daily life done by exercises.</p> <p>Ergotherapists work in hospitals, in stationary and ambulant rehabilitation.</p> <p>Prescription for treatment must be done by a medical doctor.</p> <p>3 years education.</p>	<p>Ergotherapsit Making rehabilitation recovering possibilities for daily working skills, working capabilities, society activity. Special education “ergotherapy” for 3 years.</p>

Tab.1 Comparison of job descriptions [2], [6]

Main results:

One main difference is related to the differences in structures: as medical doctors in Germany work in hospitals and as practitioners in practices, in Russia, there

is existing the system of polyclinics that go back to the development in the Soviet Union based on the so-called Semasho model.

Practices in Germany are also exiting in deep countryside and help the patient to grow a relationship with their “own” family doctors. In Germany all practitioners offer ultra sound, as in Russia doctors need a special qualification for it. In this case the practitioner must give a prescription for the specialist.

Due to the Semasho model neurologists are located in hospitals and polyclinics in the Tomsk area and in Northern Bavaria they are located in specialized hospitals and as practitioners in bigger cities.

Both in Russia and in Germany, nurses mainly have and need no University degree. Nevertheless some German and Russian universities offer academic education for care. The nurses in Germany are more generalists in comparison to Russia, as they provide what the ward and the treatment nurse is doing in one person. Nurses in Russia don't have nurse helpers. For that, they have a lot of organizing work in a department. Sanitars are just helping with transportation of patients and taking care about cleaning wards. Cleaning the ward is done by the cleaning staff in Germany. In both systems there are existing specialized nurses, for example for surgeries.

Physiotherapists do not exist in Russia in the meaning of the German definition. In Germany it is a job by its own. The person has a 3 year non-academic education and can work in a hospital, a rehabilitation hospital or can be self employed in an own physiotherapy practice. Physiotherapists offer for example manual therapies or cranio-sacral therapies. This leads to a big network of treatment opportunities even in the countryside. In Russia the physiotherapist is a medical doctor that prescribes treatments that will be done by a nurse, for example electro stimulation. In Russia, the function of physiotherapists is done by medical massage nurses and instructors of kinesiotherapy.

The system of logotherapists and ergotherapists is the same in Russia as it is with the physiotherapists in Germany.

4. Discussion and outlook

A direct comparison between different types of caregivers and social workers cannot be done because of the different educational backgrounds and different definitions of these professions. An approach for a comparison can be to make it on the level of skills.

At the end this leads to the question which skills in medical treatment and care are needed in which time of the patient's care process; and which educational background is necessary to fulfill the requirements to provide the best quality for the patients in the different regional settings.

The findings of answering these questions could be to find optimization opportunities for human resource management and for education in healthcare. Skills as a relevant economical and quality factor for the treatment of patients can also be used as a parameter like procedures (OPS figures – ‘key for surgeries and procedures’) and indications (ICD figures – ‘International Statistical Classification of Diseases and Related Health Problems’) in DRG reimbursement systems, as costs for human resources for example in Germany hospitals have a very high part of the total costs. In 2013 costs for human resources had been EUR 53.8 Mrd. All of the other hospital costs, including medical devices, had been EUR 33.8 Mrd [3].

References

1. Алифирова В.М. Итоги реализации мероприятий по совершенствованию медицинской помощи больным с инсультом на территории Томской области, 2011.
2. Hochschule für Gesundheit Bochum, Gesundheitsberufe: Gesamtübersicht nach Berufsgruppen und Berufsfeldern.
3. Institut Arbeit und Qualifikation der Universität Duisburg-Essen, Personal – und Sachkosten der Krankenhäuser 2013.
4. Dr. Martin Nüchel, Das Schlaganfall-Netzwerk „STENO“, Stroke Unit Nürnberg.
5. TUM – Junge Akademie, Die Zukunft des deutschen Gesundheitswesens: Realität und Vision, Gutachten 2010/11.
6. Mag. Tina Salomon, Prof. Dr. Heinz Rothgang, Interdisziplinäre Kooperation der Gesundheitsberufe, Robert Bosch Stiftung, 2010.

СООБЩЕНИЯ

РОЛЬ ЦЕНТРОВ ЗДОРОВЬЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПОВЕДЕНЧЕСКИХ РИСКОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ THE ROLE OF HEALTH CENTERS IN PREVENTING STUDENTS’ BEHAVIORAL RISKS

О.В. Атмайкина

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва

O.V. Atmaikina

National Research Ogarev Mordovia State University

Рассматриваются элементы негативного повседневного поведения современных студентов, влияющих на состояние их здоровья. Представлена структура поведенческих рисков, усугубленная факторами образовательной деятельности, трансформацией ценностей. Показана роль Центров здоровья по раннему выявлению поведенческих рисков, ухудшающих состояние здоровья студенческой молодежи.

This article describes the elements of behavior in everyday life of the modern student, affecting health. Presents preventive measures to promote healthy lifestyles, including reducing consumption of alcoholic beverages and tobacco. The

basis of preventive measures to promote healthy lifestyles to prevent disability and death from non-communicable disorders. The ratio of higher education institutions to preserve and improve the state of health of the younger generation.

Ключевые слова: поведенческие риски, образ жизни, центр здоровья.
Keywords: risk behaviors, lifestyle and health center.

Статус высшей школы привлекает с каждым годом все больше выпускников школ [1], поэтому внимание общества к данному институту в связи с массовизацией высшего образования закономерен. Задачи высших учебных заведений состоят не только в воспитании компетентного специалиста, но и в создании условий для полноценного физического и нравственного развития гражданина, способного формировать основу экономического, культурного и трудового потенциала страны. Все это побуждает образовательные учреждения к проведению профилактических мероприятий по сохранению и улучшению состояния здоровья студенчества.

Основными причинами смертности россиян в последние годы выступают сердечно-сосудистая патология, онкологические заболевания, травмы и отравления [2]. Как показывают исследования, к факторам, способствующим развитию данных патологических процессов, относят вредные привычки (употребление алкогольных напитков, наркотиков, табакокурение и др.), нерациональное питание, низкую физическую активность, эмоциональное перенапряжение и стрессы.

Усиление динамизма нашей жизни становится дополнительным фактором изменения повседневного поведения современного индивида, когда, с одной стороны, «сжимается время», а с другой – расширяется горизонт возможностей. Динамичное общество требует от индивида активности, соответствующей скорости социальных процессов, воспроизводящее культуру мобильности и быстрой смены деятельности. Постоянное социальное напряжение требует быстрой и доступной релаксации, формируя риски, ведущие к нездоровому образу жизни, нередко определяемому как «здоровьеразрушающий». Именно от образа жизни во многом зависит состояние индивидуального и общественного здоровья [3-4].

Студенты, представляя один из самых активных слоев общества, имеют неустойчивую психику и установку на «поиск себя», наиболее подвержены пагубным привычкам и нездоровому образу жизни. По данным социологического исследования «Здоровье студентов» (руководитель И.В. Журавлева), самыми распространёнными поведенческими рисками называются курение, употребление алкогольных напитков, стресс (дистресс) и нерациональное

питание [5, с. 77]. Каждый из факторов вносит свой негативный вклад в формирование поведенческих рисков, ухудшающих состояние здоровья.

Несмотря на принимаемые меры по снижению табакокурения, доля курильщиков, по данным НИИ профилактики медицины России, в возрасте от 15–30 лет возрастает и составляет в настоящее время 63% мужчин и 10% женщин. Доля курящих студентов среди них около трети – 30-40%. Среднее количество выкуриваемых студентами сигарет составляет до 10 в день. Необходимо отметить, что девушки-студентки в городах с развитой инфраструктурой более подвержены данной пагубной привычке [5, с. 92].

По результатам указанного исследования, 40,1% студентов вузов употребляют алкогольные напитки: девушки предпочитают пиво другим спиртосодержащим напиткам, юноши чаще употребляют слабые алкогольные напитки. В некоторых случаях регулятором потребления спиртных напитков становится религиозный фактор. Учитывая традиционный компонент в повседневной жизни исламских студентов, употребление алкоголя у них, например, сводится к минимуму [5, с. 89].

В структуре нездорового образа жизни студентов определенное место занимают пищевые привычки, ведущие к заболеваниям. Неправильное питание может стать причиной развития сахарного диабета второго типа, остеопороза, ожирения, заболеваний желудочно-кишечного тракта и сердечно-сосудистой системы. Нерациональное питание, которому молодежь подвержена с детских лет, связано с нерегулярностью употребления продуктов питания и несбалансированностью их состава (с точки зрения содержания белков, жиров, углеводов и витаминов). Характер питания, с одной стороны, имеет социокультурный характер, определяется культурой, традициями, финансовой обеспеченностью индивида, социально-экономической обстановкой в стране или регионе проживания. С другой – выступает элементом субкультуры студенчества, культуры потребления и пищевого поведения (быстрого, непритязательного и др.). В этой связи организация питания в вузах, как правило, имеет индустриальный характер и не учитывает потребности различных социальных слоев и этнических групп студентов.

В рационе молодых людей преобладают хлебобулочные изделия, продукты быстрого приготовления, «fastfood», а это, как правило, легкоусвояемые углеводы, способствующие избыточной массе тела, накоплению холестерина – одной из причин развития атеросклероза. Сниженное потребление молочных, мясных продуктов и рыбы приводит к дефициту кальция, фосфора, витаминов группы В, Е, Д и др. Несмотря на то, что в течение последних десяти лет отмечается положительная тенденция в употреблении россиянами свежих фруктов и овощей, богатыми витаминами и микроэлементами [7], все же

студенческие буфеты и столовые небогаты разнообразием блюд, обогащенных витаминами. Соблюдение режима питания осложняется пренебрежительным отношением студентов к режиму дня, их повышенной учебной загруженностью, нередко и вторичной занятостью [5, с. 79]. Студентки нередко мотивируют себя к ограничению в приеме пищи желанием достичь определенной физической формы, похудеть.

В комплексе других поведенческих рисков для здоровья обучающихся особое место занимает стресс. Учебный процесс сам по себе предполагает некоторое эмоциональное и психологическое напряжение [8]. Однако, психоэмоциональный фон учебной деятельности часто предрасположен к перенапряжению и возникновению психоневрологических состояний, дистрессу в силу наличия индивидуальных особенностей личности, эмоциональной обстановки в семье (некоторые молодые люди состоят в браке), взаимоотношений в студенческих группах и трудовых коллективах (наблюдается устойчивая тенденция к увеличению доли студентов с вторичной занятостью).

Учитывая высокий риск ухудшения состояния здоровья молодежи, возникает потребность в профилактике, ранней диагностике и контроле негативных поведенческих факторов. В связи с этим на основании приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19 августа 2009 г. N 597н "Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака" были организованы Центры здоровья. В 2016 г. такой центр был создан на базе МГУ им. Н.П. Огарёва. В работу центров входит анкетирование граждан и инструментальная диагностика организма, разработка индивидуальных программ по укреплению и сохранению здоровья, формированию здорового образа жизни и профилактике факторов риска развития сердечно-сосудистых заболеваний [9].

Во исполнение Федерального закона №273 от 29.12.2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» и Федерального закона №313 от 03.07.2016 г. «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании Российской Федерации», включение в профилактические мероприятия высших учебных заведений диагностических обследований в центрах здоровья направлено на раннее выявление поведенческих рисков, ухудшающих состояние здоровья и способствующих развитию заболеваний в молодом возрасте, снижая риск дальнейшей инвалидности.

Литература

1. Шереги Ф.Э., Арефьев А.Л. Численность учащейся молодежи образовательных учреждений Российской Федерации (Среднесрочный прогноз до 2014 года и оценка тенденций до 2025 года) / отв. ред. Ф.Э. Шереги, А.Л. Арефьев: Монография. М.: ЦСПиМ,

2010. 320 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/obrazovanie/obrazovanie.pdf>. (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 года. №294 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://base.garant.ru/70643470/friends>. (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

3. Чучалин А.Г., Артюнов Г.П., Бойцов С.А. и др. Профилактика хронических неинфекционных заболеваний. Рекомендации 2013 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://cardio-69.ru/sites/default/files/profilaktika_hronicheskikh_neinfekcionnyh_zabolevaniy._rekomendacii_gnicpm._chuchalin_a.g._boycov_s.a.pdf (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

4. Оценка качества медицинской помощи / Social and economic problems of modern society: materials of the V international scientific conference on June 1–2, 2015. Prague: Vědeckovydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». P. 65-67.

5. Журавлева И.В. Здоровье студентов: социологический анализ / отв. ред. И.В. Журавлева: Монография. М.: ИНФРА-М. 2015. 272 с.

6. Бухтияров И.В., Фасенко М.А. Профилактика и контроль неинфекционных заболеваний на рабочем месте в Российской Федерации: материалы XIII Всероссийского конгресса «Профессия и здоровье» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.congress.niimt.ru/i/prez-2015/VOZ-IVBukhtiarov_MAFesenko.pdf. (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

7. Мальцев С.В., Файзуллина Р.А., Архипова Н.Н., Зарипова Р.Т. Актуальные вопросы подростковой медицины // Казанский медицинский журнал. 2005. № 2. С. 154-156.

8. Михалев О.С. Профилактика экзаменационного стрессу у студентов // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2013. № 33-1. С. 58-63 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-ekzamenatsionno-go-stre-ssa-u-studentov>. (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

9. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ 19 августа 2009 г. N 597н "Об организации деятельности центров здоровья по формированию здорового образа жизни у граждан Российской Федерации, включая сокращение потребления алкоголя и табака" [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.webapteka.ru/phdocs/doc16227.html>. (Дата обращения: 15.05.2016 г.).

THE RELEVANCE OF EMPOWERMENT ON THE WAY TO HEALTHY ORGANIZATION MODEL АКТИВИЗАЦИЯ НА ПУТИ К ЗДОРОВОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ МОДЕЛИ

F.D. Bretones
University of Grenada, Spain
Ф. Бретонес
Университет Гранады, Испания

After a review of publications on the emerging concept of Healthy Organizations, we contribute a conceptual model of workplace health improvement based on empowerment strategies to promote worker participation, autonomy and control in the organization. We propose that structural strategies can increase the engagement and organizational commitment of employees, but only if they truly feel in

possession of power and autonomy, and that this psychological empowerment also facilitates the development of healthy organizational practices. Achievement of both types of empowerment could improve the work climate, psychological well-being and performance of employees and lead to reductions in absenteeism and staff turnover.

После обзора публикаций о формирующейся концепции здоровых организаций мы стараемся внести свой вклад в виде концептуальной модели оздоровления рабочего пространства на основе стратегий расширения прав и возможностей сотрудников в целях содействия участию работников в деятельности организации, предоставления большей автономии и контроля. Мы полагаем, что структурные стратегии могут повысить заинтересованность и приверженность работников организации, но только если они действительно чувствуют себя наделенными властными полномочиями и автономией, и что это психологическое расширение прав и возможностей также способствует развитию здоровой организационной практики. Достижение обоих типов расширения прав и возможностей может улучшить рабочий климат, психологическое благополучие и производительность труда сотрудников, а также привести к сокращению прогулов и текучести кадров.

Ключевые слова: структурная активизация, психологическая активизация, вовлечение, организационная приверженность, жизнеспособность.

Keywords: structural empowerment, psychological empowerment, engagement, organizational commitment, well-being.

From its beginnings, psychology has centred on pathological aspects of human behaviour, solving problems and disorders, rather than on the complementary goal of improving the life of individuals (Seligman 1992). Likewise, studies in Organizational Psychology have largely focused on performance deficiencies and work-related stress. However, researchers have recently paid greater attention to the study of optimal functioning and positive experiences (Korunka, Kubicek, Schaufeli, and Hoonakker, 2009: 243). Despite major advances in occupational risk prevention over the past few years, with the incorporation of psychosocial risks, many studies on occupational risk prevention have retained a conventional approach to the prevention and treatment of accidents and disease and have not adopted a broader view of the health and well-being of workers. However, this situation has begun to change. The World Health Organization established in its Constitution in 1946 that health is a state of complete physical, mental, and social well-being and not solely the absence of pathological conditions or diseases. It described enjoyment of the maximum achievable state of health as an essential human right, assigning governments with the responsibility for this provision through the appropriate health and social measures. According to Rykqvist and Winroth (2002), health is affected by three main factors: genetic factors; lifestyles or habits (foods,

physical exercise, hours of sleep, use of time, and values); and the environment formed by work, relationships, physical environment, society, and culture. Over the past decade, some authors have introduced the concept of the “Healthy Organization”, studying organizations as spaces for the development of a healthy work management rather than the promotion of practices solely aimed at the prevention of physical or psychological risk (Grawitch, Trares, and Kohler, 2007: 275; Kelloway and Day, 2005: 309; Sorge and van Witteloostuijn, 2004: 1205). They propose that the organizational structure and the way it operates may have wide repercussions on worker health and well-being and, therefore, on the effectiveness of the organization itself (Wilson, Dejoy, Vandenberg, Richardson, and McGrath, 2004: 565). The aim of the study was to develop a theoretical model for the improvement of health and well-being in their workplace by the implementation of empowerment strategies to promote worker participation, autonomy and control in the organization.

A healthy organization can be defined as one that establishes work processes that promote and maintain a state of complete physical, mental, and social well-being in their workers, which translates into superior work efficiency and performance (Wilson et al., 2004: 565). It is possible to differentiate between healthy organizations, characterized by a work force with high well-being and performance and a good state of financial health (Arnetz and Blomkvist, 2007: 242), and toxic or sick organizations, characterized by high levels of absenteeism and staff turnover and the consequent loss in production and economic health.

There appears to be no list of specific practices that can serve as a “vaccine” for all types of organization. Each organization is a system of structures and relationships with its own characteristics and there is no single “cure-all” solution. Most researchers have studied the main categories of organizational practices that have yielded positive outcomes in terms of worker health/well-being and organizational effectiveness. A review by Grawitch, Gottschalk, and Munz (2006: 129) of published research on programmes and practices that promote employee health and well-being and good organizational outcomes established five main conditions for a healthy organization: reconciliation of work and personal life, employee growth and development, health and safety, employee rewards and employee participation and involvement. However, a higher order of importance was assigned by Grawitch, Trares and Kohler (2007: 275), to employee participation, since organizations developing this practice would be more likely to use participation strategies in the development and optimization of other measures. Likewise, Grawitch, Ledford, Ballard, and Baber (2009: 122) argued that all workers must be actively involved in the shaping of organizational practices if a healthy workplace is to be achieved.

Consequently, the participation and involvement of workers in the organization is proposed as a fundamental element for creating a healthy organization. One of the most widely known practices in this context is “organizational empowerment”, based on the hypothesis that the effectiveness of an organization is enhanced when power and control are shared (Keller and Dansereau, 1995: 127).

There has been made a conclusion that the the establishment of a healthy organization begins by giving workers access to the appropriate information and resources, to the support of superiors and workmates, and to development and training opportunities, endowing workers with greater formal and informal power. If this structural empowerment is successfully achieved, individuals will work with the absolute conviction that they are competent, that their work is important for the organization, that their work can affect organizational results and that they have autonomy to act (psychological empowerment). According to the proposed model, the fit between structural and psychological empowerment gives rise to workers with a positive and fully work-focused state of mind and high levels of energy and mental resistance who are intensively involved their work, completely concentrated and happily engrossed in their tasks (engagement). It may also induce acceptance of the goals of the organization, a willingness to make efforts on its behalf, and a strong desire to continue being a member of it (affective commitment). As a result, workers will enjoy high levels of psychological and work well-being and develop a good organizational climate, with a reduction in absenteeism and turnover. This fit between structural and psychological empowerment will also facilitate the successful implementation of measures taken by the organization to improve the health and well-being of workers. The creation of a healthy workplace requires employees to be actively involved in the participation and shaping of organizational practices.

References

1. Allen N.J. and Meyer J.P. (1990). The measurement and antecedents of affective, continuance and normative commitment to the organization. *Journal of Occupational Psychology*, 63, 1-18.
2. Arnetz B. and Blomkvist V. (2007). Leadership, Mental Health, and Organizational Efficacy in Health Care Organizations. *Psychotherapy Psychosomatics*, 76, 242-248.
3. Arzu Wasti S. (2003). Organizational commitment, turnover intentions and the influence of cultural values. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 76, 303-321.
4. Ashforth B.E. (1989). The experience of powerlessness in organizations. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 43, 207-242.
5. Bakker A. B., Schaufeli W.B., Leiter M.P. and Taris T.W. (2008). Work engagement: An emerging concept in occupational health psychology. *Work & Stress*, 22, 187-200.
6. Becker H.S. (1960). Notes on the concept of commitment. *American Journal of Sociology*, 66, 40-53.

7. Begley T.M. and Czajka J.M. (1993). Panel analysis of the moderating effects of commitment on job satisfaction, intent to quit, and health following organizational change. *Journal of Applied Psychology*, 78, 552-556.
8. Britt T.W., Castro C.A. and Alder A.B. (2005). Self-Engagement, Stressors, and Health: A Longitudinal Study. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 31, 1475-1486.
9. Buchanan B. (1974). Building organizational commitment: The socialization of managers in work organizations. *Administrative Science Quarterly*, 19, 533-546.
10. Campbell J.P., Dunnette M.D., Lawler E.E. and Weick K. (1970). *Managerial behavior, performance and effectiveness*. New York: McGraw-Hill.
11. Chen H. and Chen Y. (2008). The impact of Work Redesign and Psychological Empowerment on Organizational Commitment in a Changing Environment: An Example From Taiwan's State-Owned Enterprises. *Public Personnel Management*, 37, 279-302.
12. Cohen A. (1996). On the discriminant validity of the Meyer and Allen measure of organizational commitment: How does it fit with the work commitment construct? *Educational and Psychological Measurement*, 56, 494-503.
13. Deci W.L. and Ryan R.M. (1985). *Intrinsic motivation and self-determination in human behavior*. New York: Plenum.
14. Demerouti E., Bakker A.B., Nachreiner F. and Schaufeli W.B. (2001). The Job Demands-Resources Model of Burnout. *Journal of Applied Psychology*, 86, 499-512.
15. Ergeneli A., Ari G.S. and Metin S. (2007). Psychological empowerment and its relationship to trust in immediate managers. *Journal of Business Research*, 60, 41-49.
16. Grawitch M.J., Ledford Jr. G.E., Ballard D.W. and Barber L.K. (2009). Leading the Healthy Workforce: The integral role of employee involvement. *Consulting Psychology Journal: Practice and Research*, 61, 122-135.
17. Grawitch M.J., Trares S. and Kohler J.M. (2007). Healthy Workplace Practices and Employee Outcomes. *International Journal of Stress Management*, 14, 275-293.
18. Hackman J.R. and Oldman G.R. (1980). *Work redesign*. Reading, MA: Addison-Wesley.
19. Hallberg, U. E. and Schaufeli, W. B. (2006). "Same Same" But different? Can Work Engagement Be Discriminated from Job Involvement and Organizational Commitment?
20. C.M. (2005). Does supporting employees' career adaptability lead to
20. Ko J-W., Price J.L. and Mueller C.W. (1997). Assessment of Meyer and Allen's Three-Component Model of organizational commitment in South Korea. *Journal of Applied Psychology*, 82, 961-973.
21. Korunka C., Kubicek B., Schaufeli W.B. and Hoonakker P. (2009). Work engagement and burnout: testing the robustness of the Job Demands-Resources model. *The Journal of Positive Psychology*, 4, 243-255.
22. Koys D.J. and DeCotiis T.A. (1991). Inductive measures of psychological climate. *Human Relations*, 44 (3), 265-285.
23. Laca F.A., Mejía J.C. and Gondra J.M. (2006). Propuesta de una modelo para evaluar el bienestar laboral como componente de la salud mental. *Psicología y Salud*, 16, 87-92.
24. Lashley C. (1999). Employee empowerment in services: framework for analysis. *Personnel Review*, 28, 169-191.
25. Laschinger H. and Finegan J. (2005). Empowering Nurses for Work Engagement and Health in Hospital Settings. *JONA*, 35, 439-449.
26. Levin J.M. and Kleiner B.H. (1992). How to reduce organizational turnover and absenteeism. *Work Study*, 41, 6, 6-9.
27. McMurray A., Scott D.R., and Pace R. (2004). The relationship between organizational commitment and organizational climate in manufacturing. *Human Resource Development Quarterly*, 15, 473-488.
28. Menon S.T. (2001). Employee Empowerment: An Integrative Psychological Approach. *Applied Psychology: An International Review*, 50, 153-180.

29. Menon S.T. (1999). Psychological Empowerment: Definition, Measurement, and Validation. *Canadian Journal of Behavioural Science*, 31, 161-164.
30. Meyer J.P. and Allen N.J. (1984). Testing the side-bet theory of organizational commitment: Some methodological considerations. *Journal of Applied Psychology*, 69, 372-378.
31. Meyer J.P. and Allen N.J. (1991). A three-component conceptualization of organizational commitment. *Human Resource Management Review*, 1, 61-89.
32. Mobley W.H. (1982). *Employee turnover causes, consequences and control*. Reading, MA: Addison Wesley.
33. Moran E.T. and Volkwein J.F. (1992). The cultural approach to the formation of organizational climate. *Australian Journal of Communication*, 17, 98-112.
34. Pienaar J. and Willemse S.A. (2008). Burnout, engagement, coping and general health of service employees in the hospitality industry. *Tourism Management*, 29, 1053-1063.
35. Poter L.W., Steers R.M., Mowday R.T. and Boulain P.V. (1974). Organizational commitment, job satisfaction, and turnover among psychiatric technicians. *Journal of Applied Psychology*, 59, 603-609.
36. Prestholdt P.H., Lane I.M. and Mathews R.C. (1987). Nurse turnover as reasoned action: Development of a process model. *Journal of Applied Psychology*, 72, 221-228.
37. Rydqvist L.G. and Winroth J. (2002). *Sports, Keep-Fit Measures, Health and Health Promotion*, (In Swedish), Farsta: SISU Sportsbooks.
38. Thorlakson A. J. H. and Murray R.P. (1996). An Empirical Study of Empowerment in the Workplace. *Group & Organization Management*, 21, 67-83.
39. Warr P.B. (1978). A study of psychological well-being. *British Journal of Psychology*, 69, 111-121.
40. Warr P.B. (2003). Well-being and the workplace. In D. Kahneman E. Diener y N. Schwarz (Eds.): *Well-being. The foundations of hedonic psychology*. New York: Russell Sage Foundation.
41. Wilson M.G., Dejoy D.M., Vandenberg R.J., Richardson H.A. and McGrath A.L. (2004). Work characteristics and employee health and well-being: Test of a model of healthy work organization. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*, 77, 565-588.
42. Zwetsloot G. and Pot F. (2004). The business value of health management. *Journal of Business Ethics*, 55, 115-124.

**ОБЩЕЕ, ОСОБЕННОЕ И ЕДИНИЧНОЕ В КОНТЕКСТЕ
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВРАЧЕЙ И ПАЦИЕНТОВ**
**GENERAL, SPECIAL AND INDIVIDUAL IN THE CONTEXT
OF THE RELATIONSHIP OF DOCTORS AND PATIENTS**

Н.Е. Галочкина

Нижегородская государственная медицинская академия

N.E. Galochkina

Nizhni Novgorod State medical academy

Анализируются общие, особенные и единичные характеристики в отношениях врачей и пациентов. Общее представлено общественными стереотипами, ориентированными на биосоциальную ограниченность больного, единичное – субъекты отношений: врачи и больные. Синтез общего и единичного формирует особенное. Характер взаимодействия врачей и пациентов формируется на двух общих принципах: принцип необратимости и принцип «отображения реакций».

This article analyzes the general, special and individual characteristics in the relationship of doctors and patients. General is represented by social stereotypes focused on biosocial limitations of the patient, single – the subjects of relationships: physicians and patients. Synthesis of general and individual forms particular. The nature of interaction between doctors and patients is substantiated on two general principles: the principle of irreversibility, the principle of «display reactions».

Ключевые слова: общее особенное и единичное, врачи, больные, принцип необратимости, принцип «отображения реакций».

Keywords: general and special individual, doctors, patients, the principle of irreversibility, the principle of «display reactions».

Анализируя специфику влияния врачей как представителей помогающей профессии на физическое и духовное состояние больного человека, формирование самоидентификации его личности, прежде всего, возникает необходимость выявить общее и специфическое в исследуемой системе отношений. Подобного рода взаимосвязи, детерминированные социальным бытием относительно вышеуказанных групп, имеют общие черты, позволяющие отнести их к определенной совокупности отношений общественной жизни. В то же время они обладают специфическими чертами, свойственными этому явлению в определенных условиях времени и пространства социума. Общее, особенное и единичное следует рассматривать как часть, целое и их непосредственный синтез, воплощаемый в особенное, что характеризует специфическую систему диалектической взаимосвязи врачей и больных.

Предпринимается попытка выделить содержательно-смысловые контексты проявления общего, особенного и единичного в характере взаимосвязи врачей и больных людей. Подобного рода концептуализация на базе анализа общего, особенного и единичного служит одним из наиболее действенных инструментов целостного видения отношений врачей и пациентов в их диалектическом противоречии, которое определяет условия социального бытия изучаемых групп общества, чем объясняется актуальность выбранной проблематики.

Проблематика помогающих профессий, в частности врачей, активно разрабатывается в работах, по большей мере, социологического характера. В своей статье А.В. Бачурина сосредоточивает внимание на проблеме формирования компетентности и модели компетентного специалиста как особо важной для представителей помогающих профессий [1]. К вопросу о компетентности обращается Л.М. Долгова, которая отмечает, что «компетентность – это способность (умение) действовать на основе полученных знаний» [2]. Подобное качество первостепенно и необходимо в этом роде человеческой деятельности. В рамках педагогики уделяется внимание подготовке специа-

листов помогающих профессий. Диссертация Е.А. Чиркиной посвящена разработке, обоснованию структурно-содержательной программы формирования эмоционального интеллекта студентов – будущих специалистов в сфере помогающих профессий [3]. Однако практически отсутствуют работы, изучающие социально-философские аспекты взаимосвязи общего, особенного, единичного в отношениях врачей и пациентов. В философских исследованиях данной проблематике не уделялось должного внимания.

Общее, особенное и единичное представляет собой фундаментальную категорию, отражающую закономерности социального развития, в т.ч. на уровне таких социальных групп, как врачи и больные. С одной стороны, развитие отношений между ними зависит от действия многочисленных факторов и обстоятельств (объективных и субъективных), но с другой – оно обладает общими моментами, условиями, принципами. Диалектика общего и особенного во взаимоотношениях проявляется как взаимосвязь общих тенденций, установок, ориентированных на биосоциальную ограниченность больного, господствующих в обществе, что определенным образом транслируется на больного человека через группу врачей и специфики отдельного субъекта. Единичным в данной системе взаимоотношений выступают отдельные пациенты и врачи, обладающие индивидуальными качественными характеристиками восприятия болезни. Единичное внутри групп как врачей, так и больных обладает относительной субъективностью, обособленностью, дискретностью, отграниченностью друг от друга в пространстве и во времени. Им присущи специфические индивидуальные особенности, составляющие их неповторимую количественно-качественную вариабельность. В то же время они связаны и постоянно взаимодействуют друг с другом.

Взаимовлияние врачей и пациентов подчинено общим принципам. Одним из важных является принцип необратимости «социального времени». Это означает, что в данном случае отсутствует точка возврата. Единичности как субъекты (врач и пациент) в новом качестве отношения взаимодействуют только один раз. Количество их взаимосвязей аккумулируется, после чего происходит качественный скачок, в результате которого осуществляется переход на новый уровень взаимодействия врача и больного. При этом субъективная составляющая их сознания трансформируется *a posteriori*, порождая новый, «другой» вид отношений.

Качественно-количественный синтез общего и единичного продуцирует формирование особенного в форме отдельных, специфических связей врачей и больных, отличающихся вариабельностью форм проявления. Врачи, являющиеся представителями помогающих профессий, обязаны предпринимать те или иные действия по отношению к своим пациентам, нацеленные на ока-

вание им помощи. Это провоцирует ответную, неоднозначную реакцию больного человека, которая определяется его индивидуальными, единичными качествами. Такое положение вещей активизирует действия общего принципа отображения реакций, проявляющегося в единстве двух неотъемлемых друг от друга элементов. Во-первых, «конформного отображения», когда больной сохраняет осознание собственного «Я» в ответ на воздействие врача, как позитивное, так и негативное. Во-вторых, его диалектически противоположной стороной является обратный принцип «антиконформного отображения», предполагающего, что личность больного при взаимодействии с врачом переживает серьёзные ментальные количественно-качественные трансформации, в результате чего происходит перестраивание ориентации его самоидентичности на позицию ограниченности собственного биосоциального потенциала. Личность больного в данном случае снижает свою общественную активность.

Общее, особенное и единичное синтезируется в рамках той или иной социальной предельности отношений врачей и пациентов. Эти предельности носят различный характер. Они зависят от уровня развития всего общества, его части, системы здравоохранения, доступности медицинских услуг, компетенции и профессионализма каждого врача, индивидуальных, единичных особенностей самого пациента, его психофизиологических качеств, положения в обществе, материального достатка.

Применение категории общего, особенного и единичного к интерпретации феномена взаимосвязи социальных групп врачей и пациентов предоставило возможность нового социально-философского толкования обозначенных общественных связей, в основе которых лежит принцип необратимости, принцип отображения реакций, выраженный в конформном и антиконформном отображении. Диалектическая связь общего, особенного и единичного определяет эссенцию взаимосвязи врачей и больных.

Литература

1. Бачурина А.В. Помогающие профессии в контексте компетентностного подхода // Ученые записки Забайкальского государственного университета. № 4. 2011. С. 211-217.
2. Долгова Л.М. Материалы к обсуждению доклада // Современные подходы к компетентностно-ориентированному образованию: материалы семинара / Под ред. А.В. Великановой. Самара: Профи, 2001. 60 с.
3. Чиркина Е.А. Формирование эмоционального интеллекта студентов, будущих специалистов в сфере помогающих профессий дидактическими средствами: дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.01, 13.00.08, Удмуртский гос. ун-т, Ижевск, 2012. 175 с.

**ПРИМЕНЕНИЕ РУССКОЙ ВЕРСИИ ПЕДИАТРИЧЕСКОЙ ШКАЛЫ
БАЛАНСА ДЛЯ ОЦЕНКИ ФУНКЦИИ РАВНОВЕСИЯ И
МОБИЛЬНОСТИ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ОГРАНИЧЕННЫ-
МИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ**
**APPLICATION OF THE RUSSIAN VERSION OF PEDIATRIC
BALANCE SCALE FOR ASSESSMENT OF EQUILIBRIUM FUNCTION
AND MOBILITY IN CHILDREN AND ADOLESCENTS WITH
SPECIAL NEEDS**

Ю.П. Зверев, М.В. Курникова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

Yu.P. Zverev, M.V. Kurnikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Обосновывается применение русской версии Педиатрической Шкалы Баланса (ПШБ) у детей и подростков с различными степенями ограничения функции равновесия и функциональной мобильности. Показана средняя до высокой текущая валидность инструмента, рассчитанная на основе корреляции между значениями ПШБ и другими тестами на функциональную мобильность и баланс.

The present paper investigates the application of Russian version of Pediatric Balance Scale (PBS) in children and adolescents with minor to severe impairments of balance and functional mobility. PBS demonstrated moderate to high concurrent validity based on correlation between PBS scores and performance on other tests of balance and mobility.

Ключевые слова: дети с ограниченными возможностями здоровья, педиатрическая шкала баланса, текущая валидность.

Keywords: children with special needs, pediatric balance scale, concurrent validity.

Введение

Способность поддерживать и перестраивать баланс является обязательным условием для развития моторики ребёнка и формирования необходимых двигательных навыков. У большинства детей с ограниченными возможностями здоровья отмечается нарушения функции баланса, что приводит к ограничению активности и участия в различных сферах жизнедеятельности.

Для оценки функции баланса применяются как инструментальные методы, так и функциональные пробы и шкалы. Последние имеют некоторые преимущества, так как не требуют существенных материальных и временных затрат и просты в использовании, поэтому шкальные техники для оценки ба-

ланса нашли широкое применение в практике физической реабилитации и адаптивной физической культуры (АФК).

«Золотым стандартом» в исследовании и оценке баланса по праву считается Шкала Баланса Берга, ШББ (Berg Balance Scale). Сравнительно недавно была разработана модифицированная версия ШББ для детей и подростков – Педиатрическая Шкала Баланса, ПШБ (Pediatric Balance Scale) [1].

ПШБ оценивает функциональный баланс (статический и динамический) в контексте обычной ежедневной активности детей и подростков. В рамках Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья – МКФ (International Classification of Functioning, Disability and Health, WHO, 2001 – ICFDH) ПШБ может быть использована для оценки доменов функций и структур организма, связанных с движением. В плане компонента «Активность» МКФ основным исследуемым доменом является мобильность (изменение и поддержание положения тела; ходьба и передвижение).

ПШБ отличается от ШББ следующими модификациями: реорганизацией последовательности заданий – задания расположены в порядке возрастания их сложности; уменьшением временных стандартов для удержания статических положений и более чёткими инструкциями направлений движения в динамических заданиях [1].

В международной практике ПШБ широко применяется для оценки баланса и мобильности как здоровых детей и подростков, так и детей с двигательными нарушениями различной степени тяжести и нозологическими категориями [1-3]. Исследования различных контингентов детей показали высокую валидность, надёжность и чувствительность инструмента [1-3].

Нормативные значения ПШБ были установлены для нормально развивающихся детей дошкольного и школьного возраста. У данной категории детей общий балл ПШБ увеличивается с возрастом и ростом с наибольшим приростом между 6 и 7 годами [2]. У большинства здоровых детей в возрасте 7 лет и старше отмечаются максимальные баллы по ПШБ.

Несмотря на очевидные достоинства, ПШБ не нашла широкого применения в России, поэтому, целью нашего исследования является обоснование применения ПШБ в практике физической реабилитации и АФК.

Материалы и методы

Группа исследования. В исследовании принимало участие 20 детей (9 девочек и 11 мальчиков) в возрасте от 4 до 15 лет, занимающихся адаптивным плаванием в физкультурно-оздоровительном комплексе «Заречный», г. Нижний Новгород. Основным медицинским диагнозом у 12 детей был детский

церебральный паралич различной формы и степени тяжести, у 7 – заболевание аутистического спектра и у 1 – синдром Дауна.

Оценка уровня функциональной мобильности детей осуществлялась с помощью русских версий «Классификации способности к передвижению» – КСП (Functional Ambulation Classification, FAC) и «Классификационной системе крупных моторных функций» – КСКМФ (Gross Motor Function Classification System – Expanded and Revised, GMFCS-ER).

Для оценки баланса применялись авторские русские переводы ПШБ, детской версии теста «Встань и пойдй на время» – ВПВ-Д (Timed Up and Go Test in Children, TUG-IC) и теста «Подъём и спуск по лестнице на время» – ПСЛВ (Timed Up and Down Stairs, TUDS).

Шкала ПШБ включает 14 заданий (рутинных действий повседневной жизни, связанных с поддержанием или изменением позы, совершением действий), выполнение каждого из которых оценивается от 0 (худшее значение, невозможность выполнить задание) до 4 баллов (лучшее значение, самостоятельное выполнение задания). Максимальное количество баллов равно 56, возможный разброс баллов – от 0 до 56. Чем выше общее количество баллов, тем лучше функция баланса и функциональная мобильность исследуемого. Длительность проведения тестирования составляла 5-30 мин.

Статистический анализ. Для исследования текущей валидности инструмента использовался непараметрический коэффициент корреляции Спирмана.

Результаты исследования и обсуждение

В таблице 1 представлено распределение участников исследования в зависимости от способности к передвижению (КСП) и уровня развития крупных моторных функций (КСКМФ).

Таблица 1

Распределение участников исследования согласно уровню функциональной мобильности

КСП			КСКМФ		
Категории	Характеристика	n (%)	Уровни	Характеристика	n (%)
5	Независимое передвижение	6 (30)	1	Ходьба без ограничений	7 (35)
4	Независимое передвижение только по ровной поверхности	4 (20)	2	Ходьба с ограничениями	4 (20)
3	Необходимость страховки	6 (30)	3	Ходьба с использованием ручных приспособлений	5 (25)

2, 1	Необходимость физической помощи различной степени при передвижении	4 (20)	4	Ограниченное самостоятельное передвижение	4 (20)
Всего		20 (100)	Всего		20 (100)

Данные таблицы 2 демонстрируют статистически значимую корреляцию между значениями ПШБ и результатами других тестов. В случае КСКМФ корреляционная связь может быть оценена как высокая, а КСП, ВПВ-Д и ПСЛВ – средняя.

Таблица 2

Коэффициент корреляции Спирмана между значениями ПШБ и другими показателями баланса и мобильности

Показатель	ПШБ	
	r	p
КСП	0,615	0,004
КСКМФ	-0,729	0,000
ВПВ-Д	-0,545	0,012
ПСЛВ	-0,696	0,000

Следовательно, результаты исследования показали хорошую согласованность между результатами оценки функции баланса с помощью ПШБ и другими тестами на функциональную мобильность, что может служить обоснованием для её применения у детей и подростков с различной степенью нарушений крупной моторики и баланса.

Литература

1. Franjoine, M. R. Pediatric balance scale: a modified version of the Berg balance scale for the school age child with mild to moderate motor impairment / M.R. Franjoine, J.S. Gunther, M.J. // Taylor Pediatric physical therapy, 2003. 15(2). P. 114-128.
2. The Performance of Children Developing Typically on the Pediatric Balance Scale / M.R. Franjoine, [et al.] // Pediatric physical therapy. 2010. 22(4). P. 350-359.
3. Validity, responsiveness, minimal detectable change, and minimal clinically important change of pediatric balance scale in children with cerebral palsy / C. Chen [et al.] // Research in developmental disabilities. 2012. 34. P. 916-922.

ПОДДЕРЖИВАЕМОЕ ТРУДОУСТРОЙСТВО КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ТРУДОУСТРОЙСТВА ЛЮДЕЙ С МЕНТАЛЬНОЙ ИНВАЛИДНОСТЬЮ

SUPPORTED EMPLOYMENT AS AN EFFECTIVE FORM OF EMPLOYMENT PEOPLE WITH MENTAL DISABILITIES

Ю.В. Клепинина

Омский государственный технический университет

Yu.V. Klepinina

Omsk State Technical University

Рассматривается одна из форм трудоустройства людей с ментальной инвалидностью – поддерживаемое трудоустройство, которое позволяет не только трудоустроить такого сотрудника, но и помочь ему адаптироваться и закрепиться на рабочем месте, оказывая всестороннюю поддержку.

The article considers one of the forms of employment people with mental disabilities – supported employment, that can not only employ a worker but also help to adapt and approve themselves on a workplace, providing comprehensive care.

Ключевые слова: инвалид, люди с ментальными нарушениями, поддерживаемое трудоустройство.

Keywords: disabled, people with mental disabilities, supported employment.

В настоящее время трудоустройство людей с инвалидностью является чрезвычайно важной задачей, которая требует не только реализации уже имеющихся технологий работы с данной категорией работников, но и активного внедрения инновационного опыта для более эффективного решения данной задачи, поскольку люди с инвалидностью представляют собой такую категорию работников, которые занимают «неблагоприятную» позицию по сравнению с остальными категориями и сталкиваются с дополнительными трудностями в процессе трудоустройства. Особенности ограничений здоровья по-разному сказываются на профессиональных возможностях человека с инвалидностью и на способности к выполнению им трудовой деятельности. В нашей стране наиболее незащищенной категорией инвалидов, которые больше других испытывают трудности при трудоустройстве, являются люди с ментальной инвалидностью. По данным Федеральной службы государственной статистики, численность лиц в возрасте 18 лет и более, впервые признанных инвалидами вследствие психических расстройств и расстройств поведения, в 2010 г. составила 36,8 тыс. человек [7], в 2011 г. – 35,3 тыс. человек, в 2012 г. – 33,5 тыс. человек, в 2013 г. – 31,8 тыс. человек, в 2014 г. – 31,7 тыс. человек [1]. Анализируя статистические данные, можно сделать вывод, что количество людей, признанных инвалидами вследствие данной при-

чины, снизилось с 2010 г. по 2014 г. на 5,1 тыс. человек, но все еще остается высоким.

Конкурентоспособность людей с ментальной инвалидностью на рынке труда зачастую ниже не только по сравнению со здоровыми сотрудниками, но и с сотрудниками, имеющими ограничения здоровья. Это подтверждают и данные проведенного в 2011 г. «Мониторинга нарушений прав лиц с ментальной инвалидностью и членов их семей», в рамках которого было опрошено 723 человека с инвалидностью в сфере психического здоровья [2, с. 9-10]. Сами люди, имеющие ментальную инвалидность, указывают на то, что испытывают трудности в сфере трудоустройства – 93% респондентов, из них: 39,5% испытывают трудности, связанные с наличием инвалидности; 47,5% отметили, что не могут найти работу рядом с домом, а добраться до рабочего места самостоятельно для них затруднительно. При этом 78% людей с ментальной инвалидностью не трудоустроены [2, с. 11].

Представители общественных организаций инвалидов отмечают [3], что при обращении человека, имеющего ментальные нарушения, в государственную службу занятости населения возможность его трудоустройства очень низка, поскольку специальные программы по трудоустройству для таких людей не разрабатываются. Особенно актуальными в данном случае становятся услуги сопровождаемого (поддерживаемого) трудоустройства.

Поддерживаемое трудоустройство – это программа сопровождения, предназначенная для людей с ментальной инвалидностью, которая не только способствует их включению и успешной работе в условиях открытого рынка, но и помогает человеку с инвалидностью адаптироваться и закрепиться на рабочем месте [4]. Для трудоустройства людей, имеющих психические отклонения, такая технология является поистине уникальной.

Модель поддерживаемого трудоустройства была разработана в США и Канаде еще в 70-80-х гг. прошлого века [5, с. 15]. Идею такого трудоустройства в России начала распространять с 2000 г. Региональная общественная организация людей с инвалидностью «Перспектива». Ее представители выяснили, что в некоторых российских организациях в тот момент были программы, напоминающие поддерживаемое трудоустройство, но им не хватало детальной проработки и квалифицированных специалистов [4]. В настоящее время в нашей стране идея сопровождаемого трудоустройства только начинает развиваться. Так, в марте 2016 г. Санкт-Петербургской ассоциацией общественных объединений родителей детей-инвалидов был проведен семинар-тренинг для специалистов социально-ориентированных НКО «Сопровождаемое трудоустройство людей с ментальной инвалидностью как технология» [6]. В июне 2016 г. в общественной организации Нижнего Новгорода

«Верас» состоялся информационно-практический семинар, посвященный вопросам сопровождаемого трудоустройства, в котором приняли участие профильные специалисты из Нижегородской области, Москвы, Пскова и Германии, а также родители подростков и молодых людей с нарушениями развития [7].

Следует отметить, что поддерживаемое трудоустройство предполагает в качестве основных элементов следующие меры [5, с. 16]: оценку способностей, интересов и желаний человека с инвалидностью с последующим индивидуальным планированием и поиском работы; интеграцию, т.е. работу сотрудников с инвалидностью рядом со здоровыми людьми в одинаковых условиях; обучение выполнению трудовых функций на подобранном рабочем месте; оказание в течение длительного времени помощи в адаптации и поддержки на рабочем месте.

Важно указать, что модель поддерживаемого трудоустройства основывается на деятельности специалиста, который и оказывает человеку с инвалидностью необходимую помощь и поддержку. Такой «куратор» [5, с. 17] помогает найти подходящее рабочее место с учетом индивидуальных особенностей инвалида и адаптироваться в трудовом коллективе, проводит тренинг социальных навыков, оказывает помощь при проезде на работу, обучает на рабочем месте, содействует развитию самостоятельности. Специалисты по поддерживаемому трудоустройству – люди, имеющие высшее образование в области социальной работы, социологии или педагогики, которые приобретают специальные навыки, необходимые в работе в процессе практики, обмениваясь опытом с другими специалистами или же получая специальное образование. В Голландии, например, есть специальные курсы – «Поддержка на рабочем месте» в Маастрихтском университете [5, с. 46].

Можно сделать вывод, что во многих странах мира решение проблемы трудоустройства людей с ментальной инвалидностью было найдено благодаря программе поддерживаемого трудоустройства. Данная программа способствует включению людей с инвалидностью в сферу занятости путем успешного трудоустройства, предполагающего также адаптацию на рабочем месте. Это, в свою очередь, позволяет человеку, имеющему ментальные нарушения, не просто найти работу, но и закрепиться на рабочем месте, успешно взаимодействовать с коллективом и получать возможности для реализации трудового потенциала.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Здравоохранение в России. 2016. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_34/Main.htm. (Дата обращения: 01.06.2016).

2. Мониторинг нарушений прав лиц с ментальной инвалидностью и членов их семей / Авторы–составители: М. Ларионов, Н. Хонг Линь, М. Черкашин. М.: РООИ «Перспектива», Москва, 2011. 32 с.
3. Региональная общественная организация людей с инвалидностью «Перспектива» [Электронный ресурс] // О соблюдении прав граждан с ментальной инвалидностью. 2016. Режим доступа: https://perspektiva-inva.ru/userfiles/publication/O-sobliudenii-prav-grazhdan-s-mentalnoi-invalid-nostiu-v-RF_v2.pdf. (Дата обращения: 03.06.2016).
4. Региональная общественная организация людей с инвалидностью «Перспектива» [Электронный ресурс] // Поддерживаемое трудоустройство. 2016. Режим доступа: <https://perspektiva-inva.ru/jobs/soiskatelyam/podder-trud/>. (Дата обращения: 05.06.2016).
5. Поддерживаемое трудоустройство в европейских странах: Пособие для специалистов, работающих в сфере трудоустройства людей с инвалидностью / Автор-составитель Новиков М.Л. М.: РООИ «Перспектива», 2008. 83 с.
6. Санкт-Петербургская ассоциация общественных объединений родителей детей-инвалидов «ГАООРДИ» [Электронный ресурс] // Сопровождаемое трудоустройство людей с ментальной инвалидностью. 2016. Режим доступа: <http://gaoordi.ru/event/podderzh-trud-1/>. (Дата обращения: 05.06.2016).
7. Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас» [Электронный ресурс] // Эксперты и родители обсудили развитие сопровождаемого проживания и занятости для людей с интеллектуальной инвалидностью как новую форму соцуслуг. Режим доступа: <http://veras-nn.ru/eksperty-i-roditeli-obsudili-razvitiye-soprovozhdaemogo-prozhivaniya-i-zanyatosti-dlya-lyudej-s-intellektualnoj-invalidnostyu-kak-novuyu-formu-sotsuslug/>. (Дата обращения: 22.06.2016).
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // Распределение численности лиц в возрасте 18 лет и старше, впервые признанных инвалидами, по причинам инвалидности. 2016. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_34/IssWWW.exe/Stg/d01/01-74.htm. (Дата обращения: 01.06.2016).

**КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННАЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРСОНАЛА СКОРОЙ ПОМОЩИ
КАК ОБЪЕКТ ЦЕННОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ
CLIENT-ORIENTED PROFESSIONAL WORK OF STAFF
AMBULANCES AS AN OBJECT OF VALUE REGULATION**

А.П. Козлов

*Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского*

А.Р. Kozlov

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Представлены результаты эмпирического исследования клиентоориентированности в медицинских организациях скорой помощи. Дано определение клиентоориентированности как ключевого фактора создания конкурентных преимуществ. Показано, что организационная культура является важным ценностно-мотивационным ресурсом организации. Проведён сравнительный анализ типов организационной культуры и клиентоориентированности персонала и компаний в государственном и частном медицинских учреждениях.

The results of empirical study of client-oriented in emergency medical services are given. Client-oriented is defined as a key factor to creating competitive advantages. It is shown that the organizational culture is an important value-motivational resource of organization. It is conducted the comparative analysis of the types of organizational culture and client-oriented of the personnel and companies in state-owned and private medical institutions.

Ключевые слова: клиентоориентированность персонала, организационные ценности, организационная культура, медицинский персонал, ценностная регуляция.

Keywords: client-oriented of staff, organizational values, organizational culture, medical staff, and value regulation of behavior.

В настоящее время платные медицинские услуги населению выступают альтернативой или дополнением государственных медицинских услуг по полису обязательного медицинского страхования (ОМС). Это относится и к услугам скорой неотложной помощи. Частные организации находятся в жёсткой конкурентной рыночной среде. Важнейшим конкурентным преимуществом организации является её *клиентоориентированность* (КО), которая выражается в стремлении и способности компании понять и удовлетворить потребности клиента. Конкурентная рыночная среда способствует внедрению КО в практику организации. Как отмечают исследователи: «Перспективный бизнес ищет ресурсы перехода к бизнесу заботы. Среди ресурсов компании важнейшим является ценностно-мотивационная и поведенческая готовность персонала обеспечивать заботу о клиенте» [1, с. 389]. Важным ценностно-мотивационным основанием клиентоориентированности является *организационная культура* (ОК). Поскольку ОК представляет собой систему общих ценностей, своеобразное ценностное поле, в котором находится работник, она формирует соответствующие этим ценностям модели поведения.

Основываясь на предположении, что ценности организационной культуры различаются в условиях государственного и частного предприятия, проведено исследование. *Цель проведённого исследования:* выявить специфику ценностно-мотивационной регуляции клиентоориентированной профессиональной деятельности в медицинских организациях государственной и частной форм собственности.

В качестве *эмпирической базы* исследования выбраны две медицинские организации скорой помощи: *отделение* скорой медицинской помощи Федерального бюджетного учреждения здравоохранения (СМП) с государственной формой собственности и *подразделение* скорой медицинской помощи ООО «МедСервис» (МС) с частной формой собственности. *Респонденты:* 36

врачей и фельдшеров скорой медицинской помощи, в том числе государственной (СМП) – 18 человек и частной (МС) – 18 человек. В том числе женщин – 13 (36%), мужчин – 23 (64%); 11 врачей (31%) и 25 фельдшеров (69%). Возраст сотрудников – от 21 года до 55 лет (средний возраст 34,5 года), стаж медицинской работы от 1 года до 26 лет (средний стаж более 11 лет).

Методы: метод диагностики организационной культуры К. Камерона и Р. Куинна [2], опросник клиентоориентированность работника (КоРа) А.В. Орлова, Е.Н. Башук, Е.А. Хмелева [3], шкала оценки ориентации компании на клиента МКТОР Д. Нэрвера и С. Слэйтера [4, с. 46], глубинное интервью. Эти методы позволяют, опираясь на содержание конкретных вопросов, интерпретировать полученные показатели клиентоориентированности как удовлетворение определённых категорий потребностей клиентов по классификации А. Маслоу [5]. Обработка результатов осуществлялась с помощью непараметрических методов математической статистики. *Результаты исследования* представлены в *таблице*.

Таблица 1

Характеристики актуального состояния организационной культуры, клиентоориентированности персонала и компании в медицинских организациях скорой помощи с разной формой собственности

Организации	Актуальный тип ОК				Клиентоориентированность (КО) персонала							КО организации	
	К	А	Р	И	ПД	КС	ДК	ТЖТ	РД	КОП	ОИК	ЦПУ	РИУ
МС	26,1	20,7	32,7	20,5	10,6	17,4	20,2	16,9	18,9	81,8	36,7	4,2	4,0
СМП	27,6	18,9	20,8	32,7	5,2	12,3	23,2	10,3	15,6	63,5	28,6	3,3	2,4
p(U)	—	—	**	**	**	*	Т	**	Т	*	*	*	**

В таблице: К – клановая составляющая ОК, А – адхократическая, Р – рыночная, И – иерархическая, ПД – планирование деятельности, КС – конформистская стратегия работы с клиентом, ДК – дистанцирование от клиента, ТЖТ – терпимость к житейским трудностям, РД – рефлексия деятельности, КОП – клиентоориентированная профессионализация, ОИК – ориентация на интересы клиента, ЦПУ – наличие целей по повышению удовлетворённости клиентов, РИУ – регулярность измерения уровня удовлетворённости клиентов; p (U) – уровень значимости критерия Манна-Уитни; ** – $p(U) \leq 0.01$; * $p(U) \leq 0.05$; Т – тенденция; тире в таблице означает, что различия статистически не значимы.

Анализ результатов исследования показывает, что в компании «МедСервис» (МС) потребности клиента удовлетворяются в большей степени, чем в СМП. Потребность в безопасности удовлетворяется за счёт склонности к планированию и самоорганизации в работе с клиентами (ПД), к самоанализу своей работы с клиентами (РД). Потребность в принятии удовлетворяется по причине готовности работника пренебречь житейскими проблемами ради эффективного взаимодействия с клиентом (ТЖТ), психологической готовности эффективно работать с клиентами, развивать соответствующие компетенции (КОП), наличия чётко выраженных целей по повышению удовлетворённости клиентов (ЦПУ). Потребность в уважении, признании удовлетворяется за счёт установки, что желаниями клиента нельзя пренебрегать ради интересов компании (ОИК), конформистской стратегии работы с клиентом (КС), регулярности измерения уровня удовлетворённости клиентов (РИУ). В то же время наличие психологических барьеров в процессе взаимодействия с клиентами (ДК) выше в СМП, что свидетельствует не в пользу клиентоориентированности персонала данной организации по сравнению с МС.

Результаты также показывают, что для компании МС, с частной формой собственности, характерна ОК рыночно-кланового типа, а для СМП – иерархически-кланового. В МС рыночный компонент ОК получил самое высокое значение (32,7%). Организацию характеризует ориентация на результат (прибыль). Главный фокус настроен на удовлетворённость клиентов, так как они обеспечивают денежные поступления. В отношениях между работниками МС существует конкуренция – каждый стремится повысить свой рейтинг, который определяет ценность работника для организации. Организационная структура в СМП более формализована и ориентирована на соблюдение стандартов, инструкций и регламента, поэтому на первом месте у этой организации представлен иерархический тип ОК (32,7%).

Вторую по значимости оценку в обеих компаниях получила клановая составляющая ОК (26,1% в МС и 27,6% в СМП). Интервью показывает, что при бюрократической ориентации клановая составляющая обеспечивает комфортность отношений для самого персонала, в виду слабой конкуренции между работниками и отсутствии заинтересованности в клиентах. Главное в работе персонала СМП – это соблюдение инструкций и дисциплины. В то же время при рыночной доминанте клановая составляющая может обеспечивать реальную заботу о клиенте. В ходе интервью выяснено, что зарплата в МС напрямую зависит от количества обслуженных клиентов (сдельная система оплаты труда) и качества оказанной помощи. В МС рейтинг врача во многом зависит от отзывов клиентов.

Выводы:

1. Выявлены различия в клиентоориентированности организаций. В организации МедСервис, с частной формой собственности, потребности клиентов в безопасности, принятии и уважении удовлетворяются лучше, чем в организации СМП с государственной формой собственности;

2. Исследование также показало наличие различий в типах организационных культур данных медицинских организаций. В организации МедСервис рыночно-клановая организационная культура, а в СМП – иерархически-клановая;

3. Организационная культура в МедСервис построена на ценностях, которые включают клиента в ценностное поле (среду) организации. Следствием этого и является более полное удовлетворение потребностей клиента.

Литературы

1. Захарова Л.Н., Примак А.И. Бизнес заботы: организационная культура и социально-психологический потенциал развития предприятий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. №5 (1). С. 388-395.

2. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И.В. Андреевой. СПб: Питер, 2001. 320 с.

3. Орлов А.В., Башук Е.Н., Хмелев Е.А. Тестовая диагностика клиентоориентированности персонала компаний // Четырнадцатая международная научно-практическая конференция "Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития". 25–28 ноября 2014 года: Материалы конференции. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ – СПб», 2014. С. 128-130.

4. Рожков А.Г., Ребязина В.А., Смирнова М.М. Ориентация компании на клиента: результаты эмпирической проверки на примере российского рынка // Российский журнал менеджмента. 2014. Т. 12, № 3. С. 33-58.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. / Пер. с англ. СПб.: Питер, 2014. 400 с.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПАРТНЕРОВ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ НАВЫКА КРУГЛОГОДИЧНОЙ ДВИГАТЕЛЬ- НОЙ АКТИВНОСТИ ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ **INTERACTION OF SOCIAL PARTNERS IN FORMATION OF YEAR-ROUND PHYSICAL ACTIVITY SKILLS OF DISABLED CHILDREN AND ADOLESCENTS**

М.В. Курникова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

M.V. Kurnikova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Изложен опыт и результаты работы программы поддержки детей-инвалидов и их родителей на основе методов и средств адаптивной физической культуры для формирования навыка круглогодичной двигательной активности с применением принципов социального партнерства между муни-

ципальным физкультурно-спортивным учреждением, общественной организацией родителей детей-инвалидов и высшим учебным заведением.

The paper presents the practical experience and results of implementation of the program of support of children with disabilities and their parents which is based on adaptive physical culture methods and means of development of year-round physical activity skills with application of the principles of social partnership between a municipal sports center, public organization of parents of disabled children and a higher educational institution.

Ключевые слова: адаптивная физическая культура, физическая реабилитация, двигательная активность, дети и подростки с инвалидностью, социальное партнерство.

Keywords: adaptive physical culture, physical rehabilitation, physical activity, disabled children and adolescents, social partnership.

Актуальность. Из всех видов человеческой деятельности, пожалуй, только физическая культура способна наиболее полно удовлетворить потребности человека в движении, в самоуважении и личностном совершенствовании. Внедрение физической культуры и спорта в быт детей и подростков с инвалидностью, превращение их в привычку и жизненную необходимость, часть активного отдыха и культурного досуга является одной из основных задач специалиста по физической реабилитации. [1].

Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура) обеспечивает элементарные потребности в движении, в социализации и в творческой деятельности. Элементарные потребности удовлетворяются за счет восстановления физических сил и компенсации недостатка мышечных усилий с помощью физических упражнений; потребности социализации – путем адаптивного физического воспитания; потребности в творческой деятельности – через адаптивный спорт.

Физическая активность имеет много измерений (вид, частота, интенсивность) и делится на два типа: базовую и структурированную. Базовая физическая активность – это нерегулярная мышечная работа, которую человек выполняет ежедневно, занимаясь домашними делами, передвигаясь по дому, по улице, играя. Этот вид активности помогает поддерживать функциональные возможности в целом, а также избегать последствий малоподвижного образа жизни. Базовая активность является основанием для структурированной физической активности.

Структурированная физическая активность – это упражнения и тренировки, направленные на улучшение или поддержание физических качеств: мышечной силы, выносливости, гибкости, ловкости, скорости выполнения дви-

жений. Этот вид активности требует специфически подобранного тренировочного режима и специальных упражнений.

Паттерн физической активности формируется в раннем возрасте и закладывает фундамент на всю жизнь. Ребенок с двигательными нарушениями не может сформировать физически активный стиль жизни, т.к. ему намного труднее, чем здоровым сверстникам, выполнять движения и у него меньше возможности получать радость и удовольствие от движений [1].

Задача физической реабилитации – стимулировать ребенка поддерживать общую физическую активность на максимально возможном для него уровне, создавать условия, в которых он мог бы самостоятельно накапливать двигательный опыт, задействуя силу, выносливость, другие физические качества и заниматься различными видами спорта.

Для обеспечения круглогодичной физической активности детей-инвалидов (вне зависимости от времени года, погодных условий, учебных занятий, каникул) нужны различные формы и средства адаптивной физической культуры: тренировки в бассейне, тренировки в спортивном зале, на улице, массовые физкультурно-спортивные праздники, выездные физкультурно-рекреационные мероприятия [2; 3].

Подбор адекватной, безопасной, дозированной физической нагрузки и отслеживание эффективности результатов воздействия и планирования дальнейших мероприятий, применения методов и средств требуют динамического врачебно-педагогического наблюдения за изменениями параметров физического развития и двигательных навыков детей-инвалидов; уровнем их психофизиологического и соматического здоровья; функциональных и адаптивных резервов организма [4].

Возможность посещения и регулярность занятий по адаптивной физической культуре детьми и подростками с инвалидностью напрямую зависит от желания родителей. Для повышения мотивации к регулярным занятиям (в том числе и самостоятельным), содействию распространения простейших и наиболее эффективных практик применения средств адаптивной физической культуры в домашних условиях необходимо обучение родителей практическим навыкам использования средств плавания, фитнеса и спортивных игр для дозирования физической нагрузки своих детей в круглогодичном режиме.

Для решения вышеперечисленных задач необходимо создать систему внутриведомственного и межведомственного взаимодействия учреждений образования, социального обеспечения, социальной и творческой реабилитации, медицинских учреждений, отвечающих за абилитацию и реабилитацию детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья.

Такое сотрудничество может быть организовано как социальное партнерство.

«Социальное партнерство» – достаточно новый термин, характеризующий совместную деятельность учреждений и их партнеров независимо от их типа, вида и статуса. Взаимодействие с каждым из партнеров базируется на принципах добровольности, равноправия сторон, уважения интересов друг друга, соблюдения законов и иных нормативных актов [5].

Цель исследования – создать условия для стимуляции базовой физической активности и тренировки структурированной физической активности детей и подростков с инвалидностью в круглогодичном режиме с применением принципов социального партнерства между муниципальным физкультурно-спортивным учреждением, общественной организацией родителей детей-инвалидов и высшим учебным заведением.

Организация исследования. Исследование проводилось в период 2013-2016 гг. в Ленинском районе города Нижнего Новгорода. Участники исследования: Департамент по спорту и молодежной политике Администрации г. Нижнего Новгорода; общественная организация родителей детей-инвалидов «Нива»; муниципальное бюджетное образовательное учреждение дополнительного образования Дворец спорта для детей и юношества «Заречье»; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Контингент исследования составили 25 детей и подростков с инвалидностью в возрасте от 4 до 18 лет с органическим поражением центральной нервной системы, синдромом Дауна, врожденными аномалиями развития опорно-двигательного аппарата. У всех детей имелись двигательные расстройства средней и тяжелой степени, снижение интеллекта, нарушения речи.

Для реализации цели исследования была разработана программа круглогодичных занятий и мероприятий для детей-инвалидов и их родителей на основе методов и средств адаптивной физической культуры для формирования навыка круглогодичной двигательной активности, а именно:

1. с октября по май были организованы регулярные занятия (2 раза в неделю) в бассейне по обучению плаванию детей-инвалидов с обязательным участием родителей. В процесс тренировок привлекались волонтеры-студенты ННГУ им. Н.И. Лобачевского в качестве помощников тренера. Курс тренировок заканчивался открытым уроком-праздником, на котором детям вручались сертификаты «Я умею плавать!» и подарки от благотворительных организаций;

2. ежегодно в первую неделю декабря проводились физкультурно-спортивные праздники «Спорт. Движение. Жизнь», «Мама, папа, я», «Малые Паралимпийские игры» в виде веселых стартов, эстафет с элементами спор-

тивных игр на основе методик интегративной сенсорно-моторной тренировки;

3. с июня по сентябрь на открытых спортивных площадках Дворца спорта для детей и юношества «Заречье» 1 раз в неделю были организованы занятия с использованием специализированных тренажеров для инвалидов для тренировки силы мышц, координации и быстроты реакции, статического и динамического баланса.

Исходя из практического опыта, нами были сформулированы функции и необходимые условия со стороны социальных партнеров, которые должны быть выполнены для проведения систематических занятий, обеспечения безопасности и сохранения здоровья детей.

Функции и условия со стороны МБОУ ДО ДС «Заречье»:

- наличие в штате специалиста с профильным образованием по направлению «Адаптивная физическая культура»;

- обеспечение времени посещения, когда максимально свободны раздевалки и чаша бассейна, так называемое «мертвое время» с 11 часов до 12 часов, когда утренние секции для здоровых детей уже закончили, а дневные секции еще не начали тренировки;

- назначение куратора из административного персонала, работа которого заключается в регистрации заявлений, медицинских справок, организации родителей, согласовании расписания занятий;

- обеспечение доступа в раздевалки и душевые для мам с подростками-мальчиками, не способными к самостоятельному обслуживанию;

- присутствие медицинского работника на тренировках для оказания неотложной помощи.

Общественная организация родителей детей-инвалидов «Нива» выполняет следующие функции:

- инициация начала занятий;

- согласование расписания тренировок;

- организация выезда детей на соревнования и на летний активный отдых.

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского:

- готовит кадры по направлению «Физическая культура для лиц с отклонением в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)»;

- осуществляет научно-методическое руководство тренировочного процесса;

- обеспечивает повышение квалификации персонала учреждения;

- организует волонтерское движение среди студентов для помощи тренерам и родителям в проведении занятий.

Департамент по спорту и молодежной политике администрации г. Нижнего Новгорода обеспечивал административный контроль и соблюдение законодательной базы.

Результаты исследования:

1. зарегистрировано расширение диапазона базовой двигательной активности в повседневной жизни у всех занимающихся детей, в частности это: умение самостоятельно ходить без помощи, подъем-спуск по лестнице без помощи, самостоятельный захват кистью предметов, увеличение амплитуды движения в суставах; улучшение показателей статического и динамического баланса;

2. двое воспитанников в декабре 2015 г. приняли участие в областных соревнованиях по плаванию среди инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата и заняли призовые места;

3. отмечается повышение активности родителей в самостоятельном использовании средств адаптивной физической культуры и двигательной рекреации: они стали принимать участие в городских спортивных мероприятиях вместе с детьми; чаще выходить на прогулки, выезжать за город, на естественные водоемы. В июле 2016 г. три семьи с подростками в возрасте 15, 16 и 17 лет впервые выехали на отдых на Черноморское побережье г. Анапы, т.к. положительная динамика статического и динамического баланса подростков и приобретенное умение плавать позволили без осложнений перенести поездку на железнодорожном транспорте и безопасно принимать морские купания.

Данный опыт взаимодействия организаций и учреждений на основе социального партнерства может быть использован и внедрен в практику реализации программ физической реабилитации детей и подростков с инвалидностью.

Литература

1. Ключкова Е.В. Введение в физическую терапию: реабилитация детей с церебральным параличом и другими двигательными нарушениями неврологической природы / Е.В. Ключкова. М.: Теревинф. 2014. 288 с.

2. Ключкова Е.В. Интегративный лагерь для детей с двигательными нарушениями. Программы для детей, родителей и волонтеров. М.: Теревинф, 2009.

3. Курникова М.В. Сценарий физкультурно-спортивного праздника для лиц с ограниченными возможностями различных нозологических групп / М.В. Курникова, В.А. Оринчук, Е.Н. Фомичева // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. № 1. 2013. С. 60-63.

4. Балчугов В.А. Роль и место интегральной оценки функциональных резервов организма в системе медицинской реабилитации / В.А. Балчугов, Н.Г. Чекалова, М.В. Курникова [и др.] / Современные подходы реабилитации, адаптивной физической культуры в работе с лицами, имеющими ограниченные возможности здоровья. Материалы IV Международной научно-практической конференции (Н. Новгород, 12 февраля 2013 г.) /

под общ. ред. к.п.н., доцента Е.Н. Фомичевой, к.м.н. Ю.П. Зверева, к.п.н. В.А. Оринчука. Н.Новгород, типография ООО «Цветной мир». 2013. С. 91-95.

5. Усанина Н.С. Опыт работы по межсетевому взаимодействию и социальному партнерству в рамках инклюзивного образования ДОО города Ярославля / Инклюзивное образование: результаты, опыт и перспективы: сборник материалов III Международной научно-практической конференции/ под ред. С.В. Алехиной. М.: МГППУ. 2015. 528 с.

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СОХРАНЕНИЯ ЗДОРОВЬЯ СТУДЕНТОВ И ВЫПУСКНИКОВ ВУЗОВ

THE MAIN OBJECTIVE OF PRESERVATION OF HEALTH OF STUDENTS AND GRADUATES

Н.М. Макиевская

Московский авиационный институт (НИУ)

N.M. Makievskaya

Moscow Aviation Institute (National Research University)

Рассматриваются вопросы влияния возможности самостоятельной организации самостоятельной работы студента при совмещении работы и обучения.

This article discusses the possible impact of the independent organization of independent work of students combining work and training.

Ключевые слова: самостоятельная работа, здоровье, работа, совмещение.

Keywords: independent work, health, work, the combination of.

В апреле-июне 2016 г. было проведено мини-исследование в студенческой среде российского и польского университетов по вопросам организации студентами своего свободного времени, в частности для организации самостоятельной работы, и мнения студентов о влиянии данной опции на их состояние здоровья. В опросе принимали участие 120 российских (МАИ НИУ) и 170 польских студентов Высшей школы безопасности в Гданьске. Выделялись группы работающих студентов, отмечались самооценки состояния здоровья работающих и неработающих студентов.

Коммерциализация услуг образования вынуждает обучающихся для получения высшего образования совмещать работу и обучение. Соответственно нагрузка на обучающихся возрастает, что не способствует сохранению и укреплению здоровья студентов. Введением Федеральных государственных стандартов утверждено количество часов самостоятельной работы студента, которое составляет не менее половины учебного времени. Самостоятельная работа является одним из видов учебной работы студента. В соответствии со ст. 43 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» студенты обязаны осуществлять самостоятельную под-

готовку к занятиям, выполнять задания, данные педагогическими работниками в рамках образовательных программ.

Значительное количество часов самостоятельной работы представлено и в учебных планах польских университетов. Несмотря на положительные моменты возможности самостоятельной организации своего свободного времени для качественного изучения материала как российскими, так и польскими студентами отмечается, что данный процесс не эффективен. Это отмечают 69% обучающихся на последнем курсе в бакалавриате кафедры Государственного и муниципального управления правоведения и психологии МАИ (НИУ) и 41,4% обучающихся Высшей школы безопасности в Гданьске. Эффективность организации своего свободного времени отмечают 15,2% российских и 17,2% польских студентов. 51,7% польских студентов не указывают на негативное влияние на состояние своего здоровья, самостоятельное распределение времени для организации самостоятельной работы, отмечают удобство в самостоятельном распределении времени для самостоятельной работы. Так же считают лишь 28,8% российских студентов. 45,5% российских студентов отмечают, что самостоятельная работа занимает слишком много времени, есть чувство усталости, дискомфорта, что в 1,9 раза больше чем у польских студентов (24,1%). Однако постоянный дискомфорт и возможное ухудшение здоровья отмечают 24,1 % польских студентов и 19,7% российских студентов. Из опрошенных российских студентов 50% работают, что на 19% меньше, чем польских студентов (69%). Определить тенденцию положительного либо отрицательного воздействия на состояние здоровья в рамках самостоятельного распределения личного времени для самостоятельной работы у работающих студентов оказалось затруднительным, т.к. 49% из опрошенных работающих студентов отметили, что ухудшение здоровья, связанного с самостоятельной организацией самостоятельной работы, с момента совмещения работы и учебы не произошло, в то же время 51% студентов утверждают обратное. 69% польских работающих студентов указывают, что ухудшения здоровья не произошло, при этом отмечая постоянные занятия спортом.

В связи с указанной спецификой необходима коррекция образовательной деятельности при совмещении с работой. Необходимо обращать внимание на режимные моменты чередования труда и отдыха, смены деятельности. Помощь в качественном усвоении материала в рамках выполнения самостоятельной работы посредством организации консультационной и тьюторской поддержки обучающихся несомненно поможет студентам сориентироваться и скорректировать индивидуальный маршрут даже при совмещении работы с

учебой. Стоит обратить больше внимания на стагнацию состояния здоровья у польских студентов с учетом их систематических занятий спортом.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».
2. Макиевская Н.М. О качестве материала при самостоятельной подготовке студента к аудиторным занятиям. Материалы IX Международной научно-практической конференции ВЫСШАЯ ШКОЛА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ: в 2 ч. Москва, РУДН, 21-22 апреля 2016 / Научн.ред. В.И. Казаренков, М.А.Рушина, Москва: РУДН, 2016. Ч. 2. 641. С. 2016-2021.
3. Макиевская Н.М. Вопросы социального и физического здоровья молодого поколения в контексте перемен // Молодёжь в современном обществе: проблемы и перспективы: коллективная монография / Науч.ред. А.Б. Лымарь. Москва: РУДН, 2014. С. 53-56.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ ИНВАЛИДОВ В АДАПТИВНОМ СПОРТЕ SOCIAL REHABILITATION OF THE DISABLED IN ADAPTIVE SPORTS

В.А. Оринчук

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

V.A. Orinchuk

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается возможность использования адаптивного спорта как компонента социальной реабилитации инвалидов. Предложена модель социального взаимодействия в адаптивном спорте, направленная на повышение уровня социальной интеграции инвалидов.

The article discusses the possibility of using adaptive sports as a component of social rehabilitation of the disabled. The proposed model of social interaction in adaptive activities aimed at improving the social integration of persons with disabilities.

Ключевые слова: инвалид, адаптивный спорт, социальная реабилитация, социальная интеграция, социальное взаимодействие.

Keywords: disabled, adaptive sports, social rehabilitation, social integration, social interaction.

Состояние ограниченных возможностей, обусловленное стойкими структурными и функциональными изменениями организма, в настоящее время охватывает не менее 10% населения планеты, и имеется тенденция к ежегодному увеличению количества инвалидов на планете [1]. В Российской Федерации, по данным Росстата, удалось добиться незначительного снижения ко-

личества инвалидов с 9,2% в 2012 г. (13,2 млн. человек) до 8,7% – в 2016 г. (12,8 млн. человек). Но определенную тревогу вызывает увеличение на 10% за тот же период детей инвалидов: с 560 тысяч в 2012 г. до 617 тыс. в 2016 г.

Существенным итогом гуманизации общественных взглядов в отношении лиц с ограниченными возможностями здоровья (далее ОВЗ) в конце XX – начале XXI вв. стал рост значимости социализирующих реабилитационных практик [2].

Одним из действенных направлений социальной интеграции и реабилитации инвалидов различных нозологических групп является физкультурно-спортивная деятельность. Известно, если для здоровых людей двигательная активность – обычная и ежедневная потребность, то двигательная активность инвалидов существенно снижается, и физические упражнения становятся для них жизненно необходимыми, так как являются действенным средством физической, психической и социальной реабилитации [1].

Адаптивный спорт как компонент адаптивной физической культуры (далее АФК) призван с помощью рационально организованной двигательной активности, используя сохраненные функции организма, остаточное здоровье, природные физические ресурсы и духовные силы инвалида, максимально приблизить психофизические возможности организма и личности к самореализации в обществе [3].

Адаптивный спорт в значительной мере содействует интеграции инвалида в общественную жизнь, позволяет включиться в социальные контакты с другими людьми: спортсменами, тренерами, врачами и др. В процессе занятий спортом инвалид получает возможность для самореализации, самосовершенствования, самоутверждения, самоопределения. Адаптивный спорт может выступать как средство достижения совершенно разных целей в жизни инвалида [3]:

1. Средство самоутверждения, со стремлением к лидерству и победе.
2. Способ укрепить здоровье, скорректировать двигательные функции, улучшить самочувствие.
3. Средство социальной и психологической адаптации и реабилитации (расширение круга общения, борьба со стеснительностью и др.).
4. Спорт как профессиональная деятельность, главный способ добычи материальных средств.

Одной из основных задач физкультурно-спортивной деятельности для лиц с ограниченными возможностями становится оптимизация процессов социальной интеграции [2].

На рисунке представлена модель социального взаимодействия в адаптивном спорте: определены уровни социального взаимодействия, содержание

физкультурно-спортивной деятельности лиц с ОВЗ и субъекты социального взаимодействия соответствующие определенным уровням.

Лицо с ОВЗ		
Уровни взаимодействия	Содержание физкультурно-спортивной деятельности	Субъекты социального взаимодействия
1 уровень	Занятия АФК (индивидуально)	Семья – Тренер – Врач
2 уровень	Занятия адаптивным Спортом	Одногруппники – Участники и организаторы спортивных мероприятий – Волонтеры
3 уровень	Образование в сфере АФК	Студенты – Преподаватели
4 уровень	Адаптивный спорт – профессиональная деятельность	Работодатель – Профессиональный коллектив
Результат - уровень социальной интеграции		

Рис. Модель социального взаимодействия в адаптивном спорте

1-ому уровню взаимодействия соответствует начальный этап занятий адаптивным спортом – индивидуальные занятия инвалида адаптивной физической культурой, когда происходит взаимодействие инвалида с тренером, врачом и членами семьи, без которых в большинстве своем невозможны занятия адаптивным спортом для инвалидов.

На 2-ом уровне взаимодействия предполагаются систематические занятия инвалида адаптивным спортом в спортивной секции и участие в спортивно-массовых мероприятиях, существенно увеличивается количество субъектов социального взаимодействия. К субъектам 1-го уровня добавляются участники и организаторы спортивных мероприятий, одногруппники по спортивной секции, волонтеры.

3-ий уровень социального взаимодействия позволяет реализовать потребность инвалида в получении профессионального образования, в том числе в сфере АФК. Этот уровень позволит включить в субъекты социального взаимодействия студентов, преподавателей и сотрудников образовательной организации.

Реализация 4-го уровня социального взаимодействия возможна, если занятия адаптивным спортом станут профессиональной деятельностью инвалида, при достижении инвалидом высоких спортивных результатов и попадании в состав сборной команды России в избранном виде спорта или работы в качестве тренера, инструктора, консультанта в спортивной школе на отделении адаптивного спорта.

Проблема в реализации предложенной модели социального взаимодействия в адаптивном спорте являются:

- Низкая мотивация инвалидов к систематическим занятиям физической культурой и спортом и психологические барьеры (стеснение, ощущение неудобства).
- Транспортные барьеры и проблемы в доступности городской инфраструктуры для инвалидов.
- Несоответствие большинства спортивных объектов требованиям обеспечения беспрепятственного доступа на них инвалидов и отсутствия финансирования данного вида деятельности.
- Малое количество отделений адаптивного спорта в существующих спортивных школах и клубах, отсутствие детско-юношеских спортивно-адаптивных школ.
- Низкая образовательная и пропагандистская работа по развитию адаптивной физической культуры и спорта на региональном и муниципальном уровнях (в том числе в СМИ и по телевидению).
- Недостаточная активность региональных органов исполнительной власти, муниципальных образований, физкультурно-спортивных организаций, их руководителей и ответственных работников по развитию физкультурно-спортивного движения инвалидов.

Адаптивный спорт может стать важным компонентом социальной реабилитации лиц с ОВЗ. Реализация предложенной модели социального взаимодействия в адаптивном спорте позволит существенно расширить количество субъектов социального взаимодействия, создаст благоприятные условия для образовательной и профессиональной деятельности инвалидов, что, в целом, позволит повысить качество их социальной реабилитации.

Литература

1. Фомичева Е.Н. Изучение отношения лиц с ограниченными возможностями здоровья различных нозологических групп к занятиям адаптивной физической культурой (на примере физкультурных праздников) / Е.Н. Фомичева, М.В. Курникова, В.А. Оринчук // Адаптивная физическая культура. 2014. № 1(57). С. 35-37.
2. Храмов В.В. Адаптивная физическая культура и спорт: социальные проблемы реабилитации: дис... док. мед. наук (14.00.52) / Храмов Владимир Владимирович; Волгоград, 2008. 276 с.
3. Оринчук В.А. Основы адаптивного спорта: учебное пособие для студентов всех форм обучения направлений подготовки: 034400 – «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья»; 034300 – «Физическая культура» / В.А. Оринчук, Е. Н. Фомичева, М. В. Курникова. Н.Новгород : ООО «Цветной мир», 2015. 294 с.

**ПОМОГАЮЩИЕ НЕПРОФЕССИОНАЛЫ:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ПСИХИАТРИИ
HELPING NONPROFESSIONALS: SOCIAL MOVEMENTS
IN PSYCHIATRY**

С.А. Судьин

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

S.A. Sudjin

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается эволюция и роль общественных объединений в системе социально-психиатрической работы в России. Дана характеристика их актуального состояния, основные проблемы функционирования и экспертные оценки перспектив развития.

Evolution and role of public institutions in the system of socio-psychiatric work in Russia are considered. The characteristics of their actual condition, the main problems of functioning and expert evaluations of development prospects are given.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческие организации социально-психиатрического профиля, социально-психиатрическая работа, социология психического здоровья.

Keywords: civil society, socio-psychiatric public institutions, socio-psychiatric work, sociology of mental health.

Профессиональная медицинская помощь психически больным и членам их семей представляет собой ключевой компонент терапевтического процесса, закладывающий основу социальной интеграции индивида. Периоды стационарного лечения и консультаций в диспансерах при этом занимают лишь небольшую долю времени в жизни пациента и его окружения; все оставшееся время больной проводит в домашних условиях, а его родственники должны взять на себя функции кейс-менеджеров болезни. Потребность в получении знаний о психических нарушениях, выработке навыков обращения с больным, распознавании приближающихся рисков, а также сохранении функциональности семьи в кризисных условиях формируют социальный заказ на услуги общественных организаций, членами которых чаще всего являются непрофессионалы, прошедшие через схожие проблемы и накопившие свой трагический опыт.

При всем многообразии психических болезней существует немало причин, делающих универсальными страдания родственников и приемы их преодоления. Это и стигматизация, затрагивающая не только больного, но и всю его

семью, трудности с алгоритмизацией процесса ухода за больным в силу непредсказуемости течения болезни, отказы от лечения, суицидальные попытки и бытовые риски. Опыт семей, прошедших через все эти сложности, оказывается чрезвычайно востребованным и на определенном этапе адаптации семьи бывает даже более актуальным, чем профессиональное медицинское вмешательство.

Неразвитость и фрагментарность отечественного сектора общественных объединений в сфере психиатрии заставляет обратиться к международному опыту их деятельности. Работа общественных объединений ведется на нескольких уровнях в зависимости от характера решаемых ими задач и направлений деятельности. Основным институтом, осуществляющим такую работу, являются группы самопомощи для пациентов, членов их семей, друзей и близких. Их основная функция – передача конкретных навыков формирования внутрисемейных копинг-стратегий и обучение основным приемам ухода за больным. В силу многоликости психических заболеваний эти группы формируются чаще всего по нозологическому принципу, что позволяет оказывать наиболее релевантную помощь в соответствии со спецификой заболевания [1].

Поощрение подобного формата работы, основанного на субъект-субъектной парадигме и активизации ресурсов больного и семьи, выражается в наличии своего рода зонтичных структур, аккумулирующих информацию об имеющихся группах самопомощи на местах и содействующих формированию новых в зависимости от имеющихся потребностей. Содействие выражается также в правовой поддержке и предоставлении помещений для групповых занятий. Зонтичные структуры позволяют формировать общенациональную информационную сеть, облегчающую доступ к конкретным группам самопомощи в регионах.

Задачи социальной интеграции и снижения социальной сегрегации психически больных делают потребителем социально-психиатрической информации и общество в целом. Очевидно, что усилий малых групп при решении таких задач недостаточно; эту функцию берут на себя социально-психиатрические альянсы, имеющие множество (до полутора тысяч) отделений по всей стране, способных проводить не только групповые занятия, но масштабные просветительские акции в школах, университетах, психообразовательные и иные мероприятия социально-психиатрической направленности.

Необходимо отметить, что все эти организации являются продуктом гражданской активности, роль государства в которой ограничена лишь созданием адекватной законодательной базы. Государственное финансирование общественных объединений или носит символический характер, или представляет

собой контрактные отношения на оказание определенных услуг. Это позволяет вырабатывать наиболее релевантные предложения, запрос на которые идет непосредственно от клиента.

Зарубежный опыт деятельности общественных организаций в психиатрии является основой для сравнительного анализа с отечественной практикой их становления, функционирования и развития, а социально-политический и исторический контекст их становления позволит определить перспективы формирования эффективных моделей социально-психиатрической работы [2].

Отечественные общественные организации социально-психиатрической направленности являются поздним продуктом демократических перемен, возникшим изначально на фоне критики психиатрической практики. Независимая психиатрическая ассоциация, возникшая в 1989 г., стала первым и на долгое время единственным заметным общественным объединением, работающим в этой сфере. Поскольку в центре внимания в то время находились проблемы либерализации законодательного регулирования и психиатрической помощи, остальные вопросы, такие, как работа с родственниками или развитие внестационарных форм помощи, решались в «кухонном» формате. Принятие закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании, регулирующего, среди прочего, и взаимодействие с общественными организациями, ознаменовало начало нового этапа в развитии отечественной психиатрии. Кризисные явления 90-х гг. XX в. затормозили активность гражданского участия в психиатрической сфере, многие организации озаботились поиском возможностей перейти в разряд бюджетных учреждений с целью гарантировать себе хотя бы минимум ресурсов, обеспечивающих выживание в сложных условиях.

Обращение к проблемам родственников, осуществляющих уход, стало новым толчком развития социально-психиатрических НКО. В 2000 г. была основана РОО «Клуб психиатров», объединившая в своих рядах врачей-психиатров, организаторов психиатрической помощи, деятелей науки из Москвы и Московской области. В 2001 г. в Москве при поддержке Московского научно-исследовательского института психиатрии была основана ОООИ «Новые возможности», ныне насчитывающая свыше 50 отделений по всей стране и являющаяся членом Европейской федерации ассоциаций семей с психически больными (EUFAMI); в 2002 г. при поддержке Научного центра психического здоровья РАМН – РБОО «Семья и психическое здоровье». В настоящее время в России можно выделить организации, работающие с больными шизофренией, депрессиями, аутизмом, синдромом Дауна, синдромом Ретта, алкоголизмом, наркоманией, лудоманией, а также их родственниками и ближайшим окружением. Свыше половины всех организаций зани-

маются проблемами наркозависимости, пятая часть – алкоголизма, что отражает актуальность данной проблемы для современной России.

В настоящее время в России существуют как развитые и высокоорганизованные общественные объединения, интегрированные в международные социально-психиатрические альянсы, так и отдельные структуры, нередко имеющие, при всей важности решаемых ими задач, маргинальный характер. К первой группе можно отнести организации, финансируемые крупными благотворительными фондами при поддержке медийных персон. Они занимаются, как правило, крупными инфраструктурными проектами в школах, психиатрических больницах и социальных учреждениях, их акции направлены на привлечение внимания к проблемам лиц, страдающих теми или иными психическими заболеваниями, и конструирование социальных проблем. Ко второй группе относятся организации, общественные объединения и группы самопомощи, находящиеся на острие социально-психиатрической работы в непосредственной близости от их клиентов. Такие организации зачастую формально не вписаны в социальную структуру, опираются на свои средства, не имеют возможности участвовать в грантах и работать по контрактам с органами исполнительной власти.

По результатам наших исследований, проведенных в период с 2013 по 2016 гг., можно выделить следующие направления деятельности общественных объединений социально-психиатрического профиля: правозащитное, просветительское, психообразовательное, досуговое, творческое, антистигматизационное, реабилитационное [3]. Большинство организаций декларируют комплексный характер своей деятельности, включающий большинство из перечисленных направлений на фоне преобладания какого-либо из них.

Наряду с возрастающей потребностью в услугах социально-психиатрических НКО отмечается неразвитость механизмов формирования гражданского участия в сфере психиатрии, отсутствие поддержки со стороны государства. Отметим, что данное расхождение носит системный характер и связано уже не только с трудностями начального периода. Происходящие изменения, по оценкам экспертов, ведут к дальнейшему усложнению ситуации, в которой выживут лишь организации, имеющие серьезную финансовую поддержку со стороны бизнеса. С другой стороны, нами выявлена двойственная природа самих социально-психиатрических организаций: с одной стороны, помогающие усилия, и деструктивная оппозиция, правовой нигилизм, игнорирование процедурных аспектов при взаимодействии с органами исполнительной власти – с другой. Налаживание конструктивного диалога между всеми институтами, вовлеченными в социально-психиатрическую

проблематику, позволит не только сформировать культуру взаимодействия, но и повысить эффективность всей социально-психиатрической работы.

Литература

1. Судьин С.А. Уровни гражданско-общественной активности в работе с психически больными и членами их семей // Теория и практика общественного развития. 2016. № 4. С. 37-42.
2. Судьин С.А. Общественно-гражданские макроструктуры в работе с психически больными и членами их семей в США // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. Выпуск 36, 2016. С. 44-49.
3. Судьин С.А. Гражданско-общественные организации в сфере психического здоровья: попытка классификации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16. № 2. С. 165-169.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ

ДОКЛАДЫ

**К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ**
ABOUT SOCIAL-PSYCHOLOGICAL COUNSELLING

М.Р. Арпентьева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Ю.Е. Арпентьев

Молдавский государственный университет, Кишинев, Республика Молдова

M.R. Arpentieva

Tsiolkovsky State University of Kaluga

Yu.E. Arpentiev

Moldova State University

Рассмотрены особенности и проблемы изучения социально-психологического консультирования, включая проблемы разработки определения и разработки единой концепции социально-психологического консультирования, его связей с клинико-психологическим и возрастнопсихологическим консультированием.

The article is devoted to consideration of the characteristics and problems of the study of socio-psychological counselling, including problem definition and development of a unified concept of socio-psychological counselling, its relationships with clinical-psychological and age-psychological counselling.

Ключевые слова: социально-психологическое консультирование, психотерапия, шаманизм, целительство, взаимопонимание.

Keywords: socio-psychological counseling, psychotherapy, shamanism, healing, and understanding.

Как область консультативной психологии социально-психологическое консультирование существует наряду с другими областями, в том числе с возрастнопсихологическим и клинико-психологическим консультированием [1; 2; 3; 4; 5]. Возрастнопсихологическое консультирование предполагает психологическую помощь людям по поводу проблем, возникающих в ходе возрастного развития и обучения, используя в процессе помощи клиентам закономерности и психотехнологии, активизирующие механизмы возрастного развития. Клинико-психологическое консультирование, во многом отожд-

дествляемое с психотерапией, предполагает психологическую помощь в связи с серьезными нарушениями функционирования и развития психических функций личности, использует в процессе помощи клиентам закономерности и технологии, активизирующие восстановительные (реабилитационные) процессы. Социально-психологическое консультирование, нередко отождествляемое с концептом «консультирование», фокусируется на проблемах взаимоотношений человека с собой и миром, рассматривая эти отношения и как источник проблем, и как путь к их преодолению. Однако, поскольку нарушения отношений констатируются и в ситуации возрастных кризисов, и в ситуации психических нарушений, постольку можно говорить не просто о социально-психологическом консультировании, но о социально-психологическом подходе в консультировании. Формирование данного подхода в области консультирования как сферы профессиональной деятельности и модели помогающих взаимоотношений человека и общества до сих пор не завершены. Социально-психологическое консультирование как эдологическая (помогающая) практика, сфера профессиональной деятельности формируется на «стыке» двух других областей: медицинской помощи и психотерапии и социальной работы. При этом социальная работа, несмотря на то, что она выступает как относительно новый, малоизученный феномен, демонстрирует тенденцию к теоретической экспансии в самые разные сферы профессионального взаимодействия и жизнедеятельности, выступая как «родовой» по отношению к ним феномен. Социально-психологическое консультирование представлет как сложное, полиморфное явление, связанное с помощью разным группам клиентов в решении проблем их отношений с собой и миром: внутриличностного, межличностного, внутригруппового и межгруппового функционирования, развития и восстановления (абилитации и реабилитации). Сейчас усиливается тенденция рассматривать социально-психологическое консультирование в качестве компонента эдологии как науки и практики помощи человека человеку, в контексте проблемы построения и развития человеческих отношений, в том числе такого их феномена, как взаимопонимание. Преобразующий диалог, связанный с достижением и развитием взаимопонимания, понимания себя и мира субъектами взаимодействия, типичный для социально-психологической модели, отличен от клинической беседы в клинико-психологическом консультировании (психотерапии), ориентированной на диагностическое и воздействующее («воздейственное») понимание консультантом клиента, индоктринацию клиента как трансляцию и обучение консультантом клиента как пациента организованным в «психотерапевтический миф» смыслом болезни и излечения, способам осмысления и преобразования его проблем и нарушений. Клиенты в контексте социально-

психологического консультирования, в отличие от клинико-психологического консультирования и психотерапии, рассматриваются не как пациенты, страдающие от дисфункций психических процессов (деятельности) или даже органических причин их нарушений, нуждающиеся в помощи врача-психотерапевта, но как клиенты, стремящиеся исправить более или менее выраженные, осознанные, обширные и глубокие проблемы социального функционирования и развития, которые проявляются в отношении индивидуальных и групповых субъектов к самим себе и/или к окружающим их субъектам, миру в целом (на внутреннем или внешнем по отношению к личности или группе уровнях). Таким образом, клиенты могут стремиться уменьшить дис-сонанс или деформацию, восстановить гармонию и развивать себя и отношения с миром, реализуя себя и давая возможность реализоваться окружающим.

Что касается медицинской, собственно психотерапевтической помощи, являющейся историческим «источником» социально-психологического консультирования, то нужно отметить все большее обособление и вместе с тем тенденцию к экспансии социально-психологического подхода в теорию и практику клинического, психиатрического и психотерапевтического взаимодействия, а также – экспансии социальной работы в теорию и практику медицины в целом, формирования социально-медицинской работы, в которой, как и в социально-педагогической работе, ведущим моментом является психологическое консультирование (краткосрочное или долгосрочное). Выполняя свои собственные задачи, социально-психологическое консультирование позволяет преодолеть усеченность диагностики и помощи (лечения) в медицинской психотерапии и психиатрии, для которых типичен клинический редуционизм – игнорирование социально-психологических факторов нарушений.

Насколько важен учет социально-психологических аспектов помощи людям, демонстрирующих те или иные признаки нарушений или затруднений (общую или парциальную социально-психологическую некомпетентность) во взаимоотношениях с обществом, людьми, самими собой, говорят современные концепции психосоматики, «антипсихиатрии» и целительства, противопоставляющие «объектному» подходу к человеку, его ограничениям и ошибкам преобразующий диалог. Это существенно расширяет круг проблем и клиентов, которым может быть оказана помощь, изменяет сам контекст, смысловые акценты рассмотрения проблем клиентов. Социально-психологическое консультирование характеризуется, таким образом, широкой ориентацией: групп проблем и клиентов, которым оказывается помощь, парадигм помощи и лежащих в их основе эпистемологических оснований.

Рассмотрение различных проблем и работа с самыми разными группами клиентов предполагает выход за пределы ситуации индивидуальной жизнедеятельности, ее рассмотрение в широком социальном контексте. С социально-психологической точки зрения, трудные ситуации, становящиеся причинами страданий клиентов, включают внутриличностные, межличностные и межгрупповые социально-психологические конфликты и нарушения, возникающие в связи с рядом проблем [2; 5]:

1) макросоциальные кризисные стрессовые ситуации, связанные с катастрофами, терактами, войнами, стимулирующие возникновение транскординарных нарушений типа вины выжившего, «стокгольмского синдрома», посттравматических стрессовых расстройств;

2) социальное насилие, столкновение человека с частной и государственной преступностью, активизирующие нарушения связанные с переживаниями социального каннибализма, незащитности и отсутствия контроля, опыта рабства и виктимизации;

3) проблемы и конфликты религиозно-нравственных и межкультурных отношений, активизирующие нарушения, связанные с переживаниями отчуждения, агрессии, несправедливости, расовой, национальной и религиозной дискриминации;

4) отклоняющееся поведение, преступность и правонарушения, активизирующие экзистенциальный кризис и нарушения, связанные с переживаниями агрессивной неудовлетворенности собой, миром, стремления отомстить миру и людям, «взять от жизни все»;

5) терминальные заболевания и связанные с ними состояния (комы, изоляции и т.д.), переживание потерь близких людей, активизирующие нарушения понимания себя и мира, работу механизмов компенсации или восстановления по поводу обратимых и горевания по поводу необратимых потерь;

6) инвалидность, хронические психосоматические и психические заболевания, алкоголизм и наркомания, активизирующие нарушения внутриличностного и межличностного функционирования, способствующие различного рода искажениям развития, в т.ч. инволюционные ресоматизации, психопатии и т.д., ставящие задачи поиска продуктивных защит и стратегий совладания с болезнями, исследования нужд и трансформации желаний;

7) социально-экономическая нужда и бедность, безработица и профессиональная дезадаптация, активизирующие переживания, связанные с лишением доступа к реализации собственных ресурсов, сознательный или бессознательный отказ от связей с обществом и профессиональных отношений, включая феномены «дауншифтинга», создания симулякров, маргинализацию;

8) сексизм как половая дискриминация и насилие, искажения гендерных и половых ролей и жизнедеятельности, активизирующие проблемы и переживания неудовлетворенности в семейной и профессиональной жизни, необходимость пересмотра семейных и родовых сценариев и опыта взаимоотношений;

9) одиночество детей, взрослых, пожилых, их бездомность, отсутствие семьи или проблемы семейных взаимоотношений, разводов и т.д., активизирующие переживания по поводу невозможности подтверждения и разделения, связанные с отсутствием близости и изоляцией, невозможности понимания, помощи и изменений в себе и значимых (близких) других, побуждающие к поиску и пересмотру внутренних оснований жизнедеятельности;

10) проблемы кризисов возрастного, личностного и духовного развития, «экзистенциальной фрустрации», межвозрастного взаимодействия, «эйджизма», взаимодействия групп, отличающихся по духовно-нравственным ориентациям;

11) профессиональное консультирование, включая академическое консультирование и консультирование в различных профессиональных контекстах, например, политическом, управленческом и т.д. – по поводу выбора профессии, обучения, функционирования и развития в организации и вне ее, нарушений взаимодействия профессионалов с организацией, клиентами;

12) проблемы организационно-управленческого плана, коучинг нововведений и антикризисных, развивающих программ, сопровождение процессов управления карьерой и кадрами в организации.

Проблемы, с которыми сталкиваются клиенты, могут быть охарактеризованы как, связанные преимущественно с нарушениями и затруднениями понимания социальных ситуаций, себя или окружающих людей в интимно-личностном, деловом и других видах отношений, локализованные на ценностно-ролевых, смысловых и непосредственно интерактивных уровнях жизнедеятельности. Типологизация ситуаций социально-психологического консультирования на основании различий стоящих перед клиентами проблем позволяет выделить следующие виды консультирования: 1) обращенные к решению проблем (конфликтов и расхождений, выгорания и перенапряжения, деформаций и деструкций) внутриличностного и межличностного уровней; 2) проблем социально-психологического функционирования и его восстановления (психологической защиты и совладания с жизненными трудностями), социально-психологического развития (самореализации и наставничества) в сфере семейных, профессиональных и иных отношений; 3) по поводу травмирующих (внешних) экстремальных ситуаций, возникающих в межличностных «объектных» и межсубъектных отношениях, по поводу

внутриличностного (внутригруппового) кризиса, связанного с «экзистенциальной фрустрацией» и задержкой (нежеланием) развития; 4) направленное на трансформацию жизненных ценностей и интенций, моделей общения, фокусов и способов понимания себя и окружающего мира клиентов.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования). Дисс... докт. психол. наук. М.: МГУ ИМ. М.В. Ломоносова, 2015. 497 с.
2. Арпентьева М.Р., Арпентьев Ю.Е. Антропологический кризис и смена парадигм социальной работы // Формы и методы социальной работы в различных сферах жизнедеятельности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2-4 декабря 2015 г., Улан-Удэ / Отв. ред. Ю.Ю. Шурыгина. Бурятия, Улан-Удэ: ВСГУТУ, 2015. С. 24-25.
3. Бондаренко А.Ф. Психологическая помощь: теория и практика. К.: Укртехпресс, 1997. 125 с.
4. Кочюнас Р. Основы психологического консультирования. М.: Академический проект, 1999. 240 с.
5. Минигалиева М.Р. Психологическое консультирование: теория и практика. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 609 с.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ПСИХОЛОГ КАК ПОМОГАЮЩАЯ ПРОФЕССИЯ: СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПОДГОТОВКИ ORGANIZATIONAL PSYCHOLOGIST AS THE HELPING PROFES- SION: SPECIFIC FEATURES AND TRAINING

Л.Н. Захарова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

L.N. Zakharova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Показана специфика профессиональной деятельности организационного психолога как представителя помогающей профессии, обозначены типичные виды карьеры, ожидания бизнеса. Раскрыты ключевые характеристики компетентности организационного психолога, ограничения традиционной подготовки, условия эффективности образовательной деятельности. Приведен пример реализации ориентации на деловую культуру как основу подготовки организационного психолога, выявлены ее эффекты.

The professional activity of organizational psychologist as a subject of helping profession is implemented in the typical kinds of career, has specific features of the recipients and their business expectations. The key peculiar properties of organizational psychologist competence, the limitations of traditional training and conditions for efficiency of educational activity are revealed. An example of the focus on the business culture as a basis for the organizational psychologists training and its effects are presented.

Ключевые слова: организационный психолог; трудоустройство; современное предприятие, организационная культура, образовательный процесс; организационно-культурная преемственность; ценности; деловые качества.

Keywords: organizational psychologist; employment; modern enterprise, organizational culture, educational process; organizational-cultural continuity; values; business qualities.

Изучение современного рынка труда позволяет увидеть определенные особенности профессионального позиционирования организационных психологов. Организационный психолог – это не традиционный психолог, являющийся относительно независимым специалистом в области психологической помощи населению, с поправкой на то, что это население включено в производственные и организационные отношения. Организационного психолога можно рассматривать как специалиста помогающих профессий. Но адресат его помощи специфичен. Это, как правило, менеджмент предприятий и организаций. Миссия организационного психолога состоит в помощи менеджменту предприятий и организаций в повышении производительности и качества труда на основе использования и совершенствования психологических механизмов управления человеческими ресурсами компании.

Организационному психологу подходит позиция постоянного или временного коллеги или даже партнера менеджмента предприятия в зависимости от того, является он штатным психологом, внешним или внутренним консультантом. Если он не сможет профессионально позиционироваться именно в таком формате отношений, он не сможет оказать менеджменту реальную профессиональную, а будет только выполнять его распоряжения. Если менеджеры сами хорошо психологически подготовлены, им не нужен организационный психолог. Если же бизнес процессы не имеют достаточного психологического обеспечения, то психолог не сможет внести свой вклад в их оптимизацию. Вместе с тем, там, где речь идет о службе управления персоналом, учебных центрах, корпоративном обучении, разработке новых моделей организационного поведения, об экспертной работе по оценке проектов в области рекламы, продвижения товаров и услуг, формирования или обновления имиджа фирмы организационный психолог может оказаться и оказывается незаменимым. В том случае, если организационный психолог услышан, а его знания, аргументированные идеи и труд вошли в реализуемый организацией проект.

Уяснение зоны потенциальной востребованности и понимание содержания деятельности будущих организационных психологов позволяют сформули-

ровать центральную идею и цель их подготовки: формирование готовности к партнерству с менеджментом современного предприятия.

Реализация этой идеи предполагает овладение психологом комплексом личностных и деловых качеств, характерных для специалистов управления [1, 2]. Одним из современных и весьма конструктивных подходов к анализу проблемы формирования деловых качеств является изучение культуры, реализующей функции внешней адаптации и внутренней интеграции на основе конкретных организационных ценностей и соответствующих им моделей поведения [3, 4]. Организационная культура (ОК) предприятий и организаций с функциями в реальном секторе экономики существенно отличается от ОК организаций социального, образовательного, военного профиля [5, 6]. Это определяет проблему преемственности организационных культур системы образования и организаций других типов.

Различия ОК вуза и деловой организации позволяют увидеть некоторые особенности в традиционной подготовке психологов, снижающие эффективность организационных психологов (таблица).

Так, психологи, ориентированные на оказание психологической помощи населению, более склонны работать в условиях клановой ОК, а менеджеры перспективных предприятий закономерно стремятся к развитию ОК со сдвигом баланса в сторону рыночной и инновационной составляющих [5]. Поскольку в российской экономике доминанта рыночно-инновационных ценностей неустойчива и часто выступает как еще недостигнутая цель управления, понятно, что менеджмент предприятий особенно чуток к тому, будет ли новый сотрудник своим трудом способствовать достижению целей организационного развития.

Таблица

Ожидания бизнеса от компетентности организационного психолога (примеры)

	Характеристика компетентности	Содержательный аспект компетентности	Типичные слабые стороны подготовки
1	Разделяемые ценности организационного развития	Развитие, инновационность, межличностные отношения	Межличностные отношения, подчинение
2	Мотивационная ориентированность на оказание профессиональной помощи	Производительность и качество труда, удовлетворенность персонала содержанием и результатами труда, организационная приверженность персонала и клиентов	Вознаграждение за труд, интересная работа, комфортность условий
3	Ограничения в принятии решений	Нормы морали и закона	Желания клиента
4	Ориентировоч-	Знание ключевых характери-	Преобладание знаний в

	ная основа деятельности	стик внешней и внутренней среды бизнеса, психологические факторы повышения производительности и качества индивидуального и коллективного труда, в том числе, управленческого	сфере психологии общения и психодиагностики, стереотипные представления о мотивации, психологическом климате, внутригрупповой сплоченности, доверии и пр.
5	Деловые качества	Хорошая саморегуляция, самостоятельность и личная ответственность на основе моральных и корпоративных ценностей, выстраивание аргументированной позиции, тайм-менеджмент, партнерская коммуникация, проектирование, ведение деловой документации и пр.	Практически неконтролируемое развитие качеств, адекватных принятой системе образования. Часто это – конформность, прокрастинация, принятие решений и действия по аналогии, доверие результатам поверхностной психодиагностической работы и пр.

Уже на этапе получения образования, организационному психологу необходимо быть погруженным в ОК, имеющие серьезные общие черты с культурой деловой организации. Поэтому совершенствование подготовки специалиста предполагает модернизацию ОК, адекватную задачам подготовки. Речь не идет об изменении ОК ВУЗа в целом, поскольку в нем готовятся разнопрофильные специалисты, а только об определенной модернизации некоторого образовательного пространства конкретной специализации. Студенты в процессе обучения вступают в целую систему отношений, и эти отношения могут быть насыщены необходимыми характеристиками в результате межкафедрального взаимодействия. Новый вектор развития ОК специализирующего образовательного пространства для организационных психологов направлен в сторону деловой культуры, чуткой к инновациям. Это, безусловно, не рыночная культура в ее классической форме, но, тем не менее, культура, ориентированная на требования внешней бизнес-среды и содержащая весомый творческий компонент.

Поскольку ОК образовательного пространства, как и любая ОК, складывается из общих ценностей, проявляющихся в организационном поведении и коммуникациях, то изменение ОК возможно за счет целенаправленных и контролируемых изменений требований, содержания и форм учебной деятельности.

На основе изложенных предположений на психологическом отделении ННГУ разработана экспериментальная программа подготовки организационных психологов в магистратуре. Экспериментальная программа представляет собой семестровый системообразующий спецкурс «Организационно-психологическое консультирование». Курс в рамках экспериментальной про-

граммы дополнен практикумом «Психология эффективных продаж». Принципиальными особенностями программы являлись следующие:

- основная идея партнерства: подготовка организационного психолога – это подготовка профессионального партнера менеджмента предприятия, что предполагает развитие поведенческих моделей, адекватных требованиям деловой организации;

- проведение диагностики ОК образовательной ситуации и ОК-предпочтений студентов с анализом организационных и личных эффектов той или иной организационной ситуации;

- реализация учебной деятельности с контролируемыми характеристиками деловой культуры с выраженным творческим компонентом: самостоятельное нахождение проблемной области; формирование команды под задачу с распределением обязанностей и персональной ответственностью; разработка правил внутрикомандных коммуникаций и разрешения конфликтов; разработка деловых предложений и технических заданий, их обоснование в условиях конкурентных предложений; реализация; креативные решения; согласование предложений с менеджментом; внутригрупповая оценка количества и качества труда участников с рейтингом по персоналиям и пр.

Поскольку вводимые изменения, хотя и являются весьма интенсивными, но имеют кратковременный характер и осуществляются локально, речь не идет об изменении организационной культуры как системного и достаточно консервативного феномена. Тем не менее, появляется возможность выявить, происходят ли изменения восприятия организационной ситуации по классическим культурным характеристикам, а также определить те студенческие ОК предпочтения, которые явились результатами экспериментального влияния.

Внедрение новых подходов к подготовке студентов в магистратуре «Организационная психология» дает положительные результаты. Оставляя в стороне детали организации и проведения мониторинга, отметим следующие факты, подтверждающие правильность выбранной парадигмы подготовки.

Студенты осознанно выбирают для себя данную специализацию, хотя знают, с какими трудностями столкнуться при подготовке: работа на реальных предприятиях, выполнение работ, с которыми знакомятся менеджеры предприятий, послуживших эмпирической базой для проводимых исследований, жесткие требования к выполнению работ. Выясняется, что определенная часть студентов выбирает организационную психологию, исходя из престижности, возможности в последствии получить рабочее место с высокой заработной платой, но они не являются приверженцами необходимых ценностей и не могут реализовать нужные модели поведения. Усилия, которые

приходится прикладывать вызывают негативные переживания, иногда даже желание сменить направление подготовки. Но чаще – желание развить требующиеся компетенции на основе сформированной убежденности в их необходимости.

Студенты получают возможность испытать себя в новых для них организационно-культурных обстоятельствах, оценить, насколько они готовы к работе в современных экономических условиях, сформировать траекторию совершенствования своих компетенций.

Выводы:

1. Новые сферы деятельности нередко требуют развития таких профессионально важных деловых качеств, которые практически не требовались и не формировались в традиционной системе подготовки. Несформированность необходимых деловых качеств является серьезным барьером в трудоустройстве выпускников. Проблема снятия подобных барьеров может решаться путем поиска инновационных форм управления качеством процесса подготовки специалиста, в том числе поиска решения проблемы преемственности ОК ВУЗа и потенциального места работы.

2. Существуют значимые различия в ОК вузов и деловых организаций. Введение в процесс подготовки организационных психологов форм обучения с характеристиками деловой культуры достаточно быстро становится заметным студентами и находит свое отражение в особенностях восприятия ими выбранного направления подготовки.

3. Позитивные элементы ОК деловых организаций, обеспечивающие проявления и закрепление деловых качеств, в т.ч. ответственности, обязательности, инициативности и пр. вполне могут быть восприняты ОК образовательных учреждений. До сих пор они являются практически неиспользованным ресурсом, но психологическая готовность студенчества к работе по обновленным правилам уже есть.

Литература

1. Zakharova L., Korobeynikova E. Personal characteristics of managers effective in organizational and psychological conditions of different types, *Psychology in Russia: State of the Art*, 2015, no. 3 (8). P. 69-83.

2. Carter M.Z., Armenakis A.A., Field H.S., Mossholder K.W. Transformational leadership, relationship quality and employee performance during continuous incremental organizational change. *Journal of Organizational Behavior*, 2013, 34. P. 942-958.

3. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. С-Пб.: Питер. 2001. 320 с.

4. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. Построение, эволюция, совершенствование / Под ред. В.А. Спивака. С-Пб.: Питер, 2002. 336 с.

5. Захарова Л.Н. Психологические барьеры становления инновационной экономики в России // Социальная психология труда. Теория и практика / Под ред. А.Л. Журавлева, Л.Г. Дикой. М.: ИП РАН. 2010. Т. 2. С. 313-330.

6. Саралиева З.Х.-М., Захарова Л.Н., Власкин В.Ю. Профессиональное самоопределение и организационные ценности военнослужащих срочной службы // Известия УрФУ. Серия 3 «Общественные науки» 2016, №1(149). С. 41-51.

**БАЛИНТОВСКАЯ ГРУППА В СФЕРЕ ПОМОГАЮЩИХ
ПРОФЕССИЙ. РАБОТА С ЭМОЦИОНАЛЬНЫМ ВЫГОРАНИЕМ**
**BALINTOVSKY GROUP IN THE SPHERE OF THE HELPING
PROFESSIONS. WORK WITH EMOTIONAL BURNING OUT**

Н.В. Малахова

*Ассоциация глубинной психологии психоаналитической
крататимно-имагинативной психотерапии, г. Нижний Новгород*

N.V. Malakhova

*Association of depth psychology of psychoanalytic kratatimno-imaginativny
psychotherapy*

Дается историческая справка о зарождении метода балинтовской группы (Б.Г.). Поднимается вопрос о важности Б.Г. как инструмента работы с эмоциональным выгоранием в сфере помогающих профессий. Б.Г. описывается как метод, способствующий психическому и физическому здоровью специалистов, продлению их успешной профессиональной жизни. Дается представление о процессе работы Б.Г. Особое внимание уделяется понятиям «Символическое пространство» и «символический язык» Б.Г.

In this article historical information about origin of a method of balintovsky group (B.G.) is given. The question of B.G.'s importance as an instrument of work with emotional burning out in the sphere of the helping professions is brought up. B.G. is described as the method promoting mental and physical health of specialists, extension of their successful professional life. An idea of process of work of B.G. is given. The special attention is paid to the "Symbolical Space" and "symbolical language" concepts of B.G.

Ключевые слова: балинтовская группа, эмоциональное выгорание, профилактика, совершенствование профессиональных навыков, селективность восприятия, символическое пространство, символический язык, сеттинг.

Keywords: balint group, emotional burning out, prevention, improvement of professional skills, selectivity of perception, symbolical space, symbolical language, setting.

Метод работы в балинтовской группе (Б.Г.) был создан для врачей общей практики в 50-е гг. прошлого века в Англии М. Балинтом – венгрово-австрийским психоаналитиком, психотерапевтом, специалистом по групповой психотерапии и групповому психоанализу. Сегодня Б.Г. получила широ-

кое признание во многих странах мира и стала неотъемлемым этапом в профессиональной подготовке и переподготовке психотерапевтов, психиатров, психологов-консультантов, врачей, социальных работников и в Германии даже священников. Основной целью Б.Г. является *профилактика синдрома эмоционального выгорания*. Целью Б.Г. является совершенствование профессиональных навыков, развитие практики и повышение качества жизни специалиста [1]. Достигнуть этих целей возможно за счет достаточно длительной работы в Б.Г. со сложными клиническими случаями, которые «не идут из головы». Если специалист долгое время оставляет без внимания сложные случаи, накопление последствий ведет к ощущению профессиональной неуверенности и некомпетентности, к усталости, потере желания работать, к проблемам в контактах с коллегами и пациентами – к эмоциональному / профессиональному выгоранию.

Важность работы в Б.Г. на первый взгляд не вызывает сомнений. Однако позиция врачей общей практики, психотерапевтов, психологов-консультантов зачастую бывает излишне категоричной. Сопротивление подобного вида работе традиционно встречается особенно среди врачей-психиатров. Чтобы сформировать культуру работы в Б.Г. у специалистов помогающих профессий, необходимы определенные государственные программы, направленные на заботу о профессиональном благополучии и сохранении психического и физического здоровья этих специалистов. Как сказал один из коллег-руководителей балинтовских групп из Германии на международном конгрессе, проходившем в феврале 2016 г. в Москве: «Если мы не поможем специалистам, они не помогут своим клиентам».

Как и за счет чего происходит работа в Б.Г.? Специалист, который предоставляет случай, называется референтом. Фокус внимания работы группы смещен в сторону отношений между специалистом / референтом и его пациентом/клиентом. Не секрет, что специалист зачастую видит только то, что готов видеть в пациенте/клиенте и в отношениях с ним в силу своего жизненного опыта, установок и стереотипов, которые в основном являются неосознаваемыми. Взаимодействие участников Б.Г. помогает раскрытию бессознательных тенденций. *Селективность восприятия* (М. Балинт) преодолевается за счет обратной связи участников группы, построенной определенным образом [2]. В работе группы не поощряются выставление диагнозов и советы специалисту/референту, а приветствуется глубинная работа, направленная на «поднятие на поверхность» бессознательных процессов взаимодействия. Чтобы подобные процессы происходили, необходимо задание рабочей рамки группы (*сеттинга*) и четкое следование ей. Б.Г. проводится регулярно, достаточно длительное время. Например, раз в неделю по полтора-два часа в

течение несколько лет. Существующий *сеттинг*, отвечающий принципам психодинамической работы, помогает решению поставленных целей и задач.

Формат Б.Г. изначально задан как символическое пространство определенной структуры и предполагает принцип минимального структурирования и принцип самоорганизации, в котором удерживается напряжение хаоса и существования в неизвестности. Благодаря этому открывается возможность прикосновения к глубинным (онтологическим) основаниям/априорным структурам опыта. Человека как такового и человеческие отношения трудно исследовать в определенности. Пространство Б.Г. является континуумом, в котором осуществляется уникальная возможность разворачивания символического языка в различных аспектах взаимоотношений. Символический язык выступает как собирающее, связывающее начало. Он обнаруживает что-то неявное, не лежащее на поверхности, непредсказуемое [3; 4; 5]. Символический язык перекидывает мостик – является посредником между неосознаваемым и осознанием через инсайт. Происходит это в процессе диалога, понимания, познания. Но, скорее всего, понимания, так как символ до конца познать невозможно. Символ многомерен и многослоен по своей природе, «...символ предполагает необходимость очень тонкого, небуквального и непрямого обращения с собой» [6, с. 99]. Проявление символического осуществляется через распознавание и озвучивание чувственных, эмоциональных, телесных переживаний относительно материала случая, раскрытие навевающих образов, различных ассоциаций и идей. Если воспринимать пространство Б.Г. как символическое / мифологическое, то вполне закономерно, что в этом пространстве проявляются мифологические, кентаврические (М.К. Мамардашвили) объекты, касающиеся того, что происходит с пациентом/клиентом и в паре специалист/референт – пациент/клиент [6; 7]. Например, семья, пришедшая на прием из-за проблем с ребенком (мальчик, отец и жена отца), выглядит для специалиста/референта в своей конфигурации как дракон с тремя головами, сидя на диване и плотно прижавшись друг к другу, с центральной фигурой и головой отца, к которой прилепляются два других персонажа. Специалист/референт из-за восприятия такой странной конструкции со страхом и опасениями на неосознаваемом уровне, на осознанном уровне может теряться и не понимать, как взаимодействовать с этой семьей. Или пациентка/клиентка, может представиться в образе на группе в виде существа в пузыре, с множественными лапами-присосками на этом пузыре, которые ищут опору и объект для присоединения... Эти объекты постепенно теряют свою эмоциональную заряженность благодаря раскодированию их символического языка репрезентации, будучи обнаруженными и рассмотренными участниками группы.

В процессе работы в Б.Г. специалист/референт соприкасается с собственными возможностями и ограничениями. Возможности дают ресурс, а ограничения могут переходить в разряд возможностей, благодаря их осознанию и навыку их отслеживать. Важно принимать во внимание, что осознание и предшествующий ему инсайт могут быть обнаружены как в процессе работы группы, так и за ее пределами, так как символическое на глубинном уровне продолжает разворачиваться. Осознание референтом собственных возможностей сопровождается изменением его состояния. На эмоциональном уровне прослеживается облегчение, на когнитивном – удовлетворение от понимания того, что происходит, на уровне тела – расслабление. Постепенно в процессе длительной работы Б.Г. повышается качество работы специалиста. Появляется ощущение определенной свободы исследователя-профессионала. Достигается одна из основных целей Б.Г. – профилактика эмоционального выгорания.

Литература

1. Сайт «Глубинная кататимно-имагинативная психотерапия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://deeppsy.ru>. (Дата обращения: 14.04.2016).
2. Balint M. The doctor, his patient, and the illness / M. Balint. London: Tavistock Publications; 1957.
3. Лосев А.Ф. Абсолютная диалектика – Абсолютная мифология. / А.Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И.И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. 919 с.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. Из ранних произведений. М.: «Правда», 1990. 460 с.
5. Флоренский П.А. Имяславие как философская предпосылка / П.А. Флоренский. Соч. Т.2. М., 1990. С. 281-321.
6. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: метафизические рассуждения о сознании, символике и языке / М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 224 с.
7. Мамардашвили М.К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М.К. Мамардашвили. М.: «Лабиринт», 1994. 90 с.

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАТАТИМНО-
ИМАГИНАТИВНОГО ПСИХОТЕРАПЕВТА**
**PROFESSIONAL IDENTITY OF THE KATATHYM-IMAGINATIVEN
PSYCHOTHERAPIST**

Н.В. Малахова

*Ассоциация глубинной психологии психоаналитической кататимно-
имагинативной психотерапии, г. Нижний Новгород*

N.V. Malakhova

*Association of depth psychology of psychoanalytic katatimno-imaginativny psy-
chotherapy, N. Novgorod*

Поднимаются вопросы становления профессиональной идентичности кататимно-имагинативного психотерапевта. Обсуждается тема принадлежности кататимно-имагинативной психотерапии (КИП) к глубинному, психодинамическому направлению. Дается представление о КИП как о методе, работающем с различного рода расстройствами. Поднимается проблематика обучения методу. Описываются этапы постижения профессии кататимно-имагинативного психотерапевта. Делается акцент на приобретении определенных компетенций в процессе обучения и профессионального становления и самопознании.

In this article questions of formation of professional identity of the katathym-imaginativen psychotherapist are brought up. The subject of belonging the katatimno-imaginativny psychotherapy (KIP) to the deep, psychodynamic direction is discussed. An idea about KIP, as is given of the method working with different frustration. The perspective of training in a method rises. Comprehension stages of a katathym-imaginativen psychotherapist profession are described. The emphasis is placed on acquisition of certain competences in the training process and professional formation and self-knowledge.

Ключевые слова: профессиональная идентичность, глубинная психология, профессиональный путь, профессиональный дом, психический дом, психическое убежище, способность быть в одиночестве, самопознание, компетенции, внутренний сеттинг.

Keywords: professional identity, deep psychology, professional way, professional house, mental shelter, ability to be alone, self-knowledge, competences, internal setting.

В рассуждениях о профессиональной идентичности кататимно-имагинативного психотерапевта хотелось бы прежде всего определиться с понятиями глубинной психологии и кататимно-имагинативной психотерапии.

Термин «глубинная психология» объединяет направления, изучающие бессознательные психические процессы. В качестве синонима понятия «глубин-

ная психология» часто используется термин «психодинамическая психология». Это означает, что бессознательные психические процессы, варианты их взаимодействия рассматриваются в динамике как сложная многомерная система. Ведущим направлением глубинной психологии стал Психоанализ З. Фрейда, от которого в дальнейшем пошли различные психоаналитические направления и течения: Аналитическая психология (К.Г. Юнг), Индивидуальная психология (А. Адлер), Эго-психология (А. Фрейд). Переворот в теории и практике глубинной психологии совершили представители теории объектных отношений (О. Кернберг, М. Кляйн, Д.В. Винникотт) и Self-психологии (Х. Кохут). Фундаментальные положения Х. Кохута получили свое развитие в интерсубъективном психоаналитическом подходе (Р. Столору). Значительную роль в развитии глубинной психологии сыграла теория базисного дефекта (М. Балинт). Следует упомянуть открытия французского психоанализа, оказавшие влияние на направление (Ж. Лакан, Ф. Дольто) [1].

Кататимно-имагинативная психотерапия (КИП) интегрирует в себе основные принципы глубинного (психоаналитического) подхода и работу с кататимной имагинацией (представлением образа). Основоположник направления, профессор, доктор медицины Х. Лейнер в 1954 г. опубликовал свою первую работу на тему кататимного переживания образов [2]. В дальнейшем техники работы с образом превратились в метод. На базе исследований были написаны научные труды, изданы учебники, пособия [3; 4; 5]. Метод КИП надежно зарекомендовал себя в индивидуальной психотерапии в работе с широким спектром проблем: невротических, пограничных расстройств, а также повышения качества жизни (Х. Лейнер, Х. Хенниг, В. Розенталь, У. Барке, М. Rust и др.). КИП представлена в групповой психотерапии (Х. Лейнер, Э. Фикенчер, U. Linke-Stigler), в работе с травмой (В. Steiner), в психотерапии детей и подростков (Н. Leuner, E. Wilke, F. Wienand), в психотерапии пар (L. Kottje-Birnbacher), в работе с психосоматикой (E. Wilke, В. Лёш), в работе с пожилыми людьми (Н. Ullmann). Прикладной аспект КИП – это включение ее методов в коучинг, супервизию, балинтовские группы (Н. Ullmann, L. Kottje-Birnbacher, V. Maxenier, В. Лёш). На современном этапе своего развития КИП все больше приобретает психоаналитическую направленность. В работе с образом предпочтение отдается ассоциативным имагинациям. В КИП, как и в других психоаналитических направлениях, «акцент делается на самопознании и способности постоянно углублять понимание своей внутренней психической жизни» [6].

И если уж мы говорим о глубинной кататимно-имагинативной психотерапии и выборе этого направления в качестве профессии, то давайте попробуем рассуждать, исходя из столь же глубинной мотивации этого выбора. Многие

из нас приходят в психологию и психотерапию из желания помочь прежде всего себе самому. Мы ищем душевного равновесия и приходим в эту профессию. Кто-то осознает это больше, кто-то меньше, кто-то совсем не осознает, так как глубинное желание сделать что-то с собственной уязвимостью зачастую маскируется психикой и реализуется через помощь другим. С другой стороны, это можно рассматривать как изначальную профессиональную пригодность, как способность тонко чувствовать страдания других людей. Таким образом, есть два пути развития в профессии. Первый – это когда специалист может решать свои проблемы, практически не осознавая их, за счет своих пациентов/клиентов. Тогда справедливо говорить о выборе профессии как о поиске психического убежища, призванного справиться с собственной непереносимой глубинной тревогой, что в дальнейшем ведет к постепенному эмоциональному выгоранию (Дж. Стайнер) [7]. Второй путь – поэтапного профессионального становления и многолетней психотерапевтической практики. Первый этап (поиск психического убежища) сюда входит непременно. Его практически нельзя избежать. А дальше... Дальше процесс постепенного приобретения профессиональной идентичности, осознания и понимания себя самого, а затем себя в профессии.

Десятилетний опыт преподавания и последипломной подготовки специалистов в области КИП, знание стандартов обучения методу в Германии, Австрии и других странах дают автору право обозначить эти стандарты. Прежде всего, в обучении необходимо погружение в метод. Этот процесс занимает несколько лет. Специалист, прошедший обучение по КИП, должен овладеть множеством профессиональных компетенций, чтобы достаточно свободно практиковать в этом методе.

КИП как психодинамический метод базируется на теории и практике психоанализа и включает в себя психоаналитическую подготовку: лекции, семинары, работа с психоаналитическими текстами, знакомство с техниками психоанализа. Основополагающее значение в обучении психотерапевтическому процессу придается сеттингу (стабильные время, место, оплата), работе с переносом и контрпереносом, с сопротивлением, с психотерапевтическими отношениями. Особое внимание уделяется катаимно-имагинативным техникам – освоению работы с образом. Развитие в обучении идет от овладения образом специально заданным (исходя из проблематики пациента/клиента), к образу свободному, ассоциативному. Постижение теории и практики работы с образом (кататимной имагинацией) требует постоянного включения этого материала в практику на протяжении всех лет обучения. Происходит постепенное постижение символического плана имагинаций (символики цвета,

формы, чисел и др.), символического плана развития психотерапевтических отношений, значения символической функции в целом.

По мере обучения КИП специалист овладевает знаниями в области клинической психодинамической диагностики, в области психиатрии [8]. Он учится диагностировать направленность и мотивацию (или отсутствие таковых) у пациента/клиента на получение психотерапевтической помощи; уровень психического развития пациента/клиента; его основную проблематику, лежащую в сфере отношений; внутренние и внешние конфликты, конфликты, вызванные стрессом. Будущий психотерапевт должен уметь строить гипотезу относительно возможностей (ресурсов) пациента/клиента к изменениям в процессе психотерапии/психологического консультирования, выбирать оптимальную стратегию работы с пациентом/клиентом для достижения результата укрепления его психического здоровья, повышения качества жизни в процессе психотерапии/психологического консультирования. Он должен уметь грамотно и ответственно вести психотерапевтический процесс/процесс психологического консультирования: вести предварительную беседу, фокусироваться на запросе пациента, понимать значение глубинных психодинамических процессов, символического поля и его значений, владеть техническими навыками работы с глубинными проявлениями психики, грамотно и своевременно интерпретировать материал психотерапевтических сессий/консультаций.

Базовым моментом в постижении профессии и приобретении идентичности кататимно-имагинативного психотерапевта является *самопознание*. Как говорил З. Фрейд, психотерапевт не продвинется с пациентом дальше своих собственных конфликтов (З. Фрейд, 1910). Его внутреннее сопротивление (бессознательный механизм) не даст ему возможности это сделать, поэтому у специалиста должен сформироваться навык заботиться о расширении собственной осознанности, о своем психическом здоровье и профессиональном благополучии. На протяжении всего обучения будущий специалист КИП проходит: индивидуальную психотерапию, групповую психотерапию, супервизии (работа с собственными «слепыми» и «немыми» зонами в практике), балинтовские группы (работа с эмоциональным выгоранием). Профессиональная идентичность укрепляется также благодаря принятию этических норм и правил психоаналитической КИП. Продуманное и методически выверенное профессиональное обучение КИП дает специалисту возможность профессионального становления и постепенного укрепления профессиональной идентичности. Психотерапевт КИП осваивает способность «быть в одиночестве» – иметь надежный внутренний психический контейнер для собственных тревог и давать его в распоряжение пациенту/клиенту как «доста-

точно хорошая мать», иметь надежные хорошие внутренние объекты, ощущение надежных собственных границ и *внутреннего сеттинга* (Д.В. Винникотт, Ральф Р. Гринсон), или еще можно сказать, иметь надежный внутренний *психический дом* [9; 10]. Поиск и нахождение *дома профессионального*, круга коллег-единомышленников и вхождение в организацию, консолидирующую специалистов КИП является столь же важным и дающим профессиональную опору опытом. Ассоциация глубинной психологии психоаналитической кататимно-имагинативной психотерапии может стать таким профессиональным домом [1].

Профессиональная идентичность кататимно-имагинативного психотерапевта подразумевает чувство прочности и устойчивости в идентификации с методом КИП, с его теорией и практикой, растущее чувство доверия и уважения к тому, что он делает, ощущение себя ««дома» – как в своей профессиональной роли, так и в своем институте» [11].

Литература

1. Сайт «Глубинная кататимно-имагинативная психотерапия» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://deeppsy.ru> (Дата обращения: 14.04.2016).
2. Leuner H.: Kontrolle der Symbolinterpretation im experimentellen Verfahren. Z. Psychother. med. Psychol. 4 (1954) 2013.
3. Leuner H.: Basic Principles and Therapeutic Efficacy of Guided Affective Imagery. In: The Power of Human Imagination, hrsg. von J.W. Singer, K.S. Pope. Plenum Press, New York 1978.
4. Хениг Х., Фикенчер Э., Барке У., Розенталь В., Отношения и терапевтические имажинации. Кататимно-имагинативная психотерапия как психодинамический процесс. Спб.: ООО «Издательский дом Офсет-Мастер», 2008. 259 с.
5. Handbuch Katathym Imaginative Psychotherapie (KIP), Harald Ulmann, Eberhard Wilke (Herausgeber), «Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, Bern, 2012. 581 p.
6. Карвасарский Б.Д., Психотерапевтическая энциклопедия. Спб.: Изд-во «Питер-Юг», 2006. 944 с.
7. Стайнер Дж., Психические убежища. Патологические организации у психотических, невротических и пограничных пациентов. М.: Когито-Центр, 2010. 240 с.
8. Операционализованный психодинамическая Диагностика ОПД-2: Руководство по диагностике и планированию психотерапии. М.: Академический Проект; Культура, 2011. 454 с.
9. Winnicott, D. 1958. The capacity to be alone. The International Journal of Psychoanalysis. 39: 416-120.
10. Гринсон Ральф Р., Техники и практика психоанализа. М.: Когито-Центр, 2003. 478 с.
11. Кадыров И.М., Одиночество психоаналитика. // Вестник Московского психоаналитического общества. М.: Издательство «Спутник +», 2014. С. 58-82.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ПРОЯВЛЕНИЯ
КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ РАБОТНИКОВ
ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ**
**PSYCHOLOGICAL FACTORS IN THE MANIFESTATION
OF CUSTOMER FOCUS IN WORKERS OF HELPING PROFESSIONS**

А.В. Орлов, Е.Н. Башук

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

A.V. Orlov, E.N. Bashuk

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В исследовании изучались особенности проявления клиентоориентированности у социальных работников. Установлены взаимосвязи клиентоориентированности с трудовой мотивацией социальных работников, лояльностью организации, удовлетворенностью трудом, а также доверием госслужащих к различным людям и институтам, находящимся в сфере их профессиональной деятельности.

In the present study was to investigate the characteristics of the manifestation of customer focus from social workers. Discovered the relationship of customer orientation with work motivation of social workers, loyalty to the organization, job satisfaction, and trust of civil servants to various people and institutions within the scope of their professional activities.

Ключевые слова: клиентоориентированность, профессиональная деятельность социальных работников, факторы труда.

Keywords: customer focus, professional activities of social workers, the factors of labor.

Для многих современных организаций важной стороной их деятельности является работа с клиентами. Проблема повышения клиентоориентированности персонала в последнее время становится одной из наиболее важных в государственных и муниципальных организациях. Повышение требований потребителя к качеству услуг, усиление ответственности организаций перед населением требуют особого внимания организаций к работе с клиентами, выстраиванию с ними гармоничных отношений. Это ставит задачу развития клиентоориентированности отдельных сотрудников государственных и муниципальных учреждений на уровне организационной политики.

Организационные изменения, направленные на оптимизацию работы с клиентами, требуют формирования у персонала специальных компетенций, позволяющих улучшить отношения с клиентами. Развитие клиентоориентированности предполагает формирование специальных программ и методов оценки, обучения и развития персонала.

С 2012 г. на кафедре психологии управления ННГУ им. Н.И. Лобачевского ведется работа по созданию надежного и валидного инструмента диагностики клиентоориентированности персонала организаций, проводятся исследования данного качества в различных профессиональных группах [1]. Данная работа посвящена исследованию клиентоориентированности социальных работников областного (г. Нижний Новгород) и районного (г. Богородск) центров. Всего в исследовании приняло участие 126 социальных работников районных социальных служб, все – женщины.

В основе оценки клиентоориентированности лежит модель, которая включает наиболее существенные признаки, характеризующие данное качество. Она разработана на основе предварительных исследований, где как руководителей, так и работников просили в ходе свободного интервью описать человека, максимально ориентированного на работу с клиентами, а также не стремящегося к этому. После проведения интервью с помощью контент-анализа выделялись категории для описания клиентоориентированности, которые группировались в более общие конструкты.

Итогом такой работы стала модель клиентоориентированности, включающая несколько ключевых характеристик работника, таких как интерес к клиенту, умение чувствовать и понимать его интересы и мотивы; готовность к самообучению и саморазвитию качеств, способствующих эффективной работе с клиентами; умение видеть себя со стороны в работе с клиентами, рефлексия своей деятельности; умение планировать свою работу с клиентами и др.

На основе эмпирической модели был разработан опросник «Клиентоориентированность работника» (КоРа), который прошел психометрическую проверку. Её результаты свидетельствуют о высоком качестве данного теста. В окончательный вариант опросника вошли, кроме шкалы неискренности, 11 характеристик поведения респондента с клиентами:

1. Дистанцирование от клиента. Шкала описывает наличие внутренних психологических барьеров у работника в процессе взаимодействия с клиентами.
2. Планирование деятельности. Шкала описывает склонность респондентов к планированию и самоорганизации своей работы с клиентом.
3. Рациональное взаимодействие. Шкала описывает проявления эмоционального интеллекта, а также возможности респондента объективно оценивать обстоятельства своей работы с клиентом, использовать понимание психологии людей для установления эффективного контакта. Рациональное взаимодействие подразумевает самоконтроль в проявлении эмоций, видение причин того или иного поведения (как своего, так и клиента), умение эффективно влиять на эмоциональную сферу клиента.

4. Работа со сложными клиентами. Шкала описывает готовность работника взаимодействовать с проблемными клиентами, работа с которыми требует много времени, усилий, сдержанности и гибкости в общении.

5. Терпимость к житейским трудностям. Шкала описывает готовность работника пренебречь житейскими проблемами ради эффективного взаимодействия с клиентом.

6. Самообразование. Шкала описывает готовность работника самостоятельно повышать свой уровень квалификации, развивать качества, способствующие эффективной работе с клиентами.

7. Рефлексия деятельности. Шкала описывает склонность работника к самоанализу своей работы с клиентом с целью оценки как удачных, так и ошибочных действий.

8. Конформистская стратегия работы с клиентом. Шкала описывает выраженность у работника конформистской стратегии в работе с клиентом, стремление подстроиться под интересы клиента и угодить ему.

9. Компромиссная стратегия работы с клиентами. Шкала описывает стремление работника применить индивидуальный подход в работе с клиентом, готовность учитывать индивидуальные запросы клиента в практике работы организации.

10. Бескомпромиссная стратегия работы с клиентами. Шкала описывает применение работником твердой и бескомпромиссной стратегии взаимодействия с клиентом, без учета его запросов, с проявлением настойчивости и давления на принятие решения.

11. Манипулятивная стратегия работы с клиентами. Шкала описывает стремление работника в процессе взаимодействия с клиентом внушить ему «правильное» решение, готовность ввести клиента в заблуждение, применить хитрость.

В эмпирических исследованиях с помощью теста «Клиентоориентированность работника» было показано, что работники с высокими значениями клиентоориентированности демонстрируют более выраженную приверженность корпоративной культуре, лояльность организации, у них выше уровень трудовой мотивации. Однако при этом они меньше заботятся о своём здоровье, испытывают больше дискомфорта, сильнее подвержены стрессу.

Исследование клиентоориентированности социальных работников не выявило существенных различий между служащими Нижнего Новгорода и Богородска. Показано что социальные работники Богородска в целом более терпимы к разного рода житейским трудностям при работе с клиентами, но при этом у большинства из них более выражена бескомпромиссная стратегия. Различия достоверны при $p < 0,05$. Кроме того большинство социальных

работников г. Богородска, в отличие от коллег из г. Нижнего Новгорода, не проявляют интереса к профессиональному самосовершенствованию.

Корреляционный анализ показал, что клиентоориентированность социальных работников зависит от выраженности трудовой мотивации, лояльности организации, выраженности симптомов профессионального выгорания (деперсонализации и редукции профессиональных достижений). Кроме того, клиентоориентированность оказалась достоверно связанной с доверием респондентов государству, организации в целом, её руководству, коллегам, а также самим клиентам. В целом исследование показало, что клиентоориентированность социальных работников зависит от разнообразных организационных и социальных факторов труда, а также от особенностей личности госслужащих.

Литература

1. Орлов А.В., Башук Е.Н., Хмелев Е.А. Тестовая диагностика клиентоориентированности персонала компаний // Четырнадцатая международная научно-практическая конференция "Экономическая психология: современные проблемы и перспективы развития". 25-28 ноября 2014 г. СПб.: Изд-во ИМЦ «НВШ-СПб», 2014. С. 128-130.

РАЗВИТИЕ ТЕЛЕМЕТРИИ И ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ПЕРСОНАЛИЗИРОВАННОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ БИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ ОСТРОГО СТРЕССА В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE IMPORTANCE OF TELEMETRY AND INFORMATION TECHNOLOGIES FOR PERSONALIZED OPERATIONAL IDENTIFICATION OF ACUTE STRESS BIOLOGICAL MARKERS IN LEARNING AND EMPLOYMENT

С.Б. Парин, С.А. Полевая

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

М.М. Некрасова

Нижегородская государственная медицинская академия

S.B. Parin, S.A. Poleyaya

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

M.M. Nekrasova

Nizhni Novgorod State Medical Academy

Приведены возможности новой технологии событийно-связанной телеметрии для оценки функционального состояния человека в процессе его естественной функциональной активности. Предложена оптимальная архитектура информационно-телекоммуникационной системы, обеспечивающая непрерывный мониторинг функционального состояния человека в различных

поведенческих контекстах, включая стрессогенные ситуации. Обсуждается возможность применения комплексного психофизиологического мониторинга в процессе естественной деятельности человека.

The paper assesses functional potential of a new event-linked telemetry to evaluate the functional state of a person in its natural activity. It also suggests optimal architecture for the information-telecommunication system capable of continuously monitoring human's functional state in different behavioral contexts including stressful. The paper discusses opportunities to implement overall psychophysiological monitoring in natural human activities.

Ключевые слова: когнитивные функции, событийно-связанная телеметрия, информационные технологии, диагностика, реабилитация

Keywords: cognitive functions, event-linked telemetry, information technologies, diagnostics, rehabilitation.

Хорошо известно, что большинство техногенных катастроф обусловлено не сбоями материального, технического характера, а проблемой «человеческого фактора». Особенно остро эта проблема встает в условиях экстремальных, стрессогенных ситуаций, в которых человек, как правило, утрачивает способность адекватной оценки происходящего. Разработка и внедрение в практику современной психофизиологии принципиально новых информационно-телеметрических технологий позволяет существенно расширить возможности оперативного контроля функционального состояния людей в контексте их естественной деятельности.

На кафедре психофизиологии факультета социальных наук ННГУ совместно со специалистами НижГМА и ИПФ РАН разработана информационная технология событийно-связанной телеметрии [1], обеспечивающая непрерывный продолжительный сбор, передачу, накопление и предобработку синхронизированных по времени кардиоритмографических записей, данных навигатора о траектории перемещения человека, данных видео-аудио наблюдения и результатов психофизиологических тестов. Технология позволяет по динамическим характеристикам вариабельности сердечного ритма дистанционно, в реальном режиме времени регистрировать моменты возникновения эпизодов стресса у человека, находящегося в режиме своей повседневной функциональной активности. Способ определения стресса основан на теоретических разработках кафедры [2] и защищен патентом Российской Федерации [3].

Определены критерии оптимизации устройств дистанционной регистрации физиологических параметров. Установлено, что система измерения должна удовлетворять следующим требованиям: безопасность и удобство для использования в обычной повседневной жизнедеятельности человека; мобиль-

ность, то есть отсутствие ограничений в подвижности и удалённости источника сигнала от блока приёма сигнала; непрерывность записи сигнала с источника; максимально низкое энергопотребление датчиков; автономный режим измерения сигнала с автоматической обработкой прерываний; набор интегрированных в сенсорной платформе датчиков должен обеспечивать получение информации, достаточной для объективной оценки функционального состояния человека, а также давать возможность для предсказания динамики функционального состояния; датчики измерения физиологических параметров должны быть валидизированы с сертифицированными и общепринятыми методами диагностики, то есть давать качественно истинную информацию; система записи сигнала должна быть максимально устойчивой к внешним помехам; платформа должна обеспечивать возможность получения данных в режиме on-line.

На основании этих критериев выбраны оптимальные по размеру и энергопотреблению датчики физиологических сигналов, микропроцессоры, устройства приема-передачи радиосигналов: передача данных на смартфон или персональный компьютер осуществляется по каналу Bluetooth. Далее данные в обработанном виде через каналы GSM передаются в сеть Internet на специализированный сервер системы (используется приложение StressMonitor). Предобработка и спектральный анализ ритмограмм реализуется в режиме псевдореального времени, что позволяет определить время начала стресса с точностью до нескольких секунд.

Результатом является спектрограмма, по которой автоматически определяются место, время и события, связанные со стрессом у конкретного человека в процессе его естественной деятельности.

Предложенная технология проявила эффективность в разнообразных естественных, клинических и экспериментальных контекстах: при картировании стрессогенных зон дорожной инфраструктуры Нижнего Новгорода по пространственной динамике стрессов у водителей автобусов и личных автомобилей; при исследовании режимов вегетативной регуляции в контекстах естественной деятельности у пациентов с хронической головной болью; при мониторинге стрессовых нагрузок у переводчиков в процессе синхронного перевода; при изучении роли эндогенной опиоидной системы в управлении вариабельностью сердечного ритма.

Литература

1. Polevaia S.A., Parin S.B., Eremin E.V., Bulanov N.A., Chernova M.A., Parina I.S., Chikov M.B., Chernigovskaya T.V. Event-related telemetry (ERT) technology for study of cognitive functions. *International Journal of Psychophysiology*. October 2016. V.108. P. 87-88.
2. Parin S.B., Bakhchina A.V., Polevaia S.A. A neurochemical framework of the theory of stress. *International Journal of Psychophysiology*. November 2014. V. 94. Iss. 2. P. 230-231.

З. Некрасова М.М., Полевая С.А., Парин С.Б., Шишалов И.С., Бахчина А.В. Способ определения стресса. Патент № 2531443 от 25.08.2014.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ И ОБРАЗ Я ПСИХОЛОГА-ПРАКТИКА PRACTICAL PSYCHOLOGIST'S SELF-DETERMINATION AND SELF-CONCEPT

Л.Б. Шнейдер

Московский психолого-социальный университет

L.B.Shneider

Moscow psychological and social university

Различия в поведении и образе Я академических и практических психологов обусловлены спецификой их деятельности, а между специалистами внутри практической психологии – личностным, функциональным, парадигмальным, ситуативным и инструментальным самоопределением.

Differences in behavior and self-concept between academic and practical psychologists are determined by their special occupational aspects, while the differences between specialists within practical psychology are caused by the personal, functional, paradigmatic, situational and instrumental determination.

Ключевые слова: психолог, исследователь, практик, самоопределение, экзистенциальный и функциональный образ.

Keywords: psychologist, researcher, expert, self-determination, existential and functional character.

При сравнении академического и практического психолога важные различия прослеживаются в ценностных предпочтениях и самоидентификации людей, работающих в фундаментальной академической и практической психологии [1, с. 14-20]. Кроме того, различия касаются системы признания профессиональных успехов, требований к квалификационному уровню и стажу практической работы, набору прав и обязанностей, методов и вербальных средств. Иные критерии предъявляются к оценке качества диагностического инструментария, к влиянию личности психолога на получаемые результаты.

Р. Кеттелом проведено исследование личностных черт, отличающих психологов-исследователей от психологов-практиков, с помощью опросника 16 PF. Общий перечень качеств таков: готовность к контактам, общая интеллектуальность, умение поддерживать контакт. Различие заключается в том, что для психолога-практика характерна ненасыщаемость контактами с другими людьми, а для профессионального успеха исследователя существенна большая значимость “умения поддерживать контакт”. Очевидно, психологи-

исследователи с трудом переносят интенсивное общение и не тянутся к нему. Для психолога-практика коммуникация остро необходима, люди ему не надоедают, а контакты с ними никогда не утоляют жажду общения [2].

Российские психологи Н.А. Аминов и М.В. Молоканов [3] выявили, что для практического психолога самыми важными качествами личности являются: общий интеллект, стрессоустойчивость, поддерживающий стиль общения. По их данным, психолог-исследователь интеллектуален, эмоционально холоден и рационален в поддержании контактов, сдержан при проявлении общего интереса к человеку. Практик эмоционально заразителен, может контролировать свое поведение, эмпатичен, самоуверен и самодостаточен. Он успешно взаимодействует с людьми и полагает, что их можно изменить в лучшую сторону.

И.В. Дубровина отмечает, что ученый должен быть компетентным исследователем и содействовать получению новых знаний, а практик в своей повседневной работе изучает людей, проводит регулярные обследования, отличающиеся от экспериментальной работы научного сотрудника. Основная разница, по её мнению, в истоках экспериментальной работы, в том, почему, зачем они начинают обследование [4].

Как и в любой профессии, где пытались определить профиль идеального специалиста, в практической психологии не существует какой-либо совершенной модели психолога, однако выявлены определенные общие характеристики, влияющие на успех и личную удовлетворенность работой: наблюдательность, мышление, самообладание, умение слушать, эмпатия, креативность.

В ракурсе общепсихологических качеств интересно отследить точки зрения зарубежных авторов. К основным свойствам психолога японские авторы относят: дружелюбие, общительность, вежливость, обходительность, жизнерадостность, умение заботиться о посторонних [5].

Таким образом, по сути, речь идет о выраженном личностном начале (экзистенциальное Я), с некоторыми вариациями присущем и отечественным и зарубежным специалистам, он является востребованным в той или иной степени в любой психологической практике. Мы связываем появление и наличие общепсихологических качеств с личностным самоопределением в структуре профидентичности.

Кроме общепсихологических личностных качеств выделяют свойства, определяемые той специализацией или той теоретической парадигмой, в которой работает практический психолог.

В управленческом консультировании повышенные требования предъявляются к аналитическим способностям и умению решать проблемы, специаль-

ной компетенции в области поведенческих реакций, общения и умения помочь другим людям понять необходимость изменений и определить пути их введения. Кроме собственно интеллектуальных способностей называют готовность к анализу дилемм, способность понимать людей и работать с ними, завоевать их доверие и уважение, вежливость и хорошие манеры, умение почувствовать климат организаций, искусство понимания межличностных отношений, способность убеждать и такт. Также важна эмоциональная зрелость, личная напористость и инициатива, этичность и честность, физическое и умственное здоровье.

К профессиональным качествам психотерапевта относят психофизиологические (сильный тип нервной системы); интеллектуальные (гибкость мышления, отсутствие догматизма); личностные (социабильность, ответственность, энергичность, авторитетность) и фасилитивные (сензитивность, направленность на другого). Особенно важным является умение увидеть мир глазами другого человека при одновременном сохранении профессиональной объективности.

У психолога, работающего с группой, предполагается наличие особых качеств. Л.А. Петровская пишет о ведущем группового тренинга как ориентированном на язык чувств, владеющем невербальными средствами общения, искреннем, естественном в эмоциональных проявлениях, способном оставаться самим собой, организованным и способным импровизировать [6]. Б. Мастерс полагает, что ведущий группы должен достаточно хорошо знать самого себя, те струны своей души, за которые может зацепиться агрессия, похвала или хула [7]. В.И. Брук отмечает, что эффективность работы ведущих групп связана с тем, насколько успешно построено их взаимодействие с участниками [8]. Де Люций и Боумэн выделяют четыре фактора, определяющих качество работы тренера: умение осуществлять вмешательство в групповой процесс, умение создавать условия для раскрытия и роста личности, владение теорией, профессионализм [См.: 9].

Выше приведенный перечень характеристик показывает, что в разных видах психопрактик при сохранении потенциала общепсихологических качеств актуализируются профессионально-дифференцированные свойства. Связана такая дифференциация с самой профессиональной ситуацией, с ситуативным самоопределением психолога: где, с кем, в какой форме и с каким типом проблем он предпочитает работать.

Основные представления о практическом психологе возникали, в основном, под воздействием психоанализа и бихевиоризма, вызвавших к жизни ряд сходных представлений о сути деятельности и образе психотерапевта, ответственного за организацию психотерапевтического процесса и исцеление

человека [10]. Профессиональным психологам этих направлений присущ развитый функциональный образ Я.

Р. Гринсон [11] утверждает, что психоаналитическая ситуация требует от аналитика особых умений, отношений, привычек, ценностей и интеллекта. Он должен обладать живым интересом к людям, их эмоциям, фантазиям и мыслям. Ему следует иметь пытливый ум, ищущий знаний, причин и происхождений. Полезно быть свободным от ограничений, индифферентным к поверхностным событиям повседневной жизни. Ему необходима легковёрность и доля скептицизма, способность и желание заниматься поисками инсайта, любовь к правде, независимость ума и интеллектуальное мужество перед лицом нового, неконвенционального и неизвестного. Аналитик должен обладать высоким уровнем эмоциональной мобильности и гибкости. Юнгианский аналитик, помимо всего прочего, должен обладать обширной эрудицией в области этнографии, мифологии, истории религий, литературно-художественного творчества.

Волна гуманистической и экзистенциальной психотерапии вызвала смену взглядов на самого терапевта [См.: 10]. При подготовке специалистов внимание сосредоточилось на развитии личности психотерапевта, его конгруэнтности, открытости, эмпатичности и толерантности. Профессиональные психологи этих направлений обладают развитым экзистенциальным образом Я.

К. Роджерс [12] отмечает, что психотерапевт должен быть надёжным, заслуживающим доверия, правдивым человеком. Он свободно и глубоко принимает себя, переживает и осознаёт свои чувства и реакции; ему свойственно отсутствие безличного профессионального отношения; самодостаточность, непохожесть на других; безопасность, безусловное положительное отношение к клиенту, его эмпатическое понимание.

Трудно представить специалиста по НЛП, не владеющего основами лингвистики и ораторского искусства. Телесно-ориентированные подходы предъявляют повышенные требования к физической форме терапевта, его гибкости, пластичности, изяществу движений.

Новая волна развития психотерапии, её технологизация раскрыла для практиков совершенно новые перспективы: краткосрочность, эксцентричность, многообразие групповых форм работы [См.: 10]. В соответствии с этим локус профессиональной подготовки сместился к технологическому звену, связывающему между собой функциональный и экзистенциальный образ Я современного специалиста.

При описании специалиста по групповой работе обычно используют такие категории, как роль, ориентация, терапевтический стиль. И. Ялом выделяет две основные роли – технический эксперт и эталонный участник [13]. С. Кра-

тохвил указывает пять основных ролей группового терапевта: “активный руководитель”, “аналитик”, “комментатор”, “посредник”, “член группы”. М. Либерман выделил четыре стиля группового терапевта: эмоциональная стимуляция, опека, познавательная ориентация, исполнительская функция. Ими отмечены в его поведении прагматические, целевые аспекты и экспрессивные, связанные с переживаниями и самовыражением [См.: 9]. К. Рудестам выделяет такие позиции, как эксперт, катализатор, дирижёр и образец [14]. Похожие роли разобраны Ю.М. Жуковым: эксперт, учитель и консультант [См.: 1].

В данном случае в соответствии с теоретическими пристрастиями психолога и выбором основного концептуального направления, в рамках которого осуществляется помогающая деятельность, проявляются профессионально-ролевые свойства практического психолога. Их появление и проявление в образе Я связано с парадигмальным и инструментальным самоопределением в структуре профидентичности.

Обратим внимание на следующее: чем дальше психолог от осуществления собственно психотерапевтического воздействия, тем менее актуализировано парадигмальное самоопределение, а наиболее выражено инструментальное и ситуативное, чем ближе к психотерапевтическому процессу, тем менее значимым становится ситуативное самоопределение, а парадигмальное становится приоритетным [15]. Но во всех случаях помогающей деятельности в образе практического психолога ярко выражены личностные свойства наряду с профессионально-ролевыми характеристиками.

В настоящее время внутренняя свобода – это качество, которое считается атрибутом эффективного практикующего психолога, пожалуй, в самых различных теоретических школах и направлениях помогающего воздействия. Отсутствие свободы ведет к обратному процессу, порождает сложности в профессиональном развитии специалиста. Этот аспект обсуждаемой проблемы в связи с использованием практическими психологами образа собственного Я касается экологии души, экологии профессиональной идентичности психолога.

Литература

1. Введение в практическую социальную психологию. / Под ред. Ю.М. Жукова, Л.А. Петровской, О.В. Соловьевой. М., 1999.
2. Дружинин В.Н. Экспериментальная психология. СПб., 2000.
3. Аминов Н.А., Молоканов М.В. О компонентах специальных способностей будущих школьных психологов // Психологический журнал, №5, 1992. С. 104-111.
4. Дубровина И.В. Практическая психология в лабиринтах современного образования. Монография. М., 2014.

5. Укке Ю.В. Диагностика сознательности выбора профессии у японских школьников // Вопросы психологии, №5, 1990. С. 150-158.
6. Петровская Л.А. Общение – компетентность – тренинг: избранные труды. М., 2007.
7. Мастеров Б.М. Психология саморазвития: психотехника риска и правила безопасности. М., 1994.
8. Брук В.И. Исследование личности участников и ведущих групп психологических тренингов // Из опыта работы практических психологов. М., 1997. С. 110-119.
9. Практикум по социально-психологическому тренингу. Под ред. Б.Д. Парыгина. СПб., 2001.
10. Миккин Г.А. Риск быть психотерапевтом – риск быть собой. Мифы и реалии пути к профессионализму // Психологическая газета, №5, 1998. С. 22.
11. Гринсон Р.Р. Техника и практика психоанализа. М., 2003.
12. Роджерс. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994 Терминологическая правка В. Данченко К.: PSYLIB, 2004.
13. Ялом И. Групповая психотерапия: Теория и практика. М., 2010.
14. Рудестам К. Групповая психотерапия. СПб., 2006.
15. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: опыт теоретико-экспериментального исследования. Монография. М., МПГУ, 2004.

СООБЩЕНИЯ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ «МОДЕЛИРОВАНИЕ СПРАВЕДЛИВОГО ГОСУДАРСТВА» ПРИ ПОДГОТОВКЕ СОЦИАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ **THE USE OF TECHNOLOGY "MODELING OF A JUST STATE" IN THE PREPARATION OF SOCIAL WORKERS**

В.Н. Аргунова
Вятский государственный университет
V.N. Argunova
Vyatka State University

Анализируется опыт преподавания курса «Современные теории социального благополучия» для социальных работников с использованием технологии проектирования и моделирования справедливого государства. Показывается продуктивность такого подхода, как для усвоения изучаемого курса, так и для формирования личности студента.

The experience of teaching a course in "Modern theories of social welfare" social workers using the technology design and simulation of a fair state. Shows the efficiency of this approach for mastering the course, and for the formation of the individual student.

Ключевые слова: специфика профессиональной деятельности социальных работников, теории социального благополучия, социальная справедливость, социальное моделирование и проектирование.

Keywords: peculiarities of professional activity of social workers, theories of social welfare, social justice, social modeling, and design.

Важную роль при подготовке работников социальной сферы имеет нравственно-этический компонент. Это связано со спецификой этой профессиональной деятельности, которая направлена на поддержку социально незащищенных слоев населения. Социальная работа, как известно, не сводится только к материальной стороне. Ее главная задача во все времена сводилась к восстановлению в обществе социальной справедливости. В ходе учебного процесса будущие социальные работники изучают целый ряд дисциплин, в которых обсуждаются различные аспекты социальной справедливости. На первом курсе изучается теоретический курс «Современные теории социального благополучия». Опыт преподавания данного курса показывает, насколько не просто студентам-первокурсникам понять содержание социальной справедливости, ее социальные функции и возможности реализации в социальной сфере. Хорошие познавательные и воспитательные результаты дает использование технологии «Моделирование и проектирование справедливого государства». Точнее будет сказать, что это не отдельная технология, которая применяется на каком-то этапе изучения дисциплины, а сквозная идея курса, которая находит свое завершение созданием группового проекта «Справедливое государство».

В рамках данного курса можно выделить ряд ключевых понятий: социальные блага, потребности, социальное равенство, социальное неравенство, качество жизни, социальное благосостояние, социальное благополучие, социальная справедливость. Усвоив содержание этих понятий, студенты будут в состоянии воспринимать теоретические стороны социального анализа и быть готовыми к практической деятельности в социальной сфере. При этом важно, чтобы они видели не просто причинно-следственную связь между этими понятиями, а логико-смысловую связь, которая предполагает ценностное содержание. Логико-смысловая связь является интегрирующим началом не только в научном знании, она также способствует личностно-индивидуальному подходу в обучении. Смысловую интеграцию изучаемого курса обеспечивает понятие «социальная справедливость».

Социальная справедливость функционирует в обществе как социальная норма и как ценность, обеспечивая жизнеспособность социальных систем. Несмотря на исторические и социокультурные различия в трактовке социальной справедливости, в ней всегда сохраняется сущностная основа. Такой

основой выступает принцип воздаяния индивидам и социальным группам по их заслугам перед обществом. В отношении обладания социальными благами это означает, преимущества в доступе к ним тех групп и индивидов, которые этого заслужили своими делами, либо этого требует общественная целесообразность (напр., забота о детях, инвалидах). Иными словами, социальная справедливость обеспечивает такой механизм распределительных отношений, который оптимально балансирует соотношение индивидуальных и групповых потребностей через преимущественную реализацию общественных потребностей. Реализация этого механизма происходит за счет того, что социальная справедливость в каждую эпоху выдвигает идеальный принцип распределения социальных благ. В настоящее время таким идеалом является качество жизни всего населения.

Соблюдение социальной справедливости позволяет преодолевать неизбежно возникающие социальные проблемы, выбирая лучший и оптимальный для общества и личности путь развития. Социальная справедливость способствует общественному прогрессу, т.е. поступательному движению вперед, к реализации задач, обеспечивающих не только воспроизводство социума, но и его обновление. Социальная справедливость всегда устремлена вперед, в лучшее будущее данной социальной системы, это ее «путеводная звезда». Чем в большей степени распределение социальных благ между членами общества приближено к идеалу социальной справедливости, тем больше согласия между социальными группами, тем лучше социальное самочувствие, тем выше легитимность политической власти. Несправедливость в распределении социальных благ дестабилизирует общество, ставит частные и групповые интересы выше общественных, подрывая тем самым социальный потенциал системы. Проявления несправедливости вызывают в обществе сильную эмоциональную реакцию, затрудняют социальный диалог. Рассматривая социальное благополучие в контексте соблюдения принципов социальной справедливости, мы можем обнаружить самые «болевы точки» в обществе, требующие незамедлительного решения. Социальная справедливость является универсальной шкалой для диагностики уровня социального благополучия в обществе.

Чтобы студенты поняли сущность социальной справедливости и ее функции в обществе, мы строим изучение курса следующим образом. Во-первых, особое внимание уделяется усвоению содержания основных понятий. Современные студенты с большим трудом понимают абстрактный научный язык, поэтому при изучении понятий используем одновременно дедуктивный и индуктивный пути. Во-вторых, много внимания уделяется этимологии используемых терминов. Для понимания терминологии применяем словарную

работу в качестве самостоятельной работы. В-третьих. Практикуется работа в малых группах (3-5 человек), позволяющая студентам наладить общение друг с другом и формировать навыки работы в команде.

В результате у студентов формируется отчетливое представление о научном аппарате изучаемого курса; они умеют устанавливать причинно-следственные связи между понятиями: потребности, блага, частные блага, общественные блага, качество жизни, благосостояние, благополучие. После этого начинается изучение понятия «социальная справедливость». Студенты делают это, изучая статью Т.В. Шипуновой «Социальная справедливость: понятие, виды, критерии оценки, опубликованной в межвузовском сборнике «Проблемы теоретической социологии». Вып. 5, СПб., 2005 г. Текст работы позволяет изучить такие вопросы: 1) сущность социальной справедливости; 2) особенности трактовки социальной справедливости в разные эпохи и разных культурах; 3) что такое социальная несправедливость; 4) справедливость и закон; 4) количественные оценки реализации социальной справедливости в обществе. Для контроля над качеством полученных знаний проводится коллоквиум. После этого студенты получают задание, которое они выполняют в малых группах: создать проект государства, в котором действует принцип социальной справедливости. Это задание выполняется как во время практических занятий, так и самостоятельно, как домашнее задание. Создания проекта завершается его презентацией в ходе группового занятия.

Одним из самых важных этапов работы является выделение сфер общественной жизни, в которых должен проявляться принцип социальной справедливости для достижения социального благополучия. Такой анализ позволяет студентам еще раз более глубоко вникнуть в различные типы связей изученных понятий и социальных явлений. Эта работа ведется во время коллективного обсуждения на семинарском занятии. Цель этого обсуждения сводится к тому, чтобы студенты поняли, что социальная справедливость не сводится только к распределению социальных благ, а охватывает также принципы взаимоотношений между людьми. Так, например, одна из студенческих групп остановилась на следующих сферах: 1) социальная сфера (объем и характер общественных благ); 2) принцип распределения частных благ в обществе; 3) справедливость закона; 4) справедливость в семейных отношениях и трудовом коллективе.

Поскольку справедливость носит ценностно-нормативный характер, ее понимание во многом зависит от ценностных ориентаций студентов, их мировоззренческих установок, поэтому проекты, созданные в разных малых группах, различаются видением конкретной реализации принципа социальной справедливости. В ходе презентации своих проектов студенты уточняют

свою позицию, иногда меняют ее, соглашаясь с критикой своих предложений.

Такая работа носит не только обучающий характер, но и воспитательный. Молодое поколение задумывается о духовных ценностях, что способствует укреплению общественной солидарности, коллективизма.

К ПРОБЛЕМЕ ЭДОЛОГИЧЕСКОЙ (ПОМОГАЮЩЕЙ) КОМПЕТЕНТНОСТИ

ABOUT EDOLOGICAL (HELPING) COMPETENCE

М.Р. Арпентьева

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

M.R. Arpentieva

Tsiolkovsky State University of Kaluga

Рассматриваются проблемы эдологических (помогающих) практик и эдологической (помогающей) компетентности. Выделяются основные проблемы эдологии и составляющие эдологической компетентности. Раскрываются дискурсивные аспекты помогающих практик.

The article is devoted to problems edological (help) practices and edological (help) competence. Basic problems of edology and components edological (help) competence. Reveals the discursive aspects of helping practices.

Ключевые слова: эдология, помогающие профессии, помощь, помогающая компетентность, эдологическая компетентность, дискурс.

Keywords: apologia that help the profession, help, help-competence, edological competence, competence, discourse.

Эдология как наука о помощи имеет полидисциплинарный статус. Существует огромное множество исследований в сфере помогающих отношений: современные и классические медицина, психология, педагогика, социальная работа, юстиция писали о нормативах, путях и смыслах помощи человека человеку. Однако, сама по себе эдология так и не сложилась в единую науку. Обычно предполагается, что эдологическая помощь оказывается в трансординарных и кризисных ситуациях, однако, также часто она оказывается и в повседневности. При этом институт профессиональной помощи изучен в гораздо большей степени, чем институт семейных, любовно дружеских помощников, а также институт «ближних помощников», включающий соседей, коллег и знакомых. Вместе с тем, именно наиболее «ближнее» окружение человека является значимым и во многом определяет его судьбу. Психологическая помощь в семьях, учебных и трудовых коллективах так или иначе изучается в рамках концепций семейного благополучия и семейных деформа-

ций, концепций организационной культуры и профессионального наставничества, ряде других концепций и моделей, однако, не становится фокусом исследований. Более изучены волонтерская помощь и благотворительность. На рубеже прошлого и нынешнего веков специалистами начато активное внедрение принципов активизации и практик самопомощи и взаимопомощи: изучаются их основные феномены, тенденции, проблемы обучения и реализации помощи благотворителями и волонтерами. Интенсивно формируется тематика междисциплинарных взаимодействий, могущая служить основой развития эдологии и знаний в сфере эдологической компетентности: священник, врач, психолог, педагог, юрист, социальный работник и другие группы эдологов осознают себя и друг друга именно как эдологов – профессионалов в сфере помогающих человеку. Понимая разноуровневость и разноаспектность своей помощи, они видят и сходство: помощь психологическая и социальная, духовная и правовая, медицинская и педагогическая оказываются тесно связаны. Да и сам помогающий помогает не только как специалист или волонтер, не только как участник группы самопомощи или взаимопомощи, благотворитель или меценат, он помогает как человек [1]. В решения об оказании помощи, в планирование и осуществление помощи, в оценку помощи вовлечен весь человек или группа лиц, оказывающих помощь. Со временем начало складываться как самостоятельное направление изучение дискурсов помощи: в этих дискурсах тесно переплетаются такие смысловые оси, как альтруизм и эгоизм, искренность и обман, близость и отчуждение, равенство и превосходство, дар и принуждение, утверждение жизни и отрицание жизни, сила и слабость, успех и неудача, реабилитация и развитие [2]. Эдологическая компетентность складывается не просто как знание и умение помогать, но как диалог этих различных дискурсов помощи: профессиональных и непрофессиональных. Также складывается и дискурс принятия помощи, формируется как особая часть общества и как особая форма осознания себя и мира «человек нуждающийся», разрабатываются понятия трудной, кризисной, ординарной и трансординарной жизненных ситуаций. Сам дискурс принятия помощи включает диалог по поводу конструирующих его оппозиций: слабость и сила, принятие и отвержение, развитие или деградация, благодарность или недовольство, снисхождение или смирение, терпение или бунт, усталость или «трансценденция» [2]. Активно разрабатываются вопросы биоэтики, аксиология и телеология помощи как ее основы: помощь выступает как ценность и цель, а также сфера духовно-нравственного и правового регулирования. Вычленяются требования непосредственной организации помощи, помогающего диалога: ведущую роль в этом процессе играет психологическое консультирование как одна из наиболее «сквозных» практик помощи клиенту. Само

консультирование и иные практики рассматриваются не просто как помощь, направленная на исправление и профилактику «сиюминутных» ошибок, но на помощь другому человеку или группе в решении вопроса выбора определяющих жизнь ориентаций, в том числе – ведущей для эдологии ориентации жизнеутверждения, а также противостоящей ей ориентации жизнеотрицания. С жизнеотрицанием в том или ином виде связаны практически все проблемы человека, а также «невозможность» их разрешения. Напротив, преодоление жизнеотрицания, «благоговение» перед жизнью, осознание ценности жизни помогают человеку справиться с самыми сложными ситуациями. Жизнеутверждение помогает также преодолеть или предотвратить профессиональные деформации и психологическое выгорание субъектов в помогающих профессиях.

Еще один аспект помощи связан с проблемой ее направленности. А. Адлер отмечал, что человек иногда не заинтересован в исцелении, что исцеление может стать признаком внутреннего поражения [1]. Аналогичным образом эдолог может быть не заинтересован в помощи: провозглашая и решая задачу исцеления нуждающихся, он, тем самым, лишает себя, вылечив и исправив все, что возможно (а «можно» при нынешнем уровне развития знаний и умений в разных сферах весьма много), гарантированного «куска хлеба» и иных внепрофессиональных «дивидендов». Именно поэтому современное научное сообщество так резко критикует психологическую, юридическую, педагогическую, медицинскую помощь как «науки» лжи, создающие нуждающихся в собственных целях, как фабрикующие потребность в собственных «услугах» [3]. Там, где помощь начинает продаваться, эта проблема со временем приобретает огромные масштабы, перерастая в проблемы должностной коррупции и проблемы политической сферы, управления странами. Проблема конфликта интересов в эдологических практиках включает таким образом разнообразные нравственные, политические, юридические, медицинские и психолого-педагогические аспекты. Все эти проблемы необходимо учесть в процессе подготовки и переподготовки эдологических кадров, в процессе воспитательной и образовательной работы с волонтерами. Центральным моментом здесь является феномен эдологической компетентности – компетентности в помогающей деятельности – одной из составляющих социально-психологической компетентности личности. Она складывается как система знаний и умения помогать себе и окружающим как в повседневности, так и в контексте практик профессионального обучения и деятельности. Вездесущность интенций помощи – стремления человека помогать – ставит перед ним, а также его воспитателями и наставниками, подчас непростую задачу: как научить человека тому, что он и так умеет, как показать ему «пробелы» в его

умениях и знаниях относительно помощи себе и другим людям. В рамках некоторых – эдологических, помогающих – профессиональных практик и обучения им этот вопрос стоит весьма остро и потому решается более менее активно, в рамках других – часто формируется спонтанно. Вместе с тем, жизнь выдвигает все новые требования к формированию и развитию эдологической компетентности: жизнь людей, вопреки иллюзиям отчужденности и автономности, все больше оказывается связанной друг с другом. Такая связь во многом образуется благодаря совместно или индивидуально переживаемым трудным жизненным ситуациям, которыми изобилует жизнь современного человечества: кризис повседневных семейных и деловых отношений; кризисы, связанные чрезвычайными, трансординарными ситуациями; затяжные трудные ситуации, в которых помощь может оказываться иногда лишь номинально или, напротив, требует полного вовлечения помощников в жизнь страдающего человека. Эдологическая компетентность включает четыре блока: компетентность помощи в повседневных (конфликты, разлуки и смерти) и трансординарных (катастрофы, теракты) относительно кратковременных кризисных ситуациях, а также компетентность помощи в длительно развивающихся повседневных (инвалидность, нищета) и трансординарных (войны) ситуациях. Кроме того, как отмечалось, эдологическая компетентность включает компетентность в самопомощи, помощи другим и взаимопомощи. Отдельный аспект – наставничество групп или субъектов, занятых самопомощью или взаимопомощью. Последний момент подводит нас к тому, чтобы разделить профессиональную и непрофессиональную помощь и, следовательно, выделить профессиональную («общечеловеческую») и непрофессиональную составляющие эдологической компетентности. Следующий, более глубокий, момент связан с осмыслением модусов помогающих отношений. Подробно этот момент раскрыт в нашей работе [2]. Здесь подчеркнем лишь, что помощь – процесс сложный, подчас противоречивый, соединяет в себе в отношениях разных людей, в разных ситуациях и разных контекстах желание и нежелание, а также умение и неумение помогать или принимать помощь, желание и нежелание быть искренним, быть собой или обманывать, желание или нежелание дарить, смиряться или навязывать, диктовать.

Литература

1. Адлер А. Понять природу человека. С.-Пб.: Академический проект, 1997. 256 с.
2. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования). Дисс. ... докт. психол. наук. М.: МГУ, 2015. 497 с.
3. Dineen T. Manufacturing victims. N.-Y.: Constable & Robinson, 1999. 336 p

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОМОЩЬ: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ.
РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ
PSYCHOLOGICAL AID: TRADITIONS AND INNOVATIONS.
THE RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE**

С.В. Давыдов, Т.В.Маркелова, В.В. Катунова, Ж.А. Шуткина
*Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского*

S. Davydov, T. Markelova, V. Katunova, Z. Shutkina
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматриваются особенности оказания психологической помощи в России и за рубежом. Особое внимание уделяется специфике работы и подготовки российских психологов и их зарубежных коллег. Подчеркивается важность разработки и внедрения инновационных методов оказания психологической помощи, указывается на необходимость совершенствования нормативно-правовой базы оказания психологической и социально-психологической помощи населению в России.

This article considers particularities in rendering psychological aid both in Russia and abroad. Special attention is given to the specific character of work and preparation of the Russian psychologists and their foreign counterparts. The authors emphasize importance of elaboration and implementation of the innovative methods in giving psychological aid, point at the need to improve the normative legal base for rendering psychological aid to people in Russia.

Ключевые слова: краткосрочная, долгосрочная, экстренная психологическая помощь, психотерапевтическая помощь, закон об оказании психологической помощи, подготовка психологов и психотерапевтов.

Keywords: short-term, long-term, urgent psychological aid, psychotherapeutic aid, the psychological aiding law, preparation of psychologists and psychotherapists.

Под психологической помощью традиционно понимается система профессиональных мер поддержки и содействия человеку, семье, социальной группе со стороны лиц, оказывающих психологическую поддержку, в предупреждении, разрешении, преодолении психологических проблем, которые нарушают нормальную жизнедеятельность, и способствующих поддержанию психического здоровья, оптимизации психического развития, социальной адаптации, саморазвитию, самореализации и повышению качества жизни. Безусловно, критерием эффективности мер оказания психологической помощи должно являться снижение распространённости психических расстройств среди населения, построение эффективной системы предупреждения и профилактики стресса. На практике, несмотря на определенные усилия по развитию и

совершенствованию системы психологической помощи, во всем мире за последние столетия распространенность психических расстройств существенно возросла в 3-7 раз, а заболеваемость расстройствами не психотического уровня – более чем в 40 раз, приводя в 35-45% случаев к частичной или полной потере трудоспособности [1; 2; 3]. В России ситуация с оказанием психологической помощи населению во многих аспектах оказалась еще более плачевной. Одна из причин этого в том, что на федеральном уровне в России отсутствует целостный системный закон, регулирующий отношения в сфере оказания психологической помощи населению, другими словами, психологическая деятельность в РФ не регулируется специальным федеральным законом, а правовое регулирование указанных отношений проведено лишь частично на уровне отраслевых федеральных законов и носит лишь фрагментарный характер. Для сравнения, в соседней Беларуси закон об оказании психологической помощи принят на федеральном уровне, и в нем четко определены требования к лицам, имеющим право оказывать психологическую помощь, виды, принципы, формы, способы и условия психологической помощи, правила конфиденциальности и многие другие аспекты. Аналогичные правовые акты действуют в США и в ряде европейских стран. В России из-за отсутствия законодательной базы оказанием психологической помощи занимаются люди, весьма далекие от психологии. Так, контент-анализ рекламы и продвижения психологических услуг в Санкт-Петербурге, проведенный С.Н. Костроминой и др. [4], показал, что 45% сайтов и объявлений психологических услуг принадлежат эзотерическим центрам и частным лицам, называющим себя магами, целителями и ясновидящими. При этом в 60% случаях сотрудники этих центров и частные лица, занимающиеся эзотерической деятельностью и оказывающие психологическую помощь, не имеют базового психологического образования, но позиционируют себя в качестве специалистов различных психологических направлений (психоанализа, символ-драмы, индивидуальной психотерапии, транзактного анализа и пр.). Можно лишь догадываться, какую психологическую помощь может оказать большинство таких специалистов. Поэтому и не удивляет, что Россия лидирует в Европе по количеству самоубийств детей и подростков. По данным ВОЗ, Россия в 1990-х гг. занимала второе место в мире по частоте самоубийств, в 2013 г. – четырнадцатое, в 2016-м – тридцатое. В 2013-2014 гг. в России на 100 тыс. жителей приходилось 19,5 случаев самоубийств. За первые девять месяцев 2015 г. этот же показатель, по данным Росстата, равнялся 17,7 (23,3 – у сельского и 13,9 – у городского населения). В 2016-м этот же показатель упал до 15,4. Приведенные данные показывают, что несмотря на позитивные изменения, этот показатель все равно почти втрое выше среднего показателя суици-

дов в мире. Конечно, всему этому есть экономические социальные и прочие причины, однако во многих случаях, этот показатель можно было бы снизить при наличии грамотной, хорошо поставленной психологической помощи, основой которой является высокий уровень знаний, умений и навыков специалиста, оказывающего эту помощь. Если обратиться к опыту других стран, можно констатировать, что например, в Австралии магистры клинической психологии обязаны пройти двухлетнюю супервизию и практику продолжительностью не менее 1000 часов. В немецкоязычных странах Европы (Германии, Австрии, Швейцарии) подготовка лиц, занимающихся психологической помощью (клинических психологов и психотерапевтов), осуществляется с обязательной специализацией. В Швейцарии для психологов-психотерапевтов полное образование включает в себя обучение в университете по специальности «психология» или «медицина» и обязательную четырехлетнюю специализацию в психотерапии. В Германии допуском для обучения на психотерапевта, которое, согласно закону о психотерапии, длится не менее 3 лет, является также законченное высшее медицинское или психологическое образование. Согласно приводимым статистическим данным, фактическая суммарная продолжительность обучения на психотерапевта с учетом получения психологического образования в среднем в Германии составляет 12 лет [5; 6]. Основные различия в «медицинской» и «психологической» моделях психотерапии традиционно проявляются исторически сложившейся традицией предпочтительного выбора психологами-психотерапевтами методов поведенческой и клиентоцентрированной психотерапии, а врачами-психотерапевтами – методов психоанализа [7]. В Австрии, в отличие от Германии, стать психотерапевтами могут не только медики или психологи, но и медсестры, социологи, журналисты, брачные и семейные консультанты, преподаватели, философы, богословы и социальные работники. Само обучение является двухступенчатым. Первая ступень является своего рода введением в психотерапию, длится минимум 2 года и состоит из теоретической части объемом не менее 765 часов и практической части не менее 550 часов [8]. Вторая ступень длится от 3 до 6 лет в зависимости от выбранного направления психотерапии. Как видно из представленных данных, получение права на оказание психологической помощи в общепринятой зарубежной практике предполагает длительный процесс обучения и подготовки. Отечественные психологи в своем большинстве не располагают такой серьезной подготовкой, а посему необходимость принятия решения в отношении приведения модели подготовки отечественных психологов в соответствие с зарубежными требованиями и подходами становится вполне очевидной.

Говоря о формах психологической помощи за рубежом необходимо отметить, что в крупных городах Европы и Америки существуют бюджетные, муниципально-общественные, социально-реабилитационные, бесплатные психологические центры, предназначенные прежде всего для социально неблагополучных подростков, главным образом, из семей мигрантов, а также для социально дезадаптированных и незащищённых слоев населения (наркозависимых, безработных, людей с низким уровнем доходов). Работают там в основном социальные психологи или консультанты по вопросам семьи и проходят практику студенты-психологи. Коммерческие психологические центры предназначены, главным образом, для проведения коллективных или корпоративных тренингов, или для занятий групповой психотерапией. Подавляющее большинство психологов, психотерапевтов, психоаналитиков работает в Европе и США в условиях частной психологической практики. Такая форма организации труда считается предпочтительной, поскольку лучше всего отражает специфику индивидуальной психологической работы с конкретным человеком, с проблемами его внутреннего мира. Этим же путем пошел и Китай, в котором действуют тысячи частных психотерапевтических практик, хотя ещё 20 лет тому назад в коммунистическом Китае не было вообще никакой частной психотерапевтической практики.

В Европы и США существуют государственные психологические службы по оказанию экстренной первичной психологической помощи людям, пострадавшим в результате чрезвычайных обстоятельств: стихийных бедствий, терактов, техногенных катастроф. Аналогичные службы есть и в российском МЧС, причем здесь, по мнению даже зарубежных психологов, мы оказываемся гораздо более подготовленными, чем они. Созданная МЧС России технология оказания экстренной психологической помощи пострадавшим в ЧС и при пожарах занимает ведущее место и не имеет аналогов в зарубежном опыте работы психологов спасательных ведомств. Для такой оценки критериями были: последовательность психологических мероприятий, их количество, преемственность психологической помощи, недопущение возникновения массовых негативных социально-психологических последствий, освещение работы психологов в средствах массовой информации [9].

Из числа инноваций, на которые необходимо обратить внимание и рекомендовать к широкому внедрению, является использование дистанционных форм оказания психологической помощи посредством интернет-технологий [10]. Такие формы работы вполне успешно реализуются и развиваются как за рубежом, так и в России. Особое значение такая форма консультирования будет иметь для одиноких, престарелых, больных, инвалидов, жителей сельской местности, т.е. тех лиц, для которых посещение психолога является су-

ственной проблемой. Использование систем видеосвязи позволяют общаться психологу с клиентом в реальном времени и при этом видеть и слышать друг друга, что значительно расширяет возможности оказания дистанционной психологической помощи. Тот же скайп, в отличие от текстового общения через социальные сети, уже можно рассматривать в качестве основного инструмента общения психолога с клиентом в процессе психологического консультирования, а не только как дополнение к личным встречам. Однако, нужно иметь в виду, что дистанционная психологическая помощь возможна далеко не во всех случаях и её результативность может быть ниже, чем при личных встречах с психологом.

Литература

1. Беребин М.А., Сеницкий И.В. Статус клинической (медицинской) психологии в здравоохранении за рубежом, в России и в Украине: проблемы и реальность // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2012. №. 45 (304).
2. Алехин А.Н. О предмете медицинской психологии. Исторический аспект // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 87-96.
3. Смулевич А.Б. Психопатология личности и коморбидных расстройств: учеб. пособие / А.Б. Смулевич. М.: МЕДпресс-информ, 2009. 208 с.
4. Костромина С.Н., Зиновьева Е.В., Шаболтас А.В. Обоснование необходимости принятия закона о психологической помощи в Санкт-Петербурге: аналитическая записка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Социология. 2011. №. 4.
5. www.bdp-verband.org
6. www2.psychotherapeutenkammer-berlin.de
7. Клиническая психология: учебник для студ. высш. учеб. заведений: в 4 т. Т. 1: Общая патопсихология / под ред. А.Б. Холмогоровой. М.: Издательский центр «Академия», 2010. 464 с.
8. https://de.wikipedia.org/wiki/Psychotherapeutisches_Propaedeutikum
9. Филиппова М.В. Зарубежный опыт организации и оказания психологической помощи пострадавшим в чрезвычайных ситуациях // Технологии гражданской безопасности. 2015. Т. 12. №. 1(43).
10. Психологическое консультирование онлайн №2. Научно-практический журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://counseling.su/f/psyconsonline-002.pdf>. (Дата обращения: 25.06.16).

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ
РЕСУРС: ОПЫТ МОТИВАЦИОННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РАБОТЕ С ЗАВИСИМЫМИ И
СОЗАВИСИМЫМИ ГРАЖДАНАМИ**
**FICTION LIKE PSYCHOLOGICAL RESOURCE: THE MOTIVA-
TIONAL RESEARCH EXPERIENCE OF SPECIALISTS IN THE WORK
WITH ADDICTED AND CO-ADDICTED CITIZENS**

А.И. Китаева

СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья»

A.I. Kitaeva

SPb City Information and Methodological Center «Family»

Рассматривается роль художественной литературы как психологического ресурса в системе социальной работы с зависимыми и созависимыми гражданами. Преимущественно внимание уделяется вопросу профессионального выгорания специалистов. Приводится опыт мотивационного исследования.

The article considered the role of reading fiction like psychological resource in the system of social work with addicted and co-addicted citizens. The mainly focus of the article on the issue of burnout specialists. The article presents the experience of an empirical study.

Ключевые слова: мотивация чтения, читательские предпочтения, художественная литература, профессиональное выгорание.

Keywords: motivation of reading, readers preferences, fiction, professional burnout.

В исследовании психологической специфики представителей помогающих профессий отдельное место занимает вопрос профессионального выгорания. Среди распространенных причин данного явления можно выделить дефицит собственных психологических ресурсов сотрудников, а также недостаток навыков выстраивания профессиональных границ в процессе взаимодействия с клиентами. Определенную группу риска в данном контексте представляют специалисты социальной сферы в области работы с зависимыми и созависимыми гражданами.

Речь идет о риске формирования внутри системы *сотрудник–клиент* новой системы созависимости – когда в качестве созависимого выступает сам социальный работник. Неосознанно выбирая для себя одну из дисфункциональных ролей, характеризующую систему отношений зависимых и созависимых лиц, сотрудник поддерживает и закрепляет негативный сценарий поведения клиента. В свою очередь формирование созависимых отношений изначально не может способствовать эффективному разрешению социально-

психологических проблем клиента, для сотрудника актуальной становится проблема возникновения профессионального выгорания.

В данной ситуации важно не только умение сотрудников выдерживать профессиональные границы в общении с клиентами, но также умение находить и использовать собственные ресурсы для восстановления психического баланса. В качестве подобного ресурса может выступать новая информация, новые коммуникационные связи, сопровождающиеся ярким эмоциональным фоном. Современные достижения в области информационных технологий обеспечивают обществу широкий спектр возможностей для получения той или иной информации, а также для информационного взаимодействия друг с другом. Однако все менее востребованным в современном обществе становится ресурс художественной литературы. Между тем, характер ее воздействия на личность имеет широкий уровень направленности – от кратковременной оптимизации эмоционального состояния до глубоких личностных переживаний, от стимулирования интеллектуальной активности до переосмысления системы мировоззренческих идей.

Непосредственно в нашем исследовании рассматривались возможности художественной литературы как психологического ресурса для специалистов социальной сферы в области зависимого и созависимого поведения. Акцент при этом делался на мотивационном аспекте чтения – с какими целями субъект обращается к произведениям художественной литературы. Направленность на те или иные цели чтения, на наш взгляд, может быть обусловлена не только конкретной ситуацией, но также относительно устойчивой склонностью субъекта рассматривать книгу как средство удовлетворения определенных потребностей.

Мотивационный аспект чтения неоднократно рассматривался в ряде психологических исследований [1-4]. Следует отметить, что существует определенная проблема в дифференцировании используемых понятий, в построении их типологии, а также в разработке психодиагностического материала для выявления основных целей чтения. В нашей работе мы опирались на понятие смысловой диспозиции, разработанное Д.А. Леонтьевым [5] в рамках концепции смысловой регуляции поведения. На его основе нами было сформулировано понятие читательской диспозиции (ЧД) как устойчивого общего отношения субъекта чтения к произведениям художественной литературы с точки зрения реализации определенного смысла. Читательские диспозиции рассматривались нами как мотивационные образования – подструктура направленности личности, которая, в свою очередь, входит в общую структуру личности.

Изначально по результатам кластерного анализа, примененного к данным экспертной оценки, нами было выявлено 9 основных типов читательских диспозиций: социализирующая (приобщение к социальным нормам), куль-

турно-познавательная (удовлетворение интереса к конкретным проблемам истории и культуры), эстетическая (акцент на языке и стиле повествования), эмоционально-эмпатическая (переживание собственных эмоций и сопереживание другим), философско-мировоззренческая (размышление о проблемах бытия), экзистенциальная (упрочение жизненных идеалов), оптимизирующая (улучшение внутреннего состояния, создание хорошего настроения, отдых), развлекательная (желание занять время, отвлечься), эскапическая (абстрагирование от внешнего мира) [6].

В исследовании приняло участие 25 человек (9 женщин и 16 мужчин), в возрасте от 28-ми до 53-х лет. В качестве респондентов выступали социальные работники, специалисты по работе с семьей, психологи и другие специалисты Комплексных центров социального обслуживания населения, Центров социальной помощи семье и детям г. Санкт-Петербурга, а также реабилитационных центров. Для диагностики ЧД нами использовалась проективная методика «Книжная полка» [6], в которой респондентам предлагалось выбрать для чтения на год произведения художественной литературы и обосновать выбор каждого произведения (*для чего?*). В инструкции также оговаривалось, что речь идет о гипотетической ситуации, подразумевающей, что времени для чтения будет достаточно.

По результатам диагностики в качестве доминирующей категории была выявлена социализирующая читательская диспозиция (21,04%). На втором месте оказалась эмоционально-эмпатическая (14,36%). Наименьший уровень значимости был выявлен у эскапического типа (2,96%) [7].

В предыдущих исследованиях системы ЧД нами было установлено, что психологический профиль социализирующей ЧД характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем благожелательности субъекта по отношению к окружающим, открытостью и готовностью к сотрудничеству; наблюдается отказ от доминирования и соперничества [6]. С другой стороны, субъект ориентирован на успешность и социальное одобрение, его интересует процесс деятельности как таковой; субъект может рассматривать как ценность не только результат чтения художественной литературы, но также и сам процесс. Субъекты данного типа ориентированы не на «механическое» копирование общественных норм, транслируемых посредством художественной литературы, а на их непосредственное осмысление. Данный тип характеризуется открытостью опыту и общению – готовностью к взаимодействию с общественным миром, и в то же время имеющий собственную позицию и умеющий ее отстаивать.

Сравнительно небольшой разброс между остальными типами ЧД свидетельствует о достаточно широком использовании потенциала художествен-

ной литературы. С другой стороны, в процессе исследования было установлено, что художественная литература в целом преимущественно не рассматривается как значимый психологический ресурс. Распространенным ответом со стороны респондентов было то, что они преимущественно предпочитают читать литературу научного содержания, а художественного. В то же время, учитывая, что современные достижения в области информационных технологий достаточно активно вытесняют художественную литературу как содержательный и психологический ресурс, можно рассматривать ситуацию в центрах как отражение общей тенденции снижения читательского интереса в обществе.

Литература

1. Беляева Л.И. К вопросу о типологии читателей // Проблемы социологии и психологии чтения. М.: Книга, 1975.
2. Бородина В.А., Бородин С.М. Мотивация в структуре культуры чтения // Чтение детей и подростков: Мотивы и потребности. СПб.: ЛЕМА, 2005.
3. Воронова Т.В. Методика выявления личностных функций чтения художественной литературы // Психология чтения и проблемы типологии читателей. Л.: ЛГИК, 1984.
4. Отле П. Труды по библиотековедению. М.: Либерия, 2002.
5. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
6. Китаева А.И. Читательские предпочтения в структуре направленности личности. Автореферат дисс. канд. пс. н. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010.
7. Китаева А.И. Мотивация чтения художественной литературы в системе работы с зависимыми и созависимыми гражданами // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. СПб.: СПбГБУ «Городской информационно-методический центр «Семья», 2015. Вып. 5. С. 43-55.

**СОЦИАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС
В ПРОБЛЕМУ ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ
В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ
С ПОДРАСТАЮЩИМ ПОКОЛЕНИЕМ**

**SOCIAL EMOTIONS: HISTORICAL DIGRESSION TO A PROBLEM
OF RESEARCH AND ITS VALUE IN SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL
WORK WITH YOUNGER GENERATION**

Р.А. Лимонченко, О.А. Белобрыкина
Новосибирский государственный педагогический университет
R.A. Limonchenko, O.A. Belobrykina
Novosibirsk state pedagogical university

Обрисно представлен теоретический анализ историогенеза исследования социальных эмоций в отечественной и зарубежной психологии. Обозначены основные направления современных исследований по проблеме развития социальных эмоций личности, показана их значимость в социально-психологической работе с подрастающим поколением.

The theoretical analysis of an istoriogenez of research of social emotions in domestic and foreign psychology is abrisko presented in article. The main directions of modern researches on a problem of development of social emotions of the personality are designated, their importance in social and psychological work with younger generation is shown.

Ключевые слова: эмоциональное развитие личности, социальные эмоции, социально-психологическая работа, подрастающее поколение.

Keywords: *emotsionalny* development of the personality, social emotions, social and psychological work, younger generation.

Проблема эмоциональных детерминант развития и становления личности всегда была в центре исследовательских интересов представителей различных направлений социальной науки и практики. В современной реальности адекватное социально-психологическое функционирование личности во многом зависит от эмоциональной культуры человека, что повышает востребованность исследований по данному направлению. Актуальность проблемы генезиса и значимости социальных эмоций обусловлена и тем, что именно эмоциональная сфера считается в современной культуре наиболее патогенной зоной, причем в большей мере это проявляется в детском возрасте. На это, в частности, указывает ежегодное возрастание в мировом сообществе численности детских когнитивных расстройств и психосоматических заболеваний эмоционального генеза [1]. Этот факт «вызывает не только особую озабоченность у специалистов разных направлений и профилей, работающих с детьми: педиатров, неврологов, психиатров, психологов, педагогов, дефектологов, социальных работников, – но и актуализирует пристальное внимание исследователей к изучению различных аспектов эмоциональной жизни ребенка» [2, с. 10]. По сути, проблема социальных эмоций сегодня отличается междисциплинарной направленностью и значимостью для решения множества противоречий, возникающих в широкой социальной практике и, прежде всего, в контексте оказания эффективной профессиональной помощи специалистами помогающих профессий всем, кто остро нуждается в нормализации различных сторон собственной жизнедеятельности.

Заметим, что на протяжении историогенеза психологических знаний проблема эмоций, как отмечает Л.С. Выготский, не имела единого мнения об источниках их развития: существовали «две непримиримые и враждующие друг с другом части» [3, с. 301], а именно описательная и объяснительная психология. С дескриптивных позиций проблема эмоций человека начала рассматриваться уже в античное время. Так, Аристотель считал, что поступок человека сопряжен с аффектом, то есть каждой ситуации соответствует оп-

тимальная аффективная реакция на нее: если аффект является избыточным или недостаточным, это приводит к безнравственным поступкам. Правильный способ реагирования вырабатывается опытом, анализом поведения других людей и своего, самовоспитанием [цит. по 4]. К началу XX в. исследование эмоций ограничивалось их описанием, а их понимание сводилось к физиологическим проявлениям [3; 5]. Так, Ч. Дарвин определял эмоции как душевные состояния, выражающиеся в определенных ощущениях и желаниях. Он обозначил три принципа выражения эмоций, идентичные для человека и животного: принцип полезных ассоциированных привычек (действия, облегчающие определенные ощущения или удовлетворяющие известные желания); принцип антитезы (при возникновении прямо противоположного душевного состояния появляется сильная и непроизвольная тенденция к выполнению движений прямо противоположного характера); принцип действий, обусловленных строением нервной системы, первоначально не зависящих от воли и лишь до некоторой степени не зависящих от привычки (движения, выразительные для определенных душевных состояний – это прямой результат функционирования нервной системы) [6]. Г. Спенсер в рамках ассоциативной психологии полагал, что «человеческие чувства и идеи, согласно общему закону эволюции, возникают вместе с ассоциируемыми ощущениями, из относительной несвязности и неопределенности сознания» [7, с. 3]. Например, чувство вины у ребенка возникает из-за понимания неодобрения его поведения окружающими, представляемого мнения других о своем поступке, поэтому данное чувство физиологически сопровождается покраснением лица. В. Дильтей разделял телесные чувства (связанные с мозгом и чувствительными нервами) и духовные чувства, являющиеся продолжением первых. «Эта целесообразность телесных чувств находит продолжение в области духовных чувств, прежде всего постольку, поскольку с предвидением или неопределенным ожиданием телесных болей связывается тягостное духовное чувство, а с телесно приятным – духовное чувство удовольствия» [8, с. 113]. В разработке психологических основ исследования эмоционально-чувственной сферы психики особая значимость принадлежит научной концепции Т.А. Рибо [9]. Ученый одним из первых высказал мнение, что множество психических болезней являются результатом аффективных расстройств. Согласно его подходу, бессознательные тенденции проявляются в форме задержки аффективного развития. Автор подразделяет четыре группы главных эмоций: приятное состояние (удовольствие, радость); тяжелое состояние (грусть, горе); состояние страха; состояние возбуждения. При смещении или смене основных эмоций, по мнению Т.А. Рибо, образуются смешанные состояния (эстетическое чувство, религиозное, нравственное

или социальное). Возникновение эмоций зависит только от потребностей, которые, в свою очередь, сводились к инстинкту самосохранения индивида, поэтому «эмоция представляет собой явление, появляющееся внезапно и ограниченное по времени; она всегда имеет отношение к сохранению индивидуума или вида, причем эта связь непосредственно устанавливается для первичных эмоций и косвенно для производных» [10, с. 17]. Примечательно, что и У. Джемс рассматривал эмоции как осознание телесного возбуждения в то время, как оно совершается. Он полагал, что телесное возбуждение следует непосредственно за восприятием вызвавшего его факта: «мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому, что бьем другого; боимся, потому что дрожим» [5, с. 275]. По сути, ученый практически отождествлял инстинкт и эмоции, считая, что «во многих случаях невозможно провести резкую грань между описанием эмоционального процесса и инстинктивной реакции, которые могут быть вызваны тем же объектом» [5, с. 272].

В отечественной науке одним из первых к теоретико-экспериментальному исследованию эмоциональной жизни человека обратился Н.Я. Грот. Динамика развития чувствований, по его мнению, разворачивается следующим образом: чувство начинается с отрицательного страдания (потребность, лишение), затем переходит в положительное удовольствие (наслаждение, работа), впоследствии происходит переход в положительное страдание (усталость, истощение) и наконец, в отрицательное удовольствие (отдых, восстановление). Явления удовольствия и страдания могут быть определены как явления сознания, которые вытекают из субъективной оценки гармонии или дисгармонии каких-либо отношений [11]. В концепции эмоций, предложенной Н.Я. Гротом, была заложена значимая для отечественной психологии традиция, направленная на исследование проблемы переживания и его роли в процессе социального становления и развития личности [12]. Вместе с тем, как отмечает Л.С. Выготский, психология вплоть до XX в. не могла установить генезис социальных (высших), присущих только человеку эмоций: объектом её исследования преимущественно выступали общие для человека и животного, непосредственно связанные с инстинктами низшие эмоции [3]. Сам Л.С. Выготский источником развития социальных эмоций как высших психических функций рассматривал социокультурную среду, отмечая, что «через других мы становимся самими собой, и это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной функции. В этом и состоит сущность процесса культурного развития, выраженная в чисто логической форме» [3, с. 144]. С.Л. Рубинштейн также отмечал, что социальные эмоции связаны не с органическими, а, прежде всего, с духовными потребностями [13]. Заметим, что на протяжении XX в. и вплоть до настоя-

щего времени в отечественной психологии развитие социальных эмоций в онтогенезе исследуется на основе положений, обозначенных в работах Н.Я. Грота и Л.С. Выготского. Так, А.В. Запорожец отмечает, что вначале эмоции формируются и видоизменяются в ходе практической деятельности ребенка, в процессе его реального взаимодействия с окружающими людьми и предметным миром. В дальнейшем на основе внешней практической деятельности у ребенка начинает складываться своеобразная внутренняя деятельность – эмоциональное воображение, представлявшее собою своеобразный сплав аффективных и когнитивных процессов, то есть единство аффекта и интеллекта, характерное для высших эмоций [14].

В настоящее время исследования социальных эмоций и диапазон самих эмоций расширяется. Например, наличие эмпатии, по мнению Г.М. Бреслава, предполагает ряд взаимосвязанных способностей: способность к децентрации; коммуникативную компетентность; способность переживать другому в той или иной форме [15]. Чувство благодарности, по данным М.Е. МакКаллога, характеризуется тремя функциями: а) моральный барометр (реакция на восприятие другого человека как благодетеля по отношению к нуждающимся и/или достойным); б) моральный мотив (побуждение благодарных людей к просоциальному поведению по отношению к благодетелю и другим людям); в) моральное подкрепление (при выражении благодарности поощряет благодетеля к моральному поведению и в будущем) [цит. по 15].

Отдельные исследования проводятся в подтверждение социального генезиса социальных эмоций и определения структуры и содержания сложных социальных эмоций. Например, Т. Залеская указывает, что чувство зависти неестественно для человека, поскольку не закладывается биологически, а установки, которые формируются при зависти, мешают реализовываться ребенку в полной степени в будущем [16]. Ф. Зимбардо, рассматривая чувство застенчивости, предполагает, что оно возникает тогда, когда два человека не могут наладить контакт друг с другом [17]. Достаточно внимания уделяется изучению специфики проявления социальных эмоций у различных категорий людей. О.А. Белобрыкина исследует эмоциональную компетентность дошкольников [18]. О.В. Заширинская в контексте дефектологического подхода изучает экспрессивные характеристики и оптимальные зоны идентификации разных эмоций, особенности проявления социальных эмоций у детей с умственной отсталостью, специфику формирования эталонов восприятия экспрессивного поведения в дизонтогенезе [19]. Л.Б. Шнейдер, Е.В. Змановская, В.Ю. Рыбников, Р.А. Лимонченко рассматривают проблему социальных эмоций и возникновение эмоциональных нарушений в рамках изучения детерминант поведенческих нарушений [20-22]. А.А. Стреленко исследует эмоци-

ональные переживания на разных этапах онтогенеза личности в рамках концепции социально-психологической виктимологии [23].

Подводя краткий итог, отметим, что обобщение достижений современной науки в области изучения социальных эмоций имеет особую прикладную значимость и, прежде всего, для специалистов помогающих профессий – педагогов, психологов, социальных работников и многих других, от чьей компетенции во многом зависит эмоциональное благополучие и социальное здоровье подрастающего поколения.

Литература

1. Инвестируя в будущее детей: Европейская стратегия охраны здоровья детей и подростков, 2015-2020 гг. //Всемирная организация здравоохранения: Европейское региональное бюро [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.euro.who.int/ru>. (Дата обращения: 10.01.2015).
2. Белобрыкина О.А. Особенности эмоционального развития дошкольников в современных условиях // Смальта. 2016. № 1. С. 9-15.
3. Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.6: Научное наследство / Под ред. М.Г. Ярошевского. М: Педагогика, 1984. С. 91-318.
4. Ярошевский М.Г. История психологии от античности до середины XX в. М: Академия, 1996. 416 с.
5. Джемс У. Психология. М: Педагогика, 1991. 368 с.
6. Дарвин Ч. О выражении эмоций и чувств у человека и животных. СПб: Питер, 2001. 384 с.
7. Спенсер Г. Научные основания нравственности: Индукция этики. Этика индивидуальной жизни. М: ЛКИ, 2008. 248 с.
8. Дильтей В. Описательная психология /под ред. Г.Г. Шпета. СПб: Алетейя, 1996. 160 с.
9. Няголова М.Д. Теодюль Рибо в проблемном поле современной историографии психологии // Смальта. 2016. № 1. С. 44-48.
10. Рибо Т. Психология чувств. СПб: Изд. Ф.Павленкова. 1898. 250 с.
11. Грот Н.Я. Психология чувствований в ее истории и главных основах // Старинные книги по философии и психологии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://kolesnikovx.narod.ru/psychology/grot_nikolai_yakovlevich/. (Дата обращения: 20.01.2016).
12. Белобрыкина О.А., Байгужинова О.А. Методологические основы психологии эмоций в научном творчестве Н.Я. Грота // Сборник доклады от Годишна университетска научна конференция (Болгария, г. Велико Търново, 3-4 юли 2014 година). Т. 12: Научно направление «Педагогически и хуманитарни науки». Велико Търново: Издателски комплекс на НВУ «Васил Левски», 2014. С. 216-224.
13. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Питер, 2000. 712 с.
14. Развитие социальных эмоций у детей дошкольного возраста: Психологические исследования / Под ред. А.В. Запорожца, Я.З. Неверович. М: Педагогика, 1986. 176 с.
15. Бреслав Г.М. Психология эмоций. М: Смысл, 2004. 544 с.
16. Залеская Т. Завидки // Московский психологический журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazine.mospsy.ru/nomer1/zavidki.shtml>. (Дата обращения: 10.02.2016).
17. Зимбардо Ф. Застенчивый ребенок. М: АСТ Астрель, 2005. 294 с.
18. Belobrykina O.A., Vorobyova P.S. Psychological descriptors of emotional competence of modern preschool children //Pedagogics. Psychology: Selected Papers of the International Scien-

tific School «Paradigma» (Summer-2015, Varna, Bulgaria) / Comp. edit. A.V. Berlov, L.F. Chuprov, E.K. Yanakieva. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2015. Pp. 90-99.

19. Защирина О.В. Эмоциональный компонент невербальной коммуникации // Психология мотивации: прошлое, настоящее, будущее: материалы Международной науч.-практич. конференции, посвященной 85-летию доктора психологических наук, почетного профессора НГПУ В.Г. Леонтьева (г. Новосибирск, 25-28 декабря 2014 г.) / Под ред. О.А. Белобрыкиной, Н. Я. Большуновой. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 156-164.

20. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. М: Академический проспект, 2005. 336 с.

21. Змановская Е.В., Рыбников В.Ю. Девиантное поведение личности и группы. СПб: Питер, 2010. 352 с.

22. Белобрыкина О.А., Лимонченко Р.А. Дескриптивные характеристики социальных эмоций у подростков с отклоняющимся поведением // Смальта. 2016. № 1. С. 15-21.

23. Стреленко А.А. Психологические особенности эмоциональных переживаний юношей и девушек на различных этапах психосексуального развития // Смальта. 2016. № 1. С. 64-69.

РАБОТА ПСИХОЛОГА В КОРРЕКЦИИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОВД

THE WORK OF PSYCHOLOGISTS CORRECTION DEVIANT BEHAVIOR OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

А.В. Любаев

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского*

A.V. Lyubaev

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассмотрены причины возникновения девиантного поведения у сотрудников ОВД. Представлена возможность использования внушения в психологической коррекции девиантного поведения. Показана схема процедуры психологической коррекции девиантного поведения сотрудников ОВД. Предложено сочетание внушения с традиционными психокоррекционными техниками. Представлены методические рекомендации по реализации психокоррекционного воздействия.

The article deals with the causes of deviant behavior in the police department employees. Submitted by the use of suggestion in psychological correction of deviant behavior. The scheme of the procedure of psychological correction of deviant behavior of law enforcement officers. Proposed combination of suggestion psihokorektsionnymi with traditional techniques. The methodical recommendations on implementation psychocorrectional impact.

Ключевые слова: девиантное поведение, нервно-психические нарушения, внушение, психокоррекция, эмоциональный контакт, сотрудники ОВД.

Keywords: deviant behavior, neuro-psychiatric disorders, suggestion, psychological correction, emotional contact, ATS employees.

Существующая проблема состояний, занимающих пограничное положение в пределах психического здоровья и болезни, является наиболее актуальной.

Социально нежелательные отклонения в поведении сотрудников ОВД является одной из значительных проблем современного общества. Особенно опасны ситуации, когда девиации поведения достигают уровня асоциальных и антисоциальных. В связи с этим весьма актуальным является разработка новых эффективных методов психологического воздействия на девиантов, с целью коррекции социально неприемлемых форм поведения [1, с. 43].

В настоящее время существует много психокоррекционных методик, которые позволяют целенаправленно менять поведение человека. Их описание можно найти у таких авторов, как Д. Рудестам, Х.Дж. Джинотт, Г. Лэндрет, Д. Киппер, Г. Блатнер, А.И. Захаров, А.Е. Личко, Н.В. Цзэн и Ю.В. Пахомова.

Большое значение имеет изучение девиантного поведения у личностей, профессиональная деятельность которых проходит в постоянном напряжении. По данным отечественных и зарубежных исследователей, в структуре всех психических расстройств 75-80 % составляет девиантное поведение [2, с. 58].

Исследование данной проблемы является актуальным и отвечает запросам современной практической психологии.

Специфика работы лиц, профессиональная деятельность которых проходит в системе ОВД, связана с высокими физическими и психоэмоциональными нагрузками, что может провоцировать декомпенсацию у контингентов с признаками нервно-психической неустойчивости, оказывать «функциональные» нарушения психики. Эти факторы, в свою очередь, требуют правильно организованной и квалифицированной психокоррекционной помощи [3, с. 67].

Наличие психической неустойчивости относительно негативных событий жизни также способствует развитию девиантного поведения сотрудников органов внутренних дел. Профилактика расстройств поведения у сотрудников является одним из важнейших звеньев работы психологической службы ОВД [4].

Анализ наиболее распространенных психокоррекционных методик показал, что в них, практически всегда, присутствует суггестия. К сожалению, этот очевидный факт во многих случаях просто игнорируется. В то же время целенаправленное использование внушения может существенно повышать эффективность любой психокоррекционной методики [2, с. 67].

Одним из главных направлений в работе психолога ОВД является коррекция девиантного поведения сотрудников. Осуществление данного вида работы требует от психолога установления оптимальных путей оказания психо-

логической помощи сотрудникам ОВД, которые имеют отклонения в поведении.

С целью коррекции девиантного поведения и улучшения уровня адаптации психологом применяются методы психокоррекции и психопро-филактики. В комплексе психокоррекционных мероприятий используются методы, которые базируются как на внушении, так и на убеждении, разъяснении (рациональная, групповая, косвенная психокоррекция), а также методы, предусматривающие овладение навыками психической саморегуляции (эмоционально-волевой тренинг), направленные на реконструкцию нарушенных отношений личности (личностно-реконструктивная психокоррекция) и другие в их различных модификациях, комбинациях и вариантах [2, с. 72].

Коррекционная работа строится таким образом, чтобы убедить сотрудника ОВД в необходимости следовать социальным нормам, развивать навыки самоконтроля и способность адекватно реагировать в различных жизненных ситуациях.

Сознательное стремление к позитивным изменениям безусловно необходимо, однако проблема в том, что негативизм к окружающим не позволяет многим девиантам усваивать и использовать новые адаптивные формы поведения, как это делают их коллеги, принадлежащие к группе нормы. Это означает, что в психокоррекционной работе с девиантами необходимо активнее использовать внушение, которое позволяет преодолевать сопротивление сознания, блокировать предвзятость и негативизм.

Процедура психокоррекционного воздействия выглядит таким образом [5, с. 82]:

- ✓ установление эмоционального контакта с участником;
- ✓ сбор информации о его индивидуально-личностных особенностях, жизненной ситуации, а также восприимчивости к суггестивному воздействию различной сенсорной модальности;
- ✓ совместная (с психологом) вербализация «картины мира», в частности, убеждений и моральных принципов, представлений о себе («Я-образа»), а также ближайших и отдаленных жизненных целей;
- ✓ провокация сомнений относительно ложных, социально опасных и ограничивающих убеждений и, как следствие, формирование состояния растерянности;
- ✓ завуалированное информирование об участнике альтернативные способы интерпретации жизненных событий, а также реагирование на них;
- ✓ создание мотивирующих установок;

- ✓ создание у девианта впечатления, будто он самостоятельно нашел социально приемлемый выход из проблемной ситуации (иллюзия самостоятельного выбора новых целей и способов их достижения);
- ✓ совместная «инвентаризация» ресурсов для достижения поставленных целей, «прокладывание» пути из настоящего в будущее, а также поощрение дальнейшей активности девианта с помощью стимулятора;
- ✓ проведение традиционных психокоррекционных занятий (в индивидуальной или групповой форме) на фоне специального наставления;
- ✓ развитие у сотрудников ОВД навыков позитивного мышления;
- ✓ фиксация первых успехов (эффект обратной связи);
- ✓ коррекция поставленной в начале занятий цели, если в этом возникает потребность;
- ✓ ситуативная поддержка участника коррекционной программы, когда в его жизни случаются неожиданные психологически травмирующие препятствия;
- ✓ процедура постепенного уменьшения зависимости от психолога, когда участник берет на себя ответственность за собственные решения и поведение в целом.

В процессе психокоррекции девиантного поведения, как правило, психолог комбинирует индивидуальные и групповые занятия. Коррекционная программа состоит из 6-8 групповых занятий, которые проводятся 3-4 раза на неделю в открытых смешанных психотерапевтических группах по 10-12 человек, и 2-3 индивидуальных занятия, длительностью по 55-65 мин. [5, с. 62].

При групповых занятиях значительное внимание обращается на индивидуализацию влияния (индивидуальное внушение, подбор и отработка индивидуальных формул самовнушения, акцентированное внимание на личности каждого участника, обсуждение его проблем в группе, символический прием в группу и пожелания группы на заключительном занятии и т.п.).

Во время разработки схем психокоррекции основная роль отводится тем компонентам эмоционально-волевой тренировки и лечебно-личностной терапии, которые направлены на дезактуализацию психотравмирующей ситуации и снижение ее социальной значимости.

Литература

1. Абрамов В.А. Диагностика состояний психической дезадаптации. Донецк: 2012. 114 с.
2. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника ОВД / Марьин М.И., Буданов А.В., Петров В.Е., Борисова С.Е., Такасаева К.Р., Адаев А.И. Под ред. Марьинского М.И. М.: ГУК МВД России, 2004. 120 с.
3. Дроздов В.А. Индивидуальная работа с сотрудниками ОВД. М.: Академия МВД России, 2003. 96 с.

4. Смирнов В.Н. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников специальных подразделений органов внутренних дел к действиям в экстремальных условиях: дис. ... д-р. пс. наук: 19.00.06. М., 2004.

5. Психологическое обеспечение работы с сотрудниками ОВД, требующими повышенного психологического внимания / Марьин М.И., Солдатова И.Ф., Петров В.Е., Орлова И.Ю. Под ред. Марьиного М.И. Барнаул: ДКО МВД РФ, 2004. 151 с.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ РЕФЛЕКСИИ В ПРОФИЛАКТИКЕ ВЫГОРАНИЯ ПЕДАГОГОВ

THE ROLE OF PROFESSIONAL REFLECTION IN THE PREVENTION OF BURNOUT OF TEACHERS

О.М. Орлова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

O.M. Orlova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В исследовании изучается роль профессиональной рефлексии в работе учителей. Показана её связь с эффективностью труда педагогов. Раскрывается значение профессиональной рефлексии в развитии профессионально важных качеств.

This study examines the role of professional reflection in the work of teachers. Shows its relationship with the effectiveness of teachers. Reveals the importance of professional reflection in the development of professionally important qualities.

Ключевые слова: профессиональная рефлексия, профессиональная деятельность педагогов, развитие личности.

Keywords: professional reflection, professional activities of teachers, personal development.

Совершенствование трудовой деятельности учителей средней школы – важнейшее условие повышения качества образования. С введением новых Федеральных государственных образовательных стандартов повышаются требования к профессиональной компетентности учителей. Особое значение придается самообучению и самообразованию педагогов. Саморазвитие и самосовершенствование в профессии, в свою очередь, зависит от готовности учителя к рефлексивной деятельности. Рефлексия активизирует внутренние резервы, способствует изменениям в организации поведения. Она способствует погружению в профессию, дифференциации умений и навыков, развитию аналитических способностей, формированию более осознанного отношения к результатам собственного труда. Профессиональная рефлексия позволяет увидеть основания и перспективу своей деятельности, выработать наиболее результативные стратегии её реализации. Рефлексия является важ-

нейшим качеством, обуславливающим эффективную самореализацию педагогов в профессии и профессионализацию в целом.

Проблема профессиональной рефлексии давно разрабатывается психологами, в том числе и применительно к педагогической деятельности. Активно изучается роль рефлексии в профессиональной деятельности, профессионализации, развитии компетентности (А.В. Карпов, И.С. Ладенко, Л.Н. Захарова, А.В. Растянников, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов). В психолого-педагогических исследованиях рассматривается профессиональная рефлексия, её содержание и роль в организации педагогической деятельности, определяются методы формирования способности учителя к рефлексии (Ю.Н. Кулюткин, В.И. Слободчиков, В.В. Краевский, В.А. Сластенин).

Повышенный интерес к проблеме рефлексии, готовность будущего учителя к рефлексивной деятельности в психолого-педагогической науке связаны с утверждением компетентностного подхода в образовании, в основе которого делается упор на развитие внутренних ресурсов профессионального роста и организации деятельности. В данном исследовании предпринята попытка разработать структурную модель профессиональной рефлексии применительно к педагогической деятельности, выделить те её стороны, которые важны для профессионального роста, оценить характер их проявления, предложить диагностический инструментарий. Кроме того, поставлена задача изучить взаимосвязи рефлексивности учителей и проявлений у них профессионально значимых качеств. Методологической основой работы являются принципы рефлексивно-деятельностного подхода в разработках А.В. Карпова [1], И.Н. Семенова [2], Л.Н. Захаровой [3,4].

Предложенная нами модель профессиональной рефлексии разработана на основе индуктивной стратегии, реализующейся на принципе «от практики – к теории». Анализ теории рефлексии позволил выделить ряд критериев для определения понятия «профессиональная рефлексия». Для раскрытия содержания данного понятия методом экспертных оценок определены основные показатели профессиональной рефлексии, а также релевантные им поведенческие индикаторы. Разработанная модель профессиональной рефлексии может считаться содержательно валидной, так как согласуется с современными теоретическими моделями и эмпирическими представлениями психологов и педагогов-практиков.

По результатам экспертных оценок был определен ряд характеристик личности, связанных с профессиональной рефлексией. Они были объединены в 5 показателей, которые легли в основу шкал опросника «Оценка профессиональной рефлексии». Методика предназначена для оценки способности и готовности к осуществлению личностной и профессиональной рефлексии. В

опроснике 3 шкалы, относящиеся к профессиональной рефлексии – межличностная рефлексия, трудовая рефлексия, организационная рефлексия, а также 2 дополнительные шкалы: личностная рефлексия и самопрезентация. Под межличностной рефлексией понимается представление, самоанализ своих отношений с коллегами и потенциальными клиентами, разработка внутренних стратегий межличностного взаимодействия и алгоритмов действий в различных ситуациях. Под трудовой рефлексией имеется в виду осмысление работником событий, возникающих в процессе труда и отображение себя как субъекта труда, внутренняя сосредоточенность на своем профессиональном совершенствовании, контроль своих профессиональных недостатков, анализ успехов и неудач. Организационная рефлексия – это сосредоточенность на проблемах организации и себе как субъекте, который решает эти проблемы, стремление представить себя на месте руководителя, решающего задачи повышения эффективности работы организации. Личностная рефлексия – это внутренняя работа, направленная на самоанализ своей сущности, отображение в сознании и оценка своего поведения и деятельности. Под самопрезентацией понимается демонстрация человеком стилей поведения, ожидаемых окружающими, стремление человека выглядеть в глазах других людей лучше, чем он есть на самом деле, самомониторинг и самоконтроль своего поведения в окружении значимых людей.

В отношении опросника проведены необходимые процедуры психометрической проверки. Ретестовая надежность устанавливалась путем повторного тестирования через месяц. Внутреннюю согласованность опросника оценивали с помощью корреляционного анализа шкал теста, определяя статистические связи между ними. Для расчета внутренней согласованности использовали коэффициент α Кронбаха. Оценки надежности и внутренней согласованности шкал окончательного варианта теста лежат в границах 0,73-0,85, что отвечает основным требованиям, предъявляемым к опросникам подобного типа. Проверка конструктивной и эмпирической валидности показала соответствие методики «Оценка профессиональной рефлексии» данным критериям качества. Для определения статистической нормы и создания нормировочных шкал на основании описательных статистик были рассчитаны стандартные баллы – станы. Результаты психометрической проверки позволяют утверждать, что методика «Оценка профессиональной рефлексии» является надежным и валидным инструментом психодиагностики и может использоваться в научных исследованиях и практической работе.

В исследовании роли профессиональной рефлексии в эффективности труда педагогов принимали участие учителя 9-ти школ г. Нижнего Новгорода и Нижегородской области, а также педагоги-слушатели курсов повышения

квалификации, проходивших на базе Нижегородского центра непрерывного образования и Нижегородского института развития образования. Общее количество участников исследования 324 человека. Нами показано, что готовность к рефлексивной деятельности учителей зависит от их профессиональной загруженности, наличия свободного времени, возможностей для профессионального роста и повышения квалификации. Склонность к профессиональной рефлексии достоверно выше у педагогов г. Нижнего Новгорода по сравнению с учителями из областных центров. Профессиональная рефлексия достоверно более выражена у учителей начальной школы по сравнению с учителями-предметниками. Она достоверно сильнее проявляется у руководителей (директора, завучи школ) по сравнению с педагогами, не занимающими руководящих должностей.

В исследовании установлены достоверные корреляционные связи выраженности профессиональной рефлексии с такими профессионально значимыми качествами, как трудовая мотивация, удовлетворенность трудом, стиль саморегуляции, самоактуализация личности. Полученные данные позволяют определить важность профессиональной рефлексии в профессионализации педагогов.

Было установлено, что профессиональная рефлексия связана с выраженностью симптомов выгорания у педагогов. Развитие навыков профессиональной рефлексии при прохождении специального тренинга приводит к достоверному снижению эмоционального истощения, усилению стремления к профессиональным достижениям. Учителя, которые до тренинга имели выраженное выгорание, после рефлексивного тренинга профессиональной деятельности демонстрировали более высокую готовность к общению и профессиональному взаимодействию; проявления выгорания уменьшились. На основании проведенного исследования можно утверждать, что профессиональная рефлексия как фактор профессионализации является механизмом предупреждения выгорания.

Литература

1. Карпов А.В. Психология рефлексивных механизмов деятельности. М.: Институт психологии РАН. 2004. 424 с.
2. Семенов И.Н. Проблемы рефлексивной психологии решения творческих задач. М.: НИИОПП АПН СССР, 1990. 234 с.
3. Захарова Л.Н. Психология управления. М.: Университетская книга, Логос, 2009. 376 с.
4. Захарова Л.Н. Рефлексивное мышление: закономерности спонтанного использования и возможности развития // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 3. С. 17-23.

К ВОПРОСУ О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОПРОВОЖДЕНИИ ЛЮДЕЙ ТРЕТЬЕГО ВОЗРАСТА В СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ УРАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА
TO THE QUESTION OF PSYCHOLOGICAL ESCORT OF PEOPLE OF THE THIRD AGE IN RURAL SETTLEMENTS OF SVERDLOVSK REGION: FROM THE WORK EXPERIENCE OF PSYCHOLOGICAL LABORATORY OF THE URAL STATE AGRICULTURAL UNIVERSITY

Я.А Самodelкин

Уральский государственный аграрный университет, г. Новоуральск

Y.A. Samodelkin

Urals state agrarian university, Novouralsk

Исследуется проблема научно-исследовательской деятельности студентов УрГАУ в контексте неформального обучения и воспитания. Исследование, проведенное студентами, позволило им определить сферу научного поиска, а полезного для специалистов социальной службы. Научная активность способствует приобретению необходимого жизненного опыта для будущего профессионального становления. Научные проекты связаны с удовлетворением потребностей целевой группы людей третьего возраста.

In article the problem of research activity of students of URGU in the context of informal training and education is investigated. The research conducted by students has allowed them to define the sphere of scientific search useful to experts of a social service. Scientific activity promotes acquisition of necessary life experience for future professional formation. Scientific projects are connected with satisfaction requirements of target group of people of the third age.

Ключевые слова: научно-исследовательские проекты, волонтерская активность, третий возраст, развитие личности.

Keywords: research projects, volunteer activity, third age, development of the personality.

Для современного высшего профессионального образования важна связь студентов с практикой. Такой метод работы в европейских образовательных учреждениях известен как неформальная педагогика, неформальное образование. Образовательное учреждение за счет данной технологии оказывается в сети социальных связей, что позволяет обществу влиять на содержание образования. В этой связи интересен опыт научно-исследовательской работы студентов УрГАУ в рамках учебных курсов по социологии, психологии, педагогики. Студентам была предложена для изучения проблема по оценке качества предоставления психологической услуги людям третьего возраста сельских

населенных пунктов Свердловской области. Выбран наиболее экономичный способ сбора информации – "фокус группа". "Фокус группа" – качественный метод сбора нужной информации. Этот метод начал применяться в середине XX в. Впервые он был использован американскими социологами Р. Мертоном и П. Лазарсфельдом в 1941 г. для изучения эффективности воздействия на население радиопередач. В учебниках по социологии в разделе опросы упоминается групповое интервью, которое способно приобретать дискуссионный характер [1]. Студентам приходится обращаться к преподавателям для более детального разбора метода. Отметим, что методу присущи следующие характеристики:

1. численность группы составляет 5-8 участников;
2. длительность группового интервью не должна превышать 2 часов;
3. продуманность вопросов для опроса.

Групповая дискуссия предусматривает создание благоприятных условий общения для каждого участника и атмосферы доброжелательности и комфорта для группы в целом.

Опрос начинается с открытых вопросов, которые раскрывают особенности характера участников, разнообразие их мнений. Закрытые вопросы обычно задаются ближе к концу дискуссии, что позволяет сфокусировать ответы на конкретных аспектах обсуждаемой проблемы. В процессе дискуссии приходилось контролировать группу, используя паузы и уточняющие вопросы: «Вы не объясните более подробно?», «Вы не приведете пример?»

В качестве респондентов выступили высокомотивированные пожилые люди, которые стремятся осмыслить свою жизнь с помощью научной психологии, готовы оценить качество предоставления психологических услуг. К психологическим услугам относят диагностику проблемной ситуации, консультирование, тренинговую активность. Качество они определили как удовлетворенность своих духовно-нравственных потребностей. Достичь определенного качества невозможно без специальных знаний, умений и навыков, которые транслирует психолог социальной службы в процессе работы с людьми третьего возраста. В результате структурированной беседы были выделены следующие проблемы:

- 1) отсутствие минимума научных знаний по отраслям психологии;
- 2) ограниченное представление о возможностях применения методов и методик психологии для укрепления здоровья;
- 3) незначительный опыт использования аутотренинга, мнемических приемов запоминания для развития личности;
- 4) отсутствие представлений о возможностях психологических практик для проживания счастливой и осмысленной жизни, без страха и тревог.

На основе вышеизложенных запросов людей третьего возраста были написаны студентами научные и образовательные проекты, которые в будущем помогут в развитии психологических кабинетов социальных служб. Студенты смогли на практике опробовать положения классиков психологии и практикумы по психологии, осознав ограниченность их применения в работе с людьми третьего возраста [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Приведем некоторые наиболее характерные темы проектов:

- 1) горе и психологические инструменты его преодоления;
- 2) профилактика бытового насилия;
- 3) психосоматические болезни людей третьего возраста;
- 4) понимание и принятие себя в ситуации завершения жизненного пути.

Научно-практическое сотрудничество между студентами и преподавателями УрГАУ и специалистами социальных служб сельских населенных пунктов Свердловской области позволило обогатить прикладную психологическую науку и практику.

Литература

1. Зборовский Г.Е. Общая социология. Екатеринбург, 1997. С. 187.
2. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994.
4. Адлер А. Практика и теория индивидуальной психологии. М., 1993.
5. Фопель К. Психологические группы. Рабочие материалы для ведущего. М., 2000.
6. Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. Спб., 1997.
7. Ассаджиоли Р. Психосинтез. М., 1992.
8. Бендлер Р. Используйте свой мозг для изменений. Спб., 1998.
9. Пезешкиан Н. Торговец и попугай. М., 1992.
10. Ташлыков В.А. психология лечебного процесса. Л., 1984.
11. Меновщиков В.Ю. Введение в психологическое консультирование. М., 2000.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И АЛЕКСЕТИМИЯ У БУДУЩИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХОЛОГОВ EMOTIONAL INTELLIGENCE AND ALEXITHYMIA FUTURE SPECIAL PSYCHOLOGISTS

А.П. Цуканова, К.П. Иванова
Благовещенский государственный педагогический университет
A.P. Tsukanova, K.P. Ivanova
Blagoveshchensk state pedagogical University

Представлены результаты исследования особенностей взаимосвязи эмоционального интеллекта и алекситимии у будущих специальных психологов как профессионально значимых качеств.

This paper presents the results of empirical studies of the relationship of emotional intelligence and alexithymia BU various special psychologists as professionally significant qualities.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект личности, алекситимия.
Keywords: emotional intelligence, personality, alexithymia.

Существенной стороной личности специального психолога является его способности, связанные с пониманием своих и чужих эмоций и управлением ими [1]. Речь идет об эмоциональном интеллекте. Разработкой проблемы эмоционального интеллекта занимались Дж. Майер, П. Сэловей, Д. Карузо, Д. Гоулмена, Д. Люсин и др.

Начинающие специалисты оказываются неподготовленными к преодолению трудных ситуаций, возникающих в процессе реализации профессиональных обязанностей. Из-за стихийного формирования способностей, знаний, умений и навыков, в совокупности образующих эмоциональный интеллект, у выпускников нередко возникают серьезные проблемы в самом начале их профессионального становления.

Одной из ведущих причин сложившейся ситуации является то, что в ходе подготовки специальных психологов не ведется в целенаправленного развития у студентов такого важного аспекта профессиональной компетентности психолога, как эмоциональный интеллект. От уровня его развития зависит, насколько эффективное взаимодействие с клиентами будет строить психолог. И.В. Вачковым выделены личностные качества, необходимые в работе психолога, среди которых присутствуют эмпатичность, способность создавать атмосферу эмоционального комфорта, уравновешенность, терпимость к фрустрации и неопределенности, высокий уровень саморегуляции, осознание собственных конфликтных областей, богатое воображение и т. д.

Противоположным эмоциональному интеллекту феноменом, исходя из данных некоторых исследований, является алекситимия [2]. Специальный психолог не способен на эффективную работу при наличии у него данной специфической личностной характеристики, проявляемой сложностями в понимании и словесном описании собственных эмоциональных волнений и эмоций окружающих лиц. Также алекситимия проявляется в трудности в проведении различий между чувствами и телесными ощущениями, в бедности фантазии и других проявлений воображения, в фокусировании в большей мере на внешних событиях в ущерб внутренним переживаниям [3]. Степень выраженности данных особенностей может варьироваться в зависимости от уровня алекситимии или одна из алекситимических черт может превалировать. Занимаясь вопросом алекситимии, Д.Г. Трунов рассматривал виды

функциональной алекситимии; В.В. Соложенкин и Е.С. Гузова предложили типологию алекситимии; А.Ю. Искусных, Ю.В. Попов выделили характерные особенности лиц с алекситимией.

Для того, чтобы выяснить, каковы особенности взаимосвязи эмоционального интеллекта и алекситимии, мы провели эмпирическое исследование на базе факультета педагогики и методики начального образования Благовещенского государственного педагогического университета. В нем принимали участие студенты третьего и четвертого курса очного отделения, обучающиеся по специальности «Специальная психология и педагогика». Выборку составили 30 человек в возрасте от 19 до 23 лет.

Для реализации цели исследования нами были задействованы следующие методики по диагностике уровней эмоционального интеллекта и алекситимии: опросник эмоционального интеллекта (ЭМИн) Д.В. Люсина [4], тест «Диагностика эмоционального интеллекта» Н. Холла [5], Торонскую алекситимическую шкалу Дж. Тэйлора (русский вариант TAS адаптирован в Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева) [6], метод математической статистики критерий Пирсона.

По результатам проведенного исследования мы выявили, что эмоциональный интеллект у студентов профиля «Специальная психология и педагогика» тяготеет к низкому и среднему уровням выраженности. Из всех способностей эмоционального интеллекта менее развито понимание эмоций, а именно – понимание своих эмоций. У 77% студентов внутриличностный интеллект развит слабее, чем межличностный эмоциональный интеллект. Менее развита и способность к управлению своими эмоциями. Наиболее развиты из всех способностей управление чужими эмоциями и самомотивация (у 53%).

У большей части студентов нормальный уровень алекситимии и промежуточные степени алекситимии. Между алекситимией и эмоциональным интеллектом существует обратная взаимосвязь, чем ниже показатели алекситимии, тем выше показатели способностей эмоционального интеллекта. При низком показателе алекситимии проявляется отсутствие трудности в проведении различий между чувствами и телесными ощущениями, в достаточной развитости фантазии и других проявлений воображения, в сбалансированности внешних и внутренних переживаний у студентов, при этом они обладают развитым эмоциональным интеллектом. У них развито понимание чужих эмоций, которое проявляется в легком понимании мимики и жестов других людей; умении догадываться о чувствах человека по выражению его лица; в способности чувствовать, когда собеседник пытается скрыть свои эмоции; а также в умении точно угадывать, что чувствуют знакомые. Данные студенты, согласно данным, имеют способности к управлению чужими эмоциями:

улучшать настроение окружающих; знают, как ободрить человека, находящегося в тяжелой ситуации; способны успокоить близких, когда они находятся в напряжённом состоянии; обнаруживается развитое понимание своих эмоций по следующим признакам: они осознают причины своей злости; хорошо понимают, почему им нравятся или не нравятся те или иные люди; как правило, понимают, какую эмоцию испытывают.

Исследование показало, что студенты способны управлять своими эмоциями, например, им хорошо известно, чем заняться, чтобы улучшить себе настроение; испытывая положительные эмоции, знают, как поддержать это состояние; разозлившись, знают, как успокоиться. Межличностный эмоциональный интеллект проявляется в том, что студент замечает, когда близкий человек переживает, даже если он (она) пытается это скрыть; понимает душевное состояние некоторых людей без слов; глядя на человека, легко может понять его эмоциональное состояние; может разозлить человека, если надо. Развит и внутриличностный эмоциональный интеллект, поэтому студент, если и смущается при общении с незнакомыми людьми, может скрыть это; контролирует выражение чувств на своем лице; в критических ситуациях умеет контролировать выражение своих эмоций; даже во время увлекательного разговора не начинает слишком громко говорить и активно жестикулировать; легко справляется с плохим настроением. Развита способность к управлению своими эмоциями. Это проявляется в том, что студент спокоен, когда испытывает давление со стороны; следит за тем, как он себя чувствует; после того, как что-то расстроило его, он может легко совладать со своими чувствами. Развитая самомотивация проявляется в том, что они могут заставить себя снова и снова вставать перед лицом препятствия; стараются подходить творчески к жизненным проблемам; могут легко входить в состояние спокойствия, готовности и сосредоточенности; способны легко отбросить негативные чувства, когда необходимо действовать. 47% респондентов характеризуются тем, что не способны улучшить настроение других людей; не могут действовать успокаивающе на других людей и помогать другим использовать их побуждения для достижения личных целей.

Следовательно, в связи с полученными результатами преобладания нормального уровня алекситимии и тяготению результатов эмоционального интеллекта к низкому, можно говорить о необходимости предусматривать для будущих специальных психологов мероприятий, позволяющих развивать способности, связанные с пониманием своих и чужих эмоций, их управлением, для повышения эмоционального интеллекта, и уменьшить проявления алекситимии в профессиональной деятельности.

Литература

1. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн [Текст] // Психологическая диагностика, 2006. № 4. С. 3-22.
2. Андреева И.Н. Об истории развития понятия «Эмоциональный интеллект» [Текст] // Вопросы психологии. 2008. № 5.
3. Провоторов В.М. Качество жизни больных, перенесших инфаркт миокарда / В.М. Провоторов, А.Я. Кравченко и др. // Клиническая медицина. 1998. № 11.
4. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные [Текст] // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264-278.
5. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп [Текст] / Н.П. Фетискин, В.В. Козлов, Г.М. Мануйлов. М., Изд-во Института Психотерапии, 2002. 490 с.
6. Тэйлор Г.Д., Квилти Л.К., Бэгби М., Старостина Е.Г., Боголюбова О.Н., Смыкало Л.В., Скочилор Р.В., Бобров А.Е. Надежность и факториальная валидность русской версии 20-пунктовой Торонтской шкалы алекситимии // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. №3.
7. Ширинская Н.Е., Гайнанова А.Р., Пухов И.А. Эмоциональный интеллект как сдерживающий фактор развития синдрома эмоционального выгорания [Текст] // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии / Сб. ст. по материалам XXXV междунар. науч.-практ. конф. № 12 (35). Часть II. Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. С. 92-98.

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПИТАНИЯ У ДЕТЕЙ
ДОШКОЛЬНОГО И МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА
И ИХ СВЯЗЬ С РОДИТЕЛЬСКИМ ОТНОШЕНИЕМ**
**PSYCHOLOGICAL NUTRITION PROBLEMS AMONG PRESCHOOL
AND PRIMARY SCHOOL CHILDREN AND THEIR CONNECTION
TO PARENTAL ATTITUDE**

В.А. Чемеревская
Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина, Беларусь
V.A.Chemerevskaya
Brest state university named after A.S. Pushkin, Belarus

Обсуждаются проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста, имеющие психологическую природу. Представлены результаты экспериментального исследования психологических проблем питания, с которыми сталкиваются родители и видение этих проблем глазами ребенка. Определены критерии, свидетельствующие о наличии психологических проблем питания. Установлено, что проблемы питания у детей связаны с особенностями детско-родительских отношений.

Discusses the problems of nutrition in children of preschool and primary school age having psychological nature. The results of empirical study of psychological problems of nutrition, which often parents faced are presented, as well as children's presentations of these issues. The criteria indicating the presence of psychological problems of nutrition in children are defined. It was found that the nutritional problems in children are associated with the peculiarities of parent-child relationship.

Ключевые слова: дети дошкольного и младшего школьного возраста, питание, психологические проблемы питания, детско-родительские отношения.

Keywords: children of preschool and primary school age, nutrition, psychological problems of nutrition, parent-child relationships.

Современное общество развивается очень стремительно, ускоряется темп жизни. Все это приводит к тому, что изменяется отношение людей к процессу питания, ухудшается качество продуктов, условия и рацион питания. Наблюдается тенденция пренебрежительного отношения к процессу принятия пищи, вымирает культура питания. С помощью питания осуществляется процесс взаимодействия родителей с ребенком. Кроме вкусовых предпочтений детей, их физиологических потребностей, на сам процесс питания влияют взаимоотношения родителей и ребенка, роль ребенка в семье, а также представления родителей о правильном питании.

Проблема питания до сих пор является открытой и актуальной, поэтому мы поставили целью нашего исследования: выявить психологические проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста и определить связь этих проблем с родительским отношением. Мы выдвинули следующую гипотезу: психологические проблемы питания у детей связаны с родительским отношением. В исследовании приняло участие 160 испытуемых, т.е. 40 пар родитель – ребенок дошкольного возраста и 40 пар родитель – ребенок младшего школьного возраста. Для оценки значимости полученных результатов, мы использовали критерий хи-квадрат Пирсона.

На первом этапе нашего исследования родителям было предложено заполнить опросник PARI, суть которого заключается в изучении отношения родителей (прежде всего матерей) к разным сторонам семейной жизни (семейной роли), адаптированный Т.В. Нещерет [1]. Кроме того, был осуществлен опрос родителей с помощью специально разработанной анкеты. Целью данного опроса было выявление психологических проблем питания, с которыми сталкиваются родители. Далее родителям предлагалась методика «Незаконченные предложения», целью которой было выявление представлений родителей о питании и значении процесса питания для родителей.

На втором этапе осуществлялась работа с детьми. Для выявления психологических проблем питания глазами ребенка использовалась проективная методика, которая является модификацией проективной методики САТ, адаптированной для детей-дошкольников, разработанной Н.С. Бурлаковой и В.И. Олешкевич [2]. Нами было использовано восемь картинок, на которых изображен процесс питания детей и взрослых в различных условиях. Дети должны были придумать рассказ по картинке, после чего им задавались дополнительные и уточняющие вопросы с целью получения информации о

представлениях детей относительно питания. Далее с детьми проводилась методика «Незаконченные предложения» и беседа, в ходе которой определялись вкусовые предпочтения ребенка, наиболее привлекательные для приема пищи условия.

С помощью теста «PARI» нам удалось выделить 4 вида отношения родителей к ребенку. Для большинства родителей характерны негармоничные отношения. Причем в 30% случаев встречаются негармоничные отношения выше нормы, для которых характерна гиперопека, повышенная конфликтность, раздражительность. Негармоничным отношениям ниже нормы, характерных для 12% родителей, свойственно безразличие к интересам ребенка, его взглядам, мечтам, к его жизни в целом. Для 26% матерей характерны негармоничные смешанные отношения, которые отличаются от других видов отношений тем, что такие родители непоследовательны в своем отношении и поведении. И только у 1/3 части родителей наблюдаются гармоничные отношения в пределах нормы, такие родители относятся к золотой середине.

Методика «Незаконченные предложения», которая была предложена родителям, позволила определить, что родители имеют стереотипные представления о питании, пропагандируемые СМИ. Подавляющее большинство родителей (89%) не учитывают в процессе питания психологические аспекты (настроение ребенка, его психологическое состояние, самочувствие), не знают о существовании психологических факторов нарушения питания, сводя этот процесс к удовлетворению физиологических потребностей ребенка.

Многие родители (88%) знают, что нельзя наказывать ребенка едой, однако в качестве поощрения все же более половины из них (52%) ее используют, таким образом, еда становится средством воздействия на ребенка. Родители поощряют детей чаще всего сладким за хорошее поведение, хороший поступок, хорошую учебу у младших школьников.

Благодаря методике «Незаконченные предложения», проведенной с детьми, нам удалось определить особенности аппетита у детей в зависимости от условий приема пищи. Большинство детей любит есть дома (46%), в ресторане или кафе (30%), что обусловлено тем, что там много сладостей и блюд, которые дети любят. Вызывает некоторые опасения желание детей, особенно младших школьников (15%), есть за компьютером.

Большинство детей не любит есть в детском саду (20%) и школе (45%), что связано, по ответам детей, с тем, что там «невкусно», «дают то, что я не люблю». Для родителей, чьи дети не любят есть дома (12,5%), характерна высокая требовательность к ребенку, желание накормить его, заставить съесть то, что он не хочет. Как следствие, ребенок выбирает условия, в которых к нему не предъявляют никаких требований, где он может смотреть мультики, иг-

рать во время приема пищи. Для таких семей характерны негармоничные отношения родителей с ребенком.

Благодаря проведенному исследованию была выявлена следующая отличительная особенность: дошкольники при описании картинки из методики САТ не уделяли внимания психологическому аспекту, объясняющему поведение ребенка, говорили, что он просто «не хочет есть», «не голоден», в то время как большая часть младших школьников указывала на них, называя причину нежелания есть ребенка: он «расстроен», «обижен», «у него плохое настроение», «грустит» и т.д.

В ходе проведения исследования было выявлено 6 детей с избыточным весом. Оказалось, что для всех семей с такими детьми характерны негармоничные отношения, так как наблюдается прямая связь между повышенным весом ребенка и типом отношения родителей к нему. Только половина родителей этих детей считают вес своего ребенка повышенным, что свидетельствует о том, что некоторые родители даже не задумываются и не осознают, что перекармливают ребенка, тем самым замещая с помощью еды недостатки своей любви и внимания.

Проанализировав рассказы детей, мы выбрали те характеристики, которые свидетельствуют о наличии психологических проблем питания: негативное отношение к приему пищи; избегание процесса принятия пищи с помощью обмана; нежелание есть дома; повышенный вес ребенка; применение родителями санкций к ребенку; негативная реакция ребенка на применение родителями санкций; контроль взрослых за процессом питания ребенка.

Далее мы выделили 3 группы детей в зависимости от степени выраженности нарушений питания. Для сравнения мы брали 2 группы детей: группу, в которой наблюдаются проблемы с питанием, и группу, где у детей они отсутствуют. 3-ю группу составили дети, которые заняли промежуточное положение, так как у них наблюдались отдельные признаки, поэтому мы не брали ее для сравнения.

Для большинства (90%) семей с детьми, у которых наблюдаются нарушения питания, характерны негармоничные отношения, причем чаще всего они выше нормы или смешанные. В то же время для подавляющего большинства семей (67%), в которых не наблюдаются психологические проблемы питания у детей, характерны гармоничные отношения. Это свидетельствует о том, что тип семейного воспитания оказывает влияние на формирование у детей психологических нарушений питания. Однако для небольшой части таких семей характерны негармоничные отношения, что свидетельствует о том, что нарушения внутрисемейных отношений не всегда приводят к нарушениям пищевого поведения у ребенка. Различия между группами оказались стати-

стически значимы по критерию χ^2 -квadrat: χ^2 -квadrat эмп. = 25.5; χ^2 -квadrat крит.=16,26 при $p=0,001$. Таким образом, можно сказать, что психологические проблемы питания у детей дошкольного и младшего школьного возраста связаны с родительским отношением.

Литература

1. Психологические тесты. Под ред. А.А.Карелин. М., 2001. Т.2. 312 с.
2. Бурлакова Н.С. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка / Н.С. Бурлакова, В.И. Олешкевич. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 181 с.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

ДОКЛАДЫ

**СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО РАБОТНИКА В
ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ГЛАЗАМИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ И
ЛИЦ, ВЫШЕДШИХ ИЗ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**
**THE SPECIFICS OF THE SOCIAL WORKER IN THE PRISON SYS-
TEM THROUGH THE EYES OF THE PRISONERS AND THOSE WHO
CAME OUT OF PRISON**

А.В. Ермилова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

A.V. Ermilova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Представлена оценка деятельности социального работника в местах лишения свободы, в частности, выявляется информированность заключенных и лиц, вышедших из мест лишения свободы? о специфике деятельности специалиста по социальной работе в колонии. Выявляются виды помощи, на которые рассчитывают осужденные, взаимодействуя с социальным работником. Показана роль социального работника в процессе ресоциализации заключенных.

It provides an assessment of the activities of the social worker in prisons, in particular, reveals the awareness of prisoners and persons emerged from prison on the specifics of the expert in social work in the colony. Identifying types of assistance, which is calculated convicted by interacting with a social worker. The role of the social worker in the process of re-socialization of prisoners.

Ключевые слова: пенитенциарная система, заключенные, социальный работник, ресоциализация, реадаптация, социальная помощь.

Keywords: the prison system, prisoners, social worker, resocialization, readaptation, social assistance.

Процессы ресоциализации и реадаптации заключенных в настоящее время приобретают особое значение, так как преступность в РФ находится на достаточно высоком уровне, существует масса нерешенных проблем как внутри пенитенциарной системы, так и за ее пределами. Возвращение и приобретение необходимых возможностей или способностей к жизни в обществе с со-

блюдением норм права заключенных – это одна из главных задач социального работника, осуществляющего профессиональную деятельность в местах лишения свободы. В работе с осужденными чаще оперируют термином социальная реабилитация, так как под ним подразумевается восстановление социального, правового положения лиц. Однако, на наш взгляд, уместнее к данной категории применять термин ресоциализации, т.к. кроме принципов поэтапности, комплексности, последовательности и системности, он включает в себя индивидуализацию процесса. Социальный работник особое внимание должен обращать именно на постпенитенциарную ресоциализацию, а не только на пенитенциарную, т.к. заключенный нуждается в помощи, способствующей адаптации к внешнему миру, что ведет к снижению уровня рецидивного поведения. В связи с этим особую значимость приобретает деятельность именно специалиста по социальной работе, который пытается синтезировать философию преступного мира и философию наказания, т.е. с помощью своей посреднической работы он профилактирует исключение отбывающего наказания из общественной системы.

Естественно, что в одиночку социальным работникам справиться с данным видом деятельности будет очень сложно. Как показывает мировая практика, достижение целей пенитенциарной системы должно возлагаться на целый коллектив специалистов. Однако, именно в функции социального работника входит: защита гражданских интересов осужденных, поддержка и укрепление социально полезных связей с семьей и с социальными организациями, защита прав данной категории населения на социальное обеспечение и др.

В связи с этим практическую значимость приобретает проблема социальной защиты, социальной реадaptации и социальной ресоциализации осужденных, различные аспекты которых были рассмотрены в работах М.В. Фирсова, К.В. Кузьмина, Б.А. Сутырина, П.Д. Павленка, В.И. Курбатова, А.В. Пищелко. Тем не менее, несмотря на множество научных разработок, посвященных технологиям социальной работы по подготовке заключенных к жизни на свободе, наблюдаются трудности в реализации модели ресоциализации, которые связаны с традиционными методами содержания преступников в тюрьмах [1]. Усугубляет проблему ресоциализации заключенных то, что социальные работники нередко формально «выполняют» свои функции, тем самым превращая свою деятельность в формальный процесс оказания помощи лицам, отбывающим наказание. К тому же, многие специалисты, работающие в пенитенциарной сфере, обладают низким уровнем психолого-педагогической компетенции и не имеют образования по профилю своей деятельности (социальная защита населения, социальное обслуживание лиц, которые находятся в трудной жизненной ситуации).

В связи с этим, особый исследовательский интерес направлен на выявление мероприятий по работе с осужденными и оценки деятельности социальных работников в колонии. Методом анкетирования было опрошено 50 заключенных колонии строго режима №5 г. Кохма и 40 человек, покинувших места лишения свободы. Гипотеза исследования – основной причиной неподготовленности осужденных к жизни после освобождения является отсутствие специально разработанной программы по ресоциализации или ее несовершенство.

По результатам исследования было выявлено, что только 28% данной категории населения знакомы с деятельностью социального работника в колонии; 26% – не имеют никакого представления о таком специалисте и 46% опрошенных слышали, что он есть на территории колонии, но чем занимается, не знают. Следует подчеркнуть, что самыми осведомленными о деятельности специалиста по социальной работе оказались осужденные старших возрастных групп, отбывающие неоднократно наказание.

Подчеркивает актуальность данной тематики проблема нуждаемости в подготовке к жизни после освобождения (см. рис.1).

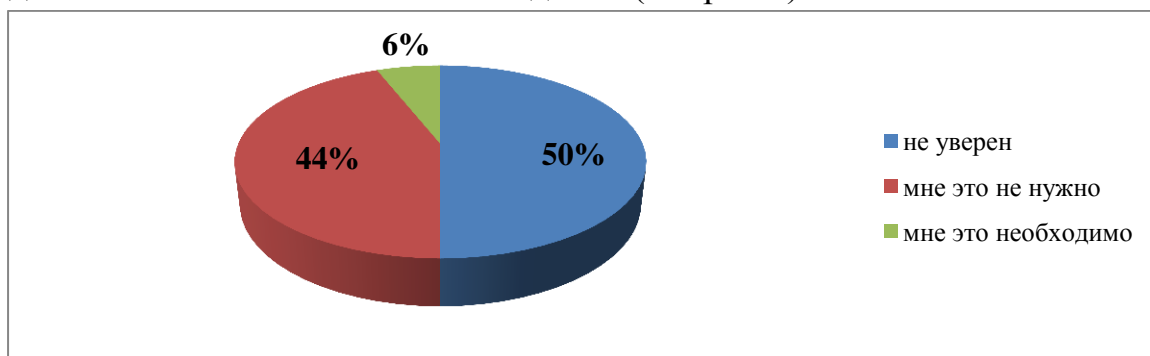

Рис. 1. Оценка нуждаемости в подготовке к жизни после освобождения, в% (N=90 чел.).

Как свидетельствуют данные диаграммы, нельзя сказать, что все лица, отбывающие/отбывшие наказание, не нуждаются в процессе подготовке к выходу из мест лишения свободы. Несмотря на то, что только 6% опрошенных признались в том, что нуждаются в таком виде помощи, 50% осужденных не уверены в ее необходимости, но хотели бы попробовать. Представители данной группы возлагают на социального работника надежды, которые связаны, в первую очередь, с помощью в трудоустройстве и с материальной помощью, а также в восстановлении утраченных контактов. Однако, желание обратиться за такими видами помощи к социальному работнику возникло только у 4% осужденных. Остальная же часть опрошенных готовы воспользоваться услугами кого угодно, только не специалиста по социальной работе: начальника тюрьмы, психолога, друзей (в настоящее время отбывающих наказание или вышедших из пенитенциарной системы); 26% респондентов признались в

том, что могут рассчитывать только на себя и, тем более, не на сотрудника колонии (социального работника).

По признанию лиц, вышедших из мест лишения свободы, социальный работник не сыграл никакой роли в процессе адаптации после отбывания наказания. Осужденные нуждаются в первую очередь в трудоустройстве. Однако, 25% вышедших из колонии устроились на работу с помощью друзей, 37% – помогли родственники (мать, отец, брат...). Остальная же часть вышедших из пенитенциарной системы так и не смогли трудоустроиться. Особое внимание социальные работники должны обратить на заключенных, которые до помещения их в пенитенциарную систему находились в зарегистрированном или незарегистрированном браке, т.к. именно они в большей степени испытывают адаптационные трудности после выхода на свободу. В данном случае подтверждается, что во время отбывания наказания с осужденными не проводится или проводится не в полной мере работа по налаживанию социально полезных связей со своей собственной семьей.

В результате 76,7% опрошенных, признались, что занятия по подготовке к жизни после выхода из колонии отсутствовали и, как было указано выше, они не имели представления о существовании такого специалиста, как социальный работник. Те же, кто положительно ответили по поводу наличия ресоциализированной деятельности в колонии, смогли перечислить наиболее эффективные мероприятия: заполнение тестов – 17%, беседа с психологом – 83%, что не имеет практически никакого отношения к деятельности социального работника.

Данные результаты свидетельствуют о неэффективной работе социального работника по ресоциализации осужденных в колонии №5 Ивановской области. Современная система ресоциализации заключенных отсутствует либо находится на низком уровне, к тому же она практически не ориентирована на активизацию потенциала самозащиты индивида.

Литература

1. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Психология основных средств исправления и ресоциализации осужденных. Рязань, 2000. 217 с.

**ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПСИХОЛОГА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**
**APPLIED ASPECTS OF PSYCHOLOGIST'S PROFESSIONAL ACTIV-
ITY IN CRIMINAL PROCESS**

Е.В. Васкэ

*Национальный исследовательский Нижегородский госуниверситет
им. Н.И. Лобачевского*

E.V. Vaske

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Исследованы вопросы, связанные с профессиональной деятельностью психолога в уголовном процессе. Проанализированы конкретные виды деятельности психолога как эксперта, специалиста, консультанта. Показана роль психолога и алгоритм его действий при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

The article examines issues related to the professional activities of the psychologist in the criminal process. Analyzed the specific activities of the psychologist as expert, specialist, consultant. The role of the psychologist and the algorithm of its actions in the investigation of crimes against sexual inviolability of minors.

Ключевые слова: психолог, эксперт, специалист, консультант, профайлинг, несовершеннолетние, жертвы сексуального насилия, психологическое сопровождение, раскрытие преступлений, расследование преступлений.

Keywords: psychologist, expert, specialist, consultant, profiling, minors, victims of sexual violence, psychological support, detection of crime, the investigation of crimes.

Профессиональная деятельность психолога в уголовном процессе традиционно ассоциируется с ролью эксперта при выполнении судебно-психологической или комплексных с ней экспертиз. Безусловно, значимость судебно-психологической экспертизы в доказывании по уголовному делу трудно переоценить. Так, в соответствии со ст. 73 УПК РФ, при производстве по уголовному делу, в числе прочих, подлежат доказыванию обстоятельства, характеризующие личность виновного; обстоятельства совершения преступления; обстоятельства смягчающие и отягчающие наказание; обстоятельства, способствующие совершению преступления.

При признании экспертного заключения доказательством по делу, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК РФ, для квалификации действий обвиняемого по ст. 107 или ст. 113 УК РФ ключевое значение будет иметь экспертиза аффекта. Определение индивидуально-психологических особенностей правонарушителя в рамках судебно-психологической экспертизы принципиально для

установления обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого (п. 3 ч. 2 ст. 73 УПК РФ).

Определение способности несовершеннолетней потерпевшей от сексуального насилия понимать характер и значение, совершаемых с нею действий, или оказывать сопротивление виновному, имеет существенное значение для всех составов половых преступлений (ст.ст. 131-135 УК РФ).

Констатация экспертом-психологом ограничения способности несовершеннолетнего обвиняемого с отставанием в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими, вообще, предполагает освобождение его от уголовной ответственности, в соответствии с ч. 3 ст.20 УК РФ.

Большую роль в доказывании по уголовному делу имеют и судебно-психологические экспертизы, прямо или косвенно касающиеся показаний свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого (п.п.1,2 ч. 2 ст. 74 УПК РФ). При квалификации преступных действий экстремистского характера в форме «словесного экстремизма» перед следователем часто встает вопрос – противоправные действия необходимо квалифицировать по ст. 280 УК РФ или же 282 УК РФ, т.к. два этих состава очень близки по своему содержанию. Поэтому, при расследовании преступлений экстремистской направленности необходимо проведение комплексной психолого-лингвистической экспертизы [1, 27].

Рамки написания данной статьи ограничивают нас в дальнейшем представлении значимости судебно-психологической экспертизы в уголовном процессе, т.к. перечень возможных судебных экспертиз с участием эксперта-психолога весьма обширен. Перейдем к анализу других прикладных аспектов применения специальных познаний психолога в уголовном процессе. При этом, необходимо сразу пояснить следующее: поскольку речь идет об уголовном процессе, выполнение своих функциональных (должностных) обязанностей по работе с личным составом (психодиагностика на предмет отбора и ротации кадров, психокоррекция, психопрофилактика и т.п.) психологом, являющимся штатным сотрудником силовых ведомств, не имеет отношения к рассматриваемой теме.

В данном случае речь идет о психологическом сопровождении (обеспечении) расследования как интеграции психологических знаний в процесс раскрытия и расследования преступлений в процессуальной и внепроцессуальной форме, которая носит междисциплинарный характер и определяется синтезом юридической и психологической наук. На практике психологическое сопровождение расследования может осуществлять как психолог – сотруд-

ник силовых структур, так и психолог, привлеченный к конкретному виду деятельности на определенных условиях (договорных, оказания безвозмездных услуг и проч.). Однако, выполнение психологом исключительно функций эксперта или участие его как процессуальной фигуры при проведении отдельных следственных действий (например, в соответствии со ст.ст. 425, 191 УПК РФ участие психолога в допросе несовершеннолетнего) не означает психологического сопровождения расследования.

При психологическом сопровождении расследования речь идет об использовании следователем профессиональных психологических знаний – привлечении психолога в качестве консультанта и (или) специалиста к процессу расследования на разных этапах его проведения. Так, важную роль в минимизации рисков уголовно-процессуальной деятельности следователя играет консультативная деятельность психолога, которая по формам реализации может осуществляться в виде внепроцессуальной деятельности консультанта-психолога – выезд на место происшествия, участие в оперативных совещаниях, профессиональное общение с заподозренными, подозреваемыми, обвиняемыми, свидетелями, потерпевшими [2]. В рамках процессуальной деятельности специалиста-психолога, в соответствии со статьями 58, 80 УПК РФ, психолог может выполнять те же функции, что и консультант, но оформлять их в виде процессуальных документов – заключений специалиста-психолога по разным аспектам проведенной им работы.

Одной из распространенных форм участия психолога как специалиста в процессе раскрытия преступлений является составление психологического портрета (психологического профиля) неизвестного преступника, совершившего деликт или серию преступлений – так называемый, криминальный профайлинг. Вообще, применительно к правоохранительной деятельности профайлинг (profile) может иметь разные цели – от предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциальной опасности лиц и ситуаций до оценки достоверности сообщаемой субъектом информации по внешним поведенческим признакам, вербальным и невербальным проявлениям. При этом безусловное глобальное значение имеют технологии профайлинга, направленные на предотвращение террористических актов путем оперативного выявления их угрозы [3].

Трудно переоценить значимость психологического профилирования и при расследовании особо тяжких преступлений, совершенных неизвестным преступником в условиях неочевидности. Как показывает практика, работникам правоохранительных органов при расследовании такого рода преступлений бывает очень трудно понять логику преступника а, следовательно, и установить мотив преступления по характеру телесных повреждений у жертвы,

форме различных манипуляций с ее телом, одеждой, вещами. Нередки случаи, когда подобные преступления ошибочно принимаются за «безмотивные», хотя таковых, как известно, не бывает – преступная деятельность всегда является полимотивационной, обусловленной совокупностью осознанных и неосознаваемых мотивов преступного действия.

Понятие мотива в уголовном праве и юридической психологии не совпадает, поэтому выявление мотивов преступного поведения в собственно психологическом контексте является крайне сложной, а нередко, и непосильной задачей для работников следственных органов. Психологическая же интерпретация профессиональным профайлером (психологом-портретистом) материальных и идеальных следов преступления с анализом способа действия (*modus operandi*), поведенческих индикаторов (*signature*) и почерка преступника, выявление мотивации его преступного действия с установлением осознанных и неосознаваемых потребностей и побуждений, детерминирующих процесс достижения цели, позволяет воссоздать образ преступника и произвести прогноз его действий, необходимый для поиска и задержания [4].

Причем, практическую ценность имеет психологический портрет неизвестного преступника, имеющий розыскное значение, составленный на основе психолого-криминалистического анализа материальных и идеальных следов, включающий в себя не просто описание индивидуально-психологических особенностей преступника, но и конкретные ориентиры для дальнейшего поиска преступника.

Еще одной областью применения профессиональных психологических знаний в уголовном процессе является визуальная психодиагностика лжи, так называемая, неинструментальная детекция лжи. Данная деятельность психолога сложна в своей неоднозначности, будучи направленной на выявление в предъявляемых субъектом сведениях, признаков скрываемых обстоятельств, умышленных и неумышленных искажений, манипуляций, инсценировок и т.д. При этом, эффективность неинструментальной детекции лжи, в отличие от инструментальной (исследования с использованием полиграфа), не зависит от внешних факторов и обусловлена исключительно профессионализмом самого психолога как специалиста. Но, выводы всегда носят предположительный характер, поэтому, если психолог не является сотрудником правоохранительных органов, выполняющим данный вид деятельности в рамках своих должностных обязанностей, ему целесообразно выступать в роли консультанта, фиксируя результаты проделанной работы в виде справки или консультативного заключения.

Говоря о прикладных аспектах профессиональной деятельности психолога в ходе расследования преступлений, необходимо остановиться на привлече-

нии психолога к взаимодействию с несовершеннолетними субъектами уголовного процесса. Причем, в случае проведения неинструментальной детекции лжи или выполнения психологического портрета неизвестного преступника, необходимым условием эффективности данной деятельности является наличие у психолога профессиональной подготовки по юридической психологии. Для осуществления же взаимодействия с несовершеннолетними субъектами уголовного процесса психологу достаточно обладать знаниями в области возрастной психологии и навыками психологической работы с детьми.

В настоящее время в целях повышения качества расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, во всех Следственных подразделениях Следственного комитета России оборудованы специальные помещения (кабинеты детского психолога) для производства следственных и иных процессуальных действий с несовершеннолетними (малолетними) гражданами. Данные помещения необходимы для создания оптимальных психологических условий при опросе или допросе детей и оснащены видеофиксирующей аппаратурой, имеют зону наблюдения через «зеркало Гезелла» и т.д.¹

К профессиональным задачам психолога, работающего в данном направлении на этапе доследственной проверки или в ходе предварительного следствия, относятся следующие:

- тщательная подготовленность психологических составляющих опроса/допроса (выбор времени проведения, подбор конкретных участников, прогнозирование взаимодействия);
- диагностика личности ребенка и его эмоционального состояния для определения эффективных методов взаимодействия с ним;
- психологическая подготовка ребенка к опросу/допросу, формирование у него мотивации к сотрудничеству с работниками следствия;
- содействие в осуществлении психологического взаимодействия следователя с ребенком (устранение эмоциональных и когнитивных барьеров, снижение эмоциональной напряженности ребенка через ситуационно обусловленную постановку нейтральных вопросов, изготовление с ним рисованной и письменной продукции, определение времени наступления и продолжительности перерывов в опросе/допросе, получение сведений от малолетнего ребенка при использовании анатомических и тематических игрушек);

¹ Такие кабинеты детского психолога в рамках грантовой поддержки оборудованы в некоторых социально-реабилитационных Центрах для несовершеннолетних в регионах России, в том числе, и в Нижегородской области, и в странах СНГ (в Казахстане, Белоруссии и др.).

– оказание психологической помощи детям, направленной на пресечение острых стрессовых реакций и нормализацию их эмоционального состояния [5].

Необходимо отметить, что особые трудности, связанные с получением максимально полной и достоверной информации от несовершеннолетних, возникают у работников следственных органов на этапе доследственной проверки заявления о совершении сексуального насилия в отношении малолетнего ребенка. В таких случаях, как правило, речь идет о внутрисемейном сексуальном насилии, об инцестуальной связи, когда данный, самый травматичный для психики ребенка вид насилия совершается в месте, где он априори должен чувствовать себя в безопасности – в семье.

Кроме того, участились случаи, когда законные представители ребенка (как правило, матери), исходя из различных мотиваций, активно препятствуют возбуждению уголовного дела, понуждая ребенка лгать. В подобных случаях материальные следы содеянного в отношении ребенка, как правило, отсутствуют, а заподозренный категорически отрицает свою вину, поэтому основной объем информационной базы находится в сведениях, предъявляемых самим ребенком [6]. Понятно, что в таких, умышленно созданных условиях, когда малолетняя жертва сексуального насилия находится под мощным психологическим прессингом со стороны значимых для него взрослых, получение от ребенка (подростка) достоверных сведений представляет особую сложность, справиться с которой может только профессиональный психолог.

В этой связи, психологическое сопровождение доследственных проверок такого рода и самого расследования, наряду с обеспечением благоприятных психологических условий для ребенка (в широком смысле), должно включать в себя и обязательное профессиональное общение психолога с различными субъектами уголовного процесса на предмет выявления в предъявляемых ими сведениях скрываемых обстоятельств и/или коррекции их мотивационных установок в части содействия следствию.

При расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних функции психолога существенно расширяются, причем, на всех этапах расследования, вплоть до судебного разбирательства. Многолетний опыт работы автора в уголовном процессе в разных ипостасях от эксперта до профайлера показывает, что примерный алгоритм действий психолога в таких случаях должен быть следующим:

- 1) работа с несовершеннолетним, включающая психологическое обследование его личности и эмоционального состояния, психодиагностическую беседу с ним для получения максимально полных сведений по ситуации деликта, подготовка его к допросу (опросу), оказание ему психологиче-

ской помощи по возможной нейтрализации негативно окрашенных эмоций и состояний;

2) работа с другими субъектами уголовного процесса – проведение неинструментальной детекции лжи (заподозренному, подозреваемому, обвиняемому, законному представителю, свидетелю) либо психодиагности-ческой беседы, направленной на получение максимально полных сведений через коррекцию установок противодействия следствию;

4) оформление выводов психолога в виде заключения специалиста, в соответствии со ст. 58 УК РФ, либо консультативного заключения психолога или справки по результатам проделанной работы;

5) в случае возбуждения уголовного дела допрос специалиста с целью закрепления имеющейся информации и психологической интерпретации вновь появившихся обстоятельств;

б) допрос специалиста в судебном заседании.

Безусловно, представленный алгоритм действий психолога не является жестким и, в принципе, не может таковым быть, т.к. расследование каждого уголовного дела представляет собой, с одной стороны, процессуально регламентированное действие, а с другой – уникальный, сложный и неповторимый процесс, обусловленный человеческим фактором во всех его проявлениях. И роль психолога в этом процессе чрезвычайно важна, независимо от того, какую конкретно функцию выполняет психолог в ходе своей профессиональной деятельности – специалиста, консультанта, процессуальной фигуры, профайлера или эксперта. В любом случае, деятельность психолога в уголовном процессе необходима на всех его этапах – от доследственной проверки до участия в судебном заседании.

Литература

1. Васькэ Е.В., Горюнова-Куракина О.И. Проведение психолого-лингвистической экспертизы при расследовании преступлений экстремистской направленности. / Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. №12. 2015. С. 26-29.

2. Васькэ Е.В., Загрядская Е.А. Использование профессиональных психологических знаний в уголовно-процессуальной деятельности следователя как средство снижения рисков принятия неправильных (ошибочных) решений / Российский следователь 2015. №2. С. 43-48.

3. Васькэ Е.В. Криминалистическое значение психологического профилирования: Психолого-педагогические технологии в правоохранительной деятельности: (Васильевские чтения – 2013): Материалы всероссийской научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 1. Санкт-Петербург, 30-31 мая 2013 года / сост. Статный В.М. СПб.: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2013. С. 76-83.

4. Васькэ Е.В., Сафуанов Ф.С. Психологическое сопровождение расследования серийных сексуальных преступлений // Юридическая психология. 2013. №1. С. 12-26.

5. Васькэ Е.В. Психология допроса несовершеннолетних правонарушителей и жертв сексуального насилия. М.: Генезис, 2014. 312 с.

6. Ваксэ Е.В. Психологические механизмы переживания сексуального насилия малолетними жертвами инцеста / Прикладная юридическая психология. 2015. №1. С. 66-70.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРОФЕССИЯ КАК ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРАКТИКИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ПРАВОПОНИМАНИЕМ
LEGAL PROFESSION AS A TYPE OF LEGAL PRACTICE AND ITS RELATION TO LEGAL THINKING

В.Б. Романовская, М.Д. Горбунов
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
V.B. Romanovskaya, M.D. Gorbunov
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Рассматривается вопрос взаимного влияния правопонимания и юридической практики в контексте эффективности профессиональной юридической деятельности как «помогающей» профессии.

This paper examines the mutual influence between law and legal practice in the context of the effectiveness of legal activities as a "helping" profession.

Ключевые слова: юридическая профессия, правопонимание, юридическая практика, легистский позитивизм.

Keywords: legal profession, legal thinking, legal practice, legal positivism.

Юридическая профессия является важнейшим элементом правовой действительности. Именно в процессе осуществления профессиональной юридической деятельности формируется существующая правовая система. Юристы являются главными субъектами осуществления правовых действий и актов, накопления социально-правового опыта, представляют собой связующее звено между социальными нормативными установками и участниками общественных отношений.

Юридическая профессия воздействует прямо или косвенно на все сферы общественной жизни. Это обуславливается тем, что главным инструментом юриспруденции является право – важнейший регулятор общественных отношений. Цель права исходит из его сущности и заключается в гармонизации общественных отношений. Именно из этого складывается «помогающий» характер юридической профессии как реализующей право в его социальном назначении. Вместе с тем, регулятивные свойства права обуславливают также «влияющий» характер профессиональной деятельности юриста, проявляющийся в ее реализации.

Сферой реализации профессии юриста является юридическая практика. Результат юридической деятельности составляет содержание практики, а

юридическая профессия, таким образом, является ее главным видом. Именно в рамках юридической практики посредством профессиональной юридической деятельности в виде правотворчества, правоприменения и праворазъяснения формируются рамки социальной жизни. Через призму практики проявляется социальная значимость данной профессии и широкая сфера ее ответственности.

Качество реализации профессиональной юридической деятельности, соответствие такой реализации социальной ценности профессии определяется исходя из стандартов, предъявляемых к юридической практике правовой наукой. Такая особая роль правовой науки для юридической профессии определяется тем, что именно в рамках нее формируется проблема правопонимания, а также вопрос того, насколько понимание права в конкретной правовой системе способствует реализации «помогающего» характера профессии юриста.

Очевидно, отвечая на вопрос о понятии права, происходит обозначение общих закономерностей, основ правовой системы, которые, в конечном счете, составляют элементы, определяющие характер юридической практики и профессиональной юридической деятельности. В данном контексте приходится констатировать, что неопределенность в правовой доктрине, выраженная в борьбе между различными концепциями правопонимания, оказывает не последнее влияние на сферу юридической профессии и практики в целом. Безусловно, можно было бы говорить о достаточно условной связи правовой науки и практики, особенно применительно к постсоветскому пространству, где принцип научной обоснованности в правовой системе практически не действует, если бы не факт существования, если не преемственности доктринальных оснований теории в профессиональном сообществе, то определенной тенденции к ней. Кроме того, система научных знаний о праве его основных закономерностях так или иначе определяет развитие юридической практики, что логически следует из ее понятия и содержания.

Понимание практики как юридической деятельности, взятой в совокупности с социально-правовым опытом [1, с. 14], ясно показывает, что собственно правовая действительность, выраженная в правовых процедурах и процессах, результатах правотворчества и правоприменения, концептуально связана с системой накопленных теоретических и практических знаний о праве как основы этой правовой действительности. Результат профессиональной юридической деятельности опосредует определенный правовой опыт, который в свою очередь предшествует последующей практике, прежде всего как направляющее начало. Система юридических знаний о правовой деятельности практического и теоретического уровня, составляющие содержание дан-

ного опыта, оказывает, таким образом, непосредственное влияние на правовую действительность. Основу же данной системы составляют знания о праве в целом и его общих закономерностях. Правопонимание, будучи собственно системой знаний о праве как таковом, определяет перспективу и характер правовой деятельности, а правовая деятельность выступает источником знаний об основных закономерностях действия права, составляющих важнейшую часть правопонимания.

Практика является главной эвристической предпосылкой для науки и в то же время полем для проверки научного знания. Сама же юридическая практика на самом высоком уровне взаимодействия базируется на достижениях науки правоведения, от которых зависит эффективность правовой деятельности, что особенно проявляется в сфере правотворчества и официального толкования. На более низком уровне взаимодействия правопонимание как система взглядов на право оказывает влияние непосредственно на субъектов и участников юридической практики через конкретные установки относительно того, что понимать под правом, какова его роль в регулировании общественных отношений, где находятся пределы этого регулирования, какое место занимает общество и государства в правообразовании и правоприменении. Такие индивидуальные установки на уровне профессионального юридического сообщества, по сути, формируют рамки правовой действительности, оказывая существенное влияние на правовую систему.

Такую активную связь правовой доктрины правопонимания и юридической практики можно найти в большинстве правовых систем как на современном, так и на предшествующих этапах исторического развития, особенно в тех, где ярко выражен определенный вектор развития правовой науки. Даже там, где связь юридической практики и правопонимания на первый взгляд не столь очевидна, при более подробном рассмотрении она явно прослеживается.

Для России вопрос характера взаимного влияния правопонимания и юридической практики находится в зависимости модернизационных процессов, связанных с политическими и идеологическими установками. Данное обстоятельство обусловлено, прежде всего, тем, что в России исторически сложилась государственно-центристская социально-правовая культура [2, с. 300], когда государство, по сути, декларирует правила общественной жизни, санкционируя те или иные изменения, руководствуясь прежде всего сохранностью государственного суверенитета. В связи с этим, с развитием правовой мысли в виде институционального научного знания позитивистское правопонимание фактически закрепилось в России в качестве официального. Сложившаяся догматика до сих пор стоит на том, что только правовой позити-

визм способен обеспечить необходимый формализм, от которого напрямую зависит эффективность юридической практики [3].

Недостаточный уровень осмысления позитивистских концепций в купе с консервативностью правовой науки в России в результате определил развитие науки, законодательства и практики в духе легистского позитивизма и соответствующим образом задал вектор профессиональной деформации юриста [4, с. 11].

Легистско-позитивистский тип правопонимания, будучи абсолютно индифферентен к правам и свободам человека, в значительной степени влияет на искажение правосознания ключевых субъектов юридической практики – профессиональных юристов: законодателей, правоохранителей и правоприменителей. Позитивистские установки ведут к стереотипизации юридической деятельности, проявляющийся, в частности, в обвинительном уклоне, императивности и тенденции к разрешительному типу регулирования [4, с. 11].

Конечно, современная российская юридическая наука включает в себя большой объем знаний в рамках иных теорий правопонимания. Сегодня на первый взгляд можно проследить тенденцию поворота к естественному праву, о чем свидетельствует введение в сферу законодательства понятий чисто нравственной природы: традиционность, патриотизм и других. Представляется, что такой уклон служит только для обоснования неоднозначных правотворческих решений в контексте существующих политических реалий. По факту же это подтверждает концептуальная связь правопонимания и юридической практики в рамках легистского позитивизма, поскольку выражает лишь стремление к более жесткой законодательной регламентации, что подтверждается, в частности, рядом последних правотворческих решений, противоречащих по крайней мере духу конституции правового государства. Влияние на практику альтернативных концепций правопонимания, в том числе интегративных, в России сильно ограничено в виду незначительности влияния социальных процессов на сферу права и общей незаинтересованности государства в изменении юридической практики, существенно ограничивающей «помогающий» характер юридической профессии.

Таким образом, представляется возможным сделать вывод о наличии концептуальной связи между правопониманием и юридической практикой, выраженной через систему знаний о праве, взаимно транслируемых в теоретическую науку и практику, прежде всего через систему социально правового опыта. Вместе с тем, Россия представлена частным случаем взаимного влияния правопонимания и юридической практики, что обуславливается прежде всего тем, что их взаимосвязь принципиально имеет прогосударственный характер и опосредуется внешними факторами. Юридическая наука в рамках

правопонимания по сути обеспечивает действующую юридическую практику, как бы подтверждая ее эффективность и безальтернативность. В данном контексте юридическая профессия в России как главный вид юридической практики значительно теряет свое социальное значение «помогающей» профессии, поскольку право, на реализацию которого она направлена, в своем понимании рассматривается в первую очередь не как средство гармонизации общественных отношений, а как средство обеспечения государственных интересов.

Литература

1. Карташов В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Юридическая наука и практика. 2010. № 1. С. 13-23.
2. Лапаева В.В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. М.: Рос. акад. правосудия, 2012. 580 с.
3. Веденин В.С. Влияние правопонимания на становление и развитие институтов российского права (на примере патентного права): автореф. дис. ... канд. юр. наук: 12.00.01. М, 2007.
4. Баранов П.П. Позитивистское правопонимание в юридической науке, практике и повседневной жизни современной России // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5). С. 7-14.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ

THE USE OF MEDIATION TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL SPACE: THE QUESTION OF TRAINING OF PERSONNEL

С.В. Соловьева
*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*
S.V. Solovyova
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

В статье обосновывается актуальность и необходимость решения вопроса качественной подготовки кадров, которые будут обучать провайдеров медиативных и восстановительных технологий для образовательного пространства школ, высших и средних профессиональных учебных заведений.

The author substantiates the urgency and the need to address the issue of personnel training, who will train providers of mediation and remediation technologies for educational spaces of schools, higher and secondary professional educational institutions.

Ключевые слова: образовательное пространство, подготовка кадров, медиация, медиативный подход, обучение.

Keywords: educational space, training of personnel, mediation, mediation approach, training.

Не вдаваясь в научную дискуссию по поводу определения термина «образовательное пространство», под ним мы будем понимать множество различных образовательных систем (дошкольного образования, общего образования, профессионального образования), которые складываются в образовательной среде. Применение медиативных технологий в рамках данных систем обусловлено велением времени и законодательной базой. Образовательное пространство интегрирует отношения как правового характера (это могут быть трудовые, административные, гражданско-правовые, семейные, даже уголовные) [1], так и неправовые отношения его субъектов. Медиация и медиативный подход может быть применен для разрешения конфликтов и споров, а также для их профилактики в любом случае.

Медиативные технологии (применение процедуры медиации и медиативного подхода) при разрешении конфликтов между администрацией и педагогическим коллективом либо отдельными сотрудниками, между воспитателями, педагогами и родителями, между воспитателями, педагогами и детьми, между самими детьми могут эффективно применять только лица, прошедшие соответствующее обучение.

Вопрос о подготовке кадров, обладающих медиативной компетенцией, является в настоящее время достаточно актуальным в связи с принятием ряда нормативных документов, в соответствии с которыми медиации на территории этого пространство предписано «быть» [2].

В образовательных организациях должны быть организованы службы школьной медиации, обеспечивающие защиту прав детей и создающие условия для формирования безопасного пространства, равных возможностей и защиты их интересов.

В научной литературе неоднократно исследовались ключевые проблемы образования лиц, применяющих медиацию и медиативный подход – от освоения личностной позиции [3], до необходимости иметь то или иное профессиональное образование. Одной из проблем развития медиации в России, по мнению многих авторов, является качественная подготовка медиаторов.

В соответствии с Концепцией развития до 2017 г. сети служб медиации, она должна иметь двухуровневую систему. На первом уровне находится Федеральный центр медиации и развития восстановительного правосудия, который является структурным подразделением Федерального института медиации, находящегося в ведении Министерства образования и науки РФ. На втором уровне – службы медиации на региональном и местном уровнях, ос-

нову которых должны составлять секретари комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также педагогические работники, реализующие дополнительные профессиональные программы повышения квалификации педагогических работников. Именно на этих специалистов государство возлагает основной массив работы по обучению провайдеров медиативных и восстановительных технологий.

В связи с этими указаниями со стороны государства видится, как минимум, две проблемы на пути внедрения этого метода в образовательное пространство в достаточно сжатые сроки.

Во-первых, как и чему обучать? После принятия и вступления в силу ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о медиации) [4] приказом Министерства образования и науки [5] в соответствии с постановлением Правительством РФ [6] была утверждена Программа подготовки медиаторов, тренеров медиаторов (далее – Программа). Программа служила основой для разработки и утверждения организациями, осуществляющими в соответствии с законодательством Российской Федерации подготовку медиаторов, специализированных учебных программ и предполагала обучение только в очной форме. О необходимости соответствия содержания и структуры обучения медиаторов, тренеров медиаторов в указанной Программе говорилось в ч.1 ст. 16 Закона о медиации.

Для дополнительного профессионального образования, коим является образование медиаторов и тренеров медиаторов, не предусмотрены федеральные образовательные стандарты, а в настоящее время и данная Программа утратила статус обязательного документа.

В связи с принятием ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [7] и внесением изменений в законодательство о медиации [8] в настоящее время образовательным организациям, осуществляющим обучение профессиональных медиаторов, нет необходимости придерживаться Программы, утвержденной Правительством РФ и Министерством образования и науки, и они самостоятельно могут разрабатывать структуру и содержание обучения, предлагать форму обучения. С одной стороны, это дает больше свободы и возможностей для образовательных организаций, но с другой – «чем меньше заметны границы, тем больше опасность потерять ориентиры» [9], как отмечает немецкий специалист в области медиации Петр Падберг. Конечно, можно сослаться на профессиональный стандарт специалиста в сфере медиации, который разработан и принят в Российской Федерации и содержит требования к знаниям, умения и навыкам лиц, занимающихся этой практикой [10]. Однако любой профессиональный стандарт влечет за собой разработку и

принятие образовательного стандарта, который очерчивает границы и ориентиры в обучении специалистов.

Программа подготовки медиаторов, тренеров медиаторов служила таким ориентиром для подготовки специалистов в этой сфере и учитывала, по нашему мнению, специфику образования медиаторов, ее модель.

Во-вторых, кто способен и компетентен обучать медиации субъектов образовательного пространства? И дело, конечно, не только в наличии или отсутствии «корочек» тренера. По мнению О.Б. Кетовой, медиации не удастся научить в традиционном понимании этого вопроса, путем информирования. Это, возможно лишь только применяя практико-сопровождающее обучение с акцентом на опыте самопознания. Главным инструментом работы в сфере медиации помимо техник, принципов и стадий является сама личность медиатора. Насколько медиатор-тренер, методист-тренер сам перешел рубеж из позиции «человек культуры конкуренции, борьбы и победы» к позиции «человек культуры медиации – диалога, достоинства, согласования»? Каковы ценностные ориентиры медиатора, которые лежат в основе его деятельности [11]?

Как показывает опыт тренерской работы – инструменты, техники, фазы, юридическое сопровождение медиации осваиваются и отрабатываются слушателями достаточно быстро и для этого вполне достаточно 120 часов аудиторной работы. А вот что делать со своими установками, которые дают о себе знать уже в учебных медиациях? Как соблюдать принцип нейтральности при наличии привычек, сформированных в течение всей нашей жизни и закрепленных в профессиональных и личностных стереотипах [12].

Образовательная среда как лакмусовая бумажка обнажает собственные конфликты – все мы начинали с детского сада, учились в школе, вузе...и во многом сформированы этой средой. Поэтому именно здесь наиболее важно иметь специалистов медиативных технологий высоко уровня, способных уважать и принимать содержание в человеке, даже если это идет «вразрез» со своими установками. Для того, чтобы научить этому, надо самому пройти длинный путь «работы с собой», супервизорной работы и быть готовым к постоянной периодической ревизии себя как личности.

По нашему мнению, на государственном уровне необходимо утвердить Программу подготовки медиаторов, тренеров медиаторов как обязательного ориентира в процессе обучения медиативным технологиям с акцентом на внутриличностную «проработку» тех, кто в дальнейшем собирается заниматься методом профессионально, а тем более обучать и передавать его другим.

Литература

1. См., например: Филипова И.А. Перспективы медиации как способа разрешения трудового спора // *Инновации в государстве и праве России. Материалы Международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 11-12 апреля 2013 г.)*. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского, 2013. С. 330-334; Минкина Н.И. Медиация и ее развитие в Алтайском крае // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2015. № 5-6. С. 285; Соловьева С.В., Ершова Е.В. Школьная служба медиации как институт восстановительного правосудия // *Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского*. 2014. № 3 (2). С. 212-217.
2. Указ Президента РФ от 01.06.2012 N 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы»; Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 N 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность»; Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2015 г. N 167-р «План мероприятий на 2015-2017 гг. по реализации важнейших положений Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012-2017 годы; Письмо Минобрнауки России от 18.12.2015 N 07-4317 «О направлении методических рекомендаций».
3. Похмелкина Г.Ф. Освоение позиции медиатора в специальной системе профессиональной подготовки // *Збірник наукових праць КПНУ імені Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г.С.Костюка НАПН. України Проблеми сучасної психології*. 2011. Випуск 11. С. 708-717.
4. СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
5. Приказ Министерства образования и науки от 14 февраля 2011 г. «Об утверждении программы подготовки медиаторов» // *Российская газета*. 2011. 23 марта.
6. Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2010 г. «О программе подготовки медиаторов» // СЗ РФ. 2010. № 50. Ст. 6706.
7. ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 // СЗ РФ, 2012, N 53 (ч. 1), ст. 7598.
8. ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2013. N 27, ст. 3477.
9. Палберг Петр «Этос медиатора» // *Современные направления развития педагогической мысли и педагогики* И.Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-3 июня 2009 г., г. Пермь).
10. Приказ Минтруда России от 15.12.2014 N 1041н "Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)» // *Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти*, N 30.2015.
11. Герда Мета, Похмелкина Г.П. Позиция медиатора – главный предмет освоения в образовании медиаторов // *Современные направления развития педагогической мысли и педагогики* И.Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-3 июня 2009 г., г. Пермь).
12. Кетова О.Б. Специфика образования медиаторов: супервизия и самопознание // *Современные направления развития педагогической мысли и педагогики* И.Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-3 июня 2009 г., г. Пермь).

**ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА
ПОМОЩИ НАСЕЛЕНИЮ В ДОСОВЕТСКОЙ РОССИИ**
**YLAW SOCIETIES AS AN EFFECTIVE FORM OF HELP FOR
THE PUBLIC IN PRE-SOVIET RUSSIA**

В.С. Сэруа

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

V.S. Serua

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Ставится задача рассмотреть деятельность отечественных юридических научных обществ как эффективной формы помощи населению в досоветской России. В результате анализа автор впервые доказывает, что юридические общества сумели стать помощниками государства в решении серьезных социальных проблем и внести существенный вклад в процесс реализации населением своих социальных потребностей.

The paper focuses on law societies as an effective form of help for the public in pre-Soviet Russia. The author proves for the first time that law societies could become governmental aides in addressing bad social problems and were able to pay their contribution to help the public meet their social needs.

Ключевые слова: юридические общества, просветительская деятельность, правовое просвещение, правосознание, публичные лекции, бесплатная юридическая помощь.

Keywords: legal society, educational activities, legal education, sense of justice, public lectures, free legal aid.

В общественной жизни России пореформенного периода юридические общества сыграли роль не только первых профессиональных объединений в правовой области, но и организаций, успешно решавших задачи социального характера. Действительно, широта предметов исследований, проводимых членами общества, их новаторский творческий подход к разрешению сложных правовых вопросов позволили отнести юридические общества к новым формам организации отечественной юридической науки. Вместе с тем, результативная работа обществ в части правового просвещения и образования характеризуют данные организации как эффективную форму профессиональной помощи населению. Уже в программных документах обществ – уставах закрепляется социальная составляющая их деятельности – распространение юридических знаний как одна из целей создания обществ наряду с содействием развитию юридической науки. Очевидно, что в России второй половины XIX в. большинством общественных организаций просветительское направление рассматривалось как закономерное и необходимое. Юри-

дические общества рассматривали правовое просвещение, направленное на подъем уровня народного правосознания и образования, как обязательное условие становления в России правового государства, идею которого они активно пропагандировали. Анализ деятельности обществ свидетельствует о наличии целого комплекса средств достижения юридическими обществами просветительских целей. К ним следует отнести, прежде всего, чтение публичных лекций; учреждение премий за научные сочинения по установленным и свободным темам; создание библиотек; организация бюро по оказанию бесплатной юридической помощи населению. При этом нельзя недооценивать «просветительский эффект» обычных занятий в заседаниях или издания печатных органов, протоколов заседаний и трудов членов обществ, брошюр юридического содержания в силу их открытости и доступности (в большинстве случаев).

И все-таки самым эффективным средством просветительской работы, благодаря возможности воздействия на широкие круги населения, должны быть признаны публичные лекции. Они устраивались для всех интересующихся лиц и читались выдающимися русскими юристами и ораторами – членами юридических обществ: А.Ф. Кони, В.Н. Случевским, И.Г. Щегловитовым в Санкт-Петербурге [1], И.М. Тютрюмовым в Курске, Н.В. Рейнгардтом в Казани [2], Ф.В. Тарановским «Об осуществлении права» в Варшаве [3] и другими. Публичная лекция, по воспоминаниям А.А. Кизеветтера, была в середине 80-х гг. такой редкостью, что о ней говорили как о незаурядном происшествии, поэтому чтения юридических обществ были столь популярны, желающих побывать на них не останавливала даже необходимость оплатить входной билет [4]. Наибольшее количество прочитанных за год публичных лекций на счету членов Курского общества, которые в 1898-1899 гг. выступили с девятью лекциями. Юристы старались выбирать для публичных чтений сообщения на самые интересные и злободневные темы: «Личные и имущественные права женщин по русскому праву», «О вознаграждении жертв судебных ошибок», «О защите детей на Западе Европы и в России», «Об алкоголизме и преступности» [5].

Своеобразная форма публичных чтений была реализована Курским обществом по устройству чтений в тюрьме и арестантских отделениях. Для этой цели в 1898 г. юридическим обществом была создана специальная комиссия под председательством И.А. Святославского, членам которой за подписью губернатора были выданы свидетельства на право чтения лекций. Сначала лекции читались по брошюрам, одобренным государственной комиссией и предоставленным юридическому обществу Курским обществом содействия начальному образованию. Впоследствии комиссия членов юридического об-

щества обратилась к губернатору с ходатайством об утверждении самостоятельно составленного комиссией списка брошюр, рекомендованных и желательных к прочтению в тюрьме и арестантских отделениях, и учреждении в городской тюрьме библиотеки. Планировалось, что финансовые заботы о создании библиотеки возьмет на себя юридическое общество, а контролирующие функции будут возложены на тюремную администрацию. Однако губернатор не поддержал инициативу общественной организации и отклонил ходатайство, т.к., по его мнению, «попечение о нуждах содержащихся в местах заключения представляет собой сферу исключительных действий правительственных органов, вследствие чего частному обществу не могло быть поручена организация библиотеки в городской тюрьме». Аргументация полученного обществом отказа иллюстрирует позицию государства в отношении общественных организаций вообще и юридических обществ, в частности. Государство определяло жесткие границы, в пределах которых самодеятельные организации могли реализовывать свои просветительские проекты, с одной стороны, и демонстрировало свое нежелание (неуместное и неоправданное в рассматриваемом случае) и (или) неспособность увидеть в юридических обществах помощника в решении серьезных социальных проблем – с другой [6].

Важным для себя направлением наряду с распространением правовых знаний юридические общества считали создание для всех субъектов права, прежде всего, крестьян, реальных возможностей защиты своих прав, вследствие чего при многих обществах создавались специальные бюро по оказанию бесплатной юридической помощи населению. Первоначально юридическими обществами рассматривались три возможных способа устройства юридической помощи. Первый, наиболее дорогой, заключался в регулярных, 1-2 раза в месяц, посещениях юридически подготовленным лицом одного и того же села до тех пор, пока не будет ощутимо в населении предпочтение советов этого профессионала советам ходатаев; затем место посещений должно меняться. Второй, более дешевый, предусматривал назначение на губернию нескольких лиц, около шести, которые бы в качестве юрисконсультов постоянно разъезжали по деревням и селам. Третий вариант (которому и было отдано предпочтение) заключался в устройстве консультационного бюро в губернском городе. Юридическая помощь, оказываемая населению, по мысли членов юридических обществ, должна была базироваться на принципах профессионализма, безвозмездности и обязательной подотчетности юрисконсульта в своих действиях перед юридическим обществом. Такие бюро были созданы и действовали при Курском, Кавказском, Санкт-Петербургском, Казанском обществах [2].

Таким образом, понимание важности просветительского направления в своей деятельности и активная работа в данной области позволили юридическим обществам реализовать свой потенциал как эффективной формы помощи населению в досоветской России. История российских юридических обществ показала, что негосударственные образования могут внести существенный вклад в реализацию гражданами своих социальных прав.

Литература

1. Санкт-Петербургское юридическое общество за 25 лет // «Вестник права». 1902. №2. Приложение.
2. Тельберг Г.Г. Историческая записка об учреждении и деятельности Казанского юридического общества за первые 25 лет его существования (1879–1903 гг.). – Казань: Издание Казанского юридического общества, 1906.
3. Из деятельности юридических обществ. Варшавское общество истории, филологии и права при Варшавском Университете // ЖМЮ. 1905. №9.
4. Отчет ревизионной комиссии Санкт-петербургского юридического общества // Вестник права. 1906. №1. Приложение.
5. Юридические общества. Курское юридическое общество // Право. 1899. №1.
6. Отчет о деятельности Курского юридического общества за 1898-1899 гг. // Вестник права. 1900. №9. Приложение.

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГЕРМАНИИ В УСЛОВИЯХ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА SPECIFICS OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN GERMANY IN CONDITIONS OF MIGRATION CRISIS

Д.А. Шпилев
Нижегородская Академия МВД РФ
D.A. Shpilev
Nizhni Novgorod Academy of the Interior Ministry

Рассматриваются сложности, с которыми столкнулась система правоохранительных органов Германии в условиях миграционного кризиса. Особое внимание уделяется проблеме интеграции мигрантов в немецкое общество, влиянию миграционного кризиса на политическую и социальную сферы.

This article discusses the difficulties faced by the law enforcement system in Germany in terms of the migration crisis. Particular attention is paid to the integration of migrants into German society, the impact of the migration crisis in the political and social spheres.

Ключевые слова: беженец, миграционный кризис, правоохранительные органы, преступления, полиция.

Keywords: refugee, migration crisis, law enforcement, crime, police.

Как правило, беженцами с территорий, на которых проходят военные действия, являются женщины, дети и старики. Однако среди беженцев, прибывших в Германию в 2016 г., преобладают мужчины в возрасте от 18 до 20 лет, а доля женщин среди мигрантов не превышает 34%. Кроме того, более 70% беженцев – моложе 30 лет [1]. То есть, основная часть беженцев – это мужчины самого трудоспособного, и что самое главное, боеспособного возраста. Получается, что на территории военных действий остаются как раз те категории граждан, которые эти территории должны покидать в первую очередь.

Министр юстиции Германии Хайко Маас при характеристике массовых беспорядков, произошедших в Кельне и других городах в новогоднюю ночь 2015/16 гг., использовал в отношении мигрантов слово ‘Horde’, одно из значений которого – ‘орда’, ‘кочующее племя’ [2]. Можно предположить, что министр юстиции при описании поведения мигрантов не случайно заговорил о кочевниках. Порядок действий кочующих племен, захватывающих новые территории, не предполагает последующей ассимиляции и привыкания к образу жизни и обычаям местного населения. Следует обратить внимание и на тот факт, что среди нынешних мигрантов много хорошо образованных людей, в том числе знающих иностранные языки. Исходя из вышесказанного, ситуацию можно понять следующим образом: молодые мужчины-мигранты – это авангард, а женщины и маленькие дети находятся в арьергарде и присоединятся к своим мужьям и отцам в соответствии с законом о воссоединении семьи, рас-пространить действие которого на беженцев со временем вполне могут попросить у властей сами немецкие женщины, уставшие от постоянных домогательств со стороны выходцев из Северной Африки. Если подобное предположение верно, то эффективно решить проблему напряжения, возникающего между местным населением и мигрантами, не помогут ни ужесточение миграционного законодательства (необходимость данной меры интенсивно обсуждается немецким обществом) [3, 4], ни ужесточение наказания за изнасилование [5].

Согласно опросу Forsa, проведенному для телеканала «РТЛ» (RTL), 57% немцев опасаются роста преступности, связанного с прибытием в страну большого количества мигрантов. 40% респондентов так не считают. Следует отметить, что ухудшения криминальной обстановки опасаются, в основном, представители старшего поколения. В возрастной группе моложе 30 лет опасения, связанные с ростом преступности, высказывают только 41% респондентов. После нападения на женщин в новогоднюю ночь в Кельне и других городах Германии свое отношение к мигрантам на более критичное и негативное изменили 37% опрошенных. При этом мнение о мигрантах у 60% респондентов не изменилось [6]. Интересно, что пока без ответа остается сле-

дующий вопрос: насколько объективно граждане Германии оценивают происходящие события? Обладают ли они всей полнотой необходимой информации? Обсуждению этого вопроса регулярно посвящаются публикации не только в региональных изданиях, таких как 'Der Kölner Stadtanzeiger', 'Der Kölner Express', но и в национальных печатных органах, в частности, в 'Die Welt', 'Die FAZ' и т.д.

В настоящий момент в условиях миграционного кризиса правоохранительные органы Германии оказались в очень сложной ситуации, вызванной рядом вполне конкретных причин, среди которых необходимо назвать следующие:

Во-первых, свершение мигрантами преступлений, нетипичных для криминальной статистики Германии. В частности, кража сотовых телефонов (например, в новогоднюю ночь в Кельне) [7], массовое нарушение границ частных владений (как это было в случае с бассейном для nudистов) [8, 9] и т.д.

Во-вторых, снижение степени доверия граждан к государству и правоохранительным органам. В интернет-магазине «Амазон» в разделе «Спорт и активный отдых» в десятку наиболее продаваемых товаров вошли перечные спреи, а на «Фейсбук» после событий новогодней ночи была создана группа «Один за всех и все за одного». Членами этой группы только из одного Дюссельдорфа стали около двенадцати тысяч человек [10]. Вера граждан в способность полиции и государства обеспечивать безопасность может снизиться настолько, что люди решат защищать себя сами любыми доступными средствами, что еще больше усугубит и без того непростую ситуацию, сложившуюся в немецких городах. Уже сейчас выявлена серьезная уязвимость общественных мест в стране, имеющей многолетнюю привычку к безопасности, приличным манерам и осуждению любой пошлости.

В-третьих, многие жесткие решения муниципальных властей в отношении мигрантов подвергаются в прессе серьезной критике, что делает работу немецкой полиции, привыкшей к поддержке населения и сотрудничеству с ним, еще более сложной, а порой и малоэффективной [11].

В-четвертых, миграционный кризис интенсивно используется немецкими политическими партиями в предвыборной борьбе (блок ХДС/ХСС против СДПГ). Как известно, данные партии по-разному относятся не только к миграционной проблематике, но и имеют разные взгляды на роль Германии в ЕС [12]. Безусловно, без многопартийной системы невозможно существование современного демократического государства, однако для успешного преодоления миграционного кризиса желательно единство политической элиты хотя бы по ключевым и принципиальным вопросам. В противном случае со-

трудники полиции будут и дальше становиться «козлами отпущения», а их действия – политизироваться и комментироваться политиками из противоборствующих лагерей исходя из предвыборной конъюнктуры.

В-пятых, вследствие миграционного кризиса происходит усиление позиции правых экстремистов в Германии. Они активно проводят шествия и демонстрации, им противостоят сторонники миграционной политики А. Меркель [13]. Данные демонстрации проходят в напряженной обстановке и часто заканчиваются столкновениями со сторонниками левого антифашистского движения или разгоном силами полиции правых экстремистов и сторонников ПЕГИДы (немецкое политическое движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада»). При этом полиция все чаще задействует водометы, обученных собак и иные спецсредства [14].

В-шестых, в последнее время сотрудники полиции вынуждены (по распоряжению властей для сохранения общественного спокойствия) утаивать информацию о происхождении правонарушителей, как это, в частности, было сделано в отношении мужчин, устроивших нападения на женщин в новогоднюю ночь в Кельне, несмотря на то, что формат отчета о важнейших событиях («Wichtiges Ereignis») предписывает составителю указывать подобные сведения [15].

В отсутствие на политическом уровне внятного ответа на вопрос, как осуществить интеграцию такого большого количества мигрантов в немецкое общество (и возможно ли это теперь в принципе), заложниками сложившейся ситуации остаются сотрудники правоохранительных органов и обычные граждане. Правоохранительной системе Германии, привыкшей к работе в прежних условиях, необходимо не только время для перестройки отлаженного механизма работы, но и четкая постановка государством новых задач, стоящих перед ней, чего пока не наблюдается. В любом случае, как сказала премьер-министр земли Северный Рейн-Вестфалия Ханнелоре Крафт: «министерство внутренних дел не должно в одиночку отвечать за сложившуюся ситуацию» [16].

Литература

1. Сколько и откуда прибывает беженцев в Германию? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2016/0679/tema02.php>. (Дата обращения: 08.09.16).
2. Stern, 10.01.2016. Maas: Silvester-Angriffe auf Frauen waren organisiert.
3. Stern, 11.01.2016. Berlin will Ausländerrecht verschärfen und Polizei stärken.
4. Stern, 10.01.2016. Reker: Bestehende Gesetze müssen eingehalten werden können.
5. Stern, 10.01.2016. Maas: Silvester-Angriffe auf Frauen waren organisiert.
6. Stern, 10.01.2016. Mehrheit befürchtet Kriminalitätsanstieg durch Flüchtlinge.
7. Bild, 06.01.2016. Sex-Mob-Skandal. Presse-Prügel für die Kölner Polizei.

8. Группа исламистов в немецком городе Гельдерн, земля Северный Рейн-Вестфалия, ворвалась в бассейн и начала плевать в посетителей, оскорбляя их на двух языках [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1645921>. (Дата обращения: 27.07.2016).
9. В Германии группа радикальных мусульман пригрозила нудистам расправой. Режим доступа: <http://rus.postimees.ee/3779159/v-germanii-gruppa-radikalnyh-musulman-prigrozila-nudistam-raspravoj#comments> (дата обращения: 27.07.2016).
10. Bild, 10.01.2016. Sind die Täter wirklich Flüchtlinge?
11. Focus, 15.01.2016. Kopfschütteln über Schwimmbadverbot und Karnevals-Absage.
12. Шпилев Д.А. Системная трансформация в интерпретации политического руководства Германии. Нижний Новгород. Изд. НИСОЦ.2012. 131 с.
13. Spiegel, 12.01.2016. Rechtsextreme nach Köln: Gefährlicher Hass.
14. Stern, 11.01.2016. Koalition will nach Kölner Silvesterchaos zügig handeln.
15. Spiegel, 08.01.2016. Die Debattenrundschau.
16. Bild, 12.01.2016. „Die Polizei war nicht präsent“.

СООБЩЕНИЯ

АДВОКАТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ **LAWYERS OF WOMEN'S RIGHTS IN THE REPUBLIC OF MOLDOVA: ACHIEVEMENTS AND PERSPECTIVES**

Ю.Ю. Абрамова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; Приднестровье, Республика Молдова

Yu. Yu. Abramova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Анализируется новое понятие категориального аппарата теории естественных прав человека – «Адвокаты прав женщин», его практическое воплощение и достижения подобных адвокатов на примере Республики Молдова, где в 2016 г., были приняты два объемных пакета законопроектов, направленных на улучшение статуса женщин в политической, семейной и общественной сферах.

The current article presents a short analysis of the content for a new concept of categorical apparatus of the theory of natural human rights – “advocates for women’s human rights”, its practical implementation and achievements of such advocates in the example of Moldova Republic. It was there adopted two essential law amendments which enhance the status of women in political, private and public spheres in 2016.

Ключевые слова: права женщин, адвокаты прав женщин, гендерное равенство, насилие в семье, естественные права человека, сексизм.

Keywords: women's rights, advocates for women's rights, gender equality, domestic violence, natural human rights, sexism.

Мировая тенденция продвижения и внедрения концепции гендерного равенства, повсеместное усиление роли женщин в процессе принятия жизненно важных решений, расширение границ социальных ролей женщины, а также интенсифицирующиеся в прогрессии социальные процессы и изменения неизбежно поднимают вопросы качественно-количественного сопровождения процесса демаргинализации и институционализации механизмов реализации и защиты прав женщин как макросоциальной группы в целом, так и различных групп женщин, в том числе находящихся в уязвимом положении.

В самом агрегированном виде, принимая тот факт, что необходимость реализации концепции построения эгалитарного (минуя сугубо социалистическую трактовку термина) общества социальных полов подразумевает существующее неравенство между социальными ролями и статусами мужчины и женщины, определяя женщин как макросоциальную группу, находящуюся в более уязвимом положении; мы можем и должны признать обоснованность и необходимость выделения категориального аппарата «защиты прав женщин» в теории естественных прав человека [1, с. 7].

Опираясь на общие базовые понятия и ценности, такие как «человеческое достоинство», «свобода», «развитие», институционализация категории защиты прав женщин всё же требует выделения более специфических понятий, одним из которых становится «Адвокат прав женщин». Обозначая новое понятие «Адвокат прав женщин» в рамках категориального аппарата политологической теории, мы рассмотрим его содержательную интерпретацию на территории одной из стран постсоветского пространства – Республики Молдова.

Сравнивая критерии и степень уязвимости женщин в географической плоскости отметим, что молдавские женщины как с точки зрения правового регулирования, так и с позиций реальных усилий и сервисов, продвигающих их интересы и защищающих их права, находятся не в самом затруднительном положении (особенно в беглом сравнении с азиатскими государственными образованиями – бывшими республиками СССР). В Молдове действует и достаточно быстро развивается специальное законодательство, направленное, в том числе, на реализацию «позитивных» обязательств со стороны государства по отношению к женщинам. Подтверждением этого тезиса является закон №71, принятый парламентом Молдовы 14 апреля 2016 г., который вносит изменения и дополнения в 15 действующих законодательных актов в стране, включая такие как Избирательный кодекс РМ, Закон о правительстве

РМ, Трудовой кодекс Республики Молдова, Закон о печати РМ, Закон о рекламе РМ, Закон о политических партиях РМ, Закон о местном публичном управлении РМ и Кодекс телевидения и радио РМ [2, с. 2]. Основные изменения представлены ниже:

– доля женщин и мужчин должна составлять, как минимум, по 40% от общего числа кандидатов каждой политической партии и кандидатур на должности членов правительства, а также членов Координационного совета по телевидению и радио (введение квотирования);

– введение нормы по предоставлению отцам 14-дневного оплачиваемого отпуска по уходу за детьми (правом на предоставление «отпуска по отцовству» можно воспользоваться в течение 56 дней с момента рождения ребёнка);

– запрет на использование сексистских выражений и изображений в СМИ и рекламе;

– создание группы по координации вопросов гендерного равенства при центральной администрации административно-территориальных единиц;

– расширение ответственности местных органов в отношении вопросов гендерного равенства [3, с. 1-5].

Данным законом в молдавское правовое поле вводятся такие понятия, как «Сексизм», «Сексистская реклама», «Сексистские стереотипы», «Сексистский язык», «Отпуск по отцовству», «Координационная группа по гендеру», «Принцип гендерного равенства»; уточняется понятие «сексуальное домогательство».

Введение данных правовых новелл требует построения целой системы механизмов их имплементации как в повседневную жизнедеятельность общества, так и в систему санкций, предусмотренных государством за их нарушение/несоблюдение. Здесь, конечно, есть как понятные и доступные уже сейчас последствия данных решений, например, штрафы медийных ресурсов, публикующих необоснованно дискриминационные объявления о найме на работу, так и гораздо более сложные и тонкие сентенции, воплощённые в реальное применение так называемой «гендерной призмы» при принятии решений (в том числе и при их планировании) как на всех уровнях исполнительной вертикали власти, так и в процессе законотворчества. Естественно, данный законопроект не лишён и недостатков (способных стать своеобразной дорожной картой при дальнейшей модернизации законодательства, с точки зрения достижения всеобъемлющего гендерного равенства). Так, если им и вводится 40% квотирование при составлении партийных списков, например (в Республике Молдова действует смешанная система выборов в Парламент), то в то же время ничего не говорится о местонахождении жен-

щин в избирательных списках, формируемых партиями для прохождения в парламент, что существенно сказывается на их представительстве в Парламенте и в других представительных органах власти/местного самоуправления. Сегодня в Молдове уровень представленности женщин в политике и в процессах принятия решений несколько ниже международных норм. Женщины занимают 22% мест в Парламенте страны и 31% государственных должностей (исполнительная власть). На местном уровне доля женщин среди мэров составляет 20.6%, женщины занимают 18.55% мест в районных и муниципальных советах и 30.04% мест в местных советах [4, с. 3-5].

Нужно отметить, что внедрение указанных изменений в существующее законодательство и рассмотрение подобных инициатив в парламенте страны как раз и является следствием деятельности рассматриваемых нами адвокатов прав женщин. И тут уместно сделать акцент на универсальности анализируемого понятия, то есть адвокатами прав женщин могут быть и являются как мужчины, так и женщины, как в различной степени институционализированные структуры (общественные объединения, международные организации, бизнес-сообщество, различные органы власти и самоуправления), так и индивидуумы совершенно разной профессиональной ориентации, будь то юристы, социологи, врачи, военнослужащие, предприниматели, спортсмены.

Так, например, принятия указанных изменений в законодательство добились международные структуры (ООН-Женщины, которые оказывали также и техническую поддержку парламенту в этом процессе [5, с. 1-3]), депутаты парламента (Алина Зотя, Тудор Делиу), представители гражданского общества (Женский политический клуб 50/50, Платформа за гендерное равенство) и многие другие. Все эти структуры и конкретные люди могут быть объединены понятием «Адвокаты прав женщин».

Ещё одним немаловажным моментом является и степень обобщённости понятия, то есть здесь речь может идти как о реально действующих адвокатах, так и о любых других индивидуумах, реализующих себя в совершенно разных направлениях, институциях с совершенно разными целевыми и функциональными установками, однако в той или иной степени неизбежно выступающих защитниками прав женщин, лоббистами реализации их интересов как на макросоциальном уровне, так и в разрезе конкретных групп женщин, в том числе и находящихся в уязвимом положении.

К серьёзным достижениям адвокатов прав женщин в Молдове можно отнести и изменения, принятые парламентом страны 28 июля 2016 г. как в виде поправок/дополнений/изменений в Уголовный, Уголовно – процессуальный, Гражданский кодексы, Кодекс об административных правонарушениях, так и в такие специальные законы, как Закон «О предупреждении и пресечении

насилия в семье», «О работе полиции и статусе полицейского», «О судебной экспертизе», «О юридической помощи, гарантируемой государством», «О местном самоуправлении», «О режиме иностранцев в Республике Молдова» [6, с. 1-13]. Упомянутые законодательные изменения направлены на улучшение ситуации в области предотвращения и реагирования на случаи проявления насилия в семье, где по данным молдавской статистики [7, с. 258], женщины составляют 86% жертв, в то время как 93% лиц, совершивших акты насилия в семье, – мужчины.

Данными изменениями и дополнениями конкретизируется состав преступления и ужесточается уголовная ответственность за совершение преступных действий в этой сфере: «жестокое обращение, лишение средств или предметов первой необходимости для существования, пренебрежение, легкое повреждение здоровья, изоляция, запугивание в целях принуждения воли или личного контроля над жертвой будут наказываться неоплачиваемым трудом в пользу общества от 150 до 180 часов или лишением свободы на срок от 1 до 3 лет» [8, с. 2]. Если говорить о нанесении вреда здоровью средней тяжести, то срок тюремного заключения может вырасти до 6 лет, а в случае нанесения тяжкого вреда – до 12 лет (сюда же относится и суицид или попытка суицида как следствие подобных действий со стороны агрессора).

Тем самым был закреплён окончательный перевод проблемы насилия в семье из частной в публичную плоскость, что говорит о признании со стороны молдавского государства социальной значимости проблемы и недостаточной эффективности существующих механизмов защиты прав женщин как макросоциальной группы.

Среди других важных нововведений отметим основные:

- введение уголовной ответственности за нарушение предписаний выданного жертве домашнего насилия охранного ордера (общественные работы от 160 до 200 часов или лишение свободы на срок до 3 лет), расширение функционала и возможностей/границ самого охранного ордера;

- возможность обращения за охранным ордером как со стороны непосредственно жертвы, так и со стороны прокурора, органа опеки, социальной защиты, полиции;

- возможность незамедлительной выдачи ограничительного предписания (принципиально новое понятие) представителями полиции (на срок до 10 дней) в случае выявления/сохранения явной угрозы жизни и здоровью жертве (ранее была предусмотрена только процедура выдачи охранного ордера, которая занимала не менее 24 часов и ордер мог быть выдан только судом), вводится также понятие кризисной/критической ситуации;

– устанавливаются государственные гарантии бесплатного предоставления жертве юридической помощи;

– агрессор может быть подвергнут принудительному прохождению специальных лечебных и консультационных программ;

– на законодательном уровне закрепление необходимости создания и развития кризисных центров и специальных услуг для жертв и агрессоров, возможность жертве претендовать на материальную компенсацию нанесённого вреда, учреждение государственной круглосуточной бесплатной горячей линии по проблеме насилия в семье, ведение специальной статистики и создание специальной тематической web-страницы на базе сайта Министерства труда, социальной защиты и семьи, подготовка профильными структурами годовых отчётов по проблеме и их обнародование, проведение широких информационно-просветительских программ для населения и многое другое.

Фактически благодаря усилиям адвокатов прав женщин Республика Молдова, по крайней мере на законодательном уровне, сделала в этом году значительный шаг вперёд в области защиты и реализации прав женщин, в достижении фактического гендерного равенства, что по сути является обязательным условием имплементации теории естественных прав человека, не имеющей серьёзной альтернативы в современной повестке дня цивилизационного развития.

Такие действия, инициированными адвокатами прав женщин, порождают и любопытные последствия в виде расширения самого движения адвокатов прав женщин в стране. Так, например, анализ годовых отчётов (доклад о соблюдении прав человека в Республике Молдова) офиса Народного адвоката (омбудсмена) показывает, что в отчёте за 2015 г. появляется раздел «Гендерное равенство» (где включена информация о различных аспектах защиты прав женщин) [7, с. 254], чего не было в отчётах начиная с 2000 г. То есть можно говорить о том, что и народный адвокат также пополнил ряды адвокатов прав женщин в Республике Молдова.

Ещё одна характерная особенность развития института адвокатов прав женщин в Молдове состоит в том, что видными его представителями наряду с женщинами-активистками являются и мужчины. Ярким примером здесь может служить Ион Оборочану, долгое время возглавлявший правовой центр в одном из районов страны, впоследствии став прокурором данного района. Много лет занимаясь проблемой насилия в семье, где более чем в 80% случаев жертвой становится женщина, г-н Оборочану был первым молдавским прокурором, ходатайствовавшим о выдаче первого охрannого ордера в стране, сразу после начала функционирования данного института правоотношений. Только в 2012 г. по его представлениям судом одного только райо-

на было выписано около 60 охранных ордеров, заведено 16 уголовных дел по насилию в семье. И по сей день ему принадлежит своеобразный рекорд представлений на выписку охранных ордеров и ходатайств о возбуждении уголовных дел, где составом преступления является насилие в семье. В том же году Ион создал единственное в своём роде общественное движение «Мужчины против насилия», являясь одновременно одним из немногочисленных мужчин – идеи о необходимости комплексной работы и с жертвами, и с агрессорами в ситуации насилия в семье.

Несмотря на все достижения и победы потенциал адвокатов прав женщин в Молдове как социального института только начал раскрываться. И дело здесь не только в предстоящей правоприменительной практике после законодательных завоеваний 2016 г., её мониторинге, результаты которого должны быть оформлены в очередные законодательные инициативы, но и в огромной по своим масштабам работе по преодолению ригоризма обозначенных достижений. Иными словами, адвокаты прав женщин своим примером могут способствовать зарождению мощного женского движения в стране, что будет являться надёжным залогом гарантирования прав женщин, а через них и реализации теории естественных прав человека в данной конкретной территории в целом. И речь здесь идёт не об очередной реинкарнации феминизма в какой-то из его ипостасей, а о понимании всеми слоями населения и элиты необходимости сосредоточения дополнительных усилий в области защиты прав женщин и на макросоциальном уровне, и на уровне отдельных уязвимых социальных групп (женщины-рома, женщины с ограниченными возможностями, женщины с ВИЧ-инфекцией и т.д.). Уже сейчас в рамках этой работы перед Молдовой стоит весьма конкретная и достижимая в обозримом будущем цель – ратификация и имплементация в национальное законодательство положений Стамбульской конвенции Совета Европы 2011 г. о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием.

Литература

1. Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М., РИК Русанова, 1998. С. 3-12.
2. Молдова сделала исторический шаг вперед в деле продвижения гендерного равенства в политике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eca.unwomen.org/ru/news/stories/2016/06/moldova-takes-historic-step-to-promote-gender-equality-in-politics#sthash.kDQCsr2.dpuf>. (Дата обращения: 01.10.2016).
3. Закон Республики Молдова №71 от 14.04.2016 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lex.justice.md/ru/365019/>. (Дата обращения: 01.10.2016).
4. Political participation of women, 2008-2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://statbank.statistica.md/pxweb/pxweb/en/50%20Statistica%20gen->

der/50%20Statistica%20gender__GEN03/GEN030200soc.px/table/table ViewLayout1/?rxid=b2ff27d7-0b96-43c9-934b-42e1a2a9a774. (Дата обращения: 01.10.2016).

5. Лидерство и политическое участие [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://eca.unwomen.org/ru/where-we-are/moldova/leadership-and-political-participation>. (Дата обращения: 01.10.2016).

6. Пояснительная записка к проекту Закона Республики Молдова о внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты в области предупреждения и пресечения насилия в семье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.particip.gov.md/public/documente/139/ro_2067_Nota-informativa-rus.pdf. (Дата обращения: 01.10.2016).

7. Raport privind respectarea drepturilor omului in Republica Moldova in anul 2015. Oficiul avocaturii populare. Chisinau, 2016. С. 254-261.

8. Закон Республики Молдова №196 от 28.07.2016 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.parliament.md/ProcesulLegislativ/Proiectedeac> legislative/tabid/61/LegislativId/3267/language/en-US/Default.aspx. (Дата обращения: 01.10.2016).

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРИНЦИПЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКА, ЗАКРЕПЛЕННОГО ЗА ЛЮДЬМИ С
ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ (ЛОВ) В ПОЛЬШЕ
LEGAL BASIS AND PRINCIPLES FOR ASSISTANT OF A PERSON
WITH DISABILITIES IN POLAND**

М. Борковски
Высшая школа г. Гданьск, Польша
M. Borkowski
Szkoła Gdańska, Poland

Важным элементом интеграции и поддержки людей с ограниченными возможностями в их повседневной жизни является концепция автономного проживания. Впервые возникнув в США в рамках движения «За автономность жизни», она стала популярной в развитых европейских странах как форма социальной и профессиональной мотивации ЛОВ. Данная концепция реализуется и в Польше, однако недостаточно быстро. В данной короткой работе автор лишь постулирует существование сотрудников, закрепленных за ЛОВ как одной из профессий в области социомедицинской и социологической поддержки, а также кратко описывает правовые основы, регламентирующие его профессиональную деятельность. Данная работа не претендует на фундаментальное исследование, она, скорее, представляет собой взгляды автора на данную проблему, а также приглашает все заинтересованных лиц к обсуждению природы, цели и правовой основы сотрудника, закрепленного за ЛОВ.

An important element of integration, and support for people with disabilities in their daily lives is the concept of independent living. Descended from the United States movement under the name "Independent Living", is popular in the developed European countries, a form of social and professional activation of the disabled. This idea is also implemented in Poland but to slowly . In this short work, the

author only indicates the existence of assistant to person with a disability and legal conditions of its functioning, as one of the few professions in the area of socio-medical and sociological support for people with disabilities. This is not the work of a comprehensive the assumption of the author is beyond the element of information, an attempt to stimulate discussion about the nature, purpose and legal strengthening of the role of assistant to person with a disability.

Ключевые слова: лицо с ограниченными возможностями, сотрудник, закрепленный за лицом с ограниченными возможностями, создание лучших условий, правовые нормы.

Keywords: person with a disability, the assistant of person with a disability, better conditions, legal acts.

I

Despite the passage of years, the changing circumstances, and socio – economic and political we must, with great regret, note the still state, society and individuals struggling with "the problem of disability." Conducted for many years now, all kinds of social campaigns, on the one hand, changing both the way the perception of people with disabilities as well as create their role in the functioning of societies and institutions, on the other hand, affecting the change of position, changing the lives of people with disabilities indicate how much remains to do that people with disabilities can function properly.

Persons with disabilities (probably) live in all parts of the world, in all countries and in all environments and social groups¹. The presence of disabled people in the "daily life" and above all their determination to the operation, ownership rights and the ability to act on an equal footing with those not mentioned as "disabled", caused and causes, is that there are more and more solutions to facilitate their lives.

Are being introduced with newer and newer technological solutions, architectural or legal. Unfortunately, the diverse causes and effects of disability resulting even from geographical, economic – political and above all cultural, do not allow putting the optimistic forecasts. For many years about "disability" will speak (and write) in the context of discrimination against these people, disability as a phenomenon, as a part of our everyday life, there will still be "unresolved issue". It takes a lot of time, a lot of changes, above all in the mentality of the people, to

¹ As is clear from the information contained on the websites of both institutions dealing with issues of persons with disabilities in 2015. In the world there were nearly 1 billion people who are found "state of disability". More than 80 million European citizens with disabilities; in the Polish Republic – about 5.5 million people. Information including (A) www.europarl.europa.eu/sides/getDoc – reading: 15.10.2016 r.; bon.p.lodz.pl – reading: 10.15.2016 r.; niepełnosprawni.pl – reading: 15.10.2016 r.

people with disabilities, work with them and being around them does not arouse negative emotions.

It should also be noted that in the legal system, including in international law and EU, has been operating a large number of legal acts concerning people with disabilities, but their quality, especially their effectiveness leaves much to be desired. This situation is reflected in the operation of national law, which also is not always friendly to people with disabilities.

II

The need to guarantee the rights of people with disabilities, the creation of special regulations are important for this social group has a long tradition. Inborn human dignity, non-negotiable nature of human rights and justice in the case of creating a system to protect the rights of persons with disabilities acquire special significance. Referring to the widely used division of human rights, can make typifications for: universal system of protection of the rights of persons with disabilities based on the acts created by or on the initiative of the United Nations and regional system of protection of the rights of persons with disabilities, eg. The system secondary legislation of the European Union.

The rights of persons with disabilities are regulated also individually, within the framework of national legal systems.

With extensive catalog of specific instruments created on the initiative of the United Nations and for the disabled are worth mentioning m.in.:

- Declaration on the Rights of persons with mental retardation (Declaration on the Rights of Mentally Retarded Persons) Resolution 28/56 (XXVI) adopted by the UN General Assembly on December 20th. 1971.
- Declaration of the Rights of persons with disabilities (Declaration on the Rights of Disabled Persons) Resolution 34/37 (XXX) adopted by the UN General Assembly on 9 December. 1975., Or.
- the Convention on the Rights of the disabled, signed in New York on 13 December 2006. (Dz. U. 2012.1169)
- Standard Rules on the Equalization of Opportunities for Persons with Disabilities, adopted on 20 December 1993 (resolution 48/96) during the 48 session of the UN General Assembly. On the other hand, the statement of EU laws, for example, can only mention m.in.:
- Commission Regulation of 6 August 2008 (2008/800 EC), declaring certain categories of aid compatible with the common market in application of art. 87 and 88 of the Treaty
- Decision of the European Parliament and of the Council of 7 December 2001. (2002/50 EC), establishing a program of Community action to encourage cooperation between Member States to combat social exclusion.

The doctrine often stresses that people with disabilities are entitled to all the rights enjoyed by people without disabilities. Of course, with such statements, it is difficult not to agree, as far as is referred to generally applicable laws, rights within the scope of civil rights and freedoms. But now I suppose that if this is not done, it could be read as a limitation of these rights does not stand up to scrutiny.¹

It should be noted that the isolation and specifying recipients in the titles of acts is a common practice designed to primarily facilitate and organizing system. In addition, it should be emphasized that in addition to legal acts of a general nature there are acts that particularise the rights of persons with disabilities, and they must now be addressed to a specific recipient – a disabled person or another person / party who these specific laws will be implemented. For example. The realization of rights under paragraph 6 of the Declaration of the Rights of Persons with Disabilities² was (and is) the creation of institutions aiming to promote the so-called. concept of independent living. One of the manifestations of this philosophy is the institution of an assistant of a disabled person. This idea was confirmed in the next act – the Convention on the Rights of persons with disabilities. The wording of Article. 19 of the document states that the States Parties to this Convention recognize the equal right of all persons with disabilities to live in society (...) and take effective and appropriate measures to facilitate full enjoyment by persons with disabilities of this right and their full inclusion and participation in society including by ensuring that:

(a),

(b) *Persons with disabilities have access to a wide range of support services provided at home or in institutions providing accommodation and other support services provided in the local community, including personal assistance necessary to support living and inclusion in community and to prevent isolation and social segregation (...).*

III

Occupation: assistant to a disabled person, for the first time in the Polish legal system appeared in 2001. Regulation of the Minister of National Education of 29 March 2001. Amending the regulation on the qualifications of vocational educa-

¹ More – see: P. Przybysz, human rights and the rights of the disabled, www.idn.org.pl/sonnszz/prawa_niepelnosprawni1.htm; reading: 10.19.2016 r.

² The content of point 6 of the Declaration on the Rights of Persons with Disabilities: "6. Persons with disabilities have the right to medical and psychological care and treatment of functional, including supply of equipment, prosthetic and orthopedic: they pro for medical and social rehabilitation, education, vocational training and rehabilitation aids, counseling, job placement and other services that allow them to full development of the talents and skills and accelerate the process of their social integration or reintegration.

tion training (Dz. U 2001. No. 34, item. 405), introduced this profession to groups of occupations in social assistance.

Currently, the basis for the existence and functioning of the profession is the Regulation of the Minister of National Education of 7 February 2012. On the core curriculum of vocational education (Dz. U-2012 184).

The content of the regulation spells out both the skills that are the foundation of vocational education and organizing support as well as the objectives and learning outcomes, thus creating a range of statutory rights and duties of assistant to a disabled person (hereinafter referred to interchangeably AON).

Skills which are "foundation for training," the profession of assistant to a disabled person include, among others, Regulation the ability of determining: – the essence of mental processes and their role in human life; – The processes taking place in society; – The means and instruments of social policy for the fulfillment of the principle of equality and social justice; – Anticipate the effects of behavioral problems and psychosocial people ward and her family; – The model and features of the family. As seen above, AON should be a person who on the one hand is to be a helper of a disabled person with experience in the area of social sciences and in addition, it should be a person actively illuminates the system of the family of a disabled person.

Another important feature of the assistant of a disabled person should be the ability to analyze social attitudes, moral, national, religious, ethical and cultural as well as the ability to evaluate and interpret phenomena in contemporary social culture affecting human functioning.

Assistant to the disabled person should be familiar with the scope of assistance and organize support for a disabled person. This task should AON m.in.:

- recognize the living conditions of the disabled person and the disease symptoms
- distinguish between types and degrees of disability,
- evaluate the possibilities and limitations of a disabled person under age, physical health, and mental disability
- to organize living environment for persons with disabilities, taking into account the needs and problems
- choose the methods, techniques and tools appropriate for the implementation of planned activities with a person with a disability.

In the analyzed Regulation lists the 17 care activities performed by AON. From this directory, the most important are:

- a) the recognition of a disabled person – the symptoms of psychosomatic disorders – health emergencies and life;

b) compliance with: – the procedures and standards of environmental care, – principles, methods and techniques to perform the duties of nursing and hygiene and the principles of operation of rehabilitation equipment and orthopedic devices; – The principles of cooperation with volunteers;

c) to assist a disabled person – in meeting the physiological needs – running a household, – taking drugs – in the use of health care services – the use of rehabilitation equipment.

On the other hand, activating a disabled person to independence in life, it is to rely, among others:

- initiating and maintaining relationships and cooperation with people from the nearest environment important for a person with a disability
- assistance and providing support to a disabled person in solving social problems and personal
- help a disabled person in the use of equipment and technical assistance to facilitate independent daily activities,
- the organization of free time using the resources of the local environment.

No less important role AON is to support disabled persons in difficult life situations, which should include in particular:

- *the method of integration of persons with disabilities with the local community,*
- *supporting people with disabilities to integrate into society*
- *to assist disabled persons in the performance of social roles*
- *representation a disabled person in negotiations with institutions, organizations, experts and others providing various forms of assistance. This feature combined with the cooperation of specialists in the development of programs to help the disabled person.*
- *Help a disabled person in the use of educational opportunities, vocational guidance, the social assistance*
- *application of the law on health care state law, welfare law, social security and social assistance, the law concerning rights of the disabled person,*
- *help a person with a handicap in dealing with official matters.*

As the analysis of learning outcomes assistant legal person, the assumption the legislature was to create a professional, educated person who will be prepared to work directly with a person with a disability. People / helper to support his ward in every situation.

The purpose of vocational education AON is fact m.in .: assist a disabled person in the use of various forms of comprehensive rehabilitation and the provision of care to a disabled person in terms of personal hygiene and care and help with household.

Without prejudice to the role of the above mentioned operations related to direct care requiring AON especially high physical fitness, it is clear that a more responsible role, the task of which was raised by the legislature to support a disabled person in the pursuit of self-life and to motivate people with disabilities to social activity and professional.

These assumptions noble and beautiful ideas connected with the creation of proper conditions for people with disabilities in their "return" and functioning in the environment, communities, unfortunately, still requires changes in the legal system, mainly changes associated with the creation of the appropriate legal basis for the functioning of the profession AON. In the national legal system, there exist rules posing profession assistant to a disabled person (cited several times already Regulation of the Minister of National Education), while the legal basis for the functioning of the profession derived only from the Act of 12 March 2004. On social assistance (Dz. U 2016.930) , which lists only the development of new forms of social and self-help in the context of the needs identified as one of the forms of social assistance implemented in the framework of the tasks in the field of social assistance (art. 15 in conjunction. with art. 1 of the Act on social assistance). Then, among the duties and responsibilities of municipalities, the Act lists the organization and provision of care services, including specialist in your area (...) – Art. 17 Section 11 of that Act.

Specialist nursing services at the place of residence and support centers, in turn, are one of the types of non-cash benefits available to persons entitled to benefits from social assistance – art. 37 para 2) m. An extension of terms "nursing services" and factual basis for the creation of the profession: assistant to a disabled person, are the regulations contained in art. 50 and 51 of the Act on social assistance. The standards contained in those provisions provide for the possibility of the use of aid in the form of care or specialist care services. They determine the extent of assistance provided in the context of such services, classifying them m.in .: satisfy everyday needs, hygienic care, and where possible, maintain contact with the environment.

IV

Both the analysis of national legislation and monitoring of the AON and all parties interested in the functioning of this "institution" is not optimistic. There is still a lot of neglect and is in the sphere of legal – organizational and cultural-social. These first can be improved – amendment in this area requires minor adjustments to existing laws or create new, not burdened with errors, laws and regulations. This might not be a lengthy process.

However, changes in the social and cultural layers are not so easy process. Even though there are, in principle, the universal phenomenon of disability, are still too

many people have trouble accepting functioning in an environment with people with disabilities. Do not change any of the regulations, no warrants. The change in the approach to persons with disabilities, to bring the institutional assistance to these persons requires a lot of effort in the area of education, mentality, and these are the actions, activities extremely difficult.

Finally, you should have hope that everyone, even the smallest step, the smallest action done to improve the situation of people with disabilities, is not a "waste of energy", and ultimately contribute precisely to the universal acceptance of persons with disabilities, will contribute to the creation of such persons "normal" conditions life.

МОЛОДЕЖНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ: ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

YOUTH EXTREMISM: PECULIARITIES OF MANIFESTATIONS IN MODERN SOCIETY

О.И. Горюнова

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского*

O.I. Gorunova

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Проводится поэтапный анализ развития законодательства в области противодействия экстремизму, который позволяет увидеть и особенности экстремистских проявлений в разные годы российского общества. Делается вывод о том, что молодежный экстремизм является видом экстремизма, наиболее характерным для современного периода.

In this article, a thorough analysis of the legislation development in the field of combating extremism, which allows you to see features and extremist manifestations in different years the Russian society. The author concludes that youth extremism is a form of extremism, which is most characteristic of the modern period.

Ключевые слова: экстремизм, законодательство, противодействие, преступление, история, молодёжь, общество, государство.

Keywords: extremism, legislation, opposition, crime, history, youth, society, state.

Тема исторического развития экстремизма и его проявлений является крайне актуальной и важной. Если исследователю известны основы возникновения того или иного явления, а также этапы его временного и содержательного развития, делать прогнозы на будущее, а также разрабатывать способы, которые бы позволили замедлить процессы распространения такого явления (как в случаи с экстремизмом), значительно целесообразнее и эф-

фективнее. Исследованием развития экстремизма, а также законодательства, которое направлено на противодействие проявлений экстремизма, в настоящее время активно занимаются: В.В. Алдохина, Б.Б. Бидова, С.А. Воронцов, В.А. Пономаренков, Е.П. Сергун.

Рассмотрим процесс развития законодательства, направленного на противодействие преступлениям, которые посягают на основы государственного устройства, целостности государства, а также на права человека и гражданина по признаку его принадлежности к той или иной национальности.

Термин «экстремизм» можно назвать инновацией российского законодательства, так как он впервые используется Законодателем только с 2001 г., а вот явление, которое оно под собой скрывает, в виде угрозы государственному строю, обществу, «великому государю» появилось в зачатках законодательства еще с давних времен.

«Русской Правде» (1019-1054 гг.) как одному из первых правовых сборников Руси, еще не были известны такие объекты посягательства, как государство, защите подлежали только личность и имущество. Однако, в результате кодификации в 15 в. в Псковской Судной Грамоте появилось понятие преступления, под которым впервые стало пониматься причинение ущерба не только частным лицам, но и государству; появился и отдельный состав, который по своей сути и являлся описанием совершения преступления против государства, которое именовалось как «перевет» (измена) (ст.7 Псковской судной грамоты).

Общество развивалось, общественные отношения значительно усложнялись. Все это требовало и нормативно-правового урегулирования вновь возникающих отношений. Огромную роль в обществе и государстве играл прежде всего «великий государь», ввиду чего приходило все большее осознание необходимости защиты сначала каждого конкретного Государя как личности, а затем и самого института власти. Источниками права в период 15-17 вв. являлось великокняжеское законодательство (грамоты, указы), «приговоры» Боярской думы, распоряжения и постановления Земских соборов, различного рода отраслевые акты. Впоследствии начинает осуществляться кодификация, которая рождает общерусские кодексы и значительно систематизирует нормы права. Следует отметить, что нормы уголовного законодательства были закреплены в Судебнике 1497 г. и Судебнике 1550 г. Цели, с которыми создавались вышеуказанные Судебники, были очень понятными. С Судебником 1497 г. полномочия великого князя распространились на всю территорию государства, что безусловно усиливало его власть и позволяло преодолевать феодальную раздробленность. Судебник Ивана IV (1550 г.) упраздняет судебные привилегии удельных князей, увеличивает

роль центральных органов власти, в том числе судебных. Впервые используется понятие крамолы, под которым понимается антигосударственное деяние.

Смутное время утихло, на престол взошла династия Романовых, которая отличается от других, кроме всего, своей активной законотворческой деятельностью в течение всего периода правления. К 1649 г. было издано огромное количество нормативно-правовых актов, которые не только не отличались единообразием и системностью, но и противоречили друг другу.

В 1648 г. в Москве вспыхнул Соляной бунт, в ходе которого восставшие в том числе созыва Земского Собора и разработку нового уложения. Оно было принято в 1649 г.

Следует сказать об Артикуле воинском, первом нормативно-правовом акте петровской эпохи, который был направлен на систематизацию уголовно-правового законодательства. В Артикуле предпринята удачная попытка формулирования терминов, что свидетельствует об отказе от казуальной системы права. За совершение государственного преступления (убить царя или взять его в плен) наказывали четвертованием. Было предусмотрено наказание и за вооруженное выступление против властей. 17 глава «О возмущение, бунте и драке» была посвящена стихийным выступлениям без четкой сформулированной политической цели, за что было предусмотрено наказание в виде повешения.

Последним нормативно-правовым актом дореволюционной России стало Уголовное Уложение 1903 г., в котором свое место занимали государственные преступления, которые можно подразделить на три группы: посягательство на внутренние основы государства, посягательство на внешнюю безопасность государства и посягательство на иностранное государство [1].

Первые шаги послереволюционной России на пути к великой гуманистической цели были сделаны путем закрепления принципа равенства прав граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности в X Конституции РСФСР 1918 г.

Исходя из анализа пункта 22 Конституции РСФСР 1918 г., можно сделать вывод, что для того времени особую важность представляла защита и стабилизация прежде всего национального климата в обществе, о других признаках дискриминации речь еще не шла. Соответственно, в целях защиты конституционных положений были образованы и так называемые в наше время «экстремистские составы».

25.02.1927 г. Постановлением ЦИК СССР было утверждено Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления), которые внесли

значительные изменения в УК РСФСР, благодаря которым были внесены границы и ориентиры борьбы с контрреволюцией [2].

Следующим важным этапом в развитии законодательства в области противодействия экстремистской деятельности стало издание Закона СССР от 25.12.1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления».

В соответствии с Законом СССР от 02.04.1990 № 1403-1 «Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР» преступной признается деятельность всех политических объединение, объединений граждан, массовых движений, созданных и осуществляющих свою деятельность в целях возбуждения национальной или расовой вражды, розни или пренебрежения, применения насилия на национальной, расовой, религиозной основе.

Наиболее важный и проработанный, на наш взгляд, этап отразился в УК РФ 1996 г. Подверглись криминализации преступные деяния, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а также пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации. В последние годы совершено ряд перемен в этом вопросе, но они не имели такого прорывного характера, как ранее описанные. Исходя из проведенного анализа, можно сделать однозначный вывод, что экстремистские проявления являются «верными спутниками» российского общества и государства. На всех этапах своего развития государство различными способами предпринимало попытки сохранить целостность, обеспечить порядок в обществе посредством противостояния государственным изменникам, контрреволюционерам и другим элементам, которые в настоящее время именуется экстремистами. Следует особо отметить, что для описанных периодов характерен, прежде всего, политический экстремизм и не свойственен религиозный или молодежный экстремизм. Да, безусловно, молодое поколение включалось в революционные политические массы, но оно не образовывало такого количества неформальных организаций, большая часть которых направлена на совершение преступных дискриминационных действий. Национал-социалистическая идеология, закамouflированность, наличие большого количества различной атрибутики, распространение посредством сети «Интернет», жестокость и агрессивность, система отношений «свой-чужой» – все это, черты характерные для современных проявлений молодежного экстремизма.

Следует отметить, что каждая историческая эпоха и различного рода политические, экономические, социальные процессы так или иначе являются факторами, способствующими появлению специфических преступных проявлений в экстремистской среде.

Литература

1. Авадилов А.С. Концепции разрушения // Право и безопасность. 2012. №2.
2. Сергун Е.Н. Правовое обеспечение противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. №2.
3. Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект. 1997. 472 с.
4. Пономаренков В.А., Фворский М.Л. Сущностная характеристика современного экстремизма // Юридический мир. 2008. №2.
5. Васькэ Е.В., Куракина О.И. Идеология человеконенавистничества. Психолого-правовой анализ современных проявлений экстремизма // Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского (Право). 2014. №3 (1). С. 228-233.
6. Васькэ Е.В., Куракина О.И. Политический экстремизм: миф или особый путь ведущий к катастрофе? // Вестник Пермского университета (Юридические науки). 2014. №3(25). С. 164-167.

«БАЗОВАЯ ПОЗИЦИЯ МЕДИАТОРА» КАК ТЕХНИКА ВНУТРЕННЕЙ РЕФЛЕКСИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЙ
«BASIC POSITION OF THE MEDIATOR» AS A TECHNIQUE OF INTERNAL REFLECTION IN THE TRAINING FOR SPECIALISTS OF HELPING PROFESSIONS

Е.В. Ершова

*Автономная некоммерческая организация
«Центр медиативных технологий»*

E.V. Ershova

Autonomous non-profitable organization "Center for mediation technologies"

Исследуется комплексное понятие «базовая позиция медиатора» как техника внутренней рефлексии, которая может быть полезна при обучении медиаторов и других специалистов помогающих профессий.

The author explores the complex notion "basic position of the mediator" as a technique of internal reflection. This technique can be useful in training mediators and other specialists of helping professions.

Ключевые слова: медиация, рефлексия, базовая позиция медиатора.

Keywords: mediation, reflection, basic position of the mediator.

Обучение медиаторов, как и специалистов других помогающих профессий, требует особого подхода, а именно – выработки в процессе обучения и со-

вершенствования в дальнейшем культуры отношения к человеку как уникальной системе, которая включает и отношение к себе.

Как отмечает Г.Ф. Похмелкина, «медиация – это, по сути, комплекс рефлексивных технологий конфликтных переговоров, где спорящие стороны с помощью независимого посредника-медиатора сами рефлексивуют возникшие противоречия, вырабатывают решение, создают договоренности, разрешая конфликт. При этом медиатор рефлексивует как позиции конфликтующих сторон, так и сам процесс своего посредничества» [1].

Термин «позиция медиатора» как основной личностно-профессиональный инструмент работы медиатора рассматривается некоторыми авторами в качестве «ценностей, реализуемых в конкретных, в том числе инновационных, способах организации деятельности». Такая трактовка позиции позволяет перенести акцент с ценностного пласта самоопределения на пласт средств и действий. Постигание позиции медиатора – это обучение средствам гигиены социальных отношений. Медиация помогает вычищать отношения от негативных чувств и напряжений, а тем самым – сохранять социальное здоровье [2].

Рефлексия как процесс, присущий человеку и отличающий его от животного мира, исследовалась на протяжении всей истории человечества, начиная с античных времен. Изначально, понятие рефлексии сформировалось и развивалось в рамках философской науки и лишь затем перешло и в психологию.

В настоящее время в зарубежной психологии изучение рефлексии как особой психической реальности выражается в виде двух основных направлений развития взглядов на эту проблему. Первое – как на проблему самоконтроля и контроля деятельности. Второе – хронологически более позднее, берет начало в ранних работах по исследованию мышления в когнитивной психологии. Ее дальнейшее развитие связано с выделением и исследованием процессов, не участвующих непосредственно в переработке информации, а регулирующих ее осуществление, которые впоследствии были обозначены как «метапроцессы». Общий интеллектуальный смысл метакогнитивистского понимания рефлексии выражен в определении Д. Дернара, в соответствии с которым, рефлексия – «это способность думать о своем собственном мышлении с целью его совершенствования» [3].

Анализируя соотношение рефлексии и профессии, можно говорить о профессиональной рефлексии, то есть о рефлексии своей профессиональной деятельности, осознании себя в данной профессии и о рефлексии как о навыке, способствующем успешной работе конкретного профессионала.

Необходимо разграничивать понятия внешней и внутренней рефлексии. Согласно мнению А.В. Карпова рефлексия необходимо дифференцировать по критерию её направленности: в соответствии с этим автор разделяет два вида рефлексии «интрапсихическую» (внутреннюю) и «интрапсихическую» (внешнюю). Первая соотносится с рефлексивностью как способностью к самовосприятию содержания своей собственной психики и его анализу, вторая со способностью к пониманию психики других людей, включающей наряду с рефлексивностью как способностью «встать на место другого» также и механизмы проекции, идентификации, эмпатии [4].

При проведении процедуры медиации для специалиста важны оба вида рефлексии, но в рамках данной статьи мы исследуем именно внутреннюю рефлексия.

Внутреннее состояние медиатора, находящегося в процедуре, включающее в себя рефлексия своих эмоций, своего отношения к данному конфликту и к конфликту в целом, рефлексия сохранения желания понять стороны, а не изменить их ситуацию, рефлексия нейтральности своей позиции и уважения и принятия позиции каждой из сторон мы будем называть «базовой позицией медиатора».

В целом работа практически всех представителей помогающих профессий во многом связана с зоной конфликта – как внешнего, так и внутреннего, и путь его урегулирования требует от специалистов соответствующих изменений в своей личности, поэтому все, что мы будем называть «базовой позицией медиатора», относится и к другим представителям помогающих профессий.

Рассмотрим более подробно ее компоненты.

При обучении специалистов помогающих профессий нам представляется важным развитие эмоционального интеллекта специалистов как компонента «базовой позиции медиатора». Эмоциональный интеллект включает в себя четыре компетентности: умение осознавать свои эмоции; умение осознавать эмоции других; умение управлять как своими эмоциями, так и эмоциями других людей [5]. Рефлексия своего эмоционального состояния позволяет медиатору, а также любому специалисту помогающих профессий избежать профессионального выгорания и эффективней выполнять свою работу.

Не менее важна рефлексия медиатора своего отношения к конфликту: медиатор воспринимает конфликт как неотъемлемую составляющую человеческого бытия и должен не просто достойно выдержать его, а искренне считать, что стороны могут использовать конфликт для улучшения своей жизни [6]. Занимая позицию «ухода» от конфликта, мы становимся его жертвой, занимая позицию «борьбы» в конфликте, мы становимся агрессорами, занимая

позицию «судьи», мы становимся спасателями. Любой из этих вариантов – тупиковый для психического и профессионального развития представителей помогающих профессий. Если не заниматься и не исследовать конфликт, он поглощает нас и подчиняет. Это касается как внешних, так и внутренних конфликтов. Конфликт заставляет нас думать, чувствовать и говорить в рамках жесткой дихотомии: прав – неправ, выиграл – проиграл. Такая позиция рождена так называемым «конфликтным мышлением», которое, по сути своей, является ригидным и бескомпромиссным. Противоположностью «конфликтного мышления» будет «творческое мышление», которое расширяет возможности специалиста в его помощи другим людям [7].

Жить качественно, с точки зрения медиации, – это уметь находиться в конфликтах: взаимодействовать с другими людьми, невзирая на конфликты. Медиация не преодолевает конфликты, не проводит профилактику конфликтов. Медиация – это способ согласования интересов, которые всегда потенциально конфликтны [8].

Одними из базовых принципов медиации являются принципы нейтральности и уважения (принятия). Нейтральность медиатора – это умение не становиться на чью-либо сторону, не оценивать позиции, высказанные клиентами. При этом не менее важно соблюдение принципа уважения и принятия, который позволяет медиатору оставаться заинтересованным в позициях и интересах, транслируемых людьми, а не отстраненным наблюдателем. Рефлексия себя и того, как он относится к информации, которую сообщают конфликтующие стороны, насколько она близка или далека личному мировоззрению и жизненному опыту медиатора, позволяет ему оставаться в рамках данных принципов и вовремя устранять их нарушения в своей работе.

Четвертый компонент базовой позиции медиатора видится нам в изначальном стремлении медиатора понять стороны, а не изменить их ситуацию или помочь решить их конфликт. Понять стороны – значит понять, какие глубинные их интересы и потребности были нарушены и привели к данному конфликту. Это умение медиатора, опираясь на позиции, заявляемые сторонами, слышать за ними истинные интересы и потребности сторон. Понимая истинные потребности и интересы каждой из сторон, медиатор способствует их объединению, переходу от «демонизации» своего противника к диалогу.

Вводя «понимание» как компонент базовой позиции медиатора, мы, прежде всего, опираемся на подход, разработанный Гери Фридманом и Джеком Химмельстайном и называемый ими «подход, основанный на понимании или понимающий подход в медиации» [6].

Ценностью данного подхода является то, что нахождение выхода из создавшейся ситуации конфликта приходит тогда, когда стороны сами начина-

ют осознавать, что составляет сердцевину, сущность их спора, достигая, совместно с медиатором, всей широты и глубины понимания себя, своего оппонента и ситуации в целом, что приводит к полному исчерпанию конфликтной ситуации, а не решению её только на внешних позициях.

Обучение и формирование «базовой позиции» и устойчивого навыка рефлексии у специалистов помогающих профессий нам представляется наиболее эффективным через практикоориентированное обучение с акцентом на личностной проработке и опыте самопознания. Преподаватель (тренер) в этом случае не просто дает образец действий и знания, но и отслеживает, как они интегрируются во внутреннем мире ученика, формируя его профессионально-личностную позицию. Как отметил Йозеф Дусс-Фон Вердт, один из самых авторитетных европейских экспертов-медиаторов, много лет практикующий и создающий системы образования: «Медиация – это не простое дело. Она и не просто «процесс». Медиация – это определенный способ (экзистенциальный) Встречи людей, в которой в качестве результата может появиться понимание и взаимное согласие... тренируя действия в медиации, не её сущность (бытие), и сама личность отступает на задний план... однако, освоение медиаторской деятельности требует как тренировки умений пользоваться инструментами, так и тренировки личности в равной мере» [9].

Все это, на наш взгляд, в полной мере относится к обучению представителей всех помогающих профессий, чей труд сложен и эмоционально насыщен именно из-за постоянной работы в зоне человеческой боли и конфликтов.

Литература

1. Похмелкина Г.Ф., Семенов И.Н. Рефлетехнологии медиации в современной зарубежной практической психологии и конфликтологии // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2008. Т. 5, № 1. С. 122-123.

2. Герда Мета, Похмелкина Г.П. Позиция медиатора – главный предмет освоения в образовании медиаторов // Современные направления развития педагогической мысли и педагогики И.Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-3 июня 2009 г., г. Пермь).

3. Троянская А.И. Профессиональная рефлексия личности в мире этнической культуры, Ижевск. 2011 г.

4. Карпов А.В. Рефлексивность как психическое свойство и методика её диагностики // Психологический журнал. Т. 24. № 5. 2003. С. 45-57.

5. Шабанов С., Алешина А. Эмоциональный интеллект. Российская практика // Москва. 2014 г. С. 34.

6. Фридман Г., Химмельстайн Д. Вызов конфликту. Понимающий подход в медиации // Москва. 2014 г. С. 9-30.

7. Стресстер Ф., Рендольф П. Медиация: психологический взгляд на разрешение конфликтов // М. 2015 г. С. 22-23.

8. Герда Мета, Похмелкина Г.П. Позиция медиатора – главный предмет освоения в образовании медиаторов // Современные направления развития педагогической мысли и пе-

дагогики И.Е. Шварца. Материалы международной научно-практической конференции (1-3 июня 2009 г., г. Пермь). С. 249.

9. Похмелкина Г.Ф. Освоение позиции медиатора в специальной системе профессиональной подготовки // Збірник наукових праць КПНУ імені Івана Огієнка, Інституту психології ім. Г.С.Костюка НАПН. України Проблеми сучасної психології. 2011. Випуск 11.

**ИНСТИТУТ ПРАВОСУДИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ
АФРИКАНСКОГО СОЮЗА
THE INSTITUTE OF JUSTICE OF AU**

К.И. Журу

Гренобльский Альпийский Университет, Франция, Республика Руанда

C.I. Joru

University Grenoble Alpes, France, The Republic of Rwanda

Автор статьи, беженец из Республики Руанда изучает вопросы прав человека и указывает на позитивные тенденции в реализации задач защиты прав человека в африканских государствах, подписавших учредительный акт Африканского Союза. Раскрываются история создания, нормативные документы, а также цели, задачи и компетенция африканского суда справедливости и прав человека.

The authors point to positive trends in the implementation of the tasks of human rights protection in African States signatories of the constitutive act of the African Union. The article describes the history of creation, regulations, and goals, objectives and competence of the African court of justice and human rights.

Ключевые слова: Африканский Союз, институт правосудия, африканский суд справедливости и прав человека.

Keywords: African Union, Institute for justice, the African court of justice and human rights.

В современном многополярном мире важную роль стали играть организации и объединения, которые в прошлом столетии не были значимы на международной арене. Изменения на мировой арене, которые произошли в последние десятилетия, повлекли за собой возникновения новых государств, новых международных организаций, новых тенденций в международном праве. Если ранее африканские государства не изучались в качестве самостоятельных акторов в международных отношениях, то сейчас совершенно необходимо взглянуть на африканские государства более пристально. Необходимо понимать, какие тенденции господствуют на африканском континенте, какие организации имеют авторитет и реальное влияние, какие перспективы сотрудничества, в том числе и в правовой сфере, могут быть интересны для нашей страны.

Изучая институт правосудия как важнейший институт организации Африканского Союза необходимо вначале пояснить, что Африканский Союз – это совершенно новое явление на политической карте мира. Он функционирует с момента вступления в силу его учредительного договора – учредительного акта Африканского Союза. Сам Союз и его правовая система являются совсем молодыми образованиями. Несмотря на то, что Союз стал правопреемником бывшей Организации африканского единства, он только что начал развивать свою интеграционную политику с создания органов континентального масштаба.

Устав предшественницы Африканского союза – Организации африканского единства – предусматривал создание Комиссии по посредничеству, примирению и арбитражу для реализации цели мирного разрешения споров между государствами-членами¹. Учредительный акт Африканского союза предусмотрел создание судебного органа – буквально "Суда справедливости Союза", статус и компетенцию которого планировалось определить отдельным протоколом².

Государства Африки приняли два Протокола о создании двух судебных органов: Африканского Суда по правам человека и народов³ (был принят в 1998 г., вступил в силу в 2004 г.) и Суда (буквально "Суда справедливости") Африканского союза (принят в 2003 г., вступил в силу в 2009 г.). На основе еще одного Протокола, принятого в 2008 г. в Шарм-эль-Шейхе, два судебных органа должны быть объединены в один – Африканский суд справедливости и прав человека. Этим же Протоколом, который должен вступить в силу после 15 ратификаций, утверждён и Статут суда. Таким образом, в перспективе Африканский суд справедливости и прав человека должен совместить функции главного судебного органа международной организации и международного суда по правам человека в рамках этой организации.

Согласно п.1 ст.3 Приложения к Статуту африканского суда справедливости и прав человека, Африканский суд состоит из 16 судей – граждан государств-участников. Исполнительный совет, состоящий из министров иностранных дел или других министров либо представителей власти, назначенных правительствами государств-членов, избирает судей¹, а затем Ассамблея

¹ Статья 19 Устава Организации африканского единства.

² Статья 18 Учредительного акта Африканского союза.

³ Текст Хартии был принят и открыт для подписания 27 июня 1981 г. на 19-й сессии Ассамблеи глав государств и правительств ОАЕ, проходившей в г. Найроби (Нигерия). Рассматриваемый договор вступил в силу

¹ Статья 10 Учредительного акта Африканского союза.

– верховный орган Союза, состоящий из глав государств и правительств или их представителей, назначает избранных судей Африканского суда².

В целях проведения выборов составляются два списка кандидатов в алфавитном порядке: список А включает имена кандидатов, имеющих признанную компетенцию и опыт в международном праве, список В – имена кандидатов, обладающих признанной компетенцией и опытом в сфере права прав человека. На первых выборах должны быть избраны 8 судей из первого списка и 8 судей – из второго. Важно отметить, что в состав суда не могут быть избраны два кандидата от одного и того же государства. В противном случае избирается самый старший из кандидатов.

Суд Союза является главным судебным органом Африканского союза и имеет собственную предметную юрисдикцию/компетенцию. Предметная юрисдикция Африканского суда включает все дела и все правовые споры, переданные ему в соответствии с этим Статутом, которые касаются:

- толкования и применения Учредительного акта;
- толкования, применения или действительности других договоров Союза и всех вспомогательных правовых актов, принятых в рамках Союза или Организации африканского единства;
- толкования и применения Африканской хартии, Хартии прав и благополучия ребенка, Протокола к Африканской хартии о правах человека и народов о правах женщин в Африке или любого другого касающегося прав человека правового документа, ратифицированного заинтересованными государствами-участниками;
- любого вопроса международного права.

Учитывая, что африканские государства не имеют длительной истории развития демократических институтов, их опыт в этом деле весьма не велик, приходится констатировать, что ожидать масштабной интеграции африканских государств, даже в области правовых институтов, в скором времени не приходится. Тем не менее, наметившиеся тенденции в области правосудия, защиты прав человека в Африканском союзе можно оценить как положительные и перспективные в плане сотрудничества и в целом в развитии социальной жизни народов Африки.

Литература

1. Устав Организации африканского единства [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://au.int/en/organs/cj>. (Дата обращения: 29.09.2016).
2. Учредительный акт Африканского союза [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.state.gov/p/af/rt/acota/>. (Дата обращения: 29.09.2016).

² Статья 6 Учредительного акта Африканского союза.

**СОДЕРЖАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ
ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ
THE CONTENTS AND PRACTICAL APPLICATION
OF MEDIATION PROCEDURE**

Н.А. Лимкина

Научный центр социально-экономического мониторинга, г. Саранск

N.A. Limkina

Scientific center for socio-economic monitoring, Saransk

Рассматривается проблема внедрения медиации в практическую деятельность при разрешении споров, возникших из гражданских правоотношений, профессиональные компетенции медиатора.

The article is devoted to the problem of mediation in practice in the resolution of disputes arising from civil legal relations, the professional competence of the mediator.

Ключевые слова: процедура медиации, медиатор, медиативные технологии, правовой спор, примирительная практика.

Keywords: mediation, mediator, mediation technology, legal dispute, conciliation practice.

Медиация – это внесудебный способ урегулирования правовых споров с использованием специально обученного посредника. Применяется к спорам, возникшим из гражданских правоотношений, связанным с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также спорам, возникающим из трудовых и семейных правоотношений. Не применяется к коллективным трудовым спорам, а также в случае, если споры, связанные с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, возникающие из трудовых и семейных правоотношений, затрагивают или могут затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, или публичные интересы. Апробация медиативных технологий принесла положительные результаты в Австрии, Великобритании, Германии, Китае, Индии, США, Японии и других странах.

Появление медиации в российской практике во многом связано с необходимостью облегчить нагрузку судов различных уровней за счет дел, где стороны могут принять определенное добровольное соглашение, договориться во внесудебном, досудебном порядке или в рамках уже начавшегося судебного процесса.

Нормативным правовым основанием для внедрения в практику процедуры медиации стало принятие Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ

«Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступившего в законную силу 1 января 2011 г. [1].

Процедура медиации строится с учетом принципов: *добровольности*, позволяющей при заключении соглашения максимально учесть все претензии сторон; *конфиденциальности*, означающей отсутствие публичной огласки обстоятельств возникшего конфликта интересов; *беспристрастности и независимости медиатора*, полной объективности, выражающейся в отсутствии заинтересованности в выигрыше одной из сторон; *сотрудничества и равноправия сторон* на всех стадиях проведения процедуры разрешения конфликтной ситуации.

Медиация во многом схожа с судебной процедурой: организуются переговоры сторон, проводится анализ представленных позиций, выясняются причины возникшего конфликта, рассматриваются варианты возможных решений, достигается договоренность, подписывается соглашение. Особенностью проведения процедуры является отсутствие клише даже по делам одной категории. Переговорный процесс направлен на всестороннее изучение и соблюдение интересов сторон.

Для начала процедуры требуется заключить соглашение о проведении медиации, в котором прописываются: предмет спора; организация или медиатор(ы), предоставляющие услугу; порядок и сроки проведения медиации; условия оплаты расходов. Медиация может проводиться как платно, так и бесплатно, при втором варианте – очевидна финансовая выгода в отличие от судебного разбирательства.

Успешное проведение процедуры медиации (сроки и качество) напрямую зависит от личности, квалификации и опыта медиатора. Медиатор – одна из зарождающихся в нашей стране помогающих профессий. Деятельность медиатора может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Осуществлять ее на непрофессиональной основе могут дееспособные и несудимые граждане, достигшие возраста восемнадцати лет; на профессиональной основе – лица, достигшие возраста двадцати пяти лет, имеющие высшее образование и получившие дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации.

Медиатор не обязательно должен быть юристом, может являться представителем любой другой профессии (педагогом, психологом, социальным работником и т.д.). Грамотный специалист в данной области знает, в каких случаях при проведении переговоров правильно занять нейтральную, помогающую или директивную позицию. Кроме того, медиатор должен уметь работать в рамках процессуального законодательства, взаимодействовать с судами, адвокатами, нотариусами, другими структурами; оформить медиативное

соглашение с учетом требований законодательства, а также правил юридической техники.

При разрешении гражданских споров помощь медиатора требуется в ситуациях, когда: 1) обе стороны не желают эскалации конфликта; 2) судебное решение для участников бесперспективно; 3) отсутствуют финансовые средства на оплату судебных издержек; 4) не устраивают длительные сроки рассмотрения дела в суде; 5) имеются обстоятельства, которые граждане не желают предавать публичной огласке, 6) необходимо поливариативное решение, неограниченное предметом и основанием судебного иска. Кроме того, медиатор зачастую необходим в политической сфере (религиозные, межгосударственные конфликты) и межкультурных спорах (конфликты этнических групп, общинной группы) [2].

Анализ практического применения примирительных процедур, проведенный Верховным Судом РФ, позволяет сделать вывод о недостаточном организационном оформлении возможности получения данного вида помощи (отсутствуют примирительные комнаты в здании судов, подготовленные медиаторы, необходимая информация для граждан и т.д.) и слабой популярности медиации у населения Российской Федерации. По состоянию на четвертый квартал 2014 г., более чем в 60 субъектах Российской Федерации были созданы организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации [3]. За период с 2013 по 2014 гг. медиация после возбуждения производства по делам, рассматриваемым судами общей юрисдикции, использовалась только в 24 регионах, а после возбуждения производства по делам, рассматриваемым арбитражными судами, в 15 регионах. При этом медиаторы для проведения процедуры медиации непосредственно в здании суда привлекались судами общей юрисдикции в 14 регионах, а арбитражными судами – в 7 регионах.

Своеобразным «минусом» медиации, в связи с которым она еще недостаточно распространена в России, является добровольность исполнения сторонами принятого медиативного решения. Процедура не предусматривает наличия судебных приставов, которые заставят стороны выполнить принятые обязательства. Только от личного желания и добросовестности зависят мера и сроки исполнения достигнутого медиативного соглашения. Парадигма «строгость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» для российского менталитета является исторически сложившейся чертой, поэтому часть прошедших через медиацию граждан не выполняют условия достигнутых соглашений, конфликт интересов усиливается, что приводит к обращению в судебные инстанции или возобновлению судебного разбирательства.

Помимо указанного выше, распространению медиации также препятствуют: отсутствие информации о примирительных процедурах, отсутствие обученных специалистов в данной области, высокая степень конфликтности граждан при обращении в суды (особенно – по семейным вопросам), боязнь адвокатов потерять деньги из-за примирившихся клиентов, отсутствие или низкий уровень правовой культуры и грамотности.

В регионах России положено начало формированию опыта применения медиации. Успешно используются медиативные технологии в Москве и Московской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области, Алтайском крае, Владимирской, Воронежской, Липецкой, Нижегородской областях, Пермском крае, Саратовской, Свердловской областях и ряде других регионов. Медиация в Республике Мордовия находится на этапе становления. В настоящее время функционирует Ассоциация медиаторов РМ, созданная на базе коллегии адвокатов «Региональная правовая защита» Адвокатской палаты РМ. Проведено профессиональное обучение медиаторов из числа высококвалифицированных юристов. Существует возможность получения услуг медиаторов не только на платной, но и на бесплатной основе (т.н. «социальная медиация»). На сайте Верховного Суда РМ заработал специальный подраздел «Медиация. Примирительные процедуры». Есть и первые положительные результаты: урегулированы с применением медиативных технологий правовые споры в области страхования, финансово-банковской сфере, семейно-брачных отношений; элементы медиации применялись в уголовном судопроизводстве. При этом население еще очень мало осведомлено или вообще не знает о примирительной практике.

Популяризации использования процедуры медиации при решении гражданских споров в нашей стране будут способствовать:

- повышение уровня правовой культуры и грамотности населения РФ;
- проведение рекламных компаний в СМИ, информационной работы с населением через сайты различных организаций (обязательно – с демонстрацией положительных результатов);
- организация обучающих мероприятий и научные публикации по данной тематике.

Литература

1. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».
2. Митрофанова С. Медиация — мирное урегулирование конфликтов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.trainings.ru/library/exclusive-copy/?id=14183>. (Дата обращения: 13.05.2016).

3. Справка о практике применения судами Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» за период с 2013 по 2014 год (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 1 апреля 2015 г.). [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант».

АДВОКАТСКАЯ ПОМОЩЬ В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ В АЛЖИРЕ **A LAWYER'S ASSISTANCE IN SOCIAL WORK IN ALGERIA**

Хаддад Эльхади

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского

Haddad Elhadi

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod

Раскрываются особенности деятельности адвоката в государстве Алжирская Народная Демократическая Республика. Анализируются нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность адвоката, требования, предъявляемые к профессии адвоката, статус адвоката, его роль в социальной жизни алжирского общества.

The paper describes specifics of a lawyer's work in People's Democratic Republic of Algeria. It analyzes legal documents regulating the activities of a lawyer, requirements for the legal profession, the status of a lawyer, his role in a social life of Algerian society.

Ключевые слова: адвокат, юридическая помощь, социальная работа, права и обязанности.

Keywords: lawyer, legal aid, social work, rights and duties.

By training within a firm of LAWYER, we can see from this training that counsel participates in the Administration of Justice as Assistant, it proposes its activity, these legal knowledge and these talents to the service of his client, threatened in his family or his property.

The lawyer is an independent agent, how is not following anyone initially, he is responsible on all his acts because of his career his conscience and his colleagues.

And my interest has focused on the legal framework and organization of the legal profession.

Act No. 91/04 of 01/08/1991, containing of the profession of lawyer and the decision of the Department of Justice of 09/04/1995, containing the rules of procedure of the legal profession approved.

Exposure to the profession of lawyer in this research revolves around the meaning of the profession of lawyer and how the join, the duration of the internship and the duties of the trainee.

Secondly, to put light on the regulation of the legal profession and the beginning, so it's to highlight the need to join the order of lawyers, and what are his functions (assistance and representation) and describing the rights enjoyed by the lawyer in exercising the profession of lawyer.

Thirdly, it was explain the duties of the lawyer to his client as defined by the Legal Procedures, and describing the relationship of the Lawyer with his colleagues, the organization of the lawyer and the judges, then Fourthly: Fundamental Law of the profession of lawyer in Algeria.

And, finally the role of the profession of lawyer in the society.

1. *What is the legal profession and joining it?*

1.1. *Definition of the legal profession*

The legal profession is a free and independent profession, the term lawyer is given has a person holding a certificate of right or a recognized foreign certificate equivalent to the right certificate, or a Certificate in legal profession legally registered with the commission of Jurists, after the oath...

The profession of lawyer is to provide advice and legal advice, help the representation of opponents and ensure their defense, presents requests and pleadings and discussions before the judicial bodies necessarily in Arabic.

The Council is one of the members of the judicial body, and not a public servant exercises a liberal profession, lawyers are related to their customers with a rental contract and power of attorney at the same time.

Finally the lawyers belong to the Organization of the Lawyer.

The organizations of lawyers are numerous and independent but only the National Union for the organization of lawyers gathered all of them, it is composed of:

A. *The General Assembly of the Organization:* and composed of all the lawyers, including trainees and meets each year under the presidency of the President of the bar.

B. *Council of the Organization:* composed of members elected for a period of 03 years, elected by the General Assembly in the election of Sri Eve of the Council for the protection of the moral and material interests of lawyers is composed of 15 members, if this number exceeds 300, then 2 members (02) of 80 members , so that the number will be 31 members.

C. *The President of the Bar:* it is elected by the application of lawyers under the chairmanship of the member the most seniority, it is after three days after the election of the Council of the organization of lawyers, the absolute majority to the 1st and the relative majority on 2nd.

And the President of the Bar can be elected from any lawyer of seniority of 7 years (07) at least of the practice.

And the President of the Bar has several responsibilities: a position of the Presidency, a post of judge of instruction, the function of the internal management, of the function of the judicial representation, the function of the representation in the celebrations, the positions of the professional education and a position of the reform between the lawyers, the position to defend the interests of the profession in general.

Conditions To Join The Legal Profession

The conditions required for the accomplishment of this profession are many and are intended primarily to provide everything that would be of a nature to ensure the interests of justice to the better and are contained in the Regulations to the Act 91/04, in date of 18/01/1991, are the following:

- Be Algerian, except as provided for in the judicial conventions between the foreign countries.
- The holder of a certificate of Rights and the professional skills of start of lawyer.
- Do not have justification expelled or of prevention to begin the profession.

Internship and procedures.

• *Procedures:*

Once the required conditions, the lawyer of the formalities necessary to become a lawyer trainees and boils down to:

1. The request and the folder one month before the special session of the acceptance of trainees, the folder of the following documents:

- ✓ certificate of rights
- ✓ Certificate of Approval of the profession of lawyer
- ✓ a nationality certificate
- ✓ Certificate of residence
- ✓ A Certificate of Internship to the lawyer
- ✓ Declaration of honor of the independence of the administration
- ✓ Four (4) of Photographs of identity.

1. The deliberations of the Council of the bar and of the decisions that could be taken to the acceptance or rejection of a candidate of the Section and of training.

3. Delivery of oath: when the report of the Council of the bar to accept the candidate must oath to become a service of council and his profession associated with public services.

According to the law 91/04 article is (*i swear by Almighty God that I accomplish my work fairly and squarely and to maintain the traditions of trade secrets and the noble goals and to respect the laws*).

4. Registration on the list or the formation of the body of lawyers so that they can directly start the profession and plead, the submission to the professional con-

trol and oral procedure is governed by the professionals of the Council of the organization of lawyers.

- *Training:*

Obligations of counsel trainees are:

- Training: will last for the duration of the training is of more than nine months, is to draw the appropriate lessons, and appoint lawyers of automatic defense of certain questions and to attend hearings of the Courts and Councils.

- Exemption from practice: The judges who have begun seven years ago the justice; or PHD Professional and law professors for seven years.

- The need of vocational training: contains the pleadings, lessons from conferences on the system of the profession training methods to the Office of counsel and difference to the courts and of judicial councils to follow the meetings.

Obligations of counsel trainees and Their Rights:

The duties of the profession such as honesty and ethics and the obligations toward his colleagues, and they have the respect of seniors imitate and follow their advice.

The trainees will pay an annual subscription to an account linked.

The trainee lawyer it the right to:

- Election: electors could be article 28 of Act No. 91/04.

- Prohibit the trainee to open an office independent rule 25 of the rules of procedure before the end of his training.

2. *Start the legal profession*

2.1 *Join an order of lawyer*

If the lawyer has completed the training and wanted to save its name in the list of lawyers as follows:

- Send a request to the President by the trainer of Director.

- The Council of lawyers shall take a decision on the basis of the report of the Director of the training.

- Communication of the decision concerned.

If the report of the Director of the training is favorable for the trainee, the Council decides to accept the new counsel after nine months.

After completion of formalities, the tables are placed.

The Table is a List of lawyers in other trainees and includes the names by order of seniority placed at the beginning of each year legal, by the Council of the order.

Its preparatory work is done in the judicial access, cancel the names of lawyers who have not taken into account, and which is death and the accepting and insert the names new lawyers.

Roles of counsel

✓ *Help*

The capacity to provide advice, guidance and assistance also representation the opponents and defend them.

It helps people in difficulty with this professional knowledge, and helps his client before the civil courts.

Amendment of articles on behalf of opponents.

The help of the lawyer to its customers is limited to three things:

1-Oral reference and written reference.

2-reform between opponents and argument.

3-assistance during criminal issues, attend to their customers in the course of the search procedure in criminal cases and offenses.

✓ *Representation:*

The representation is necessary, the lawyer is mandatory before the Supreme Court, as well as to the Criminal Court, and opponents can defend themselves before the courts.

Assigning a lawyer has for the purpose not only to defend one of the adversaries but also defend these interests. It is not limited to the Help but to represent. Therefore the lawyer is as an acting appointment has one of the opponents so the lawyer must attend meetings and do what must be done.

With this title he has the right to make any necessary procedure for the trial.

Rights of counsel

The profession of lawyers provides their owners the following rights:

- The right to the title of lawyer.
- The right to wear civilian uniforms.
- Immunity defense and freedom of thought and act in any professional independence.

- Right to take the costs of the work

- Right to hang in front of his office a poster marking its title and his career

- The right to print the paper, letters and envelopes bearing his name and the profession

3. *The obligations of the counsel and his relationships*

3.1. *Obligations of the lawyer toward customer*

✓ *The lawyer's obligations toward himself:*

- The truth, the lawyer has to be honest and a place of absolute confidence rather with his clients or his colleagues in the eyes of the judges, and have a professional conscience, making him works on the best ways wail he is in the public service.

- Sincerity and Moderation: defending the widows and orphans, and the determination of the amount of the payment according on what is the status of his client family social.

- Probity and civility: Lawyer are be straight ambience in his work, and take into account the arts in his positions and his indications and words in the court.

- Human Dignity: Lawyer has to live in dignity and thus avoid untried bad people and take out loans from the people and gambling and other things that affect his reputation and the people of the profession.

- ✓ *The duties of the lawyer toward his client:*

- Honesty and sincerity in defense of the issues entrusted to him.

- No counsel seeks behind customers but patience in his office until the destination – especially if he got the reputation of Fame.

- Avoid addressing funds on behalf is credited to the client.

- The lawyer has to maintain professional confidentiality toward his client.

The relations of the counsel :colleagues, the Organization, and the Commission of judges

The lawyer has two types of relations with his colleagues, one personal and the other is with the organization of lawyers.

- ✓ *The relationship with his colleagues:*

- Bond of Profession: it imposes ethical and Professional duties.

- Ethical duties: lawyers must have together a nice respectful relationship.

- during the professional life be of great ethical and civility, avoids the hostile attitudes and the reference to the colleague

- If a lawyer is died the rest have to show there solidarity, so the head board and the lawyers must make the funeral until the cemetery.

- Respect for the clients, because it avoids potential lawyer hunt down my client his colleagues to assume their cases must know his colleague.

- The truth in the debate.

- Handing over documents and exchanging lawyers files, documents and if the documents are received then his is responsible.

- ✓ *Lawyer relationship with the Organization and its representatives:*

Respect and kindness and discipline: that relationship belongs to the necessities of the internal management and discipline, and should be made of respect, kindness and unity of lawyers and their power is attached into the member discipline, and the members of the Organization that ensure the sustainability of this unit.

And that's why it have to be an imposing authority head board power manifests itself as the family man,

So any word or attitude by any lawyer hurts his authority is professionally breach can cause a bad tracking disciplinary board.

- ✓ *The lawyer relationship with the judges:*

The lawyers as assistants to justice must insist on the functioning of the judicial reformer manner.

The rights and duties of judges:

- The speed and accuracy and requested the postponement for personal reasons they are required to contribute to public services, and prepare pleading, if they knew the date of issue and avoid the postponement request without lawful justification.
- integrity, respect during the meeting, he must respect the law and the public authorities and the judiciary,
- When the judges entry the Court the Council must stand up, as well as to listen to resolutions on issues of someone.
- If he plead outside judicial constituency must visit of the President of the Council and the attorney general before entering the court.
- Visit the judges and speeches between their hands on the occasion of celebrations of the Mission regarding the opening of the judicial year.
- Moderation in the debate: either the pleadings before the Court or the written articles, because it avoids potential length and digressing pleading.
- The meeting incidents: the counsel to avoid shell justice raises disturbing incidents, and lawyers from creates turbulence during the meeting targeted testify and movements the prestige of the judges in the eyes of the public.

4. The Basic Law of the Algerian legal profession

Law No 91-04 dated 22 Muharram 1411 General 8 March 1991 organizes legal profession that the President of the Republic,

On the basis of the Constitution, particularly articles 31-32, 115, 130, 142,

Under order number 66-155 of 18 zero in 1386, 8 June 1966 containing the code of civil procedure as amended and supplemented.

Under order number 66-155 of 18 zero in 1386, 8 June 1966 containing the code of criminal procedure, as amended and supplemented.

Under order number 66-155 of 18 zero in 1386, 8 June 1966 enacting the Penal Code, as amended and supplemented.

Under order number 75-58 of 20 Ramadan in 1395 h 26 July 1975 containing the civil code, as amended and supplemented.

Under order number 75-61 of 20 Ramadan in 1395 h 26 September 1975 containing the organizing profession.

As passed by the national people's Congress.

Issued the following law:

4.1. General provisions

**The first article /free and independent profession law firm working to respect rights of defense, and contribute to justice and ensure respect for the principle of the rule of law and defend citizen's rights and freedoms.*

*Article 2 /defense and representation and assistance to Justice Counsel party liability under the provisions of this law and the provisions of the legislation in force.

*Article 3 /submissions and arguments and discussions before the judicial authorities in Arabic and Juba.

4.1. The functions of the counsel

*Article 4 /Counsel provides advice and legal advice, assistance and representation of liabilities and ensures their defense.

And in the same window except the exception provided for by the legislation in force to intervene in every action and every judicial measure.

His play all stabbed and that pays or receives the amount with the exoneration and give approval or acknowledgement of the release, and in General to other businesses including waiver and recognition of a right.

Seeks to accelerate the action of executing court decisions, and for this purpose he may conclude all contracts and formalities necessary to that end.

And relieved from providing any power.

*Article 5 /a lawyer registered in the Organization table referred to in article 7 of this law to cross the national territory practicing all judicial and administrative and disciplinary and judicial bodies except stipulated in special provisions.

*Article 6 /of counsel may foreign organization taking into account the provisions of international conventions and traditions of the profession, to help defend the liabilities represents an Algerian judicial authority having authorized specifically by the local bar association and then to choose a lawyer's Office exercised based on the competence of the Judicial Council.

This license is revocable by the same shapes at any stage of the case.

4.1. Registration

*Article 7 /a way to take to himself a title lawyer was not listed in the table of Organization for lawyers under penalty of sanctions provided for in article 243 of the Penal Code.

*Article 8 /Counsel to take an Office in the jurisdiction of one of the tribunals.

It is not permissible for him to take another Office to any address, and cannot is pleading before lineup lawsuit where a wife or relative or brother-to the second degree as a judge

*Article 9 /everyone who fulfills the following requirements to register in the table of Organization for lawyers:

1. To be of Algerian nationality taking judicial conventions.
2. To be at least 23 years old.
3. To be in possession of a Bachelor in law or Bachelor of Islamic law when neutralized or doctorate in law.

4. To be in possession of a certificate of competence for the legal profession in accordance with article 10 of this law.

5. Enjoy civil and political rights.

6. Must not have been convicted of dishonourable punishment.

7. Must not have a hostile behavior to wire the first revolution of November 1954.

8. To allow his health to practice.

9. To be of good behaviour.

*Article 10/ subject to the provisions of the third paragraph of article 9 of this law, the certificate of the legal profession across all rights institutes who choose this profession.

The study lasts one academic year, and is in the form of tutorials and lectures and practical exercises.

Registration is at the beginning of each school year for those without a competition or test.

The study ends with a normal exam and recognizes its impact to certificate of successful legal profession.

Determines the joint organization between the Justice Minister and Minister in charge of universities teaching methods and programs.

*Article 11/exempt from certificate for the legal profession provided for in article 9-4:

A-Judges who have seven (7) years of seniority at least.

B-Doctorate holders' rights.

C-Law schools teachers who have the seniority of five (5) years, at least.

D-Employees of public institutions and management civil and military who have exercised during ten (10) years, at least in the public interest.

E-Sons of Mujahedin, martyrs.

*Article 12 /Decision of the Council of each organization lawyers once every four months in requests for registration, accompanied by all the required documentation to the head of the lawyers during the at least one month before the session of registration separates in demand in the first session following the registration process.

A decision of the Council of the organization of lawyers combined with a copy of the file within fifteen (15) days to the Minister of Justice and to the concerned in the same term and a copy of the resolution to the director of the training.

*Article 13/ when the Security Council decides lawyers organization express the candidate, it must be the latter after surrender from captain lead before the Judicial Council of the Chamber appointed by his residence where the following oath read:

"I swear by God Almighty discharge my business honestly and honor, and preserve the secret of the profession and its traditions and its noble objectives, and to respect the law"

*Article 14 /alternate in bar table once enrolled at the beginning of each judicial year by the FAO Council and filed faithfully table exactly for each judicial Council and send a copy of the schedule to the Minister of Justice.

* Article 15 /bar table contains titles registered lawyers and their names and the date of their registration and swearing and residence and be organized in order of seniority as President or a former captain of the list also includes lawyers admitted to practice system.

Article 16 / omitted from the table:

1. The lawyer who got his mind keeps it from the actual practice of profession- due to illness or serious and permanent disability-an activity outside the legal profession.

2. The lawyer who receives assignments or function dependency imposed on him in case he can't practice law.

3. A lawyer who does not excuse the duties imposed under the rules of procedure of the Council of lawyers or the practiced his profession for at least six months.

4. The lawyer who became a situation incompatible with the profession and established in the legislation in force.

*Article 17/loses lawyer who has been overlooked for five years seniority rank table and restores this rank to date raised omission, except the lawyer who was summoned to perform tasks for the benefit of the State or to the task.

*Article 18/omission of female lawyer at the table ends with the force of law when the reason for him.

*Article 19 /cannot refuse to join or re-registration or any omission without hearing on it or after being summoned to attend as legal in eight days that never showed up on the terms specified in the first paragraph of this article, the decision is in his presence.

*Article 20 /can be challenged by annulment lawyers Council resolution before the competent regional administrative room.

5. *The role of the counsel in the community*

Original counsel does not accept only defense right here identify Holy creation features strengthen the lives of conscience before the issue of science and literature and knowledge.

Life has been decades ago teemed with industrial and agricultural business and social activities and other different life conditions for natural and moral persons and with the development of methods of this multiple activities throughout the

globe are also evolving laws and regulations according to technological development and high technology in all aspects of contemporary life and this was followed by exponential many complications in labour relations and deal Forcing a system helps to overcome these complexities and help other judicial organs entrusted with the application of the system and its provisions in order to achieve justice.

Hence the importance of law as high profession requires a great deal of responsibility for being a career defending the right.

In all his opponents involves right or wrong or some of whichever whenever yather conflict before the courts where the task of the court hearing the evidence and the evidence of the parties to the dispute, according to all evidence, jaded because it requires precision in terms of classification of documents, evidence and proofs and present witnesses as the judge put it makes it no neutrality in this role (bringing evidence) so he doesn't give up neutrality to preserve the most important corner of the handle (neutrality).

Since the transactions and relationships are complicated by the development of the means and ways of life got complicated disputes and accordingly also popped need individuals and institutions to use their expertise and knowledge of the means of defending the right, this is no longer limited to the testimony of witnesses that are no longer as yesterday comforting even taken out independently of indirect circumstantial evidence surrounding the conflict, and to determine the required evidence and view the documents before the Court is no longer an easy matter as ordinary litigants cannot be done properly without hiring a specialist deftly For this domain, Hence the importance of having a lawyer so the case before the Court in an integrated and clear the judge managed to take in facts it spends in the lawsuit before him reassuringly without illusion.

Overlapping interests and diversity of conflicts have produced difficult complications arose due to the sophistication in science and knowledge evolved accordingly also means and methods for infringement where it is easy to steal or destroy others without constantly offender status as an act of theft or damage which limit the total destruction of the expanded space Internet sites crowded with so many interesting, moreover, regulations and laws and regulations and international conventions in our time on enquiries in the evolution and constant change causes no briefing for expert dedicated to monitoring and continuous study of this field welcome hence the importance of having legal persons with legal knowledge and high culture and sense of sound conscience originate them to understand the system and see with what can applications of counselling a victory for right, confirm the high justice concepts.

Conclusion:

The legal profession of the most prestigious professions in many developed countries and seeking progress and development and the communities that have been able to develop the judicial bodies where counsel no longer is it the person who defends the subjective rights of individuals and people for his own, but his role of defending public rights and control of the application of the Constitution and the laws and provisions.

к 100-летию ННГУ им. Н.И Лобачевского

Помогающие профессии:
научное обоснование и инновационные технологии

Материалы международной
научно-практической конференции
г. Нижний Новгород, 15-16 сентября 2016 г.

Составитель и научный редактор: З.Х. Саралиева

Компьютерная верстка: А.Л. Янак

Подписано в печать 24.11.2016.
Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 50,2
Тираж 500 экз.

Издательство НИСОЦ
603087, г. Н. Новгород, Казанское ш., д.10/1, к.6
Типография Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского,
603000, г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 37.